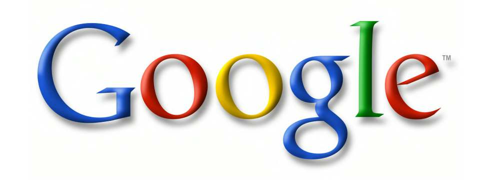


VE
RI
TAS

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ"

предприняла новое изданіе, которое будетъ выходить подъ названіемъ:

„БИБЛІОТЕКА РУССКОЙ МЫСЛИ".

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первыя книжки:

I.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

Повѣсть ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА,

переводъ **В. М. Лаврова,**

II.

КЛЕОПАТРА.

Картинки античной жизни М. Н. РЕМЕЗОВА.

вышли и продаются въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Б. Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Цѣна каждой книжки 40 коп.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія *М. Н. Альбова, К. С. Баранцевича, В. А. Гольцева, М. Конопницкой, М. С. Корелина, В. Косякевича, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Э. Ожешковой, М. Н. Ремезова, К. М. Станюковича, А. Шиманьскаго, А. П. Чехова* и другихъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1896.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ПИКНИКЪ. (Folle-journée).—**Д. В. Григоровича** 1

II. ПОБѢГЪ. Разсказъ. (Изъ далекаго прошлаго). — **К. М. Станюковича** 62

III. КАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ временъ Нерона. **Генриха Сенкевича**. Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 83

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**К. Д. Бальмонта** 107

V. ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ. (Космополитическіе нравы). Романъ **Поля Бурже**. Переводъ съ французскаго **М. Н. Р.** 109

VI. ОТДЫХЪ.—**Е. П. Лѣтковой** 180

VII. БАБУШКА. **Элизы Ожешковой**. Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** 197

VIII. ПО ПОВОДУ ПРЕДСТОЯЩЕЙ РЕФОРМЫ НАШЕГО СУДОУСТРОЙСТВА.— **В. П. Даневскаго** 1

IX. КАКЪ И ЧТО ЧИТАЕТЪ НАРОДЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.— **Л. С. Личкова**. 33

X. ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ, КАКЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ. — **А. Г. Столѣтова**. 47

XI. КАКЪ И НА КАКИХЪ НАЧАЛАХЪ ДОСТИГЛА АНГЛІЯ ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНІЯ СВОЕГО НАСЕЛЕНІЯ.—**А. Н. Миклашевскаго** 69

XII. ПРУССКАЯ ПОДАТНАЯ РЕФОРМА ПО ЗАКОНУ 1893 ГОДА 14 ІЮЛЯ. (Пробная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ).—**Ив. Х. Озерова** 94

XIII. ПАМЯТИ Л. ПАСТЁРА.—**Н. Д. Зелинскаго** 118

XIV. ІУДЕЯ И РИМЪ. (Картины античнаго міра, по Э. Ренану).— **М. Н. Ремезова** 134

Стр.

XV. ПОЭТЪ ГОРЬКОЙ ПРАВДЫ.—**И. И. Иванова** 153

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 183

XVII. КАРТИНКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.—**К. М. Станюковича**. 203

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Покупка земель по новому уставу крестьянскаго банка. — Вліяніе этихъ оборотовъ на дворянскую земельную собственность.—Важное значеніе дворянства, какъ помѣстнаго сословія.—Выгоды, которыя доставитъ новая операція крестьянскаго банка крестьянамъ и частнымъ землевладѣльцамъ.—Всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ.—Изъ хроники народнаго образованія 223

XIX. 1895 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. — **А. В. Гольцева** 243

XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: бенефисъ «вторыхъ» артистовъ драматической труппы; *Темная сила*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. И. В. Шпажинскаго. **Ан.** — Музыкальная хроника. **А. Барсова** 251

XXI. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ «ВѢСТНИКУ ЕВРОПЫ» И «ЖУРНАЛУ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА».—**Ред.** 267

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги**: Беллетристика.—Философія.—Исторія и біографіи.—Этнографія и археологія.—Путешествія.—Искусство.—Политическая экономія и финансы. — Юридическія книги. — Сельское хозяйство. — Пособія, учебники, дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Сѣверный Вѣстникъ», *декабрь*. — «Русское Богатство», *декабрь*.— «Русское Обозрѣніе», *декабрь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1895 г. по 1 января 1896 г.** 1

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 51

ПИКНИКЪ.

(Folle-journée).

„Здѣсь рѣчи нѣтъ о томъ, что принято называть: „большой свѣтъ"; рѣчь идетъ о тѣхъ праздныхъ, дурно направленныхъ лицахъ, существованіе которыхъ опредѣляется словами: жить для себя и веселиться!"

М. Прево.

„Въ городѣ человѣкъ можетъ прожить сто лѣтъ и не хватиться того, что онъ давно умеръ и сгнилъ. Разбираться съ самимъ собою некогда,—все занятъ".

Гр. Л. Толстой.

I.

Въ тотъ годъ масленица въ Петербургѣ началась при неблагопріятныхъ условіяхъ. Неожиданно задулъ южный вѣтеръ, и въ какія-нибудь сутки снѣгъ, державшійся твердо, принялъ видъ грязной холодной сметаны, въ которой мѣстами открывалась мостовая, мѣстами показывались лужи,—словомъ, наступила, какъ говорится: «гнилая погода». Гниль, впрочемъ, идетъ къ Петербургу; она въ близкомъ согласіи съ его низменной, болотною почвой, его сѣрымъ дождливымъ небомъ. Неудобство масленицы заключалось, впрочемъ, не столько въ слякоти и лужахъ,—къ нимъ давно уже привыкли,—сколько въ густомъ туманѣ, буквально потонлявшемъ городъ. Онъ заслонялъ перспективу самыхъ широкихъ улицъ, оставляя отъ домовъ ряды мутныхъ пятенъ вмѣсто оконъ; чѣмъ выше, тѣмъ слабѣе обозначались оконныя пятна и, наконецъ, вовсе пропадали, сливаясь съ туманомъ; въ иныхъ мѣстахъ туманъ, какъ бы придавленный сверху, носился надъ мостовой, волнуясь и разрываясь на клочки при встрѣчѣ съ движеніемъ воздуха на перекресткахъ улицъ. Большія зданія и памятники, стоящіе отдѣльно на площадяхъ и затушеванные отдаленіемъ, принимали фантастическія, сбивчивыя очертанія, приводившія на память ледяныя глыбы полярныхъ морей.

Нижнюю часть Исакіевскаго собора можно было еще различать довольно ясно; но все, что было выше, отъ капителей колоннъ и фронтона, все уходило въ сѣрую мглу, распространявшую въ воздухѣ липкую кислоту и запахъ гàри. Надъ соборомъ и площадью раздавался колокольный трезвонъ, возвѣщавшій конецъ обѣдни; толпа медленно спускалась по вылощеннымъ гранитнымъ ступенямъ паперти, совершенно теперь мокрымъ. Звонари наверху боковой колокольни не могли, конечно, видѣть того, что происходило внизу; они едва различали другъ друга; куда ни обращались ихъ глаза, всюду разстилался безбрежный, однообразный сѣро - молочный просторъ, въ которомъ шумъ носился не на поверхности, какъ въ морѣ, но глухо рокоталъ въ глубинѣ незримыхъ улицъ: слышалось учащенное дребезжанье звонка конки, катившей за соборомъ мимо Александровскаго сада; слышались грохотанье экипажей, звяканье бубенчиковъ на клячахъ чухонцевъ, являющихся въ это время изъ окрестностей города и снующихъ по всѣмъ направленіямъ, какъ растревоженные тараканы.

Плачевное положеніе, которое испытывали звонари собора, приходилось точно также, если еще не хуже, переносить дежурному сторожу на башнѣ городской думы; не считая, что одежда его была увлажена мелкою мокрой пылью (она покрывала его бороду и даже прилипала къ рѣсницамъ), онъ тоскливо и тщетно пучилъ глаза, стараясь разглядѣть столь знакомый ему Невскій Проспектъ; вмѣсто него, изъ конца въ конецъ, сверху и снизу, ходила волнами густая сырая мгла съ мелькавшими въ ней бѣлыми крапинками, которыя, прикасаясь къ лицу, превращались въ воду и щекотали кожу.

Здѣсь точно также, въ глубинѣ, слышались рокотъ конки, дребезжанье звонка, звяканье бубенчиковъ и грохотанье экипажей.

Дальше, къ Царицыну Лугу, къ Лѣтнему саду, задернутому точно кисеей, замѣтному для глаза только у стволовъ нижней части деревьевъ, шумъ усиливался, становился разнообразнѣе. Туманъ не позволялъ различать подробностей въ двадцати шагахъ, но издали можно было догадаться, что тамъ происходитъ, дѣйствительно, что - то праздничное; оттуда, почти безъ перерывовъ, долеталъ то ослабѣвающій, то возрастающій гулъ, какъ бываетъ при большомъ народномъ скопищѣ.

Балагановъ (по крайней мѣрѣ, ихъ верхушекъ) не было видно толпа между ними чернѣла и двигалась, волнуя на пути туманъ, къ которому примѣшивались дымъ отъ самоваровъ и паръ отъ людского дыханья. То съ одного конца, то съ другого проносилис

трубные звуки оркестровъ, игравшихъ въ разладъ, но яростно; имъ вторили неожиданно пушечные выстрѣлы внутри балагановъ.

Вдоль Большой Садовой, мимо Инженернаго зáмка, по Цѣпному мосту, мимо Лѣтняго сада, по Караванной, толпа, шлепавшая по грязи, такъ сгустилась, что положительно трудно было проѣхать каретѣ. Здѣсь точно также всѣхъ тѣснили низенькія чухонскія сани, ломившіяся подъ тяжестью мелкихъ торговцевъ, мѣщанъ, канцелярскихъ сторожей, выѣхавшихъ *поразгуляться* съ дѣтьми, женами и свояченицами.

— Куда лѣзешь, окаянный! Право держи! — кричитъ аристократическій кучеръ, осаживая съ высоты своихъ козелъ храпящую пару рысаковъ. Съ козелъ летитъ однимъ махомъ, какъ амуръ, ливрейный лакей-щеголь; за стекломъ кареты показывается испуганное лицо дамы. Изъ тумана внезапно выдвигается широкій вылощенный крупъ вороной лошади съ сидѣвшимъ на ней жандармомъ; шапка жандарма и его голова до плечъ едва примѣтны въ туманѣ; блеститъ только, звякая сбоку, его сабля и слышится энергическій, хотя хриплый, надорванный, голосъ: «Прочь! Расходись, чего сталъ!» Пользуясь сумятицей, артель мастеровыхъ ломитъ сквозь толпу, расплескивая во всѣ стороны лужу; слѣдомъ за нею ухитряется юркнуть косой, какъ заяцъ, рябой, какъ вафля, громадный бородастый мужиченко, придерживающій веревочку съ привязанными къ ней цвѣтными дутыми шарами, судорожно прыгающими въ воздухѣ.

— Куда, ку-да-а! —кричитъ опять жандармъ, круто вертя лошадью. Сабля его звенитъ теперь по направленію къ Инженерному зáмку. Что тамъ происходитъ,—разобрать невозможно; жандармъ продирается на слухъ, руководясь женскимъ визгомъ, бранью и свистомъ.

И все это снова перемѣшивается съ дребезжащею музыкой духовыхъ инструментовъ, хорами пѣсельниковъ, выстрѣлами внутри балагановъ, криками торгашей, переливами кларнета подзадоривающими плясуновъ на подмосткахъ, взрывами смѣха передъ косымъ, наскоро размалеваннымъ балкономъ съ появившимся на немъ балаг...ромъ *дѣдомъ*, обсыпаннымъ мукой.

Городовые и околоточные совсѣмъ теряютъ голову, но выказываютъ, тѣмъ не менѣе, знаки истиннаго мужества; ихъ свистки раздаются то и дѣло въ разныхъ концахъ; не успѣютъ броситься на призывный свистъ, какъ уже съ противоположной стороны слышится неистовый крикъ: «Городовой! Городовой!»

— Пошелъ! Пошелъ!—голосятъ въ запуски трое грузно си-

дящихъ въ саняхъ подгулявшихъ сѣдоковъ въ грязныхъ фуражкахъ, но съ кокардой,—пошелъ!—повторяютъ они, тыкая кулакомъ въ сгорбленную спину старенькаго извозчика.

— Батюшки, помилуйте... видите: камень одинъ, снѣгу нѣтъ... васъ трое... лошаденка маленькая... не подъ силу... совсѣмъ замучили...

— Городовой! Городовой!

— Чего угодно?

— Записать номеръ... извозчикъ нагрубилъ!

Городовой записываетъ номеръ и суетливо бѣжитъ въ другую сторону; сѣдоки, между тѣмъ, спѣшно вылѣзаютъ изъ саней и, не заплативъ, пропадаютъ въ толпѣ.

Къ туману на улицахъ присоединяется еще изрядная доля тумана въ головахъ почти половины столичнаго населенія; запахъ сивухи чувствительно носится посреди запаха гари. Мрачные пьяницы въ-одиночку, веселые, обнявшись и распѣвая пѣсни, попадаются сплошь и рядомъ.

Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ преобладаетъ простонародье и мастеровые, кабаки переполнены. Въ Горсткиной улицѣ, что выходитъ однимъ концомъ на Сѣнную, другимъ на Фонтанку, вдоль мясныхъ и мучныхъ лавокъ тѣснятся подводы, обитыя внутри жестью, снаружи выкрашенныя въ бурую красную краску, чтобы не видно было крови; лошади, когда - то крѣпкія, здоровыя, стоятъ теперь съ подогнутыми передними ногами, подтянутыми костлявыми боками, взбудораженной, никогда не чищенной шерстью и тяжко, сипло дышатъ, пуская изъ ноздрей паръ, соединяющійся съ туманомъ, и безъ того наполняющимъ улицу; подлѣ нихъ топчутся люди въ грязныхъ овчинахъ, мѣстами лопнувшихъ по швамъ на спинѣ и плечахъ; косматые волосы лѣзутъ изъ-подъ дырявыхъ шапокъ; сурово также ихъ обращенье съ лошадьми; они равняютъ ихъ кнутовищемъ по мордѣ или носкомъ сапога подъ брюхо. На подводахъ, изъ-подъ мокрыхъ, обдерганныхъ рогожъ высовываются кровавыя туши быковъ, барановъ, телятъ и свиней съ отсѣченными головами, съ безобразно зіяющими выпотрошенными животами, изъ которыхъ торчатъ и свѣшиваются клочки растерзаннаго, окровавленнаго желтоватаго жира; мясо и жиръ не успѣли еще остыть на зарѣ часа три тому назадъ ихъ одушевляла еще жизнь, тепла кровь свободно обращалась въ тѣлѣ животныхъ и согрѣвала ихъ,—та самая кровь, остатокъ которой просачивается теперь сквозь жестяные плохо сколоченные листья, и смѣшивается съ протоптанною грязью.

Въ дальной сторонѣ Горсткиной улицы, къ Фонтанкѣ, туману больше простора: онъ здѣсь не такъ густъ; можно различать противоположную набережную рѣчки, успѣвшую покрыться водой. Дощатые павильоны для любителей-конькобѣжцевъ, безъ того косо и наскоро построенные и наскоро, съ плеча, размалеванные, совсѣмъ теперь перекосились и жалкими сиротами смотрятся въ холодную водяную гладь. Спиною къ чугунной мокрой рѣшеткѣ, на мостовой, тянутся двѣ длинныя шеренги оборванцевъ, ожидающихъ очереди попасть въ даровую народную столовую, охраняемую двумя городовыми. Тоска и лихорадочное ожиданіе на всѣхъ лицахъ. У многихъ въ головѣ также туманъ отъ водки, хваченной на-тощакъ; у большинства, однако-жъ, голова и зрѣніе отуманены суточнымъ голодомъ,—кромѣ уличнаго кислаго тумана въ ихъ желудокъ пока еще ничего не проникало. У одного изъ нихъ остатокъ башмака на лѣвой ногѣ, а правая такъ, безо всего, хляскаетъ въ таломъ снѣгу по щиколотку; у другого, совсѣмъ сѣдого и скорченнаго, вмѣсто шапки—цилиндръ приплюснутый и безъ верху; у третьяго, сверхъ дырявой рубашки, жиденькое лѣтнее пальто безъ пуговицъ, прихваченное у пояса бичевкой и открывающее голую вдавленную грудь, надрывающуюся отъ хриплаго кашля. Хотя на дворѣ оттепель, всѣ почти дрожатъ, ежатся, топчутся ногами въ порыжѣвшемъ снѣгу.

Въ послѣднемъ, конечно, главнымъ образомъ виноватъ туманъ; но тутъ уже ничѣмъ не поможешь: туманъ—тотъ же воздухъ, ему вездѣ ходъ. Не только городовые или околоточные, но никакая въ мірѣ власть не въ состояніи остановить его, запретить ему двигаться. Хорошо уже то, по крайней мѣрѣ, что, при безграничной независимости, онъ не злоупотребляетъ ею, показываетъ даже рѣдкій примѣръ безпристрастія. Онъ не признаетъ разницы между людьми, не признаетъ ея даже между людьми, животными и неодушевленными предметами. Важный государственный мужъ, его кучеръ, лошади и карета, голодный нищій, протягивающій руку на паперти кладбищенской церкви, Невскій Проспектъ и Щербаковъ переулокъ, убогій шалашъ огородника въ дальней части Выборгской стороны, памятникъ знаменитаго гражданина, изящное архитектурное зданіе,—туманъ ни для кого не дѣлаетъ исключенія, никому не потворствуетъ: съ одинаковымъ холоднымъ равнодушіемъ, онъ безразлично всѣхъ окутываетъ своимъ влажнымъ сѣро-молочнымъ покровомъ. Вонъ онъ, смотрите-ка, смотрите, какъ безцеремонно стелется по фасаду великолѣпнаго барскаго дома, заслоняя собою зеркальныя окна его бель-этажа. Домъ этотъ, между тѣмъ... не лучше ли перейти здѣсь къ слѣдующей главѣ.

II.

Въ комнатахъ второго этажа этого дома, свѣтъ, благодаря туману, ничѣмъ почти не отличался отъ сумерекъ, несмотря на десятый часъ утра. Въ одной изъ комнатъ, имѣющей назначенiе спальной, недостатокъ свѣта усиливался еще тѣмъ, что нижняя часть оконъ задергивалась синей тафтой, а стѣны были обиты темнымъ кретономъ съ птицами и китайскими сценами.

Въ спальной находились два человѣка: одинъ моложавый, но съ лицомъ тощаго, болѣзненнаго вида, спалъ въ широкой постели, прикрытый до головы шелковымъ стеганымъ одѣяломъ; другой, рослый, крѣпкаго сложенія, остриженный подъ гребенку, съ жирнымъ, въ лоскъ выбритымъ, подбородкомъ, кругливщимся между длинными посѣдѣвшими бакенами, стоялъ у изголовья постели, тщетно стараясь привести перваго къ сознанію.

— Ваше сіят-ство, извольте вставать.

— М... мм...

Не открывая рта, однимъ носомъ, князь издаетъ слабый звукъ и переваливается на другой бокъ, спиной къ камердинеру.

— Вставайте, ваше сіят-ство, — повторяетъ камердинеръ, — одиннадцатый часъ.

— Один-надцатый... Гм... Оставь... еще немножко... м... мм...

Носовой тоскливый звукъ замеръ; князь снова заснулъ.

Камердинеру совершенно все равно, спитъ ли баринъ или бодрствуетъ. Онъ не вошелъ бы даже въ спальную, еслибы самъ князь, вернувшись сегодня домой въ шестомъ часу утра, не потребовалъ настоятельно, чтобъ его подняли съ постели непремѣнно въ половинѣ одиннадцатаго.

Невозмутимое равнодушіе ко всему, что не касалось личныхъ интересовъ, было преобладающею чертой въ характерѣ камердинера и, съ этой стороны, замѣчательно приравнивало его къ лицамъ, стоящимъ выше его на ступенькахъ общественной лѣстницы; интересы, какъ водится, становились ему дороже, по мѣрѣ того, какъ возрастало его благосостояніе. Оно основывалось на щедротахъ барина, но, главнымъ образомъ, на его разсѣянности и довѣріи къ слугѣ, и надо сказать, слуга умѣренно имъ пользовался, если взять въ разсчетъ, что имъ управляло не столько внутреннее побужденіе, сколько умъ и практическій смыслъ, пріобрѣтенный опытомъ. Мало-по-малу къ Ильѣ (такъ звали камердинера) перешли въ руки все хозяйственное управленіе домомъ; ему предоставлялся наемъ остальной прислуги, возня съ кучерами, каретниками, сѣнниками, полотерами и проч.

Послѣ того, какъ онъ доказалъ князю и княгинѣ систематическое обкрадыванье стараго буфетчика, къ нему перешло также завѣдываніе буфетомъ. Князь, часто повторявшій, что безъ Ильи онъ какъ безъ правой руки, потребовалъ только, чтобъ онъ оставался при немъ по-прежнему въ должности камердинера,—должности, особенно цѣнимой Ильей. Заботливость его была тѣмъ драгоцѣнна, что она избавляла князя отъ скучныхъ мелочей его личной обстановки.

— Ваше сіятельство, нужно будетъ заказать рубашекъ.

— Какихъ рубашекъ?—разсѣянно спрашивалъ князь.

— Денныхъ и также ночныхъ; тѣ, которыя вы два года тому назадъ изволили заказывать въ Парижѣ, начали обнашиваться.

— Ну такъ что-жъ? Сходи и закажи сколько тамъ нужно.

Новыя рубашки заказывались, князь въ разсѣянности забывалъ спросить о старыхъ. Такъ было съ постельнымъ бѣльемъ, съ платьями и другими принадлежностями туалета.

Результатомъ разсѣянности съ одной стороны и практичности съ другой было то, что десять лѣтъ спустя послѣ поступленія къ князю, Илья, выдавая единственную дочь замужъ за акцизнаго чиновника, могъ наградить ее хорошимъ приданымъ, отдѣлалъ ей квартиру съ красивою и прочною мебелью, роялемъ, зеркалами, снабдилъ молодыхъ серебромъ и фарфоромъ. Тамъ, въ свободное время, проводилъ онъ вечеръ, вкушая сладость мирнаго семейнаго очага. Свободныхъ этихъ часовъ насчитывалось, къ сожалѣнію, весьма немного.

Не было въ Петербургѣ вечера, бала, раута, гдѣ бы Илья не игралъ первенствующей роли въ качествѣ старшаго официанта; лучше его никто не умѣлъ управлять толпой лакеевъ, наблюдать за порядкомъ, когда кончались танцы и наступало время разносить подносы съ чаемъ и мороженымъ. За буфетомъ онъ положительно доходилъ до геніальности. Ему принадлежитъ правило, которымъ впослѣдствіи многіе стали пользоваться.

— Шампанское наливай съ разборомъ, — внушалъ онъ людямъ, приставленнымъ въ буфетѣ къ вину,—одному наливай какъ [о]лько спроситъ, другому скажи: сейчасъ—и отойди, покажи видъ, [ка]къ будто пошелъ за бутылкой; гость постоитъ, постоитъ, спро[с]итъ лимонаду и отойдетъ; смотришь, къ концу дюжина шампанскаго на-лицо!

И все это дѣлалось у него спокойно, безъ лакейской суетливо[с]ти, свойственной обыкновеннымъ слугамъ; движенія его были [пл]авны, голосъ никогда не возвышался, вся сила управленія за-

ключалась въ сѣрыхъ соколиныхъ глазахъ, отъ быстроты которыхъ ничего не ускользало. Къ такимъ качествамъ присоединялъ онъ замѣчательную представительную наружность, весьма цѣнимую хозяевами дома, желавшими, чтобы на ихъ вечерѣ или балѣ все рѣшительно отмѣчалось печатью декоративности и высшаго тона. Не присутствуй Илья на этихъ празднествахъ въ короткихъ штанахъ, черныхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, его легко можно было принять за лорда, члена парламента, посланника,— такъ много было достоинства, благородства, въ спокойныхъ чертахъ его полнаго лица. Илья хорошо былъ знакомъ всему петербургскому большому свѣту; онъ, можно сказать, былъ въ немъ популярнѣе многихъ сановниковъ, тщетно добивающихся сдѣлаться въ немъ сколько-нибудь замѣтными.

III.

Князь, лежавшій на спинѣ, продолжалъ спать. Изъ пуховыхъ подушекъ, прижатыхъ его затылкомъ, выставлялось блѣдно-худощавое лицо почти дѣтскаго очертанія; густой коричневый обводъ вокругъ закрытыхъ вѣкъ, увеличивая глубину глазныхъ впадинъ, придавалъ лицу мертвенный видъ. Жизнь обозначалась лишь тѣмъ, что, время отъ времени, приподымалась слегка то одна бровь, то другая. Князю Можайскому могло быть лѣтъ тридцать пять, тридцать восемь, никакъ не больше; но уже во всю длину его нѣсколько приплюснутаго и какъ бы помятаго черепа проходила широкая глянцевитая лысина; растительная сила волосъ показывалась только, и то слабо, на вискахъ, жиденькомъ сквозномъ пушкѣ на подбородкѣ и усахъ, изъ которыхъ правый усъ сохранялъ еще вчерашнюю завивку, тогда какъ лѣвый безсильно свѣшивался къ губамъ, отчего всей лѣвой половинѣ лица сообщалось тоскливое выраженіе.

Домашній докторъ былъ убѣжденъ, что разслабленность князя происходила отъ малокровія и общей расшатанности организма, но, вѣрнѣе, разслабленность происходила отъ преждевременнаго переутомленія и безъ того слабой физической силы, доказательствомъ чему служили мелкія морщинки на убѣгающемъ, какъ бы срѣзанномъ, лбу, сухая, какъ пергаментъ, кожа на вискахъ и переносицѣ.

Шестнадцати лѣтъ князь лишился въ одинъ годъ отца и матери, перешелъ въ руки къ дядѣ-опекуну, который, не зная, что съ нимъ дѣлать наканунѣ отъѣзда въ Парижъ, взялъ его съ собой, передалъ его на попеченіе встрѣчному гувернеру, а самъ уѣхалъ въ

Ниццу; проигравшись въ пухъ въ Монте-Карло, дядя спрятался въ одну изъ своихъ деревень, гдѣ вскорѣ скончался. Спустя три года, новый опекунъ вернулъ юношу въ Петербургъ и опредѣлилъ его въ гвардію. Онъ тамъ оставался не долго. Болѣзненное состояніе, не позволявшее продолжать службу, не помѣшало ему жениться на дѣвушкѣ знатной, но обѣднѣвшей фамиліи, весьма близкой къ помѣшательству отъ желанія скорѣе выдать дочь замужъ и устроить ей выгодную партію. Правильнѣе сказать, князя скорѣе женили, чѣмъ самъ онъ этого требовалъ; все это сдѣлалось такъ ловко и быстро, что опомнился онъ тогда лишь, когда очутился женатымъ.

Домашній докторъ ежегодно совѣтовалъ князю поѣздку въ По и лѣченіе козьимъ молокомъ для возстановленія силъ. Князь ѣхалъ, но на пути встрѣчался Парижъ, и князь, не имѣвшій силы противодѣйствовать желанію жены, засиживался въ немъ больше, чѣмъ слѣдовало. Самъ по себѣ, онъ былъ и по болѣзненному складу, и по темпераменту человѣкъ самаго мирнаго характера. Природа, очевидно, пыталась сдѣлать изъ него что-то хорошее, но у нея какъ будто вдругъ не достало матеріала, и она оставила свой трудъ недоконченнымъ. Распущенное воспитаніе, разлагающее вліяніе наслѣдствниннаго богатства и праздность, помѣшали установиться въ немъ умственному и душевному равновѣсію. Въ придачу къ этому, вмѣстѣ съ большимъ, хотя разстроеннымъ состояніемъ, онъ унаслѣдовалъ отъ предковъ,—князей Можайскихъ,—зародышъ рокового выроженья, страдалъ разными недугами, въ томъ числѣ падучею болѣзнью, державшей его постоянно въ страхѣ и располагавшей къ меланхоліи.

Болѣе двѣнадцати лѣтъ собирался онъ провести лѣто въ одномъ изъ своихъ помѣстій съ большимъ барскимъ домомъ, построеннымъ дѣдомъ при Екатеринѣ II; князь провелъ въ немъ первый мѣсяцъ послѣ своей женитьбы; но съ первыхъ же дней княгиня возненавидѣла деревню. Не было никакой возможности возвратить ее къ другимъ чувствамъ; ее старались соблазнить здоровымъ воздухомъ, возстановляющимъ разслабленные нервы и возвращающимъ свѣжесть лицу; соблазняли чуднымъ видомъ на Волгу; выставляли передъ ней экономическія соображенія, — она ничего не хотѣла ушать.

Княгиня Можайская, надо сказать, принадлежала къ числу акъ называемыхъ безпокойныхъ, неугомонныхъ натуръ. Родилась на въ Ниццѣ и выросла въ Парижѣ; она считала его настоящею воею родиной. Петербургъ, по ея мнѣнію, былъ послѣ Парижа, инственнымъ городомъ, въ которомъ можно было еще съ грѣхомъ

пополамъ провести зимніе мѣсяцы. Когда въ ея присутствіи произносили случайно названія другихъ русскихъ городовъ, лицо ея принимало выраженіе испуга; она утверждала, что города эти существуютъ для тѣхъ, кто замышляетъ повѣситься отъ скуки. Этимъ ограничивался ея взглядъ на Россію. Съ наступленіемъ весны она готовилась уже къ отъѣзду.

— *Mais ma chère!*—начиналъ князь.

— *Assez, assez!* — рѣзко возражала княгиня, не терпѣвшая противорѣчій, особенно со стороны мужа.—Ѣхать необходимо. Вчера еще говорилъ докторъ... Онъ недоволенъ твоимъ сердцемъ и совѣтуетъ переговорить съ Шаркô; тебѣ, ты знаешь, приказано ѣхать въ По пить козье молоко...—продолжала она, постепенно оживляясь при мысли скоро увидѣть дорогія Елисейскія поля, Булонскій лѣсъ, съ его озеромъ, каскадомъ, аллеей изъ акацій, встрѣтить своихъ парижскихъ знакомыхъ, заглянуть къ Ворту и т. д.

Князь зналъ очень хорошо, чѣмъ пахнетъ это козье молоко, но, лишенный отъ природы воли и энергіи настолько, насколько много было того и другого у княгини, покорялся безъ дальнихъ протестовъ. Возвращаясь во второй этажъ на свою половину, онъ ограничивался тѣмъ, что топалъ ногами, какъ разсерженное дитя, и на ходу повторялъ нѣсколько разъ кряду: «Это, однако-жъ, чортъ знаетъ что такое!»...—фразу, замѣнявшую ему всѣ способы выражать свое неудовольствіе.

Денежный вопросъ никогда не могъ быть препятствіемъ къ отъѣзду. Когда въ конторѣ не оказывалось надлежащей суммы, недостающая часть пополнялась обыкновенно займомъ.

Здѣсь кстати замѣтить, какимъ образомъ и кѣмъ управлялись многочисленныя имѣнія князя Можайскаго. Для этого достаточно одного экземпляра и слѣдующаго эпизода: небогатый помѣщикъ, пріѣхавъ въ губернскій городъ во время ярмарки, прогуливался съ женой и дѣтьми; они вышли на площадь; за холщевыми стѣнами временно устроеннаго цирка громко играла музыка. Желая сдѣлать удовольствіе дѣтямъ, помѣщикъ поспѣшилъ приблизитьсь къ кассѣ. «Билеты всѣ до одного проданы!»—отвѣтилъ кассиръ.—«Неужели? Намъ бы всего четыре билетика... Мы потѣснимся»,—проговорилъ помѣщикъ, видя, что лица дѣтей вытянулись.—«Тѣсниться было бы не для чего: циркъ совсѣмъ пустой».—«Какъ такъ?»—«Да такъ, главный управляющій князя Можайскаго пришелъ съ пріятелями, взялъ всѣ билеты, велѣлъ запереть циркъ и приказалъ играть... Они такъ не въ первый разъ!»...

Управляющій этотъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника и чрезвычай

но общительный человѣкъ, постоянно почти проживалъ въ губернскомъ городѣ. Его рысаками, сбруей и легкою коляской, которую онъ добродушно называлъ: «Моя игрушечка», всѣ рѣшительно любовались, кромѣ правителя канцеляріи губернатора, смотрѣвшаго на эти предметы съ полною завистью. Справедливо считаясь дамскимъ угодникомъ, надворный совѣтникъ не пропускалъ дня рожденья и именинъ безъ того, чтобы не поднести дамѣ великолѣпнаго букета, иногда, для разнообразія, корзину съ фруктами. Въ мѣстномъ клубѣ его считали самымъ пріятнымъ игрокомъ, не только не терявшимъ веселаго расположенія духа, когда проигрывалъ, но часто даже, по этому случаю, угощавшаго шампанскимъ. Онъ пользовался въ городѣ большею популярностью и былъ любимъ рѣшительно всѣми. Въ одномъ развѣ его упрекали: слишкомъ ужъ былъ строгъ и взыскателенъ съ бурмистрами и конторщиками.

Каждый годъ, къ Рождеству, надворный совѣтникъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и подносилъ князю толстую тетрадь годового отчета, изложеннаго каллиграфическимъ почеркомъ. Князь запирался въ кабинетѣ, никого не велѣлъ пускать и напряженно углублялся въ чтеніе отчета; изобиліе разнаго рода подраздѣленій, рубрикъ, параграфовъ, выносокъ, поминутно сбивало его съ толку; цифры особенно его путали; онъ начиналъ снова, путался еще хуже и, наконецъ, утомясь и обезсиливъ окончательно, отсылалъ отчетъ въ свою городскую контору.

Представляясь княгинѣ, надворный совѣтникъ, завитой и надушенный, почтительно подносилъ ей большой липовый ящикъ съ медовымъ сотомъ, вывезеннымъ имъ прямо изъ села Красный-Боръ, но, на самомъ дѣлѣ, купленнымъ наканунѣ у Елисѣева.

Когда рѣчь шла о надворномъ совѣтникѣ при княгинѣ, она всегда такъ о немъ отзывалась: «*Surabondance de patchouli, mais au fond, d'assez bonnes manières pour un savant-agronome*»...

IV.

— Вставайте, ваше-сіятство! —повторялъ камердинеръ, наклонясь къ изголовью кровати.

Онъ готовился прикоснуться къ ногамъ спавшаго барина, когда за дверью послышались три сдержанные удара. Въ пріотворенной двери показался ливрейный лакей, державшій небольшой серебряный подносъ съ бѣлѣвшей на немъ сложенной бумажкой. Принявъ подносъ и притворивъ дверь, Илья вернулся къ постели и значительно возвысивъ голосъ проговорилъ:

— Вставайте, ваше-сіят-ство, записка отъ княгини.

— Мм... Какъ?... Что?...

— Записка снизу отъ ея сіятельства...—повторилъ Илья.

Князь задвигался подъ одѣяломъ и мутными, прищуренными глазами началъ обводить комнату.

Илья тѣмъ временемъ взялъ со стола очки, безъ которыхъ князь, по слабости зрѣнія, не могъ обходиться, и подалъ ихъ вмѣстѣ съ подносомъ и запиской.

Приподнявшись на локтѣ, князь прочелъ сквозь очки: — «я и Ольга одѣты; пьемъ чай; готовъ ли ты?»

— Ахъ, Боже мой... я совсѣмъ забылъ... Это чортъ знаетъ что такое!... который часъ?

— Скоро одиннадцать.

— Что-жъ ты меня не разбудилъ? Я приказывалъ въ десять часовъ.

— Бужу васъ больше часу.

— Отчего такъ темно?

— Туманъ, ваше-сіятство.

— Скверно.

— Хуже быть нельзя; въ десяти шагахъ не видно, подтвердилъ Илья, подавая стеганый халатъ и придвигая туфли.

Князь отбросилъ одѣяло и свѣсилъ тонкія, блѣдные ноги,—совсѣмъ палочки; икръ почти не было; дюжина такихъ икръ свободно могли бы помѣститься въ одной икрѣ Ильи.

Съ суетливой озабоченностью князь прошелъ въ уборную,—обширную комнату, обитую также ситцемъ, уставленную мягкою мебелью по темному мшистому ковру. Въ каминѣ пылалъ огонь; подлѣ камина нѣсколько этажерокъ, и полки по стѣнамъ были переполнены множествомъ бездѣлушекъ, фигурокъ и бюстиковъ изъ фарфора, бронзы и обожженой глины; такими же предметами заставленъ былъ подоконникъ большого итальянскаго окна, освѣщавшаго уборную. Передъ окномъ, на длинномъ столѣ, покрытомъ старинною тканью, выставлялась цѣлая коллекція флаконовъ разныхъ формъ и цвѣта съ духами и другими косметическими принадлежностями, распространявшими въ уборной сгущенный запахъ кольдкрема, аѳинской воды, зубного полосканья; по обѣимъ сторонамъ туалетнаго зеркала въ серебряной оправѣ съ княжеской короной на верхушкѣ, между хрустальными гранеными сосудами и коробочками съ серебряною крышкой, украшенной рельефнымъ вензелемъ и короной, красовался цѣлый подборъ головныхъ щетокъ съ наколотыми въ нихъ гребешками,—также съ гербомъ и вензе

лемъ,—подпилки для ногтей, щипчики, ножницы разной величины, ручныя зеркальца подложенныя слоновой костью, пальмой, черепахой,—и, ближе къ зеркалу, чаша изъ агата, наполненная рубашечными пуговками и колечками съ разноцвѣтными драгоцѣнными каменьями.

— Умываться! Скорѣй!—суетясь говорилъ князь, сбрасывая халатъ и оставшись въ ночной рубашкѣ, доходившей до пятокъ.

Пока онъ умывался, дверь въ спальную снова отворилась. Вошелъ лакей во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, придерживая большой подносъ, уставленный чайнымъ приборомъ; поставивъ его бережно, безъ шума, на столъ, лакей почтительно удалился на цыпочкахъ.

Умывальная церемонія продолжалась не долго,—князь очевидно торопился; онъ не могъ, однако-жъ, отказаться отъ привычки освободить себя совершенно отъ бѣлья и дать Ильѣ обсыпать себя съ головы до ногъ изъ пульверизатора пылью одеколона.

— Ваше-сіят-ство, управляющій изъ Спасскаго пріѣхалъ,— доложилъ Илья.

— Что онъ?

— Желаетъ васъ видѣть.

— Ахъ Боже мой, ни минуты покоя! Ты знаешь, пока я не выпью чаю, я рѣшительно не могу никакимъ дѣломъ заниматься... Не могу! Не могу!... Что ему надо?—добавилъ онъ досадливо.

— Насчетъ продажи лѣса въ Спасскомъ.

— Завтра! Завтра! Скажи ему: завтра... Пока чаю не выпилъ, ничего... ничего не могу.

— Чай готовъ, — проговорилъ Илья, провожая барина въ спальную.

Но прежде, чѣмъ приступить къ чаю, князь мимоходомъ подошелъ къ туалетному зеркалу и сѣлъ въ кресло. Казалось, онъ не совсѣмъ остался доволенъ своимъ лицомъ,—и былъ правъ: особенно любоваться въ самомъ дѣлѣ было нечѣмъ; одинъ носъ развѣ могъ удовлетворить его владѣльца относительной свѣжестью и несоразмѣрной своей величиной. Будь князь больше тщеславенъ, меньше легкомысленъ и простодушенъ, онъ могъ бы даже гордиться этимъ украшеніемъ своей наружности. Точно такимъ же носомъ личался при императрицѣ Екатеринѣ II его прадѣдъ—родоначальникъ фамиліи, и съ тѣхъ поръ безошибочно повторялся, переходя изъ рода въ родъ вотъ уже четвертое поколѣніе, служа, такимъ образомъ, самымъ характернымъ признакомъ князей Можайскихъ.

Но даже и самый носъ не произвелъ, повидимому, на князя бодрящаго дѣйствія.

Не успѣлъ онъ отхлебнуть чаю, какъ снова постучали три раза въ дверь.

— Кто тамъ?

Вошелъ лакей.

— Княгиня приказала спросить: готовы ли вы, ваше-сіятство...

— Скажи: одѣваюсь!—нетерпѣливо отвѣчалъ князь,—это, однакожъ, чортъ знаетъ что такое? Ни минуты покоя! Ни минуты... Одѣваться!—заключилъ онъ, подымаясь.

Но, какъ разъ, въ самую эту минуту опять послышались легкіе удары въ дверь.

— Никого не принимаю!—произнесъ князь, окончательно выведенный изъ терпѣнья.

— Ваше-сіятство. Жозефъ!—доложилъ Илья.

Прежде чѣмъ князь успѣлъ дать отвѣтъ, въ спальную вошелъ, вѣрнѣе—впорхнулъ, коротенькой, круглый человѣкъ съ лицомъ гладко выбритымъ, какъ у актера и сіяющимъ веселостью; быстрота его движеній была неуловима, точно его со всѣхъ сторонъ кололи булавками. Онъ придерживалъ обѣими руками большой картонный коробъ. Бережно поставивъ его на первый стулъ подлѣ двери, онъ раскланялся съ развязностью близкаго знакомаго.

— *Mon prince...*

— *Bonjour Joseph!*—встрѣтилъ его князь, но въ ту же минуту прибавилъ съ озабоченнымъ видомъ:—предупреждаю: тороплюсь; двѣ минуты, не больше! *Faites vite.*

— Совершенно достаточно, чтобы васъ привести въ порядокъ, причесать и освѣжить кончики волосъ,—*rafraichir les pointes*... возразилъ Жозефъ, быстро засучивая рукава фрака, между тѣмъ какъ князь снова усаживался передъ туалетнымъ зеркаломъ.

Какъ уже сказано, вся средняя часть головы была у князя совершенно гладкая, на подобіе фарфороваго чайника; тѣмъ не менѣе, куаферъ, получавшій годовое жалованье, обязанъ былъ являться каждое утро не столько чтобы причесывать и *освѣжать* слабую растительность, оставленную щедрою природой на вискахъ, усахъ и бородкѣ, сколько для развлеченія разсказами и анекдотами, вычитанными наканунѣ въ *Жиль-Блазѣ*—любимой газетѣ Жозефа. Игривая его сообщительность служила ему весьма удобнымъ проводникомъ для его коммерческихъ операцій. Какъ только въ Парижѣ появилась новость:—*une nouvelle création* по части косметиковъ и предметовъ мужскаго туалета, Жозефъ, недѣлю спустя, являлся съ ними къ князю и другимъ своимъ кліентамъ.

(У княгини былъ свой поставщикъ.) Всѣ эти: *одонтины*, *иксора*, *опопонаксы*, *бандолины*, *мажикъ-фасіаль*, *патъ де прела* и т. д., изобрѣтенія столь необходимыя для улучшенія денежныхъ средствъ изобрѣтателей, но вовсе не нужныя князю, покупались имъ единственно потому, что легче было приказать заплатить годичный счетъ Жозефа, чѣмъ стѣснять себя отказомъ веселому иностранцу.

Такъ было и теперь. Освѣживъ брильянтиной кончики усовъ и бороду у князя, Жозефъ однимъ прыжкомъ ухватилъ со стула коробъ и, открывъ его на пути, поставилъ на другой стулъ противъ колѣнъ князя.

— *Quelle pacotille*... Хламъ, хламъ?

— *Oh, mon prince*...

— Пакотилья...хламъ... повторялъ князь, откладывая въ сторону связку бѣлыхъ галстуховъ,—пакотилья,—продолжалъ онъ, присоединяя къ галстухамъ дюжину батистовыхъ платковъ... Все пакотилья!...

— *Oh, mon prince!*... А это?... *Voila* pourtant un joli *petit biblot*...—проговорилъ Жозефъ, бережно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ быстротой фокусника развертывая изъ китайской бумаги фарфоровую куколку, представляющую женщину, отыскивающую блоху въ рубашкѣ:—*une petite femme qui cherche sa petite puce. C'est drôle!*...

— *Drôle*... гм!—усмѣхнулся князь, небрежно ставя куклу на уголъ стола.—*En bien, adieu!*... *A demain!*... Ни минуты больше...—добавилъ онъ, торопливо вставая, между тѣмъ какъ Жозефъ, подхвативъ коробъ, пріятно улыбаясь и расшаркиваясь, отступалъ къ двери.

— Портной дожидается; прикажете принять?—спросилъ Илья.

— Къ чорту!—нетерпѣливо возразилъ князь.

— Вы приказали также явиться каретнику...

— Къ чорту. Къ чорту!—окончательно раздражаясь, крикнулъ князь,—одѣваться! Ботинки скорѣй,—заключилъ онъ, опускаясь въ кресло и протягивая ногу.

— Надоѣдаютъ они, конечно, ваше - сіятство, но всякій свой интересъ соблюдаетъ,—проговорилъ Илья, колѣнопреклоненно застегивая пуговицы на ботинкахъ.

Ему было извѣстно, что два дня тому назадъ полученъ былъ съ почты конвертъ изъ Саратова, заключавшій въ себѣ восемь тысячъ; онъ зналъ также, что если пропустить такой случай, придется на время снова отложить текущіе счета.

— Вотъ также, ваше-сіятство, подхватилъ онъ,—сѣнникъ очень пристаетъ.

— Какой сѣнникъ?

— Который сѣно для лошадей поставляетъ. Я вчера еще вамъ докладывалъ, но вы изволили быть заняты. Ему слѣдуетъ за три мѣсяца. Требуется также уплата полотерамъ и жалованье людямъ за мѣсяцъ.

— Ахъ, какъ все это скучно! Сколько же имъ нужно?

— По разсчету.

— Разсчетъ самъ по себѣ,—но денегъ, денегъ сколько надо?

— Вдругъ не могу сказать; сколько выйдетъ; но уплатить непремѣнно надо.

— И ты хорошъ. Не можешь сказать, чтобъ они подождали.

— Просилъ, ваше-сіятство, но теперь масленица: говорятъ: крайняя нужда.

— Ахъ, какъ все это скучно! Скучно!—сказалъ князь, вставая. Онъ направился къ большому шкафу и, отворивъ его особымъ ключомъ, хранившимся въ столѣ, выдвинулъ узенькій ящикъ. Послышался сухой шелестъ перелистываемыхъ бумажекъ. Князь торопился; въ нетерпѣніи своемъ онъ вѣроятно, какъ всегда, путался въ цыфрахъ,—вмѣсто одной бумажки захватывалъ лишнія и принимался снова считать; наконецъ, это ему надоѣло; онъ выхватилъ пачку и, подавая ее цѣликомъ Ильѣ, ворчливо проговорилъ:

— Возьми разсчитай ихъ! Уплатишь также счетъ Жозефу.

— Слушаю, ваше-сіятство.

— Ступай, ты мнѣ больше не нуженъ; я и безъ того тебя задержалъ.

— Ничего, ваше-сіятство, я еще вчера вечеромъ ѣздилъ въ зимній садъ господина Пузырева и распорядился насчетъ сегодняшняго завтрака; сегодня утромъ послалъ туда буфетчика Никанора; не извольте безпокоиться,—все будетъ готово.

— Хорошо; ступай...

Послышался новый стукъ въ дверь.

— Кто тамъ еще?...

Илья пріотворилъ дверь и доложилъ:

— Господинъ Муратовъ...

V.

Лицо князя не выразило на этотъ разъ досады; появилось даже что-то похожее на улыбку.

— Вотъ и я!—бойко сказалъ вошедшій, бросая на столъ мѣховую боярскую шапку.

Муратовъ вполнѣ отвѣчалъ репутаціи красиваго мужчины и щеголя. Рослый, широкоплечій, но съ тальей какъ у черкеса, онъ оправдывалъ отчасти свое восточное происхожденіе. Его прадѣдъ былъ турокъ Мурадъ-бей, принявшій христіанство при Аннѣ Іоанновнѣ; Мурадъ-бей превратился въ Муратова,—что было несравненно легче передѣлать, чѣмъ Косъ-фонъ-Далена въ Козодавлева и Коленкура въ Коленкорова. Наружность правнука, точно также какъ настоящая его фамилія, представляла счастливое сочетаніе русской и восточной расы.

Послѣдняя обозначалась правильными, но рѣзкими чертами на смугломъ лицѣ, блестящимъ рядомъ зубовъ и также рѣдкимъ изобиліемъ черныхъ, натурально вьющихся волосъ съ синеватымъ отливомъ; отъ первой сохранились свѣтлыя сѣроголубыя глаза холоднаго стальнаго отлива, которымъ онъ придавалъ, когда хотѣлъ, страстно-нѣжное выраженье. Онъ часто имъ пользовался, бесѣдуя съ дамами. Вся его фигура, одѣтая безъ изысканности, но свободно и всегда съ замѣчательнымъ вкусомъ, отличалась, помимо оригинальности отъ соединенія двухъ національностей, изяществомъ движеній и живостью, свойственной въ такой степени только сангвиническимъ, здоровымъ темпераментамъ.

Онъ былъ старый товарищъ князя по полку и почти одновременно съ нимъ вышелъ въ отставку, но совсѣмъ по другимъ причинамъ. Его слишкомъ ужъ начиналъ тѣснить новый полковой командиръ, выводимый изъ терпѣнья небрежнымъ отношеніемъ подчиненнаго къ службѣ и также постоянными жалобами его кредиторовъ.

Военная карьера не была, впрочемъ, призваніемъ Муратова; полкъ имѣлъ, конечно, свою выгодную сторону: онъ давалъ извѣстное общественное положеніе, помогалъ заключать связи; но, съ другой стороны, служба и ея требованія постоянно стѣсняли склонность къ полной независимости, къ той свободной беззаботной жизни, которая съ юности манила Муратова. По природѣ онъ [бы]лъ то, что называется *жуиръ*, т.-е. человѣкъ, всѣ инстинкты [к]отораго влекутъ къ тому, чтобы пользоваться благами жизни и [ж]ить для наслажденій, ограничиваясь матеріальными внѣшними [у]добствами и женщинами.

Его ежедневно можно было встрѣтить отъ трехъ до пяти часовъ [в]ъ Большой Морской или на Невскомъ въ собственномъ кабріоле[тѣ], правящимъ парой клеперовъ въ англійской упряжи, съ сидя-

щимъ сзади маленькимъ грумомъ со сложенными руками и притворяющимся спящимъ для большаго шику. Въ балетѣ, въ Михайловскомъ театрѣ, являлся онъ не иначе, какъ въ первомъ ряду, а въ антрактахъ показывался то въ одной ложѣ бель-этажа, то въ другой; въ бенефисахъ подносилъ дорогіе букеты; былъ постоянно на дружеской ногѣ со всѣми хорошенькими танцовщицами, пѣвицами и актрисами. Стóило явиться любой заграничной знаменитости,— онъ первый съ ней знакомился и ей покровительствовалъ, давалъ ей маленькіе ужины, приглашая на нихъ тѣхъ, кому думалъ передать послѣ себя покровительство; словомъ, жилъ припѣваючи съ любовью къ себѣ и нѣкоторымъ презрѣніемъ къ другимъ, какъ подобаетъ эгоисту и жуиру.

Когда онъ служилъ въ полку, никто изъ ближайшихъ товарищей не могъ сказать, какими онъ располагалъ средствами, чтобы не отставать отъ богатыхъ. Въ обществѣ, бывъ уже въ отставкѣ, онъ также не стѣснялся, повидимому, денежными средствами. Многіе разрѣшали тайну такого существованія счастливою крупною игрой; но въ клубѣ, ежедневно посѣщаемомъ Муратовымъ, всѣмъ хорошо было извѣстно, что онъ велъ небольшую игру и больше забавлялъ, отлично разсказывая анекдоты; другимъ казалось вѣроятнѣе, что онъ живетъ долгами, не заботясь о послѣдствіяхъ; но все это были слухи и догадки; догадками могли также считаться обширныя земли въ Бессарабской и Оренбургской губерніяхъ, которыя обыкновенно приписываются лицамъ загадочнаго существованія; но они давно потеряли кредитъ, имъ больше никто не вѣритъ.

Несмотря на слухи и неясность состоянія, Муратовъ, благодаря полковымъ связямъ, былъ вхожъ во многіе дома большого свѣта; мало того, онъ пользовался тамъ успѣхомъ. Узнавъ рано, что салонный успѣхъ устраивается женщинами, онъ держался преимущественно ихъ круга, не пренебрегая даже пожилыми дамами; любимою темой его разговоровъ были женщины; онъ говорилъ о нихъ не иначе, какъ съ преувеличеннымъ увлеченіемъ, что не мѣшало ему быть весьма скромнымъ относительно своихъ побѣдъ.

Лукавство и лицемѣріе, которыя встрѣтилъ онъ въ свѣтѣ,— лицемѣріе, заставляющее говорить не то, что думаешь, не вѣри[ть] въ то, что говоришь, но притворяться безусловно вѣрующимъ [въ] то, что говорятъ другіе; побѣждать въ себѣ антипатіи, быть л[ю]безнымъ и съ чувствомъ жать руку людямъ, которыхъ въ ду[шѣ] ненавидишь или презираешь, — не смутили его. Не испуга[ли] его также женщины, слывущія такими взыскательными и стро[гими]

ми. Муратовъ скоро увидѣлъ, что лукавство и лицемѣріе, дѣйствительно доведенныя у нихъ воспитаніемъ до утонченности, не есть общая принадлежность,— встрѣчаются, и даже часто, исключенія; во-вторыхъ, что лукавствомъ и лицемѣріемъ руководятся большею частью въ гостиной, на балѣ, съ мужемъ, ухаживателями или съ посторонними, когда въ нихъ нуждаются; на самомъ дѣлѣ большая часть не такъ взыскательны и строги и взглядъ ихъ на людей вполнѣ удовлетворяется внѣшностью и положеніемъ въ обществѣ. Съ этой стороны Муратову часто приходилось видѣть, какъ ничтожнѣйшему секретарю посольства, особенно изъ иностранцевъ, удавалось скорѣе попасть въ кругъ *своихъ*, чѣмъ любой достойной личности.

Красота и ловкость Муратова сдѣлали первое хорошее впечатлѣніе; остальныя его свѣтскія качества не только утвердили его, но сдѣлали необходимымъ. Образованіе его было самое поверхностное; онъ дополнялъ его сметкой, наблюдательностью, способностью живо усваивать видѣнное и съ нимъ сродниться. Онъ вполнѣ олицетворялъ типъ свѣтскихъ людей, которые часто ничего не знаютъ, но могутъ говорить съ увѣренностью о чемъ угодно. Надѣленный отъ природы артистическимъ вкусомъ, онъ весьма удачно имъ пользовался; требовалось ли изящно убрать будуаръ или живописно расположить мебель въ гостиной, опредѣлить цвѣтъ обоевъ для стѣнъ, ткань для костюма и выбрать самый костюмъ, выбрать подходящій къ цвѣту коверъ, устроить домашній спектакль, живыя картины,—Муратовъ призывался къ совѣту и часто давалъ рѣшающій голосъ. Хозяйки дома цѣнили въ немъ неутомимаго танцора, не дававшаго засидѣться ни одной барышнѣ, неисчерпаемаго изобрѣтателя новыхъ фигуръ въ котильонѣ; онъ, кромѣ того, былъ всегда сговорчивъ, веселъ, занимателенъ, подчасъ остроуменъ, мастеръ одушевлять общество, мастеръ *флирта*, т.-е. умѣнья нашептывать барышнямъ страстныя изъясненія въ любви и думать въ то же время: скоро ли начнутъ ужинать.

Флиртуя такимъ образомъ, находя неизъяснимую прелесть открывать барышнямъ незнакомыя имъ ощущенія, возбуждать ихъ ...ображеніе, Муратовъ зналъ очень хорошо, что не связываетъ ...бя никакими серьезными обязательствами. На одномъ балѣ флир...тешь съ одной, на второмъ съ другой, стараясь возбудить досаду ...ервой, и т. д. Многія барышни, достаточно уже опытныя, держа...лсь тѣхъ же правилъ и въ результатѣ всѣмъ одинаково было ве...лѣе съ Муратовымъ, чѣмъ со множествомъ другихъ кавалеровъ.

Между барышнями, чаще другихъ посѣщавшими кружокъ кня-

гини Можайской, установленъ былъ обычай дѣлить на три категоріи кавалеровъ: *свои*, *такъ себѣ* и *уроды*. Муратовъ принадлежалъ къ *своимъ*.

Многимъ изъ барышенъ флиртъ не проходилъ даромъ, сопровождался послѣ возвращенія съ бала домашними сценами, криками, топаньемъ ногъ, слезами, истериками. Другія маменьки были снисходительнѣе, смотрѣли сквозь пальцы въ томъ практическомъ соображеніи, что путемъ флирта молодые люди легко могутъ въ самомъ дѣлѣ понравиться другъ другу и кончить бракомъ. Примѣры уже были: одна барышня вышла замужъ за богатаго офицера, другая—за камеръ-юнкера, которому было обѣщано мѣсто консула. Правда, супружество ихъ не было особенно счастливо: обѣ вскорѣ разошлись съ мужьями,—все вышло, говорили, по винѣ мужей; но Богъ знаетъ, можетъ, также сами жены были виноваты,—въ такихъ дѣлахъ разбираться очень трудно; и, наконецъ, два неудачныхъ примѣра ничего еще не доказываютъ.

Муратовъ мало, впрочемъ, занимался барышнями; дѣйствительно ухаживалъ онъ только за дамами.

Нельзя было имъ не любоваться, когда въ котильонѣ, окруженный роемъ хорошенькихъ женщинъ и возвышаясь надъ ними красивою кудрявою головой, объяснялъ онъ имъ оживленно новую, изобрѣтенную имъ, фигуру. Мужчины, иронизируя, находили въ немъ тогда большое сходство съ пѣтухомъ, рисующимся передъ молоденькими курами; другіе называли его попросту *самцомъ*; но послѣднее прозвище, по своей грубости, явно уже обличало зависть. Справедливость требуетъ сказать, что въ томъ кругу, къ которому преимущественно принадлежалъ Муратовъ, никто не могъ превзойти его въ дамской угодливости, никто такъ возбудительно не дѣйствовалъ на женскую чувственность. Чтобъ убѣдиться, надо было наблюдать за нимъ, когда, наклонясь слегка надъ обнаженнымъ плечомъ дамы и пристально глядя на нее своими нѣжными и маслеными глазами, говорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ: «Вы вся созданы изъ однихъ нервъ... я первый разъ встрѣчаю такую нервную, такую чуткую, впечатлительную натуру...»

Множество дамъ были имъ положительно очарованы; двѣ для себя компрометировали.

VI.

— Я за тобой, ѣдемъ!—сказалъ Муратовъ, закуривая папиросу.

— Невозможно!—отвѣчалъ князь огорченнымъ голосомъ.

— Какъ? Это почему? Вѣдь, мы вчера условились...

— Условились, но женѣ почему-то вдругъ вздумалось ѣхать со мной; ужъ раза три посылала спросить, готовъ ли я.

— Откажись; соври что-нибудь... Не въ первый разъ! Кто, братецъ, передъ Богомъ и женой не грѣшенъ...

Но тутъ онъ былъ прерванъ новымъ стукомъ въ дверь.

— Опять, вѣрно, отъ нея... Войди; что еще? — нахмуренно спросилъ князь, обратясь къ вошедшему лакею.

— Ея сіятельство прислали спросить: готовы ли вы, ваше сіятство... Ея сіятство вышли въ гостиную и приказали подавать тройку.

— *Vous voyez*! —проговорилъ князь, тоскливо двигая бровями,—скажи княгинѣ, чтобы меня не ждали... Скажи: очень занятъ... пріѣду послѣ.

— Ну, вотъ и отлично! Къ половинѣ перваго я велѣлъ пріѣхать моей тройкѣ къ твоему подъѣзду и поѣдемъ вмѣстѣ, какъ условились... Но опять стучатъ.

— Кто тамъ еще?—крикнулъ князь.

— Ея сіятельство приказали вамъ напомнить насчетъ букетовъ для котильона.

— Хорошо; скажи: привезу! Ступай!... Вотъ, братецъ, такъ цѣлое утро... Ни минуты покоя... ни минуты!

— Общая, братецъ, судьба женатыхъ...

У Муратова вертѣлось на языкѣ прибавить: «такого тряпья, какъ ты, братецъ»,—и сказалъ бы сущую правду; но онъ почему-то воздержался.

Во всемъ домѣ, дѣйствительно, была одна только воля,—воля княгини; не даромъ въ интимномъ кружкѣ князя называли: *фла-фла*,—прозвищемъ, весьма мѣтко придуманнымъ его женой. Изъ этого уже можно судить объ ея отношеніяхъ къ мужу; иначе и быть не могло. Привезенная семнадцати лѣтъ въ Петербургъ, она начала съ того, что влюбилась въ секретаря иностраннаго посольства и готовилась бѣжать съ нимъ за-границу; родители во-время спохватились и, когда секретарь уѣхалъ, уговорили ее выйти замужъ за князя Можайскаго. Онъ очень ей не нравился, но большое состояніе и титулъ, представленные родителями въ плѣнительномъ сочетаніи, сдѣлали свое дѣло: она согласилась, несмотря на то, что ей было тогда всего семнадцать лѣтъ и секретарь посольства все еще продолжалъ занимать ея воображеніе.

Полное равнодушіе къ князю въ то время, какъ онъ былъ ея женихомъ, превратилось послѣ брака въ гадливое чувство, весьма

близкое къ отвращенію. На второй день послѣ свадьбы, ночью, съ княземъ сдѣлался припадокъ падучей. Внезапно пробужденная и перепуганная княгиня не успѣла высвободиться изъ-подъ одѣяла и выскочить изъ постели, какъ уже князь лежалъ на полу и бился въ страшныхъ корчахъ. На крики княгини, едва успѣвшей набросить пеньюаръ, вбѣжала ея горничная, за нею другая прислужница, явился затѣмъ Илья. При видѣ, какъ голова мужа пригибалась къ пяткамъ, при видѣ пѣны у его рта, его неподвижныхъ бѣлковъ вмѣсто глазъ, она въ ужасѣ выбѣжала вонъ изъ спальной и нѣсколько дней сряду не хотѣла въ нее вернуться. Съ этой злополучной ночи супружескія ихъ отношенія ограничились тѣмъ, что они вмѣстѣ завтракали, обѣдали и всегда почти при гостяхъ. Самъ князь, послѣ ночной сцены, явно стѣснялся оставаться наединѣ съ женой; онъ долгое время не выходилъ изъ своего кабинета; встрѣчаясь съ женой, онъ сохранялъ постоянно робкій, пристыженный видъ, какъ будто совершилъ предосудительный поступокъ, и винился въ немъ передъ ней. Отсюда,—не считая нравственнаго ихъ несходства, — зародилось въ ней къ мужу то пренебрежительное, безцеремонное отношеніе, которое подъ конецъ превратилось въ привычку.

Княгиня по натурѣ своей была холоднаго, чтобы не сказать— ледяного, темперамента; воображеніе ея было скорѣе направлено къ тщеславнымъ стремленіямъ и удовлетворялось внѣшнимъ успѣхомъ. Отсутствіе въ ней женственности дополнялось спортсменскими вкусами. Она посѣщала скачки, держала постоянно крупныя пари, сама отлично ѣздила верхомъ, удивляя всѣхъ своею смѣлостью; любила по утрамъ гулять по конюшнѣ съ хлыстомъ въ рукѣ и посвистывая; каталась на конькахъ, выдѣлывая съ легкостью самыя головоломныя эволюціи; любила всѣ роды охоты и часто бывала на голубиной стрѣльбѣ, не чувствуя отвращенія къ этой мерзкой, низкой забавѣ. Когда прострѣленная птица падала, окровавленная, на землю и билась въ предсмертныхъ судорогахъ, княгиня восклицала искусственно-сантиментальнымъ голосомъ: «*Pauvre petite bête!*»,— спѣшно затѣмъ выхватывала у сосѣда приготовленное для нея заряженное ружье, давала знакъ, чтобы выпустили другого голубя, и прицѣливалась, думая о томъ только, чтобы не сдѣлать промаха.

Несмотря на сравнительную нравственную распущенность того кружка, въ которомъ она вращалась, злѣйшіе ея враги, всегда готовые на всякія клеветы и сплетни, не могли уличить ее въ какомъ-нибудь романтическомъ похожденіи. Она предпочитала му-

ское общество и явно ему сочувствовала. У пея не было пріятельницъ, но преданныхъ пріятелей было нѣсколько и преимущественно между людьми, давно отжившими молодость.

Пока князь былъ въ полку, она перезнакомилась со всѣмъ петербургскимъ свѣтомъ, которому принадлежала по связямъ. Но свѣтъ, въ общемъ своемъ составѣ, не удовлетворялъ ея инстинктамъ. Она скучала. Ее привлекали только тѣ лица, которыя, скучая не менѣе ея, вознаграждали себя дома, сбрасывая всякую принужденность и стѣсненія. Лица эти, не знавшія куда дѣться отъ тоски, радостно встрѣтили домъ, въ которомъ можно было во всякое время ѣсть, пить и веселиться.

Домъ Можайскихъ сдѣлался въ скоромъ времени центромъ той группы лицъ, которыя, въ извѣстномъ слоѣ столичнаго общества, сложили съ себя всякія заботы и ведутъ праздную жизнь. Кружокъ, надо замѣтить, не ограничивался одною молодежью. Тутъ встрѣчались не очень строгія маменьки и тетушки, лихорадочно ловившія случаи лишній разъ повеселить своихъ дочекъ и племянницъ и этимъ способомъ—кто знаетъ?—устроить ихъ судьбу; и гдѣ же случаи эти могли чаще встрѣчаться, какъ не на *sauteries* и утреннихъ *bals blancs,* введенныхъ въ моду княгиней по примѣру, какъ это происходитъ въ Парижѣ. Встрѣчались также нѣсколько отжившія дамы безъ дочекъ и племянницъ, но привлекаемыя любопытствомъ, желаніемъ разсѣять гнетущую петербургскую благочестивую хандру, вспомнить молодость; многихъ привлекала возможность встрѣтить знакомыхъ, составить партію въ карты, послушать сплетни и городскія новости. Встрѣчались также иностранцы, не знавшіе, куда преклонить голову при выходѣ изъ своего посольства. Въ мужскомъ персоналѣ находились также лица почтенныхъ лѣтъ и даже старички, сохранившіе, несмотря на сѣдину, живость и воспріимчивость молодыхъ лѣтъ, охотники повертѣться въ обществѣ молодыхъ женщинъ, смотрѣть на красивыя обнаженныя плечи, припадать къ хорошенькимъ ручкамъ.

Княгиня, какъ уже замѣчено, не только не пренебрегала послѣдними, но кокетничала съ тѣми, которые считались вліятельными на государственной службѣ; забавляясь втайнѣ ухаживателями, она, тѣмъ не менѣе, подстрекала ихъ надежды, возбуждала ихъ ревность, допускала цѣловать кончикъ мизинца, и, въ то же время, ловко выпытывала отъ нихъ текущія новости въ правительственныхъ сферахъ. Новости эти, въ сущности, мало ее интересовали;—она не дѣлала изъ нихъ никакого употребленія; но онѣ удовлетворяли инстинктивно требованіямъ ея юркой, безпокойной

натуры. Въ ней была закваска интригантки, и она могла бы быть весьма опасной, если бы была менѣе легкомысленной и въ ея головѣ было меньше путаницы, мѣшавшей хотя бы на минуту остановиться на одномъ предметѣ. Исключенія были въ тѣхъ только случаяхъ, когда дѣло шло объ удовлетвореніи какого-нибудь каприза или увеселительной затѣи; тутъ уже желаніе превращалось точно въ стальной крючокъ, зацѣпившій мозгъ, и не было возможности извлечь его оттуда.

Домашніе спектакли, живыя картины, пикники, завтраки, обѣды, ужины смѣнялись одни другими. Безцеремонно-свободное обращеніе хозяйки дома развязывало руки и языкъ привычнымъ гостямъ; лица, разъ представленныя, привозили своихъ знакомыхъ, завтракали, уѣзжали, являлись изъ театра къ ужину такъ же непринужденно, какъ въ ресторанъ. Даже Илья начиналъ уставать и едва успѣвалъ управиться.

Расходы, какъ и слѣдовало ожидать, возрастали между тѣмъ съ каждымъ годомъ. Но княгиня мало этимъ озабочивалась. Избалованная съ дѣтства роскошью и пріемами безпечности ея родителей, привыкшая видѣть, съ какою легкостью тратились вокругъ деньги, она не могла бы повѣрить, если бы сказали ей, что изъ-за недостатка денегъ можно отказаться отъ какой-нибудь дорогой затѣи. До сихъ поръ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ ея замужства, не было случая, который бы могъ навести ее на такія мысли.

Счета посылались въ контору, посылались князю и всегда уплачивались. Безцеремонная трата денегъ объяснялась также недостаткомъ въ ней деликатнаго чувства, полнымъ равнодушіемъ къ мужу, безграничною слабостью его характера. Онъ уплачивалъ счета, лишь бы его оставили въ покоѣ; но и это желаніе рѣдко достигалось. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда неожиданно приходило изъ Парижа слишкомъ много ящиковъ съ платьями и модными новостями и сумма расхода была черезчуръ ужъ велика, онъ начиналъ волноваться, но только въ своемъ кабинетѣ, и, одиноко расхаживая изъ угла въ уголъ, повторялъ тоскливо, приподымая то одну бровь, то другую: «Это, однако-жъ, чортъ знаетъ что такое!..»

Хорошо было то, по крайней мѣрѣ, что у князя дѣтей не было; съ нимъ пресѣкалось его прямое потомство.

VII.

— Объясни ты мнѣ, пожалуйста, что будетъ у насъ сегодня?— спросилъ Муратовъ.—Твоя княгиня взяла съ меня слово пріѣхать,

но ничего не объяснила. Что происходитъ: пикникъ, *bal blanc* или просто загородный завтракъ?

— Право, не могу тебѣ сказать... Кажется, все вмѣстѣ... Это придумала жена; ты знаешь, она всегда... Ей непремѣнно захотѣлось устроить на масленицѣ *folle journée*... Я отговаривалъ отложить по случаю болѣзни дяди Аѳанасія Ѳедоровича,—она не захотѣла... Мнѣ это — вотъ! — сказалъ князь, проводя пальцемъ по горлу.—Вѣришь ли, до того усталъ, что Илья едва могъ разбудить сегодня; подумай только—четвертыя сутки сряду: по утрамъ завтракъ, съ плясомъ до шести часовъ; потомъ обѣдъ, вечеромъ балъ гдѣ-нибудь... Третьяго дня два бала одинъ за другимъ въ одинъ вечеръ... Ложишься спать въ пять, шесть часовъ... Это, согласись, чортъ знаетъ что такое!

— Но почему именно захотѣлось ей устроить это въ зимнемъ саду у Пузырева?

— Онъ самъ предложилъ...

— Какъ, и завтракъ также?

— Нѣтъ, завтракъ нашъ; онъ предлагалъ, но жена не захотѣла; отъ него только цвѣты и музыка...

— Воля твоя, на мой взглядъ, и это не совсѣмъ ладно. Что такое Пузыревъ? Отецъ его, извѣстный откупщикъ и золотопромышленникъ, оставилъ сыну милліоны,—это дѣлаетъ честь отцу; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ отъ сына получать подачки, и кому же? кому? Самъ подумай! — замѣтилъ Муратовъ, забывая, что самъ не могъ похвастать родословной.

— Все это, братецъ, дѣлаютъ милліоны...— меланхолически сказалъ князь.

— Милліоны! Милліоны! Какъ будто, право, всѣ обнищали? Кого ни встрѣтишь, всѣ бранятъ его напропалую, а, между тѣмъ, стòитъ ему позвать на обѣдъ,— всѣ, точно голодные, спѣшатъ къ нему ѣхать... О, мой милый Петербургъ, узнаю тебя въ этомъ!... Правда, надо прибавить,—продолжалъ Муратовъ,—когда ѣдутъ къ Пузыреву, всегда имѣютъ больше въ виду его повара, чѣмъ его самого... Онъ непремѣнно долженъ будетъ воздвигнуть ему памятникъ изъ благодарности, какъ главному участнику его успѣха въ свѣтѣ...

— Ты, кажется, слишкомъ ужъ на него нападаешь... Чѣмъ онъ виноватъ, что ему достались милліоны?

— Да, милліоны! Милліоны! Хоть бы одинъ изъ нихъ случайно подвернулся подъ руку!

Красивыя черты Муратова приняли внезапно такое выраженіе,

какъ будто онъ былъ страшно голоденъ и смотрѣлъ на вкусное блюдо, къ которому не смѣлъ прикоснуться; если бы возможно было силой одной воли, однимъ желаніемъ и совершенно безнаказанно задушить Пузырева и получить взамѣнъ хотя бы тотъ желаемый милліонъ,—Муратовъ, казалось, не задумался бы воспользоваться случаемъ.

— Тебѣ мало было бы милліона, — простодушно замѣтилъ князь.

— Конечно, если бы довольствоваться только процентами! Но такъ, милліончикъ для обихода,—хорошо можно бы пожить нѣсколько годковъ! Деньги, братецъ, всему голова! Съ деньгами даже счастье особенно какъ-то везетъ... Вотъ хоть бы въ прошлую субботу. Встрѣчаю Пузырева на голубиной стрѣльбѣ; держитъ онъ съ Подольскимъ пари въ пятьсотъ рублей на сто голубей,—одного слѣдомъ за другимъ безъ промаха; Подольскій, надо тебѣ сказать, стрѣляетъ безъ промаха; и что-жъ? Ухлопалъ всего девяносто два; ну, и проигралъ пятьсотъ рублей Пузыреву, которому въ нихъ меньше нужды, чѣмъ китайскому богдыхану... Ахъ, да,—подхватилъ онъ,—забылъ спросить: какія извѣстія насчетъ твоего дяди, князя Аѳанасія Ѳедоровича? Говорятъ, очень плохъ.

— Очень. Вчера, послѣ бала, я заѣзжалъ къ нему: почти безнадеженъ! Такъ сказалъ мнѣ Володя Саблуковъ... Ты его знаешь?

— Какъ же, сколько разъ въ прошлую зиму у тебя встрѣчались; не далѣе какъ вчера встрѣтился съ нимъ внизу у княгини... Онъ, сказывали мнѣ, ухаживаетъ за родственницей твоей жены, недавно пріѣхавшей изъ провинціи... Мнѣ такъ и не удалось ее видѣть; говорятъ, хорошенькая, глаза бархатные, обѣщающіе...

— Да, она прекрасная дѣвушка... Но Володѣ теперь не до ухаживанья; онъ неотступно находится при дядѣ; его нарочно по телеграфу изъ Москвы выписали.

— Прямой, кажется, наслѣдникъ послѣ дяди?

— Да, но онъ самъ по себѣ богатъ; отличный человѣкъ; я его очень люблю.

— Но мы, кажется, разболтались,—сказалъ Муратовъ, видя, что разговоръ принимаетъ сантиментальный оборотъ,—не пора ли отправляться... Позвони!

Вошелъ лакей.

— Спроси, пріѣхала ли моя тройка?

— Давно пріѣхала.

— Ну, одѣвайся, старина,—ѣдемъ!

Князь и Муратовъ спустились въ бельэтажъ, откуда начина-

лась парадная лѣстница, уставленная растеніями и устланная краснымъ ковромъ. Внизу швейцаръ въ перевязи съ гербами и нѣсколько лакеевъ во фракахъ бросились къ вѣшалкамъ.

— Какая погода?—спросилъ князь.

— Дрянь. Туманъ и, въ добавокъ, воняетъ гарью,—брюзгливо отвѣчалъ Муратовъ.—Надѣвай шубу,—чортовски сыро.

Они вышли изъ подъѣзда и стали усаживаться въ сани, подсобляемые съ обѣихъ сторонъ лакеями и швейцаромъ.

— Пошолъ въ Большую Морскую; остановишься у цвѣтного магазина.

— Слушаю, ваше сіятство!—стоя, отвѣчалъ кучеръ. Онъ тронулъ возжами и тройка, звеня бубенчиками, поскакала, разбрасывая во всѣ стороны брызги грязи и талаго снѣга.

Туманъ начиналъ какъ будто колебаться и рѣдѣть, но настолько былъ еще густъ, что заслонялъ глубину улицъ.

Въ цвѣточной лавкѣ они узнали, что заказанные вчера букеты для котильона уже посланы по назначенію.

— У меня къ тебѣ просьба, моя голубушка,—проговорилъ Муратовъ,—заѣдемъ, благо по дорогѣ, къ Фаберже, всего на минуту; мнѣ хочется посмотрѣть и тебѣ показать одну штучку...

Зная, что его спутникъ не въ силахъ отказать какой бы то ни было просьбѣ, Муратовъ, не дожидаясь отвѣта, приказалъ ѣхать и остановиться у извѣстнаго ювелира.

Образецъ любезности, когда въ комъ нуждался, Муратовъ просилъ показать заказанный имъ браслетъ.

Браслетъ состоялъ изъ совершенно гладкаго золотого ободка; примѣчательна была на немъ только надпись, выведенная голубой эмалью: «*L'âme à Dieu, le coeur à Vous*».

— Нравится ли тебѣ?—спросилъ Муратовъ.

— Очень мило...—отвѣчалъ князь съ обычной апатіей. При выходѣ онъ остановился и прибавилъ: —Не понимаю только, зачѣмъ надпись по-французски; ты говорилъ, она не понимаетъ этого языка...

— Ты думаешь, я своей пѣвицѣ? Ха, ха! Это было бы отлично! Нѣтъ, душа моя: дана чистая отставка! Тутъ нѣчто почище... Такой предметъ,—нимфа! Восторгъ! И-де-алъ!

— Дама?—спросилъ князь безъ всякой цѣли, почти инстинктивно.

— Конечно! Флиртомъ балуюсь я съ барышнями; въ серьезъ, *pour le bon motif*, какъ говорится, ухаживаю только за дамами!—

заключилъ Муратовъ, усаживаясь въ пошевни рядомъ съ товарищемъ.

— Ваше - сіятство, на Невѣ, сказываютъ, вода выступила, опасно ѣхать, къ тому же туманъ, въ полынью заѣдешь,—сказалъ ямщикъ.

— Ну, такъ что-жъ? Пошелъ черезъ Александровскій мостъ, не Богъ вѣсть сколько крюку.

Проѣхавъ Дворцовую площадь, они повернули на Милліонную. Съ приближеніемъ къ Царицыну Лугу признаки Масленицы становились замѣтнѣе: по обѣимъ сторонамъ тротуара тѣснились извозчичьи и чухонскія сани, по тротуару двигалась пестрая толпа, изъ которой, несмотря на полицейскія старанія, то и дѣло перебѣгали черезъ улицу, такъ что тройку приходилось иногда останавливать и осаживать; наконецъ, открылась ближайшая часть Царицына Луга, буквально запруженнаго народомъ. Дальше ничего нельзя было различить,—все затушевывалось туманомъ, дымомъ отъ самоваровъ и табачнымъ дымомъ—надъ всѣмъ этимъ носился несмолкаемый гулъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, смѣшанный съ звуками оркестровъ и пушечными выстрѣлами внутри балагановъ.

— Ба, веселятся!—замѣтилъ Муратовъ, кивая шапкой къ площади.

— Да... да... имъ весело!—меланхолически возразилъ князь, запрятывая лицо въ воротникъ шубы.

За Александровскимъ мостомъ совсѣмъ уже было тихо; шумѣли только полозья саней, ударяясь въ пробоины и шлепаясь съ размаху въ лужи.

VIII.

Зимній садъ Пузырева или, вѣрнѣе, знаменитыя его оранжереи находились въ непосредственной связи съ большимъ каменнымъ домомъ, построеннымъ его отцомъ въ сороковыхъ годахъ, лучшее время откуповъ. Фасадомъ своимъ домъ выходилъ не совсѣмъ удобно въ узкій переулокъ, образовавшійся впослѣдствіи.

Въ настоящую минуту трудно было пробраться къ подъѣзду: вся лѣвая часть переулка противъ фасада и дальше была заставлена тройками и каретами.

Войдя въ прихожую, князь Можайскій и Муратовъ узнали, что уже четверть часа какъ завтракъ кончился. Изъ группы суетившихся лакеевъ показалась величавая фигура Ильи.

— Все для васъ готово, ваше сіятство, пожалуйте въ столо-

вую, сейчасъ будетъ готово!—проговорилъ онъ, отворяя дверь въ бѣлую залу съ мраморными каминами въ глубинѣ, украшенными бронзовыми часами, канделябрами и зеркаломъ. Середину залы занималъ столъ, заваленный вокругъ по краямъ мятыми брошенными салфетками, тарелками и недоѣденнымъ пирожнымъ, обломками хлѣба, чашками съ недопитымъ кофе, рюмками, стаканами и бокалами съ остаткомъ вина; посерединѣ стола, на скатерти густо устланной листьями ощипанныхъ розъ, красовались великолѣпныя серебряныя группы, вазы и дресуары заказанныя уже сыномъ Пузыревымъ въ Парижѣ; они служили подставкой для фруктовъ, цвѣтовъ и конфектъ.

Послѣ смерти отца, Пузыревъ развернулся и сталъ жить на широкую, барскую ногу, изъ чего прямо можно заключить, что барствовать вовсе не такъ трудно, когда много денегъ. Пузыревъ былъ, однако-жъ, другого мнѣнія. Не отвергая значенія денегъ, онъ старался, по крайней мѣрѣ, внушать, что денегъ еще не достаточно, чтобы быть бариномъ, надо имъ родиться, надо пережить рядъ поколѣній, игравшихъ такую роль, чтобы чувствовать себя въ барской сферѣ такъ же свободно, какъ рыба въ водѣ, птица въ воздухѣ. Онъ, очевидно, заблуждался въ этомъ случаѣ или, вѣрнѣе, самъ съ собою лукавилъ: лучше его никто, конечно, не могъ знать, что барскія черты, которыя выставлялъ онъ на-показъ, нисколько имъ не унаслѣдованы, но пріобрѣтены лично и ничего больше какъ болѣе или менѣе удачное подражаніе.

Одною изъ такихъ чертъ онъ особенно часто пользовался. Когда хвалили роскошь его дома, онъ старался всегда сохранять видъ спокойнаго равнодушія, считая его знакомъ хорошаго тона; на похвалы лицъ, не занимавшихъ виднаго общественнаго положенія Пузыревъ отзывался еще холоднѣе, причемъ даже съ пренебреженіемъ подергивалъ головой и плечами:

«Вамъ нравится... Фю, фю!... Да... гм... недурно!»—говорилъ онъ, какъ бы желая выразить, что понимаетъ ихъ удивленіе, но что для него, собственно, все это дѣло обычное.

Мелкое тщеславіе и самомнѣніе свойственно вообще богатымъ выскочкамъ. Къ такимъ свойствамъ Пузыревъ присоединялъ смѣлость,—не ту прирожденную черту характера, которую называютъ храбростью, но смѣлость, вытекающую изъ самоувѣренности, которую даетъ отчасти сознаніе богатства; она получаетъ двойную силу, когда ее приводитъ въ дѣйствіе убѣжденіе, что смѣлымъ самъ Богъ покровительствуетъ, что смѣлость, съ прибавкой дерзости, помогаетъ достигать намѣченныя цѣли.

Есть люди, которые при умѣ сохраняютъ отъ рожденія до зрѣлаго возраста, иногда на всю жизнь, дѣтскія чувства, даже наивность; встрѣчаются также лица, которыя никогда не были дѣтьми; онѣ являются на свѣтъ какъ бы совсѣмъ готовыми, иныя даже какъ бы съ орденомъ на шеѣ; другія безъ внѣшняго украшенія, но одаренныя преждевременнымъ практическимъ чувствомъ и хитростью.

Лукавство свѣтится въ ихъ прищуренныхъ глазкахъ, когда они сосутъ еще грудь кормилицы, того и смотри укуситъ грудь или *сдѣлаетъ* что-нибудь умышленно въ пеленки. Встрѣчаясь потомъ въ школѣ съ дѣтьми одинаковаго возраста, они пользуются простодушіемъ товарищей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ презираютъ. Съ умомъ холоднымъ, какъ ледъ, непроизводительнымъ, не способнымъ ни на какое великодушное увлеченіе, но руководимымъ инстинктомъ практичности, они обыкновенно хорошо учатся, ведутъ себя похвально и всегда на отличномъ счету у начальства. Едва пушокъ начинаетъ пробиваться на щекахъ и подбородкѣ, они уже соображаютъ ходы будущей карьеры. Бѣдные,—преслѣдуютъ корыстныя цѣли, рано сознавая въ богатствѣ силу и независимость; богатыхъ влекутъ тщеславные помыслы. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ девизъ существованія одинъ и тотъ же: успѣть и наслаждаться.

Пузырева сначала мало занимала служебная карьера, онъ зналъ, что съ его состояніемъ она будетъ ему открыта. Тщеславныя мечты направлены были въ другую сторону. Онъ задался задачей втереться въ большой свѣтъ, занять въ немъ мѣсто, стать на интимную ногу съ лицами составляющими, по его мнѣнію, *соль земли* и положенію которыхъ въ свѣтѣ завидовалъ онъ до зубной боли. Какъ ни мелка была цѣль Пузырева, она занимала въ немъ такое же видное мѣсто, какъ желтокъ въ яйцѣ. Преслѣдуя ее еще въ первыхъ годахъ юности, онъ ловко подвернулся къ простодушному школьному товарищу знатной фамиліи и черезъ него проникъ въ домъ его родителей; онъ удвоилъ усердіе, стараясь имъ понравиться, съ особенною заботливостью юлилъ онъ передъ хозяйкой дома, разсчитывая заслужить ее расположеніе и поддержку.

Здѣсь въ первый разъ познакомился онъ съ обстановкой настоящаго барскаго дома. Его сѣрые рысьи глазки жадно ловили самыя мелкія детали внѣшняго блеска; онъ старался припомнить убранство комнатъ, характеръ мебели, вкусъ въ ея разстановкѣ, художественные предметы, украшавшіе въ изобиліи этотъ домъ, сохранившій чудомъ какимъ - то оттѣнокъ Екатерининскаго времени. Онъ послужилъ ему школой, придалъ форму его тщеславнымъ побужденіямъ. Съ этого времени мечтой его было осуществить

что-либо подобное, какъ только онъ вступитъ во владѣніе огромнымъ своимъ состояніемъ, значеніе котораго сознавалъ чуть ли не съ дѣтства.

Въ ожиданіи будущихъ благъ, онъ, тайно отъ отца, началъ покупать дорогую мебель, картины, предметы искусства. Кончина отца развязала ему руки. Черствой его натурѣ вовсе не было сродно художество, но онъ успѣлъ присмотрѣться, насколько оно было необходимою принадлежностью аристократическаго дома; оно, къ тому же, служило рекламой изящному вкусу владѣльца. Пузыревъ выказывалъ особенную щедрость всякій разъ, какъ представлялся случай сдѣлать пріобрѣтеніе у аристократа, стѣсненнаго денежными средствами. Но такіе случаи были рѣдки. Пріобрѣтенія свои дѣлалъ онъ всегда почти въ Парижѣ. Русскихъ картинъ онъ не покупалъ. По его мнѣнію, въ нихъ недоставало чего-то... чего именно, онъ не объяснялъ, но отвергалъ ихъ не столько изъ какого-то предвзятаго недовѣрія къ отечественному художеству вообще, не столько потому, что въ русскихъ картинахъ, какъ увѣрялъ онъ, изображались больше: «фю, фю!...» — вульгарные, мужицкіе сюжеты, сколько изъ убѣжденія на практикѣ, что на картины иностранныхъ мастеровъ съ прославленнымъ именемъ, вообще, больше засматриваются и больше о нихъ говорятъ. Было при этомъ еще другое соображеніе: ни одна изъ его крупныхъ покупокъ въ Парижѣ не обходилась безъ того, чтобы въ *Фигаро* и другихъ газетахъ не упоминалось о нихъ съ присоединеніемъ его имени и титуломъ: *Le grand seigneur Moscovite*. Это льстило ему гораздо больше, чѣмъ званіе отечественнаго мецената. Купленный предметъ выставлялся на видное мѣсто, устраивался завтракъ, приглашались знакомые и любители. Къ Пузыреву начали ѣздить, нашлись даже лица, которыя стали къ нему напрашиваться. Все это упитывало его самолюбіе, усиливало въ немъ немъ самомнѣніе и чванливость.

Осторожный и лукавый, Пузыревъ принималъ сначала скромный видъ, искалъ покровительства вліятельныхъ лицъ обоего пола, искалъ случая прислужиться, давалъ утонченные холостые обѣды для лицъ, на поддержку которыхъ разсчитывалъ, притворялся, — когда видѣлъ надобность, — страстнымъ любителемъ спорта и охоты; послѣднее служило предлогомъ для завтраковъ, способныхъ, какъ извѣстно, смягчать къ концу сердце приглашенныхъ и склонять ихъ къ интимности.

Но всѣ эти ухищренія не помогли Пузыреву вполнѣ достигнуть желаемой цѣли. Той связи, о которой мечталъ онъ, не удалось ему добиться. Онъ былъ въ свѣтѣ такимъ же гостемъ, какъ были гостя-

ми,—и только гостями,—лица, которыя къ нему ѣздили. Роль его въ свѣтѣ продолжала ограничиваться кормленіемъ.

Дѣло въ томъ, что Пузыревъ самъ по себѣ, какъ личность, былъ мало интересенъ. Свѣтъ, весьма снисходительный въ этомъ отношеніи къ *своимъ*, весьма взыскателенъ къ посторонним, желающимъ къ нему присосаться. При первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ Пузыревъ никому не понравился, никому не пришелся по сердцу. Отъ всего его существа обдавало холодомъ, какъ изъ погреба; въ его привѣтливости и любезностяхъ чувствовалась искусственность, отсутствіе всякой искренности. То, что онъ говорилъ, всегда противорѣчило выраженію его лица и взгляду сѣрыхъ рысьихъ глазъ, которые въ то же время всегда какъ будто къ чему-то присматривались и что-то искали. Онъ могъ развѣ интересовать тѣхъ, кто наблюдалъ въ немъ появленіе въ обществѣ новаго нарождающагося денежнаго типа въ обмѣнъ старому вырождающемуся типу, какимъ былъ князь Можайскій. Давно уже никто не сомнѣвался, что лица, за которыми онъ ухаживалъ, существовали для него настолько, насколько льстили его самолюбію и могли быть ему полезны.

Къ нему продолжали ѣздить, но уже, какъ справедливо замѣтилъ Муратовъ, имѣя больше въ виду его повара, чѣмъ его самого. Въ самообольщеніи внѣшняго успѣха, онъ не замѣчалъ такого отношенія къ нему гостей. Онъ выказывалъ все больше и больше увѣренности, сталъ дерзокъ, заносчивъ. За то и другое ему часто попадало по носу, но онъ какъ будто не замѣчалъ этого. Съ этого времени его роль въ кругу свѣтскихъ знакомыхъ замѣтно ухудшилась. Ни на чемъ не основанныя самомнѣніе и напыщенность придали ему вскорѣ комическій оттѣнокъ; онъ сдѣлался предметомъ анекдота; рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы не сообщали о немъ какого-нибудь потѣшнаго разсказа, смѣялись надъ его высокомѣріемъ передъ тѣми, кого онъ считалъ почему-то ниже себя, приводили въ примѣръ его крутое, дерзкое обращеніе съ лицами, служащими въ его конторахъ, управляющими, смотрителями на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ онъ былъ главнымъ акціонеромъ, обращали въ смѣхъ его претензію играть роль вельможи, французкаго маркиза прошлаго столѣтія и, въ то же время, караулить въ дверяхъ высокопоставленныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобы попасть въ лучъ зрѣнія, мимоходомъ обратить на себя ихъ вниманіе, сыпали на него остроты, называли его Сарданапаломъ изъ Большой Мѣщанской и проч.

Многое передавалось Пузыреву его прихлебателями, но онъ не

унывалъ; напротивъ, онъ выше подымалъ голову, стараясь показать презрѣніе къ тому, что говорилось о немъ. Онъ продолжалъ какъ бы ни въ чемъ ни бывало показываться въ свѣтѣ и давать обѣды; знакомые его, также какъ бы ни въ чемъ ни бывало, продолжали къ нему ѣздить и упитываться. Каждый, кто хорошо знаетъ Петербургъ, не станетъ, конечно, этому удивляться. Тонкія вина, толстая спаржа и трюфели, при роскошной обстановкѣ, вездѣ, впрочемъ, имѣютъ свою долю обаянія, вездѣ способствуютъ къ умиротворенію человѣческихъ чувствъ.

IX.

Князю и Муратову не долго пришлось ждать завтрака. Не успѣли они развернуть салфетки, какъ Илья очистилъ передъ ними столъ, выставилъ цѣлую коллекцію закусокъ и водокъ и затѣмъ началъ подносить блюда и вина. Не стѣсняемые необходимостью услуживать дамамъ и любезничать, оба, неторопясь, отлично позавтракали. Кушая, они, въ то же время, прислушивались къ звукамъ оркестра, воодушевленно игравшаго кадриль; къ звукамъ оркестра примѣшивались шарканье, постукиванье каблуковъ и бойкій голосъ поминутно выкрикивающій: *Balancez, avancez, chaine des dames*.

Столовая отдѣлялась отъ танцовальной залы аркой, задернутою тяжелою драпировкой изъ темно-малиноваго штофа; и сверхъ того, ее заслоняли еще со стороны столовой великолѣпныя китайскія ширмы изъ чернаго лаку. Зала занимала среднюю часть зимняго сада и была выстлана паркетомъ для танцевъ. Несмотря на тусклый туманный день,—видъ залы невольно останавливалъ вниманіе своимъ декоративнымъ эффектомъ. Ея бока съ металлическими колоннами, поддерживающими стеклянную выгнутую крышу, были заставлены въ пролетахъ великолѣпными тропическими растеніями; на зеленомъ ихъ фонѣ дѣлились массы цвѣтовъ, посаженныхъ въ китайскія вазы, на рѣзныхъ постаментахъ изъ темнаго дерева; верхняя часть колоннъ живописно заслонялась разнообразною вьющейся зеленью; цѣпляясь своими отпрысками и усиками за перекладины карниза, зелень бѣжала вдоль стекляннаго выгиба крыши, мѣстами свѣшиваясь оттуда гроздьями и гирляндами. Сотни стеклянныхъ пузырьковъ, соединенныхъ электрическою проволокой, сверкали въ зелени. Оркестръ помѣщался въ одномъ концѣ залы надъ гротомъ, убраннымъ раковинами, мшистыми камнями и папортникомъ. Въ противоположномъ концѣ залы находился другой гротъ; отверз-

тіе его заслонялось каскадомъ, падавшимъ въ широкій мраморный бассейнъ. Мебель залы состояла изъ множества разнообразныхъ предметовъ: дивановъ, креселъ, золоченыхъ стульевъ, патѐ и табуретовъ съ пуховыми подушками, обитыми тканями разнаго цвѣта и рисунка, дополнявшими декоративное впечатлѣніе. Въ одной изъ боковыхъ частей залы зелень въ двухъ мѣстахъ разступалась, открывая входъ въ два другіе отдѣла: одинъ устроенъ былъ въ видѣ тропическаго лѣса, другой—напоминалъ боскетъ во вкусѣ Тріанона; здѣсь меньше было разсчитано на живописность, но больше на комфортъ; входъ со стороны залы заслонялся, на случай сквозного вѣтра, такими же китайскими ширмами, какъ въ столовой; полъ устланъ былъ смирнскимъ ковромъ; на немъ уставлено было нѣсколько ломберныхъ столовъ, окруженныхъ легкою мебелью.

X.

Князь и Муратовъ вошли въ залу къ концу пятой кадрили. Танцующія пары пріостановились на минуту и съ увлеченіемъ рукоплескали маленькому офицеру, смуглому, какъ цыганъ и курчавому, какъ негръ, который, танцуя соло, комически подражалъ движеніямъ балетнаго танцора: дѣлалъ антраша, крутился волчкомъ на одной ногѣ, показывалъ видъ какъ будто преслѣдуетъ убѣгающую подругу, оглядываясь съ уморительною недоумѣвающей миной; послѣ неожиданнаго антраша, онъ вдругъ упалъ на одно колѣно, прикладывая лѣвую руку къ сердцу, а правой посылая поцѣлуи.

— Браво, Донцовъ, браво!—крикнулъ Муратовъ, принимаясь также апплодировать.

Появленіе новыхъ было тотчасъ же замѣчено.

— О! о! А!... а!!..—послышалось между танцующими. Такими же восклицаніями встрѣтили вошедшихъ нѣсколько дамъ и мужчинъ, не принимавшихъ участія въ кадрили; мужчины—кто стоя, кто сидя, окружали одинъ изъ дивановъ съ возсѣдавшими на немъ дамами; большая часть курила.

Танцовавшія пары не успѣли разойтись, какъ Муратовъ спѣшно направился къ княгинѣ Можайской,—маленькой, худенькой брюнеткѣ, съ длинною плоскою таліей, на коротенькихъ ножкахъ; мелкія черты ея лица, въ общемъ, не были лишены миловидности, но ихъ портила излишняя отчетливость: онѣ были точно вырисованы острымъ карандашомъ и вырѣзаны сухимъ рѣзцомъ. Женственность,—лучшее украшеніе женщины, тайна женскаго обаянія,—

отсутствовала у княгини; ее замѣняло то, что французы называютъ: *du chien*, т.-е. бойкость въ связи съ необыкновенною подвижностью; передъ вами, казалось, шаловливый, быстрый юноша, замаскированный женщиной; къ такому сравненію прибавлялъ темный пушокъ на верхней, слегка приподнятой губѣ, открывавшей передніе выдвинутые зубы, какъ у англичанки,—что, въ общей сложности, придавало лицу сходство съ юркими звѣрками изъ породы грызуновъ.

— Отчего такъ поздно?—спросила она, подавая руку Муратову.

— Виноватъ, княгиня, засидѣлся съ княземъ.

— Очень нужно! Ты фла-фла,—обратилась она къ подходившему мужу,—ты не танцуешь, могъ бы одинъ сидѣть дома, если тебѣ это нравилось... Ольга,—подхватила она, неожиданно повернувшись къ стоявшей за ея спиной, стройной молоденькой дѣвушкѣ, съ неправильными, но привлекательными чертами смуглаго лица, приближавшагося нѣсколько къ японскому типу въ его утонченномъ, умягченномъ видѣ. У японокъ большею частью маленькіе, черные, быстрые, блестящіе глазки; у барышни глаза были такіе же черные, но большіе, напоминавшіе мягко выгнутою формой вѣкъ вырѣзку глазъ античныхъ статуй; быстрота и блескъ замѣнялись въ нихъ выраженіемъ спокойствія, чего-то сосредоточеннаго, задумчиваго; на смуглой тонкой кожѣ лица, безпрестанно и безъ всякой видимой причины, вспыхивалъ свѣжій здоровый румянецъ, выдававшій противъ ея воли малѣйшее движеніе ея души.

— Представляю тебѣ, Ольга, еще новаго кавалера,—сказала княгиня.—Надѣюсь ты съ нимъ не соскучишься; Муратовъ,—моя кузина Ольга Минская, только что пріѣхавшая изъ Саратова... *Voyons Mouratoff, vite un joli petit compliment... allez!...*

— Какіе у васъ чудные глаза,—произнесъ Муратовъ, охорашиваясь и почтительно наклоняясь.

Она вспыхнула.

Онъ вторично поклонился и моментально направился къ высокой бѣлокурой дамѣ, черты которой оживились, какъ только Муратовъ вошелъ въ залу. Подлѣ стоялъ ея мужъ—молодой, но толстый, ...хтѣвшій офицеръ съ красною шеей и тупо выпученными водя...стыми глазами.

— Ты кажется на него разсердилась, вся даже покраснѣла,—...азала княгиня, посматривая на кузину смѣющимися глазами,—... него нельзя сердиться: *il est si drôle...*

— Я не сержусь... мнѣ только показалось страннымъ.

— Вздоръ какой! *C'est sa manière.*

— У меня голова болитъ,—тихо проговорила кузина.

— Какъ, опять?!.. *Trop souvent*! *Trop souvent*, *ma chère*!!—произнесла княгиня, остановивъ на Ольгѣ свои маленькіе черные глазки съ примѣтнымъ оттѣнкомъ язвительности.—*Tout cela c'est des* пустячки!—прибавила она нѣсколько мягче:—у кого не болитъ голова,—у всѣхъ рѣшительно, никто на это не жалуется.

Но княгинѣ не было ни времени, ни охоты долго разговаривать съ провинціальною кузиной. Быстрые ея глаза, бѣгавшіе какъ мышенки, остановились на старомъ, но молодившемся и выкрашенномъ генералѣ, выходившемъ изъ боскета.

Всѣмъ было извѣстно, что генералъ, влюбленный или притворящійся влюбленнымъ въ княгиню,—всюду ее преслѣдовалъ. Увидавъ ее, генералъ просвѣтлѣлъ и маленькимъ торопливымъ шажкомъ пошелъ на встрѣчу; но неожиданно между нимъ и княгиней подвернулся владѣлецъ сада, Пузыревъ.

Наружность Пузырева, если смотрѣть сбоку, представляла человѣка средняго роста, съ короткимъ ожирѣвшимъ туловищемъ, надъ которымъ, почти безъ шеи, круглилась голова съ зачесанными на затылокъ волосами; профиля лица совсѣмъ не было видно, такъ какъ носъ, и безъ того крошечный, въ видѣ пуговки, заслонялся сбоку полными, раздутыми щеками; пріятели находили въ немъ большое сходство съ моськой; дѣйствительно, закинутая голова, важность осанки, ничтожество носа, коротенькія мясистыя уши, напоминали отчасти это домашнее животное; но стоило Пузыреву взглянуть на васъ прямо,—сходство мгновенно сглаживалось; лицо тогда скорѣй всего напоминало лицо мѣнялы: тотъ же сѣрый цвѣтъ кожи на дряблыхъ гладко выбритыхъ щекахъ, какъ у актера, та же мертвенность губъ, тѣ же преждевременныя мелкія морщины; одно не отвѣчало сходству: рысьи глазки, оживленные неимовѣрнымъ лукавствомъ.

При видѣ Пузырева, лицо генерала приняло брезгливое выраженіе; тоненькій носикъ княгини досадливо завострился.

— Вы очень кстати,—проговорила она кисло-сладкимъ голосомъ, обратясь къ Пузыреву,—я не успѣла еще поблагодарить васъ... Вашъ садъ великолѣпенъ...

— Фю-фю... такъ себѣ... Вы, княгиня, слишкомъ снисходительны.

— Фю-фю! Что такое фю-фю?... Какой вы однако-жъ фатъ, Пузыревъ! Повторяю: садъ великолѣпенъ!... Всѣ находятъ. Вамъ должно быть очень пріятно.

— Конечно... Я хотѣлъ только сказать: можно бы еще лучше устроить.

Пузыревъ говорилъ пискливымъ голосомъ, чаще встрѣчаемымъ въ маскарадахъ, чѣмъ въ обществѣ.

— Чего вы еще хотите?—смѣясь возразила княгиня,—хотите напустить сюда *des lapins*... какъ это называется по-русски...

— Кроликовъ,—подсказалъ генералъ.

— Да, кроликовъ, зайцевъ и оленей, а наверху насажать обезьянъ, чтобы еще больше было похоже на дикій лѣсъ...

— *Charmant! charmant!*—воскликнулъ генералъ.

— Хи-хи-хи,—засмѣялся Пузыревъ.

Смѣхъ этотъ и еще какое-то неопредѣленное вздергиваніе плечами были обычнымъ отвѣтомъ Пузырева, какъ только замѣчалъ онъ, что въ разговорѣ съ нимъ начинаетъ проглядывать заостренное направленіе. Онъ сдѣлалъ видъ, какъ бы вдругъ увидѣлъ кого-то, и ловко юркнулъ въ сторону.

— *Pas un moment à nous*,—шепнула княгиня генералу, цѣловавшему у нея руку.

Генералъ, принявшій слова княгини за чистую монету, щелкнулъ шпорами и, выгнувъ локоть, подалъ ей руку. Едва скрывая насмѣшливую улыбку и прищуриваясь, княгиня направилась къ группѣ мужчинъ и женщинъ, окружавшихъ ближайшую ея пріятельницу Лину Гдовскую, сидѣвшую на диванѣ, подогнувъ подъ себя правую ногу и курившую папироску.

Г-жѣ Гдовской было за тридцать, но шагахъ въ десяти она казалась еще совсѣмъ молодой, благодаря искусному употребленію косметиковъ и мастерству взбивать облачками жиденькія льняныя волосы, придававшія лицу безпечно-шаловливый видъ; къ обманчивому миражу молодости прибавляли сѣрые смѣлые глаза и рядъ блестящихъ зубовъ между постоянно смѣющимися губами, слишкомъ уже пунцовыми, чтобы быть натуральнаго цвѣта.

Александра Васильевна Гдовская жила нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ мужемъ. Промотавъ большую часть состоянія жены, г. Гдовскій домоталъ бы съ легкимъ сердцемъ остальную часть, еслибы заблаговременно не вступились вліятельные родственники. цѣлавшись самостоятельной и переживъ безъ особенно сильныхъ іавственныхъ потрясеній, вредныхъ для здоровья, нѣсколько мантическихъ приключеній за границей,—г-жа Гдовская была, кѣъ говорится, обстрѣлена жизненнымъ опытомъ.

Дружба ея съ княгиней началась въ Парижѣ. Онѣ встрѣтились томъ исключительномъ кругу мужчинъ и женщинъ,—парижанъ

и иностранцевъ всѣхъ націй,—обожающихъ Парижъ, но ищущихъ въ немъ только удовлетвореніе своимъ утонченно-развращеннымъ инстинктамъ. Вся суть, весь соблазнъ чуднаго города ограничивается для нихъ катаньемъ на-показъ въ Булонскомъ лѣсу, рысканьемъ по магазинамъ, театрамъ, обѣдами и ужинами тайкомъ въ отдѣльныхъ комнатахъ,—посѣщеніемъ *Moulin rouge*, *Chat noir* и другихъ еще болѣе возбуждающихъ, эксцентрическихъ пріютовъ. Въ этой атмосферѣ одуряющей, извращенной веселости, нерѣдко встрѣчаются наши молодыя соотечественницы, вырвавшіяся на свободу изъ-подъ семейнаго и общественнаго контроля и подпорченныя уже нѣсколько дома.

Въ Петербургѣ г-жа Гдовская и княгиня окончательно сблизились.

Раздѣляя вполнѣ мнѣніе княгини насчетъ общества,—находя его также невыносимо-скучнымъ и педантичнымъ и нисколько не стѣсняясь громко выражать свои впечатлѣнія,—г-жа Гдовская вздохнула полными легкими, какъ только вступила въ кружокъ княгини, состоявшій какъ извѣстно, преимущественно изъ мужского персонала.

Свойственное свѣту лицемѣріе и недостатокъ храбрости не допускали высказывать пріятельницамъ, насколько ихъ образъ жизни возбуждалъ неблагопріятныхъ толковъ; все ограничивалось со стороны свѣта едва уловимыми оттѣнками холодности, полуулыбками, сдержанностью въ сближеніи. Смѣлость сужденій возвращалась только въ ихъ отсутствіи. Ихъ бранили за небывалое безцеремонное обращеніе, безумно-раззорительную роскошь туалета, смѣлость, подчасъ циничность жаргона, бывшаго по слухамъ въ ходу у веселящихся парижскихъ дамъ и кокотокъ, а главное—бранили за вредное вліяніе на нѣкоторыхъ молодыхъ женщинъ, начинавшихъ имъ подражать, скучая дома въ то время, какъ мужья проводили дни и ночи въ клубахъ, на охотѣ или съ товарищами, свившими гнѣздо въ балетномъ мірѣ. Г-жа Гдовская и княгиня не только не обращали вниманія на сѣтованія свѣта, но какъ бы умышленно ими бравировали. Онѣ называли чопорныхъ свѣтскихъ женщинъ,—не выключая почтенныхъ, престарѣлыхъ родственницъ,—«старыми кренделями», «*vieux craquelins*», и продолжали веселиться по-своему.

Въ той группѣ, куда направлялась княгиня, было должно быть очень весело; взрывы смѣха не прерывались.

— Какъ жаль, Мими,—такъ звали княгиню Можайскую въ интимномъ кругу,—какъ жаль, что ты опоздала, и вы также ста-

рый селадонъ!—заговорила г-жа Гдовская мужскимъ голосомъ съ хрипотой,—сейчасъ Кокò разсказывалъ намъ удивительныя вещи (она указала закуренною сигареткой на рыженькаго карапузика, съ выскакивающими глазами, какъ у придавленной лягушки),—онъ разсказывалъ намъ какъ познакомился въ *Moulin rouge* съ *la Goulue* и *Grille d'egout*; разсказывалъ о какомъ-то... Хи-хи-хи,—необыкновенномъ вантрилогѣ... Онъ привезъ изъ Парижа множество новостей и цѣлый репертуаръ послѣднихъ шансонетокъ.

— Кокò,—*jentil* Кокò,—живо перебила княгиня,—сейчасъ же что-нибудь спойте... Сейчасъ! Не смѣйте отказываться!

— *Charmé*!... только *comment* безъ аккомпанимента... Еслибъ была рояль...

— Пузыревъ! Пузыревъ!!—крикнули въ одинъ голосъ княгиня и г-жа Гдовская.

Мужчины и впереди всѣхъ маленькій Донцовъ бросились было его отыскивать, но Пузыревъ самъ явился.

— Пузыревъ, рояль!... У васъ вѣрно есть рояль?

— Конечно, но я пока велѣлъ поставить его въ билліардную.

— Онъ здѣсь нуженъ... Сюда его давайте... Сюда!...

— *Heureux, mesdames, de vous servir*,—съ комическою церемонностью проговорилъ Пузыревъ, направляясь въ припрыжку къ билліардной.

Кокò Фификовъ былъ въ своемъ родѣ не послѣднимъ украшеніемъ въ кружкѣ княгини. Родившись, подобно ей, въ Парижѣ и тамъ выросшій, онъ остался парижаниномъ до послѣдней капли крови, несмотря на совершенно русское происхожденіе. Онъ говорилъ, картавя съ удареніемъ на букву р: «*mon petit Figaro*»,—«*mon petit Paris—ma petite brioche*...» Проживъ въ Парижѣ небольшое состояніе, скрываясь въ послѣднее время отъ кредиторовъ, онъ случайно встрѣтилъ старую родственницу и былъ ею привезенъ въ Петербургъ. Благодаря ея протекціи, ему выхлопотали въ одномъ желѣзнодорожномъ обществѣ мѣсто временно исправляющаго должность сверхштатнаго члена временной коммиссіи съ жалованьемъ однакоже въ три тысячи рублей.

— Умѣетъ ли онъ что-нибудь дѣлать?—освѣдомился директоръ.

— Еслибъ умѣлъ, ему ненадобно было бы искать такого мѣста и не просили бы объ этомъ,—былъ отвѣтъ. Директоръ вполнѣ имъ удовлетворился, такъ какъ, взамѣнъ опредѣленія Фификова, сынъ его, по уговору, получилъ, благодаря той же протекціи, мѣсто въ одномъ министерствѣ. Кокò исполнялъ свою обязанность аккуратно, разъ въ мѣсяцъ, когда надо было получать жалованье;

сынъ директора не пропускалъ между тѣмъ дня, чтобы не сидѣть въ своемъ министерствѣ.

Свободнаго времени оставалось вволю у Фификова; онъ проводилъ его, завтракая у одного, обѣдая у другого и всякій разъ вознаграждалъ хозяевъ дома и ихъ гостей пѣніемъ шансонетокъ, подражаніемъ актерамъ и пѣвцамъ, разсказами игривыхъ новостей, тщательно собираемыхъ отовсюду.

Его находили очень забавнымъ и всюду приглашали.

Услыша глухое рокотанье рояля, катившагося подъ усиліями четырехъ лакеевъ, которыми командовалъ Донцовъ, княгиня и ея пріятельница Гдовская встали съ своихъ мѣстъ и принялись звать остальныхъ лицъ, гулявшихъ и сидѣвшихъ въ разныхъ концахъ сада.

— *Messieurs! Mesdames! Coco va chanter*...—слышался голосъ княгини.

— *Messieurs*, стулья, стулья! — вторилъ мужественный голосъ г-жи Гдовской.

Минуту спустя, почти все общество полукругомъ обступило рояль, на которомъ Кокô бралъ аккорды.

Въ числѣ дамъ находилась, между прочимъ, барышня Лу-лу, не успѣвшая выйти замужъ, но настолько уже самостоятельная и смѣлая, что являлась одна всюду, гдѣ только пахло суетой и веселостью; она отличалась выходками и сужденіями, отъ которыхъ,—говорили,—кости ея бабушки начинали кружиться и стукаться въ гробу. Родной ея дядя не даромъ утверждалъ, что изъ племянницы никогда не выйдетъ хорошей жены и матери. «Тутъ, — прибавлялъ онъ, указывая на лобъ, — слишкомъ много всякой требухи, а здѣсь, — заключалъ онъ, указывая на сердце, — ничего уже не осталось, все вывѣтрѣлось!» Изъ-за плеча Лу-лу смотрѣла высокая бѣлокурая Китти Елецкая и за нею, какъ бы случайно попавшій, Муратовъ; было еще нѣсколько молодыхъ дамъ и мужчинъ, между ними выдѣлялась хорошенькая, почти дѣтская головка *Nini* Липецкой, которая, несмотря на свое интересное положеніе, не могла устоять, чтобы не явиться на призывъ княгини. За дамами тѣснились мужчины. Головой выше всѣхъ, вытягивая длинную гусиную шею надъ отложнымъ въ углахъ воротникомъ рубашки, выглядывалъ секретарь иностраннаго посольства графъ Гукъ, а рядомъ съ нимъ выставлялась голова блондина, барона Зауеръ, *дешевенькаго барона,* какъ его называли, потому что онъ принадлежалъ не къ родовымъ баронамъ, съ голубою кровью въ жилахъ (они въ этомъ убѣждены), отличающей ихъ отъ остальнаго чело-

вѣчества, а къ банкирскимъ баронамъ, и, притомъ, былъ глупъ до жалости. Его удачно сравнивалъ Муратовъ съ переваренною спаржей подъ кислымъ соусомъ.

Къ общему удовольствію пропѣта была игривая пѣсенка, оканчивающаяся словами:

«Coin, coin, coin!
C'est le canard Tyrolien!»

У Кокô былъ женоподобный голосокъ, но онъ дополнялъ его выразительною комическою мимикой и къ концу каждаго куплета, удивительно вѣрнымъ подражаніемъ кваканью утки.

Слѣдующія шансонетки были еще занимательнѣе; въ одной на голосъ: *Ты помнишь ли?* сообщалось письмо, посланное женщиной изъ больницы св. Лазаря къ ея возлюбленному, карманному вору:

«C'est d'la prison que je t'ecris
Mon paûv-Polyte»...

Въ другой пѣсенкѣ дѣло шло о спорящихъ изъ-за мужчины трехъ освирѣпѣвшихъ кокотокъ. Шансонетка оканчивалась словами:

«C'est la brune, pirolé!
C'est la blonde-pirolé!
C'est la rousse-pirolé!»

Съ послѣднимъ аккордомъ, покрытымъ шумными браво, весь садъ, какъ по волшебству, освѣтился электрическимъ свѣтомъ. Въ ту же минуту оркестръ заигралъ вальсъ.

Муратовъ съ необыкновенною ловкостью подхватилъ стоявшую передъ нимъ бѣлокурую Китти Елецкую, иностранный секретарь графъ Гукъ — княгиню, Донцовъ — барышню Лу-лу, баронъ Зауеръ—*Nini* Липецкую, остальные кавалеры другихъ дамъ, и все общество попарно вихремъ завертѣлось по залѣ.

XI.

Хорошенькая *Nini* Липецкая по случаю своего интереснаго по-
...енія не могла сдѣлать больше двухъ туровъ вальса. Баронъ
...адилъ ее въ кресло, поклонился и побѣжалъ къ кузинѣ Ольгѣ
...нской.

— Благодарю васъ, я не танцую! —отвѣтила она.

— Какъ! Отчего?... *Ah mon Dieu!*... Позвольте въ такомъ ...чаѣ надѣяться на котильонъ.

— Благодарю васъ, я котильонъ также не буду танцовать.

Банкирскому барону смертельно хотѣлось пригласить даму болѣе замѣтную, чѣмъ провинціалка, но онъ не смѣлъ ослушаться княгини, пославшей его пригласить родственницу.

— Помилуйте, но для котильона можно пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ! — продолжалъ убѣждать баронъ, — *le cotillon! C'est le rève*, *la* мечта всѣхъ насъ. Согласитесь танцовать, я покажу вамъ новую фигуру, нарочно сочинилъ ее для сегодняшняго дня... Двѣ ночи не спалъ, все обдумывалъ.

Но и этотъ послѣдній аргументъ не тронулъ кузину; оглянувъ барона съ нѣкоторымъ удивленіемъ, она вторично поблагодарила его, повторивъ, что танцовать не желаетъ.

Баронъ низко поклонился и побѣжалъ приглашать другую даму.

Въ послѣдніе дни отказы Ольги, подъ предлогомъ головной боли, повторялись въ самомъ дѣлѣ слишкомъ уже часто, и замѣчаніе княгини по этому поводу было совершенно справедливо. Сначала княгиня посмѣивалась и нарочно посылала ей кавалеровъ. Примѣтивъ вскорѣ, что отказы и нелюбезность Ольги происходятъ вовсе не отъ дикости, какъ прежде казалось, но отъ угрюмости характера и нежеланія раздѣлять общую веселость, княгиня начинала жалѣть, что навязала себѣ провинціальную родственницу.

Мысль выписать ее изъ деревни пришла ей какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно. Намѣреніе, впрочемъ, было прекрасное, ей хотѣлось,—писала она матери Ольги,—«познакомиться со старшей ея дочерью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать ей *un temps soit peu*, свѣтъ и повеселить ее».

Старушка Минская находилась въ родствѣ съ княгиней по покойному мужу; она видѣлась съ ней въ послѣдній разъ вскорѣ послѣ ея брака съ княземъ и съ тѣхъ поръ поддерживала связь письмами, на которыя большею частью долго приходилось ждать отвѣта. Вспоминая съ гордою наивностью свои столичныя связи, старушка постоянно сѣтовала на ограниченность состоянія, мѣшавшее дочерямъ занять въ свѣтѣ мѣсто, принадлежавшее имъ по рожденію. Обрадованная тѣмъ, что ее не забыли столько же, сколько любезнымъ предложеніемъ, она поспѣшно снарядила дочь и, пер[е]крестивъ ее несчетное число разъ, отправила въ дорогу.

Княгиня пришла въ восхищенье при видѣ провинціалки; [въ] первые дни все, казалось, было забыто для кузины: *La délicieus[e] l'intéressante petite sauvageon*, — прозванную такъ, несмот[ря] на то, что кузинѣ было уже двадцать два года и дикостью она [не] отличалась. Въ первый же день пріѣзда княгиня повезла ее въ ог

ру, на другой день въ концертъ; она объѣхала съ ней чуть ли не всѣ знакомые дома, накупила ей множество ненужныхъ вещей, свезла къ своей модисткѣ,—словомъ, затормошила ее совершенно.

Но увлеченіе, *токàды* княгини не были продолжительны. Ей неожиданно пришла мысль о пикникѣ. Онъ вскорѣ до такой степени занялъ ея воображеніе, что кузина отошла на второй планъ.

Ольга рада была отдохнуть послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ безпрерывной суетѣ; отъ непривычки она едва могла придти въ себя. Ясно было для нея одно только: первыя впечатлѣнія не оправдали ея ожиданій.

Разочарованіе началось съ княгини. Всѣ ея разговоры, тщеславіе, суетливое желаніе играть роль, небрежное, почти презрительное обращеніе съ больнымъ, разслабленнымъ мужемъ, — все это своимъ контрастомъ съ понятіями и чувствами Ольги произвело на нее удручающее впечатлѣніе, задержало первые ея порывы къ сближенію со столичною кузиной; ея ухаживанье, любезность, подарки скорѣе стѣсняли Ольгу, чѣмъ радовали. Предположивъ въ ней больше умѣнья скрывать свои чувства, она и тогда не могла бы обмануть княгини; отъ зоркой наблюдательности послѣдней ничего не ускользнуло. Восхищеніе улетучилось какъ бы само собою, ухаживанье и подарки прекратились.

Княгиня, очевидно, тоже обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Она разсчитывала найти восторженную, наивно-забавную провинціалку, и, вмѣсто того, встрѣтила серьезную, сдержанную дѣвушку, способную, какъ видно, вселять скорѣе скуку, чѣмъ быть забавной. Ей уже сначала не понравилось что-то въ этихъ задумчивыхъ черныхъ глазахъ, въ сосредоточенномъ выраженіи лица, вопреки окружавшему веселью. Эгоизмъ княгини, капризность, избалованность не могли выносить чего бы то ни было, неотвѣчающаго ея вкусамъ и желаніямъ. Не прошло двухъ недѣль, какъ уже вмѣсто: *L'intéressante, la charmante petite sauvageon,* говорилось съ оттѣнкомъ легкой ироніи: *Notre cousine de Saratoff*... Въ охлажденіи княгини Ольга обвиняла самоё себя, свое неумѣнье себя сдерживать; она пробовала, старалась овладѣть собой. Но притворство никакъ не согласовалось съ ея прямою, честною натурой. Непривычка выражать лицомъ противоположное тому, что происходитъ въ душѣ, прибавляло только, противъ ея воли, неловкости въ обращеніи съ княгиней и лицами, которыя инстинктивно ей не нравились. Неловкость усиливалась также благодаря оттѣнку чего-то новаго, какъ бы принужденнаго со стороны лицъ, такъ недавно еще осаждавшихъ ее своимъ ухаживаньемъ и любезностями. Внѣш-

ность отношеній оставалась та же; оттѣнокъ, тѣмъ не менѣе, былъ чувствителенъ, онъ заключался въ едва уловимыхъ интонаціяхъ голоса при встрѣчахъ или прощаньи. *Bonjour M-lle Olga,* или: *M-lle Minsky; Boujour M-lle Loulou!*... Слова эти произносились такимъ образомъ, что въ однихъ звучала холодная необходимая учтивость, въ другихъ какъ бы умышленно подчеркивалась преувеличенная радость. Ольгѣ не откуда было знать, что вокальная музыка этого рода, практикуемая въ свѣтѣ сплошь и рядомъ, достигаетъ у нѣкоторыхъ дамъ такой утонченной виртуозности въ управленіи голосомъ, которой позавидовала бы сама Патти. Неловкость и смущеніе не помѣшали ей наблюдать и прислушиваться къ разговорамъ молодыхъ людей, съ которыми случалось ей говорить и танцовать. Какое пренебреженье ко всякому интересу, какъ только рѣчь не касалась охоты, плоской насмѣшки, сплетни! Какая зависть къ чужому успѣху! Какое мнѣніе о своемъ значеніи, ничѣмъ лично не оправданномъ, и что еще глупѣе, основанномъ на древности рода безъ особенныхъ даже заслугъ со стороны предковъ!

Изъ представленныхъ ей мужчинъ она менѣе всего стѣснялась говорить съ двоюроднымъ братомъ князя Можайскаго, Саблуковымъ, пріѣхавшимъ на-дняхъ изъ Москвы; но ей пришлось говорить съ нимъ очень мало, такъ какъ онъ почти все время проводилъ у постели больного умирающаго дяди. Изъ женщинъ, съ которыми познакомила ее княгиня, болѣе другихъ была ей симпатична Китти Елецкая, за которой съ такимъ усердіемъ ухаживалъ Муратовъ. Но Ольга не знала этой подробности; она готова была бы привязаться къ Елецкой, еслибъ суета свѣта давала ей возможность чаще съ ней видѣться. Елецкая не звала ее къ себѣ, княгиня рѣже къ ней ѣздила, чѣмъ къ другимъ знакомымъ.

Какъ только кончился вальсъ, княгиня, узнавъ отъ барона объ отказѣ Ольги, сдѣлала ей втихомолку маленькую сцену. Кузина кротко выслушала, но когда, передъ началомъ третьей кадрили, стали подходить къ ней съ приглашеніями, она, все-таки, всѣмъ отказала.

XII.

Въ танцахъ участвовало не все общество, приглашенное княгиней. Не танцующіе дѣлились на двѣ группы: одна находилась въ боскетѣ, предназначенномъ для играющихъ въ карты, другая—въ билліардной. Сюда послѣ завтрака собралось нѣсколько мужчинъ, преимущественно женатыхъ, бѣжавшихъ отъ танцевъ, кто по лѣ-

ности, кто изъ желанія укрыться отъ тяжкой обязанности любезничать съ дамами, вѣчно стѣсняющими какими-то мудрыми отвлеченными разговорами, вычитанными, по всей вѣроятности, накакунѣ изъ книгъ. Тутъ находились: пучеглазый мужъ Китти Елецкой, которая такъ нравилась кузинѣ Ольгѣ, былъ князь Можайскій, было еще нѣсколько человѣкъ штатскихъ и военныхъ.

Здѣсь, какъ вообще въ каждомъ почти собраніи мужчинъ, вниманіе, прежде всего, приковывалъ извѣстный чудакъ и богачъ Байдаровъ. Онъ лежалъ въ растяжку на диванѣ, подложивъ подъ ноги гору подушекъ, курилъ черную сигару и, время отъ времени, прихлебывалъ коньякъ изъ рюмочки, поставленной подъ рукой рядомъ съ бутылкой. Несмотря на такую невыгодную позу, легко было себѣ представить отчего такъ еще недавно засматривались на него женщины и чему завидовали мужчины: ростъ, складъ тѣла, начинавшаго полнѣть къ тридцати пяти годамъ, черты лица и вообще вся голова, точно отформованная на античной римской модели, показывали, что со стороны природы приложено было желанье устроить все къ лучшему; не останавливаясь на внѣшней оболочкѣ своего баловня, она дала ему также нѣкоторую долю ума и доброе сердце. Къ сожалѣнію, какъ только дѣло природы было кончено и работа перешла въ заботливыя руки родителей и благонамѣренныхъ воспитателей, физическое развитіе баловня замѣтно стало опережать умственныя и нравственныя качества. Уродливое воспитаніе, притворныя поклоненіе и лесть, преждевременное знакомство съ богатствомъ и его преимуществами, просачиваясь мало-помалу въ добрыя качества, произвели такой винегретъ, въ которомъ разобраться было весьма трудно.

Извращенное воспитаніе и также фатальное дѣйствіе наслѣдственнаго богатства не замедлили высказаться. Къ двадцати пяти годамъ выработался капризный самодуръ, не знавшій предѣла своимъ фантазіямъ, управляемый не разсудкомъ, а впечатлѣніемъ минуты.

Десять разъ въ день мѣнялось расположеніе его духа. Наступало счастливое настроеніе,—онъ былъ добръ, веселъ, уменъ, великодушенъ, щедрою рукой раздавалъ деньги, не справляясь о ихъ употребленіи. Въ тотъ же день, иногда часъ спустя, совершалось полное превращеніе; лучше было съ нимъ тогда не встрѣчаться; онъ становился нестерпимо грубымъ, раздраженно привязывался къ каждому слову, дѣлалъ сцены за лишній рубль въ счетахъ, отвѣчалъ на вопросы презрительнымъ взглядомъ черезъ плечо, заводилъ исторіи, кончавшіяся три раза дуэлью и разъ чуть не поплатился жизнью.

Пресыщенный до мозга костей избыткомъ наслажденій, избалованный снисходительностью общества, податливостью угодниковъ, любовницами дома и за границей, Байдаровъ въ лучшіе, зрѣлые годы олицетворялъ личность, лишенную равновѣсія, психопата, не способнаго слѣдовать опредѣленному пути, отдаться какому-нибудь занятію, подчиниться какой бы то ни было дисциплинѣ. Онъ положительно не зналъ, что съ собою дѣлать, куда дѣвать остатокъ силъ. Овдовѣвъ (онъ былъ женатъ на родной сестрѣ князя Можайскаго и потерялъ ее пять лѣтъ тому назадъ), Байдаровъ, хотя не былъ особенно вѣрнымъ и нѣжнымъ супругомъ, окончательно какъ бы потерялъ почву подъ ногами; съ этого времени проявилась въ немъ явная наклонность къ злоупотребленію крѣпкими напитками,—слабость, унаслѣдованная отъ предковъ вмѣстѣ съ богатствомъ. Въ самой его наружности произошли перемѣны: тонкія черты красиваго лица, закругленнаго теперь ожирѣніемъ, видимо загрубѣли; щеки обрюзгли; вмѣсто свѣжаго, здороваго румянца установился сѣро-фіолетовый болѣзненный оттѣнокъ. Глаза только сохранили прежнюю красоту; выраженіе было только другое: изъ-подъ отяжелѣвшихъ вѣкъ они смотрѣли мутно, разсѣянно, ничѣмъ, повидимому, не интересуясь.

Вмѣстѣ съ физическимъ и нравственнымъ распаденіемъ признаки самодурства еще замѣтнѣе стали обнаруживаться. Неожиданно, безъ всякой надобности, продалъ онъ за безцѣнокъ великолѣпный прадѣдовскій домъ и переселился въ наемную квартиру, которую неожиданно также бросилъ, купилъ яхту и отправился путешествовать вокругъ свѣта; доѣхавъ до Александріи, онъ остановился въ Каирѣ, но спустя нѣсколько дней возвратился въ Марсель и основался въ Парижѣ.

Появленіе его въ Петербургѣ всегда свидѣтельствовало, что онъ остался чѣмъ-нибудь недоволенъ въ Парижѣ.

Въ настоящій пріѣздъ капризомъ его было недоброжелательство къ Пузыреву.

Никогда не бывая у него *изъ принципа*, какъ онъ выражался, Байдаровъ ни за что не пріѣхалъ бы въ его садъ, еслибъ въ добрую минуту не далъ честное слово княгинѣ быть на ея пикникѣ; ему не хотѣлось также обидѣть зятя, князя Можайскаго. Онъ называлъ его не иначе, какъ *pauvre sire,* но цѣнилъ въ немъ древность рода, которымъ также тщеславился, забывая, что аристократическія традиціи собственной его фамиліи не переходили за предѣлы царствованія императрицы Екатерины II.

Байдаровъ не выносилъ Пузырева по многимъ причинамъ: на-

чать съ того, что ему съ перваго взгляда не понравилась его физіономія; во-вторыхъ, онъ встрѣчалъ въ немъ соперника по богатству; въ-третьихъ, его постоянно раздражала дерзкая увѣренность, съ какою Пузыревъ держалъ себя въ обществѣ; кстати ужъ, не разбирая, справедливо или нѣтъ, Байдаровъ срывалъ на Пузыревѣ раздраженіе противъ общества, давшаго такъ легко обольстить себя его кормленіемъ и угодничествомъ.

Пузыревъ, которому хорошо были извѣстны чувства къ нему Байдарова, тщательно избѣгалъ съ нимъ встрѣчи; когда же встрѣчался, всегда, какъ человѣкъ осторожный, старался, сколько допускало самолюбіе, казаться предупредительнымъ; онъ разсчитывалъ такимъ способомъ отвлечь потокъ злоязычія, направленный въ его сторону; старанія эти были, однакожъ, совершенно тщетны.

Не успѣлъ Байдаровъ уладиться на диванѣ и закурить сигару, какъ уже рѣчь зашла о Пузыревѣ.

— *Quel animal!* — провозгласилъ Байдаровъ, находившійся, повидимому, въ миролюбивомъ настроеніи, несмотря на частое прикладыванье къ коньяку,—меня больше всего удивляетъ твоя жена,—продолжалъ онъ, обращаясь къ зятю,—какая была ей надобность устраивать здѣсь именно этотъ пикникъ.

— Онъ самъ предложилъ.

— Предложилъ! Вотъ этими-то самыми способами, т.-е. принимая отъ него всякія одолженія въ видѣ зимнихъ садовъ и обѣдовъ, скрѣпляете вы его связь съ обществомъ. Не даромъ *cet animal* возмечталъ о себѣ, сталъ держать себя съ такою нахальною самоувѣренностью.

— Зазнаваться свойственно всѣмъ выскочкамъ, *tout parvenu veut jouer du gentillome!*—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Особенно когда они встрѣчаютъ такую поддержку! — сказалъ другой, желавшій угодить Байдарову.—Я сейчасъ могу привести образчикъ дерзости Пузырева: на-дняхъ случайно заѣзжаетъ онъ въ мастерскую къ какому-то художнику; тотъ на другой день летитъ къ нему съ визитомъ. «Отчего вы не взяли съ собой вашу мастерскую?—спрашиваетъ Пузыревъ. Художникъ растерялся.— Я вѣдь, пріѣзжалъ вовсе не къ вамъ, а въ вашу мастерскую»,— довершилъ Пузыревъ.

— *Quel animal!*—воскликнулъ опять Байдаровъ.—У васъ въ Петербургѣ только и слышишь: общество упало, понизилось... Иначе быть не можетъ: степень его паденія объясняется степенью возвышенія Пузыревыхъ!

— Какимъ бы ни былъ Пузыревъ,—я его мало знаю,—но, по-

моему, тѣ, которые ѣдятъ его хлѣбъ и бранятъ его, гораздо хуже его самого,—нерѣшительно сказалъ князь.

— Гм... гм... на нашъ счетъ,—промычалъ пучеглазый офицеръ Елецкій.

— Нисколько... Я никогда не слыхалъ, чтобы ты бранилъ его... Вотъ онъ — другое дѣло,—заключилъ князь, указывая на зятя,—только, кажется, слишкомъ ужъ преувеличиваетъ.

— Преувеличиваю!—нетерпѣливо оборвалъ Байдаровъ и тутъ же тоненькимъ, жалостливымъ голоскомъ прибавилъ: — Фла-фла, *mon bon ami*, я тебя очень люблю, ты это знаешь, *mais tu n'es qu'un serin!*

Князь, привыкшій къ подобнымъ выходкамъ зятя, добродушно усмѣхнулся; остальные показали видъ, какъ будто ничего не слышали.

— По-моему, что противно въ Пузыревѣ, это—то, что у него ничего не дѣлается безъ разсчета,— замѣтилъ первый собесѣдникъ,—вездѣ видна подкладка! Я никогда у него не былъ, но меня увѣряли,—стоитъ взглянуть, напримѣръ, на подборъ лицъ, приглашенныхъ на его обѣды, чтобы понять, что и тутъ дѣло не дѣлается спроста, всегда съ комбинаціей... Одни приглашаются изъ тщеславнаго побужденія, другіе—съ цѣлью ихъ забавлять, третьи потому, что будутъ особенно пріятны или нужны тѣмъ, кто самъ нуженъ хозяину дома, и т. д.

— Да, но въ этихъ случаяхъ комбинація не всегда удачна,— замѣтилъ второй собесѣдникъ.—Я также никогда у него не былъ, но слышалъ отъ приглашаемыхъ: въ столовой съ нимъ любезны, въ гостиной надъ нимъ подшучиваютъ, выходя на улицу бранятъ на всѣ корки... Не совсѣмъ вѣрно стало-быть замѣчаніе, что главнымъ его покровителемъ является его поваръ.

— Если не главнымъ, то однимъ изъ существенныхъ!—перебилъ Байдаровъ.—Я предлагаю, когда Пузыревъ умретъ, вырѣзать на его памятникѣ, вмѣсто всякихъ надписей, меню его обѣдовъ.

Всѣ засмѣялись, но тотчасъ же умолкли при видѣ входившаго Пузырева.

Съ обычною развязностью, но съ притворно-веселымъ, безпечнымъ видомъ обратился онъ къ присутствующимъ:

— Меня прислали къ вамъ дамы, — проговорилъ онъ своимъ писклявымъ голосомъ, —спрашиваютъ, что вы всѣ здѣсь дѣлаете? зачѣмъ не показываетесь?

— Много такихъ дамъ?—спросилъ Байдаровъ.

— Право, не знаю.

— Справьтесь!—дерзко сказалъ Байдаровъ.

— Справляться нечего!—возразилъ Пузыревъ, стараясь овладѣть собой и продолжая показывать веселый видъ, — всѣ дамы... всѣ спрашиваютъ, отчего вы не танцуете?...

— Передайте дамамъ, что я готовъ танцовать, но только подъ условіемъ,—танцовать качучу и не иначе, какъ съ вами: вы за даму, я за кавалера.

— *Toujours le même*... ха, ха...—отшучиваясь, пролепеталъ Пузыревъ.

— Да, *toujours le même!*—крикнулъ Байдаровъ.

На лицѣ Пузырева показались красныя пятна; въ эту минуту онъ готовъ былъ раздавить Байдарова, но снова овладѣлъ собою. Опасаясь новой выходки, онъ захихикалъ и, ловко повернувъ заднею частью своего тѣла, юркнулъ въ дверь.

— *Qu'est-ce qu'il me veut-cet animal?!*—на этотъ разъ уже раздраженно проговорилъ Байдаровъ.

— Перестань, услышитъ,—замѣтилъ князь Можайскій.

— *Ah, par exemple, je m'en fiche bien!*—возразилъ зять, пуская въ стѣну окурокъ сигары.

XIII.

Въ залѣ сада, между тѣмъ, танцы смѣнялись одинъ другимъ. Донцовъ продолжалъ производить чудеса не только въ хореографическомъ искусствѣ, но въ подвижности и быстротѣ, съ какими, танцуя, онъ въ то же время успѣвалъ подхватить на-лету упавшій платокъ или вѣеръ, успѣвалъ подать стулъ, сочинить на мѣстѣ новую фигуру и тутъ же смѣшить прибаутками и комическими выходками.

— *Il est impayable!*—говорила княгиня.

— *Impayable!*—повторяли другіе.

Донцовъ дѣйствительно много способствовалъ къ оживленію, тому *entrain*, который, невольно захватывая каждаго изъ участвующихъ, сообщается всей группѣ танцующихъ Казалось, бѣшеный вихрь ворвался вдругъ въ залу: пары стремительно неслись по паркету, кружились, расходились, сталкиваясь; шарканье подошвъ, постукиванье каблуковъ, шелестъ платьевъ, восклицанія, хохотъ, визгъ скрипокъ, темпъ оркестра какъ будто усиливали нервное возбужденіе танцующихъ и придавали общей картинѣ характеръ чего-то вакхическаго; глаза дамъ блестѣли, щеки горѣли, грудь колыхалась, съ трудомъ переводя духъ. Но расходившіеся

кавалеры съ новымъ азартомъ, точно брали крѣпости, подскакивали къ дамамъ, быстрымъ движеніемъ подхватывали ихъ за талію, перебрасывали ихъ на-лету одинъ другому и, жадно посматривая разгорѣвшимися глазами на ихъ голыя шеи, уши, затылокъ, нашептывая имъ любезности, вертѣли ими на всевозможные лады.

Муратовъ, танцовавшій чаще другихъ съ Китти Елецкой, усадилъ ее въ кресло, какъ только изъ билліардной показался ея мужъ, сопровождаемый другимъ офицеромъ.

Елецкой подошелъ къ женѣ.

— Не довольно ли?—спросилъ онъ сонливымъ голосомъ.

— Какъ? Ты хочешь уѣхать?—спросила, краснѣя, жена.

— Я едва держусь на ногахъ отъ усталости, а завтра ученье въ манежѣ... Поѣдемъ... — началъ мужъ, но княгиня Можайская была уже тутъ и безцеремонно ухватила его за рукавъ.

— Какъ? Что? Ѣхать?... Вотъ что выдумалъ... *C'est trop fort*! Китти останется! Можете сами ѣхать! Вы не танцуете и намъ не нужны! Подите-ка лучше отыщите моего мужа и позовите его ко мнѣ.

Толстякъ пожалъ плечами и направился къ билліардной, но, проходя мимо товарища, шепнулъ ему скороговоркой: «Сказалъ ей: умираю отъ усталости *et me voila*! Поѣзжай и пригласи свою Жульетъ обѣдать къ Кюба... знаешь угловую комнату... я потолкаюсь здѣсь еще полчасика для виду и черезъ часъ—къ вамъ.

Послѣднія слова произнесены были уже въ билліардной.

Минуты двѣ спустя въ залѣ показался князь.

— *Serge*!—крикнула княгиня, махая ему издали вѣеромъ,— скорѣй!... *Comme tu es long, mon cher*! Мы придумали вотъ что: перемѣнить обѣдъ на ужинъ, — теперь и безъ того поздно обѣдать,— рѣшили всѣмъ отправиться ужинать къ *Felicien*, знаешь, тамъ, на Каменномъ острову... Будь милъ, поѣзжай туда и закажи ужинъ...

— Я пошлю Илью.

— Нѣтъ, нѣтъ, самъ поѣзжай... Ахъ, да, забыла спросить: посылалъ ли ты отсюда депешу спросить: какъ дядя *Athanase*?

— Сейчасъ только прислалъ отвѣтъ Володя Саблуковъ: «совсѣхъ плохъ, ждутъ съ минуты на минуту».

— *Ah, mon Dieu*. Не сегодня бы только, не сегодня! Разстроитъ весь нашъ праздникъ... Ужъ лучше завтра бы умеръ... Такъ будь милъ, поѣзжай къ *Felicien*... Я всѣхъ уже пригласила. *Sois jentil, fais bien les choses*.

Князь не возражалъ; отойдя нѣсколько шаговъ и проговоривъ

свое обычное: «Это, однакожъ, чортъ знаетъ что такое!», — онъ тоскливо оглянулъ еще разъ садъ и направился къ выходу.

— *Mon mari* (она терпѣть не могла говорить: мужъ),— сейчасъ получилъ телеграмму: дядя *Athanase* очень плохъ,—разсказывала княгиня, переходя отъ одного къ другому и сообщая свои опасенія.

— Ничего, княгиня, не сокрушайтесь заранѣе; вы знаете, въ этихъ случаяхъ всегда преувеличиваютъ опасность; у страха глаза велики, какъ говоритъ пословица,—замѣтилъ Муратовъ.

Слова Муратова возвратили прерванную веселость, но, все-таки, время отъ времени то у того, то у другого невольно набѣгала мысль: «Умеръ бы лучше ужъ завтра, чѣмъ сегодня! Не все ли ему равно!»

Въ то время, какъ Илья и нѣсколько лакеевъ разносили мороженое и прохладительное питье, Муратовъ, Донцовъ и еще двое мужчинъ, отойдя нѣсколько въ сторону, бесѣдовали, передавая другъ другу свои соображенія насчетъ предстоящаго котильона.

Къ нимъ вскорѣ присоединились Лина Гдовская, ведя подъ руку *Nini* Липецкую, и барышню *Лу-Лу*, оставившую своихъ пріятельницъ шептаться съ ихъ кавалерами и, очевидно, стѣснявшихся ея присутствіемъ; подошли еще двѣ-три дамы съ кавалерами, за ними показалась княгиня Можайская. Шагахъ въ трехъ за нею, съ озабоченною важностью въ чертахъ, выступалъ Илья и два лакея, державшіе серебряные подносы съ уложенными на нихъ маленькими букетами, бумажными золочеными звѣздами, разнообразными значками, перевязанными лентами, и другими принадлежностями котильона.

— Отлично!—воскликнулъ подоспѣвшій Донцовъ, какъ только подносы поставлены были на столѣ и люди удалились,—но знаете, что, княгиня, — добавилъ онъ, оглядывая присутствующихъ смѣющимися глазами,—еслибъ вмѣсто этихъ прекрасныхъ котильонныхъ сувенировъ дамы согласились пришпиливать къ обшлагамъ фрака и мундира разорванные векселя ихъ кавалеровъ, многіе изъ нихъ,—я увѣренъ,—были бы больше осчастливлены... *C'est une idée ça!* Ей-Богу!...

Разговоръ прерванъ былъ оркестромъ, который заигралъ вальсъ. Всѣ опять завертѣлись, точно новый бѣшеный вихрь внезапно ворвался въ залу.

XIV.

Отказываясь отъ танцевъ въ теченіе цѣлаго дня, Ольга Минская очень хорошо понимала, что усиливаетъ этимъ нерасположеніе княгини, не стѣснявшейся обращаться къ ней съ холодностью, примѣтной даже для постороннихъ. Но предстоящія объясненія съ кузиной и соображенія казаться оригинальной въ глазахъ ея пріятелей и пріятельницъ промелькнули только въ ея памяти. Она скоро возвратилась къ мыслямъ, которыя въ эти послѣдніе дни занимали ее. Она переживала душевное настроеніе, знакомое всѣмъ впечатлительнымъ натурамъ, перенесеннымъ вдругъ изъ тихаго семейнаго круга въ шумное общество новыхъ, незнакомыхъ лицъ. Сегодня особенно почему-то видъ веселящихся людей рождалъ въ ея душѣ обратное дѣйствіе: чувство грусти, потребность къ уединенію, нежеланіе говорить и слушать. Она была довольна тѣмъ, что ее подъ конецъ оставили въ покоѣ. Она воспользовалась этими минутами, чтобы пройти въ ту часть сада, которая была устроена въ видѣ тропическаго лѣса. Разъ только, проходя мимо, удалось ей туда заглянуть. Контрастъ этого угла съ шумною, блестящею залой отвѣчалъ какъ нельзя лучше теперешнему ея настроенію.

Таинственный полумракъ сообщался густотою растеній, пропускавшихъ слабый свѣтъ съ боковъ и изъ потолка танцовальной залы; мѣстами, въ сторонѣ отъ извилистыхъ дорожекъ, встрѣчались совершенно темныя углубленія,—родъ нишей,—заслоняемыя группами банановъ, вѣеровидными пальмами и тѣсно переплетенными растеніями. Ольга остановилась въ одномъ изъ такихъ углубленій, сѣла въ плетеное кресло и задумалась.

Впечатлѣнія дней, проведенныхъ въ домѣ столичной родственницы, стали проходить въ ея памяти. Прежде всего остановилась она на тѣхъ первыхъ вечерахъ, когда робко, съ замираніемъ сердца входила она въ гостиную князя. Отъ непривычки къ шумной, суетливой жизни первое впечатлѣніе было похоже на то, какъ будто она неожиданно упала въ водоворотъ и закружилась въ немъ почти до потери сознанія. Ночью только, лежа въ постели, могла она собраться съ мыслями. Она невольно улыбнулась, вспомнивъ свои мечты въ то время, какъ ѣхала изъ деревни.

«Можетъ ли быть,—продолжала она думать,—чтобы «свѣтъ», о которомъ такъ часто разсказывала ей мать, такъ скоро могъ перемѣниться? Можетъ ли быть, чтобы все въ немъ отмѣчалось такой страшной пустотой, такой праздностью жизни, фальшью, эгоизмомъ, безумнымъ бросаніемъ денегъ, не останавливаясь ни

минуты на мысли, откуда берутся эти деньги и какимъ трудомъ онѣ получаются! Быть не можетъ! Кружокъ княгини составляетъ, вѣроятно, какую-нибудь особую, исключительную часть того «свѣта», о которомъ слышала она разсказы».

Впечатлѣнія, проходившія такимъ образомъ въ ея памяти, убѣждали ее, уже не первый разъ, что она ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ, что она здѣсь совершенно чужая. Не первый разъ также сердце ея наполнилось тоскою, желаніемъ возвратиться въ родное гнѣздо, гдѣ такъ мирно, такъ безмятежно счастливо провела она свою жизнь съ тѣми, кто былъ ей близокъ и дорогъ... Вотъ ужъ въ зелени стараго сада показалась крыша родного дома... Дальше, на косогорѣ, облитомъ заходящимъ солнцемъ, виднѣются избы, ослѣпительно блистая маленькими окнами... Справа выдѣляется бѣлая церковь съ оградой знакомаго кладбища... Ниже, между ветлами, сверкнули изгибы рѣчки и лѣвѣе открылась мельница съ ея скворешницей... Она и сестры перешли уже плотину, направляясь къ любимой березовой рощѣ... Мягкой, золотистою волной стелется дозрѣвающая рожь, испещренная до половины роста васильками и вьющейся павиликой; надъ полемъ, въ безоблачномъ лучезарномъ небѣ, заливаются жаворонки... Слышится въ этихъ звукахъ что-то радостное, отвѣчающее настроенію сердца и безъ того уже полнаго неизъяснимымъ радостнымъ чувствомъ... Какъ хорошо вокругъ! Какъ хороша жизнь, какъ раскрывается душа ко всему высокому и прекрасному! Нѣтъ, нѣтъ! Она не хочетъ больше оставаться у свѣтской кузины! Она ей больше, чѣмъ чужая! Сегодня же, возвратясь въ городъ, напишетъ она матери, прося придумать предлогъ, чтобы скорѣе, скорѣе выписать ее домой...

Шорохъ, раздавшійся въ десяти шагахъ, заставилъ ее очнуться; обративъ глаза въ ту сторону, она различила между вѣтвями, въ блѣдно-голубоватомъ полусвѣтѣ, лицо Муратова и, рядомъ съ нимъ, Китти Елецкую, которая болѣе другихъ была ей по-сердцу. Не успѣла Ольга сдѣлать движеніе, какъ послышался поцѣлуй; знакомый голосъ приковалъ ее къ мѣсту:

— Бога ради... Уйдемте... Насъ могли замѣтить...

— Клянусь вамъ, никто не замѣтилъ... Одну минуту... минуту только! Китти, Китти... Я васъ люблю! Люблю безъ памяти! Вы это знаете! —торопливо шепталъ мужской голосъ.—Какая вамъ радость терзать меня?... Скажите только,—когда? Гдѣ... Одно, одно только слово...

— Мой мужъ...—проговорила Елецкая голосомъ, въ которомъ было что-то скорбное, молящее.

— Вашъ мужъ! Но, Боже мой! Развѣ онъ васъ цѣнитъ, любитъ, понимаетъ? Вы сами хорошо это знаете... Онъ недостоинъ васъ... А я... я люблю васъ безумно... Но вы — вы безжалостны! Скажите же, когда?... Гдѣ?

— Завтра... въ два часа...—едва слышно прошепталъ женскій удалявшійся голосъ, заглушенный спѣшными поцѣлуями.

Смѣсь изумленія и испуга овладѣли Ольгой; въ глазахъ ея помутилось; вся кровь бросилась ей въ голову; сердце ея колотилось; руки и ноги дрожали.

Она быстро поднялась съ мѣста и, почти безсознательно ступая по извилистой дорожкѣ, внезапно очутилась въ освѣщенномъ боскетѣ, гдѣ четверо играли въ карты и двое сидѣли подлѣ, ожидая, вѣроятно, очереди. Изъ двухъ послѣднихъ ей были знакомы крашеный генералъ, ухаживавшій за кузиной, и пожилая дама, тетка барышни Лу-лу, прозванная въ кругу княгини *тетюшей* за непроходимую ея глупость.

— *А! M-lle Olga!* Вотъ сюрпризъ! Какъ неожиданно!... Развѣ вы не танцуете котильонъ?

— Нѣтъ... Мнѣ нездоровится...—взволнованнымъ голосомъ проговорила Ольга, поклонилась и поспѣшно вышла изъ боскета.

Котильонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Никто не замѣтилъ, какъ она прошла дальней стороной залы къ выходу. Тутъ она встрѣтила Илью и просила его подать ей сани, сказавъ, что тотчасъ же вышлетъ ихъ обратно.

XV.

— Интересный типъ брюнетки! *Jolis yeux!* — проговорилъ крашеный генералъ, какъ только Ольга скрылась. — Немножко робка, застѣнчива, но это скоро пройдетъ,—отшлифуется... Я часто встрѣчалъ ее у княгини.

— Еще бы! *La reine* вашего вѣтренаго сердца!... Успокойтесь,—говорю не изъ ревности!...—перебила игравшая въ карты графиня Пинская,—коротенькая, рыженькая дама, съ задорно-вздернутымъ, завостреннымъ на концѣ носикомъ, одержимая нервнымъ подергиваньемъ лица и плечъ. Ее звали въ обществѣ Виперриной Перфидовной,—прозвищемъ, доставшимся ей не даромъ; ея злой языкъ, жалившій какъ шило, никого рѣшительно не щадилъ. Когда она собиралась язвить, губы ея сжимались, образуя трубочку, передвигавшуюся то въ одну сторону, то въ другую, и, въ то же время, въ глазахъ табачнаго цвѣта появлялся зловѣщій зе-

леноватый блескъ, какъ у змѣи, которой наступили на хвостъ. Партнеромъ ея былъ совершенно лысый дипломатъ Синекуровъ, сдѣлавшій блестящую карьеру тѣмъ, что всю свою жизнь находилъ все прекраснымъ или отмалчивался, пріятно, хотя отчасти таинственно, улыбаясь. Еслибъ въ его присутствіи дурно отозвались о Стенькѣ Разинѣ, онъ и тогда не утерпѣлъ бы сказать: «Да, конечно... Гм... гм... но нельзя всему безусловно вѣрить... Разинъ, быть можетъ, былъ хорошій семьянинъ, любилъ своихъ дѣтей...» и т. д.

Заступничество и похвалы такого рода, принятыя какъ правило жизни и практикуемыя съ приправкой добродушной улыбки, всегда почти служатъ въ глазахъ дамъ отраженіемъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ; въ угодливость дамамъ мнѣніе распространяется дальше и подъ конецъ уже во всемъ обществѣ устанавливается репутація благодушнаго человѣка—*de l'homme bienveillant!*

По правую руку дипломата сидѣлъ старый сановникъ съ умнымъ, веселымъ лицомъ, бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и не по лѣтамъ живыми глазами. Его часто можно было встрѣтить въ обществѣ молодежи; онъ увѣрялъ, что оно было ему необходимо, какъ самое вѣрное освѣжающее средство послѣ дня, проведеннаго безвыходно въ комитетахъ, засѣданіяхъ, коммиссіяхъ и совѣщаніяхъ. Независимо отъ его пріятнаго, снисходительнаго характера, онъ отличался еще тѣмъ несомнѣннымъ качествомъ, что никогда не притворялся государственнымъ человѣкомъ, — слабостью, свойственной многимъ его собратамъ по службѣ. По правую его руку находилась среднихъ лѣтъ дама, баронесса Фликъ, но уже съ просѣдью, раздѣлявшая отчасти вкусы сановника насчетъ веселаго общества, но, главнымъ образомъ, одержимая бѣшеною страстью къ картамъ, готовая играть въ какое угодно время съ утра до вечера.

Разговоръ присутствующихъ, оживляемый комическими и колкими замѣчаніями графини Пинской, былъ неожиданно прерванъ появленіемъ Пузырева.

— А! Счастливый обладатель сихъ чудныхъ Армидиныхъ садовъ! — воскликнулъ крашеный генералъ, говорившій всегда нѣсколько вычурно.

— Вы находите, генералъ? Фю-фю!... *C'est assez réussi*... вотъ все, что можно сказать...— проговорилъ Пузыревъ съ обычнымъ фатовствомъ.

— Напрасно относитесь вы какъ будто съ пренебреженіемъ къ собственному созданію; оно прекрасно,— сказалъ сановникъ, хорошо знавшій цѣну скромности Пузырева.

— Мало того, прекрасно, — очаровательно! Поэтично! — отозвался дипломатъ, весь поглощенный игрою, но, по привычкѣ, считавшій обязанностью сказать любезность. Онъ сладко улыбнулся и прибавилъ: — Да, да, вашъ зимній садъ — *c'est un petit paradis*... Маленькій рай!

— Совершенно согласна съ нашимъ милымъ дипломатомъ! — заговорила молчавшая до сихъ поръ графиня Пинская. — Рай! Настоящій рай! Не достаетъ только въ немъ картины съ изображеніемъ перваго грѣхопаденія!

— Закажите ее! — дерзко обратился къ ней Пузыревъ.

— Охотно, — возразила она, — но съ условіемъ, чтобы живописецъ помѣстилъ въ ней васъ въ видѣ Адама.

Всѣ невольно разсмѣялись.

— Хи, хи, хи! — засмѣялся вмѣстѣ съ другими Пузыревъ. Но смѣхъ его принадлежалъ скорѣе къ такъ называемому «желтому», «кисло-лимонному». Онъ ненавидѣлъ графиню, зная, что она не пропускаетъ случая сказать на его счетъ какую-нибудь колкость. Онъ готовился уйти, но его остановилъ генералъ вопросомъ:

— Скажите, правда ли, говорятъ, вы не хотите больше увеселять насъ?... Не хотите давать баловъ?

— *Ces beaux bals!* — съ нѣжностью подхватилъ дипломатъ.

— Правда, только не совсѣмъ, — отвѣчалъ Пузыревъ, искоса поглядывая на графиню. — Я не хочу давать большихъ баловъ, потому что на нихъ бываетъ множество лицъ, которыхъ нельзя избѣжать, надо приглашать, но безъ которыхъ я бы охотно обошелся. Они являются съ тѣмъ, чтобы потомъ злословить... Маленькіе танцовальные вечера и квартеты пріятнѣе тѣмъ, что приглашаешь тѣхъ, кто нравится... Я вообще намѣренъ нѣсколько сократить посѣтителей... Какъ бы сказать, нѣсколько очистить... *un peu épurer*...

При послѣднемъ словѣ графиня опустила руку, державшую карты; губы свернулись въ трубочку; въ зрачкахъ сверкнулъ зловѣщій зеленоватый блескъ.

— Прекрасная мысль! — сказала она, глядя на Пузырева въ упоръ. — Очистить ваше общество! Чего же лучше!... Только знаете ли что? Я посовѣтовала бы вамъ, прежде всего, начать съ самого себя!...

Рѣзкость, съ какою это было сказано, заставила присутствующихъ поднять голову.

Но Пузырева уже не было.

— Зачѣмъ такъ зло?... — съ укоромъ проговорилъ сановникъ.

— *Il est si serviable!* — подхватилъ дипломатъ, притворяясь огорченнымъ выходкой графини.

— Терпѣть не могу этого нахальнаго выскочку,— заговорила графиня,— онъ сманилъ у меня лучшаго моего лакея, потому что тотъ отличался представительною наружностью!... Баронесса, вамъ сдавать! — обратилась она къ любительницѣ карточной игры.

— Представьте,— вмѣшалась молчавшая до сихъ поръ дама, прозванная за глупость *тетюшей,*— представьте, у моей сестры Пузыревъ также переманилъ лакея... Его звали Аполлономъ... Онъ былъ красивъ и очень высокъ ростомъ...

— Пузыревъ, какъ видно, раздѣляетъ вкусы Фридриха Великаго,—любитъ декоративныхъ рослыхъ людей!—смѣясь, замѣтилъ генералъ.

— Всѣ вы, я вижу, имѣете какое-то нерасположеніе,— *une dent,*— противъ Пузырева. За что? Почему?—сказалъ дипломатъ, жадно слѣдившій за игрою.— Вы не можете, по крайней мѣрѣ, отказать ему въ умѣ; онъ уменъ, уменъ,—это несомнѣнно.

— Не стану спорить,—возразилъ сановникъ,—хотя мнѣ казалось всегда въ немъ больше лукавства и сметки... Во всякомъ случаѣ, что толку въ его умѣ? Какую цѣну дать уму, который исключительно трудился для себя и, прибавьте, для какой ничтожной цѣли: втискаться въ общество, стараться играть въ немъ роль... представлять изъ себя какого-то вельможу...

— Вельможу!—воскликнула графиня Пинская.—Что вы! Что вы, мой милый, помилосердуйте! Между нимъ и вельможей такая же разница, какъ между Цицерономъ и какимъ-нибудь итальянскимъ чичироне.

— О, о, о!...— подхватили всѣ въ одинъ голосъ.

Дипломатъ ничего не сказалъ, но произвелъ движеніе, какъ бы заслонялся отъ нанесеннаго удара.

— Будь онъ уменъ въ самомъ дѣлѣ,— продолжалъ сановникъ,— онъ, съ его огромнымъ состояніемъ, конечно, направилъ бы свою дѣятельность въ другую сторону; пусть и здѣсь управляло бы тщеславіе,—результатъ пользы, все-таки, былъ бы...

— Хорошо то, по крайней мѣрѣ, что онъ много тратитъ денегъ,— замѣтилъ генералъ.

— Конечно... съ точки зрѣнія денежнаго оборота,—промолвилъ сановникъ.—Я давно его знаю: по натурѣ онъ скупъ, благородннаго великодушія—ни на грошъ. Всмотритесь въ него хорошенько: отъ него вѣетъ холодомъ, какъ изъ подвала; у него во всю жизнь не шевельнулось сердце; онъ никогда никого не любилъ,—

себя только; онъ—воплощенный эгоизмъ; если онъ и дѣлалъ что-нибудь помимо кормленія и увеселенія общества, въ основѣ, опять-таки, все дѣлалось для той же мелкой тщеславной цѣли, для рекламы, для сближенія съ лицами, которыя были ему нужны; слѣдуетъ прибавить еще одну курьезную черту: самъ онъ никогда мизинца не разогнулъ, лично, самъ, никогда ничего не дѣлалъ...

Дипломатъ, безъ сомнѣнія, вставилъ бы слово въ защиту, но вниманіе его въ это время отвлечено было соображеніями о томъ, съ чего ходить противъ баронессы, поставившей его въ затруднительное положеніе.

Его роль заступилъ генералъ.

— Суета—суетой,—сказалъ онъ,—но кто же въ такомъ случаѣ управляетъ его огромными дѣлами? Я слышалъ, онъ ими самъ занимается и ведетъ ихъ, говорятъ, отлично.

— Дѣла его въ отличномъ порядкѣ—это вѣрно; но вѣрно ли, что онъ самъ ведетъ ихъ, это еще подъ сомнѣніемъ. Видали ли вы какое-нибудь сборище, чтобъ его не встрѣтить? Балы, рауты, посольскіе пріемы,—онъ вездѣ какъ тутъ. Тамъ, слышишь, пригласилъ онъ на нѣсколько сутокъ на охоту гостей и угощаетъ ихъ лукулловскими завтраками и обѣдами; тамъ, съ тѣми же лицами, онъ на скачкахъ и рысистыхъ бѣгахъ; тамъ, слышно, опять уѣхалъ финтить за границу. Гдѣ же, помилуйте, заниматься дѣлами? Не сорокъ же восемь часовъ у него въ сутки, тѣ же двадцать четыре, когда тутъ? Если ужъ хвалить, такъ развѣ за то, что, благодаря деньгамъ, умѣлъ онъ обзавестись дѣловыми, умными людьми; двухъ я знаю: вполнѣ достойныя и образованныя личности, вотъ они-то все за него и дѣлаютъ. Но и тутъ хвалить его особенно не за что. Онъ, говорятъ, обходится съ ними съ обычнымъ высокомѣріемъ, что еще хуже, тщательно, какъ тайну, скрываетъ ихъ участіе и смѣло принимаетъ на свой счетъ ихъ работу.

XVI.

Разговоръ, державшійся нѣсколько времени около того же предмета, неожиданно былъ прерванъ необычнымъ шумомъ въ танцовальной залѣ; послышались крики, стукъ передвигаемыхъ стульевъ, и въ то же время оркестръ умолкъ. Не прошло двухъ-трех секундъ, княгиня Можайская показалась въ боскетѣ. Надо было думать, произошло что-нибудь особенное, потому что княгиня, н принадлежавшая къ числу пугливыхъ, показывала знаки истинна го смущенія.

Генералъ суетливо поднялся съ мѣста и побѣжалъ къ ней, остальныя лица, хотя и съ меньшею торопливостью, сдѣлали то же самое.

— Что случилось? — спросилъ съ озабоченнымъ видомъ генералъ.

— Это ужасно! *Un vrai scandale*! —могла только проговорить княгиня.

При словѣ: *scandale*, дипломатъ началъ метаться, отыскивая свою шляпу.

— Куда же вы? Постойте... Кончимъ, по крайней мѣрѣ, партію,—удерживала его баронесса, между тѣмъ, какъ графиня Пинская, сановникъ, *тетюша* и генералъ осаждали княгиню вопросами.

— Представьте... Пузыревъ... нѣтъ, Байдаровъ... *Il n'en fait jamais d'autres*! Байдаровъ игралъ на билліардѣ. Нѣтъ, *je m'embrouille*! Байдаровъ лежалъ на диванѣ, а Пузыревъ игралъ на билліардѣ. Нѣтъ, *je m'embrouille*. Вотъ они лучше вамъ раскажутъ,— добавила княгиня, опускаясь на стулъ и указывая на входившихъ ея мужа и Муратова.

Первый смущенъ былъ, казалось, не меньше жены, онъ растерянно подергивалъ свою жиденькую бородку; лицо второго сохраняло свою обычную веселость.

— Случилось вотъ что,—началъ Муратовъ,—все вышло изъза пустой игры словъ: *livrer* и *livrée*, которую нельзя перевести на русскій языкъ. Пузыревъ игралъ на билліардѣ и чуть было не уложивъ въ лузу собственный шаръ, сказалъ: «*Tiens, j'ai manqué la livrer*!» Байдаровъ, лежавшій на диванѣ, громко ему крикнулъ: «*Je l'avais toujours dit*». Пузыревъ отвѣтилъ какою-то дерзостью и, говорятъ,—меня тутъ не было, я дирижировалъ котильономъ,— замахнулся кіемъ. Байдаровъ вскочилъ, какъ бѣшеный, переглянулся съ товарищами. Пузырева схватили, вынесли на рукахъ къ намъ въ залу, и не успѣли мы очнуться, какъ уже они бросили его въ басейнъ подъ каскадомъ.

— *Bien fait*!—произнесла графиня Пинская.

— И утонулъ?—спросила *тетюша*.

— Нѣтъ, благополучно выскочилъ съ свойственной ему ловкостью.

— И вамъ не грѣхъ смѣяться?—упрекнула *тетюша*.

— Я не смѣюсь... я соболѣзную... слабо... но соболѣзную,— вѣчалъ Муратовъ, дѣлая комически-печальную мину.

— *C'est une horreur*!—говорили вокругъ.

— Да... да... это... это чортъ знаетъ, что такое! — послышался слабый голосъ князя.

— Ахъ, какъ все это глупо!—вмѣшалась успѣвшая ободриться княгиня,—нашъ праздникъ теперь испорченъ. Гадкій, гадкій Байдаровъ.

— Послѣ того, что случилось, намъ, очевидно, нельзя здѣсь оставаться, пользоваться его гостепріимствомъ,—сказалъ сановникъ, у котораго, повидимому, прошла веселость.

— Конечно, конечно,—заговорила княгиня,—мы всѣ сейчасъ же ѣдемъ на Каменный островъ.

— Какъ? Зачѣмъ? — отозвалось нѣсколько удивленныхъ голосовъ.

— Какъ зачѣмъ? *Jolie question*! Ужинать!—воскликнула окончательно уже оживленная княгиня,—ужинать къ Фелисьенъ! *Mon mari* нарочно ѣздилъ заказывать. Ужинъ въ *cabaret*,—это такъ весело! Оба ступайте сейчасъ же распорядитесь,— обратилась она къ мужу и Муратову,—на тебя Фла-Фла я, впрочемъ, не очень надѣюсь,—вы, Муратовъ, и вы, Донцовъ, распорядитесь: три дамы и двое мужчинъ на каждую тройку.

— *C'est fait*!—сказалъ Донцовъ, бросаясь къ выходу и увлекая за собой Муратова и князя.

— Что до меня касается, я отказываюсь. Никогда не ужинаю! Къ тому же, я обѣщалъ подвести баронессу,—проговорилъ сановникъ, старавшійся казаться веселымъ, но, по всему уже было видно, общество молодежи, какъ освѣжающее средство послѣ комитетовъ, не произвело на этотъ разъ своего цѣлебнаго дѣйствія.

— Меня къ двѣнадцати часамъ обѣщалъ подвести нашъ милый дипломатъ,—сказала графиня Пинская.— Но гдѣ же онъ, *l'homme bienveillant*? Исчезъ! Вотъ славно! Осторожный кавалеръ, нечего сказать! Во всякомъ случаѣ онъ, по храбрости, не происходитъ по прямой линіи отъ рыцаря Баяра. Вы меня подвезете вмѣстѣ съ баронессой, — прибавила она, пропуская руку подъ локоть сановника.

— Ну, Богъ съ вами, когда такъ! — воскликнула княгиня,— вы одинъ мой вѣрный, *mon seul fidèle*!—подхватила она, пристальн посматривая на генерала, который, выгнувъ спину до вывих спѣшилъ подать ей руку.

Въ залѣ суета не совсѣмъ еще утихла: музыканты укладыва инструменты, лакеи приводили въ порядокъ стулья, дамы и кан

леры спѣшили къ выходу. Въ прихожей всѣмъ уже весело распоряжались Донцовъ и Муратовъ. Тамъ только княгиня, сидя уже въ шубѣ и протягивая ногу генералу, старавшемуся надѣть ей теплыя сапоги, замѣтила отсутствіе Ольги. Узнавъ отъ Ильи, что она давно уѣхала, княгиня въ первую минуту выразила удивленіе, но тутъ же, сдвинувъ брови, досадливо сказала:

— Хорошо сдѣлала, что уѣхала! *La cousine de Saratoff* начинаетъ мнѣ надоѣдать своей головною болью. *Au fond c'est une mijaurée!*

Д. Григоровичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОБѢГЪ.

Разсказъ.

(Изъ далекаго прошлаго).

I.

Солнце быстро поднималось въ бирюзовую высь безоблачнаго неба, обѣщая жаркій день.

Оно заливало яркимъ блескомъ и эти зеркальныя, совсѣмъ заштилѣвшія, приглубыя севастопольскія бухты, далеко врѣзавшіяся въ берега, и стоявшіе на рейдѣ многочисленные военные корабли, фрегаты, бриги, шхуны и тендера прежняго черноморскаго флота, и красавецъ Севастополь, поднимавшійся надъ моремъ въ видѣ амфитеатра и сверкавшій своими фортами, церквами, домами и домиками слободокъ среди зеленыхъ купъ садовъ, бульваровъ и окрестныхъ хуторовъ.

Былъ шестой часъ на исходѣ прелестнаго августовскаго утра.

На корабляхъ давно уже кипѣла работа.

Къ подъему флаговъ, то-есть къ восьми часамъ, всѣ суда приводили въ тотъ обычный щегольской видъ умопомрачающей чистоты и безукоризненнаго порядка, какимъ вообще отличались суда черноморскаго флота.

Съ ранняго утра тысячи матросскихъ рукъ терли, мыли, скоблили, оттирали или, по выраженію матросовъ, «наводили чистоту» на палубы, на пушки, на мѣдь, — словомъ, на все, что было на палубахъ и подъ ними до самаго трюма.

Давно работали въ докахъ, адмиралтействѣ, въ разныхъ портовыхъ мастерскихъ, расположенныхъ по берегу. Среди грохота молотковъ и лязга пилъ порою раздавалась дружная «дубинушка», при которой русскіе люди какъ-то спорѣе поднимаютъ тяжести и ворочаютъ громадныя бревна.

Опустѣли и мрачные блокшивы *), стоявшіе на мертвыхъ якоряхъ **) и, словно прокаженные, вдали отъ другихъ судовъ, въ самой глубинѣ корабельной бухты.

Это—пловучіе «мертвые дома».

Подневольные жильцы ихъ, арестанты военно - арестантскихъ ротъ, съ четырехъ часовъ уже разведены по разнымъ работамъ.

Въ толстыхъ холщевыхъ рубахахъ и такихъ же штанахъ, въ уродливыхъ сѣрыхъ шапкахъ на бритыхъ головахъ, они прошли, звякая кандалами, нѣсколькими партіями, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ, по пустымъ еще улицамъ и возвратятся домой только вечеромъ, когда наступитъ прохлада, и «весь городъ» высыпетъ на бульвары и Графскую пристань.

И тогда во миакѣ чудной южной ночи эти блокшивы замигаютъ огоньками фонарей, и среди тишины бухты раздадутся протяжные оклики часовыхъ, каждыя пять минутъ одинъ за другимъ выкрикивающихъ: «слу-шай!»

Проснулись и слободки, окаймлявшія городъ, съ ихъ маленькими бѣлыми, похожими на мазанки, домами, населенными преимущественно семьями отставныхъ и служащихъ матросовъ, артиллерійскихъ солдатъ, казенныхъ мастеровыхъ и вообще бѣднымъ, рабочимъ людомъ.

Рынокъ,—этотъ клубъ большинства населенія,— расположенный у артиллерійской бухты, давно кишѣлъ народомъ.

Шумныя и оживленныя кучки толкались между ларьками, среди мясныхъ, телячьихъ и бараньихъ тушъ, куръ, утокъ и разной дичи, среди массы зелени и разнообразныхъ овощей юга, — горъ арбузовъ и пахучихъ дынь и множества фруктовъ, привезенныхъ изъ ближнихъ садовъ. Торговали, кричали и сердились. Тутъ же дѣлились послѣдними новостями и сбывали поношенное платье и старую обувь.

У самаго берега бухты стояли рыбачьи суда сосѣдняго городка Балаклавы со свѣжею рыбой. Какой только не было! И камбала, и скумбрія, и жирная кефаль, и бычки, и маленькая золотистая султанка, которую лакомки считаютъ за самую вкусную рыбу Чернаго моря. Только что наловленныя устрицы лежали въ корзинкахъ и предлагались поварамъ и кухаркамъ.

Тутъ же, рядомъ съ рыбнымъ рынкомъ, въ прозрачной, словно

*) Блокшивъ—старое, негодное для службы, военное судно, безъ мачтъ, приспособленное для жилья.

**) Мертвый якорь — якорь, отъ котораго на толстой цѣпи плаваетъ на поверхности воды бочка. Къ кольцу на этой бочкѣ привязывается цѣпью судно.

хрусталь, водѣ заливчика бухты, отливавшей изумрудомъ, купалась толпа мальчишекъ. Съ веселымъ смѣхомъ бросались они въ воду, плескались, обдавали одинъ другого брызгами, плавали и ныряли, словно утки, соревнуя въ своемъ искусствѣ другъ передъ другомъ и передъ глазѣющею публикой.

Надъ рынкомъ, залитымъ блескомъ веселаго южнаго солнца, стоялъ непрерывный говоръ толпы. Рѣчь изобиловала неправильностями языка южныхъ городовъ и звучала мягкимъ тономъ малороссійскаго акцента. Среди этой рѣчи порой выдѣлялось торопливое, громкое и въ то же время вкрадчивое «сюсюканье» продавцовъ рыбы и устрицъ, халвы и рахатлукума — этихъ увлекающихся балаклавскихъ грековъ съ ихъ смуглыми, мясистыми лицами, горбатыми носами, черными съ поволокой глазами, напоминающими крупныя маслины, и съ быстрыми жестами оголенныхъ мускулистыхъ рукъ цвѣта темной бронзы. Слышались и гортанные звуки татаръ, сидѣвшихъ на корточкахъ у корзинъ съ грушами, виноградомъ и яблоками, съ выраженіемъ горделиваго безстрастія на своихъ красивыхъ лицахъ съ классическими чертами, напоминающими о чистой арійской крови ихъ предковъ — генуэзцевъ и грековъ, когда-то жившихъ въ Крыму. Порой разносились, покрывая говоръ толпы, отчаянныя клятвы «дамъ рынка» — бойкихъ, задорныхъ торговокъ-матросокъ—и ихъ энергичная брань, приправленная самыми великорусскими импровизаціями, которымъ могъ бы позавидовать любой боцманъ, и вызывавшими громкій и сочувственный смѣхъ рыночной публики.

Все здѣсь жило полною жизнью большого и оживленнаго морского города.

Никто, разумѣется, въ этой шумной толпѣ и не предвидѣлъ, что скоро Севастополь будетъ въ развалинахъ и что эти прелестныя и оживленныя бухты опустѣютъ и на поверхности рейда, гдѣ стоитъ теперь черноморскій флотъ, будутъ торчать, словно кресты надъ могилами, верхушки мачтъ потопленныхъ кораблей.

II.

Въ началѣ восьмого часа этого веселаго, свѣтлаго утра, въ дѣтской большого казеннаго дома командира порта и севастопольскаго военнаго губернатора худенькій мальчикъ лѣтъ восьми или девяти съ необыкновенно подвижнымъ лицомъ и бойкими карими глазами торопливо оканчивалъ свой туалетъ при помощи старой няни Агаѳьи.

— Да ну же скорѣй, няня! Ты всегда копаешься! — нетерпѣливо и властно говорилъ мальчикъ въ то время, какъ низенькая и коренастая Агаѳья расчесывала, не спѣша, его кудрявые, непокорные, густые каштановые волосы.

— Ишь, вѣдь, попрыгунъ!... Ни минуты не постоитъ смирно. Всегда торопится точно на пожаръ, — ворчала няня, любовно посматривая въ то же время на своего любимца. — Да не вертись же, говорятъ. Такъ тебя и не причесать. Будешь нечесаный, какъ уличный мальчишка.

Но мальчикъ, видимо не особенно тронутый такими замѣчаніями и испытывавшій неодолимую тоску отъ долгаго чесанія, когда солнце такъ весело играетъ въ комнатѣ и въ растворенное окно врывается струя свѣжаго воздуха вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ сада, уже выдернулъ не вполнѣ причесанную кудрявую голову изъ рукъ няни и, улыбающійся, жизнерадостный и веселый, сталъ быстро надѣвать курточку.

— Дай хоть пригладить вихры, Васенька.

— И такъ хорошо, няня.

— Нечего сказать: хорошо!... Адмиральскій сынъ, и торчатъ вихры. Не бойсь, папенька замѣтитъ—не похвалитъ.

Вася уже не слыхалъ послѣднихъ словъ няни Агаѳьи, которую любилъ и не ставилъ ни въ грошъ, зная, что она вполнѣ въ его рукахъ и исполнитъ всѣ его прихоти. Онъ выскочилъ изъ дѣтской, на ходу застегивая курточку и, пробѣжавъ анфиладу комнатъ, остановился у запертыхъ дверей кабинета.

Веселое лицо мальчика тотчасъ же приняло тревожное выраженіе. Онъ нѣсколько секундъ простоялъ у дверей, не рѣшаясь войти, и въ головѣ его пробѣжала обычная мысль о томъ, что ходить каждое утро къ отцу для того, чтобъ пожелать ему добраго утра— весьма непріятная обязанность, безъ которой можно бы и обойтись.

«А, все-таки, нужно», — мысленно проговорилъ онъ и, тихо пріотворивъ двери, вошелъ.

Въ большомъ кабинетѣ, у письменнаго стола, сидѣлъ, опустивъ глаза на бумаги, худощавый, высокій старикъ въ лѣтнемъ халатѣ, съ гладко выбритыми морщинистыми щеками, отливавшими здоровымъ румянцемъ, причесанный по-старинному, съ высокимъ кокомъ темныхъ, чуть-чуть сѣдѣвшихъ волосъ, который возвышался посрединѣ головы въ родѣ пѣтушинаго гребня. Короткіе подстриженные сѣдые усы торчали щетинкой.

Эти колючіе «тараканьи» усы всегда особенно пугали мальчи-

ка, наводя на него трепетъ, когда они нервно и быстро двигались, обнаруживая вмѣстѣ съ подергиваніемъ плечъ и движеніемъ скулъ дурное расположеніе духа суроваго и непреклоннаго адмирала, котораго рѣшительно всѣ въ домѣ, начиная съ адмиральши, боялись какъ огня.

— Добраго утра, папенька!—тихо, совсѣмъ тихо,—проговорилъ дрогнувшимъ отъ волненья голосомъ Вася, приблизившись къ письменному столу и не спуская съ отца замирающаго, словно бы очарованнаго взгляда, полнаго того выраженія, какое бываетъ въ глазахъ у маленькой птички, увидавшей передъ собою ястреба.

Слыхалъ ли отецъ привѣтствіе сына и нарочно, какъ это случалось не разъ, не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, заставляя мальчика недвижно стоять у стола безконечную минуту, другую,—или, занятый бумагами, дѣйствительно не замѣчалъ Васи, трудно было рѣшить, но только онъ не поворачивалъ головы.

Такъ прошло нѣсколько долгихъ секундъ.

А въ раскрытыя окна кабинета, полнаго прохлады, глядѣли густыя акаціи и тѣнистые, раскидистые орѣшники, не пропускавшіе лучей солнца, съ крупными грецкими орѣхами въ зеленой скорлупѣ, и невольно напоминали Васѣ о томъ, что тамъ, въ верхнемъ саду, вдали отъ дома, его ждутъ многія удовольствія, радости и пріятныя встрѣчи, о которыхъ никто изъ домашнихъ и не догадывался.

А усы отца стояли неподвижно, и скулы морщинистыхъ щекъ не двигались.

И мальчикъ, ощутивъ приливъ мужества, рѣшился снова проговорить, нѣсколько повышая свой мягкій высокій теноровъ:

— Добраго утра, папенька!

Быстрымъ энергичнымъ движеніемъ адмиралъ вскинулъ голову и остановилъ серьезный, сосредоточенный и, казалось, недовольный взглядъ на своемъ младшемъ сынѣ—Веніаминѣ семьи.

И что-то мягкое и даже нѣжное на мгновеніе смягчило эти суровыя черты и засвѣтилось въ этихъ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ, властныхъ и острыхъ, сохранившихъ, несмотря на то, что адмиралу было шестьдесятъ лѣтъ, живость, энергію и блескъ молодости.

— Здравствуй!—отрывисто и рѣзко проговорилъ адмиралъ.

И, противъ обыкновенія, вмѣсто того, чтобы кивнуть голово[й] давая этимъ знать, что мальчикъ можетъ уйти, онъ сегодня п[о]трепалъ своей костлявой рукой по заалѣвшей щекѣ сына и пр[о]должалъ тѣмъ же рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ:

— Здоровъ, конечно? Скоро въ Одессу... учиться. Перваго сентября поѣдешь на пароходѣ. Ну, ступай!

Вася не заставилъ себя ждать.

Онъ быстро исчезъ изъ кабинета и облегченно и радостно вздохнулъ, точно освободившись отъ какой-то тяжести, когда очутился въ диванной, рядомъ со спальной матери, которая, какъ и сестры, еще спала.

Наскоро выпивъ стаканъ молока, приготовленный няней Агаѳьей, онъ сунулъ въ карманъ незамѣтно отъ няньки нѣсколько кусковъ сахара и бросился въ садъ.

Миновавъ цвѣтники, оранжереи и теплицы нижняго сада, онъ торопливо перепрыгивалъ ступеньки небольшихъ лѣстницъ, отдѣляющихъ террасу отъ террасы огромнаго сада, длинныя аллеи котораго окаймлялись густыми шпалерами винограда, а на грядахъ, расположенныхъ по самой срединѣ террасъ и обложенныхъ красиво дерномъ, росли правильными рядами всевозможные фруктовыя деревья, полныя крупныхъ пушистыхъ персиковъ, сочныхъ грушъ, большихъ желтыхъ и зеленыхъ сливъ, янтарныхъ ранетовъ, миндаля, грецкихъ орѣховъ и бѣлой и красной шелковицы.

Этотъ громадный, возвышавшійся террасами, садъ, выходившій на три улицы и обнесенный вокругъ каменной стѣной, съ его роскошными цвѣтниками у дома, съ оранжереями, теплицами, съ его бесѣдками, обвитыми пахучими цвѣтами, и большимъ деревяннымъ бельведеромъ, откуда открывался чудный видъ на Севастополь и его окрестности и откуда, годъ спустя, Вася въ подзорную трубу смотрѣлъ, какъ двигались французскія войска длинной синѣющей лентой черезъ Инкерманскую долину, направляясь къ южной сторонѣ города,—этотъ садъ содержался въ образцовомъ порядкѣ и сіялъ чистотой, плѣняя глаза, главнымъ образомъ, благодаря работѣ арестантовъ.

Партія ихъ, человѣкъ въ двѣнадцать, пятнадцать, раннимъ утромъ, какъ только солнце поднималось надъ городомъ, входила въ большую калитку верхняго сада съ задней улицы и работала въ немъ часовъ до трехъ или до четырехъ, пока двое конвойныхъ солдатиковъ дремали, опершись на ружья, у калитки или гдѣ-нибудь въ саду.

Арестанты, приходившіе ежедневно, кромѣ праздниковъ, на работу въ садъ командира порта, обыкновенно были одни и тѣ же. Они таскали откуда-то ушаты съ водой, поливали цвѣтники и гряды, пололи траву, подстригали деревья, мели дорожки, посыпали аллеи свѣжимъ гравіемъ и потомъ утрамбовывали ихъ,—однимъ

словомъ, дѣлали все, что приказывалъ главный садовникъ, вольнонаемный нѣмецъ, аккуратный Карлъ Карловичъ.

Работа была не изъ тяжелыхъ, и арестанты, повидимому, были довольны, что имъ приходилось заниматься садомъ, и старались изо всѣхъ силъ.

Вотъ къ этимъ-то людямъ, отбывающимъ суровое наказаніе за свои вины, и торопился Вася.

III.

Несмотря на суровое приказаніе матери и сестеръ не только не разговаривать съ этими отверженными людьми, но даже и не подходить къ нимъ близко, мальчикъ весело взбѣгалъ съ террасы на террасу и окидывалъ зоркимъ взглядомъ длинныя аллеи, предвкушая удовольствіе поболтать съ арестантами и попользоваться частью ихъ завтрака—хорошимъ кускомъ краснаго сочнаго арбуза, заѣдая его, какъ и арестанты, ломтемъ чернаго хлѣба, круто посыпаннаго солью. И тѣмъ и другимъ они радушно дѣлились съ барчукомъ, наперерывъ угощая его.

Онъ находилъ этотъ завтракъ самымъ лучшимъ на свѣтѣ,—куда вкуснѣе всякихъ изысканныхъ блюдъ, подаваемыхъ у нихъ за обѣдомъ,—а въ компаніи этихъ бритыхъ людей, позвякивающихъ кандалами, чувствовалъ себя несравненно пріятнѣе, веселѣе и свободнѣе, чѣмъ дома, особенно во время обѣдовъ, когда всѣ домашніе сидѣли молчаливые и подавленные, а онъ самъ насильно глоталъ ложки противнаго супа, чтобы не навлечь гнѣва почти всегда суроваго отца, и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца обѣда, безмолвный, не смѣя шевельнуться.

Познакомился онъ и сошелся съ арестантами только нынѣшнимъ лѣтомъ, благодаря тому, что бѣгалъ въ садъ одинъ и что вообще за нимъ не было никакого надзора. До этого времени онъ ихъ очень боялся и, забѣгая въ верхній садъ, чтобъ полакомиться фруктами, старался прошмыгнуть мимо нихъ въ почтительномъ отдаленіи и обязательно бѣгомъ. Тогда онъ считалъ всѣхъ этихъ людей въ сѣрыхъ шапкахъ, роющихъ въ саду землю или развозящихъ въ тачкахъ песокъ, способными на всякія злодѣйства, готовыми даже, какъ увѣряла его еще давно няня Агаѳья, когда онъ капризничалъ, унести мальчика и потомъ его зажарить и съѣсть, хотя бы онъ былъ и адмиральскій сынъ. Эти слова няни въ свое время произвели глубокое впечатлѣніе на Васю, несмотря на то, что другія лица, какъ, напримѣръ, мать, сестры и братья, не за

ходили въ своихъ обвиненіяхъ такъ далеко. По крайней мѣрѣ, онъ ни отъ кого не слыхалъ подтвержденія Агаѳьиныхъ словъ. Но, во всякомъ случаѣ, отзывы, которые иногда, какъ бы мимоходомъ, бросались при мальчикѣ объ арестантахъ, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти люди совмѣщаютъ въ себѣ столько пороковъ, что и не сосчитать, и еслибъ ихъ выпустить на волю, то они дали бы себя знать! Не даромъ же имъ брѣютъ головы и держатъ въ кандалахъ.

Такъ однажды говорилъ старичокъ-генералъ, пріѣхавшій съ визитомъ къ матери Васи, возмущенный по поводу какой-то жалобы, поданной арестантами на то, что ихъ плохо кормятъ и не даютъ всего, что имъ по закону полагается. Этотъ старичокъ, прикосновенный, кажется, къ дѣлу о растратѣ арестантскихъ суммъ, разумѣется, и не думалъ, что въ скоромъ времени, когда Севастополь будетъ въ опасности передъ непріятелемъ, всѣхъ этихъ арестантовъ выпустятъ на волю и снимутъ съ нихъ кандалы, и они сдѣлаются такими же доблестными защитниками осажденнаго города, какъ и остальные.

Всѣ эти разсказы еще сильнѣе подстрекали любопытство мальчика и, несмотря на страхъ, внушаемый ему этими ужасными людьми, онъ, однако, иногда рѣшался наблюдать ихъ, но, разумѣется, на такомъ разстояніи, чтобы, въ случаѣ какой-либо опасности, дать немедленно тягу.

Ихъ разговоры самаго мирнаго характера, долетавшіе до ушей Васи, добродушное мурлыканье какой-нибудь пѣсенки, во время работы и, наконецъ, многія другія наблюденія совсѣмъ не соотвѣтствовали тому представленію объ арестантахъ, которое имѣлъ мальчикъ съ чужихъ словъ, и нѣсколько поколебали его вѣру въ справедливость показаній няни Агаѳьи.

Особенно поразили его два факта.

Однажды весной онъ увидалъ, какъ одинъ изъ арестантовъ, пожилой, высокій брюнетъ съ сердитымъ взглядомъ большихъ, глубоко-сидящихъ глазъ, съ нависшими черными всклокоченными бровями, котораго Вася считалъ самымъ страшнымъ и боялся болѣе [др]угихъ, замѣтивъ выпавшаго изъ гнѣзда крошечнаго воробушка, [то]тчасъ же подошелъ къ нему, взялъ его и, бережно зажавъ въ [р]укѣ, полѣзъ на дерево и положилъ на мѣсто къ радости безпокой[н]о вертѣвшейся около и тревожно чирикавшей воробьихи. И когда [он]ъ слѣзъ съ дерева и принялся снова разсыпать изъ тачки на аллею [п]есокъ, лицо его, къ удивленію Васи, свѣтилось лаской и добротой.

Въ другой разъ арестанты нашли въ саду заброшеннаго щенка,

маленькаго, облѣзлаго, худого, и отнеслись къ нему съ большою внимательностью и даже нѣжностью. Вася видѣлъ, какъ они совали ему въ ротъ разжеванный мякишъ чернаго хлѣба, какъ положили его въ укромный уголокъ, заботливо прикрывъ его какой-то тряпкой, и слышалъ, какъ они рѣшили взять его съ собою, и это рѣшеніе, видимо, обрадовало всѣхъ.

— А то пропадетъ!—замѣтилъ тотъ же страшный арестантъ съ нависшими бровями.—А я, братцы, за нимъ ходить буду, замѣсто, значитъ, няньки!—прибавилъ онъ съ веселымъ смѣхомъ.

По соображеніямъ Васи, эти факты, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствовали, что и этимъ страшнымъ людямъ не чужды проявленія добрыхъ чувствъ.

Для разрѣшенія своихъ сомнѣній, Вася вскорѣ обратился къ старому денщику-матросу, Кириллѣ, бывшему у нихъ въ домѣ одимъ изъ лакеевъ, съ вопросомъ: правда ли, что арестанты уносятъ мальчиковъ и потомъ ѣдятъ ихъ?

Вмѣсто отвѣта, Кирилла, человѣкъ вообще солидный, серьезный и даже нѣсколько мрачный, такъ громко разсмѣялся, открывая свой большой ротъ, что Вася даже нѣсколько сконфузился, сообразивши, что попалъ въ просакъ, предложивши видимо нелѣпый вопросъ.

— Кто это вамъ сказалъ, барчукъ?—спросилъ, наконецъ, Кирилла со смѣхомъ.

— Няня.

— Набрехала она вамъ, Василій Лександрычъ, въ родѣ хавроньи, а вы взяли да и повѣрили! Слыханное ли это дѣло, чтобы, съ позволенія сказать, ѣли человѣковъ? Во всемъ крещеномъ свѣтѣ нѣтъ такого положенія, хоть кого вгодно спросите. Есть, правда, одинъ такой островъ, далеко отсюда, за окіянами, гдѣ вовсе дикіе люди живутъ, похожіе на обезьяновъ, такъ тѣ взаправду жрутъ, черти, человѣчье мясо. Мнѣ одинъ матросъ сказывалъ, что ходилъ на дальнюю *) и вездѣ побывалъ. Жрутъ, говоритъ, и крысу, и всякую насѣкомую, и змѣю, и человѣка, ежели чужой къ имъ попадется. Но окромя этого самаго острова нигдѣ этимъ не занимаются, чтобы мальчиковъ ѣсть. А русскій человѣкъ и подавно на э[illegible] не согласится. Это васъ нянька нарочно пужала. Извѣстно—баб[illegible] Не понимаетъ, дурья башка, что брешетъ дитѣ! — пренебрежите[illegible] нымъ тономъ прибавилъ Кирилла.

— Да я и не повѣрилъ нянѣ. Я самъ знаю, что людей

*) Такъ матросы называютъ кругосвѣтное плаваніе.

ѣдятъ!—оправдывался, задѣтый за живое, самолюбивый мальчикъ.—Я такъ только спросилъ. И я знаю, что арестанты вовсе не страшные!—прибавилъ Вася не вполнѣ однако увѣреннымъ тономъ, въ тайнѣ желая получить на этотъ счетъ разъясненія такого знающаго человѣка, какимъ онъ считалъ Кириллу.

— Съ чего имъ быть страшными? Такіе же люди, какъ и всѣ мы. Только незадачливые, значитъ, несчастные люди—вотъ и все.

— А за что же они, Кирилла, попали въ арестанты?

— А за разныя дѣла, барчукъ. Они, вѣдь, всѣ изъ солдатъ да изъ матросовъ... Долго ли до грѣха при строгой-то службѣ? Кои и за настоящія, прямо сказать, нехорошія вины... На грабежъ пустился или въ воровствѣ попался... Ну, и избываетъ свой грѣхъ... А кои изъ-за своего непокорнаго карахтера.

— Какъ такъ?—спросилъ Вася, не понимая Кириллу.

— А такъ. Не стерпѣлъ, значитъ, утѣсненіевъ, взбунтовался духомъ отъ боя да порки,—ну, и сдерзничалъ начальству на службѣ—вотъ и арестантская куртка! А то и за пьянство попасть можно, всяко бываетъ! Ты и не ждешь, а вдругъ очутишься въ арестантскихъ ротахъ!

— За что же?

— А за то, ежели, примѣрно, нравный человѣкъ да напорется на какого-нибудь звѣря командира, который поретъ безо всякаго разсудка и за всякій, можно сказать, пустякъ... Терпитъ, терпитъ человѣкъ, да, наконецъ, и не вытерпитъ, да отъ обиды въ сердцахъ и нагрубитъ... Не бойсь, расправа коротка... Проведутъ скрозь строй... вынесутъ замертво и потомъ въ арестанты... И вы, барчукъ, не вѣрьте, что про нихъ нянька брешетъ... И бояться ихъ нечего, и пренебрегать ими не годится... Ихъ жалѣть надо, вотъ что я вамъ скажу, барчукъ!—заключилъ Кирилла.

Послѣ такихъ разъясненій, вполнѣ, казалось, подтверждавшихъ и собственныя наблюденія Васи, онъ значительно меньше сталъ бояться арестантовъ, рисковалъ подходить къ нимъ поближе и вглядывался въ эти самыя обыкновенныя, по большей части, добродушныя лица, не имѣющія въ себѣ ничего злодѣйскаго. И они ізговаривали, шутили и смѣялись точно такъ, какъ и другіе люі, а ѣли—казалось Васѣ—необыкновенно аппетитно и вкусно.

И однажды, когда Вася жадно глядѣлъ, какъ они утромъ упиівали, запивая водой, ломти чернаго хлѣба, посыпанные лью,—одинъ изъ арестантовъ съ такимъ радушіемъ предложилъ рчуку попробовать «арестантскаго хлѣбца», что Вася не отказалъ и съ большимъ удовольствіемъ съѣлъ два ломтя и пробылъ въ

ихъ обществѣ. И всѣ смотрѣли на него такъ доброжелательно, такъ ласково, всѣ такъ добродушно говорили съ нимъ, что Вася очень жалѣлъ, когда шабашъ кончился, и арестанты разошлись по работамъ, привѣтливо кивая головами своему гостю.

Съ тѣхъ поръ между адмиральскимъ сыномъ и арестантами завязалось прочное знакомство, о которомъ Вася, разумѣется, благоразумно умалчивалъ, зная, что дома его за это не похвалятъ. И чѣмъ ближе онъ узнавалъ ихъ, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался, что и няня, и мать, и сестры, и старичокъ генералъ—рѣшительно заблуждаются, считая ихъ ужасными людьми. Напротивъ, по мнѣнію Васи, они были славные и добрые, и онъ только удивлялся, за что такихъ людей, которые такъ усердно работали, такъ хорошо къ нему относились, баловали его самодѣльными игрушками и такъ гостепріимно угощали его,—за что, въ самомъ дѣлѣ, имъ обрили головы и на ноги надѣли кандалы, лишивъ бѣдныхъ возможности бѣгать, какъ бѣгаетъ онъ.

Вася со всѣми своими новыми знакомыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но болѣе всего подружился съ однимъ молодымъ, бѣлокурымъ, небольшого роста, стройнымъ арестантомъ, съ голубыми ласковыми глазами. Онъ не зналъ, за что попалъ этотъ человѣкъ въ арестанты и не интересовался знать, рѣшивъ почему-то, что, вѣрно, не за важную вину.

Онъ чувствовалъ какую-то особенную привязанность къ этому арестанту съ задумчивымъ грустнымъ взглядомъ и за то, что тотъ разсказывалъ отличныя сказки, и за то, что онъ былъ часто грустенъ, и за его мягкій, ласковый голосъ, и за его необыкновенно добрую и пріятную улыбку,—короче, рѣшительно за все.

Звали его Максимомъ. Арестанты называли его еще «соловьемъ» за то, что часто во время работы онъ пѣлъ пѣсни и пѣлъ ихъ замѣчательно хорошо.

Когда мальчикъ, бывало, слушалъ его пѣніе, полное безпредѣльной тоски, невольное чувство безконечной жалости къ этому пѣвцу въ кандалахъ охватывало его маленькое сердце, и къ горлу подступали слезы.

И нерѣдко, нервно потрясенный, онъ убѣгалъ.

IV.

Вася попалъ въ садъ какъ разъ во время.

Арестанты только что зашабашили на полчаса и, расположившись кто кучками, кто въ одиночку, въ концѣ одной изъ алле

подъ тѣнью стѣпы, завтракали казеннымъ чернымъ хлѣбомъ и купленными на свои копѣйки арбузами.

Вася подбѣжалъ къ нимъ и, веселый, зарумянившійся, полный радости жизни, весело кивалъ головой въ отвѣтъ на общія привѣтствія съ добрымъ утромъ. Съ разныхъ сторонъ раздавались голоса:

— Каково почивали, барчукъ?

— Нянька не пужала васъ?

— Не угодно ли кавуна, барчукъ?

— У меня добрый кавунъ!

— Барчукъ съ Максимкой будетъ завтракать. Максимка нарочно большой кавунъ на рынкѣ взялъ.

— А гдѣ же Максимъ?—спрашивалъ Вася, ища глазами своего пріятеля.

— А вонъ онъ, отъ людей подъ виноградникъ забился... Идите къ нему, барчукъ, да прикажите ему не скучить... А то онъ опять вовсе заскучилъ...

— Отчего?

— А спросите его... Видно не привыкъ еще къ нашему арестантскому положенію... Тоскуетъ, что птица въ неволѣ.

— А вчерась дома еще отъ унтерцера попало!—вставилъ чернявый пожилой арестантъ съ нависшими всклокоченными бровями, придававшими его рябоватому лицу нѣсколько свирѣпый видъ.

— За что попало?—поинтересовался Вася.

— А ежели по совѣсти сказать, то вовсе здря... Не примѣтилъ Максимка унтерцера и не осторонился, а этотъ дьяволъ его въ зубы... да разъ, да другой... Это хучь кому, а обидно, какъ вы полагаете, барчукъ?... Еще если бы за дѣло, а то здря!—объяснялъ пожилой арестантъ главную причину обиды.

Вася и по собственному опыту своей не долгой еще жизни знавшій, какъ обидно, когда, бывало, и его наказывали дома не всегда справедливо, а такъ въ минуты вспышки гнѣва отца или дурного расположенія матери, поспѣшилъ согласиться, что это очень обидно и что унтеръ-офицеръ, побившій Максима, дѣйствительно дьяволъ, которому онъ охотно бы «начистилъ морду».

Вызвавъ послѣдними словами, заимствованными имъ изъ арестантскаго жаргона, одобрительный смѣхъ и замѣчаніе, что «барчукъ разсудилъ правильно», Вася поспѣшилъ къ своему пріятелю Максиму.

— Здравствуй, Максимъ! — проговорилъ онъ, когда залѣзъ въ виноградникъ и увидалъ молодого арестанта, около котораго

лежали только что нарѣзанные куски арбуза и нѣсколько ломтей чернаго хлѣба.

— Добраго утра, панычъ! — отвѣтилъ Максимъ своимъ мягкимъ голосомъ, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ.—Каково почивали? Побачьте какой кавунокъ добрый... Куштуйте на здоровье! — прибавилъ онъ, подавая Васѣ кусокъ арбуза и ломоть хлѣба и ласково улыбаясь при этомъ своими большими грустными глазами.—Я васъ дожидался...

— Спасибо, Максимъ... Я присяду около тебя... Можно?

— Отчего не можно? Садитесь, панычъ... Здѣсь добрѐ, холодкѝ.

Вася присѣлъ и, вынувъ изъ кармана нѣсколько кусковъ сахара и щепотку чая, завернутаго въ бумажку, подалъ ихъ арестанту и проговорилъ:

— Вотъ возьми... Чаю выпьешь...

— Спасибо, панычъ... Добренькій вы... Только какъ бы вамъ не досталось, что вы сахаръ да чай изъ дома уносите.

— Не бойся, Максимъ, не достанется. И никто не узнаетъ... У насъ всѣ спятъ. Только папенька всталъ и сидитъ въ кабинетѣ. Да у насъ чаю и сахару много!—торопливо объяснялъ Вася, желая успокоить Максима, и съ видимымъ наслажденіемъ принялся уплетать сочный арбузъ, заѣдая его чернымъ хлѣбомъ и не обращая большаго вниманія на то, что сокъ заливалъ его курточку.

Сунувъ чай и сахаръ въ карманъ штановъ, Максимъ тоже принялся завтракать.

— Еще, панычъ!—проговорилъ онъ, замѣтивъ, что Вася уже съѣлъ одинъ кусокъ.

— А тебѣ мало останется?—замѣтилъ мальчикъ, видимо колебавшійся между желаніемъ съѣсть еще кусокъ и не обидѣть арестанта.

— Хватитъ... Да мнѣ что-то и ѣсть не хочется.

— Ну, такъ я еще съѣмъ кусочекъ.

Скоро арбузъ и хлѣбъ были покончены, и тогда Вася спросилъ:

— А ты что такой невеселый, Максимъ?

— Веселья не много, панычъ, въ арестантахъ...

— Въ кандалахъ больно?

— Въ неволѣ погано, панычъ... И на службѣ было тошно въ арестантахъ еще тошнѣе...

— Ты былъ солдатомъ или матросомъ?

— Матросомъ, панычъ, въ сорокъ второмъ экипажѣ служилъ.

Може слыхали про капитана перваго ранга Богатова... Онъ у насъ былъ командиромъ корабля *Тартарарховъ* *).

— Я его знаю... Онъ у насъ бываетъ... Такой толстый, съ большимъ пузомъ...

— Такъ изъ-за этого самаго человика я и въ арестанты попалъ. Нехай ему на томъ свѣтѣ попомнится за то, что онъ меня несчастнымъ сдѣлалъ.

— Что-жъ ты, нагрубилъ ему?

— То-то...нагрубылъ... Я, панычъ, былъ матросъ тихій, смирный, а онъ довелъ меня до затменія... Такъ сѣкъ, что и не дай Боже!

— За что же?

— А за все. И винно, и безвинно... За флотскую часть. Два раза въ гошпиталѣ изъ-за его лежалъ... Ну, душа и не стерпѣла... Назвалъ его злодіемъ... Злодій и есть... И засудили меня, панычъ. Гоняли скрозь строй, а потомъ въ арестанты... Ужъ лучше было бы потерпѣть... Може отъ этого чиловика избавился и къ другому бы попалъ—не такому злодію. По крайности въ матросахъ, все-таки, на волѣ жилъ... А тутъ, сами бачите, панычъ, какая есть арестантская доля... хоть пропадай съ тоски... И всякій можетъ тобой помыкать... Извѣстно — арестантъ! — прибавилъ съ грустною усмѣшкой Максимъ.

Вася, слушавшій Максима съ глубокимъ участіемъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ раздумья, проговорилъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ:

— Такъ отчего ты, Максимъ, не убѣжишь, если тебѣ такъ нехорошо?

Радостный огонекъ блеснулъ въ глазахъ арестанта при этихъ словахъ, и онъ отвѣтилъ:

— А вы какъ думаете?... Давно убѣгъ бы, коли-бъ можно было, панычъ... Пошелъ бы до своей стороны...

— А гдѣ твоя сторона?

— Въ Каменецъ-Подольской губерніи... Може слыхали городъ Проскуровъ...Такъ отъ него верстовъ десять наша деревня... Поглялъ бы на мать, да на батько, и пошелъ бы за австрійску границу укать доли! — продолжалъ Максимъ взволнованнымъ шепотомъ, всь оживившійся, и словно бы невольно высказывая свою давно лелѣянную завѣтную мечту о побѣгѣ. — Только вы смотрите, панычъ, никому не сказывайте насчетъ того, что я вамъ говорю, а

*) Такъ матросы черноморскаго флота называли корабль *Трехъ іерарховъ*.

то меня до смерти засѣкутъ! — прибавилъ Максимъ и словно бы испугался, что повѣрилъ свою тайну барчуку. — Долго ли ему разболтать?

Вася торжественно перекрестился и со слезами на глазахъ объявилъ, что ни одна душа не узнаетъ о томъ, что говорилъ Максимъ. Онъ можетъ быть спокоенъ, что за него Максима не высѣкутъ. Хоть онъ и маленькій, а держать слово умѣетъ.

И когда Максимъ, повидимому, успокоился этимъ увѣреніемъ, Вася, и самъ внезапно увлеченный мыслью о побѣгѣ Максима за австрійскую границу, о которой, впрочемъ, имѣлъ очень смутное понятіе, продолжалъ таинственно-серьезнымъ тономъ заговорщика:

— Ты говоришь, что нельзя убѣжать, а я думаю, что очень даже легко.

— А якъ же, панычъ? — съ ласковою улыбкой спросилъ Максимъ.

— А ты разбей здѣсь у насъ въ саду кандалы... Я тебѣ молотокъ принесу, а потомъ перелѣзь черезъ стѣну, да и бѣги на австрійскую границу.

Максимъ печально усмѣхнулся.

— Въ арестантской-то одежѣ? Да меня заразъ поймаютъ.

— А ты ночью.

— Ночью съ блокшивы не убѣчь... Мы за желѣзными запорами, да и часовые пристрѣлятъ...

Возбужденное лицо Васи омрачилось. И онъ печально произнесъ:

— Значитъ такъ и нельзя убѣжать?

Арестантъ не отвѣчалъ и какъ-то напряженно молчалъ. Казалось, будто какая-то мысль озарила его, и его худое, блѣдное лицо вдругъ стало необыкновенно возбужденнымъ, а глаза загорѣлись огонькомъ. Онъ какъ-то пытливо и тревожно глядѣлъ на мальчика, точно хотѣлъ проникнуть въ его душу, точно хотѣлъ что-то сказать и не рѣшался.

— Что-жъ ты молчишь, Максимъ? Или боишься, что я тебя выдамъ? — обиженно промолвилъ Вася.

— Нѣтъ, панычъ... Вы не обидите арестанта... Въ васъ душа добрая! — сказалъ увѣренно и серьезно Максимъ и, словно рѣшившись на что-то очень для него важное, прибавилъ почти шепотомъ: — А насчетъ того, чтобъ убѣчь, такъ оно можно, только не такъ, какъ вы говорите, панычъ.

— А какъ?

— Коли-бъ, примѣрно, достать платье.

— Какое?

— Женское, скажемъ, такое, какъ ваша нянька носитъ.

— Женское?—повторилъ мальчикъ.

— Да, и примѣрно, платокъ бабій на голову... Тогда можно бы убѣчь!

Вася на секунду задумался и вслѣдъ затѣмъ рѣшительно проговорилъ:

— Я тебѣ принесу нянино платье и платокъ.

— Вы принесете... панычъ?

Отъ волненія онъ не могъ продолжать и, вдругъ схвативъ руку Васи, прижалъ ея къ губамъ и покрылъ поцѣлуями.

Въ отвѣтъ Вася крѣпко поцѣловалъ арестанта.

— Какъ же вы это сдѣлаете?... А какъ поймаютъ...

— Не бойся, Максимъ... Никто не поймаетъ... Я ловко это сдѣлаю, когда всѣ будутъ спать. Только куда его положить?

— А сюда... подъ виноградникъ. Да накройте его листомъ, чтобы не видно было.

— А то не прикрыть ли землей? Какъ ты думаешь, Максимъ?— съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ спрашивалъ Вася.

— Нѣтъ, что ужъ вамъ трудиться, панычъ; довольно и листомъ. Сюда никто и не заглянетъ.

— Ну, ладно. А я завтра рано, рано утромъ все сюда принесу. А то еще лучше ночью... Я не побоюсь ночью въ садъ идти. Чего бояться?

— Благослови васъ Боже, милый панычъ. Я буду вѣкъ за васъ молиться.

— Эй! На работу!—донесся издали голосъ конвойнаго.

— Я еще къ тебѣ прибѣгу, Максимъ. Мы, вѣдь, больше не увидимся. Завтра тебя не будетъ!—съ грустью въ голосѣ произнесъ Вася.

Съ этими словами онъ вылѣзъ изъ виноградника и пошелъ въ домъ.

V.

Цѣлый день Вася находился въ возбужденномъ состояніи, оза-
›ченный предстоявшимъ предпріятіемъ. Увлеченный этими мысля-
ˇ, онъ даже ни разу не подумалъ о томъ, что грозитъ ему, если
зцъ какъ-нибудь узнаетъ объ его поступкѣ. Планъ похищенія
нина платья и молотка, который онъ еще вчера видѣлъ въ ком-
тѣ, поглотилъ его всего, и онъ уже сдѣлалъ днемъ рекогносци-

ровку въ нянину комнату, увидѣлъ, гдѣ лежитъ молотокъ и намѣтилъ платье, висѣвшее на гвоздѣ. День этотъ тянулся для него невыносимо долго. Онъ то и дѣло выбѣгалъ въ садъ, озабоченно ходилъ по аллеямъ и часто подбѣгалъ къ Максиму, когда видѣлъ его одного. Подбѣгалъ и перекидывался таинственными словами.

— Прощай, голубчикъ Максимъ... Можетъ быть, завтра ужъ ты будешь далеко!—проговорилъ онъ со слезами на глазахъ передъ тѣмъ, какъ арестанты собирались уходить изъ сада.

— Прощайте, панычъ!—шепнулъ арестантъ, взглядывая на мальчика взглядомъ, полнымъ неописуемой благодарности.

Арестанты выстроились и ушли, позвякивая кандалами, Вася долго еще провожалъ ихъ глазами.

По счастью никто изъ домашнихъ не обратилъ вниманія на взволнованный видъ мальчика. Правда, за обѣдомъ отецъ два раза бросилъ на него взглядъ, отъ котораго Вася замеръ отъ страха. Ему показалось, что отецъ прочелъ въ душѣ его намѣренія и вотъ сейчасъ крикнетъ ему: «я все знаю, негодный мальчишка!»

Но вмѣсто этого отецъ только спросилъ:

— Отчего не ѣшь?

— Я ѣмъ, папенька.

— Мало. Надо ѣсть за обѣдомъ!—крикнулъ онъ.

И Вася, не чувствовавшій ни малѣйшаго аппетита, усердно набивалъ себѣ ротъ, втайнѣ обрадованный, что отецъ ни о чемъ не догадывается.

Къ вечеру молотокъ уже лежалъ подъ кроватью Васи. Пошелъ онъ въ этотъ день спать ранѣе обыкновеннаго, хотя за чайнымъ столомъ и сидѣли гости и разсказывали интересныя вещи.

Когда онъ подошелъ къ матери, она взглянула на него и озабоченно спросила, ощупывая его голову:

— Ты, кажется, боленъ, Вася?... У тебя все лицо горитъ?

— Я здоровъ, мама... Усталъ, вѣрно.

Онъ поцѣловалъ ея нѣжную, бѣлую руку, простился съ сестрами и гостями и, довольный, что отца не было дома и что не нужно было съ нимъ прощаться, пробѣжалъ въ дѣтскую.

— Няня, спать!—крикнулъ онъ.

— Что сегодня рано. Или набѣгался?

— Набѣгался... усталъ, няня!—говорилъ онъ, стараясь глядѣть ей въ глаза и чувствуя нѣкоторое угрызеніе совѣсти пере человѣкомъ, котораго собирался ограбить.

Няня раздѣла его и предложила ему разсказать сказку, но с отказался. Ему спать хочется. Онъ сейчасъ заснетъ.

— Ну, такъ спи, родной!

Она поцѣловала Васю, перекрестила его и хотѣла было уходить, какъ Вася вдругъ проговорилъ:

— А знаешь, няня, послѣ моихъ именинъ я подарю тебѣ новое платье.

— Спасибо, голубчикъ. Что это тебѣ взбрело на умъ, къ чему мнѣ платье... У меня и такъ много платьевъ.

— А сколько?

— Да шесть будетъ окромя двухъ шерстяныхъ.

— А!—удовлетворенно произнесъ мальчикъ и прибавилъ:— Такъ я тебѣ, няня, что-нибудь другое подарю... Послѣ именинъ у меня будетъ много денегъ...

— Ишь ты добрый мой... Спасибо на посулѣ... Ну, спи, спи. И я пойду спать.

Черезъ нѣсколько времени Вася услышалъ изъ сосѣдней комнаты храпъ няни Агаѳьи.

Нервы его были слишкомъ натянуты, и онъ не засыпалъ, рѣшивши не спать до того времени, пока не заснутъ всѣ въ домѣ, и онъ можетъ безопасно пробраться въ садъ черезъ диванную, тихонько отворивъ двери въ садъ, которыя обыкновенно запирались на ключъ. Мать не услышитъ, а спальная отца въ другомъ концѣ дома. Наконецъ, можно выпрыгнуть и изъ окна,—не высоко.

До него доносились звуки корабельныхъ колоколовъ, каждые полчаса отбивавшихъ склянки. Онъ слышалъ монотонное и протяжное: «слу-шай!» перекликающихся въ отдаленіи часовыхъ и думалъ упорно и настойчиво о томъ, что онъ не долженъ заснуть и не заснетъ,—думалъ, какъ онъ отворитъ окно, прислушается, все ли тихо, и какъ пройдетъ къ нянѣ на цыпочкахъ за платьемъ, думалъ о Максимѣ, какъ онъ завтра обрадуется и удеретъ на австрійскую границу. И ему тамъ будетъ хорошо, и его никто не поймаетъ. И никто не узнаетъ, что это онъ, Вася, помогъ ему убѣжать. И ему пріятно было сознавать, что онъ будетъ его спасителемъ. Эти мысли, бродившія въ его возбужденной головѣ, смѣнились другими. И онъ убѣжитъ за австрійскую границу, если въ пансіонѣ, въ Одессѣ, куда его отвезутъ въ сентябрѣ, будетъ нехорошо и его будутъ сѣчь. Дома сѣчетъ отецъ,—онъ смѣетъ, а другіе не смѣютъ! Непремѣнно удеретъ, разыщетъ Максима и поселится вмѣстѣ съ нимъ. Эта мысль казалась ему соблазнительной, но еще соблазнительнѣе была другая, внезапно пришедшая,—какъ онъ уже большимъ и генераломъ, послѣ долгаго отсутствія, вдругъ подъѣдетъ на бѣломъ красивомъ конѣ къ дому и какъ всѣ удивятся, что онъ

генералъ. И отецъ не высѣчетъ его,—онъ ужъ большой, а будетъ изумленъ, что онъ такой молодой и уже генералъ. И мать, и сестры, и братья—всѣ будутъ удивлены и всѣ будутъ поздравлять его. И онъ разскажетъ, почему онъ бѣжалъ и какъ отличился на войнѣ.

«Хо-ро-шо!»—подумалъ онъ, потягиваясь и не сознавая ясно, бредитъ ли онъ на яву или засыпаетъ.

— Нельзя спать!—прошепталъ онъ и тотчасъ же заснулъ.

Что-то точно толкнуло его въ бокъ, и онъ проснулся и быстро присѣлъ на постели, испуганный, что проспалъ и обманулъ Максима, и первое мгновеніе не могъ сообразить, сколько теперь времени. Онъ протеръ глаза и озирался вокругъ. Сквозь бѣлую штору пробивался слабый свѣтъ. Слава Богу! Еще, кажется, не поздно.

Онъ вскочилъ съ постели, отдернулъ штору и взглянулъ въ окно. Только что разсвѣтало, и въ саду стоялъ еще полумракъ.

Пора!

Едва ступая босыми ножонками, пробрался онъ въ комнату няни, взялъ оттуда платье и платокъ, лежавшій около ея постели, и вернулся къ себѣ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ ужъ былъ одѣтъ; все похищенное свернуто и завязано въ два полотенца.

Надо было рѣшить вопросъ: какъ пробраться въ садъ,—черезъ окно или идти черезъ комнаты? Тихонько растворивъ окно, онъ заглянулъ внизъ и отвернулся,—слишкомъ высоко! Тогда онъ снялъ съ себя башмаки и въ однихъ чулкахъ вышелъ за двери.

Сердце его сильно билось, когда онъ, затаивъ дыханье, прислушиваясь къ каждому шороху, пробирался по коридору, мимо комнатъ сестеръ и, наконецъ, вошелъ въ диванную. Вотъ и дверь... Осторожно повернулъ онъ ключъ... разъ, два... раздался шумъ... Онъ на минуту замеръ въ страхѣ и со всѣхъ ногъ пустился въ садъ, перепрыгивая ступеньки лѣстницъ. Вотъ и вторая терраска сверху... Стремглавъ добѣжавъ до конца аллеи, онъ положилъ платье въ указанное мѣсто, набросалъ на него кучу виноградныхъ листьевъ и побѣжалъ домой.

Когда онъ благополучно вернулся и легъ въ постель, его трясло точно въ лихорадкѣ. Онъ былъ безконечно счастливъ и, въ то же время, страшно трусилъ, что вдругъ все откроется, и отецъ прикажетъ его самого отдать въ арестанты.

VI.

Проснулся онъ на другой день поздно. Няня стояла пере нимъ. Онъ вспомнилъ все, что было ночью, и поглядѣлъ на н

Ничего. Она, по обыкновенію, ласковая и добрая,—видно, ни о чемъ не догадывается. На головѣ ея другой платокъ.

— Ишь, соня... Заспался сегодня... Вставай, уже девятый часъ...

Вася быстро поднялся, одѣлся и позволилъ сегодня нянькѣ расчесать основательно свои кудри.

— А не видалъ ты гдѣ-нибудь, Васенька, моего платка съ головы? Искала, искала, — нигдѣ не могла найти, точно сквозь землю провалился! — озабоченно проговорила она, обыскивая Васину кровать.

— Нѣтъ, няня, не видалъ.

— Чудное дѣло! — прошептала старуха.

— Да ты, няня, не тревожься. Я тебѣ новый платокъ куплю.

— Не въ томъ дѣло... Не жаль платка, а куда онъ дѣвался?

И, когда Вася былъ готовъ, няня сказала:

— А папенька сердитый сегодня.

— Отчего?

— У насъ, Васенька, бѣда случилась.

— Бѣда? Какая бѣда, няня?

— Одинъ арестантъ изъ сада убѣжалъ утромъ.

У Васи радостно забилось сердце. Однако онъ постарался скрыть свое волненіе и съ напускнымъ равнодушіемъ спросилъ:

— Убѣжалъ? Какъ же онъ убѣжалъ?

— То-то и диво. Только что хватились... Платье свое арестантское оставилъ и убѣжалъ... Всѣ дивуются,—откуда онъ досталъ платье... Не голый же ушелъ... Теперь идетъ переборка... Всѣхъ допрашиваетъ конвойный офицеръ... И папенькѣ доложили... Прогнѣвался... Вдругъ изъ губернаторскаго сада арестантъ убѣжалъ!

Ни живъ, ни мертвъ явился Вася въ кабинетъ отца. Дѣйствительно, адмиралъ былъ не въ духѣ и въ отвѣтъ на обычное «здравствуйте, папенька»,—только кивнулъ головой. Съ облегченнымъ сердцемъ ушелъ Вася убѣдившись, что отецъ ничего не знаетъ, и вскорѣ услышалъ крики отца, который распекалъ явившагося къ нему съ рапортомъ полицеймейстера.

Вася цѣлый день провелъ въ тревогѣ, ожидая, что вотъ вотъ его позовутъ на допросъ къ отцу.

Но никто его не звалъ. За обѣдомъ отецъ даже былъ въ духѣ и соблаговолилъ сказать адмиральшѣ, высокой, полной, пожилой женщинѣ, сохранившей еще слѣды былой красоты:

— А ты слышала, что сегодня случилось? Каналья арестантъ убѣжалъ изъ нашего сада.

— Какъ же это онъ могъ?

— Арестанты показываютъ, что у него съ собою узелокъ былъ, когда ихъ вели съ блокшива... Вѣрно, тамъ платье и было... Онъ переодѣлся и убѣжалъ... Комендантъ совсѣмъ распустилъ ихъ... Ужъ я ему говорилъ... И конвойные плохо смотрятъ... Ну, да не долго побѣгаетъ... Сегодня или завтра, вѣрно, поймаютъ... Какъ проведутъ сквозь строй, не захочетъ бѣгать!

У Васи ёкнуло сердце. Неужели поймаютъ?

Однако, когда черезъ нѣсколько дней мать спросила отца, поймали ли арестанта, тотъ сердито отвѣчалъ:

— Нѣтъ... Словно въ воду канулъ, мерзавецъ! И никакъ не могли узнать, откуда онъ досталъ платье!

Когда черезъ недѣлю Вася уже совсѣмъ успокоился и вышелъ утромъ въ садъ, пожилой арестантъ съ всклокоченными черными бровями, срѣзывавшій гнилые сучья съ дерева, таинственно поманилъ мальчика къ себѣ и, когда тотъ подошелъ къ нему, осторожно, чтобы никто не видалъ, сунулъ ему въ руки маленькій рѣзной крестикъ и проговорилъ:

— Максимка приказалъ вамъ передать, барчукъ!

И, ласково глядя на Васю, прибавилъ необыкновенно нѣжнымъ голосомъ:

— Пошли вамъ Богъ всего хорошаго, добрый барчукъ!

К. Станюковичъ.

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

I.

Прежде, чѣмъ Флавіи воздвигли Колизей, амфитеатры въ Римѣ преимущественно строились изъ дерева,—они всѣ и сгорѣли во время пожара. Неронъ, для обѣщанныхъ имъ игрищъ, приказалъ построить нѣсколько новыхъ амфитеатровъ, въ томъ числѣ одинъ гигантскихъ размѣровъ. Для постройки его, тотчасъ послѣ конца пожара, начали по морю и по Тибру свозить огромныя деревья изъ лѣсовъ Атласа. Такъ какъ игрища великолѣпіемъ и числомъ жертвъ должны были превзойти всѣ предыдущія, то явилась надобность въ болѣе обширномъ помѣщеніи для людей и для звѣрей. Тысячи плотниковъ день и ночь строили и украшали новыя зданія. Въ народѣ шли толки о какихъ-то необыкновенныхъ колоннахъ, украшенныхъ бронзою, янтаремъ, слоновою костью и черепахой. Каналы, бѣгущіе вдоль сидѣній и наполненные ледяною водою съ горъ, должны были поддерживать прохладу даже во время самаго сильнаго зноя. Огромный пурпурный velarium [1]) прекращалъ доступъ солнечнымъ лучамъ. Въ проходахъ были кадильницы, для сжиганія арабскихъ куреній, вверху — снаряды, при помощи которыхъ можно было окроплять зрителей шафранною водой и вервеной. Знаменитые архитекторы, Северъ и Целеръ, напрягали всѣ свои знанія, чтобы

---

*) *Русская Мысль* 1895 г., кн. XII.

[1]) Такъ какъ мѣста для зрителей въ римскомъ театрѣ и амфитеатрѣ были подъ открытымъ небомъ, то для защиты зрителей отъ дождя и солнца надъ мѣстами натягивали большіе пологи или занавѣси. Это и есть velarium.

создать амфитеатръ небывалый и вмѣстѣ съ тѣмъ могущій вмѣстить такое число зрителей, какое не вмѣщалъ еще ни одинъ амфитеатръ.

И вотъ, въ тотъ день, когда долженъ былъ начаться «ludus matutinus», толпы черни съ разсвѣта ожидали открытія воротъ и съ наслажденіемъ прислушивались къ рычанію львовъ, хриплымъ голосамъ пантеръ и вою собакъ. Звѣрей не кормили вотъ уже два дня, но этого мало: мимо нихъ проносили окровавленные куски мяса, чтобы тѣмъ болѣе возбудить ихъ бѣшенство и голодъ. Отъ времени до времени разражалась такая буря дикихъ голосовъ, что люди, стоящіе возлѣ цирка, не могли разговаривать, а болѣе впечатлительные блѣднѣли отъ страха. Съ восходомъ солнца изъ цирка послышались пѣсни громкія, но спокойныя, и толпа прислушивалась къ нимъ съ изумленіемъ. «Христіане, христіане!» Дѣйствительно, христіанъ во множествѣ пригнали ночью въ амфитеатръ и не изъ одной только темницы, какъ предполагалось раньше, но изо всѣхъ понемногу. Римляне знали, что зрѣлища продлятся цѣлые недѣли и мѣсяцы, но спорили другъ съ другомъ о томъ, справятся ли въ одинъ день съ христіанами, предназначенными для этого дня. Голоса мужчинъ, женщинъ и дѣтей, поющихъ утреннюю молитву, были такъ многочисленны, что знатоки утверждали, что если будутъ на арену посылать сразу по сту, по двѣсти человѣкъ, звѣри утомятся, насытятся и не успѣютъ разорвать всѣхъ до вечера. Другіе утверждали, что большое число жертвъ, выступающихъ на арену, развлекаетъ вниманіе и не позволяетъ любоваться зрѣлищемъ какъ слѣдуетъ. По мѣрѣ того, какъ приближалось время открытія вомиторіевъ,—корридоровъ, ведущихъ внутрь зданія,—толпа оживилась, повеселѣла и заспорила о тысячѣ вещей, касающихся зрѣлища. Начали образовываться партіи: одни утверждали, что людей лучше всего разрываютъ львы, другіе стояли за тигровъ. Здѣсь и тамъ стали биться объ закладъ. А были и такіе, что разсуждали только о гладіаторахъ, которые должны были выступить раньше христіанъ, и мнѣнія опять дѣлились то за самнитовъ, то за галловъ, то за мирмилоновъ, то за ѳракійцевъ, то за ретіаріевъ [2]). Еще раннимъ утромъ, отряды гладіаторовъ, подъ предводительствомъ ихъ учителей—ланистовъ [3]), начали стекаться въ амфитеатръ. Не желая себя

---

[2]) Разнаго рода гладіаторы, отличавшіеся между собою вооруженіемъ и способами сраженія. Такъ, retiarii не имѣли ни шлемовъ, ни другого оборонительнаго оружія, а вмѣсто наступательнаго оружія — сѣть, которую они накидывали на противника, легкій трезубецъ и малый мечъ.

[3]) Lanista—фехтмейстеръ, обучавшій гладіаторовъ ихъ искусству.

утомлять раньше времени, они шли безъ оружія, иногда совершенно нагіе, иногда съ зелеными вѣтвями въ рукахъ или украшенные цвѣтами, молодые, прекрасные, полные жизни. Ихъ тѣло, натертое масломъ, мускулистое, какъ бы изваянное изъ мрамора, приводило въ восторгъ народъ, поклоняющійся красотѣ формъ. Многіе были извѣстны толпѣ. То и дѣло раздавались крики: «Здравствуй Фурній! здравствуй Лео! здравствуй Максимъ! здравствуй Діодоръ!» Молодыя дѣвушки обращали къ нимъ глаза, полные любви, а гладіаторы высматривали тѣхъ, что покрасивѣе, и посылали имъ поцѣлуй или обращались съ шутливыми словами: «обойми, прежде чѣмъ смерть обниметъ меня!»—какъ будто у нихъ не было никакой заботы. И они исчезали за воротами, изъ которыхъ немногимъ было суждено выйти живыми. Но новые отряды привлекали въ свою сторону вниманіе толпы. За гладіаторами шли мастигофоры, то-есть люди вооруженные плетью, на обязанности которыхъ лежало бичевать борящихся и приводить ихъ въ бо̀льшую ярость. Затѣмъ мулы тащили по направленію къ «споліарію» цѣлые ряды телѣгъ съ деревянными гробами. При видѣ ихъ народъ радовался и по числу ихъ заключалъ о размѣрахъ зрѣлища. Потомъ слѣдовали люди, которые должны были добивать раненыхъ, переряженые или Харономъ, или Меркуріемъ, охранители порядка въ циркѣ, невольники, на долю которыхъ выпала обязанность разносить яства и напитки зрителямъ, наконецъ, преторіанцы,—всякій цезарь постоянно держалъ ихъ подъ рукою въ амфитеатрѣ.

Наконецъ, вомиторіи были открыты, и толпа хлынула внутрь цирка. Собравшихся было такое множество, что они текли и текли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; нужно было удивляться, что амфитеатръ въ состояніи поглотить такое число людей. Рычаніе звѣрей, почуявшихъ испаренія человѣческихъ тѣлъ, еще болѣе усилилось. Занимая мѣста, толпа шумѣла, какъ волна во время бури.

Наконецъ, прибылъ префектъ города, окруженный вигилами, а вслѣдъ за нимъ непрерывною цѣпью потянулись носилки сенаторовъ, консуловъ, преторовъ, эдиловъ, правительственныхъ и дворцовыхъ чиновниковъ, патриціевъ и изящныхъ женщинъ. Одни носилки сопровождали ликторы съ пучками розогъ въ рукахъ, другіе были окружены толпою невольниковъ. Подъ солнечными лучами сверкала позолота носилокъ, бѣлыя и цвѣтныя платья, серьги, драгоцѣнные каменья и сталь топоровъ. Изъ цирка доносились крики, которыми народъ привѣтствовалъ особенно сильныхъ царедворцевъ. Преторіанцы все еще прибывали маленькими отрядами.

Жрицы изъ различныхъ храмовъ явились нѣсколько позднѣе,

а за ними принесли великую дѣву Весты, которой предшествовали ликторы. Для начала зрѣлища недоставало только цезаря, который, не желая томить народъ долгимъ ожиданіемъ и разсчитывая привлечь его къ себѣ своею поспѣшностью, прибылъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ августою и августіанами.

Петроній явился съ другими августіанами, въ одних носилкахъ съ Виниціемъ. Онъ зналъ, что Лигія больна и лежитъ въ безпамятствѣ; но такъ какъ въ послѣдніе дни доступъ въ темницы былъ строжайшимъ образомъ запрещенъ, прежніе стражи замѣнены новыми, которые не смѣли разговаривать съ тѣми, кто приходилъ справляться о заключенныхъ, то не былъ увѣренъ, нѣтъ ли Лигіи въ числѣ жертвъ, предназначенныхъ для перваго дня зрѣлищъ. Львамъ на растерзаніе могли прислать и больного человѣка. Но такъ какъ жертвы должны быть зашиты въ звѣриныя шкуры, а на арену ихъ будутъ выгонять цѣлыми толпами, то изъ зрителей никто не могъ удостовѣриться, находится ли въ числѣ этихъ жертвъ тотъ, кто ихъ интересуетъ. Стражи и вся прислуга амфитеатра были подкуплены, съ бестіаріями состоялось соглашеніе, что они скроютъ Лигію въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ амфитеатра, а ночью выдадутъ ее въ руки слуги Виниція, который тотчасъ же увезетъ ее въ Альбанскія горы. Петроній, посвященный во всѣ тайны Виниція, совѣтовалъ ему отправиться въ амфитеатръ, а во время шума и толкотни спуститься внизъ, къ заключеннымъ, и, во избѣжаніе могущихъ быть ошибокъ, указать стражамъ Лигію.

Стражи впустили Виниція въ маленькую дверь, въ которую входили и сами. Одинъ изъ нихъ, по имени Сиръ, тотчасъ же повелъ молодого трибуна къ христіанамъ.

— Я не знаю, господинъ, найдешь ли ты, что ищешь,— сказалъ онъ по дорогѣ.—Мы допытывались о дѣвицѣ Лигіи, но намъ никто не отвѣчалъ, можетъ быть, потому, что намъ не вѣрятъ.

— А христіанъ много здѣсь?—спросилъ Виницій.

— Многіе, господинъ, должны будутъ остаться до завтра.

— Есть больные въ числѣ ихъ?

— Такихъ, какіе не могли бы стоять на ногахъ, нѣтъ.

Сиръ отворилъ двери, и они очутились какъ бы въ огромномъ залѣ, низкомъ и темномъ; свѣтъ проникалъ сюда только сквозь рѣшетчатое отверстіе, выходящее на арену. Сначала Виницій ничего не могъ видѣть, онъ слышалъ только шумъ голосовъ и крики людей, доходящіе изъ амфитеатра, но, по мѣрѣ того, какъ его глаза привыкали къ мраку, онъ началъ различать цѣлыя толпы странныхъ существъ, похожихъ на волковъ и медвѣдей. То были хри-

стіане, зашитые въ звѣриныя шкуры. И тамъ, и здѣсь, по длиннымъ волосамъ, спускающимся по шкурѣ, можно было отгадать, что это женщина. Матери, похожія на волчицъ, держали на рукахъ такихъ же косматыхъ дѣтей. Но изъ-подъ шкуръ виднѣлись ясныя лица и глаза, блестящіе во мракѣ радостью и энтузіазмомъ. Было ясно, что большею частью этихъ людей овладѣла одна мысль, исключительная и не земная, которая еще при жизни сдѣлала ихъ нечувствительными ко всему, что дѣлалось вокругъ нихъ и что могло ихъ встрѣтить. Виницій спрашивалъ ихъ о Лигіи, но одни смотрѣли на него глазами человѣка, только что очнувшагося отъ сна, и ничего не отвѣчали, другіе улыбались ему и прикладывали палецъ къ губамъ или указывали на желѣзную рѣшетку, сквозь которую вливались яркіе снопы лучей. Только дѣти плакали, устрашенныя рычаньемъ звѣрей, воемъ собакъ и звѣринымъ обличіемъ матерей. Виницій, идя рядомъ съ Сиромъ, засматривалъ во всѣ лица, искалъ, распрашивалъ, иногда натыкался на тѣла упавшихъ въ обморокъ отъ тѣсноты, духоты и жары, и протискивался дальше, въ темную глубь залы, которая казалась такою же огромной, какъ самъ амфитеатръ.

Но вдругъ онъ остановился. Его поразилъ какой-то знакомый голосъ. Прислушавшись съ минуту, онъ протолкался сквозь толпу и сталъ ближе къ тому мѣсту, откуда раздавался голосъ. Лучъ свѣта падалъ на лицо говорившаго, и Виницій узналъ исхудалое и неумолимое лицо Криспа, обрамленное волчьею шкурой.

— Оплакивайте грѣхи ваши,—говорилъ Криспъ,—ибо минута скоро наступитъ. Но кто думаетъ, что одною смертью искупитъ свои прегрѣшенія, тотъ совершаетъ новый грѣхъ и будетъ ввергнутъ въ огнь вѣчный. Каждымъ грѣхомъ, который вы совершали при жизни, вы возобновляли муки Христа, какъ же вы отваживаетесь мнить, чтобы будущая ваша жизнь могла искупить прошлую? Нынѣ одинаковою смертью умрутъ праведные и грѣшные, но Господь различитъ своихъ избранниковъ. Горе вамъ,—львы растерзаютъ ваши тѣла, но не разорвутъ ни вашихъ прегрѣшеній, ни вашихъ счетовъ съ Богомъ. Господь былъ столь милосердъ, что дозволилъ пригвоздить себя ко кресту за васъ, но отнынѣ будетъ только Судіею, Который ни одного грѣха не оставитъ безъ наказанія. Вы, которые мнили, что мученіями изгладите ваши вины, грѣшите противъ справедливости Божіей и тѣмъ суровѣе будете осуждены. Кончилось милосердіе, наступилъ часъ гнѣва Божія. Черезъ минуту вы предстанете предъ страшнымъ судомъ, предъ которымъ и добродѣтельный едва-едва устоитъ. Сокрушайтесь о грѣ-

хахъ вашихъ, ибо врата ада разверсты, и горе вамъ, мужи и жены, горе, отцы и дѣти!

Криспъ протянулъ костлявыя руки и потрясалъ ими надъ склоненными головами христіанъ, неустрашимый, но и неумолимый даже передъ лицомъ смерти, на которую вскорѣ должны были идти всѣ осужденные. Послышались голоса: «будемъ сокрушаться о грѣхахъ нашихъ!» — потомъ наступило молчаніе, только дѣти продолжали плакать. У Виниція кровь застыла въ жилахъ. Онъ, который всю надежду возложилъ на милость Христа, теперь услыхалъ, что наступилъ день гнѣва и что милосердія не вымолить даже смертью на аренѣ. Правда, въ головѣ его промелькнула ясная и быстрая, какъ молнія, мысль, что апостолъ Петръ иначе бы говорилъ съ идущими на смерть, но, тѣмъ не менѣе, грозныя, полныя фанатизма слова Криспа и эта темная зала съ рѣшетками, за которыми находилась арена мученія, и близость этой арены, и обиліе жертвъ — все это наполнило его душу страхомъ и трепетомъ. Все это, взятое вмѣстѣ, показалось ему страшнымъ, во сто разъ болѣе ужаснымъ, чѣмъ самыя кровавыя битвы, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Жара начала душить его, на лбу проступили капли холоднаго пота. Его охватило опасеніе, какъ бы и онъ не упалъ въ обморокъ, но едва онъ только вспомнилъ, что рѣшетка сейчасъ можетъ отвориться, какъ началъ громко звать Лигію и Урса, въ надеждѣ, что если не они, то отзовется кто-нибудь знающій ихъ.

И дѣйствительно, въ ту же минуту какой-то человѣкъ, наряженный медвѣдемъ, дернулъ Виниція за тогу и сказалъ:

— Господинъ, они остались въ темницѣ. Меня взяли послѣдняго и я видѣлъ, какъ она больная лежитъ на ложѣ.

— Кто ты?

— Землекопъ. Въ моей хижинѣ апостолъ крестилъ тебя. Три дня тому назадъ меня схватили, а сегодня я уже умру.

Виницій вздохнулъ свободнѣе. Входя сюда, онъ хотѣлъ найти Лигію, а теперь готовъ былъ благодарить Христа, что ея здѣсь нѣтъ, и видѣть въ этомъ знакъ Его милосердія. Землекопъ еще разъ дернулъ его за тогу и сказалъ:

— Господинъ, помнишь, я провожалъ тебя въ сарай, гдѣ поучалъ апостолъ?

— Помню, — отвѣтилъ Виницій.

— Я его видѣлъ позже, за день до того, какъ меня схватили. Онъ благословилъ меня и сказалъ, что пріидетъ въ амфитеатръ перекрестить умирающихъ. Я хотѣлъ бы смотрѣть на него въ мину-

ту смерти и видѣть крестное знаменіе,—тогда мнѣ легче было бы умирать. Господинъ, если ты знаешь, гдѣ онъ, то скажи мнѣ.

Виницій понизилъ голосъ и отвѣтилъ:

— Онъ среди людей Петронія, одѣтъ въ невольничью одежду. Я не знаю, гдѣ онъ выбралъ мѣсто, но когда возвращусь въ циркъ, то увижу. Смотри на меня, когда выйдешь на арену,—я встану и повернусь лицомъ въ ихъ сторону,—тогда и ты найдешь ихъ.

— Благодарю тебя, господинъ. Миръ съ тобою.

— Да будетъ Избавитель милосердъ къ тебѣ.

Виницій вышелъ изъ куникула и направился въ амфитеатръ, гдѣ у него было мѣсто рядомъ съ Петроніемъ среди другихъ августіанъ.

— Здѣсь она?—спросилъ его Петроній.

— Нѣтъ. Осталась въ темницѣ.

— Слушай, что мнѣ еще пришло въ голову, но когда будешь слушать, то смотри... ну, на Нигидію, напримѣръ, сдѣлай видъ, что мы разговариваемъ объ ея прическѣ... Тигеллинъ и Хилонъ смотрятъ на насъ въ это время... Итакъ, слушай: пускай Лигію ночью положатъ въ гробъ и вынесутъ, какъ мертвую, объ остальномъ ты самъ озаботишься.

— Да,—отвѣтилъ Виницій.

Въ это время Туллій Сенеціонъ наклонился къ нимъ и спросилъ:

— Не знаете, дадутъ христіанамъ оружіе или нѣтъ?

— Не знаемъ,—отвѣтилъ Петроній.

— Я предпочиталъ бы, чтобъ имъ дали,—сказалъ Туллій,— иначе арена скоро сдѣлается похожею на лавку мясника. Но что за великолѣпный амфитеатръ!

Дѣйствительно, зрѣлище было великолѣпное. Нижнія скамьи, занятыя мужами въ тогахъ, бѣлѣли какъ снѣгъ. Въ раззолоченномъ «podium»[4]) сидѣлъ цезарь въ брилліантовомъ ожерельѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, рядомъ съ нимъ—прекрасная и угрюмая Августа, а по сторонамъ ихъ весталки, высшіе сановники, сенаторы въ плащахъ, обшитыхъ пурпуромъ, воины въ блестящихъ латахъ,—словомъ, все, что въ Римѣ было сильно, блестяще и боато. Дальнѣйшіе ряды были заняты воинами, а выше чернѣло море человѣческихъ головъ, надъ которымъ отъ столба до столба свѣ-

---

[4]) Арену амфитеатра окружала довольно высокая, гладко отполированная камен-ыя стѣна, для безопасности зрителей отъ нападеній дикихъ звѣрей, выпускаемыхъ арену. Эта стѣна служила основаніемъ галлереѣ —podium— на которой находи-сь мѣста для императора, весталокъ, высшихъ сановниковъ и другихъ почетныхъ цъ.

шивались гирлянды, сплетенныя изъ розъ, лилій, плюща и виноградныхъ листьевъ.

Народъ разговаривалъ громко, распѣвалъ пѣсни, иногда разражался хохотомъ при какомъ-нибудь остроумномъ словѣ, которое переходило изъ ряда въ рядъ, и нетерпѣливо стучалъ ногами, чтобъ ускорить начало зрѣлища.

Наконецъ, топотъ дошелъ до крайности. Тогда городской префектъ, который еще раньше съ блестящею свитой объѣхалъ арену, далъ знакъ платкомъ, и весь амфитеатръ потрясся отъ дружнаго крика.

Обыкновенно зрѣлища открывались охотою на дикихъ звѣрей, въ которой показывали свое искусство сѣверные и южные варвары, но на этотъ разъ звѣрямъ и тутъ было отведено черезчуръ много мѣста, и поэтому дѣло началось съ «андабатовъ»[5]), то-есть съ людей, носящихъ шлемы безъ отверстій для глазъ и поэтому разсыпающихъ свои удары на-удачу. Нѣсколько андабатовъ, выйдя на арену, начали размахивать мечами въ воздухѣ, а мастигофоры, при помощи длинныхъ вилъ, подвигали ихъ другъ къ другу. Болѣе избалованные зрители равнодушно, чуть не съ презрѣніемъ смотрѣли на это, но народъ забавлялся неловкими движеніями андабатовъ, а когда имъ приходилось сталкиваться спинами, разражался громкимъ хохотомъ и кричалъ: «вправо!» «влѣво!» «прямо!» Нѣсколько паръ, однако, сцѣпились и борьба начинала становиться кровавою. Разъяренные борцы бросали щиты, подавали другъ другу лѣвую руку, чтобы не разлучаться больше, и бились на-смерть. Кто падалъ, поднималъ палецъ кверху, вымаливая снисхожденія, но при началѣ зрѣлища народъ обыкновенно добивался смерти раненыхъ, лица которыхъ никто не могъ различить подъ ихъ шлемомъ. Число борящихся становилось все меньше и меньше, наконецъ, когда осталось только двое, ихъ столкнули такъ, что они упали на песокъ и закололи другъ друга. При крикахъ народа «peractum est!» слуги убрали трупы, мальчики заровняли кровавые слѣды на аренѣ и посыпали ее листьями шафрана.

Теперь подошла очередь болѣе важнаго состязанія, возбуждающаго любопытство не только толпы, но и людей съ тонкимъ вкусомъ. Обыкновенно при такихъ случаяхъ молодые патриціи бились объ закладъ на огромныя суммы и часто проигрывались до нитки. Изъ рукъ въ руки начали уже переходить таблички,—на нихъ начертывались имена гладіаторовъ, а также количество сестерцій,

---

[5]) Andabatae—особый родъ гладіаторовъ.

которыя какой-нибудь патрицій ставилъ на своего избранника. «Spectati», то-есть борцы, которые уже выступали на арену и одерживали побѣды, находили больше сторонниковъ, но между играющими были и такіе, что ставили значительныя суммы на новыхъ, никому неизвѣстныхъ гладіаторовъ,—если они побѣдятъ, тò держащій за нихъ оставался въ огромномъ выигрышѣ. Бились объ закладъ и самъ цезарь, и жрецы, и весталки, и сенаторы, и воины, и народъ. У кого не хватало денегъ, тотъ часто ставилъ свою собственную свободу. Толпа съ біеніемъ сердца и тревогой ожидала появленія борцовъ, иные громко обѣщали принести жертву богамъ, чтобы привлечь ихъ благоволеніе на своего избранника.

Раздался оглушительный звукъ трубъ,—въ амфитеатрѣ все смолкло. Тысячи глазъ обратились на огромные засовы, къ которымъ приблизился человѣкъ, одѣтый Харономъ и, среди всеобщаго молчанія, три раза стукнулъ въ нихъ молотомъ, какъ бы вызывая на смерть людей, находящихся за этими засовами. Обѣ половины воротъ медленно отворились, показывая свою черную пасть, изъ которой на ярко-освѣщенную арену начали появляться гладіаторы. Шли они отдѣлами, по двадцати пяти человѣкъ, ѳракійцы, мирмилоны, самниты, галлы,—всѣ отдѣльно, всѣ тяжело вооруженные. Наконецъ, появились ретіаріи, съ сѣтью въ одной рукѣ, съ трезубцемъ въ другой. Послышались одиночныя рукоплесканія, которыя вскорѣ слились въ оглушительную бурю. Сверху до низу были видны разгорѣвшіяся лица и открытыя уста, изъ которыхъ вырывались крики. Гладіаторы обошли всю арену ровнымъ и твердымъ шагомъ, сверкая оружіемъ и богатыми латами, потомъ остановились у «подіума» цезаря, гордые, спокойные, блестящіе. Пронзительный голосъ рога укротилъ рукоплесканія, тогда гладіаторы протянули кверху правую руку и, поднимая глаза къ цезарю, закричали, или, вѣрнѣе, запѣли протяжными голосами:

«Ave, caesar imperator!
Morituri te salutant!» [*])

Потомъ они быстро разошлись и заняли свои мѣста на аренѣ.

Они должны были нападать другъ на друга цѣлыми отрядами, но сначала знаменитымъ борцамъ былъ дозволенъ рядъ отдѣльныхъ состязаній, въ которыхъ лучше выказывалась ихъ сила, ловкость и отвага. Изъ отряда «галловъ» выдѣлился гладіаторъ, знакомый любителямъ амфитеатра подъ именемъ «Мясника» (Lanio),

[*]) „Здравствуй, кесарь императоръ! люди готовые на смерть, тебя привѣтствуютъ"

побѣдитель на многихъ игрищахъ. Въ большомъ шлемѣ и панцырѣ, который заковывалъ спереди и сзади его могучій станъ, онъ, на фонѣ желтой арены, казался какимъ-то огромнымъ, блестящимъ жукомъ. Не менѣе славный ретіарій, Календіонъ, выступилъ противъ него.

Между зрителями пошли заклады.

— Пятьсотъ сестерцій за галла!

— Пятьсотъ за Календіона!

— Клянусь Геркулесомъ! Тысячу!

— Двѣ тысячи!

Тѣмъ временемъ Галлъ дойдя до середины арены, началъ отступать назадъ съ наставленнымъ мечомъ и, наклоняя голову, внимательно слѣдилъ сквозь отверстія забрала за движеніями противника, а ретіарій, легкій, съ пластическими формами, совершенно голый, за исключеніемъ повязки вокругъ бедеръ, быстро носился вокругъ своего тяжелаго врага, изящно махая сѣтью, и распѣвалъ обычную пѣсню ретіаріевъ:

«Non te peto, piscem peto,
Quid me fuges, Galle!» [7])

Но Галлъ не бѣжалъ; онъ остановился и началъ незамѣтно поворачиваться на мѣстѣ, чтобы всегда имѣть врага передъ собою. Въ его фигурѣ и уродливо большой головѣ теперь было что-то страшное. Зрители хорошо понимали, что эта тяжелая, закованная въ мѣдь масса подготовляется къ неожиданному прыжку, который можетъ положить конецъ борьбѣ. Тѣмъ временемъ ретіарій то подскакивалъ къ нему, то отпрыгивалъ назадъ, такъ быстро размахивая своими тройными вилами, что человѣческій взглядъ съ трудомъ могъ слѣдить за ними. Звукъ трезубца о щитъ раздавался не одинъ разъ, но Галлъ не пошатнулся,—настолько велика была его сила. Казалось, все его вниманіе сосредоточивается не на трезубцѣ, а на сѣти, которая постоянно кружилась надъ его головою, какъ зловѣщая птица. Зрители, задерживая духъ въ груди, слѣдили за мастерскою игрой гладіаторовъ. Ланіонъ, воспользовавшись удобною минутой, наконецъ ринулся на противника, но тотъ съ одинаковою ловкостью проскользнулъ подъ его мечомъ и поднятою рукой, выпрямился и бросилъ сѣть.

Галлъ, повернувшись на мѣстѣ, отбросилъ сѣть щитомъ, потомъ оба соперника разошлись въ разныя стороны. Въ амфитеатрѣ загремѣли крики: «macte!»—въ нижнихъ рядахъ составлялись но-

---

[7]) Я не тебя ловлю; я ловлю рыбу; что ты бѣжишь отъ меня, галлъ!

вые заклады. Самъ цезарь, который разговаривалъ съ весталкой Рубріей и не обращалъ до сихъ поръ особеннаго вниманія на зрѣлище, теперь повернулъ голову къ аренѣ.

Гладіаторы снова начали бороться такъ ловко, съ такимъ знаніемъ дѣла, что по временамъ казалось, будто рѣчь идетъ не о жизни и смерти, а только о томъ, какъ бы лучше выказать свое искусство. Ланіонъ, еще два раза увернулся отъ сѣти и снова началъ пятиться къ концу арены. Тогда зрители, державшіе противъ него и не желающіе дать ему перевести духъ, начали кричать: «Нападай!» Галлъ послушался и напалъ. Плечо ретіарія обагрилось кровью, сѣть повисла въ его рукѣ. Ланіонъ съежился и прыгнулъ, намѣреваясь нанести послѣдній ударъ. Но въ эту минуту Календіонъ, который нарочно притворился, что не можетъ владѣть сѣтью, перегнулся на бокъ, избѣжалъ удара меча, и, просунувъ трезубецъ между колѣнъ своего противника, повалилъ его на земь.

Ланіонъ хотѣлъ встать, но его во мгновеніе ока опутали роковые шнуры, которые съ каждымъ движеніемъ все сильнѣе и сильнѣе обвивались вокругъ его рукъ и ногъ. А удары трезубца съ неслыханною быстротой пригвождали его къ землѣ. Онъ еще разъ собралъ всѣ усилія, оперся на руки, напрягся, чтобъ встать,—напрасно! Ланіонъ поднялъ къ головѣ безоружную руку и упалъ навзничъ. Календіонъ зубцами своихъ вилъ притиснулъ его шею къ землѣ, оперся обѣими руками на древко и повернулся въ сторону ложи цезаря.

Весь циркъ затрясся отъ рукоплесканій и рева людскихъ голосовъ. Для тѣхъ, кто держалъ за Календіона, онъ въ настоящую минуту былъ больше цезаря, но поэтому они и пылали ненавистью противъ Ланіона, который цѣною собственной крови долженъ былъ наполнить ихъ кошельки. Желанія народа раздвоились. Половина желала смерти Ланіона, другая требовала его помилованія, но ретіарій смотрѣлъ только на ложу цезаря и весталокъ и ждалъ рѣшенія.

Къ несчастію, Неронъ не любилъ Ланіона. На предыдущихъ игрищахъ онъ держалъ противъ него и проигралъ большую сумму денегъ. Цезарь протянулъ руку изъ подіума и обратилъ большой палецъ къ землѣ.

Весталки тотчасъ же повторили этотъ знакъ. Тогда Календіонъ сталъ колѣномъ на грудь Галла, вынулъ изъ-за пояса короткій ножъ и, отстранивъ панцырь отъ шеи противника, вонзилъ ему въ горло по рукоять трехгранное остріе.

— Peractum est!—раздались голоса въ амфитеатрѣ.

Ланіонъ вздрогнулъ, какъ зарѣзанный быкъ, ноги его судорожно взрывали песокъ, потомъ онъ выпрямился и остался неподвижнымъ.

Меркурію не нужно было прижигать его раскаленнымъ желѣзомъ и удостовѣряться, живъ ли онъ еще. Галла вытащили вонъ. Появились другія пары, и только послѣ нихъ началось состязаніе цѣлыхъ отрядовъ. Народъ принималъ въ немъ участіе душой, сердцемъ и глазами, вылъ, рычалъ, свисталъ, рукоплескалъ, смѣялся, ободрялъ состязающихся, приходилъ въ безуміе. На аренѣ два отряда гладіаторовъ бились съ яростью дикихъ звѣрей,—грудь ударялась о грудь, тѣла сплетались въ смертельныхъ объятіяхъ, кости трещали, мечи пронзали груди, побѣлѣвшія губы обагряли песокъ потоками крови. Нѣсколькими новичками подъ конецъ овладѣла такая страшная тревога, что они вырвались изъ свалки и хотѣли бѣжать, но мастигофоры вновь загнали ихъ въ толпу палками со свинцовымъ набалдашникомъ. На пескѣ образовались большія темныя пятна, обнаженныя и одѣтыя тѣла цѣлыми кучами валялись тамъ и здѣсь. Живые бились на трупахъ, спотыкались объ оружіе, о щиты, разбивали въ кровь ноги о поломанное оружіе и падали. Народъ былъ внѣ себя отъ восторга, упивался смертью, дышалъ ею, наслаждался ея зрѣлищемъ и съ восторгомъ вбиралъ въ грудь ея испаренія.

Побѣжденные полегли почти всѣ, лишь нѣсколько раненыхъ пали на колѣна посерединѣ арены и простирали къ зрителямъ руки съ мольбой о пощадѣ. Побѣдителямъ роздали награды, вѣнки, вѣтви оливы,—наступила минута отдыха, которая, по повелѣнію всемогущаго цезаря, обратилась въ пиръ. Въ вазахъ задымились благоуханія, особые невольники окропляли народъ шафранной и фіалковою водой. Повсюду разносили жареное мясо, пирожное, вино и плоды. Народъ пожиралъ все это, разговаривалъ и поднималъ возгласы въ честь цезаря, чтобы склонить его этимъ къ еще большей щедрости. И дѣйствительно, когда голодъ и жажда были утолены, сотни невольниковъ внесли корзинки съ подарками, а мальчики, одѣтые амурами, вынимали оттуда различныя вещи и обѣими руками бросали ихъ зрителямъ. При раздачѣ лотерейныхъ «тессеръ» среди скамей образовалась свалка; народъ тѣснился, давилъ другъ друга, перескакивалъ черезъ скамьи. Кто получалъ счастливый билетъ, тотъ могъ выиграть домъ съ садомъ, невольника, великолѣпную одежду или какого-нибудь рѣдкостнаго дикаго звѣря, котораго впослѣдствіи могъ продать въ амфитеатръ. Происходили такія сцены, что преторіанцы часто принуждены были прибѣгать къ силѣ.

Более богатые не принимали участія въ дракѣ за тессеры. Августіане въ это время забавлялись Хилономъ и подсмѣивались надъ его напрасными усиліями смотрѣть спокойно на бойню и потоки крови. Тщетно несчастный грекъ хмурилъ брови, закусывалъ губы и сжималъ кулаки такъ, что его ногти впивались въ ладони. Его греческая натура и его трусость не могли выносить такихъ зрѣлищъ. Лицо его поблѣднѣло, лобъ покрылся каплями пота, по тѣлу пробѣгала невольная дрожь. Послѣ состязанія онъ немного пришелъ въ себя, но когда надъ нимъ начали подсмѣиваться, разсердился и началъ отчаянно отгрызаться.

— Ну, грекъ, видно для тебя невыносимъ видъ разорванной человѣческой кожи!—говорилъ Ватиній и дергалъ его за бороду.

Хилонъ оскалилъ на него два своихъ послѣднихъ желтыхъ зуба и отвѣтилъ:

— Мой отецъ не былъ башмачникомъ, и я не умѣю чинить кожи.

— Macte! habet! послышалось нѣсколько голосовъ. Цезарь то же рукоплескалъ и повторялъ: «macte!» Наконецъ къ греку подошелъ Петроній, дотронулся до его плеча своею рѣзною тростью изъ слоновой кости и холодно сказалъ:

— Это хорошо, философъ, но ты заблуждаешься только въ одномъ: боги сотворили тебя мелкимъ воришкой, а ты сдѣлался демономъ, и поэтому ты не выдержишь.

Старикъ посмотрѣлъ на Петронія своими красными глазами, но не нашелъ готоваго дерзкаго отвѣта. На минуту онъ замолкъ, потомъ отвѣтилъ съ видимымъ усиліемъ:

— Выдержу!...

Тѣмъ временемъ трубы дали знать, что перерывъ оконченъ, и зрѣлище возобновится. Народъ началъ расходиться изъ проходовъ, куда собрался, чтобы размять ноги и поболтать. Опять пошли обычныя ссоры изъ-за мѣстъ, но шумъ мало-по-малу утихалъ, и амфитеатръ приходилъ въ порядокъ. На аренѣ появились прислужники и начали разбивать песокъ, кое-гдѣ слипшійся комками.

Приходила очередь христіанъ. Такъ какъ для народа предстоящее зрѣлище являлось новостью, никто не зналъ, какъ христіане будутъ держать себя, и ихъ ждали съ любопытствомъ. Ожидалось что-то необычайное,—настроеніе толпы было сосредоточенное, но непріязненное къ христіанамъ. Какъ бы то ни было, люди, которые должны появиться сейчасъ, сожгли Римъ и его, собранныя вѣками, сокровища. Они питались кровью дѣтей, отравляли источники, проклинали весь человѣческій родъ и совершали самыя омер-

зительныя преступленія. Пробужденной ненависти недостаточно было самыхъ суровыхъ каръ, и если какое-нибудь опасеніе стѣсняло сердце народа, то только опасеніе, будутъ ли мученія равняться преступленіямъ осужденныхъ.

Солнце поднялось высоко, и лучи его, проходя сквозь пурпуровый «velarium», залили амфитеатръ кровавымъ свѣтомъ. Песокъ принялъ огненную окраску, и въ этомъ освѣщеніи, и въ лицахъ зрителей, и въ огромной пустой аренѣ, которая вскорѣ должна была сдѣлаться свидѣтельницей человѣческой муки и свирѣпости людей, было что-то страшное. Казалось, что въ воздухѣ носятся страхъ и смерть. Толпа, обыкновенно веселая, подъ вліяніемъ ненависти, закаменѣла въ молчаніи. Лица всѣхъ носили отпечатокъ ожесточенія.

Префектъ далъ знакъ. Появился тотъ самый старикъ, одѣтый Харономъ, который призывалъ на смерть гладіаторовъ, медленными шагами прошелъ чрезъ всю арену и, среди глухой тишины, снова трижды стукнулъ молотомъ въ двери.

По амфитеатру пронесся ропотъ:

— Христіане!... христіане!...

Желѣзныя рѣшетчатыя двери скрипнули; изъ темной пасти подземелья послышались обычные крики мастигофоровъ: «На песокъ!» Но арена въ одну минуту наполнилась какими-то сильванами, покрытыми звѣриными шкурами. Всѣ бѣжали скоро, лихорадочно и, добѣжавъ до середины круга, падали на колѣна, одинъ возлѣ другого, съ руками, поднятыми кверху. Зрители думали, что это—мольба о помилованія, и, взбѣшеные такою трусостью, начали стучать ногами, свистать, бросать пустыми сосудами изъ-подъ вина, обгрызанными костями и рычать: «Звѣрей, звѣрей!»... Но вдругъ произошло что-то неожиданное. Изъ средины косматаго сборища послышались поющіе голоса; загремѣла пѣснь, которую въ первый разъ слышали въ римскомъ циркѣ:

«Christus regnat!»... [8])

. . . .

Тогда римлянъ охватило изумленіе. Осужденные пѣли съ глазами поднятыми къ веларію. Лица ихъ были блѣдны, но вдохновенны. Амфитеатръ понялъ, что эти люди просятъ не о снисхожденіи, и, казалось, не видятъ ни цирка, ни народа, ни сената, ни цезаря. «Christus regnat!»—раздавалось все громче, а на скамьяхъ, отъ низа до самаго верха, не одинъ человѣкъ задавалъ себѣ во-

---

[8]) „Христосъ царствуетъ“.

просъ: что такое происходитъ и кто этотъ «Christus», который царствуетъ на устахъ людей, долженствующихъ умереть такъ скоро? Но въ это время открылась новая рѣшетка и на арену, дикими прыжками, съ лаемъ, высыпала цѣлая стая собакъ, свѣтло-желтыхъ огромныхъ молосовъ изъ Пелопоннеса, полосатыхъ пиренейскихъ псовъ и похожихъ на волковъ овчарокъ изъ Гиберніи, со впалыми боками и налитыми кровью глазами. Вой и визгъ наполняли весь амфитеатръ. Христіане, окончивъ свою пѣснь, неподвижно, точно окаменѣлые, оставались на колѣнахъ и только повторяли хоромъ: «Pro Christo, pro Christo!» [9]) Собаки, почуявъ людей подъ звѣриными шкурами, и удивленные ихъ неподвижностью, не смѣли сразу броситься на нихъ. Одни карабкались на загородки ложъ, какъ будто хотѣли проникнуть къ зрителямъ, другія съ отчаяннымъ лаемъ бѣгали кругомъ, какъ будто преслѣдовали какого-то невидимаго звѣря. Зрители начинали негодовать. Загремѣли тысячи голосовъ; одни изъ зрителей подражали рычанію звѣрей, другіе лаяли, какъ собаки. Весь амфитеатръ дрожалъ отъ крика. Раздразненныя собаки начали то подбираться къ христіанамъ, то отступать назадъ; наконецъ, одинъ изъ молосовъ впился зубами въ затылокъ стоящей впереди женщины и подмялъ ее подъ себя.

Тогда десятки собакъ, словно черезъ пробоину, бросились въ толпу христіанъ. Зрители перестали рычать, чтобы съ бо̀льшимъ вниманіемъ наблюдать за зрѣлищемъ. Среди воя еще слышались страдальческіе голоса мужчинъ и женщинъ: «Pro Christo, pro Christo!» По аренѣ образовались точно какіе-то подвижные клубы изъ собачьихъ и человѣческихъ тѣлъ. Теперь кровь лилась уже ручьями. Собаки вырывали другъ у друга кровавые куски человѣческаго мяса. Запахъ крови и растерзанныхъ внутренностей заглушилъ арабскія благовонія и наполнилъ весь циркъ. Въ концѣ только кое-гдѣ виднѣлись колѣнопреклоненныя фигуры, да и тѣ исчезали подъ подвижными, воющими клубами.

Виницій, который въ ту минуту, когда христіане вбѣжали, поднялся, чтобы, согласно обѣщанію, данному фоссору, указать сторону, гдѣ сидитъ апостолъ Петръ, теперь сидѣлъ съ мертвымъ лицомъ и стеклянными глазами смотрѣлъ на ужасное зрѣлище. Сначала опасеніе, что фоссоръ могъ ошибиться и что Лигія находится въ числѣ жертвъ, совершенно ошеломило его, но когда онъ услышалъ голоса: «Pro Christo!» — когда видѣлъ муки стольких людей, которые, умирая, прославляли своего Бога и свою правду, имъ

---

[9]) За Христа!"

овладѣло другое чувство, удручающее его, какъ самая невыносимая боль, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непреодолимое: если Христосъ Самъ умеръ въ мученіяхъ, если теперь за Него гибнутъ цѣлыя тысячи людей, когда проливается цѣлое море крови, то больше или меньше одною каплей, — все равно, и что даже грѣховно просить о милосердіи.

Эта мысль шла на него съ арены, проникала въ него вмѣстѣ со стонами умирающихъ, съ запахомъ ихъ крови. Однако, онъ молился и повторялъ запекшимися устами: «Христосъ, Христосъ! и Твой апостолъ молится за нее!» Потомъ онъ потерялъ способность соображать, гдѣ онъ, ему только казалось, что кровь на аренѣ все поднимается и поднимается и разольется изъ цирка по всему Риму. Наконецъ, онъ не слыхалъ уже ничего,—ни вытья собакъ, ни шума людей, ни голосовъ августіанъ, которые вдругъ закричали:

— Хилонъ въ обморокѣ!

— Хилонъ въ обморокѣ!—повторилъ Петроній и обратился въ его сторону.

Греку дѣйствительно было дурно, и онъ сидѣлъ блѣдный, какъ полотно, съ головою, закинутою назадъ, съ широко раскрытымъ ртомъ.

Въ эту самую минуту на арену начали выгонять новыя жертвы, также зашитыя въ звѣриныя кожи.

Они, такъ же, какъ и ихъ предшественники, становились на колѣна, но утомленныя собаки не хотѣли терзать ихъ. Нѣсколько штукъ бросились на христіанъ, остальныя улеглись на пескѣ, и, поднимая кверху свои окровавленныя пасти, тяжело дышали и зѣвали.

Удовлетворенный, но упившійся кровью и обезумѣвшій народъ кричалъ пронзительными голосами:

— Львовъ, львовъ! Выпустить львовъ!...

Львы приберегались къ слѣдующему дню, но амфитеатръ навязывалъ свою волю всѣмъ, даже цезарю. Только одинъ Калигула, дерзкій и измѣнчивый въ своихъ прихотяхъ, осмѣливался противиться ему, даже иногда приказывалъ бить толпу палками, но и тотъ часто уступалъ. Неронъ, которому рукоплесканія были дороже всего на свѣтѣ, не сопротивлялся толпѣ никогда, а тѣмъ болѣе теперь, когда дѣло шло объ умиротвореніи толпы и о христіанахъ, на которыхъ онъ желалъ свалить всю вину пожара.

Цезарь далъ знакъ, чтобъ открыли «куникулъ», и народъ тотчасъ же успокоился. Послышался скрипъ рѣшетокъ, за которыми находились львы. Собаки, при видѣ ихъ, сбились въ одну кучу на

противоположной сторонѣ арены и завыли, а львы одинъ за другимъ начали выходить наружу,—огромные, свѣтло-желтые, съ кудластыми головами. Самъ цезарь обратилъ въ ихъ сторону свое скучающее лицо, и, чтобы видѣть ихъ лучше, приложилъ къ глазу изумрудъ. Августіане привѣтствовали львовъ рукоплесканіями, толпа считала ихъ по пальцамъ, жадно наблюдая при этомъ, какое впечатлѣніе производятъ они на колѣнопреклоненныхъ христіанъ, а тѣ все повторяли, непонятныя для многихъ и раздражающія всѣхъ свои слова: «Pro Christo, pro Christo!»...

Но львы, хотя они и были голодны, не спѣшили къ своимъ жертвамъ. Красный свѣтъ арены пугалъ ихъ, и они щурили глаза. Одни лѣниво потягивались, другіе широко разѣвали свои огромныя пасти и зѣвали, какъ будто желая показать зрителямъ свои страшные клыки. Но запахъ крови и растерзанныхъ тѣлъ началъ дѣйствовать и на нихъ. Движенія ихъ стали безпокойными, ноздри хрипло втягивали воздухъ. Одинъ вдругъ припалъ къ трупу женщины, оперся на него лапами и началъ шероховатымъ языкомъ слизывать запекшуюся кровь, другой приблизился къ христіанину, держащему на рукахъ ребенка, зашитаго въ шкуру оленя.

Ребенокъ трясся отъ крика и плача, конвульсивно хватался за шею отца, а тотъ, желая продлить его жизнь хоть на минуту, усиливался оторвать его отъ себя и передать другому, стоящему дальше. Но движеніе и крикъ раздражили льва. Онъ издалъ короткое, отрывистое рычаніе, смялъ ребенка однимъ ударомъ лапы и, схвативъ въ пасть черепъ отца, размозжилъ его во мгновеніе ока.

Видя это, всѣ львы накинулись на христіанъ. Нѣкоторыя женщины не могли удержать крика ужаса, но толпа заглушила его рукоплесканіями, которыя, однако, тотчасъ же смолкли. На аренѣ происходило что-то страшное: человѣческія головы сразу исчезали въ львиной пасти,—видны были груди, разсѣченныя однимъ ударомъ клыка, видны были вырванныя и еще трепещущія сердца, слышенъ былъ трескъ костей. Иные львы, схвативъ свою жертву за бокъ или за спину, бѣшеными скачками мчались съ нею по аренѣ, какъ бы отыскивая болѣе уединеннаго мѣста, другіе въ свалкѣ становились на заднія лапы, обхватывали другъ друга передними и оглушали амфитеатръ громовымъ рычаніемъ. Зрители вставали съ мѣстъ, спускались ниже, чтобы видѣть лучше, и давили другъ друга на смерть. Казалось, что приведенная въ восторгъ толпа, въ концѣ сама кинется на арену и начнетъ вмѣстѣ со львами раздирать христіанъ. Слышались уже почти нечеловѣческіе воз-

гласы, рычаніе, скрежетъ зубовъ, вытье молосовъ и только изрѣдка къ этому примѣшивался стонъ.

Цезарь, держа изумрудъ у глаза, теперь внимательнѣе смотрѣлъ на арену, лицо Петронія приняло оттѣнокъ отвращенія и презрѣнія. Хилона давно уже вынесли изъ цирка.

Изъ куникуловъ выгоняли все новыя жертвы.

А съ самаго верхняго ряда на нихъ смотрѣлъ апостолъ Петръ. На него никто не обращалъ вниманія,—глаза всѣхъ зрителей были устремлены на арену. Апостолъ всталъ и, какъ нѣкогда въ винограднинѣ Корнелія благословлялъ на смерть и на вѣчность тѣхъ, которые должны были попасть въ руки преторіанцевъ, такъ теперь осѣнялъ крестомъ погибающихъ подъ когтями звѣрей,—и ихъ кровь, и ихъ муку, и ихъ тѣла, превратившіяся въ безформенныя массы, и ихъ души, улетающія съ залитой кровью арены. Нѣкоторые изъ христіанъ поднимали къ нему свои глаза, и лица ихъ прояснялись при видѣ знаменія креста. А сердце апостола разрывалось, и онъ говорилъ: «О, Господь, да будетъ воля Твоя, ибо для славы Твоей, свидѣтельствуя правду Твою, гибнутъ мои овцы. Ты повелѣлъ мнѣ пасти ихъ, и я возвращаю ихъ Тебѣ, а Ты, Господь, сосчитай ихъ, возьми ихъ къ Себѣ, залѣчи ихъ раны, утоли ихъ страданія и воздай имъ счастье въ большей мѣрѣ, чѣмъ они вынесли мученій».

Онъ осѣнялъ крестомъ одного вслѣдъ за другимъ, толпу за толпою, съ такою великою любовью, какъ будто они были его дѣтьми, которыхъ онъ прямо передавалъ въ руки Христа.

А въ это время цезарь,—пришелъ ли онъ въ неистовство, или ему хотѣлось, чтобъ игрище превзошло все, что до сихъ поръ видѣли въ Римѣ,—шепнулъ нѣсколько словъ префекту города. Префектъ тотчасъ же оставилъ свое мѣсто въ подіумѣ и пошелъ въ куникулы. Даже толпа, и та удивилась, когда увидѣла, что рѣшетки отворяются снова. Теперь на арену выпускали разныхъ звѣрей: тигровъ съ Евфрата, нумидійскихъ пантеръ, медвѣдей, волковъ, гіенъ и шакаловъ. Вся арена покрылась точно подвижною волною полосатыхъ, желтыхъ, темныхъ и пятнистыхъ шкуръ. Образовался хаосъ, въ которомъ глаза уже ничего не могли различить,—видно было какъ только клубилась и разливалась эта волна. Зрѣлище потеряло подобіе вѣроятности и смѣнилось какою-то оргіей крови, какимъ-то страшнымъ сномъ, какимъ-то чудовищнымъ кошмаромъ помутившагося ума. Всякая мѣра была превзойдена. Къ рычанію, вою и лаю примѣшивался истерическій крикъ,—то былъ крикъ женщинъ, сидящихъ въ амфитеатрѣ, которыя уже

истощили всѣ свои силы. Толпѣ становилось страшно, лица у всѣхъ какъ-то поблекли. Послышались голоса: «довольно! довольно!»

Но звѣрей легче было выпустить изъ клѣтокъ, чѣмъ загнать обратно. Но цезарь зналъ, какъ очистить отъ нихъ арену, — это могло, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить и новою забавой для народа. Во всѣхъ промежуткахъ между скамьями появились отряды черныхъ нумидійцевъ, украшенныхъ перьями. Въ ушахъ у нихъ были висячія серьги, въ рукахъ — луки. Народъ понялъ, что ему предстоитъ видѣть, и привѣтствовалъ нумидійцевъ радостными криками, а они приблизились къ барьеру и, наложивъ стрѣлы на тетиву луковъ, начали поражать звѣрей. Дѣйствительно, то было новое зрѣлище. Стройныя, словно изваянные изъ чернаго мрамора тѣла, отгибались назадъ, напрягая гибкіе луки и посылая ударъ за ударомъ. Гулъ тетивы и свистъ стрѣлъ примѣшивался къ вою звѣрей и удивленному крику зрителей. Волки, медвѣди, пантеры и люди, которые еще остались живы, падали въ повалку одинъ возлѣ другого. Кое-гдѣ левъ, почувствовавъ боль, внезапнымъ движеніемъ поворачивалъ свою искаженную бѣшенствомъ голову, чтобы схватить и изломать стрѣлу, вонзившуюся въ его бокъ. Мелкое звѣрье тревожно металось по аренѣ, билось головой о рѣшетку, а стрѣлы все свистали и свистали, пока все, что было живо на аренѣ не полегло въ предсмертныхъ судорогахъ.

Тогда на арену явились сотни цирковыхъ прислужниковъ, вооруженныхъ заступами, лопатами, метлами, тачками, корзинами и мѣшками съ пескомъ. Арену мигомъ очистили отъ труповъ, перекопали, сравняли и посыпали толстымъ слоемъ свѣжаго песка. Затѣмъ прибѣжали амуры и разбросали повсюду лепестки розъ, лилій и другихъ цвѣтовъ. Изъ курильницъ вновь заструились ароматы, веларій исчезъ,—солнце уже сильно спустилось къ закату.

Зрители съ удивленіемъ посматривали другъ на друга и спрашивали, какое еще зрѣлище ожидаетъ ихъ сегодня?

А зрѣлище ихъ ожидало такое, какого не ожидалъ никто. Цезарь,—онъ давно уже вышелъ изъ подіума,—вдругъ появился на усыпанной цвѣтами аренѣ, съ пурпурнымъ плащомъ на плечахъ и съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. Двѣнадцать пѣвцовъ съ цитрами въ рукахъ слѣдовали за нимъ. Онъ, держа серебряную лютню, торжественнымъ шагомъ выступилъ на середину, нѣсколько разъ поклонился зрителямъ, поднялъ глаза къ небу и нѣсколько секундъ простоялъ такъ, какъ будто ожидая вдохновенія. Потомъ онъ ударилъ по струнамъ и запѣлъ:

«О, лучезарный сынъ Леты, властелинъ Тенедоса, Киллы, Хри-

зы! [10]) Какъ ты, оберегающій святой градъ Иліона, могъ предать его во власть гнѣву ахейцевъ и стерпѣть, чтобъ святые алтари, вѣчно горящіе во славу твою, могла бы обрызгать кровь троянцевъ?

«Къ тебѣ, о, Сребролукій, простирали старцы свои дрожащія руки, къ тебѣ возносился плачъ матерей, чтобы ты сжалился надъ ихъ дѣтьми. И камень тронулся бы отъ жалости, а ты, Сминтей [11]), менѣе, чѣмъ камень, былъ чувствителенъ къ человѣческому горю!...»

Пѣсня переходила въ жалобную, полную скорби, элегію. Немного погодя цезарь, и самъ взволнованный, запѣлъ дальше:

«Вѣдь, могъ бы ты звуками божественной форминги [12]) заглушить сердечный вопль и крикъ,—а глаза еще до сихъ поръ, какъ цвѣты росою, увлажняются слезами, при уныломъ напѣвѣ той пѣсни, которая воскрешаетъ изъ праха и пепла день гибели Трои... Сминтей, гдѣ ты былъ тогда?»

Тутъ голосъ цезаря дрогнулъ, и на глазахъ его появились слезы. Весталки плакали также. Народъ слушалъ въ молчаніи, пока не разразилась буря рукоплесканій.

Тѣмъ временемъ для свободнаго доступа воздуха открыли вомиторіи и тогда до амфитеатра долетѣлъ скрипъ телѣгъ, на которыя сваливали кровавые останки христіанъ,—мущинъ, женщинъ и дѣтей, чтобы потомъ вывезти все это въ страшныя ямы, такъ называемыя «puticuli».

А Петръ апостолъ обхватилъ обѣими руками свою бѣлую, дрожащую голову и взывалъ въ душѣ:

— Господь, Господь! Кому ты отдалъ власть надъ міромъ?... И Ты, все-таки, хочешь основать Свой престолъ въ этомъ городѣ?

II.

Солнце уже совсѣмъ склонилось къ закату и, казалось, все растопилось къ вечерней зарѣ. Зрѣлище было окончено. Толпа начала покидать амфитеатръ, только августіане ждали, пока не схлынетъ толпа народа. Оставивъ свои мѣста, они всѣ собрались у подіума, въ которомъ цезарь показался снова, чтобъ насладиться похвалами. Хотя зрители не щадили для него рукоплесканій тот-

---

[10]) Тенедосъ, Килла, Хриза—мѣста почитанія бога Аполлона, которому посвященъ этотъ гимнъ. Тенедосъ—островъ около Троады, Килла и Хриза—города въ Троадѣ.

[11]) Smintheus—одинъ изъ эпитетовъ Аполлона. Древніе производили это слово отъ sminthos „мышь“, т. к. Аполлонъ считался истребителемъ мышей.

[12]) Phorminx—музыкальный струнный инструментъ.

часъ же послѣ конца пѣсни,—для Нерона этого было недостаточно, онъ ожидалъ энтузіазма, доведеннаго до безумія. Напрасно теперь въ честь его гремѣли хвалебные гимны, напрасно весталки лобзали его «божественныя» руки, а Рубрія при этомъ наклонилась такъ, что ея рыжеватая голова прикоснулась къ его груди,—цезарь былъ недоволенъ и не умѣлъ скрыть этого. Въ добавокъ его удивляло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокоило, что Петроній хранитъ молчаніе. Какое-нибудь одобрительное и вмѣстѣ съ тѣмъ меткое слово изъ его устъ было бы для него въ настоящую минуту великимъ утѣшеніемъ. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, поманилъ его рукою, а когда Петроній вошелъ въ подіумъ, цезарь проговорилъ:

— Скажи.

Петроній холодно отвѣтилъ:

— Я молчу, потому что не могу найти словъ. Ты превзошелъ самого себя.

— Такъ и мнѣ казалось, но, однако, этотъ народъ...

— Можешь ли ты требовать отъ черни, чтобъ она понимала вкусъ въ поэзіи?

— Значитъ и ты замѣтилъ, что меня отблагодарили не такъ, какъ бы я заслуживалъ?

— Ты выбралъ дурную минуту.

— Почему?

— Потому что мозгъ, закопченный испареніями крови, не можетъ слушать внимательно.

Неронъ стиснулъ руки.

— Ахъ, эти христіане! Подожгли Римъ, а теперь вредятъ и мнѣ. Какое еще наказаніе я придумаю для нихъ?

Петроній замѣтилъ, что идетъ по опасной дорогѣ и что слова его приведутъ къ послѣдствію совсѣмъ противуположному тому, чего онъ хотѣлъ достигнуть, и, желая обратить вниманіе цезаря въ другую сторону, наклонился къ нему и шепнулъ:

— Пѣснь твоя—чудо, но я сдѣлаю тебѣ только одно замѣчаніе: метрика четвертаго стиха третьей строфы оставляетъ желать многого.

Неронъ вспыхнулъ румянцемъ стыда, какъ будто его поймали на какомъ-нибудь безчестномъ дѣлѣ, съ испугомъ осмотрѣлся вокругъ и отвѣтилъ также тихо:

— Ты все замѣтишь!... Знаю!... Передѣлаю!... Но другой никто не замѣтилъ, да? А ты, ради боговъ, не говори никому... если... тебѣ мила жизнь.

Петроній, нахмуривъ брови, отвѣтилъ съ оттѣнкомъ скуки и неудовольствія:

— Божественный, ты можешь обречь меня на смерть, если я мѣшаю тебѣ, но смертью не пугай меня,—боги лучше знаютъ, страшусь ли я ея.

И онъ прямо посмотрѣлъ въ глаза цезаря.

— Не сердись,—черезъ минуту отвѣтилъ Неронъ.—Ты знаешь, что я люблю тебя.

«Плохой признакъ!» —подумалъ Петроній.

— Я хотѣлъ сегодня пригласить васъ къ себѣ на ужинъ,—продолжалъ Неронъ,—но предпочитаю запереться и отдѣлывать этотъ проклятый стихъ третьей строфы. Ошибку, кромѣ тебя, могли замѣтить Сенека, да еще и Секундъ Каринатъ, но я отъ нихъ скоро отдѣлаюсь.

Онъ тотчасъ же подозвалъ Сенеку и объявилъ ему, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ Акратомъ и Секундомъ Каринатомъ ѣхалъ въ Италію и во всѣ провинціи и собиралъ деньги,—изъ городовъ, изъ деревень, изъ храмовъ,—отовсюду, откуда ихъ можно извлечь или выжать. Но Сенека понялъ, что его заставляютъ быть грабителемъ, святотатцемъ и разбойникомъ, и отвѣтилъ отказомъ:

— Господинъ, я долженъ ѣхать въ деревню и тамъ ждать смерти. Я старъ и нервы мои больны.

Иберійскіе нервы Сенеки, болѣе сильные, чѣмъ нервы Хилона, можетъ быть и не были больны, но вообще здоровье его было плохо. Онъ сильно похудѣлъ, и голова его въ послѣднее время совершенно побѣлѣла.

Неронъ посмотрѣлъ на него и подумалъ, что можетъ быть и дѣйствительно не долго ждать его смерти, и отвѣтилъ:

— Я не хочу подвергать тебя опасности дороги,—если ты правда боленъ, но я люблю тебя, желаю имѣть тебя вблизи отъ себя и потому ты, вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ деревню, замкнешься въ своемъ домѣ и не будешь переступать черезъ его порогъ.

Тутъ онъ разсмѣялся и прибавилъ:

— Если я пошлю только Акрата и Кarината, то это будетъ то же самое, что напустить волковъ на овецъ. Кого мнѣ дать имъ въ начальство?

— Назначь меня, господинъ!—сказалъ Домицій Аферъ.

— Нѣтъ! Я не хочу навлекать на Римъ гнѣва Меркурія,—ты и его пристыдишь своими плутнями. Мнѣ нужно какого - нибудь стоика, какъ Сенека, или, какъ мой новый другъ—философъ Хилонъ.

Онъ оглянулся вокругъ и спросилъ:

— А что сталось съ Хилономъ?

Хилонъ пришелъ въ себя на свѣжемъ воздухѣ, возвратился въ амфитеатръ, чтобы прослушать пѣснь цезаря, а теперь приблизился къ нему и сказалъ:

— Я здѣсь, свѣтлый плодъ солнца и луны. Я былъ боленъ, но твое пѣніе исцѣлило меня.

— Я пошлю тебя въ Ахайю,—сказалъ Неронъ.—Ты долженъ знать до точности, что хранится тамъ въ каждомъ храмѣ.

— Пошли, Зевсъ, а боги сложатъ тебѣ такую дань, какой не давали никому.

— Я и сдѣлалъ бы такъ, но не хочу лишать тебя игрищъ.

— Ваалъ!—произнесъ Хилонъ.

Августіане, довольные тѣмъ, что расположеніе духа цезаря исправилось, начали смѣяться и кричать:

— Нѣтъ, господинъ! Не лишай мужественнаго Хилона игрищъ.

— Но избавь меня, господинъ, отъ зрѣлища этихъ крикливыхъ капитолійскихъ гусенятъ, мозги которыхъ, взятые вмѣстѣ, не наполнятъ одной скорлупы жолудя. Теперь я, первородный сынъ Аполлона, пишу въ честь тебя гимнъ на греческомъ языкѣ и поэтому хочу провести нѣсколько дней въ святынѣ музъ, чтобъ вымолить у нихъ вдохновеніе.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ Неронъ.—Ты хочешь отдѣлаться отъ будущихъ зрѣлищъ. Ничего изъ этого не выйдетъ.

— Господинъ, клянусь тебѣ, что я пишу гимнъ.

— Тогда ты будешь писать его ночью. Моли Діану о вдохновеніи,—она, все-таки, сестра Аполлона.

Хилонъ, опустивъ голову, со злостью посматривалъ на окружающихъ, которые снова начали смѣяться, а цезарь обратился къ Сенеціону и Суилію Нерулину и сказалъ:

— Представьте себѣ, что изъ христіанъ, предназначенныхъ на нынѣшній день, мы и половины не сумѣли убрать.

Старикъ Аквилъ Регулъ, великій знатокъ того, что касается амфитеатра, съ минуту помолчалъ и промолвилъ:

— Зрѣлища, въ которыхъ люди выступаютъ sine armis et sine arte [1]), тянутся почти столько же, а занимаютъ меньше.

— Я прикажу давать имъ оружіе,—отвѣтилъ Неронъ.

Суевѣрный Вестинъ вдругъ очнулся отъ задумчивости и спросилъ таинственнымъ голосомъ:

---

1) „Безъ оружія и безъ искусства".

— Замѣтили вы, они видятъ что-то, когда умираютъ. Смотрятъ кверху и умираютъ какъ будто безъ страданій. Я увѣренъ, что они видятъ что-то.

Онъ самъ поднялъ глаза къ просвѣту амфитеатра, на который ночь начала уже набрасывать свой, затканный звѣздами, веларій. Августіане отвѣтили Вестину смѣхомъ и шутливыми предположеніями, что̀ христіане дѣйствительно могутъ видѣть въ минуту смерти.

Цезарь далъ знакъ невольникамъ, держащимъ факелы, и покинулъ циркъ, а за нимъ потянулись сенаторы, сановники и августіане.

Ночь была ясная, теплая. Передъ циркомъ еще тѣснилась толпа, ожидающая отъѣзда цезаря, но какая-то угрюмая и молчаливая. Кое-гдѣ послышались рукоплесканія, но тотчасъ же смолкли. Изъ «споліарія» скрипучія телѣги все еще увозили окровавленные останки христіанъ.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Туманы.

Туманы таяли и вновь росли надъ лугомъ,
Ползли, холодные, надъ мертвою травой,
И блѣдные цвѣты шепталися другъ съ другомъ,
Скорбя застывшею листвой.
Они хотѣли жить, блистая лепестками,
Вздыхать, дышать, горѣть, роняя ароматъ,
Любиться съ пчелами, дрожать подъ мотыльками,
Изъ міра сдѣлать пышный садъ.
Они изнемогли подъ сыростью тумана,
И жаждали зари, и жаждали огня,
И плакали, что смерть приходитъ слишкомъ рано,
Что поздно вспыхнутъ краски дня.
И день забрезжился. Туманы задрожали,
Воздушнымъ кораблемъ повисли надъ землей,
И вѣтры буйные, смѣясь его качали,
И свѣтъ боролся съ тусклой мглой.
Все жарче день пылалъ сверкающимъ привѣтомъ,
Холодный кругъ земли дыханьемъ горяча,—
И облако взвилось, пронизанное свѣтомъ
Непобѣдимаго луча!

К. Бальмонтъ.

Чахлыя сосны.

Хмурятся скалы, оплоты земной тишины:
Вѣтеръ въ пролетахъ свиститъ отъ стѣны до стѣны.

Таинство жизни трепещетъ средь мертвыхъ камней,
Что-то забилось, какъ будто бы тѣни тѣней.

Чахлыя сосны растутъ на отвѣсной стѣнѣ,
Шепчутъ подъ солнцемъ и зябнутъ при тусклой лунѣ.

Хочется соснамъ на горную высь посягнуть:
Цѣпкіе корни въѣдаются въ твердую грудь.

Скупо ихъ кормятъ бездушныя глыбы скалы.
Съ жадными криками носятся сверху орлы.

Чахлыя сосны безъ влаги растутъ и растутъ,
Чахлыя сосны къ лазури дорогу найдутъ.

К. Бальмонтъ.

ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ.

Космополитическіе нравы.

Романъ Поля Бурже.

I.

„Вся Европа".

Громадная толпа тѣснилась въ этотъ вечеръ,—одинъ изъ послѣднихъ февраля мѣсяца 188* года,—въ залахъ игорнаго дома Монте-Карло. То былъ одинъ изъ моментовъ, скоро проходящихъ, но хорошо знакомыхъ всѣмъ, кто проводилъ хоть одну зиму на *Cornich'ѣ*, гдѣ большой и внезапный наплывъ разнообразнаго люда совершенно измѣняетъ на время это мѣстечко, столь опошленное и своею грубою роскошью, и уровнемъ тѣхъ существъ, которыя удовлетворяются ею. Безумная погоня за наслажденіями, прорываясь черезъ Ниццу, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сплошного карнавала, привлекаетъ къ этому уголку Ривьеры бродячіе таборы празднаго народа и всякихъ авантюристовъ. Прелесть климата удерживаетъ здѣсь тысячи больныхъ и утомленныхъ жизнью, удрученныхъ недугомъ и забитыхъ судьбой. Иными вечерами, когда безчисленные представители этихъ разнородныхъ категорій, разсѣянные обыкновенно по всему побережью, нахлынутъ сразу въ казино, фантастическое различіе ихъ характеровъ проявляется въ безумно-яркихъ антитезахъ. Получается впечатлѣніе какого-то космополитическаго скопища, блестящаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зловѣщаго, ослѣпительнаго и трагическаго, забавнаго и удручающаго,—такого сброда, въ которомъ смѣшались отбросы всякаго мотовства и всевозможныхъ пороковъ, изъ всѣхъ странъ свѣта и изъ всѣхъ слоевъ общества выкинутые всяческими драмами и приключеніями.

Въ этой удушающей атмосферѣ и въ этой обстановкѣ богатства, наглаго въ своемъ плутовствѣ и отвратительнаго въ своей мерзости, старыя монархіи имѣли своими представителями трехъ принцевъ изъ дома Бурбоновъ, а новыя—двухъ троюродныхъ внуковъ Бонапарта. И всѣхъ пятерыхъ легко было узнать по ихъ профилямъ, представлявшимъ отдаленное, но очень рѣзкое сходство съ изображеніями на нѣкоторыхъ монетахъ, желтыхъ и бѣлыхъ, разсыпанныхъ по зеленому сукну столовъ. Ни сами принцы, ни ихъ сосѣди не обращали на это никакого вниманія такъ же точно, какъ и на присутствіе игрока, носившаго когда-то титулъ короля въ одномъ изъ маленькихъ государствъ балканскаго полуострова. Люди бились за него на войнѣ, люди за него умирали, а въ данную минуту его собственная корона интересовала его, повидимому, много менѣе, чѣмъ судьба королей пиковыхъ и трефовыхъ, червонныхъ и бубновыхъ, выбрасываемыхъ на столъ рукою банкомета. Въ двухъ шагахъ отъ него два знатныхъ римлянина изъ тѣхъ, чье имя прославлено въ былые времена геніальнымъ папой и увѣковѣчено важнѣйшими событіями въ исторіи католической церкви, отчаянно удваивали свои ставки. Короли и принцы, потомки папъ и внуки императоровъ тѣснились въ этомъ казино бокъ-о-бокъ съ аристократами, предки которыхъ служили или измѣняли ихъ предкамъ; а эти аристократы копошились рядомъ съ сыновьями буржуа, одѣтыхъ съ ними одинаково, такихъ же сытыхъ и довольныхъ, какъ они, толкущихся въ одной кучѣ съ извѣстными артистами,—съ знаменитымъ портретистомъ, съ моднымъ пѣвцомъ, съ прославленнымъ писателемъ, въ то время, какъ свѣтскія женщины путались среди этой давки, соперничая яркостью и вычурностью туалетовъ съ дамами полусвѣта. Становилось поздно, а все еще продолжали прибывать и мужчины, и свѣтскія женщины, и женщины полусвѣта, и дѣвы погибшія,—въ особенности этого сорта дѣвы. Такъ и валили онѣ изъ входныхъ дверей, еще и еще, всякого разбора, начиная съ негодницы, озирающейся голодными глазами на опозоренномъ лицѣ, въ погонѣ за счастливымъ игрокомъ, изъ котораго она вытянетъ и долю его выигрыша, и долю здоровья, какъ паукъ высасываетъ муху,—и кончая наглою и торжествующею глотательницей цѣлыхъ состояній, кидающею по двадцати пяти золотыхъ на ставку въ рулетку и носящею въ серьгахъ бриліанты по тридцати тысячъ франковъ.

Такіе контрасты сгруппировались мѣстами въ сочетаніяхъ, особенно рѣзкихъ и поразительныхъ. Тутъ, напримѣръ, между двумя продажными тварями, съ намазанными мордами, съ алчны-

ми и распутными глазами, очутилась молоденькая женщина, почти ребенокъ, только что вышедшая замужъ и попавшая въ Ниццу во время свадебной поѣздки; ея свѣженькое, хорошенькое личико, сіяетъ улыбкой наивнаго дѣтскаго любопытства. Не много далѣе любители соціальной философіи могли бы увидать, какъ крупный парижскій банкиръ, племени израилева, подвигаетъ свою ставку рядомъ съ деньгами извѣстнаго писателя соціалистской партіи. Въ другой сторонѣ молодой человѣкъ, безнадежно чахоточный, страшно исхудалый, съ пятнами румянца на блѣдномъ лицѣ, съ лихорадочно горящимъ взоромъ, со всѣми признаками близкой смерти, сидѣлъ рядомъ съ здоровеннымъ спортсменомъ, которому яркій цвѣтъ лица, широкія плечи и геркулесовскіе мускулы сулили дожить лѣтъ до восьмидесяти. А бѣлый свѣтъ электричества, лившійся отъ шаровъ, прикрѣпленныхъ къ потолку и стѣнамъ, мѣшаясь съ желтымъ блескомъ лампъ, висящихъ надъ столами, такъ и вырѣзывалъ на этой массѣ лицъ не менѣе диковинныя особенности, отличающія племена и роды. Широкія и скуластыя лица русскихъ, сильнаго, почти азіатскаго типа, являлись совершенною противоположностью итальянскимъ физіономіямъ, такой тонкости и такого стиля, которые напоминали изящество старинныхъ тосканскихъ и ломбардскихъ портретовъ. Головы нѣмцевъ, тяжелыя и грубыя, съ выраженіемъ хитрости, прикрытой добродушіемъ, чередовались съ лицами парижанъ, остроумными и истасканными, отзывающимися бульваромъ и кулисами Варьете. Багровые и упрямые профили англичанъ и американцевъ, рѣзко очерченные, свидѣтельствовали о любви къ физическимъ упражненіямъ, о долгомъ пребываніи на открытомъ воздухѣ и также объ ежедневномъ и неумѣренномъ употребленіи алкоголя, тогда какъ экзотическія фигуры живостью глазъ и яркостью губъ, теплыми тонами кожи, напоминали объ иныхъ климатахъ, о далекихъ странахъ, о богатствахъ, нажитыхъ за морями въ таинственныхъ краяхъ, которые наши отцы поэтически называли «островами».

И деньги, еще деньги, безъ конца деньги потокомъ лились изъ этой толпы на зеленое сукно столовъ, число которыхъ было увеличено со вчерашняго дня. Большіе часы надъ входною дверью показывали безъ четверти десять, и хотя тѣснота вокругъ игорныхъ столовъ увеличивалась съ минуты на минуту, шумъ разговоровъ не носился по заламъ. Слышались только топотъ ногъ на одномъ мѣстѣ и шаги людей, непрерывно снующихъ взадъ и впередъ вокругъ столовъ, которые среди всей людской суеты оставались неподвижными, какъ плосковерхія скалы подъ напоромъ волнъ бѣгу-

щаго на нихъ прилива. Къ шуму шаговъ примѣшивался такой же непрерывный звонъ золота и серебра; слышно было, какъ монеты сталкиваются, собираются въ кучки и расходятся изъ нихъ, перебѣгаютъ изъ стороны въ сторону, точно живутъ быстрою и звучною жизнью, волнующею людскія страсти. Трескъ шарика въ залахъ рулетки перемежается съ монотонною, механически повторяемою, формулой, въ которой слова: «rouge», «noir», «pair» и «impair», «passe» и «manque» — произносятся съ безстрастіемъ оракула. И еще однообразнѣе въ залахъ карточной игры (trente-et quarante), гдѣ не слышалось треска шарика и раздавались иныя формулы:

— «Quatre, deux, rouge gagne et la couleur... cinq, neuf, rouge perd, la couleur gagne... deux, deux, après...»

При видѣ, на этихъ десяти или двѣнадцати столахъ, то возвышающихся, то разсыпающихся, и вновь растущихъ, и вновь тающихъ стопокъ полуимперіаловъ и сто-франковиковъ, кредитныхъ билетовъ въ сто, въ пятьсотъ и въ тысячу франковъ, то развертываемыхъ, то складываемыхъ, то лежащихъ пачками, то уходящихъ по-одиночкѣ,—при видѣ щеголеватости мужчинъ, цѣнныхъ украшеній женщинъ, азартной расточительности всѣхъ играющихъ, яснымъ становилось, что въ игорномъ домѣ страсти разгораются до бѣшенства—не отъ выигрыша или проигрыша только. Тутъ все охвачено лихорадочною жаждой роскоши, наслажденій немедленно, излишествъ безумныхъ. Въ такія ночи можетъ казаться, будто золото здѣсь не представляетъ собою уже никакой цѣнности, столько выигрывается его и проигрывается на этихъ столахъ, столько растрачивается его безсмысленно вокругъ нихъ и вблизи ихъ въ этихъ отеляхъ, въ этихъ ресторанахъ и въ виллахъ, которыя со всѣхъ сторонъ жмутся къ казино, какъ дома въ городахъ минеральныхъ водъ тѣснятся къ источникамъ. Красота женщинъ здѣсь слишкомъ соблазнительна, и слишкомъ легко онѣ доступны, кушанья слишкомъ изысканны, климатъ слишкомъ мягокъ, комфортъ слишкомъ привлекателенъ. Этотъ рай отвратительной утонченности, пріютившійся на залитой цвѣтами скалѣ, не оставляетъ въ сознаніи человѣка мѣста спокойствію, размышленію, хладнокровію. То опьяненіе, которымъ онъ одурманиваетъ своихъ постоянно смѣняющихся посѣтителей, доходитъ временами до самой крайней степени, и эта ночь была, именно, однимъ изъ такихъ моментовъ. Опьяненіе переходило въ оргію, принимало характеръ вавилонскихъ неистовствъ. Были даже на лицо роковыя слова библейскаго пира: *Манэ, Ѳакелъ, Фаресъ,*—такъ какъ на одной изъ колоннъ у входа было вывѣшено сообщеніе о кровавомъ эпизодѣ, вызванномъ состояв-

шеюся наканунѣ стачкой рудокоповъ въ одномъ изъ сѣверныхъ округовъ. Въ телеграммѣ говорилось о томъ, что войска вынуждены были стрѣлять, что убито нѣсколько рабочихъ, что рудокопы убили въ отместку одного инженера. Но до того ли кому было въ этой толпѣ, все болѣе и болѣе рвущейся къ наслажденіямъ, чтобы въ конкретныхъ образахъ представить себѣ трагическое содержаніе депеши и понять ея угрожающій смыслъ? Золото и серебро продолжало литься тѣмъ же потокомъ, банковые билеты передвигались по прежнему, и по прежнему выкрикивали крупье: «Faites vos jeux... Rien ne va plus»... трещали шарики, прыгая по рулеткамъ, выбрасывались карты на зеленое сукно, загребались ставки несчастливыхъ игроковъ, и безчисленные посѣтители казино такъ же страстно продолжали увлекаться, кто азартомъ игры, кто порывами разврата, кто химерой тщеславія, кто капризами скуки и бездѣлья. Какимъ разнообразнымъ фантазіямъ служилъ мѣстомъ дѣйствія диковинный дворецъ, съ вырѣзными дверями, какъ въ Альгамбрѣ, можно судить потому, что въ эту ночь разгорѣвшихся страстей на одномъ изъ его дивановъ улаживались приготовленія къ сказачно неправдоподобному событію, одно заявленіе о которомъ приводитъ на память афишу Комической Оперы, музыку временъ нашихъ прабабушекъ и полузабытое имя Чимарозы, — дѣлались приготовленія къ тайному браку!

Группа трехъ лицъ, выбравшихъ одинъ изъ уголковъ этого всесвѣтнаго каравансарая для столь романическаго заговора, состояла изъ одного молодого человѣка и двухъ женщинъ. Молодому человѣку было, на видъ, тридцать два года. Столько же лѣтъ было одной изъ двухъ женщинъ, подъ наблюденіемъ которой выѣзжала въ свѣтъ другая, молоденькая дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ. Чтобы вполнѣ очертить парадоксальный характеръ матримоніальной конференціи, происходившей въ длинной проходной комнатѣ между залами рулетки и trente et quarante, необходимо добавить, что на самомъ-то дѣлѣ молодая дѣвушка служила прикрытіемъ своей оффиціальной свѣтской руководительницѣ и что проектъ тайнаго брака ничуть ея не касался. Дѣвушка сидѣла на самомъ концѣ дивана и, очевидно, была на-сторожѣ въ то время, какъ ея пріятельница разговаривала съ молодымъ человѣкомъ. По одному тому, какъ зорко слѣдила дѣвушка своими красивыми темными глазами за снующею взадъ и впередъ толпой, можно было признать въ ней иностранку и почти тотчасъ же угадать, что она американка. Во всей ея фигурѣ сказывалась энергическая увѣренность въ себѣ

женщины, привыкшей съ дѣтства къ самостоятельности и знающей, по крайней мѣрѣ, съ того дня, когда станетъ она выше разныхъ условностей, для чего она это дѣлаетъ и почему этого не стыдится. Она была очень хороша собою тою законченною красотой, которая, при содѣйствіи туалета, немножко утрированно моднаго, даетъ «профессіональнымъ красавицамъ» Соединенныхъ Штатовъ видъ женщины-издѣлія, существа, сфабрикованнаго для выставки. У нея были тонкія, почти мелкія, черты сильно скомпанованнаго лица; линіи рта и подбородка обличали сильную волю. Густые темно-русые волосы дѣвушки были прикрыты черною бархатною, круглою шляпой съ излишне большими полями и слишкомъ высокими перьями, подхваченными сзади cache-peign'емъ изъ искусственныхъ архидей. По фасону, то была шляпка для молодой дѣвушки и для послѣ-полуденныхъ выѣздовъ, нѣкоторою же утрировкой она приближалась уже къ костюму, какъ и платье изъ сѣраго бархатистаго сукна, какъ и корсажъ, почти кираса, изъ серебрянаго аграманта, придуманные для нея первымъ портнымъ Парижа. Въ такомъ нарядѣ, съ добавленіемъ къ нему множества ювелирныхъ украшеній, можно было принять миссъ Флорансу Маршъ,—такъ звали дѣвушку,—за все на свѣтѣ, только никакъ не за то, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ:—была же она самою прямою, самою честною молодою дѣвушкой, заботливо охраняющею будущее семейное счастье женщины, такой же честной, какъ она, и такой же безукоризненной. Женщину эту звали маркизой Андріаной Бонакорси. Родомъ она была изъ Венеціи и принадлежала къ старинной и знатной дожеской фамиліи Наварего. На ея туалетѣ, тоже парижскаго издѣлія, отразилась склонность къ вычурности, свойственная щегольству итальянцевъ и придающая имъ особливый видъ «фюфю», какъ говоритъ французская провинціальная буржуазія, употребляющая это непереводимое выраженіе, желая высказать имъ своего рода неодобреніе женскимъ туалетамъ, блестящимъ и эффектнымъ, но недостаточно солиднымъ. По черному атласному платью маркизы былъ разсыпанъ цѣлый рой сдѣланныхъ изъ чернаго стекляруса бабочекъ. Такія же бабочки лѣпились на маленькихъ атласныхъ башмачкахъ и порхали на красныхъ розахъ шляпки, прикрывавшей прелестные волосы молодой женщины, свѣтлые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, столь любимымъ живописцами ея родины. Нѣжная яркость цвѣта лица, немного тяжеловатыя его очертанія, преждевременная полнота бюста свидѣтельствовали о несомнѣнной родовитости венеціанки такъ же, какъ мягкій взглядъ голубыхъ глазъ, полныхъ страстной нѣги лагунъ. Взгля-

домъ этимъ она охватывала, заливала говорившаго съ нею въ эту минуту молодого человѣка, въ котораго была, видимо, влюблена до безумія. И внѣшность его вполнѣ оправдывала такое обожаніе, болѣе чувственное, чѣмъ сантиментальное. Этотъ молодой человѣкъ былъ въ полномъ разцвѣтѣ мужественной красоты, часто встрѣчающейся въ нашемъ Правансѣ и доказывающей, что въ теченіе вѣковъ онъ былъ особенно любимою, избранною *провинціей* Рима, гдѣ съ наибольшею силой оставилъ свой слѣдъ типъ истинныхъ римлянъ. Черные волосы, очень коротко остриженные, прямой и бѣлый лобъ, бородка клинышкомъ, подрѣзанная и подвитая, твердое очертаніе носа и рѣзкія линіи бровей придавали ему профиль старинныхъ изображеній на медаляхъ, который могъ показаться слишкомъ строгимъ, еслибъ въ его влажныхъ глазахъ не искрился весь пылъ страстнаго и влюбчиваго человѣка, а въ его улыбкѣ, открывавшей блестящіе зубы, не сверкала бы увлекательная веселость южанина. Подъ легкимъ *смокингомъ* и бѣлымъ жилетомъ не трудно было угадать крѣпкое и гибкое тѣло, и впечатлѣніе животной силы было такъ неотразимо, а въ чрезмѣрной подвижности молодого человѣка сказывалось такое полное довольство жизнью, что почти невозможно было подмѣтить, насколько непроницаемы его искрящіеся глаза, насколько тонкости кроется въ улыбающихся губахъ и заостренномъ носѣ, и, наконецъ, какой отпечатокъ хитрости, разсчетливости, «себѣ-на-умѣ» лежитъ на всей его физіономіи, таится подъ ея видимою подвижностью.

Два сорта людей отличаются необыкновеннымъ умѣньемъ извлекать изъ своихъ природныхъ недостатковъ хорошія для себя выгоды: нѣмецъ, укрывающій свои ловкія измышленія подъ тяжеловѣсною неповоротливостью, и провансалецъ, прячущій свои разсчеты за инстинктивною живостью. Со стороны кажется, будто онъ на самомъ дѣлѣ увлеченъ и экспансивенъ, тогда какъ въ эту, именно, секунду онъ приводитъ въ исполненіе какой-нибудь планъ дѣйствія, обдуманный очень основательно и холодно. И, конечно, въ голову никому не могло прійти, что виконтъ де-Корансецъ,—уроженецъ окрестностей Барбентаны, носившій до крайности сомнительный титулъ,—сидя теперь на диванѣ казино и весело болтая, подводитъ къ желанному концу самую смѣлую, самую неправдоподобную и превосходно настроенную интригу! Никто въ мірѣ не подозрѣвалъ истиннаго настроенія ума «беззаботной головушки Марія»,—какъ отзывался о немъ его отецъ, старый винодѣлъ, умершій съ отчаянія отъ вѣчныхъ долговъ сына. Такого же мнѣнія были о немъ обыватели береговъ Роны, всѣ отъ Авиньона до Та-

раскона въ большей или меньшей степени его родственники. Видѣли они, какъ прекрасные виноградники, обработанные и ухоженные отцомъ, уходили «мѣрка за мѣркой» на расплату за глупости, которыя продѣлывалъ его наслѣдникъ въ Парижѣ. Не иначе смотрѣли на него и друзья-пріятели,—Казали, Варды, Машо, большіе любители пожить широко. Они хорошо знали чувственность южанина и его тщеславіе, но не доглядѣли въ немъ хитрости и ошиблись, причисливши его разъ навсегда къ разряду провинціаловъ, обреченныхъ исчезнуть послѣ того, какъ проблестятъ они, подобно метеорамъ, на парижскомъ небосклонѣ. Ни кузены, ни пріятели не распознали въ веселомъ товарищѣ, жадномъ до всѣхъ наслажденій, всегда готовомъ поужинать и въ карты поиграть, ввязаться въ дуэль или въ любовное приключеніе,—того практическаго и положительнаго философа, который въ любую минуту былъ способенъ очень легко измѣнить свой курсъ. И, вотъ, такая минута настала нѣсколько мѣсяцевъ назадъ: изъ шестисотъ тысячъ франковъ, оставленныхъ отцомъ, у него удержалось тысячъ сорокъ и юркій провансалецъ съ начала зимы началъ разрабатывать программу тридцать второго года своей жизни, подводя все къ выгодной женитьбѣ. Оригинальность проекта заключалась, собственно, въ тѣхъ особливыхъ условіяхъ, которыя молодой человѣкъ установилъ съ точностью, достойною агентства. Прежде всего онъ сообразилъ, что, даже обогатившись неправдоподобно огромнымъ приданымъ, онъ не можетъ занять видное положеніе въ Парижѣ. Неудачная попытка попасть въ члены одного фешенебельнаго клуба, при отлично подготовленной рекомендаціи, показала ему совершенно ясно, какое существуетъ различіе между трактирною дружбой и настоящими свѣтскими связями. За то въ двѣ или три поѣздки въ Ниццу, гдѣ его отлично принимали, гдѣ за нимъ ухаживали, онъ узналъ космополитическое общество и угадалъ, съ свойственнымъ ему чутьемъ, всѣ выгоды, которыя можно извлечь изъ такого общества. Марій порѣшилъ жениться на иностранкѣ, способной создать ему своимъ богатствомъ и связями европейское положеніе. Онъ мечталъ о томъ, какъ будетъ проводить зиму на Ривьерѣ, лѣто—въ Альпахъ, сезонъ охоты — въ Шотландіи, осень — въ помѣстьяхъ жены... Парижъ онъ приберегалъ въ видѣ лакомства на нѣсколько недѣль весны. Для осуществленія такой программы требовалось, чтобы невѣста была не очень молоденькою дѣвушкой. Корансецъ рѣшилъ, что она должна быть вдовой, приблизительно, его лѣтъ,—въ крайнемъ случаѣ, немного и постарше, но очень еще красивою въ своей зрѣлости. А такъ какъ шансы на удачу онъ основывалъ на своей внѣшности

красиваго малаго, то желательно было, чтобы узы супружества оказались не особенно стѣснительными. Проектъ сложился въ такомъ видѣ, когда случай свелъ молодого человѣка съ маркизой Бонакорси. Итальянская маркиза, состоящая въ родствѣ съ самою высшею аристократіей Венеціи, вдова очень знатнаго господина, имѣющая двѣсти тысячъ ливровъ годового дохода, не подававшая никогда повода ни къ какимъ сплетнямъ, набожная до ханжества,—что, естественно, побудитъ ее къ замужству, разъ она влюбится,—и, ко всему этому, вовлеченная вліяніемъ брата, отчаяннаго англомана, во всѣ привычки космополитической жизни,—вѣдь, это и былъ идеалъ предусмотрительнаго провансальца, точно волшебствомъ олицетворенный для него. Но сады Гесперидъ, какъ извѣстно, всегда караулитъ драконъ, и въ данномъ случаѣ изображалъ собою миѳологическое чудовище родной братъ маркизы, графъ Альвизъ Наварего. Этотъ загадочный и опасный господинъ, съ потѣшною внѣшностью *снобса*, расположенъ былъ очень крѣпко приберегать для своего исключительнаго обихода милліоны покойнаго зятя, Франческо Бонакорси. Какимъ же образомъ провансальское пройдошество умудрилось увернуться отъ венеціанской подозрительности? Даже и теперь, когда событія раскрыли съ полною ясностью весь рядъ махинацій, обычные посѣтители морского клуба Каннъ сознаются въ своей неспособности разрѣшить эту задачу, такъ мастерски ловко подводилъ свою мину хитроумный Корансецъ, такъ искусно умѣлъ онъ скрыть отъ всѣхъ свою подземную работу. И обдѣлалъ онъ это въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца. Послѣ долгой и жестокой внутренней борьбы чувства и сомнѣній, страсти и робости, маркиза Андріана дошла до признанія возможности обсуждать вопросъ о тайномъ замужствѣ, потомъ—до согласія на такой бракъ. Корансецъ имѣлъ полное основаніе быть вполнѣ довольнымъ своею восхитительною выдумкой. Прелесть такого проекта заключалась, прежде всего, въ его необычайности, а затѣмъ—въ блистательномъ воздѣйствіи на романтическія струны души итальянки. Онъ представлялъ собою надежнѣйшее средство примирить между собою порывы любви, которую сумѣлъ возбудить ловкій южанинъ, и требованія религіозности. Онъ обезпечивалъ за Корансецомъ прекраснѣйшій видъ безкорыстія, такъ какъ одинъ церковный бракъ не даетъ мужу никакихъ легальныхъ правъ. И наконецъ, что не менѣе важно, этимъ отсрочивалось на неопредѣленное время объясненіе маркизы съ ея братомъ. Боялась она его до такой степени, что въ данную минуту даже вздрагивала при одной мысли, какъ бы онъ не замѣтилъ чего, хотя маркиза

хорошо знала, что грозный стражъ сидитъ въ другой комнатѣ и спускаетъ на зеленомъ столѣ нѣсколько тысяче-франковыхъ билетовъ, вытянутыхъ изъ ея же кошелька. Альвизъ рисковалъ этими деньгами съ разсчетомъ и осторожностью опытнаго игрока, котораго достаточно часто уже нагрѣвали. Но онъ ничуть не подозрѣвалъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его стула разыгрывается другая партія, неизмѣримо большей важности для него, такъ какъ дѣло идетъ о цѣломъ состояніи, на которое онъ смотрѣлъ какъ на свою собственность. Партія эта уже и не разыгрывалась,—она была проиграна, покончена тѣмъ, что фантастическій планъ Корансеца готовъ былъ осуществиться безповоротно. Влюбленные просто толковали о назначеніи мѣста и времени свадьбы.

— А затѣмъ,—проговорилъ Марій,—rien ne va plus *), какъ выкрикиваютъ тамъ у рулетки. Мнѣ остается только какъ-нибудь скоротать двѣ недѣли въ ожиданіи счастья. Кажется, мы все хорошо обдумали.

— Я такъ боюсь непредвидѣнныхъ препятствій!—отвѣтила маркиза Андріана, качая бѣлокурою головкой, отъ чего затрепетали черныя бабочки на ея шляпѣ.—Что если Маршъ отложитъ выходъ въ море своей яхты!...

— Тогда вы телеграфируетс мнѣ,—сказалъ Корансецъ,—и я буду ждать васъ въ Генуѣ въ иной день... Да Маршъ и не отложитъ. Баронесса Эли выбрала четырнадцатое число, и отсрочки не совсѣмъ удобны съ супругой эрцгерцога, хотя бы морганатическою, даже для такого демократа, какъ *ranchman* **) западныхъ штатовъ, который разъ, стиснувши здоровымъ *shake-hand*'омъ руку инфанты Испаніи, преспокойно заявилъ: «*Very glad to meet you, Infanta*» ***). Маршъ самъ разсказывалъ намъ эту исторію, и вы помните, какъ онъ сокрушался! Не правда ли, миссъ Флоранса?

— Мой дядя одинаково и неизмѣнно точенъ въ вопросахъ удовольствія, какъ и въ серьезныхъ дѣлахъ,—отозвалась американка,—а такъ какъ баронесса Эли де-Карлсбергъ тоже въ заговорѣ...

— А ну, какъ вдругъ Альвизъ передумаетъ и отправится съ нами?—продолжала венеціанка.

— Ахъ, маркиза, маркиза,—возразилъ Корансецъ,—какая же вы охотница строить себѣ тюрьмы въ Испаніи, хотя вы и наслѣдница дожей!... Вы забываете, что графъ Альвизъ приглашенъ

*) Терминъ крупье рулетки: „Ничто не идетъ больше", т.-е. ставки закончены.

**) *Ranchman*—скотоводъ Сѣверной Америки.

***) „Очень радъ васъ видѣть, принцесса!"

на *Далилу*, яхту лорда Герберта Боэнъ, *to meet S. A. B. Alberto Edvardo, principe di Galles* *), и онъ-то, Наварего, пропуститъ такой случай... *never* **)!

Издѣваясь слегка этою фразой надъ англоманіей своего будущаго шурина, онъ потѣшался тѣмъ, что передразнивалъ британскій акцентъ графа, и продѣлывалъ это съ такими забавными ужимками, что маркиза сочла нужнымъ остановить его словами:

— Не будьте же такимъ злымъ!

И въ то же время она вѣеромъ ласкала руку того, кого считала своимъ женихомъ. Подшучивая надъ домашнимъ тираномъ и вызывая робкую улыбку маркизы, Корансецъ считалъ тоже опасною близость Альвиза и попытался закончить разговоръ, продолженіе котораго становилось ненужнымъ.

— Вы правы,— сказалъ Марій,— счастливые должны быть добрыми. Но я хотѣлъ бы и васъ видѣть такою же счастливою, какъ я, и настолько же вѣрящею въ счастье. Прежде, чѣмъ разстаться съ вами, я предскажу вамъ, часъ за часомъ, что̀ случится четырнадцатаго, и вы увидите, что вашъ другъ настоящій пророкъ... Вы знаете мою линію удачи,—продолжалъ онъ, показывая свою ладонь,—и помните, что̀ я прочелъ на вашей прелестной ручкѣ.

Одною изъ его хитрыхъ уловокъ и, въ то же время, однимъ изъ суевѣрій его было изображать изъ себя въ гостиныхъ колдуна и хиромантика, и онъ продолжалъ съ видомъ непоколебимой увѣренности, убѣждающей нерѣшительныхъ и внушающей имъ твердость:

— Ваше плаваніе до Генуи будетъ великолѣпнымъ. Тамъ вы найдете меня, сами знаете гдѣ,—съ аббатомъ Фортунато Лагумино, такъ какъ почтенный старецъ соблаговолилъ на этотъ день стать вашимъ капелланомъ! Вы вернетесь въ Каппы, не давая никому въ мірѣ заподозрить, что госпожа маркиза Бонакорси стала госпожею виконтесой де-Корансецъ, кромѣ виконта, конечно, который найдетъ уже средство заставить милѣйшаго Альвиза признать маленькій совершившійся фактикъ... А до тѣхъ поръ вы будете писать мнѣ въ Геную «до востребованія», я же буду писать вамъ на имя нашей милой миссъ Флорансъ.

— Которую зовутъ также миссъ *Prudence* ***),—отозвалась молодая дѣвушка,—и которая находитъ, что въ качествѣ заговорщи-

*) „Вмѣстѣ съ Е. К. Выс. Альбертомъ Эдуардомъ, принцемъ Вельскимъ“.

**) *Never*—никогда

***) *Prudence*—благоразуміе.

ковъ вы бесѣдуете слишкомъ долго... Берегитесь карманниковъ,— добавила она живо.

То былъ условленный сигналъ на случай, если она увидитъ, что подходитъ кто-нибудь изъ ихъ знакомыхъ.

— О, этотъ карманникъ не изъ опасныхъ!—проговорилъ Корансецъ, взглянувши въ ту сторону, куда миссъ Маршъ обратила конецъ своего вѣера.

Въ толпѣ онъ узналъ лицо, привлекшее вниманіе американки.

— Это Пьеръ Хотфейль, мой старый товарищъ... Онъ насъ и не замѣтилъ. Вотъ посмотрите, маркиза, на влюбленнаго, приходящаго въ отчаяніе отъ того, что не встрѣтилъ любимую женщину... Таковъ былъ бы и я,—добавилъ онъ тихо,—еслибы васъ тутъ не было и еслибъ я не упивался вашею красотой!

И громче онъ продолжалъ:

— Вонъ онъ пробирается въ уголъ и усаживается на диванъ, не подозрѣвая, что за нимъ слѣдятъ три пары глазъ. Вздумай какой-нибудь до-тла ощипанный игрокъ застрѣлиться рядомъ съ нимъ,—онъ головы не повернетъ, выстрѣла не услышитъ...

Молодой человѣкъ, на котораго провансалецъ указывалъ своимъ дамамъ, былъ, повидимому, такъ погруженъ въ свои думы и настолько угнетенъ печалью, что шуточное предположеніе Корансеца не заключало въ себѣ ничего неправдоподобнаго. Если заговоръ относительно тайнаго вѣнчанія, устраиваемый въ такой обстановкѣ и среди толпы, ищущей наслажденій, могъ казаться страннымъ парадоксомъ, то задумчивость «стараго товарища», какъ называлъ его Корансецъ,—они два года пробыли вмѣстѣ въ одной изъ парижскихъ школъ,—представлялась еще болѣе странною и парадоксальною. Слишкомъ великъ былъ контрастъ между этою гудящею толпой и гипнотическимъ состояніемъ, охватывавшимъ Пьера Хотфейля. Очевидно, для него не существовало этихъ двухъ тысячъ человѣкъ, толкущихся по заламъ, разъ не было тутъ *одной* особы. И какая же то могла быть особа, какъ не женщина? Опечаленный влюбленный скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ, на диванъ, стоявшій противъ того, на которомъ расположились Корансецъ и его двѣ сообщницы. Молодой человѣкъ оперся локтемъ на ручку дивана, захватилъ лобъ рукой и замеръ въ позѣ человѣка забывшагося, ничего не сознающаго. Его тонкіе пальцы, приподнимая немного волосы, открывали благородныя очертанія лба. Выразительный профиль могъ бы показаться суровымъ, еслибы производимое имъ впечатлѣніе не смягчалось кротостью и нѣжностью взгляда. Необыкновенно задумчивые глаза и блѣдный цвѣтъ какъ

бы утомленнаго лица, оттѣненнаго маленькими черными усиками, дополняли нѣкоторое сходство молодого человѣка съ классическимъ портретомъ Людовика XIII въ молодости. Узкія плечи, тонкія руки, слабость всего тѣлосложенія обличали въ немъ одну изъ тѣхъ хрупкихъ натуръ, вся сила которыхъ заключается только въ нервахъ, одинъ изъ тѣхъ организмовъ, неспособныхъ къ сангвиническому сопротивленію и слишкомъ сильно отзывающихся на малѣйшія душевныя волненія, легко поддающихся нравственнымъ страданіямъ, которыя такъ же утомляютъ ихъ, какъ физическая дѣятельность и чувственность утомляютъ мускульную систему. Хотя по внѣшности Пьеръ Хотфейль ничуть не отличался отъ Корансеца и всѣхъ праздныхъ посѣтителей этихъ залъ, но очевидно было одно изъ двухъ: или до крайности обманчивъ былъ его взглядъ, или молодой человѣкъ не принадлежалъ морально къ этому міру рыцарей *смокинговъ*, бѣлыхъ жилетовъ, расшитыхъ шелковыхъ чулокъ и лаковыхъ башмачковъ, вертѣвшихся вокругъ свѣтскихъ женщинъ, одѣтыхъ какъ кокотки, кокотокъ, одѣтыхъ какъ свѣтскія женщины, игорныхъ столовъ, охваченныхъ смѣшавшимися въ одну кучу джентльменами и мазуриками. Тоскливое выраженіе, лежавшее на его губахъ и въ линіяхъ утомленныхъ вѣкъ, свидѣтельствовало о печали,—не временной только, но обычной, обусловленной постоянно грустнымъ настроеніемъ. Если же справедливо было, что онъ явился сюда разыскивать любимую женщину, то его глубокое огорченіе объяснялось весьма просто. Онъ долженъ былъ страдать отъ того образа жизни, какой вела эта женщина, изнывать отъ ея среды, отъ ея удовольствій, отъ всего, что ее занимаетъ и что такъ не подходитъ къ ней,— терзаться до мучительности и не отдавать себѣ въ томъ отчета: глазъ у него не было на то, чтобы разобрать, кого онъ любитъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ былъ влюбленъ, какъ сказалъ Корансецъ, то, навѣрное, любовникомъ онъ не былъ. На его чистомъ лицѣ не замѣчалось ни заносчивости, ни раздраженія человѣка, доведеннаго чувственными воспоминаніями до унизительной погони озлобленнаго ревнивца. Одна простота, съ которой онъ отдавался своей скорбной мечтѣ среди публики, на диванѣ казино, свидѣтельствовала о юности сердца и воображенія, крайне рѣдко встрѣчающихся въ его лѣта и въ его кругѣ. Собесѣдницы Корансеца были сами женщинами, слишкомъ впечатлительными для того, чтобы не почувствовать и не понять всей очаровательности, наивной прелести, такого контраста, и у обѣихъ у нихъ невольно вырвалось выраженіе сочувствія, у каждой на языкѣ ея родины.

— *Com'è simpatico!*—сказала итальянка.

— *Oh! you dear boy!*—проговорила миссъ Флорансъ.

— Въ кого онъ влюбленъ?—спросили онѣ въ одинъ голосъ.

— Какое хотите пари держу, что не отгадаете,—отвѣтилъ Корансецъ. — Но успокойтесь, ваше любопытство будетъ удовлетворено. Этотъ секретъ не былъ довѣренъ мнѣ, я его открылъ одинъ, самолично, и не обязанъ хранить въ тайнѣ. Итакъ, *симпатичный и милый мальчикъ* очень просто дозволилъ себѣ влюбиться, какъ дуракъ,—нѣтъ, какъ ангелъ, въ красавицу, нашу пріятельницу, мадамъ де-Карлсбергъ, въ нашу баронессу Эли... Она уже съ недѣлю въ Монте-Карло у мадамъ Бріонъ, и бѣдный малый не выдержалъ, захотѣлъ опять взглянуть на нее такъ, чтобъ она этого не знала. Навѣрное, онъ цѣлый день бродилъ вокругъ виллы Бріонъ въ ожиданіи, что баронесса выйдетъ изъ дому. Видите, какъ запылены его башмаки... Потомъ, когда ему сказали въ Каннахъ, что баронесса уѣзжаетъ каждый вечеръ играть, онъ отправился сюда. Въ толпѣ онъ не разыскалъ ея... И вотъ какъ любимъ мы, французы, когда полюбимъ...—договорилъ онъ, глядя на маркизу.

— А баронесса?—спросила итальянка.

— Вы хотите знать, любитъ ли его, или не любитъ баронесса?—продолжалъ Корансецъ.—Хорошо, что вы и миссъ Флосси вѣрите въ хиромантію, такъ какъ отвѣтить вамъ я могу только благодаря моему маленькому умѣнью гадать... Васъ это занимаетъ? Извольте,—продолжалъ онъ, послѣ утвердительнаго кивка обѣихъ женщинъ, съ особливымъ свойственнымъ ему видомъ не то серьезности, но то мистификаціи. — На рукѣ баронессы линія сердца совершенно красная, что указываетъ на сильную страсть, и есть тамъ черточка, опредѣляющая время этой страсти тридцатымъ годомъ, каковой и идетъ ей теперь. Не было бы ничего удивительнаго, еслибъ эта страсть повела къ трагической смерти... Не пугайтесь, не все же сбывается, что мы на рукѣ видимъ. А все же... Говорилъ ли я вамъ, что у нея на бугоркѣ Юпитера, вотъ тутъ, очень ясно обозначена звѣздочка, одно изъ развѣтвленій которой образуетъ соединительный крестикъ?

— И это значитъ? — спросила американка съ тѣмъ увлеченіемъ, которое ея положительные соотечественники вносятъ въ вопросы о сверхъестественномъ и «спиритуалистическомъ», какъ у нихъ говорится.

— Бракъ съ принцемъ,—отвѣтилъ южанинъ.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія, въ теченіе котораго Корансецъ продолжалъ смотрѣть на Пьера Хотфейля съ особеннымъ вниманіемъ. Потомъ въ его глазахъ мелькнула какая-то вспышка,

и тономъ человѣка, которому только что пришла въ голову мысль, онъ обратился къ сосѣдкѣ:

— Маркиза! Мы подыскивали и не находили свидѣтеля для нашего вѣнчанія въ Генуѣ... Не пригласить ли его? Мнѣ кажется, что его присутствіе на свадьбѣ принесетъ намъ счастье.

— Правда,— сказала мадамъ Бонакорси,—бываютъ минуты, когда особенно пріятно видѣть такія честныя, искреннія лица. Но посвящать лишняго человѣка въ нашу тайну, благоразумно ли это?

— Если я предлагаю его,— возразилъ Корансецъ,— то, повѣрьте, я могу поручиться за его скромность. Мы съ юности знаемъ другъ друга, его честность — чистѣйшее золото въ слиткѣ! И какъ бы ни было, онъ неизмѣримо надежнѣе свидѣтеля, взятаго за деньги, который всегда можетъ измѣнить ради полученія бо̀льшихъ денегъ...

— Согласится ли онъ? — проговорила маркиза.

— Это я узнаю завтра до отъѣзда изъ Каннъ, если въ принципѣ вы ничего не имѣете противъ моего выбора. Только,— добавилъ молодой человѣкъ,— ради осторожности, было бы хорошо, еслибъ и его пригласили на яхту...

— Это уже мое дѣло,—сказала миссъ Маршъ.—Но гдѣ и какъ представить его моему дядѣ? Я не думаю, чтобъ они были знакомы.

— Познакомятся сегодня же вечеромъ, — отвѣтилъ Корансецъ,— въ поѣздѣ, съ которымъ мы вернемся въ Канны. Я сейчасъ же заполучу нашего влюбленнаго и не выпущу изъ рукъ до самаго вагона, и сдѣлаю это тѣмъ болѣе неотложно,— добавилъ онъ, вставая,— что мы долгонько здѣсь заговорились, и если у стѣнъ нѣтъ ушей, то у нихъ есть глаза... Дорогой другъ,— тихо вздохнулъ онъ, страстно сжимая маленькую ручку маркизы Бонакорси, которая тоже поднялась съ мѣста,— до завтрашняго дня я уже не буду говорить съ вами, скажите же мнѣ всего одно словечко, которымъ я могъ бы жить до того времени...

— Храни тебя Богъ, *anima mia!* — проговорила мадамъ Бонакорси серьезнымъ, почти торжественнымъ тономъ, звучавшимъ всею силой страсти, которую ловкій и вкрадчивый провансалецъ умудрился возбудить въ этой женщинѣ.

— Запечатлѣно здѣсь,—весело отвѣтилъ Корансецъ, показывая на свою ладонь,— и здѣсь,— закончилъ онъ, поднося руку къ сердцу.

Затѣмъ онъ обратился къ молодой дѣвушкѣ:

— Миссъ Флосси, когда вамъ понадобится, чтобы смѣлый ма-

лый пошелъ за васъ въ огонь, скажите слово, и я брошусь *right away* *)...

И въ то время, какъ миссъ Маршъ смѣялась этой невинной эпиграммѣ на одинъ изъ маленькихъ идіотизмовъ языка янки, а маркиза слѣдила нѣжнымъ взглядомъ за любимымъ человѣкомъ, провансалецъ направлялся къ своему бывшему товарищу. Во всѣхъ его движеніяхъ было столько ловкости и силы, столько гибкости, что молодая американка не выдержала и вслухъ это замѣтила. Дѣвушки этой энергической расы, у которой физическія упражненія занимаютъ столь выдающееся мѣсто, проводятъ цѣлые часы на воздухѣ въ атлетической фамильярности съ игроками въ *теннисъ* и въ *гольфъ*. Онѣ очень наивно и совершенно невинно чутки къ животной, чисто-пластической, красотѣ мужчинъ, какъ были въ древнія времена молодыя римлянки и молодыя гречанки.

— Какъ красивъ твой Корансецъ! — сказала она маркизѣ.—И до чего онъ веселъ, до чего живъ! Для меня онъ настоящій типъ француза, какимъ я представляла его себѣ въ Маріонвилѣ, когда читала романы Александра Дюма. Какъ ты счастлива будешь съ нимъ!

— Очень счастлива! — сказала итальянка и, какъ бы вдругъ охваченная роковымъ предчувствіемъ, поспѣшила оговориться: — Очень счастлива, но Богъ не дастъ мнѣ этого.

— Богъ дастъ все, что мы захотимъ, если мы захотимъ хорошо и если желаніе правое, — возразила миссъ Флорансъ.

— Нѣтъ, — отозвалась Андріана. — Я принуждена была много лгать Альвизу и за то буду наказана.

— Если таково твое убѣжденіе, — сказала американка, — почему же ты не говоришь брату правду? Хочешь, я возьмусь за это? Пять минутъ разговора, и на твоей совѣсти не будетъ ни одной неправды. Ты имѣешь полное право выйти замужъ, я полагаю. Состояніе тебѣ принадлежитъ. Чего ты боишься?

— Ты не знаешь Альвиза, — возразила мадамъ Бонакорси съ выраженіемъ настоящаго ужаса на лицѣ. — Онъ способенъ вызвать его на дуэль и убить!... Нѣтъ, пусть все идетъ, какъ условлено, и да поможетъ намъ Мадонна!

При этомъ восклицаніи она на секунду закрыла глаза. Флоранса Маршъ смотрѣла на нее съ недоумѣніемъ, которое въ ней, — англо-саксонкѣ, пріученной къ полной независимости, — вызывалъ магнетическій страхъ пріятельницы передъ графомъ Наварего. А

*) „Прямо — прочь“.

маркиза тѣмъ временемъ была мысленно далеко отъ игорной залы и отъ своей спутницы. Передъ венеціанкой мелькала маленькая капелла Богоматери у Сосенъ, въ Каннахъ, гдѣ въ теченіе мѣсяцевъ ежедневно справлялась месса о прощеніи ей обмановъ брата, и гдѣ находился алтарь, передъ которымъ она заставила Корансеца преклонить колѣна и дать обѣщаніе отправиться вмѣстѣ съ нею въ Лореттъ, какъ только будетъ объявлено о ихъ бракѣ! Провансалецъ вѣрилъ въ Мадонну приблизительно такъ же, какъ вѣрилъ онъ въ хиромантію, съ полускептицизмомъ и съ полуувлеченіемъ, свойственными натурѣ южанина, ребяческой и лукавой, очень сложной при самыхъ простыхъ инстинктахъ, искренной при отчаянномъ враньѣ и суевѣрной при очень положительныхъ разсчетахъ. Въ характерѣ маркизы Бонакорси онъ видѣлъ надежнѣйшій залогъ своего успѣха: разъ влюбившись, женщина, въ которой пламенная религіозность соединится съ пылкою страстью, должна неминуемо рѣшиться на замужство. А съ другой стороны, и самъ онъ недалекъ былъ отъ вѣры въ то, что свѣчи, зажженныя въ маленькой церковкѣ Каннъ, охранятъ его отъ мести страшнаго братца, вполнѣ способнаго пойти на все на свѣтѣ, чтобы помѣшать сестрѣ ускользнуть съ ея состояніемъ въ чужія руки. Южанинъ достаточно хорошо зналъ ужасный характеръ венеціанца для того, чтобы, подобно миссъ Маршъ, удивляться трусости своей невѣсты. Но что могли подѣлать всѣ неистовства Альвиза противъ брака, совершеннаго законнымъ и надлежащимъ порядкомъ настоящимъ священникомъ, если бракъ и не будетъ закрѣпленъ гражданскими формальностями, не имѣющими никакого значенія въ глазахъ набожной маркизы? Тѣмъ не менѣе, придерживаясь старинной поговорки: двѣ предосторожности лучше одной,—Корансецъ очень былъ не прочь, въ виду неизбѣжнаго объясненія съ графомъ Наварего, чтобы при вѣнчаніи присутствовало нѣсколько человѣкъ изъ ихъ общества. Какъ не подумалъ онъ раньше о старомъ товарищѣ, котораго онъ встрѣтилъ этою зимой въ Каннахъ,—объ этомъ простосердечномъ маломъ, оставшемся такимъ же скромнымъ, какимъ онъ зналъ его въ старомъ лицеѣ Людовика Великаго, когда они вмѣстѣ были въ коллегіи св. Андрея? Ту же юношескую скромность, ту же простую искренность почувствовалъ Корансецъ при первомъ рукопожатіи бывшаго товарища въ моментъ ихъ новой встрѣчи. Видѣлъ онъ ихъ также въ невинномъ увлеченіи Хотфейля баронессой Эли де-Карлсбергъ; день за день видѣлъ онъ, какъ разгорается его страсть, о которой онъ только что сказалъ своимъ двумъ собесѣдницамъ. Но не сообщилъ онъ имъ того, что считалъ баронессу

Карлсбергъ настолько же влюбленною въ молодого человѣка, насколько тотъ былъ влюбленъ въ нее. Въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ полное основаніе похвалиться своею проницательностью: она была, на этотъ разъ, такъ же безошибочна, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Но, какъ ни былъ онъ проницателенъ, все-таки, не предполагалъ онъ того, что, пользуясь своимъ открытіемъ для лучшаго достиженія своей цѣли, онъ можетъ превратить *оперу-буффъ*,—свою женитьбу на мадамъ Бонакорси,—въ эпизодъ драмы. Говоря о себѣ и о своей пресловутой линіи удачи, Корансецъ неизмѣнно повторялъ: «Ничего со мною не случалось, кромѣ веселаго...»

Есть, повидимому, на свѣтѣ два типа существъ, весьма отличныхъ одинъ отъ другого, и ихъ всегдашнее совмѣстное существованіе доказываетъ одинаковую правильность двухъ взглядовъ на жизнь, представляющихъ ее въ теченіе вѣковъ то комедіей, то трагедіей. Всякій человѣкъ заключенъ въ одинъ изъ этихъ двухъ круговъ, и судьба только въ рѣдкихъ случаяхъ допускаетъ смѣшеніе обоихъ элементовъ. Для цѣлаго разряда людей,—такихъ, какъ Корансецъ,—самыя романтическія приключенія заканчиваются по-водевильному. Для всей другой категоріи, къ которой, на свою бѣду, принадлежалъ Пьеръ Хотфейль, самые обыкновенные житейскіе случаи приводятъ, наоборотъ, къ драмѣ. Если первые любятъ, и любятъ искренно, никогда любимая женщина не дѣлаетъ имъ зла. Для нихъ никогда не оправдывается пословица: гдѣ улыбки, тамъ и слезы. Вторые же обречены на самыя тягостныя волненія, на жестокія осложненія: всякая ихъ идиллія есть трагическая идиллія. И вотъ теперь, когда молодые люди стояли рядомъ въ ту минуту, какъ Корансецъ положилъ руку на плечо Хотфейля, съ поразительною ясностью обозначилась совершенная противоположность двухъ неизмѣнныхъ типовъ,—дѣйствующаго лица комедіи и героя трагедіи: одинъ—сильный и веселый, съ блестящимъ взоромъ и съ чувственными губами, увѣренный въ себѣ и беззаботный; другой—слабый и нѣжный, съ мечтательнымъ взглядомъ, готовый страдать отъ малѣйшихъ житейскихъ толчковъ. Вырывая его изъ задумчивости, Корансецъ вызвалъ въ немъ едва скрываемый трепетъ недовольства. Но это ничуть не оскорбило хитраго южанина,—онъ отлично зналъ, чье имя нужно произнести, чтобы разсѣялось непріятное впечатлѣніе. Онъ заставилъ пріятеля подняться съ мѣста, взялъ его подъ руку и заговорялъ:

— Какой же ты, однако, скрытный человѣкъ, что пріѣхалъ сюда, не предупредивши меня. И скрытный-то совсѣмъ не кстати!

Мы бы отлично пообѣдали вмѣстѣ. За нашимъ столомъ была лучшая компанія Монте-Карло: мадамъ де-Карлсбергъ, мадамъ де-Шези, мадемуазель Маршъ, мадамъ Бонакорси. Не было бы и тебѣ скучно...

— Въ пять часовъ я не предполагалъ даже, что въ шесть буду сидѣть въ вагонѣ,— сказалъ Хотфейль.

— Знакомая исторія, — смѣялся Корансецъ, — сидишь себѣ спокойно въ своей комнатѣ въ Каннахъ и вдругъ начинаешь слышать голоса, какъ Жанна д'Аркъ, нѣсколько иные только: «Rien ne va plus... Messieurs, faites vos jeux...» — а въ бумажникѣ начинаютъ возиться банковые билеты, въ кошелькѣ подпрыгиваютъ золотые и очутишься у зеленаго стола прежде, чѣмъ успѣешь опомниться. Выигралъ ли ты, по крайней мѣрѣ?

— Я никогда не играю,— отвѣтилъ Пьеръ.

— Ну, стоитъ только начать...—продолжалъ провансалецъ.— А ты часто бываешь здѣсь?

— Сегодня въ первый разъ.

— Проживши всю зиму въ Каннахъ! Не даромъ Дю-Пратъ называлъ тебя «мадемуазель Пьереттъ». Слишкомъ ты молодъ для того, чтобы быть такимъ разумникомъ. Смотри, не прорвись... А къ слову о Дю-Пратѣ, имѣешь о немъ вѣсти?

— Онъ еще въ Египтѣ съ женой, возвращается въ Каиръ,— отвѣтилъ Хотфейль.—Онъ и меня настоятельно звалъ туда же...

— И ты не поѣхалъ провести съ ними конецъ ихъ медоваго мѣсяца?... Это еще благоразумнѣе, чѣмъ не играть,—сказалъ Корансецъ.—Вотъ что значитъ пускаться въ свадебную поѣздку не по здѣшнимъ мѣстамъ, какъ дѣлаютъ всѣ добрые люди: захотѣлось сфинксовъ, пирамидъ, пустынь, катарактовъ, развалинъ храмовъ... а тутъ, глядь, и жена наскучила, и самъ ей надоѣлъ прежде, чѣмъ добрался до своего мѣста...

— Могу тебя завѣрить, что Оливье очень счастливъ,— прервалъ его Хотфейль съ живостью, доказывавшею все его сердечное расположеніе къ другу, о которомъ такъ шутливо говорилъ Корансецъ.

Потомъ, чтобы предупредить, вѣроятно, новыя выходки противъ отсутствующаго пріятеля, онъ заговорилъ:

— По правдѣ сказать, хорошъ и здѣсь медовый мѣсяцъ! Неужели тебѣ можетъ нравиться все это общество?—онъ указалъ на давку игроковъ вокругъ столовъ, становившуюся все болѣе и болѣе азартною.—Отъ Ниццы до Санъ-Ремо это—настоящій рай *pacma-*

куэровъ *). И все-то здѣсь пошло, грубо, прямо-таки отвратительно: чудная природа, загаженная и опозоренная людьми, вотъ что такое здѣшнія мѣста... По-моему, очень резонно поступилъ Оливье, что предпочелъ пустыню: стòитъ ли уѣзжать изъ Парижа за тѣмъ, чтобы здѣсь найти каррикатуру на него?

— Ну, это мнѣніе парижанина,—возразилъ Корансецъ.

За свою окончательную неудачу въ столь желанномъ ему клубѣ онъ продолжалъ злиться на Парижъ и излилъ свою досаду такою тирадой:

— *Растакуэръ*! *Растакуэръ*! Изречете вы такую анаѳему и воображаете, что уже все сказано. А повторяя ее постоянно, вы не подозрѣваете даже, что сами-то вы, парижане, превращаетесь въ провинціаловъ Европы. Да, да... Никто не отрицаетъ того, что на Ривьерѣ есть проходимцы. Но за то сколько же здѣсь настоящихъ большихъ баръ? И вся эта знать—развѣ это парижане? Нѣтъ, это англичане, русскіе, американцы и итальянцы, не менѣе изящные и умные, чѣмъ вы, да въ добавокъ — съ темпераментомъ, чего у васъ никогда не было, и съ веселостью, которой у васъ уже нѣтъ. А иностранки, которыхъ мы встрѣчаемъ на этихъ берегахъ? Попробуемъ-ка ихъ разберемъ, попытаемся-ка ихъ посравнимъ съ куклами безъ сердца и чувства, съ набитыми тщеславіемъ фигурками изъ папье-маше, каковы парижанки.

— Начать съ того, что самъ я не парижанинъ,—прервалъ его Хотфейль.—Ты забываешь, что семь мѣсяцевъ изъ двѣнадцати я провожу въ моемъ тихомъ Шамеанѣ и что мои милыя Овернскія горы нисколько не похожи на бульвары. А затѣмъ я уступаю тебѣ вторую половину твоего парадокса: да, нѣкоторыя изъ здѣшнихъ женщинъ поразительны своимъ изяществомъ и развитіемъ, умомъ и очаровательностью. И, все-таки,—добавилъ онъ, качая головой,—прелесть ихъ можно ли сравнивать съ привлекательностью, которою отличалась не парижанка,—отчитывай ее, какъ тебѣ угодно,—а настоящая француженка, проявлявшая въ своей граціозности столько ума, столько такта въ сужденіяхъ, столько поэзіи безъ преувеличеній и утонченнѣйшаго вкуса?

Онъ думалъ вслухъ, не обращая вниманія на едва замѣтную улыбку, скользившую по насмѣшливымъ губамъ собесѣдника. Синьоръ Корансецъ не такой былъ человѣкъ, чтобы продолжать безполезное препирательство. Никакого дѣла ему не было до того, гдѣ

*) *Rastaquouère* или *rastaquère*,—на парижскомъ арго: люди, не принадлежащіе къ обществу, преимущественно иностранцы, сорящіе деньги,— почти равносильно слову „проходимецъ".

наслаждается медовымъ мѣсяцемъ Оливье Дю-Пратъ, среди могилъ Фараоновъ или на «откосахъ» Корниша, и началъ онъ рѣчь о старомъ товарищѣ, самомъ близкомъ другѣ Хотфейля, лишь для того, чтобы придать разговору удобный для него тонъ интимности. Фраза Хотфейля объ иностранкахъ еще разъ подтвердила правильность его догадки о любви бывшаго товарища къ баронессѣ Карлсбергъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, напомнила ему о его собственныхъ планахъ. Какъ разъ въ эту минуту старые товарищи очутились передъ столомъ trente et quarante, и за этимъ столомъ сидѣло одно изъ лицъ, наиболѣе необходимыхъ для осуществленія его проекта: — родной дядюшка миссъ Маршъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ желѣзно-дорожныхъ тузовъ Америки, Ричардъ Карлейль Маршъ, или же по-просту—Дики Маршъ, тотъ самый, что, въ назначенный день и самъ ничего не подозрѣвая, долженъ съ своей яхтой сдѣлаться сообщникомъ матримоніальной экскурсіи маркизы Бонакорси. Марій Корансецъ предполагалъ черезъ часъ представить Хотфейля въ вагонѣ обратнаго поѣзда могущественному янки. Почему же не подготовить теперь же этого представленія?

— Я же завѣряю тебя,—заговорилъ опять южанинъ,—что въ здѣшней колоніи иностранцевъ есть не мало людей настолько же интересныхъ, какъ ихъ дамы. Иностранецъ иностранцу рознь. Мы не обращаемъ на нихъ достаточнаго вниманія лишь потому, что предпочитаемъ любоваться женщинами, вотъ и все.

Спустя секунду, онъ продолжалъ:

— Вотъ я вижу одного изъ такихъ за столомъ, я познакомлю тебя съ нимъ. Мы встрѣчали его племянницу у баронессы Эли. Это—Маршъ, американецъ. Мнѣ хотѣлось бы показать тебѣ, какъ онъ играетъ. Кто-то встаетъ. Держись плотнѣй ко мнѣ, мы воспользуемся передвиженіемъ и попадемъ въ первый рядъ.

И ловкій провансалецъ умудрился протискаться самъ и протащить товарища сквозь толпу зрителей, тѣснившихся у стола. Онъ сдѣлалъ это такъ искусно, что оба они очутились за стуломъ крупье, метавшаго карты, и могли видѣть весь столъ и малѣйшія движенія игроковъ.

— Смотри хорошенько,—говорилъ Корансецъ, на этотъ разъ тихо,—вотъ Маршъ.

— Небольшой человѣчекъ съ сѣрымъ цвѣтомъ лица и съ кипой банковыхъ билетовъ?

— Онъ самый. Ему нѣтъ пятидесяти лѣтъ, а онъ уже въ десяти милліонахъ долларовъ. Въ восемнадцать лѣтъ онъ былъ кондукторомъ на трамваѣ въ Клевелендѣ, въ Огіо. И вотъ такой-то

человѣчекъ, какимъ ты его видишь, основалъ городъ, насчитывающій теперь пятьдесятъ тысячъ жителей. Онъ назвалъ его именемъ своей жены—Маріонвиль. Все свое состояніе онъ заработалъ буквально собственными руками. Разсказываютъ, что онъ лично съ своими рабочими укладывалъ первые километры рельсовъ основаннаго имъ желѣзно-дорожнаго общества, имѣющаго теперь три тысячи километровъ путей. Вглядись въ его рабочія руки, онѣ такъ хорошо выдѣляются на зеленомъ сукнѣ. Смотри, какъ сильны онѣ, но отнюдь не грубы. Суставы пальцевъ изобличаютъ вдумчивость, разсудительность и разсчетливость. Концы пальцевъ немного сплюснуты: это—любовь къ труду, страсть къ движенію и склонность къ печальнымъ думамъ. Я потомъ разскажу, что съ нимъ было послѣ смерти его дочери. Видишь большой палецъ? Оба сустава длинны и ровны, признакъ соединенія сильной воли съ послѣдовательностью. Палецъ запрокинутъ—это щедрость. Маршъ пожертвовалъ сто тысячъ долларовъ на университетъ въ Маріонвилѣ. Обрати вниманіе на его движенія,—какая рѣшительность, какое спокойстіе въ игрѣ, какое отсутствіе волненія! Что, по-твоему, каковъ этотъ человѣкъ?

— Это, главнымъ образомъ, господинъ, у котораго много денегъ,—отвѣтилъ Хотфейль, потѣшавшійся надъ убѣжденнымъ тономъ товарища,—столько денегъ, что на проигрышъ онъ не обращаетъ вниманія.

— А вотъ у того, что сидитъ черезъ два стула отъ Марша, развѣ нѣтъ денегъ?—возразилъ Корансецъ.—Тотъ господинъ, съ розеткой, очень красный, съ зловѣщей физіономіей. Ты его не знаешь? Это Бріонъ, капиталистъ, директоръ одного изъ крупнѣйшихъ банковъ. Развѣ ты не встрѣчалъ его у мадамъ де-Карлсбергъ? Его жена—задушевный другъ баронессы Эли. Онъ тоже милліоненеръ, а посмотри на его руки, до чего онѣ нервны и жадны. Обрати вниманіе на большой палецъ шишкой, это признакъ преступности. Этотъ молодецъ такъ и смотритъ воромъ! А его манера брать банковые билеты... ясно видна грубая натура. Или вотъ рядомъ съ нимъ, полюбуйся, какъ играетъ дуракъ! Посмотри на Шези съ его заостренными и гладкими пальцами, два среднихъ равной длины... несомнѣнный признакъ, что игрокъ разорится, въ особенности, когда большой палецъ, какъ у этого господина, обличаетъ отсутствіе логичности. И такой-то воображаетъ себя необыковеннымъ умникомъ, ведетъ дѣла съ Бріономъ, а тотъ ухаживаетъ за мадамъ де-Шези. Не трудно угадать неизбѣжный конецъ.

— Какъ, хорошенькая мадамъ де-Шези, пріятельница моей

сестры, и этотъ отвратительный Бріонъ? — живо проговорилъ Хотфейль.—Невозможно это!

— Я и не сказалъ, что есть что-нибудь, — возразилъ южанинъ,—я говорю только, что, при наличности такого болвана мужа и его страсти къ игрѣ, здѣсь и на биржѣ, все можетъ случиться рано или поздно. А, ты приходишь въ негодованіе, господинъ пуританинъ, за то уже не скучаешь. То-то вотъ, здѣшнія мѣста не такъ ужъ банальны, если захочешь повнимательнѣе присмотрѣться. И сознайся: изъ двухъ парижанъ и одного *растакуэра*, которыхъ мы видѣли, болѣе-то интересенъ *растакуэръ*.

Молодые люди покинули свою наблюдательную позицію. Корансецъ уводилъ товарища въ залы рулетки и проговорилъ слѣдующія слова, заставившія Хотфейля вздрогнуть всѣмъ тѣломъ:

— Если ничего не имѣешь противъ, то пойдемъ разыскивать мадамъ де-Карлсбергъ? Я оставилъ ее у одного изъ этихъ столовъ и хотѣлъ бы проститься съ нею. Представь, она терпѣть не можетъ, чтобы друзья присутствовали при ея игрѣ. Но, вѣроятно, она уже проиграла всѣ деньги и давно встала съ своего мѣста.

— Развѣ она часто играетъ?—спросилъ Хотфейль, не желавшій теперь разставаться со старымъ товарищемъ.

— Да, она играетъ часто, но такъ, какъ и все, дѣлаетъ,— отвѣтилъ Корансецъ,— по прихоти и отъ скуки. И это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе ея замужство. Ты знаешь принца? Очень мало... но привычки его тебѣ извѣстны. Самъ посуди, стóитъ ли быть принцемъ крови, носить титулъ эрцгерцога, имѣть такую жену, какъ баронесса, когда держишься анархистскихъ мнѣній, проводишь шестнадцать часовъ въ сутки въ лабораторіи, палишь себѣ руки, бороду и глаза у какихъ-то ретортъ и принимаешь друзей баронессы такъ, какъ онъ это дѣлаетъ, когда удостоиваетъ имъ показываться.

— Ты полагаешь, стало быть, что о́на несчастлива? — наивно проговорилъ Хотфейль.

— Да ты посмотри только на нее,— сказалъ Корансецъ, приподнимаясь на пальцы и разыскивая глазами баронессу де-Карлсбергъ.

Она сидѣла какъ разъ у того стола, къ которому не подходилъ Пьеръ, когда осматривалъ залы. Не подошелъ же онъ потому, что здѣсь тѣснилась болѣе густая толпа, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Онъ знакомъ показалъ товарищу, что небольшой ростъ не позволяетъ ему разсмотрѣть что-либо изъ-за цѣлой волны плечъ и головъ. Корансецъ началъ опять пробираться впереди своего роб-

каго товарища сквозь живую стѣну зрителей и зрительницъ, любопытство которыхъ достигло, повидимому, крайней степени возбужденности. Причину этого молодые люди поняли, какъ только добрались, послѣ большихъ усилій до того мѣста, гдѣ сидѣлъ крупье. Тутъ на самомъ дѣлѣ шла необыкновенная игра, — одна изъ тѣхъ, что переходятъ потомъ въ легендарныя сказанія этого побережья и становятся извѣстными во всей Европѣ и въ обѣихъ Америкахъ. Хотфейль былъ глубоко потрясенъ, когда сообразилъ, что героиней игры была баронесса Эли, очаровательное имя которой,—прелестное уменьшительное имени Елизавета,—звучало въ его сердцѣ слаще самой нѣжной музыки.

Да, мадамъ де-Карлсбергъ была, несомнѣнно, центромъ, къ которому устремлялись всѣ глаза публики, достаточно приглядѣвшейся ко всякого рода случаямъ. Въ капризной и безразсудной игрѣ баронесса проявляла своего рода величественную и нѣжную грацію, вызвавшую въ молодомъ человѣкѣ чувство страстнаго обожанія. Какъ хороша и какъ горда была она даже въ эту минуту! Ея тонкій станъ, выдававшійся изъ-за стола, былъ затянутъ въ лифъ изъ фіолетоваго пу-де-суа, прикрытый шелковою черною кисеей, собранною въ складки; такіе же были рукава, и, казалось, они трепетали при малѣйшемъ ея движеніи. Рядъ огромныхъ, окруженныхъ брилліантами, жемчужинъ служилъ пуговицами корсажу, на которомъ сверкала переливами золотая цѣпочка часовъ, очень тоненькая и усыпанная разноцвѣтными камнями. На головѣ была крошечная шляпка изъ двухъ крылышекъ, съ отдѣлкой изъ фіолетоваго стекляруса и серебра. Этотъ ультра-модный уборчикъ на тяжелыхъ черныхъ косахъ и роскошь всего наряда представляли вопіющій контрастъ съ ея лицомъ, такъ равно и то занятіе, которымъ она была увлечена въ эту минуту. На этомъ лицѣ лежалъ характерный отпечатокъ, крайне рѣдко встрѣчающійся среди нашихъ дряхлѣющихъ цивилизацій,—отпечатокъ *Великой Красоты*, способной противустоять вліянію времени и жизненныхъ невзгодъ, такъ какъ вся сущность такой красоты заключается въ главныхъ, основныхъ чертахъ: въ формѣ головы, въ линіяхъ лба, въ овалѣ лица, въ разрѣзѣ глазъ. Для тѣхъ, кто зналъ, что въ жилахъ красавицы течетъ нѣкоторая доля греческой крови, весьма просто было объясненіе классическаго благородства ея чудной головки. Отецъ баронессы, генералъ Саллашъ, будучи еще адъютантомъ командующаго войсками въ Зарѣ, женился по любви на черногоркѣ, дочери гречанки изъ Салоники, и въ силу наслѣдственности создалось величественное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенно

изящное лицо, которому матовая бѣлизна и теплые тоны придавали отчасти восточный характеръ. Только глаза не имѣли яркаго или страстнаго блеска очей Востока. Они были неопредѣленнаго темнаго цвѣта, отливавшаго почти желтизной, съ какими-то странными, непроницаемыми зрачками, какъ будто потускнѣвшими отъ затаенной душевной тоски. Въ нихъ отражалась такая глубокая грусть, такое безпомощное утомленіе, что каждаго, всмотрѣвшагося въ ихъ выраженіе, охватывала невольная жалость къ этой женщинѣ, надѣленной, повидимому, всѣми благами земными, и у каждаго являлось побужденіе исполнять малѣйшія ея желанія, чтобы прояснился ея взглядъ, хотя бы на секунду. Но то была, вѣроятно, простая игра физіономіи, не имѣвшая никакой связи съ душою, такъ какъ глаза эти сохраняли то же странное выраженіе даже въ настоящую минуту, когда баронесса Эли всецѣло отдавалась безумной прихоти своей игры. Съ тѣхъ поръ, какъ Корансецъ ушелъ отъ нея, она, очевидно, успѣла выиграть огромныя суммы: кипа тысяче-франковыхъ билетовъ,—пятьдесятъ, быть можетъ,—лежала передъ нею и рядами стояли колонки двадцати и сто франковыхъ золотыхъ. Ея руки въ перчаткахъ, вооруженныя маленькою лопаткой, распоряжались этою грудой денегъ съ граціозною быстротой, а ея ставки вызывали вокругъ нея лихорадочное возбужденіе толпы. Каждый разъ баронесса пускала въ ходъ высшій размѣръ ставки: восемь полуимперіаловъ на одинъ номеръ, изображавшій число ея лѣтъ—31, столько же золотыхъ на-рядъ номеровъ и шесть тысячъ франковъ на черные. Ея выигрыши и проигрыши были каждый разъ такъ велики, и она относилась къ нимъ съ такою неподдѣльною невозмутимостью, что, естественно, сдѣлалась центромъ общаго вниманія, и вокругъ нея безпрерывно раздавались оживленныя замѣчанія, которыя интересовали ее такъ же мало, какъ трескъ шарика въ рулеткѣ.

— Могу васъ завѣрить, что это эрцгерцогиня, — говорилъ одинъ изъ зрителей.

— Русская княгиня,—возражалъ сосѣдъ,—такъ играютъ только русскія женщины.

— Она взяла три раза полную ставку на свой номеръ... Если такъ пойдетъ, она сорветъ банкъ.

— Ну, нѣтъ, такою игрой не выигрываютъ... Цвѣтъ ее спасаетъ.

— Я вѣрю въ ея счастье и поставлю на ея номеръ.

— Я противъ нея буду играть, ей уже не повезло.

— Руки-то...—говорилъ Корансецъ, наклоняясь къ уху Хот-

фейля.—Смотри на руки, даже сквозь перчатки видно, что это руки знатной дамы и фантазистки. Сравни съ ними другія, рядомъ, кидающіяся туда и сюда нервныя и жадныя лапы, всѣ онѣ кажутся плебейскими. А мы, какъ будто, принесли ей несчастье. Красные и 7... она проиграла. Красные и 10, опять проиграла... Красные и 9, еще проигрышъ!... Красные и 27... Спустила двадцать пять тысячъ франковъ! Если бы выраженіе не было такъ грубо по отношенію къ такой хорошенькой женщинѣ, я бы сказалъ: «Вотъ такъ утробища!» Она не унимается.

Молодая женщина, на самомъ дѣлѣ, не унималась и продолжала выдвигать свое золото и свои билеты на тотъ же номеръ, на тѣ же квадраты, на тотъ же цвѣтъ. И казалось, будто никогда уже не выйдутъ ни этотъ номеръ, ни ея рядъ номеровъ, ни черный цвѣтъ. Еще нѣсколько ставокъ, и всѣ ея золотые исчезли, точно расплавились въ тиглѣ, всѣ банковые билеты отправились въ ворохъ, лежащій передъ крупье. Съ четверть часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ Хотфейль и Корансецъ начали слѣдить за игрой, а передъ баронессой Эли ничего уже не было, кромѣ маленькаго пустого кошелька и оригинальной варварской вещицы — портсигара русской работы изъ массивнаго золота, опсыпаннаго сапфирами, рубинами и бриліантами. Молодая женщина взяла его въ руки, какъ бы прикидывая его вѣсъ, а тѣмъ временемъ шарикъ рулетки остановился опять на красномъ дѣленіи. Этотъ цвѣтъ выходилъ одиннадцатый разъ. Баронесса, съ тѣмъ же невозмутимо равнодушнымъ видомъ, обратилась къ сидѣвшему рядомъ съ нею господину въ очкахъ лѣтъ пятидесяти, отложившему въ сторону книжку вычисленій и принявшемуся, просто-на-просто, играть противъ своей сосѣдки. Теперь передъ нимъ лежали кучки золота и банковыхъ билетовъ.

— Мосьё,—обратилась къ нему молодая женщина,—не дадите ли вы мнѣ двадцать пять полуимперіаловъ за эту коробку?

Она проговорила это настолько громко, что Хотфейль и Корансецъ ясно слышали столь странное и неожиданное предложеніе.

— Намъ слѣдуетъ просить у нея позволеніе ссудить ей эти деньги...—сказалъ Пьеръ.

— Не совѣтую,—возразилъ Корансецъ.— Баронесса умѣетъ быть эрцгерцогиней, когда ей вздумается, и я полагаю, что къ намъ она отнесется дурно... Къ тому же дѣло не станетъ за какимъ нибудь ростовщикомъ, который охотно купитъ вещь за эту цѣну, если откажется господинъ въ очкахъ. Онъ отвѣчаетъ по-нѣмецки, не понялъ... Да вотъ, что я тебѣ говорилъ!...

Какъ бы для оправданія претензій Корансеца на пророчество,

въ ту минуту, какъ мадамъ де-Карлсбергъ повторяла по-нѣмецки свой вопросъ сосѣду, острый профиль скупщика высунулся изъ толпы, протянулась рука съ билетомъ въ пятьсотъ франковъ, золотой портъ-сигаръ исчезъ, а знатная дама не удостоила даже взглянуть на того, кто подалъ ей деньги, — на одного изъ безчисленныхъ ростовщиковъ, обдѣлывающихъ вокругъ столовъ свои темныя дѣлишки, несмотря на всѣ преслѣдованія со стороны администраціи. Баронесса взяла билетъ, даже не развертывая его, подержала въ рукѣ, выждала выхода еще два раза краснаго цвѣта, какъ будто поколебалась немного, потомъ сунула деньги къ крупье и сказала:

— На красный.

Шарикъ снова запрыгалъ и остановился на черномъ. На этотъ разъ баронесса Эли взяла свой вѣеръ и пустой кошелекъ и поднялась съ мѣста. Среди движенія, произведеннаго ея выходомъ, и при стараніи пробраться сквозь толпу, чтобы раскланяться съ дамой, ведущій такъ смѣло игру, Корансецъ вдругъ замѣтилъ, что Хотфейль куда-то исчезъ.

«Не найти человѣка, болѣе неловкаго, чѣмъ этотъ невинный молодчикъ»,—подумалъ Корансецъ, подходя къ баронессѣ де-Карлсбергъ.

Еслибъ его тщеславіе собесѣдника супруги, — хотя и морганатической,—австрійскаго эрцгерцога не отуманило его въ эту минуту, онъ увидалъ бы, что его товарищъ стремительно пробирается къ афферисту, купившему столь необычайно предложенную и проданную вещь. И весьма возможно, что Корансецъ призналъ бы очень ловкою штукой торгъ, заключенный этимъ «невиннымъ молодчикомъ», если бы видѣлъ, какъ тотъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, досталъ изъ бумажника два банковыхъ билета и въ обмѣнъ на нихъ получилъ отъ торговца тотъ самый предметъ, который только что сверкалъ на столѣ рулетки передъ баронессой Эли. Ростовщикъ продалъ влюбленному портсигаръ втрое дороже той цѣны, какую самъ заплатилъ. Таково бываетъ начало большихъ торговыхъ домовъ!

II.

Вопль души.

Поступокъ Пьера Хотфейля ускользнулъ отъ зоркихъ глазъ Корансеца, но, все-таки, не остался незамѣченнымъ. Еще одна особа видѣла, какъ баронесса Эли продала портсигаръ и какъ

молодой человѣкъ перекупилъ его. А взгляда этой-то особы наиболѣе поостерегся бы романтическій влюбленный, такъ какъ быть замѣченнымъ ею или самою мадамъ де-Карлсбергъ было совершенно равносильно: свидѣтельницей продажи и двухъ послѣдующихъ покупокъ была не кто иная, какъ мадамъ Бріонъ, ближайшій другъ баронессы Эли,—жена капиталиста, у которой уже цѣлую недѣлю гостила баронесса и которая не могла скрыть отъ пріятельницы то, что ей удалось подмѣтить. Но, дабы понятно было, почему мадамъ Бріонъ отнеслась съ особеннымъ вниманіемъ къ этимъ двумъ сценкамъ и въ какихъ выраженіяхъ станетъ говорить о нихъ, необходимо выяснить основанія тѣсной дружбы, связывавшей между собой жену парижскаго финансиста, настолько неродовитаго, какъ Бріонъ, и знатную даму европейскаго Олимпа, имя которой значилось въ *Готскомъ Альманахѣ* среди членовъ царствующихъ династій. Особенность космополитическаго общества, пестрота его психологіи, если можно такъ выразиться, участіе случайностей, исправляющихъ банальный характеръ, присущій всякому кружку, состоящему изъ людей богатыхъ и праздныхъ, происходятъ, именно, отъ подобныхъ встрѣчъ и ихъ нежданныхъ послѣдствій. Общество это является точкой скрещиванія самыхъ разнородныхъ существованій, принадлежащихъ къ самымъ крайнимъ противоположностямъ, по своему соціальному положенію. Тутъ можно наблюдать столкновенія натуръ, настолько несходныхъ, враждебныхъ даже, что впечатлѣнія, самыя простыя всюду, кромѣ этого круга, получаютъ здѣсь, по милости всякаго рода неожиданностей, значеніе чего-то рѣдкостнаго и какъ бы исключительно поэтическаго. Какъ любовь Пьера Хотфейля,—искреннѣйшаго француза, француза до мозга костей,—къ иностранкѣ, обладающей чарами баронессы Эли,—чарами совершенно новыми и неуяснимыми для молодого человѣка,—должна была оставить неизгладимый слѣдъ въ его сантиментальной жизни, такъ же точно дружба между баронессой Эли и Луизой Бріонъ должна была стать въ ихъ жизни чувствомъ, занимающимъ совершенно особливое мѣсто, хотя фактическія ея основы были настолько же естественны, насколько необычными оказывались ея результаты. И это тоже своеобразная черта космополитическаго общества! Возьмите порознь существованія людей, вращающихся въ немъ, и все въ нихъ просто и логично; возьмите ихъ въ совокупности,—сближеніе ихъ представитъ парадоксальнѣйшія эксцентричности.

Дружба этихъ двухъ женщинъ началась, какъ большинство прочныхъ привязанностей такого рода, съ того времени, когда объ-

имъ не было еще шестнадцати лѣтъ. Въ монастырѣ, гдѣ воспитывались молоденькія дѣвушки, между ними завязалась задушевная близость, прекращающаяся обыкновенно со вступленіемъ въ свѣтъ. Но когда не порвалась она и свѣтскою жизнью, устояла передъ разлукой, передъ различіемъ положеній, передъ соблазнами новыхъ сближеній, тогда пріязнь становится инстинктивною, неразрушимою, необходимою, какъ связь семейная. Въ то время подруги назывались: одна Эли де-Саллашъ, другая—Луизой Родье, изъ рода, нынѣ угасшаго, знаменитыхъ банкировъ Родье-Виманъ. При ихъ рожденіи,—одной въ замкѣ Саллашъ у подножія Штирійскихъ Альпъ, другой—въ улицѣ Предмѣстья Сентъ-Оноре, въ домѣ Родье, казалось несомнѣннымъ, что ихъ жизненныя дороги навсегда останутся разными. Ихъ сблизило одинаковое несчатье. Обѣ дѣвушки одновременно лишились своихъ матерей, и отцы ихъ почти тотчасъ же женились вторично. Съ первыхъ же мѣсяцевъ у обѣихъ сиротъ возникли нелады съ мачихами, завершившіяся помѣщеніемъ дѣвушекъ въ монастырь Сакре-Кёръ, въ Парижѣ. Банкиръ избралъ для своей дочери это учрежденіе потому, что завѣдывалъ его фондами и знакомъ былъ съ его начальствомъ. Генералъ Саллашъ остановилъ на немъ свой выборъ подъ вліяніемъ второй жены, которая такимъ образомъ избавлялась отъ падчерицы и для себя создавала предлогъ часто пріѣзжать въ Парижъ. Вступивши въ одинъ и тотъ же день подъ кровъ благочестиваго дома улицы Варенъ, сиротки, юная австріячка и юная француженка, сразу почувствовали обоюдную симпатію. Задушевныя бесѣды очень быстро превратили симпатію въ страстную дружбу. Потомъ эта дружба окрѣпла потому, что основывалась она на особенностяхъ ихъ характеровъ, которыя съ теченіемъ времени обозначились еще рѣзче.

Классическая *Трагедія* совсѣмъ не такъ далеко расходилась съ дѣйствительностью, какъ то утверждали ея противники, когда рядомъ съ первенствующимъ лицомъ она выводила на сцену «наперсника», единственное назначеніе котораго состояло въ томъ, чтобы герой могъ изливать передъ нимъ свою душу. И на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительной и повседневной жизни, встрѣчаются характеры—спутники, натуры отзывчивыя, какъ эхо, всегда готовыя выслушивать вздохи и вопли чужой души, оставаясь сами только зеркалами, вся жизнь которыхъ въ томъ проходитъ, что они служатъ лишь отраженіемъ, и вся ихъ собственная личность исчезаетъ за отраженнымъ ими образомъ. Съ самаго монастыря Луиза Бріонъ принадлежала къ той категоріи людей, чью очаровательную скромность, чуткое пониманіе, нѣжную жалостливость воплотилъ

Шекспиръ въ своемъ Гораціо, въ этомъ героическомъ и безупречномъ «секундантѣ» Гамлета въ его борьбѣ съ убійцей его отца. Въ шестнадцать лѣтъ, какъ и въ тридцать, достаточно было взглянуть на Луизу Бріонъ, чтобы открыть въ ней инстинктивное самоотреченіе натуры чувствительной до робости, неспособной къ твердо-опредѣленной иниціативѣ, не осмѣливающейся ни хотѣть, ни жить для себя самой. Лицо ея было красиво и изящно, но изящество его оставалось незамѣтнымъ,—столько было сдержанности въ скромныхъ его чертахъ, въ сѣро-пепельныхъ глазахъ, въ массѣ просто-причесанныхъ каштановыхъ волосъ. Говорила она мало и тихимъ голосомъ, одѣвалась не ярко, въ такіе туалеты, которые на женскомъ арго обозначаются милымъ названіемъ «спокойныхъ»... Мужчины и женщины,—существа, въ которыхъ все такимъ образомъ сводится къ инстинктивному подавленію собственныхъ желаній, къ нѣкоторой бѣдности или, вѣрнѣе, блѣдности чувствъ,—привязываются, обыкновенно, въ силу кажущейся непослѣдовательности, въ сущности же въ силу настоящей логики, къ какой-нибудь личности, пылкой и увлекающейся, смѣлой и порывистой, этимъ-то именно ихъ и чарующей. Они отдаются неодолимой потребности, воображеніемъ и изъ симпатіи, принимать участіе въ радостяхъ и въ страданіяхъ, испытать которыя самолично у нихъ не хватаетъ силы.

Такова исторія взаимныхъ отношеній госпожи Бріонъ и баронессы де-Карлсбергъ. Съ первой недѣли ихъ полудѣтскаго товарищества страстная и увлекающаяся Эли обворожила разсудительную, благоразумную Луизу, и это очарованіе продолжилось на многіе годы, усилившись еще отъ того, что, по выходѣ изъ монастыря, обѣ подруги вновь испытали тождественныя несчастья. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ одинаковыя несчастья! При выходѣ замужъ, обѣ онѣ были принесены въ жертву честолюбію родителей. Луиза Родье сдѣлалась госпожею Бріонъ потому, что старикъ Родье, невѣдомо ни для кого въ мірѣ, попалъ въ крайне затруднительное финансовое положеніе, выбраться изъ котораго, по его мнѣнію, онъ могъ только взявши въ зятья и компаньоны Гораса Бріона. Сынъ капиталиста, «выпущеннаго въ трубу» на парижской биржѣ, онъ въ пятнадцать лѣтъ силою энергіи не только составилъ себѣ состояніе, но пріобрѣлъ своего рода славу финансиста умѣньемъ поднимать дѣла, почитаемыя непоправимыми, какъ дѣло австро-далматинскихъ желѣзныхъ дорогъ, мошенническимъ образомъ раздутое и потомъ брошенное знаменитымъ Юстусомъ Гафнеромъ *).

---

*) См. *Космополисъ,* Поля Бурже,—романъ, изд. *Русскою Мыслью* въ переводѣ М. Н. Ремезова.

Чтобы заставить окончательно забыть неудачи отца, Бріону необходимъ былъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ семействъ, принадлежащихъ къ высшей финансовой аристократіи и пріобрѣтшихъ изъ рода въ родъ такой почетъ, который стоитъ дворянскихъ грамотъ. Главѣ дома Родье-Вимань, при его въ тайнѣ пошатнувшихся дѣлахъ, былъ необходимъ помощникъ выдающихся способностей и испытанной дѣловитости. Луиза сумѣла понять необходимость этого брака и согласилась на него, чтобы стать потомъ безконечно несчастною. Въ то же время Эли де-Саллашъ, вынужденная отцомъ, вышла замужъ за эрцгерцога Генриха-Франциска, влюбившагося въ нее на водахъ въ Карлсбадѣ со всѣмъ неистовствомъ страсти, какую только можетъ испытать пресыщенный пятидесятилѣтній принцъ, для котораго *чувство* является ощущеніемъ настолько поразительно неожиданнымъ, что онъ цѣпляется за него съ лихорадочнымъ порывомъ на мигъ вернувшейся молодости. Императоръ, крайне неодобрительно относившійся въ принципѣ къ морганатическимъ бракамъ, далъ свое согласіе на этотъ разъ въ надеждѣ, что безпокойнѣйшій изъ его родственниковъ притихнетъ, наконецъ, угомонится подъ вліяніемъ новой для него, семейной жизни. Генералъ Саллашъ видѣлъ въ возвышеніи дочери вѣрнѣйшій путь къ фельдмаршальству. Онъ и его жена оказали такое давленіе на молоденькую дѣвушку, что она уступила, поддавшись и сама соблазнамъ тщеславія, весьма естественнаго въ ея годы.

Съ тѣхъ поръ прошло двѣнадцать лѣтъ, и бывшія подруги-монастырки оказались столь же одинокими и жалкими, такими же сиротами, какими были въ тотъ день, когда впервые встрѣтились въ мирной тѣни монастырскаго сада. Переписка между ними никогда не прекращалась, и каждая изъ нихъ, зная объ огорченіяхъ подруги, приравнивала ея судьбу къ своей собственной участи, и однѣ и тѣ же печали, которыми онѣ дѣлились, и даже тѣ, о которыхъ умалчивали, постоянно закрѣпляли ихъ взаимную привязанность. Жесткость финансиста, его рѣзкій эгоизмъ, прикрытый заученными манерами, перенятыми у настоящихъ свѣтскихъ людей, его грубая чувственность дали понять Луизѣ душевныя страданія бѣдной Эли, отданной во власть ревниваго деспотизма повелителя-супруга, жестоко причудливаго, своенравнаго, въ которомъ интеллектуальный нигилизмъ анархиста соединялся съ непомѣрною гордостью натуры тирана. Съ другой стороны, баронесса могла, по силѣ лично ею испытанныхъ оскорбленій, опредѣлить всю болѣзненность ранъ, отъ которыхъ страдало нѣжное сердце ея друга. Только сама то баронесса,—дочь солдата, внучка героевъ Черной

Горы, не склонявшихъ головы ни передъ кѣмъ,—не поддавалась, какъ то сдѣлала наслѣдница благочестивыхъ капиталистовъ, внучка добродѣтельнаго Родье и разсудительной Вимань. Эли съ первыхъ же дней противопоставила гордость высокомѣрію, твердую волю своенравію. Отвратительныя сцены, которыя она стойко выдержала, несомнѣнно привели бы къ самому скандальному разрыву, если бы молодая женщина не порѣшила обратиться къ заступничеству наиболѣе высокопоставленныхъ лицъ. Ихъ-то вліяніемъ былъ вынужденъ и установленъ компромиссъ, заставившій соблюсти приличія. Баронессѣ была возвращена почти полная свобода, безъ развода и безъ легальнаго разлученія супруговъ. Легко угадать, какое озлобленіе это вызвало со стороны мужа. И вотъ, за прошедшіе съ тѣхъ поръ четыре года, баронесса Эли проводила первую зиму съ эрцгерцогомъ больнымъ и удалившимся въ свою виллу въ Каннахъ,—очень странное жилище, устроенное какъ разъ по характеру своего страннаго хозяина: одна половина дома представляла собою дворецъ, другая—лабораторію!

Мадамъ Бріонъ была лишь издали свидѣтельницей этой супружеской драмы, потомъ полуосвобожденія баронессы, примѣру которой она не послѣдовала. Кроткая Луиза изнывала, не говоря ни слова, забитая и сломленная безпощаднымъ финансистомъ, жестокимъ биржевикомъ, имя котораго она носила. И этотъ самый контрастъ сдѣлалъ ей подругу еще дороже. Эли де Карлсбергъ олицетворяла для нея ея протестъ, ея независимость, ея романъ,—романъ, не всѣ главы котораго были ей извѣстны. Откровенности двухъ пріятельницъ, видящихся другъ съ другомъ лишь изрѣдка, всегда немножко поддѣльны. Совершенно инстинктивно другъ, раскрывающій душу передъ своимъ другомъ, воздерживается касаться того образа, какимъ онъ представляется пріятелю, и образъ этотъ, въ концѣ-концовъ, оказывается много болѣе сходнымъ съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ прошломъ, а не съ тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ настоящее время. И баронесса скрыла отъ подруги цѣлый эпизодъ своей жизни. Будучи такою красавицей, какою была она, богатою, свободною, смѣлою и безпринципною, Эли де-Карлсбергъ искала забвенія и отмщенія за семейныя несчастья тамъ, гдѣ всѣ женщины, надѣленныя темпераментомъ и неимѣющія религіозныхъ убѣжденій, ищутъ такого забвенія и такой мести. Сначала она пустилась въ кокетство, увлеклась до легкомыслія и дошла до любовнаго приключенія. Мадамъ Бріонъ ничего подобнаго не подозрѣвала. Она любила Эли, восхищалась силой ея жизненности, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что такая подвижность, живость и

энергія не могли проявляться у женщины, съ ея врожденными задатками и независимыми взглядами, иначе, какъ въ видѣ смѣлыхъ и предосудительныхъ экспериментовъ. Но не первое ли условіе и не самая ли сущность дружбы заключаются въ нелогическомъ пристрастіи, побуждающемъ насъ, по отношенію къ близкимъ людямъ, забывать всѣмъ извѣстный великій законъ, просто выраженный простымъ афоризмомъ: — во всякомъ есть недостатки его достоинствъ?—Ненависть и зависть видятъ только недостатки. Не вправѣ ли дружба видѣть одни достоинства?

Какъ бы, впрочемъ, ни была женщина ослѣплена дружбой, какою бы ни была безукоризненною сама и невѣдающею никакихъ интригъ, она все-таки женщина и, какъ таковая, кажется одаренною особеннымъ чутьемъ на все, что касается ея пола. Способность вѣрно угадывать даетъ ей чувствовать, безсознательно,—я готовъ сказать, животнымъ инстинктомъ,—ведетъ ли себя ея подруга, пользующаяся ея полнымъ довѣріемъ, такъ же, какъ сама она, въ своихъ отношеніяхъ къ мужчинамъ. Луиза не умѣла опредѣлить, въ чемъ, именно, измѣнилась Эли, но за послѣдніе годы, при каждомъ свиданіи, она подмѣчала въ ней какую-то перемѣну. Что это было такое: нѣкоторая вольность обращенія и причудливость туалетовъ, смѣлость взгляда, легкость истолкованія въ дурную сторону всякой короткости въ ихъ кружкѣ, разочарованность, вошедшій въ привычку цинизмъ разговоровъ? Всѣ подобные признаки, которыми выдаетъ себя женщина, дозволившая себѣ презирать условныя приличія, а равно и принципы нравственности, мадамъ Бріонъ не могла не замѣтить у баронессы де-Карлсбергъ. Но она не захотѣла ни анализировать ихъ, ни даже себѣ самой сознаться въ томъ, что она видѣла. Утонченныя души и тѣ, что умѣютъ любить, впадаютъ въ крайнія сомнѣнія и готовы почти раскаиваться въ этомъ, когда дѣло касается тѣхъ, кого они любятъ. Онѣ скорѣе склонны винить себя самихъ, признать ошибочными собственныя впечатлѣнія, чѣмъ осудить тѣхъ, кто произвелъ эти впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ остается извѣстная тревога, которую ничтожнѣйшій, ясно опредѣленный фактъ дѣлаетъ невыносимою. За послѣднее время для Луизы Бріонъ такимъ фактомъ было обращеніе ея подруги съ Пьеромъ Хотфейлемъ. Совершенно случайно, мадамъ Бріонъ гостила въ Каннахъ въ то время, какъ молодой человѣкъ былъ представленъ баронессѣ у госпожи де-Шези, задушевнаго друга, какъ уже сказано, сестры Пьера, молодой и блестящей Мари д'Иссакъ. Въ этотъ же первый вечеръ Луизу Бріонъ удивила выходка Эли, очень долго бесѣдовавшей въ

углу гостиной съ глазу на глазъ съ едва знакомымъ господиномъ. Уѣхавши тотчасъ въ Монте-Карло, мадамъ Бріонъ забыла бы про это, вѣроятно, еслибы въ слѣдующій пріѣздъ въ Канны не встрѣтила молодого человѣка принятымъ у баронессы на положеніи слишкомъ быстро установившейся короткости. Пробывши нѣсколько дней у Эли де-Карлсбергъ, она должна была признать, что ея подруга или очень кокетничаетъ съ Хотфейлемъ, или недостаточно осторожна. Она высказалась за неосторожность, порѣшила, что молодой человѣкъ до безумія увлекается баронессой, и что она, отъ скуки и по легкомыслію, забавляется съ нимъ игрою, по-истинѣ, крайне опасною, если только не преступною. Она сознавала, что слѣдуетъ остановить Эли, но сдѣлать это не посмѣла, подъ вліяніемъ своего рода нравственной немощности, которою слабыхъ поражаютъ сильные однимъ магнетическимъ воздѣйствіемъ своего присутствія.

Маленькая сценка, подмѣченная въ игорномъ залѣ, дала ей смѣлость заговорить. Сдѣланное Хотфейлемъ, его торопливыя старанія добыть немедленно портсигаръ, проданный баронессой, глубоко взволновали вѣрную подругу. Въ этомъ она увидала неожиданно трогательную аналогію между своими чувствами и чувствами влюбленнаго молодого человѣка. Вмѣшавшись въ толпу зрителей, она слѣдила за игрой пріятельницы, нервное возбужденіе которой безпокоило ее, и видѣла, какъ та продала золотую вещицу. Эта «цыганская» выходка сильно огорчила мадамъ Бріонъ, и еще тяжелѣе удручала ее мысль, что любимая вещица, бывшая постоянно въ рукахъ Эли, попадетъ въ одну изъ лавокъ Монте-Карло и будетъ какимъ-нибудь игрокомъ подарена первой попавшейся продажной женщинѣ. Луиза Бріонъ попыталась добраться до скупщика, чтобы сдѣлать то самое, что сдѣлалъ Пьеръ Хотфейль, и сознаніе, что одна и та же мысль пришла имъ обоимъ, вызвало въ ней чувство искренней симпатіи. Поступокъ Хотфейля нѣжно затрогивалъ ея преданность къ баронессѣ и какъ бы неожиданною лаской отозвался въ умѣ романтической женщины, непривыкшей встрѣчать въ мужчинахъ откликъ на свою утонченную деликатность. Молодая женщина говорила себѣ:—«Бѣдняжка! чего я боялась, то и случилось. Онъ любитъ ее! Не поздно ли сказать объ этомъ Эли, предупредить, чтобы на ея совѣсть не легло несчастье этого милаго человѣка?»—Такая мысль одержала верхъ надъ робостью наивной и доброй Луизы, и она порѣшила заговорить съ подругой, какъ только представится къ тому случай. Представиться же ему суждено было въ этотъ самый вечеръ.

Онѣ вышли изъ казино около одиннадцати часовъ. Бріонъ, всегда очень корректный, даже любезный при свидѣтеляхъ, проводилъ обѣихъ женщинъ до виллы,—великолѣпнаго зданія, сооруженнаго финансистомъ въ качествѣ мраморной рекламы на самомъ видномъ мѣстѣ холма. Мужъ Луизы покинулъ ихъ тотчасъ же, и какъ только онѣ остались однѣ, баронесса выразила желаніе пройтись немного по саду виллы Бріона, такому же необыкновенному, импровизованному и знаменитому, какъ сама вилла. Мадамъ де-Карлсбергъ заявила пріятельницѣ, что, передъ отъѣздомъ въ Канны на слѣдующій день, ей хотѣлось бы въ послѣдній разъ полюбоваться садомъ въ такую чудную ночь, по-истинѣ волшебную.

Закутанныя въ шубы, обѣ женщины начали прохаживаться сначала по террасѣ, потомъ по дорожкамъ. Подруги ходили молча, подавленныя контрастомъ между лихорадочною атмосферой игорнаго дома, въ которомъ онѣ провели вечеръ, и спокойнымъ великолѣпіемъ окружавшаго ихъ теперь пейзажа. И не менѣе поразителенъ былъ контрастъ между баронессой Эли у стола рулетки и баронессой Эли въ этомъ саду и въ этотъ часъ. Луна, сіявшая полнымъ дискомъ на необъятно-темномъ небѣ, точно заливала ее, охватывала всю трепетомъ восторженной нѣги. Видя эту женщину, съ полуоткрытымъ ртомъ и какъ бы вдыхающую, вбирающую въ себя всю чистоту дивной, холодной ночи, можно было подумать, что ея лицо ищетъ ласки этихъ блѣдныхъ лучей и что ясность ихъ, отражаясь въ ея глазахъ, проникаетъ до самаго сердца,—такъ жадно всматривалась Эли въ серебристый дискъ, освѣщавшій все кругомъ почти такимъ же яркимъ блескомъ, какъ дневной. Подъ этимъ луннымъ свѣтомъ такъ и сверкало синее бархатистое море, пересѣченное дрожащею, искристо-бѣлою полосой, гаснущею вдали. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что въ освѣщенной луною бухтѣ можно было разсмотрѣть оснастку любительской яхты, неподвижной на своихъ якоряхъ подъ защитой возвышенности, на вершинѣ которой вырисовывались зубчатыя стѣны стараго замка Гримальди. Темною массой лежалъ съ другой стороны мысъ Мартенъ, и всюду волшебный блескъ чередовался съ черными силуэтами, какъ бы вырѣзанными дерзкою рукой въ ослѣпительной атмосферѣ очаровательнаго сна. Длинныя вѣтви пальмъ распадались капителями, огромными кинжалами щетинились алоэ, густая листва апельсинныхъ деревьевъ ложилась почти грубыми тѣнями, въ то время, какъ на газонахъ магическій свѣтъ луны сыпалъ всю прелесть многоцвѣтныхъ перламутровъ. Дома одинъ за другимъ тушили свои огни, и съ террасы обѣ женщины могли видѣть, какъ

они, совсѣмъ бѣлые, почти прозрачные среди пушистой и темной чащи оливъ, погружаются въ сонъ, охватившій весь пейзажъ. Тишина въ этотъ часъ была настолько полною, что прогуливающіяся подруги не слыхали никакого иного звука, кромѣ шороха гравія подъ своими маленькими вечерними башмаками и шелеста своихъ юбокъ. Мадамъ де-Карлсбергъ первая нарушила молчаніе, увлеченная соблазномъ думать вслухъ въ такую ночь, передъ такой подругой. Она пріостановилась на минуту, чтобы пристальнѣе всмотрѣться въ синеву неба, и заговорила:

— Какъ чистъ воздухъ и какъ хороша ночь! Въ Саллашѣ у меня, совсѣмъ еще маленькой дѣвочки, была гувернантка нѣмка, которая знала названія всѣхъ звѣздъ. Она учила меня различать ихъ. Я и теперь узнаю ихъ: вотъ полярная, вотъ созвѣздія Кассіопеи, Большой Медвѣдицы, Лиры, вотъ Аритурусъ... Всѣ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ онѣ были, когда насъ не было на свѣтѣ, и гдѣ будутъ, когда мы исчезнемъ. Приходитъ ли тебѣ иногда на мысль, что такимъ же точно былъ покровъ ночи, когда жили Марія-Антуанета, Марія Стюартъ, Клеопатра, всѣ женщины, имена которыхъ изъ дали годовъ и вѣковъ напоминаютъ намъ о великихъ несчастьяхъ, о трагическихъ судьбахъ и о великихъ славныхъ дѣяніяхъ? Думаешь ли ты о томъ, что онѣ смотрѣли на эту самую луну и на эти вотъ звѣзды такими же глазами, какъ мы, переживая тѣ же радости и тѣ же страданія, и что нѣтъ ихъ, какъ насъ не будетъ, подъ этимъ неподвижнымъ небомъ, которое не знаетъ ни нашихъ радостей, ни нашихъ страданій? Когда на меня находятъ такія мысли, когда я задумаюсь о нашихъ ничтожныхъ существованіяхъ, всѣ терзанія которыхъ не въ состояніи шевельнуть ни одинъ атомъ въ этой безконечности, мнѣ приходитъ въ голову вопросъ: какое же значеніе имѣютъ наши законы, наши нравы, наши предразсудки? Что за самовозвеличеніе воображать, будто есть какое бы то ни было до насъ дѣло этой дивной, этой вѣчной, безстрастной природѣ! И я говорю себѣ: одно только истинно на землѣ,—ни въ чемъ сердцу не отказывать, чувствовать и до конца доводить всѣ свои чувства, желать и идти до конца всѣхъ своихъ желаній, жить своею собственною жизнью, своей полною жизнью, свободною отъ всякой фальши и отъ всѣхъ условностей, до тѣхъ поръ, пока мы не погрузимся въ небытіе...

Ужасно было слушать молодую женщину, высказывавшую такія жестоко-нигилистическія мнѣнія этою чудною ночью, въ этой дивной обстановкѣ. Для кроткой и набожной госпожи Бріонъ слова подруги представлялись тѣмъ болѣе тягостными, что они были про-

изнесены тѣмъ же голосомъ, который только-что говорилъ крупье, какъ распорядиться послѣднею ставкой. Луиза восхищалась высоко-развитымъ умомъ Эли, дававшимъ ей возможность читать всякія книги, писать на четырехъ или пяти языкахъ, говорить обо всемъ на свѣтѣ съ самыми выдающимися людьми! Воспитанная по солиднымъ нѣмецкимъ методамъ, баронесса въ обществѣ эрцгерцога, а затѣмъ во время продолжительнаго пребыванія въ Италіи, не упустила случая пріобрѣсти высшія знанія, которыми какъ нельзя лучше воспользовался ея гибкій полуславянскій умъ. Но къ чему же привела и эта рѣдкая образованность, и способность все понимать, если не дали онѣ молодой женщинѣ силы ни справляться съ своими капризами,— это доказала ея игра въ рулетку,— ни управлять своими мыслями,—что̀ неотразимо доказала только-что вырвавшаяся у нея мрачная исповѣдь? Эта нищета духовная, при стольких дарованіяхъ и знаніяхъ, непріятно поразила вѣрную подругу, никогда не придававшую серьезнаго значенія нѣкоторымъ отрицаніямъ своей монастырской пріятельницы. Мадамъ Бріонъ сказала:

— Ты опять говоришь такъ, будто не вѣришь въ будущую жизнь. Неужели ты это искренно дѣлаешь?

— Нѣтъ, не вѣрю,—отвѣтила баронесса, отрицательно качая хорошенькой головкой.— Этимъ я обязана вліянію моего мужа, и только этимъ. Онъ излѣчилъ меня отъ слабости, препятствующей намъ взглянуть прямо въ глаза правдѣ... А правда въ томъ состоитъ, что человѣкъ никогда не могъ открыть на землѣ ни малѣйшаго слѣда Провидѣнія, исходящей свыше жалости и справедливости, ни признака, ни единаго указанія, что есть надъ нами что-либо, кромѣ слѣпыхъ и безпощадныхъ силъ. И это я теперь знаю, и очень довольна, что знаю это. Мнѣ нравится всѣмъ сердцемъ моимъ возставать противъ этой жестокой и безсмысленной природы. Я нахожу въ этомъ величайшее наслажденіе, и это даетъ мнѣ внутреннія силы, какъ бы это ни казалось тебѣ страннымъ...

— Не говори, не говори такъ,—прервала ее мадамъ Бріонъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, какъ сестра прижимаетъ къ груди больную сестру, какъ мать прижимаетъ свое дитя.— Мнѣ слишкомъ больно тебя слушать... Но я знаю, у тебя лежитъ на сердцѣ какая-то тяжесть, которую ты скрываешь отъ меня. Ты никогда не была счастлива, а теперь ты еще менѣе счастлива, чѣмъ когда-нибудь, и вотъ ты возстаешь противъ Провидѣнія за неудачно сложившуюся жизнь. Ты увлекаешься богохульствомъ такъ же точно, какъ сейчасъ увлекалась игрой,—до безумія, какъ иные мужчины,

говорятъ, напиваются пьяными. Не говори, что это не такъ. Я весь вечеръ была тамъ, въ толпѣ, и наблюдала за тобой... Прости меня. Съ самаго утра ты такъ нервничала! Я такъ за тебя боялась! Словомъ, я не могла покинуть тебя ни на минуту... И я видѣла тебя, мою Эли, среди всѣхъ этихъ женщинъ и среди мужчинъ, видѣла твою безумную игру, слышала, какъ перешептывались присутствующіе, называя тебя по имени! Я видѣла, какъ ты продала портсигаръ, свою любимую вещицу... А, Эли моя, Эли!...

Милая женщина глубоко вздыхала, повторяя съ страстною нѣжностью дорогое имя. Наивная преданность, истинныя страданія отъ униженій кумира, безъ тѣни упрека, тронули баронессу и пристыдили ее. Свои чувства она замаскировала смѣхомъ, пытаясь придать ему веселый тонъ, чтобъ успокоить друга.

— Какъ хорошо, что я не видала тебя!—сказала она.—Я бы заняла у тебя денегъ и проиграла бы ихъ... А теперь успокойся, никогда это не повторится. Я часто слыхала про волненія игроковъ. Мнѣ захотѣлось разъ въ жизни поиграть, не шутя, какъ я дѣлала это каждый день, а по-настоящему... И это даже болѣе скучно, чѣмъ глупо... Мнѣ жаль только, что пропалъ портсигаръ...—и послѣ секунды колебанія она добавила:—Это былъ подарокъ на память того, кого уже нѣтъ на свѣтѣ... Но завтра я разыщу купившаго...

— Безполезно,—живо проговорила мадамъ Бріонъ.—Вещица уже не у него.

— Ты выкупила? — сказала баронесса. — О, я узнаю мою Луизу...

— Хотѣла выкупить,—отвѣтила мадамъ Бріонъ, почти шепотомъ,—но меня предупредили...

— Кто-нибудь другой купилъ?—спросила баронесса, лицо которой моментально приняло гордое выраженіе.—Ты видѣла кто, и я знаю его?

— Видѣла, и ты знаешь... Но я не рѣшаюсь сказать его имя, когда вижу теперь, какъ ты относишься къ его поступку. Сердиться же на него ты, все-таки, не имѣешь права, такъ какъ сама виновата въ томъ, что онъ влюбленъ въ тебя... Ты была съ нимъ неосторожна, позволь мнѣ все сказать тебѣ: ты кокетничала съ нимъ!...

И, помолчавши немного, она договорила:

— Купилъ портсигаръ Пьеръ Хотфейль...

Сердце доброй женщины тревожно билось, когда она сказала послѣднія слова. Она хотѣла, несомнѣнно, повліять на баронессу

въ томъ смыслѣ, чтобы та прекратила свое кокетство, которое мадамъ Бріонъ считала легкомысленнымъ и дурнымъ дѣломъ. Но выраженіе гнѣва, исказившее черты лица ея подруги, вызвало опасенія того, что зашла она дальше намѣченной цѣли и можетъ навлечь на неосторожнаго влюбленнаго одинъ изъ тѣхъ взрывовъ гнѣва, къ какимъ была способна Эли. А этого Луиза Бріонъ не простила бы себѣ, считая неделикатностью, почти предательствомъ, по отношенію къ молодому человѣку, чью нѣжную тайну она подсмотрѣла. Но нѣтъ, не гнѣвъ отразился на лицѣ баронессы де-Карлсбергъ при имени Хотфейля, и не досада залила внезапнымъ румянцемъ ея щеки. Пріятельница, очень хорошо знавшая ее, видѣла, что ею овладѣло сильное волненіе, не имѣвшее ничего общаго съ только-что промелькнувшимъ выраженіемъ возмущенной гордости. Это такъ поразило мадамъ Бріонъ, что она не проговорила больше ни слова. Баронесса Эли, съ своей стороны, не отвѣтила ей, и обѣ онѣ продолжали идти молча. Онѣ вошли въ аллею изъ пальмъ, гдѣ яркость луны не могла разогнать темноту. Мадамъ Бріонъ не видѣла ужъ лица своей подруги, и ея собственная тревога настолько усилилась, что молодая женщина заговорила дрожащимъ голосомъ:

— Что же ты не отвѣчаешь? Ты думаешь, что я могла помѣшать молодому человѣку сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ? Но, ради тебя же самой, я не должна была вида показывать, что замѣтила это! Ты, можетъ быть, оскорбилась моими словами про кокетство? Ты отлично знаешь, что сказала я это потому, что очень высоко цѣню твое сердце!

— Ты-то оскорбила! — воскликнула баронесса. — Ты!... Неужели ты не знаешь, что это невозможно... Нѣтъ, не оскорбилась я, а взволнована... Я не знала, что онъ тамъ, — продолжала она тише, — что онъ видетъ меня за игорнымъ столомъ такою, какою я была. Ты думаешь, что я съ нимъ кокетничала? Такъ на же, смотри...

Онѣ были у выхода изъ аллеи, и баронесса повернула лицо. Двѣ слезы катились по ея щекамъ. Въ глазахъ, проронившихъ эти слезы, Луиза увидала до глубины всю душу подруги, и передъ несомнѣнностью того, что до сихъ поръ ей было непонятно, она вскрикнула:

— Ты плачешь!...

Затѣмъ, точно испуганная ясною ей теперь душевною драмой, она закончила:

— Ты любишь его! Любишь!...

— Къ чему стала бы я таиться теперь! — отвѣтила Эли. — Да, я люблю! Когда ты мнѣ сказала, что онъ сдѣлалъ сегодня, и тѣмъ подтвердила, что я знаю, что и онъ меня любитъ, это затронуло въ моей душѣ слишкомъ больное мѣсто, — вотъ и все. Мнѣ слѣдовало бы радоваться, счастливой быть, не правда ли? А ты видишь, что со мною дѣлается... Если бы ты знала, при какихъ условіяхъ захватило меня это чувство, ты пожалѣла бы свою бѣдную Эли. А, пожалѣй ее, пожалѣй ее!

И совершенно дѣтскимъ движеніемъ она припала головой къ плечу подруги, принялась плакать, плакать, какъ настоящій ребенокъ, тогда какъ Луиза, растерявшись отъ столь нежданнаго порыва, старалась успокоить ее, выказывая въ самой жалости своей всю наивность честной женщины, невѣдающей никакихъ подозрѣній:

— Умоляю тебя, успокойся. Правда, большое несчастье для женщины поддаться чувству любви, когда она не вправѣ располагать своею любовью... Но не сокрушайся и въ особенности не думай, будто я осуждаю тебя. Все, что я высказала тебѣ, я говорила для того, чтобъ указать тебѣ на то горе, которое ты можешь причинить... О, я убѣждена, что ты не завлекала, я знаю, что своего чувства ты не выдала передъ молодымъ человѣкомъ, что онъ никогда не догадается о твоей любви и что останешься ты навсегда моею безупречной Эли... Успокойся и улыбнись мнѣ. Что же-нибудь да значитъ для тебя имѣть такого друга, какъ я, такого истиннаго друга, который понимаетъ тебя?

— Понимать меня! — возразила баронесса Эли. — Добрая моя Луиза! Ты любишь меня, да, очень любишь. Но, — закончила она упавшимъ голосомъ, — ты не знаешь меня...

Потомъ она порывисто схватила руку пріятельницы и, глядя ей прямо въ глаза, продолжала:

— Слушай... ты думаешь, что я все еще такая же, какою ты осталась, какою я была когда-то, что я твоя безупречная Эли, какъ ты говоришь... Ошибаешься, не правда это... У меня былъ любовникъ! Молчи, не прерывай меня. Надо было сказать это... Вотъ, сказано... И любовникомъ моимъ былъ задушевнѣйшій другъ Пьера Хотфейля, такой же другъ, какъ ты мнѣ... Та тяжесть, которую ты угадала, здѣсь она, — и Эли ударила себя въ грудь. — И такъ она ужасна!...

Бываютъ признанія, влекущія за собою столько безповоротнаго, что правдивость ихъ придаетъ тѣмъ, кто на нихъ рѣшается, не будучи къ тому вынужденнымъ, что-то особенно возвышающее, ка-

ковы бы ни были эти признанія по своему существу. А когда подобныя признанія мы выслушиваемъ отъ кого-либо, нами любимаго, какъ Луиза любила Эли, они вызываютъ въ насъ приливъ необычайной нѣжности къ лицу, своею исповѣдью доказавшему намъ благородство души, и, въ то же время, несомнѣнность паденія наполняетъ наше сердце глубокою скорбью. Если бы нѣсколькими часами ранѣе, въ залахъ Монте-Карло кто-нибудь изъ безчисленныхъ праздношатающихся, бродящихъ вокругъ игорныхъ столовъ, позволилъ себѣ высказать въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ сомнѣніе въ безупречности баронессы де-Карлсбергъ и такія слова услыхала бы мадамъ Бріонъ, какъ вознегодовала бы она и какъ бы опечалилась! Опечалилась она и теперь, сердце ея надрывалось отъ того, что говорила Эли и чего нельзя уже было забыть, но мѣста не было негодованію въ ея сердцѣ, и въ отвѣтъ на ужасныя слова она не нашла ничего сказать, кромѣ грустнаго упрека, доказавшаго только ея слѣпую преданность и безграничную снисходительность.

— Боже мой! Воображаю, какъ ты страдала! Но почему же раньше ты не говорила со мною, какъ теперь? Почему не довѣрилась мнѣ? Неужели думала, что я буду меньше любить тебя?... Видишь, у меня достанетъ смѣлости все выслушать...

И она добавила съ выраженіемъ, въ которомъ сказывалась жажда все узнать, охватывающая насъ передъ проступками тѣхъ, кто дорогъ намъ, какъ будто мы надѣемся найти въ жестокихъ подробностяхъ лучшіе поводы къ оправданію:

— Умоляю тебя, скажи мнѣ все, все.., Скажи, кто онъ? Знаю я его?

— Нѣтъ, — отвѣтила мадамъ де-Карлсбергъ. — Его зовутъ Оливье Дю-Пратъ. Я встрѣтилась съ нимъ въ Римѣ два года назадъ, когда проводила тамъ зиму. За то время я наименѣе видѣлась съ тобой и мало писала тебѣ. И въ то-то время я наиболѣе была озлоблена, по милости одиночества, бездѣлья, скуки, недовольства всѣми и собою въ особенности. Этотъ молодой человѣкъ былъ секретаремъ французскаго посольства при Квириналѣ. Онъ былъ въ большой модѣ потому, что въ него влюбились двѣ дамы изъ римскаго общества и почти открыто отбивали его другъ у друга. Очень гадко то, что я скажу тебѣ, но такъ это было: мнѣ показалось забавнымъ отбить его у обѣихъ. Въ такого рода приключеніяхъ выходитъ то же самое, что было сейчасъ въ игрѣ,—воображаешь, будто испытаешь волненія отъ того, что волнуетъ другихъ. И потомъ, какъ въ игрѣ же, оказывается, что это скучно, а играть продолжа-

ешь еще азартнѣе—изъ упрямства, изъ тщеславія, изъ задора въ безсмысленной борьбѣ, и я сдѣлалась его любовницей... Его любовницей, — и голосъ ея зазвучалъ болѣе глубокими тонами, — а теперь я знаю, что никогда его не любила! Я такъ упорно, такъ отчаянно хваталась за эту связь, что онъ былъ бы вправѣ сказать, будто я добивалась его любви и все дѣлала, чтобъ удержать его... И онъ сказалъ бы правду, а я, повторяю тебѣ, не любила его... Любилъ ли онъ?... Странный у него былъ характеръ, и нисколько онъ не былъ похожъ на счастливчиковъ въ любви, ужасно пошлыхъ, обыкновенно. Онъ былъ такъ измѣнчивъ, такъ неровенъ, полонъ контрастовъ, такъ непонятенъ, что и теперь я не могу утверждать, что онъ меня любилъ... Тебѣ кажется бредомъ то, что я разсказываю, и я, передавая тебѣ все это, сознаю, какъ много было необъяснимаго, непостижимаго въ нашихъ отношеніяхъ для тѣхъ, кто не зналъ его. Никогда въ жизни я не видала человѣка болѣе способнаго сбивать съ толку и дразнить также какою-то вѣчною неувѣренностью, въ которой онъ держитъ васъ, что̀ бы вы съ нимъ ни дѣлали. Сегодня онъ былъ нѣженъ, отзывчивъ, влюбленъ страстно, на завтра, иногда въ тотъ же день, онъ точно спохватывался, становился совершенно другимъ человѣкомъ: изъ нѣжнаго дѣлался насмѣшливымъ, изъ довѣрчиваго—подозрительнымъ, изъ влюбленнаго—жестокимъ, причемъ нельзя было ни усомниться въ его искренности, ни уловить причину внезапной и невѣроятной перемѣны. Такія же колебанія настроенія отражались не только на его чувствахъ, но и на идеяхъ. Я видѣла его растроганнымъ до слезъ въ катакомбахъ и на обратномъ пути отвратительно богохульствующимъ, не лучше эрцгерцога. Въ обществѣ я видѣла его увлекающимъ толпу людей очаровательностью своего одушевленія и своей фантазіи, а потомъ остающимся цѣлые вечера настолько молчаливымъ, что слова отъ него нельзя добиться... Во всемъ, отъ ничтожнаго до большого, онъ былъ живою загадкой, и разобраться въ ней я могла только долго спустя. Онъ рано остался сиротой, провелъ очень несчастливо дѣтство и въ юности испыталъ преждевременныя разочарованія. Слишкомъ молодымъ онъ перенесъ оскорбленія и слишкомъ молодымъ его развратили. Вотъ причины его душевной неуравновѣшенности и неподдающагося опредѣленію характера, и это подѣйствовало на меня съ поразительною силой, точно захватило тисками, какъ только я заинтересовалась имъ. Дѣвочкой еще въ Саллашѣ я любила ѣздить верхомъ на строптивыхъ лошадяхъ и увлекалась ихъ укрощеніемъ. Мои отношенія къ Оливье похожи были на такую борьбу съ лошадью, которая пытается *to get*

the best of you *), какъ говорятъ англичане. Повторяю тебѣ: я убѣждена въ томъ, что не любила его. Не особенно я увѣрена, что не ненавидѣла его...

Она говорила съ пылкостью, доказывавшею, насколько глубоко волнуютъ ее эти воспоминанія. Баронесса смолкла на минуту, сорвала съ ближайшаго куста розу и начала нервно кусать ея лепестки. Мадамъ Бріонъ почти со стономъ проговорила:

— Какъ жаль мнѣ тебя, какъ горько мнѣ, что ты искала счастья внѣ супружеской жизни и встрѣтила такого человѣка... чудовище эгоизма, черствости, своенравія!

— Не мнѣ его судить, — возразила мадамъ де-Карлсбергъ.— Если бы сама я была не такою, онъ, навѣрное, измѣнился бы. Но онъ затронулъ во мнѣ наиболѣе раздражительную сторону моего характера. Я хотѣла властвовать надъ нимъ, хотѣла укротить его, подчинить себѣ и прибѣгала къ страшному оружію: я возбуждала его ревность. Все это привело къ очень печальной исторіи, подробности которой я не стану разсказывать. Слишкомъ тяжело вспоминать о нихъ и надобности въ томъ нѣтъ. Достаточно сказать, что послѣ одной ссоры, длившейся цѣлую недѣлю, и сцены примиренія, болѣе нѣжной съ его стороны, чѣмъ когда-либо, Оливье покинулъ Римъ, нежданно, безъ объясненія, не простившись со мною, не написавши мнѣ ни строки. Съ тѣхъ поръ я не видала его, ничего о немъ не знала, кромѣ случайно дошедшаго до меня недавно извѣстія, что онъ женился... Вотъ и все!

Она смолкла, потомъ заговорила уже мягкимъ тономъ, оттѣнявшимъ разницу между промелькнувшими передъ нею воспоминаніями и тѣмъ, что она намѣревалась передать:

— Ты поймешь теперь, какое впечатлѣніе я испытала два мѣсяца назадъ, когда Шези попросилъ у меня позволенія представить мнѣ брата пріятельницы его жены, молодого человѣка, пріѣхавшаго въ Канны поправиться послѣ болѣзни, очень одинокаго, очень милаго, котораго онъ мнѣ назвалъ Пьеръ Хотфейль. Во время безконечныхъ нашихъ разговоровъ съ Оливье, въ промежутки между ссорами, это имя повторялось довольно часто. Тутъ необходимо попытаться объяснить тебѣ нѣчто, совершенно индивидуальное и необыкновенное, какъ говорилъ этотъ человѣкъ, и какую поразительную прелесть имѣли для меня его разговоры. На это загадочное и замкнутое существо находили вдругъ часы безграничной экспансивности, задушевныхъ изліяній, какихъ я никогда не встрѣ-

*) „Справиться съ вами“.

чала у другихъ. Онъ точно жизнь свою вслухъ переживалъ передо мною, слушавшею его съ такимъ любопытствомъ, какого тоже не встрѣтишь. Въ подобныя минуты онъ выказывалъ безпощадно ясное пониманіе людей и себя самого, отъ чего кричать хотѣлось, какъ отъ очень болѣзненной операціи, и что гипнотизировало въ то же время своимъ неотразимымъ интересомъ. Говоря о себѣ, онъ сполна разоблачалъ, рѣзко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, деликатно, свое дѣтство и свою юность, причемъ тѣ или другія личности, извѣстныя только ему, очерчивались настолько живо, что даже теперь онѣ представляются мнѣ такими, будто я сама ихъ видала. А самъ онъ! О, какое это было странное существо, нецѣльное и возвышенное, благородное и нравственно падшее, чувствительное и безжалостное, въ которомъ все казалось надорваннымъ, опозореннымъ, убитымъ разочарованіями! Да, все, кромѣ одного чувства. Этотъ человѣкъ, презиравшій свою семью, говорившій съ отвращеніемъ о своей родинѣ, объяснявшій всѣ поступки, чужіе и свои собственные, самыми гадкими побужденіями, отрицавшій добродѣтель, отрицавшій любовь, этотъ анархистъ, во многомъ похожій на эрцгерцога, сохранилъ только одну вѣру, одинъ культъ: онъ вѣрилъ въ дружбу, по крайней мѣрѣ, въ дружбу мужчины съ мужчиной, такъ какъ онъ не допускалъ возможности дружбы между женщинами. Онъ не зналъ тебя, моя Луиза. Онъ увѣрялъ,—я хорошо помню его подлинныя выраженія, — что между двумя мужчинами, которые испытали другъ друга, которые жили, мыслили, страдали вмѣстѣ, и которые, любя, уважаютъ другъ друга, устанавливается взаимная преданность, настолько глубокая и возвышенная, что съ нею ничто не можетъ идти въ сравненіе. Онъ говорилъ, что уважаетъ лишь одно это чувство и что оно одно неразрушимо ни временемъ, ни какими-либо событіями. По его словамъ, такая дружба встрѣчается рѣдко, но подобные примѣры онъ видалъ, и самъ имѣетъ такого друга, и тутъ-то вспоминалъ Пьера Хотфейля. Голосъ Оливье, взглядъ, выраженіе лица—все измѣнялось сразу, какъ только онъ принимался разсказывать объ этомъ отсутствующемъ другѣ. Весь пропитанный иронією, онъ съ умиленіемъ и съ трогательнымъ уваженіемъ передавалъ мнѣ милыя своею наивностью подробности ихъ первой встрѣчи въ школѣ, ихъ дѣтскихъ забавъ во время каникулъ. Онъ говорилъ объ энтузіазмѣ обоихъ, побудившемъ ихъ поступить вмѣстѣ въ военную службу въ 1870 году, о пережитыхъ вмѣстѣ опасностяхъ, о плѣнѣ въ Германіи. И конца не бывало восхищенію чистотою души его друга, прелестью его ума, его благородствомъ. Я говорила уже тебѣ, что Оливье такъ и остался для

меня загадкой. Въ особенности же непонятенъ онъ былъ во время задушевныхъ бесѣдъ о другѣ, которыя я слушала съ удивленіемъ, пораженная диковинною аномаліей живучести въ истрепанномъ, разочарованномъ сердцѣ такого нѣжнаго, юнаго и рѣдкаго чувства, что оно напоминало мнѣ,—несмотря на парадоксы Оливье,—нашу съ тобой дружбу.

— Благодарю,—сказала мадамъ Бріонъ,—ты душу мнѣ облегчила. Сейчасъ, слушая тебя, я думала, что не ты говоришь, а чужая, незнакомая мнѣ. Теперь опять со мною моя Эли, любящая, милая, добрая.

— Добрая? Нѣтъ, не добрая я,—отвѣтила баронесса, качая головой.—И вотъ доказательство: едва Шези произнесъ имя Пьера Хотфейля, мною завладѣла одна мысль. Ты найдешь ее отвратительною. Я поплачусь за нее, быть можетъ, очень дорого. Отъѣздъ Оливье, потомъ его женитьба подняли во мнѣ чувство ненависти, о которой я говорила. Повѣришь ли, мнѣ невыносимо было думать, что этотъ человѣкъ такъ бросилъ меня и живетъ счастливо, спокойно, заново устроилъ свою жизнь, а я не въ состояніи отомстить ему. Въ глубинѣ сердца остаются подобные гадкіе осадки у того, кто былъ тѣмъ, чѣмъ я была—несчастною, доведенною до отчаянія въ обстановкѣ благополучія и роскоши. Избытокъ нравственныхъ страданій, въ концѣ концовъ, развращаетъ душу. Когда я узнала, что мнѣ предстоитъ встрѣча съ лучшимъ другомъ Оливье, меня занимало только одно: возможность мести,—мести утонченной, жестокой и вѣрной. Я и Дю-Пратъ разошлись, конечно, далеко другъ отъ друга. Очень вѣроятно, что онъ и забылъ обо мнѣ. Тѣмъ не менѣе, я ни на минуту не сомнѣвалась въ томъ, что если я добьюсь любви его друга и онъ узнаетъ объ этомъ, его сердцу будетъ нанесенъ сильный, тяжелый и болѣзненный ударъ. Вотъ почему я позволила представить мнѣ Хотфейля и принялась за кокетство, въ которомъ ты меня упрекаешь. И я признаюсь, что начала съ кокетства. Но, Боже мой, какъ близко это... и какъ это далеко!

— Пьеръ Хотфейль,—прервала ее мадамъ Бріонъ,—знаетъ твои отношенія къ Оливье?

— А, ты затрогиваешь самое больное мѣсто,—отвѣтила баронесса де-Карлсбергъ.—Онъ и понятія не имѣетъ, какъ не имѣетъ понятія ни о чемъ дурномъ и низкомъ въ жизни. Вотъ этою-то свѣжестью души, этою чистотою сердца, о которыхъ тотъ говорилъ мнѣ, этою-то юностью, которою я хотѣла поиграть такъ безжалостно, онъ и захватилъ меня всю. Ты всю жизнь чувствовала лишь то, что долгъ тебѣ указывалъ, и не можешь понять, что зна-

читъ задушить въ себѣ существо доброе, довѣрчивое, восторженное, и почувствовать вдругъ, что оно оживаетъ. Казалось, что способность любить навсегда утрачена. Хотѣлось быть черствою, безжалостною, злою, и затѣмъ совершается чудо обновленія отъ близости настолько юнаго, правдиваго, простого сердца, что обмануть его было бы все равно, что обмануть ребенка. Еслибъ ты знала его, какъ я теперь знаю! Еслибъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ, всматривалась въ эту душу, ты поняла бы, какъ наростаетъ уваженіе, какъ усиливается любовь, при каждомъ новомъ доказательствѣ ея прелести! Никогда не омрачаютъ ее ни сомнѣнія, ни недовѣріе, ни подозрѣнія чего-либо дурного, невѣдомаго ей, несуществующаго для нея. Раза три всего я говорила съ нимъ и убѣдилась въ справедливости всего, что Оливье говорилъ мнѣ о немъ въ Римѣ и что казалось мнѣ невѣроятнымъ, и раздражало меня иногда. То уваженіе къ другу, почти обожаніе, въ которомъ признавался Оливье, испытала и я въ свою очередь. И къ очарованію, которому я поддалась, опять-таки примѣшивалось столько горькаго, что я передать едва ли сумѣю. Съ перваго дня мнѣ вспомнилось все, что̀ говорилъ Оливье о своемъ другѣ, и я все болѣе и болѣе убѣждалась, насколько все это было справедливо, тонко и хорошо оцѣнено. И этотъ-то Оливье, имя котораго не было произнесено, про знакомство котораго со мною Пьеръ Хотфейль не зналъ даже,— этотъ Оливье неизмѣнно стоялъ между нами! Но, несмотря на всю горечь, томившую меня, очарованіе продолжалось. Сначала какъ бы сама собою угасала во мнѣ мысль о низкой мести, вблизи нѣжнаго, юнаго существа, прелесть котораго я вдыхала, какъ ароматъ отъ розы.

Эли поднесла къ лицу пышный цвѣтокъ, лепестки котораго она кусала, и грустно, нѣжно, страстно, продолжала:

— Потомъ явилось такое ощущеніе, будто я нашла свѣжій ключъ воды въ пустынѣ! Если бы ты знала, какъ утомляетъ меня это общество, въ которомъ я живу, какъ наскучило оно мнѣ, какъ опротивѣло! До чего тошны всѣ разговоры о завтракахъ Дики Марша, которые онъ задаетъ на своей яхтѣ высо́кимъ особамъ, о безигахъ Наварего съ принцами крови, о биржевыхъ подвигахъ Шези и полдюжины титулованныхъ шутовъ, слѣдующихъ его совѣтамъ! Если бы ты знала, какъ надоѣли мнѣ лучшіе изъ этого общества, полнаго всякой фальши, до чего мало интересуетъ меня, рѣшится или не рѣшится вдова Бонакорси выдти замужъ за проходимца Корансеца, до чего гадки мнѣ безчисленныя клеветы, которыя плетутся на пяти-часовыхъ чаяхъ двухсотъ виллъ Каннъ! Я уже не

говорю тебѣ о домашнемъ адѣ, который устраиваетъ мнѣ мужъ съ тѣхъ поръ, какъ заподозрилъ, будто я покровительствую сватовству Флосси Маршъ съ Вердье, его лаборантомъ. Въ этой удушающей атмосферѣ скуки и тщеславія, глупости и ребячества, восхитительнымъ оазисомъ представляется встрѣча съ человѣкомъ, умнымъ и простымъ, искреннимъ и романтичнымъ,—просто архаическимъ, какъ я называю его въ шутку! И вотъ наступила минута, когда я почувствовала, что люблю этого молодого человѣка и что онъ любитъ меня, хотя не выразилось это ни въ чемъ рѣшительно, ни въ одномъ движеніи, ни въ одномъ словѣ. Случайно подмѣтила я это въ его взглядѣ. Потому-то я и уѣхала сюда на цѣлую недѣлю. Мнѣ страшно стало... мнѣ страшно и теперь, за себя немного страшно. Я слишкомъ хорошо знаю себя. Разъ я дамъ волю страсти, я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, ничего не пощажу, отдамъ все мое сердце и навсегда, всю жизнь мою вложу въ эту любовь... и если она меня обманетъ, если...

Она не договорила, но подруга ея угадала страшный смыслъ недосказаннаго. Баронесса де-Карлсбергъ продолжала:

— И за него я боюсь. Какъ ужасно говорить себѣ: «Онъ такъ молодъ, такъ чистъ! Онъ такъ вѣритъ въ меня... Если бы зналъ онъ!...» Насколько я измѣнилась, ты поймешь, когда я скажу тебѣ, что шесть недѣль назадъ, когда мнѣ представили Хотфейля, меня занимала одна мысль: «Какъ бы сообщить Дю-Прату, что я знакома съ его другомъ?» Въ настоящее время за то, чтобъ они никогда не встрѣтились и, если бы встрѣтились, чтобы ни тѣмъ, ни другимъ не было произнесено мое имя, я готова отдать десять лѣтъ моей жизни... Понимаешь ли теперь причину моихъ слезъ, когда ты разсказала, что онъ сдѣлалъ сегодня? Я знаю теперь, что онъ видѣлъ меня и не подошелъ ко мнѣ, видѣлъ, какъ я провожу время безъ него! И мнѣ стыдно, невыносимо стыдно... Посуди, что же было бы, еслибъ онъ все узналъ!

— Что же ты-то можешь сдѣлать?—сокрушенно воскликнула мадамъ Бріонъ.— Они увидятся, навѣрное, и о тебѣ будутъ говорить. Если Дю-Пратъ любитъ своего друга, какъ ты думаешь, они все скажутъ другъ другу... Слушай,—продолжала она,— слушай, что говоритъ тебѣ самый нѣжный, самый преданный тебѣ другъ. Видишь, я не напоминаю тебѣ ни о твоихъ обязанностяхъ, ни о мнѣніи свѣта, ни о мести твоего мужа. Разъ уже ты пренебрегла всѣмъ этимъ и опять сдѣлаешь то же въ погонѣ за личнымъ счастьемъ. Но не дастся оно тебѣ въ руки, это счастье! Не можешь ты быть счастлива въ своей любви съ такою тайной на душѣ. Твое

молчаніе задушитъ тебя. Если же заговоришь... Я знаю тебя, ты уже думала объ этомъ, порывалась все сказать, какъ вотъ теперь... Если заговоришь...

— Я скажу, и никогда уже онъ меня не увидитъ, — проговорила мадамъ де-Карлсбергъ.— О, если бы не увѣренность въ этомъ!...

— Такъ будь же сильною до конца,—прервала ее подруга.— Если хватило силы уѣхать изъ Каннъ на недѣлю, то ты должна заставить себя уѣхать совсѣмъ. Ты не одна будешь,—я поѣду съ тобой, я поддержу тебя. Тяжело тебѣ будетъ, но что значатъ такія страданія въ сравненіи съ ужасомъ, который ждетъ впереди, когда ты всю душу отдашь этому молодому человѣку, онъ отдастъ тебѣ свою душу... и узнаетъ, что ты была любовницей его друга!...

— Ты права,—сказала баронесса надорваннымъ голосомъ.— Слишкомъ поздно я встрѣтила его... Но больно, смертельно больно вырвать изъ сердца истинное чувство, когда много лѣтъ знала только любопытство, тщеславіе и разочарованія, вѣчныя разочарованія!

И горько, почти озлобленно, она договорила:

— О, я найду въ себѣ силы. Я хочу этого, хочу такъ!... Но что же за ужасъ такая жизнь!

Съ этимъ крикомъ на устахъ Эли посмотрѣла на небо, но уже совершенно инымъ взоромъ, чѣмъ въ началѣ прогулки. Ясный блескъ луны освѣтилъ на лицѣ красавицы выраженіе гнѣва и протеста противъ безпощаднаго спокойствія звѣздъ, горъ, всей безмятежной природы. Подруги молча продолжали свою прогулку среди все болѣе темнѣющихъ очертаній пальмъ и алоэ, рядовъ благоухающихъ розъ и группъ апельсинныхъ деревьевъ,—Эли, погруженная въ мучительную думу о самоотреченіи, Луиза, повторяющая про себя:

— Я спасу ее... хотя бы противъ ея воли!

III.

Опасенія.

Не такой человѣкъ былъ Корансецъ, чтобы пренебречь хотя бы однимъ маленькимъ обстоятельствомъ, которое могло способствовать осуществленію его основательно обдуманнаго проекта. Его отецъ, винодѣлъ, говорилъ про сына:—«Марій?... О Маріи вы не безпокойтесь,—это ловкій шельмѐцъ»... Въ ту самую минуту, когда баронесса Эли въ освѣщенномъ луною саду Бріона начинала

свою тяжелую исповѣдь, юркій провансалецъ разыскалъ Хотфейля на желѣзно-дорожный платформѣ, водворилъ пріятеля въ вагонъ между Шези и Дики Маршемъ и орудовалъ такъ искусно, что, проѣхавши Больё, передъ Ниццей, американецъ уже пригласилъ Пьера посѣтить слѣдующимъ же утромъ его яхту *Женни*, стоявшую на якорѣ въ портѣ Каннъ. А это слѣдующее утро представляло для Корансеца послѣдніе часы, которые самъ онъ могъ провести въ Каннахъ передъ отъѣздомъ будто бы въ Марсель и Барбентану, на самомъ же дѣлѣ—въ Италію. Посѣщеніе яхты, какъ обѣщала миссъ Флоранса Маршъ, должно повести за собою тотчасъ же приглашеніе Хотфейля на предстоящую морскую прогулку. Приметъ ли Пьеръ приглашеніе? Согласится ли онъ быть свидѣтелемъ при вѣнчаніи втихомолку, во время котораго венеціанецъ донъ Фортунато Лагумина произнесетъ торжественныя слова, благословляющія неразрывный союзъ милліоновъ покойнаго Франческо Бонакорси съ весьма сомнительнымъ гербомъ наслѣдника Корансецовъ? Чтобы уговорить стараго товарища рѣшиться на это, провансальцу оставалось одно нынѣшнее утро. Но онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ и съ половины девятаго направился къ холму, отдѣляющему Канны отъ залива Жуана, настолько свѣжій и бодрый, будто наканунѣ совсѣмъ не былъ въ Монте-Карло и не вернулся оттуда съ послѣднимъ ночнымъ поѣздомъ. Пьеръ Хотфейль устроился на зиму въ одномъ изъ отелей, красующихся безчисленными своими окнами на возвышеніи, прозванномъ мѣстными обывателями Калифорніей.

Было чудесное утро, залитое солнцемъ и обвѣваемое вѣтеркомъ,—солнцемъ свѣжимъ, а вѣтеркомъ теплымъ,—что придаетъ особенную прелесть зимнимъ мѣсяцамъ на этихъ берегахъ. Сотни розъ сверкали яркими цвѣтами вдоль изгородей и закраинъ террасъ. Бѣлыя и раскрашенныя виллы выглядывали изъ-за прозрачной завѣсы пальмъ и араукарій, алоэ и бамбуковъ, мимозъ и эвкалиптовъ. Отъ холма выдавался въ море полуостровъ Круазеты и тянулся въ сторону острововъ. Темныя шапки его сосенъ пятнами выдѣлялись на свѣтлыхъ стѣнахъ домовъ между ясною лазурью неба и почти черною синевою моря. Корансецъ шелъ весело,—букетикъ фіалокъ въ петличкѣ восхитительнѣйшаго изъ вестоновъ, когда-либо сшитыхъ вдолгъ услужливымъ портнымъ для красиваго молодого человѣка, гоняющагося за солиднымъ приданымъ; на ногахъ щегольскія желтыя ботинки; на густыхъ черныхъ волосахъ—соломенная шляпа; глаза подернуты маслянистымъ блескомъ, полуулыбка открываетъ бѣлые зубы, бородка лоснится, духи модные, видъ молодецкій. Отъ него такъ и вѣетъ чисто-физическимъ до-

вольствомъ, животнымъ и чувственнымъ счастьемъ. Онъ наслаждается яркостью дня, морскимъ вѣтеркомъ, разносящимъ ароматы цвѣтовъ, мягкостью воздуха, ласкающаго точно весною, прелестью пейзажа, собственнымъ здоровьемъ, своею силой и молодостью, тогда какъ глубоко подъ этой внѣшностью сидящій въ немъ разсчетливый пройдоха не перестаетъ самъ съ собою разбирать характеръ пріятеля, къ которому онъ направлялся, и обсуждать шансы на успѣхъ предстоящихъ переговоровъ:

«Согласится онъ ѣхать или не согласится?... Несомнѣнно согласится, если узнаетъ, что мадамъ де-Карлсбергъ будетъ на яхтѣ. Могу ли я сказать ему объ этомъ? Конечно, нѣтъ. Заикнись только я, сейчасъ насторожится. Какъ дрогнула вчера его рука на моей, когда я произнесъ ея имя!... Пустяки! Маршъ или его племянница скажутъ, на то они и американцы. Такова уже ихъ манера и всегда это ловко у нихъ выходитъ—говорить вслухъ кому бы ни было, что они думаютъ и что имъ угодно... Если согласится,—слѣдуетъ ли посвящать въ нашу тайну лишняго человѣка? Да, разумѣется: чѣмъ больше будетъ свидѣтелей, тѣмъ легче мы справимся съ Наварего, когда наступитъ день рѣшительнаго объясненія. Да и хорошъ секретъ, когда его знаютъ три женщины!... Баронесса ничего не скроетъ отъ мадамъ Бріонъ. А она кому скажетъ?... Флосси Маршъ не скроетъ отъ Вердье. Ну, а затѣмъ?... И выходитъ, что Хотфейль самый надежный изъ всѣхъ... Есть люди, которые почти совсѣмъ не измѣняются. Съ самой школьной скамьи я видалъ очень рѣдко этого благопріятеля. Онъ остался такимъ же простымъ и наивнымъ, какимъ былъ въ то время, когда мы каялись въ нашихъ ребяческихъ прегрѣшеніяхъ почтенному аббату Таконе. Жизнь ничему его не научила. Онъ даже не подозрѣваетъ, что баронесса влюблена въ него не меньше, чѣмъ онъ въ нее влюбленъ. И не миновать ей первой объясниться ему въ любви. Хорошо бы мнѣ поговорить съ нею объ этомъ!... А, впрочемъ, дѣло и безъ меня обойдется. Чтобы женщина втюрилась въ молодого человѣка и не добилась своего, это случается, быть можетъ, среди ужасныхъ тумановъ сѣвера, а ужъ никакъ не подъ такимъ солнцемъ и не среди такихъ цвѣтовъ! Не выдержитъ. Ага, вотъ и его отель. Преудобное мѣстечко для свиданій эта казарма. Тутъ входитъ и уходитъ столько народу, что женщина можетъ десять разъ пробраться, и никто на нее не обратитъ вниманія».

Отель Пальмъ,—библейское названіе котораго, оправдываемое восточнымъ садомъ, блистало золотыми буквами на фасадѣ,—возвышался на поворотѣ дороги сѣрою массой, претенціозно изукра-

шенною громадными скульптурными вычурами. Колоссальныя каріатиды поддерживали балконы, террасы опирались на желобчатыя колонны. Пьеръ Хотфейль занималъ скромную комнату въ этомъ караванъ-сараѣ, рекомендованномъ ему докторомъ. Если накануиѣ представлялась парадоксомъ его сантиментальная задумчивость на диванѣ въ казино Монте-Карло, то такимъ же точно парадоксомъ, только ежедневнымъ, было его пребываніе въ противной кельѣ огромнаго космополитическаго улья. Онъ жилъ тутъ такъ уединенно, погруженный въ свои фантазіи, охваченный атмосферой собственной мечты, точно совсѣмъ не существовало сосѣдей бокъ-о-бокъ съ нимъ, подъ его ногами, надъ его головой, суетливыхъ и шумливыхъ, тормошащихся и гудящихъ, привлеченныхъ сюда близостью Карнавала. Въ это самое утро нашлись бы очень подходящіе мотивы для снисходительной насмѣшливости Корансеца, если бы волшебствомъ какимъ-нибудь тяжелые камни стѣнъ сдѣлались прозрачными и предпріимчивый южанинъ увидалъ бы своего товарища сидящимъ, облокотившись, у письменнаго стола и какъ бы загипнотизированнымъ созерцаніемъ золотого портсигара, купленнаго вчера вечеромъ. И смѣхъ провансальца стихъ бы передъ крайнимъ изумленіемъ, если бы онъ могъ прослѣдить рядъ мыслей, удручавшихъ голову влюбленнаго, томящагося съ момента покупки этой вещицы лихорадкой химерическихъ опасеній, создающихъ цѣлыя трагедіи для людей, охваченныхъ робкою и молчаливою страстью.

Тревоги, опасенія и раскаяніе Хотфейля начались еще въ поѣздѣ, увозившемъ изъ Монте-Карло всю компанію, подобранную Корансецомъ. Вызваны они были фразою Шези, съ которою тотъ обратился къ провансальцу.

— Правда ли,—спросилъ Шези,—что баронесса Эли проиграла сегодня сто тысячъ франковъ и продала свои бриллiанты одному изъ понтеровъ, чтобы продолжать игру?

— Такъ-то вотъ пишутъ исторію! — отвѣтилъ Корансецъ.— Мы съ Хотфейлемъ были при этомъ. Баронесса проиграла то, что передъ этимъ выиграла, и продала одну бездѣлушку, стоющую сотню полуимперіаловъ, золотой портсигаръ...

— Тотъ, что былъ всегда при ней?—спросилъ Наварего.

— Не пожелаю ей, чтобы исторія эта дошла до эрцгерцога. Каковъ онъ ни есть демократъ, а по части приличій патронъ строгонекъ...

— Кто же станетъ ему передавать подобныя исторіи?—возразилъ Корансецъ.

— Да его же адъютантъ, каналья Лаубахъ!—продолжалъ Шези.—Онъ постоянно шпіонитъ за баронессой, и разъ портсигаръ исчезъ, эрцгерцогъ узнаетъ объ этомъ.

— Ну, вотъ! Завтра же она его выкупитъ. Монте-Карло кишмя-кишитъ такими почтенными спекулянтами. Здѣсь они одни только и выигрываютъ...

Какъ разъ во время этого разговора, каждое слово котораго болѣзненно отдавалось въ сердцѣ Хотфейля, онъ подмѣтилъ обращенный на него взглядъ маркизы Бонакорси,—взглядъ, обличающій любопытство, наводящее ужасъ на робкаго влюбленнаго, такъ какъ въ подобномъ взглядѣ ясно просвѣчиваетъ, что секретъ молодого человѣка извѣстенъ. Въ вагонѣ заговорили о другомъ, но сказаннаго ранѣе и выраженія глазъ маркизы было достаточно для того, чтобы молодымъ человѣкомъ овладѣло такое раскаяніе, какое могъ бы онъ испытать лишь въ томъ случаѣ, если бы вдругъ разорвался карманъ его вестона, и всѣ присутствующіе увидали бы лежащій въ немъ портсигаръ баронессы.

«Неужели маркиза видѣла, какъ я его купилъ?—задавалъ себѣ вопросы Хотфейль.—И если видѣла, что она могла подумать?»

Потомъ, когда итальянка, занятая разговоромъ съ Флорансой Маршъ, забыла, повидимому, о самомъ его существованіи, Хотфейль принялся такъ раздумывать:

«Нѣтъ, мнѣ это лишь почудилось, видѣть она ничего не могла. Я достаточно остерегался всѣхъ присутствовавшихъ!... Все вздоръ, смотрѣла она на меня, какъ всегда смотритъ, своимъ обычнымъ пристальнымъ взглядомъ, не имѣющимъ никагого значенія. Мнѣ просто показалось... Но совсѣмъ уже не вздоръ то, что сейчасъ говорилось здѣсь. Эли захочетъ завтра выкупить свой портсигаръ и разыщетъ того, кто его купилъ. Онъ скажетъ, что перепродалъ мнѣ, внѣшность мою опишетъ. Что если она узнаетъ меня по указаннымъ примѣтамъ?...»

При этой мысли дрожь вновь пробѣжала по его тѣлу. И мгновенно, точно въ галлюцинаціи, передъ нимъ мелькнулъ маленькій салонъ виллы Гельмгольцъ,—такъ назвалъ эрцгерцогъ свой домъ въ честь ученаго, бывшаго его наставникомъ. Баронесса Эли представилась влюбленному въ черномъ кружевномъ платьѣ съ атласными темно-зелеными бантами, сидящею передъ каминомъ. Онъ отчетливо видѣлъ эту комнату во время чая: мебель, цвѣты въ вазахъ, лампы подъ цвѣтными абажурами, всю уютную, милую его сердцу обстановку, наиболѣе нравившійся ему туалетъ хозяйки. Ему казалось, что самъ онъ входитъ къ баронессѣ и встрѣчаетъ

ея взглядъ, не обычный, а такой, въ которомъ ясно уже видно не пустое только предположеніе, а несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что мадамъ де-Карлсбергъ *все знаетъ*... Мысль эта причинила ему такую нестерпимую боль, что онъ сразу очнулся.

«Я, кажется, опять начинаю бредить,—проговорилъ онъ самъ себѣ,—тѣмъ не менѣе, достовѣрно одно, что поступилъ я крайне неосторожно,—хуже того, прямо безразсудно. Я не имѣлъ права покупать эту вещь, ни малѣйшаго права. Видѣть это, все-таки, могли, и я рисковалъ компрометировать чудную женщину. А затѣмъ, завтра, послѣ-завтра, изъ-за чьей-нибудь нескромности, эрцгерцогъ можетъ начать разузнавать...»

И, при новомъ приступѣ галлюцинаціи, онъ уже видѣлъ эрцгерцога Генриха-Франциска и баронессу лицомъ къ лицу другъ передъ другомъ. Онъ видѣлъ слезы на прекрасныхъ, дивныхъ глазахъ любимой женщины. Она страдала лишній разъ въ своей интимной жизни, и случилось это по его винѣ въ то время, какъ онъ съ восторгомъ отдалъ бы всю кровь свою за то, чтобы прояснился ея печальный взоръ, чтобы грустное выраженіе губъ смѣнилось счастливою улыбкой! Вотъ почему самое химерическое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое мучительное опасеніе начало терзать молодого человѣка, когда миссъ Маршъ и Корансецъ обмѣнивались въ углу вагона слѣдующими замѣчаніями:

— Я попрошу дядю пригласить его, это рѣшено,—говорила молодая американка.—Бѣдняжка онъ! Я, просто, чувствую къ нему слабость. Видъ у него необыкновенно грустный!... Это они разстроили его своими разговорами про баронессу.

— О, нѣтъ, не то,—отвѣчалъ Корансецъ,—онъ сокрушается о томъ, что, по своей же винѣ, пропустилъ случай поговорить съ своимъ божествомъ. Представьте себѣ, что въ ту самую секунду, какъ я подходилъ къ ней... его какъ ни бывало... мой Хотфейль исчезъ, пропалъ, улетучился. Теперь кается въ своей робости. Вотъ чувство, котораго надѣюсь никогда не испытать.

Кается!... Хитрый южанинъ самъ не подозрѣвалъ, насколько вѣрно онъ угадалъ. Онъ ошибался относительно мотива, но самымъ точнымъ выраженіемъ опредѣлилъ волненіе, томившее Хотфейля въ теченіе всей длинной ночи и цѣлаго утра, проведеннаго имъ въ неподвижномъ созерцаніи драгоцѣннаго портсигара. Можно было подумать, что молодой человѣкъ не купилъ его, а укралъ,—такъ удручалъ его видъ этой вещицы. Что дѣлать съ нею теперь? Оставить у себя?... Таково и было его инстинктивное и страстное желаніе, когда онъ кинулся къ купившему его аферисту. Эта бездѣлушка,

бывшая такъ часто въ рукахъ баронессы Эли, поразительно живо напоминала ему любящую женщину. Оставить?... А въ ушахъ все еще звучали фразы, слышанныя накануне въ вагоне, и опять возвращались все опасенія, пережитыя имъ въ то время. Отослать баронессе?... Тогда уже, наверное, молодая женщина стала бы доискиваться, кто осмелился это сделать... И еслибъ доискалась?...

Подъ напоромъ этихъ мыслей Пьеръ бралъ въ руки, вертелъ и перевертывалъ золотой ящичекъ, разбиралъ загадочную надпись, сделанную ювелиромъ изъ драгоценныхъ камней на его крышке: *M. E. moi. 100. C. C.—Aimez-moi sans cesser* (Любите меня, не переставая), говорили эти буквы и цифры. Влюбленный догадывался, что вещь, съ такимъ ясно выраженнымъ нежнымъ пожеланіемъ, должна быть подаркомъ эрцгерцога или очень близкой подруги. Подобныя наивности тогда только и возможны, когда мужчина любитъ такъ, какъ любилъ Пьеръ, т.-е. въ первый разъ, и когда онъ еще не въ состояніи представить себе въ конкретныхъ образахъ грубой и печальной истины, что у всякой женщины есть прошлое. Въ какое смертельное отчаяніе впалъ бы онъ, еслибъ эта женская игрушка разсказала ему свою собственную исторію и сцены ссоръ, поводъ къ которымъ подавала изображенная на ней сантиментальная надпись во время связи баронессы съ Оливье! Сколько разъ Дю-Пратъ такъ же добивался узнать, отъ кого получила его любовница эту вещицу, безцельное великолепіе которой явно отзывается адюльтеромъ! И никогда Оливье не могъ выпытать у баронессы имени сделавшаго этотъ подарокъ, про кого Эли сказала накануне Луизе Бріонъ, что «его уже нетъ въ живыхъ». Въ действительности же подозрительный портсигаръ не напоминалъ ни о чемъ особенно преступномъ: баронесса получила его отъ одного русскаго, отъ графа Веретьева. Съ нимъ она затеяла свою первую игру въ кокетство, зашедшую довольно далеко,—о чемъ свидетельствовала надпись,—но прерванную до развязки отъездомъ молодого человека на войну въ Турцію. Онъ былъ убитъ подъ Плевной... Да, безконечно несчастливъ былъ бы Хотфейль, если бы могъ онъ только заподозрить, какія слова говорились передъ этою вещицей,— слова романтической нежности Николая Веретьева, слова оскорбительнейшихъ подозреній его лучшаго друга, того самаго Оливье, чей портретъ,—какая злая иронія,—красовался на столе, на который облокотился Хотфейль въ настоящую минуту. И его сердце, слишкомъ молодое, слишкомъ нетронутое, слишкомъ чистое и доверчивое, какія жестокія страданія ждали его впереди отъ того, чего Пьеръ не подозревалъ даже въ

это утро, когда вся нѣжность его сосредоточивалась на самообвиненіи до той секунды, какъ стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть. Отдавшись своимъ думамъ, онъ забылъ и время, и условленное свиданіе, и ожидавшаго его товарища. Пьеръ спряталъ портсигаръ въ столъ, вздрагивая, точно воръ, застигнутый на мѣстѣ преступленія. Нетвердымъ голосомъ проговорилъ онъ: «Войдите»,— и въ отворенной затѣмъ двери появилась изящная и беззаботная фигура Корансеца. Съ едва замѣтнымъ акцентомъ, не сглаженнымъ ни Парижемъ, ни аристократическими салонами Каннъ, южанинъ заговорилъ:

— Что за страна, что за край моя родина! Каково утро! Воздухъ какой... солнце!... Тамъ, на сѣверѣ, всѣ въ шубахъ, а мы-то, видишь!

Онъ былъ безъ пальто и показалъ на свой вестонъ. Потомъ, осматриваясь кругомъ, онъ продолжалъ думать вслухъ:

— Я никогда не забирался на твою вышку. Чудесный видъ! Удивительно красиво выдаются очертанія Эстереля, уходящія въ море! А само море-то, настоящій волнующійся атласъ. Восхитительно было бы у тебя, еслибъ попросторнѣе немножко. Тебѣ не тѣсно въ одной комнатѣ?

— Нисколько,— отвѣтилъ Хотфейль,— вещей со мною мало, вотъ только нѣсколько книгъ.

— Да, правда,—оказалъ Корансецъ, окидывая взглядомъ комнату, которой скромный багажъ, разложенный на комодѣ, придавалъ видъ офицерской стоянки, — ты умѣешь довольствоваться немногимъ. Еслибъ ты видѣлъ все, потѣшно необходимое, что я таскалъ съ собой, не считая цѣлаго сундука всякой пустяковины!... Меня иностранцы испортили, а ты остался настоящимъ французомъ. Никогда не будетъ высказано въ достаточной мѣрѣ, насколько этотъ народъ простъ, непретендателенъ, экономенъ. Даже слишкомъ, пожалуй, и въ особенности онъ слишкомъ ненавидитъ новыя изобрѣтенія. Онъ ихъ настолько же не терпитъ, насколько ихъ любятъ англичане и американцы. Ты, напримѣръ,—я убѣжденъ, что ты случайно только попалъ въ этотъ ультра-современный отель. На самомъ же дѣлѣ тебѣ противны и его роскошь, и его комфортъ...

— По-твоему, это роскошь?—прервалъ его Хотфейль, указывая на пеструю и слишкомъ новую обстановку комнаты.— Но въ томъ, что ты сказалъ, есть доля правды. Я не люблю усложнять свою жизнь...

— Знаю я эту школу,— возразилъ Корансецъ: — ты за лѣст-

ницу противъ подъемной машины, за топку дровами противъ калорифера, за масляныя лампы противъ электричества, за почту противъ телефона... Это старая Францiя. Мой отецъ былъ таковъ же. А я за новшества: по-мнѣ, чѣмъ больше трубъ съ горячею водой и съ холодною, тѣмъ лучше! Мнѣ все будетъ мало, сколько бы ни проводили телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ, сколько бы ни выдумывали машинъ, избавляющихъ насъ отъ необходимости дѣлать движенiя!... Одинъ недостатокъ есть, впрочемъ, у нынѣшнихъ новыхъ отелей: въ нихъ стѣны не толще листа бумаги. А такъ какъ мнѣ надо поговорить съ тобой немножко серьезно и, быть-можетъ, попросить тебя оказать мнѣ большую услугу, то уйдемъ отсюда, если позволишь. Мы пѣшкомъ пройдемся до гавани, гдѣ Маршъ ждетъ насъ въ половинѣ десятаго. Ничего не имѣешь противъ этого? Чтобъ убить время, пойдемъ самою дальнею дорогой...

Предлагая идти дальнею дорогой, провансалецъ держалъ свое на умѣ: онъ хотѣлъ провести прiятеля мимо воротъ одной виллы, а именно мимо дома, въ которомъ жила баронесса де-Карлсбергъ. Марiй де-Корансецъ былъ въ своемъ родѣ психологъ, и инстинктъ служилъ ему лучшимъ руководителемъ, чѣмъ всѣ теорiи г. Тэна, относительно возстановленiя образовъ въ сознанiи. Южанинъ соображалъ, что въ ихъ заговорѣ всего болѣе прельститъ Пьера Хотфейля перспектива путешествiя вмѣстѣ съ баронессой Эли. А стало-быть чѣмъ живѣе будетъ въ умѣ его прiятеля представленiе о молодой женщинѣ, тѣмъ скорѣе онъ дастъ свое согласiе, которое такъ нужно Корансецу. Этотъ невинный маккiавелизмъ сдѣлался причиной того, что, вмѣсто прямого пути къ порту, товарищи пустились настоящею сѣтью дорогъ и тропинокъ, раскинувшеюся на западъ отъ «Калифорнiи». Тамъ лежитъ цѣлый рядъ овраговъ, засаженныхъ оливковыми деревьями, бѣловатая зелень которыхъ придаетъ серебристый тонъ настоящимъ пейзажамъ Прованса, не претендующимъ на сходство съ тропическими странами и съ теплицей. Дома тамъ рѣдки, разбросаны по-одиночкѣ, и бываютъ минуты, когда можно подумать, будто находишься за сотню льё отъ города и отъ морского берега, — настолько поросшiе деревьями склоны закрываютъ собою теперешнiя Канны и море. Подъ влiянiемъ мизантропiи эрцгерцогъ Генрихъ-Францискъ рѣшилъ построить свою виллу на склонѣ, внизу котораго лежитъ котловиной нѣчто въ родѣ парка, населеннаго, разумѣется, англичанами, тщательно охраняющими его задичалый видъ. Корансецъ повелъ Хотфейля этою котловиной, и такимъ образомъ они дошли до мѣста,

откуда передъ ними открылась сразу вся вилла Гельмгольцъ, довольно тяжеловѣсное двухъ-этажное сооруженіе. Съ одной стороны къ нему примыкала оранжерея, другая сторона оканчивалась низкою пристройкой, увѣнчанною трубой страннаго вида, дымившею во-всю въ данную минуту. Южанинъ указалъ товарищу на черные клубы, рѣзко выдѣлявшіеся на голубомъ небѣ, разносимые легкимъ вѣтеркомъ и заволакивавшіе пальмы сада.

— Эрцгерцогъ стряпаетъ въ своей лабораторіи,—проговорилъ Корансецъ.—Желаю, чтобы Вердье сдѣлалъ сегодня какое-нибудь любопытное открытіе, о которомъ можно было бы послать хорошенькое сообщеніе институту...

— Ты не вѣришь, что онъ самъ работаетъ?—спросилъ Пьеръ.

— Вѣрю, да не очень,—сказалъ Корансецъ.—Знаешь... ученые труды принцевъ и ихъ литературныя произведенія... Меня, впрочемъ, это нисколько не интересуетъ. Много интереснѣе, даже очень интересно, какъ-то приметъ онъ сегодня свою премилую супругу,—мила она необыкновенно и недавно доказала мнѣ при одномъ обстоятельствѣ, о которомъ разскажу послѣ, что она безконечно добра. Ты слышалъ, какъ вчера говорили, что она окружена шпіонами...

— Даже въ Монте-Карло?—сказалъ Хотфейль.

— Въ Монте-Карло-то въ особенности, — отвѣтилъ Корансецъ.—А затѣмъ я убѣжденъ еще въ томъ, что хотя эрцгерцогъ и не любитъ баронессу, онъ все-таки ревнуетъ ее до бѣшенства. И нѣтъ ничего свирѣпѣе ревности безъ любви... Отелло задушилъ жену изъ-за платка, подареннаго имъ, а онъ обожалъ Дездемону. Посуди же самъ, какъ способенъ набезобразничать этотъ господинъ изъ-за проданнаго портсигара, если портсигаръ имъ подаренъ?...

Эта маленькая рѣчь, сказанная полусерьезнымъ, полушутливымъ тономъ, заключала въ себѣ дружескій совѣтъ, который южанинъ хотѣлъ дать пріятелю передъ отъѣздомъ. Сущность совѣта была такъ проста и ясна, будто прямо было сказано: «Ухаживай за этою хорошенькою женщиной сколько твоей душѣ угодно: баронесса очаровательна... Сдѣлайся ея любовникомъ, но остерегайся мужа»... Корансецъ видѣлъ, какъ затуманилось вдругъ лицо Хотфейля, и остался доволенъ тѣмъ, что его сразу поняли. Ему въ голову не могло придти, что онъ дотронулся до очень больного мѣста и что указаніе на ревность мужа только оживило раскаянія, которыя томили нѣжное и впечатлительное сердце влюбленнаго. Хотфейль былъ слишкомъ гордъ и прямъ для того, чтобы хотя на минуту допустить разсчеты, которые дипломатически внушалъ ему

пріятель относительно большей или меньшей безопасности адюльтера. Пьеръ принадлежалъ къ числу людей, которые, полюбивши, изнываютъ отъ страданій любимаго существа, знаютъ только героическую преданность и всегда готовы жертвовать собственною безопасностью. То, что представлялось ему наканунѣ въ первой его галлюцинаціи, онъ увидѣлъ вновь болѣе отчетливо, съ болѣе горькимъ чувствомъ, а именно: сцену, которая можетъ разыграться между эрцгерцогомъ и баронессой Эли, по его винѣ, если принцъ на самомъ дѣлѣ узнаетъ о продажѣ портсигара и если баронесса захочетъ вернуть свою вещицу. Хотфейль уже разсѣянно слушалъ болтовню Корансеца. А у провансальца все же хватило такта на то, чтобы перемѣнить разговоръ и пустить въ ходъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ своего обычнаго репертуара. Могла ли, однако, интересовать Пьера болѣе или менѣе достовѣрная хроника разныхъ глупостей и скандаловъ веселаго побережья? Онъ сталъ вслушиваться внимательнѣе лишь въ ту минуту, когда, добравшись до Круазеты, его товарищъ рѣшился приступить къ самому существенному. Въ числѣ гуляющихъ по этой мѣстности, сегодняшнимъ утромъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ обыкновенно, подвигался на встрѣчу товарищамъ нѣкій господинъ, который могъ дать южанину наилучшій поводъ для бесѣды по-душѣ и для просьбы о содѣйствіи. Корансецъ взялъ подъ руку пріятеля, вывелъ его тѣмъ изъ задумчивости и началъ вполголоса:

— Я говорилъ тебѣ, что мадамъ де-Карлсбергъ особенно добра была ко мнѣ за послѣднее время, и я предупредилъ тебя, уходя изъ отеля, что мнѣ необходимо просить тебя объ одной услугѣ, объ очень большой услугѣ. Связи между тѣмъ и другимъ ты не видишь? Сейчасъ я разъясню тебѣ загадку. Посмотри, кто идетъ въ нашу сторону.

— Я вижу графа Наварего,—отвѣтилъ Хотфейль,—съ нимъ двѣ собаки и какой-то господинъ, котораго я не знаю. Вотъ и все, что я вижу.

— И это все, что нужно для разгадки... Подожди, пока они пройдутъ. Съ нимъ Гербертъ Боунъ, и Наварего не удостоитъ заговорить съ нами...

Подходилъ на самомъ дѣлѣ венеціанецъ, имѣвшій неизмѣримо болѣе видъ англичанина, чѣмъ лордъ, съ которымъ онъ шелъ. Чистокровный сынъ Адріатики умудрился съ такимъ совершенствомъ перевоплотиться въ настоящаго англичанина, что избѣжалъ намека на каррикатурность. Одѣтый въ костюмъ, сшитый въ Лондонѣ изъ матеріи, которую шотландцы называютъ *harris*, по мѣсту ея про-

исхожденія, въ подвернутыхъ снизу панталонахъ, какъ дѣлается въ Лондонѣ, хотя за цѣлую недѣлю не упало ни капли дождя, онъ шелъ растянутымъ, широкимъ шагомъ, держа въ одной рукѣ перчатки, въ другой трость на-перевѣсъ; лицо было гладко выбрито и чопорно подъ фуражкой одинаковой матеріи съ вестономъ; въ зубахъ торчала коротенькая деревянная трубочка формы, излюбленной оксфордцами. За нимъ бѣжала пара породистыхъ таксъ, необыкновенно длинныхъ и приземистыхъ, на коротенькихъ и кривыхъ ногахъ. Съ какой партіи *тенниса* возвращался итальянецъ-англоманъ? На какую партію *гольфа* торопился онъ? Рыжій цвѣтъ волосъ, унаслѣдованный имъ отъ дожей, его предковъ, и увѣковѣченный на картинахъ Бонифаціо, придавалъ ему окончательно совершенно неправдоподобное сходство съ лордомъ Гербертомъ. Только въ одномъ была между ними разница: проходя мимо Корансеца и Хотфейля, оба двойника поздоровались съ ними, причемъ въ выговорѣ одного, лорда Герберта, не слышалось рѣшительно никакого акцента, тогда какъ венеціанецъ бросилъ свои два слога безусловно британскимъ тономъ.

— Ты хорошо разсмотрѣлъ этого человѣка, — началъ Корансецъ, когда они отошли на приличное разстояніе,—и ты принялъ его за англомана самаго потѣшнаго пошиба... Только попробуй поскреби этого англичанина и знаешь, что окажется подъ этою оболочкой? Итальянецъ временъ Маккіавели, стѣсняющійся въ нравственномъ отношеніи не болѣе, чѣмъ его предки при дворѣ Борджіа. Онъ не задумается отравить кого угодно, тебя, меня, перваго встрѣчнаго, еслибъ мы очутились въ извѣстномъ смыслѣ на его дорогѣ... Я по его рукѣ видѣлъ это. Но успокойся, по этой части онъ пока еще не практиковалъ, а занимается лишь тѣмъ, что вотъ уже шесть лѣтъ тиранитъ несчастную, беззащитную женщину, свою сестру, обворожительную маркизу Бонакорси. Я не берусь объяснить тебѣ, какъ онъ это дѣлаетъ и чѣмъ онъ ее терроризируетъ... Но въ теченіе шести лѣтъ бѣдная женщина шевельнуться не могла безъ его вѣдома, не было у нея ни одного слуги, не имъ выбраннаго, ни одного письма она не получила безъ того, чтобъ онъ не потребовалъ въ томъ отчета. Словомъ, это—страшная семейная трагедія, ужасающій деспотизмъ, такое полное угнетеніе, въ возможность котораго нельзя повѣрить до тѣхъ поръ, пока повѣствованіе о немъ не прочтешь въ *Gazette des Tribunaux* или не увидишь лично, какъ я видѣлъ. Онъ не желаетъ, чтобы сестра вышла вторично замужъ, не желаетъ потому, что живетъ на счетъ большого состоянія, принадлежащаго ей одной. Вотъ тебѣ...

— Какая мерзость! — воскликнулъ Хотфейль. — Увѣренъ ли ты, убѣжденъ ли въ справедливости того, что разсказываешь?

— Убѣжденъ, какъ въ томъ, что вижу яхту Марша, — отвѣтилъ Корансецъ, указывая на стройную яхту, стоящую на якорѣ въ портѣ, и съ своего рода хвастливостью, сантиментальною и смѣлою, не лишенною нѣкоторой граціозности, онъ продолжалъ:— И хотѣлъ я просить тебя помочь мнѣ расправиться съ этимъ хорошенькимъ господиномъ. Ты поймешь меня... Мы, провансальцы, всѣ немножко Донъ-Кихоты. Лучи здѣшняго солнца вливаютъ намъ въ кровь охоту, страсть увлекаться чѣмъ-нибудь или кѣмъ-нибудь. Еслибы мадамъ Бонакорси была счастлива и свободна, я, навѣрное, не обратилъ бы на нее вниманія. А когда я узналъ, что ее безсовѣстно эксплуатируютъ и что она несчастна, я влюбился въ нее до безумія. Какъ дошло до того, что я сказалъ ей про мою любовь и узналъ про ея взаимность, я разскажу тебѣ потомъ. Если Наварего родомъ изъ Венеціи, то я изъ Барбентаны. Это подальше отъ моря, менѣе романтично, менѣе славно, но плавать по морямъ и у насъ умѣютъ... Какъ бы то ни было, а я женюсь на госпожѣ Бонакорси и обращаюсь къ тебѣ съ просьбой быть свидѣтелемъ у меня на свадьбѣ.

— Ты женишься на мадамъ Бонакорси?—повторилъ Хотфейль, которому изумленіе помѣшало отвѣтить товарищу. — А какже ея братъ?...

— Ничего не знаетъ,— возразилъ Корансецъ. — Вотъ тутъ-то на голубомъ эѳирномъ фонѣ и выступаетъ добрая фея-благодѣтельница во образѣ прелестной баронессы Эли. Безъ нея Андріана,— ты позволишь мнѣ такъ называть мою невѣсту, — никогда не рѣшилась бы сказать «да». Она любила меня и чуть не умирала отъ страха. Не суди ее строго. Слишкомъ нѣжныя и чувствительныя женщины легко поддаются безразсудной робости, которую надо умѣть понимать... Она боялась, но за меня, главнымъ образомъ. Ее пугала воображаемая ссора между мною и ея братомъ, непріятное объясненіе, переходящее въ рѣзкости и кончающееся дуэлью. Наварего владѣетъ шпагой, какъ Машо, стрѣляетъ изъ пистолета, какъ Казаль. *Ecco*... Тогда я предложилъ самую романтическую, самую неправдоподобную развязку, повѣнчаться тайно, и уговорилъ ее согласиться на это... Будущаго четырнадцатаго числа, если,—дастъ Богъ,—живъ буду, венеціанскій священникъ, пользующійся полнымъ ея довѣріемъ, повѣнчаетъ насъ въ домовой капеллѣ одного изъ генуэзскихъ дворцовъ. До того времени я исчезаю отсюда. Я въ Барбентанѣ среди моихъ виноградниковъ. А три-

надцатаго, въ то время, какъ Наварего будетъ разыгрывать англичанина на яхтѣ лорда Герберта передъ принцемъ Вельскимъ и нѣкоторыми высочествами второго разбора, яхта Марша, на которую тебя пригласятъ, увезетъ въ числѣ другихъ пассажировъ женщину, которую я люблю больше всего въ мірѣ, которой я отдамъ всю мою жизнь, съ которою раздѣлю дружбу человѣка, наиболѣе мною уважаемаго, если другъ этотъ не отвѣтитъ отказомъ на мою просьбу... Что же онъ отвѣтитъ?

— Онъ отвѣтитъ, что во всю жизнь свою не былъ такъ удивленъ, какъ сегодня,— сказалъ Хотфейль.— Корансецъ влюбленъ, влюбленъ настолько, что разстается съ своею свободой! Ты казался всегда такимъ беззаботнымъ, ко всему равнодушнымъ, и вдругъ... женитьба, да еще тайная! Двадцати четырехъ часовъ не сохранится твоя тайна. Я знаю, насколько ты пылко не сдержанъ, высказываешь все, что есть у тебя на душѣ, и всѣмъ на свѣтѣ... Какъ бы ни было, благодарю тебя за доброе расположеніе ко мнѣ и даю слово быть свидѣтелемъ на твоей свадьбѣ.

Говоря это, онъ пожалъ руку Корансеца съ тѣмъ простымъ чистосердечіемъ, съ какимъ относился даже къ житейскимъ мелочамъ. Провансалецъ разсчиталъ вполнѣ вѣрно, затрогивая рыцарскую струнку въ его отъ природы великодушномъ сердцѣ. И, повидимому, эта простота и довѣрчивая искренность, выказанныя Пьеромъ, смутили нѣсколько южанина. Воспользоваться ими входило въ его разсчеты, конечно, но ему стало совѣстно обманывать этого безусловно правдиваго человѣка, обаятельнаго даже для него, вслѣдствіе чего къ выраженіямъ благодарности Корансецъ добавилъ совершенно необычную исповѣдь:

— Не думай, впрочемъ,— сказалъ онъ, — что я совсѣмъ уже не умѣю быть сдержаннымъ... Это все наше солнце дѣлаетъ. На самомъ же дѣлѣ, мы, южане, всегда говоримъ лишь то, что считаемъ нужнымъ сказать, и никакъ не болѣе того... Вотъ мы и пришли... Тшш!—произнесъ онъ, поднося палецъ къ губамъ.—Миссъ Маршъ знаетъ все, Маршъ ничего не знаетъ...

— Еще одно слово, — отвѣтилъ Хотфейль,—я обѣщалъ быть свидѣтелемъ, но и ты позволь мнѣ отправиться въ Геную, какъ мнѣ будетъ удобнѣе. Я слишкомъ мало знакомъ съ этими людьми для того, чтобы воспользоваться ихъ приглашеніемъ.

— Я предоставляю Флосси Маршъ расправляться съ твоею нерѣшительностью, — возразилъ Корансецъ, не имѣя силъ сдержать улыбку.—Ты будешь однимъ изъ пассажировъ на *Женни!* И знаешь ли почему яхта названа *Женни?* Только агло-саксонцы и спо-

собны дозволять себѣ серьезно подобную игру словъ. Не безъизвѣстно тебѣ, что *the sea*, море, произносится, какъ *si*, музыкальная нота, и ты слыхалъ, разумѣется, про Женни Линдъ, знаменитую пѣвицу... И вотъ шутникъ Маршъ назвалъ такъ свою прелестную плавучую виллу—*because she keeps the high seas*,—потому, что она справляется съ «высокимъ» моремъ,—съ верхнимъ *si*... И каждый разъ, когда онъ разсказываетъ объ этомъ, онъ такъ удивленъ собственнымъ остроуміемъ, что хохочетъ, какъ сумасшедшій... А, впрочемъ, восхитительная игрушка его яхта!...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пріятелей яхта красовалась своими изящными очертаніями и щегольскою оснасткой. Она, по-истинѣ, казалась юною и кокетливою царицей маленькаго порта, гдѣ лодки рыбаковъ, шлюпки для катанья и каботажные суда тѣснились вдоль набережной. Моряки, сидя прямо на мостовой и распѣвая пѣсни, чинили свои побурѣвшія сѣти. Въ нижнихъ этажахъ домовъ были растворены лавки, торгующія всѣмъ, относящимся къ морскому дѣлу: веревками и просмоленными куртками, кожаными шляпами и каучуковыми сапогами. Тутъ же были склады съѣстныхъ припасовъ, конторы разныхъ мореходныхъ компаній. Трудовая жизнь бѣднаго люда, совершенно уничтоженная, повидимому, въ этомъ городѣ праздности, казалось, вся сосредоточилась на узкой полосѣ набережной и придавала ей пестрый и живописный видъ, народный колоритъ. Особенно яркимъ представлялся контрастъ между отошедшей сюда рабочею нуждой и банальнымъ однообразіемъ роскоши, выставляемой на показъ бездѣльнымъ и космополитическимъ Югомъ. Вѣроятно, этотъ контрастъ, безсознательно почувствованный, привлекалъ плебея Марша къ простонародному уголку порта. Всѣмъ обязанный упорному труду и самъ работавшій своими руками на пристани Клевеленда у озера Эріе, болѣе подвижнаго, чѣмъ Средиземное море, американецъ презиралъ въ глубинѣ души пустое и тщеславное общество, въ которомъ онъ жилъ теперь. И, тѣмъ не менѣе, онъ жилъ въ немъ потому, что и надъ кругомъ высшей космополитической аристократіи ему надо было одержать еще одну побѣду. Когда онъ принималъ какого-нибудь принца крови или владѣтельную особу на своей яхтѣ, въ немъ, вполнѣ естественно, съ особенною силой поднималось чувство сладострастной гордости, при видѣ бѣдныхъ рыбаковъ однихъ съ нимъ лѣтъ, при возможности сказать себѣ, покуривая сигару съ королевскимъ или инымъ высочествомъ: «Тридцать лѣтъ назадъ я и эти рыбаки были равными, и я дѣлалъ то же, что они дѣлаютъ. А теперь!»...

Въ данную минуту и въ виду того, что имена Хотфейля и Корансеца не значатся ни на одной страницѣ *Готскаго Альманаха*, хозяинъ яхты не счелъ нужнымъ ожидать приглашенныхъ гостей на палубѣ. Когда молодые люди вступили на верхнюю площадку трапа, они увидали только миссъ Флосси Маршъ, сидящую на складной табуреткѣ передъ мольбертомъ и занятую акварелью. Тщательно, терпѣливо, она срисовывала пейзажъ, развертывавшійся передъ ея глазами: группу островов, сливавшихся вдали въ одну темную и длинную массу, какъ бы застывшую на синей глади моря,—капризно извивающуюся линію залива съ перемежающимися рядами домовъ между зеленью садовъ, — просторъ моря, густолазурнаго, съ бѣлѣющими пятнами парусовъ, и надъ всѣмъ этимъ безконечный шатеръ иной лазури—легкаго, прозрачнаго, сверкающаго неба. Подъ прилежною рукой молодой дѣвушки, весь этотъ видъ ложился на бумагу въ очертаніяхъ и тонахъ, точность и сухость которыхъ обличали очень малое дарованіе, находящееся въ распоряженіи очень большой силы воли.

— Поразительны эти американки,—шепталъ Корансецъ Хотфейлю,—вотъ эта, напримѣръ, полтора года назадъ не умѣла взять кисть въ руки, а теперь рисуетъ. Сфабриковала изъ себя художницу, какъ сфабрикуетъ ученую женщину, если выйдетъ замужъ за Вердье. Онѣ сооружаютъ себѣ таланты на своемъ умѣ такъ же точно, какъ ихъ дантисты на золотѣ вставляютъ въ ротъ зубы... Насъ увидала...

— Дядя занятъ въ настоящую минуту,—сказала акварелистка, крѣпко пожимая руки гостямъ.—Я говорю, что дядѣ слѣдовало бы называть яхту свою «конторой»... Едва мы входимъ въ портъ, какъ тотчасъ же яхта соединяется телефономъ съ телеграфною станціей, и пошли работать подводные канаты съ Нью-Йоркомъ, съ Чикаго, Фриско, Маріонвилемъ!... Пройдемте къ дядѣ поздороваться, а потомъ я покажу вамъ яхту. Она довольно хороша, но уже устарѣвшей модели. Ей, по меньшей мѣрѣ, шесть лѣтъ. Мосьё Маршъ заказалъ новую въ Гласговѣ, которая побьетъ эту и многія другія. Та будетъ вмѣстимостью въ четыре тысячи тоннъ, а *Женни* всего въ тысячу восемьсотъ.

Миссъ Флосси повела молодыхъ людей по палубѣ съ такимъ чистымъ поломъ, съ такою блестящею мѣдью, съ коричневою гнутою мебелью, обитою дорогою матеріей, съ восточными коврами такой большой цѣнности, точно и паркетъ, и металлъ, и кресла, и ковры составляли обстановку одной изъ виллъ, разсѣянныхъ по берегу, а не корабля, испытавшаго всѣ волны Атлантическаго и

Тихаго океановъ. Также и салонъ, въ который молодая дѣвушка ввела посѣтителей, ничѣмъ не отличался отъ соотвѣтствующей комнаты въ Маріонвилѣ на пятнадцатомъ этажѣ одного изъ колоссальныхъ дѣловыхъ домовъ, тянущихся вдоль улицы желѣзными и кирпичными громадами. Три секретаря сидѣли у трехъ письменныхъ столовъ. Одинъ копировалъ письма, быстро перебирая пальцами клавіатуру писальной машины, другой передавалъ депешу по телефону, третій стенографировалъ подъ диктовку того самаго небольшого человѣчка съ сѣрымъ лицомъ, котораго Корансецъ показывалъ вчера Хотфейлю за игорнымъ столомъ въ Монте-Карло. Этотъ Наполеонъ изъ Огіо оторвался отъ дѣла, чтобы поздороваться съ гостями.

— Никакой возможности не имѣю сопровождать васъ, господа,—сказалъ онъ. —Флосси покажетъ вамъ корабль. Пока вы гуляете,—прибавилъ онъ спокойно вызывающимъ тономъ, какимъ всякій истинный янки выражаетъ свое презрѣніе къ Старому Свѣту,—мы подготовляемъ для васъ чудесныя путешествія. Впрочемъ, вамъ, французамъ, такъ хорошо у себя дома, что вы съ мѣста не двигаетесь. Вамъ едва ли знакома даже наша страна озеръ. Вотъ карта. И тамъ только на Верхнемъ, на Мичиганѣ, на Гуронѣ и на Эріе шестьдесятъ тысячъ судовъ, поднимающихъ тридцать два милліона тоннъ груза. Ежегодно они перевозятъ на три съ половиной милліарда. Дѣло идетъ о томъ, чтобы по этой рѣкѣ установить прямое сообщеніе между лежащими на ней городами: Дэлюсъ, Майльвоки, Чикаго, Детруа, Клевелендъ, Маріонвиль,—и Европой. Озера соединены съ моремъ рѣкою св. Лаврентія. Тутъ и долженъ идти путь, не такъ ли? На бѣду, намъ приходится перескочить черезъ маленькое препятствіе, при выходѣ изъ озера Эріе, препятствіе въ полтора раза болѣе высокое, чѣмъ Арка Звѣзды въ Парижѣ,—это Ніагара. А затѣмъ есть еще пороги у выхода изъ озера Онтаріо. Правда, устроено пять или шесть каналовъ со шлюзами, по которымъ могутъ подниматься и спускаться небольшія суда. Мы же хотимъ сдѣлать свободнымъ доступъ какимъ угодно трансатлантическимъ кораблямъ. Вотъ этотъ господинъ занятъ окончательнымъ улаживаніемъ дѣла, — Маршъ указалъ на секретаря, говорившаго по телефону.—Вчера состоялась подписка на необходимый намъ капиталъ: двѣсти милліоновъ долларовъ. Черезъ два года я на своей *Женни* отправлюсь отъ здѣшней набережной прямо до своего дома безъ пересадки. Я хочу, чтобы Маріонвиль сдѣлался Ливерпулемъ озеръ. Въ Маріонвилѣ уже сто тысячъ жителей, черезъ два года будетъ полтораста тысячъ,—численность населенія вашей Ту-

лузы; черезъ десять лѣтъ будетъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ, какъ у васъ Бордо; черезъ двадцать лѣтъ мы своими пятью стами семнадцатью тысячами сравняемся со старымъ Ливерпулемъ. Мы народъ молодой, немного грубоватый, но мы двигаемся впередъ... и васъ двигаемъ. До свиданія, господа, меня извините!

И неутомимый дѣлецъ принялся опять диктовать прежде, чѣмъ его племянница успѣла вывести изъ комнаты выродившихся дѣтей неповоротливой Европы.

— Вотъ это—такъ американецъ!—тихо говорилъ Корансецъ Хотфейлю.—Онъ отлично это сознаетъ и доходитъ до того, что передъ самимъ собою ломается комедіантомъ: *Heautoncabatinoumenos*, какъ сказалъ бы нашъ старый преподаватель Мерле. Вся ихъ Америка сказалась въ этомъ.

И онъ продолжалъ уже громко:

— Знаете, миссъ Флосси, мы свободно можемъ говорить о нашихъ планахъ въ присутствіи Пьера: онъ согласился быть у меня свидѣтелемъ.

— А, какъ я довольна!—весело сказала молодая дѣвушка.—Впрочемъ, я не сомнѣвалась въ этомъ. Дядя поручилъ мнѣ пригласить васъ на маленькое путешествіе въ Геную. Стало быть, это рѣшенное дѣло. Будетъ совсѣмъ восхитительно. И знаете, васъ ждетъ награда за ваше доброе дѣло: съ нами на яхтѣ будетъ вашъ *флиртъ*, мадамъ де-Карлсбергъ.

Говоря эту фразу, улыбающаяся дѣвушка смотрѣла прямо въ лицо молодому человѣку. Она сказала это совершенно безхитростно, съ прямодушною простотой, на которую и разсчитывалъ предусмотрительный Корансецъ. Люди Новаго Свѣта не стѣсняются подобными откровенностями, которыя мы считаемъ грубыми. А онѣ—не что иное, какъ результатъ ихъ искренняго и полнаго признанія факта. Флосси Маршъ знала, что присутствіе баронессы Эли на яхтѣ будетъ пріятно Хотфейлю; въ качествѣ безукоризненно честной дѣвушки и американки, она не допускала мысли, что отношенія молодого человѣка къ замужней женщинѣ могутъ зайти дальше невиннаго кокетства и дозволительной романтической забавы, и дѣвушка считала самымъ безобиднымъ дѣломъ намекнуть Пьеру на его чувства, какъ сочла бы вполнѣ приличнымъ съ его стороны намекъ на ея собственное чувство къ Марселю Вердье. И ей необыкновенно тяжело было видѣть, по внезапной блѣдности молодого человѣка, по судорожному движенію его губъ и по выраженію глазъ, что ея слова вызвали у Пьера болѣзненное ощущеніе. Сообразивши это, она сама сильно покраснѣла. Если у американцевъ

не хватаетъ иногда такта, вслѣдствіе ихъ излишней простоты, за то они до крайности впечатлительны,—*touchy*, какъ они говорятъ,—и такъ легко срывающіеся промахи причиняютъ потомъ имъ самимъ настоящія страданія. А тутъ еще и вспышка румянца на лицѣ дѣвушки только усилила непріятное изумленіе, поразившее Хотфейля, при имени баронессы Карлсбергъ. Въ силу неотразимой и ошеломляющей ассоціаціи идей онъ вспомнилъ слова Корансеца: «Я предоставлю Флосси Маршъ расправляться съ твоею нерѣшительностью», и его послѣднюю улыбку. Припомнился ему и вчерашній взглядъ маркизы Бонакорси въ вагонѣ. Съ полною и несомнѣнною ясностью раскрылось передъ Хотфейлемъ, что тайна его любви, хранившаяся въ самыхъ глубокихъ тайникахъ его души, стала извѣстною этимъ тремъ лицамъ. Трепетъ стыдливости, негодованія и тревоги пробѣжалъ по всѣмъ его нервамъ съ такою силой, что сердце въ немъ замерло. Отъ мучительной пытки поддерживать разговоръ въ минуту такого волненія его избавилъ Корансецъ, живо смѣтившій, какое впечатлѣніе произвели на его пріятеля неосторожныя слова американки, и, принимая на себя роль проводника, южанинъ поспѣшилъ заговорить:

— Какого ты мнѣнія, Хотфейль, объ этомъ салонѣ и о курильной комнатѣ? Сколько вкуса! Какова отдѣлка свѣтлымъ полированнымъ деревомъ, какъ это изящно и до чего просто и строго это изящество! А столовая? А каюты? Тутъ мѣсяцы можно прожить, цѣлые годы! Обрати вниманіе, при каждой каютѣ отдѣльная уборная, особая ванна.

И онъ водилъ своего товарища и самоё хозяйку. Онъ ничего не пропускалъ, благодаря удивительной памяти на вещи, какою одарены всѣ подобныя ему натуры, созданныя для дѣятельности и для реальностей. Съ обычнымъ апломбомъ онъ все показывалъ и объяснялъ, начиная съ копьевъ и ружей, припасенныхъ на случай встрѣчи съ пиратами въ китайскихъ моряхъ, и кончая приспособленіями для наполненія водой и опоражниванія ваннъ. Выждавши подходящій моментъ, онъ предложилъ молодой дѣвушкѣ вопросъ, до крайности странный на этой колоссальной игрушкѣ, гдѣ собрано все, что изобрѣтено за послѣднее время ради утонченнѣйшихъ удобствъ жизни.

— Миссъ Флосси, можно посмотрѣть комнату покойницы?

— Если это интересуетъ господина Хотфейля,—сказала Флоранса Маршъ, все еще не переставшая сокрушаться о своей неосторожности.—У дяди была единственная дочь, Маріонъ, какъ звали мою бѣдную тетю, —продолжала молодая дѣвушка.—Вы

знаете, что мистеръ Маршъ, овдовѣвшій очень молодымъ, назвалъ свой городъ въ честь жены Маріонвилемъ? Моя кузина умерла четыре года назадъ. Дядя чуть съ ума не сошелъ. Онъ пожелалъ, чтобъ ея комната оставалась безъ малѣйшей перемѣны такою же, какою была при жизни кузины. Онъ помѣстилъ тамъ ея статую и приказалъ окружить ее цвѣтами, которые любила его дочь. Вотъ смотрите, но не входите туда.

Она отворила дверь, и молодые люди увидали, при свѣтѣ двухъ лампъ съ голубоватыми шарами, комнату, обтянутую розовою матеріей, очень блѣдною, точно полинявшею. Комната была наполнена множествомъ дорогихъ бездѣлушекъ,—всѣмъ, что можетъ забавлять молоденькую дѣвушку, безумно избалованную отцомъ, когда самъ онъ изъ первыхъ желѣзно-дорожныхъ магнатовъ Соединенныхъ Штатовъ: на туалетѣ полный золотой несессеръ, драгоцѣннѣйшія вещицы въ вазахъ, могущихъ сдѣлать честь любому музею, портреты въ чеканныхъ рамкахъ, и посерединѣ, на кровати съ инкрустаціями, статуя покойницы, вся бѣлая, съ сомкнутыми вѣками и полуоткрытымъ ртомъ, окруженная цѣлыми снопами гвоздикъ и орхидей. Тишина этой необыкновенной усыпальницы, ея таинственность, наполнявшій ее нѣжный ароматъ цвѣтовъ, фантастическая поэзія культа покойницы на яхтѣ дѣльца-янки — все это, при иныхъ обстоятельствахъ, могло бы плѣнить врожденный сантиментализмъ Пьера Хотфейля. Но въ продолженіе всего обхода яхты Пьеръ только объ одномъ думалъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ миссъ Маршъ и Корансеца, только одного и желалъ— остаться одному и поразмыслить о столь неожиданныхъ и прискорбныхъ для него признакахъ, доказывавшихъ, что открытъ самый задушевный его секретъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ покинулъ онъ яхту, и настоящею пыткой было для него общество товарища въ продолженіе еще нѣсколькихъ минутъ.

— Замѣтилъ ты, какъ покойная дочь Марша похожа на мадамъ Шези?—говорилъ Корансецъ.—Нѣтъ? Ну, такъ, когда ты встрѣтишь ее съ американцемъ, я рекомендую тебѣ понаблюдать за нимъ. Тутъ онъ все забываетъ, каналъ Великихъ Озеръ, желѣзныя дороги, успѣхи своего Маріонвиля, свои копи, свою яхту, и думаетъ только объ умершей дочери. Если бы хорошенькая Шези пожелала имѣть величайшій бриллiантъ Голконды, онъ сію же минуту пустился бы разыскивать его, единственно изъ-за этого сходства... Не странно ли, однако, подобное ребячество, трубадурство, старо-завѣтныя воздыханія у молодца такого склада? Тебѣ, мечтателю, долженъ нравиться такой характеръ. Если онъ интересу-

етъ тебя, можешь заняться изученіемъ его надосугѣ 13, 14 и 15... Еще разъ благодарю тебя за одолженіе, которое ты мнѣ дѣлаешь. Если потребуется сообщить мнѣ что-нибудь, мой адресъ: Генуя, до востребованія. А теперь мнѣ надо домой, присмотрѣть за упаковкой послѣднихъ вещей. Не хочешь ли, чтобъ я подвезъ тебя куда-нибудь? Вотъ какъ разъ Эне, мой кучеръ. Я приказалъ ему дожидаться здѣсь къ одиннадцати часамъ.

Говоря это, Корансецъ окликнулъ проѣзжавшій мимо пустой экипажъ, плетенку, запряженную парой маленькихъ корсиканскихъ лошадей, обвѣшанныхъ погремушками. Правившій лошадьми человѣкъ кивнулъ Корансецу, подмигивая лукавыми глазками; тонъ его:—«Ге! здравствуйте, мосье Марій!»—свидѣтельствовалъ о фамильярности долгихъ бесѣдъ между двумя провансальцами. Паскаль Эсперандьё, по прозвищу «Эне», былъ маленькій, юркій и хитрый человѣчекъ, полагавшій все свое самолюбіе на то, чтобы заставить пару своихъ крысъ бѣжать быстрѣе рысаковъ, принадлежащихъ принцамъ, жившимъ въ Каннахъ. Онъ изукрашалъ запряжку своихъ корсиканокъ, лѣпилъ на нихъ помпоны и цвѣты въ такихъ фантастическихъ сочетаніяхъ, что всѣ соотечественницы миссъ Маршъ только ахали и руками разводили, какъ онѣ то дѣлаютъ передъ картиной Рафаэля и передъ платьемъ отъ Ворта, передъ отчаяннымъ наѣздникомъ и моднымъ гимнастомъ. Вѣроятно, молодецъ съ плутовскою улыбкой былъ одаренъ и талантами дипломата, полезными Корансецу въ нѣкоторыхъ секретно раздѣлываемыхъ имъ интригахъ, такъ какъ осторожный южанинъ никогда не ѣздилъ съ другимъ кучеромъ, въ особенности, если предстояло, какъ въ это утро, свиданіе съ маркизой Андріаной. Онъ долженъ былъ встрѣтиться съ ней на пять минутъ въ саду одного отеля, гдѣ она была съ визитомъ. Ея экипажъ стоялъ у одной двери, Эне подвезетъ Корансеца къ другой. А потому таинственному жениху, какъ нельзя больше, пришелся по душѣ отвѣтъ Пьера:

— Благодарю, я предпочитаю пройтись пѣшкомъ.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія,—сказалъ Корансецъ, садясь въ экипажъ.

И парадируя знаменитый стихъ, онъ добавилъ:

— До скораго свиданія, Seigneur, вы знаете гдѣ.

Avec qui vous savez, pour ce que vous savez!... *).

Экипажъ завернулъ за уголъ и умчался во всю прыть своихъ маленькихъ лошадокъ.

---

*) Вы знаете съ кѣмъ, вы знаете для чего.

Хотфейль остался, наконецъ, одинъ! Наконецъ-то онъ могъ разобрать, обсудить мысли, складывавшіяся въ его головѣ съ ужасающею отчетливостью съ того момента, какъ миссъ Флоранса Маршъ проговорила простыя слова: «вашъ флиртъ, мадамъ де-Карлсбергъ...»

«Всѣ трое знаютъ, что я люблю ее: маркиза, Корансецъ, миссъ Маршъ. Вчерашній взглядъ одной, фраза и улыбка другого, слова третьей и то, что она покраснѣла, подумавши вслухъ,—это уже не бредъ мнительности... Они знаютъ, что я люблю ее!... Стало быть, вчера, подводя меня къ игорному столу, Корансецъ, угадывалъ все, что дѣлалось въ моей душѣ? Возможна ли въ немъ такая скрытность? А почему бы и не такъ? Самъ же онъ говорилъ сейчасъ про это: для того, чтобы скрыть отъ Наварего, отъ Шези, отъ всего этого мерзкаго общества, свои чувства къ мадамъ Бонакорси, онъ долженъ умѣть молчать... И онъ скрылъ свои чувства а я своихъ не могъ скрыть... Всѣ трое видѣли, кажется, какъ я купилъ портсигаръ? Нѣтъ! Не настолько жестоки они, чтобы говорить и допускать разговоры объ этомъ при мнѣ. Марій не злой, ни маркиза, ни миссъ Маршъ. Они знаютъ, вотъ и все, *знаютъ*! Но почему они знаютъ?...»

Да, почему? Разъ задавши себѣ подобный вопросъ, влюбленный молодой человѣкъ, истомленный къ тому же душевными тревогами, неизбѣжно долженъ былъ дойти до полнаго анализа всѣхъ своихъ поступковъ, при которомъ мнительность необыкновенно усиливаетъ всѣ иллюзіи, всѣ безумства лихорадочно настроеннаго воображенія. Идя пѣшкомъ до своей «Калифорніи», потомъ сидя за завтракомъ, поданнымъ въ его комнату, наконецъ, во время одинокой прогулки по окрестностямъ, Хотфейль перебралъ всю свою жизнь за послѣднія недѣли, день за днемъ, часъ за часомъ. Въ силу непреодолимаго перемѣщенія всей перспективы въ его сознаніи, во всѣхъ наивныхъ и невинныхъ радостяхъ его затаенной идилліи онъ видѣлъ только одни неисправимые промахи, завершившіеся послѣднимъ безобразіемъ: покупкой золотого портсигара среди полной игорной залы, на глазахъ у толпы!... Пьеръ вспоминалъ свою первую встрѣчу съ баронессой де-Карлсбергъ въ салонѣ виллы Шези: оригинальная красота и очаровательность иностранки сразу поразили его, онъ глазъ не могъ оторвать отъ молодой женщины... И не сообразилъ онъ того, что привлекаетъ этимъ вниманіе присутствующихъ и даетъ поводъ къ пересудамъ!... Онъ отправился къ ней съ первымъ визитомъ, потомъ сталъ бывать у нея, началъ выискивать всѣ случаи встрѣчаться съ нею, дышать

однимъ съ нею воздухомъ, говорить съ нею. Могла ли пройти незамѣченною неловкость такого бѣганія за женщиной и его присутствія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ никогда не бывалъ прежде и гдѣ сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ? И вотъ онъ видитъ себя по утрамъ въ *Гольфъ-Клубѣ*, и какъ хороша тамъ казалась ему баронесса Эли, какъ плѣнительна пикантною странностью своего туалета, краснаго съ бѣлымъ, яркихъ цвѣтовъ клуба. Всѣ эксцентричности наряда, которыя онъ осудилъ бы у другой, казались ему восхитительными у баронессы! Онъ былъ на балѣ, стоя близъ дверей салона, ждалъ ея появленія и, вмѣстѣ съ нею, того очарованія, которое она всюду вносила съ собою для него въ малѣйшей складкѣ своего платья. Онъ встрѣчалъ ее въ модной кондитерской на Круазетѣ, и баронесса Эли всегда приглашала его сѣсть къ ея столу съ необыкновенно милою привѣтливостью. И съ каждымъ изъ этихъ образовъ, неизмѣнно, соединено было воспоминаніе о высказанной ею любезности, о деликатной снисходительности, доходившей до баловства. Къ чувству очарованія, невообразимо сладостнаго, примѣшивались опасенія, приводившія его въ отчаяніе. Онъ вспоминалъ о множествѣ неосторожныхъ и легкомысленныхъ поступковъ, совершенно естественныхъ, когда думаешь, что никто и ничего не подозрѣваетъ. Позднѣе, очень ясными становятся всѣ сдѣланные промахи, какъ только явится сознаніе, что кругомъ насторожилось вниманіе. Такъ, напримѣръ, въ теченіе десяти дней отсутствія баронессы де-Карлсбергъ Пьеръ ни одного разу не заглянулъ въ тѣ мѣста, которыя посѣщалъ единственно ради того, чтобъ ее видѣть. Никто не встрѣтилъ его въ *Гольфѣ*, ни на одномъ вечерѣ, ни на какомъ пятичасовомъ чаѣ. Ни у кого не былъ онъ съ визитомъ. Не было ли замѣчено это совпаденіе его исчезновенія съ отсутствіемъ баронессы и къ какимъ это могло повести толкамъ?... Съ тѣхъ поръ, какъ любовь завлекла его въ этотъ кружокъ суеты и развлеченій, его часто непріятно поражала легкость ни на чемъ не основанныхъ отзывовъ о женщинахъ, когда ихъ не было на-лицо. Ради чего стали бы щадить баронессу Эли въ ея отношеніяхъ къ нему? О нихъ, конечно, говорили. Надъ нимъ ли только подсмѣивались, или же отмѣтили его поведеніе для того, чтобъ оклеветать женщину, любимую имъ безграничною любовью, встревоженною и измученною въ эту минуту всѣми химерами раскаянія?

Слова, сказанныя Флорансой Маршъ: «вашъ флиртъ»,—только подтверждали такія предположенія. Пьеръ всегда относился съ презрѣніемъ ко всему, что опредѣляется этими словами,—къ гадкой

фамильярности женщины съ мужчиной, къ нехорошей игрѣ красоты одной и желаніями другого, къ нескромному товариществу и къ дурному тону этихъ двусмысленныхъ сближеній. Неужели могли подумать, что его отношенія къ баронессѣ де-Карлсбергъ имѣютъ такой же характеръ? Неужели недостатокъ сдержанности съ его стороны далъ поводъ къ злословію?... Тогда онъ живо представлялъ себѣ всѣ непріятности, которымъ, какъ ему казалось, подвергалась эта женщина, единственная для него на свѣтѣ,—то шпіонство, которымъ она была постоянно окружена. Вновь видѣлъ онъ во-очію залу Монте-Карло, вспоминалъ о своемъ поступкѣ и понять не могъ, какъ тогда же не сообразилъ, насколько это было неделикатно сдѣлано. Теперь онъ чувствовалъ это съ сокрушеніемъ, доходящимъ до боли.

Но что же сталось съ нимъ, когда онъ вернулся съ прогулки, длившейся нѣсколько часовъ, измученный своими мыслями, очутился у двери своего отеля въ сумерки,—сразу наступающія сумерки Юга, темныя, какъ ночь, и морозныя послѣ теплаго и яснаго дня, какъ лѣтомъ,—и когда швейцаръ подалъ ему письмо, на конвертѣ котораго Пьеръ узналъ почеркъ баронессы Эли!... Разрывая конвертъ, его руки дрожали. На печати выдѣлялся оттискъ античнаго камня съ изображеніемъ головы Медузы, который баронесса купила въ Италіи и въ перстнѣ носила на пальцѣ. Если бы миѳологическое чудовище, живымъ и въ-явѣ, предстало передъ Хотфейлемъ, онъ не больше ужаснулся бы, чѣмъ когда прочелъ слѣдующія простыя слова записки:

«Cher monsieur, я вернулась въ Канны и рада буду, если вы посѣтите меня завтра около половины второго на виллѣ Гельмгольцъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ довольно серьезномъ дѣлѣ. Вотъ почему я назначаю вамъ часъ, въ который намъ, вѣроятно, никто не помѣшаетъ. Мой лучшій привѣтъ».

Подпись была не такая, какъ въ послѣднихъ полученныхъ отъ нея запискахъ, а какъ въ первой, написанной ею Хотфейлю,—просто: «Саллашъ-Карлсбергъ», безъ имени. Молодой человѣкъ читалъ и перечитывалъ эти строки, отъ которыхъ вѣяло леденящимъ холодомъ. Очевидность ошеломила его: баронесса Эли узнала о его вчерашней покупкѣ въ Монте-Карло... И всѣ терзанія долгихъ опасеній слились въ смертельную тоску и вырвались въ одномъ стонѣ:

— Она все знаетъ. Я погибъ!

М. Р.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОТДЫХЪ.

„Пока человѣкъ живетъ, онъ не чувствуетъ своей собственной жизни: она, какъ звукъ, становится ему внятною спустя нѣсколько времени".

Ив. Тургеневъ.
(Дневникъ лишняго человѣка.)

Солнце горѣло и яркими искрами обсыпало мелкую рябь Волги. Громадное синее небо сіяло спокойной, радостною красотой. Двухъэтажный пароходъ плавно и быстро катился внизъ по рѣкѣ, оставляя за собою крупныя, лѣнивыя волны. На одномъ изъ береговъ раскинулась березовая роща съ ярко-зелеными полянками, на другомъ — величаво вытянулся лѣсъ. Ели тѣснились и ползли другъ на друга. Между прямыми, темными стволами было прохладно и жутко. Изрѣдка бѣлѣла и блестѣла серебристая кора березы. Пахло смолой и разогрѣтою хвоей.

Марья Ниловна Мигаева уже второй день сидѣла на палубѣ и съ любопытствомъ смотрѣла кругомъ. Она въ первый разъ попала на Волгу; да, вообще, она въ первый разъ выѣхала изъ Петербурга, гдѣ прожила всю свою жизнь, т.-е. болѣе сорока лѣтъ. Теперь она сидѣла на палубѣ и точно во снѣ видѣла зеленые берега, стальную воду, деревни, города съ сотнями церквей, какія-то особенныя колокольни, какіе-то громадные безконечные лѣса и ослѣпительно яркіе луга. Раскрытая книга *Histoires extraordinaires* Эдгара Поэ (въ переводѣ Бодлэра) лежала у нея на колѣняхъ, а она не могла читать, не понимала того, что читала.

Какъ всѣ люди, мало бывающіе въ обществѣ, Марья Ниловна съ любопытствомъ осматривала окружающихъ и въ сутки успѣла изучить почти всѣхъ своихъ спутниковъ. Старушка помѣщица везла къ себѣ въ деревню внучку институтку, дѣвочку лѣтъ четырнадцати; какой-то толстякъ въ чесунчѣ ѣхалъ съ двумя до-

черьми и все время добродушно поддразнивалъ ихъ; стройный студентъ ходилъ слѣдомъ за хорошенькой дѣвушкой въ синемъ платьѣ; молодая женщина въ траурѣ ѣхала, должно быть, къ мужу, такъ какъ постоянно твердила мальчику лѣтъ пяти: «Вотъ скоро, скоро папу увидимъ...» Какая-то дама, въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, показывалась не надолго на палубѣ и опять скрывалась. Съ ней ѣхалъ благообразный старикъ и изящный молодой человѣкъ; старикъ говорилъ ей и молодому человѣку «ты», она называла старика Michel и «ты», а молодого — Сережа и «вы»; Марья Ниловна видѣла, какъ этотъ Сережа приносилъ ей съ пристаней цвѣты, какъ ухаживалъ за старикомъ, котораго называлъ «Михаилъ Степановичъ», какъ былъ почтителенъ съ «Александрой Борисовной», и не могла себѣ уяснить, въ какихъ отношеніяхъ находится эта семья. Гораздо понятнѣе былъ для нея студентъ, ходившій по пятамъ за синенькой дѣвушкой. При первомъ же взглядѣ на нихъ ей вспомнилась игрушка, которую она уже лѣтъ тридцать и не видала: уточка, плавающая въ тарелкѣ за магнитомъ. Марья Ниловна въ умѣ такъ и прозвала студента «утя» и смотрѣла на него, какъ на стараго знакомаго. Дѣвушка тоже напомнила ей что-то далекое, хорошее: она видала такихъ въ Петербургѣ, и эта,въ своей синей блузкѣ съ кожанымъ кушакомъ, въ маленькой соломенной шляпѣ, напомнила ей почему-то ея молодость, ея разлетѣвшихся куда-то подругъ. Она не хотѣла подслушивать и невольно слушала какъ студентъ радовался, что дѣвушка позволила ему проводить ее до ея «родного города», гдѣ онъ познакомится съ ея матерью и скажетъ ей, что «они рѣшили стать мужемъ и женой, чтобы нога въ ногу, дружно и бодро идти вмѣстѣ всю жизнь...»

— А если мама не согласится? — поддразнивала его синяя дѣвушка.

— Я не допускаю такого деспотизма, — съ искреннимъ негодованіемъ отвѣчалъ студентъ.

Марья Ниловна опускала голову и принималась за Эдгара Поэ. Она нарочно остановилась на этой книгѣ, такъ какъ докторъ, отправляя ее на Волгу, совѣтовалъ ей отрѣшиться отъ петербургской обстановки, отъ ежедневныхъ заботъ. Ей самой хотѣлось забыть хоть не надолго все то, чѣмъ она жила до сихъ поръ, и она старалась углубиться въ «необыкновенныя исторіи» Поэ. Но жизнь, та новая жизнь, которую совсѣмъ еще не знала Марья Ниловна, обступила ее со всѣхъ сторонъ, приковывала ея глаза, лѣзла ей въ уши.

— Grand maman, смотрите, какая роща! Сколько на этихъ

полянкахъ должно быть луговичковъ,—такіе черные, съ маленькими бархатными шапочками на высокихъ ножкахъ.

Дѣвочка говорила это съ какимъ-то особеннымъ, совершенно непонятнымъ для Марьи Ниловны, аппетитомъ.

Старушка съ любовью взглянула на внучку и сказала чистымъ московскимъ говоромъ:

— У насъ въ Бариновой рощѣ не хуже.

И этотъ говоръ, и названіе «Баринова роща» были почему-то пріятны Марьѣ Ниловнѣ. Она опускала зеленый томикъ на колѣни и невольно продолжала слушать, что говорилось кругомъ нея.

— Скорѣе бы намъ до нашей Каменевки добраться.

— Зачѣмъ? Подольше бы. На пароходѣ такъ весело.

— А мама? Бѣдная, больная мама. Какъ она тебя ждетъ. Я думаю, съ бельведера не сходитъ, все смотритъ на пристань...

Старушка укоризненно покачала головой; дѣвочка ласково поцѣловала ее и незамѣтно подошла къ синей барышнѣ и студенту. Тѣ говорили о сродствѣ душъ, о разумномъ трудѣ, о борьбѣ съ предразсудками. Дѣвочка, видно, ничего не понимала, но жадно слушала ихъ.

Марьѣ Ниловнѣ нѣсколько разъ хотѣлось заговорить съ кѣмъ-нибудь, но у нея не было привычки знакомиться, не было привычки говорить и она сидѣла одиноко и въ сотый разъ принималась читать: «Il y a quelques années, je me liai intimement avec un monsieur William Legrand».

Мягкій зеленый коверъ покрылъ правый берегъ Волги; онъ то темнѣлъ въ ущельѣ, то холмился яркими веселыми пятнами. Иногда на бархатномъ фонѣ стараго лѣса выступало сѣровато-зеленое кружево кустарника и спадало къ самой рѣкѣ. Чайки, распустивъ свои нарядныя крылья, плавно кружились около парохода. Марья Ниловна любовалась, какъ синенькая дѣвушка и «утя» бросали хлѣбъ чайкамъ и какъ ловко птицы на-лету хватали его. Дѣвушка весело и громко смѣялась, «утя» весь свѣтился радостью и счастьемъ; бѣлыя крылья чаекъ ярко сверкали на солнцѣ. Для Марьи Ниловны бѣлый цвѣтъ всегда былъ праздничнымъ цвѣтомъ; она только на Пасху, да и то въ юности, надѣвала бѣлое платье, и теперь эти чайки безотчетно напомнили ей что-то радостное, свѣтлое. Она закинула голову кверху: серебристыя облака разсыпались по небу пушистыми комьями. Яркая синева неба казалась еще ярче, еще синѣе отъ мягкихъ бѣлыхъ клубовъ. Теплый вѣ-

теръ, пропитанный запахомъ сѣна, сосны, мокраго дерева и чистой воды, окутывалъ и ласкалъ.

— Какъ хорошо,—сказала вслухъ Марья Ниловна.

Сказала это и удивилась: ей, кажется, никогда въ жизни не приходилось говорить этого? Она, по крайней мѣрѣ, не могла бы вспомнить такой минуты; въ дѣтствѣ, можетъ быть? Но даже и дѣтство не представлялось ей очень веселымъ. Она родилась и выросла въ Петербургѣ. Отецъ ея служилъ въ одномъ изъ министерствъ и каждое двадцатое число приносилъ женѣ пачку денегъ. Марья Ниловна не знала тогда, много или мало приносилъ отецъ, но она видѣла, что мать ея постоянно считала и высчитывала, какъ бы ей дожить до слѣдующаго двадцатаго числа. Эти высчитыванья съ неустанною заботой дать «приличное» образованіе единственной дочери Манѣ составляли всю жизнь матери. Маню учили музыкѣ, учили языкамъ, и мать сама слѣдила, чтобы ни одинъ урокъ не пропалъ даромъ. Дѣвочка постоянно слышала, какъ дорого стòитъ родителямъ ея образованіе, и изо всѣхъ силъ старалась учиться добросовѣстно. Цѣлые дни, съ утра до вечера, проходили въ занятіяхъ, въ занятіяхъ скучныхъ, подневольныхъ. Гимназія, приготовленіе уроковъ дома, гаммы и экзерсисы, частныя занятія со швейцаркой, французскіе и нѣмецкіе переводы и разговоры не оставляли ни одного часа свободнаго. Маня была нервная, конфузливая, неувѣренная въ себѣ, у нея было плохое здоровье и плохая память; ученье доставалось страшно трудно. Она съ каждаго экзамена возвращалась хотя съ пятеркой, но совершенно измученная, истерзанная. И ей даже и въ голову никогда не приходила возможность относиться менѣе добросовѣстно къ занятіямъ и пожалѣть немного себя. Она окончила гимназію съ золотою медалью, и родители ея были въ восторгѣ. Въ этотъ же годъ умеръ отецъ. Начались хлопоты о пенсіи, исканіе занятій. Мать вся ушла въ заботы и тревогу. Благодаря ея энергіи и умѣнью, Марьѣ Ниловнѣ скоро посчастливилось попасть на службу на телеграфъ. И опять пошла рабочая жизнь съ добросовѣстнымъ исполненіемъ долга, съ утомленіемъ и нервною торопливостью. Мать все хворала, требовала непрестанныхъ заботъ и, промучившись нѣсколько лѣтъ, умерла, оставивъ Марью Ниловну одну на всемъ свѣтѣ. Были, конечно, и знакомые, и родственники, но Марья Ниловна сама не помнитъ, какъ онѣ съ матерью, въ тяжелые годы нужды и болѣзни, растеряли всѣхъ ихъ. Когда умерла мать, Марья Ниловна осталась совсѣмъ одинокой; такъ и живетъ одинокая вотъ уже семнадцать лѣтъ, живетъ безъ семьи, безъ радости, безъ природы.

Семнадцать лѣтъ просидѣла она въ душной маленькой комнатѣ: одинъ день на городской телеграфной станціи, другой день у себя. И здѣсь, и тамъ передъ ея глазами былъ каменный мѣшокъ — петербургскій дворъ; и здѣсь, и тамъ было темно, сыро и тѣсно. На станціи пахло дешевымъ табакомъ, сапогами разсыльныхъ, помѣщавшихся въ сосѣдней комнатѣ, и керосиновою гарью отъ плохой казенной лампы. Дома постоянно стоялъ запахъ щей и луку,—неизмѣнною ѣдой квартирной хозяйки Марьи Ниловны.

Телеграфная служба очень утомляла Марью Ниловну, но она безропотно отправлялась черезъ день, въ четверть девятаго, на дежурство и съ полною покорностью судьбѣ просиживала на станціи одиннадцать часовъ; и не столько утомляла ее служба, сколько постоянная боязнь потерять ее. Каждое двадцатое число она получала жалованье и могла существовать на него, конечно, безъ роскоши, даже безъ малѣйшаго баловства. Все до послѣдней копѣйки уходило на необходимое: жилье, ѣда, прачка, одежда. Каждый гривенникъ былъ на счету, каждый грошъ впередъ предназначенъ. На портниху, конечно, не оставалось ни копѣйки, поэтому все, кромѣ башмаковъ, приходилось дѣлать своими руками. Весь свободный день уходилъ на заботы «около себя»; и эти заботы наползали каждый день и почти не оставляли времени даже на чтеніе—единственную радость Марьи Ниловны. Когда она перебрала въ умѣ, какъ проходилъ ея день, то не могла не улыбнуться: встанетъ въ семь часовъ, темно, холодно; сваритъ кофе, напьется, перемоетъ посуду, уберетъ комнату и идетъ на дежурство; если же свободна, садится работать: штопать чулки, подшивать подолъ у юбки, шить бѣлье или платье. Потомъ пойдетъ купить что-нибудь для себя. Такъ день и пройдетъ. Завтра опять на дежурство, гдѣ ее встрѣтитъ старый разсыльный Шильниковъ и скажетъ: «Честь имѣю кланяться, барышня». Она отвѣтитъ ему: «Здравствуйте, Шильниковъ. Много вчера работы было?»—«Порядочно. Входящихъ шестьдесятъ, да исходящихъ около сотни»...

И такъ шла жизнь за однимъ и тѣмъ же дѣломъ, съ одними и тѣми же мыслями и даже словами. Все шло тихо, спокойно, и Марьѣ Ниловнѣ никогда не приходило въ голову отдать себѣ отчетъ: счастлива ли она? Съ тѣхъ поръ, какъ замолкли слухи о томъ, что женщинъ исключатъ изъ телеграфной службы, она почти совсѣмъ успокоилась. Но вдругъ на нее налетѣла инфлуэнца, и хотя была не сильная, но оставила за собой осложненіе: безсонницу и слабость зрѣнія. Дежурить стало трудно: «точки» и «тире» скакали передъ глазами; привычная боязнь перепутать телеграммы дошла

до страшнаго напряженія; обострилось и чувство утомленія, постоянно давившее Марью Ниловну. Когда она перепутала очень важную «входящую», начальникъ станціи заговорилъ съ ней объ отпускѣ. Докторъ настаивалъ на отдыхѣ и перемѣнѣ воздуха и обстановки. Начальникъ станціи имѣлъ возможность достать даровой билетъ на одинъ изъ волжскихъ пароходовъ, выхлопоталъ отпускъ Марьѣ Ниловнѣ, и она, послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ сѣрой жизни въ сѣрыхъ стѣнахъ, очутилась на Волгѣ.

Передъ нею точно открылся совсѣмъ новый міръ, совсѣмъ новая жизнь безъ ежесекундныхъ разсчетовъ, безъ непрестанныхъ оглядокъ и какой-то привычной боязни. Ширь, просторъ, привѣтливая и совсѣмъ незнакомая ей природа опьянили ее. Она никогда не думала, что въ іюнѣ бываетъ такъ тепло; ее удивило, что вся природа уже одѣлась и жила полною, могучею жизнью. Ей показалось, что радость этой полной жизни была разлита и въ воздухѣ, и въ людяхъ, и въ каждомъ листочкѣ.

— Какъ хорошо,—опять сказала Марья Ниловна.

Блестящія волны рѣки уходили куда-то далеко, далеко, гдѣ и вода, и берега, и лѣсъ, и облака были окутаны лучезарною дымкой. Все сливалось въ какую-то неуловимую, фантастическую даль. И эта даль неудержимо потянула къ себѣ Марью Ниловну. Ей захотѣлось утонуть въ ней, умереть тамъ, въ густой, душистой травѣ, на теплой мягкой землѣ, задохнуться отъ запаха цвѣтовъ, отъ радости сліянія съ природой, со всѣмъ свободнымъ, безграничнымъ міромъ.

Ей захотѣлось счастья. И крупныя свѣтлыя слезы тихо поползли по ея безцвѣтнымъ щекамъ.

День подходилъ къ концу. Солнце медленно опускалось все ниже и ниже. Овраги на правомъ берегу Волги зардѣлись теплымъ краснымъ цвѣтомъ. Отъ деревьевъ потянулись длинныя тѣни.

Марья Ниловна все оставалась на палубѣ съ зеленою книжкой въ рукахъ. Весь день она переходила съ мѣста на мѣсто, и это перемѣщеніе, связанное съ какимъ-то безотчетнымъ безпокойствомъ, очень утомило ее.

— Вотъ и отдыхъ,—подумала она, — устала хуже, чѣмъ въ Петербургѣ.

Нехорошее настроеніе не оставляло ее. Она пошла къ себѣ въ каюту и достала изъ чемодана самое нарядное платье. Куда она берегла его? Вотъ уже три года, что она его сшила, и почти не надѣвала; все жалѣла. Нѣтъ, не жалѣла, а не привыкла «одѣваться»,

не привыкла заниматься собою. А тутъ ей вдругъ захотѣлось быть понаряднѣе и покрасивѣе. Она подошла къ зеркалу, чтобы перечесать волосы, и пристально посмотрѣла на себя.

— Какъ я загорѣла! — испуганно подумала она. — А загаръ всѣхъ портитъ.

Изъ зеркала также пристально смотрѣло на нее худое, сѣрое лицо. Мелкія морщинки шли по всѣмъ направленіямъ: по лбу, отъ глазъ къ вискамъ и отъ глазъ къ носу; двѣ большія морщины шли отъ носа къ губамъ; губы были сѣроватыя, какъ и глаза, какъ и волосы. Бѣлые зубы напомнили Марьѣ Ниловнѣ, какъ съ самыхъ маленькихъ лѣтъ она должна была слѣдить и ухаживать за ними. Мать очень заботилась о здоровьѣ дочери и пріучила къ этому Марью Ниловну. И ото всего прежняго облика остались одни зубы. Глаза точно потухли и все лицо точто запылилось, точно выцвѣло. Марья Ниловна «дома» не отдавала себѣ въ этомъ отчета, а теперь вдругъ увидала, какъ она постарѣла и отцвѣла. И даже ея лучшее платье показалось ей здѣсь и бѣднымъ, и тусклымъ. «Точно богадѣленка», рѣшила она, еще разъ вглядываясь въ зеркало. Она приколола подъ подбородкомъ бантъ, потрепала немного волосы, пріученные плотно обхватывать голову, расправила отдѣлку на шляпѣ и вышла на палубу.

Здѣсь почти всѣ мѣста были заняты. Красивый закатъ вызвалъ всѣхъ на воздухъ. Было какъ-то особенно оживленно и шумно. Вѣтеръ стихъ и было слышно каждое слово, каждый вздохъ.

Толстякъ съ дочерями и какимъ-то молодымъ человѣкомъ, успѣвшимъ познакомиться съ ними, стоялъ у самаго борта и говорилъ:

— На выставкахъ все это тысячи разъ видѣли... И вывороченные корни, и оранжевый песокъ, и клюквенный закатъ... Ну, что смотрѣть?

— Ахъ какая прелесть! — восхищалась одна изъ барышенъ, не желая придавать значенія словамъ отца.

— Какое красное солнце! — сказалъ молодой человѣкъ.

— Это къ вѣтру...

— Нѣтъ къ дождю...

— А я слыхала, что къ вѣтру...

— А я слыхалъ, что къ дождю...

Всѣ почему-то разсмѣялись..

Дама въ глубокомъ траурѣ, необыкновенно оживленная и точно похорошѣвшая, играла со своимъ мальчикомъ, протягивая къ нему ладони; мальчикъ клалъ на нихъ пухленькія ручки и съ гром-

кимъ смѣхомъ отдергивалъ ихъ при каждомъ движеніи матери; когда же она ударяла по нимъ, онъ серьезно подставлялъ свои ладони и начиналъ ловить руки матери. И оба смѣялись и визжали при этомъ.

Молодой человѣкъ, котораго называли «Сережей», стоялъ рядомъ со своей красивой и нарядной спутницей и о чемъ-то просилъ ее. Ея изящное, тоненькое личико, освѣщенное закатомъ, точно свѣтилось извнутри.

— Еще хоть полчаса,—говорилъ молодой человѣкъ.

Она ясно улыбнулась ему въ отвѣтъ.

— Я и то просрочила. Онъ велѣлъ разбудить ровно въ половинѣ восьмого, а теперь восемь.

— Воздухъ его утомляетъ. Пусть поспитъ. Это здорово.

— Вечеромъ за то долго не заснетъ... Надо будетъ съ нимъ сидѣть.

— Ступайте. Будите поскорѣе, и серьезно, и не безъ лукавства сказалъ молодой человѣкъ.

— Неужели она обманываетъ мужа?—подумала Марья Ниловна и вся похолодѣла отъ одной этой мысли.

Дымчатыя облака съ малиновыми краями низко спустились къ водѣ. Бѣлые стволы березъ казались совсѣмъ розовыми. Марья Ниловна хотѣла любоваться ими, но увидала «утю» одинокаго, грустнаго и невольно заинтересовалась имъ. Студентъ глядѣлъ въ воду и съ ожесточеніемъ курилъ папиросу за папиросой. Синенькая дѣвушка сидѣла поодаль и дѣлала видъ, что очень занята чтеніемъ. Она должно быть поссорилась съ «утей». Марьѣ Ниловнѣ стало такъ жаль одиноко сидящаго студента, что она подошла бы къ нему, заговорила бы, еслибъ не видѣла, что ему до нея, какъ и до всего міра, кромѣ синей дѣвушки, не было никакого дѣла.

Старушка помѣщица укладывала въ рабочую корзиночку свое вязанье.

— Нина, собирай свои вещи... разбросала вездѣ...

— Grand maman! развѣ такъ скоро?

— Черезъ часъ, полтора и дома.

— Неужели?!

И дѣвочка привскочила отъ радости и конфузливо оглянулась кругомъ и виновато взглянула на бабушку.

— А мама выйдетъ насъ встрѣтить? — спросила она, очевидно желая объяснить причину своей радости.

— Конечно, развѣ она утерпитъ, чтобы не встрѣтить свою баловницу?

Дѣвочка радостно побѣжала въ каюту собирать вещи. Марья Ниловна посмотрѣла ей вслѣдъ, вспомнила почему-то о своей матери и подумала: очень ли она любила ее? Она никогда не разставалась съ ней, поэтому не можетъ вспомнить такой радости при встрѣчѣ, какую увидѣла сейчасъ у этой институтки. Но, конечно, она любила свою бѣдную, худенькую мать. Она и до сихъ поръ не можетъ безъ нѣжности вспомнить о ней. Да! Но ей жаль, зачѣмъ онѣ, всю жизнь живя вмѣстѣ, жили такъ далеко другъ отъ друга, зачѣмъ она не проникла въ душу матери, зачѣмъ давала ей такъ уходить въ житейскія заботы, хозяйство, въ усчитываніе копѣекъ. Цѣлые дни, цѣлые годы проходили въ мелкой ежедневной суетѣ. Такъ прошла и вся жизнь. Уже послѣ смерти матери Марья Ниловна свила около нея какой-то вѣнчикъ, и память о ней стала для нея священной; а при жизни она должно быть тяготилась ею. Толки о дороговизнѣ жизни, вѣчное хныканье и жалобы на недостатокъ средствъ, столкновенія съ прислугой, затѣмъ долгая болѣзнь, раздражительность и мнительность, безконечное умираніе и безконечная мука — вотъ что вспомнилось теперь Марьѣ Ниловнѣ. Въ сущности смерть матери принесла ей освобожденіе. Да, но за то принесла и одиночество. А развѣ при матери она не была одинока? Развѣ не одиноко перенесла она горе разлуки съ Петровскимъ? Онъ нравился ей и кажется очень любилъ ее, а мать перестала принимать его, потому что онъ былъ «поднадзорный». Развѣ не одиноко задавила она въ себѣ чувство къ Рукину, не одиноко перестрадала свою любовь къ нему, только изъ-за того, что онъ былъ женатый, а мать была «строгихъ правилъ», и для нея была бы просто ударомъ любовь дочери къ женатому человѣку. И недоброе, мучительное чувство сжало сердце Марьи Ниловны. Всѣ кругомъ нея чего-то ждали, куда-то торопились, были кому-то нужны, дороги... А она?...

— Какъ весело! Почему такъ весело? Смѣяться хочется...

Марья Ниловна обернулась и увидѣла синюю дѣвушку съ заплаканными глазами и краснымъ носикомъ. Студентъ стоялъ спиной къ периламъ и нѣжно, и радостно смотрѣлъ на нее.

— Это—кислородъ,—сказалъ онъ шутливо.

— Это—счастье,—серьезно отвѣтила ему дѣвушка.

Сердце Марьи Ниловны больно заныло; рыданія подступили къ горлу. Она быстро ушла съ палубы.

Въ каютѣ было душно. Марья Ниловна лежала съ открытыми глазами и, какъ ни старалась, не могла заснуть. Грустныя думы

неотступно вертѣлись въ ея головѣ и не давали ей успокоенія. Никогда прежде ей не случалось такъ много думать о себѣ. Некогда было, уставала очень, повода не было. Она жила день за днемъ, ночь за ночью, не останавливаясь, не задумываясь, не предъявляя никакихъ требованій. Ей даже и въ голову не приходило, что она могла бы жить, какъ другіе, жить иною жизнью, свободной и полной. Городъ, нужда и служба такъ сковали ее, что она и не замѣчала этихъ оковъ и даже мысленно не пыталась сбросить ихъ. Они точно приросли къ ней, стали ея необходимою, хотя и тяжелою принадлежностью. И только теперь, когда она вышла изъ обыденныхъ рамокъ, она почувствовала всю тяжесть этихъ оковъ, увидала всю прелесть иного существованія, и вдругъ ея жизнь показалась ей такою же сѣрой, какъ ея глаза, волосы, губы, какъ то лицо, которое такъ поразило ее сегодня въ зеркалѣ. Что-то безцвѣтное, безотрадное, томительно-скучное носилось передъ ней. Она вертѣлась съ боку на бокъ, старалась забыть, не думать и опять сѣрое лицо, говорившее ей о сѣрой жизни, смотрѣло на нее сѣрыми глазами и о чемъ-то спрашивало ее. Оно точно въ первый разъ сказало Марьѣ Ниловнѣ, что ей сорокъ два года. Для дѣвушки это почти старость. Жизнь кончена. Жизнь! Развѣ ея тусклое томленіе изо дня въ день жизнь? Работать для того, чтобы не умереть, и не умирать для того, чтобы работать — жизнь? Господи! Да неужели стоило родиться, болѣть, уставать, мучиться физически и нравственно, неужели стоило занимать мѣсто на земномъ шарѣ, чтобы жить такъ, какъ жила она? Безъ разнообразія, безъ перемѣнъ, безъ радостей, даже безъ желаній, даже безъ горя. Смерть матери и отца была единственнымъ сильнымъ впечатлѣніемъ въ жизни; никакихъ другихъ не было; не было ни настоящей любви, ни настоящаго разочарованія, не было даже надеждъ. Ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ — ничего. Нечего вспомнить, нечего ждать, не на что надѣяться. Ни въ головѣ, ни въ сердцѣ — ничего.

Она быстро встала, торопливо одѣлась и выбѣжала на палубу, точно хотѣла спастись отъ мыслей.

Надъ Волгой спустилась теплая ночь. Тысячи звѣздъ мигали съ глубокаго неба. На плотахъ, у береговъ, зажглись огоньки. Тянуло дымкомъ. Слышалась пѣсня.

— Вотъ это ночь, — говорилъ кто-то. — Не то, что въ вашемъ чухонскомъ Петербургѣ: «ни день, ни ночь, ни свѣтъ, ни тьма»...

Ночь дѣйствительно была совсѣмъ черная. Въ двухъ шагахъ нельзя было разглядѣть лица. Подъ теплымъ, звѣзднымъ небомъ

слышался только шумъ воды, да тихія неясныя рѣчи. Душный вѣтеръ несъ съ собой ласку и нѣгу.

— Неужели все, что выдумали люди: общественное положеніе, обстановка, роскошь — всѣ эти глупости стòятъ такой ночи? Стòятъ, Саша?

Марья Ниловна узнала голосъ спутника красивой «Александры Борисовны». Она съ ужасомъ ждала ея отвѣта. Та молчала.

— Выходи за меня замужъ... Ты увидишь, какъ хорошо я буду тебя любить...

— А развѣ теперь ты не хорошо любишь?

— Не хорошо... Люблю, какъ воръ... Уступаю тебя другому... Не могу я больше такъ... Когда-нибудь прямо скажу ему...

— Не смѣешь, если я не хочу... Теперь еще не время...

— Для любви, для счастья нѣтъ времени. Ты всегда говоришь это.

— А развѣ ты не счастливъ? Я тебя обожаю.

— Ты знаешь, что одной этой фразы довольно, чтобъ я пошелъ на все: на обманъ, на подлость, на преступленіе...

Марья Ниловна стояла, не шевелясь. Она вся дрожала отъ слышанныхъ словъ и не могла двинуться съ мѣста. Она вспомнила, какъ эта женщина въ бѣломъ суконномъ платьѣ, съ громаднымъ пучкомъ ландышей за поясомъ, съ безгрѣшнымъ выраженіемъ лица и необыкновенно яснымъ взглядомъ, показалась ей Мадонной. Неужели можно такъ ужасно лгать,—лгать не только словами, но и голосомъ, и взглядомъ, и всѣмъ своимъ обликомъ? Неужели можно такъ нагло обманывать людей?

— Оставь его... Уходи ко мнѣ...

— Ты опять?

— Да опять, всегда, всю жизнь...

— Мнѣ больно, когда ты начинаешь говорить такъ...

— Почему? Объясни хоть разъ—почему?

— Не знаю... Я не могу, я не хочу выходить за тебя...

— Саша!

— Да... Я слишкомъ тебя люблю, чтобы быть твоею женой...

— Опять софизмы.

— Нисколько... Ты знаешь, какъ я смотрю на бракъ. Бракъ—это обстановка, это визиты, это «кругъ знакомыхъ»... Общія дѣла, общіе разсчеты и выгоды, общая скука и проза жизни... Ничего этого я не хочу съ тобой... Не хочу!

— А хочешь мучить меня?

— Я хочу дать тебѣ счастье, одно только счастье... Я тебя обожаю и не хочу губить тебя...

— Губить?

— Да. Какъ жена, я невыносимая: капризная, избалованная, нервная...

— Ты самое благородное, самое высокое созданіе въ мірѣ.

— Нѣтъ... Я—порочная... Для жены это ужасно, для любовницы—прелесть.

— Не говори о себѣ такъ... Передъ Богомъ ты моя жена... Ты всегда клевещешь на себя.

— Я всегда говорю правду.

— Въ чемъ же твоя порочность? Въ томъ, что ты, какъ нянька, ухаживаешь за старымъ мужемъ, въ томъ, что отдала всю жизнь больному, отжившему человѣку?

— Я избалованная, изнѣженная. Люблю роскошь, люблю блескъ, люблю все, что незаконно, все, что не позволяется. Я считаю, что весь міръ долженъ служить мнѣ.

— Ну, еще что? Клевещи на себя до конца.

— Неужели мало? Я кокетка. Мнѣ всѣхъ нужно завлечь, замучить. Я—непостоянная. Я—не могу долго любить. Я тебя разлюблю скоро.

— Не говори этого. Ты не смѣешь разлюбить меня.

Она искренно разсмѣялась.

— Почему это?

— Потому что я всю жизнь, всегда, вездѣ буду говорить тебѣ о моей любви, буду молиться на тебя, буду такъ любить тебя, что ты никогда не разлюбишь.

«Вотъ какихъ женщинъ любятъ»,—подумала Марья Ниловна, и какое-то мучительно-злобное чувство наполнило ее. Она задыхалась отъ негодованія, не хотѣла слушать этихъ «безсовѣстныхъ» людей и не могла не слушать.

— И я разлюблю и ты разлюбишь.

— Ты для меня одна. Одна и на всю жизнь.

— Не вѣрю.

— Должна вѣрить.

— Не могу. Разлюбишь, какъ разлюбилъ свою княгиню, какъ бросилъ для меня свою...

— Саша! Не сравнивай себя съ ними.

— Всѣ такъ говорятъ!

Глухой стонъ пронесся по палубѣ. Марья Ниловна насмѣшливо улыбнулась.

— Милый, милый, милый!—услышала она ласковый и нѣжный шепотъ.

— Отчего тебѣ такъ пріятно мучить меня? Ты знаешь, что мнѣ больно, когда ты говоришь про себя всякія гадости. Ты—моя гордая, недосягаемая, святая.

Марью Ниловну всю передернуло отъ негодованія. Ей неудержимо захотѣлось разбудить глупаго мужа, привести его сюда и заставить послушать, что говорила его жена, показать ему его «святую, недосягаемую» супругу и полюбоваться, что изъ этого выйдетъ.

— Отчего ты мнѣ не вѣришь? Отчего?

— Вѣчная любовь. Какой ты счастливый, что можешь вѣрить въ нее. А я съ первой минуты, съ перваго поцѣлуя вижу конецъ и мучаюсь. Это ужасное несчастье не вѣрить. Но кто, какъ я, много страдалъ, много любилъ...

— Я не могу этого слышать.

— А я хочу тебѣ все сказать.

— Почему ты сегодня особенно жестока со мной?

— Не знаю... Небо такое... Тяжело лгать... Тамъ въ Петербургѣ, мнѣ хотѣлось казаться иной. А здѣсь хочется, чтобы ты все зналъ.

— Я знаю, что ты серьезно любила Н., — грустнымъ и точно виноватымъ тономъ проговорилъ молодой человѣкъ.

— Да, любила.

— И развѣ я могу тебя винить за это?

— Любила до безумія, до болѣзни, чуть не умерла. Хотѣла быть честной женой, задавила въ себѣ это чувство и изломала всю себя. Что болѣзнь? Это—вздоръ. Но я увидала смерть, и вотъ это-то меня и изуродовало. Кому была нужна моя жертва? Такъ-называемому «свѣту»? Все равно никто не повѣрилъ ей. Я думаю, ты сто разъ слышалъ про мою... про мою близость съ Н.?

Онъ молчалъ. Она опять заговорила нервно и грустно:

— Мужъ ничего не замѣтилъ: ни моей любви, ни моихъ страданій. Я могла умереть, и никто не повѣрилъ бы изъ-за чего я умерла. А если бы повѣрилъ, то сказалъ бы: «глупо». Я сама теперь сказала бы это. Смерть все уничтожаетъ: и жертвы, и преступленія, и, такъ-называемую, честь и безчестье.

— Это деморализующая точка зрѣнія, Саша.

— Знаю. Но разъ встанешь на нее—все озарится иначе. Нѣтъ ни силъ, ни желанія бороться. Одинъ только разъ живетъ человѣкъ.

«Безсовѣстная, безсовѣстная»,—повторяла про себя Марья Ниловна и быстро подошла къ говорящимъ. Ей захотѣлось помѣшать имъ говорить «такія гнусности», зажать имъ ротъ своимъ присутствіемъ. Но никто и не замѣтилъ ее

— И люби, покуда любится,—говорилъ нѣжный женскій голосъ, и не трать такихъ вечеровъ, какъ сегодняшній, на ненужныя сомнѣнія, на заглядываніе въ будущее, на созданныя самими же людьми угрызенія совѣсти. Будешь счастливъ одинъ вечеръ—хорошо. Будешь счастливъ одинъ годъ—еще лучше. Послѣ Н. я любила еще два раза. Любила не очень сильно, но за то весело. Ты третій.

— Я не вѣрю. Ты лжешь на себя. Ты хочешь, чтобъ я разлюбилъ тебя.

— Да... хочу.

— А я не разлюблю. Не могу разлюбить. Разсказывай, какіе хочешь ужасы про себя,—не повѣрю.

— Не вѣрь. Я не знаю, что со мной сегодня. Ты любишь меня?

— Скажи: утопись!—сейчасъ брошусь въ Волгу. Ни секунды не задумаюсь... А ты? Ты счастлива со мной?

— Не знаю, что будетъ дальше, а теперь я безумно счастлива и благодарна тебѣ за это счастье. Вспомни, какъ хорошо намъ бываетъ тамъ, въ нашемъ уголкѣ, гдѣ никто насъ не знаетъ, никто насъ не видитъ. Какія добродѣтели могутъ дать такое яркое, такое жгущее счастье?

Она умолкла. Молчалъ и онъ. Но это молчаніе было до того насыщено любовью и радостною близостью любящихъ людей, что Марья Ниловна не вынесла. И опять мучительная злоба, негодованіе и тоска стиснули ей сердце.

«Люби, покуда любится!»—вотъ какъ надо разсуждать. А она, ради какихъ-то соображеній, ради боязни огорчить мать, два раза въ жизни убила въ себѣ чувство, не позволила себѣ увлечься ни на минуту, постоянно держала себя въ рукахъ. И осталась навсегда даже безъ воспоминаній о радости жизни. А эта порочная, лживая, пустая женщина съ ея циничной теоріей счастлива и считаетъ себя совершенно правой.

— Саша! Саша!—услыхала она.

И этотъ ласковый шепотъ, съ такой искренней любовью произносящій милое имя, показался Марьѣ Ниловнѣ вопіющей несправедливостью. Неужели этотъ юноша не видитъ, какъ его водятъ за носъ? Неужели онъ не понимаетъ, что эта женщина, съ ея безнравственными принципами, не стоитъ ни любви, ни уваженія поря-

дочнаго человѣка? Неужели такая женщина достойна счастья? И чувство горькой обиды забилось въ ней. Ей опять вспомнилось, какъ ей нравился Рукинъ и какъ она ему сказала, чтобъ онъ не бывалъ у нихъ, что «мама» не допуститъ и мысли о томъ, чтобъ она полюбила женатаго, и какъ плакала потомъ по ночамъ, чтобы мать не слышала, не узнала... А мать унесла въ могилу ея жертвы и оставила ее одну, никому не нужную, никому не милую.

Одна! Всегда, вездѣ одна, одна на всю жизнь. Въ цѣломъ необъятномъ мірѣ, съ милліонами людей—одна; среди этихъ милліоновъ нѣтъ ни одного человѣка, кому бы она была нужна, мила, кто бы ждалъ ее, обрадовался бы ей, приласкалъ бы ее, съ кѣмъ бы она могла поплакать вволю.

Марья Ниловна быстро встала и пошла на другую сторону парохода. Ночь стала еще темнѣе. Съ запада ползла тяжелая, черная туча. На палубѣ почти никого не было. Марья Ниловна прижалась къ стѣнкѣ и, съ непонятною для нея тоской въ груди, стала смотрѣть на небо. Ей хотѣлось исчезнуть въ его темной глубинѣ. Вдругъ она вздрогнула; до нея опять донесся ласковый голосъ и нѣжный шепотъ. Синенькая дѣвушка стояла, облокотясь на перила; близко, близко около нея рисовался черный силуэтъ «ути». До Марьи Ниловны долетали отдѣльныя слова; изъ нихъ можно было понять, что говорилось о радости работы вдвоемъ, о безкорыстной любви, о безграничномъ счастьѣ, о полномъ довѣріи, о томъ, какъ хорошо жить на свѣтѣ и какъ прекрасенъ Божій міръ.

Всѣ эти слова, какъ ножомъ, рѣзали сердце Марьи Ниловны. Она хотѣла бѣжать, а ноги не повиновались ей. Она хотѣла не слушать, а ласковые голоса проникали ей въ уши и терзали ее.

— А если вы меня разлюбите?—сказалъ молодой дѣвичій голосъ.

— Никогда я такой подлости не сдѣлаю,—убѣжденно и искренно отвѣтилъ студентъ.

«Господи!—подумала Марья Ниловна,—неужели мнѣ не дано даже и это счастье—радоваться счастью другихъ?

Она понимала, почему ее такъ возмущала та пара, гдѣ замужняя женщина такъ нагло нарушала свой долгъ и все приносила въ жертву своей «гнусной развращенности». Марьѣ Ниловнѣ, правдивой до безтактности, честной до мелочей, нравственной до святости, было невыносимо видѣть, какъ цинично и беззастѣнчиво попиралось все, что она привыкла уважать; она не могла и не хотѣла бороться со своимъ негодованіемъ, со злобнымъ чувствомъ противъ лжи, обмана, разврата. Но тутъ, у этой синенькой дѣвушки, у

этого стройнаго юноши не было такихъ позорныхъ условій, а Марья Ниловна чувствовала въ себѣ ту же злобу до боли, то же раздраженіе до слезъ, какую-то необъяснимую обиду, досаду и горе... И вдругъ ей стало стыдно за себя. И этотъ стыдъ, и горе, и злоба слились въ жалости къ самой себѣ, въ жалости къ сѣренькому худенькому существу, которое для чего-то родилось, жило, боролось... Ради чего? Ради кого?

И ей представилось ея возвращеніе въ Петербургъ, представилась ея сѣрая комнатка съ убогою мебелью и тусклымъ окномъ, выходящимъ на сѣрый дворъ, представилась душная аппаратная, съ запахомъ мокрыхъ сапоговъ и керосинной гари, съ выстукиваніемъ точекъ и тире, изъ которыхъ составлялись чужія слова, чужія мысли, чужія чувства; представилось постоянное утомленіе, постоянная боязнь не опоздать, не замедлить чужое дѣло, не перепутать чужихъ словъ, постоянный страхъ за завтрашній день, за кусокъ хлѣба... И ради чего?

Марья Ниловна металась по палубѣ, а этотъ вопросъ неотступно слѣдовалъ за нею. Она опять видѣла передъ собою худенькое сѣрое лицо, съ кроткими сѣрыми глазами, спрашивающими ее: «Ради чего?» Она вскакивала съ мѣста, переходила на другую сторону парохода, смотрѣла на мрачное небо, на черную воду, и все тотъ же вопросъ мучилъ ее. Ей казалось, что она уже цѣлую вѣчность слоняется по палубѣ; она съ трудомъ передвигала ноги и все не могла найти себѣ мѣста, не могла найти покоя.

«Люби, покуда любится... Да! И терпи, покуда терпится... Надо терпѣть... Но ради чего?»

И Марья Ниловна опять вставала и переходила на другое мѣсто, едва волоча усталыя ноги. И это безцѣльное передвиженіе, и эта усталость, и эта безпросвѣтная тьма—представились ей ея жизнью. Безцѣльная возня около себя, постоянное утомленіе и ни одного свѣтлаго луча... А тамъ придетъ старость, болѣзни, смерть...

И смерть вдругъ показалась ей избавленіемъ отъ этой тоски, отъ этого томленія, отъ этой вѣчной боязни, показалась отдыхомъ отъ этой страшной усталости, которую Марья Ниловна считала жизнью. Она почувствовала, что у нея нѣтъ ни желанія, ни силъ возвращаться къ прежнему. Еслибъ она не останавливалась и продолжала катиться по старымъ рельсамъ, то можетъ быть мысль о смерти никогда не пришла бы ей и въ голову. Она, какъ Диккенсовская лошадь, могла везти тяжелую ношу жизни, пока не остановилась. Теперь же ей показалось немыслимымъ возращаться къ прежнему: опять торопиться, опять бояться, опять уставать,

опять жить только для того, чтобы не умереть, и не умирать только для того, чтобы доставать «средства къ жизни», жизни никому, никому не нужной, начиная съ самой Марьи Ниловны.

Безстрастный глубокій куполъ неба низко прикрылъ землю. Хмурый лѣсъ на берегахъ Волги почернѣлъ. Откуда-то неслась протяжная пѣсня, безконечная, заунывная. Пароходъ съ шумомъ дѣлалъ поворотъ, чтобы подойти къ пристани противъ теченія.

Марья Ниловна пролѣзла черезъ перила, подошла къ борту и, не оглядываясь, шагнула впередъ. Никто не услыхалъ ея паденія. Она исчезла такъ же незамѣтно, какъ и жила.

Ек. Лѣткова.

БАБУШКА.

Элизы Ожешково

Переводъ съ польскаго.

Въ черномъ платьѣ, въ бѣломъ чепчикѣ на сѣдой головѣ, она сидѣла въ комнатѣ больныхъ внуковъ и, при свѣтѣ маленькой лампы, вязала чулокъ. Невѣстка ея, послѣ двухъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ у постели больныхъ дѣтей, спала въ самой дальней комнатѣ, въ ближайшей—ея сынъ весь ушелъ въ работу за своимъ письменнымъ столомъ. За окнами, на пустынной улицѣ, царила гробовая тишина,—вечеръ былъ уже поздній. Дѣти спали, бабушка думала. Быстро, быстро мелькали спицы въ ея желтыхъ пальцахъ, на которые падалъ свѣтъ лампы; лицо, какъ вуалемъ, закрытое тѣнью, наклонялось надъ работой и также думало.

Что случилось съ бѣдными крошками, отчего они такъ внезапно захворали? У доктора, друга дома, когда онъ осматривалъ ихъ, лицо было озабоченное. О, Боже! Дѣти—это хрупкое стекло, это листокъ осенній, всякій пустякъ можетъ разбить ихъ и сорвать съ дерева. О, Боже! Грустно жить на землѣ. Всякое счастье—невѣрно, всякое сокровище—непрочно; сегодня ты живъ, а завтра тебя можетъ быть не станетъ; рѣдкій день не отмѣченъ скорбными воспоминаніями или тяжелыми опасеніями. Люди говорятъ, что воспоминанія — это богатства, накопленныя на черный день. Можетъ быть другіе такъ и чувствуютъ, но она нѣтъ. Для нея воспоминанія — это картины въ рамкѣ изъ слезъ, а въ рамкѣ изъ слезъ потому, что она не можетъ смотрѣть на нихъ сухими глазами.

Но что съ ними-то, что съ ними, съ дорогими котятками? На Вандочку докторъ смотрѣлъ еще немного веселѣй, но Тадзя видимо обезпокоилъ его. Да и то сказать, этотъ мальчикъ—ребенокъ необыкновенный, а необыкновенныя дѣти... о, Боже!...

Въ домѣ и за домомъ глубокая тишина, и одинъ только слышится въ ней звукъ: то въ сосѣдней комнатѣ скрипитъ перо по

бумагѣ, ровно, безустанно. Отъ времени до времени больной ребенокъ повернется въ кроваткѣ и тихо застонетъ; тогда бабушка поднимаетъ голову, вслушивается и всматривается, какъ будто она готова при первомъ мановеніи перста того призрака, который называется горемъ, бѣжать, летѣть, заслонять, защищать... Но дѣти все спятъ. Можетъ быть это сонъ искусственный, вызванный тою микстурой, которая стоитъ на столикѣ и бѣлѣется своей неподвижною сигнатуркой при свѣтѣ лампы. Пузырекъ съ рецептами при свѣтѣ лампы всегда заключаетъ въ себѣ что-то унылое. Уныніемъ вѣетъ отъ гробовой тишины дома, отъ длинныхъ тѣней, которыя падаютъ на стѣны, отъ неровнаго дыханія больныхъ дѣтей, отъ ровнаго, безустаннаго скрипѣнія пера въ сосѣдней комнатѣ.

Какъ трудится этотъ высокій, плечистый человѣкъ!... Теперь уже полночь, а онъ все еще сидитъ за своимъ столомъ. Сквозь полуоткрытую дверь бабушка видитъ его сгорбленную спину, голову съ сѣдѣющими волосами, суровый профиль, съ горькимъ складомъ губъ и сѣтью морщинъ на лбу. Фигурой и лицомъ ея сынъ похожъ на отца, но не характеромъ. Ясь былъ веселый, отважный, карманъ его вѣчно былъ открытъ для всѣхъ людей, а для нея,—хотя они оба начинали уже сѣдѣть,—было открыто его любящее сердце. Зигмунтъ серьезенъ, остороженъ и рѣзокъ—даже съ матерью. Она его не обвиняетъ за это,—о, нѣтъ! Куда тамъ! Она знаетъ, что суровая рука жизни смяла душу ея сына, истощила ее и напоила горечью. Ясь тоже много страдалъ, но другимъ образомъ. Бабушка умѣетъ распознавать разныя страданія,—столько она видѣла ихъ! Несчастье Зигмунта въ томъ, что онъ живетъ въ пору, неблагопріятную для жизни. Страданія свои онъ тщательно скрывалъ, и они словно камнемъ вымостили его душу, остальное довершила лихорадочная работа за самое ничтожное вознагражденіе. Бабушка оправдываетъ сына, потому что подъ ея бѣлымъ чепчикомъ сѣдая голова думаетъ больше и глубже, чѣмъ это кажется окружающимъ ее. Тѣмъ не менѣе, она должна признаться самой себѣ, что немного боится Зигмунта. Не потому, чтобъ онъ былъ несправедливъ къ ней или нанесъ когда-нибудь тяжелое оскорбленіе,—наоборотъ, онъ никогда не нарушаетъ церемоніала сыновняго почтенія. Но она знаетъ, что этотъ церемоніалъ — только форма, изъ которой любовь исчезла. А любовь была когда-то! Она и теперь видитъ ее въ картинахъ, обрамленныхъ слезами, но не иначе. Притомъ ея мягкая и впечатлительная натура боязливо сторонится отъ всякаго рѣзкаго звука голоса, отъ рѣзкаго жеста, отъ недовольнаго взгляда. Старость сдѣлала ее робкой и все шепчетъ ей на ухо: «Не надоѣдай, не лѣзь на глаза, не стѣсняй никого, не связывай!» И вотъ она съ

одной стороны штопаетъ и чинитъ свою одежду, а съ другой прячется въ самый укромный уголокъ домашней жизни. И, все-таки, она чувствуетъ, что кому-то мѣшаетъ. Невѣстка, женщина почтенная, но сухая и вѣчно озабоченная, предпочитала бы держать въ домѣ свою сестру, чѣмъ свекровь, теперь она отстраняетъ бабушку и отъ дѣтей, можетъ быть ревнуетъ ихъ къ ней. И она имѣетъ право дѣлать это, имѣетъ право. Она ближе къ нимъ, они принадлежатъ ей. Даже комнатка подъ крышей, больше пригодилась бы для старшей внучки,—она уже подрастаетъ. Словами бабушку никто не упрекаетъ, но иногда какой-нибудь взглядъ, жестъ такъ же выразительны, какъ слово, а бабушкѣ и того не нужно,—она и такъ понимаетъ, что у этой телѣги она—пятое колесо, въ этой книжкѣ—пожелтѣвшая страница съ выцвѣтшимъ письмомъ, которое никто уже читать не хочетъ. Она ничего и не добивается. Кое-что она чувствуетъ и думаетъ, но не высказывается ни передъ кѣмъ, а всѣ предполагаютъ, что лѣта окончательно угасили въ ней всякій огонь и всякій свѣтъ. По милости сына она получаетъ все, что ей нужно: теплый уголъ, пищу, одежду; еслибъ она выступала съ другими претензіями, то просто была бы смѣшна. Вотъ она и не требуетъ ничего и только отъ времени до времени почувствуетъ еще въ себѣ человѣческую душу, душу женщины, которую ни супъ насытить не можетъ, ни теплая печь отогрѣть, которая сжимается и наполняется грустью отъ голода и холода, незнакомаго тѣлу. Тѣло сыто, душа голодна, но бабушка разсудительна и свое чувство глубокаго одиночества скрываетъ отъ людей, какъ какое-нибудь преступленіе. Только часто, съ поникшею головою и съ руками упавшими на колѣна, она пересчитываетъ длинный рядъ дорогихъ людей, умолкнувшихъ на вѣки, и тогда все, что наполняетъ ея тщательно замкнутую душу, выливается изъ глазъ слезами, полными картинъ. На этихъ картинахъ свѣтятся, улыбаются, называютъ ее по имени лица, угасшія на-вѣки, дорогія, а среди нихъ, чаще всѣхъ, настойчивѣй, рельефнѣй, одно, самое дорогое, лицо.

Однако, въ эту минуту, все—и тоску свою, и одиночество, и горе—бабушка называетъ пустыми и грѣшными мечтаніями. Она горько упрекаетъ себя, что могла грустить или желать чего-нибудь тогда, когда дѣти были здоровы. Какъ же она ничтожна и самолюбива! Желать чего-нибудь, страдать, когда эти дорогіе котяты здоровы и веселы,—зло и глупо! И вотъ лишь теперь, съ глазу на глазъ, она столкнулась съ настоящимъ несчастіемъ. Она одинаково дрожитъ за жизнь обоихъ, но должна признаться передъ Богомъ и собою, что... ну, дѣлать нечего! грѣхъ большой, но только изъ внуковъ и изо всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ, она больше

всѣхъ любитъ Тадзю. Изо всѣхъ котятъ это самый милый котеночекъ. Удивительно онъ похожъ на покойника Яся: тотъ же самый бѣлый, открытый лобъ, тѣ же самые глаза, голубые, какъ небо. И онъ изъ всей семьи сердечнѣе всѣхъ льнетъ къ бабушкѣ, при видѣ ея бѣжитъ и размахиваетъ руками, какъ птица крыльями, и часто проводитъ съ нею сѣрые часы зимняго вечера.

II.

Зимніе вечера бабушка чаще всего проводитъ въ своей комнаткѣ и пересчитываетъ рядъ дорогихъ именъ, поглощенныхъ могилой или затерявшихся въ суровой дали. Она все вспоминаетъ, а зимній вечеръ все темнѣетъ и темнѣетъ до тѣхъ поръ, пока комнатка съ однимъ окномъ не наполнится густымъ мракомъ. Тогда вокругъ нея начинаетъ совершаться что-то необыкновенное. Въ густомъ сумракѣ начинаютъ образовываться фигуры,—то черныя, то бѣлыя, сначала по-одиночкѣ, потомъ по нѣскольку заразъ,—чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Но бабушка не удивляется имъ, не пугается ихъ,—она знаетъ, что это прилетѣли къ ней призраки изъ разсѣянныхъ по всему свѣту могилъ,—прилетѣли, множатся и становятся такими многочисленными, какъ будто ихъ кто-нибудь разсыпалъ полною горстью. Вокругъ кресла, на которомъ она сидитъ, посреди комнаты, во всѣхъ ея углахъ, во мракѣ, бѣлѣются призраки могилъ—высокіе, низкіе, тутъ же и крестъ, который прорѣзываетъ этотъ мракъ своими еще болѣе черными поперечинами. А надъ этими черными и бѣлыми фигурами летаетъ прошедшее на своихъ мягкихъ крыльяхъ и шепчетъ... Шепчетъ оно ласкательныя имена, сердечныя слова,—все, что когда-то сердце имѣло, а теперь утратило, и что память взялась сохранить до послѣдней минуты жизни. Сумракъ, наполненный бѣлыми и черными призраками могилъ, еще болѣе наполняется шепотомъ,—а бабушка внимательно прислушивается къ нему, а изъ ея глазъ на черное платье падаетъ столько горячихъ капель, сколько словъ шепнетъ ей прошедшее на ухо. Вдругъ—скрипъ... дверь потихоньку отворяется и за нею слышится дѣтскій голосъ:

— Бабуска спитъ?

— Не сплю, котеночекъ, не сплю... Что случилось?

— Ничего, я такъ себѣ... плисолъ къ бабускѣ...

И онъ ужъ у нея на колѣняхъ. Она зажгла бы лампу, но онъ такъ крѣпко обвилъ ее руками, что нельзя двинуться. Да зачѣмъ лампа? И въ темнотѣ можно цѣловать бабушку то въ одну щеку, то въ другую, разглаживать ея волосы и тонкимъ голосомъ просить:

— Бабуска, стихи!

У мальчика была страсть учиться всему, что только бабушка помнила наизусть.

Тогда начинался дуэтъ.

«А ты знаешь, братъ мой юный,
Гдѣ земель твоихъ границы?»

«А ты знаесъ, блатъ мой юный,
Гдѣ земель твоихъ гланицы?»

За мягкимъ голосомъ бабушки серебряный дѣтскій голосокъ повторяетъ стихи, цѣлыя строфы, призраки могилъ исчезаютъ, а отъ двухъ лицъ, прильнувшихъ другъ къ другу, въ густой мракъ струятся свѣтлые лучи восторга...

III.

Шш... Онъ повернулся, застоналъ... раздался хриплый шепотъ: пить!... Жаръ! Бабушка вскочила съ кресла и такъ легко, какъ будто у нея были двадцатилѣтнія ноги, подбѣжала къ маленькой кроваткѣ. Поднести стаканъ къ губамъ, которыя были открыты, какъ ротъ больной птички, сказать нѣсколько заботливыхъ словъ—и ребенокъ опять заснетъ. Онъ и заснулъ, но безпокойно, съ прерывистымъ дыханіемъ, съ болѣзненными судорогами на лбу, который такъ поразительно напоминалъ лобъ покойника Яся. Сгорбленная, съ глазами, устремленными на больного ребенка, съ руками, бѣлѣющимися на черномъ платьѣ, бабушка все громче и громче взывала въ своей душѣ: «Боже! Боже! Боже!» Кромѣ этого, она ничего не могла произнести, но вложила въ это слово всѣ свои силы, все напряженіе встревоженнаго сердца. Она и не замѣтила, какъ въ комнату вошли двѣ женщины и остановились возлѣ нея. Одна изъ нихъ шепнула:

— Мама, идите спать. Адель пришла и будетъ сидѣть съ дѣтьми.

Адель—сестра невѣстки, зрѣлая дѣва въ шелковомъ платьѣ, съ холодными глазами и сжатыми губами. Сердце бабушки вскипѣло. Зачѣмъ она должна уступать Адели? Мать — дѣло совсѣмъ другое, но эта... почти совсѣмъ чужая! Шелковое платье такъ громко шелеститъ у самой головы ребенка, можетъ разбудить его, потомъ Адель и заснетъ, пожалуй,—вѣдь, ея сердце не стучитъ такъ громко, чтобы при этомъ стукѣ было невозможно заснуть. Бабушка выпрямилась, посмотрѣла на невѣстку глазами, въ которыхъ промелькнулъ юношескій блескъ, и тихо шепнула:

— Юлинька, милая...

Но худая женщина съ утомленнымъ лицомъ перебила ея рѣчь:

— Не спорьте, мама. Когда въ домѣ такое несчастье, то, по крайней мѣрѣ, не нужно мѣшать другимъ.

Мѣшать другимъ! Бабушка вѣчно стремилась къ тому, чтобы никому не мѣшать. Глаза ея угасли, плечи сгорбились,—она должна уйти. Но Адель, проходя по комнатѣ, какъ вѣтеръ, зашелестѣла платьемъ. Есть какой-нибудь смыслъ надѣвать шелковое платье для того, чтобы сидѣть возлѣ больныхъ дѣтей? Бабушка молитвенно сложила руки.

— Юлинька, можетъ быть ты позволишь просидѣть съ ними хоть эту ночь?

Но тутъ вступилась сама Адель.

— Вы захвораете отъ безсонницы и надѣлаете въ домѣ еще болѣе хлопотъ.

А невѣстка прибавила:

— Нужно, мама, помнить о своихъ лѣтахъ.

Сохрани Богъ бабушку, чтобъ она заставила кого-нибудь хлопотать о себѣ! О лѣтахъ своихъ она также помнитъ. Разумѣется! Могла ли бы она хоть на мигъ забыть о томъ, о чемъ ей напоминаютъ каждую минуту? Она ушла. Недавно еще она бѣжала къ кроваткѣ больного внука такъ легко, какъ будто ей было двадцать лѣтъ, а теперь, когда проходитъ по комнатѣ сына, все еще сидящаго за письменнымъ столомъ, ноги ея еле двигаются, спина ноетъ, а тяжелая голова только и думаетъ о томъ, какъ ей удастся пережить эту безконечную ночь, вдали отъ милыхъ котятъ, въ особенности отъ Тадзи. Не знать, что съ нимъ, это—мука. Она увѣрена, что эту глухую ночь проведетъ безъ сна, въ тревогѣ, и ея худощавая фигурка еще болѣе съеживается и производитъ впечатлѣніе самой немощной старости. Притомъ ея изношенные башмаки то и дѣло смѣшно шлепаютъ по полу: шлепъ! шлепъ! Въ этомъ звукѣ чувствуется грустный комизмъ заброшеннаго и забытаго существа. Но изъ-за письменнаго стола слышится шепотъ:

— Мама! Мама!

Что это? Зигмунтъ заговорилъ съ нею? Много, много лѣтъ не было этого. Прежде въ вечернюю пору она пыталась подойти къ нему, погладить его по головѣ, напомнить о необходимости отдыха, но замѣтила, что мѣшаетъ ему, что на ея робкія ласки онъ отвѣчаетъ разсѣяннымъ поцѣлуемъ, и привыкла, какъ тѣнь, проскальзывать мимо него. А теперь онъ самъ назвалъ ее. Она удивилась и тотчасъ же приблизилась къ нему.

— Что, Зигмунтъ?

Зигмунтъ выпрямилъ свою сгорбленную спину и, глядя на нее утомленными глазами, сказалъ, что сегодня былъ на чердакѣ и не-

ожиданно, въ самомъ темномъ углу, нашелъ часы, о которыхъ всѣ забыли.

— Тѣ часы, съ курантами,—вы помните?—которые стояли въ комнатѣ отца.

Бабушка даже руки прижала къ груди,—такъ она удивилась и обрадовалась.

— Милый! Часы съ курантами? Помню, помню! Могла ли бы я забыть ихъ! На чердакѣ, въ темномъ углу... Боже мой!... а когда-то... Я не смѣла спрашивать о нихъ... Такъ они нашлись? Они тамъ остались, Зигмунтъ, въ темномъ углу? Можно мнѣ будетъ завтра пойти на чердакъ, въ этотъ уголъ... посмотрѣть?

Своими дрожащими губами она говорили о часахъ, какъ о человѣкѣ.

— Я подумалъ, что вамъ пріятно будетъ видѣть это старье, и мы съ дворникомъ перенесли его въ вашу комнату. Часы стоятъ около стѣны, заводной ключъ лежитъ на футлярѣ. Часы заржавѣли немного.

Она захотѣла поблагодарить сына, обнять руками голову, которая подумала о томъ, какъ доставить ей удовольствіе, но голова эта уже наклонилась къ бумагѣ.

— Такъ поздно, Зигмунтъ... здоровье испортишь, — шепнула она.

Зигмунтъ уже скрипѣлъ перомъ и, не поднимая глазъ, отвѣтилъ:

— Что дѣлать, мама! Такъ нужно!

Она ушла и все думала: такъ нужно! такъ нужно! Онъ хорошій, а условія его жизни тяжелыя, но онъ храбро и настойчиво борется съ ними. Только въ этихъ условіяхъ, да еще при непосильной работѣ сердце его отяжелѣло и затвердѣло. Но оно не замолкло совсѣмъ. Хоть бы старые часы... онъ помнитъ о нихъ, и при видѣ нихъ подумалъ о матери. Сердце у него было, только для нѣжностей времени не было. Жизнь наваливаетъ на сердце такіе тяжелые каменья, что иногда сдавливаетъ его, а подчасъ и совсѣмъ сожметъ. Жалко сердце, это — единственный неподдѣльный бриллiантъ міра... Ну, что-жъ, коли такъ нужно!

И опять живо и легко бабушка поднималась по темной лѣсенкѣ. Ей хочется, какъ можно скорѣе, увидать стараго друга, свидѣтеля минувшихъ временъ,—друга, обладавшаго не только лицомъ, но и голосомъ. Бабушка испытывала такое чувство, какъ будто узнала о возвращеніи одного изъ тѣхъ, кто ушелъ туда... Воскресло какое-то любимое существо. Она бѣжала спросить у воскресшаго: какъ поживаешь? помнишь ли?

IV.

Имъ было лѣтъ сто и когда-то они находились въ великомъ почетѣ. Ихъ любили, за ними наблюдали, имъ удивлялись, въ надлежащее время пробуждали къ жизни, но подошла пора, ихъ засунули въ темный уголъ, и они исчезли съ лица земли и умолкли, казалось, навѣки. Теперь вдругъ ихъ извлекли изъ темницы, въ которой протекли долгіе годы ихъ жизни.

Прежде всего это былъ эбеновый футляръ, довольно высокій, узкій, съ бронзовыми украшеніями на черной поверхности и съ круглымъ прорѣзомъ наверху. Изъ этого прорѣза выглядывало лицо часовъ, круглое, желтоватое, съ двѣнадцатью римскими цифрами и двумя длинными линіями стрѣлокъ. При свѣтѣ лампы ясно отражались изъяны, которые потерпѣли часы,—на деревѣ появились трещины, на бронзѣ—ржавчина, но пыль была тщательно стерта, а ключъ лежалъ наверху футляра.

Бабушка въ двухъ шагахъ остановилась передъ часами и съ удивленіемъ смотрѣла на нихъ. Ея увядшія рѣсницы моргали скоро-скоро, сѣть мелкихъ морщинъ на высокомъ лбу сдѣлалась рѣзче и колебалась, какъ волна. Ея тонкія губы зашевелились, она что-то зашептала и кивнула головой такъ, какъ будто хотѣла сказать: «Какъ поживаешь? Я помню, помню!... а ты?» Но она не приближалась къ часамъ и все только смотрѣла на нихъ.

Часы также смотрѣли на нее сверху чрезъ свой круглый прорѣзъ съ бронзовымъ ободкомъ. Широко развернутыя линіи стрѣлокъ придавали ихъ лицу выраженіе привѣтствія и, словно распростертыя объятія, звали къ себѣ: «А ты какъ поживаешь? Подойди ближе! И я помню... какъ же! помню!»

Прошло нѣсколько минутъ. Два старыхъ лица, — женщины и часовъ, — одно снизу, другое сверху, молча смотрѣли другъ на друга при свѣтѣ маленькой лампы, стоящей на столѣ возлѣ узкой кровати, примкнутой къ стѣнѣ, на которой виднѣлось распятіе.

Лишь черезъ нѣсколько минутъ бабушка, опять съ поспѣшностью двадцатилѣтней женщины, пододвинула къ футляру табуретъ, взобралась на него и начала осматривать часы со всѣхъ сторонъ. Цѣлы, цѣленькіе, по крайней мѣрѣ, снаружи. Интересно, какъ тамъ внутри. Завести ихъ,—тогда узнаешь. Когда-то она умѣла заводить, сумѣетъ и теперь. Она знаетъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ стала помнить себя. Они стояли сначала въ комнатѣ ея отца, потомъ въ комнатѣ ея мужа. Во время ея дѣтства они своимъ боемъ отмѣчали часы ея игръ и ученія, во время ея зрѣлости—часы счастья и горя, наконецъ, отмѣтили и тотъ страшный часъ, когда ее покинулъ

Ясь. Они играли пѣсни,—бабушка теперь уже не помнитъ, какія именно, но эти пѣсни каждый часъ разносились по дому, скрашивая своею мелодіей ночную тишину, шумные разговоры, задушевный шепотъ.

Теперь бабушкѣ захотѣлось этихъ пѣсенъ, какъ рѣчи воскресающаго прошлаго, но чтобъ услышать ихъ, нужно было завести часы извѣстнымъ образомъ. Въ ходъ ихъ она пустила и—о чудо!—безъ малѣйшей проволочки нѣмое лицо, молчавшее столько лѣтъ, заговорило голосомъ хоть слегка охрипшимъ, но мѣрнымъ: «тикъ-такъ! тикъ-такъ!»

Старые часы не только смотрѣли, но и говорили. Еслибъ они и запѣли еще!

Съ ключомъ въ рукахъ она начала осматривать циферблатъ, припоминать, пробовать, прикладывала ключъ къ разнымъ отверстіямъ, нажимала, передвигала съ такимъ напряженіемъ воли и вниманія, что морщины ея лба собрались между бровей въ одну толстую складку, сѣрые глаза вспыхнули золотистымъ огонькомъ. А какъ разъ противъ этого женскаго лица, сморщеннаго и сосредоточеннаго, круглое, желтое лицо часовъ мало-по-малу принимало веселое выраженіе,—свѣтъ лампы бросалъ на него яркіе блики, и старая бронза на футлярѣ загорѣлась отъ нихъ шутливыми искрами.

Наконецъ-то подъ пальцами бабушки что-то скрипнуло, показалось и опять спряталось... Часы и внутри цѣлы, не испорчены, будутъ бить куранты! Будутъ, только не сейчасъ. Обыкновенно они играли послѣ того, какъ пробьютъ какой-нибудь часъ,—нужно еще подождать четверть часа. Она будетъ ждать въ темнотѣ, нечего задаромъ жечь керосинъ, да и глаза лучше отдохнутъ безъ свѣта.

Она удобно усѣлась въ мягкомъ креслѣ, погасила лампу и пріятно удивилась. Она думала, что комната наполнится густымъ мракомъ, а она теперь и безъ лампы была освѣщена. Гдѣ-то тамъ, по ночному небу медленно плыла луна и посылала въ маленькое окошко лучъ свѣта, похожаго на свѣтло-золотистую ленту. Прислонившись спиной къ спинкѣ стариннаго кресла, бабушка сидѣла у края луннаго свѣта, который освѣщалъ ея ноги и платье, а голову оставлялъ въ полумракѣ. Въ двухъ шагахъ отъ нея, также въ полумракѣ, стояли старые часы и, какъ мумія, выглядывали изъ чернаго футляра своимъ круглымъ, бѣлымъ лицомъ. Бабушка сложила руки на груди и смотрѣла на блѣдно-золотистую ленту, спускающуюся съ сіяющаго неба на бѣдный полъ изъ грубыхъ досокъ, какъ вдругъ до ея слуха долетѣлъ нѣсколько хриплый, хотя и гром-

кій звукъ. То пробилъ часъ по полуночи. И вслѣдъ затѣмъ, среди глубокой тишины, раздалась музыка,—важная, порою трогательная, какъ чувство жениха и невѣсты, порою гордая, какъ тріумфъ рыцаря, музыка полонеза.

Бабушка выпрямилась и приложила палецъ къ дрожащимъ губамъ. Шш... Это—тотъ самый полонезъ, который на ея свадьбѣ игралъ шумный оркестръ, подъ звуки котораго она танцовала съ Ясемъ, въ подвѣнечномъ платьѣ, съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ, танцовала въ залѣ, залитомъ свѣтомъ и наполненнымъ толпою другихъ людей.

Часы все играютъ; слышны звуки трубы, арфы и флейты, иногда волторна отзовется своимъ густымъ басомъ, а то, совсѣмъ неожиданно, мелодію прерветъ хоръ несмѣлыхъ колокольчиковъ и, прозвонивъ музыкальную фразу, уступаетъ мѣсто трубамъ, флейтамъ и арфамъ. Это—пьеса старыхъ часовъ, тотъ самый полонезъ, который она танцовала съ Ясемъ на своей свадьбѣ.

Въ залѣ, залитой свѣтомъ, молодой и бодрый, съ широкимъ лбомъ, обрамленнымъ русыми волосами, съ голубыми глазами, горящими любовью, съ четырехугольной шапочкой въ рукѣ онъ идетъ къ ней, одѣтой во все бѣлое, счастливой. Онъ остановился передъ ней, рукой, въ которой держалъ шапочку, сдѣлалъ движеніе, приглашая ее на танецъ, другою взялъ ея руку и медленнымъ шагомъ,—какъ въ полонезѣ,—они пошли вмѣстѣ въ толпу любимыхъ людей, въ безпорочную радость, въ безконечное счастье.

Часы играли, на глаза бабушки спускался влажный вуаль, но когда онъ соединился въ одну крупную каплю и упалъ на ея блѣдную руку, глаза ея широко раскрылись отъ изумленія и тревоги, и блѣдныя губы почти безсознательно прошептали: «Что это? Кто? о, Боже!» Обезсиленная изумленіемъ и тревогой, съ руками, которыя сами поднялись и застыли въ воздухѣ, бабушка смотрѣла и шептала: «Что это? Кто? о, Боже!»

V.

Отъ сіяющаго неба къ бѣдному полу изъ грубыхъ досокъ, по косой блѣдно-золотистой лентѣ, медленнымъ, размѣреннымъ шагомъ,—какъ въ полонезѣ,—спускался молодой, бодрый человѣкъ, съ широкимъ лбомъ, обрамленнымъ русыми волосами, съ голубыми глазами, горящими любовью, съ четырехугольной шапочкой въ рукѣ. Она узнала его и смотритъ на него, съ руками, недвижимо повисшими въ воздухѣ. Часы все играли, а онъ шелъ къ ней, наконецъ, остановился и рукой, въ которой держалъ шапочку, сдѣлалъ движеніе, какъ будто приглашалъ ее на танецъ. Она все еще

не могла двигаться, но онъ глядѣлъ въ ея глаза тѣмъ взоромъ, который она знала такъ хорошо, запомнила такъ глубоко, и тихо сказалъ ей: «пойдемъ со мной!»

Тогда она встала и совершенно такъ же, какъ на свадебномъ вечерѣ, склонивъ голову, положила руку на его ладонь. Часы играли, а они, размѣреннымъ шагомъ, какъ въ полонезѣ, съ лицами, обращенными другъ къ другу, шли по блѣдно-золотистой лентѣ отъ бѣднаго пола изъ грубыхъ досокъ все выше и выше, къ сіяющему небу.

Она шла легко, едва прикасаясь ногами къ золотистой лентѣ. Ее волновали разныя чувства, и долго голосъ не могъ вырваться изъ ея груди, но, наконецъ, она заговорила:

— Какъ хорошо, что ты пришелъ за мной, Ясь! Такъ долго я тосковала по тебѣ!

Онъ отвѣтилъ:

— Богъ любитъ вѣрныя сердца и возвращаетъ имъ счастливую любовь.

Она почувствовала, что это вѣрно, потому что волна воздуха, умиротворяющая, теплая, насыщенная чистѣйшимъ блаженствомъ, охватила ихъ своимъ широкимъ плащомъ. И они шли все дальше, все выше, а земля за ними становилась все меньше и исчезала изъ глазъ.

Съ лицомъ обращеннымъ къ его лицу, она говорила:

— Какой ты молодой, Ясь! Когда ты отходилъ, волосы твои начинали сѣдѣть, спина горбилась, и теперь ты совсѣмъ такой, какимъ былъ, когда, сидя возлѣ моихъ пялецъ, въ первый разъ сказалъ, что любишь меня.

Онъ съ улыбкой указалъ ей на блѣдно-золотую ленту, по которой шли они, и проговорилъ:

— Посмотри.

Она опустила глаза внизъ и, какъ дѣвушка въ ручьѣ, увидала себя въ лентѣ, сотканной изъ пламени, молодою, стройною, прекрасною, въ бѣлой одеждѣ, съ дымкою брачнаго вуаля на черныхъ волосахъ. И не только увидала, она почувствовала себя такою же молодою, прекрасною, гибкою, съ рѣсницами, стыдливо опускающимися на изумленные и ослѣпленные глаза. Полная радости и стыдливости, она прошептала:

— Куда же дѣвались годы, которые, какъ тяжелые плуги, изборознили мою душу и тѣло?

Онъ, также наклонившись надъ блѣдно-золотистымъ зеркаломъ, отражающимъ двѣ молодыя фигуры, окутанныя воздушнымъ плащомъ любви, отвѣчалъ:

— Богъ любитъ истомленныхъ жизнью и возвращаетъ имъ молодость.

Они теперь были высоко-высоко, среди звѣздъ,—огромныхъ золотыхъ, рубиновыхъ и изумрудныхъ шаровъ, которые очерчивали въ безконечномъ пространствѣ гармоническіе круги и эллипсисы. Въ этомъ пространствѣ царила неизъяснимая чистота эѳира; въ тишинѣ полной свѣта, линій, свободныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласныхъ движеній, млечный путь развертывалъ свой коверъ, теряющійся въ безконечности, пролетали блестящія кометы, шумя своими косами, сплетенными изъ пламени, какъ шумитъ боръ, когда вершины его деревьевъ коснется дуновеніе вѣтра. Молодые и прекрасные, окутанные плащомъ счастливой любви, они теперь уже не шли, а летѣли надъ блѣдно-золотистою лентой все выше. Она обвилась руками вокругъ его шеи, онъ обнялъ ея станъ и, наклонившись къ ней, говорилъ:

— Открой свое сердце и покажи его мнѣ до дна. Разсказывай все, жалуйся, обвиняй. Прежде, чѣмъ мы достигнемъ цѣли, сложи въ мои руки все бремя, которое ты несла, чтобъ я могъ показать его тамъ, какъ цѣну, за которую ты можешь войти...

Онъ еще не окончилъ, какъ она начала исполнять его желаніе. Это сдѣлалось безъ малѣйшаго участія ея воли. Какое-то безграничное довѣріе охватило ее и распахнуло передъ нимъ ея сердце. Лѣтопись событій, годъ за годомъ, день за днемъ, съ того момента, когда они разстались до того, когда онъ пришелъ за ней, полилась изъ ея устъ, точно нотка траурныхъ чотокъ, только кое-гдѣ отсвѣчивающихъ слабымъ свѣтомъ. Прильнувъ головой къ его груди, она говорила все, жаловалась, и только одного его желанія не могла исполнить, не обвиняла никого. Она была заброшена и забыта, ея душа долго жила въ одиночествѣ и холодѣ, но никто въ этомъ не виноватъ, никто! На землѣ всѣ несчастны, всѣ несутъ тяжкое бремя, ну, и она несетъ свое бремя,—видно, это такъ нужно. Она чувствовала это и думала, что ей, ничтожной, равной другимъ по ея винамъ и страданіямъ, приличествуетъ только одно — прощать и молчать. Даже и въ душѣ своей она не осуждала никого и, съ тѣхъ поръ, какъ разсталась съ нимъ, не открывала своей души ни передъ кѣмъ. Теперь же она чувствуетъ, что вмѣстѣ со словами, изъ нея выходитъ всякая горечь и обида, а вмѣсто нихъ вливается такое облегченіе, какъ будто она сбросила послѣднюю пылинку земнаго бремени, а взамѣнъ этого получила крылья.

Онъ снова удержалъ ее и, указывая на пламенную ленту, надъ которой они неслись, сказалъ:

— Смотри.

Она взглянула и въ блѣдно-золотистомъ зеркалѣ увидала, что у ея плечъ выросли крылья. Отъ удивленія она вскрикнула, но то былъ не такой крикъ, который раздается на землѣ,—онъ вышелъ изъ ея устъ музыкальнымъ аккордомъ радостной пѣсни, которая, летя отъ звѣзды до звѣзды, оглашала ихъ своимъ эхомъ и вмѣстѣ съ ними плыла въ безконечность. А онъ сказалъ:

— Богъ любитъ скорбящихъ безъ жалобы и даетъ имъ радость безъ границъ.

Они плыли все дальше, все выше окутанные плащомъ счастливой любви, а за ними звучала пѣсня безграничной радости.

Смотря на невозмутимое спокойствіе его очей, она припомнила тяжелыя тучи, которыя когда-то отражались въ нихъ, и спросила:

— Ты спасенъ?

Онъ отвѣтилъ вопросомъ:

— Ты помнишь, что̀ я больше всего любилъ на землѣ?

— Помню,—сказала она.—Больше меня, больше себя, больше всего ты любилъ то, что̀ не было ни хлѣбомъ твоимъ насущнымъ, ни пристанищемъ для твоего тѣла, ни побѣднымъ вѣнкомъ для твоей головы, ни надежною броней для твоей груди. Напротивъ, эта любовь была твоимъ горемъ, свинцовою тучей отражалась въ твоихъ глазахъ и, можетъ быть, она-то,—я всегда думала такъ,—и заставила тебя такъ рано покинуть землю. Теперь же тебя облекаетъ ничѣмъ не нарушимое спокойствіе.

Когда она замолкла, онъ отвѣтилъ:

— Богъ любитъ тѣхъ, которые страдаютъ не за себя, и открываетъ предъ ними небо.

Они были уже у вратъ неба; его голосъ потонулъ въ отголоскахъ могучихъ хоровъ, которые доносились сюда.

Все безконечное пространство было затянуто безконечною занавѣсью, а на этой кристально-прозрачной занавѣси горѣли всѣ самоцвѣтные камни и разцвѣтали всѣ цвѣты, которые когда-либо выходили изъ лона всѣхъ міровъ. Тамъ воздвигали свои аркады всѣ радуги и ковромъ развертывались всѣ зарницы и зари, какія когда-либо украшали небосклонъ, и что̀ на неисчислимыхъ сферахъ, блуждающихъ по безконечному пространству, было зачаткомъ красоты,—всякая краска, линія, форма, носящая въ себѣ ея зародышъ,—здѣсь достигало своего полнаго совершенства. Въ этой занавѣси, распростертой у вратъ неба, отражалось все, что̀ было прекраснымъ на безчисленныхъ мірахъ, но въ мощномъ развитіи, настолько непонятномъ смертному существу, насколько для него непонятны Всемогущество и Безграничность.

А на-ряду съ безграничностью красоты, изъ которой была соткана небесная занавѣсь,—безграничность звуковъ. Звѣзды, возвращающіяся сюда изъ своихъ вѣчныхъ скитаній, обращались на своихъ осяхъ со стройною и мягкою музыкой, пролетающія мимо кометы сверкали пѣсней матеріи, плавящейся въ огнѣ, ѳеиръ со звономъ ударялъ по кристаллу, а моря, лѣса, бездонныя пропасти, неисчислимыя крылья, всѣ огни, горящіе на всѣхъ мірахъ, гремѣли хоромъ гаммъ, пробѣгающихъ вселенную отъ конца до конца.

Но, странно, въ этомъ гигантскомъ гимнѣ было много и малыхъ голосовъ. Они казались чѣмъ-то вродѣ щебета мелкихъ птицъ, шума червячка, ползущаго по былинкѣ, шелеста, съ которымъ ростокъ выбивается наружу изъ лопнувшаго зерна, дѣтскаго плача въ колыбели, затаеннаго рыданія въ глухую полночь... Музыка звѣздъ, кометъ, ѳеира, лѣсовъ и крыльевъ не только не заглушала этихъ крохотныхъ голосовъ,—напротивъ, они усѣивали ее, какъ зерна мака безграничное поле, отчетливые, равные ей и одинаково слышимые.

Женщина въ подвѣнечномъ платьѣ, съ крыльями за плечами, съ руками, обнимающими дорогое существо, стояла у занавѣси, закрывающей небесныя врата, и слушала. Съ восторгомъ и удивленіемъ она слушала музыку громадъ, но еще сильнѣе ее привлекали тоненькіе голоса. Она жила среди нихъ, изъ ихъ среды пришла сюда.

— Слышишь, Ясь? Это при первомъ лучѣ разсвѣта сѣрый воробей защебеталъ подъ крышей, а тотъ тихій шумъ отъ божьей коровки, когда она съ одной былинки перебирается на другую. Съ такимъ шелестомъ ржаной колосъ, затронутый вѣтромъ, кланяется другимъ колосьямъ, а этотъ вздохъ...—о, какъ онъ знакомъ мнѣ!—то Зигмунтъ, послѣ тяжелой работы, съ утомленною головой, ворочается въ постели и вздыхаетъ. Ты слышишь, Ясь?

Въ это время среди зернъ мака, усѣивающихъ безконечное поле, еще одно заговорило съ небомъ. Послышалась тихая музыка,—трубы, флейты, колокольчики. Когда-то тамъ, внизу, такъ играли старые часы...

— Ты слышишь, Ясь?

Онъ слышалъ. Съ земли, изъ-подъ крыши, затерявшейся среди тысячи крышъ, доносилась музыка, тихая, но важная и широкая, порою трогательная, какъ чувство жениха и невѣсты, порою гордая, какъ тріумфъ рыцаря,—музыка полонеза. Онъ слушалъ, и небесное спокойствіе его очей начало омрачаться слезами.

Встревоженная женщина спросила:

— Развѣ спасенные плачутъ?

Онъ отвѣтилъ:

— На землѣ есть такіе туманы, которые достигаютъ сюда и омрачаютъ слезами даже глаза спасенныхъ.

Въ это время изъ хора тоненькихъ голосковъ, усѣивающаго хоръ громадъ, выдѣлился еще одинъ голосъ. То былъ плачъ ребенка.

— Тадзя плачетъ!

Она перестала прислушиваться къ голосу звѣздъ и морей, она слышала только плачъ ребенка.

— Слышишь, Ясь? Тадзя плачетъ... Бѣдняжка очень боленъ, а возлѣ него женщина съ холодными глазами, въ шелковомъ платьѣ, которое шелеститъ и будитъ его... Все громче плачетъ... Одна я умѣю утѣшить его. Ахъ, какъ плачетъ! Ты слышишь, Ясь?

Но онъ не обращалъ вниманія. Съ головой, опущенною книзу, онъ прислушивался къ музыкѣ часовъ, поющихъ о томъ, что онъ больше всего любилъ на землѣ, что не было ни хлѣбомъ его насущнымъ, ни пристанищемъ для его тѣла, ни побѣднымъ вѣнкомъ для его головы, ни надежною броней для его груди,—а только любовью для его сердца и страданіемъ безъ границъ.

А на-ряду съ курантами часовъ все продолжался плачъ ребенка и зовъ, все болѣе и болѣе громкій и жалобный.

— Бабушка, бабушка!

Женщина, стоящая у вратъ неба, крикнула на землю:

— Иду, котеночекъ милый,— иду, лечу!

Она сошла съ блѣдно-золотистой ленты и изъ сферы, наполненной звучащими звѣздами, и низверглась въ глухую, темную, бездонную пустоту.

VI.

Давно уже дискъ луны сошелъ съ небосклона и унесъ съ собою всѣ свои огни; вслѣдъ за нимъ потянулась въ пространство и блѣдно-золотистая лента, которая сквозь окошко комнатки бабушки спускалась съ сіяющаго неба до бѣднаго пола изъ грубыхъ досокъ. Теперь это окно сѣроватымъ квадратомъ прорѣзывало густой мракъ. Бабушка проснулась среди мрака и гробовой тишины. Только старые часы мѣрно стучали надъ ея головой: тикъ-такъ! тикъ-такъ! А снизу долеталъ громкій, жалобный плачъ ребенка.

Передъ глазами бабушки еще сверкали небесныя краски, сіяло дорогое лицо, въ ушахъ ея еще слышалась музыка звѣздъ, но все болѣе и болѣе отдаленная и замирающая; лицо ея было залито слезами. Но она, все-таки, выпрямилась и шепнула:

— Тадзя плачетъ!

Дрожащими руками она зажгла лампу; лицо часовъ сверху взглянуло на нее и широко разставленными стрѣлками выразило свое неимовѣрное изумленіе:

— Ты возвратилась? Отъ небесныхъ вратъ возвратилась?

Бабушка покачала головой.

Для бесѣды со старымъ другомъ у нея не было времени. Она уже спускалась со ступенекъ лѣстницы быстро, поспѣшно и, наконецъ, очутилась въ комнатѣ больныхъ дѣтей.

Вандочка тихо лежала въ кроваткѣ, но Тадзя громко плакалъ. Бабушка, съ высокоподнятой головой, протискалась къ нему сквозь кучку встревоженныхъ и о чемъ-то совѣтующихся женщинъ. Теперь между нимъ и нею никто не можетъ стоять. Она для него возвратилась отъ вратъ неба.

— Котеночекъ милый!

— Бабуска!

Ему было уже нѣсколько лѣтъ, но вѣсилъ онъ немного, и бабушка, взявъ его на руки, начала его носить по комнатѣ, при слабомъ свѣтѣ ночника, среди тѣней, которыя падали на стѣны. Бабушка ходила и дрожащимъ, прерывающимся голосомъ напѣвала старинный полонезъ часовъ.

Плачъ ребенка утихалъ, смѣнялся тихими всхлипываньями, маленькое личико, разгорѣвшееся отъ жара, любовно прижималось къ милому плечу. Потомъ послышался еще полный слезъ голосъ:

— Бабуска, стихи!

— Стихи, котеночекъ милый? Хочешь стихи? Хорошо, сейчасъ и стихи будутъ!

Среди длинныхъ тѣней, которыя падали на стѣны, при слабомъ свѣтѣ ночника, бабушка съ ребенкомъ на рукахъ начала ходить размѣреннымъ, какъ въ полонезѣ, шагомъ, то въ одну сторону, то въ другую, и отчасти пѣла, отчасти говорила, на мотивъ куранта часовъ:

«Вкругъ двора—сѣдыя липы,
Домъ подъ дубомъ многолѣтнимъ».

А Тадзя,—онъ хорошо знаетъ это,—продолжаетъ за бабушкой:

«А надъ нимъ гнѣздо аиста,
А живетъ налодъ въ немъ пылкій».

В. Л.

По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства.

§ 1.

I. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года образовали 5 судилищъ, между которыми была распредѣлена вся обыкновенная гражданская и уголовная юрисдикція. Этими судами *первой степени* являлись: мировыя (мѣстныя) учрежденія, окружной судъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, тотъ же судъ съ участіемъ присяжныхъ, судебная палата съ сословными представителями и верховный уголовный судъ. Не считая послѣдняго, который долженъ былъ созываться рѣдко, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, по особому высочайшему указу, оставалось 4 вида судебныхъ установленій I-й степени. Изъ нихъ судебная палата съ сословными представителями являлась судомъ особеннымъ и вѣдавшимъ преступленія государственныя. Принимая во вниманіе, что отправленіе уголовнаго правосудія при посредствѣ присяжныхъ пріурочивалось къ окружному суду, который былъ первою инстанціей въ системѣ общихъ судовъ, вся судебная организація сводилась въ сущности къ двумъ типамъ суда: 1) *мѣстныхъ* (мировыхъ) учрежденій, въ которыхъ первою инстанціей былъ единоличный мировой судья, а коллегіальное учрежденіе—мировой съѣздъ, являлось инстанціей по преимуществу аппеляціонною, изрѣдка же и кассаціонною; 2) *общихъ*, которыми были, въ качествѣ первой инстанціи, суды окружные, вѣдавшіе гражданскія дѣла, изъятыя изъ компетенціи мировыхъ установленій, и тѣ изъ дѣлъ уголовныхъ, которыя не были поручены законодателемъ ни мировымъ учрежденіямъ, ни вѣдомству окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; послѣдній судилъ важнѣйшія преступленія, грозившія обвиняемому лишеніемъ всѣхъ правъ, всѣхъ особенныхъ или лишь нѣкоторыхъ правъ состоянія. Второю же (аппеляціонною) инстанціей была судебная палата по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, разсматривавшимся въ окружныхъ судахъ, а изъ уголовныхъ—по тѣмъ, которыя вѣдались окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Организовавъ два самостоятельные типа судовъ, дѣйствовавшихъ параллельно,

по аналогіи съ судоустройствомъ Англіи, гдѣ на-ряду съ судами, имѣющимися въ графствахъ,—существуютъ и такъ называемые вестминстерскіе суды, наше законодательство озаботилось установленіемъ связи между ними. Оно объединило ихъ, что касается отправленія ими правосудія по отдѣльнымъ дѣламъ, въ формѣ единаго верховнаго кассаціоннаго суда, два департамента котораго (гражданскій и уголовный) призваны были къ осуществленію высокой задачи—охраненія правильнаго истолкованія и единообразнаго примѣненія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ какъ общими, такъ и мировыми судебными установленіями.

II. Распредѣленіе гражданской юрисдикціи между мировыми и общими судебными учрежденіями зиждилось *на цѣнѣ риска и на родѣ дѣлъ*, въ основаніе же распредѣленія между ними дѣлъ уголовныхъ положена, главнымъ образомъ, *тяжесть наказанія*, установленнаго въ Уложеніи и въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями за различныя преступныя дѣянія, а въ видѣ исключенія и *родъ* (характеръ) уголовнаго правонарушенія. Распредѣленіе подвѣдомственности судамъ общимъ и мировымъ, разсматриваемое въ цѣломъ, было довольно правильно и не представляло особыхъ затрудненій на практикѣ. Чаще всего недоразумѣнія возникали при разграниченіи уголовной юрисдикціи судовъ мировыхъ и окружныхъ, когда послѣдніе дѣйствовали безъ участія присяжныхъ (ст. 33, 34 и 200 Уст. угол. суд.). Намъ кажется, что при установленіи этихъ разграниченій законодательство, въ особенности же новеллы, послѣдовавшія за Судебными Уставами, поддавались вліянію двухъ теченій. Первое изъ нихъ стремилось къ ограниченію компетенціи общихъ судовъ, не исключая и суда присяжныхъ. Кромѣ условій политическаго характера, сопровождавшихся различными внутренними осложненіями, это стремленіе имѣло точку опоры и въ началахъ, выдвигавшихся въ доктринѣ и подтверждавшихся указаніями повседневнаго опыта. Однимъ изъ важныхъ свойствъ хорошей судебной организаціи является наибольшее приближеніе суда къ населенію; относительно же суда присяжныхъ все болѣе встрѣчало сочувствіе воззрѣніе, требовавшее пріуроченія этого сложнаго и своеобразнаго судебнаго механизма по преимуществу къ разсмотрѣнію тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя по ихъ роду и характеру наиболѣе подходятъ къ особенностямъ и качествамъ, вносимымъ въ отправленіе правосудія народнымъ элементомъ. Такъ, майскій законъ 1882 г., изъявшій многія дѣла о кражахъ со взломомъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ и передавшій ихъ въ мировые суды, съ предоставленіемъ имъ права назначать за такія кражи тюрьму до 1½ года, преслѣдовалъ одновременно нѣсколько цѣлей: 1) приблизить судъ къ населенію по многимъ повседневнымъ дѣламъ, 2) ускорить производство по нимъ, такъ какъ въ мировыхъ учрежденіяхъ эти дѣла рѣшались бы быстрѣе, нежели въ довольно рѣдкихъ уѣздныхъ сессіяхъ окружнаго суда, 3) освободить присяжный судъ отъ множества зауряднѣйшихъ дѣлъ, для сужденія которыхъ не представлялось особенной надобности въ пользованіи драгоцѣнными особенностями и свойствами на-

роднаго элемента въ судѣ: законодатель видимо склонился къ той точкѣ зрѣнія, что разныя формы суда, которымъ соотвѣтствуютъ и различія въ строѣ судопроизводства, находятъ себѣ оправданіе и должны быть согласуемы не столько съ тяжестью наказанія, сколько съ существомъ преступнаго дѣянія, съ его характерными свойствами, нерѣдко отражающимися на качествахъ и на видахъ доказательствъ по дѣлу. Въ разсматриваемомъ теченіи проявлялось несомнѣнно и *довѣріе законодателя къ мировымъ учрежденіямъ*, которое нисколько не ослаблялось вторымъ теченіемъ, параллельнымъ первому, которое исходило изъ вѣрнаго соображенія о томъ, что *мировому суду*, хотя и составленному изъ выборныхъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстными условіями, обычаями и правами и пользующихся довѣріемъ общества, но отправляемому не юристами, *нельзя поручать нѣкоторыя дѣла* гражданскія и даже кое-какія изъ тѣхъ уголовныхъ правонарушеній, наказанія за которыя далеко не выходятъ изъ предѣловъ каръ, налагаемыхъ мировыми судьями, если только самыя дѣла обладаютъ нѣкоторыми особыми свойствами (наприм., споры о правѣ собственности на недвижимыя имущества), или влекутъ за собою, въ случаѣ осужденія, какія-либо спеціальныя, тяжелыя послѣдствія для осужденнаго (наприм., воспрещеніе виновному производить торговлю или промыселъ; см. п. 1, ст. 34, Уст. угол. суд.). Во всякомъ случаѣ, разсматриваемыя теченія, отразившись на законодательствѣ, привели къ нѣкоторой казуистичности, а слѣдовательно, къ затрудненіямъ при опредѣленіи подвѣдомственности (особенно дѣлъ уголовныхъ). Но большинство возникавшихъ недоразумѣній были выяснены практикою кассаціоннаго сената, который создалъ цѣлую систему руководящихъ правилъ, содѣйствовавшихъ благополучному устраненію возникавшихъ затрудненій. Такъ, наприм., сенатъ съ послѣдовательностью проводилъ правило о томъ, что «подсудность по роду преступленій опредѣляется *первоначальнымъ* обвиненіемъ», вызвавшимъ судебное преслѣдованіе, т.-е. «внѣшними признаками преступленія, которые обнаружились въ производствѣ до поступленія дѣла въ судъ», а всякое обстоятельство, устраняющее подвѣдомственность дѣла мировому судьѣ, если о немъ заявлено *до* первоначальнаго разбирательства, *обязываетъ судью*, «не входя въ обсужденіе дѣла и въ оцѣнку заявленія, дать дѣлу законное направленіе». Слѣдуя же за теченіемъ, благопріятствовавшимъ расширенію юрисдикціи мировыхъ учрежденій, сенатъ въ новѣйшихъ рѣшеніяхъ (80-хъ годовъ) явно склонялся къ распространительному истолкованію закона (ст. 33 Уст. уголов.) о подвѣдомственности уголовныхъ дѣлъ мировымъ судьямъ и къ соотвѣтствующему ограничительному толкованію изъятій (ст. 34 того же Устава), намѣченныхъ законодалемъ. Такъ, наприм., въ новѣйшихъ рѣшеніяхъ (1886 г., № 2) сенатъ призналъ подвѣдомственность мировымъ учрежденіямъ дѣлъ, обвиненіе по которымъ влечетъ за собою высылку виновнаго изъ мѣста жительства.

Другая причина затрудненій въ опредѣленіи подвѣдомственности заключалась въ томъ, что масса сельскихъ обывателей получила свой особый судъ—

волостной. Это—числомъ *шестое* для крестьянъ—судилище получило право, по закону 19 февраля 1861 года, примѣнять къ крестьянамъ карательныя постановленія сельско-судебнаго устава 1839 г., изданнаго для государственныхъ крестьянъ (см. ст. 101 и 102 Общ. Пол. о крест.). Къ сожалѣнію, не всѣ дѣянія, облагавшіяся карами, перечисленными въ «Положеніи» (выговоры и замѣчанія, денежные штрафы, арестъ и розги), были опредѣлены въ этомъ законоположеніи съ достаточною ясностью и точностью, оставляли желать лучшаго, и правила, опредѣлявшія кругъ лицъ, подчиненныхъ волостному суду и условія подвѣдомственности ему. Сказанное, въ связи съ невѣжественностью волостныхъ судей, достаточно объясняетъ происхожденіе нерѣдкихъ, особливо на первыхъ порахъ, недоразумѣній насчетъ подвѣдомственности дѣла волостному или мировому суду.

Въ послѣднемъ же, вообще говоря, замѣчалась наклонность къ расширенію предѣловъ своего вѣдомства за счетъ суда волостного. Такое явленіе имѣло свое объясненіе въ исключительности волостного суда, неудовлетворительно устроеннаго, и въ частыхъ злоупотребленіяхъ этого суда, находившагося нерѣдко подъ вліяніемъ писаря. Благодаря этимъ условіямъ, такъ называемая «добровольная» подвѣдомственность этому суду, т.-е. обращеніе къ нему истца или обвинителя, ему неподчиненныхъ (наприм., помѣщиковъ-дворянъ), представлялась явленіемъ довольно рѣдкимъ и часто весьма нежелательнымъ, такъ какъ оно знаменовало собою обращеніе лица сильнаго и вліятельнаго въ округѣ къ судьямъ, прямо или косвенно отъ него зависѣвшимъ, на пристрастіе и угодливое рѣшеніе которыхъ въ данномъ случаѣ завѣдомо разсчитывало лицо, добровольно воззвавшее къ этому суду. Вообще же замѣчалось (особенно въ первое время по введеніи мировыхъ установленій) сильное и довольно распространенное стремленіе избѣгать обращенія къ волостному суду со стороны лицъ, по закону ему подвѣдомственныхъ, и направлять свои иски и обвиненія къ мировымъ судьямъ, пользовавшимся неизмѣримо бо́льшимъ довѣріемъ сельскаго населенія. Послѣднее измышляло всякіе поводы (наприм., намѣренное увеличеніе цѣны иска) къ тому, чтобы судиться у «мирового». Но если сама жизнь наносила удары суду худшему, стремясь къ замѣнѣ его лучшимъ, т.-е. мировымъ судомъ, то понятно, почему на такой призывъ населенія откликнулись и многіе мировые судьи. Указанныя обстоятельства, вызвавшія смѣшеніе и столкновеніе компетенцій обоихъ судовъ, создали необходимость въ выясненіи достаточно точныхъ руководящихъ началъ для размежеванія вѣдомства тѣхъ и другихъ судовъ. И здѣсь правительствующій сенатъ, разрѣшая задачу, далъ цѣлый рядъ рѣшеній, въ основу которыхъ заложено руководящее правило, формулируемое такъ: «волостной судъ и примѣняемый имъ сельско-судебный уставъ», какъ изъятія изъ общаго порядка судопроизводства, «не могутъ примѣняться распространительно», а самыя наказанія по сельско-судебному уставу налагаются «исключительно волостными и станичными судами», а не общими и мировыми судебными установленіями (напримѣръ, рѣшеніе 1874 г., № 628). Сенатъ далъ также

рядъ указаній для опредѣленія того, *какія лица* и *при какихъ условіяхъ* подлежатъ вѣдѣнію волостного суда съ примѣненіемъ къ нимъ карательныхъ постановленій сельско-судебнаго устава (см., наприм., рѣшенія 1870 г. № 1250, 1873 г. № 190, 1884 г. № 9). А законодательство тоже шло навстрѣчу такому ограничительному истолкованію. Такъ закономъ 18 марта 1880 г. изъяты отъ него и переданы мировымъ установленіямъ случаи кражи лошадей или рабочаго и домашняго скота. Систематически «урѣзывая» волостной судъ, сенатъ отступилъ даже по отношенію къ нему отъ своей обычной практики, разъяснивъ, что рѣшеніе дѣла, подвѣдомственнаго волостному суду, другимъ судомъ не влечетъ за собою отмѣны приговора, если заявленіе о подвѣдомственности дѣла волостному суду сдѣлано впервые въ кассаціонной жалобѣ (1871 г. № 9541).

Итакъ, Судебные Уставы 20 ноября 1865 г. создали двойственную систему судовъ, отличительными признаками которой являлись простота и нѣкоторая стройность, близость къ населенію мировыхъ учрежденій, призванныхъ къ разрѣшенію дѣлъ повседневнаго обихода, причемъ суды общіе и мѣстные объединялись въ одномъ кассаціонномъ судѣ; подвѣдомственность же судовъ опредѣлялась, вообще говоря, довольно точными признаками, а встрѣчавшіяся затрудненія благополучно разрѣшались руководящими правилами, преподанными кассаціоннымъ департаментомъ сената. Вырабатывая же правила судопроизводства (гражданскаго и уголовнаго), составители судебныхъ уставовъ выходили изъ вѣрнаго исходнаго начала, что судоустройство и судопроизводство «состоятъ въ такой тѣсной между собою связи, что невозможно постановить что-либо основательное объ одномъ, не имѣя въ виду другого», почему и система судоустройства должна вполнѣ зависѣть отъ главныхъ формъ, принятыхъ для судопроизводства «гражданскаго и уголовнаго», правильное же устройство судебныхъ мѣстъ столь же необходимо, какъ и хорошее судопроизводство, ибо безъ судоустройства и «самыя совершенныя формы судопроизводства оставались бы безъ всякаго исполненія, или же исполнялись бы несогласно съ существенною своею цѣлью» (Суд. уст., 2-е изд. государств. канцел., стр. VI—VII).

Правильное отношеніе, установленное составителями судебныхъ уставовъ между основными началами судоустройства гражданскаго и уголовнаго, тоже не мало содѣйствовало тому, что даже темная масса населенія скоро освоилась съ системою судебныхъ уставовъ, пріучилась находить надлежащій судъ и даже привыкла постепенно къ основнымъ правиламъ судопроизводства.

Правда, лица гражданскаго вѣдомства могли еще судиться и военнымъ судомъ (ст. 226 Уст. уголов.); иногда они подлежали юрисдикціи духовныхъ судовъ (ст. 1002 Уст. уголов.); лица торговаго класса, по дѣламъ коммерческаго свойства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и люди не торговые по сдѣлкамъ свойства торговаго, вѣдались еще особыми торговыми судами. Но подвѣдомственность судамъ военнымъ всегда являлась исключительною,

поступала лишь въ силу особаго Высочайшаго указа, при объявленіи извѣстной мѣстности на военномъ положеніи; притомъ въ указѣ всегда точно исчислялись и тѣ преступныя дѣянія, которыя подвергали военному суду. Уголовной же юрисдикціи духовныхъ судовъ свѣтскія лица подвергались еще того рѣже, да и самыя кары, назначаемыя духовнымъ судомъ, не носили характера уголовныхъ наказаній. Наконецъ, вѣдомство коммерческихъ судовъ, существующихъ только въ немногихъ мѣстностяхъ, распространялось, въ качествѣ исключенія изъ общихъ правилъ судоустройства и судопроизводства, на весьма ограниченный кругъ лицъ и на совершенно спеціальные роды дѣлъ. А рѣшенія гражд. кассац., 4 департамента и I общаго собранія прав. сената систематически и довольно явственно проводили тенденцію къ ограничительному истолкованію подвѣдомственности коммерческимъ судамъ.

III. Если бы развитіе нашего законодательства пошло по пути естественнаго, здороваго роста, то оно привело бы, надо полагать, къ *упрощенію* системы судоустройства (и къ ослабленію излишняго формализма въ судопроизводствѣ гражданскомъ), т.-е. къ уничтоженію нѣкоторыхъ случайныхъ судилищъ, дальнѣйшее существованіе которыхъ, будучи вызвано преходящими условіями, представлялось излишнимъ и даже вреднымъ. Нѣкоторыя судилища исчезли бы безвозвратно, другія (напримѣръ, коммерческіе суды) поглотились бы нормальными, жизнеспособными судами (окружнымъ и мѣстнымъ). И вся задача законодателя заключалась бы въ томъ, чтобы выработать для этой упрощенной системы *единый*, *основной типъ суда съ широкою юрисдикціею*, который могъ бы найти примѣненіе и распространеніе во всей странѣ, съ незначительными лишь измѣненіями, вызванными особыми мѣстными условіями. Этотъ общераспространенный типъ суда, по возможности приближеннаго къ населенію, могъ послужить фундаментомъ для полнаго *объединенія* въ судебной организаціи взамѣнъ двойственной системы судопроизводства, введенной Судебными Уставами.

Громаднымъ недостаткомъ ея было отсутствіе прочной и постоянной связи между мѣстными и общими судами, не состоявшими между собою ни въ какихъ отношеніяхъ іерархической подчиненности. Мѣстные суды не подлежали никакому постоянному, правильному контролю и надзору со стороны ближайшихъ высшихъ общихъ судовъ: надзоръ кассаціоннаго департамента сената (ст. 64 и 249 Учр. суд. уст.). и министра юстиціи (ст. 254—256 Учрежд.) въ качествѣ генералъ-прокурора являлся для мировыхъ учрежденій слишкомъ отдаленнымъ и случайнымъ; мировые съѣзды имѣли «непосредственный надзоръ» за мировыми судьями ихъ округа (ст. 64 Учрежд.), причемъ первые совершенно не были подчинены судебнымъ палатамъ (п. 2 ст. 249 Учр.), члены которыхъ могли ревизовать мировыя учрежденія лишь по особому порученію министра юстиціи. Такія ревизіи производились рѣдко и не были періодическими. Это отсутствіе постояннаго и правильнаго надзора со стороны судебной палаты было однимъ изъ пороковъ мѣстнаго суда, который объединялся съ общими судебными учреж-

деніями лишь черезъ посредство кассаціоннаго суда (сената), являвшагося для судовъ обоихъ типовъ высшимъ органомъ единообразнаго примѣненія и правильнаго истолкованія закона. Къ сожалѣнію, многія внутреннія политическія осложненія и замѣшательства, сложившись въ концѣ 70-хъ годовъ и 80-хъ весьма неблагопріятно для намѣченнаго выше нормальнаго развитія нашего судоустройства, воспрепятствовали упрощенію, единообразію и объединенію судебной организаціи. Въ началѣ этого періода новыя теченія, не отразившись на судоустройствѣ и судопроизводствѣ для дѣлъ гражданскихъ, привели къ цѣлому ряду законоположеній, имѣвшихъ, по видимости, лишь «временный характеръ», именно—къ указамъ 8 августа 1878 года, 5 апрѣля 1879 г. и къ «Положенію о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка». (4 сентября 1881 г.).

Эти указы и законоположенія, изъявъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ нѣкоторыя важнѣйшія преступленія противъ должностныхъ лицъ, передаютъ ихъ на рѣшеніе «особаго присутствія правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей», или же «военно-окружнымъ судамъ». Съ тѣхъ поръ «Положеніе 1881 г.» ежегодно возобновляется, а 7 іюля 1889 г. вышло законоположеніе, вошедшее въ ст. 201 Уст. уголов. суд., относящее весьма значительное количество дѣлъ, перечисленныхъ въ ней, къ вѣдомству «судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей».

Съ изданіемъ этого закона, лица гражданскаго вѣдомства, исключивъ изъ счета духовный судъ, судились по *уголовнымъ дѣламъ въ 8 различныхъ судахъ* (первой степени): 1) въ верховномъ уголовномъ судѣ, 2) въ особомъ присутствіи сената (съ 4 сословными представителями), 3) въ судебной палатѣ съ сословными представителями (тоже въ числѣ 4), 4) въ той же палатѣ съ 3 сословными представителями, 5) въ окружномъ судѣ съ присяжными, 6) въ томъ же судѣ безъ присяжныхъ; 7) въ мировыхъ учрежденіяхъ и 8) въ военно-окружномъ судѣ. Для лицъ же крестьянскаго сословія еще—въ 9) въ судѣ волостномъ. Такое множество судовъ, не встрѣчающееся ни въ одномъ изъ современныхъ европейскихъ государствъ, нарушая необходимыя для судопроизводства простоту и единообразіе, влечетъ за собою не только запутанность въ подвѣдомственности, но иногда и значительное сближеніе, даже совпаденіе между собою разныхъ судилищъ по роду дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію. Такъ, суды, перечисленные въ п. 1—3, принципіально ничѣмъ между собою не разграничены, вѣдаютъ одни и тѣ же дѣла: нормальный судъ для государственныхъ преступленій есть судебная палата съ сословными представителями, верховный же уголовный судъ и «особое присутствіе сената»—чрезвычайныя судилища для тѣхъ же дѣлъ, созываемыя лишь по Высочайшему указу; между послѣдними двумя судами нѣтъ ровно никакого отличія по существу. А военно-окружный судъ тоже можетъ вѣдать (и не разъ судилъ) преступныя дѣянія съ политическимъ характеромъ, напримѣръ,—

убійство должностныхъ лицъ, нападеніе на чиновъ полиціи и иныя серьезныя насилія надъ этими лицами, учиненныя виновными подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ и цѣлей.

§ 2.

I. Законодательство 12 іюля и 29 декабря 1889 г. представляется послѣднимъ по времени, по существу же самымъ рѣшительнымъ шагомъ на пути указаннаго въ § 1 неправильнаго развитія нашего судоустройства.

Давно уже правительствомъ было обращено вниманіе на положеніе административныхъ, земскихъ и судебныхъ учрежденій въ уѣздахъ и городахъ, представлявшееся, по мнѣнію руководящихъ сферъ, послѣдствіемъ земской и судебной реформъ 60-хъ годовъ, приведшихъ къ отсутствію въ уѣздахъ *сильной* и *единой* власти. Эта послѣдняя замѣнилась многообразіемъ учрежденій и властей, фактически безсильныхъ, недостаточно авторитетныхъ и ничѣмъ между собою не объединенныхъ. Власти судебныя и администрація, распредѣленныя между отдѣльными органами, дѣйствовали не только независимо и самостоятельно, но нерѣдко даже въ направленіяхъ совершенно противоположныхъ; онѣ перестали быть вѣтвями и органами единой государственной власти, а превратились въ какія-то разъединяющія силы, почти враждебныя другъ другу. Въ частности, власть судебная принадлежала въ уѣздахъ выборнымъ отъ земства мировымъ судьямъ, находящимся въ зависимости отъ борющихся партій и всякихъ мѣстныхъ вліяній, не всегда согласовавшихся съ потребностями правосудія нелицепріятнаго, для всѣхъ равнаго и одинаково доступнаго, а образованіе и степень подготовленности этихъ агентовъ мѣстной судебной власти оставляли желать лучшаго. Органъ избранія мировыхъ судей—земство, построенное на началахъ всесословности, фактически господствовало въ уѣздѣ. Наконецъ, многообразіе и разбросанность уѣздныхъ учрежденій, административныхъ и судебныхъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, подъ фиктивнымъ контролемъ со стороны губернской администраціи, лишенной всякой инициативы, и отдаленнаго сената, вредили единству мѣстной судебно-административной дѣятельности, ея быстротѣ, а также исполнимости и незыблемости опредѣленій и рѣшеній, въ особенности судебныхъ. Самое же производство по множеству мелкихъ судебныхъ дѣлъ страдало медленностью и сложностью, къ явному ущербу для правосудія и пользы обывателей.

Въ высочайшемъ указѣ сенату, сопровождавшемъ законоположеніе 12 іюля 1889 г., изложенныя соображенія, несомнѣнно руководившія законодателемъ, вылились въ довольно уклончивой, обобщенной формулѣ: «Вниманіе верховной власти,—говорится въ указѣ,—обращено на затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей имперіи»; одною же изъ «главныхъ причинъ этого неблагопріятнаго явленія «является» отсутствіе *близкой* къ народу *твердой правительственной власти*, которая *соединяла бы* въ себѣ *попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами* по завершенію крестьянскаго

дѣла и *съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ»*; устраненіе же этого недостатка должно «поставить мѣстную власть въ подобающее ей и согласное съ пользами государства положеніе». Для осуществленія предначертанныхъ цѣлей и были изданы 12 іюля 1889 г.: 1) Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, 2) Правила объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено означенное Положеніе, 3) *Временныя* правила о волостномъ судѣ. Къ этимъ законоположеніямъ прибавлены (29 декабря 1889 г.) 4) «Правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ», имѣвшія въ виду *упростить* судопроизводство, дѣйствовавшее до настоящаго времени въ мировыхъ учрежденіяхъ.

Вникая въ приведенныя слова указа, усматриваемъ, что законодатель видѣлъ *главную причину* мѣстныхъ неурядицъ въ *отсутствіи или въ недостаткѣ сильной и правомочной административной власти въ уѣздахъ*; а это положеніе указывало и на *главную цѣль реформы—усиленіе и объединеніе административной власти*, облекаемой значительными полномочіями для охраненія *порядка*, *безопасности* и, въ особенности, для осуществленія *попечительства* надъ *сельскими* обывателями. Что такова именно была основная цѣль реформы, доказывается и цѣлымъ рядомъ воспослѣдовавшихъ съ 1890 г. частныхъ узаконеній и министерскихъ циркуляровъ, которые стремились больше всего къ расширенію и упорядоченію административныхъ функцій земскихъ начальниковъ. На нихъ постепенно возложены были функціи надзора, ревизіи и руководительства въ экономической сферѣ сельскаго обихода, наприм., надзоръ за хлѣбными магазинами, за своевременною засыпкою и перемѣною въ нихъ хлѣбныхъ запасовъ, наблюденіе за состояніемъ урожая и, вообще, продовольственнаго дѣла, за симптомами хозяйственнаго благосостоянія сельскихъ обывателей, надзоръ за упорядоченіемъ переселеній, руководство мѣрами противъ стихійныхъ бѣдствій, наприм., отъ пожаровъ, наблюденіе за исправнымъ отправленіемъ повинностей (наприм., дорожной), за нравственнымъ, наконецъ, благосостояніемъ обывателей и т. д. Изъ изложеннаго, равно какъ изъ текста высочайшаго указа, явствуетъ, что *судебная сторона реформы— отнюдь не стояла на первомъ планѣ*, а являлась скорѣе добавочною ея частью. Это оправдывается тѣмъ, что крестьянскія учрежденія, созданныя законодательствомъ 19 февраля 1861 г. и 70-хъ годовъ (уѣздныя и губернскія крестьянскія присутствія), представлялись, въ глазахъ правительства, совершенно непригодными. А что организація ихъ дѣйствительно была далека отъ совершенства и мало приспособлена для надзора за крестьянскимъ управленіемъ и для «попечительства надъ сельскими обывателями», что она была поставлена въ узкія рамки строго-формальной дѣятельности, явствуетъ изъ того, что «уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, замѣнившее собою съѣздъ мировыхъ посредниковъ, призванное къ ближайшему надзору и руководительству за судомъ и управленіемъ крестьянской

среды, состояло изъ лицъ самыхъ разнохарактерныхъ по своему служебному положенію (уѣздный предводитель дворянства, исправникъ, предсѣдатель земской управы, почетный мировой судья и непремѣнный членъ) и по способу назначенія; почти всѣ эти лица, неся другія главныя свои служебныя обязанности, были лишены возможности относиться серьезно къ дѣламъ сельскихъ обывателей. Уѣздное присутствіе дѣйствовало скорѣе въ качествѣ кассаціонной и изрѣдка ревизіонной инстанціи и не могло вникать въ существо судебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ волостномъ судѣ. Единственное въ немъ должностное лицо, призывавшееся исключительно для занятія дѣлами крестьянскаго управленія, именно непремѣнный членъ, избиралось губернскимъ земскимъ собраніемъ на 3 года, и, являясь *однимъ* на уѣздъ, было лишено *самостоятельной власти*, не могло дѣйствовать быстро, энергично, почему и не приносило, при всемъ желаніи, сколько-нибудь серьезной пользы. Такимъ образомъ, очевидно, что административный строй уѣзда требовалъ измѣненія, хотя, признавая это, мы нисколько не предрѣшаемъ самаго вопроса о *характерѣ* желательной реформы. Много иначе обстояло дѣло съ судебною частью. Здѣсь могъ возникнуть вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи волостного суда, безспорно далекаго отъ идеала хорошаго суда. Правительство же относилось къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Возможно было при надлежащемъ переустройствѣ его организаціи и процессуальныхъ правилъ сохранить его по гражданскимъ дѣламъ сельскихъ обывателей, для обсужденія и рѣшенія ихъ по обычному праву, столь своеобразному и различному въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно было бы поставить ребромъ вопросъ о дальнѣйшемъ бытіи этого суда по дѣламъ уголовнымъ, такъ какъ уголовное право и судопроизводство, проникнутыя идеей публичнаго интереса, началомъ государственности, требуютъ возможно большаго объединенія, при посредствѣ закона, карательныхъ постановленій, установленія ясности, точности въ запретахъ, нарушеніе которыхъ облагается наказаніями. Въ этой области должно быть по возможности менѣе произвола, условности и разнообразія, столь свойственныхъ обычаю. Послѣдній можетъ быть терпимъ въ уголовномъ правѣ (см. прил. къ ст. 168 Улож. о наказ.) лишь въ примѣненіи къ условіямъ низменной культуры дикихъ и полудикихъ инородцевъ Сибири и другихъ отдаленныхъ мѣстностей, но опять-таки съ исключеніями, да и то лишь до поры, до времени («пока нравы сихъ народовъ образованіемъ не смягчатся», какъ сказано въ законѣ). Большинство же проступковъ, каравшихся по сельско-судебному уставу волостными судами, являлись дѣяніями противными общему праву и предусмотренными въ Уст. о наказ., налаг. мировыми судьями. Во всякомъ случаѣ, реформированный волостной судъ—по преимуществу для дѣлъ гражданскихъ—отнюдь не долженъ былъ выходить по дѣламъ уголовнымъ изъ той компетенціи, которая была начертана ему въ Общ. Полож. о крестьянахъ; существовало даже мнѣніе, требовавшее подчиненія сельскихъ обывателей мировому суду по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, вѣдавшимся волостнымъ судомъ. Если, да-

лѣе, возникалъ вопросъ о мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, наприм., о выборномъ началѣ при замѣщеніи мировыхъ судей, которое не одобрялось правительственными сферами, о необходимости юридическаго образованія для судей и т. п., то для реформы не представлялось никакой необходимости въ радикальной ломкѣ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій и въ соединеніи судейскихъ функцій съ административными. Было бы совершенно достаточно замѣнить судей выборныхъ судьями по назначенію отъ короны, съ юридическимъ образованіемъ, и, пересмотрѣвъ Уст. угол. и гражд. судопроизводства, внести въ тотъ и другой разныя упрощенія и сокращенія. Къ сожалѣнію, новое законодательство пошло по совершенно другому пути.

III. Прежде всего, оно не только сохранило волостной судъ для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, но, подчинивъ еще его вѣдѣнію мѣщанъ, посадскихъ людей, ремесленниковъ и цеховыхъ, постоянно жительствующихъ въ деревнѣ, на все время ихъ пребыванія въ ней (п. VIII высочайше утвержд. мнѣніе госуд. совѣта), расширилъ до чрезвычайности его подвѣдомственность по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Отнынѣ этимъ судамъ подлежатъ споры и тяжбы между крестьянами о *недвижимомъ имуществѣ*, если оно входитъ въ составъ надѣла, безъ *ограниченія суммы* (п. I, ст. 15, Врем. прав. о вол. судѣ), тогда какъ прежде (ст. 96 Общ. пол. о крест.) всѣ дѣла ограничены цѣною до 100 руб., всѣ споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, до 300 руб., за исключеніемъ лишь исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ (п. 2, ст. 15), а также дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ имущества, входящаго въ составъ крестьянскаго надѣла или составляющаго принадлежность его, *безъ ограниченія суммы*; относительно всѣхъ другихъ имуществъ, находящихся въ предѣлахъ волости, цѣною не свыше 500 р. (если, слѣдовательно, наслѣдственное имущество не крестьянское, то дѣла по наслѣдованію и раздѣлу его подсудны уѣздному члену окружнаго суда (п. 2, ст. 29, Прав. о судопр.). Не трудно убѣдиться, что компетенція этихъ судовъ совпадаетъ, по цѣнѣ иска, съ юрисдикціей земскихъ начальниковъ (п. 4, ст. 48 Положенія), въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ цѣнами исковъ, подвѣдомственныхъ уѣздному члену окружнаго суда (отъ 300 до 500 руб.), а иногда даже съ юрисдикціей окружныхъ судовъ (именно въ случаѣ, указанномъ въ 1 п., ст. 15 «Врем. прав.»). Но очевидно, что споры о недвижимомъ имуществѣ, а въ особенности о наслѣдованіи и раздѣлахъ имущества среди богатыхъ крестьянъ могутъ вращаться около тысячныхъ суммъ: вполнѣ возможны случаи, когда волостной судъ, состоящій изъ безграмотныхъ судей, подъ предсѣдательствомъ одного полуграмотнаго будетъ рѣшать споръ на сумму даже въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Слѣдовательно, законъ отдаетъ серьезныя дѣла крестьянъ на обсужденіе и рѣшеніе менѣе совершеннаго суда, не довѣряя ихъ, когда сторонами являются лица другихъ сословій, не только суду земскаго начальника, но и уѣзд-

ному члену окружнаго суда, т.-е. просвѣщенному и опытному юристу, судьѣ независимому, рѣшенія котораго подчинены апелляціонной инстанціи, составленной изъ судей равнаго ему достоинства, и надзору сената въ качествѣ инстанціи кассаціонной. Что же касается до дѣлъ уголовныхъ, то Временныя Правила подчинили волостному суду проступки, предусмотрѣнные въ восьмидесяти трехъ (изъ 207) различныхъ статьяхъ Устава о наказ. нал. миров. судьями (ст. 17 Врем. Прав.), не исключая дѣлъ о кражахъ, мошенничествахъ, присвоеніяхъ и растратахъ имущества, подъ условіемъ, чтобы цѣна похищеннаго и присвоеннаго имущества не превышала 50 руб. и если притомъ кража или мошенничество учинены въ первый или во второй разъ. Установляются, правда, исключенія: такъ, вѣдомству этого суда не подлежатъ—кража лошади и крупнаго домашняго скота, утайка находки свыше 100 руб., если хозяинъ ея извѣстенъ и необъявленіе о находкѣ свыше 300 р. (ст. 19, Врем. Прав.). «Временныя Правила» не довольствуются, однако, такою широкою подвѣдомственностью: они подчиняютъ этому суду и случаи нарушенія рабочимъ договора найма, если онъ заключенъ *безъ договорнаго листа*, при посредствѣ недобросовѣстной, по полученіи задатка, неявки на работы, или самовольнаго ухода съ нея, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ, и, наконецъ, ***мотовство* и *пьянство***, если эти пороки влекутъ за собою разстройство хозяйства (п. 6, ст 17). Карательная власть волостного суда тоже значительно увеличена сравнительно съ наказаніями по «Общему Положенію» о крестьянахъ: денежное взысканіе можетъ быть назначено даже до 30 руб., арестъ до 30 дней (притомъ даже *строгій*, т,-е. съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ), наконецъ и розги, какъ и по Общему Положенію, до 20 ударовъ, но притомъ не только отдѣльно, но и *совмѣстно съ арестомъ до 15 дней*—за кражу, мошенничество, присвоеніе имущества и за покушеніе на эти проступки, *за мотовство и пьянство*, разстрачивающее хозяйство, въ особо важныхъ случаяхъ; притомъ за кражу, мошенничество и присвоеніе—арестъ, соединенный съ розгами, можетъ быть даже продолженъ до 30 дней (ст. 38 Временныхъ Правилъ).

Законодатель, расширяя столь непомѣрно подвѣдомственность волостного суда, понималъ, что это возможно только при упорядоченіи его, при улучшеніи состава судей и освобожденіи суда отъ разныхъ вредныхъ давленій и подпольныхъ вліяній. *Временныя Правила*, полагаясь на земскихъ начальниковъ, отдаютъ волостной судъ, его организацію и самыя рѣшенія подъ полную опеку этихъ административно-судебныхъ должностныхъ лицъ. Земскимъ начальникамъ предоставленъ не только надзоръ за волостными судами (ст. 13 *Временныхъ Правилъ*), но они получили и право вмѣшательства въ существо дѣлъ, вѣдаемыхъ волостнымъ судомъ. Такъ, они обязаны «возстановить подлежащую подсудность своею властью, по дѣламъ неправильно принятымъ волостнымъ судомъ къ своему производству и еще имъ не разрѣшенныхъ (ст. 20); если же судъ постановилъ уже рѣшеніе по дѣлу о проступкѣ, нарушающемъ предѣлы его власти или же *явно не-*

правосудное рѣшеніе, то земскій начальникъ останавливаетъ исполненіе рѣшенія и представляетъ оное уѣздному съѣзду, *хотя бы и не было въ виду жалобы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ*. Законъ имѣетъ въ виду дать гарантію судящимся въ волостномъ судѣ, предписывая земскому начальнику вникать въ существо рѣшеннаго дѣла, безъ чего невозможно убѣдиться въ «явной неправосудности рѣшенія». Недовѣріе къ волостному суду вынудило законодателя предоставить тому же опекуну надъ благосостояніемъ и судомъ народа могущественное вліяніе на избраніе состава этого суда. По «Общему Положенію» судьи избирались на волостномъ сходѣ, утверждались уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, которое имѣло надъ выборами лишь кассаціонный надзоръ. Въ настоящее же время (ст. 2 *Временныхъ Правилъ*) сельскія общества избираютъ только *кандидатовъ* въ волостные судьи; на избраніе ихъ земскій начальникъ имѣетъ громадное и непосредственное вліяніе, и онъ же самъ назначаетъ 4-хъ изъ числа избранныхъ кандидатовъ судьями, получивъ право непосредственно своею властью штрафовать ихъ, подвергать аресту за служебныя провинности и даже «временно устранять отъ должности» (ст. 62 Положенія о земскихъ начальникахъ). Предсѣдателемъ волостного суда можетъ быть и волостной старшина (слѣдовательно, и здѣсь проведено начало соединенія въ одномъ лицѣ административныхъ и судебныхъ функцій), непосредствено подчиненный земскому начальнику, имѣющему надъ нимъ широкую дисциплинарную власть. При указанныхъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о независимости и самостоятельности волостного суда, во всякое судебное рѣшеніе котораго земскій начальникъ можетъ и въ сущности даже *долженъ вникать*. Но если такъ, то не является ли такой судъ, какъ лишенный всякой самостоятельности, излишнимъ по затаенной мысли самого законодателя, который не рѣшался, однако, щадя традиціи, а равно изъ страха передъ значительнымъ обремененіемъ государственной казны или земскаго бюджета, совсѣмъ упразднить его и передать судебныя его функціи всецѣло земскимъ начальникамъ. Тѣмъ не менѣе, законодатель сохранилъ его и даже расширилъ его юрисдикцію, не требуя даже «грамотности» (ст. 3 *Временныхъ Правилъ*) отъ его судей, разсчитывая въ сущности не на самый волостной судъ, а на земскихъ начальниковъ. Но разсчетъ не могъ оправдаться. Земскіе начальники, отягощенные множествомъ административныхъ и самостоятельныхъ судебныхъ функцій, а также постоянными порученіями губернской администраціи, не могутъ, даже при всемъ желаніи, слѣдить за существомъ рѣшеній волостного суда. Ихъ надзоръ за этими рѣшеніями получаетъ совершенно случайный характеръ вмѣшательства въ «экстренныхъ» случаяхъ, дошедшихъ почему-либо до свѣдѣнія земскаго начальника. Чтобы земскій начальникъ могъ дѣйствительно осуществить намѣреніе законодателя, необходимо было бы утроить ихъ число въ уѣздахъ. Если же и встрѣчаются земскіе начальники, ревностно отправляющіе именно эти функціи, то они погрѣшаютъ противъ другихъ обязанностей, оказываются плохими судьями, нерадивыми или медлительными администра-

о наймѣ въ сельскія работы) — далеко не обычное явленіе въ судѣ земскаго начальника. Не пользуясь, уже въ качествѣ администраторовъ, несмѣняемостью, земскіе начальники, удаляемые окончательно отъ должности совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ (съ утвержденія министра), состоятъ подъ очень сложнымъ контролемъ. Во-первыхъ, подъ надзоромъ уѣзднаго предводителя дворянства (ст. 101 «Положенія»), контроль котораго de facto чаще всего фиктивный или весьма поверхностный, долженъ, однако, распространяться и на всю ширину *судебной дѣятельности* земскаго начальника. Между тѣмъ, уѣздные предводители, нерѣдко лица почтенныя и для уѣзда полезныя, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ способны, еслибы даже у нихъ имѣлось на это время и желаніе, производить судебныя ревизіи земскихъ начальниковъ: у подобныхъ предводителей далеко не всегда имѣются надлежащія образованіе и знаніе по судебной части, безъ которыхъ контроль—пустой звукъ. Нерѣдко они и *зависимы* отъ земскихъ начальниковъ, которые, участвуя въ дворянскихъ выборахъ, могутъ непосредственно вліять (и нерѣдко вліяли) на судьбу дальнѣйшаго служенія предводителя въ этомъ званіи. Выходитъ, что *законодатель*, *не довѣряя мировымъ судьямъ*, избраніе и самая судебная дѣятельность которыхъ стояли, какъ нерѣдко утверждали, въ зависимости отъ партій и угодничества судей предъ вліятельными, но не всегда доброкачественными элементами уѣзднаго населенія, *поручилъ*, однако, контроль надъ *судьями-администраторами лицу*, *косвенно отъ нихъ зависимому*. Но мировой судья, если былъ непригоденъ, могъ быть смѣненъ даже черезъ 3 года, составъ же земскихъ собраній тоже постоянно обновлялся, а слѣдовательно далеко не всегда одни и тѣ же элементы уѣзда могли оказывать рѣшающее вліяніе на выборъ судей. «Положеніе» же о земскихъ начальникахъ назначаетъ ихъ безсрочно, почему, сохранивъ за ними полную возможность изгонять чрезъ посредство дворянскихъ выборовъ имъ непріятнаго, строго ревизующаго ихъ предводителя, угрожаетъ имъ *de facto* отставкой лишь въ случаѣ явныхъ злоупотребленій или совершенной неспособности къ этой службѣ (ст. 139 «Положенія»), если, конечно, земскій начальникъ умѣетъ ладить съ губернскимъ начальствомъ или сидѣть тихо на мѣстѣ «безъ шумнаго проявленія себя въ дѣлахъ и безъ чрезмѣрной ревности». Что же касается до уѣзднаго съѣзда, то онъ является органомъ контроля надъ *судебною* стороной дѣятельности земскихъ начальниковъ лишь въ смыслѣ апелляціоннаго перерѣшенія и изрѣдка кассаціоннаго пересмотра *отдѣльныхъ* дѣлъ, разбиравшихся у земскихъ начальниковъ и перешедшихъ въ съѣздъ по жалобамъ сторонъ, а иногда (по нѣкоторымъ дѣламъ волостного суда) по жалобамъ, предварительно пропущеннымъ чрезъ цензуру земскаго начальника. Судебное отдѣленіе уѣзднаго съѣзда, заключая въ себѣ уѣзднаго члена окружнаго суда и городского судью и независимыхъ почетныхъ мировыхъ судей, могло бы, *при извѣстныхъ условіяхъ*, отправлять съ нѣкоторымъ успѣхомъ и функціи *общаго надзора* за судебною дѣятельностью земскихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что при немъ (по дѣламъ уголовнымъ)

состоитъ товарищъ прокурора окружнаго суда, дающій свои «заключенія» и имѣющій также право присутствовать въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда. Но прокурорскій надзоръ, чрезмѣрно обремененный обязанностями, нерѣдко по двумъ уѣздамъ, можетъ относиться къ дѣламъ съѣзда лишь «en passant», поверхностно, а самое положеніе его, какъ агента министерства юстиціи, среди чиновъ «иного духа, настроенія и вѣдомства другого», довольно щекотливо. Онъ можетъ лишь «сообщить» по начальству о явныхъ непорядкахъ и вопіющихъ приговорахъ, случайно обратившихъ на себя его вниманіе. Уѣздный членъ тоже несетъ не мало другихъ обязанностей, да и положеніе его въ съѣздѣ, какъ и прокурорскаго надзора, тоже не совсѣмъ нормально. Несомнѣнно, однако, что, выступая непремѣннымъ членомъ судебнаго отдѣла съѣзда и нерѣдко его предсѣдателемъ (при отсутствіи предводителя), это лицо наиболѣе приспособлено къ контролю надъ судебными рѣшеніями земскихъ начальниковъ и къ выясненію неурядицъ и возможныхъ злоупотребленій этихъ лицъ по судебной части. Вѣрно и то, что учрежденіе уѣзднаго члена, введенное въ съѣздъ, вообще говоря, въ полномъ несоотвѣтствіи съ духомъ и строемъ реформы 12 іюля 1889 г., принесло свою пользу. Оно сдерживаетъ нѣсколько административныя воззрѣнія и настроенія земскихъ начальниковъ, неизбѣжно вносимыя ими въ судебныя дѣла; оно же даетъ возможность проявиться фактическому вліянію въ съѣздѣ юриста, особенно усиливающемуся въ томъ случаѣ, когда уѣздный членъ выступаетъ и предсѣдателемъ присутствія. Иное положеніе въ съѣздѣ почетныхъ мировыхъ судей, вліяніе которыхъ въ большинствѣ случаевъ ничтожно: законъ 12 іюля 1889 г., сохраняя въ составѣ съѣзда избираемыхъ земскими собраніями почетныхъ мировыхъ судей, доказалъ тѣмъ самымъ, что выборный мировой институтъ былъ далеко не такъ плохъ, какъ о томъ возвѣщали его враги. Но, сдѣлавъ уступку судебнымъ уставамъ, законодатель все же соединилъ элементы, трудно сочетаемые по коренному ихъ различію: почетные мировые судьи — изъ среды общества, избираемые всѣми сословіями, независимые отъ администраціи, не несущіе никакихъ административныхъ функцій, а слѣдовательно и чуждые административнымъ пріемамъ. Они подчинены лишь сенату, несмѣняемы на все время ихъ избранія (3 года) и, наконецъ, обладаютъ среднимъ спеціальнымъ или общимъ образованіемъ. Совершенно естественно, что земскіе начальники, если почетные мировые судьи избраны неподходящіе къ ихъ желаніямъ и надеждамъ въ земскихъ собраніяхъ, въ которыхъ первые начинаютъ играть все болѣе замѣтную роль (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они фактически уже вполнѣ господствуютъ въ реформированномъ земствѣ), становятся къ избраннымъ во враждебное или «оборонительное» положеніе. А почетные судьи, чувствуя себя лишними элементами уѣзднаго съѣзда, пріуроченными къ нему искусственно, скорѣе только терпимыми, начали постепенно все болѣе уклоняться отъ участія въ его засѣданіяхъ. А такъ какъ они чаще всего въ меньшинствѣ голосовъ, то и не могутъ оказывать никакого существеннаго вліянія на отправленіе правосудія (не говоримъ

объ исключеніяхъ). Наконецъ, въ-третьихъ, надзоръ за судебною властью земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ и право ревизіи возложены на губернскія присутствія и на начальниковъ губерній (ст. 66, 102 и 113 «Положенія»). Но первое,—одно на всю губернію,—обременено дѣлами до nec plus ultra, состоитъ въ большинствѣ изъ не юристовъ, а изъ административныхъ чиновниковъ; всѣ судебныя дѣла докладываютъ въ нихъ 2 непремѣнные члена (нерѣдко—тоже не юристы), едва поспѣвающіе справиться съ текущимъ множествомъ дѣлъ. Они-то, по порученію губернскаго присутствія, и являются по преимуществу органами фактической ревизіи и надзора и за судебною частью земскихъ начальниковъ. Но послѣднихъ въ губерніи очень много, а судебныхъ дѣлъ у нихъ—еще того больше, хотя сравнительно лишь немногія восходятъ до губернскаго присутствія. При такихъ условіяхъ не только двумъ губернскимъ непремѣннымъ членамъ, но и всему составу послѣдняго невозможно имѣть надъ судомъ и рѣшеніями земскихъ начальниковъ *постояннаго*, *правильно организованнаго*, даже лишь *часто проявляющагося надзора*. Поэтому ревизіи и контроль губернскаго присутствія рѣдки, слишкомъ быстры и скорѣе формальнаго хахактера.

Законодатель, требуя и отъ земскихъ начальниковъ имущественнаго ценза (съ небольшими изъятіями), *не поставилъ непремѣннымъ условіемъ назначенія на эту должность достаточнаго* (средняго) *образованія кандидата*. Отъ мировыхъ судей требовалось (ст. 19 «Учр. суд. уст.») образованіе *не ниже средняго* (общаго или спеціальнаго), или же прослуженія, не менѣе 3 лѣтъ, въ должностяхъ, при исправленіи которыхъ кандидатъ «могъ пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ». Тѣхъ же условій потребовало отъ земскихъ начальниковъ и законодательство 12 іюля 1889 г. (ст. 6, 7, 15 «Положенія»), отдавая притомъ *преимущество* лицамъ съ высшимъ образованіемъ въ томъ смыслѣ, что не только допускаетъ персоналъ съ среднимъ образованіемъ къ замѣщенію этихъ должностей лишь «при недостаткѣ лицъ съ образованіемъ высшимъ», но и понижаетъ для этихъ послѣднихъ имущественный цензъ *на половину* противъ ценза мировыхъ судей и даже до небольшого требованія «сохраненія въ предѣлахъ уѣзда одной усадьбы»; допущено даже (ст. 17 «Положенія») сохраненіе должности земскаго начальника и при полной утратѣ имущественнаго ценза (съ разрѣшенія министра). Такимъ образомъ, законодатель, требуя при наличности высшаго образованія отъ кандидата въ земскіе начальники лишь ничтожнаго имущественнаго ценза (въ доказательство осѣдлости и связи кандидата съ данною мѣстностью), сдѣлалъ большой шагъ впередъ сравнительно съ институтомъ мировыхъ судей, для котораго имущественный цензъ (въ уѣздѣ довольно высокій) являлся conditio sine qua non избранія, а это, какъ извѣстно, служило значительнымъ тормазомъ для избранія хорошихъ судей и составляло больное мѣсто учрежденія. Къ сожалѣнію, въ дополнительныхъ правилахъ (29 декабря 1889 г.) къ «Положенію» законодатель предоставилъ, хотя и «вре-

менно» (ст. 3), министерству внутреннихъ дѣлъ право, «за недостаткомъ *мѣстныхъ* потомственныхъ дворянъ», удовлетворяющихъ вышеизложенному условію по образованію, назначать въ земскіе начальники лицъ, *не получившихъ ни высшаго, ни средняго образованія*, если министръ считаетъ ихъ, «*по имѣющимся у него свѣдѣніямъ*», достойными для занятія этихъ должностей и «обладающими достаточными познаніями для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей». А такъ какъ «недостатокъ» въ лицахъ сказался на первыхъ же порахъ и продолжается, какъ доподлинно извѣстно, и по сіе время, то не малое число «гражданскихъ лицъ», обладающихъ такъ называемымъ «домашнимъ» или низшимъ образованіемъ, а равно и отставные военные, не получившіе образованія въ среднихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, были назначаемы въ земскіе начальники, и нерѣдко въ мѣстности совершенно имъ неизвѣстныя. Само собою разумѣется, что этотъ персоналъ проявлялъ нерѣдко полное невѣжество въ судебной части (можно было бы привести судебныя рѣшенія совершенно анекдотическаго характера), обязанности же административныя отправлялъ всегда своеобразно и далеко не всегда съ пониманіемъ дѣла. Приключилась, во всякомъ случаѣ, неожиданность, не входившая въ цѣль законодателя: на мировыхъ судей сыпались упреки въ томъ, что многіе изъ нихъ невѣжественны, а большинство, во всякомъ случаѣ, недостаточно подготовлено къ судебной дѣятельности, которая, благодаря расширенію ихъ подвѣдомственности по уголовнымъ дѣламъ и разнымъ условіямъ жизни, а также и кассаціоннымъ указаніямъ сената, сдѣлалась слишкомъ сложна и трудна для непрофессіональнаго юриста. Но они всегда и всюду были, по крайней мѣрѣ, изъ числа лицъ *средняго образованія*, и всегда связаны съ мѣстностью, замѣнили же ихъ лицами, которыя могутъ не имѣть, а нерѣдко на самомъ дѣлѣ не имѣютъ даже средняго образованія.

V. Нельзя также сказать, чтобъ учрежденіе земскихъ начальниковъ *приблизило судъ къ населенію*. Понятіе о таковой близости слагается изъ двухъ факторовъ: 1) *территоріальнаго*, т.-е. образованія возможно большаго числа судебныхъ участковъ въ данной мѣстности, чтобы судья былъ недалеко отъ обывателей округа, и 2) изъ *возможнаго расширенія подвѣдомственности такихъ судей* (по роду дѣлъ и цѣнѣ иска), число которыхъ должно быть по возможности велико, пространство же ихъ участковъ возможно мало. Если, наприм., искъ цѣною до 500 руб. обыватель можетъ вчинить у судьи, живущаго неподалеку, то подвѣдомственность исковъ до этой солидной суммы ближайшему мѣстному судьѣ приближаетъ судъ къ населенію; но если тотъ же искъ гражданинъ долженъ предъявлять въ особомъ судѣ, находящемся въ уѣздномъ городѣ, который часто далеко отстоитъ отъ истца, то такая подвѣдомственность исковъ на эту сумму отдаляетъ населеніе отъ суда. По отношенію къ первому фактору Положеніе 12 іюля 1889 г. почти ни въ чемъ не измѣнило прежняго порядка, такъ какъ число участковъ земскихъ начальниковъ совпадаетъ съ числомъ бывшихъ мировыхъ, а если и превосходитъ послѣднее, то очень незначи-

тельно. Что же касается до второго фактора, то *реформа,* внѣ всякаго сомнѣнія, *удалила судъ отъ населенія,* т.-е. создала порядокъ *худшій* противъ прежняго. Это явствуетъ изъ правилъ о подвѣдомственности дѣлъ новымъ судебно-административнымъ учрежденіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣдомство мировыхъ судей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ во *многомъ* совпадаетъ съ вѣдомствомъ земскихъ начальниковъ (ст. 48, 49 и 50 Положенія и сравн. ихъ со ст. 29, 31 Уст. гражд. и 33—34 угол. суд.). Тѣмъ не менѣе, вѣдомство послѣднихъ *сужено.* Такъ, иски на сумму не свыше 500 руб. (подлежавшіе вѣдѣнію мировыхъ судей) подчинены земскимъ начальникамъ тогда лишь, когда они возникаютъ по найму земельныхъ угодій и находящихся при нихъ оброчныхъ и доходныхъ статей, по личному найму въ сельскія работы, въ сельско-хозяйственныя должности и въ услуженіе или, наконецъ, изъ потравъ и другихъ поврежденій полей, луговъ и иныхъ угодій; слѣдовательно, *нормальная* подвѣдомственность земскому начальнику—иски не свыше 300 руб. Земскій начальникъ *не вѣдаетъ* и исковъ о правѣ участія частнаго (наприм., о правѣ на проѣздъ по чужой дорогѣ, на водопой и т. п.). Всѣ эти дѣла, отошедшія отъ земскихъ начальниковъ, переданы въ вѣдѣніе уѣзднаго члена окружнаго суда, который одинъ на весь уѣздъ и долженъ жить въ городѣ. Что же касается до уголовной юрисдикціи, то земскіе начальники вѣдаютъ тѣ же дѣла, что и мировые судьи, за исключеніемъ кражъ со взломомъ (ст. 170[1] Уст. о нак.), за которыя можетъ быть назначено тюремное заключеніе до $1\frac{1}{2}$ года (земскій же начальникъ не можетъ приговаривать къ тюрьмѣ свыше 1 года) и дѣлъ, по которымъ искъ о вознагражденіи за вредъ или убытки превышаетъ 300 руб.,—т.-е. юрисдикція земскихъ начальниковъ по уголовнымъ дѣламъ совпадаетъ съ тою, которую имѣли и мировые судьи до законоположенія 1882 года. Но многія причины (желаніе облегчить присяжныхъ и окружный судъ, а также приблизить судъ къ населенію) привели въ 1882 г. къ расширенію юрисдикціи мирового института. Казалось бы, что законодатель, довѣряя земскимъ начальникамъ и возлагая на нихъ большія надежды, заботясь, въ то же время, о приближеніи суда къ населенію, не долженъ былъ, суживая ихъ подвѣдомственность, тѣмъ самымъ отдалять судъ отъ населенія. Но онъ поступилъ непослѣдовательно, передавъ вышеперечисленныя дѣла въ вѣдѣніе уѣздныхъ членовъ (см. ст. 29 Правилъ объ устр. суд. части въ мѣстн., въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ начальникахъ, и сравн. ихъ со ст. 29 и 31 Уст. гражд. и 33, 34 и 35 Уст. угол. и ст. 48—50 Положенія). Впрочемъ, такая непослѣдовательность принесла несомнѣнную пользу: судъ уѣзднаго члена болѣе удаленъ отъ большинства обывателей, но дѣла попадаютъ въ руки судей болѣе свѣдущихъ и опытныхъ, притомъ независимыхъ!

VI. Обращаясь къ другимъ судебнымъ органамъ, введеннымъ судебно-административною реформой, остановимся, прежде всего, на упомянутомъ уже учрежденіи уѣзднаго члена окружнаго суда (см. ст. 26—38 Прав. объ устр. суд. части и ст. 73, 75 и 77 Положенія) съ его крайне ограничен-

ною судебною юрисдикціей. Разсматриваемое учрежденіе кажется намъ все же лучшею стороной судебно-административной реформы. Высказывая столь рѣшительное сужденіе, мы опираемся на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) уѣздный членъ—агентъ исключительно судебный, судья *несмѣняемый*, *юристъ* и съ достаточнымъ опытомъ, *независимый* отъ уѣздной и губернской администраціи, можетъ внести въ отправленіе правосудія въ уѣздѣ направленіе и добрыя привычки суда для всѣхъ равнаго и нелицепріятнаго; 2) онъ не связанъ съ данною мѣстностью тѣми интересами, которые связываютъ съ нею мировыхъ судей и особенно земскихъ начальниковъ; поэтому, уѣзднаго члена труднѣе подчинить мѣстнымъ вліяніямъ и давленію партій; 3) министерство юстиціи имѣетъ въ немъ единственное авторитетное лицо, принимающее непосредственное и видное участіе въ отправленіи мѣстнаго правосудія. Поэтому понятно, почему министерство юстиціи, которому принадлежала инициатива этого учрежденія, такъ упорно проводило и отстаивало его. Не будь уѣзднаго члена въ составѣ съѣзда, порвалась бы почти всякая связь между отправленіемъ правосудія въ уѣздѣ и высшимъ органомъ, охраняющимъ его: министерство юстиціи было бы совершенно вытѣснено изъ сферы уѣздной жизни и осталось бы при недостаточно авторитетномъ городскомъ судьѣ и при товарищѣ прокурора. Вводя же уѣзднаго члена, министерство юстиціи сохранило еще небольшое вліяніе на судебное дѣло въ уѣздѣ; 4) получивъ по наслѣдію отъ мировыхъ учрежденій право функціи охранительнаго судопроизводства, право производить, по порученію окружнаго суда, допросъ свидѣтелей, дознаніе чрезъ окольныхъ людей, осмотръ на мѣстѣ и провѣрку письменныхъ доказательствъ внѣ города, гдѣ находится окружный судъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, указанныхъ Уст. гражд. суд.), право объявленія приговоровъ, постановленныхъ окружнымъ судомъ, обревизованія городскихъ судей, судебныхъ слѣдователей, книгъ и дѣлъ нотаріусовъ, входя въ составъ окружнаго суда при выѣздахъ послѣдняго въ уѣздъ, получивъ, наконецъ, право предсѣданія на судѣ присяжныхъ въ уѣздномъ городѣ и непосредственнаго надзора за судебными приставами и разсыльными,—уѣздный членъ, исполняя всѣ эти сложныя и отвѣтственныя функціи, значительно облегчаетъ дѣятельность окружнаго суда, по большей части отдаленнаго отъ уѣзда, приближаетъ этотъ судъ во многихъ случаяхъ къ населенію. Благодаря уѣздному члену, уменьшились и издержки сторонъ по гражданскимъ дѣламъ: такъ, при допросѣ свидѣтелей или при производствѣ осмотра на мѣстѣ не приходится уже платить значительныя суммы на выѣздъ члена окружнаго суда изъ города, въ которомъ находится судъ. Уѣздный членъ является судебнымъ органомъ, связующимъ окружной судъ съ уѣздомъ, контролирующимъ и ревизующимъ на мѣстѣ нѣкоторыхъ агентовъ судебной власти (слѣдователей, нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ). Правильное и быстрое отправленіе ими ихъ обязанностей необходимо для пользы населенія и правосудія, но, вслѣдствіе отдаленности ихъ мѣста пребыванія отъ окружнаго суда, de facto они подвергались только случайному, довольно рѣдкому и всегда поверхностному

контролю со стороны суда; 5) наконецъ, уѣздный членъ можетъ, какъ было выше замѣчено, оказывать значительное вліяніе на отправленіе правосудія въ съѣздѣ, выступая въ роли предсѣдателя судебнаго его присутствія (при отсутствіи предводителя дворянства). Гдѣ предводители—не правовѣды или неопытны въ судебной части, гдѣ они были достаточно благоразумны, тамъ уѣздный членъ всегда de facto предсѣдательствуетъ и, конечно, съ пользою для дѣла.

Итакъ, правосудіе въ уѣздѣ могло только выиграть отъ непослѣдовательности реформы, которая, подъ давленіемъ добрыхъ традицій судебныхъ уставовъ и указаній самой жизни, не могла провести достаточно прямолинейно и всеобъемлюще начало полнаго соединенія суда и администраціи въ формѣ объединеннаго учрежденія. Но законодательство, *вводя стороною чисто-судебный* и *независимый элементъ* въ составъ учрежденія судебно-административнаго, не могло поставить въ немъ этотъ элементъ вполнѣ правильно. Оно думало найти возможность «безболѣзненнаго» соединенія двухъ учрежденій, не имѣющихъ между собою ничего общаго ни въ прошломъ, ни въ принципахъ и характерѣ дѣятельности; но, въ такомъ случаѣ, законодатель заранѣе примирялся въ фальшью созданнаго имъ противоестественнаго сочетанія. Въ учрежденіи уѣзднаго члена открывается «обратная сторона медали»: будучи постороннимъ, чисто-судебнымъ элементомъ, независимымъ отъ администраціи, уѣздной и губернской, притомъ несмѣняемымъ, уѣздный членъ не могъ прійтись вполнѣ ко двору. Появился, мѣстами, рѣзкій и всѣмъ замѣтный, а иногда глухой и болѣе скрытый *антагонизмъ* между судебнымъ человѣкомъ и судьею-администраторомъ, между лицомъ знающимъ только законъ и пріемы строго-судебнаго отношенія къ дѣлу и тѣми, которые вѣдаютъ администрацію и придаютъ особенное, главнѣйшее значеніе пріемамъ и задачамъ административнымъ. Сойтись же и примириться двумъ элементамъ, строящимъ свою дѣятельность на различныхъ основныхъ началахъ, далеко не всегда возможно. Естественно, что администрація, начиная съ мѣстнаго вліятельнаго ея представителя (предводителя дворянства), поддерживаетъ свое дѣтище. Отсюда—недовѣріе и рознь, даже столкновенія, приводящія къ тому, что положеніе уѣздныхъ членовъ бываетъ нерѣдко очень тяжелое. Приключались и случаи *перевода* уѣздныхъ членовъ даже по настояніямъ предводителей (или губернской администраціи). А при такихъ условіяхъ возможная польза учрежденія (уѣзднаго члена) значительно умаляется.

VII. *Городской судья* — блѣдная тѣнь уѣзднаго члена. По судебнымъ дѣламъ у него та же подвѣдомственность, что у земскихъ начальниковъ, но онъ не обладаетъ, какъ чисто-судебный чиновникъ, дѣйствующій, притомъ, лишь въ предѣлахъ городской черты, никакими административными функціями (ст. 14 и 15 Правилъ объ устр. судебн. части). Назначаются они министерствомъ юстиціи (ст. 6 Правилъ) изъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и, вообще, удовлетворяющихъ условіямъ для замѣщенія судебныхъ должностей, указаннымъ въ Судебныхъ Уставахъ

(ст. 200—202 и 205 Учр. суд. уст.), но *не пользуются несмѣняемостью* (увольняются постановленіемъ «консультаціи при министерствѣ юстиціи учрежденной», утвержденнымъ министромъ). И тогда какъ рѣшенія и приговоры уѣздныхъ членовъ (ст. 30 Правилъ) постановляются *всегда по правиламъ*, предписаннымъ въ Уст. гражд. и угол. судопр. *мировыхъ установленій и подлежатъ обжалованію апелляціонному — въ окружной судъ, а кассаціонному—въ сенатъ*, все производство у городскихъ судей и обжалованіе ихъ рѣшеній и приговоровъ подлежатъ тѣмъ же правиламъ, какъ и производство и обжалованіе у земскихъ начальниковъ (ст. 27 Правилъ объ устр. суд. части). Къ функціямъ городскихъ судей отнесены еще кое-какія незначительныя изъ числа возлагавшихся на мировыхъ судей (ст. 19 Правилъ); во всякомъ случаѣ, городской судья не можетъ имѣть того авторитета и той самостоятельности, которые могутъ быть проявляемы уѣзднымъ членомъ. Положеніе городского судьи еще болѣе щекотливое и опасное, такъ какъ, лавируя между Сциллой и Харибдой, онъ не можетъ быть, не опираясь на несмѣняемость, достаточно бодрымъ и самостоятельнымъ среди окружающаго его административно-судебнаго элемента. Лучшее и выгоднѣйшее для него положеніе—сообразовать свое поведеніе и отношеніе къ дѣлу съ характеромъ дѣятельности уѣзднаго члена. И замѣчено, что уѣздный членъ и городской судья—чаще всего *солидарны* въ уѣздномъ съѣздѣ; нерѣдко это прямо полезно, потому что усиливаетъ вліяніе судебнаго элемента и духа въ чуждой ему средѣ уѣзднаго съѣзда.

VIII. *Уѣздный съѣздъ* (см. ст. 69—103 «Положенія»). Онъ состоитъ изъ двухъ «присутствій»—административнаго и судебнаго, объединенныхъ въ лицѣ общаго предсѣдателя (предводителя дворянства) и земскихъ начальниковъ, принимающихъ участіе въ обоихъ присутствіяхъ потому именно, что они суть органы административно-судебные. Но, затѣмъ, составъ обоихъ присутствій уже различествуетъ: въ административномъ принимаютъ еще участіе исправникъ, предсѣдатель земской управы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще и податной инспекторъ, а въ судебномъ—уѣздный членъ, городской судья и почетные мировые судьи. Такимъ образомъ, это учрежденіе, долженствовавшее поглотить какъ бывшее уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, такъ и мировой съѣздъ, дѣйствуетъ все же раздѣльно по дѣламъ административнымъ и судебнымъ; замѣтимъ, кстати, что судебныя дѣла волостного суда, вѣдавшіяся прежде административнымъ учрежденіемъ (крестьянскимъ присутствіемъ), отошли теперь въ вѣдѣніе судебнаго присутствія съѣзда. Послѣднее составляетъ, какъ и съѣздъ мировыхъ судей, апелляціонную и кассаціонную инстанцію какъ для судебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ земскими начальниками и городскими судьями, такъ равно и для дѣлъ, разсмотрѣнныхъ волостными судами, въ чемъ, безъ сомнѣнія, нельзя не видѣть хорошей стороны новаго учрежденія: до закона 12 іюля 1889 года крестьянское присутствіе (прил. къ ст. 109 Общ. Пол. о крест.) не постановляло рѣшеній по существу дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, а являлось по отношенію къ нимъ лишь кассаціонною инстанціей;

и нерѣдко рѣшеніе волостного суда, возмутительное по существу, не могло быть отмѣнено и входило въ законную силу. Въ настоящее же время судебное присутствіе съѣзда вѣдаетъ (по апелляціи) рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ по существу, а также кассаціонное по нимъ производство. При всемъ томъ, уѣздный съѣздъ, какъ *инстанція судебная*, имѣетъ и весьма слабыя стороны въ своей организаціи, проистекающія изъ ложности коренного основанія, на которомъ построены учрежденія 12 іюля 1889 г., т.-е. изъ соединенія въ одномъ лицѣ власти судебной и административной, съ явнымъ преобладаніемъ функцій и значенія сферы административной надъ судебною: 1) предсѣдательство и въ судебномъ присутствіи съѣзда принадлежитъ предводителю дворянства, т.-е. органу административному по преимуществу, отъ котораго законъ не требуетъ ни юридическаго образованія, ни даже судебнаго опыта: предводителемъ можетъ быть избрано лицо 21 года отъ роду, окончившее юнкерское училище и не имѣвшее ни малѣйшаго отношенія къ судебному дѣлу. Извѣстно, какъ великъ во многихъ уѣздахъ недостатокъ въ кандидатахъ на неоплачиваемую должность предводителя, требующую значительныхъ расходовъ и затраты немалаго труда на предсѣданіе въ разныхъ присутствіяхъ. Вотъ почему, сплошь и рядомъ, при условіи имущественной состоятельности, избираются на эту почетную и вліятельную въ уѣздѣ должность, задающую тонъ всему съѣзду, лица въ большинствѣ весьма добропорядочныя, нерѣдко и вполнѣ почтенныя, но только по исключенію способныя быть хорошими судьями и... предсѣдателями судебныхъ присутствій; а, между тѣмъ, отъ нихъ зависитъ постановка судебнаго дѣла и серьезность его направленія. Предводители тактичные и дорожащіе пользами суда не стѣсняются проявлять скромность и «воздавать каждому должное»: они уступаютъ, отдавая принципіально пользу первенства уѣзднымъ членамъ, предсѣданіе этимъ послѣднимъ; другіе только изрѣдка, уступая давленіямъ и просьбамъ заинтересованныхъ, выступаютъ въ роли предсѣдателя по громкимъ и щекотливымъ дѣламъ. Но были и имѣются (и не мало, къ сожалѣнію!) предводители, которые тоже par principe и слышать не хотятъ о предсѣданіи «узурпаторовъ»—уѣздныхъ членовъ; они не даютъ послѣднимъ, какъ говорится, и шагу ступить, ревниво оберегая свое praesidium въ обоихъ присутствіяхъ съѣзда. Было бы, конечно, всего проще и цѣлесообразнѣй, разъ законодатель понималъ необходимость раздѣльнаго дѣйствія двухъ присутствій, назначить уѣзднаго члена de jure предсѣдателемъ судебнаго отдѣла, тѣмъ болѣе, что земскіе начальники ограждали своимъ присутствіемъ въ немъ въ достаточной степени авторитетъ и даже нѣкоторое преобладаніе административнаго элемента. Въ разсматриваемомъ отношеніи дореформенный порядокъ опять же былъ справедливѣе и цѣлесообразнѣе, лучше ограждалъ интересы правосудія. Предводитель *могъ* лишь *быть* предсѣдателемъ мирового съѣзда, но только въ томъ случаѣ, когда: a) пользуясь довѣріемъ *всесословнаго* земства, *былъ избираемъ* въ *почетные мировые судьи*, b) для этого онъ долженъ былъ удовлетворять всѣмъ условіямъ, предъявляе-

мымъ закономъ для избранія мировыхъ судей (слѣдовательно и общеобразовательнымъ цензомъ), с) онъ, предводитель, бывалъ избираемъ предсѣдателемъ съѣзда общимъ собраніемъ всѣхъ участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей. Вотъ почему мы и встрѣчались съ фактами совмѣщенія должностей предводителя и предсѣдателя мирового съѣзда *сравнительно рѣдко*. Если такіе факты имѣли мѣсто, то въ большинствѣ случаевъ они знаменовали собою значительное довѣріе къ способности предводителя быть руководителемъ судебнаго учрежденія. Второй порокъ въ организаціи уѣзднаго съѣзда—*слабость* чисто *судебнаго въ немъ элемента*, подавляемаго элементомъ административнымъ и судебно-административнымъ: уѣздный членъ—единственный имѣющійся во всякомъ съѣздѣ представитель чисто-судебной власти, городской судья—*возможный* второй ея представитель (не всѣ уѣздные города имѣютъ городскихъ судей). Слѣдовательно, одинъ—два судебныхъ агента противъ 3—4, нерѣдко даже 5 земскихъ начальниковъ и предводителя во главѣ. И только почетные мировые судьи, если ихъ достаточное число, если они являются въ съѣздъ и серьезно (а не ради отбытія одной формальности) относятся къ своему дѣлу, *могутъ* нѣсколько возстановить равновѣсіе между указанными элементами съѣзда.

IX. *Губернское присутствіе*. Это оригинальное учрежденіе представляется, разсуждая «sine ira et studio», самымъ неудачнымъ въ системѣ законоположеній 12 іюля и 29 декабря 1889 года. Прежде всего замѣтимъ, что *идея объединенія администраціи и суда получила въ немъ полное выраженіе*. Главный (по числу голосовъ) контингентъ лицъ, принимающихъ въ немъ участіе (ст. 105 «Положенія»), *одинъ и тотъ же для рѣшенія дѣлъ административныхъ и судебныхъ*—начальникъ губерніи (предсѣдатель), вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, прокуроръ окружнаго суда (или его товарищъ) и два непремѣнныхъ члена; къ нимъ присоединяются еще, по дѣламъ административнымъ, управляющій казенною палатой и государственными имуществами и предсѣдатель губернской управы, и по судебнымъ дѣламъ лишь *одно новое лицо строго судебнаго характера*—предсѣдатель окружнаго суда (или членъ его). Слѣдовательно, по дѣламъ административнымъ составъ его *тотъ же* (за исключеніемъ одного лишняго непремѣннаго члена), который былъ въ дореформенномъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, по дѣламъ же судебнымъ это учрежденіе—совершенная и никѣмъ не жданная новинка, какъ по своей задачѣ, такъ и по составу, въ которомъ столь богато представлена вся администрація губерніи и такъ бѣдно-судебные ея органы. Губернское присутствіе является кассаціонною инстанціею (см. ст. 123 «Положенія») для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, по которымъ постановлены окончательные приговоры и рѣшенія уѣздными съѣздами. Кассаціонные жалобы и протесты на окончательные приговоры и рѣшенія мировыхъ съѣздовъ приносились въ гражданскій и уголовный кассаціонные департаменты сената по принадлежности. Съ закона 12 іюля 1889 г. сенатъ призванъ къ молчанію по всей массѣ дѣлъ, вѣдаемыхъ замѣстителями мировыхъ судей

и ихъ съѣздовъ. Сенатъ, объединявшій мѣстную (мировую) и общую юстицію, при посредствѣ верховнаго надзора за тою и другою, единообразнаго примѣненія и правильнаго толкованія законовъ матеріальныхъ и процессуальныхъ, составленный исключительно изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ юристовъ, учрежденіе независимое и высоко авторитетное, состоящее изъ сановниковъ не смѣняемыхъ,—замѣненъ 36 (по числу земскихъ губерній) кассаціонными судами! Извѣстно, что вопросъ о единствѣ или дробленіи кассаціоннаго суда подвергался всестороннему обсужденію еще въ редакціонной коммиссіи, составлявшей Судебные Уставы и въ государственномъ совѣтѣ. И въ то время была уже выдвинута мысль о предоставленіи судебной палатѣ кассаціонной власти надъ мировыми учрежденіями. Но это предположеніе, встрѣтившее энергичныхъ и талантливыхъ защитниковъ, не было принято изъ опасенія создать «столько же различныхъ толкованій одного и того же закона, сколько будетъ судебныхъ палатъ»; разнообразная же интерпретація законовъ отниметъ у гражданъ возможность «разсчитывать на силу гражданскаго закона, на его неприкосновенность и ненарушимость». Получится не улучшеніе судебной части, а «самое ужасное зло», такъ какъ «граждане не будутъ знать, что законно и что противно закону, и потеряютъ сознаніе о своихъ правахъ и обязанностяхъ» (изъ т. VI Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи, см. Джаншіевъ: *Основы суд. реформы*, стр. 329).

Приведенное мнѣніе представляется намъ *по отношенію къ судебнымъ палатамъ* нѣсколько рѣзкимъ и одностороннимъ: *опытъ Закавказья*, гдѣ тифлисская палата является кассаціонною инстанціею по жалобамъ на окончательные приговоры мировыхъ судей (ст. 1263 Уст. угол. суд.) и на окончательные приговоры окружныхъ судовъ, постановленные послѣдними въ качествѣ апелляціонной надъ мировыми судьями инстанціи (ст. 1264 и 1267 Уст. угол.) *доказалъ, какъ свидѣтельствуютъ отзывы высококомпетентныхъ лицъ*, полную успѣшность отправленія палатами кассаціонныхъ функцій. Далѣе, сами составители судебныхъ уставовъ не могли строго выдержать на практикѣ идеи *единства* кассаціоннаго суда. Этому препятствовали обширность государства, отдаленность многихъ мѣстностей отъ кассаціоннаго сената и опасность неизбѣжнаго наводненія послѣдняго, свыше его силъ и средствъ (хотя бы даже и при значительномъ увеличеніи штатовъ кассаціонныхъ департаментовъ сената), массою небольшихъ дѣлъ, которыя нахлынули бы туда въ случаѣ обращенія всякихъ кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ на разсмотрѣніе одного лишь сената. Поэтому, Судебные Уставы предоставили роль кассаціонной инстанціи *даже мировымъ съѣздамъ* по окончательнымъ приговорамъ и рѣшеніямъ мировыхъ судей, постановлявшимся послѣдними по гражданскимъ дѣламъ на сумму не свыше 30 руб., а по уголовнымъ—при опредѣленіи наказанія не свыше 15 р. штрафа или ареста до 3 дней. Опасность же разнообразія и противорѣчій въ кассаціонныхъ разъясненіяхъ сената и мировыхъ съѣздовъ устранялась тѣмъ, что послѣдніе, состоя, вообще, подъ надзоромъ сената, получили отъ

него и руководящія кассаціонныя разъясненія по всѣмъ дѣламъ большей важности, для которыхъ сенатъ оставался единственною кассаціонною инстанціей. Во всякомъ случаѣ, допуская возможность и цѣлесообразность передачи судебной палатѣ или иному высшему достаточно авторитетному областному суду кассаціонныхъ функцій въ *извѣстныхъ предѣлахъ и при опредѣленныхъ условіяхъ*, никоимъ образомъ нельзя отнестись съ одобреніемъ къ порученію кассаціонныхъ функцій губернскимъ присутствіямъ по той существенной причинѣ, что такихъ судилищъ слишкомъ много, а главное—*составъ ихъ совершенно не подходитъ къ рѣшенію возлагаемой на нихъ отвѣтственной задачи*, что̀ признается даже многими сторонниками судебно-административной реформы. Губернское присутствіе состоитъ изъ лицъ, отъ которыхъ законъ *не требуетъ* (за исключеніемъ прокурора, дающаго лишь *заключенія*, и предсѣдателя окружнаго суда) ни юридическаго образованія, ни судебнаго опыта, и которыя могутъ лишь *случайно* оказаться обладающими обоими необходимыми качествами. Отдавая дань должнаго уваженія почтенному персоналу, составляющему это кассаціонное судилище, нельзя же завѣдомо закрывать глаза предъ общераспространеннымъ и всѣмъ извѣстнымъ явленіемъ, что непремѣнные члены, на которыхъ, главнымъ образомъ, возлагается *докладъ* дѣлъ (ст. III «Положенія»), далеко не всегда обладаютъ указанными качествами, что сказанное въ равной мѣрѣ, если не въ большей, относится и къ губернатору, нерѣдко военному человѣку и отличному администратору; губернскій предводитель—еще того рѣже удовлетворяетъ перечисленнымъ условіямъ. Остается одинъ дѣйствительный судья—предсѣдатель окружнаго суда (или членъ его), который рѣшительно не въ состояніи, по своимъ занятіямъ въ окружномъ судѣ, посвящать губернскому присутствію достаточно времени и вниманія; отношеніе его къ дѣламъ губернскаго присутствія можетъ быть лишь поверхностное, съ не большою пользой для правосудія. Намъ, вообще, кажется, что кассаціонная инстанція есть non sens, если она не составлена изъ судей съ юридическою подготовкою и не состоитъ подъ предсѣдательствомъ выдающагося юриста. Въ губернскомъ же присутствіи—*одинъ дѣйствительный судья*, попавшій туда какимъ-то чудомъ, и ему чрезвычайно трудно вносить въ это присутствіе строго административнаго характера духъ, правила и пріемы, присущіе серьезному кассаціонному разбирательству.

Въ самой попыткѣ ввести авторитетнаго судью въ губернское присутствіе проглядываетъ, пожалуй, невольное недовѣріе законодателя къ своему дѣтищу, уступка Судебнымъ Уставамъ, пустившимъ глубокіе корни. Законодатель самъ вскорѣ же убѣдился въ несостоятельности созданнаго учрежденія, признавъ необходимымъ установить нѣкоторую связь судебно-административныхъ учрежденій съ сенатомъ и дать послѣднему возможность охранять законъ, хотя бы въ исключительныхъ случаяхъ, отъ неправильныхъ толкованій губернскаго присутствія. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 29 декабря 1889 г. (ст. III, п. 1

и 2) предоставило министру юстиціи право, *на основаніи дошедшихъ до него свѣдѣній*, *«по сношеніи»* (а не по «соглашенію», какъ неправильно думаютъ поклонники новыхъ учрежденій) *съ министромъ внутреннихъ дѣлъ*, предложить правительствующему сенату о всякомъ «явномъ отступленіи отъ истиннаго смысла закона» для установленія «правильнаго и единообразнаго примѣненія его и возстановленія нарушеннаго порядка». Въ сенатѣ эти дѣла разсматриваются въ особомъ присутствіи изъ сенаторовъ I-го и гражданскаго или уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ, смотря по принадлежности дѣла. Это постановленіе нанесло, конечно, принципіальный ударъ идеѣ полнаго отчужденія мѣстныхъ судилищъ отъ сената и самостоятельнаго, независимаго существованія 36 кассаціонныхъ инстанцій съ ихъ оригинальнымъ составомъ судей. Но въ практикѣ полезное дѣйствіе этой поправки пока еще ощущалось очень мало: 1) до министра юстиціи нужныя ему свѣдѣнія о дѣятельности стороннихъ его вѣдомству учрежденій могутъ доходить случайно, при особо благопріятныхъ условіяхъ, почему особый механизмъ и не можетъ быть часто приводимъ въ дѣйствіе; 2) осторожность и уваженіе къ чужому вѣдомству невольно сдерживаютъ министра юстиціи отъ частаго и энергичнаго вмѣшательства; 3) если, наконецъ, дѣло и передано въ сенатъ, то послѣдній не можетъ отмѣнить состоявшагося опредѣленія и рѣшенія губернскаго присутствія, которыя остаются въ законной силѣ для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, какъ бы ни были они невѣрны по истолкованію закона. Сенатъ даетъ лишь разъясненіе для правильнаго истолкованія и единообразнаго примѣненія закона въ *будущемъ*, т.-е. дѣйствуетъ путемъ такъ называемой «кассаціи въ интересахъ закона», созданной французскимъ процессомъ, не имѣющій никакого значенія для даннаго дѣла. Послѣ сказаннаго удивительно ли, что произволъ и разнообразіе въ истолкованіи законовъ— явленіе заурядное въ дѣятельности 36 кассаціонныхъ инстанцій: въ губерніяхъ рядомъ лежащихъ различно толкуется ими, наприм., составъ проступка самоуправства и мошенничества, юридическіе признаки договора найма и поклажи и т. п.

X. Законоположенія 12 іюля и 29 декабря 1889 г., принципіально враждебныя мировымъ учрежденіямъ, сохранили не только институтъ почетныхъ мировыхъ судей (см. выше), но и *мировой институтъ во всей его полнотѣ* (см. п. VIII высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 12 іюля 1889 г.) въ обѣихъ столицахъ, въ городахъ Харьковѣ, Одессѣ и Казани, въ которыхъ осталась вся организація этого суда по учрежденію судебныхъ установленій и всѣ относящіяся къ нему процессуальныя постановленія Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Въ этомъ знаменательномъ фактѣ нельзя не усмотрѣть нѣкотораго самопротиворѣчія законодателя: признавъ выборный мировой институтъ и примѣнявшіяся имъ процессуальныя правила непригодными, онъ сохранилъ ихъ для нѣкоторыхъ мѣстностей въ томъ, надо полагать, не всегда вѣрномъ разсчетѣ, что крупные городскіе центры представляютъ

бо́льшія гарантіи для избранія доброкачественныхъ судей и для примѣненія болѣе сложныхъ правилъ судопроизводства. Но сохраніе этого института въ городахъ еще болѣе усложнило судоустройство и затруднило отысканіе населеніемъ надлежащаго суда. Въ настоящее время къ прежнему числу судовъ разнаго типа (для крестьянъ и для остальныхъ гражданъ) прибавились еще *два совершенно* новыхъ (городской судья и уѣздный членъ), выдѣлившіеся изъ одного типа (мирового судьи), который расчленился на 4 суда—земскаго начальника, городскаго судьи, уѣзднаго члена и волостного суда; къ нимъ примыкаетъ кое-гдѣ сохранившійся на прежнихъ основаніяхъ мировой судъ. Слѣдовательно, законоположенія 12 іюля и 29 декабря 1889 г. дали взамѣнъ одного суда—цѣлыхъ три, почему и получилось у насъ нынѣ дѣйствующее сложное, нигдѣ болѣе не встрѣчающееся судоустройство, выражаемое числомъ *11* (для всѣхъ гражданъ и *12* (для крестьянъ) судовъ одной первой инстанціи.

XI. Постоянныя и упорныя, хотя и преувеличенныя жалобы на излишнюю сложность и формализмъ судопроизводственныхъ правилъ, которыми руководствовались мировые судьи, недостаточно подготовленные, по своему образованію, къ ихъ правильному истолкованію и примѣненію, нашли отголосокъ у законодателя, который (см. правила 29 декабря 1889 года) и намѣревался значительно упростить судопроизводственный порядокъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, сдѣлавъ его доступнымъ обывателямъ уѣзда и удобопримѣнимымъ для вновь образованныхъ на развалинахъ мирового института судебныхъ органовъ. Но получилось нѣчто совершенно неожиданное: при самомъ поверхностномъ прочтеніи «Правилъ судопроизводства» бросается въ глаза, что *новый процессуальный порядокъ* (подробно смотри у *Джаншіева*—ibidem, глава 17)—не только *воспроизведеніе всѣхъ основныхъ положеній* Судебныхъ Уставовъ, *но* въ большинствѣ случаевъ *подражаніе ему* даже въ подробностяхъ; отличія отъ Судебныхъ Уставовъ—весьма незначительныя, больше редакціоннаго свойства, изрѣдка улучшающія правила Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, но иногда и ухудшающія эти послѣднія. Могутъ быть различныя мнѣнія насчетъ причинъ, побудившихъ законодательство воспроизвести въ «Правилахъ» Судебные Уставы. Мы лично склонны объяснить это какъ инстинктивнымъ преклоненіемъ реформаторовъ предъ несомнѣнными достоинствами Судебныхъ Уставовъ, оправдавшихъ себя на опытѣ, такъ и поспѣшностью работы по изданію новыхъ процессуальныхъ правилъ, отнимавшею возможность зрѣлаго обсужденія и выработки чего-либо болѣе простого и подходящаго къ новому судоустройству. Но во всякомъ случаѣ новыя судопроизводственныя правила, разсматриваемыя въ цѣлой ихъ совокупности (исключимъ только главу 16—«правила о понудительномъ исполненіи по актамъ»), ничуть не упростили судопроизводства и не сдѣлали его болѣе доступнымъ уѣздному населенію. А такъ какъ въ существѣ своемъ они—*прежнія* правила, примѣняться же они должны земскими начальниками, образованіе которыхъ ниже, чѣмъ у

мировыхъ судей, то шансы на правильность ихъ истолкованія и примѣненія ими должны скорѣе понизиться, а не повыситься. Подвѣдомственность же дѣлъ разнымъ судамъ въ настоящее время запуталась до чрезвычайности. Даже правовѣду далеко не легко разобраться въ ней. Достаточно напомнить, что съ исками отъ 300 до 500 руб. надо обращаться не къ земскому начальнику, а къ уѣздному члену, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нами въ своемъ мѣстѣ указанныхъ, именно къ земскому начальнику,—что кража на одну и ту же сумму подлежитъ вѣдѣнію волостного суда и земскаго начальника (если украдена «лошадь или крупный скотъ»),—что иски о возстановленіи владѣнія относены къ компетенціи земскихъ начальниковъ, а «о правѣ участія частнаго»—къ вѣдомству уѣзднаго члена и т. д.

XII. Разсмотрѣнная нами реформа представляетъ изъ себя механизмъ большой сложности и разнообразія, построенный на искусственномъ и нерѣдко случайномъ сочетаніи элементовъ трудно согласимыхъ. Въ уѣздѣ отправляютъ судъ судьи-администраторы, при нихъ въ городахъ—часто судебные чиновники (городскіе судьи) и уѣздные члены; въ уѣздѣ же дѣйствуетъ и волостной судъ. Во главѣ уѣздныхъ судебныхъ учрежденій—предводитель дворянства, т.-е. административный чиновникъ, предсѣдающій въ уѣздномъ съѣздѣ. Эта судебная инстанція—полная пестрота и смѣсь самыхъ разнообразныхъ сочетаній: судьи—дворяне, назначаемые администраціей и ею смѣняемые (земскіе начальники), зависимые отъ правительственной власти, представители господствующаго сословія и его интересовъ; съ ними рядомъ—судебные члены несмѣняемые (уѣздный членъ) и смѣняемые (городскіе судьи); подлѣ нихъ—почетные мировые судьи—выборные и несмѣняемые, но утверждаемые лишь сенатомъ, ему только подчиненные. Министерство внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, земство и сенатъ вѣдаютъ и руководятъ назначеніемъ, избраніемъ и увольненіемъ, каждое—судей опредѣленной группы. Въ губернскомъ присутствіи картина еще разнообразнѣе и сочетанія еще своеобразнѣе: губернаторъ и вице-губернаторъ—агенты верховной власти, высшіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, губернскій предводитель—избранникъ дворянства, непремѣнные члены—изъ нихъ же, но по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ (съ утвержденія верховной власти), предсѣдатель суда—несмѣняемый судья. Въ итогѣ получается достаточное число разнообразныхъ лицъ съ судебными функціями, но назначаемыхъ, опредѣляемыхъ и увольняемыхъ различными способами, съ разными степенями независимости и съ различною подчиненностью разнообразнѣйшимъ властямъ и вѣдомствамъ. Общій же тонъ — преобладаніе зависимаго административнаго элемента и подавленіе судебнаго, достигающее наибольшей степени въ кассаціонной инстанціи; общій уровень подготовленности къ судебному дѣлу совершенно недостаточный. Должно ли удивляться тому, что отправленіе судебныхъ функцій въ новыхъ учрежденіяхъ заставляетъ многаго желать и что привычки, чисто-административныя (напримѣръ, своеобразный взглядъ на ст. 61 «Положенія»), вторгнувшись въ отправленіе правосудія, приводятъ къ рѣшеніямъ и приговорамъ несправед-

ливымъ, скороспѣлымъ и даже къ явнымъ злоупотребленіямъ! Не мало такихъ примѣровъ собрано въ печати изъ всѣхъ мѣстностей, въ которыхъ введена судебно-административая реформа (нѣкоторыя указанія относительно злоупотребленій ст. 61 см., наприм., у *Дружинина* — «Наказаніе безъ суда», *Журналъ Петерб. Юридич. Общества*, ноябрь 1895 г., а примѣры судебныхъ рѣшеній у *П. Обнинскаго*—«Мировые судьи и ихъ преемники», *Сборникъ Правовѣдѣнія*, т. V, 1895 г.). Но гораздо большее число ихъ въ печать не проникало, хотя многимъ доподлинно извѣстно!

XIII. Судебную власть слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, отнять у земскихъ начальниковъ и передать ее лицамъ, которыя будутъ облечены исключительно судебными функціями. Основанія къ тому мы усматриваемъ слѣдующія: 1) теоретически возможно раздвоить земскаго начальника на судью и администратора, но *практически такое двоеніе неосуществимо*, такъ какъ обѣ функціи отправляетъ одинъ живой человѣкъ, почему практическая дѣятельность земскаго начальника представляетъ всѣ невыгоды соединенія суда и администраціи въ одномъ лицѣ; 2) самое соединеніе построено на началахъ неравенства, такъ какъ функціи административныя—и de jure, особенно же de facto—поставлены у нихъ на первомъ планѣ; первыя задаютъ тонъ послѣднимъ, почему и должны неизбѣжно отразиться на дѣятельности судебной; 3) принципы же дѣятельности административной и судебной различны (противнаго еще никто не доказалъ) и полезное, необходимое, даже законное въ одной сферѣ вредно, противозаконно или безполезно въ другой (судебной). Земскій начальникъ-администраторъ долженъ быть скоръ и рѣшителенъ въ дѣйствіяхъ, извѣстная доля усмотрѣнія не рѣдко необходима для успѣха его миссіи; средства, которыми онъ орудуетъ, тоже своеобразны. Земскій начальникъ-судья долженъ быть остороженъ и вдумчивъ, всѣ свои дѣйствія и рѣшенія подчинять одному закону, усмотрѣнію—нѣтъ мѣста совершенно, средства дѣйствій—точно, ясно указаны и ограничены въ законѣ же. Первая (административная) дѣятельность рождаетъ опредѣленныя привычки и склонности, создаетъ систему, которая сродняется съ человѣкомъ и не легко поддается сдерживающему вліянію противоположныхъ системъ и привычекъ. Функціямъ административнымъ соотвѣтствуютъ однѣ, судебнымъ—другія душевныя способности; для первыхъ воспитаніе и подготовка необходимы и полезны совсѣмъ не тѣ, которыя требуются для судьи. Даже очень способные люди, богато одаренные природою, выросшіе и воспитывавшіеся въ особо благопріятныхъ условіяхъ, съ характерами гибкими и впечатлительными, могли бы съ одинаковымъ успѣхомъ отправлять столь разнообразныя функціи, какія возложены на земскихъ начальниковъ, только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Но законъ пишется для людей среднихъ; онъ не вправѣ предъявлять къ нимъ требованія, предполагающія за ними высочайшія качества, присущія очень немногимъ избраннымъ; 4) изъ различія въ принципахъ и въ строѣ административной и судебной дѣятельности вытекаетъ, что земскіе начальники будутъ въ большинствѣ случаевъ удовлетворять или пер-

вому, или второму требованію, иногда же ни тому, ни другому, т.-е. нѣкоторые изъ нихъ будутъ плохими судьями и хорошими администраторами (что и встрѣчается сплошь и рядомъ на практикѣ), другіе, наоборотъ, а третьи, натуры не рѣшительныя и колеблющіяся, безъ опредѣленнаго призванія, по своему прошлому, окажутся неудовлетворительными и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Общій же тонъ службы и профессіи, господствующія ея начала должны взять верхъ надъ всѣми другими. А такъ какъ административныя требованія и начала въ дѣятельности земскихъ начальниковъ подавляютъ судебныя, то вся дѣятельность по отправленію правосудія должна окрашиваться цвѣтомъ административной системы; 5) земскій начальникъ зависимъ отъ высшей губернской администраціи и смѣняемъ, что необходимо для администратора, но не даетъ ему устойчивости, какъ судьѣ; онъ всегда можетъ быть подчиненъ велѣніямъ и внушеніямъ административнымъ по дѣламъ судебнымъ. Не даромъ же М. Н. Катковъ (еще въ 1866 г.) замѣтилъ, что «независимость суда отъ администраціи самое существенное условіе правильнаго суда», безъ котораго лучшее судоустройство было бы «учрежденіемъ мертворожденнымъ»; 6) наконецъ, земскій начальникъ подавленъ великимъ множествомъ возложенныхъ на него обязанностей и заботъ. Объѣзды волостей, ревизія ихъ, надзоръ за волостнымъ судомъ, крестьянскими обществами, ихъ экономическимъ благосостояніемъ, судебныя его функціи въ участкѣ и въ уѣздномъ съѣздѣ, исполненіе многихъ порученій начальства губернскаго — все это такая работа, что *добросовѣстно и хорошо исполнять ее нѣтъ возможности.*

В. Даневскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Какъ и что читаетъ народъ въ Восточной Сибири.

Вопросъ о томъ, что въ дѣйствительности читаетъ нашъ народъ, до настоящаго времени представляетъ еще широкое поле для изученія. И если это можно съ извѣстнымъ правомъ сказать относительно положенія даннаго вопроса въ Европейской Россіи, то еще въ большей мѣрѣ сказанное должно относиться къ Сибири, столь отдаленной, столь бѣдной всякими спеціальными изслѣдованіями крестьянскаго быта и до послѣдняго времени столь мало интересовавшей нашу интеллегенцію. Въ Сибири, какъ само собою понятно, интересующій насъ вопросъ долженъ оказаться, и дѣйствительно оказывается, еще менѣе затронутымъ, чѣмъ это мы видимъ относительно Европейской Россіи.

Вотъ почему всякая попытка въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ извѣстнаго интереса и сравнительно даже небольшой запасъ данныхъ, могущихъ служить къ выясненію даннаго вопроса, долженъ имѣть свое значеніе для лицъ, интересующихся этою стороною народной жизни.

Смотря на дѣло именно съ этой точки зрѣнія, т.-е. со стороны почти полнаго отсутствія въ сибирской литературѣ какихъ бы то ни было данныхъ по этому вопросу, авторъ настоящей статьи представилъ 1 ноября 1888 года восточно-сибирскому отдѣлу Географическаго Общества (въ г. Иркутскѣ) докладъ свой: «Къ вопросу о томъ, что читаетъ народъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Иркутской губерніи». Докладъ этотъ былъ основанъ на матеріалахъ, относившихся къ 25 селеніямъ двухъ округовъ этой губерніи и попутно собранныхъ лицами, производившими въ то время, совмѣстно съ авторомъ, статистическое изслѣдованіе Восточной Сибири.

Съ того времени не только увеличилось количество данныхъ по этому вопросу (такъ какъ изслѣдованіе Иркутской и Енисейской губ. уже закончено), но и выяснены самыя условія школьнаго образованія и распространенія грамотности въ тѣхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири. Такое положеніе дѣла даетъ автору основаніе остановиться въ данномъ случаѣ на выясненіи этого вопроса съ большею подробностію (и большею обоснованностью), чѣмъ это можно было сдѣлать въ 1888 году.

Матеріаломъ для настоящей статьи тоже послужили данныя, добытыя

во время мѣстнаго статистическаго изслѣдованія названныхъ двухъ губерній въ періодъ времени съ 1888 по 1892 годъ. Данныя эти частью собраны были изслѣдователями непосредственно, частію сообщены учительницами и учителями сельскихъ школъ въ видѣ отвѣтовъ на вопросные листы, разосланные имъ для доставленія свѣдѣній о положеніи школьнаго дѣла въ ихъ селеніяхъ.

Собранные о школьномъ дѣлѣ матеріалы уже использованы и обработаны въ изданіяхъ, вышедшихъ въ 1890—1894 гг. подъ общимъ именемъ *Матеріаловъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній*; попутно же собранныя данныя, относящіяся къ вопросу о томъ, «какъ и что читаетъ народъ въ Восточной Сибири», спеціальной разработкѣ не подвергались. Это даетъ автору тѣмъ больше основаніе заняться изслѣдованіемъ даннаго вопроса по собраннымъ о немъ даннымъ, которыя иначе должны остаться не разработанными и не опубликованными.

Для того, чтобы лучше уяснить значеніе и смыслъ тѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ матеріаловъ, собранныхъ по данному вопросу, необходимо прежде всего остановиться на хотя бы краткомъ выясненіи положенія въ изслѣдованной мѣстности народной грамотности и образованія. Между развитіемъ послѣднихъ и распространенностью охоты къ чтенію, какъ само собою понятно, должна существовать извѣстная связь. Уровень народнаго образованія долженъ повидимому до извѣстной степени обусловливать собою даже и самый выборъ читаемыхъ книгъ.

Связь эта между распространенностью грамотности и развитіемъ охоты къ чтенію проходитъ красною чертою среди показаній мѣстныхъ учителей и самихъ крестьянъ нѣкоторыхъ селеній относительно причинъ отсутствія мѣстами какой бы то ни было охоты къ чтенію.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ относительно Иркутскаго инородческаго училища (Балаганскаго округа), видно, напримѣръ, что «одновременно съ увеличеніемъ числа грамотныхъ развивается у инородцевъ и любовь къ чтенію, что доказывается постепенно возрастающею покупкою книгъ для чтенія изъ мѣстныхъ лавочекъ. Въ с. Шамановскомъ (Нижнеудинскаго округа) «крестьяне книгъ не читаютъ, потому что населеніе почти не грамотно»; въ с. Нахвальскомъ (Красноярскаго округа), по показаніямъ учителя, «книгъ изъ школы крестьяне не берутъ, потому что количество грамотныхъ очень незначительно». Въ с. Еланцинскомъ (Верхоленскаго округа) книгъ не читаютъ «потому что грамотныхъ очень мало»; въ с. Ангинскомъ (того же округа) «за неграмотностью населенія не было примѣровъ, чтобы взрослые брали въ училищѣ книги для чтенія». Въ с. Конторскомъ (Канскаго окр.) «книгами для чтенія населеніе не пользуется, такъ какъ школа недавно еще основана и нѣтъ взрослыхъ грамотныхъ». Въ с. Усть-Удинскомъ (Балаганск. окр.) «охота къ чтенію не развита» и объясняется это тѣмъ, что «до послѣдняго времени обученіе въ школѣ было поставлено чрезвычайно неудовлетворительно, потому что учителя сильно пьянствовали

или занимались школой между дѣломъ; вслѣдствіе чего здѣсь не болѣе десятка грамотныхъ, научившихся въ школѣ, и крестьяне высказываютъ даже по этому поводу свое неудовольствіе». Въ с. Шелаболинѣ (Минусинскаго округа) «взрослыхъ грамотныхъ очень мало, поэтому нѣкоторые изъ мало-мальски знающихъ грамоту хотя и берутъ книги, но очень рѣдко: иной возьметъ, напримѣръ, четьи-минею и таскаетъ ее мѣсяцъ, или даже полгода и больше».

Если имѣющія школы селенія, относительно которыхъ доставлены свѣдѣнія о степени распространенности въ народѣ охоты къ чтенію, распредѣлить по степени развитія въ нихъ грамотности (по % грамотныхъ), то эта связь между развитіемъ грамотности и охоты къ чтенію обнаружится весьма ясно:

%% грамотныхъ къ общему числу.	Абсол. число селеній.	%% числа селеній, въ которыхъ: Взрослые берутъ въ шк. книги для чтенія.	Охота къ чтенію: совершенно не развита.	Охота къ чтенію: замѣтно развита.
До 30	45	56	23	38
Отъ 30 и болѣе	25	75	15	60

Такимъ образомъ, чѣмъ выше развита грамотность, тѣмъ больше и охота къ чтенію.

Надо думать, что наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ потребности деревни въ чтеніи слѣдуетъ считать появленіе случаевъ покупки для этого крестьянами книгъ на собственныя средства. Разъ это такъ, то интересно прослѣдить вліяніе школы (слѣдовательно и грамотности) на развитіе въ сельскомъ населеніи стремленія къ покупкѣ книгъ. Дѣлимъ для этого селенія, по которымъ имѣются потребныя свѣдѣнія, на двѣ группы,—на селенія со старыми школами и селенія со школами новыми, болѣе или менѣе недавно основанными:

	Абсол. число селеній.	%% селеній, гдѣ крестьяне книги: не покупаютъ.	покупаютъ.
Селенія съ школами, основ. до 1870 г.:	16	22	78
Селенія съ школами, основ. съ 1870 г. и позже:	45	36	64

Слѣдовательно, давность существованія школы оказываетъ на чтеніе крестьянъ (путемъ распространенія грамотности) то вліяніе, что развивающаяся потребность въ чтеніи побуждаетъ ихъ покупать книги: въ числѣ селеній со старыми школами не покупающихъ книгъ меньшій процентъ, чѣмъ въ селеніяхъ съ недавно устроенными школами, и наоборотъ.

При наличности выясненной, такимъ образомъ, связи между развитіемъ грамотности и распространенностью охоты къ чтенію, наше изслѣдованіе вопроса о народномъ чтеніи было бы не полнымъ и недостаточно яснымъ,

еслибы ему не предпослать необходимыхъ данныхъ, могущихъ охарактеризовать состояніе народнаго образованія и грамотности въ обслѣдованной мѣстности.

Изъ собранныхъ данныхъ *) относительно четырехъ округовъ (уѣздовъ) Енисейской и четырехъ Иркутской **) губерній видно, что округи эти, по числу грамотныхъ, значительно уступая уѣздамъ центрально-промышленнаго района Европейской Россіи, занимаютъ въ этомъ отношеніи далеко не послѣднее мѣсто среди земледѣльческихъ уѣздовъ ея:

	% грамотныхъ:
Коломенскій уѣздъ	27,9
Петергофскій »	20,4
Можайскій »	15,0
Саратовскій »	9,9
Острогожскій »	8,9
Верхоленскій окр. Ирк. г.	8,4
Минусинскій » Енис. г	7,8
Красноярскій » »	7,3
Иркутскій » Ирк. г.	6,9
Всѣ четыре уѣзда Иркутской губ.	6,9
Воронежскій уѣздъ	6,7
Балаганскій округъ Ирк. г.	6,7
Всѣ четыре округа Енисейск. г.	6,5
Нижнеудинскій окр. Ирк. г.	5,8
Суджанскій уѣздъ	5,6
Канскій округъ Енис. г.	5,4
Землянскій уѣздъ	5,2
Ачинскій округъ Енис. г.	4,8
Борисоглѣбскій уѣздъ.	4,5
Задонскій »	4,5
Спасскій »	2,7

Грамотность развита выше у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ, и процентъ грамотныхъ выше у русскихъ, чѣмъ у инородцевъ, причемъ инородцы Иркутской губерніи—буряты, значительно грамотнѣе татаръ Енисейской губерніи. Изъ общаго числа грамотныхъ до 40% общаго ихъ количества должны быть засчитаны въ число полуграмотныхъ, потому что они не умѣютъ писать. Сравнительно меньшая распространенность грамотности среди инородцевъ объясняется особенными условіями ихъ кочевого и скотоводческаго быта.

---

*) *Матеріалы по изслѣд. землепольз*, т. II, в. 2 и в. 6; т. IV, в. 2.

**) Въ каждой изъ этихъ губерній по 5 округовъ, но Киренскій и Енисейскій округи не были обслѣдованы (хотя матеріалъ о чтеніи народномъ имѣется у насъ по нѣкоторымъ селеніямъ Енисейскаго округа).

Среди русскаго сельскаго населенія названныхъ двухъ губерній Восточной Сибири наибольшимъ развитіемъ грамотности отличается элементъ поселенческій, второе мѣсто занимаютъ крестьяне—новоселы (изъ тѣхъ же ссыльнопоселенцевъ и изъ переселенцевъ) и послѣднее—крестьяне-старожилы *). Наименьшее развитіе грамотности у сибиряковъ - старожиловъ объясняется изолированностью сибирскаго населенія, громадностью разстояній между населенными пунктами, слабымъ развитіемъ торговли и промышленности,—условіями, несомнѣнно, долженствующими тормазить развитіе грамотности.—Правильность этого соображенія подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что по мѣрѣ, напримѣръ, приближенія къ г. Иркутску, центру промышленной и духовной жизни Иркутской губерніи, процентъ грамотныхъ среди старожиловъ правильно повышается, достигая въ Иркутскомъ округѣ 6,5, между тѣмъ, какъ въ наиболѣе удаленномъ отъ этого города округѣ (Нижнеудинскомъ) онъ равняется только 5,2. Точно также на большую, относительно, грамотность населенія Красноярскаго округа оказываетъ вліяніе близость губ. гор. Красноярска и притрактовое положеніе двухъ волостей этого округа (у московскаго почтоваго тракта).

Громадное большинство ссыльно-поселенцевъ собственнаго хозяйства не имѣетъ, а живетъ наемнымъ трудомъ, и грамотность является для нихъ весьма полезнымъ подспорьемъ для пріисканія более выгодныхъ занятій, между тѣмъ, какъ для крестьянъ - старожиловъ, по преимуществу занятыхъ земледѣліемъ въ собственномъ хозяйствѣ, грамота не составляетъ существенной практической необходимости.

Кромѣ близости къ торговопромышленнымъ и крупнымъ городскимъ центрамъ, а также положенія мѣстности у трактовъ, положительное вліяніе на увеличеніе относительнаго числа грамотныхъ и учащихся имѣетъ также экономическое благосостояніе: въ зажиточныхъ состоятельныхъ семьяхъ процентъ учащихся и грамотныхъ достигаетъ наибольшей величины. Это обстоятельство съ несомнѣнностью указываетъ на то, что недостатокъ матеріальныхъ средствъ ограничиваетъ потребность въ грамотѣ и обученіи дѣтей: достаточно сказать, что дѣти изъ более бѣдныхъ семей чаще отвлекаются отъ ученья для домашнихъ и полевыхъ работъ, больше совершаютъ манкировокъ и большій ихъ процентъ не оканчиваетъ курса въ школахъ. Само по себѣ занятіе земледѣліемъ не вліяетъ на грамотность положительно; не земледѣльческіе же промыслы, напротивъ, способствуютъ распространенію грамотности, а занятіе извозомъ—въ особенности; условія, способствующія развитію скотоводства и охоты, на грамотность вліяютъ отрицательно.

Разсадниками грамотности въ изслѣдованномъ районѣ являются три типа школъ: народныя училища министерства народнаго просвѣщенія, называемыя здѣсь просто приходскими школами; школы духовнаго вѣдомства,

*) Наибольшій процентъ грамотныхъ среди крестьянъ - старожиловъ замѣчается въ Верхоленскомъ округѣ Иркутской губерніи.

т.-е. такъ называемыя церковно-приходскія и миссіонерскія (у инородцевъ) и, наконецъ, частныя или домашнія школы. По удовлетворительности постановки школьнаго дѣла первое мѣсто занимаютъ министерскія школы. Тѣмъ не менѣе, благодаря несоотвѣтствію постановки преподаванія и несоотвѣтствія времени школьныхъ занятій съ условіями крестьянской жизни, въ результатѣ получается, что число манкировокъ учащихся въ нихъ очень значительно, что далеко не всѣ начавшіе курсъ кончаютъ его, что средній періодъ пребыванія учениковъ въ школѣ лишь немного болѣе половины времени, необходимаго для полнаго окончанія въ нихъ курса.

Что касается церковно-приходскихъ школъ, то онѣ во всѣхъ отношеніяхъ—и значительно—уступаютъ министерскимъ: средній образовательный уровень преподавателей ихъ значительно ниже, время пребыванія учениковъ въ школѣ еще короче, манкировки *учителей* составляютъ въ этихъ школахъ обычное явленіе (состоя въ большинствѣ изъ лицъ духовнаго званія, имѣющихъ прямыя свои обязанности, учителя эти и не могутъ отдавать школѣ все свое время) и, наконецъ, въ учебныхъ пособіяхъ недостатокъ у этихъ школъ еще большій, чѣмъ у министерскихъ, а учебные результаты еще незначительнѣе.

Хотя въ виду повсемѣстнаго и значительнаго распространенія домашнихъ школъ, а также большей примѣнимости ихъ къ условіямъ крестьянской жизни и довѣрія, съ какимъ относится къ нимъ крестьянское населеніе, онѣ, по числу своему, и играютъ въ дѣлѣ распространенія *грамоты* довольно видную роль, но вообще *образовательнаго* значенія, въ виду отсутствія въ нихъ организаціи и малограмотности самихъ учителей, къ сожалѣнію, онѣ имѣть не могутъ. Предпочтеніе оффиціальныхъ школъ обученію домашнихъ учителей дѣйствительно имѣетъ для крестьянъ свои реальныя основанія. Несмотря на то, что качественный составъ такихъ учителей весьма низокъ, домашній способъ обученія приспособленъ къ привычкамъ и быту крестьянъ гораздо больше, чѣмъ способъ обученія школьнаго. Родителямъ нравится, что дѣти цѣлый день заняты ученьемъ и «не балуются зря» всю вторую половину дня, какъ это они наблюдаютъ надъ учениками оффиціальныхъ школъ, отпускаемыми домой послѣ окончанія ученія около 2—3 часовъ пополудни. Кромѣ того, «въ случаѣ какой-нибудь спѣшной домашней работы, ученика домашней школы можно и оторвать на короткое время отъ ученья, безъ ущерба для послѣдняго, такъ какъ въ теченіе цѣлаго дня этотъ перерывъ легко наверстать. Полный курсъ ученья почти вдвое короче школьнаго, а самое ученье въ теченіе года начинается и кончается какъ разъ тогда, когда это удобно родителямъ; тогда какъ въ оффиціальной школѣ оно захватываетъ часть времени, въ которое дѣти безусловно необходимы для домашнихъ работъ. Наконецъ, родители хотя вообще и мало понимаютъ въ дѣлѣ обученія, но по-своему судятъ объ успѣшности преподаванія, замѣчая, какъ ученики постепенно выучиваютъ азы, склады, начинаютъ читать и т. д.» *).

*) *Матеріалы*, т. IV, в. 2, стр. 33.

Изслѣдованіе констатируетъ факты отказовъ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ отъ выдачи пособій на устройство и содержаніе новыхъ оффиціальныхъ школъ, а иногда и отказовъ въ пособіи школамъ уже существующимъ, что несомнѣнно указываетъ на отрицательное отношеніе нѣкоторой части крестьянъ къ вопросамъ грамотности. Надо замѣтить однако, что и въ этихъ сельскихъ обществахъ обыкновенно имѣется часть такихъ членовъ, которые болѣе или менѣе сочувствуютъ школьному дѣлу; если же общества относятся къ нему отрицательно, то главнымъ образомъ въ виду необходимости тратить на школы собственныя средства. Само собою понятно, что даже и родители, желающіе отправлять своихъ дѣтей въ школу, предпочитали бы не тратиться на содержаніе школы; что же касается тѣхъ, которые дѣтей въ учебномъ возрастѣ не имѣютъ, или обучать ихъ грамотѣ не желаютъ, то обязанность платить на содержаніе школы представляется имъ и обременительной, и безусловно несправедливой: «пусть,—говорятъ они,—платитъ казна, или тѣ, кто дѣтей своихъ учитъ, а намъ платить не за что».

Но, на-ряду съ такимъ отношеніемъ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ къ школьному дѣлу, извѣстна масса фактовъ существованія домашнихъ школъ, или домашняго обученія, съ наличностью котораго неизбѣжно связана необходимость значительныхъ издержекъ со стороны отдѣльныхъ семей на уплату своимъ учителямъ. Домашнее обученіе обходится дорого; а въ тѣхъ случаяхъ, когда въ данномъ селеніи имѣется и оффиціальная школа, родителямъ, обучающимъ дѣтей у домашнихъ учителей, приходится еще, по общественной раскладкѣ, платить и на эту оффиціальную школу. Въ подобныхъ случаяхъ распространенности домашняго обученія, да особенно еще при наличности свободныхъ мѣстъ въ оффиціальной школѣ, не можетъ быть, конечно, и рѣчи объ отрицательномъ отношеніи такихъ родителей къ вопросамъ грамотности.

Сопоставляя это съ фактами отказовъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ въ пособіяхъ оффиціальнымъ школамъ, невольно приходишь къ заключенію, что если сельское общество, *въ его цѣломъ*, въ настоящее время не признаетъ еще необходимости грамотности, то польза ея признается *отдѣльными* лицами изъ среды сельскихъ обществъ. На-ряду съ этимъ, многіе мѣстные сельскіе учителя констатируютъ фактъ уменьшенія среди крестьянъ отрицательнаго и безразличнаго отношенія къ школѣ. Все это даетъ право думать, что школа постепенно завоевываетъ все-таки подобающее ей мѣсто въ глазахъ мѣстнаго сельскаго населенія.

При данной постановкѣ школьнаго дѣла и указанномъ отношеніи къ нему со стороны большинства населенія, является все-таки несомнѣннымъ тотъ фактъ, что «въ послѣднія десятилѣтія грамотность сдѣлала здѣсь значительные успѣхи *).

Надо замѣтить кстати, что успѣхи школьнаго дѣла, въ смыслѣ вліянія

*) См. тамъ же.

на сельское населеніе, выражаются уже мѣстами не только въ распространеніи грамотности, но и во вліяніи на нравы. Изъ 19 селеній, по которымъ доставлены были учителями болѣе обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу, только по одному даны въ этомъ отношеніи указанія какъ бы отрицательнаго свойства, но и то преимущественно относящіяся уже къ прошлому времени. Учитель кудинской школы (Хомут. вол., Иркутск. окр.) сообщилъ, что «грамотность въ прежнія времена, да отчасти и теперь, служила источникомъ дохода: грамотные, благодаря ихъ малочисленоости, кормились при составленіи приговоровъ; они не прикладывали рукъ безъ выпивки, а нерѣдко за подложныя или сомнительныя рукоприкладства получали не малую мзду, наприм., рубля два за подпись». Еще по одному селенію (с. Зиминское, Балаг. окр.) дано по этому вопросу указаніе довольно неопредѣленное: вліяніе школы мало проявляется на нравахъ населенія, любовь къ чтенію развивается медленно», но это указаніе—скорѣе въ плюсъ, чѣмъ въ минусъ *). Еще по четыремъ школамъ сообщены указанія, что «школа вліянія на нравы населенія, повидимому, не оказываетъ и что любовь къ чтенію развивается медленно», но два изъ этихъ показаній относятся къ школамъ существовавшимъ только отъ 1 до 6 лѣтъ. Затѣмъ **) идетъ рядъ показаній вполнѣ благопріятнаго свойства. Они настолько характерны, что нѣкоторыя изъ нихъ полезно привесть цѣликомъ «Грамотные крестьяне рѣзко выдѣляются на сельскихъ сходахъ, гдѣ они имѣютъ большое значеніе, сравнительно съ неграмотными» (с. Черемхово); «грамотные инородцы, въ особенности учившіеся въ школѣ, держатъ себя гораздо опрятнѣе неграмотныхъ ***), въ большинствѣ случаевъ стараются во всемъ подражать русскимъ, а если кто и не дѣлаетъ еще этого, то единственно стѣсняясь прочихъ своихъ сородичей» (нукутское училище, балаг. вѣд.); «грамотность замѣтно вліяетъ на смягченіе нравовъ въ народѣ, замѣчается любовь къ чтенію книгъ разнаго рода» (с. Ключевское, Урипет. вол., Канск. окр., школа основана въ 1885 г.); «вліяніе школы на нравы населенія хотя и въ небольшой степени, но все-таки замѣчается: народъ сталъ не такъ грубъ; на уменьшеніе суевѣрій вліянія однако незамѣтно» (с. Сухобузимск., Красноярск. окр., школа основана въ 1863 г.); «школа имѣетъ вліяніе на нравы населенія въ томъ отношеніи, что крестьянинъ, обучавшійся въ школѣ, не будетъ ругаться нецензурными словами и не такъ упивается виномъ; притомъ развивается религіозность: обучавшійся наканунѣ праздника не пойдетъ въ кабакъ, а въ праздникъ сходитъ къ обѣднѣ; смягчается и отношеніе къ женщинѣ» (минист. школа въ с. Ирбенск., Канск. окр., 1865 г.). По отзывамъ священника с. Ѳека (Иркутск. округа, минист. школа, 1868 г.), «грамотные крестьяне религіознѣе, сознательнѣе относятся къ таинству исповѣди, вѣжливѣе въ обра-

*) Школа основана въ 1881 г., показаніе относится къ 1888 г.

**) Если не считать значительное число селеній со школами (частію основанными совсѣмъ недавно), по которымъ не имѣется никакихъ свѣдѣній по этому вопросу.

***) Буряты вообще неопрятны.

щенiи какъ съ посторонними, такъ и съ домашними». Изъ с. Кекуръ (Нахв. в., Красн. окр., минист. школа, 1883 г.), въ школьномъ бланкѣ сообщено, что «вообще любовь къ чтенiю развивается плохо; но замѣтное влiянiе оказываетъ школа на уменьшенiе суевѣрiй. Развитiя религiозности незамѣтно; выдающiяся черты грамотныхъ: опрятность, умѣнье держать себя и болѣе свободное обращенiе въ разговорѣ». Изъ с. Вознесенскаго (Красн. окр., мин. уч., 1872 г.) сообщается, что хотя «влiянiе школы на нравы прослѣдить трудно», но, судя по ходу дѣла и по влiянiю школы на развитiе любви къ чтенiю, «можно положительно надѣяться, что когда училище дастъ населенiю большее число грамотныхъ и библiотека увеличится, то чтенiе въ народѣ сильно разовьется», а изъ с. Арейскаго (Красн. окр., церк.-прих. школа, 1887 г.) сообщается, что окончившiе курсъ въ школѣ берутъ книги и въ школѣ и на сторонѣ «и относятся къ ней съ признательностью, сохраняя добрыя о ней воспоминанiя». Въ свѣдѣнiяхъ о братскомъ (Нижнеуд. окр.) училищѣ (мин. нар. просв., 1856 г.) отмѣчено, что «школа увеличиваетъ въ крестьянахъ любовь къ чтенiю, а также смягчаетъ значенiе предразсудковъ и суевѣрiй». Въ с. Курагинѣ (Минусинск. окр., школа мин. н. просв., 1879 г.) приходилось слышать по этому вопросу такiе отзывы: «наше село не такъ сильно суевѣрiями и предразсудками—окончившiе курсъ въ школѣ совсѣмъ оставляютъ суевѣрiя и, путемъ бесѣды и книгъ, стараются даже указать своимъ родителямъ на ихъ невѣжество и доказать имъ нелѣпость суевѣрiй». «Грамотнаго крестьянина, окончившаго курсъ въ школѣ, можно, чуть не съ перваго взгляда, отличить отъ неграмотнаго: во-первыхъ, по частому посѣщенiю церкви и, во-вторыхъ, по обращенiю съ людьми; въ семейной ихъ жизни почти не встрѣтишь брани и ссоръ съ женою и семейными; наконецъ, въ рѣшенiяхъ дѣлъ на волостныхъ сходахъ грамотному отдается предпочтенiе передъ неграмотными,—голосъ первыхъ имѣетъ большiй вѣсъ». Одинъ вполнѣ заурядный, но грамотный крестьянинъ села Курагина, 37 лѣтъ, такъ отозвался о неграмотныхъ: «черствые люди, ничего не понимающiе и не желающiе ученья. То ли дѣло, когда читать умѣешь; я такъ понимаю, что если читаешь книгу, то все равно, что говоришь съ нею: книга—мой другъ».

Если даже эти соообщенiя лицъ, наблюдавшихъ деревню, не совсѣмъ точны, поскольку вообще могутъ быть неточны свѣдѣнiя, сообщенныя по личнымъ впечатлѣнiямъ,—или можетъ быть даже нѣсколько пристрастны къ школѣ, то и за всѣмъ тѣмъ, при всемъ даже разнообразiи собранныхъ отзывовъ, благопрiятное влiянiе школы *не только на ростъ любви къ чтенiю,* но и на нравы населенiя представляется для многихъ мѣстностей несомнѣннымъ.

Остановившись на вопросѣ о томъ, насколько прочны даваемыя школою знанiя и насколько вообще долго сказывается влiянiе школы на ученикахъ ея, слѣдуетъ сказать прежде всего, что большинство учившихся въ сельскихъ школахъ остается въ своихъ селенiяхъ при тѣхъ же занятiяхъ

и хозяйствахъ, какія были у ихъ родителей. Меньшинство, и то преимущественно состоящее изъ дѣтей мѣщанскаго и купеческаго сословія, по окончаніи курса въ сельскихъ школахъ, переходитъ въ другія учебныя заведенія; изъ нихъ нѣкоторыя поступаютъ въ учительскія семинаріи. Часть изъ окончившихъ курсъ поступаетъ писцами въ волостныя и сельскія управленія, но это большею частью дѣти ссыльныхъ и тѣхъ изъ крестьянъ, которые совсѣмъ или почти совсѣмъ не занимаются земледѣліемъ,— «дѣти же «настоящаго» крестьянина, и по окончаніи курса, связи съ землей въ огромномъ большинствѣ случаевъ не теряютъ» *).

Въ первое время по окончаніи школьнаго обученія ученики не теряютъ обыкновенно и связи съ своею школой, но эта связь весьма нерѣдко длится какой-нибудь годъ-два, максимумъ три, и затѣмъ прерывается окончательно. Въ первое время по выходѣ изъ школы окончившіе курсъ болѣе или менѣе часто берутъ изъ нея книжки для чтенія, но и пользованіе книгами не составляетъ, все-таки, общаго среди нихъ явленія; кромѣ того, они приходятъ иногда въ школу въ свободное время «позаниматься», чтобы подновить свои знанія, и посѣщаютъ спѣвки училищно-церковнаго хора. Дольше всего связь окончившихъ со школою выражается, все-таки, въ томъ, что бывшіе питомцы ея отъ времени до времени заходятъ въ школу *за книжкой*.

Что касается того, насколько долго бывшіе ученики сохраняютъ пріобрѣтенныя въ ней знанія, то отзывы, данные на этотъ счетъ сельскими учителями, довольно разнообразны и, очевидно, стоятъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и особенностей, а можетъ быть также и отъ того, какъ поставлено было дѣло преподаванія въ школахъ. По замѣчанію однихъ учителей, «часть окончившихъ все перезабыла, а другіе кое-что еще помнятъ»; другіе преподаватели сельскихъ школъ говорятъ, что «знанія перезабываются, а умѣнья (чтеніе и письмо) сохраняются»; третьи сообщаютъ, что имъ «незамѣтно, чтобы бывшіе ученики или ученицы забывали пріобрѣтенное въ школѣ».

Одно является вполнѣ несомнѣннымъ, это то, что въ большинствѣ умѣнье *читать* и писать не забываются или почти не забываются.

Для насъ въ данномъ случаѣ важно отмѣтить тотъ фактъ, что, какъ-никакъ, а связь обучившихся со школою и долѣе и болѣе всего выражается въ *чтеніи книгъ изъ школьной библіотеки* и что умѣнье *читать не* забывается дольше другихъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ школѣ. Въ этомъ отношеніи не маловажно отмѣтить также, что у окончившихъ курсъ въ лютеранскихъ катехизаторскихъ школахъ (устроенныхъ въ трехъ колоніяхъ Енисейской губерніи для ссыльныхъ лютеранскаго вѣроисповѣданія) между ними и ихъ школою, несмотря на всю обособленность ихъ отъ окружающаго чисто-русскаго населенія окрестныхъ селеній, не сохраняется *никакой* связи. Такое явленіе обусловлено отсутствіемъ при этихъ учили-

*) Ibid., стр. 18.

щахъ библіотекъ. «Достать книжки на родномъ языкѣ, на которомъ только и умѣетъ читать окончившій, кромѣ мѣстнаго катехизатора, рѣшительно негдѣ, а у послѣднихъ онѣ имѣются лишь въ очень ограниченномъ количествѣ и притомъ большею частію слишкомъ серьезны и не занимательны для окончившихъ курсъ мѣстной школы колонистовъ. А между тѣмъ, какъ пришлось убѣдиться во время изслѣдованій изъ распросовъ крестьянъ, молодежь не прочь бы почитать на досугѣ въ праздничные дни, да нечего, и именно *отсутствіемъ библіотекъ* можно объяснить тотъ фактъ, отмѣченный мѣстнымъ изслѣдованіемъ, что у молодыхъ людей чрезъ 3—4 года по окончаніи курса остается *одно только* умѣнье читать псалмы» *).

Иными словами, въ учившихся *остается потребность въ чтеніи*, и эта потребность невольно поддерживаетъ ихъ связь со школою; съ другой стороны, знанія, полученныя въ школѣ, тѣмъ тверже сохраняются въ памяти, чѣмъ больше обучавшіеся въ школѣ имѣютъ возможность примѣнить ихъ на практикѣ—*чтеніемъ* книгъ, получаемыхъ изъ школы, или даже и помимо ея, если послѣднее возможно по мѣстнымъ условіямъ деревенской жизни.

Все только что сказанное неизбѣжно приводитъ насъ къ вопросу о состояніи школьныхъ библіотекъ, которымъ, при изложенныхъ условіяхъ, въ значительной мѣрѣ должна обусловливаться и поддерживаться и самая возможность и охота къ чтенію.

Изъ приходскихъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, находившихся въ періодъ изслѣдованія въ Иркутской губерніи **) (1888—1890 гг.), библіотекъ не было только въ трехъ. Объ относительномъ богатствѣ (или неполнотѣ) школьныхъ библіотекъ въ тѣхъ изъ этихъ училищъ, о которыхъ доставлены были учителями свѣдѣнія, можно судить по тому, что въ 27 изъ нихъ имѣлось, въ сложности, свыше 3,000 названій книгъ въ 9,800 экземплярахъ, или въ среднемъ около 370 на одну. Число экземпляровъ колебалось по библіотекамъ отъ 73 до 1,032, число названій отъ 21 до 481,—слѣдовательно, степень обезпеченности разныхъ библіотекъ школами была далеко не одинакова. Въ Енисейской губерніи библіотеки для внѣкласснаго чтенія имѣются во всѣхъ министерскихъ школахъ, о которыхъ доставлены свѣдѣнія ***); число книгъ въ нихъ колеблется между 167 и 1,166, а число названій между 116 и 682; всего въ 24 училищахъ имѣется 7,896 названій, или, въ среднемъ, по 329 названій на одну библіотеку, а экземпляровъ (въ 25 училищахъ) имѣется 13,995, или по 560 на библіотеку. Неодинаковость обезпеченности книгами обусловлена главнѣйшимъ образомъ или недостаткомъ средствъ и училищъ, или же непродолжительностью времени, истекшаго съ момента открытія самихъ школъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ библіотечки большею частію совершен-

*) Тамъ же, стр. 29.

**) Въ 4 уѣздахъ 50 „министерскихъ“ школъ.

***) Общее число министерскихъ школъ въ 3 обслѣдованныхъ округахъ Енисейской губерніи—28.

но отсутствуютъ, а если онѣ гдѣ и есть, то ограничиваются весьма небольшимъ числомъ экземпляровъ *). Такъ, въ Верхоленскомъ округѣ изъ 8 школъ духовнаго вѣдомства только двѣ располагаютъ кое какими (весьма небольшими) библіотечками; въ Енисейской губерніи изъ 41 церковно-приходской школы библіотеки имѣются только при 12, въ нихъ имѣется 795 названій въ 1,574 экземплярахъ, что, въ среднемъ на одну школу, даетъ по 66 названій и 131 экземпляру, т.-е. книгъ въ церковно-приходскихъ библіотекахъ значительно меньше, чѣмъ въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія. Большинство книгъ въ этихъ библіотекахъ церковно-приходскихъ училищъ духовно-нравственнаго содержанія и присланы отъ епархіальнаго училищнаго совѣта.

Такъ какъ, кромѣ книгъ, изъ школьныхъ библіотекъ бывшіе ученики школъ могутъ, или, вѣрнѣе сказать, могли бы пользоваться и выписываемыми при школахъ періодическими изданіями, то надобно теперь же указать на тотъ фактъ, что кромѣ *Русскаго начальнаго учителя* и *Родника* (да еще въ одномъ училищѣ—*Школьнаго обозрѣнія*), никакихъ періодическихъ изданій школами не выписывается. Если сверхъ названныхъ при школахъ и выписываются тѣ или другія періодическія изданія, то выписка ихъ производится самими учителями, на ихъ собственныя скудныя средства, чѣмъ въ значительной мѣрѣ обусловливается и самый выборъ выписываемыхъ изданій. Изъ 44 учителей 3 округовъ Иркутской губерніи только 17 выписываютъ періодическія изданія, а въ Енисейской—изъ 28 — 14. Въ періодъ изслѣдованія, по 1 изданію выписывало 17 учителей, по 2—6, по 3—6 и 4—2 учителя. Выписываемыя изданія были слѣдующія: *Русская Мысль* въ количествѣ 3-хъ экз., *Нива*, *Восточное Обозрѣніе* по 5 экз., *Лучъ* въ 4-хъ экз., *Сѣверъ* и *Сибирскій Вѣстникъ* по 3 экземпл., *Сѣверный Вѣстникъ*, *Родина*, приложеніе къ журналу *Родникъ* и *Свѣтъ* по 2 экз., *Сельскій Хозяинъ*, *Природа и Люди*, *Волжскій Вѣстникъ*, *Гражданинъ*, *Русское Богатство*, *Недѣля*, *Иллюстрированный Міръ*, *Живописное Обозрѣніе*, *Царь-Колоколъ* и *Русскія Вѣдомости* по 1 экземпляру.

Но, кромѣ учителей, періодическія изданія выписываются и другими жителями деревни; поэтому, чтобы дать читателю болѣе полное представленіе вообще о составѣ и характерѣ выписываемыхъ въ деревню періодическихъ изданій, необходимо остановиться и на выпискѣ ихъ прочими жителями деревни.

Нечего и говорить, что простой сѣрый мужикъ газеты не выписываетъ; она выписывается крестьянами болѣе зажиточными, преимущественно «торгующими», выписывается богатыми инородцами, священниками, посторонними деревнѣ людьми, проживающими въ ней ради торговли, ради службы

---

*) Общее число церковно-приходскихъ школъ: въ 4 обслѣдованныхъ округахъ Иркутской губ. 36, въ 3-хъ—Енисейской губ.—41 (считая въ томъ числѣ 3 лютеранскія, катехизаторскія).

на винокуренныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ и проч., сельскими и волостными правленіями и нѣкоторыми должностными лицами сихъ послѣднихъ. Но часть выписываемыхъ всѣми ими періодическихъ изданій, по прочтеніи «хозяевами», идетъ и «на деревнѣ», гдѣ и читается сѣрой крестьянскою публикой. Въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ газеты и журналы, выписываемые болѣе богатыми крестьянами, берутся у нихъ для чтенія тоже только болѣе зажиточными изъ остальныхъ: наприм., въ с. Осинскомъ (Балаг. округа) выписываемые «торгующими» иллюстрированные журналы берутъ только близкіе имъ зажиточные люди—три семьи, да, кромѣ того, одинъ крестьянинъ беретъ изъ волостного правленія *Сельскій Вѣстникъ* и *Губернскія Вѣдомости*.

Въ нѣкоторыхъ сельскихъ управленіяхъ самая выписка той или иной газеты, или журнала, предпочтительно передъ прочими, обусловливается желаніемъ самихъ читающихъ крестьянъ. Въ с. Курагинѣ сельское управленіе выписываетъ *Сельскій Вѣстникъ* и сельскіе грамотеи, приходящіе туда по дѣламъ своимъ, почитываютъ его въ канцеляріи правленія, или же иногда беретъ его на домъ кто-нибудь изъ крестьянъ, къ которому и собираются его товарищи послушать, что говорится въ газетѣ. Въ с. Коростелевѣ (Ирб. вол., Канск. окр.) крестьяне интересуются чтеніемъ выписываемаго на имя сельскаго управленія *Сельскаго Вѣстника*,—неграмотнымъ читаютъ дѣти, учащіеся въ школѣ, или сельскій писарь, когда они приходятъ въ сельское управленіе. Въ с. Еловскомъ (Балахт. волости, Ачинск. окр.) сельское общество тоже выписываетъ *Сельскій Вѣстникъ* и *Вѣстникъ Краснаго Креста*, грамотные крестьяне берутъ ихъ себѣ для чтенія на дома, и т. п. Въ с. Биликтурѣ (Ирк. окр.) священникъ выписываетъ *Русскій Паломникъ, Епархіальныя Вѣдомости* и *Православное Обозрѣніе;* мѣстный мелочной торговецъ изъ евреевъ—*Ниву*, учитель—*Родину, Лучъ*, *Сельскій Хозяинъ*,—чтеніемъ этихъ изданій пользуется почти все наличное грамотное населеніе. Въ с. Маломъ Улуѣ (Назар. в., Ачиск. окр.) на сельско-общественный счетъ выписывается *Вѣстникъ Краснаго Креста*, но крестьяне имъ не пользуются, а читаетъ его сельскій писарь, который и разсказываетъ имъ изъ него, что найдетъ интереснымъ и полезнымъ. На-ряду съ этими, есть и такія селенія, гдѣ сельское управленіе выписываетъ на общественный счетъ ту или другую газету, а крестьяне и вниманія на нее не обращаютъ. Есть также и такія селенія, гдѣ выписываемыя отдѣльными лицами періодическія изданія тоже никѣмъ, кромѣ нихъ не читаются, по отсутствію желающихъ; бываетъ, впрочемъ, и такъ, что выписывающіе сами никому ихъ давать не желаютъ.

Изъ предыдущаго видно, что чтеніе періодическихъ изданій въ деревнѣ составляетъ, главнымъ образомъ, удѣлъ людей болѣе зажиточныхъ, не занимающихся земледѣліемъ, торгующихъ и притомъ частію людей постороннихъ деревнѣ,—словомъ, удѣлъ, такъ называемой, *сельской интеллигенціи*, хотя мѣстами газетой пользуется и нѣкоторая часть остального грамотнаго населенія деревни.

Посмотримъ же теперь, какого рода періодическія изданія *) выписываются въ деревню.

Изъ собранныхъ по имѣющимъ школы селеніямъ свѣдѣній (въ этомъ отношеніи лишь приблизительно точнымъ, потому что не вездѣ указано, какія именно изданія въ какомъ числѣ выписываются) видно, что этими селеніями выписывается до 120 экземпляровъ разныхъ періодическихъ изданій. Изъ этого числа на долю иллюстрированныхъ изданій (*Родина*, *Нива*, *Вокругъ Свѣта*, *Газета Гатцука*, *Лучъ*, *Живописное Обозрѣніе*, *Царь-Колоколъ* и *Иллюстрированный Міръ*) приходилось около 44% общаго числа экземпляровъ всѣхъ выписываемыхъ изданій, на мѣстныя сибирскія газеты: *Восточное Обозрѣніе* и *Сибирскій Вѣстникъ* около 18%, на юмористическіе (тоже иллюстрированные) журналы (*Шутъ*, *Сверчокъ*, *Осколки*) около 9%, на *Сельскій Вѣстникъ* и *Вѣстникъ Краснаго Креста* около 10%, на *Сельскій Хозяинъ* $1^1/_2$%, на прочія свѣтскія газеты (*Сынъ Отечества*, *Недѣля*, *Минута*, *Свѣтъ*, *Московскій Листокъ*) 6%, на толстые журналы (*Русская Мысль*, *Русскій Вѣстникъ*, *Русская Старина*, *Сѣверный Вѣстникъ*) около $3^1/_2$%, на духовные газеты и журналы (*Русскій Паломникъ*, *Епархіальныя Вѣдомости*, *Православное Обозрѣніе*) свыше 8% **). Толстые журналы выписываются только болѣе интеллигентными изъ богатыхъ бурятъ и богатыми же крестьянами, главнымъ образомъ, изъ торговаго села Тутурскаго (Верхоленск. округа).

Изъ только что сказаннаго несомнѣнно *преобладаніе любви къ легкому чтенію*: одни иллюстрированныя и юмористическія изданія даютъ 53% общаго числа всѣхъ выписываемыхъ изданій.

Л. Личковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*) Кромѣ выписываемыхъ сельскими учительницами и учителями.

**) Духовные журналы и газеты выписываются почти исключительно священно-церковнослужителями.

Леонардо да-Винчи, какъ естествоиспытатель *).

His knowledge was almost preternatural
Hallam.

Die ungeheueren Umrisse von Lionardo's Wesen wird man ewig nur von ferne ahnen können.
Burckhardt.

I.

Знаменитый ученый, недавнюю кончину котораго мы не перестаемъ оплакивать,—Германъ фонъ-Гельмгольтцъ,—въ одной изъ своихъ блестящихъ популярныхъ бесѣдъ сопоставляетъ два славныхъ имени, въ образецъ высокоразвитаго дара «художественной индукціи» (künstlerische Induction), указывая, что обладатели такого дара не только достигали великаго въ искусствѣ, но оставляли глубокій слѣдъ и въ наукѣ своего времени. Это—имена Гёте и Леонардо да-Винчи. Извѣстно, что тотъ и другой посвятили много труда занятіямъ научнымъ; извѣстно, что у нихъ мы находимъ предвосхищеніе двухъ самыхъ плодотворныхъ идей современнаго естествознанія,—идеи эволюціи (у Гёте), идеи сохраненія энергіи (у Винчи).

Сопоставленіе этихъ двухъ гигантовъ,—едва ли не единственныхъ, въ такомъ масштабѣ, совмѣстителей художественнаго и научнаго творчества,—нельзя не признать чрезвычайно мѣткимъ. Признаюсь, это сравненіе вновь и вновь мелькало передо мной все время, пока я, въ виду настоящаго реферата, подробнѣе знакомился, насколько могъ, и съ біографіей Леонардо, и съ его многоразличными сочиненіями. Сближеніе двухъ натуръ напрашивается невольно. Мишлé сравниваетъ Винчи съ Фаустомъ, дѣломъ и образомъ всей жизни Гёте, хотя это не Фаустъ первой части трагедіи, тревожный мистикъ и искатель наслажденій, а скорѣе Фаустъ послѣднихъ сценъ,—отрезвленный и уравновѣшенный человѣкъ дѣла, осушитель береговъ и болотъ. Но, при общемъ сходствѣ, найдется, какъ увидимъ, и черта различія между двумя художниками, и притомъ такая, которая, на мой взглядъ, даетъ Винчи, какъ научному дѣятелю, перевѣсъ надъ «олимпійцемъ» XIX вѣка.

*) Читано въ Московскомъ Обществѣ Любителей Художествъ 21 декабря 1895 г.

Общія черты, которыя я хочу намѣтить на первомъ планѣ, касаются какъ физической и духовной природы двухъ великихъ людей, такъ и внѣшнихъ обстоятельствъ ихъ жизни. Различіе двухъ эпохъ, раздѣленныхъ трехсотлѣтнимъ промежуткомъ, конечно, сказалось на двухъ біографіяхъ, но и съ этой стороны намъ представится не мало сходнаго.

Леонардо, какъ и Гёте, описываютъ какъ рѣдкаго красавца, какъ счастливо развитую физическую организацію. Леонардо, какъ и Гёте, весь свой вѣкъ занятъ всевозможными вопросами знанія и искусства, и нѣтъ предмета, которому бы онъ не посвятилъ вниманія съ характеризующими его жаромъ и успѣхомъ. Попеременно—то первый скрипачъ и импровизаторъ у Лодовико Сфорца (il Moro), то архитекторъ и главный инженеръ (archetetto ed ingegniere generale) при Чезаре Борджіа, то придворный живописецъ короля Франсуа I,—Леонардо и по внѣшнему своему положенію представляется истиннымъ протеемъ; по объему своихъ занятій онъ еще универсальнѣе, чѣмъ министръ веймарскаго герцога. Тотъ и другой, за то, холодны и индифферентны къ вопросамъ политики, и съ безстрастностью, за которую получали не мало упрековъ, относятся къ бѣдственнымъ судьбамъ отечества, и тамъ и здѣсь подвергавшагося чужеземному (именно—французскому) нашествію.—Упреки едва ли законны въ примѣненіи къ людямъ такого калибра: они стояли цѣлой головой выше своихъ современниковъ и не могли не чувствовать, что ихъ дѣло переживетъ славу Карловъ VIII и даже Наполеоновъ; смотрѣть на преходящія вещи и интересы минуты sub specie aeterni—было имъ, по меньшей мѣрѣ, простительно.—Оба художника относятся скептически къ положительной религіи, оба наклонны къ пантеизму: мистическій финалъ Фауста не помѣшалъ Гёте прослыть «великимъ язычникомъ», и Винчи, несмотря на религіозные сюжеты нѣкоторыхъ его картинъ, быть-можетъ заслуживалъ бы того же названія.

Леонардо, какъ и Гёте, проводитъ жизнь при мелкихъ дворахъ различныхъ отцовъ своего отечества, столь же многочисленныхъ въ Италіи XV вѣка, какъ и въ Германіи XVIII-го. Оба играютъ видную роль, пользуются своимъ положеніемъ для добрыхъ и серьезныхъ цѣлей, и въ то же время составляютъ, какъ говорится, «душу общества» въ своемъ кругу, внося оживленіе, возбуждая художественные интересы, устраивая спектакли, торжества и т. п.

Фигуры, стоящія во главѣ круга тамъ и здѣсь, конечно, далеко не одинаковы, какъ не одинаковы двѣ эпохи. Скромный другъ Гёте, Карлъ Августъ, не похожъ ни на Мòро, ни на Борджіа, покровителей Винчи. Тотъ Sturm und Drang, который, по выраженію одного автора, самолично сѣлъ на веймарскій тронъ въ особѣ помянутаго герцога, не имѣетъ ничего общаго съ той атмосферой злодѣяній, какою окружены итальянскіе condottieri Возрожденія. Та мирная, провинціальная и нѣсколько комическая окраска, которая соединяется съ мыслью о маленькомъ нѣмецкомъ дворѣ эпохи Гёте и находитъ себѣ такое мѣткое выраженіе въ *Котѣ Муррѣ* Гофмана,—отсутствуетъ или маскируется другими чертами, когда переносимся въ Италію

временъ Леонардо. Пылкій темпераментъ жителей Юга и суровость эпохи, такъ часто переходящей въ настоящую bellum omnium contra omnes, знаменуются здѣсь болѣе рѣзкими штрихами,—картинами оргій и убійствъ, изувѣрства и разврата, авантюризма и подвижничества. Яркое изображеніе этой жизни мы находимъ въ запискахъ Челлини, одного изъ младшихъ сверстниковъ нашего художника.

Но есть и общія черты у двухъ эпохъ, черты и крупныя, и мелкія. Тамъ и здѣсь повседневная жизнь и узкія мѣстныя происшествія рисуются на фонѣ зрѣющаго великаго переворота въ области идей и общественныхъ отношеній,—переворота, который въ одномъ случаѣ мы называемъ Ренессансомъ и Реформаціей, въ другомъ—Революціей. Тамъ и здѣсь раздробленная страна, не умѣющая сплотиться въ сильное цѣлое, стоитъ беззащитною передъ мощнымъ внѣшнимъ врагомъ. Тамъ и здѣсь—увлеченіе интеллектуальными интересами, частію искреннее, частью напускное, меценатство магнатовъ, соревнованіе различныхъ центровъ науки и искусства. Тамъ и здѣсь трезвая научная метода прорывается съ борьбою—то черезъ схоластику Среднихъ Вѣковъ, то черезъ новѣйшую схоластику метафизической философіи.

II.

Я уже намекнулъ, что въ области научнаго мышленія Винчи представляется болѣе сильнымъ, болѣе многостороннимъ, чѣмъ творецъ Фауста. Гёте всюду остается художникомъ, поэтомъ, пророкомъ: въ этомъ,—но и только въ этомъ,—его сила даже въ сферѣ науки. Геніальная интуиція, орлиный взоръ, съ высоты охватывающій сложную группу явленій и въ ея кажущемся хаосѣ уловляющій черты закономѣрности,—таковъ его пріемъ. Даръ, драгоцѣнный на первыхъ порахъ изслѣдованія, необходимый для всякаго крупнаго научнаго дѣятеля. Но *одинъ* этотъ пріемъ не исчерпываетъ научнаго дѣла. За первымъ охватомъ цѣлаго и первымъ смутнымъ чаяніемъ новой законности должна слѣдовать собственно-научная работа, работа логическаго расчлененія и всяческихъ испытаній мелькнувшей догадки, причемъ главными орудіями являются умышленный опытъ и математическій анализъ. Только тогда получается полноправное, истинно-научное освѣщеніе предмета.

Гёте не владѣетъ этой второю стадіей научнаго дѣла, онъ чуждается и боится ея по натурѣ, отрицаетъ ее по принципу. Расчлененіе цѣлаго, вниманіе къ деталямъ, обращеніе къ искусственному опыту, попытка подвести естественное явленіе подъ математическую мѣрку,—все это кажется ему безплоднымъ и вреднымъ посягательствомъ на цѣльность и жизненность природы. «Одно явленіе, одинъ опытъ—ничего не доказываетъ, это—звено великой цѣпи, имѣющее значеніе лишь въ общей связи».—«Физика отъ математики должна стоять отдѣльно».—«Природа нѣмѣетъ на пыткѣ» *).

*) Ein Phänomen, ein Versuch kann nichts beweisen, es ist das Glied einer grossen Kette, das erst im Zusammenhange gilt.—Als getrennt muss sich darstellen: Physik von Mathematik.—Die Natur verstummt auf der Folter.

Такое отношеніе къ научнымъ вопросамъ особенно ярко выразилось у Гёте въ его знаменитомъ *Ученіи о цвѣтахъ* (*Farbenlehre*), въ несчастной полемикѣ съ Ньютоновымъ объясненіемъ цвѣтности. Здѣсь какъ разъ ему пришлось изучать предметъ, гдѣ первая стадія уже пройдена, гдѣ первый взглядъ и первое чутье,—позволявшіе Гёте такъ многое угадать въ области сравнительной анатоміи и метаморфозы органовъ,—оказывались уже несвоевременными и недостаточными. Между тѣмъ, поэтъ и здѣсь стоитъ въ предѣлахъ *наблюденій*, презирая *опытъ*. Спектры, «вымученные» призмами и тонкими щелями, служатъ ему неистощимымъ предметомъ насмѣшекъ. Повторять такіе опыты онъ не считаетъ нужнымъ: онъ хочетъ оставаться въ ясномъ солнечномъ свѣтѣ, подъ открытымъ небомъ; онъ не желаетъ, чтобы впечатлѣніе нарушалось путемъ противоестественныхъ, «перехитренныхъ» (überkünstelte) комбинацій. И вотъ, несмотря на массу мѣткихъ и вѣрныхъ замѣтокъ, несмотря на то, что и въ главной идеѣ сочиненія можно отыскать цѣнную сторону *),—*Farbenlehre* въ цѣломъ производитъ на современнаго читателя впечатлѣніе тягостное и жалкое, хотя самъ авторъ ставилъ этотъ трудъ выше своей безсмертной поэзіи.

Такимъ образомъ Гёте, несмотря на глубокій интересъ къ наблюденію природы и настойчивыя занятія естествознаніемъ, въ общемъ и здѣсь является скорѣе поэтомъ или философомъ въ смыслѣ древности и Среднихъ Вѣковъ, чѣмъ учёнымъ изслѣдователемъ въ новомъ значеніи этого слова. Онъ напоминаетъ то Аристотеля (съ которымъ сходится во взглядѣ на цвѣта), то даже Парацельса; это—не Ньютонъ и не Дарвинъ, не только по размѣру, но и по духу своей работы; ему удается въ наукѣ то, что̀ требуетъ художественной интуиціи и еще не допускаетъ сознательно проведенной индуктивной обработки **). «Гёте, — говоритъ Гельмгольтцъ, — стоитъ передъ природою, какъ передъ художественнымъ произведеніемъ... Какъ эстетически-чуткій зритель трагедіи, онъ тонко чувствуетъ, какъ всѣ детали сочленяются и совмѣстно дѣйствуютъ подъ господствомъ общаго плана, и живо наслаждается этой художественной цѣлесообразностью, но не можетъ логическими понятіями выразить руководящую идею цѣлаго». Онъ не стремится проникнуть за кулисы, боясь, что это только помѣшаетъ впечатлѣнію. «Ничего не слѣдуетъ искать за явленіями: они сами и есть ученіе» (Man suche nur nichts hinter den Phänomenen: sie selbst sind die Lehre). Ньютоновъ анализъ бѣлаго свѣта подрываетъ эту вѣру въ

*) Современныя изслѣдованія цвѣторазсѣянія (дисперсіи) свѣта болѣе и болѣе выдвигаютъ связь между этимъ явленіемъ и бо̀льшимъ или меньшимъ несовершенствомъ прозрачности тѣлъ, въ которыхъ распространяется свѣтъ. Въ этомъ смыслѣ идея Гёте (о происхожденіи цвѣтовъ вслѣдствіе мутности средъ) получаетъ нѣкоторое оправданіе.

**) „Wo es sich um Aufgaben handelt, die durch die in Anschauungsbildern sich ergebenden dichterischen Devinationen gelöst werden können, hat sich der Dichter der höchsten Leistungen fähig gezeigt; wo nur die bewusst durchgeführte inductive Methode hätte helfen können, ist er gescheitert“. *H. v. Helmholtz:* „Goethe's Vorahnungen kommender naturwiss. Ideen“. (*Deutsche Rundschau,* Bd. 72, p. 132, Juli 1892).

непосредственную истинность чувственнаго впечатлѣнія; съ чутьемъ тяжкихъ послѣдствій такой критики, Гёте пытается отстоять полноправность чувства противъ ударовъ науки.

Можно бы думать, что таковъ, по самому складу своей натуры, будетъ всякій художникъ, когда онъ обращается къ научному изученію природы. Но именно Леонардо да-Винчи представляетъ намъ блестящій примѣръ противоположнаго,—примѣръ, едва ли не единственный въ такомъ масштабѣ. Первоклассный *художникъ* уживается здѣсь съ *изслѣдователемъ,* который восхваляетъ опытъ, какъ единственную основу знанія, и признаетъ математическій анализъ необходимымъ горниломъ истиннаго изслѣдованія. По своимъ взглядамъ и пріемамъ, Винчи, гораздо болѣе чѣмъ Гёте,—человѣкъ *новаго времени,* и это тѣмъ изумительнѣе, что онъ жилъ за цѣлый вѣкъ до Фр. Бекона, Галилея и Декарта, за два вѣка до Ньютона.

III.

Чтобы правильно оцѣнить всю необычайность такого явленія, всю духовную мощь этого исключительнаго человѣка, нужно вспомнить, съ какой эпохой мы имѣемъ здѣсь дѣло. Въ исторіи науки это—послѣдній часъ долгой средневѣковой ночи, первый проблескъ наступающаго разсвѣта. Безплодною пустыней, съ рѣдкими оазисами (вродѣ, напр., Роджера Бекона), представляется намъ рядъ предшествовавшихъ столѣтій. Изъ слабаго запаса античныхъ знаній (среди котораго такъ блещетъ имя Архимеда, основателя механики) многое затеряно, другое искажено. Мысль, окованная схоластикой и подчиненіемъ авторитету, либо толчется въ словопреніяхъ, либо разбавляетъ малую дозу неумѣлаго опыта обиліемъ странныхъ фантазій,—и не двигается дальше. Ни трезваго, жизнерадостнаго вниманія къ урокамъ природы, ни вольнаго полета самодовлѣющей мысли не проявляетъ сонный и пугливый духъ, объятый кошмаромъ: для него

„Natur ist Sünde, Geist ist Teufel,
Sie hegen zwischen sich den Zweifel,
Ihr missgestaltet Zwitterkind“.

Магія, астрологія и алхимія, на ряду съ теологическими тонкостями,—вотъ единственная пища пытливаго ума. Въ концѣ періода, на порогѣ Новой исторіи, возрожденіе словесности и искусства уже начато. Опытъ уже процвѣтаетъ въ области искусства и его примѣненій, прежде чѣмъ будетъ признанъ основой изученія природы. Но возрожденіе науки - собственно начнется позже, а пока идетъ лишь подготовительное броженіе. Это броженіе почти не оставило письменныхъ слѣдовъ, но о немъ свидѣтельствуетъ самая возможность такого феномена, какъ Леонардо да-Винчи.

Винчи—современникъ Парацельса, современникъ Колумба и Коперника. Первая печатная Библія Гуттенберга является на свѣтъ въ годы младенчества Леонардо, а открытіе Новаго Свѣта совпадаетъ съ его зрѣлымъ возрастомъ (и совершилось, быть-можетъ, не безъ его вліянія). Но знаменитое

твореніе Коперника, перевернувшее прежній взглядъ на міръ, явилось уже чрезъ 24 года по смерти Винчи, а затѣмъ еще 20 лѣтъ пройдутъ, прежде чѣмъ родится Галилей. При жизни Леонардо проблески новой астрономіи находимъ только у Николая Кузанскаго, который смутно воскрешаетъ древнее ученіе о движеніи земли и, снимая традиціонную грань между *элементнымъ* (земнымъ) и *астральнымъ*, провозглашаетъ афоризмъ, позже повторенный Паскалемъ, что вселенная имѣетъ центръ—повсюду, окружность—нигдѣ.

На этомъ-то фонѣ выдѣляется мощная фигура человѣка, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась глухая и мало намъ извѣстная работа ранняго возрожденія науки. Историкъ Халламъ называетъ познанія Винчи «почти сверхъестественными». Въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ его мы забываемъ эпоху и какъ бы переносимся на цѣлые вѣка впередъ. Эти рѣчи еще не могли имѣть широкаго вліянія вокругъ, какъ было съ открытіями Галилея. Рукописи Леонардо писались для себя, какъ матеріалы или программы будущихъ работъ, какъ наброски исполинской энциклопедіи, не доведенной до конца. По странному капризу, художникъ даетъ имъ необычную форму: онъ пишетъ навыворотъ, справа налѣво. Онъ образуетъ около себя небольшую «академію», но не пускаетъ въ широкій оборотъ свои труды—оттого ли, что недоволенъ ихъ неполнотою и не находитъ времени для обработки, оттого ли, что чувствуетъ ихъ несвоевременность: такія идеи и много позже приводили на пытку и костеръ людей, полагавшихъ, что назрѣло время для проповѣди... Большинство этихъ отрывковъ слишкомъ долго оставалось подъ спудомъ; только теперь ихъ изданіе близится къ концу и позволяетъ яснѣе оцѣнить *ученаго* въ давно прославленномъ *художникѣ*. Но и теперь можно повторить, вслѣдъ за Буркхардтомъ, что «колоссальныя очертанія натуры Леонардо навсегда останутся предметомъ отдаленной и смутной догадки» *).

Въ чемъ же состоитъ его научная метода?

Предваряя Бекона и Декарта, Леонардо да-Винчи проповѣдуетъ *опытъ*—какъ исходную точку естествознанія, *математическую форму*—какъ заключительную стадію. «Мудрость есть дочь опыта».—«Опытъ—общая мать наукъ и искусствъ».—«Опытъ—посредникъ между творческой природой (artificiosa natura) и людьми».—«И хотя природа начинаетъ съ разсужденія

*) Всѣхъ манускриптовъ, хранящихся въ Италіи, Франціи и Англіи, насчитывается 42, размѣромъ отъ 4 до 1222 стр., не считая отдѣльныхъ листковъ. До конца XVIII в. были изданы только отрывки о живописи (*Trattato della Pittura*, 1651 г.). Въ 1797 г. *Venturi* даетъ первый разборъ физико-математическихъ трудовъ. Въ 1826 г. изданъ *Trattato del moto e misure dell'acque*, въ 1872 г.—часть самаго обширнаго манускрипта (*Codex Atlanticus*), въ 1883 г.—большой сборникъ *J. P. Richter*'а. Въ послѣднее время предприняты факсимильныя (фототипическія) изданія: такъ изданы французскія рукописи *Ravaisson-Mollien*'омъ (1881—1891 г.) и нѣкоторыя другія, и начато подобное изданіе *Codex Atlanticus*. Обзоръ трудовъ Винчи по новымъ даннымъ даетъ *Séailles* (*L. de Vinci, l'artiste et le savant*, Paris, 1892). Его книга служила главнымъ источникомъ при составленіи предлагаемаго очерка.

(причины) и кончаетъ опытомъ, намъ надо дѣйствовать наоборотъ, т.-е. начинать съ опыта и отъ него идти къ разъясненію причины».—«При изслѣдованіи задачъ естествознанія, я прежде всего дѣлаю нѣкоторые опыты, ибо мое намѣреніе—поставить задачу на основаніи опыта и затѣмъ доказать, почему тѣла принуждены дѣйствовать указаннымъ образомъ».—«Опытъ никогда не обманываетъ: обманываютъ насъ только наши сужденія, обѣщая отъ опыта то, что не лежитъ въ его власти. Напрасно люди жалуются на опытъ, съ великими упреками обвиняютъ его во лживости: опытъ не виноватъ, виновны наши пожеланія, тщетныя и безумныя».—«Говорятъ, будто зрѣніе препятствуетъ внимательному и тонкому умственному познанію, коимъ проникаемъ въ божественныя тайны науки, и будто препятствіе это побудило одного философа лишить себя зрѣнія. На это отвѣчу, что глазъ, какъ владыка чувствъ, исполняетъ свой долгъ, поставляя препятствіе тѣмъ смутнымъ и обманчивымъ разсужденіямъ (не скажу—знаніямъ), которыя постоянно служатъ предметомъ диспутовъ, при великихъ крикахъ и маханіи рукъ. И если тотъ философъ лишилъ себя глазъ, чтобъ удалить препятствіе къ такимъ разсужденіямъ,—будь увѣренъ, что это дѣйствіе повліяло на его мозгъ и разсужденія, ибо все это было однимъ безумствомъ».

Одинъ опытъ, чистый эмпиризмъ—недостаточенъ: опытъ долженъ опираться на размышленіе: «Природа полна безконечныхъ причинъ (ragioni), коихъ никогда не было въ опытѣ». Не довольно констатировать фактъ, надо понять его. «Чувства наши имѣютъ земную природу; разумъ держится внѣ ихъ, когда созерцаетъ».—«Тѣ, кто прилѣпляются къ практикѣ безъ знанія, подобны мореплавателю безъ руля и компаса: онъ никогда не знаетъ навѣрное, куда идетъ. Всегда практика должна опираться на хорошую теорію».—«Теорія—полководецъ, практика—солдаты».

Выраженіемъ теоріи и служитъ математическая обработка предмета. «Никакое человѣческое изслѣдованіе не можетъ назваться настоящимъ знаніемъ, если не прошло чрезъ математическія доказательства»: мысль, почти буквально повторенная Кантомъ. Непрестанному шуму (eterno gridore) софистическихъ пререканій противополагается, какъ образецъ науки, безспорная математика, гдѣ нѣтъ пищи для «криковъ».

Въ математикѣ Леонардо имѣетъ обширныя свѣдѣнія. Онъ употребляетъ буквенное обозначеніе алгебры, пользуется (едва ли не первый) знаками + и —, рѣшаетъ задачи геометрическимъ построеніемъ, видитъ невозможность квадратуры круга. Онъ разсматриваетъ поверхность какъ предѣлъ тѣла, линію какъ предѣлъ поверхности; онъ занимается звѣздчатыми многоугольниками, различаетъ кривыя плоскія и кривыя двоякой кривизны, ищетъ общей методы развертыванія поверхностей на плоскость, говоритъ о каустикахъ, умѣетъ механически чертить эллипсъ и прилагаетъ этотъ пріемъ къ устройству токарнаго станка для выдѣлки оваловъ. *Bonissimo geometra* называетъ его Вазари.

Индукція — какъ метода, дедуктивная математическая форма — какъ идеалъ науки, такова, выражаясь на современномъ языкѣ, программа Лео-

нардо. «Эти краткія разсужденія о методѣ,—замѣчаетъ Дюрингъ,—гораздо болѣе попадаютъ въ цѣль, чѣмъ все то, что позднѣйшіе философы, въ особенности же Беконъ Веруламскій, могли изложить въ обширныхъ сочиненіяхъ».

IV.

Поборникъ такихъ идей не можетъ достаточно излить свое презрѣніе ко власти авторитета и книжнаго знанія, еще царившей въ его время. «Тѣ, кто не обращаются къ природѣ... скажу громко, суть малыя дѣти. Природа одна есть учитель истиннаго генія. И посмотрите, какая глупость! Смѣются надъ человѣкомъ, который лучше хочетъ учиться отъ природы, чѣмъ отъ авторовъ, кои, однакожъ, только ученики ея»... «Они ходятъ спѣсивые и надутые, одѣтые и разукрашенные не своими, а чужими трудами, и не хотятъ предоставить мнѣ моихъ собственныхъ. Они презираютъ меня, изобрѣтателя; но насколько же бо̀льшихъ порицаній заслуживаютъ они сами—не изобрѣтатели, а трубачи и пересказчики (trombette e recitatori) чужихъ трудовъ!... Изобрѣтатели, посредники между природой и человѣкомъ, въ сравненіи съ этими фанфаронами и декламаторами чужихъ дѣлъ, должны почитаться не иначе, какъ предметъ, стоящій передъ зеркаломъ, сравнительно съ кажущимся въ зеркалѣ подобіемъ предмета, которое само по себѣ есть ничто».

Леонардо—врагъ сверхъестественнаго, чудеснаго, чѣмъ такъ обиловали quasi-науки его времени. Истинное чудо есть неизмѣнность законовъ природы,— необходимость, ею управляющая. Прежде всего онъ скептически относится къ такъ называемой магіи, еще царившей повсюду.—Къ концу XV вѣка преслѣдованіе вѣдьмъ и колдуновъ, получивъ санкцію папы Иннокентія VIII (булла 1484 г.), стало разгораться съ особою силой,—особенно въ Германіи, гдѣ вскорѣ появляется особый кодексъ для судей, занятыхъ безчисленными процессами этого рода, пресловутый *Молотъ вѣдьмъ* (*Malleus maleficarum*) Шпренгера (1489 г.). Другое «классическое» руководство по этой части, *Демономанія (Démonomanie des sorciers)* Бодена, выходитъ почти сто лѣтъ спустя, когда новая волна преслѣдованій принимаетъ особенно ожесточенный характеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже множатся попытки протеста противъ повальнаго суевѣрія.—Далеко упреждая свой вѣкъ, Винчи рѣзко высказывается противъ вѣры въ некромантію, черную и бѣлую магію. «Изо всѣхъ человѣческихъ мнѣній самое безумное, конечно, вѣра въ некромантію, сестру алхиміи... Духи, говорящіе безъ языка, дѣйствующіе безъ о̀рgановъ, пускающіе дождь и бурю; люди, обращенные въ кошекъ, волковъ и другихъ животныхъ!... А по правдѣ сказать, вотъ тѣ, кто утверждаютъ такія вещи, тѣ именно превратились въ скотовъ».— «Не можетъ быть голоса тамъ, гдѣ нѣтъ движенія и удара воздуха; не можетъ быть такого удара тамъ, гдѣ нѣтъ о̀ргана (strumento); а безтѣлесный о̀рганъ невозможенъ. Такъ что если и есть такой духъ, онъ не можетъ имѣть ни голоса, ни вида, ни силы; а если облечется тѣломъ, не возможетъ проникать сквозь запертыя двери. И буде кто скажетъ, что

духъ принимаетъ разнообразныя тѣла чрезъ сгущеніе воздуха (per aria congregata e ristretta insieme), и что этимъ-то способомъ онъ говоритъ и движется, оказывая силу,—на это скажу, что гдѣ нѣтъ нервовъ и костей, тамъ не можетъ производиться силы (non può esser forza operata) въ какомъ-либо движеніи такихъ воображаемыхъ духовъ».—Съ Леонардо, надо думать, не могло бы случиться тѣхъ чудесныхъ происшествій, о какихъ повѣствуетъ Бенвенуто Челлини.

Не менѣе сильно ратуетъ онъ противъ алхимиковъ. Хотя въ ихъ трудахъ Винчи здраво цѣнитъ зачатки дѣйствительной науки (химіи), но претензія превращать металлы встрѣчаетъ его полное осужденіе. Стремленіе произвести всѣ металлы изъ ртути онъ уподобляетъ попыткѣ выростить яблоню изъ дуба. «Лживые истолкователи природы, они утверждаютъ, будто ртуть есть общее сѣмя всѣхъ металловъ, забывая, что природа разнообразитъ сѣмена согласно съ разнообразіемъ вещей, какія хочетъ произвести».

Съ прозорливостью еще болѣе удивительной Винчи ополчается и противъ поисковъ «вѣчнаго движенія» (perpetuum mobile), т.-е. машины самодовлѣющей и не требующей двигателя. Эту химеру онъ приравниваетъ къ алхиміи. «О измыслители вѣчнаго движенія, сколько пустыхъ затѣй пустили вы на свѣтъ при этихъ розыскахъ!... ступайте къ искателямъ золота».—Извѣстно, что окончательное отреченіе отъ химеры,— водвореніе «принципа сохраненія энергіи»,— принадлежитъ уже срединѣ текущаго столѣтія (Майеръ, Гельмгольтцъ): здѣсь Винчи на 350 лѣтъ предупредилъ свою эпоху.

Чуждый суевѣрій, Леонардо и къ вопросамъ религіознымъ относится какъ раціоналистъ. Онъ не только съ рѣзкостью Боккачіо издѣвается надъ пороками и злоупотребленіями современнаго ему духовенства, но и своего знаменитаго сверстника Савонаролу (друга Микель-Анджело) считаетъ опаснымъ сумасбродомъ. Винчи не придетъ на умъ принять тонсуру, какъ сдѣлалъ на время, въ концѣ своей жизни, Бенвенуто Челлини.

V.

Какъ же формулируется для Винчи существо истинной науки о природѣ, въ чемъ ея главный нервъ и корень?

«Всякое дѣйствіе необходимо производится чрезъ движеніе» (ogni azione bisogna che s'esercita per moto). Первоисточникомъ вещественнаго движенія онъ склоненъ принять нѣкоторое спиритуальное движеніе (moto spirituale) или стремленіе: *желаніе* есть квинтъ-эссенція дѣятельности природы.

Такимъ образомъ, за сто лѣтъ до Декарта, Винчи признаетъ въ *механикѣ* идеалъ знанія; изъ древнихъ онъ преклоняется предъ Архимедомъ. «Механика есть рай математическихъ знаній, ибо съ ея помощью мы доходимъ до плода математики (si viene al frutto matematico)». Зоркая оцѣнка важности механики, правильное чутье, заставляющее отыскивать «ме-

ханизмъ» во всѣхъ явленіяхъ физическаго міра, — это одна изъ самыхъ удивительныхъ особенностей Леонардо. Въ наши дни, когда въ средѣ самихъ физиковъ кружокъ лицъ, недовольныхъ медленностью механическаго истолкованія явленій, не прочь возобновить нѣчто вродѣ магической философіи въ новой (и, конечно, менѣе экстравагантной) формѣ,—не мѣшаетъ вновь и вновь указывать на вѣрный инстинктъ настоящихъ корифеевъ естествознанія, въ назиданіе и въ предостереженіе...

Энтузіазмъ къ механикѣ у Винчи—не платоническое чувство: онъ знаетъ и угадываетъ поразительно многое для своего времени, являясь продолжателемъ Архимеда и предшественникомъ Галилея.

Архимедъ положилъ начало статикѣ, наукѣ о равновѣсіи; ему извѣстно правило прямого рычага (для силъ перпендикулярныхъ къ рычагу). Обобщеніе теоріи рычага, а также и общее правило равновѣсія (такъ называемый «принципъ возможныхъ перемѣщеній») въ примѣненіи къ простѣйшимъ случаямъ,—приписываются обыкновенно маркизу дель-Монте (Guido Ubaldi) и Стевину. Между тѣмъ, то и другое уже находимъ у Леонардо. Разсуждая о рычагѣ, онъ пользуется понятіемъ о моментѣ силы: дѣйствіе силы, какъ угодно направленной, онъ измѣряетъ произведеніемъ ея на «потенціальный рычагъ» (т.-е. на разстояніе линіи силы отъ точки опоры). Онъ видитъ, далѣе, что выигрышъ въ силѣ соотвѣтствуетъ проигрышу въ скорости: это и есть правило возможныхъ перемѣщеній для рычага. То же правило онъ выражаетъ въ болѣе общей формѣ, для любой машины.

Разсматривая равновѣсіе на блокѣ, Винчи видитъ здѣсь случай рычага и выводитъ законъ для подвижного блока. Особымъ остроумнымъ пріемомъ, изъ принципа рычага выводится законъ равновѣсія на наклонной плоскости. Подобнымъ образомъ разсматриваются воротъ, клинъ и винтъ. Для оцѣнки дѣйствія машинъ придумывается динамометръ.—Разработывая Архимедово ученіе о центрѣ тяжести, Винчи указываетъ, какъ найти центръ тяжести пирамиды.

Отцомъ динамики (кинетики) считается обыкновенно Галилей, ученіе котораго дополнено впослѣдствіи Ньютономъ. Но Леонардо предупреждаетъ Галилея. Для него вполнѣ ясенъ Галилеевъ принципъ инерціи (косности) вещества—первый изъ трехъ законовъ Ньютона; Винчи формулируетъ его съ двухъ сторонъ: 1) Ничто доступное чувству не можетъ двинуться само собой. 2) Всякое естественное движеніе желаетъ сохранить свое теченіе по начальной линіи, или: всякое тѣло «вѣситъ» въ сторону своего движенія. Этотъ вѣсъ (peso) движущагося тѣла,—по-нашему, кинетическая энергія,—можетъ быть уничтоженъ только силой, можетъ произвести ударъ. Терминологія еще запутана, слова: вѣсъ, сила—употребляются не такъ, какъ въ наше время, и нуженъ переводъ, не всегда, конечно, надежный.

Винчи понимаетъ пропорціональность силы и сообщаемой ею скорости, сложеніе и разложеніе дѣйствій силъ, т.-е. все содержаніе 2-го закона Ньютона. Онъ понимаетъ, что движеніе тѣла, вертикально брошеннаго вверхъ и возвращающагося къ мѣсту, откуда брошено, несмотря на вра-

щеніе земли,—есть въ сущности криволинейное; понимаетъ, что при постоянномъ дѣйствіи силы движеніе ускоряется, какъ и бываетъ у падающихъ тѣлъ: онъ знаетъ, что здѣсь скорость растетъ пропорціонально времени. Онъ указываетъ опыты надъ паденіемъ тѣлъ, старается оцѣнить вліяніе сопротивленія воздуха. Движеніе внизъ по наклонной плоскости—такого же рода, только замедлено въ отношеніи высоты къ длинѣ.

Наконецъ, изъ этюдовъ Винчи о полетѣ птицъ видно, что онъ знаетъ и 3-й законъ Ньютона—равенство дѣйствія и противодѣйствія. «Предметъ ударяетъ о воздухъ съ такою же силой, съ какой воздухъ ударяетъ о предметъ» (tanta forza si fa colla cosa incontro all'aria, quanto l'aria alla cosa).

Такимъ образомъ, всѣ три основныя аксіомы движенія уже знакомы Леонардо,—хотя, конечно, не дали въ его рукахъ тѣхъ плодовъ, какіе извлекъ Ньютонъ.—Мы уже замѣтили, что ему ясна невозможность вѣчнаго движенія. Въ другомъ изреченіи можно видѣть и зачатокъ «принципа наименьшаго дѣйствія»: «Всякое естественное дѣйствіе производится природою кратчайшимъ образомъ и въ возможно краткое время».

Вопросы объ ударѣ тѣлъ, о сопротивленіи твердыхъ матеріаловъ и о треніи, важные для Леонардо какъ для практика, сильно занимаютъ его. Опредѣляя ударъ какъ «силу, сосредоточенную на малое время» (potenza ridotta in piccol tempo), онъ разсматриваетъ вліяніе на него различныхъ условій. Онъ имѣетъ правильное представленіе о сопротивленіи давленію, сгибанію, вытягиванію. За 200 лѣтъ до Амонтона и за 300 до Кулона онъ находитъ всѣ главные законы тренія (пропорціональность тренія давленію, независимость отъ величины трущихся поверхностей, различіе между треніемъ катящихся и скользящихъ тѣлъ).

Въ механикѣ жидкостей Леонардо является прямымъ продолжателемъ Архимеда и предвосхищаетъ законы, приписываемые Стевину и Паскалю. Ему извѣстны законы сообщающихся сосудовъ—съ одинаковыми и съ различными жидкостями. Онъ замѣчаетъ центробѣжный подъемъ жидкости у краевъ вращающагося сосуда, наблюдаетъ процессъ истеченія чрезъ отверстіе, формы струй, образованіе вихрей на поверхности истекающей жидкости. Онъ разсуждаетъ о явленіяхъ прилива и отлива. Практическія работы побуждаютъ его изучать теченіе воды по каналу, треніе о стѣнки и проч. Задолго до Кастелли и Торричелли, Винчи становится родоначальникомъ гидравлики. Ему извѣстно и то, что̀ мы называемъ капиллярностью. Жидкости онъ приписываетъ двойную тяжесть—общую и частную: послѣдняя обусловливаетъ шарообразный видъ элементарныхъ частей.

Воздухъ, по Винчи, состоитъ изъ многихъ составныхъ частей; онъ тяжелъ, безпредѣльно сжимаемъ и расширяемъ, уплотненъ внизу, разрѣженъ вверху, упругъ — «подобно подушкѣ, которую сжимаетъ спящій» (сравненіе, близкое къ позднѣйшей аналогіи Бойля). По своимъ движеніямъ воздухъ во многомъ сходенъ съ водою; это видно, напримѣръ, въ явленіи волнъ.

VI.

Леонардо вырабатываетъ цѣлую теорію волнообразнаго движенія воды и воздуха, съ живымъ чувствомъ важности и изящества этого ученія. Когда тяжелое тѣло проникаетъ въ воду, оно смѣщаетъ ее, дѣлаетъ въ ней какъ бы отверстіе, которое вода сейчасъ заполняетъ. «Волна есть дѣйствіе удара, отраженное водою... Волна часто убѣгаетъ отъ мѣста, гдѣ она зародилась, причемъ самая вода не смѣщается. Волны моря похожи на волны, производимыя вѣтромъ на нивѣ: и здѣсь волна пробѣгаетъ, между тѣмъ какъ колосья не сходятъ съ мѣста».

«Брось соломенку на круги волнъ и наблюдай, какъ она непрерывно колеблется, но не уходитъ. То же бываетъ и съ водой въ волнѣ». Чтò произойдетъ, когда встрѣтятся два круга волнъ? «Вотъ прекраснѣйшій и тонкій вопросъ!» (questo è bellissimo quesito e sottile). Леонардо показываетъ, что волны при этомъ пересѣкаются, не мѣшая одна другой идти дальше. Его описаніе игры волнъ у берега моря напоминаетъ краснорѣчивую страницу изъ *Tonempfindungen* Гельмгольтца.

Подобно водѣ, и воздухъ можетъ волноваться, и такими-то волнами передается звукъ. Звукъ—движеніе, его начало не въ ухѣ, а въ звучащемъ тѣлѣ: если тронуть звучащій колоколъ, онъ перестаетъ дрожать и умолкаетъ. Леонардо наблюдаетъ правильное движеніе пыли на поверхности звучащихъ тѣлъ. Звукъ передается черезъ твердыя и жидкія тѣла; въ воздухѣ онъ распространяется волнами, напоминающими кольца волнъ отъ брошеннаго въ воду камня. «Звуки, проникающіе въ воздухъ, удаляются круговымъ движеніемъ отъ своихъ источниковъ, имѣя ихъ постоянно своими центрами». Когда встрѣтятся двѣ звуковыя волны, онѣ скрещиваются безъ взаимной помѣхи. «Всякій ударъ о предметъ отбрасывается назадъ подъ угломъ, равнымъ углу удара». Эхо есть такой случай удара звука о препятствіе. Наблюдая эхо, можно узнать скорость звука. «Можно ухомъ опредѣлить разстояніе громового удара, увидавъ сперва молнію».

Музыкантъ, Леонардо знаетъ принципъ отзвука (резонанса). «Ударъ, данный колоколу, вызываетъ откликъ и малое сотрясеніе въ другомъ подобномъ колоколѣ, и звучащая струна лютни возбуждаетъ откликъ и сотрясеніе другой струны, того же голоса, на другой лютнѣ: ты увидишь это, наложивъ соломенку на вторую струну» (опытъ, приписываемый Галилею).

Какъ живописецъ, Винчи особенно интересуется явленіями свѣта и зрѣніемъ. «Художникъ, рисующій по практикѣ, на-глазомѣръ и безъ разсужденія, подобенъ зеркалу, которое воспроизводитъ всѣ вещи, передъ нимъ стоящія, не познавая ихъ». Леонардо желаетъ познавать. «Всѣмъ ученіямъ человѣческимъ должна предпочитаться перспектива», это «лучшая узда въ искусствѣ живописи». Живопись, породившая перспективу, есть мать астрономіи. Но для изученія правилъ перспективы нужно знать законы свѣта и зрѣнія. «Глазъ есть владыка чувствъ».—«Господь, свѣтъ всего сущаго! просвѣти меня, чтобы говорить о свѣтѣ».

Свѣтъ есть видъ движенія и слѣдуетъ законамъ движенія. Это опять— движеніе волнообразное. Здѣсь Винчи предваряетъ Гейгенса. «Подобно тому какъ камень, брошенный въ воду, становится центромъ и причиною различныхъ круговъ,—подобно тому какъ звукъ, произведенный въ воздухѣ, распространяется кругами, — такъ и всякое тѣло, помѣщенное въ свѣтоносномъ (luminente) воздухѣ, распространяется кругообразно, наполняя окружающія части воспроизведеніемъ своего образа (specie)». Лучи свѣта разносятъ во всѣ стороны подобіе посылающаго ихъ предмета; при взаимной встрѣчѣ они скрещиваются безъ помѣхи. «Я прошу дозволенія утверждать, что всякій лучъ, проходящій черезъ воздухъ равной плотности, слѣдуетъ прямой линіи отъ своего источника къ противоположному предмету». Отсюда изображенія, получаемыя чрезъ малое отверстіе въ темной комнатѣ (Леонардо дѣлаетъ этотъ опытъ). Отсюда же теорія тѣней; Леонардо распространяется о ней, различаетъ тѣни первичныя и производныя, простыя и сложныя, ищетъ зависимости между формой тѣни и формами свѣтящаго и освѣщаемаго тѣла. Задолго до Бугера и Ламберта онъ предлагаетъ сравненіе тѣней, какъ пріемъ фотометріи.

Отраженіе въ зеркалѣ есть свѣтовое эхо. Лучъ свѣта отражается тоже подъ угломъ, равнымъ углу паденія.

О процессѣ зрѣнія Винчи имѣетъ новую теорію, упреждая Кеплера. Не надо думать, что глазъ какъ бы ощупываетъ предметы исходящими изъ него лучами. Напротивъ, изъ предметовъ входятъ въ глазъ ихъ образы: посмотрите на сильный свѣтъ и потомъ закройте глаза, — впечатлѣніе остается; зигзагъ молніи показываетъ намъ весь ея путь (субъективныя изображенія, «слѣды»). Зрачокъ служитъ какъ бы окошкомъ, которое мы инстинктивно открываемъ болѣе или менѣе, смотря по надобности. Въ глазу составляется изображеніе предметовъ, — какъ въ опытѣ съ темной комнатой, куда проникаютъ лучи извнѣ черезъ малое отверстіе. (Винчи ошибочно полагаетъ, что «хрустальная сфера» (хрусталикъ) глаза служитъ къ тому, чтобы выпрямлять изображеніе). Но всего замѣчательнѣе то, что нашъ художникъ ясно понялъ значеніе двухъ глазъ для рельефнаго зрѣнія,—принципъ, вновь открытый въ нашемъ вѣкѣ Уитстономъ и поведшій къ устройству стереоскопа (1838 г.). «Почему картина, разсматриваемая двумя глазами, не производитъ того впечатлѣнія рельефа, какой получается при разсматриваніи дѣйствительнаго рельефнаго предмета?» Это потому, что въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ въ сущности два изображенія, съ двухъ нѣсколько различныхъ точекъ зрѣнія,—двѣ картины, перспективно не вполнѣ одинаковыя. Два глаза надежнѣе позволяютъ судить о положеніи предмета. «Предметы, видимые только однимъ глазомъ, кажутся иногда большими, иногда малыми».—Въ разсужденіяхъ о роли зрачка и о бинокулярномъ зрѣніи можно видѣть зачатокъ той идеи о «безсознательныхъ заключеніяхъ», которая играетъ такую роль въ современной физіологіи чувствъ.

Леонардо говоритъ объ оптическихъ обманахъ, знаетъ контрастъ цвѣтовъ и цвѣтныя тѣни. Задолго до Гримальди (1665 г.), ему извѣстны нѣкоторыя простѣйшія явленія диффракціи свѣта.

Изъ области тепловыхъ явленій и горѣнія ему знакомо дѣйствіе пара (онъ даетъ проектъ паровой пушки — architonitro); онъ знаетъ, что лучи тепла отражаются отъ зеркалъ, преломляются въ водяныхъ парахъ, не нагрѣвая ихъ замѣтнымъ образомъ. Ему понятно употребленіе стекляннаго цилиндра на пламени лампы. Предупреждая Лавуазье, Винчи указываетъ значеніе воздуха для горѣнія. «Пламя не уживается тамъ, гдѣ не живетъ дышущее животное... Гдѣ рождается пламя, вокругъ него образуется токъ воздуха, онъ поддерживаетъ и увеличиваетъ пламя. Огонь безпрерывно разрушаетъ воздухъ, который его питаетъ (nutrica)». Ему извѣстенъ принципъ монгольфьера (легкость нагрѣтаго воздуха): Вазари разсказываетъ, что Леонардо строилъ изъ тонкой восковой пленки фигуры животныхъ, наполнялъ ихъ теплымъ воздухомъ и пускалъ летать, къ удивленію присутствовавшихъ.

Упомянемъ наконецъ, что онъ наблюдаетъ дѣйствія молніи, извилистый путь которой приписываетъ неодинаковой плотности воздуха, и съ особымъ интересомъ присматривается къ дѣйствіямъ магнита.

VII.

Таковы свѣдѣнія Леонардо по механикѣ и по физикѣ, въ которой онъ ищетъ и находитъ ту же механику. Эти свѣдѣнія по-истинѣ громадны для той эпохи и по трезвости своей совершенно выходятъ изъ нея: отъ нихъ вѣетъ новымъ духомъ. Какъ скуденъ и сбивчивъ, по сравненію съ ними, собственно-научный запасъ Бекона Веруламскаго!

Въ мою задачу не входитъ очертить подробно тѣ практическія работы, въ которыхъ Винчи прилагаетъ свои познанія, дѣйствуя какъ строитель, инженеръ, гидротехникъ, артиллеристъ. Онъ участвуетъ въ постройкѣ соборовъ миланскаго, комскаго и павійскаго; проектируетъ поднятіе церкви S. Giovanni во Флоренціи; изучаетъ образованіе трещинъ въ стѣнахъ, принципы фундамента, сопротивленіе балокъ, теорію свода и арки—этой «крѣпости, возникающей изъ двухъ слабостей» (fortezza causata de due debolezze); составляетъ проекты раціонально построеннаго города, со вниманіемъ къ потребностямъ гигіены. Его почину обязана Италія своими обширными работами по канализаціи рѣкъ и осушенію болотъ: онъ ведетъ обширныя работы этого рода въ Ломбардіи (каналъ Martesana, отъ р. Адды къ Милану), проектируетъ подобныя работы въ Тосканѣ (канализація р. Арно между Флоренціей и Пизой) и во Франціи. Для этихъ цѣлей онъ создаетъ подъемныя машины, землечерпательныя лодки, систему запрудъ со шлюзами; предлагаетъ машину для осушенія (по принципу сифона), гидравлическія колеса всякаго рода (въ томъ числѣ родъ турбины), колесныя суда. Онъ строитъ машины для нарѣзки винтовъ и пилъ, для плющенія

желѣза, для сверленія и строганія дерева, для распилки мрамора (эти послѣднія и теперь еще употребляются въ каррарскихъ каменоломняхъ). Онъ проектируетъ вѣтряный плугъ, воздушный вертелъ, печь съ двойною тягой, ткацкій станокъ; этотъ станокъ остается наилучшимъ до конца XVIII вѣка (модель, вошедшая въ практику вскорѣ послѣ смерти Леонардо, гораздо менѣе удовлетворительна). Въ сохранившемся наброскѣ письма къ Лодовико Сфорца, Винчи предлагаетъ ему секреты, полезные для военнаго дѣла: легкіе мосты, способы перехода рѣкъ въ бродъ, отвода рѣкъ, защиты и осады крѣпостей (штурмовыя лѣстницы, катапульты); говоритъ объ изготовленіи пушекъ, взрывчатыхъ бомбъ, дальнобойныхъ орудій. Мы уже упоминали о проектѣ паровой пушки. Эти практическія задачи наводятъ Леонардо на размышленія объ основныхъ вопросахъ баллистики.

«Приступая въ своей задачѣ,—говоритъ Гроте въ своей книгѣ о Винчи,— онъ сперва придумываетъ и набрасываетъ общую идею рѣшенія, потомъ переходитъ къ деталямъ, наконецъ, дѣлаетъ точный рисунокъ машины. Въ этихъ рисункахъ нѣтъ той неуклюжести, тѣхъ излишнихъ усложненій, какими страдаютъ проекты болѣе поздняго времени: какъ артистъ, онъ невольно ищетъ и достигаетъ изящества и соразмѣрности».

Особенно любопытны въ этой технической области размышленія Винчи о плаваніи и летаніи.

Онъ изобрѣтаетъ спасательный поясъ, машину для хожденія по водѣ, знаетъ какой-то секретъ ходить подъ водою, но не описываетъ его, боясь злоупотребленій (вѣроятно, нѣчто въ родѣ водолазнаго колокола).

Онъ видитъ сходство процессовъ плаванія и летанія. Тамъ и здѣсь механическая задача по существу одна и та же. «Какъ рука пловца, опираясь на воду и толкая ее, подвигаетъ тѣло въ противную сторону, такъ дѣлаетъ крыло птицы въ воздухѣ». Члены тѣла, служащіе для полета, суть видоизмѣненія тѣхъ, которые служатъ для ходьбы и для плаванія. Надъ задачей о полетѣ Винчи работаетъ почти 30 лѣтъ (съ 1490 г.); ей посвященъ особый трактатъ *Sul volo degli uccelli* (недавно изданъ fac-simile г. Сабашниковымъ). Полетъ возможенъ для человѣка, ибо птицы летаютъ. Надо изучить эту живую машину и принаровить тѣ же принципы къ вѣсу и строенію тѣла человѣка.

Замѣчательно, что, будучи знакомъ, какъ мы видѣли, съ принципомъ аэростата, онъ не въ немъ ищетъ рѣшенія задачи о полетѣ. «Зачѣмъ искать другого начала, когда *крыло* летаетъ?» Птица тяжела, но это—не препятствіе, а скорѣе—условіе летанія: будучи легче воздуха, она была бы предоставлена вѣтрамъ; въ своемъ вѣсѣ птица находитъ возможность сопротивленія. Воздухъ—среда, дающая опору, какъ вода при плаваніи. Крыло дѣйствуетъ на воздухъ и встрѣчаетъ равное противодѣйствіе со стороны воздуха. Вѣтеръ вліяетъ на полетъ. «Ты видишь, что удары крыльевъ о воздухъ поддерживаютъ тяжелаго орла въ самомъ высокомъ и рѣдкомъ воздухѣ. Съ другой стороны, ты видишь, какъ воздухъ, движущійся надъ моремъ, надуваетъ паруса и гонитъ тяжело нагруженный

корабль. Изъ этихъ доказательствъ ты можешь познать, что человѣкъ съ большими крыльями, оказывая силу на сопротивляющійся воздухъ, возможетъ побѣдить его и подняться вверхъ». Винчи внимательно и зорко изучаетъ летательный аппаратъ птицы, дѣлаетъ много тонкихъ наблюденій надъ видами полета и паренія при разныхъ условіяхъ; придумываетъ для человѣка крылья и механизмъ, чтобъ управлять ими при помощи рукъ и ногъ. Задача поставлена вѣрно и здраво, но современная механика не даетъ Винчи болѣе сильныхъ двигателей; задача и теперь еще, какъ извѣстно, остается въ зачаточной стадіи. По пути въ этой области, Леонардо описываетъ парашютъ, вновь изобрѣтенный въ концѣ XVIII вѣка (Ленорманъ, 1783 г.).

VIII.

Мнѣ остается въ самыхъ краткихъ словахъ указать на свѣдѣнія Леонардо въ области астрономіи и геологіи, а также въ области наукъ біологическихъ.

Въ его космографическихъ идеяхъ связь съ Аристотелемъ и Средними Вѣками порвана. Раздѣлъ между неизмѣнными, божественными небесами и низменнымъ подлуннымъ міромъ—не существуетъ. «Ты долженъ показать въ своемъ разсужденіи, что земля есть свѣтило, подобное лунѣ,—показать благородство нашего міра» (la nobelta del nostro mondo). Законы нашего міра суть законы вселенной.

Ученіе о твердыхъ прозрачныхъ сферахъ, вращающихся, со вправленными въ нихъ свѣтилами, вокругъ земли, — это ученіе несостоятельно. «Треніе разрушаетъ тѣла. Небеса, въ теченіе столькихъ вѣковъ, должны были бы разрушаться отъ своей огромной ежедневной скорости». Но какъ же держатся небесныя тѣла? Они уравновѣшены въ самихъ себѣ. Земля есть одно изъ небесныхъ тѣлъ. «Земля не въ срединѣ круга солнца, не въ центрѣ міра, а среди своихъ элементовъ». (Здѣсь какъ бы идея о *мѣстномъ* тяготѣніи.) Земля кругла и одарена вращеніемъ.—Еще въ прошломъ вѣкѣ было опубликовано письмо Винчи къ Колумбу (1473 г.) о возможности достигнуть Индіи западнымъ путемъ.

Какъ извѣстно, подобныя идеи были и въ древности, но онѣ совершенно затерялись въ теченіе Среднихъ Вѣковъ.

„L'Amor, che muove il Sol e l'altre stelle"—

(«Любовь, что движетъ солнцемъ и звѣздами»), — этимъ стихомъ заканчивается кодексъ средневѣкового міросозерцанія, *La Commedia* Данта. «Il Sole non si muove» (солнце не движется),—говоритъ Леонардо да-Винчи, предупреждая Коперника. Новая астрономія начата.

Съ отдаленныхъ свѣтилъ земля, отражающая свѣтъ солнца, должна казаться звѣздою. «Посмотри на звѣзды безъ лучей (какъ онѣ видны сквозь малую дырочку, сдѣланную концомъ тонкой иглы и помѣщенную вплоть у

самаго глаза): ты увидишь эти звѣзды столь малыми, что ничто не можетъ казаться меньше. Уменьшаетъ ихъ такимъ образомъ огромное разстояніе, хотя многія изъ нихъ въ весьма значительное число разъ больше, чѣмъ та звѣзда, какую представляетъ собою земля съ ея океаномъ. Теперь подумай, какою показалась бы эта наша звѣзда со столь великаго разстоянія».

Луна—тѣло подобное землѣ; она плотна, тяжела, но не падаетъ на землю, будучи также уравновѣшена въ своихъ элементахъ.—Ньютонъ доказалъ, что луна *падаетъ* на землю, какъ земля *падаетъ* на солнце; но Винчи еще не знаетъ этого *внѣшняго* тяготѣнія.—Луна свѣтитъ не сама собой, а чрезъ отраженіе; на ней есть день и ночь, какъ на землѣ. Пятна луны рисуютъ намъ формы ея материковъ. «Для жителей луны земля представляется такъ же, какъ для насъ луна». Такъ называемый «пепельный свѣтъ» луны при ея затменіи есть отраженіе земного свѣта (объясненіе, вновь найденное Мёстлиномъ).

Солнце есть какъ бы вещественный богъ этого міра. Оно поднимаетъ воду въ видѣ паровъ въ атмосферу, волнуетъ моря и воздухъ, производя теченія и вѣтры (воды равноденственныхъ морей стоятъ выше, чѣмъ на Сѣверѣ); оно измѣняетъ лицо земли и даетъ тепло и жизнь населяющимъ ее организмамъ. «Во вселенной нѣтъ бо̀льшаго величія и мощи», какъ Солнце.

Видъ земной поверхности, ея моря и горы—кажутся намъ вѣчными, но они имѣютъ свою исторію. «Такъ какъ вещи гораздо древнѣе, чѣмъ письмена,—не диво, что нѣтъ письменныхъ свидѣтельствъ о томъ, сколько земли было покрыто морями... Но довольно свидѣтельствуютъ о томъ предметы, которые водятся въ солсныхъ водахъ: они встрѣчаются на высокихъ горахъ, вдали отъ теперешнихъ морей».—«Что̀ нѣкогда было дномъ моря, стало вершиною горы»: объ этомъ свидѣтельствуютъ раковины, скелеты рыбъ, кораллы, находимые на высокихъ горахъ. «О время, быстрый разрушитель сотворенныхъ вещей!... Какой рядъ превратностей и событій произошелъ съ тѣхъ поръ, какъ эта диковинная рыба умерла здѣсь въ глубокихъ пещерахъ. Теперь, разрушенная терпѣливымъ временемъ, она лежитъ въ этомъ отовсюду закрытомъ мѣстѣ и своими оголенными костями поддерживаетъ тяготѣющую надъ ней гору».

Можно лишь удивляться «простотѣ и глупости» тѣхъ, кто утверждаетъ, что эти предметы занесены потопомъ. Фактъ всемірнаго потопа, въ глазахъ Леонардо, весьма сомнителенъ, хотя онъ и готовитъ картину катастрофы, вооружившись своими обширными познаніями по гидромеханикѣ. «Другой разрядъ невѣждъ» утверждаетъ, что эти раковины созданы вдали отъ моря небесными вліяніями, возникли подъ соединеннымъ дѣйствіемъ свѣтилъ и мѣстной природы. «Но какъ объяснишь, что свѣтила произвели на томъ же мѣстѣ животныхъ различной породы, различнаго возраста (ибо у раковинъ можно счесть мѣсяцы и годы ихъ жизни)?»... «Какъ ты объяснишь великое множество листьевъ, отвердѣвшихъ въ высокихъ камняхъ этихъ горъ, и эту морскую водоросль, перемѣшанную съ ракушками

и пескомъ? Все это ты увидишь въ окаменѣломъ видѣ, вмѣстѣ съ обломками морскихъ раковъ».

Леонардо не придумываетъ геологическихъ катастрофъ: все измѣнялось понемногу, и современныя явленія служатъ поясненіемъ для древнѣйшихъ. Такой же взглядъ сталъ проникать въ современную геологію, благодаря Ляйелю. Вода, по Винчи, есть главный работникъ въ этомъ непрерывномъ дѣлѣ постепенныхъ измѣненій,—великій переноситель вещей (il vetturale della natura): она поднимаетъ горы, углубляетъ долины, обнажаетъ и затопляетъ берега. На подобіе современныхъ геологовъ, Винчи рисуетъ карту доисторической Италіи.

Мы видимъ здѣсь ясныя и здравыя мысли объ исторіи земли, вѣрное объясненіе осадочныхъ и органическихъ пластовъ. Новая геологія идетъ въ томъ же направленіи, прибавляя къ числу дѣятелей внутреннее тепло и давленіе внутреннихъ жидкихъ частей нашей планеты.

IX.

Въ сферѣ біологическихъ знаній Винчи проявляетъ ту же тщательность, ту же зоркость. Онъ много занимается ботаникой и анатоміей.

Потребности пейзажа наводятъ его на изученіе растительныхъ формъ. Онъ указываетъ способъ высушивать растенія и получать съ нихъ вѣрный оттискъ на бумагѣ. Его виндзорскіе рисунки цвѣтовъ и листьевъ со всѣми ихъ деталями—образцы точности. Эти терпѣливые этюды открываютъ ему извѣстный въ ботаникѣ законъ о спиральномъ расположеніи листьевъ на стеблѣ (phyllotaxis), гораздо позже замѣченный Брауномъ (1658 г.). Благодаря такому вниманію къ тѣмъ сторонамъ растительнаго міра, которыя обыкновенно мало интересовали художниковъ, пейзажъ у Леонардо, по мнѣнію знатоковъ, пріобрѣтаетъ особую реальность. «Voilà le créateur du paysage moderne!» говоритъ Корб по поводу его картинъ. — Но ботаническіе интересы Винчи идутъ далѣе этой потребности: не довольствуясь морфологическими этюдами, онъ пытается освѣтить ихъ соображеніями о жизни растеній. «Солнце даетъ растеніямъ духъ и жизнь, а земля своею влажностью ихъ питаетъ». Винчи знаетъ, что по числу слоевъ въ разрѣзѣ ствола можно опредѣлить возрастъ дерева, преемственность сухихъ и влажныхъ годовъ. Онъ разсуждаетъ о вліяніи солнца и тяжести на расположеніе ствола и вѣтвей, дѣлаетъ опыты надъ произрастаніемъ тыквъ на водѣ, надъ дѣйствіемъ ядовъ на растенія, и пр.

Еще несравненно болѣе, конечно, интересуетъ художника организмъ животныхъ и человѣка. Животныхъ онъ дѣлитъ на два класса,—тѣхъ, что имѣютъ кости внутри (позвоночныя), и тѣхъ, у коихъ кости снаружи (che hanno l'ossa di fuori),—моллюски, живущіе въ раковинахъ. О неутомимости Винчи въ изученіи формъ, движеній, пропорцій тѣла свидѣтельствуетъ огромное число замѣтокъ по этой части. Проектъ колоссальной конной статуи Франческо Сфорца побуждаетъ его къ самымъ многосто-

роннимъ этюдамъ лошади. Но внѣшнее наблюденіе и здѣсь не удовлетворяетъ Леонардо: преодолѣвая препятствія, презирая предразсудки своего времени, онъ при всякой возможности обращается къ изученію анатоміи, проводитъ цѣлыя ночи надъ трупомъ, разсѣкаетъ въ итогѣ болѣе тридцати тѣлъ,—болѣе десяти, чтобы прослѣдить одинъ вопросъ. Анатомія занимаетъ его всю жизнь (первый манускриптъ 1489 г., послѣдній 1515 г.). Даже не особенно разборчивый папа Левъ X косо смотритъ на эти, по-тогдашнему предосудительныя, занятія. Въ предисловіи къ послѣднему трактату Леонардо рисуетъ читателю трудности дѣла. «Ты имѣешь любовь къ этой наукѣ, но тебѣ, быть-можетъ, воспрепятствуетъ отвращеніе. Если не помѣшаетъ отвращеніе, помѣшаетъ быть-можетъ страхъ проводить ночные часы въ сообществѣ этихъ мертвецовъ, распластанныхъ, ободранныхъ и страшныхъ на видъ. Превозможешь этотъ страхъ, — быть-можетъ, не достанетъ точности въ рисункѣ, необходимой для такого описанія. Удался рисунокъ, получится ли перспектива; достигъ ты перспективы, овладѣешь ли геометрическою методой, исчисленіемъ силъ и крѣпости мышцъ. Наконецъ, быть-можетъ, не хватитъ терпѣнія, необходимаго условія точности. Соединились или нѣтъ во мнѣ всѣ эти вещи, о томъ пусть свидѣтельствуютъ 120 книгъ, которыя я составилъ, не будучи стѣсняемъ ни скупостью, ни небрежностью, а только временемъ. Прощай!»—Планъ задуманнаго и отчасти набросаннаго трактата весьма обширенъ: онъ начинается съ эмбріологіи, слѣдитъ за развитіемъ тѣла чрезъ всѣ стадіи жизни, изучаетъ его въ актахъ различныхъ движеній, въ аффектахъ радости и боли, смѣха и ужаса. Эту «космографію микрокосма» авторъ уподобляетъ творенію Птолемея. Громадное число превосходныхъ рисунковъ поясняетъ текстъ. Знаменитый англійскій хирургъ, сэръ В. Хёнтеръ (Hunter), остался отъ нихъ въ восторгѣ. «Я ожидалъ,—говоритъ онъ,—встрѣтить анатомическіе рисунки, сдѣланные живописцемъ для потребностей его искусства, но съ великимъ изумленіемъ увидалъ, что они были плодомъ всесторонняго и глубокаго изученія. Когда подумаю, сколько труда положилъ онъ на всякую часть тѣла, какова высота его всеобъемлющаго генія, исключительное превосходство его знаній по гидравликѣ и механикѣ, съ какимъ вниманіемъ такой человѣкъ наблюдалъ и изучалъ предметы, которые рисовалъ,—то глубоко убѣждаюсь, что онъ былъ лучшимъ анатомомъ своего времени. Несомнѣнно, онъ первый, насколько мы знаемъ, ввелъ практику анатомическихъ рисунковъ».

Леонардо можно считать также и основателемъ сравнительной анатоміи. Отъ него не могли укрыться аналогіи между органами различныхъ живыхъ существъ, и въ его умѣ зрѣетъ планъ сравнительнаго описанія. «Опиши внутренности у человѣка, у обезьянъ и подобныхъ животныхъ; потомъ посмотри, какими онѣ становятся въ породѣ львиной, бычачьей и, наконецъ, у птицъ... Ты изучишь руки каждаго животнаго, чтобъ указать, въ чемъ ихъ различіе... Я начну съ костей, перейду ко всѣмъ тѣмъ мышцамъ, кои зарождаются безъ сухожилій и оканчиваются на костяхъ, потомъ къ тѣмъ, кои съ одного конца или съ обоихъ снабжены сухожиліями»... Это изуче-

ніе сходствъ побуждаетъ Винчи сближать человѣка съ животными четвероногими. «Живописцу, который умѣетъ представить человѣка, легко сдѣлаться универсальнымъ, ибо всѣ земныя животныя имѣютъ сходство въ членахъ, т.-е. въ мышцахъ, нервахъ и костяхъ, кои разнятся только по длинѣ и толщинѣ, какъ будетъ показано въ анатоміи».

Изученіе формы и строенія частей тѣла не исчерпываетъ науки о живомъ организмѣ, нужно изучать жизненныя отправленія. Элементарнымъ процессомъ и здѣсь является движеніе: оно «причина всякой жизни» (il moto è causa d'ogni vita). Тѣло есть, прежде всего, машина, возбуждаемая внутреннимъ двигателемъ. Винчи снова восхваляетъ механику (la scienza strumentale, ovver macchinale): это — «благороднѣйшая и полезнѣйшая изъ наукъ, ибо по ея законамъ дѣйствуютъ всѣ одушевленныя тѣла, одаренныя движеніемъ», — такъ начинается *Трактатъ о полетѣ птицъ*. Эту часть физіологическихъ этюдовъ Леонардо мы уже разсмотрѣли ранѣе. Въ *Трактатѣ о живописи* онъ подробно говоритъ о движеніяхъ человѣческаго тѣла.

«Тѣло всякаго питающагося существа безпрерывно умираетъ и безпрерывно возрождается», на подобіе горящей свѣчи, которая снизу пополняетъ то, что̀ потребляется вверху. Повидимому, Винчи понялъ отчасти значеніе сердца, «этого могущественнѣйшаго изъ мускуловъ», и механизмъ кровообращенія: его рисунки деталей сердца внушаютъ эту мысль англійскому анатому Ноксу (Knox), хотя полнаго предвосхищенія Гарвея нельзя вычитать въ замѣткахъ Леонардо. Головной мозгъ есть о̀рганъ ощущенія и мысли. Чѣмъ совершеннѣе тѣ или другія чувства, тѣмъ болѣе развиты соотвѣтственные нервные центры. Винчи знаетъ о существованіи рефлективныхъ движеній: нервы дѣйствуютъ иногда сами собою, «безъ приказаній» или «безъ позволенія души»; въ примѣръ приводятся паралитики, непроизвольное трясеніе головы и конечностей, эпилепсія, явленія въ отрѣзанныхъ членахъ (напримѣръ, хвостахъ ящерицъ).—Особое вниманіе художника привлекаетъ процессъ зрѣнія; мы уже видѣли, какъ многое онъ зналъ или угадывалъ въ этой области, столь важной для живописца.

Отыскивая въ живомъ тѣлѣ механизмъ, стремясь разсмотрѣть матеріальную подкладку жизненныхъ явленій, Леонардо далекъ отъ той голой и наивной формы матеріализма, которая была бы мало сродна великому художнику. Его біологическія размышленія напоминаютъ тонкую научную организацію современныхъ Дарвиновъ и Гельмгольтцовъ. Въ глубинѣ этихъ размышленій сквозитъ своеобразная философія, проникнутая чувствомъ нераздѣльности вещественнаго и духовнаго. Мы видѣли, что въ мірѣ неорганическомъ квинтъэссенціей природы (quintessencia compagnia della natura) ему представляется *желаніе*. То же и въ природѣ живой. «Всякая часть имѣетъ стремленіе соединиться со своимъ цѣлымъ, чтобъ избѣжать своего несовершенства».—«Когда любящій соединяется съ любимымъ предметомъ, онъ удовлетворенъ; когда грузъ уравновѣшенъ, онъ отдыхаетъ» (quando l'amante è giunto all'amato, li si riposa; quando il peso è posato, li si riposa). «Животныя суть примѣры міровой жизни» (vita mondiale), «человѣкъ—

модель міра» (modello del mondo). Жизнь есть безсознательное стремленіе къ смерти; человѣкъ, самъ того не замѣчая, желаетъ смерти. Принципъ жизни не различается отъ принципа мысли. Душа есть творецъ тѣла. «Душа управляетъ тѣломъ,—та душа, которая составляетъ наше сужденіе, прежде чѣмъ оно стало собственно-нашимъ» (è quella, che fa il nostro giudizio, nianti sia il proprio giudizio nostro): душа шире, чѣмъ сознаніе...

Но мы не должны выходить за предѣлы нашей рамки: наша задача касалась науки въ тѣсномъ смыслѣ слова, и эта задача исчерпана.

X.

Мы показали, въ бѣгломъ очеркѣ, какъ представляются научныя познанія и стремленія Леонардо да-Винчи по его многочисленнымъ и еще не вполнѣ изслѣдованнымъ манускриптамъ, которые разсѣяны по музеямъ и библіотекамъ Италіи, Франціи, Англіи.

Уже въ самомъ началѣ очерка мы отмѣтили, чтò считаемъ за наиболѣе удивительную особенность нашего художника. Что его приковываетъ живая природа, ея формы и проявленія,—это, сравнительно, болѣе понятно: главное дѣло его жизни, пластическое искусство, неизбѣжно того требуетъ, а методы біологическихъ знаній, даже въ ихъ современномъ намъ развитіи, еще не кладутъ рѣзкой границы между наблюденіемъ художника и наблюденіемъ ученаго изслѣдователя. Мы уже замѣчали, что эти области науки съ успѣхомъ занимали великаго нѣмецкаго поэта нашего столѣтія. Болѣе существенная рознь между естествознаніемъ и тою психическою сферой, къ которой обращается искусство, сказывается тамъ, гдѣ дисциплина болѣе созрѣла, болѣе обособилась отъ остального вѣдѣнія, гдѣ она сознала необходимость и силу эксперимента (въ собственномъ смыслѣ слова) и математическаго анализа, и вооружилась этими двумя орудіями. Здѣсь, повидимому, открывается та пропасть между наукой и искусствомъ, къ которой примѣнимы слова Шиллера:

> Feindschaft sei zwischen euch! Noch kommt das Bündniss zu frühe;
> Wenn ihr im Suchen euch trennt, wird erst die Wahrheit erkannt.

Этотъ міръ абстракцій и «пытокъ» претилъ натурѣ Гёте, который смѣло отрицаетъ его права на существованіе. Этотъ міръ исчисленія и эксперимента не смущаетъ душу великаго итальянца: Винчи охотно распространяетъ компетенцію пріемовъ точнаго знанія на всѣ виды «міровой жизни». *Необходимость*, — эта «наставница» (maestra e tutrice) и «изобрѣтательная мощь» (inventrice) природы,—для него есть, въ то же время, высшая разумность и высшая справедливость. Признаніе въ живой природѣ *механизма,* подлежащаго изученію наравнѣ съ болѣе простыми механизмами, выходящими изъ рукъ человѣка, — не мѣшаетъ Винчи глазами художника созерцать сквозь механизмъ то, чтò лежитъ внѣ (или внутри?) этой механики. Тотъ «союзъ», который Шиллеру казался преждевременнымъ, былъ живымъ и доступнымъ идеаломъ для Леонардо.

Быть-можетъ, эта двойственность натуры, это стремленіе къ двумъ цѣлямъ во имя ихъ нераздѣльности, невыгодно отозвались на художественномъ творчествѣ Винчи со стороны количественной; думаю, что въ смыслѣ качества твореній ученый не повредилъ художнику. Идеалъ, имъ руководившій, безспорно нелегко доступенъ. Но припомнимъ еще разъ, въ какое время жилъ Леонардо,— время, когда наука, можно сказать, не существовала и нужно было ощупью и безъ руководства отыскивать ея неизвѣстные или забытые пути. Тѣ знанія, какія нынѣ вошли въ обиходъ начальной школы, едва мелькали въ умахъ немногихъ избранниковъ. И, однакожъ, сліяніе научныхъ и художественныхъ интересовъ даже въ эту раннюю и темную эпоху оказалось подъ силу хотя бы одному исключительно одаренному человѣку. Неужели оно теперь, на исходѣ XIX вѣка, вѣка науки и всеобщаго обученія, должно считаться все еще несвоевременнымъ или недостижимымъ?

Какъ бы то ни было, живое чувство необходимости этого сліянія проникаетъ всю дѣятельность нашего художника: вся она есть попытка совмѣстить духъ точнаго знанія съ даромъ творчества въ искусствѣ. Понимать, чтобы любить,— понимать, чтобы творить: таковъ его девизъ. «Художники, прежде всего изучайте науку!» Таковы подлинныя слова Леонардо, таковъ завѣтъ, вытекающій изо всей жизни творца *Джоконды* и *Тайной Вечери*.

А. Столѣтовъ.

Какъ и на какихъ началахъ достигла Англія всеобщаго обученія своего населенія *).

Едва ли я ошибусь, сказавъ, что опытъ всѣхъ европейскихъ народовъ въ настоящемъ столѣтіи неопровержимо доказалъ, какое важное значеніе имѣетъ государственная организація народнаго образованія. Безъ послѣдняго немыслимо ни правильное гражданское развитіе, ни благосостояніе, а именно эти двѣ задачи—благосостояніе и развитіе гражданственности—составляютъ первѣйшую характеристику культурныхъ народовъ. Д. С. Милль съ полнымъ основаніемъ говорилъ, что слабое развитіе общественныхъ и соціальныхъ чувствованій среди всѣхъ, а въ томъ числѣ и среди низшихъ классовъ населенія составляетъ отнюдь не неизбѣжное явленіе, а является прямымъ результатомъ несовершеннаго образованія. Теперь спорятъ объ якобы вредномъ вліяніи народнаго образованія только люди или сами необразованные, или тѣ, которые желаютъ своекорыстно пользоваться народнымъ невѣжествомъ. Укоренившееся сознаніе глубокой важности народнаго образованія почти повсемѣстно привело къ *государственной* организаціи этого дѣла. Только при такой постановкѣ дѣла, какъ показалъ опытъ, возможно осуществленіе двухъ основныхъ началъ правильной организаціи народнаго образованія, а именно—его *всеобщности* и *безплатности*. Если можно сказать, что сознаніе о необходимости народнаго образованія уже болѣе или менѣе укоренилось, то можно смѣло утверждать, въ то же время, что безконечные споры о томъ, кто и какъ долженъ да-

*) Настоящая статья составлена, главнымъ образомъ, на основаніи слѣдующихъ матеріаловъ: *Final Report of the Commissioners appointed to inquire into the Elementary Education Acts.* London, 1888; *Report of the Commissioner of Education for the year 1891—92*, Washington, 1894; *Mathew Arnold-Reports on Elementary Schools 1952—1882*; London, 1889; кромѣ того въ нашемъ распоряженіи была обширная брошюрная литература, вызванная послѣдними событіями въ Лондонской школьной Управѣ. Съ наибольшимъ безпристрастіемъ исторія борьбы, происходившей въ этой управѣ по поводу вопроса о религіозномъ обученіи, изложена E. Le Clerc въ его статьѣ: *Le combat religieux au School Board de Londres*, см. *Annales de L'Ecole Libre des sciences politiques*, 1895, № 2.

вать это образованіе, до сихъ поръ задерживаютъ успѣшное его развитіе. Въ этомъ отношеніи изученіе опыта другихъ странъ особенно полезно для насъ, русскихъ, гдѣ дѣло правильной постановки народнаго образованія, несмотря на во многихъ отношеніяхъ безпримѣрныя усилія земства, еще представляетъ поле, на которомъ надо работать и работать не переставая. Русскимъ земствамъ не достаетъ пока сильной и единой *государственной* помощи. Только участіе государства, *нравственное и юридическое,* выражающееся въ созданіи общаго закона по этому предмету для всей имперіи, и *матеріальное,* выражающееся въ пожертвованіи дополнительныхъ средствъ на дѣло народнаго образованія, можетъ сдѣлать грамотность всеобщею, не дожидаясь тѣхъ счастливыхъ временъ, когда народъ разбогатѣетъ. Народное образованіе составляетъ интересъ всеобщій и только при сильной нравственной и матеріальной помощи государства возможно поставить это дѣло надлежащимъ образомъ. Если, какъ выразился г. Вахтеровъ, «нашъ богато одаренный народъ еще до сихъ поръ остается до отчаянности невѣжественнымъ», то это во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ того, что до сихъ поръ государство почти не принимало участія въ этомъ дѣлѣ. Только сознавъ, что народное образованіе составляетъ интересъ всеобщій, только употребляя значительныя средства на это дѣло изъ общихъ государственныхъ средствъ, мы получимъ возможность устранить рѣшительно ту массу невѣжества, которая, находясь, безъ сомнѣнія, въ зависимости отъ общей бѣдности народа, въ то же время, не даетъ возможности что-нибудь сдѣлать для устраненія этой бѣдности. Извѣстный Н. А. Корфъ *) когда-то писалъ: «продлите невѣжество народа до тѣхъ поръ, пока наступитъ достатокъ! Но когда же прекратится бѣдность, если главный корень ея (мы сказали бы одинъ изъ важнѣйшихъ корней ея) именно въ невѣжествѣ народа, ведущемъ къ дурной обработкѣ почвы, къ неряшливости въ хозяйствѣ, пьянству, неустойчивости въ условіяхъ, нечестности въ торговлѣ, суевѣріямъ всякаго рода? Вы хотите уменьшить бѣдность, а противитесь школамъ; остается думать, что вы шутите...» И это злая шутка: сами крестьяне, пріобрѣтя грамотность и научившись пользоваться ею нѣкоторое время, начинаютъ понимать, какое могучее орудіе дается имъ въ руки знаніемъ. Увеличеніе матеріальнаго благосостоянія составляетъ основу государственной политики, но что можно сдѣлать безъ школы, безъ грамоты, безъ книги? Внесеніе въ государственную смѣту прошлаго года 3-хъ милліоновъ рублей на начальныя школы изъ общихъ имперскихъ средствъ служитъ для насъ лучшимъ доказательствомъ, что и въ Россіи укореняется сознаніе въ истинности того принципа, согласно которому народное образованіе—интересъ всеобщій. Остается только пожелать, чтобы эта ассигновка росла и распредѣлялась равномѣрно и непремѣнно по заслугамъ, по обнаруженнымъ результатамъ между всѣми органами, въ рукахъ которыхъ находится у насъ дѣло народнаго образованія. Какъ важно это государственное участіе, объ

*) См. *Русская народная школа.*

этомъ читатель получитъ возможность судить изъ всей нижеслѣдующей исторіи народнаго образованія въ Англіи, гдѣ правительство съ замѣчательною настойчивостью и справедливостью шло на помощь всѣмъ цѣлесообразнымъ усиліямъ для поднятія образованія, несмотря на такія затрудненія, о которыхъ у насъ не можетъ быть и рѣчи.

Всѣ знаютъ, что Англія—страна съ необычайною силой личной инициативы. Нигдѣ эта сила не находитъ столько свободы и простора, какъ здѣсь. Нигдѣ личная энергія не сдѣлала такъ много, а, между тѣмъ, опытъ и этой страны въ теченіе всего настоящаго вѣка показалъ, что частныя усилія личностей и даже мѣстныхъ общественныхъ органовъ не могутъ удачно выполнять того, ради чего, собственно говоря, и существуетъ государство,—этотъ верховный охранитель нашей личности, имущества и гражданскихъ правъ.

Крупные успѣхи въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія въ Англіи были достигнуты почти на нашихъ глазахъ, въ періодъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій, когда государство, отнюдь не устраняя частныхъ и земскихъ усилій, приняло на себя роль ихъ покровителя и возбудителя. Ранѣе всего въ Англіи, также какъ почти и во всѣхъ другихъ странахъ, на дѣло народнаго образованія обратило вниманіе духовенство. Но почти вплоть до періода Реформаціи обученіе, даваемое духовенствомъ, касалось не народа въ собственномъ смыслѣ, а только среднихъ его классовъ. Реформація принесла за собой организацію такъ называемыхъ «grammar schools», находившихся также въ рукахъ духовенства, стоившихъ вообще дешево и доступныхъ потому и бѣднѣйшимъ классамъ. Чтеніе Библіи и изученіе Закона Божія составляло главный предметъ занятій въ этихъ школахъ. Къ сожалѣнію, бѣднѣйшіе классы населенія были вскорѣ вытѣснены и изъ этихъ школъ болѣе платежеспособными средними классами. Фактически народъ оставался, такимъ образомъ, почти вплоть до конца прошлаго вѣка безъ образованія. Одни только государственные законы Елизаветы и друг. королей объ ученичествѣ обусловливали собою то, что хотя народъ и оставался въ полномъ невѣжествѣ относительно Закона Божія и всего, получаемаго при посредствѣ грамотности, но все же почти *принудительно* обучался какому-нибудь мастерству.

Духовенство въ Англіи очень поздно обратило вниманіе на этотъ коренной недостатокъ народнаго образованія: малодоступность обученія бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Оно охотно давало обученіе тѣмъ, кто въ состояніи былъ вознаградить учителя за труды, и мало заботилось о томъ, чтобы образованіе проникало въ самые глубокіе и наиболѣе невѣжественные слои населенія. Только въ 1699 г. было впервые основано для большаго распространенія грамотности нѣкоторыми изъ видныхъ представителей англиканской церкви «общество распространенія христіанскихъ знаній». Число основанныхъ этимъ обществомъ школъ было, однако, очень не велико. Въ 1782 году была организована Робертомъ Рэзомъ первая воскресная школа въ Англіи. Съ конца XVIII вѣка въ духовныхъ сферахъ

начинаетъ замѣтно пробуждаться больше энергіи въ дѣлѣ народнаго образованія, и это вызывается прямою необходимостью бороться съ развивающимся стремленіемъ къ отпаденію отъ англиканской церкви и къ образованію различныхъ сектъ. Іосифъ Ланкастеръ, диссидентъ или, какъ говорятъ въ Англіи, нонконформистъ, отпавшій отъ англиканской церкви, первый основалъ въ 1809 г. такъ называемое «британское и международное общество народнаго образованія». Общество сразу обнаружило много дѣятельности и опасность потерять вліяніе побудила англиканское духовенство основать, въ противовѣсъ ему, «національное общество народнаго образованія» въ 1811 г., во главѣ котораго сталъ Белль. Съ исторіей этихъ двухъ обществъ и была затѣмъ связана на долгое время впередъ исторія народнаго образованія въ Англіи.

Какъ поздно духовенство взялось за дѣло, можно судить по тому, что въ 1802 г. само правительство уже сознало свою обязанность обратить вниманіе на эту сторону народной жизни. Въ этомъ году, по почину министра Роберта Пиля, былъ проведенъ чрезъ парламентъ билль, согласно которому дѣти, работающіе на фабрикахъ, *обязательно* въ теченіе нѣкоторой части рабочаго дня должны были учиться чтенію, письму и ариѳметикѣ. Въ 1807 г. членъ парламента Вайтбредъ, исходя изъ данныхъ, свидѣтельствовавшихъ о полной ненормальности въ положеніи народнаго образованія, внесъ предложеніе *повсемѣстно* организовать приходскія школы за счетъ *налога,* собираемаго при посредствѣ мѣстныхъ «вестри» (vestry), т.-е. за счетъ той мѣстной единицы, которая несла и несетъ понынѣ налоги на содержаніе общественнаго призрѣнія. Парламентъ далъ свое согласіе на это предложеніе, но оно было отвергнуто палатой лордовъ. На памяти у всѣхъ еще было живо воспоминаніе о бурѣ, совершенной французскою революціей, и благородные лорды усмотрѣли въ этомъ предложеніи опасныя тенденціи: желаніе передать дѣло народнаго образованія изъ рукъ духовенства гражданскимъ властямъ и сдѣлать его совершенно свѣтскимъ. Затѣмъ, только въ 1816 г., парламентъ рѣшился вновь образовать особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ лорда Брума, для изслѣдованія положенія народнаго образованія. Комитетъ призналъ, что очень значительное число дѣтей бѣднаго класса совершенно остается безъ образованія, а сильно умножившіяся пожертвованія (endowments) на это дѣло очень часто употребляются недобросовѣстно и для другихъ цѣлей. Въ 1820 г. снова, уже самимъ лордомъ Брумомъ, было внесено предложеніе организовать народное образованіе за счетъ мѣстнаго налога, назначеніе и распредѣленіе котораго проектъ Брума предоставлялъ четвертнымъ съѣздамъ мировыхъ судей. Согласно предложенію Брума, однако, всякій учитель долженъ былъ принадлежать къ англиканской церкви, а свидѣтельство въ благонадежности, выдаваемое мѣстнымъ священникомъ, должно было служить необходимымъ условіемъ замѣщенія вакансіи. Правда, въ программу преподаванія Закона Божія лордъ Брумъ вносилъ только чтеніе Библіи съ объясненіями, но не катехизисъ; диссиденты истолковали этотъ проектъ въ томъ смыслѣ,

что онъ передаетъ все дѣло народнаго образованія въ руки англиканской церкви, которая позже другихъ занялась этимъ дѣломъ. Проектъ былъ отвергнутъ, и борьба различныхъ религіозныхъ оттѣнковъ за преобладаніе привела правительство къ убѣжденію, что государство должно совершенно устраниться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія, предоставивъ его всецѣло частнымъ усиліямъ различныхъ церквей и ихъ умѣнію собирать на это дѣло деньги, какъ чрезъ пожертвованія частныхъ лицъ, такъ и чрезъ непосредственную плату родителей за воспитаніе ихъ дѣтей. Вплоть до 1832 г. государство не сдѣлало ровно ничего на пользу народнаго образованія и всѣ данныя говорятъ за то, что положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ было очень плачевно. Сверхъ всякихъ ожиданій, въ 1832 г. парламентарный бюджетный комитетъ назначилъ на поддержку существующихъ школъ 20 т. фунт. стерл., разрѣшивъ выдавать субсидіи (grant) лишь тѣмъ школамъ, половина расходовъ на которыя собирается изъ доброхотныхъ пожертвованій и которыя согласятся давать отчеты о своей дѣятельности. Назначеніе этой субсидіи было первою робкою попыткой со стороны государства вмѣшаться въ дѣло народнаго образованія. По принципу этотъ починъ составлялъ очень важный шагъ, но практически раздача субсидій въ этомъ видѣ не могла, конечно, принести много пользы. Фактическаго контроля за школами не существовало. Въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ субсидія раздавалась школамъ, которыя зачастую не могли удовлетворять самымъ элементарнымъ требованіямъ по части обстановки и преподаванія, а нерѣдко даже и не имѣли учениковъ. Послѣдніе только значились въ спискахъ, но о существованіи самой школы даже не знали. Нежеланіе растрачивать даромъ общественныя деньги привело въ 1839 г. къ образованію департамента народнаго просвѣщенія, которому немедленно же было предоставлено право назначать инспекторовъ за школами. Въ то же время была, уже отчасти по инииціативѣ самого департамента, произведена попытка выработать типъ «нормальной школы», подъ которой понималась такая, гдѣ въ основу положено изученіе Закона Божія, преподаваніе котораго совершается на христіанскихъ началахъ, общихъ всѣмъ разнообразнымъ сектамъ Англіи. Такая попытка не удалась и вызвала только сильное раздраженіе въ разныхъ духовныхъ кругахъ. Тогда департаментъ просвѣщенія, дѣйствовавшій вплоть до 1858 года почти внѣ контроля парламента, по собственной инииціативѣ создалъ новыя правила для раздачи субсидій. Правительственная субсидія выдавалась по прежнему лишь школамъ, такъ или иначе связаннымъ съ однимъ изъ двухъ указанныхъ религіозныхъ обществъ распространенія народнаго образованія; только впослѣдствіи правительство стало давать субсидіи школамъ, основаннымъ католическимъ обществомъ (Catholic School Committee). Чтеніе Библіи должно было считаться обязательнымъ во всякой школѣ, но она могла получать субсидію лишь тогда, если принимала на себя обязанность руководствоваться такъ называемой «conscience clause»; согласно этой статьѣ, обезпечивавшей свободу совѣсти, школьныя власти должны были предоставлять право роди-

телямъ, держащимся какихъ-нибудь отличныхъ отъ преподаваемыхъ въ школѣ религіозныхъ ученій, устранять своихъ дѣтей отъ обученія катехизису и всѣмъ ученіямъ, съ которыми родительская совѣсть не соглашается. Инспекторамъ вмѣнено, однако, въ прямую обязанность обращать вниманіе на религіозное обученіе, а назначеніе учителей совершалось не иначе, какъ съ согласія примаса англиканской церкви и правленія британскаго общества, которое стояло во главѣ диссидентовъ. Первоначально правительственную субсидію разрѣшалось тратить только на содержаніе школъ, впослѣдствіи на обзаведеніе, и притомъ не только въ самыхъ школахъ, но и въ учительскихъ домахъ, а въ концѣ концовъ и на добавочное вознагражденіе учителей, за обученіе учениковъ, подготовляющихся къ преподавательской дѣятельности.

На такихъ началахъ установленная правительствомъ система субсидій держалась сравнительно очень долгое время, а именно: съ 1832 по 1858 годъ. Правительственная субсидія росла съ каждымъ годомъ. Въ 1839 г. она была уже 30.000 ф. ст., въ 1849 г.—125.000 и въ 1859 г.—836.000 ф. ст. *). Между тѣмъ наибольшее число отчетовъ инспекторовъ показывало, что, несмотря на все возрастающія затраты правительства, въ общемъ школьное дѣло поставлено весьма неудовлетворительно. Количество учениковъ было незначительно, успѣхи ихъ слабы. Въ 1846 г. въ школахъ національнаго общества училось лишь 900 тыс. дѣтей, въ школахъ британскаго общества не болѣе 200 т., а веслеянскихъ около 40 т. По отчету за 1846 г. одного изъ выдающихся инспекторовъ обширнаго мидландскаго округа оказывалось, что только одинъ ученикъ изъ шести могъ сносно читать Священное Писаніе и только одинъ изъ 4-хъ могъ читать гражданское письмо исправно, хотя бы только механически и не усвоивая себѣ смысла прочитаннаго. Конференція по народному образованію, созванная въ это время подъ предсѣдательствомъ принца-супруга, показала, кромѣ того, что повсемѣстно недоставало двухъ существеннѣйшихъ условій правильнаго преподаванія: a) подготовленнаго и организованнаго штата учителей и b) регулярности въ посѣщеніи школъ.

Въ этотъ періодъ въ Англіи была въ особенномъ распространеніи такъ называемая «мониторіальная система преподаванія» (monitorial system), которая была простымъ перенесеніемъ на англійскую почву такъ называемой во Франціи и Бельгіи «système mutuel». Первые творцы народнаго образованія въ Англіи—Белль и Ланкастеръ ввели эту систему вслѣдствіе необыкновенной ея дешевизны и быстроты, съ которою можно при ней уве-

---

*) Весьма любопытенъ подсчетъ затратъ правительства по статьямъ расходовъ съ 1839 по 1860 г., сдѣланный коммиссіей 1888 г. Расходы совершались по слѣдующимъ 5-ти главнымъ статьямъ: a) постройка, поправка, расширеніе и снабженіе школъ поглотили 1.047 т. ф. ст., b) платежъ стипендій на содержаніе учителей-учениковъ и вознагражденіе за ихъ обученіе—1.487 т. ф. ст., c) на увеличеніе жалованья учителей и учительницъ—430 т. ф. ст., d) субсидіи учительскимъ семинаріямъ—417 т. ф. ст., e) школьная инспекція—355 т. ф. ст.

личивать число учениковъ. Система заключалась въ томъ, что главный учитель выбиралъ изъ состава своихъ учениковъ нѣсколько болѣе зрѣлыхъ и способныхъ и съ особымъ стараніемъ занимался съ ними съ 8 до 10 час. утра. Въ десять часовъ школа открывалась для другихъ учениковъ и «мониторы», т.-е. привиллегированные ученики, съ которыми занятія совершались съ 8 до 10 ч. утра, должны были вдолбить только что выученное въ головы своихъ товарищей. Нѣтъ надобности и говорить, что подобные учителя не могли ничему научить какъ слѣдуетъ, Учителя боялись давать имъ въ руки даже учебники и они должны были повторять буквально то, чему едва успѣли научить ихъ самихъ. Мониторіальная система была очень дешева, и правительство не рѣшилось круто порвать съ нею; со свойственнымъ англичанамъ прогрессивнымъ консерватизмомъ они выработали изъ этой мониторіальной системы такъ называемую system of pupil-reachers, систему учениковъ-учителей, но съ болѣе высокимъ уровнемъ подготовки. Съ 1846 г. департаментъ народнаго образованія предписалъ инспекторамъ предоставлять право на полученіе правительственной субсидіи только тѣмъ школамъ, гдѣ учитель дѣйствительно является способнымъ подготовлять преподавателей изъ своихъ учениковъ. Эти послѣдніе не могли быть моложе 13-лѣтняго возраста, должны были дать подписку, что въ теченіе 5 лѣтъ будутъ готовиться къ учительскому званію, подвергаясь ежегодно въ теченіе этого времени экзамену все болѣе возрастающей трудности. Выполняя эти условія, pupil-teacher получалъ право на вознагражденіе отъ правительства въ размѣрѣ 10 ф. въ первый годъ и 20 ф. ст. въ послѣдній *); кромѣ того по окончаніи 5 лѣтъ обученія эти ученики могли быть избираемы по конкурсу для поступленія въ учительскую семинарію на три года съ вознагражденіемъ отъ правительства за ихъ содержаніе въ ней въ размѣрѣ 20 ф. ст. въ первый годъ, 25 ф.—во второй и 30 ф. ст.—въ третій. Значительное число учительскихъ семинарій возникло послѣ принятія этой мѣры. Почти всѣ онѣ были учреждены разными религіозными обществами, и правительственный надзоръ за ними заключался лишь въ производствѣ выпускныхъ экзаменовъ и въ выдачѣ успѣшно выдержавшимъ въ нихъ ученикамъ правительственныхъ цертификатовъ на право занятія должностей въ народныхъ школахъ. Съ 1853 г. правительство пошло еще далѣе. Желая сдѣлать болѣе постояннымъ число совершаемыхъ учениками посѣщеній школы, департаментъ просвѣщенія ввелъ, помимо субсидіи, еще такъ называемую «capitation grant»—поголовную доплату. Правительство принимало на себя обязанность платить нѣкоторую сумму школѣ за каждаго ученика, который сдѣлалъ не менѣе 176 посѣщеній въ годъ, считая по 2 раза въ день за одно посѣщеніе.

Несмотря на всѣ эти мѣропріятія, какъ мы видѣли, конференція 1856 г. пришла къ весьма не утѣшительнымъ выводамъ относительно положенія на-

*) Учителя чрезъ посредство завѣдующихъ школой получали за свои труды отъ правительства особое добавочное вознагражденіе.

роднаго образованія. Правда, составъ преподавателей былъ улучшенъ, число ученическихъ посѣщеній возросло, но среди завѣдующихъ школами обнаруживалась скорѣе погоня за правительственною субсидіей, чѣмъ истинный интересъ къ дѣлу. Обученіе зачастую было недостаточно, списки фиктивны, а нерѣдко школы, какъ возможный источникъ полученія правительственной субсидіи, даже отдавались въ аренду предпріимчивымъ людямъ,—явленіе небывалое въ другихъ странахъ Европы *). Около 42% учениковъ, какъ показала эта конференція, посѣщали школу не болѣе года, 22% отъ года до двухъ, 15%—менѣе 3хъ, 9% менѣе—4-хъ, 5%—менѣе 6 лѣтъ. Только 1 ребенокъ изъ 8 дѣтей школьнаго возраста находился въ школѣ; около 1 м. 600 т. дѣтей находились въ школахъ, подлежащихъ правительственной инспекціи, но относительно 800.000 учащихся дѣтей правительство не имѣло никакихъ свѣдѣній. Вообще только объ одномъ изъ 20 учащихся въ народныхъ школахъ правительство могло имѣть кое-какія свѣдѣнія о родѣ получаемаго обученія; по словамъ всѣхъ инспекторовъ только 1/6 всѣхъ поступившихъ въ школу дѣтей достигала высшихъ классовъ и считалась инспекторами надлежаще обученной. Выдача крупныхъ учительскихъ стипендій повела къ сильному наплыву на эти вакансіи самыхъ неподходящихъ элементовъ, а львиная доля поголовной доплаты попадала въ руки наиболѣе богатыхъ мѣстностей, гдѣ населеніе, болѣе зажиточное, охотно посылало дѣтей въ школы и умѣло само оплачивать труды учителей. Организаторы школъ въ такихъ мѣстностяхъ получали, такимъ образомъ, двойное вознагражденіе за свои труды. Въ бѣдныхъ мѣстностяхъ находилось мало охотниковъ устраивать школы, а потому и правительственная субсидія сюда мало попадала. Организація и починъ въ открытіи школъ были всецѣло предоставлены частной иниціативѣ; естественно послѣдняя искала болѣе выгодныхъ мѣстъ для приложенія своей энергіи, не озабочиваясь много обще-государственными соображеніями.

Таковы были неутѣшительные выводы, къ которымъ къ 1858 г. пришло правительство, отдававшее значительныя суммы денегъ почти безконтрольно въ руки различныхъ духовныхъ обществъ. При такихъ обстоятельствахъ правительство съ 1860 г. рѣшилось на полное преобразованіе раздачи субсидій. Вице-президентъ департамента просвѣщенія, мистеръ Лоу, выразилъ ясно желаніе правительства: «если обученіе плохо,—говорилъ онъ,—то оно должно быть по крайней мѣрѣ дешево». Съ 1861 г. и вступилъ въ силу новый кодексъ (Revised Code) правительственной регламентаціи школьнаго **) дѣла, основанія котораго вкратцѣ сводились къ слѣдующимъ положеніямъ. а) Правительственная субсидія вручается не непосредственно учителямъ

*) Такъ называемое farming of schools.

**) Школьное дѣло въ Англіи всегда руководствуется особыми кодексами, которые въ видѣ опредѣленныхъ школьныхъ законовъ проводятся чрезъ парламентъ. Въ предѣлахъ установленныхъ законовъ всякое министерство, однако, въ правѣ на каждый годъ давать особыя инструкціи инспекторамъ, которыя также называются кодексомъ (Code).

чрезъ завѣдующихъ школою, а самимъ завѣдующимъ. Этою мѣрой правительство желало поставить учителей въ совершенно договорныя отношенія съ завѣдующими и тѣмъ усилить власть послѣднихъ. b) Школа, получающая субсидію, должна непремѣнно имѣть дипломированнаго или имѣющаго удостовѣреніе отъ правительства учителя *) и помѣщеніе, одобренное правительственнымъ инспекторомъ. c) Обучающіяся дѣти должны непремѣнно совершить назначенное число посѣщеній, и наконецъ, что всего важнѣе, правительственная субсидія выдавалась не иначе, какъ по обнаруженнымъ школой на экзаменахъ *результатамъ*. Эта система получила названіе payment by results», т.-е. выдача субсидій по результатамъ, обнаруженнымъ школой. Субсидія выдавалась такъ: въ среднемъ 4 шиллинга на каждаго ребенка, правильно посѣщающаго школу (по 1 пенсу на каждое свыше 100 посѣщеній, $^1/_3$ этихъ денегъ удерживалась въ случаѣ невыдержанія одного изъ основныхъ предметовъ) и по 2 ш. 8 пенс. за каждаго же сдавшаго удовлетворительно экзаменъ по тремъ основнымъ предметамъ: чтенію, письму и ариѳметикѣ. Для производства экзаменовъ выработаны опредѣленные штандарты (standards) или классныя требованія. Правительственнымъ инспекторамъ даны умѣренныя, но твердыя инструкціи разумно требовать надлежащихъ знаній отъ дѣтей. Этотъ новый или такъ называемый пересмотрѣнный кодексъ (Revised Code) вызвалъ бурю негодованія въ духовныхъ сферахъ. Чего только ни говорилось противъ него; пересмотрѣнный кодексъ упрекали въ механичности сужденія объ успѣхахъ по штандартамъ, въ отсутствіи платежей за религіозное обученіе и проч. Какъ бы то ни было, но созданіе Лоу было первою серьезною государственною мѣрой. На завѣдующихъ была возложена отвѣтственность за получаемыя деньги, а назначеніе учителей стало зависѣть отъ диплома правительства (а не отъ воли духовныхъ властей). Послѣдствія этой мѣры сказались съ необычайною силой. Число посѣщеній въ школахъ возросло въ громадной пропорціи — съ 803 тыс. въ 1860 году, до 1.048 въ 1868 году, а, между тѣмъ вознагражденіе школъ, согласно результатамъ экзаменовъ каждаго учащагося ребенка въ отдѣльности, оказало свое вліяніе: за то же время субсидія правительства пала съ 724 тыс. фунт. стерл. до 649. Недостатки добровольной системы организаціи сказались послѣ введенія этого кодекса въ жизнь необыкновенно рельефно. Открытіе школъ принадлежало личной инициативѣ; естественно, что она оказывала ихъ только тамъ, гдѣ это было выгодно, гдѣ можно было собрать больше денегъ пожертвованіями и платами родителей. Въ бѣдныхъ мѣстностяхъ школы отсутствовали или существовали съ весьма ничтожнымъ учительскимъ персоналомъ. Недоставало *публичной* власти, которая могла открывать школы тамъ, гдѣ это было нужно. Правительство, одна-

*) Впослѣдствіи для неимѣющихъ свидѣтельствъ учителей, въ видахъ увеличенія учебнаго персонала, введены особыя правительственные экзамены, по выдержаніи которыхъ можно было мѣсто получить и безъ свидѣтельства.

ко, медлило. Въ 1867 г. для возбужденія личной иниціативы введена новая доплата въ 1 шил. 4 пенса за каждый выдержанный экзаменъ, но общая сумма субсидіи за весь классъ не могла быть выше 8 фунтовъ, и притомъ эта доплата выдавалась лишь въ томъ случаѣ, если число учителей выше средняго, 20% всѣхъ учениковъ экзаменуется свыше 4 штандарта и въ школѣ преподается одинъ изъ спеціальныхъ предметовъ кромѣ основныхъ. Энергія частныхъ лицъ нѣсколько усилилась. Въ 1869 г. Англія имѣла школъ уже для 2 мил. жителей (вдвое болѣе сравнительно съ 1859 г.), въ нихъ воспитывалось 1.300,000 дѣтей, стоило народное образованіе около 1.000,000 ф. ст.; $^1/_3$ этой суммы погашалась платами родителей, $^1/_3$—правительственною субсидіей и $^1/_3$—добровольными пожертвованіями. При такихъ условіяхъ былъ изданъ, наконецъ, знаменитый актъ Форстера, который впервые сдѣлалъ въ Англіи народное образованіе вполнѣ государственнымъ дѣломъ. На всей послѣдующей исторіи школьнаго дѣла мы и должны теперь сосредоточить вниманіе читателя.

II.

Какъ и всякая другая правительственная мѣра въ Англіи, актъ Форстера былъ задолго подготовленъ среди общественнаго мнѣнія всякаго рода толками, спорами, агитаціей, но главнымъ образомъ дѣятельностью возникшей въ Бирмингамѣ «образовательной лиги» (Educational Ligue). Это общество рѣшилось добиваться религіознаго, но не сектантскаго народнаго элементарнаго образованія, безплатнаго для всѣхъ и организованнаго за счетъ мѣстнаго налога, а не на добровольныя приношенія. Только на нашихъ глазахъ пожеланія его въ значительной мѣрѣ осуществились. Для этого, однако, потребовалось около 20 лѣтъ. Актъ Форстера 1871 г. началъ дѣло, сдѣлалъ школьное дѣло, дѣломъ общественнымъ и поставилъ школѣ чисто-государственныя требованія, актъ же 1891 г. окончательно сдѣлалъ народное образованіе всеобщимъ и безплатнымъ.

Форстеръ, внося новый проектъ школьнаго закона въ парламентъ, въ своей вступительной рѣчи сказалъ, что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія устранить добровольныхъ усилій въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. По его словамъ, новый законъ исходитъ изъ того положенія, что народное образованіе является важнѣйшимъ общественнымъ дѣломъ, а потому призываетъ *общественныя власти* на помощь добровольнымъ усиліямъ, а тамъ, гдѣ послѣднихъ нѣтъ, становится на ихъ мѣсто. Законъ считаетъ религіозное обученіе основой нравственнаго обученія, но стремится избѣгать обученія въ духѣ секты. Такимъ образомъ актъ Форстера по существу во всѣхъ отношеніяхъ являлся компромиссомъ; на этихъ началахъ законодательство удерживается и до настоящаго времени, хотя, какъ увидимъ, проведеніе въ жизнь этого компромисса не оказывается столь легкимъ, какъ это, быть можетъ, казалось Форстеру.

Согласно акту Форстера, вся Англія была подѣлена на школьные округа,

совпадающіе обыкновенно съ городскою чертой. Всякій сельскій приходъ, не входящій въ составъ городскаго поселенія, также составляетъ особый школьный округъ. Школьные округа бываетъ двухъ родовъ. Округа, гдѣ дѣйствуетъ: a) школьное бюро или управа (School Board) и b) школьный комитетъ (School Attendance Committee). Школьная управа возникаетъ только тамъ, гдѣ добровольная организація народнаго обученія признана недостаточной. Возникаетъ эта школьная управа или по почину департамента народнаго просвѣщенія, замѣчающаго неудовлетворительное положеніе обученія, или по почину мѣстныхъ жителей, обращающихся въ городахъ чрезъ городской совѣтъ за ордеромъ по этому предмету къ департаменту; въ сельскихъ мѣстностяхъ право потребовать образованія школьной управы принадлежитъ собранію плательщиковъ налога въ пользу бѣдныхъ. Смотритель за бѣдными долженъ созвать для образованія школьной управы такое собраніе, если 50 плательщиковъ налога въ пользу бѣдныхъ выразятъ желаніе имѣть школьную управу. Число членовъ школьной управы бываетъ отъ 5 до 15, но можетъ быть и увеличено съ согласія департамента просвѣщенія. Выборы школьной управы совершаются закрытой подачей голосовъ; въ нихъ учавствуютъ наравнѣ мужчины и женщины, а голосованіе организовано на началахъ такъ называемаго «comulative voting», т.-е. всякое голосующее лицо имѣетъ столько же голосовъ, сколько кандидатовъ приходится избрать и можетъ отдать свои голоса или одному кандидату, или подѣлить ихъ между любымъ ихъ числомъ. Обыкновенно, если департаментъ просвѣщенія замѣчаетъ, что добровольныя усилія не приводятъ народнаго обученія въ должный порядокъ, онъ назначаетъ шестимѣсячный срокъ для улучшенія дѣла; въ случаѣ неуспѣха, eo ipso, школьная управа должна быть выбрана. Школьная управа, дѣйствующая неуспѣшно, можетъ быть распущена департаментомъ просвѣщенія, который въ этомъ случаѣ назначаетъ новые выборы. Въ руки этой управы и переходитъ съ момента ея избранія все школьное дѣло; она заботится объ открытіи достаточнаго количества школъ, объ ихъ обзаведеніи, о программахъ преподаванія, о наблюденіи за регулярностью посѣщенія и за разумностью преподаванія. Обыкновенно завѣдываніе каждой школой вручается тремъ попечителямъ, которые назначаются и увольняются школьной управой. Эта же управа назначаетъ размѣръ школьнаго налога, который взимается сборщиками налога въ пользу бѣдныхъ, какъ его дополненіе съ оцѣночной суммы въ видѣ опредѣленнаго количества пенсовъ съ каждаго облагаемаго фунта стерлинговъ.

Тамъ, гдѣ добровольныя усилія достаточно обезпечиваютъ народное обученіе, мѣсто школьной управы занимаетъ такъ называемое School Attendance Committee—школьный комитетъ, избираемый въ городахъ городскимъ совѣтомъ, въ сельскихъ округахъ—надзирателями за бѣдными изъ своего состава. Если извѣстный санитарный округъ состоитъ изъ приходовъ съ добровольной организаціей, то школьный комитетъ назначается его вла-

стями *). Самый характеръ избранія школьныхъ комитетовъ уже показываетъ, что въ нихъ замѣчается преобладаніе менѣе демократическихъ элементовъ, чѣмъ въ школьныхъ управахъ. И дѣйствительно, духовенство и консервативная партія считаютъ мѣстности съ добровольной организаціей народнаго образованія своимъ оплотомъ.

Второе начало, которое Форстеръ положилъ въ основу своего акта и которое удержалось и по настоящее время, заключается въ такъ назыв. «Conscience» или «Cowper-Temple clause». Сущность этой статьи, обезпечивающей свободу совѣсти гражданъ и ихъ дѣтей, заключается въ томъ, *во-первыхъ*, что ни одинъ школьный учитель не имѣетъ права преподавать катехизиса какой бы то ни было церкви, или собранія ея правилъ, стараясь при преподаваніи закона Божія оставаться на общей христіанской почвѣ, и, *во-вторыхъ*, каждая школа должна имѣть росписаніе занятій, одобренное департаментомъ просвѣщенія, причемъ религіозное обученіе должно быть даваемо въ началѣ или концѣ уроковъ, чтобы родители безъ помѣхъ могли не допускать своихъ дѣтей до посѣщенія его.

Послѣдующее законодательство, какъ мы уже сказали, сохранило эти основныя начала, но пошло далѣе, сдѣлавъ обученіе всеобщимъ и безплатнымъ.

Окончательно всеобщность обученія достигнута актомъ 1891 г. Первоначально актъ Форстера 1871 г. предоставлялъ *лишь* школьнымъ управамъ дѣлать или не дѣлать обязательнымъ посѣщеніе школъ **). Актъ 25 марта 1891 г. сдѣлалъ *принудительное* посѣщеніе школъ общимъ началомъ для всей страны, какъ бы обученіе ни было организовано, на добровольныхъ

---

*) Изъ 781 школьнаго комитета 131 назначены городскими совѣтами, 578—надзирателями за бѣдными, 72 санитарными властями (1893 г.).

**) Дальнѣйшее развитіе актъ Форстера получилъ въ актѣ 1876 г., который былъ проведенъ лордомъ Сандономъ. Въ этомъ актѣ была впервые признана обязанность родителей давать обученіе своимъ дѣтямъ и введены штрафы; родители обязаны, говоритъ одна изъ статей этого акта, давать своимъ дѣтямъ элементарное обученіе въ чтеніи, письмѣ и ариѳметикѣ; не исполняющіе этой обязанности подлежатъ такимъ-то штрафамъ и проч. Этотъ актъ, дополняя актъ Форстера, вводилъ не прямымъ, а лишь косвеннымъ образомъ принудительность посѣщенія школъ, а именно: возможность поступленія въ разрядъ рабочихъ обусловливалась необходимостью (qualification for employment) достичь извѣстнаго возраста и совершить опредѣленное число посѣщеній школы. Актъ воспрещалъ поступленіе въ разрядъ рабочихъ всѣмъ дѣтямъ до 10 лѣтъ; дѣти отъ 10 до 14 л. могли поступить въ разрядъ рабочихъ, лишь обладая свидѣтельствомъ о выдержаніи экзамена по 4-му классному требованію; актъ Сандона, однако, принималъ во вниманіе и то, что многія дѣти, по тѣмъ или инымъ причинамъ, могли не выдержать этого экзамена; такія дѣти до 14-лѣтняго возраста могли поступить въ разрядъ рабочихъ только тогда, если имѣли свидѣтельство, что въ теченіе 5 лѣтъ послѣ наступленія пятилѣтняго возраста они дѣлали ежегодно не менѣе 250 посѣщеній и притомъ не болѣе, какъ въ 2 школахъ въ одинъ и тотъ же годъ. Согласно тому же акту, любыя школьныя власти могли дѣлать посѣщенія школъ обязательнымъ. Только въ 1880 г. актомъ Мунделлы всѣмъ школьнымъ властямъ вмѣнено въ обязанность дѣлать посѣщеніе школъ принудительнымъ.

началахъ, или чрезъ посредство школьныхъ управъ. Всякое дитя, согласно этому закону, отъ 5 и до 13 лѣтъ должно посѣщать школу, признаваемую правительствомъ удовлетворительной, во все время, когда такая школа бываетъ открыта для обязательныхъ занятій; при этомъ допущены, впрочемъ, слѣдующія льготы. Учащіеся въ возрастѣ отъ 10 и 13 л. могутъ дѣлать не болѣе 5 посѣщеній школы каждую недѣлю, если школьныя власти получатъ доказательство въ томъ, что они необходимо и съ пользой для себя заняты какимъ-нибудь трудомъ или имѣютъ удостовѣренное школьнымъ инспекторомъ свидѣтельство о выдержаніи экзамена по 4-му штандарту; если лицо этого возраста имѣетъ свидѣтельство о выдержаніи экзамена по 6-му штандарту, оно можетъ не посѣщать школы совсѣмъ. Несовершеннолѣтніе между 13 и 14 г. не могутъ быть приняты ни на какую работу, если не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи экзамена по 4-му штандарту или о томъ, что они сдѣлали не менѣе 250 посѣщеній школы ежегодно за каждыя предшествовавшія пять лѣтъ. Предприниматели подвергаются за наемъ такихъ дѣтей штрафу въ 40 шил., родители по 5 шил. за каждое нарушеніе закона.

Бѣдность не служитъ причиной невозможности посѣщать школу. Только три слѣдующихъ обстоятельства принимаются, какъ оправданіе для непосѣщающаго школу: a) доказательство, что дитя получаетъ соотвѣтственное образованіе въ другомъ мѣстѣ, b) болѣзнь или непредвидѣнныя обстоятельства и c) отсутствіе школы на разстояніи 2 миль отъ мѣста жительства ребенка. Нарушеніе закона на первый разъ (а иногда и во второй разъ) влечетъ за собой вызовъ родителей для объясненія со школьными властями; въ случаѣ упорнаго неповиновенія, школьныя власти обращаются къ мировымъ судьямъ, которые могутъ наложить штрафъ по 5 шил. за каждое неповиновеніе или составить опредѣленіе объ отдачѣ ребенка въ одну изъ промысловыхъ школъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Чтобы окончить изложеніе законодательныхъ постановленій, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о законѣ 1891 года, который *практически* сдѣлалъ элементарное обученіе безплатнымъ. Радикальная партія уже при изданіи акта Форстера требовала, чтобъ обученіе было вполнѣ безплатно. Осуществить это казалось невозможнымъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствовала добровольная организація, получавшая $^1/_3$ своего дохода изъ платъ родителей. Опытъ показалъ, что плата школьныхъ денегъ составляетъ серьезное обремененіе для бѣдныхъ родителей, а, между тѣмъ, даже школьныя управы почти не воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ дѣлать обученіе безплатнымъ. Тогда правительство рѣшилось производить особый добавочный платежъ въ 10 шил. за каждаго ребенка въ тѣхъ школахъ ежегодно, гдѣ не будетъ производиться взиманіе платы за ученіе отъ родителей. Въ результатѣ обученіе стало практически-безплатнымъ и плата удержалась только въ школахъ особенно дорогихъ, а именно въ тѣхъ, гдѣ она значительно превышала 10 шиллинговъ въ годъ за ребенка. Число такихъ школъ совершенно ничтожно. Слѣдуетъ помнить, что, согласно акту Форстера, плата родителей въ обык-

новенныхъ народныхъ школахъ не могла быть болѣе 9 пенсовъ въ недѣлю. Въ 1892 г., т.-е. черезъ годъ послѣ изданія акта 1891 г., отъ взиманія платы сразу отказалось болѣе 68% всѣхъ школъ. Число учениковъ въ тотъ же годъ благодаря этой мѣрѣ, возросло на 6,9%, для дѣтей до семи лѣтъ и на 2,13% для дѣтей старшаго возроста. Средняя посѣщаемость школъ возросла на 3,22%. Эти наблюденія окончательно побѣдили всѣ возраженія противъ безплатности обученія въ народныхъ школахъ, какъ объ основномъ государственномъ принципѣ. На англійской почвѣ этотъ принципъ подвергался самымъ разнообразнымъ обсужденіямъ. Самъ творецъ акта 1870 г. былъ первое время противъ него. Извѣстный Гербертъ Спенсеръ въ своей *Соціальной статикѣ* рѣзко отзывался объ этомъ принципѣ и по слѣдующимъ соображеніямъ: a) То, что называется безплатнымъ обученіемъ, говорилъ онъ, въ дѣйствительности, является просто курьезнымъ способомъ (extravagant mode) оплаты получаемаго обученія. Безъ денегъ обученія организовать нельзя и кто-нибудь долженъ платить; вѣрнѣе всего, что та сумма государственныхъ средствъ, которая пойдетъ на народное образованіе, будетъ уплачена низшими, рабочими слоями населенія. b) Безплатное обученіе будетъ простымъ расширеніемъ системы общественнаго призрѣнія внѣ рабочихъ домовъ и поведетъ только къ увеличенію непредусмотрительныхъ браковъ. Противъ послѣдняго возраженія врядъ ли стоитъ спорить. Первое имѣетъ болѣе кажущейся основательности, но не можетъ быть, конечно, признано удачнымъ. Организовать народное обученіе безъ средствъ невозможно; но слѣдуетъ всегда и твердо помнить, что народное образованіе составляетъ интересъ всеобщій; все государство, всѣ сословія въ немъ равно заинтересованы, а потому всѣ должны жертвовать на его устроеніе въ равной долѣ сообразно своей налогоспособности. Въ этомъ отношеніи Англія поставила дѣло образцово. Средства на народное образованіе получаются изъ двухъ источниковъ: a) изъ налога, падающаго равномѣрно на всѣхъ плательщиковъ налога въ пользу бѣдныхъ, и b) изъ общихъ казначейскихъ средствъ, которыя собираются со всей массы населенія въ видѣ разнообразнѣйшихъ налоговъ, а въ томъ числѣ и подоходнаго. Участіе государства въ издержкахъ на содержаніе школъ, какъ добровольнаго, такъ и земскаго типа, навсегда укрѣпило сознаніе того, что народное образованіе составляетъ интересъ всеобщій, но, кромѣ того, такимъ путемъ государство получило возможность оказывать поддержку школамъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по бѣдности или по невѣжеству населеніе наиболѣе нуждается въ школахъ.

III.

Такова въ краткихъ чертахъ законодательная исторія англійскаго народнаго образованія. Теперь намъ предстоитъ показать, какое вліяніе оказало это законодательство на положеніе народнаго образованія. Другими словами, намъ придется отъ внѣшней его исторіи перейти теперь къ внутренней.

Докладъ коммиссіи 1888 г. о народныхъ школахъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ котораго обученіе сдѣлано безплатнымъ, показалъ, что въ существѣ дѣла законодательство, какъ оно постепенно сложилось послѣ 1870 г., оказало самое благопріятное вліяніе. Народное обученіе стало важнѣйшимъ общественнымъ дѣломъ и траты на него возросли въ громадной степени. Установленіе, такъ называемыхъ, штандартныхъ требованій, усиленіе состава инспекціи и въ особенности энергичная дѣятельность школьныхъ управъ расширили объемъ и качество преподаванія. Конкурренція земскихъ школъ (если можно такъ назвать, выражаясь нашимъ терминомъ, школы—организованныя школьными управами) и добровольныхъ оказалась самымъ могучимъ стимуломъ. Болѣе всего недоразумѣній вызвало «conscience clause». Представимъ вкратцѣ, что полагала коммиссія 1888 г. по поводу этихъ разнообразныхъ вопросовъ и въ какомъ положеніи находится фактически школьное обученіе въ Англіи.

Бурю негодованія вызвало въ свое время введеніе принудительнаго или, лучше сказать, обязательнаго посѣщенія школъ (compulsory education) по усмотрѣнію школьныхъ управъ. Теперь это начало вполнѣ вошло въ жизнь. Предъ коммиссіей 1888 г. нашлось только одно лицо, которое утверждало, что успѣшное распространеніе образованія могло бы идти и безъ принужденія. По общему признанію, только эта мѣра увеличила число обучающихся и правильность посѣщенія школъ. Коммисія 1888 г. такъ отзывалась о принужденіи: «прежде всего слѣдуетъ сказать о *прямомъ* вліяніи принужденія. Оно оказываетъ воздѣйствіе на родителей, которые *индифферентно* относятся къ нравственному и умственному развитію своихъ дѣтей, которые стараются извлекать возможно болѣе выгодъ отъ труда дѣтей, а о всемъ прочемъ мало заботятся. Страхъ наказанія несомнѣнно оказывалъ воздѣйствіе на такихъ родителей, которые посылали дѣтей въ школу только потому, что видѣли себя къ тому обязанными. Но, во-вторыхъ, принужденіе оказываетъ еще и *косвенное* вліяніе. Многіе изъ родителей апатичны и легко потворствуютъ желанію дѣтей не идти въ школу, въ особенности, если можно воспользоваться ихъ услугами дома. Предоставленные сами себѣ, такіе родители не станутъ настаивать на томъ, чтобы дѣти ходили въ школу. Они, однако, очень непріятно себя чувствуютъ, если имъ приходится предстать предъ мировымъ судьей. Страхъ передъ послѣднимъ и уваженіе къ нему, какъ къ представителю судебной власти, публичное посрамленіе за неисполненіе обязанностей передъ дѣтьми дѣйствуютъ на нихъ очень сильно. Кромѣ того, въ-третьихъ, принудительность самого посѣщенія оказала сильнѣйшее вліяніе на общественное мнѣніе; оно дало понять родителямъ, что государство считаетъ ихъ пренебрегающими своими обязанностями передъ дѣтьми, если послѣднія не посѣщаютъ школы». «Вѣроятнѣе всего,—полагаетъ коммиссія,—что эта причина оказала болѣе всего вліянія на увеличеніе числа посѣщеній». Среди рабочихъ классовъ принужденіе не вызывало никакого ропота. Особенно трудно было примѣненіе закона объ обязательномъ

посѣщенія школы къ бѣднѣйшей части населенія; школьныя власти удовлетворялись примѣнительно къ нимъ такимъ положеніемъ, если изъ десяти должныхъ посѣщеній совершалось семь *).

Для восполненія дѣйствія закона пришлось съ одной стороны организовать особыя дневныя школы, куда по постановленію школьныхъ властей зачислялись дѣти бѣднѣйшихъ и наиболѣе безнравственныхъ родителей. Здѣсь дѣти обыкновенно получаютъ кромѣ обученія одно или два кушанья въ день. Весьма значительное количество такихъ школъ было основано однимъ обществомъ подъ названіемъ: «Ragged School Union», въ Лондонѣ, гдѣ, какъ во всякомъ большомъ городѣ, число дѣтей, покинутыхъ родителями или у родителей безнравственныхъ, особенно велико. При отсутствіи такихъ школъ дѣтей временно или на $5^3/_4$ года приходилось отдавать въ такъ называемое «industrial schools». Опытъ показалъ, что временное пребываніе въ industr. School доводило % должныхъ посѣщеній даже среди бѣднѣйшихъ дѣтей до 87% **). Опытъ показалъ также, что не слѣдуетъ немедленно обращаться за содѣйствіемъ властей въ случаяхъ небрежнаго посѣщенія школы. Хорошая школа сама привлекаетъ дѣтей; стараясь давать дѣтямъ на домъ интересныя книги, посылая по окончаніи года родителямъ свѣдѣнія объ успѣхахъ и нравственныхъ качествахъ ихъ дѣтей, а въ иныхъ случаяхъ и назначая премін за регулярное посѣщеніе, обучая ремесламъ, къ которымъ съ симпатіей относятся родители, школы достигали крайне регулярнаго посѣщенія.

Изъ прилагаемой таблицы читатель можетъ видѣть, какъ быстро развивалось школьное дѣло. Нормальнымъ положеніе народнаго обученія въ Англіи разсматривается тогда, если въ школахъ находится одинъ изъ шести человѣкъ общей массы населенія. Изъ прилагаемой таблицы видно, что добровольная организація еще господствуетъ и что опасеніе передать дѣло въ руки школьныхъ управъ содѣйствовало съ громадной силой подъему частной инициативы.

---

*) Отмѣтимъ кстати, что по мѣстностямъ вызовъ родителей и обращеніе къ властямъ сильно колебались. Разные мировые судьи также болѣе или менѣе ревностно относились къ исполненію закона. Въ Лондонѣ въ 1893 г. было вызвано школьной управой для объясненій около 99 тыс. родителей, обращеній къ мировымъ судьямъ было 13 т.,, приказано ходить въ школу и оштрафовано въ 11 т., въ 9 тысячахъ отказано. Противъ предпринимателей за пріемъ дѣтей на работу безъ школьныхъ свидѣтельствъ возбуждено 577 дѣлъ, только въ 28 случаяхъ предприниматели отказались исполнить требованіе школьной управы и въ 19 случаяхъ по этому поводу были осуждены.

**) Эти государственныя школы организованы еще актомъ 1866 г. Въ нихъ дается ремесленное образовательное обученіе, и дѣти назначаются сюда суммарнымъ производствомъ по приговору мирового судьи. Если ребенокъ отправляется сюда по приговору школьныхъ властей, то правительство платитъ за него 1 ш. въ недѣлю, родители 2 ш., а при ихъ несостоятельности ту же сумму—надзиратели за бѣдными. Если ребенокъ соглашается идти въ такую школу безъ приговора, школьныя власти платятъ за него 1 шил. и казна 6 пенсовъ. Въ послѣднемъ случаѣ родители обыкновенно по бѣдности ничего не платятъ.

Годы.		1870	1873	1880	1883	1886
$^1/_6$ населенія, которая расматривается, какъ нормальное число учащихся при всеобщемъ обученіи.		3.682	3.892	4.243	4.467	4.345
Число готовыхъ мѣстъ во всѣхъ школахъ.		1.878	2.582	4.240	4.670	5.145
Процентное отношеніе наличныхъ мѣстъ къ нормальному.		51%	66%	100%	104%	111%
Число записанныхъ во всѣхъ школахъ.		1.693	2.218	3.896	4.278	4.505
Процентъ записанныхъ къ нормальному количеству учениковъ, составляющему $^1/_6$ населенія.		46%	57%	92%	95%	97%
Среднее число дѣйствительно посѣщавшихъ школу.		1.152	1.482	2.750	3.128	3.738
Отношеніе средняго числа въ процентахъ къ нормальному числу.		29%	38%	65%	70%	74%
Число приготовленныхъ мѣстъ.	Добровольныя школы.	1.878	2.457	3.157	3.274	3.452
Отношеніе этого числа къ нормальному въ процентахъ на $^1/_6$ населенія.	Добровольныя школы.	51%	63%	74%	73%	74%
Записано въ школахъ.	Добровольныя школы.	1.693	2.107	2.821	2.874	2.867
Процентное отношеніе записанныхъ къ нормальному числу.	Добровольныя школы.	46%	54%	66%	64%	62%
Среднее дѣйствительное посѣщеніе.	Добровольныя школы.	1.152	1.408	2.018	2.119	2.208
Процентное отношеніе средняго посѣщенія къ нормальному числу.	Добровольныя школы.	29%	36%	47%	47%	47%
Число приготовленныхъ мѣстъ.	Земскія школы.	—	125	1.088	1.397	1.693
Отношеніе этого числа къ нормальному въ процентахъ на $^1/_6$ населенія.	Земскія школы.	—	3%	26%	31%	37%
Записано въ школахъ.	Земскія школы.	—	111	1.086	1.899	1.637
Процентное отношеніе записанныхъ къ нормальному числу.	Земскія школы.	—	3%	26%	31%	35%
Среднее дѣйствительное посѣщеніе.	Земскія школы.	—	74	779	1.029	1.251
Процентное отношеніе средняго посѣщенія къ нормальн. числу.	Земскія школы.	—	2%	18%	23%	27%

Мы не имѣемъ подъ руками точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ прилагается на практикѣ законъ объ обязательномъ посѣщеніи школъ. Въ докладѣ 1888 г. мы находимъ кое-какія свѣдѣнія всего для 12 округовъ. Департаментъ просвѣщенія обратился къ главнымъ учителямъ съ вопросомъ, какъ прилагается принужденіе: 22% опрошенныхъ учителей (778) отвѣтили, что примѣняется удовлетворительно и съ большою пользою, 22% удовлетворительно и 53% никакъ не примѣняется. На вопросъ, улучшилась ли посѣщаемость за послѣдніе годы, 51% отвѣтили да, 45—нѣтъ.

По даннымъ 1892 года положеніе дѣла обрисовывается слѣдующимъ образомъ. Во всѣхъ школахъ Англіи и Валлиса было приготовлено мѣстъ на 5,730 т. уч.; въ этомъ году находилось въ школахъ 5,037 т. уч.; не считая дѣтей ниже 7 лѣтъ (1,493 т.),—значитъ, около 12% всего населенія посѣщало школы. Число учениковъ во всѣхъ школахъ, посѣщенныхъ инспекторами, было 5,006 т. уч. (2,029 мальчиковъ и 1,941 т. дѣвочекъ), среднее число всѣхъ посѣщеній 3,870 т. *) или 77,3% всѣхъ должныхъ. Дневныя и вечернія школы имѣли около 65 т. уч. Въ школахъ земскихъ обучалось около 37—40% всѣхъ дѣтей.

Число учителей равнялось 99,291; изъ нихъ 40% были съ правительственными цертификатами, 23% — assistant-teachers, 27% — pupil-teachers. Учителя-женщины составляли преобладающій элементъ; они составляли 60% въ первомъ изъ этихъ отмѣченныхъ разрядовъ, 79% во второмъ и 78% въ третьемъ. Въ среднемъ на учителя, такимъ образомъ, приходилось около 55 учениковъ.

Весь расходъ на школы въ теченіе 1892 г. составлялъ 39 милл. фун. стер.; на правительство падало 43,7% этой суммы, на школьный налогъ 20,7, добровольныя пожертвованія дали 19,8, плата за ученіе 15,6%. Распредѣлялись эти средства такъ: 76% шло на жалованье учителей и содержаніе школъ, 6,7% на книги и аппараты, 17,3% на разныя расходы. На одного школьнаго ученика во всѣхъ школахъ въ среднемъ тратится 10,2 ф., въ земскихъ 11,75 ф. Вообще школьное дѣло въ земскихъ школахъ поставлено гораздо лучше. Оно и понятно. Значительную долю средствъ эти школы получаютъ путемъ налога, который хотя и весьма колеблется смотря по мѣстностямъ (по нѣкоторымъ мѣстамъ, напримѣръ въ Лондонѣ, достигаетъ 11 пенсовъ съ облагаемаго фунта). Возможность лучше поставить школу на эти деньги приводитъ также къ тому, что правительственная субсидія большою массой притекаетъ въ эти школы. Въ среднемъ полученія каждой школы отъ правительства на каждаго ученика въ зависимости отъ средняго числа сдѣланныхъ посѣщеній, успѣховъ на экзаменахъ, за преподаваніе спеціальныхъ предметовъ колеблются отъ 12 ш. 6 п. до 17 ш. 5 п.; послѣдняя норма составляетъ предѣлъ, выше котораго правительственная субсидія при всѣхъ успѣхахъ школъ болѣе не поднимается. Кромѣ того, вся-

*) Въ томъ числѣ 2.300,377 учениковъ въ добровольныхъ школахъ и 1.704,130 въ земскихъ.

кая школа, отказывающаяся отъ платы за ученіе со стороны родителей, получаетъ еще 10 ш. на ученика; такимъ образомъ максимумъ правительственной субсидіи 1 ф. 7 шил. *).

Раздавая субсидіи школамъ добровольнымъ и земскимъ, правительство строго безпристрастно. Оно охотно даетъ деньги всякой школѣ, результаты которой удовлетворительны. Земскія обыкновенно получаютъ высшій размѣръ субсидіи, но это зависитъ исключительно отъ большей ихъ успѣшности; средній ея размѣръ въ добровольныхъ школахъ не выше 16 ш. 8 п.; въ земскихъ школахъ 87% учениковъ выдерживаютъ успѣшно, въ добровольныхъ школахъ 84%.

Средняя трата на учителей сравнительно съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи совершенно необычна. Главный учитель получаетъ въ Лондонѣ до 460 ф. въ годъ, въ сельскихъ округахъ отъ 90 до 100 фунтовъ; главныя учительницы въ тѣхъ же мѣстностяхъ нѣсколько менѣе—300 и 70—80 фунтовъ въ годъ. Помощникъ главнаго учителя въ среднемъ во всѣхъ школахъ земскихъ получаетъ до 100 ф., въ школахъ добровольныхъ отъ 67 — 73 ф.; помощницы до 77 въ первыхъ и около 45 — 48 ф. въ годъ во вторыхъ.

IV.

Любопытно взглянуть на тотъ размѣръ требованій къ преподаванію, который предъявляетъ государство какъ къ школамъ земскимъ, такъ и къ добровольнымъ. Нигдѣ инспекторскій персоналъ не отличается такими достоинствами, какъ въ Англіи, а поэтому составленная программа въ общемъ выполняется весьма добросовѣстно. Стремленія законодательства постоянно направлены къ тому, чтобы программа обученія расширялась.

Экзамены производятся по общему правилу по семи слѣдующимъ класснымъ требованіямъ, или штандартамъ.

ОБЩІЕ ПРЕДМЕТЫ.

1-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочесть небольшой отрывокъ изъ книги, состоящей изъ словъ уже не односложныхъ.

Письмо. Умѣть списать одну строку изъ печатной книги, начиная ее съ большой буквы.

Ариѳметика. Счетъ и письмо до 1000. Сложеніе и вычитаніе цифръ не болѣе, какъ трехзначныхъ.

---

*) Въ среднемъ правительственная субсидія получается школой обыкновенно въ слѣдующемъ размѣрѣ. 4 шил. 6 пен. выдается за каждаго ученика, совершившаго надлежащее количество посѣщеній, 1 ш. 11 1/2 п.—за каждаго ученика, если на экзаменахъ результаты дѣятельности школы признаны хорошими, 2 1/4 пенса за каждую ученицу, обнаружившую искусство въ шитьѣ, 8 3/4 пен. за всякаго учащагося, выказавшаго умѣнье пѣть, 7 ш. 3 пен. за всякаго учащагося, обнаружившаго хорошія познанія въ чтеніи, письмѣ и ариѳметикѣ, 3 ш. 3/4 п. за познанія по другимъ обязательнымъ предметамъ, 1 3/4 пен. за познанія по спеціальнымъ предметамъ.

Англійскій языкъ. Умѣнье различать существительныя.

Географія. Планъ школы и школьнаго мѣста для игръ. Умѣнье различать четыре основныя стороны плана. Значеніе умѣнья нарисовать планъ и полезность послѣдняго.

Элементарная наука. Тридцать уроковъ по разнымъ вопросамъ. Почтовая марка и почта. Деньги. Аспидный карандашъ. Желѣзнодорожный поѣздъ. Матеріалы для пищи и одежды: шерсть, хлопокъ, молоко, мясо, минералы, золото и серебро, уголь. Естественныя явленія: годъ и день.

Исторія. Небольшіе разсказы изъ англійской исторіи.

2-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочесть краткій отрывокъ изъ элементарной книги для чтенія.

Письмо. Умѣнье написать шесть строкъ, прочитанныхъ медленно по книгѣ, а затѣмъ продиктованныхъ учителемъ.

Ариѳметика. Письмо и счетъ до 10000. 4 простыхъ правила для ускоренія дѣленія. Таблица умноженія и таблица пенсовъ до 12 шиллинговъ.

Англійскій языкъ. Умѣнье различать существительныя и глаголы.

Географія. Размѣры и пространство всего міра. Простое объясненіе географическихъ терминовъ при посредствѣ иллюстрацій на планѣ Англіи. Физическая географія возвышенностей и рѣкъ.

Элементарная наука. Тридцать уроковъ по общимъ предметамъ, относящимся къ животнымъ, растеніямъ и веществамъ, употребляемымъ въ обыденной жизни. Напримѣръ, лошадь, воробей, корень, стволъ, почка, листъ, свѣча, мыло, пробка, бутылка и проч.

Исторія. Простые разсказы изъ англійской исторіи.

3-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочесть отрывокъ изъ книги для чтенія. Сознательное отношеніе къ прочитанному провѣряется рядомъ вопросовъ.

Письмо. Написать шесть строкъ изъ книги для чтенія, медленно прочтенныхъ одинъ разъ и затѣмъ продиктованныхъ.

Ариѳметика. Четыре простыхъ правила для ускоренія дѣленія, а также и дѣленіе большихъ чиселъ. Сложеніе и вычитаніе денегъ.

Англійскій языкъ. Умѣнье различать имена существительныя, глаголы, личныя мѣстоименія и составленіе примѣровъ изъ тѣхъ и другихъ въ предложеніяхъ.

Географія. Физическая и политическая географія Англіи со спеціальнымъ знаніемъ мѣстности, гдѣ школа расположена.

Элементарная наука. Простыя начала для классификаціи растеній и животныхъ. Вещества, употребляемыя на фабрикахъ и заводахъ, въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Явленія земли и атмосферы.

Исторія. 12 разсказовъ изъ древнѣйшей англійской исторіи: бриты, введеніе христіанства, Альфредъ Великій, Канутъ, Гарольдъ, Норманское завоеваніе.

4-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочесть вполнѣ искусно отрывокъ изъ книги для чтенія или изъ англійской исторіи.

Ариѳметика. Смѣшеніе и раздробленіе обыкновенныхъ мѣръ и вѣсовъ.

Англійскій языкъ. Грамматическій разборъ простыхъ предложеній, умѣніе показать примѣрами значеніе каждой части рѣчи.

Географія. Физическая и политическая географія британскихъ острововъ, британской Сѣверной Америки и Австральазіи, съ знаніемъ производимыхъ въ нихъ продуктовъ.

Элементарная наука. Бóльшее знаніе объ обыкновенныхъ предметахъ особыхъ группъ, какъ-то: 1) о животныхъ и растеніяхъ, имѣющихъ значеніе въ земледѣліи, 2) о веществахъ, употребляемыхъ въ разныхъ производствахъ, 3) о простыхъ видахъ физическихъ и механическихъ орудій: термометръ, барометръ, блокъ, колесо, ось и ватерпасъ.

Исторія. Двадцать разсказовъ и біографій изъ исторіи въ эпоху отъ 1066 и по 1845 г. Герфордъ, Бекетъ, Ричардъ I, Крестовые походы, Иванъ Беземельный, Великая Хартія вольностей, Симонъ Монфортъ и Палата Общинъ и друг.

5-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочесть отрывокъ изъ какого-нибудь выдающагося англійскаго писателя, книги для чтенія или англійской исторіи.

Письмо. Написать по памяти краткое изложеніе какого-нибудь прочитаннаго разсказа, прочтеннаго дважды. Обращается вниманіе на почеркъ, правильность орѳографіи и изложенія.

Ариѳметика. Всѣ четыре дѣйствія и примѣненіе общихъ правилъ по сокращенной методѣ. Простое правило 3 по методу единства. Сложеніе и вычитаніе дробей со знаменателемъ не свыше 12.

Англійскій языкъ. Грамматическій разборъ и анализъ простыхъ предложеній. Методъ образованія англійскихъ существительныхъ и прилагательныхъ одинъ отъ другого.

Географія. Географія Европы, физическая и политическая. Долгота и широта. День и ночь. Времена года.

Элементарная наука. Животная или растительная жизнь или начала и процессы, по которымъ совершается какой-нибудь изъ главныхъ промысловъ въ Англіи. Физическія или механическія начала, по которымъ создаются какія-нибудь общеупотребительныя машины или орудія.

Исторія. Періодъ Тюдоровъ съ біографіями выдающихся лицъ: протекторъ Сомерсетъ, королева Елизавета, Шекспиръ, Рилей, Сесиль, Дрэкъ, Марія Шотландская.

6-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочесть вполнѣ сознательно отрывокъ изъ какого-нибудь историческаго произведенія Шекспира, другого выдающагося писателя или изъ исторіи Англіи.

Письмо. Краткое сочиненіе или письмо по легкому вопросу. На почеркъ, орѳографію и изложеніе обращается особенное вниманіе.

Ариѳметика. Дроби, обыкновенныя и десятичныя, простая пропорція и процентъ.

Англійскій языкъ. Грамматическій разборъ и анализъ краткихъ сложныхъ предложеній. Значеніе и употребленіе латинскихъ приставокъ при образованіи англійскихъ словъ.

Географія. Британскія колоніи и земли подъ протекторатомъ Англіи. Обмѣнъ странъ продуктами. Обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ климатъ.

Элементарная наука. Животная и растительная жизнь, элементы и составляющіяся изъ нихъ тѣла, механическія силы.

Исторія. Періодъ Стюартовъ, со спеціальнымъ изученіемъ исторіи гражданской войны, состава и функцій парламента. Біографіи шести выдающихся личностей.

7-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочесть отрывокъ изъ Шекспира, Мильтона или другого какого-нибудь выдающагося автора или историка Англіи.

Письмо. Сочиненіе или письмо болѣе сложнаго характера.

Ариѳметика. Среднія цифры, процентъ на капиталы.

Англійскій языкъ. Анализъ предложеній, приставки и окончанія словъ.

Географія. Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Приливы и отливы, главныя океанійскія теченія.

Элементарная наука. Распредѣленіе животныхъ и растеній по свѣту. Человѣческія расы. Свойства газовъ. Звукъ, свѣтъ, тепло и электричество съ ихъ приложеніями.

Исторія. Періодъ Ганноверскій съ спеціальнымъ изученіемъ исторіи земельныхъ пріобрѣтеній, развитія колоній и внѣшнихъ владѣній Великобританіи. 6 біографій выдающихся писателей или государственныхъ людей.

Примѣчаніе. Преподаватель элементарной науки можетъ представлять дѣтей къ экзамену, ограничивая широту преподаванія болѣе тщательнымъ изученіемъ отдѣльныхъ изъ указанныхъ въ программѣ требованій. Въ настоящее время, кромѣ того, по предложенію Аклинда, бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Розбери, инспекціи предоставлены новыя, весьма широкія права, а именно введена такъ называемая «intermittent inspection», т.-е. инспекція школъ въ періодъ ихъ обычной годовой дѣятельности. Школа, которую инспекторъ успѣлъ посѣтить въ теченіе года

нѣсколько разъ и въ разное время и которая всякой разъ находились въ хорошемъ состояніи, получаетъ право на полученіе субсидіи безъ производства въ ней экзаменовъ въ присутствіи инспектора.

Добавимъ къ этой программѣ еще указаніе, что почти повсемѣстно введено въ качествѣ обязательныхъ предметовъ: рисованіе—для мальчиковъ, шитье—для дѣвочекъ и пѣніе—для тѣхъ и другихъ. Департаментъ народнаго просвѣщенія, кромѣ того, разрѣшаетъ преподаваніе и другихъ предметовъ, которые раздѣляются на два рода: а) Optional или предметы, которыми ученикъ занимается по желанію. Къ числу этихъ предметовъ лондонская школьная управа относитъ: преподаваніе вокальной музыки, кухоннаго искусства, мойку бѣлья и проч. и в) Спеціальные предметы, какъ-то: алгебра, геометрія, измѣреніе полей, механика, химія, физика, бухгалтерія, домашняя экономія, скоропись, иностранные языки и т. п. Школа, гдѣ преподаются одинъ и нѣсколько изъ этихъ предметовъ, можетъ заслужить усиленную субсидію (merit grant) отъ правительства. Изъ 661 т. учащихся дѣтей въ 1893 г. въ лондонскихъ земскихъ школахъ по спеціальнымъ предметамъ держало экзаменъ 19 т., и изъ нихъ 6 т. было дѣвочекъ.

Какъ мы видѣли изъ предшествовавшаго, англійское законодательство сохранило два разряда школъ: *земскія*, организованныя за счетъ школьнаго налога и правительственной субсидіи (from the School Board) и добровольныя (voluntary schools), содержащіяся за счетъ доброхотныхъ даяній и той же правительственной субсидіи и принадлежащія по самой исторіи своего происхожденія духовнымъ лицамъ самыхъ различныхъ церковныхъ исповѣданій. Законъ предоставилъ всѣмъ этимъ разрядамъ школъ совершенно одинаковыя права, но, безъ сомнѣнія, налогъ составляетъ во многихъ отношеніяхъ болѣе прочный источникъ дохода, чѣмъ добровольныя приношенія. Школы добровольныя, поэтому, не могутъ сразу поставить дѣла вполнѣ хорошо по недостатку средствъ, а потому и заслуживаютъ меньшую по размѣрамъ правительственную субсидію. Духовенство, опираясь, главнымъ образомъ, на консервативную, болѣе всего богатую партію, умѣетъ еще и понынѣ сосредоточивать большую половину школьнаго дѣла въ своихъ рукахъ.

Форстеръ, а за нимъ и вся либеральная партія, вводя актъ 1870 г., настаивали на томъ, чтобы въ видахъ сохраненія свободы совѣсти въ различныхъ исповѣданіяхъ религіозное воспитаніе было построено на общихъ христіанскихъ основаніяхъ. Съ этою цѣлью уже отмѣченная нами статья закона, получившая названіе conscience или Cowper-Temple clause, вносила требованіе, чтобы въ школахъ преподавалась только Библія съ объясненіями, но не катехизисъ. Гладстонъ и Форстеръ искали, но не могли найдти другого выхода практически: они хотѣли вполнѣ уровнять права различныхъ духовныхъ исповѣданій, отнюдь не давая перевѣса англиканскому духовенству. Коммиссія 1888 г. снова подтвердила это положеніе и сочла нужнымъ протестовать противъ того толкованія, которое въ

нѣкоторыхъ школахъ стали давать указанной статьѣ закона 1870 г. Въ §§ 67 и 68 своихъ общихъ выводовъ она опредѣлительно высказалась, что «пунктъ 14 акта 1870 г. (conscience clause), воспрещающій обученіе какому бы то ни было сектантскому катехизису и собранію правилъ, стремится создать только вполнѣ нейтральное отношеніе среди христіанскихъ исповѣданій. Этотъ пунктъ отнюдь не исключаетъ изъ школьнаго преподаванія наставленій въ вѣрѣ въ Бога и естественной нравственности, которая безъ вѣры въ Бога не можетъ быть объяснена и понята» и далѣе: «статья о свободѣ совѣсти извращается самымъ страннымъ образомъ, когда она понимается такимъ образомъ, будто учитель не долженъ во время обыкновенныхъ школьныхъ часовъ ничего говорить о религіозныхъ вопросахъ и указывать, что христіанская религія осуждаетъ всякія вредныя дѣянія, наприм., ложь и проч.». Та же коммиссія признала необыкновенную важность религіознаго образованія какъ для дѣтей, такъ и для родителей и для націи, но настаивала на тщательномъ проведеніи компромисса. Опытъ показалъ, что компромиссъ этотъ не можетъ не вызвать борьбы. Съ особымъ ожесточеніемъ она разыгралась въ Лондонѣ, хотя отраженіе ея было замѣтно также и почти во всѣхъ другихъ частяхъ Англіи.

Первоначально, вслѣдъ за изданіемъ акта 1870 года, въ лондонской школьной управѣ все шло очень тихо. Борьба партій шла, главнымъ образомъ, на почвѣ политики и финансовъ. Такъ называемая прогрессивная партія стояла за расширеніе программы преподаванія въ школахъ; однимъ изъ видныхъ ея представителей былъ проф. Гёксли, стоявшій за усиленіе преподаванія естественныхъ наукъ. Улучшеніе школъ было лозунгомъ этой партіи. Напротивъ, умѣренная партія, въ составъ которой входило много сторонниковъ добровольныхъ школъ, настаивала на сохраненіи старой программы, на сокращеніи издержекъ и ея лозунгъ былъ: «экономія». Среди сторонниковъ противной партіи было много лицъ, стоявшихъ за чисто-свѣтское образованіе, но она рѣшила, правда, не безъ колебаній, строго придерживаться компромисса, созданнаго актомъ 1870 года. Прогрессивная партія, однако, упрекала умѣренную въ томъ, что она: a) не заботится о постройкѣ новыхъ школъ и потому школы переполнены; b) не обращаетъ вниманія на недостаточность учительскаго персонала и на организацію вечернихъ занятій, и c) вообще всегда стоитъ противъ всякихъ улучшеній, которыя сопровождаются даже хотя бы незначительными расходами. Умѣренная партія упрекала прогрессивную въ томъ, что она хочетъ совершенно обратить народную школу въ подобіе французской, имѣющей вполнѣ свѣтскій характеръ. Столкновеніе партій началось съ самаго момента образованія школьной управы въ Лондонѣ, но съ особою силой оно сказалось только въ 1892—1894 гг. Во главѣ школьной управы стоялъ въ это время М. Diggle, а ревностнымъ проводникомъ его идей былъ Рилей. Этотъ послѣдній по собственному почину сталъ собирать свѣдѣнія о томъ, какъ ведется религіозное образованіе въ земскихъ школахъ. Естественно, что ему пришлось натолкнуться на многіе неожидан-

ные факты. По его словамъ, многіе учителя, строго толкуя «conscience clause», совершенно отказывались отъ религіознаго образованія, другіе давали унитаріанское объясненіе Евангелію, третьи излагали религію ученикамъ такъ, какъ они ее понимаютъ сами. Подъ сильнымъ давленіемъ умѣренной партіи и прессы школьная управа рѣшилась тогда собственными силами создать единство въ этомъ преподаваніи, составивъ программу преподаванія Закона Божія и разославъ ее при особомъ циркулярѣ.

Выборы школьной управы на трехлѣтіе 1894—97 г. отличались необыкновеннымъ волненіемъ. Всего было подано 1.606,738 голосовъ, изъ нихъ умѣренные получили 671 т. голосовъ, прогрессисты—817, независимые—36, католики 42, соціалисты—38 т. голосовъ; такимъ образомъ, большинство голосовъ было подано за прогрессистовъ; но умѣренные оказались лучше организованными, благодаря кумулятивному голосованію, они получили въ школьной управѣ 29 мѣстъ, прогрессисты и всѣ другія партіи, идущія съ ними за одно, всего 26. Имѣя большинство въ 145 тысячъ голосовъ, они оказались тремя членами въ меньшинствѣ. Многіе изъ выставленныхъ ими кандидатовъ получили огромное количество голосовъ, тогда какъ другіе недостаточное. Во всякомъ случаѣ, побѣда умѣренныхъ не блестящая и прогрессисты начнутъ настаивать на соблюденіи компромисса 1870 г., что, конечно, не обойдется безъ борьбы. Самое существованіе ея показываетъ, что компромиссомъ 1870 г., при многообразіи сектъ, Англія не разрѣшила вопроса о религіозномъ преподаваніи въ своихъ народныхъ школахъ.

Такова въ краткомъ очеркѣ исторія народнаго образованія Англіи въ настоящемъ столѣтіи. Несомнѣнно самое выполненіе указанной программы, подборъ преподавателей, успѣхи учениковъ не всегда отличаются и въ этой странѣ высокими достоинствами. Даже и въ этой странѣ народное образованіе дѣло сравнительно новое. Слѣдуетъ, однако, признать, что здѣсь на дѣло народнаго образованія полагаютъ свои силы и энергію лучшія общественныя силы. Одинъ изъ выдающихся инспекторовъ Англіи, Матью Арнольдъ, на вопросъ, обращенный къ нему, что должна давать народная школа, отвѣтилъ словами Амоса Коменскаго: «воспитывать всѣхъ тѣхъ, которые родились людьми, во всемъ томъ, что человѣчно».

Александръ Миклашевскій.

Прусская податная реформа по закону 1893 года 14 іюля.

(Пробная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ).

Прусская податная реформа 1893 г. 14 іюля *) является отголоскомъ прусской экономической и податной политики за послѣднее время.

Какъ извѣстно, эта политика пріобрѣла соціальный оттѣнокъ, внесенный въ нее самою жизнью и общимъ направленіемъ экономической науки за послѣднее время. Соціальный вопросъ—борьба труда съ капиталомъ, имущихъ съ неимущими и вытекающая отсюда необходимость для государственной власти, насколько возможно, сглаживать имущественныя неравенства—придали всему ученію о народномъ хозяйствѣ особую окраску, и финансовая наука не осталась чужда этому направленію.

Совокупность мѣръ, принимаемыхъ государствомъ, чтобы сгладить эти имущественныя неравенства и облегчить слабому борьбу съ сильнымъ, называется соціальной политикой, а когда государство пользуется при этомъ системой обложенія, какъ средствомъ для проведенія такой политики, то такая политика носитъ названіе финансовой соціальной политики. Вотъ эта-то послѣдняя политика за послѣднее время систематически и проводится въ Пруссіи, обязанной своимъ могуществомъ прекрасному экономическому и финансовому положенію.

Финансисты соціальнаго направленія, какъ, напримѣръ, Вагнеръ, смотрятъ на налогъ не какъ на простое средство покрытія государственныхъ

---

*) Эта реформа успѣла уже вызвать цѣлую литературу. Я укажу здѣсь лишь важнѣйшія работы по этому вопросу, которыми я могъ воспользоваться: „*Denkschrift* vom 2 november 1892 zu den dem preussischen Landtage vorgelegten Entwürfen der Steuerreformgesetze“ въ „Finanz-Archiv'ѣ herausg. von Schanz 10—er Jahrgang B. I. 1893, стр. 296—498, а во II B. помѣщенъ текстъ новаго закона. *F. Adickes*: „Das Kommunalabgabengesetz vom 14 Juli 1893 für den praktischen Gebrauch mit einer geschichtlichen Einleitung und Erläuterungen versehen“. Berlin 1894. *Его же*: „Studien über die weitere Entwicklung des Gemeindesteuerwesens auf Grund des preuss. K. A. G. vom 14 Juli 1893“. Tübingen 1894 и другія статьи въ „Zeitschrift für die Staatswissenschaft“ и въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ Conrad'a.

расходовъ, но и какъ на орудіе общественныхъ реформъ. Налоги,—говоритъ Вагнеръ,—принудительные платежи отдѣльныхъ хозяйствъ, взимаемые частью для покрытія общегосударственныхъ расходовъ, частью для измѣненія въ распредѣленіи народнаго дохода *), и такимъ образомъ, по его словамъ, къ первой чисто-фискальной цѣли налога теперь приросла другая, а именно—стремленіе путемъ налога *сгладить имущественныя неравенства*, развившіяся при существованіи системы свободной конкурренціи и частной собственности. По мнѣнію финансистовъ этой школы, нельзя оправдать существованіе въ налоговой системѣ прогрессивнаго, подоходнаго и поимущественнаго налоговъ, налога съ наслѣдствъ иначе, какъ только соціальными цѣлями. Всѣми этими только что упомянутыми формами обложенія мы перелагаемъ налоговое бремя съ бѣдныхъ на болѣе состоятельные классы и, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени уменьшаемъ ихъ способность увеличивать свое состояніе и, наоборотъ, облегчаемъ бѣдному классу развитіе его экономическихъ силъ.

Далѣе лозунгомъ той же соціальной политики является и расширеніе государствомъ или общиной ихъ хозяйственной дѣятельности. При такомъ расширеніи хозяйственной дѣятельности вся предпринимательская прибыль и рента переводятся изъ рукъ частныхъ лицъ въ пользу государства или общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ является возможнымъ и уменьшить обложеніе для малоимущихъ классовъ и установить болѣе справедливыя цѣны на продукты этихъ предпріятій, такъ что малоимущіе классы отъ этого развитія государственныхъ или общинныхъ предпріятій получаютъ двоякую выгоду.

Всѣ эти требованія выставляла и финансовая наука, и она несомнѣнно оказала вліяніе на практику: такъ, подъ вліяніемъ этого теченія постепенно поднимался Existenzminimum **), свободный отъ обложенія, при подоходномъ обложеніи въ Пруссіи. До 1873 г. Пруссія не знала этого Existenzminimum'а, и лишь въ этомъ послѣднемъ году онъ былъ установленъ въ размѣрѣ 420 марокъ, а въ 1883 г. онъ былъ уже повышенъ до 900 марокъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же только что указанныхъ идей. Реформой 1891 г. въ Пруссіи введена прогрессія въ подоходное обложеніе, и процентъ обложенія теперь колеблется здѣсь отъ 0,62% и до 4%; этой реорганизаціей подоходнаго обложенія налоговое бремя значительно облегчено для малоимущихъ плательщиковъ, а именно—для лицъ, доходы которыхъ не превышаютъ 9000 марокъ, и въ общей сложности съ этого класса лицъ сброшено налоговъ болѣе $6^1/_2$ милл. марокъ, между тѣмъ, какъ одно-

*) См. *Wagner Finanzwissenschaft*, II Theil, 1880, 150—1 стр., а также въ *Archiv Braun'а* за одинъ изъ послѣднихъ годовъ ст. *Wagner'а* о соціальной финансовой политикѣ.

**) Existenzminimum'омъ въ финансовой наукѣ называется та часть чистаго дохода лица, которая остается свободной отъ налога при обложеніи плательщика, такимъ путемъ налогъ взимается лишь съ той части дохода, которая остается у плательщика за покрытіемъ его первыхъ потребностей.

временно съ этимъ податная тягость для лицъ съ доходомъ свыше 9000 марокъ значительно увеличена. Ту же цѣль—облегченіе малоимущихъ и перенесеніе податной тяготы на болѣе состоятельные классы имѣлъ въ виду и новый прусскій промысловый налогъ того же 1891 года. Подъ вліяніемъ тѣхъ же идей финансовой соціальной политики за послѣднее время быстро совершался въ Пруссіи переходъ желѣзныхъ дорогъ къ государству; такъ хотя выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи начался лишь съ 1879 г., но этотъ процессъ совершался настолько быстро, что уже въ 1887 г. казна владѣла или эксплуатировала за счетъ частныхъ обществъ 22,379 кил., и въ рукахъ частныхъ лицъ оставалось всего 1,793 кил. *). Этому же соціальному теченію обязаны и тѣ реформы, которыя мы находимъ теперь въ финансовомъ строѣ нѣмецкихъ городовъ. Эти послѣдніе наперерывъ другъ передъ другомъ стараются теперь расширять свою частно-хозяйственную дѣятельность и все болѣе и болѣе захватываютъ въ свои руки одну за другой разныя отрасли промышленной жизни: такъ, въ руки городского управленія переходятъ теперь водоснабженіе, канализація, газовые заводы, скотобойни и т. д., и несмотря на то, что городскія общины обыкновенно значительно понижаютъ цѣны, все-таки, онѣ получаютъ значительные дивиденты отъ этихъ предпріятій, что и даетъ имъ возможность если прямо и не понижать налоги, то во всякомъ случаѣ и не повышать такъ быстро, какъ этого въ противномъ случаѣ требовало бы широкое развитіе городской жизни на Западѣ. А послѣдняя прусская реформа 1893 г., предметъ моей статьи, является положительнымъ тріумфомъ теоретической мысли.

Наука давно уже указывала крупные недостатки реальныхъ **) государственныхъ налоговъ, какіе—это мы увидимъ ниже, и теорія давно требовала передачи ихъ общинамъ, и вотъ, благодаря прусской реформѣ, всѣ эти кабинетныя мечтанія облеклись въ реальныя формы.

Итакъ, теорія настоятельно требовала болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговаго бремени между отдѣльными податными субъектами, она выставляла систему обложенія какъ способъ реформированія имущественныхъ отношеній, и практика шла на встрѣчу этимъ требованіямъ справедливости, она превращала эти абстрактныя идеи въ реальныя формы.

Прусская податная реформа 1893 г., какъ я уже говорилъ, является отголоскомъ этого общаго направленія: она также стремится болѣе равномѣрно разложить налоги среди населенія и часть податного бремени пере-

---

*) См. *Янжулъ*: „Основныя начала финансовой науки“, 2-е изданіе, 1895 г. Спб., стр. 116.

**) Реальные налоги это—налоги, которые взимаются съ отдѣльныхъ источниковъ дохода, какъ чего-то отдѣльнаго отъ самой личности плательщика, таковы будутъ поземельный, подомовый, промысловый налогъ на заработную плату; налоги же падающіе на самую личность плательщика, а не на отдѣльные источники дохода, называются личными налогами, таковы, напримѣръ, личный (подушный) налогъ, классный общеподоходный (см. *Wagner Fin. wiss.*, т. II, стр. 160, и *Янжулъ*, стр. 234).

ложить съ плечъ малоимущихъ на плечи болѣе состоятельныхъ. Но связь этой реформы съ соціальной политикой Пруссіи будетъ яснѣе, если я сначала въ нѣсколькихъ словахъ изложу ея суть.

Закономъ 1893 г. 14 іюля, вступившимъ въ силу 1 апрѣля 1895 г., изъ государственнаго бюджета вычеркнутъ цѣлый рядъ реальныхъ налоговъ, а именно: поземельный, подомовый, промысловый и налогъ съ горнаго промысла, и бюджетный дефицитъ, являвшійся въ результатѣ этого выдѣленія прямыхъ налоговъ, покрытъ, главнымъ образомъ, путемъ введенія новаго поимущественнаго налога (Vermögenssteuer), а реальные объекты обложенія, т.-е. земля, дома, промышленность и торговля всецѣло теперь предоставлены общинамъ, такъ что теперь въ Пруссіи съ 1 апрѣля 1895 г. нѣтъ болѣе ни государственнаго поземельнаго налога, ни государственныхъ подомоваго и промысловаго налоговъ, а будутъ существовать они лишь въ формѣ общинныхъ налоговъ. До сихъ поръ владѣльцы реальныхъ объектовъ, т.-е. преимущественно классъ состоятельный, слишкомъ мало облагался общиною, какъ это мы увидимъ ниже, теперь же община преимущественно будетъ облагать этотъ классъ, какъ это категорически выражено въ законѣ; притомъ же владѣльцы реальныхъ объектовъ и въ пользу государства будутъ нести налоги, правда въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ, а именно: въ видѣ поимущественнаго налога, а не въ формѣ реальныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, теперь имущественные классы будутъ привлечены къ несенію податного бремени вдвойнѣ, и затѣмъ, такъ какъ общины теперь получили право вводить какой угодно способъ обложенія недвижимой собственности, промышленности и торговли и притомъ привлекать именно тѣ классы, которые наиболѣе извлекаютъ для себя выгодъ изъ хозяйственной дѣятельности общинъ, то, конечно, послѣднія не упустятъ случая воспользоваться этимъ своимъ правомъ и привлекутъ къ обложенію преимущественно тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе пользуются выгодами отъ общинныхъ расходовъ, а на такомъ способѣ общиннаго обложенія, какъ мы увидимъ ниже, уже давно настаивала теорія: только такой способъ обложенія при все болѣе и болѣе развивающейся хозяйственной дѣятельности общины соотвѣтствуетъ теперь идеѣ равномѣрнаго общиннаго обложенія. Затѣмъ реформою санкціонируется расширеніе общиною ея частно-хозяйственной дѣятельности, и доходы отъ этой послѣдней выставляются на первомъ планѣ; опять, какъ мы уже видѣли, этимъ осуществляется одно изъ требованій соціальной политики.

Итакъ, изъ этого, полагаю, до нѣкоторой степени ясна связь реформы 1893 г. 14 іюля съ соціальною политикою, во-очію же эта связь выступитъ, лишь когда мы подробнѣе познакомимся съ этою реформой, къ чему я теперь и перехожу.

Моя статья естественно должна будетъ распасться на три части; въ первой ея части я коснусь разрушительной стороны реформы, т.-е. вопроса, *что* и *почему* въ системѣ государственныхъ налоговъ уничтожено, во второй — творческой стороны реформы, т.-е. вопроса: что воз-

двигнуто въ системѣ государственныхъ налоговъ на мѣсто разрушеннаго зданія, и въ третьей—*какъ* и *почему* организовано новое коммунальное обложеніе, и въ заключеніе дамъ оцѣнку этой реформы и вѣроятныхъ ея результатовъ, насколько, конечно, это можно предвидѣть уже теперь, т.-е. въ моментъ осуществленія реформы: законъ 1893 г. 14 іюля вступилъ въ силу лишь съ 1 апрѣля 1895 года.

Говоря о новой финансовой реформѣ 1893 г., я не могу не упомянуть о творцѣ этой реформы — прусскомъ министрѣ финансовъ Микелѣ, которому Пруссія въ организаціи своего финансоваго хозяйства чрезвычайно многимъ обязана: такъ ему же принадлежитъ честь проведенія новыхъ прусскихъ подоходнаго и промысловаго налоговъ 1891 года.

Итакъ, сначала обращусь къ вопросу: что заставило прусское правительство вычеркнуть изъ государственнаго бюджета реальные налоги? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ краткій критическій разборъ существовавшей системы государственныхъ прямыхъ реальныхъ налоговъ, который я сейчасъ и дамъ.

Въ Пруссіи существовавшіе до сихъ поръ прямые реальные налоги были слѣдующіе: поземельный, подомовый и промысловый, реформированный въ 1891 г., и налогъ съ горнаго промысла.

Въ системѣ прямыхъ налоговъ, состоящихъ изъ подоходнаго и реальныхъ налоговъ, на послѣднихъ лежитъ функція болѣе тяжелаго обложенія фундированныхъ *) доходовъ, но спрашивается, съ успѣхомъ ли выполнялась эта функція прусскими реальными налогами? Безусловно нѣтъ; и вотъ почему: первое условіе хорошаго обложенія это—равномѣрность обложенія, между тѣмъ, фундированные доходы въ Пруссіи при существующей системѣ облагались далеко не равномѣрно: такъ земля была обложена въ среднемъ въ размѣрѣ 4—5% съ дохода, дома—4%, промыслы—всего 1% съ дохода, притомъ промысловые доходы ниже 1,500 марокъ совсѣмъ были изъяты отъ обложенія, между тѣмъ, ни поземельный, ни подомовый доходы не знали этого Existenzminimum'а, а доходы съ капиталовъ и вовсе оставались необложенными. Ясно отсюда, что существовавшая система прусскихъ реальныхъ налоговъ, преслѣдуя благую цѣль болѣе высокаго обложенія фундированныхъ доходовъ, неравномѣрно охватывала различные объекты обложенія и, слѣдовательно, не могла быть названа удовлетворительной, тѣмъ болѣе что наука финансовъ и практика успѣли уже выработать другіе лучшіе способы болѣе тяжелаго обложенія фундированныхъ доходовъ, и, конечно, невольно навязывался вопросъ: не замѣнить ли старый способъ другимъ? Какимъ,—мы увидимъ это ниже.

---

*) Фундированными или вѣчными доходами называются доходы, проистекающіе изъ обладанія имуществомъ или капиталомъ (доходы отъ земли, домовъ и т. д.), а нефундированными—доходы, имѣющіе своимъ источникомъ личный трудъ пріобрѣтателя, напримѣръ, доходы отъ либеральныхъ профессій. Справедливость и теорія финансовой науки требуютъ, чтобы фундированные доходы облагались болѣе высоко, чѣмъ не фундированные, такъ какъ эти послѣдніе доходы временны и непостоянны.

Во-вторыхъ, при обложеніи дохода въ формѣ реальныхъ налоговъ не принимались во вниманіе долги, лежащіе на облагаемыхъ объектахъ, т.-е. они не вычитались изъ дохода, подлежащаго обложенію, и конечно это обстоятельство при прежнихъ экономическихъ условіяхъ съ малымъ развитіемъ гипотеки можно было игнорировать; но теперь, при задолженности имѣній, необходимо считаться съ этимъ фактомъ, и закрывать глаза на степень задолженности имѣній это не значило еще рѣшать вопросъ, и такимъ образомъ невычетъ долговъ изъ дохода являлся однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ системы государственныхъ реальныхъ налоговъ. Слѣдовательно, реальная система уже перестала соотвѣтствовать сложнымъ экономическимъ условіямъ нашего времени, она являлась слишкомъ грубымъ пріемомъ для этого. Между тѣмъ организовать вычетъ долгомъ при системѣ реальныхъ налоговъ совершенно немыслимо, а слѣдовательно этотъ фактъ являлся неизлѣчимымъ порокомъ всей системы. Приходилось или брать эту систему со всѣми ея дурными и хорошими сторонами, или совсѣмъ покончить съ ней.

Въ-третьихъ, реальные объекты для обложенія ихъ должны подлежать кадастрированію, но кадастръ этотъ совершается въ различные періоды времени для разныхъ объектовъ: такъ, дома въ Пруссіи переоцѣниваются черезъ каждыя 15 лѣтъ по средней наемной платѣ за послѣднія 10 лѣтъ, земля же съ 1861 г. въ Пруссіи вовсе не подвергалась переоцѣнкѣ, и эта послѣдняя потребовала бы громадныхъ затратъ *); переоцѣнка же домовъ при сильномъ развитіи городской жизни должна бы повторяться по крайней мѣрѣ каждыя 5 лѣтъ, а это требовало бы каждый разъ по 6.000,000 м. Такимъ образомъ точное кадастрированіе объектовъ обложенія разбивается о слишкомъ большія матеріальныя затраты.

Слѣдовательно залѣчить только что указанное больное мѣсто трудно, точно также устранить и другіе указанные выше недостатки почти невозможно: такъ, провести вычетъ долговъ въ системѣ реальныхъ налоговъ немыслимо,—это противорѣчило бы самой идеѣ реальныхъ налоговъ, какъ Objectsteuern. Уравнять же % обложенія повидимому легко; для этого, казалось бы, стоило только понизить наполовину поземельный и подомовый налоги и, наоборотъ, повысить вдвое промысловый и ввести вновь въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ 2% налогъ на капиталъ, но такое уравненіе было бы лишь уравненіемъ номинальнымъ, въ дѣйствительности же такая реформа помогла бы очень мало: въ основѣ кадастра реальныхъ объектовъ лежатъ разные масштабы и основанія: такъ, при оцѣнкѣ подомоваго налога принимается во вниманіе наемная плата, промысловаго—годичная выручка и основной капиталъ предпріятія, поземельнаго—доходъ, т.-е. выручка отъ земли. Конечно, оперируя съ такими разными почти несоизмѣримыми масштабами, податное управленіе не можетъ съ одинаковою точностью охватить доходы этихъ объектовъ: одни доходы будутъ несоотвѣт-

*) Прусскій поземельный кадастръ обошелся въ 59.560,232 м.

ственно повышены, другіе—понижены, и слѣдовательно одни и тѣ же проценты обложенія ничего не говорили бы еще о равномѣрности обложенія этихъ объектовъ.

Итакъ, реальная система при существующемъ строѣ экономическихъ отношеній была уже слишкомъ грубымъ способомъ обложенія и черезчуръ уже противорѣчила истиннымъ принципамъ равномѣрнаго обложенія. Конечно, кое-что можно было сдѣлать, но все это было бы лишь палліативомъ, а не радикальною нормой.

Невольно являлся вопросъ: не покончить ли съ этой системой, уже пережившей себя и являвшейся чистымъ анахронизмомъ при сложной экономической жизни современной Пруссіи? Отвѣтъ на этотъ робкій вопросъ неожиданно былъ подсказанъ съ совершенно другой стороны, со стороны общинныхъ финансовъ, которые также требовали реформы; повторяю—робкій вопросъ, такъ какъ онъ вызывалъ множество сомнѣній: во-первыхъ, какъ покрыть дефицитъ, а, во-вторыхъ, и главное, что же дѣлать съ реальными налогами? Просто уничтожить ихъ было нельзя, потому что нѣкоторые реальные налоги успѣли амортизироваться, и, слѣдовательно, уничтоженіе ихъ было бы простымъ, ничѣмъ незаслуженнымъ подаркомъ для владѣльцевъ недвижимой собственности,—но объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Итакъ, съ одной стороны государству нужно было оставить эти налоги, съ другой—нельзя было этого сдѣлать, такъ какъ это могло создать совершенно незаслуженно матеріальныя выгоды для многочисленныхъ классовъ лицъ. И вотъ, когда государство робко озиралось, озабоченное вопросомъ, что же наконецъ дѣлать со старою налоговою системой, неожиданно къ нему пришла на помощь община. Государство и община оказались въ такомъ положеніи, что то, что не нужно было одному изъ нихъ, въ томъ очень нуждалась другая.

Итакъ, говорю я, земскіе прусскіе финансы требовали реформы. Какой реформы? На это даетъ отвѣтъ бѣглая картина земскихъ прусскихъ финансовъ при свѣтѣ теоріи общиннаго обложенія. Итакъ, какова же была до реформы система прусскихъ земскихъ финансовъ?

Прежде чѣмъ дать обзоръ системы земскихъ прусскихъ финансовъ и указать ея недостатки, я напомню вкратцѣ общіе принципы земскаго обложенія.

Если государство привлекаетъ своихъ гражданъ къ участію въ общихъ расходахъ главнымъ образомъ соразмѣрно ихъ имущественной состоятельности, т.-е. по принципу налогоспособности, то общины въ распредѣленіи налоговъ должны пользоваться нѣсколько иною мѣркой. Вѣдь, на общинѣ лежитъ выполненіе задачъ двоякаго рода: во-первыхъ, задачъ чисто-государственнаго порядка, которыя общины должны выполнять подъ надзоромъ государства, это—задачи общаго направленія, только ради удобства переданныя въ руки общины, и во-вторыхъ, задачъ чисто-хозяйственныхъ. Если въ выполненіи задачъ перваго рода всѣ заинтересованы, то, конечно, всѣ и должны участвовать въ расходахъ, вызывае-

мыхъ ими, и эти расходы члены общины должны распредѣлять между собою по принципу налогоспособности; наоборотъ, задачи второго рода приносятъ выгоду главнымъ образомъ лишь нѣкоторымъ, а слѣдовательно эти послѣдніе преимущественно и должны нести на себѣ эти расходы, какъ-то: расходы по исправленію дорогъ, перевозовъ и т. п. Всѣ эти послѣдніе расходы, конечно, всего болѣе сказываются на увеличеніи доходовъ землевладѣльцевъ, домовладѣльцевъ, промышленниковъ; слѣдовательно, здѣсь умѣстнѣе примѣненіе принципа возмездности, Leistung und Gegenleistung. Итакъ, въ системѣ общиннаго обложенія приложеніе принципа Leist-und Gegenleistung шире, чѣмъ въ государствѣ, а отсюда и раціональная система земскихъ финансовъ должна состоять изъ подоходнаго налога, одинаково привлекающаго всѣхъ къ земскимъ расходамъ; а такъ какъ неудобно малоимущіе классы облагать ими, то при существованіи Existenzminimum'а можно ввести рядъ косвенныхъ налоговъ, и налоговъ съ реальныхъ объектовъ, которые всего болѣе пользуются выгодами общинной хозяйственной дѣятельности, т.-е. налоговъ поземельнаго, подомоваго и промысловаго. Затѣмъ, такъ какъ въ общинѣ болѣе, чѣмъ въ государствѣ, выступаетъ хозяйственный моментъ (община преимущественно хозяйственный союзъ), то, конечно, здѣсь долженъ быть отведенъ бо́льшій районъ пошлинному принципу, т.-е. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ община можетъ легко констатировать извѣстную выгоду для другого лица, какъ результатъ своей дѣятельности, она можетъ потребовать отъ этого лица вознагражденія въ томъ или иномъ размѣрѣ.

Нѣкоторые ученые, какъ Гнейстъ, хотятъ даже построить все общинное обложеніе исключительно на обложеніи земли и вообще недвижимости, мотивируя это тѣми особенными выгодами, которыя получаетъ земля отъ общинныхъ расходовъ. Такъ, если цѣны сельско-хозяйственныхъ имѣній утроиваются и учетверяются,—говоритъ онъ,—то это происходитъ не столько отъ новыхъ затратъ оборотныхъ капиталовъ, сколько отъ улучшенныхъ средствъ сообщенія, отъ облегченія сбыта и другихъ условій, являющихся результатомъ общинныхъ затратъ *). Конечно, эта теорія слишкомъ узка и одностороння: нельзя говорить серьезно, что всѣми выгодами общинной жизни пользуются лишь домовладѣльцы и землевладѣльцы. Однако несомнѣнно, въ виду того, что въ общинѣ болѣе рельефно выступаетъ ея хозяйственный моментъ, чѣмъ въ государствѣ, сфера приложенія принципа Leistung und Gegenleistung здѣсь гораздо шире, чѣмъ въ послѣднемъ, а потому, конечно, совершенно справедливо, если теоретики дѣлаютъ особенное удареніе на развитіи въ общинѣ пошлиннаго начала **).

Теперь, имѣя въ виду идеалъ земскаго обложенія, я дамъ организацію послѣдняго въ Пруссіи. Я бѣгло очерчу положеніе земскаго обложенія по

---

*) См. *Лебедевъ*: „Мѣстные налоги", 69—74 стр.

**) Исторія развитія принциповъ общиннаго обложенія изложена у Adickes'а: *Das Kommunalabgabengesetzt* 1—164 стр., и у *Лебедева*—„Мѣстные налоги".

тремъ категоріямъ общинныхъ единицъ: во-первыхъ, для 205 городовъ, каждый съ населеніемъ свыше 10,000 гражданъ; во-вторыхъ, для городовъ съ населеніемъ ниже 10,000, при этомъ въ основу счетныхъ результатовъ общинъ этого рода взято по одной типичной городской общинѣ изъ каждаго округа, и въ-третьихъ, для сельскихъ общинъ, для характеристики финансоваго положенія которыхъ точно также взято лишь по двѣ типичныхъ общины изъ каждаго округа. По первой группѣ, т.-е. въ 205 прусскихъ городахъ съ населеніемъ свыше 10,000 человѣкъ, реальные налоги дали всего 16.729,890 м., а личные—103.917,501 м., т.-е. въ цѣломъ бюджетѣ первые составляли всего лишь 13,08%, а вторые (преимущественно результатъ подоходнаго налога)—81,25% *). Въ 38 городахъ изъ этихъ 205 даже совсѣмъ не было реальныхъ налоговъ. Любопытно сравнить по этимъ городамъ расходы на пути сообщенія (41.897,154 м.) съ общимъ итогомъ отъ реальныхъ налоговъ (16.729,890 м.), такимъ образомъ оказывается, что въ общей суммѣ этихъ расходовъ реальными налогами покрывалось всего лишь 39,93%. По второй группѣ городовъ результаты почти аналогичны: личными налогами покрывается 75,73% всего бюджета, а реальными—19,23%; точно также немного лучше обстоитъ дѣло и съ сельскими общинами, гдѣ личными налогами покрывается 61,88% бюджета, а реальными—35,09%. А если мы замѣтимъ, что подъ рубрикой личныхъ налоговъ главнымъ образомъ подразумѣвается подоходный налогъ, поступленія котораго составляютъ львиную долю, то ясно, что бюджеты прусскихъ сельскихъ и въ особенности городскихъ общинъ покоились на подоходномъ обложеніи. Итакъ, коммунальное прусское обложеніе характеризуется крайне слабымъ развитіемъ реальныхъ налоговъ, до того слабымъ, что даже расходы на пути сообщенія не покрываются общимъ итогомъ отъ реальныхъ налоговъ, а слѣдовательно до сихъ поръ недостаточно отводилось мѣста въ системѣ прусскаго земскаго обложенія принципу возмездности, какъ бы это слѣдовало по теоріи общиннаго обложенія **). И для самихъ общинъ существовавшая система обложенія была чрезвычайно неудобна: когда въ небольшой общинѣ городской или сельскій бюджетъ опирается на подоходное обложеніе, то выѣздъ даже одного богатаго лица можетъ нарушить бюджетное равновѣсіе, а между тѣмъ при маломъ развитіи реальныхъ налоговъ трудно скоро возстановить это равновѣсіе, затѣмъ такая организація бюджета способствуетъ концентраціи населенія въ большихъ городахъ, гдѣ легче, сравнительно съ маленькою общиной, скрыть свой доходъ, такъ какъ въ маленькой общинѣ всѣ другъ друга хорошо знаютъ и имѣютъ точное представленіе о достаткахъ каждаго. Затѣмъ высокія надбавки общинами къ государственному подоходному на-

*) По отдѣльнымъ же городамъ еще менѣе: такъ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ—5,5%, Кенигсбергѣ—7,74%, Магдебургѣ—8,34%, Мальштадтъ-Бурбахѣ—3,12%.

**) И въ этомъ случаѣ до сихъ поръ едва ли можно было упрекать общины: вполнѣ естественно, если онѣ боялись напрягать реальные источники, разъ послѣдніе уже были обложены государствомъ.

логу конечно слишкомъ напрягали совѣсть плательщиковъ и вели къ значительнымъ утайкамъ, и такимъ образомъ дурное устройство земскихъ финансовъ деморализировало плательщиковъ. Надбавки къ подоходному налогу въ 233 общинахъ достигали даже 300%, а главное такой характеръ общиннаго обложенія не удовлетворялъ требованіямъ справедливости: всетаки община по преимуществу хозяйственный союзъ, затраты котораго главнымъ образомъ идутъ на пользу поземельныхъ и подомовыхъ владѣльцевъ, а между тѣмъ они-то и несли менѣе всего налоговъ.

Итакъ, земское прусское коммунальное обложеніе, главнымъ образомъ, покоилось до сихъ поръ на подоходномъ обложеніи, слишкомъ мало привлекая къ участію въ расходахъ владѣльцевъ реальныхъ объектовъ, которые благодаря этому получали всѣ выгоды земскаго хозяйства, почти не неся издержекъ на него. Конечно, интересы справедливости требовали радикальной реформы въ земскомъ обложеніи, и эти интересы не могли оставаться одними платоническими пожеланіями, въ особенности при томъ направленіи прусской податной политики, которое окрасило тамъ всю экономическую и финансовую политику послѣдняго времени.

Итакъ, съ одной стороны реальные налоги въ государственномъ бюджетѣ были неудовлетворительны и являлись до нѣкоторой степени анахронизмомъ и, во всякомъ случаѣ, требовалась коренная ихъ реформа, съ другой стороны, ихъ надо было развить въ общинномъ бюджетѣ. Невольно являлась мысль, не передать ли ихъ изъ государственнаго бюджета частью или всецѣло въ той или другой формѣ общинамъ? Такимъ путемъ можно было бы разомъ достичь двухъ цѣлей *): глубже провести принципы справедливости въ государственномъ бюджетѣ, т.-е. пойти дальше по тому пути, на который уже давно вступила Пруссія, и улучшить земскій бюджетъ.

Въ принципѣ эта реформа была уже ранѣе рѣшена. Еще въ 1888 г. 14 апрѣля состоялась резолюція палаты депутатовъ, гласящая: просить королевское правительство войти въ возможно скоромъ времени съ проектомъ передачи поземельнаго и подомоваго налоговъ общиннымъ союзамъ, а верхняя палата еще ранѣе, а именно: въ 1886 г. 23 марта признала, что полная передача подомоваго и поземельнаго налога общинамъ является настоятельной потребностью, и отъ осуществленія этой реформы, по ея мнѣнію, можно ожидать существеннаго улучшенія въ государственныхъ и коммунальныхъ финансахъ. Но самая эта передача обрисовывалась тогда еще въ очень смутныхъ очертаніяхъ: должна ли явиться она въ формѣ дотаціи коммунальнымъ союзамъ изъ суммъ, получаемыхъ государствомъ отъ подомоваго и поземельнаго налоговъ, или государство вполнѣ должно отказаться отъ этихъ налоговъ и предоставить ихъ всецѣло общинамъ, и тогда обложеніе этихъ источниковъ должно ли быть правомъ или обязанностью этихъ послѣднихъ? Всѣ эти вопросы, повторяю, были не ясны. Въ

---

*) *Friedberg*: „Zur Reform der Gemeindessteuerung in Preussen, въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik". 1892, 3 Heft.

мотивахъ къ новому подоходному налогу 24 іюня 1891 г. указывалось, что вносимый въ палату новый налогъ есть лишь начало широко-задуманной реформы, а именно, передачи поземельнаго, подомоваго и промыслового налоговъ общинамъ и затѣмъ уменьшенія надбавокъ со стороны общинъ къ государственному подоходному налогу, а § 82 закона о подоходномъ налогѣ 1891 г. гласилъ, что избытокъ поступленій отъ подоходнаго налога сверхъ извѣстной суммы *) долженъ быть употребляемъ на уничтоженіе подомового и поземельнаго налога въ государственномъ бюджетѣ и передачу ихъ общинамъ.

Я не буду останавливаться на тѣхъ проектахъ, которые имѣлись въ виду при проведеніи реформы, укажу лишь на одинъ, а именно, оставить налоги въ прежнемъ видѣ въ рукахъ государства, но весь итогъ поступленій отъ нихъ распредѣлять между общинами. Конечно, это улучшило бы общинные финансы, но при этомъ возникали большія трудности, какъ распредѣлять эти поступленія, по какому масштабу? Теорія финансовой науки высказывается рѣшительно противъ системы такихъ дотацій, не направляемыхъ въ формѣ воспособленій для общины на проведеніе ею той или другой цѣли, такъ какъ зачастую это ведетъ къ расточительности среди общинъ, притомъ этотъ типъ реформы ничего бы не измѣнилъ въ системѣ государственнаго обложенія. Шероховатость реальнаго обложенія, та шероховатость, которая въ значительной степени можетъ быть сглажена при системѣ коммунальнаго обложенія, осталась бы, попрежнему, и улучшеніе системы государственнаго обложенія не подвинулось бы впередъ, и тѣ дурныя стороны реальной системы государственныхъ налоговъ, которыя такъ шокируютъ теперь чувство справедливости, такъ, попрежнему, и продолжали бы существовать; правда, средства общинныхъ союзовъ были бы увеличены, но—и только. Такая реформа была бы чисто-механической и не имѣла бы ни малѣйшей связи съ соціальной политикой Пруссіи.

При полной же передачѣ реальныхъ налоговъ общинѣ получается совершенно другая картина. Если община и не въ состояніи устранить всѣхъ невыгодныхъ сторонъ реальныхъ налоговъ, какъ, наприм., невычета долговъ, то она во многомъ можетъ улучшить реальную систему, такъ, при системѣ коммунальныхъ реальныхъ налоговъ община скорѣе можетъ внести равномѣрность въ обложеніе этихъ объектовъ: эта система становится тогда болѣе эластичной, она лучше можетъ отражать на себѣ тѣ или другіе оттѣнки экономической жизни, затѣмъ самое кадастрированіе, это необходимѣйшее условіе хорошаго функціонированія реальныхъ налоговъ, здѣсь можетъ совершаться гораздо чаще и точнѣе. Правда, существенный недостатокъ реальной системы—невычетъ долговъ изъ дохода—остается и при системѣ коммунальныхъ реальныхъ налоговъ, но всѣ остальные недостатки въ значительной степени смягчаются. Однимъ словомъ, если государственные реальные налоги при современныхъ экономическихъ условіяхъ теряютъ

*) А именно сверхъ 80 милл. марокъ + 5% надбавка на каждый годъ.

свой raison d'être, то, можно сказать, не безвозвратно: ихъ стоитъ лишь перенести въ другую атмосферу, болѣе подвижную и живую, болѣе эластичную, и они опять начинаютъ тамъ съ успѣхомъ выполнять свою славную былую роль. Государственные реальные налоги слишкомъ тяжеловѣсны, неподвижны, имъ надо придать больше живости и эластичности, чтобы приспособить ихъ къ новымъ экономическимъ условіямъ. Благодаря этой передачѣ и реальные налоги освобождаются отъ нѣкоторыхъ существенныхъ своихъ недостатковъ, и земскій бюджетъ ставится на болѣе правильную почву.

Итакъ, радикальною мѣрой являлось лишь полное исключеніе изъ государственнаго бюджета реальныхъ налоговъ и передача ихъ общинамъ.

Но какъ покрыть въ государственномъ бюджетѣ этотъ дефицитъ? Уничтоженію по проекту подлежали:

Поземельный налогъ въ размѣрѣ	39.907,000 мар.
Подомовый » » »	35.086,000 »
Промысловый » » »	19.811,000 »
Налогъ съ горнаго промысла.	6.926,000 »
Итого . . .	101.730,000 мар.

Итакъ, дефицитъ въ общемъ итогѣ равнялся 101.730,000 мар. Для покрытія его имѣлся избытокъ отъ подоходнаго налога, достигающій въ среднемъ 40.000,000 мар. сверхъ нормы въ 80.000,000 мар., опредѣленной по закону 1891 г. Затѣмъ, по закону 14 мая 1885 г., такъ назыв. lex Huene, хлѣбныя пошлины, получаемыя Германіей и причитающіяся на долю Пруссіи, въ послѣдней должны были распредѣляться между отдѣльными округами (Kreise), т.-е. по этому закону Пруссія поступленія отъ хлѣбныхъ пошлинъ должна была уступать общинамъ, и въ среднемъ такимъ путемъ ежегодно передается Пруссіей округамъ около 24 милл. мар. Но эта система дотацій, какъ я уже говорилъ, давно осуждена наукой: потребности и задачи округовъ очень различны, а, между тѣмъ, распредѣленіе этихъ 24 милл. между ними совершается безъ всякаго отношенія къ этимъ задачамъ, и если во многихъ округахъ эти средства получаютъ хорошее употребленіе, то въ иныхъ они служатъ лишь предлогомъ къ совершенно непроизводительнымъ расходамъ, въ которыхъ ранѣе не было никакой нужды. Очевидно, лучше было бы уничтожить эти дотаціи и обратить эти деньги въ государственное казначейство, округи же этотъ дефицитъ въ своемъ бюджетѣ съ избыткомъ, конечно, могли бы покрыть изъ вновь предоставляемыхъ имъ источниковъ. Кромѣ того, въ государственномъ бюджетѣ съ проведеніемъ новой реформы получались нѣкоторыя сбереженія за уничтоженіемъ тѣхъ расходовъ, которые прежде были связаны со взиманіемъ прямыхъ налоговъ. Такимъ образомъ, въ итогѣ, не ломая существующей системы обложенія, для покрытія дефицита уже было налицо около 67 милл. мар., слѣдовательно, оставалось еще покрыть около 35 милл. мар.

Какимъ же образомъ покрыть этотъ послѣдній дефицитъ? Уже направ-

леніе за послѣднее время прусской податной политики должно было подсказать способъ покрытія дефицита. Я уже говорилъ, что реальные налоги въ налоговой системѣ при существованіи подоходнаго налога являются формой болѣе тяжелаго обложенія фундированныхъ доходовъ, но по проекту реальные налоги уничтожались, и изъ прямыхъ оставался лишь одинъ подоходный, при существующей организаціи котораго въ Пруссіи не дѣлается различія между фундированными и нефундированными доходами,— слѣдовательно, оставалось ввести такой новый налогъ, который бы и выполнилъ въ бюджетѣ эту роль, а такимъ налогомъ и является налогъ *поимущественный*.

При этомъ преимущество послѣдняго передъ реальными налогами состоитъ въ томъ, что онъ облагаетъ фундированные доходы однимъ и тѣмъ процентомъ, т.-е. болѣе равномѣрно, чѣмъ это дѣлаетъ система реальныхъ налоговъ. Но кромѣ только что упомянутой роли поимущественный налогъ при подоходномъ выполняетъ еще роль восполненія послѣдняго. Дѣло въ томъ, что подоходнымъ налогомъ облагается доходъ лица, но теперь, при сложности отношеній, доходъ не является единственнымъ показателемъ налогоспособности лица: часто лицо обладаетъ очень цѣннымъ имуществомъ, которое хотя и не приноситъ дохода ему, однако, лицо несомнѣнно является вполнѣ налогоспособнымъ плательщикомъ. Вотъ этотъ-то признакъ налогоспособности подоходнымъ налогомъ вовсе не охватывается, между тѣмъ, онъ заслуживаетъ вниманія въ особенности при современныхъ условіяхъ, когда часто какое-нибудь имущество не пускается въ оборотъ, такъ сказать, выдерживается долгое время и не приноситъ дохода за это время, такъ, напримѣръ, это имѣетъ мѣсто въ особенности при земельныхъ спекуляціяхъ, когда спекуляторы скупаютъ землю и держатъ ее въ своихъ рукахъ, выжидая заселенія мѣстности и поднятія цѣны на землю, и до того времени спекуляторы не получаютъ ровно никакого дохода, между тѣмъ, несомнѣнно они вполнѣ налогоспособны. Слѣдовательно, поимущественный налогъ отвѣчаетъ всѣмъ теоретическимъ требованіямъ, и, кромѣ того, есть большая доля вѣроятности, что онъ лучше выполнитъ ту функцію, которая лежала до сихъ поръ на реальныхъ налогахъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о покрытіи дефицита въ государственномъ бюджетѣ Пруссіи, замѣчу, что отъ новаго налога и предполагается получить недостающіе 35 милл. мар. (налогъ установленъ въ среднемъ въ размѣрѣ $^1/_2$ марки съ каждой 1,000 мар. имущественной массы плательщика, но объ этомъ ниже).

Обращусь теперь къ тѣмъ возраженіямъ, которыя приводились и въ печати, и въ обѣихъ палатахъ противъ поимущественнаго налога. Эти возраженія состоятъ въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, говорятъ, что поземельный налогъ успѣлъ уже пріобрѣсти рентный характеръ, т.-е. сдѣлаться какъ бы гипотекой государства на землю. Очевидно, при этомъ исходятъ изъ знаменитой теоріи Murhard'а

Fulda и др. *). Теорія эта въ самыхъ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Разъ вводится какой-либо реальный налогъ, въ особенности поземельный, то чистая прибыль со вновь обложеннаго объекта понижается, а такъ какъ цѣнность реальныхъ объектовъ обыкновенно опредѣляется путемъ капитализаціи чистаго дохода, получаемаго съ нихъ, то, конечно, вмѣстѣ съ введеніемъ новаго реальнаго налога должна понизиться и цѣнность этого объекта. Это явленіе часто можно наблюдать при введеніи какого-либо новаго поземельнаго налога. Допустимъ теперь, что прежній владѣлецъ земли послѣ введенія поземельнаго налога хочетъ продать свою землю; ему дадутъ теперь лишь пониженную цѣну, и новый владѣлецъ вовсе не будетъ ощущать налога, такъ какъ онъ прямо при самой покупкѣ изъ прежней цѣны имѣнія уже вычелъ капитализированную сумму налога, имѣя въ виду, что онъ ежегодно будетъ уплачивать вновь введенный налогъ, и этотъ послѣдній будетъ какъ бы процентами съ недоплаченной суммы; слѣдовательно, въ концѣ-концовъ, весь налогъ упадетъ на перваго владѣльца имѣнія и будетъ не чѣмъ инымъ какъ особымъ видомъ прямой конфискаціи части недвижимой собственности. Вотъ этотъ-то особый видъ переложенія налоговъ и называется амортизаціей налога. Уничтоженіе такого уже успѣвшаго амортизироваться налога явилось бы простымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ подаркомъ для поземельныхъ собственниковъ. Вотъ поэтому-то я и говорилъ раньше, что государство не могло просто отказаться отъ реальныхъ налоговъ, совсѣмъ уничтоживъ ихъ. Но это возраженіе въ значительной степени теряетъ свой вѣсъ, если мы вспомнимъ, что поземельный налогъ въ Пруссіи сравнительно недавняго происхожденія: такъ, въ старыхъ провинціяхъ онъ введенъ съ 1865 г. и въ новыхъ лишь въ періодъ 1876—78 гг. и едва ли онъ успѣлъ еще амортизироваться, въ особенности, въ новыхъ провинціяхъ. А затѣмъ существеннымъ условіемъ амортизаціи реальныхъ налоговъ является ихъ *полная опредѣленность*, между тѣмъ поземельная и подомовая собственность, помимо государственнаго налога, подлежала еще и общиннымъ налогамъ, часто варьирующимся въ своемъ размѣрѣ, что, конечно, затрудняло процессъ ихъ амортизаціи, и потому реальные налоги едва ли успѣли пріобрѣсти въ столь широкой степени тотъ рентный характеръ, на который ссылаются противники реформы. А кромѣ того, вѣдь, здѣсь рѣчь идетъ не о полномъ уничтоженіи реальныхъ налоговъ, а лишь о передачѣ ихъ общинамъ, которыя, конечно, подвергнутъ реальные объекты обложенію въ гораздо бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ онѣ это дѣлали до сихъ поръ, а слѣдовательно ни о какомъ подаркѣ владѣльцамъ реальныхъ объектовъ при этой реформѣ и рѣчи быть не можетъ.

Во-вторыхъ, противники реформы говорятъ, будто бы этой реформой будетъ поколеблена устойчивость бюджета. По теоріи Вагнера реальные

*) См. *Лебедевъ*: „Поземельный налогъ".

налоги, при которыхъ легко заранѣе усчитать размѣры поступленій, придаютъ устойчивость бюджету.

Это когда-то дѣйствительно имѣло свое основаніе, но это было еще въ тѣ времена, когда были малы поступленія отъ другихъ формъ обложенія и когда, слѣдовательно, доходы отъ реальныхъ объектовъ составляли столь существенную часть бюджета, что устойчивость или неустойчивость послѣдняго исключительно зависѣла отъ нихъ; между тѣмъ, теперь значеніе реальныхъ налоговъ въ бюджетѣ болѣе чѣмъ скромно, и притомъ оно постоянно падаетъ: такъ, въ 1821 г. въ Пруссіи поземельный и подомовый налогъ вмѣстѣ при чистомъ бюджетѣ обыкновенныхъ расходовъ въ 150 мил. мар. дали всего 28 мил., слѣдовательно упомянутые налоги дали только 18,7%, въ 1851 г. они дали 30,3 мил. мар. при бюджетѣ въ 209,4 мил. мар., т.-е. дали 14,5% всего бюджета, а въ 1892—93 г.—75 мил. мар. при бюджетѣ въ 931 мил. мар., т.-е. всего только 8% бюджета. Между тѣмъ, параллельно съ этимъ паденіемъ роли реальныхъ налоговъ, въ бюджетѣ все большее и большее значеніе пріобрѣтаютъ личные налоги, и многолѣтній опытъ уже успѣлъ показать, что поступленія отъ нихъ можно опредѣлить съ такою же достовѣрностью, какъ и поступленія отъ реальныхъ налоговъ, и слѣдовательно въ своей опредѣленности и устойчивости личные налоги нисколько не уступаютъ реальнымъ.

Затѣмъ нѣкоторые теоретики ссылаются на тотъ фактъ, что будто бы реальные объекты во время войны и другихъ народныхъ бѣдствій лучше выдержатъ налоговую тягость, чѣмъ другіе источники. Но опять это положеніе доносится къ намъ изъ глубокой древности, и тамъ оно сложилось при такихъ условіяхъ, которыхъ мы теперь не имѣемъ въ наличности: неравномѣрность реальнаго обложенія и обремененность гипотекой реальныхъ объектовъ теперь дѣлаетъ эти послѣдніе, въ трудные дни экономической жизни государства, вовсе непригодными источниками доходовъ: реальные объекты въ эти моменты болѣе всего страдаютъ, и въ силу этого, конечно, доходы отъ нихъ наиболѣе всего подвержены колебаніямъ. Въ этомъ отношеніи поимущественный налоговъ находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ онъ охватываетъ наравнѣ съ недвижимою собственностью и движимый капиталъ, менѣе подверженный случайностямъ, напримѣръ во время войны, чѣмъ недвижимая собственность. А затѣмъ и вообще съ прогрессомъ общества ростъ полученій отъ поимущественнаго налога будетъ увеличиваться въ гораздо большей степени, чѣмъ отъ реальныхъ налоговъ, такъ какъ теперь все большую и большую роль въ экономической жизни начинаетъ играть денежный капиталъ, и ростъ имущества главнымъ образомъ выражается въ увеличеніи этого капитала.

Наконецъ, противники поимущественнаго налога, истощивъ всѣ аргументы теоретическаго характера, пытались ссылаться на примѣры неудачныхъ попытокъ проведенія въ жизни поимущественнаго налога, думая этою послѣдней ссылкой затормозить реформу. Такъ они указывали на примѣръ самой же Пруссіи въ 1812 г., когда въ ней для покрытія чрезвычайныхъ

военныхъ расходовъ былъ введенъ поимущественный налогъ въ огромномъ размѣрѣ, а именно въ размѣрѣ 3%, и, какъ извѣстно, налогъ этотъ былъ крайне неудаченъ: онъ слишкомъ мало давалъ государственному казначейству. Но неудача, постигшая этотъ налогъ, ничего не можетъ говорить противъ него, потому, во-первыхъ, что нація тогда была истощена; во-вторыхъ, норма обложенія была черезмѣрна и, въ-третьихъ, тогда не существовало еще достаточной подготовки къ оцѣнкѣ имущества,—той подготовки, которую теперь создалъ давно уже существующій въ Пруссіи подоходный налогъ, и въ этомъ смыслѣ этотъ послѣдній, такъ сказать, подготовилъ Пруссію къ новой реформѣ. Затѣмъ ссылались и на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ имущественный налогъ, такъ называемый property-tax, терпитъ и теперь полное фіаско. Но при этомъ они забываютъ тѣ различныя функціи, которыя возлагаются на поимущественный налогъ въ той и другой странѣ. Въ Америкѣ во многихъ штатахъ property tax является единственнымъ или, во всякомъ случаѣ, главнѣйшимъ налогомъ: онъ замѣщаетъ здѣсь подоходный налогъ и, конечно, вполнѣ удовлетворительно выполнять эту роль поимущественный налогъ не можетъ, въ особенности теперь, когда виды доходовъ успѣли уже сильно дифференцироваться, и одно имущество не можетъ выполнять роль масштаба въ организаціи обложенія. Къ этому присоединяется еще высокій номинальный процентъ обложенія въ Соединенныхъ Штатахъ, достигающій иногда 3%, и, конечно, это вызываетъ укрывательства всевозможнаго рода, такъ что зачастую обложенію подлежитъ не болѣе $^1/_8$ всего имущества плательщика, въ особенности ускользаетъ отъ обложенія движимая собственность, и поимущественный налогъ превращается во что-то въ родѣ donations for sunday school *).

Итакъ, поимущественному налогу легко отпарировать всѣ нападки на него.

Нельзя не указать на одну важную и выгодную сторону поимущественнаго налога,—это ту, что въ его организаціи возможно провести вычетъ долговъ, и этимъ, конечно, онъ выгодно отличается отъ системы реальныхъ налоговъ.

Обращусь теперь къ организаціи поимущественнаго налога по новому закону 1893 г.

Что касается субъекта, то поимущественному налогу подлежатъ всѣ физическія лица, обязанныя по закону 24 іюня 1891 г. уплатой подоходнаго налога, лица же не подлежащія послѣднему освобождены и отъ поимущественнаго налога.

Обложенію подлежитъ все имущество плательщика—движимое и недвижимое, но за вычетомъ долговъ, а именно: поземельная собственность со всѣми принадлежностями и разныя права пользованія, имѣющія денежную

---

*) См. объ этомъ въ особенности любопытную брошюру Edw. Seligman'a: *The property tax* 1890, а также его *Finanzen der Vereinigten Staaten* (въ Fin. Archiv).

цѣнность, затѣмъ капиталы основной и оборотный, находящіеся въ земледѣліи, лѣсномъ хозяйствѣ, скотоводствѣ, винодѣліи садоводствѣ и т. д., затѣмъ капиталы въ формѣ акцій, паевъ, денежныхъ запасовъ, пожизненныхъ рентъ и т. д.,—однимъ словомъ, отъ обложенія изъяты только поземельная собственность и капиталы оборотные и постоянные, помѣщенные внѣ Пруссіи, и мебель, домашняя утварь и другая движимая собственность, насколько она не является принадлежностью поземельной собственности или составною частью постояннаго или оборотнаго капитала въ томъ или иномъ производствѣ.

Далѣе, поимущественному налогу не подлежатъ: 1) Лица, имущество коихъ не привышаетъ 6,000 мар., 2) лица съ доходомъ не свыше 900 мар., если ихъ имущество не превышаетъ 20,000 мар. и 3) наконецъ, лица женскаго пола, на обязанности которыхъ лежитъ содержаніе малолѣтнихъ членовъ семейства, вдовы, не имѣющія родителей, и другія, неспособныя къ работѣ, лица, если ихъ состояніе не превышаетъ 20,000 мар., а доходъ 1,200 мар.

Налогъ поразрядный взимается по слѣдующей скалѣ:

При	имуществѣ	цѣнностью	отъ 6,000	мар.	до 8,000 . . .	3	мар.
»	»	»	» 8,000	»	» 10,000 . . .	4	»
»	»	»	» 10,000	»	» 12,000 . . .	5	»
»	»	»	» 12,000	»	» 14,000 . . .	6	»
	и т. д.,	наконецъ,	отъ 60,000	»	» 70,000 . . .	30	»

и далѣе до 200,000 мар. на каждыя 10,000 мар. налагается по 5 мар., отъ 200,000 до 220,000 налогъ равняется 100 мар., а свыше на каждыя 20,000 мар. взимаются добавочныя 10 мар.—Однимъ словомъ, въ среднемъ налогъ приблизительно составляетъ ½ мар. съ 1,000 мар. имущественной цѣнности. Оцѣнка имущества производится особыми смѣшанными коммиссіями изъ 4 членовъ, изъ которыхъ два назначаются правительствомъ, а два выбираются самими плательщиками. По проекту предполагалась обязательная декларація, но закономъ установлена лишь факультативная. Итакъ, вотъ что было создано въ государственномъ бюджетѣ на мѣсто выдѣленныхъ прямыхъ реальныхъ налоговъ и новое зданіе, какъ мы уже видѣли, имѣетъ крупныя преимущества передъ старымъ. Мы уже видѣли теперь реформы, произведенныя въ 1893 г. въ государственномъ бюджетѣ,—я уже указалъ, какъ заполненъ былъ тотъ довольно, все-таки, крупный дефицитъ, который образовался въ бюджетѣ; общую же оцѣнку этой реформы государственнаго бюджета, чтобы далѣе мнѣ не пришлось повторяться, я приберегу къ концу, а теперь остановлюсь нѣсколько подробнѣе на реформѣ общиннаго обложенія въ ея цѣломъ и выясню тѣ мотивы, которые легли въ основу его.

«Община—преимущественно союзъ для достиженія хозяйственныхъ цѣлей (die Gemeinde wesentlich ein Verband zur Erreichung wirthschaftlicher Ziele)»,—говорится въ мотивахъ къ проекту реформы прусскаго общиннаго обложе-

нія. И дѣйствительно, съ развитіемъ внутренняго управленія, съ осложненіемъ задачъ послѣдняго, общинѣ приходится все болѣе и болѣе развивать свою дѣятельность въ области хозяйственныхъ цѣлей, и, конечно, издержки по осуществленію этихъ хозяйственныхъ цѣлей должны оплачиваться заинтересованными лицами; поэтому-то сфера приложенія принципа Leistung und Gegenleistung, т.-е. принципа возмездности, здѣсь гораздо шире, чѣмъ въ области государственнаго хозяйства, и эта сфера въ будущемъ не только не будетъ суживаться, но должна даже расширяться параллельно съ развитіемъ внутренняго управленія общины. Вотъ тѣ идеи, которыя легли въ основу прусской реформы коммунальнаго обложенія, и эти идеи вполнѣ согласны съ тѣми положеніями, которыя предъявлены теоріей финансовой науки къ организаціи общиннаго обложенія. Какую же форму приняли эти идеи при проведеніи реформы?

На первомъ мѣстѣ при исчисленіи источниковъ дохода въ законѣ о коммунальномъ обложеніи стоятъ пошлины, и общины могутъ взимать налоги лишь въ томъ случаѣ, если уже исчерпаны другіе источники, какъ-то: доходы съ общиннаго имущества, пошлины и т. д. Пошлины здѣсь пополняются въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. подъ ними подразумѣвается всякая плата за услугу общиннаго управленія, какъ-то: платежи за проведеніе воды, газа и т. д. Такимъ образомъ общинамъ какъ бы рекомендуется развивать свою промысловую дѣятельность и включать въ область муниципальнаго управленія многія такія предпріятія, которыя до сихъ поръ находились въ частныхъ рукахъ, какъ-то, уже упомянутыя нами: водоснабженіе, газовые заводы, канализація и т. д., и дѣйствительно, хозяйственная дѣятельность общины за послѣднее время быстро развивается. Такимъ образомъ, законъ здѣсь идетъ на встрѣчу уже назрѣвшей потребности общиннаго управленія, онъ, такъ сказать, лишь санкціонируетъ ее.

Затѣмъ этимъ же законодательнымъ актомъ узаконяются здѣсь такъ назыв. Beiträge, англійскіе betterment tax'ы или американскіе special assessments, которые сыграли огромную благодѣтельную роль въ особенности въ городскомъ хозяйствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ *). По § 9 Kommunalabgabengesetz'а при проведеніи такихъ мѣръ, которыя хотя и имѣютъ публичный интересъ, но выгоды отъ которыхъ главнымъ образомъ получаетъ извѣстный кругъ лицъ—домовладѣльцы или землевла-

---

*) Special assessments усвоены теперь въ Соединенныхъ Штатахъ въ 40 штатахъ. Какое огромное вліяніе имѣли они на городское хозяйство, видно изъ того, что въ Бостонѣ до введенія Special assessments въ періодъ 1822 — 1866 гг. затрачено всего на улучшенія города 4,4 милл. долл., а съ 1866 по 1880 г., когда вошли въ практику Special assessments—22,2 милл. долл., и, какъ говорятъ финансисты, только благодаря имъ въ американскихъ городахъ произведено множество улучшеній, на которыя иначе нельзя было и разсчитывать (см. *Contemporary Review* 1890 *Sohn Rae*: „The betterments tax" и книгу Cooley: *The american taxation* 1876 г. и статью Селигмана въ *Quarterly Journal of Politic science: Classification of public Revenue.* Въ нѣмецкой литературѣ о Beiträge лучшая книга Neumann'а: *Die Steuer und das öffentliche Interesse*. 1887, Leipzig.

дѣльцы, или промышленники, общины могутъ принудить этихъ послѣднихъ къ платежу особыхъ суммъ такъ назыв. Beiträge для покрытія этихъ расходовъ, причемъ эти платежи раскладываются между заинтересованными лицами пропорціонально получаемымъ ими выгодамъ. Такъ, напримѣръ, допустимъ, что городъ устраиваетъ бульваръ,—конечно, это значительно увеличиваетъ цѣнность домовъ, прилегающихъ къ этому бульвару,—и вотъ городъ вправѣ тогда потребовать отъ этихъ домовладѣльцевъ покрытія части издержекъ, вызванныхъ постройкой этого бульвара, и эти платежи будутъ тогда называться Beiträge. Или далѣе, напримѣръ, городъ вводитъ поливку улицъ или устраиваетъ новыя мостовыя, и въ такихъ случаяхъ онъ можетъ потребовать со стороны ближайшихъ домовладѣльцевъ покрытія этихъ издержекъ въ томъ или иномъ размѣрѣ. На мой взглядъ, этотъ § новаго прусскаго закона, вводящій и здѣсь эти Beiträge, долженъ будетъ сыграть такую же роль въ общинномъ хозяйствѣ Пруссіи, какую они сыграли въ Соединенныхъ Штатахъ.

Затѣмъ на почвѣ тѣхъ же идей и реальные налоги, какъ доходы отъ тѣхъ источниковъ, которымъ наиболѣе приносятъ пользы общинные расходы, переданы общинамъ, причемъ, конечно, эти источники должны быть переданы въ полное вѣдѣніе общинъ: только при этомъ условіи послѣднія могутъ провести принципъ возмездности. Ради лучшаго проведенія послѣдняго принципа общинамъ предоставлено облагать однихъ владѣльцевъ реальныхъ объектовъ нѣсколько болѣе или нѣсколько менѣе, чѣмъ другихъ (mehrbelasten или minderbelasten) сообразно получаемымъ ими выгодамъ. Конечно, общины, имѣя полное право распоряженія обложеніемъ реальныхъ объектовъ, будутъ имѣть возможность лучше принаровить это обложеніе къ мѣстнымъ условіямъ. Но за общинами оставлено и право подоходнаго обложенія, такъ что теперь, по идеѣ реформы, расходы, идущіе на пользу всѣхъ жителей общины, должны покрываться путемъ подоходнаго обложенія, а расходы, въ результатѣ которыхъ выгоды выпадаютъ на недвижимость и торговлю, должны покрываться на счетъ сборовъ съ этихъ послѣднихъ объектовъ. Но, конечно, процессъ выработки каждою общиной своего способа обложенія—процессъ очень трудный и медленный, и чтобы не торопить общинъ этою выработкой новыхъ системъ обложенія, пока остаются старые способы обложенія, и общины лишь опредѣляютъ размѣръ послѣдняго въ извѣстномъ процентѣ къ прежнимъ государственнымъ налогамъ. Установляя свои собственные виды прямого обложенія, общины могутъ вводить различныя основанія этого обложенія: такъ, напримѣръ, при налогахъ съ недвижимости въ основу поземельнаго и подомоваго обложенія можетъ быть положенъ или чистый доходъ (Reinertrag), арендная или наемная плата, обычная цѣна участка или дома, или даже нѣсколько этихъ признаковъ, вмѣстѣ взятыхъ; при обложеніи промышленности и торговли за масштабъ обложенія общины могутъ положить доходъ за послѣдній годъ или за рядъ лѣтъ, размѣры постояннаго или оборотнаго капитала, какіе-нибудь другіе признаки, свидѣтельствующіе о размѣрахъ

предпріятія, или же нѣсколько такихъ признаковъ, взятыхъ вмѣстѣ. Но всѣ реальные объекты должны быть облагаемы въ одинаковомъ размѣрѣ (mit demgleichen Prozentsatze). Подоходное обложеніе въ пользу общины теперь можетъ совершаться лишь въ формѣ надбавокъ къ государственному подоходному налогу, но при этомъ община сама не можетъ опредѣлять доходы отдѣльныхъ плательщиковъ, а должна принимать ихъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они опредѣлены для государственнаго подоходнаго налога безъ измѣненій. Между тѣмъ самый тарифъ обложенія можетъ быть измѣненъ общиной, но съ извѣстными ограниченіями, а именно: нормы обложенія на низшихъ ступеняхъ не могутъ быть выше, чѣмъ на высшихъ, и затѣмъ прогрессія обложенія не можетъ быть измѣнена въ смыслѣ неблагопріятномъ для высшихъ ступеней. Притомъ община можетъ удержать Existenzminimum въ 900 мар., но можетъ и отбросить его или обложить эти доходы въ нѣсколько низшемъ размѣрѣ.

Затѣмъ новымъ закономъ введено извѣстное взаимоотношеніе *), въ какомъ должны находиться между собой по размѣрамъ своего обложенія подоходный налогъ и система реальныхъ налоговъ, но за сложностью этихъ отношеній я не буду входить въ разсмотрѣніе ихъ и ограничусь лишь упоминаніемъ объ этомъ.

Итакъ, въ коммунальномъ обложеніи сфера примѣненія принципа возмездности расширена, и это, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ новѣйшимъ теченіямъ общинной жизни въ смыслѣ расширенія ихъ хозяйственной дѣятельности. До сихъ поръ дѣятельность этого послѣдняго рода искусственно нѣсколько суживалась, благодаря отсутствію въ рукахъ общины такихъ средствъ, съ помощью которыхъ она могла бы всѣхъ заставить участвовать въ своихъ хозяйственныхъ расходахъ сообразно выгодамъ, получаемымъ каждымъ. Только новый законъ 1893 г. даетъ въ руки общины эти гибкія и чрезвычайно эластичныя средства. Перечислимъ ихъ всѣ вкратцѣ: пошлины, Beiträge, самостоятельные реальные налоги и право minderbelasten, mehrbelasten и entlasten, т.-е. право облагать однихъ плательщиковъ больше, другихъ меньше, а третьихъ совсѣмъ освобождать. Съ такимъ арсеналомъ тонкихъ и чуткихъ средствъ общины могутъ широко развивать свою хозяйственную дѣятельность, не оскорбляя принциповъ справедливости, не благодѣтельствуя однимъ на счетъ другихъ.

Чтобы не растягивать моей статьи, я не буду останавливаться на развитіи косвеннаго обложенія въ общинныхъ финансахъ, что также имѣется въ виду закономъ 14 іюля 1893 г. Косвеннымъ обложеніемъ, надо замѣтить, поставленнымъ въ строгія рамки, имѣется въ виду: во-первыхъ, привлечь къ несенію налоговой тяжести и лицъ, живущихъ работой, не обладающихъ доходами въ достаточномъ размѣрѣ, чтобы быть привлеченными къ подоходному налогу, а во-вторыхъ, такимъ способомъ будутъ привле-

---

*) См. *Preuss.* Kommunalabgabengesetz, §§ 54—59. *Vertheilung des Steuerbedarfs auf die verschiedenen Steuerarten.*

чены къ налогамъ и лица, временно пребывающія въ извѣстной общинѣ, но пользующіяся выгодами общинной жизни. Эта сторона реформы вызываетъ противъ себя нѣкоторыя возраженія, хотя, надо замѣтить, виды косвеннаго обложенія строго опредѣлены. Такъ, напримѣръ, нельзя вовсе вновь вводить налоговъ на предметы первой необходимости (unentbehrliche Lebens-und Unterhaltsmittel), какъ-то: мясо, хлѣбъ, мука, картофель, всякаго рода предметы отопленія, такъ что подъ налогами на потребленіе главнымъ образомъ подразумѣвались лишь налоги на спиртные напитки *).

Резюмирую теперь сказанное мною относительно значенія новой прусской реформы.

Съ уничтоженіемъ прямыхъ реальныхъ налоговъ въ государственномъ бюджетѣ и съ замѣной ихъ поимущественнымъ налогомъ вносится больше справедливости и равномѣрности въ распредѣленіи налоговой тягости среди населенія, такъ какъ черезъ это, во-первыхъ, всѣ фундированные доходы облагаются въ одинаковомъ размѣрѣ, затѣмъ, во-вторыхъ, облагается лишь чистое имущество (Nettovermögen), за вычетомъ долговъ, слѣдовательно устраняются существенные недостатки реальныхъ налоговъ и, однако, сохраняются ихъ хорошія черты, т.-е. болѣе тяжелое обложеніе фундированныхъ доходовъ сравнительно съ нефундированными.

Затѣмъ, съ ограниченіемъ общинныхъ надбавокъ къ государственному подоходному налогу меньше будетъ утаекъ при декларацiяхъ плательщиковъ, такъ какъ платежныя силы ихъ не будутъ столь напрягаться, чтобы вызывать въ результатѣ сдѣлки со своей совѣстью, какъ это имѣетъ мѣсто теперь.

Наконецъ, центральная власть освобождается отъ массы хлопотливаго труда, связаннаго теперь съ оцѣнкой доходовъ, веденіемъ кадастра и раскладкой прямыхъ реальныхъ налоговъ.

Но еще болѣе важно значеніе реформы для общинныхъ финансовъ. По этой реформѣ разграничены источники обложенія между государствомъ и общиной, и послѣдняя получила въ полное свое владѣніе (правда, требуется согласіе правительства на каждую новую форму организаціи реальныхъ налоговъ) всѣ реальные объекты, и такимъ путемъ съ этого момента община перестаетъ питаться крохами, остающимися ей послѣ сытнаго обѣда государства.

Во-вторыхъ, требованія теоріи теперь въ земскомъ бюджетѣ, съ расширеніемъ сферы приложенія принципа Leistung und Gegenleistung, проведены глубже: на первомъ планѣ въ ряду бюджетныхъ средствъ для общины поставлены доходы отъ собственныхъ ихъ имуществъ, промышленныхъ общинныхъ предпріятій, пошлинъ и, въ особенности, подчеркнутъ послѣдній источникъ и этимъ санкціонировано расширеніе общинами ихъ хозяйственной дѣятельности, что давно уже требовали практики и теоре-

*) См. *Adickes:* „Das Kommunalabgabengesetz vom Juli 1893 für den praktischen Gebrauch mit einer geschitlichen Einleitung und Erläuterungen versehen". Berlin, 1894 г., стр. 171 и примѣч. 2.

тики общиннаго хозяйства. Конечно, при развитіи общинами ихъ хозяйственной дѣятельности, лица, принадлежащія къ общинѣ, въ различной степени пользуются выгодами этой дѣятельности, и справедливость требуетъ, чтобъ онѣ были привлекаемы къ покрытію этихъ издержекъ прямо пропорціонально этимъ выгодамъ, а для этого общинамъ надо дать такія гибкія средства, которыя бы дѣлали возможнымъ это привлеченіе отдѣльныхъ лицъ къ покрытію издержекъ въ различной степени.

И вотъ пошлины, Beiträge, право самостоятельнаго установленія реальныхъ налоговъ, право Minderbelasten и Mehrbelasten и являются чрезвычайно цѣлесообразными средствами для этой цѣли. Пользуясь этими средствами, общины будутъ въ состояніи привлекать различныя категоріи лицъ къ податному бремени въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это будетъ вызываться хозяйственными выгодами, выпадающими на данный классъ лицъ.

Прямое обложеніе въ системѣ общинныхъ финансовъ по новому закону основано на реальныхъ налогахъ, самостоятельно опредѣляемыхъ общиною, что, какъ мы уже видѣли, вызвано стремленіемъ къ внесенію большей справедливости въ коммунальное обложеніе, роль же подоходнаго налога сужена. Итакъ, реальные налоги, оказавшіеся нецѣлесообразными въ системѣ государственнаго бюджета и слишкомъ оскорблявшіе чувство справедливости при современныхъ условіяхъ экономической жизни, перенесены теперь въ новую, болѣе энергичную сферу, гдѣ они съ успѣхомъ, конечно, будутъ выполнять свою новую роль. Получивъ право вводить тѣ или другія формы обложенія по своему усмотрѣнію, общины, вмѣстѣ съ тѣмъ, получили въ руки могучее орудіе соціальныхъ реформъ, какъ это уже указываютъ нѣкоторые изслѣдователи (особенно Adickes). Такъ, напримѣръ, большіе города на Западѣ и въ Америкѣ сильно страдаютъ отъ спекуляцій съ землею: спекуляторы скупаютъ землю и выдерживаютъ ее до поднятія цѣны; конечно, земля не приноситъ дохода за это время, и обложеніе по доходу играетъ на руку спекулянтамъ; теперь же города могутъ бороться съ этимъ явленіемъ путемъ раціональной системы обложенія *).

Затѣмъ и средства общинныхъ финансовъ сильно увеличены: имъ государствомъ уступлено болѣе 70 милл. мар.; конечно, это даетъ возможность пышно расцвѣсть внутреннему управленію общинъ.

Итакъ, развитіе хозяйственной общинной дѣятельности, развитіе вообще внутренняго управленія общины, внесеніе большей справедливости и равномѣрности въ обложеніе, надѣленіе общинъ важнымъ орудіемъ соціальныхъ реформъ — вотъ послѣдствія новой податной реформы для общиннаго хозяйства.

Такимъ образомъ, этою реформой сдѣланъ важный шагъ на пути соціальной финансовой политики, и сумма справедливости въ мірѣ увеличена!

---

*) Только временно, до введенія своихъ налоговъ, общины будутъ пользоваться тѣми формами реальныхъ налоговъ, которыя выработало государство.

Любопытно отмѣтить, что тенденціи къ реформированію въ томъ же смыслѣ обнаруживаются даже въ Соединенныхъ Штатахъ. Американскіе профессора Ely и Seligman, анализируя финансовое хозяйство отдѣльныхъ штатовъ, приходятъ буквально къ тѣмъ же постулатамъ, которые проведены и въ прусской реформѣ. Въ Англіи также уже давно уничтожены реальные государственные налоги и остался лишь незначительный обломокъ ихъ въ формѣ поземельнаго налога, который теперь уже пріобрѣлъ вполнѣ рентный характеръ.

Прусская реформа, быть-можетъ, открываетъ новую эру въ финансовомъ хозяйствѣ общинъ, и дальнѣйшее развитіе послѣдняго, вѣроятно, пойдетъ въ этомъ направленіи. Пруссія является теперь застрѣльщикомъ на этомъ пути, и въ этомъ чрезвычайно велика ея культурная роль предъ цивилизованнымъ міромъ. Эта реформа и для науки открываетъ новые широкіе горизонты: новыя изслѣдованія теперь направятся на реальные налоги въ ихъ новой общинной обстановкѣ: они выступятъ передъ наукой въ новомъ свѣтѣ. Въ этомъ смыслѣ весь цивилизованный міръ, можно сказать, съ нетерпѣніемъ будетъ ждать результата реформы.

Эта реформа, помимо чисто-теоретическаго интереса, для насъ имѣетъ огромное практическое значеніе: у насъ болѣе чѣмъ неудовлетворительно земское финансовое хозяйство, въ особенности вредно отзывается на этомъ хозяйствѣ законъ 1866 г., которымъ положены предѣльныя нормы обложенія торговли и промышленности; поэтому вся тяжесть обложенія теперь у насъ лежитъ на землѣ и, главнымъ образомъ, на крестьянахъ, торговля же и промышленность слишкомъ мало участвуютъ въ несеніи податного бремени, между тѣмъ представители ихъ-то и пожинаютъ въ значительной степени плоды общиннаго хозяйства. Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго, если по статистическимъ даннымъ оказывается, что уже къ 1885 г. въ большей части сѣверной полосы Европейской Россіи поземельные земскіе сборы достигли весьма высокаго размѣра—свыше $^1/_3$ доходности земли *).

Такое положеніе вещей идетъ вразрѣзъ съ принципами справедливости,—съ тѣми принципами, проводниками которыхъ у насъ явились земства съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности. Стóитъ вспомнить, какъ сразу земство у насъ круто повернуло отъ старой государственной финансовой политики обложенія однихъ крестьянъ и разомъ притянуло къ участію въ налогахъ всѣ классы населенія. Стóитъ вспомнить затѣмъ, какъ земство единодушно, какъ одинъ человѣкъ, высказалось по поводу отмѣны подушнаго налога: «Настала великая пора,—говорило с.-петербургское губернское земское собраніе,—когда различіе между податными и неподатными классами должно быть уничтожено». А, между тѣмъ, у насъ если и нѣтъ неподатныхъ классовъ, то есть привиллегированные классы въ податномъ

---

*) См. *Краткій историческій очеркъ и обзоръ современнаго состоянія законодательства о земскихъ повинностяхъ*, сост. гг. Судейкинымъ и Кутлеромъ для коммиссіи, состоящей при министерствѣ финансовъ по пересмотру земскаго обложенія.

отношеніи, таковы, напримѣръ, торговый и промышленный классъ въ государственной и въ особенности въ земской податной системѣ. Вотъ реформировать эту-то послѣднюю или, по крайней мѣрѣ, развязать руки земству въ дѣлѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговой тягости среди населенія составляетъ настоятельную потребность нашего времени. Министерство финансовъ само сознаетъ эту необходимость реформированія земскаго финансоваго хозяйства, но проектъ, составленный имъ, ничего существеннаго не вводитъ. Вотъ поэтому-то прислушаться намъ къ тому, что дѣлается въ сосѣдней Пруссіи, было бы очень и очень полезно. Пожелаемъ же, чтобъ эти справедливыя формы обложенія проникли и къ намъ!

Ив. Озеровъ.

Памяти Л. Пастёра *).

Пастёръ открылъ своими изслѣдованіями новую эру въ естествознаніи. Для того, чтобы лучше понять и оцѣнить Пастера, необходимо знать ту среду и условія, въ которыхъ онъ росъ и воспитывался. Не касаясь подробностей біографіи, я позволю себѣ привести только краткія данныя изъ жизни этого замѣчательнаго человѣка.

Родился Пастёръ 27 декабря 1822 года въ г. Долѣ департамента Франшъ Контэ. Отецъ его, заслуженный солдатъ первой имперіи, вернувшись съ походовъ на родину, женился на молодой умной дѣвушкѣ, промѣнявши военную карьеру на скромный трудъ кожевника. Объ отцѣ своемъ самъ Пастёръ говоритъ, что это былъ спокойный, разсудительный человѣкъ, предпочитавшій въ минуты отдыха общество книгъ обществу добрыхъ сосѣдей; о матери же отзывается, что она была полна энтузіазма, съ умомъ и сердцемъ, волнуемымъ великими мыслями, которыя во всякую минуту жизни освѣщали яркимъ свѣтомъ сѣрый фонъ ихъ скромной жизни. Единственною заботой ихъ, по свидѣтельству Пастёра **), было сдѣлать изъ сына образованнаго человѣка. Такая мать не могла не оказать благотворнаго вліянія на умъ и сердце своего сына, и нужно ли говорить о томъ, что Пастёръ болѣе чѣмъ оправдалъ ожиданія своихъ родителей.

Первоначальное образованіе Пастёръ получилъ въ общественной школѣ города Арбуа, куда, вскорѣ послѣ рожденія сына, переѣхали родители его.

Но колледжъ въ Арбуа не удовлетворялъ Пастёра: тамъ не было профессора философіи, а потому Пастёръ переводится въ Безансонъ, гдѣ черезъ годъ получаетъ степень баккалавра. Любознательность Пастёра, въ особенности его страсть къ химическимъ изслѣдованіямъ, мало удовлетворяется познаніями тамошнихъ профессоровъ, къ которымъ онъ перестаетъ обращаться за разъясненіями, предпочитая тайно брать частные уроки химіи у одного фармацевта.

---

*) Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы 3 октября 1895 г.

**) Біографическія данныя взяты изъ книги Валери Радо: *Жизнь одного ученаго*, въ переводѣ Н. Гамалѣи, съ предисловіемъ проф. И. Мечникова. Одесса, 1889 г.

Желаніе Пастёра попасть въ Нормальную школу въ Парижѣ сбывается; онъ выдерживаетъ экзаменъ, но не изъ первыхъ; ему кажется, что онъ мало еще подготовленъ для этого высшаго учебнаго заведенія, а потому Пастёръ рѣшаетъ на годъ уединиться въ одну изъ подготовительныхъ монастырскихъ школъ и снова предается въ тиши научнымъ занятіямъ. Черезъ годъ, въ октябрѣ 1843 г., Пастёръ прекрасно выдерживаетъ экзаменъ. Здѣсь, въ Нормальной школѣ, подъ вліяніемъ лекцій знаменитаго Дюма и Балара, склонность Пастёра къ химіи превращается въ страсть, а любознательность его удовлетворяется какъ лекціями, такъ и практическими занятіями. Время пребыванія Пастёра въ Нормальной школѣ совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ въ исторіи химіи, когда Дюма развилъ свою теорію замѣщенія въ теорію типовъ, сущность которой состояла въ томъ, что общій характеръ химическаго соединенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ расположенія атомовъ въ молекулѣ и менѣе отъ природы ихъ, т.-е. отъ сохраненія соединеніемъ основного типа его.

Кромѣ химика Дюма, вліяніе идей котораго сильно отразилось на Пастёрѣ, среди профессоровъ Нормальной школы встрѣчаемъ Делафосса, ученика знаменитаго кристаллографа Гаюи. Излагая идеи Гаюи о постоянствѣ кристаллическихъ формъ для каждаго опредѣленнаго тѣла, о томъ, что только одно состояніе равновѣсія молекулъ мыслимо для каждаго тѣла въ его кристаллической формѣ, Делафоссъ сильно увлекаетъ этими воззрѣніями Пастёра, который начинаетъ заниматься изученіемъ кристалловъ и опредѣленіемъ ихъ формъ.

Въ первой своей работѣ, появившейся въ 1848 г. и посвященной изученію явленій диморфизма, Пастёръ обращаетъ вниманіе на то, что со взглядами Гаюи о постоянствѣ кристаллическихъ формъ для каждаго опредѣленнаго тѣла нельзя согласиться, такъ какъ вещества диморфныя не представляютъ глубокаго различія въ химическихъ свойствахъ, какъ это замѣчается у тѣлъ изомерныхъ, что химическая изомерія вызывается причинами болѣе глубокими, лежащими въ тѣхъ безконечно-малыхъ недѣлимыхъ, которыя носятъ названіе химическихъ молекулъ, диморфизмъ же обусловливается причинами менѣе рѣзко измѣняющими свойства вещества,—причинами, зависящими исключительно отъ неодинаковаго, но близкаго расположенія кристаллографическихъ элементовъ.

Итакъ, основной законъ кристаллографіи, по которому каждому тѣлу свойственна только одна кристаллическая форма, казалось, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ явленіями полиморфизма. Но на цѣломъ рядѣ хорошо изслѣдованныхъ диморфныхъ формъ, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ тѣлъ, Пастёръ убѣждается, что нестойкія формы всегда образуются въ условіяхъ, при которыхъ обычное (законное) направленіе молекулярныхъ силъ отклонено, но, предоставленныя сами себѣ, а также подъ вліяніемъ слабыхъ дѣятелей физическихъ или даже чисто-механическихъ, формы эти легко переходятъ въ тѣ видоизмѣненія, которыя соотвѣтствуютъ болѣе устойчивому равновѣсію молекулярныхъ силъ кристалла.

Такимъ образомъ, произведя цѣлый рядъ новыхъ измѣреній, а также пользуясь данными Мичерлиха, Деклуазо и др., Пастёръ приходитъ къ выводу, что диморфизмъ, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ многочисленныхъ веществъ, которыя были имъ изслѣдованы, представляетъ только кажущуюся аномалію законовъ кристаллизаціи и что различныя формы какого-либо диморфнаго тѣла отличаются только инымъ расположеніемъ плоскостей симметріи, тогда какъ основная форма кристалла остается одной и той же или мало измѣненной.

Изъ этой работы Пастёра слѣдуетъ, что явленія полиморфизма, какъ случайныя, не исключаютъ основного закона Гаюи о неизмѣнчивости кристаллическихъ формъ; основная форма единственно является наиболѣе устойчивой и характерной для даннаго тѣла. Различныя условія въ природѣ могутъ измѣнить нѣсколько основную форму, а вмѣстѣ съ ней и физическія свойства тѣла, но это суть измѣненія временныя, не существенныя.

Уже на школьной скамьѣ въ Нормальной школѣ Пастёръ былъ достаточно опытнымъ химикомъ, а изъ только что изложенной работы его видно, что онъ и прекрасный кристаллографъ. Слѣдующая работа Пастёра, появившаяся въ періодъ 1848—1850 годовъ, въ которой Пастёръ является во всеоружіи знаній химіи, физики и кристаллографіи, представляетъ въ теоретическомъ отношеніи самую выдающуюся изо всѣхъ его работъ, такъ какъ эта работа была единственная въ своемъ родѣ, долгое время (30 лѣтъ) не была оцѣнена и оказала, не сомнѣваюсь въ этомъ, громадное вліяніе на Пастёра; она направила и даже руководила имъ въ его дальнѣйшей, столь богатой драгоцѣнными открытіями, научной дѣятельности. Производя кристаллографическія изслѣдованія и занимаясь вопросами молекулярной химіи и молекулярнаго строенія тѣлъ, Пастёръ не могъ не натолкнуться на одинъ мемуаръ извѣстнаго нѣмецкаго кристаллографа и химика Мичерлиха, сообщенный Біо французской академіи еще въ 1844 году. Мемуаръ этотъ касался изслѣдованія формъ и физическихъ свойствъ кристалловъ двойныхъ солей натрія и аммонія виннокаменной и виноградной кислотъ. Изъ работъ Мичерлиха явствовало, что соли натрія и аммонія виннокаменной и виноградной кислотъ имѣютъ одинъ и тотъ же химическій составъ, одну и ту же кристаллическую форму съ одинаковыми углами, тотъ же удѣльный вѣсъ, ту же двойную преломляемость,—слѣдовательно, и одинаковые углы оптическихъ осей; но водные растворы этихъ кислотъ, имѣя также одинаковую преломляемость, *неодинаково относятся къ поляризованному лучу:* растворъ виннокаменной соли отклоняетъ плоскость поляризаціи вправо, тогда какъ растворъ соли виноградной кислоты остается недѣятельнымъ, не реагируетъ на поляризованный лучъ.

На основаніи цѣлаго ряда тождественныхъ признаковъ для этихъ двухъ солей, Мичерлихъ, не придавая большого значенія отношенію ихъ къ поляризованному лучу, приходитъ къ заключенію, что химическая природа и число атомовъ, ихъ расположеніе и разстояніе одинаковы у каждаго изъ сравниваемыхъ соединеній. Съ такимъ заключеніемъ Мичерлиха Пастёръ

не могъ согласиться,—ему казалось противнымъ законамъ природы, чтобы два вполнѣ тождественныя по своему составу и кристаллической формѣ вещества такъ неодинаково относились бы къ поляризованному лучу; этотъ послѣдній признакъ, который въ глазахъ Мичерлиха казался несущественнымъ, пріобрѣтаетъ важное значеніе въ умозрѣніяхъ Пастёра, и онъ строитъ гипотезу, что изслѣдованныя Мичерлихомъ соли не тождественны, а изомерны, и что, при всемъ сходствѣ ихъ, онѣ должны имѣть рѣзкое отличіе, которое ускользнуло отъ вниманія Мичерлиха, — отличіе, которое должно выразиться не только уклоненіемъ въ кристаллическихъ формахъ этихъ соединеній, но и болѣе глубоко лежащее въ природѣ самихъ молекулъ виноградной и виннокаменной кислотъ.

Съ такой предвзятой, но имѣющей свои теоретическія основанія, идеей Пастёръ приступилъ къ тщательному изученію формъ кристалловъ виннокаменной кислоты и ея солей и замѣчаетъ, что эти кристаллы не имѣютъ плоскостей симметріи, что въ нихъ наблюдается винтообразное распредѣленіе кристаллообразующихъ элементовъ, т.-е. они асимметричны; асимметричность обусловливается существованіемъ особыхъ геміэдрическихъ плоскостей, дѣйствительно ускользнувшихъ отъ вниманія Мичерлиха, измѣрявшаго раньше эти кристаллы. Пастёръ замѣтилъ, что кристаллы виннокаменной кислоты и ея солей, положенные передъ зеркаломъ, даютъ изображенія, не совмѣщающіяся съ реальнымъ предметомъ. Подобное отношеніе свойственно всѣмъ тѣламъ природы, не имѣющимъ плоскости симметріи: такъ, напримѣръ, правая рука, положенная передъ зеркаломъ, даетъ изображеніе лѣвой руки; правая рука не совмѣщается съ лѣвою рукой, подобно тому, какъ перчатка правой руки не можетъ быть надѣта на лѣвую руку. Итакъ, виннокаменная кислота и всѣ формы ея солей представляютъ тѣла асимметрическія.

Что касается виноградной кислоты, изомерной кислотѣ виннокаменной, то она оказалась, по изслѣдованію Пастёра, тѣломъ вполнѣ симметрическимъ, т.-е. изображенія кристалловъ ея въ зеркалѣ совмѣщались съ реальнымъ предметомъ. Симметричность кристаллосложенія виноградной кислоты и асимметричность того же сложенія у формъ кислоты виннокаменной производятъ глубокое впечатлѣніе на Пастёра: зависимость между оптическими свойствами виннокаменной кислоты и ея асимметрическимъ кристаллосложеніемъ найдена. Пастёръ, однако, не останавливается на этомъ, онъ снова повторяетъ изслѣдованіе двойной соли натрія и аммонія виноградной кислоты, такъ какъ именно эта соль служила предметомъ вышеупомянутаго мемуара Мичерлиха, въ которомъ послѣдній указывалъ на ея оптическую индифферентность.

При тщательномъ изслѣдованіи солей натрія и аммонія виноградной кислоты, Пастёръ и здѣсь былъ крайне пораженъ общею асимметріей кристалловъ, но не всѣ кристаллы обладали тождественною асимметріей; Пастёръ видитъ здѣсь кристаллы двухъ родовъ, отличающіеся присутствіемъ

геміэдрическихъ площадокъ, направленныхъ въ противоположныя стороны и обусловливающихъ несовмѣстимость этихъ формъ.

Отдѣляя кристаллы съ правой и лѣвой асимметріей, Пастеръ убѣдился, что водные растворы ихъ оптически дѣятельны и что одни кристаллы настолько вращаютъ плоскость поляризаціи вправо, насколько другіе влѣво. Такимъ образомъ, оптически недѣятельную виноградную кислоту Пастёръ раздѣляетъ на два кристаллическихъ индивидуума съ прямо-противоположной оптической дѣятельностью и протовоположной асимметріей, изъ которыхъ право-вращающій, какъ по своей кристаллической формѣ, такъ и по роду асимметріи, оказался вполнѣ тождественнымъ съ обыкновенною виннокаменною кислотой.

Разъясненіе взаимныхъ отношеній виннокаменныхъ кислотъ составляетъ одно изъ замѣчательныхъ и важныхъ открытій Пастёра; ему наука обязана введеніемъ методовъ изслѣдованія оптически-дѣятельныхъ соединеній. Эти методы и до настоящаго времени остаются въ полной своей силѣ и примѣнимости.

Такіе результаты работъ Пастёра обратили вниманіе академіи наукъ. Но Біо (извѣстный физикъ) первое время крайне недовѣрчиво относился къ работѣ Пастера; вопросъ о дѣйствіи нѣкоторыхъ химическихъ соединеній на поляризованный лучъ всегда глубоко интересовалъ Біо. Уже работы его поставили почти внѣ сомнѣнія вопросъ о томъ, что сила, обусловливающая вращеніе плоскости поляризаціи луча, присуща самимъ молекуламъ вращающаго вещества, а потому Біо былъ того мнѣнія, что соотношенія между вращеніемъ плоскости поляризаціи и данной природой вещества уяснятъ темную сторону строенія тѣлъ. И вотъ является молодой ученый, который чуть ли не первою своею работой указываетъ на весьма простую и замѣчательную связь между вращеніемъ плоскости поляризаціи и внутреннимъ, болѣе глубокимъ, строеніемъ матеріи.

Результаты этого открытія положительно изумили академію, среди членовъ которой мы видимъ такихъ представителей науки, какъ Араго, Дюма, Реньо, Біо и Балларъ. Чтобъ убѣдиться въ справедливости сдѣланнаго Пастеромъ открытія, академія назначаетъ коммиссію, въ составъ которой вошли Дюма, Реньо, Балларъ и Біо (какъ докладчикъ). По порученію коммиссіи Біо призываетъ къ себѣ Пастера, даетъ ему виноградную кислоту, самъ предварительно изслѣдуетъ и убѣждается въ ея оптической недѣятельности, и проситъ приготовить въ его присутствіи двойную соль натрія и аммонія. Пастеръ дѣлаетъ все это и оставляетъ растворъ кристаллизоваться. Дней черезъ десять, когда выпало уже достаточное количество кристалловъ, Біо снова приглашаетъ Пастера въ свою лабораторію и предлагаетъ ему извлечь кристаллы съ правой и лѣвой асимметріей; «правые»,— говоритъ онъ,—вы кладите вправо отъ меня, а «лѣвые» — влѣво. Когда Пастеръ выбралъ кристаллы, Біо снова спросилъ его, вполнѣ ли онъ увѣренъ, что одни кристаллы будутъ отклонять плоскость поляризаціи вправо, а другіе влѣво, и, получивши утвердительный отвѣтъ Пастера, Біо

самъ сталъ изслѣдовать растворы этихъ кристалловъ и сейчасъ же замѣтилъ сильное отклоненіе плоскости поляризаціи одними кристаллами направо, а другими на такой же уголъ налѣво. Старикъ Біо до того былъ взволнованъ этимъ открытіемъ, что взялъ за руку Пастера и сказалъ: «мое дорогое дитя, всю жизнь я до такой степени любилъ науку, что это открытіе заставляетъ усиленно биться мое сердце».

Коммиссія, избранная академіей, подтвердила до малѣйшихъ подробностей всѣ наблюденія, сдѣланныя Пастеромъ, а препараты его кислотъ и солей были доставлены для демонстраціи въ академію. Съ этого момента Біо не можетъ уже спокойно говорить о Пастерѣ и его работахъ, — они до того его возбуждали, что однажды, какъ это видно изъ воспоминаній о Пастерѣ, г-жа Біо сказала Пастеру: «прошу васъ перемѣнить предметъ разговора; не отвѣчайте ему на то, что онъ скажетъ о вашихъ работахъ; онъ заболѣетъ отъ всего этого: онъ не живетъ съ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлали эти прекрасныя открытія».

Мичерлихъ хотѣлъ лично познакомиться съ Пастеромъ, и Біо, представляя ему Пастера, сказалъ послѣднему: «вы можете гордиться тѣмъ, что вамъ удалось сдѣлать великое открытіе, найдя то, что ускользнуло отъ вниманія такого человѣка, какъ Мичерлихъ». И дѣйствительно, тамъ, гдѣ Мичерлихъ видѣлъ полнѣйшее однообразіе и тождество кристаллическихъ формъ, геній Пастера замѣтилъ незначительную, но существеннѣйшую разницу, обратить вниманіе на которую, по мнѣнію Мичерлиха, возможно было только руководствуясь какой-нибудь предвзятой мыслью.

Мичерлихъ былъ правъ, предвзятая идея руководила Пастёромъ и заключалась въ томъ, что диссимметрія во внутреннемъ расположеніи молекулъ какого-нибудь химическаго соединенія должна непремѣнно выразиться и въ наружныхъ свойствахъ этого тѣла. Съ этого времени стало яснымъ и несомнѣннымъ, что кристаллъ, а главное его форма и отношеніе растворовъ его къ поляризованному лучу являются важными моментами въ сужденіи о внутреннемъ строеніи матеріи.

Продолжая интересоваться свойствами виннокаменной и виноградной кислотъ, Пастёръ какъ бы чувствуетъ, что здѣсь ему предстоитъ сдѣлать еще одно замѣчательное открытіе. Известковая соль правовращающей виннокаменной кислоты, образующейся во время броженія виноградняго сусла, обладаетъ способностью, въ присутствіи органическихъ веществъ, также бродить. Пастёра интересуетъ вопросъ, какъ будетъ относиться къ броженію оптически-недѣятельная виноградная кислота, представляющая комбинацію двухъ изомеровъ съ прямо-противоположной оптической дѣятельностью. Для этого онъ взялъ амміачную соль виноградной кислоты, прибавилъ незначительное количество бѣлковыхъ тѣлъ и оставилъ при доступѣ воздуха въ тепломъ мѣстѣ. Растворъ быстро мутился, оставляя осадокъ маленькаго бродильнаго организма, и въ то же время пріобрѣталъ способность отклонять плоскость поляризаціи влѣво. Такимъ образомъ, Пастёръ устанавливаетъ связь между актомъ броженія и тѣмъ измѣненіемъ,

совершающимся въ растворѣ, которое вызываетъ опредѣленную оптическую дѣятельность его. Второй свой опытъ Пастёръ производитъ, не вводя въ растворъ соли виноградной кислоты бѣлковыхъ тѣлъ, и первый констатируетъ, что нѣкоторые виды растительной плѣсени (Penicillium glaucum, напримѣръ), могутъ жить и размножаться въ средѣ, состоящей исключительно изъ минеральныхъ солей и амміачной соли органической кислоты. Это и есть такъ-называемыя *искусственныя среды Пастёра*, имѣвшія громадное значеніе въ развитіи современной бактеріологіи. Чрезъ нѣкоторое время культура Penicillium'а оказалась сильно отклоняющей плоскость поляризаціи влѣво, изъ культуры этой были выдѣлены асимметрическіе кристаллы только лѣвой виннокаменной кислоты. Такимъ образомъ, было ясно, что правая виннокаменная кислота идетъ на питаніе микроорганизма, тогда какъ лѣвая оказывается менѣе или вовсе непригодной для поддержанія и развитія жизненныхъ силъ организма. Соотношеніе между опредѣленно выраженной асимметріей химическаго соединенія и жизнедѣятельностью микроорганизма было найдено, и съ этого времени Пастёръ открылъ *удивительную нить, связующую такъ близко научныя области химіи, кристаллографіи, физики и біологіи*. Эти открытія еще болѣе убѣждаютъ Пастёра, что руководившая имъ до сихъ поръ предвзятая идея о молекулярной диссимметріи и асимметрическихъ силахъ, дѣйствительно, должна играть громадную роль и имѣть реальное выраженіе во многихъ явленіяхъ жизни нашей планеты.

Все мірозданіе, говоритъ Пастёръ, — продуктъ «космической диссимметріи». Солнечная система съ ея движеніемъ можетъ быть уподоблена химической частицѣ (со всѣмъ запасомъ ея живой силы), построенной по асимметрическому плану; такъ называемые амперовы токи земли, солнечный лучъ, въ моментъ своего дѣйствія на зеленую поверхность листа, суть также проявленія силъ асимметрическихъ. Совмѣстное вліяніе силъ асимметрическихъ, такъ широко распространенныхъ въ природѣ, является главнымъ и существеннымъ дѣятелемъ, говоритъ Пастёръ, въ созиданіи тѣхъ сложныхъ органическихъ веществъ, которыя столь необходимы для существованія каждой организованной матеріи; являясь продуктомъ асимметрическихъ силъ природы, эти органическія вещества должны быть и построены по асимметрическому плану, и этимъ объясняется преобладаніе асимметрическихъ соединеній въ составѣ организмовъ. «Когда солнечный лучъ, говоритъ Пастёръ, падаетъ на зеленый листъ растенія, и углеродъ угольной кислоты, водородъ воды, азотъ амміака и кислородъ той же воды вступаютъ въ химическія соединенія, обусловливающія ростъ растенія, то образуются вещества диссимметрическія».

Дѣйствіе асимметрическихъ силъ природы сказывается, по Пастеру, и въ формѣ тѣла низшихъ (среди которыхъ многіе построены по асимметрическому плану) и высшихъ организмовъ: такъ, тѣло человѣка построено изъ двухъ равныхъ асимметрическихъ несовмѣстимыхъ между собою половинъ, комбинаціей которыхъ и обусловливается тотъ идеальный типъ сим-

метріи высшихъ животныхъ, который можно было бы сравнить съ асимметрическимъ двойникомъ какого-нибудь химическаго индивидуума (виноградная кислота, оптически-недѣятельные: молочная кислота, маннитъ, глюкоза).

Не только сахаристыя вещества, крахмалъ и вообще углеводы, но и бѣлки, являющіеся главнымъ источникомъ питанія для многихъ организмовъ, построены по асимметрическому плану, и въ этомъ насъ убѣждаетъ оптическая дѣятельность этихъ соединеній; поэтому вращеніе плоскости поляризаціи есть чувствительнѣйшая реакція на асимметричность молекулы, если она не представляетъ асимметрическаго двойника, — въ послѣднемъ случаѣ можно прибѣгать къ «реакціи микробовъ», какъ низшихъ организмовъ, обладающихъ, вѣроятно, также и асимметрическимъ планомъ строенія и асимметрическими силами.

Между реакціей какого-нибудь микроба на асимметрическую молекулу и реакціей на ту же молекулу поляризованнаго луча существуетъ аналогія, хотя и отдаленная: поляризованный лучъ есть упрощенный свѣтовой лучъ, колебанія котораго сведены къ одной плоскости; микробъ представляетъ упрощенный въ своей организаціи и жизненныхъ проявленіяхъ индивидуумъ, максимальная жизненная энергія котораго совершается, быть можетъ, только въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, а этимъ, можно думать, объясняется то предпочтеніе, которое микроорганизмъ отдаетъ, питаясь правой или лѣвой половиной асимметрическаго двойника. Клѣтки микроорганизмовъ, состоя изъ асимметрическихъ веществъ, должны не одинаково относиться къ пищевому средству, которое также асимметрично въ томъ или другомъ значеніи. Связь между морфологическими и физіологическими признаками микроорганизма и его дѣйствіемъ на оптически дѣятельное соединеніе несомнѣнно существуетъ; химическая молекула и организованная монада, очевидно, могутъ вступать въ опредѣленное взаимодѣйствіе другъ съ другомъ, причемъ результатъ такого взаимодѣйствія зависитъ какъ отъ химической природы вещества, такъ и отъ природы самого микроорганизма.

До Пастёра и даже долго послѣ классическихъ работъ его думали иначе; Пастёръ первый обращаетъ вниманіе, что условія равновѣсія органической матеріи на землѣ поддерживаются жизнедѣятельностью микроорганизмовъ, этихъ, почти безконечно малыхъ, существъ, значеніе которыхъ должно быть безконечно велико.

Давно уже приписывали важное значеніе явленіямъ броженія и гніенія и смотрѣли на нихъ какъ на процессы чисто-химическаго характера, какъ на совокупность реакцій окисленія и возстановленія, совершающихся подъ вліяніемъ кислорода воздуха и подъ вліяніемъ какихъ-то ферментовъ— азотистыхъ, протеино-подобныхъ веществъ, измѣняющихся особеннымъ образомъ при соприкосновеніи съ воздухомъ. Эти-то вещества въ моментъ соединенія съ кислородомъ становятся, какъ думали, особенно дѣятельными, передаютъ свои движенія бродящему веществу, отъ чего послѣднее и распадается на болѣе простыя составныя части, т.-е. бродитъ.

Въ этомъ заключалась Либиховская теорія всѣхъ ферментативныхъ процессовъ. Не потому, говорилъ Либахъ, дѣйствуютъ пивныя дрожжи, что онѣ организованы, а потому, что онѣ были въ соприкосновеніи съ воздухомъ, и на сахаръ производитъ дѣйствіе мертвая часть дрожжей—та, которая уже отжила и находится на пути къ разложенію.

Благодаря громадному авторитету Либиха и той горячности, съ которой онъ отстаивалъ свою теорію, зависимость между броженіемъ и жизнедѣятельностью микроогранизмовъ совершенно отрицалась въ наукѣ. Тотъ же фактъ, что при нѣкоторыхъ броженіяхъ всегдашними спутниками были какія-то организованныя существа, считался несущественнымъ для акта броженія признакомъ, который скорѣе могъ мѣшать правильному броженію, чѣмъ содѣйствовать ему.

Совершенно иначе взглянулъ, какъ мы видѣли, на этотъ вопросъ Пастёръ, и процессы броженія, которые такъ же стары, какъ и міръ (а причины ихъ возбуждающія быть можетъ суть и причины возникновенія жизни на землѣ), благодаря рѣдкой наблюдательности его ума и строго обставленныхъ экспериментовъ, получили ту степень освѣщенія, которая надолго еще будетъ служить путеводною звѣздой въ научныхъ стремленіяхъ слѣдующихъ поколѣній. Пастёръ не только основалъ современную бактеріологію, но и сдѣлалъ въ ней самое важное, почти все.

Тридцати двухъ лѣтъ, безъ спеціальной подготовки въ наукахъ біологическихъ, но съ основательнымъ знакомствомъ съ физикой, химіей и кристаллографіей, воодушевляемый философскимъ міросозерцаніемъ и возбуждаемый собственными изслѣдованіями, Пастёръ приступаетъ къ изученію процессовъ броженія.

О возможности соотношенія между жизнью дрожжей и способностью ихъ сдѣлаться ферментомъ въ наукѣ существовали уже нѣкоторыя указанія: такъ французскій физикъ Каньяръ-Латуръ, а въ Германіи ботаникъ Шванъ наблюдали размноженіе дрожжей путемъ почкованія и дѣлали предположеніе, что размноженіе клѣточныхъ элементовъ пивныхъ дрожжей находится въ зависимости съ броженіемъ сахара, но существеннымъ моментомъ этого не считали, такъ какъ при другого рода броженіяхъ не удавалось замѣтить присутствія организованныхъ ферментовъ. Явленія броженія и гніенія не могли не интересовать особенно физіологовъ, и въ 1843 году появилась работа Гельмгольца, впослѣдствіи геніальнаго германскаго физика: *о сущности гніенія и броженія*, въ которой цѣлымъ рядомъ прекрасно поставленныхъ опытовъ доказывается, что броженіе винограднаго сока, мочи діабетиковъ, а также гніеніе бѣлковыхъ тѣлъ происходитъ отъ соприкосновенія этихъ веществъ съ микроскопическими существами, носящимися въ воздухѣ, которыя, развивясь въ гніющемъ мясѣ, представляются подъ микроскопомъ, какъ говоритъ Гельмгольцъ, въ видѣ маленькихъ палочкообразныхъ животныхъ, совершающихъ вращательныя вокругъ продольной оси и поступательныя движенія. Гельмгольцъ, впрочемъ, допускалъ

возможность гніенія бѣлковыхъ тѣлъ и подъ вліяніемъ неорганизованныхъ ферментовъ.

Такимъ образомъ нельзя сказать, что до Пастёра въ области явленій броженія ничего не было сдѣлано,—отдѣльныя, весьма цѣнныя, наблюденія уже существовали.

Молочное броженіе было первымъ, на которое Пастёръ обратилъ вниманіе, которое онъ разъяснилъ, и которымъ начинается цѣлая серія его работъ въ области броженія и гніенія. Въ мемуарѣ, представленномъ въ академію наукъ въ 1857 г., Пастёръ доказываетъ, что молочное броженіе сопровождается всегда появленіемъ какихъ-то организованныхъ клѣтокъ, состоящихъ изъ маленькихъ члениковъ, не превышающихъ $1/1000$ миллиметра. Желая убѣдиться, что эти клѣтки являются дѣйствительно возбудителями молочнаго броженія и въ то же время размножаются въ бродящей жидкости, Пастёръ приготовилъ водный настой пивныхъ дрожжей, прибавилъ сахару и мѣлу, послѣдній для нейтрализаціи образующейся молочной кислоты, и внесъ въ эту питательную среду незначительное количество вышеуказанныхъ клѣтокъ. На другой же день уже замѣтно было сильное броженіе, жидкость мутилась, образовывалась молочно-кислая известь, а клѣтки фермента замѣтно размножались. Связь молочнаго броженія съ жизнедѣятельностью особаго фермента для Пастёра сдѣлалась очевидной. Чтобъ исключить всякую возможность вліянія на процессъ броженія бѣлковъ неорганизованныхъ ферментовъ, въ томъ смыслѣ, какъ это понимала школа Либиха, Пастёръ готовитъ искусственныя среды: растворъ сахара, къ которому прибавляется незначительное количество аммiачныхъ и фосфорнокислыхъ солей. Изъ такой среды бѣлки, слѣдовательно, были исключены, и тѣмъ не менѣе клѣтки молочнаго фермента на такой искусственной средѣ развивались такъ же хорошо, какъ и въ молокѣ, и вызывали энергичное броженіе. Впослѣдствіи Пастёръ показалъ, что зародыши молочнаго броженія находятся повсюду: въ воздухѣ, на различныхъ продуктахъ и въ пыли.

Примѣняя ту же искусственную среду, Пастёръ доказываетъ далѣе, что и спиртовое броженіе происходитъ также безъ участія какихъ-либо бѣлковыхъ тѣлъ, а исключительно вызывается жизнедѣятельностью клѣтокъ пивныхъ дрожжей. И послѣ этихъ опытовъ Пастёра, Либихъ не перестаетъ утверждать, что не живыя клѣтки дрожжей вызываютъ броженіе, а, наоборотъ, тѣ, которыя уже отжили и находятся въ стадіи разложенія; эти-то отжившія клѣтки, разрушаясь, и вызываютъ броженіе сахара. Знаменитому германскому химику, слишкомъ увѣренному въ своемъ авторитетѣ, трудно было согласиться съ новыми идеями и результатомъ работъ французскаго ученаго, тѣмъ болѣе, что Пастёромъ скоро было изучено броженіе подъ вліяніемъ фермента, жизненная энергія котораго проявляется только *при отсутствіи* свободнаго кислорода. Вспомнимъ, что Либихъ явленія броженія всегда ставилъ въ зависимость отъ соприкосновенія неорганизованнаго бродящаго начала съ кислородомъ воздуха. Во Франціи взгляды Либиха раздѣлялъ химикъ Бертело, не оцѣнившій вначалѣ работъ Пастёра

и не обратившій вниманія на существенно важную роль микроорганизмовъ въ процессахъ броженія. Пастёръ показываетъ, что масляное броженіе сахара совершается подъ вліяніемъ маленькихъ подвижныхъ организмовъ (вибріоновъ), имѣющихъ видъ цилиндрическихъ палочекъ, соединенныхъ иногда въ короткія цѣпи. Масляное броженіе, вызываемое этими вибріонами, совершается только при полномъ отсутствіи кислорода. Работа Пастёра о причинахъ маслянаго броженія особенно поразила медицинскій міръ. Причиной броженія оказался подвижный вибріонъ, который отлично жилъ, размножался и вызывалъ броженіе въ средѣ, лишенной кислорода, въ присутствіи угольной кислоты.

Такимъ образомъ, Пастёръ первый открылъ организмъ, живущій безъ воздуха и дѣйствующій подобно ферментамъ. Слѣдовательно, въ ферментативныхъ процессахъ кислородъ воздуха не играетъ важной роли. Сдѣлавъ такой выводъ, Пастёръ обращаетъ вниманіе на различныя условія броженія винограднаго сока и пивного сусла; при технической переработкѣ этихъ продуктовъ заставляютъ ихъ бродить въ глубокихъ чанахъ, бочкахъ или сосудахъ; ферментъ, развиваясь на поверхности жидкости, падаетъ на дно и вызываетъ броженіе; угольная кислота насыщаетъ бродящую жидкость и покрываетъ поверхность ея тяжелымъ слоемъ газа и защищаетъ этимъ бродящую массу отъ соприкосновенія съ воздухомъ. Такъ какъ, несмотря на недостатокъ кислорода, броженіе нисколько не прекращается, Пастёръ приходитъ къ заключенію, что и при спиртовомъ броженіи ферментъ, вѣроятно, не нуждается въ свободномъ кислородѣ. Помѣщая виноградное или пивное сусло въ плоскихъ сосудахъ съ большой поверхностью, Пастёръ ставитъ ферментъ въ условія постояннаго соприкосновенія съ атмосфернымъ воздухомъ и наблюдаетъ, что кислородъ воздуха сильно повышаетъ жизненную энергію дрожжевого грибка; грибокъ быстро размножается, и процессъ броженія, повидимому, совершается интенсивнѣе.

Но количественное опредѣленіе отношенія между вѣсомъ разложившагося сахара и вѣсомъ образовавшихся дрожжей, при обоихъ видахъ броженія, показало: въ отсутствіи кислорода одна часть образовавшагося фермента соотвѣтствовала 100—150 ч. перебродившаго сахара, при доступѣ же воздуха на 1 ч. фермента приходилось всего 5—6 ч. разложившагося сахара за одинъ и тотъ же промежутокъ времени.

Такимъ образомъ, при условіяхъ вегетативной жизни грибка, онъ перестаетъ быть ферментомъ,—по крайней мѣрѣ, дѣятельность его въ этомъ направленіи сильно понижается и, наоборотъ, при замедленіи вегетативной жизни, въ отсутствіе кислорода, дрожжевой грибокъ дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, какъ ферментъ. Въ этомъ отношеніи между аэробнымъ дрожжевымъ грибкомъ и анаэробнымъ вибріономъ маслянаго броженія не существуетъ рѣзкой разницы. На основаніи этихъ данныхъ, Пастёръ приходитъ къ заключенію, что *броженіе есть слѣдствіе жизни въ отсутствіи воздуха.*

Далѣе Пастёръ доказываетъ, что и броженіе или гніеніе бѣлковыхъ тѣлъ также совершается только подъ вліяніемъ маленькихъ организмовъ,

анаэробныхъ вибріоновъ, весьма сходныхъ съ ферментомъ масляннаго броженія.

Изъ опытовъ Пастёра становится яснымъ, что каждое броженіе тѣсно связано съ жизнью и размноженіемъ опредѣленнаго организма и можетъ служить мѣриломъ рабoты, совершаемой микроорганизмомъ въ условіяхъ его жизни.

При алкогольномъ, молочномъ, масляномъ броженіяхъ изъ одного и того же вещества (сахара) жизнедѣятельностью различныхъ ферментовъ образуются и различные продукты: такъ, дрожжи вызываютъ превращеніе сахара въ алкоголь и угольную кислоту, и въ этомъ заключается главное направленіе реакціи микроорганизма на сахаръ.

При молочномъ броженіи сахаръ распадается по преимуществу на молочную кислоту и отчасти только въ угольную кислоту, тогда какъ при броженіи, вызываемомъ маслянокислымъ ферментомъ, тотъ же сахаръ разлагается на масляную кислоту, угольную и свободный водородъ. Каждому отдѣльному ферменту свойственно, такимъ оброзомъ, опредѣленно дѣйствовать на одни и тѣ же химическія соединенія; между ферментомъ, какъ живымъ существомъ, и молекулой химическаго соединенія существуютъ болѣе близкія соотношенія, обусловливающія ихъ взаимодѣйствіе другъ на друга. Надо думать, что ферментъ, обладая извѣстнымъ запасомъ живой силы, можетъ часть этой силы видоизмѣнить въ химическую энергію атомовъ бродящаго вещества, сдѣлать это вещество менѣе стойкимъ, болѣе напряженнымъ, а вслѣдствіе этого и способнымъ отдать часть своего кислорода на нужды дыханія фермента. Лишаясь части своего кислорода, общее состояніе равновѣсія молекулы сахаристаго вещества нарушается, и атомы стремятся расположиться въ ту или другую устойчивую форму болѣе простыхъ химическихъ системъ, возникновеніе которыхъ обусловливается способностью фермента отнять то большее, то меньшее количество химически связаннаго кислорода. Необходимо допустить, что микроорганизмы, вызывающіе броженіе, обладаютъ химической энергіей и усиливаютъ въ бродящемъ матеріалѣ химическое напряженіе, которое превращается въ живую силу, а въ моментъ образованія болѣе простыхъ соединеній и въ тепло, столь необходимое для дальнѣйшей жизнедѣятельности организма.

Итакъ, существованіе процессовъ броженія обусловливается непосредственнымъ біо-химическимъ взаимодѣйствіемъ между живымъ ферментомъ и мертвою матеріей.

Подъ понятіемъ броженіе можно разумѣть вообще всякое химическое измѣненіе въ веществѣ, вызываемое жизнедѣятельностью микроорганизмовъ, а потому и процессъ образованія уксуса изъ алкоголя, состоящій исключительно въ окисленіи алкоголя подъ вліяніемъ грибка, можно отнести къ явленіямъ броженія. Пастёръ доказываетъ, что единственный возбудитель уксуснаго броженія есть грибокъ (Mycoderma aceti), который по физіологическому характеру своему является исключительно аэробнымъ организмомъ; живя на поверхности бродящаго вещества, вызываетъ окислительные процессы въ немъ.

Вообще тѣ виды броженія, которые протекаютъ подъ вліяніемъ аэробныхъ ферментовъ, сводятся къ реакціямъ окисленія; анаэробныя же ферменты, какъ, напримѣръ, ферментъ масляной кислоты или же такіе аэробные ферменты, какъ пивныя дрожжи, которыя могутъ нѣкоторое время жить безъ доступа воздуха, вызываютъ по преимуществу реакціи возстановительнаго характера.

Къ совмѣстному дѣйствію анаэробныхъ и аэробныхъ микроорганизмовъ Пастёръ сводитъ тѣ могучія явленія природы, которыя извѣстны подъ именемъ броженія, гніенія и тлѣнія. Жизненнымъ импульсомъ вызывается разложеніе, а разложеніе въ свою очередь доставляетъ непрерывно матеріалъ для новой жизни. Итакъ, условія равновѣсія жизни на землѣ поддерживаются постоянною, тихою, но великою работой микроорганизмовъ.

Разъясненіе сущности процессовъ броженія оказало громадныя услуги техническому производству вина, спирта, пива, уксуса, и въ этомъ отношеніи работы Пастёра, спеціально посвященныя изслѣдованію о винѣ и пивѣ, имѣютъ громадное экономическое значеніе, такъ какъ улучшили производство продуктовъ, указавши на нормальныя условія броженія, на болѣзни винограднаго сусла и вина, вызываемыя жизнедѣятельностью постороннихъ микроорганизмовъ, и на способы лѣченія вина. Но изложеніе здѣсь этихъ изслѣдованій Пастёра и заняло бы слишкомъ много времени и не представляетъ того теоретическаго интереса, который связанъ съ его основными работами по броженію,—тѣми работами, которыя подготовили почву для изслѣдованія причинъ происхожденія болѣзней.

Итакъ, открытія Пастёра показали, что нѣтъ броженія безъ живого организма. Его же работы показали, что при современныхъ условіяхъ жизни на землѣ нѣтъ и произвольнаго зарожденія.

Вопросъ о возможности произвольнаго зарожденія къ началу шестидесятыхъ годовъ считали разрѣшеннымъ, и выступить противъ доктрины этерогенистовъ было большою смѣлостью. Надолго останется въ памяти знаменитый споръ Пуше и его школы съ Пастёромъ; взгляды и изслѣдованія Пуше: *новые опыты о произвольномъ зарожденіи и объ устойчивости организмовъ*, имѣвшіе столькихъ сторонниковъ, оказались не выдерживающими строгой экспериментальной критики. Для многихъ казалось, что Пастёръ, отрицая произвольное зарожденіе, вводитъ новшества, не соотвѣтствующія современному положенію науки; говорилось, что Пастёру, какъ химику, нечего и думать о разрѣшеніи такихъ вопросовъ. Среди всевозможныхъ обвиненій Пастёра, досталось и французской академіи, для нѣкоторыхъ членовъ которой опыты его были убѣдительны. Въ чемъ только ни обвиняли Пастёра! И въ томъ, что, сообщая о своихъ, яко бы замѣчательныхъ, открытіяхъ, онъ добивается легкой славы, орденовъ и званія корреспондента французской академіи; а членовъ послѣдней обвиняли въ томъ, что, поощряя Пастёра, они вводятъ ересь въ науку въ то время, когда доктрина произвольнаго зарожденія уже принята многими извѣстными учеными въ Европѣ и Америкѣ. Такъ въ Германіи Бюхнеръ и Карлъ

Фохтъ распространяли эту доктрину среди многочисленныхъ своихъ читателей. И у насъ въ Россіи знаменательный споръ Пуше съ Пастёромъ не прошелъ безъ отвѣта. Покойный Писаревъ явился до нѣкоторой степени выразителемъ общественнаго мнѣнія; онъ въ рѣзкой публицистической статьѣ обрушился и на Пастера, и на академію, считая ихъ гонителями наукой уже добытой истины.

Но Пастеръ оказался правъ: какъ не было броженія безъ живого организма, такъ и нѣтъ произвольнаго зарожденія безъ участія зародышей.

Еще въ XVII вѣкѣ Бойль высказалъ мысль, что тотъ, кто сумѣетъ проникнуть въ сущность ферментовъ и процессовъ броженія, въ состояніи будетъ скорѣе кого-либо другого найти настоящее объясненіе для различныхъ болѣзненныхъ явленій. Слова Бойля, что безъ основательнаго знанія теоріи броженія никогда не будутъ точно поняты болѣзненные процессы, оказались пророческими.

Начиная съ 70-хъ годовъ, Пастёръ, не будучи врачомъ, но во всеоружіи опытнаго метода, приступаетъ къ работамъ въ области біологіи, близко стоящей къ медицинѣ. Граншe замѣчаетъ, что, къ счастью Пастёра и, быть можетъ, къ счастью для насъ, Пастёръ не врачъ. Совершенно свободный отъ господствовавшихъ медицинскихъ теорій, Пастёръ не знаетъ и старой медицины, но довѣряетъ лишь своимъ опытамъ, въ которыхъ онъ былъ всегда безукоризненъ.

Каждое сообщеніе, каждое открытіе Пастера вызываетъ ожесточенную борьбу, но, являясь новаторомъ въ медицинѣ, онъ выходитъ всегда побѣдителемъ.

Изучивши процессы броженія, Пастеръ переходитъ къ изученію болѣзней, которыя разсматриваетъ какъ временные, ненормальные процессы броженія въ живомъ организмѣ и устанавливаетъ связь между заразною болѣзнью и спеціальнымъ микробомъ.

Еще въ древности, объясняя причины заразныхъ болѣзней, говорили о «constitutio pestilens», да и теперь говорятъ еще о «genius epidemicus», но ничего опредѣленнаго слова эти не выражаютъ.

Установивши связь между заразною болѣзнью и опредѣленнымъ микроорганизмомъ, Пастёръ показываетъ далѣе, что жизнедѣятельностью патогенныхъ микробовъ вырабатываются мало-стойкія, непрочныя и ядовитыя химическія соединенія, которыми можно вызвать всю картину болѣзни животнаго. Яды эти суть продукты выдѣленія болѣзнетворныхъ бактерій.

Изслѣдуя степень ядовитости культуръ, воспитанныхъ въ различныхъ условіяхъ, Пастёръ приходитъ къ одному изъ величайшихъ открытій нашего вѣка—къ открытію *закона ослабленія заразъ*.

Послѣ выработки методовъ ослабленія болѣзнетворности микроорганизмовъ, какъ результатъ этого метода, появились предохранительныя прививки и такимъ образомъ впервые въ рукахъ естествоиспытателя смертельная зараза была произвольно ослаблена.

Пастёръ великъ, какъ ученый, преслѣдующій задачи чистой истины,

но не менѣе онъ великъ и какъ человѣкъ, любящій людей, свою родину и все человѣчество.

Въ своей дальнѣйшей дѣятельности Пастёръ часто говорилъ, что расширеніе предѣловъ человѣческой жизни онъ ставитъ цѣлью своихъ работъ. Нужно ли говорить о томъ, что онъ въ значительной степени достигъ своего идеала — освобожденія человѣчества отъ многихъ физическихъ страданій.

Итакъ, занимаясь строеніемъ вещества, изучая кристаллическія формы матеріи въ ея отношеніи къ поляризованному лучу, создавъ теорію молекулярной асимметріи и изслѣдуя реакціи микроорганизмовъ на асимметрическія соединенія, Пастеръ въ строгой послѣдовательности переходитъ къ разъясненію столь таинственныхъ процессовъ броженія, а затѣмъ и болѣзней.

Слишкомъ далекъ и сложенъ, быть можетъ, путь отъ кристаллографіи и химіи къ медицинѣ, но что путь этотъ правиленъ, строго научень и Пастёромъ былъ проведенъ въ логической послѣдовательности, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Общіе теоретическіе взгляды Пастера, связавшіе первыя замѣчательныя работы его съ послѣдующими работами, какъ химическими, такъ и біологическими, представляютъ глубокій интересъ. Опредѣленное взаимодѣйствіе между микрокосмомъ химическимъ (молекула, химическая монада) и микрокосмомъ организованнымъ (монада) сказалось на цѣломъ рядѣ явленій, принадлежащихъ къ высшему порядку физико-біологическихъ отношеній въ ихъ зависимости отъ химическаго строенія вещества.

Оканчивая рѣчь свою, не могу еще разъ не обратить вниманія вашего на величіе научнаго подвига, свершеннаго Пастёромъ, а также на то, что изученіе спеціальныхъ задачъ не закрываетъ душу для широкихъ горизонтовъ.

Пастеръ любилъ неразрѣшимыя задачи.

Н. Зелинскій.

Главнѣйшія работы Пастера по кристаллографіи, химіи и броженію.

Recherches sur le dimorphisme. Ann. de chim. et de phys. XXIII, 267. 1848.

Recherches sur les relations qui peuvent exister entre la forme cristalline, la composition chimique et les sens de la polarisation rotatoire. Ann. de chim. et de phys. XXIV, 442. 1848.

Note sur la cristallisation du soufre. Ann. de chim. et de phys. XXIV, 459. 1848.

Recherches sur les propriétés spécifiques des deux acides, qui composent l'acide racémique. Ann. de chim. et de phys. XXXVIII, 56, 1850.

Mémoire sur les acides aspartique et malique. Ann. de Chim. et de phys. XXXIV. 1852.

Nouvelles recherches sur les relations qui peuvent exister entre la forme cristal-

line, la composition chimique et le phénomène rotatoire moléculaire. Ann. de Chim et de phys. XXXVIII, 437. 1853.

Sur le dimorphisme dans les substances actives. Tétartoédrie. Ann. de Chim. et de phys. XLII, 418. 1854.

Etudes sur les modes d'acroissement des cristaux et sur les causes des variations de leurs formes secondaires. Ann. de Chim. et de phys. XLIX, 5. 1857.

Sur l'amylalcool. Comp. rend. XLI; 296.

Mémoire sur la fermentation de l'acide tartrique. Compt. rend. XLVI, 615. 1858.

Mémoire sur la fermentation appelée lactique. Ann. de Chim. et de phys. LII, 404. 1858. Compt. rend. XLV, 913. XLVIII, 337.

Note sur le penicillium glaucum et de la dissymétrie des produits organiques naturels. Comp. rend. LI, 1860.

Mémoire sur la fermentation alcoolique. Ann. de Chim. et de phys. LVIII, 323. 1860.

Influence de l'oxygène sur le développement de la levure et sur la fermentation alcoolique. Bull. de la Soc. Chim. 1861.

Sur la fermentation butyrique. Comp. rend. LII, 344. 1861.

Animalcules infusoires vivant sans gaz oxygène libre et déterminant des fermentations. Comp. rend. LII, 861. 1861.

Mémoire sur les corpuscules organisés. Ann. de Chim. et de phys. LXIV.

Mémoire sur la fermentation acétique. Ann. de l'Ecole normale supérieure. t. I, 1864. Comp. rend. LV. 28.

Note sur un mémoire de M. Liebig, relatif aux fermentations. Ann. de Chim. et de phys. XXV, 145. 1872.

Faits nouveaux pour servir à la connaissance de la théorie de fermentations proprement dites. Comp. rend. LXXV, 754, 1854.

Études sur le vin, ses maladies et ctr. Paris. 1866.

Études sur la bière, ses maladies et ctr. Paris, 1876.

La dissymétrie moléculaire. Revue Scientifique 1884. 2.

Іудея и Римъ.

(Картины античнаго міра, по Э. Ренану).

I.

Іерусалимъ и Галилея.

Со времени плѣна Вавилонскаго еврейскій народъ жилъ въ состояніи напряженныхъ ожиданій великихъ событій, долженствующихъ измѣнить судьбы человѣчества, вознести надъ всѣми народами «избранный» родъ Израиля подъ скипетромъ царя изъ колѣна Давидова,—Мессіи, обѣщаннаго пророками. Своихъ политическихъ чаяній евреи никогда не отдѣляли отъ основъ національной религіи и въ теченіе многихъ вѣковъ съ непоколебимою вѣрой отдавались обаянію гигантской мечты, дававшей имъ силы и бодрость переносить всѣ постигавшія ихъ бѣдствія. Чуждая идеѣ личныхъ наградъ и возмездій, которую Греція распространяла въ видѣ ученія о безсмертіи души, Іудея сосредоточила всѣ самыя дорогія упованія на своей національной будущности, якобы обѣщанной ей Божественнымъ завѣтомъ. А такъ какъ съ IX вѣка до Р. Х. горькая дѣйствительность отдала господство надъ міромъ матеріальной силѣ и безпощадно разбивала всѣ надежды Іудеи, то она съ особенною страстностью держалась за свои фантастическія упованія. Побѣдоносное и часто грубое вторженіе въ Азію греческой и римской цивилизацій, столь противныхъ духу и вѣрованіямъ евреевъ, еще болѣе распаляло ихъ мечтанія. Съ большею силой, чѣмъ когда-либо, жаждала Іудея скорѣйшаго пришествія Мессіи, судьи народовъ и мстителя за Израиля. Она требовала полнаго обновленія міра, потрясенія всѣхъ основъ его существованія для удовлетворенія громаднаго желанія отмщенія,—желанія, распаляемаго въ евреяхъ увѣренностью въ собственномъ превосходствѣ и сознаніемъ своего униженія.

А тѣмъ временемъ, въ тиши и незамѣтно, въ средѣ еврейскаго народа, со всѣми его недостатками,— народа, вѣчно путавшагося въ разныхъ тонкостяхъ и софизмахъ,—подготовлялось и зрѣло величайшее въ міровой исторіи движеніе, открывшее пути къ счастью, къ истинному блаженству всему человѣчеству.

Въ началѣ новой, только что наступавшей, эры умеръ Иродъ, прозванный Великимъ, оставивъ по себѣ неизгладимую память и великолѣпныя сооруженія, вынуждавшія самыхъ ожесточенныхъ недоброжелателей ставить его имя рядомъ съ именемъ царя Саломона. Тѣмъ не менѣе, дѣло, имъ предпринятое, осталось не законченнымъ, и продолжать его не представлялось уже никакой возможности. Въ разгаръ яростной религіозной борьбы на сторонѣ честолюбиваго и хитраго идумеянина было то огромное превосходство надъ окружавшими его страстными фанатиками, которое даетъ человѣку хладнокровіе и ловкость, при отсутствіи какихъ-либо нравственныхъ принциповъ. И, все-таки, неосуществимою мечтой долженъ былъ остаться его замыселъ возстановить царство Израильское въ видѣ «свѣтской» монархіи. Если бы даже такая попытка не являлась анахронизмомъ при современномъ ему положеніи міра, она встрѣтила бы непреодолимое препятствіе къ своему осуществленію въ національномъ характерѣ евреевъ. Три сына Ирода очутились по отношенію къ Риму въ такомъ же, приблизительно, положеніи, въ какомъ находятся нынѣ раджи Индіи подъ владычествомъ Англіи. Антипатръ или Антипа, тетрархъ Галилеи и Переи, лестью стяжавшій милость Тиверія, человѣкъ лѣнивый и безхарактерный, слишкомъ часто подчинялся дурному вліянію своей второй жены, Иродіады. Филиппъ былъ тетрархомъ Галонитиды и Батанеи, Архелай, этнархъ Іудеи, впалъ въ немилость у императора и былъ имъ низложенъ. Съ его удаленіемъ исчезла послѣдняя тѣнь самостоятельности Іерусалима. Іудея, присоединенная къ Самаріи и Идумеѣ, вошла въ составъ провинціи, носившей общее названіе Сиріи, которою управлялъ сенаторъ Публій Сульпицій Квиринъ съ титуломъ императорскаго легата. Подъ главнымъ начальствомъ легата Сиріи, Іудеей послѣдовательно правили римскіе прокураторы: Копоній, Маркъ Амбивій, Анній Руфъ и, наконецъ, Понтій Пилатъ (съ 26 г. по Р. X.), вынуждаемые безпрерывно подавлять разгоравшіяся народныя волненія.

За все это время въ Іерусалимѣ не прекращались возмущенія, поднимаемыя ярыми приверженцами закона Моисеева. Зачинщиковъ ждала неминуемая смерть. Но, когда дѣло шло о ненарушимости закона, всякій охотно жертвовалъ жизнью, и никакая суровость каръ не могла остановить фанатиковъ, ломавшихъ римскихъ орловъ, уничтожавшихъ художественныя изваянія, воздвигаемыя Иродами, возмущавшихся противъ надписей, выставляемыхъ прокураторами. Все это представлялось ревнителямъ закона явнымъ идолопоклонствомъ, посягательствомъ на религію. То же самое происходило въ Самаріи. Начали появляться *зелоты* (*канаимъ*), тайные убійцы, считавшіе своею обязанностью предавать смерти всякаго нарушителя религіозныхъ уставовъ еврейства.

Наибольшее впечатлѣніе произвело на современниковъ возстаніе Іуды Голонита или Галилеянина, уроженца города Гамалы на берегу Тиверіадскаго озера. Изъ всѣхъ видовъ проявленія иноземнаго владычества самымъ невыносимымъ казалось іудеямъ производство народной переписи. Мы знаемъ, какое страшное недовольство и какія грозы вызвала перепись, предприня-

тая царемъ Давидомъ. На самомъ дѣлѣ перепись была основою для обложенія народа податью, а по идеямъ чистой теократіи взиманіе податей оказывалось почти нечестіемъ, покушеніемъ свѣтской власти присвоить себѣ права божества. Деньги, поступавшія въ государственную казну, почитались украденными и награбленными насиліемъ. Перепись, предпринятая Квириномъ, сильно взволновала умы и вызвала всеобщее броженіе. Въ сѣверныхъ провинціяхъ вспыхнуло открытое возстаніе подъ вліяніемъ ученія Іуды и приставшаго къ нему фарисея, по имени Садока. Въ основу ихъ ученія были положены правила, что никого нельзя называть «господиномъ», такъ какъ наименованіе это принадлежитъ единому только Богу, и что свобода дороже жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что не этимъ однимъ ограничивалась проповѣдь Іуды и что Іосифъ Флавій, всегда осторожный и боящійся компрометировать своихъ единовѣрцевъ, умалчиваетъ о многихъ иныхъ его пунктахъ, иначе необъяснимымъ представлялось бы, почему еврейскій историкъ отводитъ Іудѣ Голониту мѣсто въ средѣ мудрецовъ своего народа и считаетъ его основателемъ четвертой школы, параллельной школамъ фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ. По всей вѣроятности, Іуда былъ основателемъ или главою секты, увлеченной идеями мессіанизма, приведшими къ политическому движенію. Прокураторъ Копоній быстро подавилъ возстаніе, но школа Іуды не перестала существовать, и подъ предводительствомъ его сына Менахема и какого-то родственника Елеазара принимала дѣятельное участіе въ послѣдней борьбѣ іудеевъ съ римлянами.

Римское владычество, весьма суровое, по существу своему, не было ни придирчивымъ, ни подозрительнымъ и предоставляло большую свободу подвластнымъ народамъ до тѣхъ поръ, пока не бывало вынужденнымъ прекратить открытыя сопротивленія самыми безпощадными мѣрами. Такою свободой пользовалась Галилея и передъ Іерусалимомъ имѣла то огромное преимущество, что ее неизмѣримо менѣе стѣсняли путы фарисейскаго педантизма. Идеи мессіанизма развивались тамъ спокойнѣе, занимали всѣ умы, въ ожиданія великихъ событій, несомнѣнное предвозвѣщеніе которыхъ находили въ каждой строкѣ Ветхаго Завѣта, обѣщавшаго наступленіе царства мира и правды, царства Божія на землѣ. Іерусалимъ оставался вѣрнымъ и упорнымъ хранителемъ іудейства, основаннаго фарисеями, закрѣпленнаго Талмудомъ, пережившаго средніе вѣка и дошедшаго до нашихъ дней.

Въ мірѣ нѣтъ, кажется, страны, болѣе унылой, чѣмъ окрестности Іерусалима. Полное отсутствіе пониманія красотъ природы суживало умы, приводило къ чему-то сухому и жесткому, придававшему всякому чисто-іерусалимскому дѣянію характеръ грандіозный, но угрюмый, тяжелый и отталкивающій. Галилея же, напротивъ, была страною, полною яркой зелени, очень тѣнистою, необыкновенно привлекательною, — настоящею страною *Пѣсни пѣсней*, пріуготованною для радостной встрѣчи Возлюбленнаго *). Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, въ мартѣ и въ апрѣлѣ, все

*) Не должно смущаться тѣмъ ужаснымъ положеніемъ, въ какомъ нынѣ нахо-

покрыто необычайно яркими цвѣтами. Животныя тамъ не крупны, но кротки поразительно, горлинки стройны и проворны, дрозды и жаворонки такъ смѣлы, что опускаются на землю чуть не подъ ноги путнику. Нигдѣ въ мірѣ не имѣютъ горы такихъ нѣжныхъ очертаній, нигдѣ онѣ не наводятъ на болѣе возвышенныя думы. Народъ тамъ жилъ энергичный, смѣлый и трудолюбивый. Если не считать Тиверіады, выстроенной Иродомъ-Антипой въ честь Тиверія (около 15 г.) въ римскомъ стилѣ, то въ Галилеѣ не было большихъ городовъ. Страна изобиловала свѣжими водами и плодами; богатыя фермы были затѣнены виноградниками и смоковницами; въ садахъ густо разрослись яблони, орѣховыя деревья и гранатныя; вино было отличное и выдѣлывалось его много. На всемъ лежала печать довольства, но не того грубаго матеріальнаго довольства, какое мы видимъ у зажиточнаго и сытаго крестьянина: въ Галилеѣ того времени оно одухотворенно было надеждою, своего рода поэтическимъ мистицизмомъ, подъ вліяніемъ котораго небо и земля сливались въ одну дивную мечту о грядущемъ золотомъ вѣкѣ безконечнаго блаженства.

Іерусалимъ былъ въ то время почти такимъ же, каковъ онъ въ наши дни,—городомъ педантизма и интриги, непрерывныхъ раздоровъ и ненависти, ожесточенныхъ споровъ и узкости умственной. Фанатизмъ доходилъ до крайности, и часто вспыхивали возстанія изъ-за вопросовъ религіи. Тамъ первенствовали фарисеи, единственною наукой признавалось изученіе Закона, доводимое до ничтожнѣйшей мелочности, превращаемое въ самую придирчивую казуистику. Такое исключительно теологическое и каноническое образованіе ничуть не способствовало умственному и духовному подъему тѣхъ, кто проходилъ подобную школу. Наоборотъ, съ огромнымъ трудомъ пріобрѣтенныя знанія преисполняли еврейскаго ученаго, книжника, непомѣрною гордостью и самымъ варварскимъ презрѣніемъ къ свѣтской греческой культурѣ. Всегдашняя особенность такой чисто-схоластической учености состоитъ въ томъ, что она ничему не придаетъ никакой цѣны, кромѣ тѣхъ вздорныхъ пустяковъ, на которые вся жизнь потрачена и которые одни только признаются достойными серьезнаго человѣка.

Само собою понятно, какимъ тяжелымъ гнетомъ ложился весь этотъ міръ зачерствѣлыхъ книжниковъ на нѣжныя и впечатлительныя души сѣверянъ. Пренебреженіе іерусалимлянъ къ галилеянамъ до крайности усиливало взаимное отчужденіе. Въ великолѣпномъ храмѣ, къ которому они стремились съ такимъ искреннимъ благоговѣніемъ, ихъ часто встрѣчали одни разочарованія. Заносчиво самодовольное духовенство съ улыбкой смотрѣло на ихъ наивное умиленіе передъ святыней. Нерѣдко слышались насмѣшки надъ ихъ провинціальнымъ говоромъ. Въ дѣлахъ религіи ихъ считали не-

---

дится Галилея, въ особенности же окрестности оз. Тиверіадскаго. Край, опустошенный и изсушенный мусульманскимъ владычествомъ, былъ настоящимъ земнымъ раемъ. Это удостовѣряютъ Іосифъ Флавій и св. мученикъ Антоній, бывшій въ Галилеѣ около 600 г. по Р. Х., т.-е. лѣтъ за пятьдесятъ до нашествія мусульманъ.

вѣждами и недостаточно правовѣрующими, выраженіе «глупый галилеянинъ» вошло въ поговорку, за несомнѣнное признано было, что «не можетъ явиться пророкъ изъ Галилеи» и что «не выйдетъ ничего добраго изъ Назарета»...

Храмъ былъ только что отстроенъ и не вполнѣ еще оконченъ. Видъ онъ имѣлъ необыкновенно грандіозный. Окружавшіе его портики и дворы были постояннымъ мѣстомъ сборищъ для значительныхъ массъ народа, и вся эта обширная мѣстность представляла собою одновременно молитвенный центръ и форумъ, судилище и академію. Всѣ религіозные споры еврейскихъ школъ или сектъ, всѣ каноническія ученія, даже разбирательство всевозможныхъ процессовъ и тяжбъ, — словомъ, вся національная жизнь сосредоточилась вокругъ святилища. Въ ту пору римляне, относившіеся съ большею осмотрительностью къ религіямъ подвластныхъ имъ народовъ, когда религіи эти оставались на своей территоріи, тщательно охраняли доступъ къ еврейскимъ святынямъ: надписи на греческомъ и латинскомъ языкахъ опредѣляли мѣста, куда не дозволено было входить не-евреямъ. Но башня Антонія, главная квартира римской вооруженной силы, господствовала надъ всѣми зданіями, и съ нея видно было все, что происходитъ въ священной оградѣ. Полицейскій надзоръ въ этой оградѣ принадлежалъ евреямъ, и начальникъ храмовой стражи наблюдалъ за охраненіемъ тамъ всѣхъ установленныхъ порядковъ, причемъ особенно строгое вниманіе было обращено на то, чтобы не допустить во внутренніе портики людей, почитаемыхъ по закону нечистыми. Для женщинъ были отведены совершенно особыя мѣста.

Какъ всѣ священныя мѣста, усердно посѣщаемыя богомольцами, іерусалимскій храмъ внутреннимъ видомъ своимъ не вызывалъ особеннаго благоговѣнія. Самый культъ еврейскій, съ его кровавыми жертвоприношеніями, представлялъ собою много непривлекательныхъ подробностей и обусловливалъ необходимость торговли внутри священной ограды. Тамъ продавали животныхъ для жертвъ, поставлены были столы для размѣны монеты, ютились цѣлыя лавки, превращавшія иногда мѣсто молитвъ въ настоящее торжище. Низшіе служители храма исполняли свои обязанности, несомнѣнно, съ далеко неблагоговѣйною развязностью и грубостью, обычною всѣмъ церковникамъ всѣхъ вѣковъ. Все это, естественно, должно было оскорблять религіозное чувство людей, искренно вѣрующихъ, приходившихъ сюда съ чистыми сердцами.

По мѣрѣ того, какъ въ средѣ Израиля зрѣла и отрѣшалась отъ всего земного мысль, готовившаяся принять Божественное Откровеніе, храмовое духовенство опускалось все ниже. Учрежденіе молитвенныхъ домовъ, синагогъ, дало огромное превосходство толкователямъ Закона передъ жрецами. Жрецы были только при храмѣ, въ Іерусалимѣ, и тамъ, мало-по-малу, вся ихъ дѣятельность свелась къ исполненію обрядовой стороны религіи, и надъ ними естественно возвысились ораторы синагогъ, казуисты и книжники, непринадлежащіе къ духовному сословію. Знаменитости Талмуда не были священниками, это все были ученые, по понятіямъ своего времени. Высшее

духовенство Іерусалима занимало, правда, первенствующее мѣсто, но оно отнюдь не стояло во главѣ религіознаго движенія. Первосвященникъ, значеніе котораго было уже подорвано Иродомъ, превращался все болѣе и болѣе въ римскаго чиновника и бывалъ часто устраняемъ отъ должности. Въ противоположность фарисеямъ, свѣтскимъ, но ярымъ ревнителямъ іудаизма, жрецы, почти всѣ, были саддукеями, т.-е. принадлежали къ той невѣрующей аристократіи, которая образовалась вокругъ храма, жила отъ его доходовъ и къ религіи относилась съ полнымъ равнодушіемъ. Разрывъ между кастою жрецовъ и народною массой былъ настолько полный, что наименованіе «саддукей» *(садоки)*, означавшее первоначально просто принадлежность къ священнической семьѣ Садока, превратилось въ синонимъ «матеріалиста» и «эпикурейца».

Истинными «столпами» іудейства были фарисеи, люди ума крайне узкаго, озабоченные всего болѣе внѣшностью, горделивымъ проявленіемъ формальнаго благочестія,—люди самовольные и самоувѣренные. Всякое новшество, всякое выраженіе независимой мысли принималось этими охранителями за преступное посягательство на божественные законы. И, въ то же время, сами фарисеи, — какъ то всегда бываетъ съ особенно ревностными охранителями, — огромною массой разъясненій, основанныхъ на обычаяхъ и преданіяхъ, не только затемнили законъ, но и совершенно исказили, задушили его, нагромоздивши на него свои консервативныя толкованія. Непоколебимо убѣжденные въ своей непогрѣшимости и праведности, въ невозможности возраженій, фарисеи захватили первыя мѣста въ синагогахъ, молились на перекресткахъ, кичились показною благотворительностью, заносчиво требовали особеннаго къ себѣ уваженія. Народъ, обманутый внѣшностью и нѣсколько запуганный, относился къ нимъ почтительно, хотя иногда и подсмѣивался надъ ихъ страннымъ поведеніемъ на улицахъ, давалъ имъ забавныя клички,—каковы: *никфи*—«косолапые», *казаи*—«окровавленные лбы», *шикми*—«сутулые» и т. п. *). Малѣйшее противорѣчіе, а тѣмъ паче имѣющее характеръ обличенія въ ханжествѣ, притворствѣ и святошествѣ, возбуждало ихъ свирѣпую злобу, ожесточенную ненависть...

«На тотъ годъ первосвященникомъ былъ» Каіафа. Эти слова евангелиста даютъ ясное понятіе, до какого униженія доведенъ былъ санъ первосвященника въ годы земной жизни Іисуса Христа. Съ того времени, какъ Іерусалимъ былъ поставленъ подъ управленіе римскаго прокуратора, несмѣняемость первосвященника была уничтожена, и этотъ высшій духовный санъ чуть не ежегодно переходилъ отъ одного лица къ другому, дабы большему числу дать возможность пользоваться выгодами столь высокой и до-

*) Эти насмѣшливыя прозвища произошли отъ того, что одни изъ фарисеевъ (косолапые) ходили по улицамъ, волоча ноги и натыкаясь на камни; другіе (окровавленные лбы) закрывали глаза, чтобы не видать соблазновъ, въ особенности, женщинъ, и въ кровь разбивали себѣ головы о выступы стѣнъ; третьи (сутулые) постоянно горбились, яко бы подъ тяжестью закона, лежащаго на ихъ плечахъ.

ходной должности. Іосифъ Каіафа былъ возведенъ въ этотъ санъ по волѣ Валерія Грата и долѣе другихъ удержался на своемъ посту (съ 25 по 36 г.). Есть не мало основаній думать, что власть его была только номинальною, такъ какъ на-ряду съ нимъ и даже съ бо́льшимъ значеніемъ мы видимъ другое лицо, по всѣмъ признакамъ, болѣе вліятельное. То былъ тесть Каіафы—Анна или Хананъ, сынъ Сифа, старый низложенный первосвященникъ, поставленный легатомъ Квириніемъ и удаленный при Тиверіи (въ 14 г.). Несмотря на это, его продолжали титуловать первосвященникомъ и къ нему за разрѣшеніемъ обращались во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. При всѣхъ смѣнахъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, должность первосвященника, почти непрерывно, занимали послѣдовательно пять его сыновей и зять Каіафа, и, само собою разумѣется, руководительство оставалось за главою семьи, которой принадлежали, въ то же время, всѣ высшія храмовыя должности. Анна и его семья,—какъ и вся храмовая аристократія, были саддукеями, членами «секты, особенно жестокой въ судахъ»,—по словамъ Іосифа Флавія. Всѣ сыновья Ханана были яростными гонителями христіанъ. По приказу одного изъ нихъ, носившаго, какъ и отецъ, имя Анны или Ханана, былъ побитъ камнями св. Іаковъ, братъ Господень. Вся семья отличалась надменностью, смѣлостью, жестокостью, презрительною и хитрою злобностью, составлявшею характерную особенность еврейской политики. На стараго первосвященника, на его присныхъ и на всю партію храмовыхъ аристократовъ должна пасть главная отвѣтственность за смерть Спасителя. Они распяли Христа. Каіафа «подалъ совѣтъ іудеямъ, что лучше одному человѣку умереть за народъ», и Каіафа же говорилъ:— «Лучше намъ, чтобъ одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели чтобы весь народъ погибъ». Этими словами онъ выразилъ мысль всей партіи жрецовъ, боявшихся какихъ бы то ни было народныхъ волненій и предвидѣвшихъ не безъ основанія, что всякое національное движеніе должно повлечь за собою усиленіе чужеземнаго гнета, окончательное порабощеніе народа и уничтоженіе храма, дававшаго имъ богатства и почести. Имъ недоступенъ и непонятенъ былъ смыслъ ученія Христова и благовѣствованія Царствія Божія не отъ міра сего... Причины, приведшія, тридцать шесть лѣтъ спустя, къ разрушенію Іерусалима, таились отнюдь не въ нарождавшемся христіанствѣ,—онѣ были въ самомъ Іерусалимѣ.

Синедріонъ, при владычествѣ римлянъ, не имѣлъ права приводить въ исполненіе постановляемые имъ смертные приговоры до утвержденія ихъ легатомъ Сиріи, когда дѣло шло о римскомъ гражданинѣ, или прокураторомъ Іудеи, когда былъ обвиненъ еврей, не имѣвшій правъ римскаго гражданина. И какъ то всегда бываетъ при господствѣ политическаго, свѣтскаго государства надъ племенами, у которыхъ смѣшиваются во-едино гражданскіе и религіозные законы, римскія власти часто бывали вынуждены оказывать поддержку еврейскимъ законамъ, такъ какъ римскіе законы не касались Іудеи, продолжавшей пользоваться своими каноническими уставами. Вотъ почему приговореннаго къ смерти Іисуса повели свя-

ваннымъ къ Пилату, евреи же «не вошли въ преторію, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было ѣсть пасху». Было это утромъ въ пятницу, 14 числа мѣсяца низана,—3 апрѣля.

Прокураторъ Понтій Пилатъ до того времени не имѣлъ никакого понятія о новомъ ученіи. Нисколько не интересующійся религіозными спорами, онъ видѣлъ въ нихъ только сектантскія движенія, которыя считалъ вздорными бреднями безпокойныхъ фанатиковъ. Вообще, онъ не любилъ евреевъ. А евреи, съ своей стороны, еще болѣе не любили его, находили его суровымъ, презрительнымъ, вспыльчивымъ, обвиняли его въ неправдоподобныхъ преступленіяхъ. Іерусалимъ, центръ сильныхъ народныхъ броженій, былъ крайне мятежнымъ городомъ, невыносимымъ для чужеземца. Пылкіе ревнители іудейства увѣряли, что прокураторъ, по заранѣе составленному плану, стремится къ полному уничтоженію ихъ закона. Ихъ узкій фанатизмъ, ихъ ожесточенныя религіозныя распри возмущали чувства справедливости и гражданственности, которыя всюду приносилъ съ собою самый посредственнѣйшій изъ римлянъ. Всѣ дошедшія до насъ дѣйствія Пилата свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ разумнымъ правителемъ. Въ началѣ его службы на Востокѣ у него были серьезныя столкновенія съ евреями, которыя онъ прекратилъ весьма рѣзкими мѣрами. Онъ видѣлъ въ своихъ подначальныхъ людей отсталыхъ и несносныхъ. Во всѣхъ лучшихъ своихъ начинаніяхъ для блага страны,—въ особенности же, когда дѣло касалось публичныхъ работъ,—онъ постоянно наталкивался на непреодолимыя препятствія, которыя ставилъ ему законъ еврейскій, стѣснявшій и сдавливавшій жизнь настолько, что невозможными становились какія бы ни было нововведенія и улучшенія. Римскія сооруженія, какъ бы ни были они полезны, возбуждали яростное негодованіе ревнителей іудейства. Двѣ доски съ надписями, поставленныя на домѣ правителя, сосѣднемъ съ священною оградой, вызвали цѣлую бурю негодованія. Пилатъ мало обращалъ вниманія на такую чрезмѣрную раздражительность и оказался вынужденнымъ прибѣгнуть къ кровавымъ репрессіямъ, приведшимъ въ концѣ-концовъ къ удаленію его отъ должности. Наученный опытомъ онъ сдѣлался очень осторожнымъ въ сношеніяхъ съ нетерпимымъ народомъ, мстившимъ правительству тѣмъ, что заставлялъ его обращаться къ ужасающимъ средствамъ. Въ высшей степени непріятно было прокуратору, когда онъ опять увидалъ себя поставленнымъ въ необходимость совершать жестокости, по его мнѣнію, ненужныя и безцѣльныя.

II.

Тарсъ, Дамаскъ, Антіохія.

Савлъ, впослѣдствіи апостолъ Павелъ, родился въ гор. Тарсѣ, въ Киликіи, около 10 или 12 года по Р. Хр. Родители Савла были самыми чистыми евреями изъ колѣна Веніаминова, но отецъ его пользовался уже правами римскаго гражданина. Семья его, подобно всѣмъ старымъ и хо-

рошимъ еврейскимъ родамъ, принадлежала къ партіи фарисеевъ, и Павелъ былъ воспитанъ въ строгихъ правилахъ этой школы. Тарсъ, во времена Августа, былъ цвѣтущимъ городомъ. Большую часть обывателей составляли греки и сирійцы; число евреевъ было тоже значительно, какъ во всѣхъ торговыхъ городахъ. Любовь къ литературѣ и наукамъ была сильно распространена, и нигдѣ, не исключая Аѳинъ и Александріи, нельзя было найти такого количества школъ и учрежденій, посвященныхъ наукѣ. Изъ Тарса и его учебныхъ заведеній вышло необыкновенно много очень ученыхъ мужей. Евреи, однако, рѣдко обучались въ языческихъ школахъ, изъ которыхъ наиболѣе славились школы реторики, гдѣ первымъ предметомъ обученія былъ классическій греческій языкъ. Апостолъ Павелъ свободно говорилъ по-гречески и на томъ же языкѣ писалъ, или вѣрнѣе, диктовалъ свои посланія. Но едва ли онъ посѣщалъ греческія школы,— образованіе его было исключительно еврейское. Въ Іерусалимъ онъ пріѣхалъ очень молодымъ и поступилъ въ школу Гамаліила Старшаго, человѣка самаго просвѣщеннаго въ Іудеѣ, очень либеральнаго, понимавшаго язычниковъ и отличавшагося широтою мысли. Очень молодымъ человѣкомъ Савлъ былъ страстнымъ ревнителемъ іудейства и, «дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа, пришелъ къ первосвященнику и выпросилъ у него письма въ Дамаскъ къ синагогамъ, чтобы, кого найдетъ послѣдующихъ сему ученію, и мужчинъ, и женщинъ, связавъ, приводить въ Іерусалимъ» *).

Такія произвольныя преслѣдованія христіанъ объясняются растерянностью римскихъ правителей со времени смерти императора Тиверія и перехода верховной власти къ безумствовавшему Калигулѣ. Администрація слабѣла повсюду, и фанатизмъ захватывалъ въ свои руки все, что утрачивалось государственными властями. Послѣ удаленія Пилата и уступокъ, сдѣланныхъ Луціемъ Вителліемъ, странѣ было предоставлено управляться по своимъ законамъ. Мѣстныя тираніи воспользовались ослабленіемъ и безпечностью власти. Къ тому же Дамаскъ только что перешелъ въ руки набатеевъ, Хартата или Ареты, столица котораго была въ Петрѣ, въ Каменистой Аравіи. Сильный и храбрый владѣтель Аравіи побилъ Ирода Антипу, оказалъ энергичное сопротивленіе римлянамъ, которыми командовалъ легатъ Луцій Вителлій, и какъ нельзя лучше воспользовался благопріятно сложившимися обстоятельствами. Извѣстіе о смерти Тиверія (16 марта 37 года) остановило наступательное движеніе Вителлія. Арета овладѣлъ Дамаскомъ и поставилъ тамъ своего этнарха. Евреевъ было много въ Дамаскѣ, они составляли тамъ очень вліятельную партію и успѣшно пріобрѣтали прозелитовъ, особливо между женщинами. Новые владѣтели Дамаска старались привлечь евреевъ на свою сторону уступками, увеличивавшими ихъ автономію, всякая же уступка такого рода вела неизбѣжно къ усиленію религіозныхъ неистовствъ. Карать, убивать тѣхъ, кто мыслилъ иначе, чѣмъ они, вотъ что евреи называли своими правами и вольностями.

*) *Дѣянія св. апостоловъ*, IX, 1—2.

Дорога изъ Іерусалима въ Дамаскъ осталась, по всей вѣроятности, такою же, какою была въ тѣ далекія времена. Выйдя изъ Іерусалима, путникъ направляется вверхъ по теченію Іордана, переходитъ черезъ мостъ «Дочерей Іакова» и вступаетъ въ прекрасную долину, орошаемую мелкими притоками рр. Абаньи и Фарфара. Черезъ селенія Саза или Заза, Кобакъ и Дарейя онъ вступаетъ въ ближайшія окрестности города, имѣя позади себя снѣжную вершину Ермона, справа—двѣ параллельныя цѣпи невысокихъ горъ, между которыми бѣжитъ р. Фарфаръ, и ряды холмовъ страны озеръ, слѣва—предгорья Анти-Ливана, тянущіяся къ Ермону. Превосходно воздѣланныя поля, тщательно обработанные сады, отдѣленные другъ отъ друга оросительными канавами, производятъ самое пріятное впечатлѣніе мира и довольства. Среди богатыхъ насажденій съ хорошо устроеннымъ орошеніемъ, въ тѣни оливковыхъ, абрикосовыхъ и грушевыхъ деревьевъ, между которыми вьются гирлянды винограда, почти не вѣрится, что находишься на Востокѣ, въ особенности, когда только что остались назади суровыя и знойныя страны Голонитиды и Итуреи. Со временъ отдаленнѣйшей древности и до нашихъ дней окрестности Дамаска, полныя прохлады и изобилія, не переставали слыть настоящимъ «раемъ Божіимъ». Тутъ-то, на этой дорогѣ, вблизи города, произошло событіе, превратившее гонителя христіанъ Савла въ ревностнѣйшаго служителя Христова, въ апостола Павла, понесшаго проповѣдь Евангелія языческимъ народамъ Запада... Успѣхъ проповѣди апостола въ Дамаскѣ, несомнѣнно, долженъ былъ вызвать сильное озлобленіе въ средѣ мѣстныхъ іудеевъ и встревожилъ старавшагося угождать имъ областного правителя, поставленнаго царемъ Аретой. Этнархъ приказалъ стеречь городъ и схватить апостола, и онъ, Павелъ, увѣровавшими братіями «въ корзинѣ былъ спущенъ изъ окна по стѣнѣ и избѣжалъ рукъ» гонителей.

Распространяясь черезъ Финикію, проповѣдь апостольская достигла острова Кипра и гор. Антіохіи, гдѣ увѣровавшіе впервые стали называться «христіанами».

Антіохія, «столица Востока», третій городъ міра (первыми были Римъ и Александрія), была резиденціей императорскаго легата, правившаго Сиріей. Великолѣпно украшенный Селевкидами, городъ получилъ новый блескъ подъ властью римлянъ. Храмы, водопроводы, бани, базилики,—словомъ, всѣ сооруженія, которыми славились сирійскіе города той эпохи, были и въ Антіохіи. Улицы, окаймленныя колоннадами, перекрестки, обставленные статуями, были тамъ симметричнѣе и правильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Главная улица, съ четырьмя рядами колоннъ, составлявшихъ двѣ крытыхъ галлереи, и съ широкимъ проѣздомъ между ними, пересѣкала городъ изъ конца въ конецъ и имѣла въ длину тридцать шесть стадій (около шести верстъ). Кромѣ грандіозныхъ построекъ, Антіохія имѣла еще и то, что встрѣчалось въ немногихъ городахъ Сиріи: множество замѣчательныхъ образцовъ греческаго искусства, чудныхъ статуй, классически-художественныхъ произведеній, подражать

которымъ уже не умѣлъ вѣкъ Августа. Съ самаго основанія своего, Антіохія была чисто-эллинскимъ городомъ. Македоняне Антигона и Селевка принесли съ собою на берега Оронта самыя живыя воспоминанія о своей родинѣ, ея религіозные культы, ея наименованія. Греческая миѳологія нашла себѣ какъ бы вторую родину, въ городѣ царилъ культъ Аполлона и нимфъ. Дафна—восхитительное мѣсто въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Антіохіи—напоминала завоевателямъ увлекательнѣйшія фантазіи давно минувшаго. То былъ своего рода плагіатъ, поддѣлка подъ то, что осталось въ родной странѣ. Религія, сложившаяся изъ такихъ сказокъ Греціи, давно устарѣла и едва представляла собою нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ *Метаморфозы* Овидія. Нѣсколько болѣе важное значеніе имѣли остатки мѣстныхъ вѣрованій. Но легкомысліе сирійцевъ, шарлатанство вавилонянъ, всѣ бредни Азіи, столкнувшись тутъ на грани двухъ міровъ, сдѣлали изъ Антіохіи сборище всяческихъ обмановъ, гнѣздо всевозможныхъ мерзостей.

Рядомъ съ весьма значительнымъ греческимъ населеніемъ въ Антіохіи жило большое число туземцевъ, говорившихъ на сирійскомъ языкѣ. Туземцы эти составляли низшій классъ обывателей, занимали предмѣстья города и многолюдныя селенья, окружавшія его. Браки между сирійцами и греками были обычнымъ явленіемъ. Къ тому же Селевкомъ былъ изданъ законъ, предоставлявшій всякому чужеземцу, поселившемуся въ городѣ, права гражданства. Въ результатѣ того и другого оказалось такое смѣшеніе племенъ, какого нельзя было встрѣтить нигдѣ въ мірѣ, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и крайнее паденіе нравственнаго уровня всего населенія. Городъ кишмя кишѣлъ фиглярами, шарлатанами, магиками, фокусниками и колдунами, жрецами и обманщиками,—жилъ скачками и игрою, плясками, процессіями, празднествами и вакханаліями, среди неимовѣрной роскоши, всѣхъ безумствъ Востока и позорнѣйшихъ суевѣрій. Попеременно, то рабол ѣпные и унижающіеся, то заносчивые и дерзкіе, антіохійцы представляли собой образецъ толпы, созданной для цезаризма, сброда людей безъ отчизны, безъ національности, безъ понятій родовой чести, безъ дорогихъ семейныхъ традицій. Главная улица, пересѣкавшая городъ, была шумною ареной, на которой ежедневно суетились массы народа, непостояннаго, перемѣнчиваго, мятежнаго, порою остроумнаго, занятаго эпиграммами, пародіями, шутками, всяческими безчинствами. Склонность къ литературѣ была сильно развита, но—къ литературѣ чисто-риторической. Зрѣлища поражали своею странностью, бывали игры, на которыхъ большія группы обнаженныхъ молодыхъ дѣвушекъ состязались въ различныхъ упражненіяхъ, толпы куртизанокъ плавали передъ публикой въ бассейнахъ прозрачной воды. То было какое-то опьяненіе, точно на-яву сонъ Сарданапала, полный сладострастія и разврата, источникъ мерзости, широкимъ потокомъ лившійся въ Римъ отъ устья Оронта...

Среди разнороднаго населенія, привлеченнаго въ Антіохію постановленіями Селевкидовъ, еврейская колонія была одною изъ самыхъ многочисленныхъ. Она существовала со временъ Селевка Никатора и поль-

зовалась одинаковыми правами съ греками. У евреевъ былъ свой отдѣльный этнархъ, какъ въ Александріи, тѣмъ не менѣе, ихъ близость и постоянныя сношенія съ язычниками переходили въ распри и враждебныя столкновенія. Въ то же время, евреи вели дѣятельную религіозную пропаганду. Для серьезныхъ умовъ и возвышенныхъ душъ оффиціальный политеизмъ становился все болѣе и болѣе неудовлетворительнымъ,—греческая философія и іудаизмъ привлекали всѣхъ, кто сознавалъ всю пустоту языческихъ торжествъ, и число прозелитовъ возрастало очень быстро. Такимъ образомъ, почва была подготовлена и ждала только сѣятеля, чтобы принять благодатное сѣмя христіанскаго ученія. Вѣрующіе во Христа, «разсѣявшіеся (изъ Іерусалима) отъ гоненія, бывшаго послѣ Стефана, прошли до Финикіи, Кипра и Антіохіи, никому не проповѣдуя слова, кромѣ іудеевъ. Были же нѣкоторые изъ нихъ кипряне и киринейцы, которые, пришедши въ Антіохію, говорили еллинамъ, благовѣствуя Господа Іисуса» *). Съ прибытіемъ апостоловъ Петра и Павла вполнѣ установилась церковь Христова въ Антіохіи. Реакція противъ огромнаго нечестія города была такъ велика среди самихъ язычниковъ, что они во множествѣ приняли Божественное ученіе и положили основаніе церкви, вполнѣ независимой отъ Іерусалима и іудейства.

III.

Іудея.

Иродъ Агриппа, внукъ Ирода Великаго, успѣлъ возстановить царство своего дѣда въ 44 году по Р. Хр. Искусно пользуясь расположеніемъ Калигулы, онъ соединилъ подъ своею властью Батанею, Трахонитиду, часть Горона, Абилену, Галилею и Перею. Мерзкая роль, разыгранная имъ въ трагикомедіи, отдавшей императорскую власть въ руки Клавдія, принесла ему огромныя выгоды: въ награду за уроки угодничества и предательства, которые онъ давалъ въ Римѣ, Агриппа получилъ Іудею и Самарію. Въ Римѣ онъ оставилъ по себѣ очень нехорошую память, тамъ приписывали отчасти его совѣтамъ жестокости Калигулы. Армія и языческіе города, какъ Севастія и Кесарія, которымъ Агриппа предпочиталъ Іерусалимъ, не любили его. Евреи же, напротивъ, считали его великодушнымъ, щедрымъ, сочувствующимъ ихъ несчастіямъ. Онъ старался пріобрѣсти популярность между ними, держался совсѣмъ не той политики, какой слѣдовалъ его дѣдъ Иродъ, имѣвшій въ виду грековъ и римлянъ болѣе, чѣмъ іудеевъ. Иродъ Агриппа, наоборотъ, любилъ Іерусалимъ, строго соблюдалъ всѣ религіозные уставы, выставлялъ на показъ свое благочестіе. Онъ доходилъ до того, что кротко выслушивалъ мнѣнія ревнителей закона и смиренно оправдывался, когда они упрекали его въ нарушеніяхъ обычаевъ. Въ Іерусалимѣ онъ отмѣнилъ налогъ на дома. Словомъ, старозавѣтные евреи находили его царемъ совершенно въ ихъ духѣ.

*) *Дѣянія св. апостоловъ*, XI, 19—20.

Такой государь неизбѣжно долженъ былъ стать гонителемъ христіанъ. Искренно ли, притворно ли, но Иродъ Агриппа былъ еврейскимъ царемъ въ полномъ смыслѣ слова. Домъ Ирода, утрачивая значеніе, впадалъ въ ханжество, отъ него уже далека была языческая мысль основателя династіи, стремившагося заставить всѣ религіи жить мирно подъ общимъ господствомъ цивилизаціи. Когда Иродъ Агриппа, сдѣлавшись царемъ, пріѣхалъ въ первый разъ въ Александрію, его тамъ встрѣтили какъ «царя евреевъ», и этотъ титулъ раздражилъ населеніе, подавъ поводъ къ безчисленнымъ глумленіямъ александрійцевъ. Такой еврейскій царь не могъ быть не кѣмъ инымъ, какъ охранителемъ закона и преданій, главою теократическаго государства, гонителемъ всѣхъ отступавшихъ отъ обычаевъ. Со смерти основателя династіи, умѣвшаго обуздывать фанатизмъ, до войны, окончившейся разгромомъ Іерусалима, религіозная нетерпимость евреевъ постоянно разросталась. Послѣ Калигулы, умершаго 24 января 41 г., наступила реакція, благопріятная для евреевъ. Клавдій вообще былъ расположенъ въ ихъ пользу, благодаря вліянію Ирода Агриппы и его брата Ирода. Новый императоръ не только принялъ ихъ сторону въ распрѣ съ жителями Александріи и далъ имъ право выбирать себѣ отдѣльнаго этнарха въ этомъ городѣ, но издалъ, кромѣ того, эдиктъ, которымъ предоставилъ евреямъ во всей имперіи тѣ же права, какими пользовались они въ Александріи, то-есть право жить сообразно ихъ законамъ и обычаямъ, подъ условіемъ не стѣснять послѣдователей другихъ религій. Іерусалимъ значительно расширился, къ нему присоединено было предмѣстье Везефа. Власть римлянъ едва давала себя чувствовать, несмотря на то, что Вибій Марсъ, человѣкъ опытный и дальновидный, принявшій должность легата Сиріи послѣ Публія Петронія, не разъ обращалъ вниманіе Рима на опасность полунезависимыхъ царствъ Востока.

Своего рода феодализмъ, возникавшій въ Сиріи и въ сосѣднихъ съ нею странахъ послѣ смерти Тиверія, явился задержкой политикѣ императоровъ и, несомнѣнно, велъ къ очень дурнымъ послѣдствіямъ. Мѣстные «царьки», пріѣзжавшіе въ Римъ, играли тамъ видныя роли и имѣли крайне вредное вліяніе. Испорченность и приниженность народа, особенно при Калигулѣ, произошли въ значительной мѣрѣ отъ того, что эти недостойные государи на глазахъ у всѣхъ влачили свой пурпуръ то въ театрахъ, то во дворцѣ императора, то въ тюрьмахъ. Что касается Іудеи, то мы уже видѣли, что для нея независимость немыслима была безъ нетерпимости. И государь, желавшій привлечь расположеніе евреевъ, могъ добиться этого, только предоставляя имъ дѣлать то, что имъ было наиболѣе по душѣ, т.-е. учинять всякія жестокости надъ всѣми, кто отступалъ отъ строгаго соблюденія ихъ уставовъ. Слѣдуя такому пути, Иродъ Агриппа къ концу своего царствованія сдѣлался яростнымъ гонителемъ христіанъ.

Смерть Ирода Агриппы I повлекла за собою полную утрату Іерусалимомъ той независимости, какою онъ пользовался. Править городомъ стали

опять прокураторы, и такъ шло дѣло до общаго возстанія противъ римскаго владычества. Большимъ счастьемъ это было для христіанъ, такъ какъ они вновь свободно вздохнули подъ властью Рима, не дававшаго развернуться съ полною силой страстной нетерпимости іудейства, всегда стремившагося задушить въ своей средѣ всякія проявленія свободы духовной. Каспій Фадъ, первый въ ряду новыхъ прокураторовъ, твердою рукой сдерживалъ порывы религіознаго фанатизма евреевъ. Но императоръ Клавдій продолжалъ благосклонно относиться къ ихъ притязаніямъ, находившимъ вліятельную поддержку въ любимцѣ Клавдія, жившемъ въ Римѣ, Иродѣ Агриппѣ, сынѣ Ирода Агриппы I. Послѣ Каспія Фада обязанности прокуратора были возложены на еврея, Тиверія Александра, племянника Филона и сына еврейскаго этнарха Александріи. Евреи, правда, не любили его и не безъ основанія считали вѣроотступникомъ.

Чтобы, по возможности, отклонить поводы къ безпрерывно возникавшимъ столкновеніямъ, была принята довольно разумная мѣра—своего рода отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной. Первая осталась въ рукахъ прокураторовъ. А Иродъ, братъ Ирода Агриппы I, былъ назначенъ префектомъ храма, хранителемъ первосвященническихъ облаченій и храмовой казны, съ правомъ возводить кого ему угодно въ санъ первосвященника. Послѣ его смерти, въ 48 г., всѣ эти права перешли къ его племяннику Ироду Агриппѣ II, удержавшему ихъ за собою до самой войны. Клавдій оставался неизмѣнно благосклоннымъ къ евреямъ. Высшіе римскіе сановники въ Сиріи, хотя и менѣе императора склонные къ уступкамъ, выказывали съ своей стороны крайнюю снисходительность. Прокураторъ Вентидій Куманъ довелъ послабленія до того, что приказалъ передъ огромною толпой евреевъ отрубить голову одному солдату, изорвавшему списокъ Пятикнижія. Все было тщетно: Іосифъ Флавій вполнѣ основательно относитъ ко времени правленія Вентидія Кумана начало смутъ, приведшихъ къ возстанію и разгрому Іерусалима.

IV.

Іудея и ея колоніи.

Въ смутахъ, волновавшихъ Іудею, христіане не принимали никакого участія. Но эти смуты сами по себѣ были однимъ изъ симптомовъ необычайно напряженнаго, лихорадочнаго состоянія, охватившаго еврейскій народъ. Никогда еще его религія не дѣлала такихъ успѣховъ. Іерусалимскій храмъ былъ однимъ изъ наиболѣе чтимыхъ въ мірѣ святилищъ, слава его наиболѣе далеко простиралась, и къ нему стекалось наибольшее количество жертвъ и сокровищъ. Іудейство сдѣлалось первенствующею религіей нѣскольких частей Сиріи. Представители династіи Асмонеевъ обращали въ нее насильственно цѣлыя племена (итуреянъ и др.). Ревность пропаганды разросталась съ большою силой. Могущественную поддержку оказывалъ ей домъ Ирода: чтобы вступить въ бракъ съ какою-либо изъ принцессъ этой

семьи, обладавшей несмѣтными богатствами, мелкіе владѣтельные князьки, вассалы Рима (въ Эмесѣ, въ Понтѣ и въ Киликіи), переходили въ іудейство. Множество обращенныхъ насчитывалось въ Аравіи и въ Эѳіопіи. Въ іудейство склонились семьи царей Мезены и Адіабены, бывшихъ въ зависимости отъ пареянъ. Весьма распространена была увѣренность въ томъ, что знаніе и исполненіе Моисеева закона способны дать людямъ счастье. Даже не принимавшіе обрѣзанія въ жизни сообразовались болѣе или менѣе съ еврейскими уставами. Своего рода монотеизмъ захватывалъ общее религіозное настроеніе во всей Сиріи. Въ Дамаскѣ, городѣ отнюдь не еврейскомъ, почти всѣ женщины приняли іудейство. Изъ-за фарисейскаго іудейства начало выступать іудейство свободное, менѣе чистое, не достаточно знакомое со всѣми тонкостями и тайнами этой религіи, но за то одушевленное добрыми стремленіями и любовью къ людямъ.

Одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ той склонности, которая влекла къ іудейству религіозныя души, представляетъ собою семейство царей Адіабены на р. Тигрѣ. Родомъ и нравами персы, члены этой семьи, не чуждой греческой культуры, почти всѣ приняли іудейство и проявили большое благочестіе. Изатъ, глава семьи, былъ обращенъ проповѣдью одного купца, еврея Ананіи, который, по своей торговлѣ, имѣлъ доступъ въ сераль Абеннерига, царя Мезены, успѣлъ тамъ склонить въ свою вѣру всѣхъ женщинъ и сдѣлался ихъ духовнымъ наставникомъ. Черезъ женщинъ онъ добрался и до Изата. Около того же времени мать этого послѣдняго, Елена, была посвящена въ законъ Моисеевъ другимъ евреемъ. Изатъ, увлеченный усердіемъ неофита, выразилъ желаніе подвергнуться обрѣзанію. Но его мать и Ананія отклонили его отъ такого намѣренія, причемъ еврей-наставникъ убѣдилъ его въ томъ, что и безъ этого можно быть правовѣрнымъ евреемъ. Подобною терпимостью отличались, впрочемъ, немногіе просвѣщеннѣйшіе единовѣрцы Ананіи.

За обращеніемъ Изата послѣдовалъ переходъ въ іудейство его брата Монобаза и почти всей семьи. Около 44 года Елена переселилась на жительство въ Іерусалимъ, построила тамъ дворецъ и великолѣпную усыпальницу, которая существуетъ и донынѣ и извѣстна подъ наименованіемъ «Могилы царей». Жители Іерусалима, въ особенности бѣдняки, любили и чтили царицу за ея благочестіе, привѣтливость и благотворительность. Во время моровой язвы 44 года Елена на свои средства приказала доставить большое количество хлѣба изъ Египта и сушеныхъ плодовъ съ Кипра для раздачи бѣднѣйшимъ обывателямъ города. Изатъ, съ своей стороны, прислалъ для той же цѣли крупныя денежныя суммы. Такимъ образомъ богатства Адіабены въ значительной мѣрѣ шли на помощь іерусалимлянамъ. Дѣти Изата обучались въ Іерусалимѣ языку и обычаямъ евреевъ, и вся семья получила какъ бы право гражданства въ столицѣ Іудеи. Истинными послѣдователями Божественнаго закона, дарованнаго Израилю, были вѣрнѣе эти чужеземцы, одушевленные [глубокимъ религіознымъ чувствомъ, чѣмъ суровые и злобствующіе фарисеи, для которыхъ вѣра была только

основою гордыни и ненавистничества. Добрые прозелиты, при всей своей искренности, отнюдь не были фанатиками и признавали, что истинная религія свободно можетъ уживаться подъ властью самыхъ разнообразныхъ гражданскихъ законовъ. Они строго отдѣляли религію отъ политики и все рѣзче опредѣлялось большое различіе между сектантами-мятежниками, яростно возстававшими противъ римскаго владычества, и этими мирными и набожными послѣдователями Моисеева закона, которые при первомъ взрывѣ войны поспѣшили удалиться въ горы, какъ то сдѣлали и христіане.

Одновременно и рядомъ съ пропагандою іудаизма преуспѣвала въ языческомъ мірѣ проповѣдь христіанства, уже вполнѣ отдѣлившагося отъ ветхо-завѣтнаго закона. Недостаточность свѣдѣній о христіанахъ въ произведеніяхъ Іосифа Флавія, въ Талмудѣ и у латинскихъ и греческихъ писателей, не должна удивлять насъ. Книги Іосифа Флавія дошли до насъ въ неполныхъ спискахъ, сдѣланныхъ христіанами, исключившими изъ нихъ все, что представлялось оскорбительнымъ для религіознаго чувства переписчиковъ. Талмудъ подвергся также сокращеніямъ и измѣненіямъ въ средніе вѣка и при первомъ его изданіи, когда христіанскою цензурой изъ него было выкинуто многое, оказывавшееся богохульнымъ. Инквизиція такъ усердно жгла евреевъ и ихъ книги, что въ настоящее время не существуетъ ни одного полнаго списка Талмуда. Что же касается латинскихъ и греческихъ писателей, то они обращали мало вниманія на религіозное движеніе, котораго не могли понимать и которое совершалось вдали отъ нихъ, въ обособленномъ и замкнутомъ міркѣ. Возникшее христіанство ускользаетъ отъ ихъ взоровъ, они не въ состояніи были разобрать его на темномъ фонѣ іудейства и принимали за домашнюю вѣроисповѣдную распрю въ средѣ презираемаго племени. Тѣмъ не менѣе, упоминанія Тацита и Светонія о христіанахъ доказываютъ, что новая религія была въ то время уже весьма крупнымъ явленіемъ, хотя еще не совсѣмъ яснымъ для писателей и не привлекавшимъ еще общаго вниманія.

Помимо этого язычникамъ, римлянамъ и грекамъ, трудно, почти невозможно, было выдѣлить христіанство, почитаемое ими за одну изъ сектъ іудейства, изъ другихъ религіозныхъ движеній, волновавшихъ въ то время Іудею. Все еще не прекращалась смута, поднятая Іудой Галилеяниномъ или Голонитяниномъ. Во главѣ послѣдователей его ученья стали его сыновья Іаковъ, Симонъ и Менахемъ. Первые два были распяты по распоряженію прокуратора, еврея-ренегата Тиверія Александра. Что касается Менахема, то онъ игралъ впослѣдствіи выдающуюся роль въ событіяхъ, погубившихъ народъ Израильскій. Въ 44 году явился Ѳевда, «выдавая себя за кого-то великаго», призывая народъ слѣдовать за нимъ въ пустыню, обѣщая ему скорое освобожденіе. Онъ увлекъ за собой болѣе четырехъ-сотъ человѣкъ. Прокураторъ Каспій Фадъ выслалъ противъ него конницу, которая разсѣяла скопище, причемъ самъ Ѳевда былъ убитъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ подобное же движеніе, охватившее Самарію, было съ большою

суровостью подавлено Пилатомъ. Въ Іерусалимѣ, со времени прибытія Вентидія Кумана, волненія не прекращались и приняли настолько острый характеръ, что жизнь въ городѣ сдѣлалась невыносимою. Самые ничтожные поводы производили взрывы фанатизма, всюду чувствовалось разрастающееся броженіе, всѣхъ захватывала затаенная тревога. Зелоты наводили ужасъ своими убійствами. Воображеніе было страшно возбуждено, настроено на все чудесное. Разные фантазеры, подобно Ѳевдѣ, выдавали себя за пророковъ, смущали народъ, увлекали толпы въ пустыню, заманивая обѣщаніями показать «знаменія», предвѣщающія скорое освобожденіе. Римскія власти избивали тысячами несчастныхъ, обманутыхъ лжепророками. Около 56 года явился въ Іерусалимъ одинъ еврей изъ Египта и сумѣлъ прельстить своими волшебствами до тридцати тысячъ человѣкъ и въ томъ числѣ четыре тысячи зелотовъ. Изъ пустыни онъ хотѣлъ вести ихъ на Масличную гору, увѣряя, что по одному его заклинанію падутъ стѣны Іерусалима. Феликсъ, бывшій тогда прокураторомъ, выступилъ противъ скопища и разсѣялъ его. Египтянинъ скрылся и пропалъ безъ вѣсти. Но ему на смѣну являлись новыя толпы, подъ предводительствомъ чародѣевъ и волшебниковъ, открыто возмущавшихъ народъ противъ римлянъ и грозившихъ смертью всѣмъ, кто хотѣлъ оставаться спокойнымъ. Подъ такимъ предлогомъ эти бродячія толпы убивали богатыхъ, грабили ихъ имущество, жгли села и наводили ужасъ на всю Іудею. Все предвѣщало неизбѣжную, ожесточенную войну.

Задолго до Рождества Христова началось разселеніе евреевъ изъ Іудеи на Западъ по всему побережью Средиземнаго моря. Кромѣ большихъ, почти автономныхъ еврейскихъ колоній Дамаска, Антіохіи и Александріи, обособленныя еврейскія общины существовали во многихъ городахъ Малой Азіи, Кипра, Македоніи, Греціи и Италіи. Такія общины въ античномъ мірѣ представляютъ собой примѣры своеобразнаго и очень крѣпкаго патріотизма, не связаннаго ни съ какою опредѣленною территоріей,—патріотизма торговцевъ, разсѣянныхъ повсюду, вездѣ признающихъ другъ друга за братьевъ, умѣющихъ сплотиться въ небольшіе и тѣсные кружки среди чужихъ имъ народовъ и государствъ. Эти «евреи разсѣянія» основали во многихъ городахъ почти независимыя ассоціаціи, имѣвшія своихъ должностныхъ лицъ, свои совѣты и собранія. Въ нѣкоторыхъ городахъ они имѣли своихъ отдѣльныхъ этнарховъ или алабарховъ, пользовавшихся огромною властью. Въ чужихъ городахъ евреи жили въ отдѣльныхъ кварталахъ, стоявшихъ внѣ общей юрисдикціи, всѣми презираемые, но очень довольные своею судьбой, хотя всѣ они были скорѣе бѣдны, чѣмъ богаты. Время большихъ еврейскихъ состояній еще не наступило, начинается оно съ господства Вестготовъ въ Испаніи. Страсть евреевъ къ наживѣ и возможность скоплять огромные капиталы нашли поддержку въ административной неспособности варваровъ и въ томъ крайнемъ осужденіи, съ которымъ христіанство относилось къ отдачѣ денегъ въ ростъ изъ процентовъ. Ничего подобнаго не было при римскомъ владычествѣ. Евреи же,

разъ онъ не скопилъ богатства, остается бѣднякомъ. Средней зажиточности и спокойнаго довольства онъ не знаетъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ отлично умѣетъ сносить бѣдность, хотя бы она переходила въ нищету. И еще того лучше онъ умѣетъ соединить увлеченія религіозныя съ поразительною способностью обдѣлывать свои торговыя дѣла и дѣлишки.

Римляне крайне рѣдко, только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, входили въ эти обособленные кварталы. Синагога издавала тамъ свои постановленія, удостоивала почестей, распоряжалась самовластно, какъ настоящая муниципія. Вліяніе такихъ общинъ было огромно. Въ Александріи оно сдѣлалось преобладающимъ и отразилось на всей исторіи этого города. Въ Римѣ евреи были настолько многочисленны, что съ ними нельзя было не считаться. Цицеронъ считаетъ актомъ мужества противодѣйствіе имъ. Юлій Цезарь благоволилъ къ нимъ и дорожилъ ихъ преданностью. Тиверій былъ поставленъ въ необходимость принять крайне суровыя мѣры, чтобъ ихъ обуздать. Калигула, правленіе котораго было столь тяжко для нихъ на Востокѣ, возвратилъ имъ право ассосіацій въ Римѣ. Клавдій, давшій имъ большую волю въ Іудеѣ, оказался вынужденнымъ изгнать ихъ изъ Рима... Отношенія къ нимъ коренныхъ обывателей были весьма различны. Въ очень многихъ, если не въ большинствѣ, были очень сильны чувства антипатіи и отвращенія, которыя вызывали евреи своимъ упорнымъ отчужденіемъ, вздорливостью и угрюмою необщительностью. Когда ихъ не угнетали, они въ сущности оказывались въ положеніи привиллегированныхъ, такъ широко пользовались евреи всѣми соціальными удобствами и не несли за то никакой тяготы. Разные шарлатаны эксплуатировали общественное любопытство, возбуждаемое ихъ религіозными обрядами, и подъ предлогомъ раскрытія ихъ тайнъ пускались на всяческіе обманы и мошенничества. Распространявшіеся въ обществѣ рѣзкіе памфлеты поддерживали раздраженіе язычниковъ противъ евреевъ, которые, были и на самомъ дѣлѣ народомъ придирчивымъ, притязательнымъ, склоннымъ ко всякаго рода кляузамъ. На нихъ смотрѣли, какъ на тайное общество, ненавистнически относящееся ко всѣмъ остальнымъ людямъ, во что бы то не стало выдвигающее своихъ членовъ въ ущербъ другихъ гражданъ. Смѣшными и противными казались ихъ странные обычаи, отвращеніе отъ нѣкоторыхъ родовъ пищи, ихъ неряшество и непорядочность, ихъ мелочность въ огражденіи ненарушимости субботы, ихъ ненависть къ чужимъ религіямъ и ко всякимъ изваяніямъ, ихъ нерѣдко оскорбительная боязнь оскверниться общеніемъ съ иновѣрцами.

Далеко не всѣ, однако, раздѣляли такой взглядъ на іудеевъ. Очень многихъ прельщали ихъ добрые нравы, ихъ серьезность и простота ихъ культа. Повсюду возникла широкая пропаганда монотеизма и закона Моисеева. Масса смѣшаннаго населенія, пришлаго отовсюду и порабощеннаго Римомъ, совершенно чуждаго римскому духу и эллинской мудрости, стремилась толпами къ такимъ общинамъ, куда ихъ привлекали трогательные примѣры согласія, единенія, взаимопомощи, довольства своимъ положені-

емъ. Къ тому же завидною представлялась судьба евреевъ, избавленныхъ отъ исполненія нѣкоторыхъ гражданскихъ обязанностей и, въ особенности, отъ военной службы. Въ тѣ времена государство требовало очень большихъ жертвъ и взамѣну давало крайне мало духовныхъ радостей. Повсюду царилъ ледяной холодъ однообразно гладкой равнины, лишенной какого-либо пріюта. Среди тоскливой и непривѣтной жизни языческаго міра синагога казалась теплымъ и радостнымъ пристанищемъ. Ни признака свободы тамъ не было, всѣ слѣдили и шпіонили другъ за другомъ, безпрерывно придирались другъ къ другу. Но хотя внутренняя жизнь этихъ маленькихъ общинъ была полна всяческихъ тревогъ, всѣ были ею довольны, крѣпко держались своей сплоченности, отступничествъ не случалось. Въ этихъ небольшихъ кружкахъ всѣ знали другъ друга, интересы были общіе, жизнь имѣла характеръ семейный и патріархальный, тогда какъ въ большомъ языческомъ обществѣ эгоизмъ, разрозненность и душевное одиночество достигли крайнихъ предѣловъ.

М. Ремезовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поэтъ горькой правды.

I.

Личности людей, одаренныхъ поэтическими талантами, безконечно разнообразны,—неуловимо различны достоинства и направленія самихъ талантовъ. Вѣдь, даровитость, и въ особенности художественная, главная основа и источникъ оригинальности въ человѣческой природѣ!... И, все-таки, при имени *поэтъ* въ вашемъ воображеніи невольно рисуется опредѣленный образъ съ яркими типичными чертами. Вы даже припоминаете попытки многочисленныхъ поэтовъ—набросать общими широкими штрихами поэтическую біографію и поэтическую натуру.

> На всей землѣ не встрѣтите поэта,
> Дерзнувшаго приняться за перо,
> Не омокнувъ его сперва въ прекрасныхъ
> Слезахъ любви...

Таково убѣжденіе Шекспира,—и оно подтверждается фактами на каждой страницѣ литературной исторіи.

Сердечная драма или идиллія для поэтической души—неизмѣнный ударъ молніи, извлекающій изъ нѣдръ земли родникъ живой воды. Ударъ нерѣдко постигаетъ впечатлительное сердце будущаго пѣвца чужихъ страданій въ самую раннюю молодость, и въ лучшихъ произведеніяхъ художника звучитъ тогда вся боль обманутыхъ желаній и въ неразрывномъ сродствѣ правды и поэзіи кроется тайна неотразимой внутренней силы творчества.

«Мы начинаемъ жизнь пѣснями радости, кончаемъ воплями отчаянія»,—это другое—болѣе обширное изображеніе жизни поэта—столь же исторически-правдиво *). «Пѣсни радости» и «вопли отчаянія» могутъ принимать какія угодно формы—лирической комедіи и безпросвѣтной драмы у Шекспира, хохотуньи - эпиграммы и удручающей элегіи у Пушкина, юмористической картинки и мрачныхъ видѣній у Гоголя,—сущность вездѣ одна и та же.

---

*) We poets in our youth begin in gladness.
But there of comes in the end despondency and madness—Вордсворта.

Поэтъ, будто вольная птица, привѣтствуетъ свое утро, легко и отважно поднимаясь въ голубую высь надеждъ и идеаловъ. Но съ теченіемъ дня облака заволакиваютъ небо, меркнетъ солнце, настаетъ непогода, и недавній заоблачный пѣвецъ теперь — подъ вечеръ—съ измятыми крыльями и надорванною грудью едва доканчиваетъ свой путь къ ночлегу и когда-то рѣявшая надъ нимъ несказанной красоты и граціи богиня фантазіи исчезаетъ предъ зловѣщими образами тоскующаго духа *).

Нѣкоторымъ удается въ послѣднемъ пристанищѣ обречь ясность и миръ души: послѣ громовыхъ проклятій Макбета—тѣшить себя чудесами волшебнаго царства, смертное отчаяніе Фауста смѣнить на олимпійское созерцаніе... Но это счастливцы: большинство повторяетъ вѣчную сказку. Мы найдемъ ея болѣе или менѣе ясное отраженіе въ жизни и творчествѣ всякаго истиннаго поэта,—идиллію въ началѣ, романъ въ рединѣ и драму въ концѣ.

Согласно съ этимъ порядкомъ составилась и программа для характеристики поэтовъ. Прежде всего ищутъ дѣтскихъ впечатлѣній, благотворныхъ для развитія таланта, разсказываютъ, какія прелести природы будили мечты ребенка, какія преданія старины увлекали его воображеніе, какіе оригинальные люди затрогивали его чуткое сердце. А потомъ идутъ тщательныя изысканія насчетъ товарищей-друзей, а въ особенности подругъ. Часто отдѣльныя главы поэтической біографіи называются однимъ именемъ или эпизодомъ. Въ общемъ получается задача благодарная и увлекательная.

Теперь представьте поэта, ни единою чертой своей жизни и личности не напоминающаго обычный поэтическій обликъ. Онъ «принялся за перо» и не выпускалъ до самой смерти, *ни разу* «не омокнувъ его въ прекрасныхъ слезахъ любви». Въ началѣ у него не было безотчетнаго свободнаго лиризма, а въ концѣ—ни отчаянія, ни возвышеннаго самодовольства. Даже больше,—не было въ сущности ни одного спеціально-поэтическаго настроенія, т.-е. возможнаго лишь въ минуты вдохновенія и пропадающаго въ часы житейской прозы. Поэтъ рѣшительно—по натурѣ—не могъ бы доказать знаменитой двойственности поэтической личности: величіе у жертвенника Аполлона и ничтожество «въ заботахъ суетнаго свѣта». Поэтъ и человѣкъ здѣсь одно. Въ результатѣ поэзія, непосредственно прикованная къ самому реальному источнику, теряетъ въ блескѣ, въ полетѣ, въ эффектномъ размахѣ. Она менѣе всего способна вызвать головокруженіе у шестнадцатилѣтней читательницы, она также не подниметъ и у зрѣлыхъ читателей мгновеннаго чувства негодованія силой красокъ. Она могла бы взять своимъ девизомъ эпиграфъ съ сочиненій Стендаля, главы французскаго реализма *to happy few—для немногихъ счастливцевъ*. Но только нашъ поэтъ ни за какія сокровища не рѣшился бы написать этихъ словъ на своей книгѣ: они оскорбили бы одновременно и его гордость, и его скромность.

*) *Стихотворенія въ прозѣ* Тургенева—*Посѣщеніе* и *Старуха*.

Этотъ удивительный человѣкъ, соединяющій въ себѣ столь, повидимому, противорѣчивыя нравственныя свойства и оригинальное вдохновеніе,—носитъ самое заурядное имя, происходитъ изъ самой прозаической среды, получаетъ менѣе всего изящное и либеральное воспитаніе, всю жизнь занимается самымъ не эстетическимъ дѣломъ: Иванъ Саввичъ Никитинъ, мѣщанинъ, семинаристъ, хозяинъ постоялаго двора и книжной лавки... Отыщите еще у какого-нибудь поэта такой букетъ прозы, «суетныхъ заботъ», житейскихъ мелочей и пошлостей. Вы вспомните Кольцова, земляка и старшаго современника Никитина. Но какая разница! Тамъ съ самой ранней молодости поэзія врывается въ жизнь, да еще какая поэзія!

Степь съ ея чудной, могучей красотой, съ ея безграничнымъ просторомъ, съ ночными стоянками чумаковъ, съ неизъяснимой, чарующей меланхолическою тоской малорусскихъ пѣсенъ и былей,—все это картины и мотивы совершенно другого порядка, чѣмъ душная и пыльная городская площадь, пьяный гомонъ извозчиковъ, копѣечные разсчеты съ молодцами и кухарками. А этотъ таинственный, но потрясающій романъ Кольцова съ крѣпостной красавицей, этотъ смертельный недугъ отъ разлуки съ ней и страстный взрывъ «думъ» и «сердечнаго огня», когда надежда на счастье исчезла безвозвратно!... Вѣдь, такой школѣ позавидовалъ бы самый мечтательный и лирическій романтикъ.

И ничего подобнаго у Никитина!

Мы должны до послѣдней степени понизить тонъ, говоря объ его жизни и поэзіи. Наша рѣчь должна принять самую скромную и сдержанную форму. Намъ необходимо заранѣе отказаться отъ столь увлекательной перспективы,—изображая творчество поэта самимъ пережить нервный трепетъ, холодъ и жаръ стремительнаго вдохновенія. Насъ ждетъ тяжелое испытаніе, какое только можетъ представить талантъ и личность писателя: распознать и полюбить правду во всей ея естественной суровой красотѣ, помириться съ мыслью, что алтарь прекраснѣйшему олимпійскому богу можетъ быть воздвигнутъ среди грязи и мусора самой прозаической борьбы за кусокъ насущнаго хлѣба и что языкомъ музъ можно говорить подъ самый безтолковый назойливый «гудовень» *) «презрѣнной черни».

II.

Исторія дѣтства и первой молодости даровитѣйшихъ русскихъ людей и въ особенности поэтовъ безпрестанно повторяетъ одну и ту же тему: одиночество и заброшенность въ родной семьѣ—въ самые ранніе годы, жестокая, часто непримиримая борьба въ возрастѣ сознанія и самостоятельнаго развитія. Культура русскаго общества въ его цѣломъ стоитъ на такомъ уровнѣ, что въ рѣдкой семьѣ даровитый ребенокъ съ самого начала

---

*) Въ кузницѣ гудовень и поютъ и жужжатъ,
Раздаются свистки, молоточки стучатъ...

Никитинъ: *Поѣздка на хуторъ.*

встрѣчаетъ безошибочное пониманіе и сознательно-любовное бережливое отношеніе къ своему оригинальному необыкновенно-впечатлительному нравственному міру. Даровитость, по самой своей сущности,—протестъ противъ узкихъ общежитейскихъ рамокъ, вездѣ и всегда приспособляемыхъ обществомъ для средняго шаблоннаго человѣческаго типа данной среды и данной эпохи. Въ эти рамки вдвинуты—воспитаніе, умственное развитіе, обязательный путь жизни и намѣчена конечная цѣль существованія. Чѣмъ личная духовная жизнь ограниченнѣе или чѣмъ практическія условія тяжелѣе, тѣмъ благоговѣйнѣе и настойчивѣе выполняется общепринятая програма и тѣмъ труднѣе становится задача личныхъ независимыхъ стремленій.

Въ результатѣ—отъ высшихъ ступеней русской интеллигенціи, въ родѣ свѣтскаго салона, до низшихъ,—до мѣщанской темной избы,—русскій талантъ — сначала «ребенокъ нелюдимый», а потомъ—мятежный сынъ, виновникъ вѣчно новой варьяціи старой исконно-русской «борьбы поколѣній». Недаромъ именно въ нашей литературѣ явилось геніальное художественное воплощеніе этой борьбы и недаромъ именно у насъ слово «отцы и дѣти», независимо отъ литературы, получило совершенно опредѣленный и въ высшей степени краснорѣчивый смыслъ нравственный и общественный.

Но дѣтское одиночество и юношеская борьба относительны. Пушкинъ-ребенокъ вызываетъ насмѣшки и пренебреженіе своихъ родителей: у него за то своя «подруга юности», крѣпостная старушка — няня, посредница между тайнами русскаго народнаго генія и ихъ будущимъ великимъ истолкователемъ. Лермонтовъ на третьемъ году лишается матери, разлучается съ отцомъ, попадаетъ къ людямъ, совершенно не подозрѣвающимъ въ его душѣ «скрытаго огня»,—но за то никому не приходитъ въ голову мысль уродовать и угнетать самую душу, и въ ней какимъ-то чудомъ отголосками младенческаго счастья звучатъ колыбельныя пѣсни безгранично-нѣжной матери. Еще два поэта съ подобной участью.

Тургеневъ—въ родномъ домѣ запуганный и загнанный сирота, онъ убѣгаетъ въ садъ—глотать дѣтскія слезы обидъ и насилій. Но въ томъ же саду есть никому невѣдомый истинно-райскій уголокъ: здѣсь ребенокъ невыразимо счастливъ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ слугой за «тайнымъ великимъ дѣломъ»—чтеніемъ старинныхъ русскихъ поэтовъ. И у него, какъ у Лермонтова звуки материнскаго голоса, какъ у Пушкина сказки няни,—на всю жизнь останется въ памяти дѣтскій сладостный трепетъ и «нѣмотствующее ожиданіе».

Наконецъ, Некрасовъ. Онъ помнитъ себя «травленымъ волченкомъ», его, ребенка, осыпаютъ злыми шутками, издѣваются надъ его страхомъ и дикостью, онъ спасается отъ родного отца, какъ заяцъ отъ охотника,—подъ пьяные крики—«ату его!»... Но надъ нимъ бодрствуетъ ангелъ хранитель, его мать, столь же несчастная и униженная, но тѣмъ болѣе сердечная и самоотверженная. Она вѣчно останется для поэта и его музой, и его героиней. Ея страдальческій голосъ будетъ звучать ему въ тажелыя и малодушныя минуты жизни или упрекомъ совѣсти, или призывомъ ободренія.

А потомъ, когда для всѣхъ этихъ поэтовъ настанетъ время молодости и кому-нибудь изъ нихъ придется разсчитываться за свои «грезы души» съ «отцами»,—война загорится страстная и мучительная, но это будетъ *война идей.* Ея наступательныя и оборонительныя силы — взгляды, принципы, научныя и логическія доказательства, общественное *мнѣніе* и личная *критика.* И какая въ сущности идиллическая сцена происходитъ предъ нами, когда «сынъ» вмѣсто сочиненій Пушкина даетъ «отцу» книгу по естествознанію. Даже сраженіе самого запальчиваго «отца» съ самымъ отважнымъ «сыномъ»—Павла Кирсанова съ Базаровымъ—обыкновенная бесѣда, только въ нѣсколько ускоренномъ темпѣ.

И это потому, что споръ происходитъ между двумя *культурами* и даже слабѣйшая изъ нихъ, осужденная на смерть,—явленіе во многихъ отношеніяхъ симпатичное и прогрессивное. Никому изъ «отцовъ» средняго уровня не придетъ на умъ сомнѣваться въ достоинствахъ науки, мысли, вообще высшей духовной дѣятельности. И родители Пушкина и Тургенева, бабушка Лермонтова не находятъ ничего страннаго въ пристрастіи дѣтей къ чтенію, считаютъ совершенно естественнымъ даже университетское образованіе. Они только отступаютъ предъ новыми плодами, какіе молодое поколѣніе начнетъ собирать съ древа познанія. Само же древо отнюдь не кажется имъ источникомъ проклятія и преступленія.

И это сравнительно высокое и свободное міросозерцаніе. Къ нему ведутъ многочисленныя и трудныя ступени. Онѣ тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ ниже, и въ самомъ основаніи лѣстницы отметается вообще культура,—идеи и стремленія, не связанныя непосредственно съ практическими интересами, считаются признаками неразумія, юродства, даже душевнаго недуга. Здѣсь борьба отцовъ и дѣтей превращается въ основной вопросъ человѣческой жизни, съ неподражаемой силой и точностью поставленный еще въ Евангеліи: живъ ли человѣкъ хлѣбомъ единымъ или также и словомъ?

Именно этотъ вопросъ и суждено было рѣшать нашему поэту съ первой минуты сознанія до послѣдняго вздоха. И путь, какимъ онъ шелъ къ цѣли, какихъ результатовъ достигъ и какую душу вынесъ изъ многолѣтнихъ мытарствъ—несомнѣнно поучительнѣе всякой иной интеллигентной исторіи объ отцахъ и дѣтяхъ.

Въ сущности все русское общественное развитіе слагается изъ подобныхъ единичныхъ путей, часто невѣдомыхъ, въ полномъ смыслѣ проселочныхъ, но именно они громадную первобытную страну превращаютъ въ воздѣланный культурный край, именно по ихъ направленіямъ мерцаютъ въ далекихъ захолустьяхъ свѣточи мысли и гуманности. Изъ десятка лучшихъ русскихъ людей всегда найдется не одинъ и не два, кому та или другая черта изъ жизни Никитина, тотъ или другой мотивъ его поэзіи покажутся родными, лично пережитыми и горячо перечувствованными. И эта связь тѣмъ дороже, что сознать ея силу можетъ самое простое сердце и самый безхитростный умъ: нужно только обладать способностью чувствовать и мыслить.

III.

Никитина неоднократно упрекали въ подражаніи разнымъ поэтамъ, чаще всего называли двухъ—Кольцова и Некрасова. И упреки имѣли основанія. Оба поэта сильно увлекали Никитина въ молодости: объ этомъ онъ самъ заявлялъ и друзьямъ, и публикѣ. Подражать Кольцову для его земляка и современника было совершенно естественно, — и молодой Никитинъ не разъ принимается воспѣвать степь, усвоиваетъ не только форму кольцовскаго *Лѣса*, а даже отдѣльные мотивы—картины красоты́ и силы, смерти и запустѣнія. Онъ любитъ изображать «волю твердую», «удаль смѣлую», рисовать молодца-сокола «при нуждѣ, въ бѣдѣ», сравнивать «удаль» и «заботу» такъ, что невольно вспоминаются *Пѣсни Лихача Кудрявича*,—наконецъ, разсказываетъ объ измѣнѣ «милой», будто перелагаетъ кольцовскій *Хуторокъ* и даже стремится воспроизвести злополучныя думы своего учителя *). Но почти всѣ эти отголоски чужого таланта принадлежатъ самому раннему періоду: они съ теченіемъ времени замолкаютъ совершенно, и Никитинъ утрачиваетъ всякое сходство съ поэтомъ-прасоломъ.

Та же исторія и съ Некрасовымъ. Отраженія здѣсь не такъ ярки и многочисленны, но они преслѣдуютъ васъ въ мимолетномъ сожалѣніи о «жертвахъ порока», въ тоскливомъ раздумьи старушки объ участи сиротъ, въ деревенской драмѣ матери, потерявшей молодца-сына, наконецъ, въ совершенно правдивомъ заявленіи поэта о себѣ самомъ:

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,—

Здѣсь звучитъ некрасовскій мотивъ:

... рано надо мной отяготѣли узы
... неласковой и нелюдимой музы... **)

Но опять заимствованные звуки съ годами замираютъ, и Никитинъ даже явно и рѣзко отрекается отъ обличительной поэзіи.

Кольцовъ и Некрасовъ были только временными образцами для Никитина: такіе образцы бываютъ у самыхъ талантливыхъ поэтовъ,—вопросъ, не съ чего начать, а чѣмъ кончить. Но у Никитина есть еще одинъ первообразъ, критикой не указанный, самимъ поэтомъ не названный, но вѣющій на насъ изъ самыхъ нѣдръ никитинской натуры и поэзіи. Вы немедленно назовете его по имени,—стóитъ лишь напомнить нѣсколько самыхъ искреннихъ и задушевныхъ признаній нашего поэта изъ разныхъ эпохъ его жизни.

Одно молодое стихотвореніе описываетъ *Ночь на берегу моря:* картина тишины заканчивается такимъ настроеніемъ:

---

*) Стихотворенія: *Весна по степи*, *Степная дорога*, *Грусть старика*, *Наслѣдство*, *Удаль и забота*, *Измѣна;* подражанія думамъ—*Жизнь и смерть*, *Успокоеніе*.

**) Стихотворенія: *Тишина ночи*, *Помню я: бывало няня...*, *Зимняя ночь въ деревнѣ*, *Пряха*, *Портной* (вступленіе).

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога
Въ этомъ молчаніи умъ.

Затѣмъ поэтъ изображаетъ *Вечеръ* и часъ,

Когда закатъ прощальными лучами
Спокойныхъ водъ озолотитъ стекло,—

и оба стихотворенія заключаются однимъ и тѣмъ же аккордомъ:

Гляжу на небеса и въ тишинѣ молюсь...

О чемъ же молитвы поэта?

Отвѣтъ вполнѣ ясный и навсегда неизмѣнный:

„Суровый холодъ жизни строгой
Спокойно я переношу
И у небесъ дороги новой
Въ часы молитвы не прошу.

Отраду тайную находитъ
И въ самой грусти гордый умъ".

И поэту даже людское «участье» кажется «жалкою отрадой». Любимые образы его юной фантазіи—одинокій дубъ, заброшенный ключъ, засохшая въ глуши береза... Воображая себя въ такомъ же положеніи среди людей, поэтъ бросаетъ имъ гордый вызовъ:

„... Жаль мнѣ отдавать
На судъ людской восторги вдохновеній
И отъ толпы, какъ платы, ожидать
Пустыхъ похвалъ иль горькихъ обвиненій.
Глухихъ степей незнаемый пѣвецъ,
Я нахожу въ моей пустынѣ счастье;
Своимъ слезамъ, какъ площадной слѣпецъ,
Стыжусь просить холоднаго участья.
Печаль моя застѣнчиво-робка,—
Въ родной груди скрываясь боязливо,
За пѣснь свою награды и вѣнка
Не требуетъ она самолюбиво".

Единственный другъ и сочувственникъ этой печали — природа, единственное утѣшеніе—даръ пѣсенъ, «слезы вдохновенья». Поэту становится невыразимо больно, если чужой взоръ проникаетъ въ его душевный міръ, и его напѣвы, вырванные изъ сердца, становятся предметомъ суда, остротъ, клеветы и торга. Тогда будто «непосвященною рукой» разоблачаются его «чувства лучшія»...

Для насъ достаточно. Съ первыхъ же словъ предъ нами возсталъ гордый, могучій пѣвецъ одиночества и личной непобѣдимой нравственной силы. Это Лермонтовъ съ «начала жизни»

„... скрывался весь въ себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье".

Это онъ въ буквальномъ смыслѣ таилъ свое вдохновеніе отъ чужихъ взоровъ и окружалъ свое истинное *я* непроницаемымъ туманомъ легкомыслія, суроваго, нерѣдко злостнаго смѣха. Онъ первый изобразилъ въ благороднѣйшемъ величіи таинственныя воздѣйствія природы на вдохновенную душу поэта—

„Когда волнуется желтѣющая нива",—

и онъ же, наконецъ, въ укоръ людской близорукости и равнодушію, признался:

„Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ заботъ".

Только вдохновеніе... Поэтъ не допускаетъ даже мысли, что онъ какимъ бы то ни было нравственнымъ облегченіемъ можетъ быть обязанъ чужой помощи:

„То гордости была-бъ измѣна,—
А ей лишь робкій измѣнялъ".

И даже къ небу онъ не хочетъ обратиться съ молитвой о защитѣ въ минуты самыхъ тяжелыхъ испытаній.

И поэтъ отнюдь не рисовался и не игралъ фразами. Одиночество, рано постигающее людей по натурѣ страстныхъ и любящихъ, по характеру — сильныхъ и гордыхъ, неизмѣнно развиваетъ въ нихъ до болѣзненности чуткое самосознаніе и нервно-любовное оберегаліе своего личнаго міра отъ внѣшнихъ врывательствъ.

«Онъ жилъ съ людьми какъ бы съ чужими», — говоритъ Лермонтовъ про свое дѣтство и раннюю молодость,— совершенно естественный психологическій результатъ:

„Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней".

Такое же нравственное развитіе выпало на долю Никитина. Его произведенія по духу, по мотивамъ, по излюбленнымъ поэтическимъ образамъ совпадаютъ съ лермонтовскими, и совпаденія повторяются одинаково въ началѣ и въ концѣ его дѣятельности. Это, слѣдовательно, отнюдь не юношеская подражательность. Предъ нами встрѣча двухъ родственныхъ художественныхъ натуръ, двухъ жизненныхъ путей, одинаковыхъ въ важнѣйшихъ исходныхъ точкахъ. Оба поэта, съ первой минуты сознанія, оказались будто «лишними гостями въ пиру чужомъ»: именно этимъ сравненіемъ они оба опредѣляютъ свое положеніе въ семьѣ, въ окружающемъ обществѣ *). Положеніе тождественное и для будущаго пѣвца *Демона*, и для автора *Кулака*, но самая среда совершенно различна въ обоихъ случаяхъ. У Лермонтова *свѣтъ*, высшее общество Москвы и Петербурга, приличіемъ стянутыя маски, пошлые, бездушные франты и безтрепетныя красавицы...

*) Стих. Лермонтова *Стансы*: „Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ..."; Никитина: „Я помню счастливые годы..."

Никитинъ не зналъ этого блеска, хотя бы и фальшиваго, но изящнаго, красиваго и подчасъ даже поэтическаго. Ему пришлось дышать спертымъ воздухомъ мѣщанскихъ будней и провинціальнаго варварства. Лермонтовъ могъ тѣшить свое дѣтское воображеніе грандіозными вымыслами, лелѣять демоническіе образы, гордые и могучіе, изъ-за облачныхъ сферъ бросать надменные взоры на жалкое людское стадо съ мелкими страстями и малодушными, блѣдными чувствами... На такую высоту возможно подняться въ томъ случаѣ, когда для пылкаго юноши не существуетъ самыхъ насущныхъ вопросовъ низкой дѣйствительности, когда его не преслѣдуетъ мысль о простомъ бренномъ существованіи. Лермонтовъ сравнительно долго пребывалъ въ фантастическомъ царствѣ ангеловъ, демоновъ и героевъ съ человѣческими именами, но сверхъестественными доблестями—именно потому, что трагикомедія настоящей житейской пошлости и духовной бѣдности совершалась за предѣлами юношескихъ поэтическихъ опытовъ. Но лишь только поэтъ приблизился къ подлинному жизненному спектаклю, лицомъ къ лицу позналъ его дѣйствующихъ лицъ,—демоны быстро уступили мѣсто Печоринымъ и Грушницкимъ, Тамары также размѣнялись на болѣе мелкую, но дѣйствительно ходячую монету. И только съ этого момента многообѣщающій лирическій мечтатель является геніальнымъ поэтомъ...

У Никитина не могло быть демоническаго періода. Онъ еще въ дѣтствѣ долженъ вступить въ самую реальную и настоятельную борьбу, — не съ равнодушіемъ простыхъ смертныхъ къ романтическимъ «грезамъ души», а съ *нуждой*. Вотъ слово, которому отъ начала до конца принадлежитъ первое мѣсто въ поэзіи Никитина. Оно произнесено впервые въ ту самую минуту, когда поэтъ мужественно отрекался отъ чужого участья, ища успокоенія своему горю въ природѣ и въ восторгахъ вдохновенія:

„И грусть свою тогда я забываю,
Съ своей нуждой безропотно мирюсь..."

Не съ бѣдными условіями нашей планеты, столь не похожими на «небо или адъ», а съ явленіемъ самымъ будничнымъ, мелкимъ, но безконечно болѣе трагическимъ, чѣмъ все смѣшное и низкое въ кругу большого свѣта. Вскорѣ поэтъ заявитъ и о своемъ задушевнѣйшемъ желаніи: оно опять будетъ лишено всякаго романтическаго героизма:

„О, еслибъ въ пору перехода
Изъ дѣтства въ зрѣлые года
Широкій путь моя свобода
Нашла для скромнаго труда..."

Скромный трудъ—все, о чемъ мечтаетъ поэтъ. Это такое заурядное, непоэтическое и, повидимому, ничѣмъ не замѣчательное стремленіе. А между тѣмъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ осуществить его оказывается не менѣе трудно, чѣмъ вызвать у людей могучія страсти, найти среди нихъ долговѣчную красоту и вообще всѣ чары идеально-недосягаемаго міра.

И вотъ на самой первобытной, нечистой аренѣ происходитъ въ полномъ

смыслѣ лермонтовская борьба, только безъ демонизма и романтическаго блеска,—борьба реально-мыслящей и просто-чувствующей человѣческой личности съ полудикимъ обществомъ, для котораго еще не рѣшенные вопросы — самая мысль и самое чувство, а не ихъ размѣры и цѣли. Два русскихъ поэта въ чистѣйшей и краснорѣчивѣйшей формѣ воплотили нравственный протестъ противъ стихійныхъ общественныхъ силъ, — одинъ среди извращенной, трусливо-лицемѣрной и внутреннонемощной культуры, среди стадныхъ, рабскихъ отпрысковъ чужого ума, другой—въ еще болѣе низкихъ слояхъ, гдѣ даже понятіе *общество* смутно и недоступно, но гдѣ тѣмъ сильнѣе давленіе стихій и инстинктовъ. И если Лермонтовъ-аристократъ такъ близокъ нашимъ сочувствіямъ, такъ обаятельна власть его поэзіи надъ всѣмъ юношески-благороднымъ и сильнымъ, Лермонтовъ-мѣщанинъ, хотя бы его талантъ и уступалъ блескомъ и мощью генію старшаго современника,—подлинное воплощеніе тысячъ русскихъ людей, волею «жребія» присужденныхъ къ «низкой долѣ», но личною волей проложившихъ

„... дорогу жизни новой
Средь зла и грязи...“

IV.

Что значитъ родиться въ мѣщанской семьѣ, вырости и трудиться въ русскомъ провинціальномъ городѣ?... «Общественное мнѣніе», казалось бы, должно быть принадлежностью только *общества*, а не сѣрой непросвѣщенной толпы мелочныхъ лавочниковъ и кулаковъ. На самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно другое. Деспотизмъ свѣта весьма часто можно обойти, укротить, а при счастливыхъ случайностяхъ даже подчинить. По крайней мѣрѣ, здѣсь возможно извѣстное движеніе и даже развитіе. Напримѣръ, въ петербургскомъ свѣтѣ убійство Пушкина и позже такая же кончина Лермонтова были встрѣчены съ громкимъ сочувствіемъ. Это историческій фактъ, но въ настоящее время онъ врядъ ли былъ бы возможенъ, по крайней мѣрѣ, въ такой вызывающей откровенной формѣ.

Не то въ сѣрой непросвѣщенной толпѣ. Она пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не могла помириться съ мыслью, чтобы кто-либо изъ ея среды сталъ заниматься высшими науками, писать книги; для нея «ученый» и «философъ»—бранныя слова. Если родился среди насъ, на заднемъ дворѣ человѣчества,—здѣсь ты долженъ и оставаться всю жизнь: иначе ты хочешь быть «умнѣе людей» и «учить отца съ матерью», а это—такія же смертные грѣхи, какъ «дурной тонъ» въ свѣтѣ, даже хуже: лишній умъ и непокорность могутъ составить бѣдствіе всей жизни человѣка, виновнаго только въ томъ, что онъ болѣе другихъ—*человѣкъ*.

Его не воспитываютъ, а закаляютъ, не слѣдятъ любовно за его исключительно-воспріимчивымъ дѣтскимъ умомъ, а приспособляютъ для традиціонной суровой борьбы за существованіе, любовь же выражается не въ снисхожденіи и пощадѣ, а въ возможно-раннемъ подавленіи всего дѣтскаго

и внушеніи понятій и способностей, необходимыхъ въ ежедневной свалкѣ за трудно-достающійся кусокъ хлѣба. И совершенно согласно съ такимъ взглядомъ дѣтскія шалости превращаются въ преступленія, юношескія стремленія къ знанію и болѣе свободной жизненной дорогѣ — въ безуміе, инстинктивное отвращеніе высшей натуры къ низостямъ и пошлостямъ—въ ненавистнѣйшій грѣхъ «непокорности» и особенно «неблагодарности» за родительскій хлѣбъ.

Это—общая біографія мѣщанскихъ сыновей и дочерей. Исключенія рѣдки, и ни одно изъ нихъ не осчастливѣло талантливѣйшихъ русскихъ поэтовъ изъ народа.

Отецъ Никитина—сначала довольно состоятельный, потомъ разорившійся торговецъ восковыми свѣчами, типъ русской «широкой натуры» изъ породы Лихачей-Кудрявичей: при удачѣ орелъ, въ несчастіи—мокрая курица. Разница въ одномъ: Никитинъ-отецъ въ куриномъ состояніи усиливался подогрѣть въ себѣ героизмъ извѣстнымъ средствомъ отчаянія и проявить свой орлиный полетъ на женѣ и сынѣ. Жена умерла, остался одинъ отвѣтчикъ за «злую долю»—будущій поэтъ.

Вина его, въ глазахъ отца, очень серьезная: онъ родился на свѣтъ, ежедневно обѣдалъ за его столомъ, жилъ въ его хатѣ, учился сначала въ духовномъ училищѣ, потомъ въ семинаріи. За всѣ эти благодѣянія сынъ долженъ расплачиваться буквально до самой смерти, плакать навзрыдъ, уже совершенно независимый отъ средствъ отца,— напротивъ, помогая ему, приходить въ отчаяніе отъ жестокихъ обидъ во время смертельной болѣзни и, наконецъ, умереть подъ пьяныя вопли и укоризны.

И прочтите нѣсколько семейныхъ сценъ изъ поэмы *Кулакъ*,—вы поймете, что̀ такое борьба поколѣній въ мѣщанствѣ, изъ-за чего идетъ нескончаемая драма безпощаднаго уродованія чужой жизни и личности. И вся жестокость положенія заключается въ его неизбѣжности, пожалуй даже—законности.

Пьяный кулакъ издѣвается надъ дочерью, надъ женой, попрекаетъ своими заботами объ ихъ пропитаніи,—но поэтъ позаботился изобразить эти заботы, разсказать невѣроятныя униженія бѣдняка за каждый грошъ, изобразить его отчаянную изворотливость предъ жертвами своихъ плутней и въ особенности передъ болѣе счастливыми и сильными плутами... На каждомъ шагу—заушеніе человѣческой совѣсти, какой угодно покладливой и жесткой. Въ одинъ день такой жизни накопляется на душѣ бездна горечи, презрѣнія къ себѣ и ненависти къ людямъ. Столь естественно дать исходъ затаенной злобѣ и задавленному чувству самаго простаго человѣческаго достоинства... Средство одно—хмѣль до самозабвенія, до звѣрства. Надо обладать высоко развитымъ самосознаніемъ, исключительными нравственными силами или дойти до послѣдняго предѣла забитости и рабства, чтобы ни на минуту не ощутить въ груди протестующаго чувства подъ огнемъ обидъ и лишеній. И человѣкъ протестуетъ, какъ можетъ,— кулакъ пьянствомъ и самодурствомъ.

И такъ идетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе,—и вся тяжесть *доли* падаетъ, конечно, на тѣхъ, кого природа некстати одарила болѣе впечатлительнымъ сердцемъ и вдумчивою мыслью.

Можетъ быть, ребенокъ отдохнетъ среди товарищей и учителей, на время забудетъ домашній адъ въ классѣ, за книгой.

Нѣтъ. Наставникъ порою замѣчаетъ ему: «Мѣщанскій выговоръ у васъ». Классъ хохочетъ, ребенокъ блѣднѣетъ, но наставникъ правъ: онъ дѣйствительно мѣщанинъ и разговору учился среди споровъ «о дегтѣ и лыкахъ». Для товарищей онъ совершенно не интересенъ. Изъ дому онъ приноситъ невольное чувство ранняго дѣтскаго горя, у него есть свои не дѣтскія тайны и страданія, онъ незамѣтно переростаетъ сверстниковъ, знакомыхъ только съ классной наукой и еще не подозрѣвающихъ самаго суроваго, неумолимаго наставника... Съ этимъ наставникомъ уже знакомъ будущій поэтъ: ему ежедневно твердятъ о хлѣбѣ, о трудѣ, объ отплатѣ родителямъ за ихъ благодѣянія,—и онъ, подавленный какимъ-то смутнымъ страхомъ предъ настоящимъ и будущимъ,—

...нелюдимъ и дикъ
Кружкомъ товарищей оставленъ.

«Ребенокъ нелюдимый»—постоянное выраженіе Никитина о своемъ дѣтствѣ. Никого, конечно, не занимаетъ эта нелюдимость, развѣ только воспитателямъ придетъ мысль лишній разъ упрекнуть ребенка за дикость или даже безсердечность. Потому что кто же повѣритъ, будто молчаливый, «неласковый» ребенокъ именно и носитъ въ груди самое любящее и нѣжное сердце и ждетъ только искренняго, довѣрчиваго призыва?...

Его нѣтъ, и ребенокъ отдается одинокимъ грёзамъ—о чемъ, онъ и самъ не могъ бы опредѣлить,—но только въ этихъ грёзахъ есть что-то несказанно сладостное, вознаграждающее мечтателя за столь раннія огорченія. Просыпается душа поэта, робко и таинственно, никому невѣдомая, привѣтствуемая лишь гуломъ лѣса, пѣньемъ птицъ, заревомъ вечерней зари, сіяньемъ лѣтняго дня и грозною бурей. Для другихъ все это невнятныя рѣчи, они предпочли бы шумъ и веселье людскихъ сборищъ, забавы городской улицы,—но для поэта навсегда прекраснѣйшими воспоминаніями останутся садъ и лѣсъ. Онъ безпрестанно, въ стихахъ и въ прозѣ, будетъ восторгаться ими, какъ восторгаются друзьями, первою любовью, счастливѣйшими событіями далекой молодости.

Дома, кругомъ, идутъ нескончаемые разговоры о товарѣ, о деньгахъ,—ребенка занимаютъ свои мысли:

А садъ сіяньемъ затопленъ...
Тамъ зелень, листьевъ трепетанье,
Тамъ лепетъ, пѣнье и жужжанье—
И голоса ему звучатъ:
„Иди же въ садъ! Иди же въ садъ!..“

Впослѣдствіи, въ разгаръ досадныхъ хлопотъ по торговлѣ, во время приступовъ жестокаго недуга высшее счастье поэту будетъ неизмѣнно

представляться въ видѣ тѣнистаго сада,—гдѣ такъ прекрасна «теплая, зеленая, благоухающая весна, съ ея синими ночами, мерцающими звѣздами и съ соловьиными пѣснями...» Никитинъ будто подъ наитіемъ какой-то волшебной силы превращался въ поэта и начиналъ говорить лирической рѣчью, лишь только вспоминалъ убѣжище своего безпріютнаго дѣтства. Все тяжелое и мучительное забывалось въ эти минуты, и поэтъ разсказывалъ такія смѣющіяся исторіи:

Утромъ встанешь,
Прямо въ садикъ... Рай земной!
Пѣсни, говоръ... А какъ глянешь
На росинки,—самъ не свой!

Чуть сорока прощебечетъ,—
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть, молъ, она хочетъ:
„Здравствуй, Ваня!... долго спишь!"

Ребенокъ еще счастливѣй, если изъ тѣсной ограды сада ему удастся попасть на безграничный просторъ поля, подъ «величавый навѣсъ» кудряваго лѣса. Поэтъ разсказываетъ, какъ одинъ изъ его героевъ, Тарасъ, въ дѣтствѣ спасался въ лѣсъ отъ пьянаго отца. Мальчикъ бѣжалъ сюда будто на какое празднество, бросался на росистую траву и жадно слушалъ шумъ лѣсного населенія, дышалъ дыханьемъ цвѣтовъ и грезилъ «снами золотыми».

Въ другой разъ поэтъ, не прикрываясь чужимъ именемъ, описываетъ былыя наслажденія своего дѣтства, обращаясь къ лѣсу съ благодарнымъ привѣтомъ:

И любо было мнѣ!... Какъ съ существомъ роднымъ,
Съ тобой я всѣмъ дѣлился откровенно:
И горькою слезой, и радостью мгновенной,
И пѣснью, сложенной подъ говоромъ твоимъ.

Этотъ мотивъ повторяется у Никитина въ теченіе всей жизни. Это не обычные поэтическіе восторги, а настоящая сердечная исповѣдь. Для него явленія природы — не предметъ художественнаго наслажденія, не благодарная, всегда роскошная рамка для фигуръ и эпизодовъ и не божество, исполненное тайнъ и влекущей силы. Къ этому божеству до такой степени близко подходитъ поэтъ, такъ легко и счастливо чувствуетъ себя и ему такъ необходима эта близость, что врядъ ли у кого еще изъ поэтовъ можно найти такое очеловѣченное, реальное и прочувствованное воплощеніе природы. Только развѣ разсказъ *Мцыри* можетъ соперничать съ этимъ изумительнымъ *нравственнымъ* сліяніемъ человѣческой души и безграничныхъ безличныхъ естественныхъ силъ.

Никитинъ въ сущности не описываетъ картинъ природы, какъ художникъ наблюдая извнѣ. Онъ будто извлекаетъ ихъ изъ своего влюбленнаго сердца и подсказываетъ природѣ тотъ или другой образъ. Это *одновременное творчество* двухъ поэтовъ, проникнутыхъ другъ другомъ, и

одинъ изъ нихъ, одаренный силой слова, не знаетъ, какимъ высокимъ правомъ и родственною связью наградить другого. Среди поля, предъ золотистыми нивами, онъ восклицаетъ:

Одинъ я... и сердцу, и думамъ свобода...
Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ—природа.

Въ лѣсу та же рѣчь: онъ съ дѣтства привыкъ понимать «таинственный языкъ» лѣсной жизни,—

Какъ что-то близкое, родное...

И здѣсь, какъ и вездѣ—ни одного риторическаго слова: Никитинъ то же самое повторитъ и прозаическимъ языкомъ, въ спокойномъ дружескомъ письмѣ, разсказывая о своихъ охотничьихъ странствіяхъ по степи:

«Садовъ тамъ никакихъ не было, но случалось мнѣ заходить подъ тѣнь лѣса, съ говоромъ котораго я такъ сроднился съ младенчества, что слышу въ немъ что-то родное, понятное моему сердцу, будто ласкающую рѣчь милаго друга... Вы любите природу,—стало-быть, вы меня поймете и не скажете, что я мечтаю отъ бездѣлья. Мнѣ, выросшему въ удушливомъ воздухѣ, нельзя было ея не полюбить: она была моею нравственною опорой, поддержкою моихъ силъ, свѣтлою стороной моей жизни, она замѣняла мнѣ живыхъ людей, которыхъ вокругъ меня было такъ мало, или—лучше сказать—вовсе не было. Она никогда мнѣ не измѣняла, всегда оставалась одинаковою ея божественная, вѣчная красота».

Предъ нами, очевидно, не *художественное* только созерцаніе красотъ, а настоящее *человѣческое* удовлетвореніе, не мечта и творчество, а самое подлинное счастье смущеннаго одинокаго сердца. Отсюда—оригинальный никитинскій способъ пользоваться картинами природы. Онѣ неразрывно связаны съ его дѣтскими впечатлѣніями, лучшая и совершенно реальная половина его личной жизни,—въ его поэзіи онѣ будутъ не *украшать*, а *пояснять*, не разнообразить живопись, а служить ея неотъемлемымъ психологическимъ нервомъ.

Поэтъ самъ разсказалъ, какъ у него въ дѣтствѣ зарождались поэтическія настроенія и образы среди природы. Поэма *Лѣсникъ и внукъ*—одна изъ самыхъ изящныхъ исторій о пробужденіи поэтическаго таланта подъ вліяніемъ самыхъ, повидимому, незамысловатыхъ явленій.

Внукъ разсказываетъ дѣду, что̀ онъ видѣлъ въ лѣсу: все это—обыкновенныя вещи, но ребенокъ чуетъ за ними нѣчто другое, для дѣда странное и забавное. Это другое—таинственная прелесть всеобъемлющей жизни, могучей и прекрасной—отъ самыхъ ничтожныхъ мелочей, вродѣ трепета листьевъ на осинѣ и журчанья ручья, до потрясающаго размета грозныхъ стихій. И ребенку не нужно никакихъ усилій—придать своей рѣчи картинность и движеніе: въ его душѣ, будто въ калейдоскопѣ,—внѣшній міръ вызываетъ звучную и яркую волшебную галлерею. Это будто чувствительнѣйшій музыкальный инструментъ, немедленно издающій отвѣтные звуки на «родной» голосъ единственнаго друга.

И пересмотрите всѣ никитинскіе пейзажи,—васъ поразитъ безпримѣрная простота и, на первый взглядъ, даже прозаичность рисунка. Поэтъ разсказываетъ будто о своихъ будняхъ, рѣчь его не обличаетъ ни лиризма, ни элегическаго настроенія, ни восторженнаго порыва. Такъ дѣйствительно можно писать только о другѣ, близкомъ родномъ, старомъ извѣданномъ товарищѣ. Вамъ невольно припоминается благородная рѣчь Джульетты,—невольный укоръ глубокаго, но скромнаго чувства—пышному краснорѣчію:

Истинному чувству не дано
Высказываться въ громкихъ выраженьяхъ:
Оно безъ нихъ само собой полно,
И нѣтъ ему нужды въ ихъ украшеньяхъ...

Это значитъ нѣтъ нужды въ сравненіяхъ, гиперболахъ и иныхъ поэтическихъ фигурахъ.

Совершенно также Никитинъ любитъ природу и также говоритъ о своей любви.

Вы нерѣдко изумляетесь легкостью переходовъ поэта отъ самыхъ прозаическихъ разговоровъ къ чарующимъ картинамъ природы—и это одинаково въ личныхъ письмахъ и въ поэмахъ. Только что авторъ говорилъ о появленіи въ журналѣ своихъ *Записокъ семинариста*, — въ слѣдующей строкѣ онъ сообщаетъ о необыкновенно раннемъ появленіи жаворонковъ,— и кстати описываетъ пѣсню жаворонка. Прочтите это описаніе: оно—пересказъ одного изъ поэтичнѣйшихъ стихотвореній,—и такой свободный, естественный для самого поэта—невольный: онъ въ заключеніе и проситъ прощенія въ томъ, это «немножко заговорился» *).

Такъ вездѣ и всегда. Никитину не требуется заранѣе приготовлять краски, запасаться извѣстнымъ настроеніемъ, вникать въ *натуру*: она сама ложится на его полотно во всей своей правдѣ и, будто восходящее солнце, мгновенно озаряетъ всѣ неясные, затуманенные уголки картины, или музыкальный аккомпанименть, яснѣе всякихъ словъ характеризующій драматическое положеніе.

Примѣры безчисленны. Припомните тоску Саши, дочери Кулака, когда ей отказываютъ въ единственномъ счастьи—въ бракѣ съ любимымъ человѣкомъ,—и здѣсь же рядомъ, въ саду, пѣсни малиновки, свившей въ глуши гнѣздо и теперь счастливой матери. Припомните тягостныя мытарства Лукича на ярмаркѣ, его возвращеніе домой—пьяное и злобное,—и здѣсь же угрюмый, сѣрый вечеръ, съ мертвеннымъ отблескомъ зари и зловѣщимъ горизонтомъ. И всѣ эти картины складываются, повидимому, изъ простого перечисленія предметовъ,—кое-гдѣ лишь попадется сравненіе и восклицаніе. И трудно ставить восклицательные знаки, когда въ изображеніи горячаго лѣтняго дня на первомъ планѣ—грачъ съ повислымъ крыломъ и раскрытымъ клювомъ, въ картинѣ вечера послѣ дождя—стрекоза,

*) Письма Н—на. *Сочиненія*. М. 1893 г., т. I, стр. 139.

пьющая капли воды, и сурокъ, вышедшій изъ норы... Но такова сила непосредственнаго поэтическаго охвата: набросаны все отрывочные, крайне мелкіе штрихи,—но, въ заключеніе, незамѣтно для васъ выросло художественное произведеніе и навсегда осталось въ вашей памяти. Такъ кисть вдохновеннаго живописца часто однимъ ударомъ преобразовываетъ дотолѣ неподвижную и мертвую фигуру, одною точкой сообщаетъ глазамъ портрета жизнь и индивидуальность.

Все это поэтическое богатство заложено въ душу поэта одинокимъ дѣтствомъ. Онъ, ища въ природѣ не роскоши наслажденій, а насущнаго хлѣба для алчущаго чувства, рано привыкъ относиться къ ней человѣчески-просто, какъ относился бы къ доброму товарищу, къ нѣжной матери. Впослѣдствіи, когда «невыразимыя мечты» стали находить слова и выраженія,—та же простота и задушевность перешли изъ безсознательныхъ ощущеній въ поэзію. Никитинъ, подобно Лермонтову, умирялъ свое тоскующее дѣтское сердце въ царствѣ природы. Но будущій пѣвецъ *Демона* не могъ имѣть даже представленія о мѣщанской тьмѣ и матеріальныхъ лишеніяхъ. Ненавидя лживый свѣтъ и общечеловѣческое ничтожество, онъ «пылалъ душой», «сладость пилъ съ волшебныхъ устъ» природы, его «баюкалъ бури вой мятежный», ему, наконецъ, рисовался «могучій образъ», «какъ царь нѣмой и гордый»... Ученику духовнаго училища и уличному мальчишкѣ было далеко до этихъ образовъ и настроеній. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, если ему удавалось на нѣсколько минутъ забыть свое загнанное существованіе, «примириться съ нуждой». Для него природа не разгулъ романтическихъ страстей, а желанное затишье, гдѣ можно на зеленую траву склонить горячую голову и отдаться на свободѣ своимъ мыслямъ. И въ мысляхъ этихъ, мы заранѣе знаемъ, не будетъ сказочнаго раздолья и захватывающихъ духъ героическихъ замысловъ. Нѣтъ, это будутъ мысли, подсказанныя тою же тьмой и нуждой.

V.

Въ дѣтствѣ Никитину не было исхода для сердца, въ молодости — для ума. Изъ нелюдимаго ребенка и дикаго школьника онъ съ годами выросъ въ суроваго юношу и злосчастнаго питомца семинаріи. Впослѣдствіи домашнюю обстановку и семинарскую науку Никитинъ считалъ своими одинаково злѣйшими врагами. Онъ подробно и откровенно описалъ наставниковъ, ихъ взгляды на умственное и нравственное развитіе юношей, ихъ личныя доблести: *Дневникъ семинариста*—подлинная и достаточно краснорѣчивая автобіографія. Но для Никитина вопросъ не кончался семинарскою каторгой,—все равно какъ въ дѣтствѣ ему недостаточно было хорошо знать свои уроки, требовалось еще освободиться отъ мѣщанскаго выговора.

Семинаристъ-мѣщанинъ — двойное клеймо для многихъ, можетъ быть, даже и въ настоящее время, а что же лично быть въ сороковые годы, когда журналисты и критики думали навсегда уничтожить Бѣлинскаго,

обзывая его семинаристомъ! Для торговцевъ и кулаковъ Никитинъ представлялъ странное явленіе уже потому, что учился какимъ-то мудрёнымъ поповскимъ наукамъ, для интеллигенціи гимназій и университетовъ — на немъ лежала печать отверженія за то, что онъ не учился болѣе разумнымъ, хотя и менѣе мудрёнымъ наукамъ. Выходило, бѣдный «студентъ» отъ своихъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ. Уличные зѣваки и лавочники нарочно приходили посмотрѣть, какъ «ученый» торгуетъ за ларемъ восковыми свѣчами, а для просвѣщеннаго дворянина или даже разночинца нужна была особая добрая воля и дѣйствительно просвѣщенный взглядъ, чтобъ искренне и душевно сойтись съ торгашомъ-семинаристомъ.

Въ результатѣ—рядомъ со всѣми удручающими плодами семинарскаго воспитанія—чувство невыносимо-фальшиваго положенія, рядомъ съ узаконеннымъ рабствомъ живой мысли и личности—своего рода нравственный и умственный аскетизмъ. Не съ кѣмъ подѣлиться ни мыслью, ни желаніемъ, не у кого спросить совѣта,—хотя бы насчетъ книги, писателя, собственныхъ плановъ. Въ семинаріи искони построена китайская стѣна противъ такъ называемой «свѣтской литературы». Ея тяжесть способна изуродовать вкусъ и здравый смыслъ самаго даровитаго юноши. Надеждинъ, воспитанникъ рязанской семинаріи, профессоръ эстетики въ Московскомъ университетѣ, будетъ громить произведенія Пушкина почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія Никитинъ слышалъ отъ своихъ наставниковъ. Есть только двѣ существенныя разницы: Надеждинъ уничтожалъ легкомысленную, по его мнѣнію, поэзію въ тридцатыхъ годахъ, а воронежскіе просвѣтители всего Пушкина считали пустяками, въ произведеніяхъ Гоголя находили запахъ кухни и конюшни—уже послѣ критики Бѣлинскаго. Потомъ суровый Надоумко ратовалъ за *идею,* несомнѣнно, ложно и односторонне понятую, но идею, а въ воронежской семинаріи именно и открещивались отъ какихъ бы то ни было идей, всѣми силами давили природу въ человѣкѣ, возмущались, какъ преступленіемъ, каждымъ не изъ учебника почерпнутымъ словомъ. Учитель являлся одновременно личнымъ врагомъ и тюремщикомъ ученика.

Никитинъ все это разсказалъ въ живыхъ сценахъ, нарисовалъ рядъ типовъ и драмъ семинарскаго застѣнка и восторженно лелѣялъ мысль все это предать публичному позору.

Въ этой мысли, несомнѣнно, была извѣстная доля удовлетворенія за претерпѣнныя обиды и насилія. Но оно явилось много лѣтъ спустя, а въ самый разгаръ испытаній не было ни прибѣжища, ни утѣшенія.

У юноши, истомленнаго схоластикой и нравственнымъ гнетомъ, вся кровь загорается при имени Кольцова, страстныя пѣсни про раздолье степи и молодецкую удаль кажутся ему крикомъ собственной души, и онъ невольно отождествляетъ себя съ плѣненнымъ соколомъ: у него также «крылья связаны и пути ему всѣ заказаны»...

Но это лишь *внутренній* жаръ: онъ долженъ перегорѣть и погаснуть втайнѣ отъ всѣхъ и оставить лишь чувство безсильной боли и гнѣва.

«На всякій, возникающій во мнѣ, вопросъ, на всякое, рождающееся во мнѣ сомнѣніе я долженъ искать отвѣта только въ самомъ себѣ», говоритъ поэтъ и онъ убѣжденъ, что его «вопросы» встрѣтятъ насмѣшку даже среди товарищей. Семинарія въ этомъ отношеніи то же, что лермонтовскій «свѣтъ». Все оригинальное и лично-яркое—ея завѣдомые враги, и горе тому, кто не сумѣетъ скрыть отъ стадной ненависти своего свободнаго внутренняго міра!

Оба поэта поглощены ежеминутной заботой—не пустить непрошеннаго гостя въ свою душу. Лермонтовъ разыгрываетъ роль безшабашнаго малаго и Мефистофеля, Никитинъ находитъ болѣе откровенное, но за то и болѣе мучительное средство—просто удаляется отъ товарищества въ семинаріи, отъ лавочниковъ—на улицѣ и въ особенности—отъ интеллигенціи. Авторъ *Дневника семинариста* указываетъ одну въ высшей степени любопытную черту своихъ одинокихъ мыслей: онѣ часто наивны и элементарны и могутъ вызвать насмѣшку у просвѣщенныхъ читателей.

Но здѣсь и объясненіе, и смягчающія обстоятельства. Бѣдному семинаристу приходится самому открывать Америки, начинать свое развитіе съ азбуки и съ трудомъ завоевывать идеи и взгляды, которые не-семинаристъ и не-мѣщанинъ получаетъ безъ всякихъ личныхъ усилій и изысканій отъ своихъ родителей или учителей. Счастливая случайность наталкиваетъ его на Шекспира *), Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго... До сихъ поръ онъ читалъ только учебники и слова и рѣчи на разные торжественные случаи, о названныхъ же писателяхъ слышалъ лишь самые отчаянные и даже угрожающіе отзывы. Ему, слѣдовательно, помимо рѣшительности прочесть новую, непривычную книгу, нужна еще отвага взяться за нее, нужно недюжинное личное самосознаніе, чтобы въ семнадцать лѣтъ пойти наперекоръ всѣмъ самымъ настоятельнымъ внушеніямъ и весьма серьезнымъ опасностямъ, рисковать изъ-за гонимой книги разбить навсегда свою жизнь и окончательно погибнуть въ глазахъ родителей-кормильцевъ и всего мѣщанства.

Все это *подлинныя* житейскія условія умственнаго развитія многихъ лучшихъ русскихъ людей и, прежде всего, Никитина. Если въ культурной средѣ личная работа юноши—великая заслуга, въ положеніи нашего поэта она—истинный подвигъ. Если университетскіе студенты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ совершали несомнѣнное дѣло живого просвѣщенія, собираясь въ товарищескіе кружки и горячо преслѣдуя общую цѣль саморазвитія независимо отъ оффиціальной науки, одинокій семинаристъ-мѣщанинъ съ Гоголемъ или Бѣлинскимъ на сѣновалѣ или въ убогомъ лавочномъ чуланѣ имѣетъ всѣ права внести свое имя въ списки благороднѣйшей русской молодежи всѣхъ достопамятныхъ эпохъ нашего нравственнаго и общественнаго прогресса.

---

*) Можно указать на интересное отраженіе шекспировскаго *Гамлета*, именно сцены принца съ Гораціо на кладбищѣ, въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Кольцова *Кладбище*.

Но самъ этотъ странный читатель не думаетъ ни о какихъ правахъ. Онъ до самозабвенія предается запрещенному чтенію во имя все той же неутолимой нравственной жажды, какая въ дѣтствѣ гнала его изъ «скуднаго дома» въ привольный лѣсъ. И тогда невольно складывались у него первые поэтическіе мотивы, «невыразимая мечта» часами приковывала его слухъ и взоръ къ неисчерпаемой жизни природы. Теперь также неизбѣжно возникаетъ вереница думъ, складывается окончательно нравственный характеръ и опредѣляется ясное непоколебимо-устойчивое міросозерцаніе, потому что каждая черта въ немъ—плодъ личной мысли, личнаго опыта и, главное, личной въ полномъ смыслѣ *реальной борьбы* за эти думы и за это міросозерцаніе.

Она сослужила Никитину неоцѣненную службу: въ *Дневникѣ* результатъ именуется *переворотомъ*. Этотъ «переворотъ» въ высшей степени разносторененъ. Авторъ указываетъ лишь на перемѣну нѣкоторыхъ взглядовъ, на развитіе чувства гуманности. Это далеко не все. Здѣсь не достаетъ *психологическаго* и *обще-нравственнаго* вліянія. И то, и другое бросаетъ свѣтъ на практическую жизнь и дѣятельность Никитина и ставитъ на твердую почву вопросъ объ его человѣческой личности.

Кто съ дѣтства попадаетъ въ суровую школу жизни и въ теченіе всей молодости долженъ шагъ за шагомъ отвоевывать свое нравственное «я» и даже матеріальное существованіе, у того неминуемо выростаетъ крайне энергическое самосознаніе, и инстинктивная спокойная самоувѣренность и, въ то же время, способность однимъ взглядомъ оцѣнить положеніе другого, отдать должное его слабости и силѣ. Никто лучше не знаетъ пагубнаго дѣйствія нужды и лишеній на человѣка, но никто также не ставитъ и болѣе высокихъ требованій самому человѣку.

Никитинъ могъ съ гордостью заявлять, что онъ всѣмъ обязанъ исключительно себѣ, «только своимъ собственнымъ силамъ, только своей собственной энергіи». Но что̀ бы значили всѣ эти силы, если бы борьба не представляла ни затрудненій, ни опасностей? Если кто высоко цѣнитъ свою побѣду, этимъ самымъ онъ признаетъ силу побѣжденнаго врага. У Никитина врагомъ была *нужда*, необходимость добывать кусокъ хлѣба среди самой непригляндной дѣйствительности. Послѣ семинаріи его засаживаютъ въ лавку, потомъ онъ становится хозяиномъ постоялаго двора и, наконецъ, достигаетъ вѣнца своихъ стремленій—открываетъ книжный магазинъ. Здѣсь, конечно, работа чище, чѣмъ на извозчичьемъ дворѣ, но сущность не мѣняется: Никитинъ до конца привязанъ къ вопросу о *нуждѣ* и нравственно не можетъ покончить съ нимъ даже имѣя практическую возможность жить сравнительно спокойнѣе. Очевидно, предъ нами натура въ высшей степени трезвая и сильная въ самомъ прозаическомъ смыслѣ слова. Прославленный поэтъ не перестаетъ быть промышленникомъ, авторъ *Кулака* весьма выгодно торгуетъ чужими сочиненіями, первый гонораръ тратитъ на «дѣло»,—на улучшеніе постоялаго двора, потомъ спѣшитъ пріобрѣсти книжную лавку и горячо отдается новому предпріятію. Интеллигентнымъ пріятелямъ это

кажется возмутительною алчностью, они осыпают поэта упреками, но онъ идетъ своимъ путемъ: дѣлецъ ни на минуту не уступаетъ мѣста лирику и мечтателю. Сочиненія любимыхъ писателей — и даже французская литература, — не сходятъ съ его стола въ комнаткѣ рядомъ съ магазиномъ, и Никитинъ убѣжденъ, что послѣ Шекспира съ большимъ удобствомъ можно перетолковать съ какою-нибудь любительницей Поль-де-Кока и продать ей модный романъ.

Это смѣшеніе ремесла и поэзіи не давало покоя искреннимъ друзьямъ поэта... Но если бы всталъ изъ мертвыхъ величайшій изъ поэтовъ, именно любимый Никитинымъ Шекспиръ, онъ пришелъ бы въ восторгъ отъ своего почитателя. Онъ также умѣлъ одновременно «дѣлать дѣло» и «бесѣдовать съ музами», потому что также прошелъ побѣдоносно тяжелый жизненный искусъ униженій въ бѣдности и безсильнаго негодованія въ низкомъ общественномъ положеніи на привиллегированныхъ обидчиковъ. И Никитинъ могъ съ добродушною улыбкой встрѣчать нападки друзей: онъ лучше всѣхъ зналъ себя самого. Всю молодость проживъ безъ руководителя и помощника, личными силами развивъ свой умъ и проложивъ свободную дорогу, онъ не могъ теперь пойти въ науку къ кому бы то ни было.

Въ отвѣтъ на дружескіе упреки и сомнѣнія, на злобныя насмѣшки враговъ, поэтъ изображалъ растлѣвающую власть нужды надъ людьми, вызывалъ изъ самыхъ темныхъ угловъ русской жизни жертвы этой власти, и обо всемъ говорилъ такъ просто, наглядно и правдиво, что всякому читателю за невзрачными и бѣдными фигурами мѣщанъ и мужиковъ невольно чуялись личное горе и личныя воспоминанія поэта. И то же самое впечатлѣніе становилось еще живѣе, когда авторъ отъ изображеній народной дѣйствительности переходилъ къ вопросу столь же близкому — къ литературѣ. Тамъ являлся повѣствователь много переживший, здѣсь народный мудрецъ много передумавшій и вездѣ одинаково исполненный яснаго сознанія, что пережитое привело его къ практической побѣдѣ, передуманное—къ нравственной свободѣ и всѣ его произведенія отъ первой до послѣдней строки могутъ быть лишь автобіографіей и исповѣдью.

VI.

Викторъ Гюго всю свою романтическую поэзію выразилъ въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ и совершенно правдивыхъ словахъ: въ горнило одиночества и борьбы за кусокъ хлѣба судьба бросаетъ человѣка всякій разъ, когда хочетъ изъ него сдѣлать воришку или полубога. И французскій поэтъ со свойственнымъ ему эффектомъ рисовалъ полубоговъ, героическіе акты не замѣтной и темной, но великой и въ полномъ смыслѣ общечеловѣческой драмы. Это большая заслуга со стороны литературы—открыть нравственную мощь души и ума тамъ, гдѣ на поверхностный взглядъ лишь одна мерзость запустѣнія.

Русскіе писатели несравненно скромнѣе и проще. Они инстинктивно

сторонятся отъ излишняго театральнаго блеска, избѣгаютъ шума громкихъ рѣчей, выполняя ту же благородную роль относительно народа, они направляютъ свое вниманіе преимущественно не на побѣдителей и героевъ, а на побѣжденныхъ и жертвъ. Они стоятъ ближе къ обыденнымъ явленіямъ жизни, изъ меткаго обобщенія Гюго—берутъ наиболѣе прозаическую и скорбную часть, рисуютъ пороки и мелкія преступленія слабосильныхъ борцовъ съ нуждой и одиночествомъ. Среди этихъ историковъ печальныхъ будней одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Никитину.

Поэтъ не скрываетъ, что ему предстоялъ путь жизни одинаковый съ его героями, Кулакъ для него лицо близкое и дорогое, потому что имъ обоимъ выпала на долю удручающая забота о собственномъ пропитаніи. Разница только въ личныхъ силахъ автора и его героя. Никитинъ не жалѣлъ ни молодости, ни жизни, чтобы завоевать свободу и болѣе свѣтлую дорогу, Кулакъ поддался въ трудной задачѣ и запутался въ тинѣ житейскаго болота. Отсюда глубокое сочувствіе поэта къ несчастному, его задушевное напутствіе всѣмъ подобнымъ горемыкамъ, гибнущимъ безъ счета, невѣдомо для нашихъ глазъ, — трогательное отождествленіе самой поэмы съ исторіей собственной души:

Не ради шутки, не отъ скуки,
Я какъ умѣлъ слагалъ свой стихъ,
Я воплощалъ боль сердца въ звуки
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!

И поэтъ на примѣрѣ своего героя показалъ, какія нравственныя опустошенія совершаетъ нищета среди нашихъ «братьевъ». Онъ не разъ заставляетъ самого кулака бросить въ лицо счастливцамъ—повѣсть своей безпріютной жизни и смѣло поставить вопросъ, кто лучше? Лукичъ родился не злодѣемъ, у него до конца остается сознаніе плутней и обмановъ, какими онъ промышляетъ среди простоватыхъ бѣдняковъ, его совѣсть несравненно отзывчивѣе и человѣчнѣе, чѣмъ у богача-кулака, купца и ханжи—Пучкова. Онъ отлично знаетъ, въ чемъ его можно упрекнуть и за что осудить. Но волчій бой за насущное пропитаніе крѣпко захватилъ его съ молодыхъ лѣтъ, у него нѣтъ иного выхода, кромѣ сознательныхъ заушеній своей человѣческой природы и безсильной ненависти противъ насильниковъ, вынуждающихъ его на униженія, ложныя клятвы и всевозможныя уловки голоднаго порабощеннаго звѣря.

Передъ нами во всѣхъ подробностяхъ крестный путь бѣдняка, мы слышимъ непрерывный вопль злобы и отчаянія, и они безпощадно заглушаютъ рѣдкіе отголоски лучшихъ настроеній далекаго прошлаго, когда Лукичу доступно было теплое сердечное чувство къ ближнему, когда, напримѣръ, онъ съ опасностью жизни спасъ утопавшаго, и тотъ въ порывѣ благодарности обнималъ его руки. Кулаку много лѣтъ спустя этотъ случай припоминается, какъ угасшій отрадный свѣтъ, какъ навсегда исчезнувшая возможность сохранить человѣческій образъ:

А, вѣдь, и я добро любилъ,
Оно, вѣдь, дорого мнѣ было!...

Теперь:

Душа-то не сосѣдъ,-
Силутуешь коли хлѣба нѣтъ.

Такая простая и въ то же время трагическая философія! И посмотрите, какъ правдивы и жизненны ея мельчайшія черты: кулаку случается подать милостыню, но онъ дѣлаетъ это отнюдь не изъ состраданія, а съ разсчетомъ на высшую отплату сторицею. Ему жена говоритъ о соловьѣ, поющемъ въ саду; для кулака не существуетъ чистой поэзіи, какъ и чистой религіи, и—его отвѣтъ:

„Сытъ стало; коли-бъ зналъ нужду,
Не пѣлъ бы. Мнѣ вотъ не поется,
Какъ хлѣбъ-атъ пòтомъ достается".

И поэтъ лично знаетъ всю горькую справедливость этой суровой отповѣди. У него, одареннаго даромъ пѣсенъ, чувствовавшаго непостижимую силу вдохновенія,—не разъ падалъ духъ, замирали слова и угасалъ въ груди голосъ бога, потому что «человѣку нѣтъ пощады въ бездонномъ омутѣ тревогъ»:

Падетъ на грудь заботы камень,
Свободу рукъ скуетъ нужда,—
И гаснетъ вдохновенья пламень,
Могучій двигатель труда.

Никитинъ особенно тяжело чувствовалъ гнетъ житейскихъ мелкихъ терзаній, именно—какъ поэтъ. Для него творчество было условіемъ счастья и отдыха, сѣсть у огня, забыть на время «шумъ заботливаго дня»,—и задумчиво слагать «скромный стихъ», эта картина—самая свѣтлая идиллія, какую представляетъ поэтъ. И ему не надо усилій отрѣшиться отъ прозы и настроить свою душу на вдохновенный ладъ: мы уже знаемъ, жизнь и поэзія у Никитина переплетаются неразрывно, за томительной скукой трудовыхъ будней непосредственно слѣдуетъ благородный порывъ негодующаго или сострадающаго духа, и тогда:

Изъ глубины души какъ волны
Слова послушныя текутъ...

Легкостью—облекать эти слова въ стихи и риѳмы—поэтъ изумлялъ своихъ друзей. И для него—единственный врагъ, разбивающій волны и возмущающій «глубину души»—все та же нужда. Она его заставила Бѣлинскаго и Шекспира держать рядомъ съ извозчичьими счетами, она много лѣтъ питала въ немъ недовѣріе къ «непонятной власти», заставлявшей его «слагать задумчивую пѣснь», она отдѣлила его пропастью отъ людей мысли, и когда онъ рѣшился, наконецъ, заявить имъ о своихъ стихахъ, она подсказала ему боязливую просьбу—къ чаемымъ покровителямъ—не смѣяться надъ нимъ, поэтомъ мѣщаниномъ и дворникомъ...

Все это Никитинъ переиспыталъ всей силой своей чуткой натуры и, когда просилъ у читателей снисхожденія къ грязному и пьяному кулаку,—на его уста невольно приходила мужественная рѣчь о борьбѣ сильныхъ противъ всерастлѣвающаго демона знакомой ему нужды:

Великъ кто взростъ среди порока,
Невѣжества и нищеты,
И остается безъ упрека
Жрецомъ добра и правоты;
Кто видитъ горе, знаетъ голодъ,
Усталый чахнетъ за трудомъ.
И крѣпко волей вѣчно молодъ,
Всегда идетъ прямымъ путемъ.

Да, великъ, потому что:

Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Какъ громъ ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты—полъ не заскрипитъ,
И душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ.

И здѣсь поэтъ, говоря такъ по поводу безпросвѣтной, скорбной жизни и смерти жены кулака,—пересказывалъ впечатлѣнія своей молодости, первой борьбы за свободу и свѣтъ. О себѣ самомъ онъ повторяетъ жалобу, что «мелочная невзгода», «тяжелая горечь» не убиваютъ «какъ небесный громъ». Этотъ ядъ сушитъ мозгъ и жжетъ тѣло медленнымъ огнемъ. Онъ капля за каплей вытравливаетъ въ человѣкѣ жизненную радость и отзывчивость. Онъ озлобляетъ самыхъ кроткихъ и уродуетъ самыхъ прекрасныхъ божьихъ созданій. Поэтъ будто не находитъ достаточно яркихъ словъ—изобразить эту неотразимую отраву: тонкія иглы, что̀ входятъ въ горячій мозгъ и больную грудь — такова пытка жалкаго, униженнаго, голоднаго существованія для тѣхъ, чей мозгъ мыслитъ и грудь чувствуетъ.

И поэтъ по собственному опыту знаетъ, какимъ бы преступленіемъ было — бросить камнемъ въ усталаго труженика! Вѣдь, онъ самъ не разъ слышалъ насмѣшки надъ своей злополучной участью и даже негодующіе упреки въ кулачествѣ и торгашествѣ. Упрекавшіе не понимали, что̀ значитъ съ самаго дѣтства кусокъ хлѣба считать благодѣяніемъ родителей, а потомъ вожделѣнной основой простой человѣческой свободы и личнаго достоинства, что̀ значитъ даже сравнительно независимое положеніе лелѣять какъ идеалъ, какъ мучительную тоску истерзаннаго сердца. И мы понимаемъ, когда Никитинъ при открытіи своего книжнаго магазина съ рыданіями бросился на грудь отца: только въ эту минуту онъ достигъ права требовать, чтобы его родственная среда уважала въ немъ человѣка. Эти рыданія знаменовали торжествующее сознаніе побѣды—надъ «порокомъ, невѣжествомъ и нищетой». Но поэтъ не могъ забыть ни медленнаго яда, ни иглъ, разрывавшихъ его душу въ лучшіе годы жизни: онъ взываетъ о нашемъ состраданіи ко всѣмъ менѣе сильнымъ и менѣе одареннымъ, —быть

можетъ въ тайнѣ, въ мгновенья раздумья, производящимъ мучительный разсчетъ съ своей совѣстью.

Это точное представленіе о разложеніи лучшихъ задатковъ человѣческой природы среди невѣжества и бѣдности,—представленіе отъ начала до конца проникнутое личными познаніями поэта въ житейской наукѣ, и гуманная, всепонимающая и ко всему снисходящая нравственная философія, внушенная самымъ естественнымъ и законнымъ стремленіемъ—освѣтить истиннымъ свѣтомъ свою собственную борьбу съ многообразными невзгодами и оправдать ея практическіе результаты,—эти двѣ основы міросозерцанія Никитина глубоко и рѣзко отразились на его поэзіи народной жизни и на самыхъ пріемахъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности.

VII.

Въ личной жизни Никитина совершенно отсутствовали поэтическіе мотивы: обычный и самый существенный источникъ ихъ — женская любовь — осталась для него чувствомъ неиспытаннымъ и постороннимъ. Правда, къ его біографіи относится переписка съ дѣвушкой, но мы напрасно стали бы искать здѣсь сердечныхъ изліяній, лирическихъ отступленій на тему нѣжныхъ чувствъ, тоскливыхъ намековъ на разлуку и счастливыхъ предвкушеній свиданія...

Все это неизбѣжно входитъ въ романъ, и ничего этого нѣтъ у Никитина. Предъ нами своеобразное явленіе: дружба для поэта, повидимому, болѣе поэтическое и глубокое чувство, чѣмъ любовь къ женщинѣ. По крайней мѣрѣ, его письма къ другу гораздо лиричнѣе и страстнѣе, и разлука съ нимъ—настоящее личное горе, и Никитинъ даже принимается цитировать поэтовъ для изображенія своихъ настроеній. Такъ дѣлаютъ именно влюбленные! Даже больше. Никитинъ самъ сообщаетъ, какъ онъ выплакивалъ свое семейное горе на груди друга... Заплакать ему было не легко, минуты слезъ свидѣтельствовали о крайнемъ напряженіи всѣхъ душевныхъ силъ въ безплодной борьбѣ съ отцомъ, и у Никитина единственное прибѣжище — не то, что̀ обыкновенно зовется счастьемъ съ милой, а сочувствіе добраго пріятеля.

Чѣмъ же объяснить эту безпримѣрную черту въ біографіи поэта? Можетъ быть, жесткостью сердца? Но вопросъ рѣшается всею поэзіей Никитина безъ всякихъ колебаній и ограниченій. Причина все та же, намъ отлично извѣстная.

Одинъ изъ героевъ Шекспира утверждаетъ, что любовь рождается отъ бездѣлья. Въ такой рѣшительной формѣ это очень жестокій взглядъ, но правда въ немъ есть. Романтическое увлеченіе требуетъ постоянной пищи изъ нѣжныхъ настроеній, думъ и мечтаній: влюбленный, помимо предмета своей любви, долженъ не менѣе тщательно ухаживать и за своими личными чувствами, и чѣмъ усерднѣе онъ предается этому занятію, тѣмъ больше удовлетворяетъ своему положенію. Очевидно, для любви нуженъ

извѣстный просторъ въ нравственной и внѣшней жизни человѣка,—почва и воздухъ.

Могло ли все это быть къ услугамъ Никитина? Влюбляться, конечно, ему ничто не мѣшало, но весь строй его натуры не допускалъ возможности создать на удручающемъ фонѣ рядъ мимолетныхъ забавныхъ картинъ. Нужда воспитала въ немъ серьезное до суровости отношеніе ко всѣмъ положеніямъ и задачамъ жизни. Она привела Никитина къ такому же возвышенному взгляду на любовь, какой былъ въ ходу среди современной ему университетской молодежи философско-идеалистическаго направленія. Любить значитъ нести отвѣтственность и за себя, и за другого,— отвѣтственность въ самомъ широкомъ смыслѣ,—за счастье, за душевный миръ, за внѣшнее благосостояніе. Въ молодости поэтъ, содержатель постоялаго двора, мѣщанинъ по сословію, но въ дѣйствительности одинъ изъ интеллигентнѣйшихъ людей, не могъ бы найти женщину, способную принаровиться къ столь разнообразнымъ условіямъ. Пришлось бы или бросить единственный источникъ средствъ для жизни, или понизить свои требованія къ семьѣ до уровня дворниковъ.

Въ періодъ писательской извѣстности и безбѣднаго существованія быстро развился смертельный недугъ, и Никитинъ не могъ помириться съ мыслью связать чужую судьбу съ своими немощами. Онъ дожилъ свои дни одинокимъ, даже отказавшись отъ свиданія съ своею корреспонденткой. Ни на одну минуту онъ не могъ рѣшиться отяготить кого бы то ни было своими страданіями. Это—благороднѣйшая гордость человѣка, отъ начала до конца совершавшаго путь безъ спутника и помощника...

Намъ ясно, какъ подобная суровость и самоотверженное отношеніе къ личному счастью должны отозваться на творчествѣ Никитина. Содержаніе его поэзіи — факты его біографіи, общія воззрѣнія — плодъ продуманнаго опыта, манера разсказывать факты и излагать воззрѣнія—результатъ одинокой, почти аскетической жизни сердца. Трудно назвать поэта, который съ такою строгостью относился бы къ своей работѣ, такимъ испытующимъ взоромъ слѣдилъ за своимъ вдохновеніемъ и такъ безпощадно уничтожалъ свои произведенія.

Мы знаемъ, Никитинъ мужественно встрѣтилъ нападки друзей на «торгашество» и, несмотря ни на какіе упреки, остался хозяиномъ книжной лавки, потому что видѣлъ въ ней, при извѣстныхъ условіяхъ, единственную надежную основу своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ. То же самое и относительно литературной дѣятельности.

Ему крайне мучительно было сдѣлать первый шагъ въ писательскій свѣтъ и это, помимо мѣщанскаго отщепенства, свидѣтельствовало также о значительности шага во мнѣніи Никитина. Но разъ Рубиконъ перейденъ, Никитинъ твердо и увѣренно становится на новой дорогѣ. Онъ едва ли не самый жестокій критикъ своихъ трудовъ и приводитъ въ отчаяніе друзей, уничтожая и передѣлывая раннія стихотворенія. Его преслѣдуетъ мысль, какъ бы ему не пришлось краснѣть за строки, подписанныя его именемъ.

Слово «дрянь» звучитъ безпрестанно, когда Никитину приходится издавать свои произведенія; онъ отказывается снабдить ихъ хронологическими отмѣтками, считая это незаслуженною претензіей для своего скромнаго таланта, и уничтожаетъ цѣлую почти оконченную поэму *Городской голова*.

Вообще онъ ничего не хочетъ брать въ видѣ обязательства или комплимента. Одна мысль о «милостинѣ» приводитъ его въ смертный ужасъ: всюду онъ одинъ и тотъ же — сознательно-гордый и скромно-самоувѣренный. Ни шагу назадъ предъ какими бы то ни было обстоятельствами, насмѣшками и враждой и ни шагу впередъ по направленію больного навязчиваго самолюбія писателя или удачника, изъ неизвѣстности и «грязи» поднявшагося къ славѣ и благосостоянію. Изумительное соединеніе поэтическаго таланта и неослабнаго житейскаго самосознанія!

Теперь, когда онъ станетъ говорить о другихъ, описывать красоту или уродства жизни и человѣческой природы, онъ ни единымъ словомъ не измѣнитъ своему идеально выдержанному, цѣломудренному характеру. Реальное содержаніе облекается въ возможно простую форму и поэтъ, ничего не подчеркивая, ничѣмъ преднамѣренно не приковывая вниманія читателя, предоставляетъ предмету говорить за себя, все равно какъ въ описаніяхъ природы онъ только перечислялъ явленія и выходила картина.

Никитинъ почти не выходитъ изъ круга народной дѣйствительности, пишетъ о народѣ въ самый горячій періодъ его исторіи, при отмѣнѣ крѣпостного права,—всѣ данныя впасть въ лиризмъ, мелодраму или чувствительную элегію. И мы охотно допустили бы всѣ эти увлеченія. Но для Никитина они были бы настоящимъ преступленіемъ передъ правдой и искренностью. Онъ самъ косвенно указалъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ говорить о народѣ и къ народу.

Въ отрывкѣ изъ погибшей поэмы *Городской голова* выведенъ кучеръ Семенъ, бывшій крѣпостной мужикъ. Карьера его сложная и многострадальная, столь обычная при старыхъ порядкахъ: побывалъ онъ и музыкантомъ, и актеромъ, «собакой жилъ». Но послушайте, какъ онъ обо всемъ этомъ повѣствуетъ: слушатели смѣются «чуть не до слезъ». Ни единаго сердобольнаго слова, ни намека на трагическій паѳосъ,—вся рѣчь проникнута живымъ юморомъ, въ иную минуту скрашена крѣпкимъ словцомъ. Разсказчику и на умъ не приходитъ разыгрывать интереснаго героя, напрашиваться на сильныя чувства. Онъ доволенъ простымъ вниманіемъ добрыхъ пріятелей и искренно удивился бы, еслибъ его исторіи кто-нибудь вздумалъ придать особенное значеніе.

Совершенно такъ же разсказываетъ Никитинъ о народныхъ драмахъ, о свѣтлыхъ явленіяхъ народной жизни, о народныхъ герояхъ и простыхъ смертныхъ.

Прочтите, напримѣръ, стихотвореніе *Староста*. Сюжетъ въ сущности драматическій и чувствительный. Онъ понятенъ изъ нѣсколькихъ строкъ:

Бабу чернобровую
Староста позвалъ,

Рѣчь-то велъ разумную,—
Дѣло толковалъ...

Дура баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значитъ, молодость
Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
Рубитъ не съ плеча,
Староста не выпустилъ
Слова сгоряча.

„Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣвъ пошлю...“
— Не грѣшно ли, батюшка?—
„Нѣтъ, когда велю!“

Прибавьте еще нѣсколько столь же мѣткихъ, будто отрывочныхъ штриховъ на счетъ «умной головы» среди запуганной деревни,—и вы получите цѣлую главу изъ крѣпостнической исторіи. Но какъ задуманную и какъ написанную! Драматизмъ и чувствительность предоставляются всецѣло читателю, авторъ только отражаетъ жизнь въ ея неприкосновенной истинѣ и, несомнѣнно, достигаетъ сильнѣйшаго впечатлѣнія, чѣмъ какія угодно краснорѣчивыя разглагольствованія.

И такъ вездѣ. Даже *Старый слуга*, типъ патріархальнаго рабства и забитости,—говоритъ только отъ себя, строго-исторически, и авторъ къ его исторіи прибавляетъ лишь нѣсколько столь же фактическихъ словъ объ его смерти. Такъ долженъ бы разсказать эпизодъ даже любой баринъ, и еслибъ его не тронула участь безвинно обиженнаго раба, виновато было бы его сердце, а не искусство поэта,—въ данномъ случаѣ правдивѣйшаго историка и психолога. Въ этомъ и сила подобной народнической поэзіи: она убѣждаетъ, не стремясь убѣждать, подчиняетъ, не усиливаясь очаровывать и увлекать.

Никитинъ затронулъ почти всѣ драмы, какія ежедневно совершаются въ народной жизни: семейный раздоръ между родителями и дѣтьми, раздѣлы между братьями, деспотизмъ отцовъ надъ дочерьми, ненависть свекрови къ невѣсткѣ, жены къ мужу, ужасная судьба подкидышей. И нигдѣ поэтъ не измѣняетъ своему сдержанному, будто безстрастному настроенію. Разсказавъ, какъ отецъ и мать продали свою дочь проѣзжему купцу и отецъ немедленно напился, поэтъ кончаетъ такими словами:

Молится Богу старуха жена,
Плакать бы надо,—не плачетъ она.

И только, но этого довольно, чтобъ ясно представить и чувства матери, и причины, мѣшающія ей плакать. О дочери немного больше, но за то здѣсь намѣченъ вопросъ о крестьянской темной морали и о будущемъ жены и матери:

Дочь ихъ красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила,
Что тутъ за диво! и замужъ пойдетъ...
То-то чай дѣтокъ на путь наведетъ!...

Не иначе выразился бы и подлинный деревенскій моралистъ,—до такой степени непосредственна, жизненна и правдива эта односложная, рѣзкая мораль.

Для нея авторъ обладаетъ особымъ стилемъ,—точнымъ, прозрачнымъ, поминутно переходящимъ въ поговорки и присказки. Онъ всякій разъ умѣетъ вложить въ стихъ народную житейскую мудрость и заставить кого угодно—кулака, купчика, сваху, молодого столяра-мѣщанина, городскихъ кумушекъ—говорить на ихъ собственномъ языкѣ до мельчайшей черты: будто для каждаго изъ нихъ авторъ подслушивалъ рѣчь на площадяхъ и на улицахъ и записывалъ ее слово въ слово. Въ результатѣ, напримѣръ, купчикъ или сваха послѣ перваго же появленія остаются неизгладимыми въ нашей памяти: стиль, дѣйствительно,—человѣкъ, если человѣческая личность до такой степени жизненна и типична, а ея рѣчь—непосредственна и ярка, какъ въ народныхъ сценахъ Никитина.

И эта истина какъ нельзя болѣе приложима къ самому поэту. Разсказывая о народѣ его простой, не прикрашенною рѣчью, Никитинъ эту простоту и скромность слова возвелъ въ необходимое нравственное правило для писателя. У него составился свой идеалъ поэта и общественнаго дѣятеля,—идеалъ, и здѣсь, какъ и вездѣ, проникнутый личнымъ живымъ чувствомъ и воплощающій многодумную и многострадальную душу самого поэта.

VIII.

Мы упоминали о разочарованіи Никитина въ Некрасовѣ. Разочарованіе было вызвано болѣзненно-страстнымъ желаніемъ видѣть реальные результаты всякаго благороднаго слова, полное соотвѣтствіе личныхъ дѣлъ и поэтическаго вдохновенія. По свидѣтельству друзей, Никитина вѣчно преслѣдовала мысль о «добромъ дѣлѣ»,—онъ и сочиненія свои завѣщалъ издать для общаго добраго дѣла, и чужими замыслами интересовался, насколько они могли создать «хорошее»—въ практическомъ смыслѣ, и на поэзію и литературу смотрѣлъ исключительно съ *утилитарной* точки зрѣнія. Это слово въ послѣднее время потеряло кредитъ и отождествлено чуть ли не съ гибелью вообще поэзіи и искусства. Но творчество даровитѣйшихъ поэтовъ неизмѣнно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о полезности и тамъ, гдѣ онъ рѣшается положительно,—опредѣляется въ сущности и судьба самого творчества.

Такъ думалъ и Никитинъ. Съ величайшею строгостью относясь къ *формѣ,* поэтъ съ крайнею мнительностью и придирчивостью судилъ о *содержаніи* чужихъ и собственныхъ произведеній. Онъ понималъ великія

услуги, оказанныя литературой народной свободѣ, и народное благо продолжалъ считать единственно достойною цѣлью писательской работы. Вдохновенiе—не роскошь поэтическаго досуга, а гражданскiй подвигъ, и безплодная, хотя и красная рѣчь—такое же преступленiе, какъ и всякое тунеядство и шарлатанство.

Будь ты проклято, праздное слово!

восклицаетъ поэтъ по поводу литературныхъ обличенiй, не отражающихся, по его мнѣнiю, на общественномъ прогрессѣ. И эта чисто-личная, непримиримая ненависть къ громкимъ словамъ, ко всякому эффекту и разсчитанному украшенiю доходитъ у Никитина до фанатизма. «Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?»—спрашиваетъ онъ въ одномъ стихотворенiи, и въ отвѣтъ рисуетъ малодушiе и эгоизмъ героевъ краснорѣчiя: на словахъ—«соколиный полетъ», а на дѣлѣ—раздумье, лѣнь, робость. Даже въ письмахъ онъ возмущается всякимъ выраженьемъ, производящимъ на него впечатлѣнiе риторики, разсчитанной чувствительности и манерничанья.

«У меня къ вамъ просьба,—пишетъ онъ къ своей корреспонденткѣ,—ради Христа избавьте меня отъ громкихъ выраженiй въ своихъ письмахъ: они рѣжутъ мой слухъ».

Онъ негодуетъ на модныя лирическiя слова, вродѣ *разочарованность*. Они его «отталкиваютъ» и смущаютъ. Для того, чтобы дружески пожать руку, не надо надѣвать душистой модной перчатки: «*вся прелесть въ простотѣ и правдѣ...*»

Эти слова должны быть поставлены эпиграфомъ къ жизни и поэзiи Никитина. Ими объясняются крайности его взгляда на современную литературу. Онъ самъ, въ сущности, занимался тѣми же обличенiями, какiя порицалъ у краснорѣчивыхъ поэтовъ и публицистовъ. Именно, онъ представилъ во всей наготѣ царство нужды и невѣжества, онъ разсказалъ не одну исторiю, какъ зачатки добра гибнутъ подъ слоемъ житейской грязи и пошлости. Правда, онъ до конца удержался отъ какихъ-либо поученiй и личныхъ излiянiй, но это не мѣшало его поэзiи тѣмъ сильнѣе *обличать*. Онъ еще въ молодости возмущался пѣвцами свѣтлаго лиризма и приглашалъ беззаботно-счастливаго поэта взглянуть на жизнь,—лѣнивую, однообразную, запечатлѣнную ничтожествомъ или ослѣпленiемъ. Онъ не могъ понять, какъ можно разсказывать о своихъ романическихъ приключенiяхъ, о личныхъ страданiяхъ, какъ можно выставлять на показъ, будто женщина обновы, «свой плачъ и свой вѣнецъ терновый», когда кругомъ «жизни нищета»... Онъ остался до конца вѣренъ этому гнѣву: «духъ празднословiя не даждь ми»,—молитва всей его жизни. Но бывали минуты, когда и изъ его сердца вырывался вопль личнаго горя, когда тоска одиночества и «боль желанiй» разражалась даже жгучими слезами,—и поэтъ долженъ былъ испытывать истинное утѣшенiе, находя кому повѣдать такую, напримѣръ, исповѣдь:

Какъ узникъ я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!..

Одинъ изъ слышавшихъ эти признанія много лѣтъ спустя писалъ:

«Никогда не забудется выраженіе строгаго и блѣднаго лица его, его горящихъ глазъ, на вѣкахъ которыхъ часто дрожали слезы! Трепетъ пробѣгалъ по вашему тѣлу, когда въ безмолвной комнатѣ, залитой лучами лѣтняго солнца, мужественно раздавались звуки стиховъ:

«Да,—и вы твердо и свято вѣрили чтецу, что онъ и *рвался,* и *разбивалъ,* и *желалъ,* и *не жалѣлъ*...»

Немногимъ выпадаетъ на долю вызывать подобную вѣру, немногимъ въ послѣднія минуты жизни приходится такъ правдиво и въ то же время съ такой благородной поэзіей набросать пройденный жизненный путь, какъ нарисовалъ его умирающій Никитинъ въ знаменитой элегіи:

Вырыта заступомъ яма глубокая...

Только одну поправку внесутъ соотечественники поэта въ его предсмертную пѣсню. Онъ говоритъ о своей смерти:

Только однимъ человѣкомъ убавится,
Убыль его никому не больна,
Память его никому не нужна!...

Такъ онъ говорилъ и о своемъ героѣ, жалкомъ погибшемъ Лукичѣ. Но властью поэзіи образъ даже этого человѣка сталъ намъ близокъ и дорогъ, его убыль больна и память незабвенна, какъ вѣчный укоръ нашему невѣжеству, духовной и житейской бѣдности... А память человѣка, пронесшаго неприкосновеннымъ свѣтъ своей мысли и любвеобильнаго поэтическаго дара сквозь тьму жесточайшей жизненной борьбы, человѣка дѣйствительно разбивавшаго цѣпи и надрывавшаго силы,—его память навсегда останется гордостью русскаго народа и благороднѣйшимъ воплощеніемъ его высшихъ нравственныхъ свойствъ,—естественной простоты въ трудномъ подвигѣ жизни, мудрой сердечности въ судѣ надъ другими и суровой правды—въ личной совѣсти.

Ив. Ивановъ.

Очерки провинціальной жизни.

На извѣстной ступени общественнаго развитія, первое условіе для соціальнаго здоровья народа есть образованіе. Масса физическихъ, нравственныхъ и политическихъ недуговъ нашего народа коренится въ его невѣжествѣ. Грустно, что въ дѣлѣ школы мы далеко отстали не только отъ большихъ европейскихъ государствъ, но и отъ Болгаріи, Сербіи, Японіи, Турціи,— грустно, что у насъ только 8% грамотныхъ; но грусть эта значительно подавляется радостью открывающихся перспективъ, радостью выздоравливающаго организма. Ничто не даетъ болѣе радостнаго возбужденія, какъ энергичное преслѣдованіе хорошей цѣли, а тѣмъ болѣе великой цѣли сдѣлать нашъ добрый и даровитый народъ народомъ просвѣщеннымъ и тѣмъ открыть ему доступъ къ накоплявшейся вѣками культурѣ, которая есть общее наслѣдіе. Надо читать отчеты земскихъ собраній послѣдней сессіи, чтобы вполнѣ оцѣнить проявившуюся силу стремленія къ просвѣщенію народа. Повсюду былъ поставленъ, а въ нѣкоторыхъ земствахъ и практически разрѣшенъ вопросъ о всеобщемъ обученіи; далѣе, устройство народныхъ библіотекъ, народныхъ чтеній, повторительныхъ, вечернихъ и воскресныхъ школъ, организація книжныхъ складовъ, улучшеніе положенія народныхъ учителей,—всѣ эти вопросы внимательно разсматривались и, насколько позволяли земскія средства, практически разрѣшались.

Заботамъ общества о просвѣщеніи народа идетъ на встрѣчу съ каждымъ годомъ усиливающееся стремленіе самого народа къ образованію. И вотъ почему ни на одномъ изъ земскихъ собраній, на которыхъ трактовалось дѣло всеобщаго обученія, не было даже поднято вопроса о введеніи *обязательнаго* обученія. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить объ обязательномъ обученіи тамъ, гдѣ спросъ на образованіе далеко обогналъ предложеніе. «Нѣтъ болѣе мѣста»,— вотъ отвѣтъ, который на всемъ пространствѣ какъ Европейской Россіи, такъ и Сибири даютъ съ болью въ сердцѣ народные учителя толпящемуся у дверей школы народу. Ежегодно мы читаемъ, что въ большихъ городахъ отказано въ пріемѣ въ школу тысячамъ дѣтей, въ небольшихъ—сотнямъ; такія же извѣстія идутъ отовсюду и изъ селъ. Періодъ пріема дѣтей въ школы есть время муки для народныхъ учи-

телей. Ихъ осаждаютъ отцы и матери просьбами принять дѣтей въ школу. Они хлопочутъ, молятъ: «Онъ сядетъ гдѣ-нибудь на краешкѣ стола, онъ маленькій, ему мѣста немного надо». Они готовы совершать подкупъ учителя, полагая, что это можетъ открыть двери школы ихъ ребенку. Повсюду школы переполнены и отъ нихъ приходится почти силою гнать желающихъ учиться.

Сильно растетъ спросъ народа на школы, также сильно растетъ онъ на книги. Для удовлетворенія послѣдней потребности различныя общества и земство устраиваютъ народныя библіотеки и книжные склады. Народныя библіотеки явились у насъ дѣломъ самаго послѣдняго времени. Къ началу 1894 г. въ Россіи было не болѣе 40 народныхъ библіотекъ; въ настоящее время ихъ болѣе 3,000.

Рядомъ съ такою живою работой для народнаго просвѣщенія, какимъ архаизмомъ вѣетъ отъ сообщенія, присланнаго въ *Русскія Вѣдомости* предсѣдателемъ черниговской губернской земской управы по поводу не состоявшихся въ прошломъ году въ Черниговѣ педагогическихъ курсовъ для учителей. «Педагогическіе курсы губернскаго земства,—пишетъ почтенный предсѣдатель,—разрѣшенные въ 1894 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія, имѣли въ нашей губерніи небывалый успѣхъ. Кромѣ 60 учителей и учительницъ, которые явились на средства земства обязательными участниками курсовъ, на курсахъ этихъ было до 150 слушателей и слушательницъ изъ учительскаго персонала, которые, не принимая непосредственнаго участія въ курсовыхъ занятіяхъ, съ необыкновеннымъ вниманіемъ усвоивали все, происходившее на курсахъ. Занятія во временной школѣ и бесѣды умѣлаго и опытнаго руководителя курсовъ Д. И. Тихомирова, уроки учителей и разборъ этихъ уроковъ, общеніе и бесѣды между собой посѣтителей курсовъ внѣ курсовыхъ занятій, — все это чрезвычайно оживило посѣтителей курсовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Лица, слѣдящія за ходомъ школьнаго дѣла, не разъ сообщали губернской управѣ, что дѣло это пошло замѣтно лучше въ тѣхъ школахъ, учителя которыхъ побывали на курсахъ.

Курсы 1894 года были устроены для третьей части уѣздовъ. Въ прошломъ году входила въ очередь слѣдующая группа уѣздовъ. Губернское земское собраніе увеличило ассигновку на организацію курсовъ; два уѣздныя собранія уѣздовъ первой очереди также ассигновали средства на командировки тѣхъ учителей, которые не могли воспользоваться курсами, и на прошлогодніе курсы должно было прибыть на счетъ земства 140 учителей и учительницъ. Но дѣло съ разрѣшеніемъ курсовъ крайне затянулось; попечитель округа, которому по закону предоставлено право такого разрѣшенія, перенесъ дѣло въ министерство народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, губернская управа, исполняя постановленіе собранія, приступила къ организаціи дѣла. Руководителями курсовъ управа пригласила того же Д. И. Тихомирова, Т. Г. Лубенца, инспектора народныхъ училищъ Волынской губ., извѣстнаго также педагогическою опытностью, и математика Ф. И. Егорова,

Управа снеслась съ ними въ теченіе февраля, и 8-го марта представила директору народныхъ училищъ ходатайство о разрѣшеніи курсовъ, срокъ которыхъ первонально назначенъ былъ отъ 15 іюля до 15 августа. Вслѣдъ за этимъ директору были сообщены доставленные уѣздными управами списки командируемыхъ на курсы учителей и програмы занятій, присланныя руководителями курсовъ.

Въ полной надеждѣ, что курсы, по примѣру прошлаго года, будутъ разрѣшены, управа выписала необходимую для нихъ библіотеку и учебныя пособія. Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, и о движеніи своего ходатайства управа не получала никакихъ свѣдѣній. Въ теченіе этого времени руководители признали необходимымъ измѣнить срокъ своихъ занятій, назначивъ его на 15 іюня—15 іюля. Объ этомъ измѣненіи срока управа 15 мая представила ходатайство директору, причемъ убѣдительно просила ускорить дѣло о разрѣшеніи курсовъ. Въ отвѣтъ на это г. директоръ сообщилъ, что всѣ представленія управы о курсахъ, съ его заключеніями, немедленно сообщались имъ высшему начальству. Въ тотъ же день отправлена телеграмма попечителю округа съ просьбой ускорить разрѣшеніе курсовъ, въ виду приближенія ихъ открытія. Только 23 мая получена была въ отвѣтъ слѣдующая телеграмма г. попечителя: «До полученія разрѣшенія министерства затрудняюсь разрѣшить курсы». 24 мая управа, ссылаясь на приведенный отвѣтъ попечителя, обратилась къ директору департамента министерства народнаго просвѣщенія съ телеграфною просьбой ускорить разрѣшеніе курсовъ. 27 мая полученъ отвѣтъ г. директора департамента: «Распоряженіе министерства о курсахъ сообщено попечителю». А срокъ открытія курсовъ уже приближался. Весьма многіе, заинтересованные въ нихъ, осаждали управу запросами о ея ходатайствѣ. Управа, не зная о времени отсылки попечителю министерскаго отвѣта, рѣшила обождать извѣщенія отъ попечителя. Въ это время полученъ былъ отвѣтъ директора училищъ на представленіе управы 15 мая объ измѣненіи срока курсовъ. Въ отвѣтѣ излагается сообщеніе попечителя, что «его превосходительствомъ уже сдѣлано представленіе министерству народнаго просвѣщенія, а потому онъ не признаетъ возможнымъ входить въ министерство о какихъ-либо измѣненіяхъ по настоящему предмету». 3 іюня управа, ссылаясь на телеграмму директора департамента 27 мая, телеграфировала попечителю округа: «Убѣдительнѣйше просимъ увѣдомить о рѣшеніи министерства немедленно: для управы остается слишкомъ мало времени, чтобы все приготовить». 6 іюня на это полученъ отвѣтъ: «Относительно курсовъ послано предложеніе директору училищъ». Наконецъ, 8 іюня, ровно черезъ три мѣсяца послѣ представленія ходатайства, получено слѣдующее сообщеніе директора народныхъ училищъ: «Получивъ сегодня отъ его превосходительства г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отвѣтъ на мое представленіе отъ 18 апрѣля ходатайства черниговской губернской земской управы относительно устройства нынѣшнимъ лѣтомъ временныхъ педагогическихъ курсовъ въ Черниговѣ, имѣю честь увѣдомить управу о существенныхъ предметахъ, составляющихъ со-

держаніе того отвѣта: 1) Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ признать полезнымъ устройство текущимъ лѣтомъ въ Черниговской губерніи временныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей начальныхъ училищъ по отдѣльнымъ уѣздамъ губерніи. 2) На основаніи такого заключенія г. министра, его превосходительство г. попечитель предлагаетъ мнѣ, въ случаѣ, если къ тому найдутся мѣстныя по уѣздамъ средства, войти съ представленіемъ о томъ, въ какихъ именно уѣздахъ могутъ быть устроены такіе курсы». Далѣе слѣдуютъ указанія г. попечителя о соблюденіи разныхъ пунктовъ существующихъ правилъ о курсахъ.

Такое неожиданное разрѣшеніе объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что § 7 правилъ о курсахъ, предоставляющій созывать курсы или по уѣздамъ, или по группамъ уѣздовъ, въ настоящее время отмѣненъ, о чемъ въ губернской управѣ нѣтъ свѣдѣній. Хотя этимъ рѣшеніемъ губернская управа устранялась отъ дальнѣйшихъ заботъ о курсахъ, но она немедленно телеграфировала руководителямъ, прося ихъ посвятить свой трудъ уѣзднымъ курсамъ, а въ уѣздныя управы немедленно обратилась съ просьбой организовать курсы у себя, предложивъ на это и ассигнованныя губернскимъ собраніемъ средства, съ условіемъ возвратить ихъ, если бы губернское собраніе такой передачи средствъ не утвердило. Но уѣздныя управы по разнымъ причинамъ не могли устроить у себя курсовъ и, такимъ образомъ, полезное дѣло учрежденія учительскихъ курсовъ не состоялось.

Въ послѣднее время въ печати все чаще и чаще появляются любопытныя и чрезвычайно отрадныя иллюстраціи вліянія школы на жизнь крестьянскаго населенія. Иллюстраціи эти получаютъ тѣмъ большее значеніе, когда онѣ основываются на массовыхъ изслѣдованіяхъ. Такое изслѣдованіе сдѣлано недавно по Воронежской губерніи, подъ руководствомъ извѣстнаго статистика Ф. А. Щербина, и данныя его помѣщены въ изданіяхъ воронежскаго губернскаго земства. Вотъ резюме названной работы о вліяніи школы на жизнь населенія: «Школа сильно вліяетъ на развитіе любви къ чтенію книгъ, болѣе мягкаго отношенія къ другимъ семействамъ, на вѣжливое обращеніе съ посторонними лицами, на ослабленіе суевѣрій, предразсудковъ и проч. Грамотные нерѣдко съ большею неподкупностью и сознаніемъ относятся къ общественнымъ дѣламъ, почему, при выборахъ на тѣ или другія сельскія должности, и предпочитаются неграмотнымъ. Бывали случаи, когда группа грамотныхъ крестьянъ оказывала рѣшающее вліяніе на измѣненіе того или другого освященнаго вѣками порядка въ общинно-экономической жизни. Замѣчено также, что иногда даже учащіеся оказываютъ то или другое вліяніе на старшихъ членовъ семьи. Вообще, вліяніе со стороны дѣтей на ослабленіе тѣхъ или другихъ предразсудковъ въ средѣ населенія несомнѣнно, хотя бы даже въ томъ смыслѣ, что многіе крестьяне стыдятся признаться въ своихъ предразсудкахъ. Въ то же время изъ года въ годъ замѣчается увеличеніе учащихся дѣвочекъ, чему, помимо другихъ условій, способствуютъ сами матери, прежде учившіяся въ школѣ: онѣ стараются обучить грамотѣ и своихъ дочерей, разучиваютъ съ ними зна-

комыя имъ басни и стихотворенія, передаютъ знанія, какія сами вынесли изъ школы. Замѣтно также, что грамотныя дѣвочки чище одѣваются, держать себя приличнѣе и въ обращеніи болѣе вѣжливы. Разъ выучившись грамотѣ, отцы учатъ и дѣтей своихъ грамотѣ. Грамотные обращаются гуманнѣе въ семействѣ, любятъ украшать свои избы картинами, приличною мебелью и, вообще, держатъ свой домъ опрятнѣе, чѣмъ неграмотные. На сходахъ такіе люди относятся толковѣе къ дѣламъ, стараются сдержать крикъ и обсудить всесторонне подлежащее дѣло. Сами родители не скрываютъ, что учащіяся дѣти, подъ вліяніемъ всей школьной учебы, дѣлаются почтительнѣе, нравственнѣе и, вообще, замѣтно выдѣляются по сравненію съ тѣми дѣтьми, которыя не посѣщали школы».

Таковы выводы обширнаго массоваго изслѣдованія. Къ тѣмъ же выводамъ пришли изслѣдователи и въ другихъ мѣстностяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что начальная школа далеко не ограничиваетъ своего вліянія передачею лишь своимъ питомцамъ грамотности; значеніе ея гораздо шире и важнѣе: она оказываетъ на нихъ и черезъ нихъ на все населеніе разностороннее и весьма значительное культурное вліяніе.

Одно изъ важнѣйшихъ слѣдствій народной школы есть повышеніе въ массѣ чувства человѣческаго достоинства, а съ тѣмъ вмѣстѣ, сознанія своихъ правъ и умѣнья защищать ихъ. Кто внимательно присматривается къ народной жизни, тотъ знаетъ, что уже и теперь молодое поколѣніе, прошедшее школу, весьма разнится въ этомъ отношеніи отъ своихъ отцовъ. Въ послѣдней почтѣ мы нашли интересное письмо по этому предмету, присланное крестьяниномъ въ *Самарскій Вѣстникъ*. Письмо это съ одной стороны хорошо рисуетъ современные порядки въ селѣ и деревнѣ, а съ другой указываетъ на несомнѣнный умственный ростъ обывателя, котораго не могутъ не возмущать такіе порядки, при которыхъ безнаказанно нарушаются личныя права человѣка.

Въ селѣ предстояли выборы на новый срокъ церковнаго старосты. Въ прежнее время это дѣлалось очень просто. По предложенію священника, сходъ избиралъ старосту и совершенно свободно, безъ какого бы то ни было давленія извнѣ. Теперь же, благодаря новымъ порядкамъ, дѣло избранія церковнаго старосты не обошлось безъ вмѣшательства со стороны мѣстнаго земскаго начальника. Въ описываемомъ селѣ церковнымъ старостой состоялъ уже нѣсколько лѣтъ мѣстный крестьянинъ, очень уважаемый всѣми односельчанами. Заслуги его въ должности старосты были не малыя: при его содѣйствіи и трудахъ начатъ и почти оконченъ постройкою въ селѣ храмъ; въ теченіе 20 лѣтъ онъ былъ уѣзднымъ гласнымъ и три года губернскимъ, въ каковыхъ званіяхъ принесъ не малую пользу какъ своимъ односельчанамъ, такъ и окрестному населенію. Нечего говорить, что большинству прихожанъ хотѣлось избрать въ церковные старосты на новый срокъ этого человѣка, но не хотѣлъ этого по многимъ причинамъ мѣстный земскій начальникъ и, въ силу своей властности, сдѣлалъ такъ, какъ ему хотѣлось. Въ письмѣ подробно разсказываются всѣ тѣ не-

законные способы и средства, къ которымъ прибѣгалъ земскій начальникъ, чтобы смѣстить любимаго населеніемъ церковнаго старосту. Побѣда, одержанная земскимъ начальникомъ, произвела на окружающую среду удручающее впечатлѣніе. Авторъ письма, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго и пережитаго, сопровождаетъ свое посланіе нижеслѣдующими разсужденіями: «Такіе факты, какъ разсказанные, нынѣ очень обычны въ сельской жизни и очень ясно доказываютъ, что совершающія ихъ лица совершенно забываютъ, что вокругъ ихъ живутъ, хотя и въ подчиненіи у нихъ, такіе же люди, съ такими же стремленіями къ жизни, какъ и они сами». По словамъ автора письма, «нерѣдко приходится слышать отъ подобныхъ господъ, что мужикъ ни больше, ни меньше—какъ скотина, поэтому съ нимъ слѣдуетъ обращаться, какъ со скотомъ. Неудивительно, что мужикъ, при подобномъ обращеніи съ нимъ, питаетъ глубокое недовѣріе къ старшимъ братьямъ и всѣ ихъ затѣи по улучшенію мужицкаго быта и благосостоянія считаетъ или пустою забавой, или же средствомъ къ тому, чтобы взыскать съ него лишній грошъ». «Нужно помнить,—говорится, между прочимъ, въ письмѣ,—что мужикъ можетъ полюбить своихъ опекуновъ только при единственномъ условіи, если эти опекуны будутъ сами его любить. Дитя—и то едва ли можетъ любить даже родного отца своего, когда тотъ не только за шалости, но и за недоразумѣнія гонитъ его въ шею и никогда не говоритъ ему ласковаго слова».

Ни въ чемъ, быть можетъ, не проявляется такъ ярко неуваженіе къ личности простого человѣка, какъ въ предоставляемыхъ русскимъ рабочимъ помѣщеніяхъ. Въ большихъ экономіяхъ, на фабрикахъ, заводахъ, копяхъ, рудникахъ, въ заведеніяхъ ремесленныхъ—всюду жилыя помѣщенія для рабочихъ мало чѣмъ лучше помѣщеній для скота. И только когда жилищныя условія для рабочихъ въ какомъ-либо промышленномъ заведеніи становятся до послѣдней степени возмутительными, печать начинаетъ говорить о нихъ не безъ надежды, что поднятый ею шумъ дастъ хотя небольшіе практическіе результаты. И дѣйствительно, нерѣдко, благодаря печати, жилища рабочихъ нѣсколько улучшаются. Такъ, напримѣръ, подъ давленіемъ печати были сдѣланы улучшенія рабочихъ жилищъ въ южномъ каменноугольномъ районѣ. До происшедшихъ въ этомъ отношеніи измѣненій жилища рабочихъ, здѣсь представляли собою «нѣчто вродѣ звѣринаго логовища». Это были длинныя и низкія сооруженія, на половину сидѣвшія въ землѣ, не имѣвшія ни потолка, ни пола, и почти совсѣмъ лишенныя свѣта. Но и послѣ сдѣланныхъ улучшеній жилыя помѣщенія для рабочихъ продолжаютъ оставаться крайне нездоровыми. Вотъ что говоритъ о нихъ газета *Южный Край*: Войдите въ какіе хотите жилые дома для горнорабочихъ, особенно въ такіе, въ которыхъ помѣщаются артели, и васъ поразятъ копоть, грязь, нечистота и тяжелый, удушливый воздухъ такого жилья. Привести въ порядокъ жилое помѣщеніе горнорабочихъ и невозможно, пока не будутъ устроены особыя сушильни. Работая въ мокромъ подземельѣ, пропитываясь угольною пылью и всякою грязью, горно-

рабочій вылазитъ изъ шахты весь закоптѣлый до черноты и мокрый. Прійдя въ жилище, онъ раздѣвается, моется, всю свою убогую, мокрую и грязную одежду и обувь развѣшиваетъ для просушки здѣсь же. Если въ совершенно-чистое жилое помѣщеніе войдутъ два раза въ сутки по 15—20 человѣкъ горнорабочихъ, которымъ всѣмъ нужно отмыться отъ грязи и просушиться въ томъ же жильѣ, то легко представить себѣ, въ какомъ видѣ окажется это новое помѣщеніе черезъ нѣсколько дней. Въ странахъ Запада, гдѣ горный промыселъ существуетъ нѣсколько столѣтій, такой порядокъ давно признанъ гибельнымъ для здоровья горнорабочихъ. Тамъ для устраненія указаннаго профессіональнаго загрязненія и порчи жилыхъ помѣщеній для горнорабочихъ устраиваются при каждой шахтѣ уборныя для горнорабочихъ или, какъ ихъ называютъ, сушильни, гдѣ горнорабочіе, выйдя изъ шахты, могутъ вымыться и переодѣться въ сухую и, если нужно, въ теплую одежду, мокрую же, въ которой они были въ шахтахъ, оставить здѣсь для просушки. Устраиваются такія сушильни при самой рабочей шахтѣ, такъ какъ тогда устраняются тѣ неминуемо гибельныя послѣдствія для здоровья горнорабочихъ, которыя происходятъ отъ того, что нашему горнорабочему, полунагому и мокрому, во всякое время года, въ томъ числѣ и зимою, приходится переходить отъ шахты до жилья иногда значительныя разстоянія. Напримѣръ, многимъ изъ горнорабочихъ новороссійскаго общества, опускаемымъ въ центральную шахту, расположенную въ центрѣ завода, по окончаніи упряжки, приходится переходить отъ шахты до жилья болѣе 2 верстъ. Въ холодное время года, проѣзжая изъ Юзовки въ Донецкую область въ часы смѣнъ горнорабочихъ (обыкновенно въ 6 часовъ утра и въ 6 час. вечера), вы встрѣчаете идущія и бѣгущія темныя фигуры съ маленькими лампочками на лбу. Это бѣгутъ шахтари новороссійскаго общества къ себѣ въ балаганы послѣ смѣны. Скорченный, жалкій видъ этихъ полунагихъ фигуръ производитъ удручающее впечатлѣніе. Между тѣмъ, все это устраняется устройствомъ сушиленъ, что не требуетъ даже большихъ денежныхъ затратъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ недавно были произведены санитарные осмотры жилищъ выставочныхъ рабочихъ. Осмотры эти, — какъ сообщаетъ *Нижегородскій Листокъ*, — показали, что рабочіе размѣщены въ невозможныхъ жилищахъ, въ «собачьихъ конурахъ», какъ буквально сказано въ оффиціальномъ протоколѣ. Кромѣ того, констатировано, что на выставкѣ нѣтъ хорошей питьевой воды, и люди вынуждены утолять свою жажду изъ болотъ и ямъ. Съ наступленіемъ холодной осени появились частыя заболѣванія тифомъ, увеличилась смертность, и рабочіе, пренебрегая платой, бѣгутъ цѣлыми десятками.

Во всѣхъ болѣе или менѣе благоустроенныхъ городахъ, какъ справедливо замѣчаетъ газета, уже давно обращено вниманіе на жилища для рабочихъ. И мѣры, принятыя въ этомъ направленіи, значительно понизили смертность населенія. Въ Лондонѣ, напримѣръ, ежегодно на 1,000 жителей умираетъ 17 человѣкъ, въ Копенгагенѣ—21, въ Парижѣ—23, въ Вѣ-

нѣ — 24, а въ Н.-Новгородѣ — 44!... Слѣдовательно, небольшой сравнительно городъ, расположенный на высокомъ берегу и пользующійся водой самой большой европейской рѣки, почти *въ 3 раза скорѣе* сводитъ въ могилу своихъ жителей, чѣмъ громадный Лондонъ. Наибольшая смертность падаетъ, конечно, на бѣдные классы. Въ то время, какъ среди купечества умираетъ ежегодно около 15 человѣкъ на 1,000 жителей, въ рабочемъ классѣ—болѣе 46 чел. Вслѣдствіе такой огромной смертности Нижній-Новгородъ есть въ сущности городъ вымирающій, такъ какъ, если не считать притока сельскихъ жителей, въ этомъ городѣ въ теченіе года умираетъ приблизительно на 150 человѣкъ болѣе, чѣмъ рождается. Пусть желающіе узнать, какъ живутъ нижегородскіе рабочіе, потрудятся ночью или рано утромъ заглянуть въ эти сырые, грязные и зловонные подвалы, гдѣ на земляныхъ полахъ, заплеванныхъ, мокрыхъ и липкихъ, въ повалку спятъ цѣлыя семьи, а съ ними вмѣстѣ также жильцы и жилицы; гдѣ единственная комната является одновременно и прачешной, и кухней, и спальней; гдѣ родильницы лежатъ рядомъ съ здоровыми и больными посторонними людьми; гдѣ взрослыя дочери спятъ бокъ-о-бокъ съ жильцами и гдѣ маленькія дѣти съ ранняго возраста изучаютъ всѣ подробности разврата.

Теперь обращено вниманіе на жилища выставочныхъ рабочихъ. Надо, говоритъ газета, идти далѣе. Необходимо изучить вопросъ о жилищахъ для рабочихъ вообще, отъ котораго зависитъ такая ужасающая смертность. Необходимо выяснить, насколько велика скученность населенія въ дешевыхъ квартирахъ, и выработать мѣры къ уменьшенію ея и къ улучшенію санитарныхъ условій.

Въ какихъ яркихъ фактахъ проявляется наше безучастіе къ бѣдѣ, горю и страданіямъ окружающаго насъ населенія, свидѣтельствомъ тому можетъ служить дѣло, недавно разсмотрѣнное особымъ присутствіемъ петербургской судебной палаты въ Псковѣ. Въ Рѣжицкомъ уѣздѣ Витебской губерніи, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, урядникъ, при помощи четверыхъ сотскихъ и своего домохозяина, богатаго крестьянина, систематически употреблялъ пытки при допросахъ, держалъ населеніе въ паническомъ страхѣ; знала это мѣстная администрація, не могло не знать этого мѣстное общество, и никому не было дѣла до этого въ теченіе 15 лѣтъ. Не будь процесса, подобный фактъ казался бы невѣроятнымъ. Да и самый процессъ возникъ благодаря лишь случайности. Поводомъ къ нему послужило то обстоятельство, что въ одной изъ деревень, которыми въ полицейскомъ отношеніи правилъ удостоивавшійся массы благодарностей своего начальства за свою дѣятельность заслуженный урядникъ Адамовъ, въ току былъ найденъ повѣшаннымъ одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ-латышей, Иванъ Брокъ, все тѣло котораго было покрыто полосами и синевой, а на головѣ имѣлась большая рана. Были произведены дознаніе и медицинское вскрытіе трупа, давшія въ результатѣ слѣдующее удостовѣреніе: смерть Брока послѣдовала отъ самоповѣшенія; многочисленныя полосы и синева на его тѣлѣ должны быть признаны трупными пятнами, а рана на головѣ про-

изошла отъ удара о дерево при самоповѣшеніи. Все это признано и подписано не только производившимъ дознаніе становымъ приставомъ, но и мѣстнымъ уѣзднымъ врачомъ Елизаровымъ. Ну, и само собою разумѣется, что этимъ бы дѣло и кончилось, если бы вскорѣ послѣ этого дознанія до витебскаго прокурора не дошли слухи совсѣмъ другого рода. Слухи эти гласили, что крестьянинъ Брокъ не повѣсился, а былъ повѣшенъ, правда, уже мертвымъ, и что самая смерть его послѣдовала отъ истязаній, которымъ онъ былъ подвергнутъ мѣстнымъ полицейскимъ урядникомъ Адамовымъ и другими полицейскими чинами. Возникло новое дознаніе, на этотъ разъ порученное уже самому рѣжицкому исправнику. Но... это дознаніе дало тѣ же результаты. Прокурорскій надзоръ произвелъ новое дознаніе черезъ жандармскаго офицера, который долго встрѣчалъ всякія помѣхи къ открытію истины со стороны мѣстной полиціи. Наконецъ, дѣло было выяснено во всѣхъ его ужасныхъ подробностяхъ. Было обнаружено, что заслуженный урядникъ Адамовъ, при помощи четверыхъ сотскихъ и своего домохозяина, богатаго крестьянина Гроза, въ теченіе пятнадцати лѣтъ систематически употреблялъ пытки при допросахъ по уголовнымъ дѣламъ. Порядокъ допросовъ у него былъ слѣдующій: заподозрѣннаго связывали по рукамъ и ногамъ, прикручивали къ столбу у арестантскаго помѣщенія и затѣмъ начинался самый допросъ при помощи плетей и нагаекъ. Плетью допрашивалъ самъ урядникъ, а сотскіе тутъ же допрашивали нагайками. И такіе допросы продолжались по цѣлымъ днямъ. Самымъ страшнымъ допросчикомъ былъ богатый крестьянинъ Грозъ, извѣстный всему мѣстному населенію подъ именемъ инквизитора. Этотъ ближайшій и вѣрнѣйшій другъ Адамова инквизиторствовалъ просто изъ любви къ искусству. Между прочимъ, онъ изобрѣлъ какую-то особенную желѣзную палку, которою буквально изувѣчивалъ допрашиваемыхъ. И наводили всѣ эти «власти» паническій страхъ на все мѣстное населеніе. А Адамовъ, по его собственнымъ словамъ, получалъ за такую свою «энергію» отъ начальства только «благодарности».

По дѣлу о мнимомъ самоубійствѣ крестьянина Брока было обнаружено слѣдующее. 20 іюня 1893 года у одного изъ обывателей участка Адамова пропалъ кусокъ холста, стоющій 3 руб. Адамовъ заподозрилъ въ кражѣ двѣнадцатилѣтняго пастушонка, который и подвергся обычному «допросу» у столба. И плеть, и нагайка цѣлыхъ два часа гуляли по несчастному, чередуясь со словами, которыми требовалось указаніе, гдѣ и у кого холстъ находится. Придя въ полное изнеможеніе, мальчикъ Богдановъ, по собственному сознанію, назвалъ первую пришедшую ему на память фамилію «Брокъ». Хотя оговоръ этотъ былъ явно неправдоподобенъ, такъ какъ крестьянинъ Брокъ проживалъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, послѣдній, тѣмъ не менѣе, былъ доставленъ къ уряднику и въ продолженіе трехъ дней подвергнутъ «допросу». Въ первый день допросъ былъ порученъ тремъ сотскимъ, которые, связавъ Брока такъ, что онъ не могъ двигаться, въ продолженіе часа то приподнимали, то бросали его о полъ, требуя сознанія.

Брокъ не «сознавался». Тогда на другой день допросъ сопровождался уже тяжкими побоями и угрозами «выбить у него весь мозгъ». Брокъ опять-таки не сознался. Тогда на третій день за него принялся уже самъ урядникъ. И загуляли по немъ плеть урядника съ одной стороны и нагайка сотскаго съ другой. И продолжался этотъ допросъ въ теченіе двухъ часовъ, причемъ для того, чтобы заглушить крики Брока, урядникъ заткнулъ ему ротъ... каблукомъ своего сапога. Но Брокъ и тутъ не сознался. Тогда его развязали и совершенно истерзаннаго и измученнаго бросили. А такъ какъ онъ отъ слабости уже и подняться не могъ, то онъ только ползкомъ могъ добраться до дому. Но напрасно онъ и доползъ. Въ тотъ же день онъ былъ опять взятъ для допроса, но на этотъ разъ уже къ самому инквизитору Грозу. Тутъ, при помощи знаменитой палки инквизитора, онъ уже былъ на смерть «допрошенъ», а затѣмъ, уже мертвый, съ цѣлью объясненія этой смерти самоубійствомъ, и повѣшенъ.

На судебномъ слѣдствіи многочисленные свидѣтели вполнѣ опредѣленно подтвердили указанныя данныя. *Биржевыя Вѣдомости,* изъ которыхъ мы заимствовали отчетъ о судебномъ засѣданіи, сопровождаютъ отчетъ этотъ слѣдующими, совершенно справедливыми словами. На скамьѣ подсудимыхъ находились: урядникъ Адамовъ, его сподвижники сотскіе и инквизиторъ Грозъ. Больше никого не судили. Всѣ, конечно, обвинены и куда слѣдуетъ приговорены... Но легко ли отъ всего этого опомниться? Вѣдь, еслибъ не было такого неопровержимаго свидѣтельства, какъ судебный отчетъ, если бы все это не было подтверждено цѣлою массой свидѣтельскихъ показаній, развѣ можно было бы хотя на одну минуту всему этому повѣрить? Въ центрѣ имперіи, тамъ, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ дѣйствуютъ Судебные Уставы 20 ноября, въ послѣдней четверти девятнадцатаго столѣтія, въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ въ извѣстной мѣстности господствуетъ при полицейскихъ допросахъ *пытка,* въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ творятся надъ всякимъ заподозрѣннымъ жестокія истязанія... и это не страшный сонъ, а дѣйствительность. Подумайте только: мало того, что все это имѣло мѣсто при благосклонномъ попустительствѣ и даже «благодарностяхъ» со стороны тѣхъ, кто долженъ былъ знать и вѣдать, оно еще и послѣ пятнадцатилѣтняго господства могло только по «особому случаю» и при особенной со стороны прокурора настойчивости явиться на судъ. Все и вся на первыхъ порахъ только скрывало и прикрывало страшную правду. Даже убійство человѣка (а кто знаетъ, которое это за всю 15-ти лѣтнюю инквизиторскую дѣятельность Адамова и К°?), явное убійство—и то не могло направить кого слѣдуетъ на надлежащій путь. Вмѣсто этого мы имѣемъ: *первое* дознаніе, гдѣ уѣздный врачъ называетъ полосы отъ плетей и нагаекъ трупными пятнами, причиненную коломъ рану на головѣ — случайнымъ ударомъ о дерево, а смерть отъ трехдневныхъ истязаній — самоповѣшаніемъ... Затѣмъ, *второе* дознаніе, дающее тѣ же результаты. Далѣе, *третье* дознаніе, черезъ лицо другого вѣдомства, встрѣчаетъ со стороны полиціи только препятствія и препятствія... Что все это

такое? Да гдѣ же законъ все это время находился? Куда дѣвалась вся та сѣть статей, которая существуетъ на предметъ огражденія, предупрежденія и пресѣченія? Все населеніе знаетъ «инквизитора», всѣ пребываютъ передъ злодѣями въ паническомъ страхѣ, и никому нѣтъ дѣла до этого въ теченіе 15-ти лѣтъ. И на скамьѣ подсудимыхъ только урядникъ и сотскіе!...

Этотъ судебный процессъ напомнилъ намъ однохарактерное съ нимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣло, въ которомъ, въ качествѣ обвиняемыхъ, фигурировали года два назадъ уральскій полицеймейстеръ Саратовцевъ и его супруга. Какъ и въ Рѣжицкомъ уѣздѣ, такъ и въ городѣ Уральскѣ, совершались продолжительное время возмутительныя злоупотребленія власти, общество знало объ этомъ, супруга полицеймейстера забирала въ лучшихъ магазинахъ города, никогда не платя денегъ, содержала почти открыто публичный домъ, и только послѣ многолѣтней дѣятельности такого рода полицеймейстеръ и его жена попали подъ судъ. Въ обоихъ процессахъ проявилась одинаковая подавленность общества, одинаковая непривычка и неумѣлость его давать отпоръ злоупотребленіямъ администраціи. Наши общественные порядки не могли воспитать въ обывателяхъ сознанія, что они могутъ во всѣхъ случаяхъ защищать свои права и настоять на обезпеченіи ихъ. Обыватель не только не увѣренъ, что ему удастся настоять на пресѣченіи злоупотребленій администраціи, а еще побаивается, какъ бы изъ его домогательствъ не вышло для него какихъ-либо непріятныхъ послѣдствій. Можетъ быть, обыватель и ошибается; весьма вѣроятно, что онъ нерѣдко успѣетъ достигнуть защиты права, если будетъ дѣйствовать энергично; но нельзя не признать, что пассивное отношеніе къ нарушенію правъ воспитано въ немъ всею исторіей нашей общественности.

Большую услугу государству могла бы оказать въ этомъ отношеніи провинціальная печать. Но извѣстно, въ какія тѣсныя рамки поставлена ея дѣятельность. До сихъ поръ въ провинціи не существуетъ ни одного органа, освобожденнаго отъ предварительной цензуры. Попытки провинціальной прессы къ серьезному контролю надъ вліяніями мѣстной жизни встрѣчаются обыкновенно непріязненно. Мѣстная администрація, за рѣдкими исключеніями, относится къ прессѣ какъ къ непріятному, безпокойному элементу, обнаруживающему, что въ управляемомъ ею районѣ далеко не все «обстоитъ благополучно». Вѣдь, тотъ же самый корреспондентъ, который описываетъ то или другое злоупотребленіе власти уже послѣ того, какъ *свершился судъ,* могъ написать корреспонденцію *до суда,* часто за многіе годы до него, и эта корреспонденція, обративъ вниманіе кого слѣдуетъ на совершающіяся злоупотребленія, пресѣкла бы ихъ въ зародышѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что подобныя корреспонденціи рѣдко встрѣчаются *до суда* не только въ провинціальной, но даже и въ столичной прессѣ. Редакціи боятся ихъ печатать изъ страха извѣстной 1039 статьи, а также изъ страха воздѣйствій, неопредѣляемыхъ, да и не могущихъ быть опредѣленными никакими статьями. Извѣстны случаи, когда по частнымъ жалобамъ на газетныя статьи, появлявшіяся даже въ *подцензурной* газе-

тѣ, редакторы получали «строгое внушеніе» отъ мѣстной власти, а авторы статей должны были мѣнять мѣсто жительства. Больше простора провинціальной печати, больше возможности для нея проявить свои силы для честнаго служенія своей родинѣ,—и дѣятельность мѣстной администраціи получитъ болѣе правильное и болѣе законное направленіе.

Недостаточность контроля надъ мѣстною администраціей сопровождается еще чрезвычайно малой образованностью ея агентовъ, затрудняющей имъ правильное пониманіе своихъ обязанностей. Вотъ, напримѣръ, данныя о количествѣ людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, занимавшихъ мѣста въ различныхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ въ Могилевской губерніи въ 1895 году. Названныя данныя могутъ быть приняты за общую норму, такъ какъ Могилевская губернія не обладаетъ такими отличительными чертами, которыя выдѣляли бы ее изъ ряда другихъ губерній. Памятная книжка Могилевской губерніи за 1895 годъ (изданіе могилевскаго статистическаго комитета) даетъ процентное отношеніе лицъ, получившихъ высшее образованіе, къ лицамъ, не получившимъ таковаго, въ незначительной цифрѣ 12%. Если къ этимъ 12% прибавить лицъ съ среднимъ образованіемъ, то и тогда общее число ихъ едва ли достигаетъ 32%, остальные же 68% состоятъ изъ недоучекъ. Ниже всѣхъ вѣдомствъ въ отношеніи образованія стоитъ городская и уѣздная полиція, въ средѣ которой лицъ съ высшимъ образованіемъ нѣтъ ни одного, съ среднимъ образованіемъ 7%, остальные 93% въ большинствѣ недоучки, изрѣдка окончившіе начальныя училища. Даже такія отвѣтственныя должности, какъ исправникъ, не возвышаются надъ общимъ уровнемъ. Изъ всѣхъ исправниковъ Могилевской губерніи только 5% получили среднее образованіе и 27% окончили уѣздное училище. Данныя эти показываютъ, что, несмотря на извѣстный циркуляръ министерства финансовъ, предписывающій высшія должности по этому вѣдомству замѣщать людьми съ высшимъ образованіемъ, несмотря на то, что нѣкоторыя отрасли общественной дѣятельности по самому существу своему замѣщаются людьми съ высшимъ образованіемъ, наприм., судебная и медицинская части, все-таки цѣлыя отрасли продолжаютъ функціонировать при помощи людей, не получившихъ никакого образованія.

Такой чрезвычайно низкій уровень агентовъ провинціальной администраціи является однимъ изъ важныхъ поводовъ въ рядѣ обстоятельствъ, заставляющихъ произвести реформу мѣстнаго управленія. Въ основаніе такой реформы должно быть положено учрежденіе безсословной волости. Этимъ самымъ установится органическая связь земскихъ учрежденій съ органами сельскаго и волостного управленія, исчезнетъ вредное вмѣшательство во всѣ крестьянскія дѣла полиціи, улучшится волостная юстиція и получатъ правильное развитіе тѣ начала сельскаго самоуправленія, которыя возвѣщены великою реформой 19 февраля.

Результаты тридцатилѣтней дѣятельности земскихъ учрежденій на-лицо для всѣхъ, и теперь уже нельзя спорить противъ плодотворности и для

нашего отечества принципа самоуправленія. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, въ организаціи медицинской помощи населенію, въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній, въ организаціи общественнаго призрѣнія, въ выясненіи передъ правительствомъ основныхъ нуждъ мѣстнаго населенія—во всемъ этомъ земскія губерніи оставили далеко позади себя губерніи неземскія, гдѣ названныя сферы общественной жизни орудуются при посредствѣ однихъ лишь чиновниковъ. И каждый разъ, когда въ земскихъ губерніяхъ нарушался принципъ самоуправленія тѣмъ, что члены земской управы не выбирались, а назначались, происходило немедленно ухудшеніе въ ходѣ общественныхъ дѣлъ. За послѣднее время такое ограниченіе земскаго самоуправленія примѣнено къ Тверской губерніи, гдѣ члены губернской земской управы не выбраны, а назначены. Дѣятельность новой управы не только ничѣмъ не напоминаетъ энергичной и образцовой работы прежней управы, но, кромѣ того, полна еще неурядицъ. Корреспондентъ *Орловскаго Вѣстника* пишетъ изъ Твери, что всѣ дѣла въ мѣстномъ земствѣ пришли въ печальное состояніе. «Постановленія прошлогодняго земскаго собранія до сихъ поръ не приведены въ исполненіе. Санитарный и экономическій совѣты, статистическая и продовольственная коммиссіи не собирались ни разу. Еще на прошлогоднемъ губернскомъ собраніи было обращено вниманіе на затрудительное положеніе, вслѣдствіе недородовъ, западныхъ уѣздовъ губерніи. Собраніе поручило управѣ произвести изслѣдованіе и созвать въ случаѣ надобности экстренное собраніе. Между тѣмъ таковое собраніе не было, а многочисленныя просьбы о ссудахъ на обсѣмененіе яровыхъ полей оставлены были управою безъ удовлетворенія. У многихъ крестьянъ яровое поле осталось, благодаря этому, незасѣяннымъ или же было сдано за безцѣнокъ. Между тѣмъ въ текущемъ году тѣ же уѣзды постигъ новый полный неурожай. Изъ одного только Ржевскаго уѣзда поступило приговоровъ о ссудахъ на обсѣменіе озимого болѣе чѣмъ на 120,000 р. Уѣздная управа уменьшила эту ссуду до 60 т., а губернская постановила выдать только 30 т. рублей. Командированный въ пострадавшіе уѣзды завѣдующій экономическимъ отдѣломъ донесъ, что для однихъ только наиболѣе пострадавшихъ селеній, которыя посѣщены имъ, необходима ссуда на сѣмена не менѣе, какъ въ 30 т. р. Между тѣмъ губернская управа, несмотря на это донесеніе своего агента, въ силу какихъ-то разсчетовъ рѣшила уменьшить первоначально назначенную ссуду до 15 т. р. и только послѣ усиленныхъ настояній уѣздной управы прибавила еще 4 т. р. Еще хуже дѣло обстоитъ въ Осташковскомъ уѣздѣ. На этотъ уѣздъ губернскою управой была назначена сумма, также много меньшая потребной, но и та не была роздана населенію вслѣдствіе будто бы распространившихся среди него слуховъ о томъ, что деньги будутъ выданы безвозвратно. Между тѣмъ въ указанныхъ уѣздахъ не только многія поля остались незасѣянными, но и само населеніе, по общимъ отзывамъ, терпитъ ужасную нужду. Привезенные сюда образчики хлѣба, которымъ питается населеніе, живо напомнили тверякамъ тѣ образчики, которые въ

1891 году присылались изъ голодавшихъ губерній. Изъ уѣздовъ поступаютъ то и дѣло слезныя письма о помощи. Въ мѣстномъ обществѣ много толкуютъ о земскихъ неурядицахъ и даже поговариваютъ о необходимости предать управу суду за бездѣйствіе власти.

Неумѣлая дѣятельность новой управы отразилась и на Бурашевской психіатрической колоніи. Многолѣтней и усердною дѣятельностью прежняго земства было создано образцовое въ Россіи психіатрическое заведеніе, имѣвшее почетную извѣстность и за границей, а теперь въ этомъ заведеніи совершаются злодѣйства, потребовавшія вмѣшательства судебной власти. Горячую, непосредственно изъ сердца вылившуюся статью нашли мы по этому поводу въ *Нижегородскомъ Листкѣ*: «Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ,—говоритъ газета,—тверское земство вручило доктору М. П. Литвинову завѣдываніе бурашевскою колоніей для душевно-больныхъ. Съ этого момента въ исторіи призрѣнія умалишенныхъ началась новая эра гуманнаго съ ними обращенія. Отдавшись всею душой своему дѣлу, докторъ Литвиновъ вскорѣ создалъ прекрасную больницу. Больные жили безъ цѣпей, кандаловъ, встрѣчали самое хорошее человѣческое отношеніе къ себѣ, работали на себя и для продажи, не стѣснялись въ своихъ занятіяхъ, читали, пѣли, играли на музыкальныхъ инструментахъ, устраивали даже спектакли. Дѣло пошло превосходно, и колонія стала привлекать молодыхъ врачей, ѣздившихъ учиться къ д-ру Литвинову. Заслуги послѣдняго были признаны и тверскимъ губернскимъ земствомъ, и авторитетами медицинской науки. Колонія развивалась и крѣпла и, несомнѣнно, достигла бы еще большаго разцвѣта, если бы не приключилось нѣкоторое видоизмѣненіе въ составѣ тверской губернской управы, которая съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности проявила себя самымъ враждебнымъ образомъ по отношенію ко всему, что сдѣлано было предшествующей работой земства. Бурашевская колонія была дитятей тверского земства, и взоры предсѣдателя управы, кстати сказать,—земскаго начальника, обратились на эту больницу немедленно по принятіи имъ въ свои руки правленія. Началась система «подсиживанія». Управа открыто стала заявлять свое недовѣріе къ д-ру Литвинову и вести съ нимъ глухую борьбу. Въ лицѣ доктора управа видѣла своего врага—представителя чуждыхъ ей земскихъ тенденцій. Такого человѣка управѣ надо было устранить, такъ какъ онъ совершенно не удовлетворялъ ея вкусамъ. Система «подсиживанія» увѣнчалась, конечно, успѣхомъ, такъ какъ управа не стѣснялась въ выборѣ средствъ и шла на проломъ. Дѣло дошло до того, что управа, вопреки установившемуся обычаю совѣщаться со старшимъ врачомъ по хозяйственнымъ вопросамъ, не предупредивъ г. Литвинова, уволила смотрителя больницы, назначивъ на его мѣсто новое лицо, которое уже занимало эту должность и было уволено по требованію того же г. Литвинова. М. И. Литвинову не оставалось никакого выхода, кромѣ отставки. Управа съ радостью приняла прошеніе г. Литвинова и предложила одному изъ его ординаторовъ вступить въ отправленіе его обязанностей. Но всѣ ординаторы

(В. М. Бяшковъ, Р. Н. Ваповскiй, П. И. Тукалло и М. П. Глинка) заявили управѣ, что они не желаютъ не «только участвовать, но и присутствовать при разрушенiи того, на что потрачено такъ много труда, что, наконецъ, служитъ во многихъ отношенiяхъ образцомъ, — и подали также прошенiе объ отставкѣ и поставили тверскую управу въ необходимость искать себѣ людей, болѣе подходящихъ къ ея направленiю.

Общее сочувствiе встрѣтило рѣшенiе д-ра Литвинова и его товарищей. Профессора, университетскiя клиники, общества психiатровъ и нейропатологовъ поспѣшили выразить имъ свое сочувствiе; то же сдѣлалъ и тверской губернскiй предводитель дворянства Н. П. Оленинъ; нравственную поддержку врачамъ оказала и печать, кромѣ, разумѣется, *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей*. Управа долго искала по Руси психiатра, который согласился бы взять на себя завѣдыванiе Бурашевскою колонiей: всѣ болѣе или менѣе извѣстные врачи отклоняли эти предложенiя. По отношенiю къ д-ру Штейнбергу, завѣдующему саратовской больницей душевно-больныхъ, тверская управа употребляла всѣ средства, чтобы склонить его на принятiе своего предложенiя. Г. Штейнбергъ, не зная на первыхъ порахъ причинъ ухода д-ра Литвинова, еще не оглашенныхъ въ печати, согласился-было прiѣхать въ Тверь. Но когда въ прессѣ были разоблачены некрасивыя дѣйствiя управы, онъ категорически отклонилъ ея предложенiе. Предсѣдатель тверской управы немедленно отправился въ Саратовъ, чтобы путемъ личныхъ переговоровъ склонить г. Штейнберга на свою сторону; однако, и личныя разъясненiя не помогли дѣлу, и г. Штейнбергъ во второй разъ рѣшительно отказался отъ должности директора Бурашевской колонiи. Когда были опрошены всѣ болѣе или менѣе извѣстные врачи, тверская управа обратилась къ другому разряду медиковъ, и нашла, кажется, въ Орлѣ нѣкiй медицинскiй раритетъ,— согласившiйся ѣхать въ Тверь. И вотъ мы теперь присутствуемъ при заключительной картинѣ этого эпизода. Варяги прiѣхали въ чуждое имъ учрежденiе и начали хозяйничать. Не прошло и 4 мѣсяцевъ со дня ухода д-ра Литвинова, какъ въ Бурашевской колонiи стали примѣняться немыслимые до сихъ поръ обычаи Чеховской «палаты номеръ шестой». Чтобы оправдать эти обычаи, теперешнiе бурашевскiе врачи придумали даже теорiю хрупкихъ костей, которыя привели къ «самоизлому» реберъ и грудной кости. 15 реберъ «сломались» сами собою, не выдержавъ давленiя новыхъ бурашевскихъ порядковъ,—и ни врачи, ни служители, ни фельдшера не могутъ объяснить, когда именно эти поломы костей произошли. И эти «новые» люди молчали, молчали до тѣхъ поръ, пока не вмѣшался въ дѣло прокурорскiй надзоръ. Недурное будущее ждетъ Бурашевскую колонiю—плодъ долгихъ и честныхъ трудовъ».

Да, образцовое еще недавно Бурашевское психiатрическое заведенiе можетъ рушиться. Въ послѣдней сессiи новоторжскаго земскаго собранiя происходили дебаты по поводу Бурашевской колонiи, на которую новоторжское земство съ своей стороны ежегодно ассигнуетъ 20,000 рублей. При-

нимая во вниманіе «порядки», царящіе нынѣ въ Бурашевѣ, собраніе избрало въ концѣ-концовъ особую компетентную коммиссію для наблюденія за содержаніемъ психически-больныхъ Новоторжскаго уѣзда и постановило въ крайнемъ случаѣ перевести послѣднихъ, вмѣстѣ съ спеціальнымъ бюджетомъ, въ лѣчебницу новгородскаго губернскаго земства.

Таковы результаты дѣятельности бывшихъ земскихъ начальниковъ, нынѣ составляющихъ тверскую губернскую земскую управу!

Другимъ весьма важнымъ обстоятельствомъ, искажающимъ принципъ земскаго самоуправленія, является участіе въ земскихъ собраніяхъ земскихъ начальниковъ. Отовсюду получаются извѣстія, что волостные старшины и крестьяне, выбранные гласными, находятся подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ и подаютъ голоса сообразно указаніямъ своихъ начальниковъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ многочисленныхъ сообщеній этого рода, напечатанное въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. На очередномъ уѣздномъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ Сенгилеѣ (Симбирской губ.), еще разъ пришлось убѣдиться въ томъ вредѣ, который наносится земскому дѣлу участіемъ въ собраніяхъ земскихъ начальниковъ. Надо полагать, что законодатель не имѣлъ въ виду, что большинство гласныхъ отъ крестьянъ будутъ избираться изъ волостныхъ старшинъ и, слѣдовательно, начальники и прямые ихъ подчиненные должны участвовать вмѣстѣ въ разрѣшеніи земскихъ дѣлъ, а потому въ такомъ собраніи невозможно ожидать самостоятельнаго мнѣнія отъ гласнаго изъ волостныхъ старшинъ, если его голосъ долженъ быть поданъ открыто. Не говорю уже о томъ, что каждому гласному непріятно принимать участіе въ собраніи, когда при баллотировкѣ даже незначительныхъ вопросовъ, открытою подачею голосовъ, т.-е. вставаніемъ и сидѣньемъ, какъ это обыкновенно принято въ земствахъ, гласные волостные старшины всегда сидятъ, или встаютъ, смотря потому, встали или нѣтъ ихъ начальники. Для наглядности приведу слѣдующій случай, бывшій на томъ же собраніи. Управа докладываетъ собранію, что земскіе начальники просятъ разрѣшить имъ безплатно пользоваться земскими пунктовыми лошадьми; иными словами—просятъ, чтобы земство платило ямщикамъ за ихъ разъѣзды. Немедленно раздались голоса: «разрѣшить, разрѣшить». Зная, что при открытой баллотировкѣ вопросъ будетъ разрѣшенъ утвердительно, одинъ изъ гласныхъ заявилъ собранію, что земскіе начальники получаютъ отъ казны на разъѣзды 600 руб. въ годъ, а потому проѣзды на земскій счетъ были бы равносильны прибавкѣ прямо деньгами къ ихъ содержанію, или жалованью, а такъ какъ этотъ вопросъ чисто-денежный, то подлежитъ закрытой баллотировкѣ. Заявленіе было принято, и дѣло измѣнилось немедленно. Вмѣсто ожидаемаго согласія собранія на даровые проѣзды земскихъ начальниковъ, значительнымъ большинствомъ въ проѣздахъ на земскій счетъ имъ отказано. Хорошо, что такъ случилось, но сколько же вопросовъ изъ года въ годъ разрѣшаются вопреки справедливости и свободѣ голоса? Обычный ходъ дѣла таковъ,

что при голосованіи вопроса встаютъ или сидятъ земскіе начальники, а за ними затѣмъ слѣдуютъ старшины, и вопросъ рѣшается утвердительно.

Въ обществѣ упорно держится слухъ, что институтъ земскихъ начальниковъ будетъ или совершенно отмѣненъ, или введенъ въ болѣе опредѣленныя и болѣе тѣсныя границы. Въ виду этого весьма кстати напечатана въ недавно вышедшемъ пятомъ томѣ *Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній* статья П. Н. Обнинскаго *Мировые судьи и ихъ преемники.* Авторъ проводитъ здѣсь поучительную параллель. Дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій, по выраженію бывшаго министра юстиціи Д. Н. Набокова, протекала «подъ стекляннымъ колпакомъ», такъ что малѣйшая неисправность ихъ бросалась въ глаза каждому. Отъ мирового института поэтому нерѣдко требовали слишкомъ многаго и спѣшили поправить то, что современемъ могло бы устраниться само собою, безъ ломки и новеллъ. Но какими ничтожными кажутся намъ,—говоритъ г. Обнинскій,—эти недочеты въ настоящее время, когда не проходитъ дня, чтобы не пришлось читать или слышать о такихъ явленіяхъ, которымъ вѣришь только потому, что они скрѣплены судебными приговорами, разсказаны лицами, въ правдивости которыхъ не возникаетъ никакого сомнѣнія, или сообщены печатью и никѣмъ и ничѣмъ не опровергнуты. Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ авторъ,—кто изъ мировыхъ судей отважился бы, напримѣръ, явившись въ нетрезвомъ видѣ на пожаръ, избить и изругать при народѣ священника съ дарами на груди? Кто изъ нихъ рѣшился бы грозить полицейскимъ городовымъ «бить морды», если не будутъ ему дѣлать подъ козырекъ? У кого бы изъ нихъ хватило духу обѣщать сельскому сходу перебить половину собравшихся на немъ сельскихъ обывателей, если они вздумаютъ обращаться съ жалобами и прошеніями? Кто изъ нихъ рѣшился бы объявлять, и также всенародно, на сельскомъ сходѣ, что «каждый, совершившій похищеніе или не уважающій родителей, будетъ имъ жестоко битъ до суда»? Кто изъ нихъ оказался бы способнымъ ударить человѣка только за то, что тотъ, не замѣтивъ его, не снялъ передъ нимъ шапки? Кому изъ нихъ могла бы придти въ голову и исполниться въ «мѣропріятіи» мысль поощрять земледѣліе путемъ уголовной репрессіи, или, наоборотъ, запрещать крестьянамъ всякія культурныя улучшенія? Кто изъ нихъ оказался бы способнымъ на цѣлую недѣлю арестовать человѣка только за то, что онъ, по обязанности сельскаго старосты, донесъ начальству объ умиравшей съ голоду деревнѣ, и кромѣ того жаловаться на священника, также заступившагося за голодающихъ своихъ прихожанъ? Кто изъ нихъ могъ бы оказаться героемъ пресловутой Лукояновской эпопеи? И т. д., и т. д., и т. д.

Да и многое другое, невозможное при мировомъ судопроизводствѣ, стало характернымъ для новаго полусудебнаго, полуадминистративнаго «опрощеннаго судоговоренія». Вспоминать о мировой юстиціи приходится теперь на каждомъ шагу. Судьба послала мировому институту «удобопонятнаго» преемника, скоро выяснившаго, какъ велика утрата. Мировой институтъ,—

говоритъ авторъ,—живымъ легъ въ свой неожиданный гробъ; но не совершенъ еще обрядъ полнаго погребенія: мѣстами институтъ живетъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Правда, этихъ оазисовъ оставлено немного, но они— не обломки разрушеннаго зданія, уцѣлѣвшіе среди общаго крушенія и сохранившіе лишь археологическій интересъ, а корни, глубоко засѣвшіе въ землѣ. Придетъ время, корни эти разрастутся, и по-прежнему зазеленѣетъ яркая молодая поросль тамъ, гдѣ теперь среди засухи и безводія гуляетъ на просторѣ вѣтеръ «личнаго усмотрѣнія» и распоряжается «властная рука».

Измѣнилъ отношеніе къ земскимъ начальникамъ и кн. Мещерскій. Когда въ печати появлялось извѣстіе о томъ или другомъ злоупотребленіи со стороны какого-нибудь земскаго начальника, *Гражданинъ* всегда начиналъ ужасаться, какъ можно опубликованіемъ подобныхъ фактовъ «дискредитировать власть». Въ послѣднихъ же нумерахъ своей газеты кн. Мещерскій призналъ, что прямая обязанность печати — какъ можно громче «кричать про недостойныхъ земскихъ начальниковъ». Издатель *Гражданина* выражалъ сожалѣніе, что губернаторы, неправильно смотря на дѣло, прикрываютъ злоупотребленія земскихъ начальниковъ, оставляютъ ихъ безнаказанными. Эти разсужденія вызваны были фактами, которые узналъ кн. Мещерскій. «Я узналъ о трехъ вопіющихъ случаяхъ въ практикѣ земскихъ начальниковъ въ одной губерніи. Если они вѣрны, то ясно, что если я могъ о нихъ узнать, то навѣрное подробнѣе и точнѣе меня о нихъ узналъ губернаторъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ трехъ земскихъ начальниковъ не устраненъ отъ должности. Эти случаи слѣдующіе: одинъ земскій начальникъ взялъ подъ честное слово 400 рублей у одной сельской учительницы, то-есть все ея достояніе, и два года ей не платилъ; на первое требованіе денегъ онъ сказалъ, что ей ничего не долженъ, а когда просительница подала жалобу уѣздному предводителю дворянства, то онъ будто бы сказалъ предводителю, что дѣйствительно ей долженъ, но не потому, что занялъ эти деньги, а потому, что она была его любовницей. Второй случай былъ въ томъ же родѣ. Земскій начальникъ (состоятельный мѣстный помѣщикъ) пріѣхалъ послѣ смерти одного помѣщика къ его вдовѣ и потребовалъ отъ нея, чтобъ она продала ему пару лошадей, оцѣненныхъ вдовою въ 600 рублей,—за 200 р., говоря: помните, что я вашъ земскій начальникъ, — и выпудилъ вдову ему этихъ лошадей продать. Наконецъ, третій случай довольно характеренъ: земскій начальникъ заставилъ цѣлую волость выстроить ему на *ея счетъ* дачу на берегу рѣки»...

Въ заключеніе нашего очерка познакомимъ читателей съ поведеніемъ нижегородскаго городского головы, барона Дельвига, и съ удивительными наставленіями народнымъ учителямъ директора народныхъ училищъ Тульской губерніи, г. Яблочкова.

Въ газетахъ, издающихся въ Нижнемъ-Новгородѣ, о баронѣ Дельвигѣ писать правду нельзя, а потому объ его дѣятельности въ думѣ мы узнаемъ изъ другихъ газетъ. Вотъ, между прочимъ, что напечатано о ней въ *Волж-*

скомъ Вѣстникѣ. Въ нижегородской думѣ практикуется довольно оригинальный методъ проводить предложенія. Какъ только докладъ прочитанъ, такъ поднимается городской голова баронъ Дельвигъ и говоритъ:

— Господа, примите этотъ докладъ, примите безъ споровъ и разсужденій, потому что это желательно Николаю Михайловичу Баранову. Всѣмъ намъ извѣстно, какъ онъ много дѣлаетъ для нашего города, и потому *любезность за любезность*. Вслѣдъ за барономъ обыкновенно встаетъ гласный Я. Е. Башкировъ и тоже говоритъ нѣсколько словъ все на ту же тему—*любезность за любезность*. Вопросъ, такимъ образомъ поставленный, сходитъ съ нормальной почвы думскаго обсужденія; гласные стѣсняются высказываться по существу дѣла, такъ какъ всякое возраженіе получаетъ характеръ какъ бы личной непріязни, и въ это-то время городской голова обыкновенно заявляетъ:

— Итакъ, господа, вы позволите мнѣ считать этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ разрѣшеннымъ?...

Гласные молчатъ, а секретарь пишетъ!...

Всякій разъ, какъ я бываю свидѣтелемъ такихъ думскихъ порядковъ,—говоритъ корреспондентъ,—мнѣ хочется идти къ Николаю Михайловичу Баранову и сказать ему, что дѣлаютъ его именемъ его чрезмѣрно-усердные сторонники и друзья, и я увѣренъ, что Николай Михайловичъ Барановъ по этому поводу сказалъ бы гг. Дельвигу и Башкирову:

— Ахъ, господа, господа, развѣ я просилъ такъ сдѣлать, какъ вы дѣлаете?...

Но я, какъ газетный сотрудникъ, избѣгаю всякихъ личныхъ объясненій по общественнымъ дѣламъ. Лучше всего, если есть возможность, изложить дѣло на столбцахъ газеты, а за симъ имѣющій уши—да слушаетъ, а имѣющій глаза—да читаетъ».

Баронъ Дельвигъ—ярый противникъ гласности и врагъ печати. Корреспондентъ *Самарской Газеты* сообщаетъ, что баронъ не постѣснился пригрозить, что пожалуется на газеты, и пожалуется не въ судъ, гдѣ, кромѣ «жажды мести», надо еще имѣть доказательства своей правоты, а въ другое извѣстное барону учрежденіе, гдѣ будто бы, по самонадѣянному выраженію барона, «стóитъ сказать лишь нѣсколько словъ». Чѣмъ же разсердила барона такъ сильно мѣстная пресса? А тѣмъ, что нижегородская пресса позволила себѣ высказать нѣсколько самыхъ простыхъ и скромныхъ замѣчаній, касающихся распоряженій городской управы. Во-первыхъ, было указано, что при прокладкѣ водопроводныхъ трубъ не слѣдовало бы валить землю на троттуары. Во-вторыхъ, что при мощеніи улицъ надо оставлять хоть небольшой проѣздъ. Въ-третьихъ, что городская управа врядъ ли компетентна въ составленіи театральныхъ репертуаровъ, чѣмъ, повидимому, управѣ очень хочется заняться по случаю постройки новаго городского театра. Этого было достаточно, чтобы нижегородскій городской голова объявилъ войну газетамъ. Во-первыхъ, была прекращена выдача городскою управой всякихъ справокъ и свѣдѣній. Во-вторыхъ, баронъ Дель-

вигъ началъ угрожать, что если пресса не исправится, то онъ, баронъ, «поѣдетъ и скажетъ лишь нѣсколько словъ»... А между тѣмъ,—продолжаетъ газета,— разъясненія прессы для барона очень и очень нужны, такъ какъ въ нѣкоторыхъ даже простыхъ вопросахъ онъ никогда не можетъ разобраться. Возникъ, напримѣръ, конфликтъ между нижегородскимъ губернскимъ земствомъ и нижегородскою ярмаркой; земство утверждало, что ярмарка обязана платить свою долю въ земскій бюджетъ. Конечно, ярмарочному купечеству выгоднѣе ничего не платить, и поэтому ярмарочные уполномоченные изъ всѣхъ силъ старались оспаривать правильное требованіе земства. Вполнѣ очевидно, что когда ярмарка будетъ привлечена къ пополненію земскаго бюджета, податное бремя теперешнихъ плательщиковъ соразмѣрно облегчится, уменьшатся и платежи Н.-Новгорода, а поэтому прямая выгода Н.-Новгорода состоитъ въ томъ, чтобъ ярмарка не ускользнула отъ обложенія. Этого-то какъ будто и не понялъ баронъ Дельвигъ и въ собраніи ярмарочныхъ уполномоченныхъ выступилъ сторонникомъ освобожденія ярмарки отъ обложенія. Иными словами, городской голова фактически ратовалъ противъ интересовъ своего города, своихъ избирателей и довѣрителей и отстаивалъ выгоду ярмарочнаго купечества.

Народные учителя Тульской губерніи,— читаемъ въ *Самарской Газетѣ*,—нежданно-негаданно получили отъ своего начальства «наставленія». Наставленія эти свалились на ихъ голову въ видѣ необыкновеннаго содержанія книги, подъ названіемъ *Русская школа. Наставленія директора народныхъ училищъ Тульской губерніи.* Чтобы судить о содержаніи книги, достаточно привести изъ нея нѣсколько выдержекъ. «Учитель не долженъ носить длинныхъ волосъ. Длинные волосы мужчинѣ не приличествуютъ, безобразятъ его. Въ ношеніи длинныхъ волосъ мужчиною выражается и неряшливость, и претензія на мнимое щегольство, и какое-то самодовольство. Лицо человѣка съ обстриженною, гладко причесанною головой становится мужественнымъ, серьезнымъ. Учительницы должны зачесывать волосы просто, не завивать и не подрѣзать ихъ съ напускомъ на лобъ».—«Для вступленія въ бракъ учителю необходимо полученіе разрѣшенія на то начальства, т.-е. директора, который можетъ, принимая во вниманіе средства къ жизни желающаго вступить въ бракъ, а также насколько невѣста подходяща для него по своему положенію и образованію, или разрѣшить ему вступить въ бракъ, или запретить». — «Священнику учитель долженъ цѣловать руку, посѣщать его, пользуясь его бесѣдами и наставленіями, но не докучая ему; въ праздникъ приходить съ поздравленіями, оказывать ему услуги». Въ книгѣ предусмотрѣны правила и домашняго обихода. Такъ, напримѣръ, держа въ рукахъ книгу, «отнюдь не мочить пальцевъ слюнями при перелистываніи, ибо неприлично высовывать языкъ и проводить по немъ пальцами. Для перелистыванія слѣдуетъ осторожно поднимать сухими пальцами верхній край листовъ». Въ книгѣ много подобныхъ наставленій.

И. Иванюковъ.

Картинки современныхъ нравовъ.

I.

Представьте себѣ большую, утонувшую въ пескахъ деревню въ нѣсколько улицъ,—конечно, не мощенныхъ и безъ тротуаровъ, но за то кое-гдѣ обсаженныхъ деревьями,—съ рядомъ маленькихъ убогихъ бѣлыхъ хатокъ, среди которыхъ попадаются болѣе или менѣе приличные домики съ садиками, гдѣ листва красиваго пирамидальнаго тополя, акаціи, липы и разныхъ фруктовыхъ деревьевъ пріятно ласкаетъ глазъ,—представьте, говорю, деревню съ полицейской каланчей, надъ которой вьются ласточки и стрижи, съ нѣсколькими церквами, лавками, скучившимися на одномъ изъ грязныхъ пустырей, нѣсколько дерзко именуемыхъ площадями, и единственнымъ большимъ зданіемъ казарменнаго вида на выѣздѣ, являющимся украшеніемъ всякаго захолустнаго городка, въ которомъ есть острогъ,—и вы, при нѣкоторомъ воображеніи, будете имѣть представленіе о той «дырѣ», гдѣ до шести тысячъ человѣкъ наслаждаются «идилліей» глухихъ мѣстъ.

Добрая половина ихъ—евреи, такъ какъ городокъ находится въ чертѣ ихъ осѣдлости, и они могутъ тамъ ломать свои изобрѣтательныя головы надъ вопросомъ: какъ не умереть съ голоду и чѣмъ заниматься въ этомъ городкѣ, гдѣ нѣтъ ни промышленности, ни торговли, ни состоятельныхъ людей, а только обыватели и нѣсколько начальствующихъ лицъ, оберегающихъ спокойствіе и правильное поступленіе платежей.

Для меня до сихъ поръ является загадкой, какъ существуютъ эти люди, и какъ они еще не умираютъ съ голода въ своихъ, такъ называемыхъ, «чертахъ осѣдлости». По совѣсти говоря, надо еще удивляться, что при томъ положеніи затравленныхъ зайцевъ, въ которое поставило ихъ человѣконенавистничество, они ухитряются еще жить и даже не нищенствовать,—нищій еврей рѣдкость—хотя и пребывать въ нищетѣ. Они обнаруживаютъ воистину геройскую энергію и остроумную находчивость въ стремленіи заработать себѣ хоть скудный кусокъ хлѣба и, право, еще мало эксплоатируютъ невѣжество и ротозѣйство туземца, невольно побуждаемые къ такой эксплуатаціи безвыходностью своего положенія. Куда меньше нашего оте-

чественнаго «кулака», который наровитъ сразу содрать чужую шкуру, не довольствуясь малымъ, а еврей, напротивъ, довольствуется несравненно меньшимъ, и если сдираетъ шкуру, то съ большимъ умомъ и тактомъ и, главное, не сразу, а постепенно, имѣя въ виду дать ей нарости. Не даромъ мужики хохлы уживаются съ «жидомъ».

Еслибъ всѣ эти газетные юдофобы, изводящіе «жида», пожили въ какомъ-нибудь городкѣ въ чертѣ осѣдлости, они, быть можетъ, поняли бы, какъ жестока и безсмысленна эта травля евреевъ, какъ народности, и увидали бы, въ какой ужасающей нищетѣ живетъ большинство ихъ, благодаря именно ихъ подневольной скученности. Они поняли бы, что всѣ эти Ротшильды, Блейхредеры, Поляковы, Гинсбурги и тому подобные мастера гешефтовъ и милліонеры составляютъ ничтожнѣйшую кучку богачей среди многомилліонной голытьбы, которая, несмотря на прославленное, будто бы, кровопійство, все-таки, остается голытьбой.

Передъ окномъ домика, въ которомъ я жилъ, съ ранняго утра, т.-е. съ пяти часовъ въ базарные дни, часто проходила одна старая еврейка, на которую я невольно обратилъ вниманіе. Она, кажется, рыскала по городу во всякое время дня, несмотря на палящій зной, и возвращалась уже подъ вечеръ домой усталая, изнеможенная.

Эта была факторша.

Какъ и чѣмъ ухитрялась она «факторствовать» въ захолустной дырѣ, я недоумѣвалъ, пока однажды, и очень скоро послѣ моего пріѣзда, она не остановилась около палисадника и, увидавъ меня, не проговорила нѣсколько конфиденціальнымъ тономъ и съ самымъ таинственнымъ выраженіемъ на своемъ поблекшемъ, но когда-то, должно быть, красивомъ лицѣ:

— А знаете ли, что я вамъ осмѣлюсь сказать, превосходительный панъ, или, извините, може, графъ или князь?—прибавила она въ видѣ вопроса, который, по ея мнѣнію, могъ только расположить меня въ ея пользу.

— А что вы скажете?

— Вы любите, конечно, дикую птицу... Напримѣръ, если бекасъ или дикая утка?

— Очень люблю.

Факторша закивала быстро головой.

— То-то я и подумала: нехай я буду дура, если панъ не любитъ дикой птицы. Всѣ благородные паны любятъ дикую птицу, и вы въ Петербургѣ привыкли кушать все самое лучшее... А здѣсь какіе же паны?... Пхе!

И факторша сдѣлала изъ своей подвижной физіономіи такую гримасу презрѣнія къ тамошнимъ панамъ, точно она сама всю жизнь свою только и имѣла сношенія съ одними титулованными особами.

И послѣ этого, подмигнувъ глазомъ, прибавила:

— Такъ я могу доставить вамъ дикую птицу.

— Развѣ она есть на базарѣ? Кухарка ходила и говорила, что никакой дичи тамъ нѣтъ.

— Ваша Акцына не набрехала пану... На базарѣ нѣтъ, а я достану... Я приведу вамъ человѣка съ дикой птицей.

— А что вы возьмете за коммиссію?—спросилъ я.

— Что дадите.

— Однако.

— По пятаку отъ птицы не будетъ много?

И въ испуганномъ выраженіи ея большихъ усталыхъ глазъ и въ тонѣ ея голоса чувствовался страхъ, что она запросила много, и она тотчасъ же, еще не услыхавъ моего отвѣта, поспѣшила сказать:

— Если панъ думаетъ, что это дорого, такъ я и за три копѣйки услужу пану. Далеко до человѣка бѣжать! — прибавила она въ видѣ извиненія.

Черезъ нѣсколько времени она привела человѣка, и я купилъ у него дичь.

Съ тѣхъ поръ факторша не переставала оказывать разныя услуги: доставала откуда-то первую ягоду и первые фрукты, пока они еще не появлялись на базарѣ, и брала за коммиссію самую ничтожную плату.

Она бѣгала, такимъ образомъ, съ ранняго утра до вечера; покупала на базарѣ, по порученію лѣнивыхъ хозяекъ, разную провизію, доставляла прислугу, находила прачекъ и т. п.

Я познакомился ближе съ ея положеніемъ и оказалось, что это въ нѣкоторомъ родѣ героическая женщина. Она послѣ смерти мужа осталась одна съ большой семьей на рукахъ и содержала всю семью. Факторствомъ своимъ, бѣгая каждый день до изнеможенія, она зарабатывала много - много двадцать копѣекъ въ день и на эти деньги должна была одѣть, обуть и накормить пять человѣкъ дѣтей. Я былъ у нея на квартирѣ и видѣлъ, въ какой нищетѣ живетъ ея семья. Факторша не врала. Она была единственной кормилицей, и чего это ей стоило!

Но она рѣдко жаловалась и проявляла изумительную энергію.

Разумѣется, всѣ ремесленники въ городѣ были евреи; они же и возили кладь съ парохода въ городъ и рѣдкихъ пассажировъ на своихъ телѣгахъ, единственномъ экипажѣ въ захолустномъ городкѣ. Но это были, такъ сказать, избранники. Чѣмъ существовали остальные,—повторяю, для меня загадка, какъ, полагаю, и для тѣхъ, кто кричитъ:

— Ату жида! Ату его!

II.

Съ высоты голубого безоблачнаго неба высоко поднявшееся, уже палящее солнце безстрастно смотритъ на маленькій городокъ. Послѣ восьми часовъ, когда окончился базаръ и скотъ давно уже выгнанъ на пастьбу, городъ словно вымеръ. Съ десяти часовъ, когда чиновники уже сидятъ въ мѣстахъ своего заключенія, на улицахъ ни души. Только на опустѣлой базарной площади дремлютъ двѣ-три торговки-еврейки съ булками и съ сѣмечками, вотще ожидая запоздавшаго покупателя. Проѣдетъ по глубокому

песку телѣга, около которой ходко шагаетъ меланхолическій хохолъ, — и опять мертвая тишина, прерываемая, по временамъ, говоромъ или смѣхомъ, вырывающимся изъ открытыхъ оконъ разныхъ учрежденій и словно бы напоминающимъ, что предержащія власти не дремлютъ, а бдятъ, исписывая вороха бумаги, едва ли къ чему-либо нужной, по крайней мѣрѣ, въ такомъ громадномъ количествѣ для такого ничтожнаго городка и для такого мирнаго уѣзда. Впрочемъ, онъ богатъ легендами о тѣхъ временахъ,—отдаленныхъ, конечно,—когда губернское начальство объявляло уѣздъ мятежнымъ, вело долгую войну съ земствомъ и для усмиренія смирнѣйшихъ хохловъ перепороло цѣлыхъ двѣ деревни. Память объ этой поркѣ хранится до сихъ поръ населеніемъ, и одинъ старый хохолъ-мужикъ, привозившій намъ дрова и въ свое время потерпѣвшій, на мой вопросъ о томъ, правда ли, что всю ихъ деревню перепороли, лаконически замѣтилъ, что «дюже пороли».

— А за что?—полюбопытствовалъ я.

— А Богъ его знае! — съ самымъ искреннимъ добродушіемъ отвѣтилъ хохолъ.

О нѣкоторыхъ легендахъ, этихъ неизмѣнныхъ дополненій къ сухимъ оффиціальнымъ рапортамъ, хранящимся въ архивахъ или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и къ устнымъ преданіямъ,—легендамъ, которыя разсказываются во всѣхъ захолустьяхъ со всѣми подробностями будто бы истинныхъ происшествій, — я разскажу въ свое время, а пока еще нѣсколько словъ о городкѣ, гдѣ все дышетъ идилліей въ самомъ отечественномъ вкусѣ.

Если вы не встрѣтите на улицѣ людей, за то свиней—сколько угодно. Это больше всего встрѣчающіяся на улицахъ живыя существа. Онѣ гуляютъ, бесѣдуютъ между собой, пользуются безмятежнымъ сномъ посреди улицъ и вообще, кажется, однѣ изъ всего числа обитателей живутъ кое-какою общественною жизнью.

Довольно благодушныя на видъ, онѣ, тѣмъ не менѣе, обнаруживаютъ иногда довольно подлыя черты своего характера и, пользуясь людскою небрежностью, производятъ въ стогнахъ захолустій тѣ же опустошенія, что и тигры въ индѣйскихъ.

По крайней мѣрѣ, одна женщина-врачъ разсказывала мнѣ, что въ одномъ изъ такихъ же благословенныхъ городковъ, какъ нашъ, свинья заѣла ребенка, лежавшаго въ люлькѣ, и что было нѣсколько подобныхъ случаевъ.

Свиньи, поѣдающія дѣтей! Это ли еще не идиллія?

Тѣмъ не менѣе, въ первое время мнѣ было, все-таки, послѣ Петербурга пріятно захолустье. И воздухъ чудный, и виды прелестные, и эта тишина вокругъ, и никакихъ волнующихъ разговоровъ. Да и не съ кѣмъ ихъ вести, потому что никто особенно не интересуется ни ими, ни толками о петербургскихъ вѣяніяхъ, интересуясь гораздо болѣе вѣяніями губернскаго города и даже пищевареніемъ исправника и земскаго начальника и питая свою умственную любознательность, главнымъ образомъ, чтеніемъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Милъ былъ мнѣ и этотъ, кажется, единственный на весь городъ почталіонъ, опаздывающій разносить почту, которая и безъ того безбожно опаздывала, вслѣдствіе какихъ-то непонятныхъ для простого смертнаго распоряженій губернскаго почтоваго начальства, благодаря коимъ почта, прибывала сперва въ губернскій городъ и уже на лошадяхъ развозилась по городамъ. Такимъ образомъ, человѣку возможно было доѣхать изъ Петербурга до нашего городка въ двое сутокъ съ половиной, а письмо путешествовало трое или четверо, а денежное даже и девять сутокъ. Почему человѣкъ путешествуетъ скорѣе письма, подите спросите у почтоваго начальства? Вѣрнѣе всего, что оно и само не знаетъ почему, и такъ какъ никто изъ захолустныхъ обитателей не жалуется на медленность доставки корреспонденціи, то и начальство не безпокоитъ себя рѣшеніемъ вышеприведенной загадки.

Надо было видѣть добродушное изумленіе почталіона, когда я выказывалъ нетерпѣніе и жаловался на позднее полученіе газетъ. Но онъ былъ добродушенъ и милъ, какъ рѣдко бываютъ люди, носящіе форму, и, конечно, и не догадывался, сколь важенъ онъ былъ въ моихъ глазахъ. Онъ тотчасъ же согласился, даже безъ обѣщанія мзды, приносить газеты и корреспонденцію пораньше, выражая увѣренность, основанную, разумѣется, на опытѣ, въ томъ, что для другихъ безразлично, когда принесутъ газету.

Пріятенъ былъ взору моему и представитель низшей полицейской власти въ «мѣстахъ идилліи», этотъ чумазый, невзрачный городовой, изрѣдка откуда-то вдругъ появлявшійся на улицѣ и нисколько не похожій на представительныхъ, щеголеватыхъ и внушительныхъ петербургскихъ городовыхъ. Я видѣлъ городового въ единственномъ экземплярѣ и неизвѣстно зачѣмъ появлявшагося на пустынныхъ улицахъ. Казалось, онъ и самъ недоумѣвалъ, сплевывая шелуху, что ему дѣлать среди полнаго благочинія и мертвящей тишины и полнаго отсутствія человѣческаго лица, которое можно было, хотя бы въ видахъ развлеченія, искровянить и затѣмъ отвести въ участокъ для составленія протокола объ оскорбленіи полицейскаго чина при исполненіи имъ обязанностей.

Но городовой захолустья и не ищетъ даже глазами, кого бы «тащить», и видя, что все вокругъ благополучно, такъ же быстро куда-то исчезаетъ, какъ и появляется.

Но за то высшія полицейскія власти уже не тѣ, что были встарину... Нѣтъ прежней патріархальности во вкусѣ гоголевскаго городничаго, но нѣтъ, впрочемъ, и того архаровскаго вида, которымъ любятъ щеголять исправники въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ начальники особенно любятъ мнѣнія газеты *Гражданинъ*.

Исправникъ въ моей «дырѣ», какъ говоритъ обыватель, «ничего себѣ», человѣкъ, съ которымъ жить можно и который даже и изъ еврея не сдѣлалъ оброчной статьи, а ужъ что, казалось бы, легче и какъ это удобно, про то знаютъ не одни только исправники въ чертѣ еврейской осѣдлости, но и болѣе видные чины, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреямъ жить нельзя. Онъ имѣетъ довольно добродушный видъ, однако не лишенный нѣ-

котораго намека на то, что если начальство предпишетъ, то онъ, несмотря на свой добродушный видъ, очень даже быстро можетъ показать, гдѣ квартируетъ «Кузькина мать» и даже сѣсть на коня для усмиренія неимущихъ недоимщиковъ.

Но пока начальство молчитъ, и отъ него до нѣкоторой степени дышетъ идилліей.

За то хозяйка наша далеко не идиллическая дама и словно бы является диссонансомъ среди общей гармоніи, хотя съ ея тонкихъ, нѣжно улыбающихся губъ только и слетаютъ самыя ласкательныя существительныя и прилагательныя. Тѣмъ не менѣе, разныя «сердыньки», «миленькія», «голубушки», «ненаглядныя» и «восхитительныя», которыя хозяйка произноситъ такимъ сладкимъ и убѣдительнымъ голосомъ, какимъ только говорятъ шельмоватые слѣдователи, обѣщая за полное признаніе попавшагося въ его руки рай въ небесахъ и умалчивая объ арестантскихъ ротахъ па землѣ,—всѣ эти, говорю, ласкательныя и уменьшительныя нисколько не оставятъ васъ въ заблужденіи, уже послѣ первыхъ двухъ дней обмѣна любезностей, съ кѣмъ вы имѣете дѣло.

Нечего и говорить, что вмѣсто шести комнатъ обѣщанныхъ, мы получили четыре и за пятую приплатили, вмѣсто обѣщанной посуды пришлось покупать свою и т. п.

За то и Карпô, и Акцына, и Марья, и старикъ Кирилло, жившій въ сараѣ изъ милости, до нѣкоторой степени олицетворяли собою идиллію глухихъ мѣстъ.

Особенно были хороши и маленькій, пригожій двадцатилѣтній Карпô, умный, лукавый и плутоватый подъ видомъ простодушія, и замѣчательно хорошенькая Акцына, восемнадцатилѣтняя дѣвушка съ изящной, точно выточенной фигуркой, стройная, граціозная, съ маленькими красивыми и грязными руками и такими же прелестными и столь же грязными босыми ногами.

И, притомъ, какое выраженіе глазъ, нѣжное и ангельское, и что за голосъ! Пѣвучій такой, вкрадчивый, ласковый.

Но и сколько лукавства и лживости оказалось у этихъ милыхъ молодыхъ хохловъ при болѣе близкомъ знакомствѣ, и какое воистину идиллическое невѣжество.

Разумѣется, слишкомъ легкомысленно по нѣсколькимъ образчикамъ судить обо всѣхъ, но встрѣчавшіеся мнѣ хохлы при ближайшемъ знакомствѣ съ ними въ захолустномъ городкѣ поражали своею косностью. Они, правда, культурнѣе великороссовъ: нравы у нихъ мягче, отношеніе къ женщинѣ лучше, но за то по развитію, такъ сказать, по умственности, куда ниже великороссовъ.

Грамотныхъ я очень мало встрѣчалъ, а весь кругозоръ ихъ недалекъ отъ кругозора дикихъ.

По крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ знакомыхъ мнѣ хохловъ не зналъ, что есть кромѣ Россіи какія-нибудь другія страны и народы. Французы, англичане, нѣмцы были для нихъ невѣдомыми словами.

Несмотря на дешевизну поросятъ, утокъ и цыплятъ и на обиліе всякой зелени, ѣли мы, конечно, отвратительно, такъ какъ наша красавица Акцына не умѣла готовить, рѣшительно не внимала совѣтамъ и вдобавокъ была лѣнива и грязна.

Но приходилось терпѣть. Ея поклонникъ Карпô былъ опытный дипломатъ и никого не пускалъ къ намъ въ кухарки.

III.

Чудный вечеръ юга, съ бархатистымъ куполомъ неба, съ котораго ласково мигаютъ звѣзды и томно смотритъ луна, заливая серебристымъ своимъ свѣтомъ и бѣлыя хатки, и тополи и густую листву садовъ. Что-то дѣйствительно чарующее, волшебное, напоминающее *Ночь на Днѣпрѣ* Куинджи.

Въ эти часы улицы нашего городка оживляются. Разодѣтыя барышни и барыни съ молодыми кавалерами гуляютъ, направляясь къ пароходной пристани. А болѣе солидная интеллигенція ожесточенно дуется въ карты въ общественномъ собраніи.

Въ этотъ чудный вечеръ у насъ въ саду сидитъ гость, туземецъ, и тихимъ, мягкимъ голосомъ, словно бы боясь потревожить тишину этого волшебнаго вечера, какъ Баянъ, разсказываетъ разныя исторіи, которыя казались бы невѣроятными сказками, еслибъ ихъ слушалъ иностранецъ; онѣ показались бы нѣсколько сказочными даже и для соотечественника, еслибъ ихъ не разсказывалъ почтенный старикъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, и еслибъ въ этихъ исторіяхъ не звучали тѣ же знакомые мотивы сказочнаго характера, которыми вообще отличаются наши воспоминанія.

Старый чиновникъ, всю свою жизнь трусившій всего, чего только можетъ трусить человѣкъ, имѣющій жену и нѣсколько человѣкъ дѣтей и благополучно дотрепетавшій до чина надворнаго совѣтника и до отставки съ мундиромъ и пенсіономъ, разсказывалъ о тѣхъ временахъ, когда, по удачному выраженію одного изъ нашихъ извѣстныхъ журналистовъ, «русское самосознаніе окончательно созрѣло и русскіе поняли, что они первый народъ въ мірѣ».

Онъ разсказывалъ и объ усобицахъ въ этомъ уѣздѣ при начальникѣ, который издалъ руководство, «какъ усмирять быстро бунты, не прибѣгая къ огнестрѣльному оружію», и о томъ, какъ, бывало, взыскивались недоимки, и о томъ, какъ издано было постановленіе мѣстнаго начальства «неношеніи пейсовъ», и о томъ, какъ сіе постановленіе было прибыточно для болѣе или менѣе находчивыхъ людей, но интереснѣе всего былъ разсказъ его о томъ, какъ однажды его напугалъ одинъ исправникъ въ пьяномъ видѣ, да такъ напугалъ, что бѣда.

— Это было не въ этихъ палестинахъ, а въ другихъ, недалеко отсюда. И былъ тогда у насъ, изволите знать, очень буйственный, если можно такъ выразиться, человѣкъ — исправникъ и самаго что ни на есть опрометчиваго характера, — говорилъ низенькимъ своимъ теноркомъ отстав-

ной чиновникъ. Слетѣлъ онъ въ нашъ городокъ внезапно, словно коршунъ. Кто онъ, откуда онъ—никто не зналъ; знали только, что изъ Петербурга, и слухи ходили, будто онъ былъ изъ юнкеровъ, безо всякаго образованія, что битъ былъ за шулерство, и подъ билліардами лазилъ, и въ пьяномъ видѣ за рубль всякую гадость пилъ, словомъ испыталъ всякія превратности судьбы, но за то былъ человѣкъ самаго рѣшительнаго характера. А въ тѣ далекія времена, изволите знать, рѣшительность была въ большой модѣ, и рѣшительный человѣкъ могъ даже сдѣлать хорошую карьеру. Только не бойся сената. Сенатъ—сенатомъ, а тамъ послѣ разберутъ-съ!—засмѣялся разсказчикъ и даже, какъ мнѣ показалось, не безъ нѣкотораго ехидства по адресу правительствующаго сената.—Хорошо-съ. Свалился онъ къ намъ и закурилъ, что называется... Сейчасъ же это всѣхъ становыхъ созвалъ и объявилъ, что всякая власть отъ Бога и должна быть сильная, и такъ какъ онъ тоже власть, то, слѣдовательно, и онъ въ нѣкоторомъ родѣ повелитель, а потому, говоритъ, прошу помнить и принять къ руководству. И мужлановъ, говоритъ, оповѣстите, что я человѣкъ рѣшительный. И дѣйствительно, въ нетрезвомъ видѣ онъ отдавалъ самыя рѣшительныя приказанія. А выпить онъ любилъ и послѣ завтрака находился всегда въ приподнятомъ настроеніи. Панику онъ навелъ на городъ, изволите знать, значительную, особенно на евреевъ, да и другіе его побаивались. Признаюсь, и я боялся.

— А вы то за что?

— Вообще... Мало ли что могъ выдумать такой человѣкъ по тѣмъ временамъ?... Однако, знакомство водилъ... такъ, визитами мѣнялись. Хорошо-съ. Однажды были его именины. Нельзя было не пойти. Пошелъ, поздравилъ, а у него пиръ горой... весь городъ собрался, и самъ онъ уже этакъ на второмъ взводѣ. Ну, разумѣется, пришлось остаться на цѣлый день,—не отпускалъ. Всѣ, признаться, перепились, а хозяинъ ужъ совсѣмъ пьяный. Со всѣми цѣлуется и всѣмъ говоритъ, что онъ человѣкъ рѣшительный и крамолы не потерпитъ. И вотъ въ этотъ-то моментъ обращается ко мнѣ и, смѣясь, говоритъ: «А ты, говоритъ, акцизный, либералъ, и меня, кажется, не очень-то одобряешь». Я туда, сюда, отшучиваюсь, а онъ все больше на меня напираетъ. «Либералъ да либералъ!» И вдругъ какъ выпалитъ: «А знаешь, говоритъ, что я съ тобою, Петръ Иванычъ, могу сдѣлать?» — «Не за что, отвѣчаю. — «Найдемъ!» говоритъ. И вдругъ какъ крикнетъ громовымъ голосомъ: «Эй Ивановъ!» Пришелъ городовой. Онъ къ нему: «Слышалъ ты, говоритъ, какъ акцизный надзиратель позволялъ себѣ неодобрительно отзываться о предержащихъ властяхъ?» —Точно такъ, вашескобродіе!—гаркнулъ въ отвѣтъ солдатъ. Всѣ хохочутъ, смѣется и исправникъ и велитъ позвать другого городового. Пришелъ. Онъ опять спрашиваетъ: «Ѳедоровъ! Показывай по чистой совѣсти, слышалъ ты, какъ акцизный надзиратель говорилъ о потрясеніи основъ?»

— Точно такъ... Слышалъ, вашескобродіе!—гаркнулъ въ отвѣтъ и другой городовой.

— Опять всѣ хохочутъ, а у меня, признаться, и весь хмѣль прошелъ.. А онъ, исправникъ-то, кричитъ: «Ну, что говоритъ, не бойсь испугался... Понялъ теперь, что я могу съ тобой сдѣлать?... Тамъ послѣ доказывай свою невинность, а мѣста-то лишишься!...» И опять заливается хохотомъ... Гогочетъ... И всѣ гогочутъ... А я себѣ думаю: какъ бы мнѣ скорѣе уйти... Струсилъ, очень даже струсилъ... Изволите знать: шутка, положимъ, а кто его знаетъ?... Слишкомъ ужъ человѣкъ-то онъ рѣшительный былъ... И успокоился я только тогда, когда онъ цѣловаться полѣзъ и сказалъ, что очень меня любитъ, хотя я и либералъ. Послѣ этого мы съ нимъ на «ты» вышли... Однако я очень его боялся.

— Да, вѣдь, онъ шутилъ. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, вамъ серьезно напакостить?

— Вы думаете? И какъ еще могъ... Вскорѣ послѣ того онъ одну учительницу просто-таки погубилъ!...—проговорилъ старикъ.—Такъ-таки и погубилъ!... Понравилась она ему, изволите знать, онъ и начни за ней ухаживать... Но такъ какъ ничего изъ этого не вышло, и она его обругала, то онъ въ злости и продѣлалъ съ ней штуку вродѣ какъ со мной... Только съ ней уже не въ шутку... Да-съ... Вотъ какіе иногда бываютъ рѣшительные люди въ глухихъ мѣстахъ.

— И долго былъ у васъ этотъ негодяй?—спросилъ я.

— Года три, можно сказать, свирѣпствовалъ... Наконецъ его убрали. Ужъ очень онъ много смѣлости показывалъ... Да-съ. Какъ поживешь въ глухихъ мѣстахъ, такъ чего-чего не насмотришься... Вамъ вотъ, пріѣзжему, все здѣсь кажется идилліей въ нѣкоторомъ родѣ, а пожили бы вы здѣсь,— такъ увидали бы, какова эта идиллія!—заключилъ старикъ.

А ночь была прелестная и, казалось, вовсе не соотвѣтствовала такимъ воспоминаніямъ.

Въ концѣ августа мы уѣхали изъ нашей «дыры», далеко не удовлетворенные тою «идилліей», которую такъ настойчиво искали въ глухихъ мѣстахъ.

Да и гдѣ найдешь ее по нынѣшнимъ временамъ!

IV.

Давнымъ-давно извѣстно, что русскій человѣкъ, не достигшій еще генеральскаго чина, существо весьма робкое, особенно въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ есть всегда городовые, и въ разныхъ учрежденіяхъ, гдѣ сидятъ люди въ формѣ.

Подобную робость вы можете видѣть и на почтѣ, и въ государственномъ банкѣ, и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и въ разныхъ канцеляріяхъ. Каждый хорошо знаетъ, что какой-нибудь банковскій, почтовый или иной чиновникъ, при желаніи, можетъ измотать ваши нервы въ конецъ, продержавъ васъ долгія томительныя минуты въ ожиданіи справки или придравшись къ неясно написанной будто бы телеграммѣ или просто къ

кляксѣ на заказномъ письмѣ. Я не преувеличиваю. Такой случай былъ и недавно въ одномъ почтовомъ петербургскомъ отдѣленіи,—я не назову, конечно, какомъ, чтобы не вызвать непріятностей на голову не по разуму усердной и довольно безтолковой дамы-чиновницы. Вѣроятно ее образумятъ и безъ меня. Она дѣйствительно не приняла у одной скромной дамы заказного письма въ виду того, что на немъ была клякса, и дама покорно исполнила желаніе почтовой чиновницы, выйдя переписывать адресъ. А клякса-то была маленькая и не мѣшала разобрать адреса, но чиновница была большая... прихотница, выражаясь деликатно, и привыкла въ публикѣ видѣть въ нѣкоторомъ родѣ своихъ подначальныхъ.

И сама публика считаетъ себя вродѣ крѣпостныхъ того самаго агента, съ которымъ въ данную минуту имѣетъ дѣло и который можетъ ее огорчить или обрадовать, глядя по состоянію его пищеваренія или тѣсноты сапога при мозоляхъ,—и глядитъ на агента умоляющими глазами: дескать, отпусти, Христа ради, скорѣй,—и невыразимо счастлива, если ее не обругаютъ, а вѣжливо спросятъ: «что угодно?» — если не заставятъ томиться въ ожиданіи справки или если скоро исполнятъ то дѣло, ради котораго къ чиновнику пришли.

Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ, давно установившихся, отношеній, всякій протестъ или даже просто голосъ, не имѣющій въ себѣ ничего просительнаго, огорошиваетъ чиновника и заставляетъ его думать, что вы по меньшей мѣрѣ генералъ. И чѣмъ внушительнѣе вы говорите, да если притомъ не особенно стѣсняясь въ выраженіяхъ, тѣмъ болѣе мелкій правительственный агентъ приметъ васъ за генерала да еще важнаго и можетъ самъ изъ «генерала» преобразиться въ мелюзгу.

Подобный пріемъ употребилъ одинъ случайный нашъ спутникъ изъ Кіева, когда въ Курскѣ, гдѣ была пересадка, не оказалось въ вагонѣ второго класса мѣстъ. Тамъ шла драка, буквально драка, между носильщиками изъ-за мѣстъ, и попытка проникнуть туда и занять мѣста могла грозить большими непріятностями. Когда же драка окончилась, всѣ мѣста были заняты, и наша семья, состоящая изъ пяти душъ, вмѣстѣ съ спутникомъ и грудой багажа, представляла собою ошалѣлыхъ пассажировъ, внезапно очутившихся на необитаемомъ островѣ.

Никакія просьбы, обращенныя къ оберъ-кондуктору, не помогали. Онъ пожималъ плечами, обѣщалъ устроить и исчезалъ.

А между тѣмъ ужъ пробилъ второй звонокъ.

— Подождите... Я устрою. У насъ будутъ отличныя мѣста! — вдругъ воскликнулъ спутникъ, внезапно озаренный какою-то мыслью.

И вслѣдъ за этими словами крикнулъ во всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ:

— Гдѣ начальникъ станціи? Послать сюда начальника станціи!

Этотъ внушительный окрикъ произвелъ свое дѣйствіе. Не прошло и минуты, какъ подошелъ начальникъ станціи, и нашъ спутникъ, — кстати сказать, плотный господинъ среднихъ лѣтъ и съ такимъ брюшкомъ, что

по наружности его можно было принять даже за важнаго генерала, — съ мѣста въ карьеръ обрушился на него и притомъ въ самомъ дѣлѣ сталъ кричать, какъ настоящій генералъ:

— Это чортъ знаетъ что у васъ дѣлается... безобразіе-съ!... Мѣстъ нѣтъ, и никто не желаетъ насъ посадить. Полюбуйтесь... Насъ шесть человѣкъ... Не угодно ли насъ немедленно посадить, а не то я немедленно буду телеграфировать князю Хилкову... Это, наконецъ, невозможно!

Начальникъ станціи засуетился и самъ сталъ обходить вагоны. Оказалось, что и въ I классѣ все было полно.

— Что же, будутъ мѣста?—не унимался нашъ спутникъ.

— Вы видите сами, что ихъ нѣтъ.

— Прикажите прицѣпить вагонъ! Кто у васъ управляющій дорогой?... Я о немъ сообщу князю Хилкову при свиданіи.

— Сейчасъ прицѣпятъ вагонъ, не извольте безпокоиться! — почти докладывалъ начальникъ станціи, приложивъ руку къ козырьку.

— Ну, то-то. Благодарю васъ. Вы избавили меня отъ непріятности жаловаться министру... Лишній вагонъ необходимъ!... Давно слѣдовало бы его прицѣпить!

— Я полагалъ, что будутъ мѣста.

— Вы полагали, а между тѣмъ... Имѣю честь кланяться!... Пойдемте, господа!

И нашъ спутникъ, позвавъ насъ, милостиво протянулъ руку начальнику станціи, который почтительно пожалъ ее, вѣроятно и до сихъ поръ думая, что жалъ руку какого - нибудь вліятельнаго петербургскаго чиновника, а не скромнаго помощника бухгалтера въ какомъ-то частномъ управленіи, какимъ въ дѣйствительности былъ находчивый нашъ спутникъ.

Когда мы сидѣли въ пустомъ почти вагонѣ, я спросилъ:

— Вы дѣйствительно знакомы съ министромъ?

— Такъ же, какъ и съ абиссинскимъ негусомъ!—разсмѣялся спутникъ.

— Однако, вы хорошо разыграли генерала.

— Я всегда прибѣгаю къ такимъ пріемамъ. Иначе, вѣдь, у насъ ничего не добьешься... Только и слушаютъ тѣхъ, кто прикрикнетъ. Такая ужъ россійская привычка!... Недавно вотъ тоже ѣхалъ я на Кавказѣ и тоже добился мѣста для одного семейства... Тоже накричалъ, да еще какъ! А когда спросили мою фамилію, я назвался графомъ Монте-Кристо! — смѣялся самозванецъ.

— И что же?

— Понятно что... внушилъ къ своей особѣ большое почтеніе. Кондуктора сіятельствомъ называли.

Спасибо «графу Монте-Кристо», — мы ночью выспались и доѣхали до Москвы превосходно, пользуясь особеннымъ покровительствомъ оберъ-кондуктора, который нѣсколько разъ освѣдомлялся: хорошо ли намъ?

О, еслибъ онъ зналъ, кто такой этотъ «графъ Монте-Кристо!»

V.

Благодаря В. Г. Короленко и двумъ провинціальнымъ журналистамъ (гг. Баранову и Суходѣеву), публика могла познакомиться съ судебнымъ разбирательствомъ по обвиненію нѣсколькихъ вотяковъ с. Мултанова (Вятской губ.) въ убійствѣ человѣка съ цѣлью жертвоприношенія. Засѣданіе отдѣленія вятскаго окружнаго суда происходило въ г. Елабугѣ, и, вѣроятно, то, что происходило на судѣ, оставалось бы неизвѣстнымъ, если бы гг. Короленко, Барановъ и Суходѣевъ не отправились нарочно въ городъ Елабугу для присутствованія въ судѣ и втроемъ не составили судебнаго отчета, который затѣмъ напечатанъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*.

Дѣло это слушалось во второй разъ, такъ какъ первый приговоръ былъ кассированъ сенатомъ и представляетъ собой дѣйствительно нѣчто ужасающее, и не потому только, что въ концѣ девятнадцатаго вѣка въ Россіи могло явиться обвиненіе въ такомъ изувѣрствѣ, но, главнымъ образомъ, потому, что въ концѣ девятнадцатаго вѣка могутъ практиковаться пріемы инквизиціи при производствахъ дознанія и гласный милостивый судъ можетъ въ лицѣ нѣкоторыхъ его представителей обратиться во-истину въ Шемякинъ судъ, какъ читатель убѣдится ниже.

Прочитавъ весь отчетъ, я вынесъ изъ него убѣжденіе, что люди, которыхъ обвинили, невинны во взведенномъ на нихъ преступленіи, но, тѣмъ не менѣе, я никакъ не могу раздѣлить мнѣніе г. Короленко, что на рубежѣ XX вѣка такіе ужасающіе факты изувѣрства невозможны, что рядомъ съ христіанскимъ храмомъ (убійство было совершено рядомъ съ храмомъ) не совершаются уже человѣческія жертвоприношенія.

Къ сожалѣнію, въ Россіи это возможно, благодаря намъ же самимъ, т.-е. благодаря тому, что до сихъ поръ большинство русскаго народа находится въ глубочайшей тьмѣ невѣжества и въ полунищенскомъ состояніи, хотя порой объ его экономическомъ благосостояніи и провозглашаютъ люди, забывшіе недавній еще голодъ, казалось бы, ничего не имѣющій общаго съ экономическимъ благосостояніемъ. Къ сожалѣнію, говорю, факты русской жизни не позволяютъ стать на нѣсколько сантиментальную точку зрѣнія невозможности въ нашемъ отечествѣ чего-либо самаго, казалось бы, невѣроятнаго и не въ одной только сферѣ невѣжества и изувѣрства. Еще совсѣмъ недавно, въ Москвѣ, у самой часовни, гдѣ находится чудотворный образъ св. Пантелеймона, чуть было не совершилось человѣческаго жертвоприношенія, чуть было не убили женщину, принятую за вѣдьму. Еще недавно тоже разбиралось въ одномъ изъ окружныхъ судовъ дѣло объ убійствѣ матери сыномъ и его женой въ виду того, что мать была принята за вѣдьму, околдовавшую молодую истеричную женщину, и эта женщина заявила, что она испорчена именно свекровью. И все это было продѣлано по всѣмъ правиламъ добросовѣстно-невѣжественныхъ людей. «Вѣдьму» сперва просили снять порчу, но когда она этого не сдѣлала, ее убили. Судъ строго покаралъ виновниковъ, но уменьшится ли отъ подобныхъ приговоровъ убійство вѣдьмъ—въ этомъ позволительно сомнѣваться.

Возвращаясь къ судебному разбирательству по мултановскому дѣлу, приходится, говорю, несравненно болѣе изумляться дѣйствіямъ полицейской и судебной власти: судебнаго слѣдователя, товарища прокурора и предсѣдателя суда, чѣмъ всякому изувѣрству. Изувѣрство—дѣло невѣжества, а, вѣдь судебные чины—интеллигентные люди. Я не стану говорить, какъ грубо, беззаконно, какъ халатно велось все это дѣло, вѣроятно, потому только, что подсудимые были темные, плохо говорящіе по-русски вотяки, и съ ними можно было не церемониться, а предоставлю лучше слово г. оберъ-прокурору кассаціоннаго департамента сената А. Ѳ. Кони, который съ обычнымъ своимъ талантомъ, произнесъ, по словамъ *Юридической Газеты,* блестящую рѣчь по этому дѣлу, вслѣдствіе кассаціонной жалобы, принесенной защитникомъ.

«Главный грѣхъ производства по этому дѣлу, — говорилъ, между прочемъ, оберъ-прокуроръ,—состоитъ въ забвеніи судомъ его основной черты,—его широкаго бытового значенія,—и въ разнообразныхъ помѣхахъ, которыя ставились поэтому, его всестороннему изслѣдованію и освѣщенію. Судъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ дискреціонной власти, не можетъ избрать девизомъ своей дѣятельности: sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas, и отношенія его къ сторонамъ и ихъ ходатайствамъ не могутъ опредѣляться произволомъ или капризомъ».

Много весьма нелестныхъ указаній на многочисленные «грѣхи» суда сдѣлано въ рѣчи А. Ѳ. Кони. Оказывается, что судъ и не умѣлъ толковать «основного закона» и забылъ основной законъ, запрещающій судамъ «обманчивое непостоянство и самопроизвольныя толкованія», и дѣйствовалъ противозаконно, отказывая защитѣ и въ отсрочкѣ засѣданія, и въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей. Я не стану цитировать всѣхъ этихъ указаній, но обращу вниманіе только на слѣдующее указаніе оберъ-прокурора, которое весьма характерно для гг. судей, ведшихъ мултановское дѣло:

«Судъ,—говорилъ оберъ-прокуроръ,—удерживаетъ защитника отъ допроса свидѣтеля, станового пристава Шмелева, о его *оригинальныхъ* дѣйствіяхъ по производству вторичнаго полицейскаго дознанія, находя, что свидѣтель не обязанъ отвѣчать на вопросы, могущіе привести къ уличенію его въ преступленіяхъ по должности. Но дѣятельность пристава Шмелева по производству дознанія есть дѣятельность должностная, публичная, и квалификація ея въ качествѣ преступной или непреступной принадлежитъ не самому должностному лицу, а его начальству. Поэтому судъ не вправѣ былъ устранять вопросы о грубыхъ, жестокихъ или самоуправныхъ дѣйствіяхъ, доставившихъ канву для всего послѣдующаго производства, на томъ только основаніи, что разоблаченіе этой грубости, жестокости или самоуправства можетъ открыть составъ какого-нибудь уголовнаго дѣла».

Въ заключеніе своей рѣчи, г. оберъ-прокуроръ, по словамъ *Юридической Газеты*, не оставилъ безъ указаній и того, «что кассаціонная жалоба прибыла въ сенатъ въ сопровожденіи цѣлаго ряда «объясненій», присланныхъ какъ судомъ въ полномъ составѣ, такъ и отдѣльными членами

Между прочимъ, одинъ изъ товарищей предсѣдателя вятскаго окружного суда въ отдѣльномъ объясненіи излагаетъ свой взглядъ на дѣло, вынесенный имъ изъ разбирательства по существу,—взглядъ безусловно неблагопріятный для подсудимыхъ,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлится съ сенатомъ драгоцѣнными свѣдѣніями о томъ, что кассаціонное обжалованіе есть затѣя не обвиненныхъ, людей темныхъ, готовыхъ дескать покориться своей участи, а ихъ защитника и нѣсколькихъ «газетныхъ корреспондентовъ», и не менѣе драгоцѣнною догадкой, что если названный защитникъ и корреспонденты добьются кассаціонной отмѣны приговора, то они впослѣдствіи добьются и оправданія подсудимыхъ, вырвутъ оправдательный приговоръ и у присяжныхъ засѣдателей. Оберъ-прокуроръ счелъ своею обязанностью отмѣтить и осудить это стремленіе насильно вовлечь сенатъ въ «существо дѣла», т.-е. въ тину провинціальной сплетни, какъ не соотвѣтствующее «ни достоинству писавшаго, ни высотѣ того мѣста, куда онъ обращался».

Нечего и прибавлять, что приговоръ суда былъ отмѣненъ сенатомъ и суду объявленъ выговоръ.

Если таковыми оказались на порогѣ XX вѣка нѣкоторые представители судебной власти, если товарищъ предсѣдателя суда, гласность котораго составляетъ одно изъ необходимѣйшихъ его условій, дѣлится такими дѣйствительно «драгоцѣнными» свѣдѣніями и жалуется на газетныхъ корреспондентовъ, то мудрено ли, что полицейскія власти, производившія дознаніе, по выраженію г. оберъ-прокурора, производили «оригинальныя» дѣйствія.

Эта «оригинальность», по показаніямъ на судѣ и подсудимыхъ, и свидѣтелей даже со стороны обвиненія, заключалась въ томъ, что для вынужденія необходимыхъ показаній полицейская власть прибѣгала къ пыткамъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Мудрено ли, что на мѣстѣ ни для кого не было секретомъ, что главные свидѣтели обвиненія давали свои показанія противъ подсудимыхъ за обѣщаніе оставить безъ наказанія уголовныя дѣянія этихъ свидѣтелей. Вотяки подсудимые говорили о подвѣшиваніи ихъ на жерди для полученія сознанія. Такой случай уже раньше былъ, и виновные въ этомъ слободскіе полицейскіе осуждены.

По словамъ *Нижегородскаго Листка*, «свидѣтель Константинъ Моисеевъ давалъ свои показанія подъ кнутомъ; у свидѣтеля Михаила Титова показанія были вынуждены побоями, подвѣшиваніемъ, стрѣляніемъ изъ ружья... Становой приставъ Шмелевъ нѣкоторыхъ вотяковъ морилъ безъ питья, чтобы вынудить у нихъ нужныя ему показанія. Тотъ же г. Шмелевъ прибѣгалъ на дознаніи къ «медвѣжьей присягѣ», пользуясь суевѣріями темныхъ людей. Медвѣжье чучело для этого языческаго обряда любезно было доставлено къ услугамъ пристава мѣстнымъ земскимъ начальникомъ».

Судебному слѣдователю жаловались на пристава, но онъ приказалъ жалобщику молчать. Весь уѣздъ зналъ, по словамъ корреспондента, про эти пытки, одинъ только г. товарищъ прокурора. Раевскій, не зналъ и на судѣ

обвинялъ во что бы то ни стало, желая, вѣроятно, поддержать прежнее свое обвиненіе по тому же дѣлу, ужъ раньше кассированному сенатомъ.

Каковы полицейскіе чины и вообще составъ чиновниковъ въ Вятской губерніи видно, по словамъ мѣстныхъ корреспонденцій, изъ того, какъ трудно губернатору г. Трепову бороться съ нравами гг. полицейскихъ чиновъ. И не мудрено, что трудно бороться и, надо думать, не съ одними только полицейскими нравами, такъ какъ интеллектуальный уровень служащихъ въ Вятской губерніи очень низокъ. По словамъ вятскаго корреспондента *Новаго Времени*, вотъ какимъ персоналомъ административныхъ служащихъ обладаетъ Вятская губернія:

«Въ канцеляріи губернатора нѣтъ ни одного лица съ высшимъ образованіемъ, въ губернскомъ правленіи—одно; всѣ остальные или не доучились въ мѣстной семинаріи, или просто «домашняго воспитанія». Изъ числа одиннадцати предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ (должности V класса)—двое университетскихъ, двое бывшихъ лѣсничихъ, пять человѣкъ съ образованіемъ семинарскимъ или гимназическимъ (не всѣ даже кончили курсъ) и двое съ низшимъ образованіемъ—оба бывшіе полицейскіе чиновники. 70% земскихъ начальниковъ не получили высшаго образованія, а 25% не имѣютъ и средняго; есть земскіе начальники и безъ всякаго учебнаго диплома. Непремѣнный членъ губернскаго присутствія окончилъ курсъ уѣзднаго училища; бывшій вице-губернаторъ Д.—тоже. О полицейскихъ чиновникахъ и говорить нечего: среди нихъ на всю губернію насчитывается трое съ среднимъ образованіемъ (гимназія или семинарія), остальные не получили никакого образованія, а есть много лицъ просто выслужившихся изъ нижнихъ чиновъ—урядниковъ, почтальоновъ и т. п.».

«Вотъ и извольте управлять губерніей съ такимъ административнымъ составомъ!» —восклицаетъ корреспондентъ, забывая прибавить, каково въ свою очередь и населенію имѣть дѣло съ подобными чиновниками, одинъ изъ представителей которыхъ г. Шмелевъ, кнутомъ добывающій показанія, конечно не «уродъ въ семьѣ».

Въ концѣ-концовъ нельзя снова не повторить, что все это мултановское дѣло, подробнымъ знакомствомъ съ которымъ публика обязана главнымъ образомъ В. Г. Короленко, заставляетъ ужасаться не одному тому, что въ Россіи могутъ обвинять (справедливо или нѣтъ) въ страшномъ изувѣрствѣ, а, пожалуй, еще больше тому, что у насъ, на рубежѣ XX вѣка, возможны еще пытки, забытыя въ Европѣ со временъ среднихъ вѣковъ, что возможны еще гг. Шмелевы, отъ которыхъ, однако, зависятъ сотни тысячъ людей, и такіе гг. судьи, слѣдователи и прокуроры, какіе немыслимы были въ первую половину судебной реформы, и какіе въ такой неприглядной шемякинской наготѣ явились передъ глазами публики въ послѣднее время.

Вотъ это дѣйствительно страшное оскорбленіе русскому обществу.

VI.

Въ послѣдніе дни въ Петербургѣ только и разговоровъ, что о «тверской исторіи». Особенно много о ней говорилось среди чиновниковъ, издавна считающихъ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, по меньшей мѣрѣ, «пашами турецкими», малѣйшее осужденіе дѣйствій которыхъ, натурально, равносильно чуть ли не мятежу и, во всякомъ случаѣ, умаленію престижа власти, которая отъ Бога, а слѣдовательно...

Такой взглядъ, присущій даже самымъ маленькимъ чиновникамъ,—какъ отраженіе сверху внизъ,—разумѣется, не лишенъ нѣкоторой предусмотрительности и нѣкотораго остроумія. При помощи его можно сидѣть, какъ у Христа за пазухой, на своемъ мѣстѣ, считая себя нѣкоторымъ образомъ неприкосновеннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, управляю я, напримѣръ, чѣмъ-нибудь и дѣлаю глупости, а то просто нарушаю законы, считая, что дѣлаю необыкновенно умныя дѣла, а произволъ называю, конечно, энергичнымъ проявленіемъ власти. Когда еще высшее мое начальство, обремененное многочисленными заботами, когда еще оно узнаетъ, что я «форменный дуракъ» или не въ мѣру усердный нарушитель законовъ? Такимъ манеромъ, сижу я на своемъ мѣстѣ, каждое двадцатое число получаю себѣ жалованье, рапортую, кому слѣдуетъ, что во ввѣренномъ мнѣ учрежденіи все благополучно: недоимки взыскиваются, просвѣщеніе уничтожается или процвѣтаетъ (глядя, что по вѣянію слѣдуетъ), зловредныя плевелы искореняются по мѣрѣ силъ вполнѣ успѣшно, и обыватель благоденствуетъ. И такъ какъ газеты могутъ меня только похваливать или—если онѣ неблагонамѣренны—помалчивать, то въ концѣ-концовъ положеніе мое не только не «хуже губернаторскаго», какъ говорятъ провинціальные остряки, а, напротивъ, много даже лучше.

И вдругъ не непосредственное мое начальство, а такъ, люди со стороны, которые даже не занимаютъ такого положенія, какъ я, вдругъ сообщаютъ высшему моему начальству, что я не въ мѣру усердный... умный человѣкъ.

Согласитесь, что для меня это весьма непріятно и что я обязательно долженъ назвать такой дерзкій поступокъ... воззваніемъ къ сопротивленію властямъ.

Въ такомъ родѣ и ходятъ разговоры въ петербургскихъ чиновничьихъ кружкахъ о тверской «исторіи». Въ такомъ духѣ, разумѣется, и пишутъ въ *Гражданинѣ* и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, обвиняя тверскихъ дворянъ. По этому поводу въ одной газетѣ даже появилось разсужденіе на весьма благодарную тему о томъ, что отнынѣ слѣдуетъ опредѣлять доброкачественность человѣка не словомъ «благонамѣренный», а словомъ «вѣрноподданный», хотя, кажется, это слово и безъ совѣта газеты обязательно для каждаго жителя Россійской имперіи. «Благонамѣренность»—понятіе растяжимое, по мнѣнію автора, выступившаго со своимъ предложеніемъ, а слово, имъ предлагаемое, не даетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ.

И всѣ эти вопли *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей*, всѣ эти

новыя газетныя предложенія и шушуканья чиновника Петербурга вызваны, какъ подумаешь, самымъ обыкновеннымъ и закономъ предоставленнымъ дворянству правомъ представленія «высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи».

Этимъ правомъ, дарованнымъ Верховной властью, и воспользовалось тверское дворянство.

Поводомъ къ нему послужило то обстоятельство, что тверской губернаторъ, г. Ахлестышевъ, давалъ о большинствѣ не только дворянъ, но даже ихъ женъ и дочерей, такія «аттестаціи», благодаря которымъ эти дворяне, ихъ жены и дочери не утверждались попечителями народныхъ школъ.

Само собою разумѣется, что г. губернаторъ, дававшій съ такою расточительностью «аттестаціи», препятствующія утвержденію въ такихъ, повидимому, скромныхъ должностяхъ, какъ попечительство народныхъ школъ, часто устроенныхъ на средства этихъ же дворянъ,—былъ въ своемъ правѣ, ограждая, вѣроятно, ввѣренную ему губернію отъ дворянской «неблагонамѣренности», но, вѣдь, и тверскіе дворяне были въ не меньшемъ, если не большемъ, правѣ снять съ себя это повальное обвиненіе губернатора. Признавая, что такія аттестаціи являются однимъ изъ существенныхъ «неудобствъ въ мѣстномъ управленіи», такъ какъ такое отношеніе къ дворянамъ ставитъ ихъ въ фальшивое положеніе среди населенія губерніи, и что эти аттестаціи по отношенію ко многимъ не утвержденнымъ попечителямъ совершенно несправедливы,—дворянское собраніе и постановило довести объ этомъ до свѣдѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Вотъ и вся «исторія», и какъ видите, самая обыкновенная съ точки зрѣнія простого смертнаго и, необыкновенная для *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей,* привыкшихъ, что дворянство доводитъ до свѣдѣнія высшаго правительства только однѣ ходатайства о воспособленіяхъ и подачкахъ.

Ну, разумѣется, вранья и клеветы со стороны *Московскихъ Вѣдомостей* не оберешься. Такъ, нѣкто г. Муромецъ, далеко отстающій конечно отъ легендарнаго Ильи Муромца, напечаталъ цѣлый букетъ вранья о «скандалѣ, направленномъ противъ губернатора», какъ г. Муромецъ называетъ свой «правдивый разсказъ» о засѣданіи тверского дворянскаго собранія.

Такъ г. Муромецъ слышалъ рѣчь г. М. Петрункевича, который ни одного слова не промолвилъ въ собраніи. Такъ г. Муромецъ слышалъ, что г. Корсаковъ жаловался на губернатора, что, по его винѣ, онъ, Корсаковъ, вынужденъ былъ оставить должность управляющаго с.-петербургскою казённою палатою. А между тѣмъ г. Корсаковъ ни единымъ словомъ не упомянулъ объ этомъ. Такъ г. Муромецъ слышалъ, что г. Головачевъ говорилъ, что неутвержденіе его попечителемъ ложится позоромъ не только на него, но и на его внуковъ и правнуковъ. Между тѣмъ г. Головачевъ сказалъ совсѣмъ другое. Онъ сказалъ, что еще понимаетъ неутвержденіе

попечителемъ его, г. Головачева, но за что не утверждена его дочь? Или его вина распространяется на его потомство до седьмого колѣна?

И много еще налгалъ г. Муромецъ. И это лганье, опровергнутое однимъ изъ участниковъ въ тверскомъ дворянскомъ собраніи въ письмѣ, напечатанномъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, изъ котораго я и привелъ выше нѣсколько образчиковъ,— служитъ характернымъ доказательствомъ, къ какимъ гнуснымъ средствамъ прибѣгаютъ всѣ эти «муромцы», чтобъ окрасить извѣстнымъ цвѣтомъ «неблагонамѣренности» людей, не имѣющихъ ничего общаго съ кликой *Московскихъ Вѣдомостей* и ихъ прихвостней.

Пока г. Муромецъ не сознался въ своемъ тенденціозномъ лганьѣ. Да и можно ли этого ждать отъ этихъ случайныхъ и постоянныхъ «муромцевъ», сидящихъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ?*

Но, какъ кажется, недавно еще бывшій въ модѣ, пріемъ устрашать «цвѣтомъ неблагонамѣренности» не производитъ надлежащаго дѣйствія. Эти вопли и скрежетъ зубовный нашихъ «бѣснующихся» какъ будто подтверждаетъ такое предположеніе, и надо думать, что въ законномъ ходатайствѣ тверского дворянства не усмотрятъ ничего предосудительнаго, жалобу на губернатора сочтутъ не за нападеніе на «представителя власти», а за жалобу на такого же чиновника, какъ и всѣ другіе, и разберутъ дѣйствія этого чиновника, хорошо понимая, что если всякое подобное представленіе считать за «мятежъ», то тогда всякій становой, вродѣ г. Шмелева, будетъ считать критику его дѣйствій «умаленіемъ престижа власти», и каково тогда будетъ жить россійскимъ гражданамъ—объ этомъ не трудно догадаться.

VII.

Съ легкой руки иностранныхъ журналистовъ, интервьюрующихъ не только гг. министровъ, отъ которыхъ узнаютъ тѣ или другія мнѣнія насчетъ различныхъ политическихъ вопросовъ, но и разныхъ другихъ выдающихся лицъ, и наши репортеры въ погонѣ за «новыми путями» занялись въ послѣднее время отобраніемъ мнѣній по разнымъ вопросамъ у разныхъ лицъ.

Ну, разумѣется, къ нашимъ государственнымъ людямъ гг. репортеры не обращаются, вѣроятно за обремененіемъ ихъ занятіями и вслѣдствіе боязни привести въ изумленіе сановниковъ такою бозумною мечтой и быть любезно выпровоженными, оставшись безъ отвѣта даже и на вопросъ о современной любви.

Въ виду этого остается обращаться, такъ сказать, къ партикулярнымъ лицамъ и по вопросамъ болѣе или менѣе общезанимательнаго характера. Недавно еще обращались къ писателямъ за письменными мнѣніями о современной любви, результатомъ чего была книга, довольно впрочемъ плохая, а на-дняхъ репортеры придумали допросить женщинъ

различныхъ профессій, начиная отъ писательницъ, издательницъ, артистокъ, врачей и кончая цыганкой Д. А. Масальской.

Вопросы, предложенные репортерами, были такіе: 1) кто виноватъ въ семейныхъ раздорахъ, мужчина или женщина? 2) Существуетъ ли чистая любовь, какъ у Ромео и Юліи, и 3) какъ вы смотрите на измѣну, дружбу и ревность?

Репортеры объѣхали двадцать двухъ женщинъ и напечатали ихъ мнѣнія въ *Петербургскомъ Листкѣ*.

Надо сознаться, что почти всѣ отвѣты шаблонны и однообразны и едва ли правдивы, особенно по вопросу о ревности, такъ какъ большая часть допрошенныхъ женщинъ отвѣчала, что не понимаетъ ревности и не ревнуетъ. Одна только цыганка Д. А. Масальская добросовѣстно отвѣтила: «я бы страдала, еслибъ мужъ не ревновалъ меня». За то г-жа Гиппіусъ прямо отреклась отъ своего женскаго званія и отвѣтила репортеру, что «она не женщина и считаетъ себя выше этого сословія», вѣроятно потому считаетъ, что занимается сочинительствомъ.

Дабы меня не заподозрили въ женоненавистничествѣ, я благоразумно умолчу о женскихъ отвѣтахъ на предложенные вопросы,—до того они, выражаясь деликатно, незначительны и не мотивированы. Позволю остановиться только на отвѣтѣ женщины-врача, г-жи Волковой, и не потому, что отвѣтъ ея сколько-нибудь выдается среди другихъ отвѣтовъ оригинальностью или умомъ, а единственно потому, что онъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ плохо знакома г-жа Волкова съ элементарною этикой, обязательной для врача.

Вотъ это-то и слѣдуетъ быть отмѣчено, тѣмъ болѣе, что наше общество привыкло считать—и совершенно основательно—женщинъ-врачей понимающими свои обязанности и безупречными со стороны тонкаго пониманія врачебной этики, а «разудалость» г-жи Волковой можетъ подать поводъ къ непріятнымъ обобщеніямъ и заключить, что эта дама—не единственная въ своемъ родѣ.

Объявивъ, что она ежедневно видитъ массу женщинъ (подумаешь, какая грандіозная практика у г-жи Волковой, если только эта «масса» не есть плодъ пылкаго воображенія или реклама),—г-жа Волкова объявляетъ репортеру:

«Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что пятьдесятъ процентовъ изъ моихъ посѣтительницъ ненормальны въ психическомъ, а главное—въ нравственномъ отношеніи. Всѣ онѣ говорятъ самыя ужасныя вещи, выражаютъ такіе взгляды, что прямо удивляешься, а имъ, этимъ женщинамъ, кажется, что все, что онѣ говорятъ, нормально и естественно. Подобныя женщины, становясь женами и матерями, вносятъ въ семью свою эту безшабашность, которая такъ поражаетъ здороваго человѣка».

Затѣмъ г-жа Волкова объявила, что, по ея мнѣнію, чистая любовь—рѣдкое исключеніе и что чувство дружбы возможно. Еслибъ дружбы не было, то, по словамъ г-жи Волковой, ничего другого не оставалось бы, какъ погибнуть.

Благодарите, госпожи паціентки, г-жу Волкову за ея любезное сообщеніе о васъ г. репортеру и попросите ее сообщить вамъ, въ числѣ ли вы пятидесяти процентовъ или нѣтъ?

Ахъ, г-жа Волкова! Мало имѣть докторскій значокъ,—надо еще имѣть немного сообразительности и этическаго такта, а то, того и гляди, масса паціентокъ отъ васъ улизнетъ.

Что тогда вы скажете репортеру о «дружбѣ?»

Однако надо кончить. Хотѣлъ говорить о модномъ теперь вопросѣ—о розгѣ—но до слѣдующаго фельетона.

К. Станюковичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Покупка земель по новому уставу крестьянскаго банка. — Вліяніе этихъ оборотовъ на дворянскую земельную собственность.—Важное значеніе дворянства, какъ помѣстнаго сословія. — Выгоды, которыя доставитъ новая операція крестьянскаго банка крестьянамъ и частнымъ землевладѣльцамъ.—Всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ.—Изъ хроники народнаго образованія.

27 ноября высочайше утвержденъ новый уставъ крестьянскаго земельнаго банка. Особенный интересъ представляютъ тѣ дополняющія уставъ правила, которыми, въ видѣ опыта, на 5 лѣтъ банкъ уполномочивается покупать за свой счетъ земли и продавать ихъ крестьянамъ. По истеченіи 5 лѣтъ министру финансовъ предстоитъ болѣе полно разработать этотъ вопросъ и внести его на законодательное разрѣшеніе.

Согласно съ этими правилами, цѣнность земель, купленныхъ на имя банка и не проданныхъ имъ, не должна превышать его собственный капиталъ. Собственный капиталъ банка составляется, главнымъ образомъ, изъ отчисленной части выкупныхъ платежей; сверхъ того, банку единовременно передаются 2 милліона рублей изъ капитала на общеполезныя надобности Царства Польскаго. Къ началу этихъ операцій крестьянскаго банка въ его распоряженіи будетъ 4 милліона, а ежегодныя 2-хъ милліонныя поступленія изъ выкупныхъ платежей составятъ за 5 лѣтъ 10 милліоновъ. Изъ этой суммы будетъ первоначально затрачено около 3 милліоновъ на покрытіе убытковъ крестьянскаго банка, и для покупки имѣній останется около 11 милліоновъ собственнаго капитала. Но эта сумма можетъ увеличиться тѣмъ, что, при продажѣ банкомъ земли, часть суммы, затраченной на ея покупку, будетъ возвращаться въ собственный капиталъ банка, посредствомъ выпуска закладныхъ листовъ.

Купивъ землю за свой счетъ, банкъ продаетъ ее крестьянамъ; тѣ же части имѣнія или его принадлежности, которыми крестьяне не могутъ пользоваться, банкъ будетъ продавать другимъ лицамъ и учрежденіямъ. Если земли, купленныя банкомъ, не будутъ проданы вскорѣ послѣ покупки, то до продажи онѣ могутъ быть сданы въ аренду преимущественно крестьянамъ, на срокъ не свыше 9 лѣтъ. Соотвѣтственно съ мѣстными условіями

и желаніями, которыя заявлены покупателями, банкъ разбиваетъ купленныя имѣнія на участки; въ случаѣ надобности эти участки подготовляются для устройства на нихъ поселковъ и для увеличенія удобныхъ сельскохозяйственныхъ угодій. Покупателями такихъ земель отъ банка могутъ быть тѣ самыя категоріи крестьянъ и мѣщанъ, которыя могутъ пользоваться содѣйствіемъ банка по кредитной операціи, причемъ они могутъ и здѣсь выступать какъ цѣлыми обществами и товариществами, такъ и единолично. Установляется высшій предѣлъ количества земли, которое можетъ пріобрѣтать отдѣльный домохозяинъ: онъ не долженъ быть больше площади, которую можетъ обработать хозяинъ вмѣстѣ съ силами собственной семьи. Опредѣленіе же этого maximum'а по мѣстностямъ предоставлено соглашенію министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія. Покупная сумма, при покупкѣ земли у крестьянскаго банка, можетъ быть зачислена ссудою за покупателемъ; въ случаяхъ, особенно заслуживающихъ уваженія, ссуда можетъ достигать 90% цѣны участка и даже можетъ быть равна цѣнѣ. Сдѣлки по куплѣ и продажѣ земель крестьянскимъ банкомъ освобождены отъ крѣпостныхъ и канцелярскихъ актовыхъ пошлинъ и оплачиваются только простымъ гербовымъ сборомъ.

Съ того самаго дня, какъ этотъ законъ прошелъ общее собраніе государственнаго совѣта, онъ не перестаетъ быть предметомъ усерднаго обсужденія на страницахъ газетъ. Среди мнѣній, которыя уже были высказаны, можно отмѣтить два главныхъ направленія: 1) сочувственное и 2) неодобрительное. Большая часть органовъ печати отнеслась къ новому закону очень сочувственно, какъ къ мѣрѣ, способной расширить землевладѣніе крестьянъ. Сторонники же второго направленія выдвинули рядъ аргументовъ, которые,—думаютъ тѣ противники,—заставляютъ прійти къ заключенію, что расширеніе операцій крестьянскаго земельнаго банка будетъ одной изъ причинъ исчезновенія дворянской земельной собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дворянъ, какъ помѣстнаго элемента. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ одной московской газетѣ: «Въ самомъ дѣлѣ, ликвидація дворянской земельной собственности происходитъ хоть и не быстро, но вѣрно и непрерывно вотъ уже въ теченіе болѣе трехъ десятилѣтій. Безспорно, что процессъ этотъ идетъ путемъ весьма невыгоднымъ для дворянъ-собственниковъ: во-первыхъ, продажа имѣній замедляется вслѣдствіе отсутствія настоящихъ хорошихъ покупщиковъ, такъ какъ купцы покупаютъ землю почти исключительно со спекулятивною цѣлью, а у крестьянъ нѣтъ денегъ; во-вторыхъ, дворяне не выручаютъ за свою землю той цѣны, которую могли бы выручить, если бы кругъ покупателей не былъ столь узокъ, если бы нашелся покупатель настоящій, то-есть располагающій капиталомъ и не преслѣдующій спекулятивныхъ цѣлей. Преобразованный крестьянскій банкъ и поставляетъ себѣ эту задачу: онъ несомнѣнно явится покупателемъ безукоризненнымъ, такъ какъ не будетъ стѣсненъ капиталомъ и, конечно, не будетъ примѣнять кулаческихъ и ростовщическихъ пріемовъ къ утѣсненнымъ обстоятельствами продавцамъ. Такимъ образомъ

ликвидація дворянской земельной собственности пойдетъ уже несравненно лучшимъ путемъ... Но нѣтъ ли во всемъ этомъ дѣлѣ стороны, которая неожиданно окажется потерпѣвшею, интересы которой будутъ нарушены? Будетъ ли это хорошо для... государства?... Въ данномъ вопросѣ основнымъ пунктомъ является признаніе государственной полезности и государственнаго значенія нашего помѣстнаго дворянства. Въ теченіе пореформенной эпохи происходило много процессовъ, *разрушающихъ* исконныя основы нашей соціальной жизни. И едва ли какой изъ этихъ процессовъ могъ сравниться, по своей важности и по своимъ послѣдствіямъ для политической и соціальной жизни страны, съ процессомъ обезземеленія дворянства, и, стало быть, съ процессомъ исчезновенія нашего высшаго государственнаго сословія... Это доминирующій фактъ въ области нашего землевладѣнія, это наиболѣе крупное отрицательнае явленіе въ нашей соціальной и политической жизни... Между тѣмъ, какъ дворяне утрачиваютъ свои земли, крестьяне не только сохранили всѣ свои надѣлы, но по настоящее время увеличили ихъ на семь милліоновъ десятинъ. Нѣкоторые, хотя и незначительная часть крестьянства, получили весьма недостаточные надѣлы, но это недостатокъ частный, требующій лишь частныхъ мѣръ къ его исправленію... Въ общемъ же наше крестьянское землевладѣніе находится въ нормальномъ состояніи». Признавая далѣе выгоднымъ для многихъ дворянъ расширеніе операцій крестьянскаго банка, такъ какъ это позволитъ имъ продать земли дорого, газета прибавляетъ: «но развѣ въ этомъ главнѣйшій и важнѣйшій съ государственной точки зрѣнія результатъ предстоящей дѣятельности банка? Главнѣйшій результатъ это—ускореніе процесса обезземеленія дворянства, и передъ этимъ результатомъ, пожалуй, и выгоды отдѣльныхъ дворянъ, и исправленіе нѣкоторыхъ недостатковъ крестьянскаго землевладѣнія получаютъ характеръ второстепенныхъ частностей. Интересъ государства не въ томъ, чтобы дворяне выручили больше денегъ за земли, а въ томъ, чтобы, по возможности, они ихъ *вовсе* не продавали. Крестьянскій же банкъ едва ли можетъ способствовать удержанію дворянскихъ земель въ рукахъ ихъ исконныхъ владѣльцевъ».

Къ этимъ возраженіямъ, исходящимъ изъ сознанія опасности, что Россія можетъ утратить дворянство, какъ политически важное для государства сословіе, присоединяется и соображеніе о томъ, что сокращеніе дворянской земельной собственности послужитъ ко вреду для народнаго хозяйства. Нѣкто г. К. Головинъ (*Новое Время* 1895 г., № 7097), отмѣчая тотъ фактъ, что дворянское сельское хозяйство всегда стоитъ гораздо выше крестьянскаго, что только среди дворянъ встрѣчаются толковые сельскіе хозяева, говоритъ: «едва ли сокращеніе частныхъ хозяевъ, если оно произойдетъ въ крупныхъ размѣрахъ, принесетъ крестьянамъ ощутительную пользу. Едва ли пониженіе производительности земледѣлія, неминуемое при замѣнѣ личныхъ владѣльцевъ крестьянами общинниками, и утрата послѣдними заработка въ помѣщичьихъ экономіяхъ, не сведетъ къ нулю ожидаемую пользу отъ расширенія крестьянскихъ надѣловъ. Личное землевладѣніе призвано не

только поставлять контингентъ на мѣстныя должности,—оно имѣетъ и другую задачу—быть руководителемъ народа въ сельскомъ хозяйствѣ, показывать ему наглядно преимущества улучшенной культуры. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ только замѣтны слабые признаки усовершенствованій въ крестьянской обработкѣ, гдѣ имѣется въ сосѣдствѣ съ деревней хорошо организованное помѣщичье хозяйство. Какъ армія безъ офицеровъ представляетъ лишь безпорядочное полчище, такъ и народное хозяйство безъ культурныхъ руководителей не въ состояніи подняться выше первобытнаго уровня».

Было бы скучно приводить отрывки изъ варіацій на ту же тему. Посмотримъ же, насколько убѣдительны отмѣченные аргументы, и постараемся выяснить значеніе новой операціи крестьянскаго земельнаго банка.

Мы не можемъ присоединиться къ тѣмъ, которые высказываются за великую важность помѣстнаго дворянства для правильнаго развитія нашей родины. Русское дворянство должно быть оцѣниваемо только какъ служилое сословіе. И въ далекую старину, и теперь, оно было главнымъ резервуаромъ, откуда набирались чиновники отъ высшихъ и среднихъ до низшихъ. Говорить о томъ, насколько въ этомъ отношеніи велика важность русскаго дворянства, значитъ говорить о томъ, какъ управлялась и управляется Россія. А это повело бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы поставленной задачи. Скажемъ только, что кто находитъ, что Россія управляется хорошо, тотъ признаетъ тѣмъ самымъ важное значеніе русскаго дворянства; кто сомнѣвается, чтобы Россія управлялась хорошо, тотъ сомнѣвается и въ значеніи нашего дворянства. Но мы рѣшительно не видимъ, чтобы русское дворянство имѣло какое-либо значеніе за предѣлами государственной службы Ни мало не отрицая того, что въ этомъ сословіи есть очень достойные члены, не состоящіе на государственной службѣ, есть лица, оказавшія родинѣ крупныя, а иногда и великія услуги,—мы твердо стоимъ за то, что можно и должно оцѣнивать дѣятельность этихъ людей внѣ всякой связи съ помѣстными элементами. Къ дворянству принадлежало большинство русскихъ писателей, имена которыхъ сохранила и сохранитъ исторія литературы; но ихъ литературная дѣятельность не имѣетъ въ себѣ ничего, что должно было бы быть признано специфически дворянскимъ. Подъ вліяніемъ общихъ условій русской жизни, они создавали художественные образы изъ дворянской среды; но подъ вліяніемъ тѣхъ же условій таково было направленіе и творчество писателей, которые не принадлежатъ къ дворянству (Гончаровъ). Среди лучшихъ представителей русской науки есть и дворяне; но ихъ ученая дѣятельность именно потому и получила болѣе или менѣе прочное значеніе, что не пріурочена къ какимъ-либо сословнымъ интересамъ. Довольно характерно и то, что самый крупный публицистъ русскаго дворянства, Катковъ, не былъ дворянскаго происхожден. Было бы основаніе говорить о русскомъ дворянствѣ, какъ помѣстномъ элементѣ, лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было отмѣтить такую св. дворянъ съ мѣстною жизнью, что это сословіе становилось бы прогресс. нымъ началомъ, поднимающимъ бытъ, жизнь всего мѣстнаго населенія

болѣе высокій уровень. Эта связь могла бы выразиться въ томъ, что помѣстное дворянство (повторяемъ, не отдѣльные дворяне, а болѣе или менѣе значительныя группы) въ какой-либо формѣ содѣйствовало движенію впередъ крестьянскаго населенія. Содѣйствіе могло выражаться въ одной изъ трехъ формъ: 1) или въ широкой области самоуправленія съ настойчивымъ стремленіемъ къ тому, чтобы въ населеніи укрѣплялось чувство законности и расширялись его права, или 2) въ послѣдовательномъ воздѣйствіи на какую-либо изъ общекультурныхъ потребностей населенія, или 3) на его матеріальную жизнь, прежде всего—на сельское хозяйство. Оцѣнивая роль помѣстнаго дворянства въ любомъ изъ указанныхъ отношеній, мы не получаемъ положительныхъ результатовъ.

О вліяніи дворянъ-помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ мы упоминать не будемъ: есть органы печати, которые считаютъ одной изъ своихъ спеціальныхъ задачъ говорить о томъ, насколько полезно и благотворно было это вліяніе. Но мы обратимся къ послѣднимъ годамъ крѣпостного права и спросимъ, какое вліяніе оказало дворянство на его отмѣну, на пересозданіе крестьянскаго быта? Извѣстно, что комитеты, работавшіе въ провинціи, были, по большей части, неблагопріятны крестьянской реформѣ и что если можно говорить о дворянахъ, способствовавшихъ ея проведенію, то лишь о дворянахъ-чиновникахъ, вынесшихъ на себѣ всю тяжесть дѣла, а не о дворянахъ-помѣщикахъ. Какъ скоро возникло земское самоуправленіе, то открылась новая сфера для воздѣйствія дворянъ на жизнь мѣстнаго населенія. Положеніе 1864 года открывало и не дворянамъ широкій доступъ къ земскому самоуправленію; однако, почти повсюду дворяне-гласные составляли большинство, и сдѣланное земствомъ должно быть отнесено, главнымъ образомъ, на счетъ помѣстнаго дворянства. Но два обстоятельства мѣшаютъ признать пользу, принесенную Россіи земствомъ, результатомъ дѣятельности дворянъ, какъ носителей помѣстнаго начала: 1) то, что наиболѣе производительна была земская дѣятельность въ тѣхъ уѣздахъ и губерніяхъ, гдѣ земскіе люди совершенно отрѣшались отъ сословности, сливались въ одно цѣлое, независимо отъ принадлежности къ разнымъ сословіямъ, и дѣйствовали дружно, въ виду общихъ цѣлей, безъ малѣйшей окраски кастовымъ духомъ. Обыкновенно можно было наблюдать такую дѣятельность тамъ, гдѣ отмѣченный обще-земскій духъ господствовалъ въ собраніяхъ, и гдѣ въ составъ управъ входили дворяне и не дворяне. Есть и 2) вторая причина, не позволяющая намъ усматривать въ пользѣ, принесенной Россіи земствомъ, благотворное вліяніе дворянъ, какъ помѣстнаго элемента: земское самоуправленіе сдѣлало для края особенно много въ тѣхъ губерніяхъ, которыя почти не имѣютъ дворянства (Вятская, Пермская) и дало самые меньшіе результаты тамъ гдѣ дворяне занимаютъ въ земскихъ собраніяхъ особенно выдающіяся мѣста (губерніи: Калужская, Тульская, Пензенская и Симбирская).

Какъ нельзя говорить о значеніи дворянъ-помѣщиковъ въ области самоуправленія, такъ нѣтъ данныхъ, чтобы признать важность ихъ, какъ

сословія, въ дѣлѣ ихъ частнаго вліянія на какую-либо сторону народной культуры. Возьмемъ, напримѣръ, область народнаго просвѣщенія. Можно насчитать десятки, пожалуй, сотни случаевъ, когда отдѣльныя лица горячо и самостоятельно работаютъ на пользу образованія народа; но эти люди принадлежатъ, по своему происхожденію, ко всѣмъ званіямъ и состояніямъ. Исторія московскаго и петербургскаго комитетовъ грамотности даетъ примѣры такой дѣятельности. Многіе изъ лучшихъ дѣятелей обоихъ комитетовъ принадлежатъ къ дворянству; однако, есть всѣ данныя, чтобы признать ихъ истинными, добрыми и полезными гражданами Русской земли, и—никакихъ данныхъ, чтобы пріобщать ихъ къ помѣстному дворянству. То же скажемъ о другихъ формахъ воздѣйствія частныхъ лицъ на народную жизнь.

Въ исторіи переселенія артелей, въ устройствѣ и веденіи народныхъ столовыхъ, можно найти дворянъ и не дворянъ, которые являлись и являются носителями истинно-культурныхъ началъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ дворяне составляютъ даже большинство. Но всѣ эти дворяне, какъ бы ни было полезно ихъ вліяніе на данную сторону жизни, не имѣютъ съ помѣстнымъ элементомъ рѣшительно ничего общаго.

Но есть случаи, когда мы, повидимому, будемъ вынуждены сдѣлать уступку: намъ могутъ указать на нѣкоторыя (очень немногія) старинныя помѣщичьи имѣнія, гдѣ существуютъ содержимыя помѣщиками училища, больницы, читальни. Здѣсь вліяніе помѣстнаго элемента на культуру населенія обнаруживается съ полною очевидностью. Однако, эти отдѣльные факты не колеблютъ общаго положенія. Если бы такія явленія были часты, если бы большая часть помѣстнаго дворянства или, по крайней мѣрѣ, значительная часть считала своимъ долгомъ созидать подобныя учрежденія, еслибъ мы находили въ каждомъ уѣздѣ хотя 3 — 4 такихъ имѣнія, то можно было бы говорить, что дворянство, какъ помѣстное сословіе, признаетъ за собою извѣстныя обязанности относительно бѣднѣйшихъ классовъ. Но такіе случаи крайне рѣдки; они встрѣчаются въ помѣщичьихъ имѣніяхъ даже рѣже, нежели на благоустроенныхъ фабрикахъ и заводахъ. И какъ очень хорошая школа, библіотека, колыбельная, даже народный театръ, гдѣ-нибудь на Раменской мануфактурѣ, вовсе не возбуждаютъ въ насъ желанія говорить о высокомъ культурномъ значеніи промышленныхъ классовъ, такъ изрѣдка встрѣчающіяся въ помѣстьяхъ дворянъ учрежденія этого рода не убѣждаютъ, чтобы съ этой стороны наше дворянство, какъ помѣстное сословіе, имѣло для народа какое-либо значеніе.

Остается обширная область сельскаго хозяйства. Многіе указываютъ именно на нее, какъ сферу, гдѣ примѣръ, подаваемый дворянами, можетъ имѣть большое общественное значеніе.

Низкій уровень сельскаго хозяйства Россіи извѣстенъ всѣмъ, и нѣтъ надобности ссылаться на цифры, чтобы доказать это положеніе. Однако нельзя сказать, чтобы не было оазисовъ, которые представляютъ рѣзкую противоположность среднимъ типичнымъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Лучши

въ смыслѣ техническомъ должны быть признаны тѣ хозяйства, доходность которыхъ наиболѣе велика; лучшими же въ смыслѣ соціальномъ должны быть названы тѣ, которыя прокладываютъ новые пути, создаютъ образцы, способные кореннымъ образомъ измѣнить все сельское хозяйство данной мѣстности, или же хозяйство извѣстнаго разряда, наприм., крестьянское (т.-е. мелкое), среднее или даже крупное. Мы считаемъ важными въ отношеніи соціальномъ не только тѣ хозяйства, которыя создаютъ усовершенствованные образцы для крестьянъ, т.-е. массы населенія, но и тѣ, которыя воздѣйствуютъ на извѣстныя стороны средняго или крупнаго частновладѣльческаго хозяйства. Такъ, наприм., если помѣщикъ не измѣнилъ системы полеводства, не ввелъ въ оборотъ новыхъ растеній, но придумалъ такую организацію пользованія наемнымъ трудомъ, что рабочій, кромѣ платы, получаетъ и долю прибыли, то хозяйство, послуживъ примѣромъ для другихъ, имѣетъ уже соціальное значеніе. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи дворянское хозяйство или не выдѣляется изъ недворянскаго, или даже отстаетъ отъ него.

Крупныя помѣщичьи имѣнія южной и юго-восточной Россіи являются, технически, ушедшими довольно далеко впередъ. Но мы находимъ много техническихъ усовершенствованій и въ купеческихъ, и въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Изслѣдователи Новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи записали у 529 хозяевъ (принадлежащихъ почти исключительно къ крестьянству и только изрѣдка къ купечеству) 1,267 плуговъ, 157 вѣялокъ, 11 сортировокъ, 2 соломорѣзки, 64 конныя грабли, 133 косилки, 27 сѣялокъ, 84 жнейки, 205 конныхъ молотилокъ и 23 паровыхъ. А у 144 хозяевъ Николаевскаго уѣзда той же губерніи было записано 86 косилокъ, 1 жнейка, 10 конныхъ грабель, 98 конныхъ молотилокъ и 4 паровыхъ. Однородныя данныя могутъ быть почерпнуты изъ земскихъ статистическихъ сборниковъ и для другихъ мѣстностей Россіи. Хозяйства, усовершенствованныя въ смыслѣ соціальномъ, не такъ легко поддаются наблюденію. Сюда нужно отнести, кромѣ отмѣченныхъ выше, всѣ тѣ, которыя создаютъ образцы пригодные для усвоенія и многихъ крестьянскихъ дворовъ. Здѣсь мы находимъ очень пеструю картину. Изъ отдѣльныхъ лицъ, примѣръ которыхъ имѣлъ большое вліяніе на всю округу, А. Н. Энгельгардтъ занимаетъ особенно видное мѣсто. Батищево такъ популяризовано въ русской литературѣ, что не нужно приводить данныхъ о его хозяйствѣ. Напомнимъ только, что покойный Энгельгардтъ, изучивъ вліяніе фосфоритнаго удобренія, далъ мѣстнымъ крестьянамъ толчокъ постепенно ввести фосфориты въ обиходъ. Сверхъ того, Батищевское имѣніе послужило образцовою фермой, гдѣ мѣстное населеніе могло изучать вліяніе, которое имѣетъ на хозяйство трава, когда ея посѣвы вошли въ оборотъ. Съ особенной отрадой вспоминая покойнаго знаменитаго сельскаго хозяина, мы ставимъ на видъ, что вся дѣятельность его была антидворянская въ полномъ смыслѣ слова. Офицеръ въ ранней молодости, онъ становится студентомъ, затѣмъ профессоромъ, публицистомъ и стоитъ безконечно далеко отъ дворянскихъ интересовъ. А

когда «независящія обстоятельства» водворяютъ его въ родовомъ имѣніи Смоленской губерніи, то онъ и въ литературѣ, и въ практикѣ сельскаго хозяйства работаетъ такъ, какъ должны работать люди, которые хотятъ послужить интересамъ бѣднѣйшихъ классовъ. Въ практикѣ онъ все болѣе и болѣе приближался къ рѣшенію задачъ относительно типичнаго хозяйства, которое наиболѣе пригодно въ средней полосѣ Россіи для массы земледѣльцевъ; въ литературѣ же (стóитъ перелистать его *Письма изъ деревни*) онъ неоднократно высказывалъ пожеланіе, чтобы крестьянское землевладѣніе и хозяйство все болѣе расширялось на счетъ помѣщичьяго.

А. Н. Энгельгардтъ былъ лучшимъ, наиболѣе законченнымъ представителемъ того типа сельскихъ хозяевъ, которые имѣютъ большое культурное значеніе для окружающей среды. Всѣ подходящіе къ этому типу, хотя бы они были столбовыми дворянами, уже потому не имѣютъ съ помѣстными элементами никакой связи, что подходятъ къ этому типу. Другую группу проводниковъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній въ крестьянскую сферу образуютъ лица, дѣйствующія по порученію правительства и земства; назовемъ ихъ общимъ именемъ *агрономическихъ смотрителей*. Московская, Вятская, Пермская и нѣкоторыя другія губерніи пользуются въ значительныхъ размѣрахъ услугами этихъ людей, обыкновенно состоящихъ на службѣ земства. Крестьянское хозяйство обязано агрономическимъ смотрителямъ многими изъ своихъ успѣховъ, особенно въ дѣлѣ травосѣянія, введенія плуговъ и проч. Среди этихъ людей есть и дворяне, но понятно, что они исполняютъ свои функціи внѣ всякой связи съ духомъ сословія,—окружнаго или помѣстнаго,—къ которому принадлежатъ. Наконецъ, тамъ и сямъ есть усовершенствованныя хозяйства дворянъ, сохранившія обликъ помѣщичьихъ хозяйствъ: назовемъ имѣнія гр. Уварова въ Московской губерніи, гр. Чернышева—въ Пензенской, имѣніе Шатилова (село Моховое)—въ Тульской и нѣкоторыя другія. Эти имѣнія могутъ похвастаться не только выгодными техническими приспособленіями, которыя мы нерѣдко находимъ въ южной Россіи, но и измѣненіемъ къ лучшему внѣшней природы: облѣсѣніе пустырей, цѣлесообразныя системы полеводства и многое другое. Но размѣры этихъ хозяйствъ таковы, что они могутъ служить примѣромъ для крупныхъ и, частью, среднихъ хозяйствъ. А такъ какъ и при общинномъ землевладѣніи крестьяне ведутъ хозяйство единолично, то, будучи мелкимъ, оно не можетъ пользоваться опытомъ крупныхъ помѣщиковъ, и послѣдніе, въ этомъ отношеніи, не могутъ быть признаны элементомъ, плодотворно дѣйствующимъ на окружающую среду. Напомнимъ, что среднее помѣщичье хозяйство стоитъ не только не выше хозяйства другихъ разрядовъ, но даже уступаетъ нѣкоторымъ, особенно хозяйству нѣмцевъ-колонистовъ въ южныхъ губерніяхъ. Екатеринославскіе дворяне потому и поднимали въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ неоднократно вопросъ о томъ, что нужно ограничить права колонистовъ въ покупкѣ земель, что колонисты, будучи лучшими хозяевами, чѣмъ помѣщики, находили выгоднымъ для себя дорого оплачивать рабочихъ, поднимали оплату наемна-

труда и тѣмъ причиняли помѣщичьимъ хозяйствамъ лишніе расходы, тяжелые, вслѣдствіе крайняго несовершенства этихъ хозяйствъ. Въ одной московской газетѣ, ревниво оберегающей права и интересы дворянъ-землевладѣльцевъ, мы читаемъ строки, которыя еще болѣе укрѣпляютъ въ насъ мысль, что дворяне не играютъ выдающейся роли среди двигателей русскаго сельскаго хозяйства: «Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, имѣнія, пріобрѣтаемыя отъ дворянъ не-крестьянами, сохраняютъ тотъ же типъ цѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ, какой они имѣли въ рукахъ дворянъ... сельско-хозяйственная культура въ такихъ имѣніяхъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ хозяйствахъ крестьянскихъ, все же въ нихъ сохраняется типъ частно-владѣльческаго хозяйства».

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что дворяне,—если и будетъ доказано ихъ значеніе, какъ служилаго сословія,—не имѣютъ и никогда не имѣли значенія въ качествѣ помѣстнаго элемента. Лучшіе изъ дворянъ-помѣщиковъ, сливаясь во-едино съ лучшими русскими людьми всѣхъ званій и состояній, приносятъ родинѣ пользу въ любой сферѣ, которой посвящаютъ свою дѣятельность. А средній дворянинъ-помѣщикъ не чувствуетъ себя связаннымъ съ своей мѣстностью и населеніемъ. Если есть малѣйшая возможность,—онъ стремится на государственную службу въ столицу, губернскій городъ; въ крайнемъ случаѣ, онъ готовъ быть земскимъ начальникомъ или служить по земству. Онъ смотритъ на свое имѣніе,—хотя бы имъ владѣлъ длинный рядъ предковъ,—какъ на источникъ доходовъ, которые желательно получить, по возможности, безъ труда; а если имѣніе бездоходно, то онъ видитъ въ немъ дачу, гдѣ можно отдохнуть отъ зимняго бездѣлья, на время прогнать лихоправіе жены и золотуху дѣтей. И только. А всего этого еще недостаточно, чтобъ образовать помѣстное сословіе.

Говоря все это, мы хотимъ показать, что крестьянскій банкъ не причинитъ вреда русскому обществу и Русскому государству, если, по расширеніи его оборотовъ, ускоритъ переходъ дворянскихъ земель въ руки крестьянства.

Однако, слѣдуетъ посмотрѣть на расширеніе оборотовъ крестьянскаго банка съ другой стороны; слѣдуетъ видѣть въ немъ факторъ, который имѣетъ цѣлью расширить крестьянское землевладѣніе и сократить землевладѣніе крупное и среднее. Мы показали, что дворянство, какъ помѣстное сословіе, не имѣетъ соціальнаго значенія; а потому не имѣетъ значенія и дворянская земельная собственность. Входя въ составъ крупной и средней частной земельной собственности вообще, дворянское землевладѣніе оказывается менѣе устойчивымъ, чѣмъ недворянское, только потому, что дворяне пользуются привиллегіями, которыхъ не имѣютъ члены другихъ сословій. Землевладѣлецъ, не принадлежащій къ дворянству, знаетъ, что его дѣтямъ не открытъ широкій доступъ къ государственной службѣ, а потому больше заботится о привитіи имъ дѣловыхъ навыковъ, чѣмъ землевладѣлецъ-дворянинъ, который увѣренъ, что его дѣти могутъ быть пристроены

на службу въ какомъ-либо вѣдомствѣ и занесены въ какую-либо требовательную вѣдомость. А потому первые, разъ они становятся землевладѣльцами, держатся болѣе прочно, дольше противостоятъ разнымъ невзгодамъ въ хозяйствѣ, чѣмъ вторые. Наши западныя губерніи позволяютъ провѣрить это положеніе: сельское хозяйство въ дворянскихъ имѣніяхъ сдѣлало замѣтные успѣхи за послѣднія 30 лѣтъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ шляхта, стѣсняемая въ поступленіи на государственную службу, была какъ бы прикрѣплена къ своимъ имѣніямъ.

Посмотримъ же, насколько частное землевладѣніе, крупное и среднее, пострадаетъ отъ того, что покупка земель войдетъ въ програму крестьянскаго банка.

На все это напрашивается самъ собою такой отвѣтъ: крупное и среднее землевладѣніе будетъ замѣтно сокращаться, если банкъ разовьетъ въ большихъ размѣрахъ операціи по покупкѣ земель за свой счетъ. Если бы, наприм., банкъ могъ покупать ежегодно $1^1/_2$—2 милліона десятинъ, то его обороты были бы связаны съ крупнымъ минусомъ на сторонѣ некрестьянскаго землевладѣнія. Но нельзя предсказать ему такое расширеніе оборотовъ.

Въ теченіе 5 лѣтъ, на которыя и введена указанная мѣра, банкъ можетъ израсходовать для покупки земель около 11 милліоновъ. Если главныя его операціи будутъ производиться въ черноземныхъ губерніяхъ, великорусскихъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ, то средняя цѣна десятины составитъ не менѣе 100 рублей; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда состояніе хозяйства еще не было такъ угнетено низкими цѣнами хлѣба, продажная цѣна десятины составляла не менѣе 120—125 рублей. Если наше предположеніе вѣрно, то за 5 лѣтъ на капиталъ банка, предназначенный для этой цѣли, будетъ куплено всего 110,000 десятинъ. Если бы всѣ покупки были совершены въ новороссійскихъ губерніяхъ и нижнемъ Поволжьѣ, то средняя цѣна десятины могла бы быть опредѣлена въ 70—75 рублей, и площадь земли, купленной за 5 лѣтъ, могла бы достигнуть 150,000 десятинъ или даже нѣсколько превзойдти эту цифру. А развитіе операцій банка на восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи (Уфимской, Оренбургской, восточной части Самарской губерніи) или въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ, при средней цѣнѣ десятины въ 50 рублей, позволитъ банку купить 220,000 десятинъ. Мы полагаемъ, что именно эти мѣста и привлекутъ къ себѣ особенное вниманіе агентовъ крестьянскаго банка, которые будутъ завѣдывать покупкою земель. За 12-тилѣтнюю дѣятельность банка накопилось много фактовъ, убѣждающихъ, что неисправными заемщиками всего чаще оказываются крестьяне, покупавшіе, при помощи банка, земли въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ съ высокими цѣнами; и, наоборотъ, покупщики земель въ губерніяхъ съ низкими цѣнами очень рѣдко становились неисправными должниками банка. Хотя въ среднихъ и малороссійскихъ черноземныхъ губерніяхъ цѣны земли значительно понизились за послѣдніе годы, однако, онѣ понизились не настолько, чтобы банкъ часто имѣлъ случай покупать дешево: эти губерніи имѣютъ въ густомъ кресть-

янскомъ населеніи и довольно большомъ числѣ верстъ желѣзныхъ дорогъ благопріятныя условія, которыя будутъ препятствовать такому пониженію земельныхъ цѣнъ, чтобъ агенты банка часто имѣли возможность сдѣлать *дешевую* покупку. Такъ какъ въ серединныхъ губерніяхъ сельское хозяйство уже эксплуатировало нѣкоторые крупные факты общественнаго развитія (сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, образованіе большого числа внутреннихъ рынковъ, достаточная населенность), то скорѣе можно предсказать для этихъ мѣстностей дальнѣйшее пониженіе цѣнъ, нежели ихъ повышеніе. А потому въ этихъ губерніяхъ агенты банка будутъ дѣйствовать особенно осторожно. Восточныя окраины Европейской Россіи, бѣлорусское Полѣсье и нѣкоторыя другія мѣста съ низкими земельными цѣнами могутъ разсчитывать на вздорожаніе земли, такъ какъ и желѣзныя дороги, и прочная связь съ міровымъ рынкомъ, и густое населеніе—для нихъ еще дѣло будущаго. Покупая землю въ этихъ мѣстахъ, агенты банка почти всегда могутъ быть увѣрены, что цѣна поднимется, т.-е. что они купили *дешево*. За все пятилѣтіе банкъ купилъ 150—200 тыс. десятинъ земли. А такъ какъ, при продажѣ этихъ земель, часть капитала банка будетъ поступать обратно, то будетъ куплена большая площадь, въ сложности, быть можетъ, до 250,000 десятинъ.

Опредѣляя вѣроятные обороты такими цифрами, мы намѣренно закрываемъ глаза на всѣ обстоятельства, которыя могутъ уменьшить размѣры операцій. Каковы бы ни были частности случаевъ, при которыхъ крестьянскій банкъ затрудняется въ покупкѣ земли, общею формой выраженія этихъ трудностей будетъ искусственное поднятіе земельныхъ цѣнъ, вслѣдствіе появленія на рынкѣ новаго покупщика — крестьянскаго банка, — и боязнь этого самаго покупщика купить землю въ предположеніи, что цѣна, по которой продается земля, искусственно возвышена его запросомъ. Такъ, наприм., если теперь участокъ земли можетъ быть купленъ по 100 рублей за десятину, а появленіе на рынкѣ крестьянскаго банка подняло цѣну до 110 рублей, то агенты банка не рѣшаются купить, и землю пріобрѣтаетъ частное лицо по 105 рублей за десятину. Если припомнить перемѣны, которыя произошли во взглядахъ крестьянскаго банка на ссудныя операціи, то можно предсказать, что агенты банка будутъ скорѣе склонны относиться къ покупкѣ слишкомъ осторожно, чѣмъ рисковать: въ первые годы своей дѣятельности банкъ требовалъ отъ заемщиковъ меньшихъ доплатъ, чѣмъ позднѣе; очень вѣроятно, что такая же осторожность или, вѣрнѣе, нерѣшительность будетъ отличать дѣйствія банка и при покупкѣ земель. А въ такомъ случаѣ за 5 лѣтъ онъ купитъ гораздо меньше 200,000 десятинъ. Оставимъ, однако, въ сторонѣ всѣ частныя и мѣстныя условія, которыя сузятъ обороты крестьянскаго банка, и предположимъ, что онъ купитъ за 5 лѣтъ 250,000 десятинъ.

Сопоставляя эту площадь съ приростомъ крестьянскаго населенія, мы увидимъ, что такими покупками можно достигнуть только очень скромныхъ результатовъ. Ежегодный приростъ крестьянскаго населенія въ наиболѣе

густо населенныхъ губерніяхъ составляетъ болѣе полумилліона душъ, потребность которыхъ въ землѣ (полагая въ среднемъ 9 десятинъ на семью изъ 6 душъ) составляетъ 750,000 душъ, а банкъ будетъ предлагать къ продажѣ ежегодно 50,000 десятинъ, т.-е. независимо отъ колоссальныхъ потребностей, которыя предъявляютъ крестьянскому банку безземельные и малоземельные, онъ будетъ удовлетворять только $^1/_{15}$ возрастающихъ потребностей въ землѣ. Каждый, прочитавъ эти строки, согласится, что мы скорѣе преувеличиваемъ размѣры оборотовъ банка и нужду, которую онъ удовлетворитъ, нежели впадаемъ въ противоположную крайность. А потому крестьянство, какъ цѣлое, извлечетъ изъ этихъ операцій банка очень мало выгодъ.

Дѣлая такую общую оцѣнку, мы не можемъ утвердительно сказать, что всѣ крестьяне, которымъ банкъ распродаетъ свои земли, получатъ значительный выигрышъ и что можно будетъ считать прочно устроенными тѣ 7—8 тыс. семействъ, которыя купятъ эту землю у банка. Въ отдѣльныхъ случаяхъ банкъ будетъ покупать землю дѣйствительно очень дешево; въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ будетъ давать крестьянамъ ссуду, почти равную цѣнѣ участка; иногда на долю крестьянъ, купившихъ у банка участокъ земли, выпадетъ какое-нибудь благопріятное условіе, наприм., проведеніе желѣзной дороги въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Но во многихъ случаяхъ покупщики не извлекутъ изъ этого существенной выгоды: иногда банкъ самъ купитъ не дешево, а пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ сдѣлаетъ этотъ участокъ дорогимъ при переходѣ его къ крестьянамъ; иной разъ крестьяне, покупая у банка, будутъ принуждены доплатить значительную сумму изъ собственныхъ средствъ, а *собственныя средства* крестьянъ, какъ извѣстно, связаны съ займами у ростовщиковъ изъ высокихъ процентовъ. Словомъ, отнюдь нельзя ручаться, что всѣ крестьяне, которые водворятся на этихъ земляхъ, хорошо упрочатъ свой хозяйственный бытъ.

Напротивъ, крупное и среднее землевладѣніе получитъ отъ этой мѣры большой выигрышъ; можно даже утверждать, что оно выиграетъ отъ каждаго случая покупки банкомъ частновладѣльческой земли.

Напомнимъ объ опасности, которую предсказываютъ дворянской земельной собственности вслѣдствіе того, что крестьянскій банкъ выступитъ самостоятельнымъ покупателемъ земли. Ссылаясь на замѣчанія, сдѣланныя нами выше, мы скажемъ, что если бы даже банкъ покупалъ исключительно земли дворянъ, то онъ въ самой малой пропорціи сокращалъ бы дворянскую земельную собственность. Въ началѣ 60-хъ годовъ дворянамъ принадлежало около 90 милліоновъ десятинъ; за 30 лѣтъ изъ ихъ рукъ ушло около 3 милліоновъ десятинъ, т.-е. болѣе 1 милліона десятинъ въ годъ. Переходъ собственность банка 50,000 дес. ежегодно усилитъ сокращеніе дворянск земельной собственности на неполныхъ 5%. Однако мы сомнѣваемся, что размѣры, въ которыхъ земельная собственность переходитъ изъ рукъ руки, увеличились на всю ту площадь земель, которыя будетъ покупа банкъ. Наличность у банка средствъ для покупки земель и организова

ность этой операціи подниметъ мѣстами цѣну земли. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя лица (преимущественно спекулянты), всегда готовыя купить по очень дешевой цѣнѣ, выйдутъ изъ ряда покупателей, и банкъ купитъ земли, которыя, за его отсутствіемъ, были бы пріобрѣтены этими лицами. Очень вѣроятно, что число ежегодно продаваемыхъ десятинъ увеличится меньше, нежели на все число десятинъ, которое за тотъ же годъ будетъ куплено крестьянскимъ банкомъ, что, наприм., покупая ежегодно 50,000 десятинъ, онъ нѣсколько уменьшитъ площадь, отчуждаемую частными владѣльцами, и въ итогѣ усилитъ мобилизацію частной земельной собственности не на 50,000, а только на 25—30,000 десятинъ. Эти цифры такъ незначительны, что можно вовсе не принимать ихъ въ разсчетъ и приравнять нулю вліяніе крестьянскаго банка на переходъ земли изъ рукъ въ руки.

Продавцы земли, прежде всего, выиграютъ на цѣнѣ. Мы далеки отъ мысли, которую проводили въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, что земля очень вздорожаетъ: уже скромные размѣры обсуждаемой операціи не даютъ основанія предсказать, что земля поднимается въ цѣнѣ. Агенты крестьянскаго банка не будутъ смотрѣть на себя какъ на особые органы, которые призваны облагодѣтельствовать землевладѣльцевъ, платить имъ за землю по $1^1/_2$ рубля вмѣсто 1 рубля. Мы полагаемъ даже, что во всѣхъ случаяхъ, когда спросъ на землю будетъ предъявляться и крестьянскимъ банкомъ, и частнымъ лицомъ, которое намѣревается правильно хозяйничать на купленномъ участкѣ, банкъ не заплатитъ дороже второго претендента: лица, покупающія землю для веденія хозяйства, обыкновенно даютъ не только цѣну, которая опредѣляется дѣйствительною доходностью участка, но и нѣсколько больше этого, часть капитализованнаго дохода, который, предположительно, будетъ давать земля съ переходомъ къ новому владѣльцу. Такимъ образомъ, капитализуя земельный доходъ изъ 4%, покупатель готовъ уплатить за имѣніе, которое приноситъ 1,000 рублей дохода, не 25,000 рублей, а, можетъ быть, 30,000, если разсчитываетъ безъ большого труда поднять доходъ до 1,500 рублей. И крестьянскій банкъ обыкновенно не будетъ платить дороже такихъ покупателей. Но во всѣхъ случаяхъ, когда земля покупается спекулянтами, крестьянскій банкъ будетъ болѣе выгоднымъ покупателемъ, такъ какъ, уплативъ даже значительно дороже такого пріобрѣтателя, онъ станетъ владѣльцемъ земли на условіяхъ выгодныхъ, при которыхъ перепродажа этихъ участковъ крестьянамъ будетъ совершаться нормально, безубыточно и для крестьянъ, и для самого банка. Спекулянты покупаютъ очень много земли, а потому, если агенты банка будутъ дѣятельны и внимательны къ своимъ обязанностямъ, то банкъ будетъ всегда выступать соперникомъ только спекулянтовъ, и продавцы земли будутъ выигрывать на цѣнѣ.

Съ этимъ выигрышемъ для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ будутъ связаны и другія выгоды. Землевладѣлецъ заинтересованъ въ пріисканіи возможно болѣе дешевыхъ рабочихъ, разъ онъ самъ ведетъ сельское хозяйство. Крестьянскій банкъ будетъ, въ большей или меньшей мѣрѣ,

способствовать достиженію этой цѣли. Высшею нормой участка, предназначеннаго для продажи отдѣльнымъ крестьянамъ, будетъ площадь, могущая сполна занять рабочія силы семьи. Несомнѣнно, крестьянскій банкъ будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ продавать землю такими крупными участками. Имѣя передъ собой большую массу малоземельныхъ и безземельныхъ, онъ будетъ понижать норму до того уровня, который соотвѣтствуетъ наиболѣе распространенной величинѣ крестьянскихъ надѣловъ; а при такихъ размѣрахъ (6—7 десятинъ на дворъ) надѣлъ еще далеко не достаточенъ для того, чтобы занять всю рабочую силу крестьянской семьи. Мы предположили, что главными мѣстами покупки земли крестьянскимъ банкомъ будутъ восточныя губерніи и бѣлорусское Полѣсье. А уже значительность въ этихъ губерніяхъ крестьянскихъ дворовъ, которые недостаточно надѣлены землею (14,9% въ Оренбургской, 22,9 въ Уфимской, 24,0 въ Самарской, 16,4 въ Могилевской, 57,3 въ Минской), побудитъ установить для этихъ мѣстностей участокъ, не могущій занять всѣ рабочія силы семьи. Разъ совершится въ эти губерніи переселеніе изъ болѣе густо населенныхъ, то частновладѣльческое хозяйство будетъ имѣть къ своимъ услугамъ большее предложеніе рабочихъ рукъ, что будетъ способствовать и пониженію заработной платы.

Крупный и средній землевладѣлецъ заинтересованъ также въ томъ, чтобы сдавать по возможно болѣе высокой цѣнѣ въ аренду всѣ свои земли или ихъ часть. Насажденіе крестьянской земельной собственности въ губерніяхъ рѣдко населенныхъ умножитъ въ этихъ мѣстахъ число съемщиковъ земли и подниметъ арендную плату.

Разсуждая такъ, мы исходимъ изъ предположенія, что крестьянскій банкъ будетъ покупать земли въ рѣдко населенныхъ губерніяхъ и передвигать туда поселенцевъ изъ губеній съ наиболѣе густымъ населеніемъ. А потому само собою напрашивается замѣчаніе, что рука объ руку съ выгодами частныхъ землевладѣльцевъ въ рѣдко населенныхъ губерніяхъ будутъ идти неудобства для землевладѣльцевъ губерній, откуда будутъ исходить покупщики земель крестьянскаго банка. Однако, такое предположеніе не основательно.

Въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ заработная плата такъ низка, а арендныя цѣны такъ высоки, что землевладѣльцы, сколько-нибудь дающіе себѣ отчетъ въ явленіяхъ народнаго хозяйства, не говорятъ о желательности пониженія первой и повышенія вторыхъ. Какъ мы замѣтили выше, есть условія, которыя стремятся нѣсколько понизить арендныя цѣны. Покупка же земель крестьянскимъ банкомъ и отвлеченіе изъ густо-населенныхъ губерній части крестьянъ и получитъ значеніе фактора, который повышаетъ заработную плату и понижаетъ арендную. Вѣдь, крестьянскій банкъ можетъ отвлечь на свои земли 20—25—30,000 душъ въ годъ, а ежегодный приростъ населенія составляетъ въ этихъ губеніяхъ сотни тысячъ душъ. Такимъ образомъ, отвлекая небольшую частицу этого прироста, крестьянскій банкъ, все-таки, не будетъ мѣшать тому, что къ услугамъ

сельскихъ хозяевъ будетъ ежегодно все большее число рабочихъ рукъ и все большее число съемщиковъ на земельные участки.

Нисколько не измѣняя въ среднихъ губерніяхъ status quo, крестьянскій банкъ будетъ доставлять существенныя выгоды тѣмъ крупнымъ и среднимъ сельскимъ хозяевамъ, изъ ближайшаго сосѣдства которыхъ будетъ отвлечена часть безземельныхъ и малоземельныхъ. Именно въ средѣ этихъ разрядовъ крестьянъ можно найти всего больше охотниковъ до порубокъ, потравъ и разныхъ другихъ проступковъ, которые вызываютъ со стороны землевладѣльцевъ столько жалобъ и увеличиваютъ расходы на лѣсныхъ и полевыхъ сторожей. Уменьшеніе числа этихъ людей сдѣлаетъ тѣ же проступки менѣе частыми и сократитъ расходы на стражу.

Подводя итоги всему сказанному, мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать тотъ общій выводъ, что новый разрядъ оборотовъ крестьянскаго банка доставитъ больше выгоды крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ, чѣмъ крестьянамъ.

Но, возразятъ многіе, вѣдь, за пятью годами опыта послѣдуетъ расширеніе этихъ операцій, послѣдуетъ установленіе такого порядка, что крестьянскій банкъ будетъ покупать земли на многіе десятки и сотни милліоновъ и постепенно передастъ въ руки крестьянъ всю площадь частновладѣльческой земли. Если, поэтому, высказанныя опасенія имѣютъ мало основаній для ближайшихъ пяти лѣтъ, то они вполнѣ умѣстны относительно очень недалекаго будущаго.

Мы можемъ успокоить крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ: этого не случится при жизни ближайшихъ поколѣній. Дабы совершить такое преобразованіе, политическая власть должна принадлежать тѣмъ классамъ, которые прямо, непосредственно заинтересованы въ переходѣ всей земли къ крестьянству, т.-е. власть должна принадлежать крестьянамъ. Нечего пояснять, съ какими глубокими преобразованіями во всемъ нашемъ государственномъ строѣ былъ бы связанъ такой переходъ. Пока внутренняя политика опредѣляется интересами не крестьянъ, а другихъ сословій (дворянъ землевладѣльцевъ, не дворянъ, владѣющихъ землею и капиталомъ—это не имѣетъ никакого вліянія на существо дѣла), до тѣхъ поръ государство не будетъ въ широкихъ размѣрахъ способствовать переходу земель въ собственность крестьянъ. И любое преобразованіе крестьянскаго банка въ прогрессивномъ смыслѣ будетъ достаточно для того, чтобы такъ называемые консерваторы начинали ворчать, чтобы безпочвенные оптимисты бросали шапки вверхъ и кричали о «новой эрѣ». Но никакое преобразованіе этого учрежденія и никакія другія мѣры въ области аграрной политики не будутъ имѣть того государственнаго размаха, который не по названію только, а по существу демократизуетъ земельную собственность.

Отъ 10 по 19 декабря въ Москвѣ происходили засѣданія шестого всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ. Программа съѣзда состояла изъ 17 вопросовъ: 1) О постановкѣ высшаго, средняго и низшаго сельско-хо-

зяйственнаго образованія для наилучшаго удовлетворенія потребностямъ русскаго сельскаго хозяйства. 2) Объ организаціи сельско-хозяйственныхъ станцій и полей, соотвѣтственно лѣснымъ условіямъ и потребностямъ хозяйства. 3) О значеніи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ дѣлѣ развитія сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. 4) О мѣрахъ, которыми можно поднять доходность хозяйствъ при современномъ положеніи рынковъ. 5) Объ условіяхъ сбыта мясного скота на внутреннихъ и заграничныхъ рынкахъ и объ улучшеніи этихъ условій. 6) О современномъ положеніи сбыта молочныхъ продуктовъ и о мѣрахъ къ развитію. 7) О нуждахъ отечественнаго сельско-хозяйственнаго машино-строенія и мѣрахъ къ его развитію. 8) О товариществахъ и союзахъ сельскихъ хозяевъ для сбыта продуктовъ, производимыхъ въ ихъ хозяйствахъ. 9) О мѣрахъ къ установленію правильныхъ отношеній между сельскими хозяевами и сельскими рабочими. 10) О способахъ массоваго улучшенія крупнаго рогатаго скота, молочнаго, мясного и рабочаго. 11) О способахъ массоваго улучшенія отечественнаго коневодства. 12) О способахъ улучшенія отечественнаго овцеводства. 13) Объ улучшеніи отечественнаго свиноводства. 14) О мѣрахъ къ улучшенію садоводства и огородничества, какъ подсобныхъ отраслей въ сельскомъ хозяйствѣ. 15) О способахъ обезпеченія водой и почвенной влагой мѣстностей, страдающихъ отъ засухъ. 16) О значеніи искусственныхъ удобреній для русскаго сельскаго хозяйства. 17) О содѣйствіи земства сельскому хозяйству.

Эти вопросы затрогиваютъ много существенныхъ сторонъ сельскаго хозяйства. Однако, бросается въ глаза то, что почти всѣ они имѣютъ отношеніе или преимущественно или даже исключительно къ крупному и среднему хозяйству. Крестьянское сельское хозяйство осталось совершенно въ тѣни на этомъ съѣздѣ аграріевъ. Вотъ почему этотъ съѣздъ и не заслуживаетъ названія «всероссійскаго».

Не входя теперь же въ подробную оцѣнку трудовъ съѣзда, мы намѣтимъ только немногіе пункты. Таково рѣшеніе съѣзда по вопросу обо урегулированіи отношеній между сельскими хозяевами и рабочими. Кн. Щербатовъ и г. Левицкій сдѣлали доклады по этому предмету. Слышалось не мало жалобъ на сельскихъ рабочихъ; предлагалось изданіе особаго, спеціальнаго кодекса, который упорядочилъ бы отношенія между сторонами; высказывались за введеніе для рабочихъ особой разсчетной книжки, которая служила бы имъ паспортомъ и въ которой хозяинъ могъ бы дѣлать соотвѣтствующія отмѣтки. Были и другія заявленія того же рода. Однако, къ чести сельскихъ хозяевъ, которые участвовали въ секціи по этому вопросу, большинство отклонило всѣ эти предложенія и приняло только слѣдующія три: 1) о желательности организаціи посредническихъ бюро труда, какъ правительственныхъ, такъ и земскихъ; 2) о желательной выработкѣ способа вознагражденія рабочихъ за долговременную службу, а также обезпеченія ихъ на старость и въ несчастныхъ случаяхъ и, наконецъ 3) о желательности развитія и поощренія сельско-хозяйственныхъ

артелей, на каковыя и должна возлагаться отвѣтственность за неисполненіе договора кѣмъ-либо изъ членовъ артели. Если высказанныя пожеланія и не дадутъ практическихъ послѣдствій, то сельскіе хозяева, отвергнувъ все остальное, что направлено къ угнетенію рабочаго, удержались на извѣстной высотѣ, которую желательно было бы наблюдать и въ другихъ случаяхъ.

Во-вторыхъ, мы отмѣтимъ, докладъ г. Хижнякова по вопросу объ организованіи мелкихъ сельско-хозяйственныхъ органовъ. Находя излишнимъ учрежденіе для этого новыхъ сельско-хозяйственныхъ единицъ, оно находило возможнымъ воспользоваться уже существующими органами мѣстнаго управленія, сельскими и волостными, при непремѣнномъ условіи ихъ преобразованія. Неурядицы этого управленія извѣстны всѣмъ: вліяніе кулаковъ на рѣшенія сельскихъ и волостныхъ сходовъ, приготовленіе до созыва схода его приговоровъ, надъ которыми писарь ставитъ имена не явившихся на сходъ крестьянъ, безправіе сельскихъ должностныхъ лицъ, которыя только покорно исполняютъ распоряженія уѣздной полиціи и земскихъ начальниковъ и, по своей зависимости, не могутъ защищать интересы сельскихъ обществъ. По мысли г. Хижнякова, сельское и волостное управленіе должно быть построено на всесословномъ началѣ. Однако, сельскіе сходы должны остаться въ своемъ нынѣшнемъ видѣ и должны самостоятельно рѣшать вопросы о передѣлѣ земель, пользованіи выгонами и проч. Въ составъ сельскаго всесословнаго схода должны входить и женщины, или какъ домохозяйки или какъ замѣняющія домохозяевъ. Сельскій сходъ вѣдаетъ исчисленіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ, избираетъ и удаляетъ стариковъ, заботится объ общественномъ призрѣніи и школахъ. Исполнительнымъ органомъ является староста. Волостной всесословный сходъ завѣдуетъ всѣми учрежденіями волости; его исполнительнымъ органомъ служитъ волостная управа. Всѣ должностныя лица сельскаго и волостного управленія и всѣ члены сельскихъ и волостныхъ сходовъ должны быть свободны отъ всякихъ административныхъ взысканій; отъ тѣлеснаго же наказанія они должны быть свободны безусловно. Эти мелкія безсословныя единицы должны быть приведены въ тѣсную связь съ земскими учрежденіями. Проектъ г. Хижнякова заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія уже потому, что онъ намѣчаетъ правильный путь, на которомъ наше самоуправленіе можетъ дѣлать дальнѣйшіе успѣхи.

Вступая въ новый годъ, невольно припоминаешь вопросъ, который приковываетъ теперь къ себѣ напряженное вниманіе—вопросъ о всеобщемъ обученіи. Многія земства поднимали его еще съ первыхъ годовъ существованія земскихъ учрежденій. Но тогда говорили не о *всеобщемъ*, а объ *обязательномъ* обученіи. Лучшіе земскіе дѣятели ясно сознавали недостаточность школъ и ходатайствовали предъ земскими собраніями объ увеличеніи ассигновокъ на школьное дѣло. Нѣкоторыя же земства предполагали ввести обязательное обученіе не только для мальчиковъ, но и для дѣво-

чекъ. Такое предположеніе возникало въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1874 года. Въ 1875 году въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи былъ поставленъ вопросъ объ обязательномъ обученіи. Коммиссія, разрабатывавшая этотъ планъ, постановила, въ виду недостаточной подготовки учителей, ограниченности денежныхъ средствъ, разнородности населенія, только постепенно покрывъ уѣздъ школами, ввести обязательное ихъ посѣщеніе. Въ Московской губерніи обязательное обученіе уже давно интересуетъ многія земства: еще въ 1865 году московскому уѣздному земскому собранію было предложено ввести обязательное обученіе лишь въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть школы; пребываніе дѣтей въ училищѣ должно было длиться не болѣе трехъ часовъ ежедневно. Земскіе дѣятели Верейскаго уѣзда высказывались за то, чтобъ обращалось особенное вниманіе на образованіе дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей, и за введеніе всеобщаго обученія съ 8-лѣтняго возраста. Въ 1866 году рузское и можайское земства предполагали ввести въ своихъ уѣздахъ безплатное обязательное обученіе. Въ 1872 году въ Серпуховскомъ уѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ объ увеличеніи жалованья учителямъ, о ежегодномъ устройствѣ учительскихъ съѣздовъ, о выдачѣ пособій на постройку школъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, по мѣрѣ возрастанія школъ, являлась надобность въ равномѣрномъ ихъ распредѣленіи по территоріи уѣзда, дабы населеніе всѣхъ деревень имѣло къ нимъ доступъ. Это сразу выдвинуло вопросъ о нормальной сѣти училищъ. Волоколамское земство всего ранѣе возбудило этотъ вопросъ. То же находимъ мы позднѣе въ Орловской, Смоленской, Херсонской и многихъ другихъ губерніяхъ. Итакъ, во многихъ мѣстностяхъ Россіи стремились осуществить принципъ всеобщаго обученія.

Теперь, къ истекающему 30-лѣтію дѣятельности земскихъ учрежденій, этотъ вопросъ такъ назрѣлъ, что считается однимъ изъ главныхъ почти повсюду. Но теперь говорятъ не объ обязательномъ обученіи: теперь нѣтъ надобности въ принужденіи; всѣ признаютъ сильное стремленіе народа къ образованію, и земства идутъ на-встрѣчу этому запросу. Сошлемся прежде всего на земства Тверской губерніи, которыя искони отличались широкою постановкой дѣла народнаго образованія. Бѣжецкое земство проектировало разбить весь уѣздъ на пункты и намѣтить мѣста, гдѣ должны находиться школы. Весьегонская земская управа составила подробный докладъ съ указаніемъ числа школъ, необходимыхъ для введенія всеобщаго обученія, и проектъ сѣти училищъ. Собраніе одобрило планъ и рѣшило приступить къ постепенному его исполненію. Тверское губернское земство работаетъ надъ общимъ планомъ школьной организаціи. Коммиссія, избранная для этой цѣли, намѣтила слѣдующіе вопросы: 1) Какая часть населенія уѣзда пользуется школой? 2) Какія селенія, по отдаленности отъ школъ или по другимъ причинамъ, не могутъ посылать дѣтей въ училища? 3) Гдѣ и сколько школъ должно быть открыто для осуществленія идеи всеобщности образованія? 4) Какимъ требованіямъ должны удовлетворять школы, основанныя на средства земства? 5) Какія затраты необходимы для этого дѣла?

Дабы выработать планъ нормальной сѣти училищъ, коммиссія нашла необходимымъ выяснить, какія селенія и какъ пользуются школой. Изученіе дѣла на мѣстахъ побуждало коммиссіи высказаться за нормальность 3-хъ верстнаго разстоянія селенія отъ школы и за устройство училищъ только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ найдется не меньше 30 учениковъ. Для селеній, которыя находятся внѣ трехверстнаго района, слѣдуетъ устроить общежитія при ближайшихъ школахъ, или же ввести передвижныя училища. Учащими могутъ быть лица со спеціальнымъ или среднимъ образованіемъ. Всѣ школы должны быть снабжены книгами и для внѣкласснаго чтенія. На-ряду съ тверскими земствами можно поставить и многія другія. Земства Вятской губерніи относятся очень горячо къ вопросу о всеобщемъ обученіи. Теперь въ Вятской губерніи на 3 милліона жителей приходится 510 земскихъ министерскихъ школъ; сверхъ того, есть церковно-приходскія. Но это количество далеко не удовлетворяетъ потребности народа въ образованіи: 130,000 дѣтей не посѣщаютъ школы, а въ 25 волостяхъ вовсе нѣтъ училищъ. На послѣднемъ вятскомъ губернскомъ земскомъ собраніи постановлено увеличить число школъ до 3,000; губернское земство готово придти на помощь къ уѣзднымъ ассигнованіемъ извѣстной суммы для каждой вновь открываемой школы; уже образованъ капиталъ въ 200,000 рублей, проценты съ которыхъ должны пойти на устройство новыхъ школъ. Съ неменьшимъ сочувствіемъ отнеслись къ этому дѣлу и уѣздныя земства Вятской губерніи: елабужское земское собраніе единогласно постановило открыть въ уѣздѣ 25 школъ, испросивъ по 250 рублей на школу у губернскаго земства и принявъ остальные расходы на свой счетъ. Въ елабужскую управу поступило много ходатайствъ отъ крестьянъ объ открытіи земскихъ школъ, причемъ сельскія общества заявляютъ о своей готовности принять на себя издержки по найму помѣщенія, отопленію и по найму сторожа. Въ послѣднемъ пермскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи на первый планъ былъ выдвинутъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Изъ доклада управы выяснилось, что потребность населенія въ образованіи чрезвычайно велика: дѣтей не останавливаютъ ни погода, ни разстояніе, ни дурные пути сообщенія; переполненность школъ—вотъ единственная причина, мѣшающая дѣтямъ посѣщать ихъ; за недостаткомъ мѣста приходится отказывать многимъ. Идя на встрѣчу этой потребности, земство рѣшило остановиться на нормальныхъ школахъ, а также на устройствѣ при нихъ общежитій для учениковъ изъ отдаленныхъ селеній; предположено также, подъ надзоромъ и руководствомъ учителя, дозволить окончившимъ земскую школу, за небольшое вознагражденіе, обучать дѣтей по зимамъ чтенію, письму, главнымъ молитвамъ и счету. Коммиссіи поручено составить планъ примѣненія указанныхъ способовъ обученія и выяснить, сколько это потребуетъ расходовъ. Крестецкое земство, Новгородской губерніи, вырабатывая начала правильной постановки школьнаго дѣла, высказалось за 4-верстный школьный районъ; такъ какъ разбросанность населенія уѣзда помѣшала многимъ деревнямъ войти въ эти районы, то и рѣшено открыть

въ этихъ деревняхъ школы грамоты. Проекты объ устройствѣ сѣти училищъ поступали въ земства Нижегородской, Ярославской, Курской, Полтавской, Тульской и другихъ губерній.

Знакомясь съ мѣропріятіями отдѣльныхъ земствъ, нельзя, однако, сказать, что уже выработанъ планъ, который могъ бы служить общимъ руководствомъ при введеніи всеобщаго обученія. Казалось бы, что разъ есть потребность населенія въ школѣ, а существующія школы, за неимѣніемъ мѣста, не могутъ удовлетворять этой потребности, то нужно строить новыя. Но здѣсь-то и начинаются трудности: гдѣ и сколько нужно школъ? При опредѣленіи необходимаго числа школъ нужно знать отношеніе числа учащихся къ общему числу дѣтей школьнаго возраста: слѣдовательно, нужно опредѣлить школьный возрастъ; опредѣлить же его для деревни очень нелегко. Если взять школьный возрастъ отъ 8 до 11 лѣтъ, то получатся одни данныя; при опредѣленіи его 8—14 годами—другія. Продолжительность школьнаго возраста зависитъ отъ многихъ условій, главнымъ образомъ отъ имущественнаго положенія семьи. Пользуется семья извѣстнымъ достаткомъ — и она раньше посылаетъ ребенка въ школу, дольше держитъ его тамъ; въ противномъ же случаѣ семьи нуждаются и въ его слабой рабочей силѣ. На измѣнчивость школьнаго возраста вліяютъ также разстояніе и качество школы. Показатель учащихся, по мнѣнію г. Страннолюбскаго и многихъ другихъ писателей, понятіе настолько сбивчивое, что иногда нѣтъ охоты и приводить его. Мы согласны съ тѣмъ, что цифры служатъ только приблизительнымъ выразителемъ школьнаго дѣла, что точность недостижима; однако, мы считаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ опредѣленіе для Россіи школьнаго возраста періодомъ 8—12 лѣтъ. Это близко къ дѣйствительности. Согласившись относительно школьнаго возраста, мы безъ труда можемъ опредѣлить число дѣтей, которыя остаются безъ обученія. Но гораздо труднѣе опредѣлить число школъ, въ которыхъ нуждается Россія: для этого нужно считаться не съ однимъ школьнымъ возрастомъ, но и со многими условіями, отъ которыхъ зависитъ посѣщаемость школъ: хозяйственное положеніе семьи, климатъ, пути сообщенія, качества школъ. Опредѣленіе нормальной сѣти училищъ нѣсколько затрудняется тѣмъ, что передъ нами школы трехъ типовъ: земская, церковно-приходская и школа грамоты. Но, отдавая предпочтеніе земскимъ школамъ и имѣя въ виду открытіе училищъ только этого типа, мы скажемъ, что, въ виду климатическихъ условій Россіи, трехверстное разстояніе терпимо, а двухверстное было бы наиболѣе желательнымъ: при такомъ разстояніи огромное большинство дѣтей школьнаго возраста можетъ пользоваться школой.

Высказывая эти мысли, мы знаемъ, что идея всеобщаго обученія не можетъ быть за короткое время осуществлена во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Однако, заботы многихъ и многихъ земствъ о всесторонней разработкѣ этого вопроса, о проведеніи идеи въ жизнь принадлежатъ къ самымъ свѣтлымъ, самымъ поучительнымъ страницамъ въ исторіи нашего самоуправленія.

1895 годъ въ политическомъ отношеніи.

«Минувшій годъ, говорятъ *Русскія Вѣдомости*, былъ годомъ испытанія для Европы, ея правительствъ и народовъ». И не для одной Европы, прибавимъ мы, а для всего міра: въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ происходили событія, глубоко волновавшія разные народы и государства, затрогивавшія многіе существенные интересы. Столкновеніе этихъ интересовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводило къ войнѣ. Крупнѣйшимъ событіемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи была, конечно, кровавая борьба Японіи съ Китаемъ. Она ясно показала преимущества общеевропейской культуры передъ «самобытнымъ» національнымъ застоемъ. Японія разгромила «недвижный Китай» не потому только, что по-европейски организованы ея военныя силы, но и потому,—и это въ особенности,—что въ основу ея государственной жизни преобразованіями нынѣ царствующаго императора введены основы правильной политической жизни, въ европейскомъ смыслѣ слова.

Высказывались предположенія, что упоенная военными успѣхами Японія сойдетъ съ пути мирнаго развитія; но опасенія эти, къ счастію, не оправдываются. Вмѣшательство Россіи, Франціи и Германіи, лишившее японцевъ одного изъ важнѣйшихъ плодовъ ихъ побѣдъ, — завоеванія Ліатонгскаго полуострова,—было встрѣчено, разумѣется, сильнымъ негодованіемъ. Но правительство и благоразумная часть общества не дали разыграться шовинистскимъ страстямъ, которыя по немногу и улеглись.

Побѣдоносная Японія заняла на дальнемъ Востокѣ такое выдающееся положеніе, съ которымъ отнынѣ постоянно придется считаться европейскимъ державамъ, въ особенности нашему отечеству. Великій сибирскій путь укрѣпитъ наше положеніе въ военномъ отношеніи, а та сильная волна просвѣщенія, которая проносится теперь по русской землѣ, укрѣпитъ насъ духовно и экономически. Спокойная, твердая и мирная политика нашего правительства принесетъ тогда особенно благотворные результаты для нашей національной и для міровой цивилизаціи. Мы видимъ, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ приводитъ своекорыстная, хищническая политика Англіи, которую многіе изъ нашихъ самобытниковъ предлагаютъ за образецъ для Россіи. Консервативный кабинетъ, какъ это часто бывало въ

Англіи, пожелалъ отвлечь общественное мнѣніе отъ важныхъ внутреннихъ преобразованій въ сторону международныхъ интригъ и земельныхъ пріобрѣтеній. Великобританское правительство,—слѣдуя на этотъ разъ великодушнымъ идеямъ, которыя такъ долго и блистательно защищалъ Гладстонъ,—рѣшительно выступило на защиту турецкихъ армянъ, подвергающихся позорящимъ Европу звѣрствамъ со стороны полудикихъ мусульманскихъ племенъ. Благородное само по себѣ вмѣшательство это вызвало со стороны другихъ великихъ европейскихъ державъ нѣкоторое недовѣріе, оправдываемое исторически извѣстнымъ образомъ дѣйствій англійскаго правительства, когда оно находилось въ рукахъ консерваторовъ. Тѣмъ не менѣе Европа дѣйствовала довольно дружно, и страданія томящихся подъ турецкимъ игомъ христіанъ будутъ уменьшены, если не совсѣмъ прекращены. Не великъ этотъ результатъ, но онъ является для мусульманскаго міра грознымъ предостереженіемъ.

Потерпѣвъ сильный дипломатическій уронъ въ японско-китайской войнѣ, не достигнувъ всѣхъ своихъ цѣлей въ армянскомъ вопросѣ, британское правительство вступило въ серьезное столкновеніе съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Причиною была именно та политика корыстныхъ побужденій и захватовъ, о которой мы упоминали. Великобританія давно уже стремится отнять у Венецуэлы значительное пространство земли по сосѣдству съ англійскою Гвіаною. На этотъ разъ противъ такого захвата рѣшительно выступилъ президентъ великой заатлантической республики. Кливелендъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ осудилъ британскую политику и высказался за строгую защиту извѣстнаго требованія Монро: Америка для американцевъ. Одно время отношенія между Соединенными Штатами и Великобританіей настолько обострились, что можно было опасаться открытаго разрыва. Къ счастью, дѣло теперь, повидимому, улаживается, и мы не будемъ присутствовать при позорномъ зрѣлищѣ войны между двумя просвѣщеннѣйшими націями. Англійское правительство согласится, по всей вѣроятности, на третейскій судъ въ своей распрѣ съ Венецуэлой.

И въ Африкѣ англійская политика вызвала серьезное столкновеніе: вооруженный отрядъ, подъ предводительствомъ англичанина, вторгнулся въ Трансвааль. Отрядъ былъ разбитъ боерами, его предводитель взятъ въ плѣнъ съ остатками своихъ солдатъ. Европейское общественное мнѣніе неодобрительно отнеслось къ этой полу-разбойничьей попыткѣ, а императоръ Вильгельмъ II телеграммой къ президенту республики Крюгеру выразилъ боерамъ горячее сочувствіе. Надо, однако, замѣтить, что положеніе вещей въ Трансваалѣ нельзя назвать нормальнымъ: почти двѣ трети населенія—европейскіе переселенцы, въ числѣ которыхъ много англичанъ и американцевъ,—не пользуются въ странѣ никакими политическими правами, неся тяжесть податей. Но естественно ожидать, что такой порядокъ будетъ, при содѣйствіи Англіи, преобразованъ безусловно мирными средствами.

Во внутренней жизни самой Англіи наступило относительное затишье,

которое у такого энергическаго и просвѣщеннаго народа не можетъ, конечно, быть продолжительнымъ. Ирландскій вопросъ съ удаленіемъ Гладстона отодвинутъ на второй планъ, но его нельзя снять съ исторической очереди. Если благородная мысль Гладстона опередила большинство его соотечественниковъ, то слѣдующее поколѣніе англичанъ можетъ усвоить мысль о политической автономіи Ирландіи, мысль, которую теперь не допускають національная спѣсь и корыстные разсчеты.

Создала себѣ серьезныя затрудненія завоевательною политикою и Италія. Стремясь утвердиться на Красномъ морѣ и подчинить своему вліянію Абиссинію, кабинетъ Криспи все болѣе и болѣе втягивалъ страну въ большія военныя издержки. Италіанскій отрядъ одержалъ рядъ побѣдъ, его предводителя, генерала Баратіерри, шумно чествовали въ Римѣ и въ другихъ городахъ; но подъ конецъ года италіанцы потерпѣли въ Африкѣ весьма чувствительное пораженіе и положеніе ихъ тамъ значительно ухудшилось.

Такимъ образомъ шовинистскія движенія и хищническій взглядъ на колоніи все болѣе и болѣе запутываютъ и экономическое, и политическое положеніе Италіи. Вмѣсто энергическихъ реформъ, которыя подняли бы расшатанное хозяйство итальянскаго народа и просвѣтили бы его темныя еще массы, правительство тратитъ громадныя средства, чтобы не отстать въ вооруженіяхъ отъ своихъ союзницъ. И замѣчательно, что именно объединенная Италія, такъ много терпѣвшая отъ австрійскаго ига и деспотизма бывшихъ мелкихъ властителей, съ особенною настойчивостью желаетъ теперь быть великою военною державой, выражаетъ воинственные замыслы, предпринимаетъ отдаленныя завоеванія. Духъ милитаризма и манія государственнаго величія далеко не исчезли еще на западѣ Европы. Оттуда иногда получаются и любопытныя указанія и предложенія для русской иностранной политики. Такъ мы получили на-дняхъ книжку одного журнала, издающагося въ Лозаннѣ, съ просьбой обратить вниманіе и содѣйствовать распространенію идей, заключающихся въ одной изъ статей этой книжки *). Авторъ статьи, озаглавленной *Россія въ Константинополь*, обращаетъ вниманіе на то, что шесть великихъ державъ, содержащихъ болѣе десяти милліоновъ солдатъ, единодушны въ желаніи сохранить миръ. Намъ кажется, что еслибы какимъ-либо чудомъ эти десять милліоновъ вооруженныхъ людей превратились въ простыхъ и мирныхъ работниковъ, то единодушное желаніе мира не потерпѣло бы отъ этой метаморфозы; непрерывныя же вооруженія неизбѣжно ведутъ и къ разоренію, и къ войнѣ. Г. Таллише надѣется, что политикой будутъ руководить все болѣе и болѣе гуманныя и возвышенныя чувства. Эту надежду раздѣляемъ и мы. Но кромѣ чувствъ нужны опредѣленныя идеи, отчетливо понятыя цѣли и средства для дѣйствительно прочнаго умиротворенія Европы. Что предла-

---

*) *Bibliothèque Universelle et Revue Suisse*, Janvier, 1896. *Ed. Tallichet: La Russie à Constantinople.*

гаетъ въ этомъ отношеніи г. Таллише,—видно уже изъ заглавія его статьи: Константинополь надо отдать Россіи. По мнѣнію швейцарскаго публициста, овладѣть Константинополемъ есть завѣтная мечта русскихъ, она является религіознымъ требованіемъ, идеаломъ, къ которому стремится русскій народъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ великою націей. Наши читатели очень хорошо знаютъ, что многомилліонный русскій народъ не имѣетъ никакого желанія захватить Константинополь, что такого рода стремленія обнаруживаетъ лишь незначительная, хотя и очень шумливая группа русскихъ шовинистовъ. Къ статьѣ г. Таллише мы, быть-можетъ, вернемся въ очередномъ иностранномъ обозрѣніи, здѣсь мы отмѣтимъ ее только какъ поучительный признакъ существующихъ на Западѣ теченій мысли. Онѣ отступаютъ постепенно передъ напоромъ новыхъ воззрѣній, которыя требуютъ мирной просвѣтительной работы отъ правительствъ и народовъ, которыя отрицаютъ территоріальные и другого рода захваты. Во внутренней жизни любого европейскаго государства такъ еще много задачъ существенной важности, что въ высшей степени неблагоразумно и несправедливо отвлекать вниманіе и силы отъ ихъ разрѣшенія. И приходится сказать, что въ истекшемъ году въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало. Такъ Франція, пережившая неожиданно президентскій кризисъ, въ настоящее время, при президентѣ республики Феликсѣ Форѣ и министрѣ-президентѣ Леонѣ Буржуа, только что приступаетъ къ серьезнымъ реформамъ, которыхъ давно требуетъ жизнь. Въ числѣ этихъ реформъ слѣдуетъ отмѣтить введеніе подоходнаго прогрессивнаго налога. Хотя размѣры налога и незначительны, но экономисты буржуазнаго лагеря забили тревогу, съ ихъ точки зрѣнія вполнѣ основательную. Чрезвычайно важно введеніе въ податную систему самого принципа подоходнаго прогрессивнаго обложенія.

Въ Германіи парламенту и либеральной части общества и печати приходилось въ прошломъ году защищаться отъ усилившихся реакціонныхъ теченій. Такъ парламентъ отвергнулъ репрессивный законопроектъ, направленный противъ свободы печати. Профессора университетовъ, почти вся печать, представители самоуправленія вели настойчивую агитацію противъ этого законопроекта. Въ Берлинъ съѣзжались городскіе головы и гласные двухсотъ германскихъ городовъ, чтобы протестовать противъ проектировавшихся мѣръ къ стѣсненію свободнаго выраженія своихъ идей и убѣжденій. Въ парламентъ поступали петиціи съ сотнями тысячъ подписей, и въ этихъ петиціяхъ избиратели предлагали депутатамъ рейхстага отвергнуть правительственный законопроектъ. Движеніе было внушительнымъ и величественнымъ. Германскій народъ доказалъ, что ему близки и дороги интересы независимаго изслѣдованія и неподкупной политической мысли. Въ результатѣ дружнаго отпора общественнаго мнѣнія явилось и отверженіе законопроекта, и отказъ имперскаго правительства отъ внесенія въ парламентъ новыхъ предложеній подобнаго рода. Въ скоромъ времени долженъ былъ выйти въ отставку министръ внутреннихъ дѣлъ Келлеръ, бывшій въ правительствѣ главною опорой реакціонеровъ.

Знаменателенъ былъ и отказъ парламентскаго большинства, образовавшагося изъ вольно-мыслящихъ, клерикаловъ и соціалистовъ, чествовать восьмидесятилѣтіе рожденія князя Бисмарка. Эти партіи показали, что они не желаютъ прославлять *политику крови и желѣза*, что они не забыли тѣхъ диктаторскихъ стремленій, которыя обнаруживалъ имперскій канцлеръ, и тѣхъ полицейскихъ средствъ борьбы, которыя онъ пускалъ въ ходъ противъ своихъ политическихъ противниковъ.

Во внутренней жизни Австро-Венгріи не произошло въ 1895 г. серьезныхъ перемѣнъ къ лучшему. Послѣ *дѣлового* кабинета Кильмансега, смѣнившаго кабинетъ Виндишгреца-Пленера, вынужденнаго подать въ отставку, императоръ поручилъ составленіе цислейтанскаго министерства графу Бадени. Графъ Бадени обнаружилъ большія административныя дарованія, какъ намѣстникъ Галиціи. Его назначеніе министромъ-президентомъ обезпечивало правительству поддержку польскаго клуба рейхсрата. Графъ Бадени немедленно снялъ осадное положеніе въ Прагѣ и попытался примирить съ новымъ кабинетомъ младочеховъ. Но это ему не удалось. Наученные горькимъ опытомъ старо-чеховъ, младо-чехи потребовали у правительства удовлетворенія своихъ законныхъ національныхъ стремленій. Графъ Бадени исполнить этихъ требованій не могъ, такъ какъ и въ его программѣ основнымъ пунктомъ являлось, какъ и у покойнаго графа Таафе, балансированіе между центростремительными желаніями австрійскихъ нѣмцевъ и центробѣжными стремленіями другихъ народностей.

Обратила на себя въ прошломъ году большое вниманіе многочисленная депутація изъ Галиціи, которая пріѣзжала въ Вѣну съ жалобою императору на галиційскаго намѣстника, графа Бадени, сильно тѣснившаго русскихъ на послѣднихъ выборахъ въ мѣстный ландтагъ. Графъ Бадени,—министръ-президентъ,—любезно допустилъ депутацію до пріема у императора; но, конечно, онъ не допуститъ, чтобы Францъ-Іосифъ выразилъ порицаніе графу Бадени, бывшему галиційскому намѣстнику. Важно однако, что была депутація, что на злоупотребленія польской администраціи и польскаго панства обращено общественное вниманіе.

Слѣдуетъ отмѣтить рѣшительное торжество антисемитовъ и соединившихся съ ними партій на выборахъ въ вѣнскую городскую думу. Предводимыя Люгеромъ партіи овладѣли двумя третями голосовъ, и такимъ образомъ нѣмецко-либеральная партія, такъ долго хозяйничавшая въ столицѣ Цислейтаніи, сразу лишилась всякаго значенія. Бургомистромъ Вѣны былъ избранъ Люгеръ. Правительство кассировало избраніе, но слѣдующіе выборы были новою побѣдой Люгера. Тогда графъ Бадени распустилъ думу. Недалекое будущее покажетъ, удастся ли подобными мѣрами сломить предводимую Люгеромъ коалицію.

Въ наступившемъ году мадьяры собираются торжественно отпраздновать тысячелѣтіе своего появленія въ Панноніи. Въ Буда-Пештѣ есть панорама, изображающая это событіе, появленіе массы вооруженныхъ, бѣшено скачущихъ всадниковъ, нашествіе цѣлаго племени, смерть и пожаръ,

разносимые имъ въ тогдашней Панноніи. Черезъ тысячу лѣтъ мадьяры составили энергическую и даровитую націю, добились національной независимости. Въ прошломъ году, несмотря на упорное сопротивленіе католическаго духовенства въ Венгріи введена полная религіозная свобода. Столица Транслейтаніи стала однимъ изъ лучшихъ и многолюднѣйшихъ городовъ Европы. Улицы Пешта украшены статуями героевъ и мучениковъ борьбы за венгерскую независимость и свободу. Но не мадьярскія народности, живущія въ Транслейтаніи, не имѣютъ основанія искренне присоединиться къ мадьярскому празднику: онѣ до сихъ поръ подвергаются большимъ, нерѣдко жестокимъ притѣсненіямъ, господствующій въ государствѣ народъ настойчиво стремится омадьярить и славянъ, и румынъ, и нѣмцевъ, совокупная численность которыхъ превышаетъ численность мадьярскаго населенія.

Не легко положеніе и славянъ Балканскаго полуострова. Сербія никакъ не оправится отъ печальныхъ послѣдствій отмѣны прежней конституціи, произведенной молодымъ королемъ по внушенію своего отца. Теперь Миланъ опять покинулъ Сербію, получивъ, по всей вѣроятности, новыя средства для безобразнаго мотовства и азартной игры. Вмѣсто отца пріѣхала мать, но вліяніе королевы Наталіи признается плодотворнымъ. Она постарается примирить короля Александра съ руководителями либеральныхъ партій.

Въ Болгаріи длится неопредѣленное положеніе вещей. До сихъ поръ не состоялся переходъ принца Бориса въ православіе. Его желаетъ народъ, это желаніе выразило народное собраніе, и его исполненіе было бы значительнымъ шагомъ на пути примиренія съ Россіей. Въ иностранной печати появились извѣстія, что противъ перехода принца Бориса изъ католицизма въ православіе рѣшительно возстаетъ папа.

Въ Румыніи и Греціи не произошло крупныхъ событій. Культурная жизнь во второмъ изъ этихъ государствъ развивается медленно и неправильно. Тихо прожила прошлый годъ Черногорія.

На другомъ европейскомъ полуостровѣ Испанія и Португалія также не внесли ничего плодотворнаго въ обще-европейскую жизнь. Испанія до сихъ поръ не справилась съ возстаніемъ на Кубѣ. Послѣднія извѣстія съ этого острова звучали тревожно для владычества на немъ испанцевъ.

Въ Бельгіи клерикально-реакціонное правительство провело законъ, подчиняющій народную школу католическому духовенству. Несмотря на сильнѣйшую агитацію противъ этого закона со стороны либераловъ и рабочей партіи, правительство пытается провести его въ жизнь. Это печальное событіе можетъ послужить урокомъ рабочей партіи, которая, какъ только либералы добились въ Бельгіи почти всеобщей подачи голосовъ, поспѣшила выбросить ихъ за бортъ, выдвинувъ исключительно свою программу и своихъ кандидатовъ въ депутаты парламента. Напомнимъ, что въ концѣ прошлаго года скончался одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ вождей бельгійскихъ либераловъ, знаменитый Фреръ-Орбанъ.

Въ сосѣдней съ Бельгіей Голландіи въ политическомъ отношеніи крупнаго ничего не произошло. Въ Швейцаріи замѣчалось возрожденіе федеральнаго духа, возставшаго противъ попытокъ централизаціи военнаго управленія и другихъ отраслей администраціи. Въ Даніи, Швеціи и Норвегіи годъ прошелъ спокойно. Въ настоящее время въ Швеціи происходятъ вторые выборы (первые были въ 1893 году) въ *народный парламентъ*. Какъ извѣстно, въ этой странѣ до сихъ поръ господствуетъ ограниченная цензомъ и сословная система представительства. За введеніе всеобщей подачи голосовъ ведется сильная пропаганда. Было предложено, между прочимъ, чтобы всѣ шведскіе граждане, не имѣющіе права участвовать на выборахъ въ парламентъ, выбирали — и мужчины и женщины, делегатовъ въ особое собраніе, которое должно собраться потомъ въ Стокгольмѣ. Въ 1893 году на этихъ вольныхъ выборахъ приняли участіе 150,000 человѣкъ, теперь примутъ, вѣроятно, значительно болѣе. Подача голосовъ происходитъ по списку, всѣхъ делегатовъ полтораста. По до сихъ поръ дошедшимъ извѣстіямъ, громадное большинство въ *народномъ парламентѣ* будетъ принадлежать либеральнымъ партіямъ.

Въ общемъ истекшій годъ не разрѣшилъ никакой важной исторической задачи, но во многихъ явленіяхъ чувствуется непрерывающійся ростъ здравой политической мысли. Лѣтъ двадцать,—можетъ быть и десять тому назадъ,—любой изъ неразрѣшенныхъ 1895 годомъ вопросовъ могъ бы очень быстро привести къ войнѣ. Теперь къ войнѣ усиленно готовятся, но всѣ ея боятся: и рискъ для каждой стороны очень великъ, и миролюбивыя чувства развиваются въ европейскомъ обществѣ. Множатся и улучшаются пути и средства международнаго общенія, устраняющаго несправедливыя притязанія національнаго эгоизма и тщеславія. Такъ въ августѣ прошлаго года въ Брюсселѣ происходила шестая сессія междупарламентской конференціи, которая начинаетъ играть замѣтную роль въ политической жизни европейскаго Запада.

Предложеніе созывать ежегодно членовъ разныхъ европейскихъ парламентовъ было сдѣлано въ 1878 году на международномъ конгрессѣ обществъ міра, въ Парижѣ, Едмондомъ Тьодьеромъ (Edmond Thiaudière). Но эта мысль показалась утопичною и десять лѣтъ ничего не дѣлалось для ея осуществленія. Въ 1888 году англійскій и американскій парламентъ предложили своимъ правительствамъ заключить договоръ о международномъ третейскомъ судѣ. Тогда г. Рандаль-Кремеръ и Фредерикъ Пасси созвали въ Парижѣ междупарламентскую конференцію для обсужденія вопроса о заключеніи договора о такомъ судѣ между Англіей, Соединенными Штатами и Франціей. По окончаніи засѣданій конференціи было выбрано бюро, которому было поручено организовать на слѣдующій годъ международный съѣздъ депутатовъ парламента. Онъ состоялся въ Парижѣ. Прибыло 98 депутатовъ изъ десяти странъ *). Съ тѣхъ поръ междупарламентская конфе-

*) См. *Moch*: „La conférence interparlementaire de Bruxelles“ (*Revue politique et parlementaire* 1895, decembre).

ренція собиралась ежегодно (въ Лондонѣ, Римѣ, Бернѣ, Гагѣ и въ прошломъ году въ Брюсселѣ). Въ 1892 году учреждено постоянное центральное бюро въ Бернѣ (*Bureau interparlementaire pour l'arbitrage international*), которое издаетъ ежемѣсячный журналъ (*Conférence interparlamentaire*). Въ настоящее время этотъ *Междупарламентскій союзъ* (*Union interparlementaire*),—таково принятое теперь названіе, имѣющее цѣлью подчеркнуть постоянство и прочность организаціи,—насчитываетъ уже 1,800 членовъ во всѣхъ европейскихъ парламентахъ. Въ числѣ членовъ союза находятся люди противоположныхъ убѣжденій, отъ реакціонныхъ до самыхъ крайнихъ, и не мало лицъ, занимающихъ въ монархіяхъ и республикахъ высокіе оффиціальные посты.

Послѣдняя конференція разработала проектъ постояннаго международнаго третейскаго суда. Предполагается, конечно, что государства, сохраняя свою національную независимость, будутъ добровольно присоединяться къ такой организаціи въ предотвращеніе ужасовъ и бѣдствій войны.

Одинъ роковой вопросъ стоитъ на пути *международнаго союза*: вопросъ о національностяхъ. Норвежскіе делегаты выступали съ изложеніемъ отношеній Норвегіи къ Швеціи; румынскіе члены союза указывали на притѣсненія, которымъ подвергаются ихъ единоплеменники со стороны мадьяръ. Въ нынѣшнемъ году мѣстомъ конференціи избранъ Буда-Пештъ, и румыны заявили, что вслѣдствіе этого они не явятся на конференцію. Если такое рѣшеніе не будетъ измѣнено, то конференція 1896 года окажется подтвержденіемъ непримиримости національной вражды мадьяръ съ румынами. Но мадьярамъ рано или поздно придется принять во вниманіе справедливыя требованія, которыя вытекаютъ изъ благотворнаго, быстро развивающагося международнаго общенія.

Другимъ вопросомъ, который угрожаетъ европейскому миру и задерживаетъ правильное политическое и экономическое развитіе Европы, является, конечно, вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи.

Трудность установленія въ Европѣ постояннаго третейскаго международнаго суда только увеличиваетъ глубокую благодарность политическимъ дѣятелямъ, энергическими усиліями которыхъ эта трудность постепенно преодолѣвается.

В. Гольцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: бенефисъ „вторыхъ" артистовъ драматической труппы; *Темная сила*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. И. В. Шпажинскаго).—Музыкальная хроника.

Передъ Рождественскими праздниками въ Маломъ театрѣ состоялся въ первый разъ спектакль «въ пользу вторыхъ артистовъ московской драматической труппы». Прекраснѣйшее доброе дѣло сдѣлало управленіе театрами, давши бенефисъ милымъ и почтеннымъ труженикамъ и труженицамъ, работающимъ много и добросовѣстно, создающимъ значительную долю успѣха множеству пьесъ, держащихся на сценѣ только благодаря стройности исполненія, не выдающихся, часто незамѣтныхъ почти ролей, имѣющихъ, тѣмъ не менѣе, очень большое вліяніе на общее впечатлѣніе, производимое спектаклемъ на зрителей. Кордебалетъ, декораторы и режиссеры давно уже пользуются бенефисами и слѣдовало дать такой же наградный спектакль скромнымъ служителямъ драматическаго искусства. Хорошо будетъ, если такіе бенефисы войдутъ въ обычное дѣло и даваться будутъ ежегодно. Но, къ сожалѣнію, получившіе бенефисъ воспользовались имъ для перваго раза совсѣмъ нехорошо: увлекшись, вѣроятно, примѣрами «набольшихъ», распорядители назначили тройныя, если не еще большія цѣны за мѣста, и за это были основательно наказаны,— театръ оказался чуть не на половину пустымъ. Тутъ дѣло не въ томъ только, много или мало получили бенефиціанты, больше или меньше они получили, чѣмъ сколько оказалось бы при умѣренныхъ, обыкновенныхъ или немного возвышенныхъ цѣнахъ, а дѣло въ нравственномъ впечатлѣніи, какое должны испытывать «именинники» передъ на-половину пустымъ столомъ. На этотъ разъ публика ясно показала, что примѣры «набольшихъ»—не указъ и что подражать имъ не слѣдуетъ. Да и самимъ «премьерамъ» уже было легкое предостереженіе въ бенефисъ г. Горева, игравшаго короля Лира и видѣвшаго нѣсколько пустыхъ ложъ въ качествѣ укора за несообразно высокія цѣны. Можно быть превосходнымъ актеромъ и большимъ любимцемъ публики, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы должно было на свой бенефисъ звать только такихъ людей, у которыхъ въ карманѣ «бѣшеныя деньги»; изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы должно было дѣлать бенефисныя представленія недо-

ступными для людей, не имѣющихъ возможности швырять деньги, и ужъ совсѣмъ не слѣдуетъ забирать изъ театральной кассы всѣ билеты къ себѣ на домъ и тамъ ими расторговываться, какъ это иногда случалось. Всякимъ «бѣшенымъ деньгамъ» есть предѣлъ и всякой безсмысленной расточительности бываетъ граница. Весьма можетъ случиться, что публика поразмыслитъ, образумится и порѣшитъ придержать свои карманы.

Въ бенефисъ «вторыхъ» артистовъ шла пяти-актная драма г. Шпажинскаго *Темная сила*. Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ потому, что она ловко «сдѣлана», но мы рѣшительно недоумѣваемъ, для чего она написана, что хотѣлъ ею сказать и доказать авторъ. Объ этомъ можно только догадываться, ибо семейная исторія, изображенная на сценѣ, совсѣмъ не вяжется съ заглавіемъ, напечатаннымъ на афишѣ, и не заключаетъ въ себѣ никакой драмы. Это просто хорошо разсказанный въ лицахъ несчастный житейскій случай, возможный въ дѣйствительности, — чего на свѣтѣ не бываетъ! — но подлежащій вѣдѣнію не драматурговъ и романистовъ, а прокурора и психіатровъ. Мотивъ для драмы или, вѣрнѣе, для комедіи былъ въ распоряженіи автора, такъ какъ подобные мотивы встрѣчаются нерѣдко во всѣхъ слояхъ общества, и хотя такой мотивъ далеко не новъ, онъ все же представляетъ нѣкоторый интересъ самою живучестью своей и безконечнымъ разнообразіемъ тѣхъ сочетаній и осложненій, къ которымъ онъ приводитъ въ дѣйствительной жизни. Сущность дѣла,—не въ драмѣ г. Шпажинскаго, а въ человѣческомъ обществѣ, — заключается въ томъ, что въ заурядную, мирную семью, живущую «такъ себѣ, не шатко, не валко», залѣзаетъ «темная сила» и мало-по-малу забираетъ въ свои руки всю власть въ этой семьѣ, что, конечно, ведетъ къ весьма разнообразнымъ послѣдствіямъ, драматическаго или комическаго характера, смотря по обстоятельствамъ. Примѣрамъ вторженія этого рода «темныхъ силъ» нѣтъ счета какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Отъ такихъ чужихъ воздѣйствій семья неизбѣжно страдаетъ, что, въ свою очередь, ведетъ къ различнымъ результатамъ: бываетъ, что «темная сила» одолѣваетъ всѣ сопротивленія и властвуетъ или добивается иной какой-либо цѣли; случается, что «темная сила» разрушаетъ въ семьѣ миръ и согласіе и расточаетъ нѣкоторыхъ членовъ семьи, дабы полнѣе властвовать надъ остальными; возможно, что сила сопротивленія въ семьѣ одолѣваетъ «темную силу», и эта послѣдняя претерпѣваетъ пораженіе и посрамленіе. Во всѣхъ трехъ случаяхъ между семьею или нѣкоторыми ея членами и «темною силой» происходитъ борьба, обусловливающая собою болѣе или менѣе драматическія положенія дѣйствующихъ лицъ. При этомъ неизбѣжна, разумѣется, и внутренняя борьба, переживаемая тѣми или другими участниками въ семейной драмѣ. Ничего этого нѣтъ въ пьесѣ г. Шпажинскаго, ни на что подобное въ ней нѣтъ даже намека по той простой причинѣ, что нѣтъ въ этой пьесѣ никакой «темной силы».

Подъ такимъ заглавіемъ изображенная въ лицахъ исторія заключается вотъ въ чемъ: живетъ въ столичномъ городѣ Петербургѣ семья богатаго

человѣка, занимающаго «видное положеніе», г-на Вырдина (г. Ленскій), состоящая изъ его супруги Варвары Матвѣевны (г-жа Никулина), дочери Анны (г-жа Яблочкина 2-я) и сына Леонида (г. Ильинскій). Превосходительный старикъ Вырдинъ — слабохарактерный брюзга, ума не крупнаго, эгоистъ, легко поддающійся чужимъ вліяніямъ и внушеніямъ, воображающій при этомъ, будто всѣмъ онъ самъ распоряжается по собственной волѣ и по своему усмотрѣнію,—лицо, хорошо намѣченное авторомъ и представляющее собою отличный матеріалъ для комедіи. Анна—любимица и баловница отца, сыномъ онъ постоянно недоволенъ и имѣетъ на то достаточныя основанія. Мать боготворитъ своего Леню, къ дочери относится довольно равнодушно, на мужа, повидимому, не имѣетъ никакого вліянія и отчасти ссорится съ нимъ изъ-за Леонида, неумѣренно требующаго отъ родителей денегъ и уже успѣвшаго надѣлать долговъ. Что такое Анна и Леонидъ—объ этомъ мы скажемъ потомъ. У Анны есть женихъ, Ящеровъ (г. Южинъ), свѣтскій человѣкъ, умный, осторожный и ловкій, подбирающійся не только къ приданому Анны, но и ко всему состоянію Вырдиныхъ путемъ устраненія Леонида отъ наслѣдства. Для начала онъ «внушаетъ» старику блестящую мысль и добивается отъ него духовнаго завѣщанія въ пользу своей невѣсты съ обязательствомъ выдавать Леониду опредѣленную сумму изъ доходовъ. Первое дѣйствіе кончается заявленіемъ Леонида родителямъ, что онъ женился безъ ихъ вѣдома на нѣкоей Клеопатрѣ Семеновнѣ или «Патѣ» (г-жа Лешковская), особѣ съ весьма некрасивымъ прошлымъ. Это прошлое почему-то извѣстно Вырдинымъ. Мать падаетъ въ обморокъ, отецъ выгоняетъ сына изъ дому. Второй актъ: мать опасно больна, требуетъ къ себѣ сына. Отецъ въ отчаяніи отъ болѣзни жены, въ негодованіи на сына, отказывающагося пріѣхать къ умирающей матери, если родители не дозволятъ ему явиться вмѣстѣ съ женой. Доведенный до крайности, старикъ вынужденъ согласиться на это. Клеопатра ловко разыгрываетъ передъ отцомъ «слезную» комедію сокрушенія и раскаянія, разжалобливаетъ податливаго папашу и вселяется въ домъ къ превеликому и нескрываемому негодованію Анны. Въ третьемъ дѣйствіи оказывается, что maman Вырдина умерла, папаша очень доволенъ снохой, забравшею въ руки весь домъ, все хозяйство и самого хозяина, за которымъ она ухаживаетъ такъ усердно, что этимъ скрашиваетъ всю жизнь захирѣвшаго старика, тогда какъ родная дочь неизмѣнно ходитъ съ вытянутымъ, оскорбленнымъ лицомъ, на всѣ попытки къ примиренію со стороны Клеопатры отвѣчаетъ «гордымъ» презрѣніемъ,—тѣмъ, что на простомъ семейномъ языкѣ называется у насъ «фырканьемъ». Далѣе мы не будемъ слѣдить за развитіемъ пьесы по актамъ, ибо тутъ уже начинается сумбуръ, въ которомъ нѣтъ возможности разобраться. Клеопатра ни съ того, ни съ сего пускается въ заигрыванія съ Ящеровымъ, предлагаетъ ему для чего-то вступить въ какой-то союзъ, признается ему въ страстной любви, кидается передъ нимъ на колѣни, выкупаетъ у ростовщицы (г-жа Садовская) его векселя и преподноситъ ихъ Ящерову въ презентъ... Ящеровъ

вѣжливо отказывается отъ союза, уклоняется отъ любви, спокойно кладетъ на столъ векселя, откланивается и уходитъ... уходитъ жениться на очень богатой и горбатой княжнѣ. Клеопатра ласками и ублаженіемъ старика добивается уничтоженія духовнаго завѣщанія въ пользу Анны, ласками и убѣжденіями добивается отъ мужа выдачи ей векселей на большую сумму. А Анна все «фыркаетъ», отказываетъ жениху и уходитъ изъ дому куда-то въ классныя дамы. Леонидъ съ начала третьяго дѣйствія и до финальнаго казуса непрестанно ноетъ самымъ удручающимъ образомъ, безъ всякаго резоннаго къ тому повода, такъ какъ финансовыхъ продѣлокъ жены онъ не знаетъ и не понимаетъ, ея экскурсій въ амурныя области съ Ящеровымъ не подозрѣваетъ, въ нѣжной любви супруги сомнѣваться не можетъ. И, несмотря на все это, Леонидъ, постоянно ссорившійся съ сестрой, вдругъ кидается къ ногамъ Анны, умоляетъ ее о прощеніи и прежней любви, рыдаетъ на ея плечѣ, потомъ,—еще болѣе нежданно,—распаляется ни за что, ни про что ненавистью къ Клеопатрѣ, отправляется въ свою комнату, вооружается револьверомъ и застрѣливаетъ жену... потомъ сходитъ съ ума. При чемъ же, однако, тутъ «темная сила» и гдѣ она, эта «сила»? Въ Клеопатрѣ? Да что же такое сдѣлала Клеопатра, за что ее стоило бы произвести въ столь большой чинъ, какъ *темная сила?* И ничего она не сдѣлала такого, за что ее стоило бы карать смертною казнью. Правда, бабенка она дрянная, довольно хитрая и обдѣлистая, ловко подбирается къ состоянію мужа и свекора, искусно отстраняетъ Анну и ея жениха, которые совсѣмъ было подобрались къ богатству старика. Но, вѣдь, это, такъ сказать, нравственная сторона дѣла, видная намъ, постороннимъ людямъ, и незамѣтная ни старому, ни молодому Вырдину. Фактически же дѣло обстоитъ такъ: въ семьѣ Вырдиныхъ миръ и согласіе были только кажущимися, и сами они людишки плохонькіе; сынокъ обобралъ maman до послѣдней рублевки, связался съ какою-то негодницей, женился на ней потихоньку отъ родителей по страстной любви, конечно. Его дурацкимъ увѣреніямъ, что онъ сдѣлалъ это изъ желанія спасти падшую и замотавшуюся женщину, нельзя вѣрить потому, что, во-первыхъ, этимъ способомъ никто не спасаетъ первую встрѣчную, и, во-вторыхъ, не онъ женился, а его женили. Хороша ли, плоха ли, на чужой взглядъ, Клеопатра, мужъ ее любитъ, а она его всячески ублажаетъ, и не ея вина, что на Леонида вдругъ «накатило», и онъ сошелъ съ ума. Клеопатра прозѣвала, надо было сдать его на руки врачамъ, засадить въ психіатрическую лѣчебницу. Maman, глупая баловница, дала себя обобрать не умному шалопаю сынку. Папаша—умничающій старый тетеревъ—далъ обобрать родного сына проходимцу Ящерову, при содѣйствіи любимой дочки, крайне безтактной, безтолковой и непріятной особы. Никто изъ нихъ, кромѣ Клеопатры, не видитъ, что Ящеровъ—вылощенный проходимецъ, худшаго и, во всякомъ случаѣ, болѣе опаснаго пошиба, чѣмъ Клеопатра, которая спасла Анну отъ выхода замужъ за такого господина. Анна такъ глупа, что допускаетъ постороннюю женщину отбить у себя отца ласкою, угодливостью, баловствомъ, и сама же своими

гордо-кислыми минами и грубыми выходками отталкиваетъ отъ себя убитаго горемъ старика. Ящуровъ, умный и смѣтливый, имѣющій огромное вліяніе на свою невѣсту, безучастно смотритъ на ея нелѣпыя штуки, тогда какъ онъ-то, видящій насквозь всю семью и Клеопатру, могъ бы всѣхъ и все повернуть по-своему въ какую ему угодно сторону, могъ бы безъ большого труда поставить Клеопатру на подобающее ей мѣсто, или, по меньшей мѣрѣ, потягаться съ нею изъ-за вліянія и изъ-за состоянія. Ничего этого онъ не дѣлаетъ и неизвѣстно, почему не дѣлаетъ. Для насъ ясно одно: не подвернись тутъ Клеопатра, Ящуровъ женился бы на Аннѣ и обобралъ бы всѣхъ Вырдиныхъ въ наилучшемъ видѣ, а какъ распорядился бы потомъ съ женой и ея родней, о томъ загадывать мы не можемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не сталъ бы няньчиться съ раскисшимъ старикомъ, какъ то дѣлаетъ Клеопатра, которая одна только своею лаской и ухаживаніемъ скрашиваетъ жизнь немощнаго папаши, покоитъ его, даетъ ему такое благополучіе, какого жаждетъ его старческій эгоизмъ. Только Анна омрачаетъ это благополучіе своею послѣднею штукой, уходомъ изъ дому. Подводимъ итоги. Семья Вырдиныхъ, при внѣшнемъ мирѣ, охраняемомъ богатствомъ и баловствомъ дѣтей родителями, съ самаго начала расползается врознь и расползлась бы безъ посторонняго вмѣшательства. Варвара Матвѣевна заболѣваетъ и потомъ умираетъ отъ того, что ея сынъ женился безъ ея разрѣшенія. Въ дѣйствительности самыя чадолюбивыя маменьки отъ этого не умираютъ, а поплачутъ-поплачутъ, да и перестанутъ. Вторженіе въ домъ Вырдиныхъ Клеопатры приноситъ благополучіе старику, принесло бы ему счастье, если бы не омрачала его дочь своими «гордыми» выходками; вторженіе Клеопатры не дѣлаетъ несчастнымъ Леонида, его просто томитъ развивающійся въ немъ психическій недугъ, причины котораго намъ не извѣстны. Вставленный въ пьесу эпизодъ внезапной любви Клеопатры ни для чего не нуженъ и неправдоподобенъ, никоимъ образомъ не вяжется съ характеромъ Клеопатры. Заключительный выстрѣлъ ровно ни съ чѣмъ не вяжется. Кончать пьесу убійствомъ, совершеннымъ сумасшедшимъ человѣкомъ—все равно, что для развязки ухлопать героя драмы кирпичомъ, упавшимъ съ крыши герою на голову. Никакой «темной силы» въ пьесѣ не оказывается, какъ нѣтъ и признака никакой драмы. Всѣ дѣйствующія лица идутъ себѣ своими дорогами безъ запинки, безъ заминки, безъ сомнѣній и безъ борьбы,—копышатся меленькія чувства въ ничтожныхъ душенкамъ, возятся дрянненькія мыслишки въ плохонькихъ головенкахъ, и все идетъ ровно и гладко... Такъ ровно и гладко, что могло бы въ томъ же родѣ идти еще пять, десять актовъ, если бы пистолетъ не выстрѣлилъ, а сдѣлалъ осѣчку.

Разыграна пьеса не совсѣмъ стройно, дѣло портилъ г. Ильинскій своимъ неровнымъ и дѣланнымъ тономъ съ неумѣстными выкрикиваніями. За то г. Ленскій превосходно изобразилъ старика Вырдина. Въ его исполненіи личность петербуржца съ «виднымъ положеніемъ» вышла очень типической и цѣльною. Были моменты, поразительные своею правдивостью, какъ,

напримѣръ, заключительная сцена перваго дѣйствія, когда онъ выгоняетъ изъ дома сына, или—удивительный моментъ, когда старикъ сознаетъ, что неладно дѣло, что его дурачатъ. Такъ же восхитительно хороши были нѣкоторыя сцены у г-жи Лешковской, особенно въ первомъ дѣйствіи переходы отъ притворства передъ суровымъ отцомъ мужа къ совершенно-естественнымъ соображеніямъ о томъ, насколько удалось ей разжалобить старика. При всемъ талантѣ г-жи Лешковской и при всемъ ея стараніи, цѣльнаго образа, все-таки, не вышло, потому что не изъ чего создать его, въ самой роли нѣтъ опредѣленнаго характера, вся она—точно собрана изъ кусочковъ и не крѣпко сшита, въ разныя стороны расползается. Нельзя назвать цѣльною и фигуру Ящерова, но всѣ шероховатости и недочеты въ ней сглаживаются замѣчательною выдержанностью тона, придающею настоящую типичность искателю богатой невѣсты. У г-жи Никулиной нѣтъ никакой роли, а всего лишь три-четыре ничего не значущихъ реплики, у г-жи Садовской—всего двѣ крохотныхъ сценки.

Праздничная публика,—мы были на второмъ представленіи 29 декабря,—осталась очень довольна пьесой, много хлопала, громко кричала, усердно вызывала исполнителей и автора.

Ан.

Программа перваго квартетнаго собранія (второй серіи) состояла исключительно изъ произведеній русскихъ композиторовъ-профессоровъ: г. Аренскаго, г. Шишкина и К. Ю. Давыдова. Этотъ «профессорскій» вечеръ могъ бы представить много поучительнаго, еслибы не былъ такимъ скучнымъ по произведеніямъ и по исполненію. Квартетъ г. Аренскаго G-dur, соч. 11,—произведеніе юное и, какъ опытъ начинающаго композитора, представляетъ смѣшеніе различныхъ стилей. Первыя три части съ Menuetto—носятъ слѣды вліянія Моцарта и Чайковскаго. Послѣдняя часть, варіаціи на русскую тему, болѣе самостоятельнаго характера, но неудачная по мысли автора, желающаго изобразить струннымъ квартетомъ волторны на выдержанныхъ нотахъ. Несмотря на несложившіяся понятія автора о квартетѣ, какъ представляющемъ нѣчто цѣльное, имѣющемъ свои законы и правила, все-таки видна его талантливость. Совсѣмъ въ другомъ видѣ показалось намъ произведеніе г. Шишкина тріо D-dur для фортепіано, скрипки и віолончели. Это произведеніе безспорно ученое, если подъ ученостью подразумѣвать сухость изложенія и монотонность мыслей. Взять тему, повторить извѣстное количество разъ, связать ее съ новою темой, тоже повторить и заключить въ тонъ доминанты, затѣмъ поставить репризы (знакъ повторенія) и еще разъ все съ начала повторить. Послѣ этого слѣдуютъ повторенія въ сокращенномъ видѣ и попеременномъ вступленіи темъ, причемъ дѣлаются модуляціи, какія взбредутъ въ голову; иногда онѣ спорятъ между собою и побиваютъ другъ друга, все это называется разработкою; иногда же вся эта музыка такъ надоѣдаетъ самому автору, что онъ вводитъ еще новую тему, третью; затѣмъ все это еще разъ заклю-

чается въ тонъ доминанты главнаго тона (обыкновенно дѣлается органный пунктъ); ну, а послѣ этого повторяется все изложенное до полной репризы съ транспонировкою въ главный тонъ. Вотъ такимъ образомъ цѣлое произведеніе, да еще въ сонатной формѣ, и готово къ исполненію, гдѣ найдется только для этого мѣсто. Г. Шишкинъ именно такъ и поступаетъ въ своемъ тріо, взявъ для упражненія и другія музыкальныя формы и показывая, что онъ, профессоръ, все-таки чему-нибудь учился помимо игры на фортепіано. Впрочемъ, его ученость кому-то понравилась, ему поднесли вѣнокъ, а публика послѣ двухъ-трехъ хлопковъ поспѣшила оставить залу. Секстетъ E-dur для двухъ скрипокъ, двухъ альтовъ и двухъ віолончелей К. Ю. Давыдова—произведеніе знаменитаго віолончелиста и превосходнаго музыканта, нынѣ умершаго. Секстетъ не претендуетъ на значеніе спеціально композиторскаго труда, это—произведеніе музыканта, который жилъ, чувствовалъ и мыслилъ. Поэтому предъявлять строгихъ требованій къ спеціальнымъ красотамъ, обязательнымъ для спеціалистовъ-композиторовъ, мы не можемъ. Это «музыкантское» произведеніе достаточно музыкально, искренно по чувству, не имѣетъ только ясно сознанныхъ музыкальныхъ образовъ. Вслѣдствіе чего получается нѣкоторая сумбурность въ построеніи всего сочиненія и рутинность пріемовъ въ деталяхъ. Казалось, дай этому человѣку настоящую композиторскую выправку, и онъ написалъ бы превосходное произведеніе. К. Ю. Давыдовъ, какъ и А. Г. Рубинштейнъ, писали такъ, какъ чувствовалось, и писали потому, что писалось. Во всякомъ случаѣ, секстетъ пріятно было послушать уже потому, что онъ напомнилъ намъ чувствованія и мысли прежнихъ музыкантовъ, прекрасныхъ учителей и добрыхъ людей, ничего не имѣющихъ общаго съ теперешними генералами отъ музыки. Но воспоминанія остаются воспоминаніями, а вечеръ въ общемъ, все-таки, былъ мало интереснымъ, скучнымъ. Исполнители несли свои обязанности съ обычнымъ усердіемъ, хотя изъ усердія этого мало что выходило хорошаго. Публики было немного.—Второе и третье квартетныя собранія представляли большой интересъ по участію въ нихъ чешскаго квартета. Если въ прошлый сезонъ они удивляли насъ стройностью и ансамблемъ, то теперь, еще болѣе прислушавшись къ ихъ игрѣ, положительно можно сказать, что они представляютъ выдающееся явленіе въ музыкальномъ мірѣ по исполненію квартетной музыки. Можно не соглашаться съ ихъ общимъ пониманіемъ произведенія, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что они даютъ цѣльную картину его. Вотъ эта-то коллективная способность въ изображеніи цѣлаго и заставляетъ удивляться ихъ исполненію и очаровывать слушателя. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности не представляетъ достаточную величину, способную возбудить глубокое вниманіе къ себѣ, но въ общемъ дѣлѣ они большіе артисты.

Программа обоихъ вечеровъ отличалась большимъ интересомъ и разнообразіемъ. Изъ русскихъ композиторовъ исполнены были квартеты: Аѳанасьева — «Волга» (извѣстный также подъ названіемъ «перваго русскаго квартета»), Бородина — A-dur; чешскихъ: Дворжакъ — D-moll, соч. 34,

Бендль—F-dur, соч. 119; нѣмецкихъ: Бетховена—Cis-moll, соч. 131 (наитруднѣйшій изъ всѣхъ его квартетовъ), Шумана — A-dur, соч. 41, и на бисъ сыграли по одной части изъ Шуберта и Гайдна. Конечно, при такой обширности репертуара, состоящаго изъ произведеній различныхъ по времени и талантливости авторовъ, трудно ожидать, чтобы все сыграно было съ одинаковымъ совершенствомъ. Нужно было совмѣстить въ своемъ пониманіи различіе жанровъ и направленій и представить исполненіемъ ясную картину ихъ. Возьмемъ, наприм., квартеты Аѳанасьева и Бородина, авторы которыхъ сравнительно близко по направленію подходятъ другъ къ другу. Но квартетъ Аѳанасьева только талантливо намекаетъ, придерживаясь внѣшняго облика русской темы, на суть русской музыки, тогда какъ Бородинъ смѣлою рукой, во всеоружіи техническихъ знаній, изображаетъ ее. Еще болѣе нужно было тонкаго пониманія для исполненія произведеній философствующаго Бетховена, романтика Шумана и имѣющихъ только относительныя достоинства квартетовъ Дворжака и Бендля. И все это гг. Гофманъ, Сукъ, Недбаль, Виганъ исполнили достаточно успѣшно и оставили сильное впечатлѣніе своимъ ансамблемъ, сыгранностью и пониманіемъ квартетной игры. Конечно, и въ ихъ исполненіи можно было найти нѣкоторую несоотвѣтственность съ духомъ произведенія, какъ, напримѣръ, это было при исполненіи Бетховенскаго квартета, который сыгранъ былъ слишкомъ виртуозно, въ особенности въ послѣдней части, но это можетъ быть объяснено общею трудностью пониманія этого произведенія и отчасти желаніемъ блеснуть совмѣстнымъ исполненіемъ, представляющимъ большія трудности. Дѣятельность чешскаго квартета, между прочимъ, указываетъ на то, что можно не ограничивать себя однимъ исполненіемъ въ качествѣ солистовъ или игрою въ оркестрѣ, но что можно составить почетную извѣстность и по другой отрасли музыкальной дѣятельности. Это не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію и нашимъ русскимъ артистамъ, тѣмъ болѣе, что въ струнномъ или духовомъ квартетѣ у насъ въ Россіи есть насущная потребность, такъ какъ самостоятельныхъ квартетовъ у насъ нѣтъ. Отчего бы не заняться этимъ дѣломъ,—можетъ быть, они тоже стали бы разъѣзжать въ качествѣ гастролеровъ. Артистическихъ силъ у насъ достаточно, нѣтъ только общности интересовъ къ родному искусству.— Публики въ оба квартетные вечера было много.

Русское музыкальное общество въ своей дѣятельности дѣйствуетъ, какъ антрепренеръ, у котораго плохо идутъ дѣла и для увеличенія рессурсовъ приглашающій знаменитостей. Не лучше ли было бы похлопотать объ улучшеніи своего собственнаго квартета, чѣмъ выписывать хотя бы и достойныхъ гастролеровъ?—Четвертое симфоническое собраніе русскаго музыкальнаго общества. Четырехручный фортепіанный дуэтъ (соч. 140) Франца Шуберта, инструментованный для полнаго оркестра г. Корещенко. Самъ по себѣ дуэтъ представляетъ интересъ только потому, что написанъ Шубертомъ, да еще можетъ служить нагляднымъ примѣромъ его модуляціонныхъ настроеній. Въ общемъ же это произведеніе не важное и носитъ при этомъ эскизный

характеръ. Есть у Шуберта ф.-п. сонеты, носящіе тотъ же характеръ и тоже какъ бы напрашивающіеся на инструментовку. Но инструментовать шубертовскія произведенія, по нашему мнѣнію, возможно только такимъ путемъ: во-первыхъ, нужно обладать талантомъ, близкимъ по характеру съ шубертовскимъ, затѣмъ оркестрируемое произведеніе слѣдуетъ обработать сообразно съ духомъ самого Шуберта такъ, чтобъ оркестровка являлась какъ бы прямымъ результатомъ содержанія,— все это требуетъ большого таланта и тонкаго изученія; второй способъ инструментовать сообразно съ новѣйшими эффектами блестящей инструментовки требуетъ выдающагося инструментатора, заявившаго уже себя такимъ (въ родѣ г. Римско-Корсакова). Г. Корещенко, разумѣется, не обладаетъ ни тѣмъ, ни другимъ; онъ просто переложилъ дуетъ для оркестра, посвятилъ его симфоническому оркестру, а г. Сафоновъ помѣстилъ переложеніе въ программу симфоническихъ вечеровъ, тѣмъ дѣло все и ограничилось.

Віолончелистъ Жанъ Жерарди еще совершенный мальчикъ, но уже отлично играющій на своемъ инструментѣ: прекрасный тонъ, большая техника, артистическое чувство, все вмѣстѣ взятое готовятъ въ будущемъ изъ него знаменитаго віолончелиста. Концертъ Линднера и «Le Desir» Серве и затѣмъ нѣсколько пьесъ на бисъ сыграны имъ съ большимъ вкусомъ и имѣли по исполненію вполнѣ заслуженный успѣхъ. Концертштюкъ для ф.-п. съ оркестромъ К. Шаминадъ представляетъ такое произведеніе, въ которомъ музыкальная изобрѣтательность автора находится подъ сильнымъ вліяніемъ другихъ композиторовъ (въ томъ числѣ и Чайковскаго), а оркестровое сопровожденіе своею эффектною инструментовкой, мало идущей къ дѣлу, еще болѣе портитъ общее впечатлѣніе. Исполнитель ф.-п. партіи г. Максъ Пауэръ, несмотря на биссированіе, игрою своей производитъ небольшое впечатлѣніе, такихъ піанистовъ много. Въ заключеніе вечера была сыграна увертюра «Оберонъ» Вебера.

Концертъ учащихся московской консерваторіи въ большой залѣ собранія отличался отъ прошлогодняго концерта избыткомъ пѣвческихъ силъ. Можно подумать, что консерваторія намѣревалась щегольнуть своею школой пѣнія. Въ результатѣ же получилось, что всѣ ея ученицы и ученики достаточнымъ знаніемъ въ этомъ направленіи не обладаютъ и профессора пѣнія только утѣшаютъ себя тѣмъ, что будто бы они могутъ учить пѣть. Голоса, правда, есть хорошіе, преимущественно изъ женскихъ, но искусство въ пѣніи ограничивается производствомъ только различнаго количества нотъ. Во-первыхъ, никто изъ учащихся пѣвцовъ не умѣетъ давать настоящаго звука и сидитъ онъ у нихъ гдѣ-то внутри. Получается это вслѣдствіе неумѣнья пользоваться звукомъ открытымъ, закрытымъ и груднымъ. Во-вторыхъ, разница регистровъ верхняго, средняго и нижняго слишкомъ замѣтна, что получается вслѣдствіе недостаточнаго усвоенія учениками переходовъ отъ одного къ другому. Въ-третьихъ, общая окраска голоса не имѣетъ благородной звучности, что отчасти можетъ получиться и не отъ одного недостатка преподаванія, но и отъ качества самого тембра

голоса, но, все-таки, этому можно научить. Имѣя все это въ виду, общее впечатлѣніе получается такое: форсированные верхніе и нижніе звуки и первобытное состояніе средняго регистра. Общая музыкальность пѣвцовъ-исполнителей не отличалась замѣтнымъ прогрессомъ отъ общеизвѣстнаго парадокса: пѣвцы самый не музыкальный народъ (примѣромъ чего можетъ служить г. Мазини съ своими ферматами не впопадъ), и московская консерваторія въ этомъ направленіи сдѣлала для своихъ учениковъ не много. Одинъ репертуаръ исполняемыхъ пьесъ уже указываетъ, что составленіе его профессорами зависитъ не отъ общепринятаго направленія въ школѣ, а отъ желанія угодить публикѣ. Произведенія Моцарта (тріо изъ оп. *Идоменей*), Рубинштейна (арія изъ оп. *Маккавеи*), Глинки (квартетъ изъ оп. *Жизнь за царя*) Россини (*Stabat mater*, № 8), Моцарта (арія изъ оп. *Донъ-Жуанъ*), Сенъ-Сансъ (арія изъ оп. *Самсонъ и Далила*), Беллини (арія изъ оперы *Сонамбула*),—все это передавалось съ беззаботностью, достойной лучшей участи. Если къ этому прибавить, что исполненіе дальше заученныхъ уроковъ не шло, а квартетъ Глинки даже плохо былъ и выученъ, то понятнымъ будетъ, что пѣвческій элементъ консерваторіи стоитъ далеко не на надлежащей высотѣ и что невинная забава показать преимущественно пѣвческое искусство привела къ печальнымъ результатамъ. Такое впечатлѣніе мы вынесли отъ поющихъ учениковъ и отъ ихъ степени подготовленности къ дальнѣйшей дѣятельности въ пѣвческомъ искусствѣ, вполнѣ зависящемъ отъ преподаванія ихъ профессоровъ. Играющихъ на различныхъ инструментахъ было значительно меньше (если не брать во вниманіе ученическаго оркестра): четыре віолончелиста, одинъ скрипачъ и двѣ піанистки-солистки. Віолончелисты сыграли вальсъ для четырехъ віолончелей соч. Фитценгагена (выборъ пьесы навѣрно зависитъ отъ нѣмецкаго настроенія ихъ профессора),—пьесы незначительной по содержанію и вульгарной по ритму, а ансамблемъ напоминающею уличную музыку странствующихъ музыкантовъ. Скрипачъ сыгралъ первую часть концерта Бетховена, который онъ ни по тону, ни по чистотѣ интонаціи, ни по техникѣ сыграть хорошо не могъ, за недостаткомъ нужной для этого подготовки въ школѣ. Обѣ піанистки, исполнявшія концерты Чайковскаго и Рубинштейна, произвели впечатлѣніе наилучшее, что происходило отчасти потому, что имѣя въ виду богатую подготовительную литературу ф.-п. игры, можно, пожалуй, получить ф.-п. образованіе прямо-таки по телеграфу. Курьезное впечатлѣніе производитъ концертъ для трехъ ф.-п. съ аккомпаниментомъ оркестра соч. Г. С. Баха. Концертъ исполнялся на трехъ піанино, составленныхъ такимъ образомъ, что между ними образовался уголъ; эта игра на піанино, а не рояляхъ, производилась для большей стильности исполняемаго произведенія, написаннаго для старинныхъ ф.-п. баховскаго времени. Консерваторія заботится о стильности исполняемаго посредствомъ подходящихъ инструментовъ, хотя самое содержаніе произведенія, передаваемаго на піанино, за громкимъ аккомпаниментомъ оркестра, плохо было слышно (мы слушали съ хоръ). Не мѣшало бы для общей стильности впечатлѣнія нарядить исполнитель-

ницъ въ напудренные парики того времени, къ которому принадлежитъ исполняемое ими сочиненіе. Это произвело бы большій эфектъ, а само исполненіе получило бы ясную температцію баховскаго стиля. Усиленный только четырьмя посторонними артистами, оркестръ учениковъ исполнилъ увертюру *Эгмонтъ* соч. Бетховена. Еслибъ не слишкомъ замедленная въ темпѣ интродукія увертюры (что зависѣло отъ дирижера), да побольше изящества въ оттѣнкахъ самой увертюры, то исполненіе въ общемъ можно назвать недурнымъ. Такое впечатлѣніе мы вынесли отъ играющихъ на инструментахъ учениковъ. Скажемъ въ заключеніе, что талантливость ученицъ и учениковъ какъ бы скрывалась за преподавательскою завѣсою и ясно очерченныхъ границъ не представляла. Публики въ концертѣ было не много, да и та имѣла характеръ оффиціальный или полуоффиціальный.

Третье симфоническое собраніе филармоническаго общества состоялось подъ управленіемъ капельмейстера императорской берлинской оперы доктора Мукъ и при участіи пѣвицы Джеммы Беллинчіони. Докторъ Мукъ пріѣзжалъ въ Москву нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ качествѣ дирижера вагнеровскихъ оперъ и выказалъ себя большимъ знатокомъ въ нихъ и опытнымъ руководителемъ. Теперь онъ является въ качествѣ симфоническаго дирижера. Выборъ произведеній: симфонія C-moll Бетховена, *Siegfried Idyll* Вагнера, *La reine Mab, ou la fée des songes* Берліоза и *Die Meistersinger von Nürenberg* Vorspiel, опять Вагнера,—указываетъ на серьезность его направленія и отчасти на стремленіе къ грандіозности. О C-moll'ной симфоніи Бетховена мы достаточно говорили въ прошлый сезонъ, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ произведеніяхъ. Вагнеровскія произведенія носятъ тотъ отпечатокъ, свойственный ихъ автору, въ которомъ мы замѣчаемъ, что его мелодическая изобрѣтательность находится въ прямой зависимости отъ гармонической. Вслѣдствіе этого мелодическій рисунокъ у него не есть плодъ самостоятельнаго вдохновенія, а является какъ бы результатомъ гармоническаго возбужденія автора. Отъ этого простому слушателю и трудно бываетъ прослѣдить всю мелодію до конца и усвоить ее цѣликомъ. Если къ этому прибавить, что формы музыкальныя у автора весьма часто находятся въ зависимости отъ воображаемаго поэтическаго содержанія, то трудность усвоенія еще болѣе увеличится. Въ такой же гармонической зависимости находится и инструментовка Вагнера. Нужно получить возможно большее число эффектовъ для гармоній, вслѣдстіе этого получается избытокъ звучности и силы, подчасъ доходящей до стихійности, ничего съ музыкой общаго не имѣющей. Выше названныя произведенія имѣютъ сравнительно скромные размѣры перечисленныхъ качествъ, но, все-таки, и они не изобилуютъ мелодическимъ матеріаломъ, способнымъ хотя бы временно поселиться въ душѣ слушателя. Въ отдѣльности все интересно, а въ общемъ утомительно и скучно. Мелодія—душа музыки, а намѣреніе замѣнить ее блескомъ и трескомъ инструментовки или хитрыми гармоническими комбинаціями въ аккордахъ, показываетъ, что композиторъ не мыслитъ музыкально и чувствуетъ, а только разсчитываетъ, хотя быть можетъ и умно. Произведеніе Берліоза (*Scherzo*),

про которое А. Н. Сѣровъ сказалъ: если извѣстное *Scherzo* Мендельсона изъ *Сна въ лѣтнюю ночь* соткано изъ тончайшихъ кружевъ, то это сдѣлано изъ паутины. Дѣйствительно, болтовня Меркуціо (трагедія Шекспира *Ромео и Джульета*) послужила сюжетомъ Берліозу для картиннаго изображенія въ звукахъ, поданныхъ королевы Мабъ, и ихъ дѣйствій. Богатство музыкальныхъ образовъ, соотвѣтствующая инструментовка и общая прозрачность, воздушность концепціи—все это даетъ возможность Берліозу достойнымъ образомъ изобразить фантастическій міръ фей. Объ исполненіи выше названныхъ произведеній можно сказать, что докторъ Мукъ ихъ понимаетъ и старательно ими дирижируетъ. Но докторъ Мукъ, по нашему мнѣнію, скорѣе дирижеръ оперный, чѣмъ симфоническій,—для этого у него не хватаетъ огня и способности къ моментальному изображенію картины произведенія. Все выходитъ хорошо, но какъ-то блѣдно, безъ увлеченія изображаемымъ моментомъ, хотя ведетъ онъ себя прекрасно и дирижируетъ толково. Лучшими по исполненію были произведенія Вагнера. Пѣвица г-жа Беллинчіони не обладаетъ красивымъ и сильнымъ голосомъ, но поетъ очень выразительно и подчасъ эта выразительность первенствуетъ надъ общею музыкальностью исполненія. Пропѣтая ею арія Агаты изъ *Волшебнаго стрѣлка* мало соотвѣтствовала характеру, какъ самого Вебера, написавшаго эту арію, такъ и типу изображаемаго лица—скромной нѣмецкой дѣвицы. Въ общемъ много получалось ненужной страсти и вульгарности итальянскаго пѣнія. Сравнительно лучше исполнила г-жа Беллинчіони арію изъ *Тангейзера* Вагнера, но гдѣ пѣвица была совершенно на мѣстѣ, такъ это при исполненіи безсодержательныхъ произведеній: Денуа (pourquoi tardez-vous) и Ирадіэ—болеро, спѣтыхъ очень выразительно и съ большимъ успѣхомъ. Четвертое симфоническое собраніе находилось подъ управленіемъ г. Колонна, при участіи опять пѣвицы Джеммы Беллинчіони и піанистки г-жи Штоссъ-Петровой. Какъ дирижеръ, г. Колоннъ достаточно извѣстенъ съ прошлаго сезона, и мы остаемся при прежнемъ мнѣніи, что онъ жанристъ въ дирижерскомъ искусствѣ. Исполненная подъ его руководствомъ седьмая симфонія представляла такую массу энергіи и страсти, что, пожалуй, покойному теченію бетховенскихъ мыслей въ ней не было и мѣста. Если Бетховенъ и могъ быть страстенъ, то не до бурности молодого человѣка, да, наконецъ, и не всѣ части симфоніи одинаково этого требовали. Болѣе по исполненію понравилась намъ *Scène d'Amour* изъ симфоніи *Ромео и Джульета* Берліоза, но за то само произведеніе показалось нѣсколько длиннымъ въ изложеніи и скучноватымъ по содержанію. Что было исполнено превосходно и съ пыломъ, достойнымъ лучшей участи, такъ это танцы изъ оп. *Сидъ* Массенэ: *Aragonaise, Aubade, Navarraise*. Желаніе дирижера произвести сильный эффектъ исполненіемъ—увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и каждый танецъ повторялся. Относительно исполненія танцевъ на симфоническихъ вечерахъ мы остаемся при особомъ мнѣніи, уже разъ высказанномъ (см. ноябрскую книгу *Русской Мысли*), и исполненіе эффектно написанной дребедени послѣ симфоніи Бетховена, считаемъ, по меньшей

мѣрѣ, неумѣстнымъ. Можетъ быть при этомъ руководствовались желаніемъ развлечь многочисленную публику? Все можетъ быть. Г-жа Беллинчіони спѣла три аріи, одну изъ *Балъ-маскарада* Верди, другую изъ *Карменъ* Бизе и третью изъ оп. *Сидъ* Массенэ. Пѣла она настолько хорошо, что ей поднесли корзину цвѣтовъ. Имѣя въ виду, что пѣвица поетъ настолько выразительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ арій даже захлебывается отъ избытка выразительности, мы полагаемъ, что ей слѣдовало бы поднести не одну не двѣ корзины, а цѣлую клумбу цвѣтовъ. На бисъ пѣвица исполнила съ большою кокетливостью еще нѣсколько пьесъ. Піанистка г-жа Штоссъ-Петрова обладаетъ порядочною техникой и небольшимъ тономъ, впрочемъ, вполнѣ достаточнымъ для салонныхъ произведеній. Сыгранный ею концертъ Es-dur Листа, выходилъ у нея какъ будто бы не по силамъ: ей недоставало виртуознаго блеска и большей силы звука, что вообще необходимо для листовскихъ сочиненій. Піанистка имѣла нѣкоторый успѣхъ, биссировала.

Пятое симфоническое собраніе филармоническаго общества было посвящено памяти Бетховена, род. 17 декабря 1770 года, слѣдовательно со дня его рожденія прошло сто двадцать пять лѣтъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ маленькій геній впервые увидѣлъ свѣтъ и услышалъ первые звуки, которыми впослѣдствіи онъ изображалъ съ такою яркостью новый, дотолѣ невѣданный міръ музыкальныхъ идей и образовъ, а люди продолжаютъ съ большимъ интересомъ и наслажденіемъ слушать его глубоко вдохновенныя произведенія и долго еще будутъ слушать и поучаться,—таково свойство генія... Программа состояла исключительно изъ бетховенскихъ произведеній: симфонія № 3, Es-dur, героическая; увертюра *Egmont*; концертъ для ф.-п. № 3, C-moll; увертюра *Leonore* № 3. Дирижировалъ оркестромъ г. Эрдмансдорферъ, ф.-п. партію въ концертѣ исполнялъ г. Пахманъ. Г. Эрдмансдорферъ—нашъ старый знакомый, и, какъ о дирижерѣ, мы достаточно говорили о немъ въ прошлый сезонъ. Въ настоящее время его виртуозный дирижерскій талантъ еще болѣе развился и окрѣпъ. Дѣйствительно, дирижируя оркестромъ, онъ какъ бы играетъ на большомъ инструментѣ,—до такой степени онъ свободно располагаетъ имъ. За то эта свобода въ распоряженіи оркестровыми силами и желаніе показать виртуозность исполненія весьма часто мѣшаютъ цѣльности впечатлѣнія Невольно обращаешь большое вниманіе на его умѣнье дѣлать различные оттѣнки и, такимъ образомъ, сосредоточиваешься на частностяхъ, а общая картина какъ-то расплывается. Это, впрочемъ, общій недостатокъ всякаго исполненія, въ которомъ виртуозность преобладаетъ надъ внутреннею передачей. Въ прежнее время г. Эрдмансдорферъ грѣшилъ избыткомъ виртуозныхъ эффектовъ, а теперь они прямо-таки первенствуютъ. При исполненіи бетховенскихъ произведеній этотъ грѣхъ сильно сказывался, а, между тѣмъ, бетховенская оркестровка не допускала этого. Оркестръ для Бетховена былъ только средствомъ для воплощенія его музыкальныхъ образовъ, а не служилъ, въ то же время, возможностью хвастнуть умѣньемъ пользоваться чисто-оркестровыми эффектами. И вотъ теперь бѣдный Бетховенъ, при дирижированіи г. Эрд-

мансдорфера, является какимъ-то ученикомъ въ оркестровкѣ, послѣ теперешнихъ усовершенствованій въ этомъ искусствѣ. Такому солидному и развитому музыканту, какъ г. Эрдмансдорферъ, нужно было принять это къ свѣдѣнію и обратить побольше вниманія на самую суть произведенія. Если къ этому прибавить еще, что артистическій пылъ дирижера весьма часто нарушалъ плавное теченіе бетховенскихъ мыслей различными ускореніями и замедленіями въ текстѣ, то, пожалуй, можно сказать, что на вечерѣ намъ приходилось больше удивляться дирижерскому искусству г. Эрдмансдорфера, чѣмъ слушать бетховенскую музыку, тѣмъ болѣе, что и поведеніе его на дирижерскомъ пьедесталѣ имѣло большой, такъ сказать, фотографическій интересъ. Сами произведенія достаточно извѣстны, и все вниманіе сосредоточивалось на исполненіи, но толкованіе талантливаго дирижера ограничивалось чисто внѣшними эффектами оркестровой игры. Фортепіанные концерты Бетховена, какъ и Моцарта, играются, можетъ быть, только въ консерваторіяхъ учениками; артисты не исполняютъ ихъ на эстрадѣ, не находя, по всей вѣроятности, достаточной возможности удивить публику своею игрой. А жаль, концерты имѣютъ многое, въ чемъ можно выказать виртуозную ловкость, да и пониманія музыкальнаго требуютъ большаго. Г. Пахманъ увѣренно справился съ обѣими задачами, хотя особеннаго впечатлѣнія и не оставилъ. Интересно знать, неужели во всей Москвѣ не нашлось піаниста, могущаго исполнить концертъ, и нужно ли было обращаться для этого къ иностранной знаменитости? Навѣрное, это объясняется артистическою обособленностью какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ учрежденій.

«Дубровскій», опера г. Направника. Сюжетъ оперы заимствованъ изъ повѣсти Пушкина того же названія. Либретто написано М. И. Чайковскимъ, братомъ знаменитаго композитора, и написано сценично, съ большимъ вкусомъ, хотя типъ Дубровскаго въ общемъ получился блѣдный и достаточно вялый. Въ либретто есть отступленія отъ общей нити разсказа и сюжетъ заканчивается смертью героя и сумасшествіемъ героини. Какъ сценическое представленіе, опера смотрится легко и съ интересомъ. Сюжетъ передавать мы не будемъ, большинству онъ извѣстенъ, отступленія же дѣлались, имѣя въ виду оперное представленіе, а не драму. Музыка новой оперы гладка и мелодична и принадлежитъ къ типу, такъ называемой, капельмейстерской музыки. Она не блещетъ оригинальностью мотивовъ, ни сложностью формъ, гармоніи тоже не отличаются новизной, появленіе темъ и ихъ проведеніе въ оперѣ не изобличаютъ въ авторѣ большого техника, скорѣе можно сказать, что вся опера построена на общихъ мѣстахъ, принадлежащихъ всѣмъ и каждому, и что авторъ не гнушался матеріаломъ для нея, часто совпадавшимъ съ идеями другихъ композиторовъ. Двѣ-три темы русскаго народнаго характера обработаны авторомъ съ явнымъ непониманіемъ ихъ національной сути, чего, конечно, отъ чеха-композитора нельзя и требовать. Хорошо удаются автору темы общаго характера, въ формѣ романса различной величины: таковы, наприм., романсъ Дубровскаго въ первомъ

дѣйствіи, второй картины, romanzetta Маши, во второмъ дѣйствіи, романсъ Дубровскаго (французскій), въ третьемъ дѣйствіи. Хоры и ансамбли оперъ тоже не характеризуютъ автора какъ мастера этого дѣла; они не имѣютъ голосовой индивидуальности и являются результатомъ только гармоническаго соединенія голосовъ, хотя бы и съ потугами на нѣкоторую самостоятельность. Оркестровыя вступленія, это—или плодъ досужей фантазіи, какъ, наприм., «интермеццо ночи» въ 4-мъ дѣйствіи, или ритурнели, послѣ игры которыхъ стучатъ палочкой и начинаютъ съ начала. Танцы оперы мало виртуозны, а русскій танецъ по музыкѣ это—нѣчто среднее между аристократическою Чехіей и демократическою Русью, въ общемъ довольно неудачное соединеніе. Инструментована опера отлично,—видно, что продолжительная капельмейстерская дѣятельность автора не прошла даромъ и онъ много наслышался всякой инструментовки. О драматической выразительности музыки въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ и о правдивости музыкальнаго языка въ речитативахъ можно сказать, что пріемы, которыми руководствуется въ нихъ авторъ, не только не новы, но чрезвычайно просты и общедоступны для всякаго дилетанта, импровизирующаго за ф.-п. Такъ, наприм., авторъ очень любитъ ферматы при заключеніяхъ (итальянская манера), которыя къ концу оперы въ количествѣ все болѣе увеличиваются. Эти остановки для изліянія чувства, не помѣстившагося въ только что пропѣтыхъ словахъ и музыкѣ, напоминаютъ пропившагося человѣка, который, послѣ ничего не значущихъ объясненій своего проступка, плачетъ. Издана опера превосходно у Юргенсона и даже съ примѣчаніями, какъ слѣдуетъ транспонировать и исполнять отдѣльные нумера въ концертахъ; стóитъ опера (Clavier-auszug съ пѣніемъ) довольно дорого. О постановкѣ оперы, исполненіи артистовъ, хора и оркестра говорить нечего,—все превосходно; г. Направникъ—слишкомъ важная персона и шутить съ нимъ не полагается, тѣмъ болѣе, что онъ самъ дирижировалъ. Успѣхъ опера имѣла значительный, и автора увѣнчали лаврами. Публики, разумѣется, было много,—время праздничное, да и опера новая... Мы позволимъ здѣсь сдѣлать небольшое отступленіе для слѣдующихъ соображеній. Второй сезонъ угощаютъ насъ новыми операми на сценѣ Большого театра. Авторы ихъ, гг. Трубецкой, Бларамберъ и г. Направникъ, конечно, люди почтенные, но если сопоставить ихъ имена съ именами композиторовъ Чайковскаго, Бородина и Н. А. Римскаго-Корсакова, произведенія которыхъ еще ждутъ постановки, то покажется страннымъ, почему не ихъ имена фигурируютъ на сценѣ лучшаго изъ театровъ? Полагаемъ, что такія оперы, какъ *Игорь* Бородина, *Опричники* Чайковскаго, *Борисъ Годуновъ* Мусоргскаго, *Псковитянка* Римскаго-Корсакова,—и другія оперы настоящихъ, заправскихъ русскимъ композиторовъ,—могли бы составить репертуаръ на многіе годы для всякой даже образцовой заграничной сцены. Такая ненормальность въ тактикѣ театровъ и другихъ музыкальныхъ учрежденій, выставляющихъ намъ иноземные таланты, объясняется тѣмъ, что русское искусство до сихъ поръ еще находится въ рукахъ иностранцевъ. Поло-

жимъ, при обученіи въ нашихъ консерваторіяхъ преимущественно интернаціональныхъ элементовъ, русскихъ музыкантовъ получается немного, но, все-таки, думаемъ, что въ небольшой-то семьѣ ихъ, въ лицѣ лучшихъ представителей, можно было бы почтить русское искусство постановкой ихъ произведеній. Такіе композиторы, какъ Чайковскій, Бородинъ и Мусоргскій, не каждый день родятся, да и творческая ихъ дѣятельность уже всѣми достаточно оцѣнена и признана.

Концертъ двѣнадцатилѣтняго или четырнадцатилѣтняго Рауля Кочальскаго представлялъ особый интересъ. Многочисленныя газетныя рекламы, портреты, слухи о колоссальномъ состояніи юнаго піаниста,—все вмѣстѣ взятое показалось намъ подозрительнымъ для такой маленькой знаменитости. На дѣлѣ наша подозрительность оправдалась. Рауль Кочальскій— просто талантливый мальчикъ и для своихъ лѣтъ очень хорошо играющій на ф.-п.; раздувать его способности до музыкальнаго феномена нѣтъ никакой причины. Лучше поступили бы руководители его музыкальной карьеры, если бы серьезно занялись развитіемъ его таланта, чѣмъ стараться распространять его дѣтски-слабыя произведенія.

А. Барсовъ.

Нѣсколько словъ „Вѣстнику Европы“ и „Журналу Юридическаго Общества“.

Съ январьской книжкой 1896 года *Вѣстникъ Европы* вступилъ въ тридцать первый годъ своего существованія. Столь долгое уже и въ высшей степени плодотворное служеніе русскому обществу, его просвѣщенію, росту у насъ гуманныхъ идей и учрежденій, съ благодарностью будетъ отмѣчено, конечно, каждымъ безпристрастнымъ историкомъ и литературы, и общественной мысли въ Россіи. Мы привѣтствуемъ нашего уважаемаго собрата, въ которомъ видимъ гордость русской повременной печати.

Четверть вѣка исполнилось петербургскому *Журналу Юридическаго Общества.* Вспоминая пройденный путь, журналъ говоритъ:

«Кто не знаетъ, сколь трудно и отвѣтственно положеніе самаго скромнаго, но честнаго труженика мысли, не желающаго поступаться своими убѣжденіями въ нашъ порывистый, богатый быстрою смѣной склонностей и увлеченій вѣкъ? Кто, припоминая скорбный перечень безвременною погибшихъ повременныхъ изданій всевозможныхъ лагерей и направленій, насчитаетъ изъ пережившихъ годину бѣдствій болѣе трехъ или четырехъ, оставшихся вѣрными себѣ и не измѣнившихъ своему знамени? Кому изъ причастныхъ къ умственной жизни Россіи неизвѣстно, чего не переиспытала наша журналистика за минувшую четверть столѣтія?»

Искренне желаемъ *Вѣстнику Европы* и *Журналу Юридическаго Общества* перейти въ двадцатый вѣкъ при условіяхъ вполнѣ благопріятныхъ для честнаго служенія просвѣщенію и общественной справедливости.

Ред.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь 1896 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Исторія и біографіи.—Этнографія и археологія.— Путешествія.— Искусство.— Политическая экономія и финансы. — Юридическія книги.— Сельское хозяйство.— Пособія, учебники, дѣтскія книги.— Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Сѣверный Вѣстникъ», *декабрь*.—«Русское Богатство», *декабрь*.—«Русское Обозрѣніе», *декабрь*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1895 года по 1 января 1896 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Морскіе силуэты“. *К. М. Станюковича*.—„Братья-изгои“. *Н. Раменскаго*.—„Святочные разсказы“. *Ф. Нефедова*.

Морскіе силуэты. Изъ далекаго прошлаго. К. М. Станюковича. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1896 г. Цѣна 1 рубль.—Г. Станюковичъ давно извѣстенъ нашимъ читателямъ за очень большого мастера писать „морскіе“ разсказы, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ одинъ, кажется, изъ нынѣшнихъ писателей знакомитъ русскую публику съ бытомъ моряковъ, который ему, какъ старому моряку, хорошо знакомъ. Эти два обстоятельства,—выдающаяся талантливость повѣствованія и новость сюжетовъ,—придаютъ особенный интересъ этого рода разсказамъ г. Станюковича, а неизмѣнно звучащіе въ нихъ мягкіе тоны любви къ меньшему брату, матросику, необыкновенно привлекательны своею искренностью. Они будятъ въ читателѣ добрыя гуманныя чувства, но отнюдь не вызываютъ слащаваго умиленія передъ этимъ „меньшимъ братомъ, всегда болѣе или менѣе поддѣльнаго, фальшиваго, у тѣхъ писателей, которые доискиваются высокихъ идеаловъ у неразвитаго народа, водружая „сермяжный“ людъ на пьедесталъ носителей правды „по Божьи“. Г. Станюковичъ ни передъ кѣмъ самъ не умиляется и никому не навязываетъ чувствъ и мыслей, ведущихъ къ преклоненію передъ самыми лучшими, но неосмысленными инстинктами народа. Авторъ относится совершенно одинаково любовно къ матросу и офицеру, къ старому сторожу на бахчѣ и къ „грозному адмиралу“, къ матросской женѣ и супругѣ командира фрегата, къ маленькому сынишкѣ капитана и къ его нянькѣ-денщику. Эти два типическихъ героя разсказа, озаглавленнаго *Нянька*,—лучшаго изъ трехъ, помѣщенныхъ въ лежащей передъ нами книжкѣ, — такъ живы, правдивы и хороши, что, по нашему мнѣнію, немного равныхъ имъ найдется въ современныхъ „очеркахъ и разсказахъ“ нашихъ писателей. Это небольшое повѣствованіе прочтется съ одинаковымъ увлеченіемъ и съ одинаковою,—думаемъ мы,—пользою и подросткомъ-гимназистомъ и старымъ, давно посѣдѣвшимъ человѣкомъ, могущимъ изъ

своего „далекаго прошлаго“ припомнить многое, подобное тому, что передаетъ авторъ. И что въ данномъ случаѣ представляется намъ особенно важнымъ, это то, что въ разсказѣ г. Станюковича очаровательный матросъ-нянька не производитъ впечатлѣнія какого-то необыкновеннаго человѣка, такъ сказать—„раритета“, подобного которому не сыскать, пожалуй, и днемъ съ огнемъ. Нѣтъ, читая разсказъ, вы ни на секунду не перестаете сознавать и чувствовать, что старый Ѳедосъ Чижъ,—такъ зовутъ „няньку“,—самый простой, заурядный человѣкъ, только человѣкъ хорошій и, именно, такой потому, что онъ „матросъ“, прошедшій тяжелую, суровую школу морской службы, удивительно закаляющей тѣло и характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышающей и очищающей душу тѣми великими испытаніями, которыя знакомы только старымъ морякамъ, все это видѣвшихъ своими глазами и пережившимъ самолично, какъ г. Станюковичъ. То было въ „далекомъ прошломъ“ на Балтійскомъ морѣ, а въ разсказѣ *Генералъ-арестантъ* авторъ передаетъ воспоминанія стараго матроса-инвалида о славномъ Черноморскомъ флотѣ временъ Нахимова и Корнилова и объ осадѣ Севастополя. Очень вѣрно схваченными тономъ и языкомъ когда-то браваго служаки авторъ ярко очерчиваетъ міросозерцаніе и характеры героевъ, защитниковъ Севастополя, начиная съ незабвенныхъ адмираловъ и кончая простодушными матросами. Въ простомъ и наивномъ повѣствованіи безногаго сторожа, какъ живыя, проходятъ передъ нами фигуры: жестокаго „по службѣ“ капитана, прозваннаго матросами за его безпощадность „генералъ-арестантъ“, его любовницы, „негодной дѣвки“ Машки, убитой непріятельскою пулей въ траншеѣ въ то время, какъ „дѣвка“ носила матросамъ лакомые куски и бублики, „по добротѣ своей“, — самого разсказчика, кинувшагося въ пороховой погребъ и вырвавшаго руками горящій фитиль изъ попавшей въ него непріятельской бомбы, — „обозленнаго“ матроса, добившагося того, что „свои же убили генералъ-арестанта“... Разсказъ *Матроска* даетъ живую картину береговой жизни моряковъ и ихъ семей въ Кронштадтѣ. Всѣ морскіе разсказы г. Станюковича относятся къ „далекому прошлому“, и это, помимо ихъ литературныхъ достоинствъ, придаетъ имъ большое значеніе историческихъ документовъ, художественныхъ сказаній лѣтописца, изображающаго своеобразный и мало извѣстный большинству публики бытъ моряковъ въ мирное и въ военное время, на сушѣ и на морѣ, на спокойныхъ стоянкахъ и въ тѣ страшныя минуты, когда люди находятся на волосъ отъ смерти.

Братья-изгои. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Раменскаго. Москва, 1895 г. Цѣна 2 руб. Въ томъ предположеніи, что не всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстно значеніе стариннаго слова „изгой“, мы считаемъ не лишнимъ тотчасъ объяснить его. „Изгой“ совсѣмъ не значитъ „изгнанникъ“,—такъ называли въ древней Руси сына великаго князя, который по смерти отца, не будучи старшимъ въ родѣ, не могъ наслѣдовать титула и правъ великокняжескихъ; такъ называли князя, почему-либо не получившаго или лишившагося удѣла; такъ назывались: поповъ сынъ, вышедшій изъ духовнаго званія, обанкротившійся купецъ, откупившійся холопъ. Въ романѣ г. Раменскаго дѣло идетъ не о древнихъ временахъ, а о теперешнихъ, о двухъ сыновьяхъ попа, не пожелавшихъ сдѣлаться священниками. Старшій изъ нихъ, Николай Александровичъ Спасскій, окончилъ курсъ духовной академіи, получилъ мѣсто преподавателя въ губернской духовной семинаріи и въ своемъ кругѣ оказался „блестящимъ“ молодымъ человѣкомъ, которому

старшіе родственники, важные протоіереи и городскіе священники не поставили въ вину его нежеланія слѣдовать традиціонному пути, стать попомъ. Иначе отнеслась многочисленная родня къ меньшому брату, Сергѣю, менѣе способному, окончившему только курсъ семинаріи и взявшему мѣсто воспитателя, „по найму“, въ гимназическомъ пансіонѣ. Разница въ отношеніяхъ родственниковъ къ молодымъ людямъ обусловилась, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что „устроить судьбу“ Сергѣя Спасскаго пожелалъ старѣйшій и наиболѣе чтимый всею семьей протоіерей о. Герасимъ Алексіевскій, а непокорный племянникъ явилъ себя строптивымъ, отказался отъ пріисканной ему заботливыми тетушками невѣсты и отъ священническаго мѣста, предложеннаго ему важнымъ благодѣтелемъ дядюшкой. За такія продерзости вся родня, начиная съ оскорбленнаго протоіерея и кончая скромнымъ, добродушнымъ дьякономъ, съ чады и домочадцы, отвернулась отъ заблудшаго юноши, исключили его изъ своей среды, яко погибшаго. И онъ, въ концѣ-концовъ, погибъ на самомъ дѣлѣ жертвою такого отчужденія, оставившаго его навсегда одинокимъ. Въ короткомъ библіографическомъ отзывѣ нѣтъ возможности передать, хотя бы въ общихъ чертахъ, содержаніе этого романа, очень простого своею жизненною правдивостью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень сложнаго, благодаря множеству мелкихъ фактовъ, изъ которыхъ слагается вся жизнь маленькихъ людей, и массѣ разнородныхъ ощущеній, которыми такіе факты отражаются на впечатлительной и нѣжной натурѣ, способной глубоко чувствовать и затаенно страдать, какою одаренъ былъ Сергѣй Спасскій. Недостатки романа г. Раменскаго заключаются, на нашъ взглядъ, въ его нѣкоторой повѣствовательной непослѣдовательности,— не то чтобы отрывочности, а какой-то „растрепанности“, не дающей сложиться вполнѣ цѣльному впечатлѣнію, и еще — въ неясности нѣкоторыхъ фигуръ дѣйствующихъ лицъ, играющихъ весьма существенныя роли въ разсказанныхъ авторомъ событіяхъ, какова, напримѣръ, фигура Варвары Викентьевны, ставшей въ концѣ романа женою Николая Спасскаго и доканавшей несчастнаго Сергѣя. Не совсѣмъ яснымъ, нетвердо и какъ-то неувѣренно написаннымъ представляется намъ и Николай Спасскій. Въ немъ смѣшеніе хорошихъ чертъ его характера и отрицательныхъ его сторонъ не сливается въ одинъ законченный образъ. Но эти небольшія, впрочемъ, погрѣшности выкупаются съ избыткомъ отличнымъ изображеніемъ всей описываемой авторомъ среды духовенства большого губернскаго города,— изображеніемъ вполнѣ правдивымъ, насколько мы судить можемъ. Впрочемъ, такое довѣріе къ правдивости автора почувствуетъ и всякій читатель, даже совершенно незнакомый съ бытомъ русскаго духовенства, потому что авторъ не вдается ни въ какія восхваленія, не пускается въ обличенія, а съ очень симпатичною искренностью передаетъ, несомнѣнно, лишь то, что онъ не только своими глазами видѣлъ, но и душою пережилъ, отчасти, быть-можетъ, выстрадалъ, если не самолично, то за близкихъ ему людей. Судя по повѣствованію г. Раменскаго, въ описываемой имъ средѣ поводовъ для страданій больше, чѣмъ во всякомъ другомъ слоѣ нашего общества. Мало замѣтный, еще менѣе извѣстный свѣтскимъ людямъ, тихій и скромный, нешумливый, живущій своею особливою, нѣсколько замкнутою жизнью, кругъ нашего духовенства имѣетъ огромныя развѣтвленія и приходитъ въ непрерывное соприкосновеніе со всѣми безъ исключенія слоями общества черезъ своихъ „изгоевъ“, какъ ихъ назвалъ авторъ, занимающихъ всевозможныя мѣста, начиная съ сель-

скихъ учителей и мелкихъ служащихъ по различнымъ вѣдомствамъ,—мы знаемъ урядниковъ и почтальоновъ,—и кончая тузами, которыхъ титулуютъ „высокопревосходительствами“. И, тѣмъ не менѣе, тотъ источникъ, изъ котораго исходятъ многообразныя вліянія на все русское общество, тѣ родныя гнѣзда, гдѣ всѣ, оказывающія такія вліянія, растутъ и получаютъ первыя, основныя впечатлѣнія, остаются почти совершенно неизвѣстными, едва затронуты въ нашей литературѣ, да и то крайне отрывочно и поверхностно,—за исключеніемъ развѣ *Соборянъ* Лѣскова, нынѣ уже нѣсколько устарѣвшаго произведенія. А, между тѣмъ, въ этихъ гнѣздахъ и вокругъ нихъ разыгрываются очень тяжелыя, хотя и тихія, драмы, въ особенности мучительныя своею затаенностью, традиціонною замкнутостью сферы и сдержанностью дѣйствующихъ лицъ, такою же традиціонною и выработанною всею системой воспитанія. Рядъ такихъ драмъ проходитъ передъ читателемъ въ романѣ г. Раменскаго, а изъ-за нихъ и надъ ними выдвигается очень старый и непрерывно обновляющійся вопросъ объ „отцахъ и дѣтяхъ“, нигдѣ, кажется, не представляющій такой сложности и жгучести, какъ въ сословіи русскаго, — именно, русскаго, — духовенства. Тутъ къ обычнымъ недоразумѣніямъ между старымъ поколѣніемъ и новымъ, къ обычному недостаточному пониманію другъ друга, присоединяется непреклонность убѣжденій, опирающихся на авторитеты, стоящіе не только внѣ всякихъ сомнѣній и споровъ, но и внѣ круга понятій, доступныхъ обсужденію... Упомянувши о *Соборянахъ* и объ *Отцахъ и дѣтяхъ*, мы отнюдь не отводимъ роману *Братья-изгои* мѣста рядомъ съ этими произведеніями: „ина слава солнцу, ина слава лунѣ“... И „звѣзда“ г. Раменскаго далеко не первой величины, но картину онъ даетъ, все-таки, большую, написанную хотя и не мастерски, но очень искренно, тепло, правдиво и гуманно. Типъ „изгоя“ неудачника очень симпатиченъ и характеренъ. Второстепенныя лица и даже мелькающія только въ романѣ,—каковы невѣсты-дочери священниковъ и ихъ жены,—достаточно ярко и типично очерчены. Въ общемъ романъ г. Раменскаго производитъ довольно сильное впечатлѣніе и долженъ имѣть успѣхъ, въ особенности среди читателей изображеннаго въ немъ круга.

Святочные разсказы. Ф. Нефедова. Изданіе Товарищества И. Д. Сытина. Москва, 1896 г. Цѣна 75 коп. Въ семи разсказахъ, составляющихъ эту книжку, г. Нефедовъ даетъ небольшія жанровыя картинки, изображающія сцены изъ деревенской жизни во время Святокъ. Авторъ хорошо знаетъ крестьянскій бытъ, повѣрья русскаго народа, разные пріемы гаданія, и все это даетъ ему матеріалъ для его *Святочныхъ разсказовъ*. Исключеніе составляетъ повѣствованіе, носящее заглавіе: *На берегу моря*. Дѣйствіе происходитъ на южномъ берегу Крыма; дѣйствующія лица принадлежатъ къ высшему кругу людей образованныхъ. Героиня, генеральская дочка, и герой, редакторъ большой газеты, любятъ другъ друга самою пламенною и нѣжною любовью, но вынуждены разстаться потому, что редакторъ женатъ, хотя и живетъ врознь съ супругой, а злословіе общества, подмѣтившаго его любовь, по-своему толкуетъ его отношенія къ молодой дѣвушкѣ, безупречно чистыя, какъ говорится, „идеальныя“. Оскорбленная клеветой героиня уѣзжаетъ на Югъ поправлять здоровье, разстроенное несчастною любовью и враждебнымъ отношеніемъ общества, и еще хуже изнываетъ въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ. Все кончается „по-хорошему“ въ ночь подъ Рождество: пріѣзжаетъ милый сердцу и объявляетъ, что они теперь могутъ быть счастливы на за-

конномъ основанiи, такъ какъ препятствiя къ ихъ браку не существуетъ,—супруга умерла. Какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ (*Спасена*, *Перевозчикъ Ванюшка*, *На Новый годъ*), очень симпатичны добрыя чувства, вложенныя въ нихъ почтеннымъ авторомъ. но портитъ ихъ нѣсколько излишняя сантиментальность, доходящая иногда до слащавости, не совсѣмъ умѣстная тамъ въ особенности, гдѣ дѣйствiе происходитъ въ крестьянской средѣ, знающей только простыя, хотя порою и очень глубокiя чувства, и чуждой нервной разслабленности, составляющей главную основу сантиментализма. Въ разсказахъ: *Сгинула дѣвка*, *Обошелъ* и *Чудная ночь*,—очень вѣрно изображены святочныя гулянки, дѣвичьи посидѣлки и забавы, толки о „суженомъ-ряженомъ", о продѣлкахъ „*ненашекъ*" (нечистой силы), о различныхъ „завораживанiяхъ"...

ФИЛОСОФIЯ.

„Риторика" Аристотеля. Пер. *Н. Платоновой*.

„Риторика" Аристотеля. Съ греческаго перевела Надежда Платонова. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. Г-жа Платонова оцѣниваетъ довольно вѣрно *Риторику* Аристотеля, когда въ предисловiи къ своему переводу говоритъ: „Риторика является выраженiемъ вполнѣ созрѣвшихъ и опредѣлившихся взглядовъ Аристотеля на ораторское искусство, въ исторiи котораго она составила цѣлую эпоху. Между тѣмъ, какъ предшественники Аристотеля въ своихъ риторическихъ трактатахъ ограничивались почти исключительно указанiемъ тѣхъ или другихъ нужныхъ для оратора прiемовъ и вспомогательныхъ средствъ, Аристотель задался цѣлью выполнить ту задачу, на которую указалъ Платонъ въ своемъ Федрѣ, но которой онъ не выполнилъ,—именно, дать научное обоснованiе риторики". Если сюда прибавить слова той же г-жи Платоновой, что трактатъ Аристотеля „не только знакомитъ насъ со взглядами его на ораторское искусство, но также заключаетъ въ себѣ много интереснаго для пониманiя этическихъ воззрѣнiй Аристотеля" (предисл.), то станетъ вполнѣ ясно, что названное произведенiе должно найти себѣ многихъ читателей въ русскомъ переводѣ, и эти читатели будутъ благодарны переводчицѣ.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что въ переводѣ г-жи Платоновой есть серьезныя достоинства. Повидимому, она употребляетъ всѣ средства къ тому, чтобы, насколько возможно, не удаляться отъ подлинника и въ то же время не допускать злоупотребленiй русскимъ языкомъ. Временами, однако, это оказывается невыполнимымъ; тогда переводчица обращается къ скобкамъ, гдѣ разъясняетъ смыслъ даннаго мѣста, и подстрочнымъ примѣчанiямъ, въ которыхъ не только истолковываетъ свой переводъ, но и дополняетъ самую *Риторику* Аристотеля. При всемъ томъ у г-жи Платоновой встрѣчаются и ошибки противъ синтаксиса, и неудачный выборъ словъ, и тяжелые обороты. Въ образецъ ошибокъ противъ синтаксиса можно привести предложенiе: „каждая другая наука можетъ научать и убѣждать только относительно того, что принадлежитъ *къ* ея области" (стр. 7), гдѣ *къ* совершенно излишне, въ образецъ неудачнаго слова—слово „доказыванiе" (конецъ 7 стр.), а въ образецъ тяжелыхъ оборотовъ—слѣдующее мѣсто: „Что касается вопроса, то его всего умѣстнѣе предлагать тогда, когда одно изъ двухъ положенiй высказано такимъ образомъ, что стóитъ предло-

жить одинъ вопросъ, чтобы вышла нелѣпость, наприм., Периклъ спросилъ Лампона о посвященіи въ таинства „спасительницы (Димитры)“ (стр. 20).

ИСТОРІЯ И БІОГРАФІИ.

„Н. И. Лобачевскій, его жизнь и ученая дѣятельность“. Біографическій очеркъ *Е. О. Литвиновой*.—„Сенека, его жизнь и философская дѣятельность“. Біографическій очеркъ *П. Н. Краснова*.—„Василъ Левски“. *Ст. Заимова*.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Библіографическая библіотека Ф. Павленкова. Н. И. Лобачевскій. Его жизнь и ученая дѣятельность. Біографическій очеркъ Е. Ө. Литвиновой. Спб., 1894 г.— Л. А. Сенека. Его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ П. Н. Краснова. Спб., 1895 г. Очеркъ г-жи Литвиновой читался бы съ интересомъ, если бы не отличался многословіемъ. Вмѣсто того, чтобы дать сжатую и сильную характеристику Лобачевскаго и выяснить его значеніе въ наукѣ, біографъ знаменитаго математика расплывается въ массѣ излишнихъ деталей и мелочей и сообщаетъ совсѣмъ не любопытные факты изъ его домашней жизни, вродѣ того, напримѣръ, что онъ смѣялся, слушая на любительской сценѣ водевиль *Азъ и Фертъ* (стр. 55), или что онъ получилъ въ приданое за женой „небольшую деревню Полянки, въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи“ (стр. 52). Желая, очевидно, воспользоваться рѣшительно всѣмъ матеріаломъ, который былъ въ ея распоряженіи, и не поступиться ни одною подробностью, г-жа Литвинова не сумѣла отдѣлить главнаго отъ второстепеннаго и передаетъ поэтому свѣдѣнія, обильныя количествомъ, но скудныя качествомъ. Кромѣ того, каждый, хотя бы и ничтожный фактъ изъ жизни Лобачевскаго авторъ считаетъ нужнымъ сопровождать своими комментаріями и подчасъ очень наивными разсужденіями; г-жа Литвинова какъ бы опасается, что ея читатель самъ ничего не пойметъ и не выведетъ изъ ея разсказовъ, и вотъ почему она на протяженіи всей своей книжки учитъ его уму-разуму, придавая для этого всякой мелочи какую-то особенную важность. Естественно, что въ біографіи Лобачевскаго г-жа Литвинова касается и судебъ Казанскаго университета, но, къ сожалѣнію, дѣлаетъ она это неискусно: личность русскаго ученаго на фонѣ общей картины академической жизни вырисовывается блѣдно и слабо, и внутренняя связь между дѣятельностью Лобачевскаго и университетскимъ режимомъ въ разнородныя эпохи Магницкаго и Мусина-Пушкина представлена безъ достаточной рельефности. Выясненію собственно научныхъ заслугъ Лобачевскаго, т.-е. какъ разъ того, что сдѣлало знаменитымъ его имя, г-жа Литвинова удѣляетъ очень мало мѣста и излагаетъ ихъ спутанно и темно. Г-жа Литвинова видитъ въ созданіи неэвклидовой геометріи „боевую отвагу“ и проявленіе того русскаго „*ничего*, о которомъ говорилъ Бисмаркъ“ (стр. 7); она дѣлаетъ выговоръ тѣмъ, кто находитъ, что геометрія, „которую они „прошли“ по Симашко или Давидову, безусловно хороша“ (стр. 5); она напоминаетъ, „какъ крѣпко всегда держались люди за *наслѣдіе вѣковъ*“ (курсивъ автора) (стр. 69) и какъ трудна была поэтому задача Лобачевскаго. Такихъ фразъ найдетъ читатель въ очеркѣ г-жи Литвиновой очень много; не найдетъ онъ только простого и понятнаго изложенія математическихъ идей Лобачевскаго, не найдетъ онъ указанія на то, что сдѣлалъ русскій уче-

ный для неэвклидовой геометріи и что сдѣлалъ Гауссъ, не постигнетъ онъ того, какъ понималъ пространство великій математикъ. Бойкое, хотя и слишкомъ развязное перо г-жи Литвиновой значительно выиграло бы, еслибъ оно находилось на службѣ у болѣе дисциплинированной мысли.

Не совсѣмъ удовлетворителенъ и другой очеркъ изъ коллекціи г. Павленкова, — очеркъ, посвященный Сенекѣ. Портретъ знаменитаго стоика нарисованъ блѣдными штрихами, и эпоха, въ которую жилъ и дѣйствовалъ римскій философъ, изображена тусклыми красками, несмотря на то, что оригинальная личность Сенеки можетъ быть объяснена и понята только съ точки зрѣнія его времени. Г. Красновъ не достаточно проникъ въ духовный міръ Сенеки, не указалъ на тѣ историческія условія и причины, которыя привили воспитателю Нерона всѣ недостатки царедворца на ряду со всѣми достоинствами мудреца. Благодарная задача г. Краснова осталась не вполнѣ рѣшенною, и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ человѣческихъ характеровъ не получилъ должнаго освѣщенія. Но съ этими изъянами біографіи, въ общемъ написанной толково, можно было бы еще примириться, если бы читателя не изумляло странное отношеніе автора къ важному вопросу о томъ, насколько великъ былъ у Сенеки разладъ между словомъ и дѣломъ, насколько чиста была его нравственность. Г. Красновъ защищаетъ своего героя отъ всякихъ нареканій, но защищаетъ такими аргументами, которые нисколько не убѣдительны и даже достигаютъ прямо противуположной цѣли. Такъ, напримѣръ, говоря о двусмысленной роли Сенеки въ сближеніи Нерона съ Актеей, г. Красновъ замѣчаетъ, что эта роль достойна „удивленія“ (только удивленія?) и что „вмѣшаться въ такое щекотливое дѣло, рискуя самому потерять репутацію,—на это можетъ быть способенъ только человѣкъ, обладающій широкимъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ“ (стр. 45). Объяснять и оправдывать поступки „широкимъ міровоззрѣніемъ“ очень удобно, но едва ли правильно. Далѣе, г. Красновъ сталкивается съ весьма деликатнымъ обстоятельствомъ: Сенека, какъ стоикъ, проповѣдовалъ умѣренность, воздержаніе, презрѣніе къ богатству, и тотъ же Сенека „не оставлялъ своего имущества мертвымъ капиталомъ“, и состояніе его „оцѣнивалось крупною суммой въ триста милліоновъ сестерцій (около $13^1/_4$ милліоновъ золотыхъ рублей)“ (стр. 46). Понятно, что и современники философа-спекулятора, и нѣкоторые изъ его біографовъ посылали ему горькіе упреки за такое наглядное опроверженіе его собственныхъ возвышенныхъ теорій. Но г. Красновъ рѣшительно не понимаетъ, за что осуждали Сенеку, и въ недоумѣніи восклицаетъ: „... неужели можно вмѣнять въ преступленіе человѣку то, что онъ не оставляетъ лежать своего капитала мертвымъ?“ (стр. 48). Намъ кажется, что съ такими воззрѣніями не слѣдуетъ подходить къ оцѣнкѣ моралистовъ, и тѣ критеріи, которые приложены къ дѣятельности ростовщика, совершенно не годятся, когда мы имѣемъ дѣло съ мыслителемъ. Древность знала философовъ, которые жили такъ, какъ учили, и учили такъ, какъ жили; къ ихъ числу не принадлежалъ Сенека, похожій на тѣхъ проповѣдниковъ, о которыхъ сказалъ Гейне: „Sie trinken heimlich Wein und predigen öffentlich Wasser“. Наконецъ, оставляя въ сторонѣ отношеніе дѣла Сенеки къ его слову, мы должны выяснить себѣ, былъ ли онъ вообще безукоризненно-нравственнымъ человѣкомъ, выдѣлялся ли онъ среди общей испорченности императорскаго Рима. Самъ г. Красновъ не скрываетъ тѣхъ фактовъ, которые

говорятъ далеко не въ пользу Сенеки, но въ своей излишней снисходительности онъ спѣшитъ ихъ оправдывать и негодуетъ, что Діонъ Кассій, а за нимъ и нѣмецкіе историки прибѣгаютъ къ „самымъ низкимъ выходкамъ“ (стр. 24) противъ философа. Вообще нѣмецкихъ ученыхъ г. Красновъ бранитъ довольно часто; такъ, онъ противупоставляетъ ихъ „туманному изложенію“ ясный слогъ Сенеки (стр. 74), а на 77 стр. предполагаетъ, что германскій духъ неспособенъ „понять романскую добродѣтель“... Еслибъ этотъ панегирикъ Сенекѣ г. Красновъ сложилъ съ увлеченіемъ и любовью къ своему герою, мы могли бы понять и, пожалуй, простить и рискованную защиту явнонеблаговидныхъ поступковъ философа, и комическія вылазки противъ нѣмецкихъ писателей; но бѣда въ томъ, что Сенека имѣетъ въ г. Красновѣ очень слабаго и холоднаго адвоката.

Василъ Левски. Дьяконътъ. Ст. Заимова. София, 1895. 2 фр. 50 сант. 20 лѣтъ тому назадъ русское общество съ сердечнымъ интересомъ слѣдило за событіями въ Болгаріи: оно хорошо знало не только имена, но и судьбу и дѣятельность даже второстепенныхъ болгарскихъ дѣятелей, равно какъ и событія кровавой борьбы за свободу небольшого народа съ сильной Турецкой имперіей; теперь же врядъ ли кто-нибудь изъ русской читающей публики, прочитавъ въ газетахъ о торжественномъ открытіи памятника Василію Левскому, сумѣлъ бы отвѣтить на вопросъ: кто же такой Василій Левскій? За что ему памятникъ?

Василій Левскій былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ болгарскихъ дѣятелей въ эпоху борьбы за свободу,—борьбы, трагическая исторія которой такъ глубоко поучительна, въ особенности теперь, когда она могла бы разъяснить весьма многое въ перипетіяхъ армянской борьбы, и которая, тѣмъ не менѣе, такъ основательно нами забыта. Романтическая жизнь самого Василія Левскаго, полная приключеній, весьма интересна. Послушникъ въ монастырѣ, онъ оригинальнымъ процессомъ мысли дошелъ до идеи о необходимости болгарской революціи и страстно отдался на служеніе ей. Сперва онъ сдѣлался участникомъ чёты воеводы Панайота, вторгнувшейся изъ Сербіи въ Турцію, затѣмъ разувѣрившись подъ вліяніемъ Любена Каравелова въ такихъ способахъ борьбы, онъ сдѣлался „апостоломъ“, т.-е. странствующимъ пропагандистомъ идеи возстанія. Наряженный то купцомъ, то крестьяниномъ, то монахомъ, то турецкимъ дервишемъ, онъ, всегда ловко ускользая отъ бдительности турецкихъ властей, обходилъ страну, разнося брошюры и прокламаціи, и возбуждая живымъ словомъ народъ противъ турецкаго господства; вездѣ, гдѣ только можно, онъ основывалъ революціонные комитеты. Послѣ пятилѣтней дѣятельности такого рода онъ, наконецъ, попался и былъ повѣшенъ 5 февраля 1873 г.

Открытіе памятника Левскому вызвало, между прочими статьями и воспоминаніями о немъ, появленіе книги, заглавіе которой выписано выше. Для всякаго, кто интересуется литературой южно-славянскихъ народовъ, книга эта представляетъ значительный интересъ. Правда, мѣстами она написана нѣсколько фразисто (см., наприм., стр. 10—11); для европейскаго читателя кое-гдѣ она можетъ показаться нѣсколько наивной; такъ, наприм., авторъ въ томъ же тонѣ восхищенія передъ своимъ героемъ, въ какомъ написана вся книга, разсказываетъ объ отрѣзываніи носовъ и ушей у пойманныхъ турецкихъ шпіоновъ, и о грубомъ надругательствѣ надъ трупомъ. Но эта наивность въ общемъ не только не портитъ, а, пожалуй, даже усиливаетъ впечатлѣніе, какъ

не портятъ его подобныя же страницы въ *Иліадѣ и Одиссеѣ*: авторъ книги самъ былъ участникомъ борьбы и, какъ видно, еще не вполнѣ отдѣлался отъ тѣхъ чувствъ, которыя вызывала въ болгарахъ дѣятельность турокъ и подвиги собственныхъ героевъ. Авторъ близко зналъ Левскаго, и книга его имѣетъ цѣну хорошихъ личныхъ воспоминаній; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и біографія написаны по источникамъ. Заимовъ обладаетъ несомнѣннымъ, хотя и не крупнымъ художественнымъ талантомъ. Поэтому характеръ не только самого Левскаго, но и Любена Каравелова и другихъ дѣятелей болгарской революціи, мимоходомъ затронутыхъ въ жизнеописаніи Левскаго, а также болгарская школа въ турецкія времена, болгарское общество того же времени, самые эпизоды борьбы встаютъ передъ читателемъ, какъ живые. Кромѣ того, изъ этой книги (равно какъ и изъ прежнихъ произведеній Заимова) видно, что авторъ, — для болгарскаго писателя это большая рѣдкость,—старательно собиралъ письма и прочіе документы, могущіе служить матеріаломъ для исторіи борьбы, и тщательно ихъ изучилъ. Поэтому его книга даетъ довольно полное понятіе о той почвѣ, на которой развивалось революціонное движеніе въ 60-е и 70 годы, авторъ знакомитъ и съ раболѣпными элементами въ народѣ, получавшими выгоды отъ турецкаго управленія и потому бывшими на его сторонѣ, и съ умѣренно либеральными группами, вѣрившими въ турецкія обѣщанія и ожидавшими реформъ отъ падишаха. Конечно, не вездѣ авторъ достаточно безпристрастенъ, и очень многія его мнѣнія могутъ вызвать серьезныя возраженія, но онъ вездѣ добросовѣстенъ. Къ книгѣ приложены faximile нѣкоторыхъ любопытныхъ документовъ, наприм., квитанцій болгарскаго центральнаго революціоннаго комитета и т. п., а также портреты Левскаго и судей, приговорившихъ его къ смерти, въ томъ числѣ Саида-паши, недавняго великаго визиря.

ЭТНОГРАФІЯ И АРХЕОЛОГІЯ.

„Русскія былины старой и новой записи". Подъ ред. *Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера.*—„Онежскія былины", записанныя *А. Ѳ. Гильфердингомъ.*—„Матеріалы по археологіи Кавказа". Вып. IV. „Христіанскіе памятники". *Гр. Уваровой.*

Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера. Москва, 1894 г. *Русскія былины старой и новой записи*—одно изъ наиболѣе цѣнныхъ изданій Этнографическаго Отдѣла за послѣднее время.

При 2-мъ изданіи *Пѣсенъ Кирѣевскаго* Безсоновъ собралъ варіанты былинъ, разсѣянные по разнымъ рѣдкимъ и малодоступнымъ изданіямъ. Этотъ сборникъ, вмѣстѣ со сборниками Кирши Данилова, Гильфердинга и Рыбникова, охватилъ весь наличный печатный матеріалъ. Записываніе и изданіе варіантовъ не прекратилось съ тѣхъ поръ, но не было попытокъ собрать ихъ. Эту задачу и взялъ на себя Этнографическій Отдѣлъ. Матеріалъ заимствованъ изъ провинціальныхъ газетъ, малоизвѣстныхъ брошюръ и книгъ; въ сборникъ вошло все то, что было открыто въ области русской былевой поэзіи за послѣднее время. Благодаря счастливой случайности, удалось достать нѣсколько варіантовъ, которые еще не были въ печати. Новыхъ сюжетовъ и новыхъ именъ они не даютъ, но представляютъ все-таки большой научный интересъ: въ нихъ попадаются факты весьма важные для исторіи нашихъ былинъ, установленія ихъ текста и т. д. Въ первомъ отдѣлѣ

собраны старыя записи былинъ XVII и XVIII вв. Кромѣ небольшого отрывка, найденнаго г. Станкевичемъ, весь матеріалъ былъ уже напечатанъ раньше.

Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Томъ I. Изд. 2. Спб., 1894 г. *Онежскія былины* Гильфердинга давно уже сдѣлались библіографическою рѣдкостью; еще съ половины 80-ыхъ годовъ чувствовалась настоятельная потребность во второмъ изданіи. По неизвѣстнымъ причинамъ дѣло затянулось, и только въ концѣ прошлаго года, благодаря Академіи наукъ, русская читающая публика опять получила въ руки эту цѣнную книгу. Богатая научными послѣдствіями поѣздка Гильфердинга въ Олонецкій край когда-то произвела большую сенсацію: изданіе пѣсенъ Рыбникова вызвало кой-какія сомнѣнія, Гильфердингъ задумалъ провѣрить дѣло на мѣстѣ—и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ почти нечеловѣческаго труда, вывезъ подавляющее количество новыхъ матеріаловъ. Приложенная къ первому изданію и перепечатанная во второмъ вводная статья: *Олонецкая губернія и ея народныя рапсоды* до сихъ поръ еще не можетъ быть ничѣмъ замѣнена:—это лучшая характеристика сѣверно-русскихъ сказителей, которую непремѣнно нужно имѣть въ виду при разработкѣ былинъ.

Будемъ надѣяться, что Академія наукъ не замедлитъ выпустить въ свѣтъ и второй томъ: было бы печально, еслибы перепечатка сборника Гильфердинга затянулась такъ, какъ затягиваются прочія академическія изданія.

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго археологическаго общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Выпускъ IV. „Христіанскіе памятники". Гр. Уваровой. Москва, 1894 г. Настоящій выпускъ *Матеріаловъ по археологіи Кавказа* заключаетъ въ себѣ отчетъ графини П. С. Уваровой. Авторъ посѣщаетъ и изучаетъ Кавказъ съ 1879 г., когда начались подготовительныя работы по устройству археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. Въ 1886 г. покойному Государю Александру III, державному покровителю Московскаго археологическаго общества, угодно было пожаловать на изслѣдованіе Кавказа денежную субсидію, а сама графиня рѣшилась на собственныя средства направить свои поѣздки въ тѣ пункты, которые могли бы явиться дополненіемъ и продолженіемъ ученыхъ экспедицій членовъ общества. *Путевыя замѣтки по Кавказу* гр. Уварова издала уже въ двухъ книгахъ, а нынѣ въ IV томѣ *Матеріаловъ по археологіи Кавказа* сгруппировала данныя по христіанскимъ памятникамъ съ ихъ церковными сокровищами. Авторъ при изложеніи расширяетъ программу описанія *христіанскихъ древностей*. „Если подъ этимъ именно,—говоритъ графиня,—подразумѣвать отдѣльные памятники церкви, какъ это сдѣлалъ А. М. Павлиновъ въ III т. *Матеріаловъ,* то вопросъ разрѣшается весьма скоро и дѣлается для всѣхъ яснымъ; но я слишкомъ много разъ была на Кавказѣ, много объѣздила ущелій, часто засиживалась въ самыхъ отдаленныхъ его закоулкахъ, чтобъ имѣть силу и желаніе отнестись къ описываемымъ памятникамъ какъ къ отдѣльно взятымъ единицамъ, сложеннымъ изъ камня и мрамора и, такъ сказать, оторвать, отчуждить ихъ своимъ описаніемъ отъ края, въ которомъ они построены, отъ жителей, которые ихъ любятъ и уважаютъ, и, наконецъ, отъ тѣхъ преданій, которыя о нихъ сложились и которымъ единственно многіе изъ этихъ памятниковъ обязаны своимъ существованіемъ и сохраненіемъ до нашего времени. Если понимать наименованіе „христіанскіе памят-

ники" въ тѣсномъ смыслѣ, то не разъ бы приходилось останавливаться и задавать себѣ вопросъ: что дѣлать дальше, что принадлежитъ моему описанiю и что слѣдуетъ изъ него выбросить? Такое неясное для незнающихъ Кавказъ положенiе рождается потому, что нигдѣ, какъ на Кавказѣ, не замѣчается такое всеобщее молитвенное настроенiе, такая потребность принести ему въ жертву часть земныхъ благъ, которыми Онъ, Всемогущiй, наградилъ сыновъ этихъ горъ и ущелiй. Молитвенное настроенiе это выражается тѣми многочисленными мѣстами молитвъ и уединенiя, которыя вы встрѣчаете при вашихъ объѣздахъ: тутъ священная роща, тамъ отдѣльное дерево, освященное иконой или безъ оной, тамъ камень или престолъ, отдѣльно стоящiй крестъ, или едва замѣтная базиличная церковь во многихъ мѣстностяхъ Осетiи, Хевсурiи, Шавшенiи, Рачи, и вездѣ—тѣ же приношенiя, то же молитвенное обращенiе къ „дзуару", св. Георгiю, духу и создателю вселенной, живительному, возрождающему началу, мысль о которомъ заставляетъ поселянъ собираться въ болѣе главные изъ этихъ пунктовъ весною, при возрожденiи природы, или осенью послѣ уборки полей и винограда". На Кавказѣ трудно отдѣлить языческiе памятники отъ христiанскихъ, языческiе обычаи отъ празднованiя нашихъ святыхъ. Святилище Ресколъ въ Осетiи считаютъ за языческое капище, но оно посвящено св. Георгiю, даже по преданiю построено имъ и, не имѣя вида христiанскаго храма, вмѣщаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ рогами животныхъ не мало иконъ, восковыхъ свѣчей, кадильницъ и проч. Въ верхней Рачѣ въ деревнѣ Глола, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ настоящей сельской церкви, находимъ другую маленькую церковь того же безличнаго типа, заваленную рогами, стрѣлами, посудой и подъ всѣми этими приношенiями покоится камень-престолъ съ утвержденнымъ на немъ крестомъ. Въ той же Рачѣ, въ дер. Сори имѣются четыре, несомнѣнно, храстiанскiя церкви, одна изъ коихъ посвящена „Архангелу" безъ обозначенiя дальнѣйшаго имени. Не есть ли это посвященiе тому же „невѣдомому богу", которому воздвиглись престолы даже въ Грецiи до утвержденiя христiанства? Въ долинѣ р. Пца, не доѣзжая до Тигви, съ храмомъ царицы Тамары стоятъ развѣсистые старые дубы, стволы которыхъ обмотаны нитями и куделью. Въ Сафарѣ 15 августа жители Ахалцыха и его окрестностей живутъ въ храмахъ, закалываютъ быковъ и барановъ, жарятъ, пьютъ, ѣдятъ. Фрески, украшающiя Нузальскiй храмъ и рѣзные иконостасы цебельдинскихъ храмовъ изображаютъ сцены охоты, преданiя о которыхъ сохранились изъ доисторическихъ временъ Грузiи. Игнорировать эти явленiя невозможно подобно тому, какъ мы не можемъ провести рѣзкой грани между ними и проявленiями сознательно христiанскими. Должны проникнуться идеей, что позднѣйшiя христiанскiя сооруженiя, возводимыя на тѣхъ же горахъ, въ тѣхъ же ущельяхъ и заповѣдныхъ рощахъ, не что иное, какъ вѣнчанiе и освященiе народныхъ вѣрованiй и преданiй всего того, что мѣстные жители этихъ горъ и ущелiй привыкли вѣками любить и уважать, только при такихъ условiяхъ описанiе наше можетъ оказаться вѣрнымъ и передать полную картину изучаемаго края".

Такая симпатичная и широкая точка зрѣнiя при обзорѣ памятниковъ вполнѣ выдержана гр. Уваровой. Трудъ ея обнимаетъ Абхазiю—храмы Симона Канонита, въ Алахадпыхѣ, на р. Бзыби, въ Лыхнахъ и др., Генуэзскiй мостъ близъ Сухума, Келасурская башня и Абхазская стѣна, опуская Пицунду и Драиды, которые были описаны г. Павлиновымъ. Второй отдѣлъ посвященъ Абхазiи: мостъ въ Архандузѣ,

церковь близъ Хулы и въ Схаитѣ. Третій отдѣлъ обнимаетъ Лабліанское ущелье (Зарзма, Чуль, Валэ, Смада, Сафарай и Посховскій участокъ (Кола-Бойня, Мере, Али, остатки храма въ Тцурцкабъ и замокъ въ Мере). Четвертый посвященъ Рачѣ (Глола, Геби, Никорумивда и др.) и Горійскому уѣзду (Рунси, Атени, Икорта, Абиси, Атоци, Тигви, Уплисъ-Цихе, Никози, Сагалашени, Брети, Гори, Урбниси). Изданіе снабжено рисунками и фототипіями, и образцами грузинскихъ надписей съ ихъ переводомъ и толкованіями. Почтенный этотъ трудъ производитъ пріятное впечатлѣніе и займетъ подобающее мѣсто въ литературѣ по кавказовѣдѣнію.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Японія и японцы“. *Д. И. Шрейдера.*

Японія и японцы. Путевые очерки современной Японіи Д. И. Шрейдера. Со 145 рисунками въ текстѣ и картою. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. Цѣна 4 р. Далекая Японія, страна издавна любопытная, возбудила особенный интересъ сперва своими удивительными успѣхами на пути цивилизаціи, заимствованной ею у Европы, а потомъ, въ самое послѣднее время, своими побѣдами надъ Китаемъ, который сравнительно маленькая „страна восходящаго солнца“ совсѣмъ бы заколотила, несмотря на его громадность, если бы за него не вступились европейскія державы. Для насъ, русскихъ, эта „далекая“ Японія представляетъ тѣмъ большій интересъ во всѣхъ отношеніяхъ, что она наша близкая сосѣдка на Востокѣ: отъ о. Сахалина отдѣляетъ ее небольшой проливъ Лаперуза, отъ Владивостока—всего два дня морскаго пути. Для насъ болѣе, чѣмъ для кого-нибудь, важно зорко слѣдить за быстрымъ развитіемъ этого небольшого государства, остававшагося цѣлыя тысячелѣтія спокойнымъ и замкнутымъ, внѣ сферы политическихъ отношеній всѣхъ другихъ странъ міра. До сихъ поръ Японія была своего рода „курьезомъ“ для путешественниковъ „дальняго плаванія“ и объектомъ торговой эксплуатаціи предпріимчивыхъ торговцевъ. Встрепенувшаяся вдругъ Японія, оживленная необычайными реформами теперешняго своего государя, Мутсу-Гито, превратилась сразу въ первоклассную политическую величину, давшую своими реформами и побѣдами надъ Китаемъ такой толчокъ всему Востоку, послѣдствія котораго нельзя пока и предвидѣть, но опасность котораго, несомнѣнно, чувствуется всѣми. Наша литература очень не богата сочиненіями о Японіи, а то, что мы имѣемъ по этой части, настолько разнорѣчиво, что мы не имѣемъ возможности составить себѣ сколько-нибудь яснаго и опредѣленнаго мнѣнія о населяющемъ островную имперію очень древнемъ народѣ, ставшемъ вдругъ совсѣмъ „новымъ“ народомъ. Одни приходятъ въ умиленіе отъ добродѣтелей японцевъ и въ восторгъ отъ ихъ необыкновенныхъ способностей и культурныхъ успѣховъ; другіе увѣряютъ, будто японцы лживы и порочны, народъ совершенно дрянной, что вся ихъ культура новѣшаго времени—фальшива и никуда негодна, что успѣхи ихъ—одно обезьянство и т. д. Правда, по всей вѣроятности, лежитъ гдѣ-нибудь между этими крайними мнѣніями, но къ которой сторонѣ ближе—этого сказать мы не можемъ, даже прочитавши книгу г. Шрейдера. Авторъ правильно замѣчаетъ, „что европеецъ едва ли можетъ написать что-либо положительно вѣрное, точное и справедливое о японской расѣ, если онъ хочетъ проникнуть даль-

ше поверхностнаго и видимаго". „Желтая расса и наша—это два полюса рода человѣческаго, и мы никогда не можемъ вполнѣ проникнуть въ японскій или китайскій умъ. Между нами и этими смуглыми и желтыми аборигенами дальняго Востока существуютъ, повидимому, какія-то таинственныя мозговыя преграды: очень часто они и чувствуютъ, и думаютъ не такъ, какъ мы". Г. Шрейдеръ говоритъ, между прочимъ, что „въ японскомъ языкѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго слову *стыдъ* и нѣтъ никакого синонима, выражающаго это понятіе". Изъ этого можно дѣлать совершенно противоположныя заключенія и находить имъ подтвержденія въ фактахъ, правдиво взятыхъ изъ японской жизни, какъ-то и дѣлаютъ писатели, побывавшіе въ Японіи. Одни полагаютъ, что не знать „стыда" есть безстыдство, результатъ крайней степени развращенности и низкости нравственнаго уровня; другіе,—и въ ихъ числѣ г. Шрейдеръ съ подкрѣпленіемъ вѣскими доводами,—опровергаютъ такое мнѣніе о японцахъ и японкахъ и держатся такого убѣжденія, что „было бы большою несправедливостью сказать о представителяхъ этого племени, что они лишены чувства стыда и чести". Весьма характерно, напримѣръ, то обстоятельство, что въ японскомъ языкѣ не существуетъ никакихъ „ругательныхъ, или оскорбительныхъ словъ", что японцы всѣхъ классовъ вѣжливы и деликатны въ высшей степени, что малѣйшая грубость по отношенію къ прислугѣ ведетъ за собою опасность для дерзскаго хозяина остаться безъ слугъ, что японцы съ негодованіемъ и презрѣніемъ смотрятъ на людей, позволяющихъ себѣ быть невѣжливыми, несдержанными и, вообще, по ихъ понятіямъ, неприличными. Изъ этого ясно, что понятіе о „неприличіи" существуетъ, а, слѣдовательно, равносильное выраженію „это стыдно" слѣдуетъ искать въ формулѣ: „такъ не поступаютъ", „это не принято". Авторъ передаетъ иногда странные и забавные казусы изъ японской жизни, могущіе намъ показаться проявленіемъ „большого безстыдства": пошелъ проливной дождь, всѣ бывшіе на улицахъ японцы, пѣшеходы и ѣдущіе въ открытыхъ экипажахъ, моментально раздѣлись, укрыли свои платья отъ дождя и продолжали свой путь „въ чемъ мать родила", ни чуть не стѣсняясь. Молодые и старые, мужчины, женщины и дѣвушки купаются, берутъ ванны, сообща и не рѣдко на виду у прохожихъ по улицѣ, никто не стѣсняется ни собственною наготой, ни наготою европейца-гостя, котораго приглашаютъ принять участіе въ общемъ купаньѣ. Можно ли считать безнравственностью такое отсутствіе „стыдливости"? Не хуже ли такой откровенности европейскіе обычаи купаться въ модныхъ костюмахъ, не скрывающихъ наготы, а подчеркивающихъ ее, на морскихъ купаньяхъ?... О торговлѣ дѣвушками, имѣющей характеръ проституціи, г. Шрейдеръ ничего не говоритъ и лишь вскользь замѣчаетъ, что „многіе туристы, весьма часто и совершенно ошибочно, приписываютъ *гейшамъ* (танцовщицамъ „чайныхъ домовъ") несвойственную имъ роль и значеніе". Изъ разсказовъ автора о самыхъ „чайныхъ домахъ" нельзя вывести никакихъ дурныхъ заключеній о нравственности японокъ. И, наоборотъ, японскія женщины, дѣвушки и дѣти среднихъ и низшихъ классовъ оставили въ авторѣ самыя лучшія впечатлѣнія. О высшемъ классѣ, объ аристократіи, г. Шрейдеръ не говоритъ, ибо этотъ слой общества недоступенъ для иностранцевъ. Про способности японцевъ авторъ отзывается съ величайшими похвалами. Книга г. Шрейдера полна интереса. Рисунки въ ней довольно плохи.

ИСКУССТВО.

„Album Universel“. *L. Boulanger*, éditeur.

Album Universel. L. Boulanger, éditeur. Paris. Prix de chaque fascicule—50 centimes, franco par poste—60 centimes. Альбомъ г. Буланже выходитъ выпусками, изъ которыхъ мы имѣемъ въ рукахъ уже тридцать номеровъ. Всѣхъ ихъ предполагается до пятидесяти. Въ каждомъ выпускѣ имѣется шестнадцать превосходно исполненныхъ фотографическихъ снимковъ, представляющихъ виды городовъ, ихъ окрестностей, замѣчательныхъ по красотѣ мѣстностей и отдѣльныхъ зданій, внутреннихъ украшеній храмовъ и дворцовъ, наиболѣе выдающихся монументовъ и памятниковъ старины. Каждый выпускъ посвященъ одному какому-либо городу или одной странѣ, причемъ нѣкоторымъ странамъ отдано по нѣскольку выпусковъ, не слѣдующихъ, впрочемъ, непосредственно одинъ за другимъ въ той послѣдовательности номеровъ, которые выставлены на оберткахъ. Пріобрѣтающій альбомъ можетъ, отдавая его въ переплетъ, сорвать обложки и расположить выпуски въ томъ порядкѣ, какой найдетъ для себя болѣе удобнымъ. При каждомъ выпускѣ приложенъ объяснительный текстъ на восьми страницахъ въ два столбца. *Album Universel* г. Буланже представляетъ собою замѣчательно изящное произведеніе и притомъ поразительно дешевое изданіе, могущее служить украшеніемъ любой библіотеки, почти необходимою принадлежностью пріемной врача или адвоката, превосходнѣйшимъ развлеченіемъ для паціентовъ и кліентовъ, изнывающихъ отъ скуки въ ожиданіи своей очереди. Снимки сдѣланы съ лучшихъ фотографій, подобраны съ большимъ вкусомъ и вниманіемъ. Объяснительный текстъ написанъ хорошимъ литературнымъ языкомъ и, несмотря на краткость, даетъ, по большей части, вѣрное понятіе о предметѣ, которому онъ посвященъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, что предлагаемый издателемъ текстъ всегда удовлетворителенъ. И въ особенности замѣчательно то обстоятельство, что французы говорятъ съ достаточною основательностью о Константинополѣ, о Каирѣ, объ Аѳинахъ, объ Іерусалимѣ, и становятся необычайно забавными, какъ только дѣло доходитъ до Россіи, „Франко-русская дружба“—глубоко умилительна; „Кронштадтъ и Тулонъ“, обмѣны визитами, привѣтствіями и подарками весьма трогательны, а разсказы о Россіи и, въ частности, о Москвѣ нашихъ задушевныхъ друзей до того потѣшны, что за „друзей“ становится обидно. Мы понимаемъ, что г. Викторъ Тиссо, проскакавшій по Россіи, очень многаго не досмотрѣлъ, не дослушалъ, ничего не понялъ и все переврадъ. Но, вѣдь, кромѣ такихъ туристовъ-скакуновъ, какъ гг. В. Тиссо и Пьеръ Лоти (съ его *Іерусалимомъ*), есть же французы, которые много лѣтъ живутъ въ Россіи и знаютъ Москву лучше Парижа. Почему же издатель прекраснаго *Альбома* не обратился ни къ кому изъ нихъ для провѣрки текста седьмого выпуска. Фотографіи этого выпуска изображаютъ два превосходно исполненныхъ вида Храма Спасителя и его внутренній видъ. Въ объясненіи мы читаемъ, что въ Москвѣ два собора „носятъ имя Христа-Спасителя“: Спасъ на-Бору и „другой соборъ *Saint-Sauveur*—главная церковь новаго монастыря Спасителя,—новаго относительно, такъ какъ онъ былъ основанъ въ 1462 году...“ и т. д. въ томъ же родѣ. Мы рѣшительно не понимаемъ, о какомъ соборѣ идетъ тутъ рѣчь. Въ описаніи внутренности храма Спасителя говорится

позолотѣ, объ иконахъ въ драгоцѣнныхъ ризахъ; таковыхъ, какъ извѣстно, въ храмѣ Спасителя совсѣмъ нѣтъ. Далѣе авторъ пишетъ въ иконостасѣ три двери, ведущія къ „главному алтарю, гдѣ священникъ служитъ, никогда невидимый присутствующими (при богослуженіи)..." Подъ картинкою, изображающею сани, запряженныя парою лошадей, стоитъ подпись *La Troïka*. Въ объясненіи мы читаемъ: „La Dvoyka—зимой сани, лѣтомъ—экипажъ на колесахъ. Двойка, это—московскій фіакръ..." Къ дугѣ привязываются одинъ или нѣсколько колокольчиковъ, предостерегающихъ звономъ (clochettes d'avertissement). Въ Москвѣ „непрямыя улицы называются *переулками* (des *péreouloks*), а таковыхъ большинство". Въ точно такомъ же родѣ и всѣ объясненія видовъ Москвы и ея окрестностей. Вѣроятно, г. Буланже возвратится къ первопрестольной столицѣ Россіи въ другомъ выпускѣ, такъ какъ въ лежащемъ передъ нами нѣтъ нѣкоторыхъ ея достопримѣчательностей, какъ-то: церкви Василія Блаженнаго, царь-колокола, памятника Минина и Пожарскаго, дома Пашкова, палатъ бояръ Романовыхъ и др. зданій. Только за объясненіями-то лучше будетъ обратиться къ кореннымъ москвичамъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И ФИНАНСЫ.

„Die Steuern". *Albert Schäffle.*—„Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны". *Г. Гросса.*

Die Steuern. Allgemeiner Theil, von dr. Albert Schäffle. Leipzig, 1895. Книга Шеффле, извѣстнаго экономиста и финансиста, бывшаго министромъ финансовъ въ Австріи, общая часть ученія о налогахъ составляетъ 2-й томъ извѣстнаго изданія Кано *Frankenstein'a Hand- und Lehrbuch der Staatswissenschaften.* 3-й томъ этого изданія будетъ посвященъ особенной части ученія о налогахъ—прямыхъ и косвенныхъ. Въ разбираемомъ нами трудѣ Шеффле въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ остался вѣренъ тѣмъ идеямъ, кототорыхъ онъ держался въ своихъ *Grundsätzen der Steuerpolitik*, вышедшихъ еще въ 1880 г., какъ объ этомъ онъ самъ заявляетъ въ своемъ предисловіи ко вновь изданному имъ труду. Этотъ новый трудъ предназначается быть учебникомъ и въ этомъ смыслѣ онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго въ смыслѣ сжатости и основательности изложенія; правда, онъ не блещетъ оригинальностью идей и въ этомъ, конечно, далеко останется позади такихъ извѣстныхъ учебниковъ, какъ учебники Штейна, Вагнера.

Наиболѣе оригинальнымъ Шеффле является въ своей классификаціи налоговъ на прямые и косвенные и въ опредѣленіи той роли, какую должны играть тѣ и другіе въ податной системѣ (стр. 341—358). Задача обложенія,—говоритъ Шеффле,—удовлетвореніе потребностей государства путемъ обложенія соразмѣрно дѣйствительной налого-способности (Leistungsfähigkeit) всѣхъ податныхъ силъ. Государство должно облагать всѣ налоговыя силы (Steuerkräfte) сообразно ихъ Leistungsfähigkeit и государство легко можетъ опредѣлить *среднюю* налогоспособность лица, но *дѣйствительная* налогоспособность послѣдняго для государства остается неизвѣстной, и ее лишь самъ плательщикъ можетъ обнаружить посредствомъ какихъ-либо актовъ, и вотъ въ податной системѣ прямые налоги и имѣютъ своею цѣлью обложеніе этой средней налогоспособности, а косвенные—дѣйствительною, такъ что включеніе въ податную систему косвенныхъ налоговъ имѣетъ своею

задачей доставить возможность плательщикамъ сообразно ихъ налогоспособности или еще принять на себя часть податного бремени или сбросить нѣкоторую часть его. Къ косвеннымъ налогамъ Шеффле относитъ налоги на потребленіе (Konsumsteuern) и такъ называемые имъ налоги на обогащеніе (Bereicherungssteuern), а именно: налоги на случайныя пріобрѣтенія (Glücksgewinn-Steuern), налоги на обращеніе и налогъ съ наслѣдства (стр. 338). Чтобы косвенные налоги могли восполнять ту функцію, какую имъ отводитъ Шеффле, они должны быть хорошо организованы, иначе они могутъ функціонировать, какъ дурно устроенные прямые налоги (стр. 346), таковы, наприм., изъ налоговъ на потребленіе—налогъ на соль, который, конечно, является какъ бы прямымъ поголовнымъ налогомъ, точно также и налогъ на обращеніе и налогъ на наслѣдство, разъ они по своей организаціи не будутъ стремиться охватить дѣйствительное и индивидуальное обогащеніе лица (Kapitalansammlung), а будутъ шаблонно облагать всѣ сдѣлки и переходы имуществъ независимо отъ обогащенія,—всѣ такіе налоги по своимъ послѣдствіямъ явятся какъ бы дурными прямыми налогами.

Налоги на обращеніе, на случайныя пріобрѣтенія и на наслѣдства должны быть такъ организованы, чтобъ они дѣйствительно падали на лицъ налогоспособныхъ. Налоги на потребленіе не должны,—говоритъ Шеффле,—падать на предметы первой необходимости, а лишь на такіе предметы, отъ потребленія коихъ лицо можетъ воздержаться, и, слѣдовательно, смотря по своей налогоспособности, оно можетъ взять на себя извѣстный налогъ, а можетъ и уклониться отъ него. Только при этихъ условіяхъ косвенные налоги могутъ выполнять ихъ индивидуальную роль.

По Шеффле косвенные налоги являются при удовлетворительной ихъ организаціи какимъ-то точнымъ, непогрѣшимымъ автоматическимъ измѣрителемъ податныхъ силъ отдѣльныхъ плательщиковъ, какъ будто предусмотрительная судьба, сознавая весь эгоизмъ человѣческой природы и все стремленіе людей скрыть истинную свою налогоспособность, въ насмѣшку надъ ихъ безплодными стремленіями дала государству этотъ тонкій и точный измѣритель податныхъ силъ, и конечно, хорошо бы было, еслибы мы владѣли такимъ измѣрителемъ, но въ дѣйствительности у насъ нѣтъ его. Не говоря уже о томъ, что почти невозможно такъ организовать косвенные налоги (въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ употребляетъ Шеффле), но даже при предположеніи этой организаціи, все-таки они не были бы такимъ точнымъ автоматическимъ измѣрителемъ дѣйствительной налогоспособности, какимъ ихъ выставляетъ Шеффле.

Человѣкъ часто потребляетъ тѣ или другіе обложенные продукты вовсе не сообразуя размѣра своего потребленія съ своею налогоспособностью, такъ лицо богатое можетъ и не пить и не курить, а слѣдовательно и не платить косвенныхъ налоговъ, а съ другой—бѣднякъ въ силу ли привычки или условій работы будетъ и пить, и курить, и слѣдовательно будетъ платить косвенные налоги, и самъ Шеффле тоже сознается, когда онъ говоритъ: „Man klagt im Gegentheil, dass die Massen oft viel zusehr Sklaven der Sitte und Gewohnheit seien, um von der Selbstentlastung den richtigen Gebrauch zu machen“ (стр. 358). Шеффле выражается здѣсь очень мягко, онъ чувствуетъ, что выразись онъ сильнѣе, возьми въ настоящемъ размѣрѣ всѣ препятствія, на которыя въ дѣйствительной жизни будетъ натыкаться его теорія объ особой благотворной функціи косвенныхъ налоговъ,—самая его теорія разле-

тѣлась бы, и отъ его длинныхъ панегириковъ въ пользу косвеннаго обложенія осталось бы очень, очень мало.

Мы сочли умѣстнымъ остановиться въ сжатой рецензіи нѣсколько долѣе на этомъ вопросѣ объ особенной функціи косвенныхъ налоговъ въ податной системѣ, чтобы предостеречь начинающихъ заниматься финансовою наукой отъ увлеченія этой нѣсколько странной теоріей косвенныхъ налоговъ Шеффле. Въ общемъ учебникъ отличается серьезными научными достоинствами и заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія лицъ, интересующихся финансовымъ правомъ.

Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Г. Гросса. Переводъ и предисловіе Н. С. Рашковскаго. Спб., 1895 г. Ц. 20 к. Изд. Ф. Павленкова. Обращаемъ вниманіе читателей на вновь появившійся переводъ извѣстной брошюры Гросса, вполнѣ своевременный, потому что сдѣланный нѣсколько лѣтъ назадъ переводъ уже давно вышелъ изъ продажи. Къ сожалѣнію, переводъ сдѣланъ весьма несовершенно. Наряду съ стилистическими промахами, которыми онъ кишитъ и которые мѣстами значительно затрудняютъ пониманіе, встрѣчаются неясности и ошибки. Укажемъ здѣсь важнѣйшія мѣста, которыя нужно исправить передъ чтеніемъ, стр. 15, строка 3-я сверху: вмѣсто „различенія труда“ нужно читать „раздѣленія труда“. Фраза: „обмѣнъ получаетъ свое *хозяйственно - экономическое* значеніе только потому, что при немъ выступаютъ впередъ качественныя различія потребит. стоимостей“ (стр. 14) должна означать, что обмѣнъ совершается при условіи качественнаго различія товаровъ, какъ предметовъ потребленія. Цитата на стр. 17 переведена невѣрно и должна быть прочитана такъ: „товары тогда выражаютъ свою стоимость, во-первыхъ, просто, въ одномъ исключительно товарѣ, во-вторыхъ, одинаково, потому что въ одномъ и томъ же товарѣ“ (конецъ цитаты вѣренъ). Цитата на стр. 18 имѣетъ то значеніе, что, по мѣрѣ того, какъ во всеобщей формѣ стоимости мѣновой эквивалентъ, т.-е. единичный товаръ, на который вымѣниваются всѣ другіе товары, становится непосредственнымъ выраженіемъ абстрактнаго труда, такимъ товаромъ, по причинамъ практическаго удобства, становятся благородные металлы. На стр. 34 цитата выражаетъ мысль, что, при машинномъ способѣ производства, матеріальныя условія этого производства вызываютъ замѣну человѣческой силы силами природы и т. д. Начало цитаты на стр. 43 обозначаетъ, что капиталистическія отношенія предполагаютъ право собственности на орудія труда въ рукахъ не тѣхъ лицъ, которыя при помощи этихъ орудій трудятся. Всѣ отмѣченныя мѣста въ переводѣ представляютъ безсмыслицу. Изъ стиллистическихъ промаховъ отмѣтимъ два примѣра: „рабочій ссужаетъ капиталиста кредитомъ“ (стр. 25) (=кредитуетъ капиталиста). Въ предисловіи переводчика интересно только извѣстное письмо Маркса къ Т. Синдерсу; дѣло не обошлось безъ выходки по адресу „не къ добру ведущаго идолопоклонства“ русскихъ учениковъ Маркса. Достоинство перевода представляетъ толкователь иностранныхъ словъ, къ нему приложенный (тоже не безъ грѣховъ: см. *соціалъ-демократія, тенденція*) и, главное, дешевая цѣна брошюры.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Система русскаго гражданскаго права“. *К. Анненкова.* — „Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву“. Изслѣд. *Сергѣя Никонова.* — „Эпоха великихъ реформъ“. *Гр. Джаншіева.* — „Литературная собственность“. — „Женщина въ правѣ“. *Я. Канторовича.* — „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами“. Сост. *Ф. Мартенсъ.*

Система русскаго гражданскаго права. К. Анненкова. Томъ II. Права вещныя. Спб., 1895 г. Мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе второго тома обширнаго труда г. Анненкова. При скудности литературы нашего гражданскаго права всякая новая добросовѣстная разработка постановленій X тома является весьма цѣнной.

Вышедшій теперь въ свѣтъ второй томъ *Системы* г. Анненкова охватываетъ всѣ вещныя права: право собственности, право на чужую вещь, владѣніе и право литературной, художественной и музыкальной собственности. Послѣдняя часть является наиболѣе интересною и самостоятельною частью работы г. Анненкова; мы впервые имѣемъ въ ней полную и обстоятельную разработку вопроса о литературной, художественной и музыкальной собственности (стр. 587—668); но было бы вполнѣ естественно, еслибъ авторъ совмѣстно разбиралъ и право собственности на изобрѣтенія и открытія, по существу вполнѣ совпадающее съ остальными видами отвлеченной собственности; одно же то обстоятельство, что постановленія о правѣ собственности на открытія и изобрѣтенія находятся въ Уставѣ о промышленности, а не въ X томѣ, не даетъ еще основаній выдѣлять данное право изъ области права гражданскаго. Точно также, разбирая вещныя права, г. Анненковъ совершенно неправильно пропускаетъ одно изъ нихъ—право залога; г. Анненковъ указываетъ, что въ X томѣ залогъ помѣщенъ среди способовъ обезпеченія обязательствъ, а поэтому право залога должно разсматриваться въ связи съ правами обязательственными; но, придавая такое значеніе расположенію матеріала въ X томѣ, г. Анненковъ долженъ былъ бы, чтобы быть послѣдовательнымъ, куплю и продажу разсматривать не среди обязательствъ, а среди способовъ пріобрѣтенія правъ собственности, какъ мы это и видимъ въ X томѣ.

При изложеніи каждаго отдѣльнаго вопроса г. Анненковъ начинаетъ съ соотвѣтствующихъ постановленій римскаго права, затѣмъ указываетъ постановленія саксонскаго кодекса, какъ представителя германской группы гражданскихъ кодексовъ, и итальянскаго, какъ представителя группы романской, и, наконецъ, излагаетъ дѣйствующее русское законодательство. Нельзя не замѣтить, что вмѣсто римскаго права г. Анненковъ приводитъ лишь соображенія Барона о римскомъ правѣ, но, вѣдь, римское право и Бароновское изложеніе его не есть одно и то же.

Излагая дѣйствующее законодательство, г. Анненковъ прежде всего подробно разсматриваетъ всѣ мнѣнія, высказанныя по данному вопросу русскими цивилистами. Въ этомъ и сильная, и самая слабая сторона работы г. Анненкова. Съ одной стороны получаются весьма полныя указанія на русскую литературу и кассаціонную практику по разбираемому вопросу, съ другой же стороны бо́льшая часть сочиненія г. Анненкова оказывается сплошь испещренной фамиліями авторовъ и названіями сочиненій, статей, докладовъ и замѣтокъ, изъ которыхъ добрая половина не заслуживаетъ не только разбора, но и упоми-

нія; а между тѣмъ г. Анненковъ на всѣхъ нихъ подробно останавливается, что крайне загромождаетъ книгу и благодаря чему отыскать среди массы изложенныхъ чужихъ мнѣній мнѣніе самого автора бываетъ иногда весьма затруднительно.

Не всегда можно согласиться и съ тѣми взглядами, которые проводитъ г. Анненковъ. Такъ, говоря о пріобрѣтеніи права собственности, авторъ съ одной стороны считаетъ, что способомъ пріобрѣтенія права собственности на движимости являются передачи, а съ другой— полагаетъ, что для недвижимости право собственности переходитъ по самому акту укрѣпленія, а вводъ во владѣніе есть лишь добавочный актъ оглашенія публичною властью этого перехода и вовсе не способъ пріобрѣтенія права (стр. 251—252). Но ст. 707-я X т. прямо указываетъ, что для пріобрѣтенія права собственности нужно какъ предшествующее совершеніе договора или акта укрѣпленія, такъ и передача или вводъ во владѣніе; такимъ образомъ, вводъ во владѣніе по ст. 707-й имѣетъ совершенно такое же значеніе по отношенію къ недвижимостямъ, какъ передача—къ движимостямъ. Точно также, если обратить вниманіе на V отдѣлъ главы „о продажѣ и куплѣ", раздѣленной на двѣ части, изъ которыхъ первая говоритъ „о передачѣ проданныхъ имуществъ движимыхъ", а вторая „о вводѣ во владѣніе по купчимъ крѣпостямъ", т.-е. имуществъ недвижимыхъ, то опять-таки становится яснымъ, что законъ подобнымъ сопоставленіемъ передачи съ вводомъ во владѣніе указываетъ на ихъ одинаковое значеніе. Поэтому, если считать, что передача движимостей есть моментъ пріобрѣтенія права собственности, то таковымъ же моментомъ для недвижимостей является вводъ во владѣніе. Это подтверждается и ст. 1432-й Уст. гражд. суд., которая прямо указываетъ, что день ввода во владѣніе считается началомъ дѣйствительной передачи и укрѣпленія права на имущество. Г. Анненковъ указываетъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, что и сенатъ отрицаетъ подобное значеніе у ввода во владѣніе, но сенатъ поступаетъ въ этомъ вполнѣ послѣдовательно, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаетъ и за передачей значеніе момента пріобрѣтенія права собственности.

Не вдаваясь въ дальнѣйшій разборъ разсматриваемой книги, мы укажемъ лишь, что взгляды г. Анненкова большею частью являются несамостоятельными; онъ присоединяется обыкновенно къ одному изъ многихъ разбираемыхъ имъ чужихъ мнѣній, причемъ причины, побудившія его къ подобному присоединенію, весьма часто недостаточно обосновываются.

Несмотря на указанные недостатки, несмотря на весьма тяжелый языкъ, книга г. Анненкова является, безспорно, цѣннымъ вкладомъ въ нашу столь бѣдную литературу гражданскаго права, и мы не сомнѣваемся, что русскіе цивилисты съ нетерпѣніемъ будутъ ожидать появленія остальныхъ томовъ *Системы* г. Анненкова.

Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. Изслѣдованіе Сергѣя Никонова. Спб., 1895 г. Подъ поручительствомъ разумѣется обязательство по договору, въ силу чего одно лицо, называемое поручителемъ, обезпечиваетъ другому лицу исполненіе обязательства его должника, принимая на себя хотя и совмѣстную съ послѣднимъ, но лишь придаточную отвѣтственность за означенное обязательство. Таково, въ общемъ, опредѣленіе института поручительства, построенное на основаніяхъ западно-европейскаго, рим-

скаго права и современнаго русскаго. Поручительство, такимъ образомъ, всецѣло относится къ области гражданскаго права.

Нѣсколько иной, совершенно своеобразный характеръ, носило поручительство у насъ въ древней Руси.

Порука въ Москвѣ не являлась исключительно частно-правовымъ институтомъ. Область примѣненія ея въ правѣ публичномъ была такой же обширной, если не болѣе, какъ и въ области права частнаго. Такъ, князья московскіе очень успѣшно пользовались поручительствомъ съ цѣлью обезпечить себѣ при его помощи за своими служилыми людьми вѣрность государю, исправное поведеніе должностныхъ лицъ, своевременное поступленіе доходовъ, и т. п. У насъ сохранилось довольно много поручныхъ записей, откуда ясно видно, что поручительство было сильно развито, особенно въ области права публичнаго. Въ этомъ случаѣ поручителями являлись, во-первыхъ, высшія духовныя лица, обезпечивавшія исправную службу и неотъѣздъ. Самый родъ обязательства не позволялъ поручателямъ заступать мѣсто поручаемыхъ и гарантіей выполненія обязательства являлся лишь авторитетъ поручителя. Во-вторыхъ, поручителями выступали лица служилаго сословія, „всякій, кто былъ человѣкомъ добрымъ и прожиточнымъ“. Отвѣтственность ихъ была иного рода: обезпеченіе договора заключалось въ денежныхъ неустойкахъ, тогда очень крупныхъ.

Поручительство въ этомъ случаѣ было свободнымъ („били челомъ поручикомъ своимъ поручить“), въ противоположность несвободному поручительству въ области судебной, гдѣ обезпечивалась поручиками исправная явка тяжущихся въ судъ („по государеву указу и по приказу воеводы поручились“). По указу о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ, если обвиняемый признавался *не всѣми* обыскными людьми лихимъ человѣкомъ, предписывалось отдать его на поруку *обыскнымъ* людямъ, одобрившимъ его (*А. Э.*, II, № 225). Такимъ образомъ институтъ носилъ иногда на себѣ характеръ общественной охраны отъ несправедливыхъ или случайныхъ обвиненій и препятствовалъ существованію многихъ злоупотребленій въ отношеніи свободы личности.

Что касается области гражданскаго права, то теперь предметомъ обезпеченія поручательства являются заемныя обязательства. Въ древности, напротивъ, заемъ рѣдко обезпечивался поручительствомъ. Оно было замѣнено залогомъ имущества, свободой должника и иногда совмѣстнымъ обязательствомъ „за одинъ“, съ предоставленіемъ кредитору права обращать взысканіе на любого изъ обязавшихся.

Какъ шла жизнь, развивалось правосознаніе и расширялась область примѣненія института поручательства, такъ вслѣдъ за нимъ шло законодательство, боявшееся лишнихъ нововведеній и закрѣплявшее только выдвинутыя общественною жизнью нормы. Только позже, начиная съ Петра, уничтожалась связь между обычаемъ и законодательствомъ, стремившимся къ измѣненію правовыхъ нормъ сообразно выводамъ изъ кодексовъ Запада, часто невѣрно понятымъ, еще чаще неправильно примѣненнымъ къ своеобразнымъ потребностямъ русскаго юридическаго быта. Поэтому въ дальнѣйшемъ развитіи этого института у насъ отсутствуетъ жизненность и послѣдовательность, отчего дѣлается невозможнымъ всестороннее и основательное изученіе историческаго хода и юридической конструкціи поручительства. Видно только одно стремленіе разбить цѣльность института и приноровить его къ обезпеченію заемныхъ договоровъ и обязательствъ.

Изъ этого бѣглаго очерка видно, сколько интересныхъ вопросовъ

затрогиваетъ этотъ институтъ; г. Никоновъ взялъ на себя трудную и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма интересную задачу: „прослѣдить по источникамъ случаи примѣненiя поручительства, гдѣ и какъ оно практиковалось, а потомъ уже на основанiи полученныхъ данныхъ попытаться разрѣшить вопросъ, о томъ, существовали или нѣтъ въ московскомъ правѣ *общiя правила*, регулирующiя институтъ поручительства". Послѣ этого авторъ хотѣлъ изложить самую теорiю института. Естественно, что онъ выполнилъ эту программу только отчасти.

Полемизируя и нерѣдко удачно съ своими предшественниками по изученiю института поручительства въ общемъ и въ частности у насъ, авторъ не далъ пока цѣльной характеристики изслѣдуемаго имъ вопроса. Г. Никоновъ предпочитаетъ держаться исторической почвы. Самое отсутствiе сравнительнаго метода, которымъ нерѣдко злоупотребляютъ, набирая только факты изъ законодательства и практики другихъ странъ, все же могъ бы освѣщать путь изслѣдованiя хоть изрѣдка. Если же остановиться на главной наиболѣе интересной части этого института въ русскомъ доисторическомъ правѣ (а разбираемый томъ и касается только московской Руси), поручныхъ записяхъ общественнаго и государственнаго характера, то сочиненiе слѣдуетъ признать не достигающимъ цѣли. Но, какъ первый опытъ на ученомъ поприщѣ, изслѣдованiе могло бы заслужить снисхожденiе, тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ въ предисловiи самъ авторъ, въ области русскаго гражданскаго права настоящее время не даетъ работниковъ.

Подождемъ слѣдующаго выпуска изслѣдованiя, который будетъ посвященъ разбору современнаго законодательства. Быть-можетъ въ заключенiи г. Никоновъ хоть до нѣкоторой степени восполнитъ пробѣлы и исполнитъ обѣщанiя, данныя въ предисловiи, хоть отчасти, тѣмъ болѣе, что разбираемый имъ вопросъ представляетъ большой интересъ.

Эпоха великихъ реформъ. Гр. Джаншiева. 6-е дополненное изданiе. Въ исторiи русской печати не существуетъ примѣра, чтобы книга не беллетристическаго содержанiя выдержала въ теченiе четырехъ лѣтъ *шесть* изданiй. Впервые это случилось съ книгой Г. А. Джаншiева. И причина этого заключается не въ одномъ томъ, что авторъ книги обладаетъ большимъ литературнымъ талантомъ, что онъ изучилъ реформы шестидесятыхъ годовъ и ходъ ихъ развитiя до мельчайшихъ подробностей, что онъ воплотилъ этотъ матерiалъ въ живую, увлекательную, нерѣдко страстную форму изложенiя. Существуетъ и другая причина энергичнаго требованiя публикой книги; и причина эта въ высокой степени отрадная, такъ какъ она наглядно свидѣтельствуетъ о сильномъ интересѣ въ нашемъ обществѣ къ *Эпохѣ великихъ реформъ*. Въ предисловiи къ первому изданiю книги авторъ говоритъ, что предлагаемыя читателю *Историческiя справки* имѣютъ цѣлью возобновить въ памяти общества значенiе и смыслъ недавней преобразовательной эпохи, такъ часто и такъ безцеремонно извращаемые реакцiонною печатью. Какъ ни неблагопрiятно,—говоритъ далѣе авторъ,—переживаемое нами время для либерально-гуманныхъ началъ преобразовательной эпохи, однако, внутренняя сила и привлекательность ихъ такъ велика, что напоминанiе о нихъ, позволительно думать, не будетъ совсѣмъ безполезно. Общество своимъ усиленнымъ спросомъ на книгу рѣшительно отвѣтило автору, что книга о *Великихъ реформахъ* явилась какъ нельзя болѣе вб-время, что въ ней чувствовалась большая нужда. Въ настоящее время политическiй горизонтъ начинаетъ какъ будто просвѣтляться, а потому отъ предисловiя къ шестому из-

данію книги вѣетъ уже большею бодростью, чувствуется въ немъ наличность надежды на приближеніе лучшихъ дней. И правъ авторъ, правъ тысячу разъ, когда говоритъ, что именно теперь, когда начинаетъ нѣсколько разсѣиваться тотъ чадъ и сумятица въ понятіяхъ, которую такъ долго и настойчиво старались распространять сторонники не совсѣмъ еще отжившаго крѣпостного строя, именно теперь особенно своевременно напоминать неустанно о великой культурной миссіи, объ основномъ смыслѣ и гуманно-просвѣтительномъ назначеніи великихъ начинаній Царя-Освободителя. Считая, и не безъ основанія, новый судъ и земство продуктомъ и развитіемъ началъ освободительнаго акта, враги этихъ учрежденій не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы только дискредитировать ихъ. Этимъ открытымъ врагамъ преобразовательной эпохи еще очень недавно вторили ихъ безсознательные или полусознательные союзники, привыкшіе плыть по теченію и внимательно приглядываться въ какую сторону дуетъ политическій флюгеръ. Уже въ этихъ строкахъ ясно выступаетъ цѣль, съ какой написана авторомъ книга объ *Эпохѣ великихъ реформъ*. Задачей автора было политическое воспитаніе общества и, надо сказать, своею книгой авторъ много сдѣлалъ въ этой важной области.

Вполнѣ понятно, что г. Джаншіевъ начинаетъ свой обзоръ великихъ преобразованій съ отмѣны крѣпостного права и посвящаетъ этой реформѣ рядъ очерковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь указывается и связь крестьянской реформы съ послѣдующими преобразованіями. Держась хронологической послѣдовательности, г. Джаншіевъ говоритъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, объ университетской автономіи, о земельной реформѣ, о реформѣ цензурнаго устава, о созданіи новаго суда, о городовомъ положеніи, о введеніи всеобщей воинской повинности. Заключительныя главы даютъ характеристики цѣлаго ряда выдающихся общественныхъ дѣятелей какъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, такъ и позднѣйшаго времени. Шестое изданіе является значительно дополненнымъ. По объему оно втрое больше перваго изданія.

Литературная собственность. Я. Канторовича. Женщина въ правѣ. Я. (Канто)ровича. Спб., 1895 г. Юридическая Библіотека. Изданіе Канторовича. Названнымъ издателемъ задуманъ цѣлый рядъ выпусковъ, касающихся популярныхъ юридическихъ и общественныхъ вопросовъ, частью при помощи переводныхъ книгъ, частью оригинальныхъ русскихъ. Въ первыхъ выпускахъ, пока еще немногочисленныхъ, находятся книги подъ приведеннымъ заглавіемъ, отличающіяся, впрочемъ, скорѣе справочнымъ, нежели научнымъ характеромъ.

Въ книгѣ о литературной собственности разсматривается вкратцѣ исторія постепеннаго развитія литературной собственности, т.-е. права автора на свое произведеніе, современныя теоріи, относящія эту малоразработанную часть правовыхъ отношеній къ тому или другому виду ихъ; существующія законоположенія объ авторскихъ правахъ въ современныхъ западно-европейскихъ государствахъ; изслѣдованіе субъекта и объекта права, а также право нарушеній въ этой области. Очеркъ сдѣланъ довольно поверхностно, но въ то же время даетъ общее понятіе о настоящемъ вопросѣ, что весьма умѣстно у насъ въ Россіи, гдѣ спеціальныхъ изслѣдованій о литературной собственности можно насчитать не болѣе двухъ-трехъ, а популярныхъ не имѣется вовсе. Между тѣмъ, вопросъ этотъ, помимо чисто-юридическаго высокаго интереса, возбуждаемаго имъ, имѣетъ и другое содержаніе—жизненно-практическаго характера. Отъ того, какъ относится законодательство

къ автору и его произведенію, издателю и его правамъ, зависитъ степень распространенія литературныхъ произведеній и польза извлекаемая отъ нихъ обществомъ. Громадное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ, помимо другихъ сторонъ, и срокъ посмертной собственности наслѣдниковъ автора и издателей сочиненія. Обращаясь въ частности къ Россіи, мы должны съ особенною грустью отмѣтить тотъ фактъ, что 50-ти лѣтній срокъ, установленный законодателемъ для посмертнаго владѣнія, слишкомъ длиненъ. Сочиненій, которыя могутъ имѣть успѣхъ при жизни автора и полсотни лѣтъ по смерти его, чрезвычайно мало и, слѣдовательно, польза, извлекаемая наслѣдниками и издателями въ теченіе указаннаго періода времени, незначительна. Между тѣмъ, монополія этихъ лицъ не позволяетъ воспользоваться правомъ въ отношеніи важныхъ и нужныхъ книгъ, и благодаря этому, книги часто остаются безъ того широкаго распространенія, которое было бы важно для общества. Особенно вѣрно это замѣчаніе по отношенію къ тѣмъ странамъ, которыя, какъ наша, нуждаются въ возможно-большемъ количествѣ оригинальныхъ книгъ и возможно удобнѣйшемъ ихъ распространеніи. Между тѣмъ, 50-ти лѣтнее право посмертной собственности заставляетъ пользоваться въ значительной мѣрѣ переводными дешевыми сочиненіями въ то время, какъ оригинальные великіе авторы наши лежатъ на полкахъ издателей при эксплуататорски-высокихъ цѣнахъ и незначительномъ сбытѣ. Несомнѣнно, уменьшеніе срока собственности на книгу и вообще реформы въ этой области права, которыя давно назрѣли и были уже не разъ отмѣчены печатью, были бы важны для развивающейся потребности въ народѣ къ чтенію. Онѣ освободили бы нашу литературу отъ путъ, связывающихъ ее, и дали бы доступъ книги къ народу. Въ послѣднее время вопросъ этотъ заинтересовалъ многихъ въ виду предполагавшагося возобновленія литературной конвенціи съ Франціей. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ—съ одной стороны въ книгопродавческихъ кружкахъ, съ другой—въ юридическихъ поднялась работа по поводу улучшенія законодательства о литературной собственности. Независимо отъ этого московскій комитетъ грамотности разрабатываетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія бо́льшей возможности доступа родныхъ авторовъ народу.

Такимъ образомъ, книга затрогиваетъ живой современный вопросъ и можетъ до нѣкоторой степени содѣйствовать въ публикѣ выясненію его, тѣмъ болѣе, что изданіе снабжено постановленіями дѣйствующаго законодательства и разъясненіями къ нимъ сената.

Что касается *Женщины въ правѣ*, то содержаніе этой книги построено аналогично съ первымъ, хотя и касается другой области. Какъ справочная книга, она содержитъ въ себѣ подробныя постановленія дѣйствующаго въ Россіи законодательства касательно женскаго пола, легкія экскурсіи въ область этнографіи и исторіи и положенія женщинъ въ государствахъ Запада.

Въ общемъ книги эти, доступныя по цѣнѣ, хотя и имѣющія характеръ компилятивно-справочныхъ, могутъ служить для интереснаго и полезнаго чтенія съ цѣлью общаго знакомства съ предметомъ. Нельзя, впрочемъ, не пожелать, чтобы дальнѣйшимъ изданіямъ была придана большая обстоятельность.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. По порученію министерства иностр. дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ XI. Трактаты съ Англіей 1801—1831 гг. Спб., 1895 г. Главный интересъ изданія г. Мартенса заключается не

столько въ подлинникахъ дипломатическихъ актовъ, большею частью обнародованныхъ и раньше его *Собранія,* сколько въ чрезвычайно цѣнныхъ предисловіяхъ къ этимъ актамъ. Матеріалъ для этихъ предисловій составитель черпаетъ изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и многія изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній впервые этимъ путемъ становятся доступными публикѣ. Настоящій томъ представляетъ особенный интересъ благодаря той тѣсной связи, въ которой находились сношенія между Россіей и Англіей съ общеевропейскими событіями первой трети нашего вѣка. Сначала роль Англіи въ наполеоновскихъ войнахъ, потомъ ея отношенія къ восточному вопросу дѣлали постъ нашего представителя въ Лондонѣ весьма отвѣтственнымъ. Въ первые годы XIX столѣтія гр. С. Р. Воронцовъ велъ въ Лондонѣ свою авторитарную политику; за долгое пребываніе въ Англіи онъ научился смотрѣть на внѣшнюю политику Англіи глазами Сентъ-Джемскаго кабинета, а молодой императоръ Александръ I скоро сталъ смотрѣть на задачи русской политики въ Лондонѣ глазами Воронцова. Подъ этимъ вліяніемъ заключена была іюньская конвенція 1801 г., исторію которой г. Мартенсъ разсказываетъ въ первомъ изъ своихъ любопытныхъ предисловій. Дипломатическая исторія союзнаго трактата 1805 г. даетъ поводъ составителю сообщить не мало интересныхъ свѣдѣній объ извѣстной миссіи въ Лондонѣ Н. Н. Новосильцова, которая является здѣсь въ новомъ освѣщеніи. Преувеличенныя представленія о легкости полнаго соглашенія съ Англіей, вывезенныя Новосильцовымъ изъ Лондона, мало-по-малу уступаютъ мѣсто разочарованію, которое, наконецъ, ведетъ къ полному разрыву въ 1807 г. И здѣсь насъ сопровождаетъ обстоятельный комментарій г. Мартенса. Точно также освѣщена новыми данными роль Англіи въ послѣдней, освободительной борьбѣ съ Наполеономъ, и ея отношеніе къ политикѣ священнаго союза. Особенно интересны становятся комментаріи г. Мартенса со времени греческаго возстанія; въ предисловіяхъ къ петербургскому протоколу 23 марта 1826 г. и къ лондонской конвенціи 24 іюня 1827 г. мы встрѣчаемъ связную исторію русской политики въ восточномъ вопросѣ. Какъ на примѣръ тѣхъ цѣнныхъ новостей, которыми изобилуютъ предисловія составителя, укажемъ здѣсь на то извѣстіе, по которому идея вооруженнаго вмѣшательства, поведшаго къ наваринскому сраженію, столь непріятному для Англіи, внушена была имп. Николаю самимъ Каннингомъ. Въ дальнѣйшихъ предисловіяхъ къ протоколамъ лондонской конференціи 7 іюля 1828 г. и 10 марта 1829 г. излагаются послѣдующія сношенія Россіи съ Англіей по греческому вопросу: особенно интересна здѣсь характеристика того обостреннаго положенія, которое создано было русскими побѣдами 1828 г. на Балканскомъ полуостровѣ и адріанопольскимъ трактатомъ. Іюльская и бельгійская революціи вызываютъ въ имп. Николаѣ желаніе вмѣшаться, далеко не раздѣляемое его опытными дипломатами при лондонскомъ дворѣ. При этомъ случаѣ мы узнаемъ не мало любопытныхъ подробностей о томъ, какъ встрѣчена была революція въ Англіи, и знакомимся съ фигурой русскаго дипломата Матушевича.

Какъ текстъ дипломатическихъ актовъ, такъ и предисловія, напечатаны на русскомъ и на французскомъ языкахъ, что дало возможность сохранить подлинный текстъ документовъ, написанныхъ на обоихъ языкахъ. Замѣтимъ, что русскій текстъ сильно уступаетъ французскому; встрѣчаются не только небрежности стиля, но даже и прямыя ошибки въ переводѣ. Наприм. (стр. 103), фраза: „c'est par des tours

e force successifs, que l'on fait aller les choses" передана по-русски: „дѣла двигаются впередъ посредствомъ послѣдовательнаго напряженія всѣхъ силъ". Или на стр. 444 слово échauffourée передано словомъ „пожаръ". Мы приводимъ первые попавшіеся примѣры; число ихъ легко можно было бы умножить.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Краткій обзоръ дѣятельности минист. земледѣлія и государ. имуществъ за первый годъ существованія".—„Труды совѣщанія по низшему сельско-хоз. образов. въ янв. 1895 г.".—„Страхованіе скота". *Н. Мурашкинцева.*—„Характеристика мѣстностей, подверж. градобитіямъ". *В. А. Тарюнскаго.* — „Краткое руководство къ простому изслѣдов. сельско-хоз. матеріаловъ". *Д. И. Коченовскаго.*

Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за первый годъ его существованія. Спб., 1895 г. Высочайшія отмѣтки обратили уже общее вниманіе Россіи на первый годичный обзоръ дѣятельности преобразованнаго министерства. Въ обзорѣ послѣдовательно изложены свѣдѣнія о сельско-хозяйственномъ совѣтѣ, ученомъ комитетѣ, о департаментахъ земледѣлія, государственныхъ имуществъ, лѣсномъ и горномъ, объ отдѣлѣ земельныхъ улучшеній и объ отдѣлѣ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Достойно вниманія, что въ заключительной главѣ при перечисленіи насущныхъ потребностей русскаго сельскаго хозяйства на первый планъ поставлено распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній и развитіе сельскохозяйственнаго образованія высшаго, средняго и низшаго. Новому министерству посчастливилось въ первые же мѣсяцы своего существованія возстановить агрономическую школу, которую предшественники этого министерства необдуманно обрекли на уничтоженіе. Министерство обѣщаетъ помочь устройству новаго высшаго заведенія на югѣ Россіи. Желательно, чтобъ и въ послѣдующіе годы русское общество также своевременно знакомилось съ мотивами и результатами мѣропріятій, предпринимаемыхъ въ министерствѣ земледѣлія.

Труды совѣщанія по низшему сельско-хозяйственному образованію въ январѣ 1895 года. Спб., 1895 г. 21 ноября 1895 года русскіе агрономы, разсѣянные по разнымъ угламъ нашей обширной страны, вспоминали тридцатилѣтнюю годовщину Петровской академіи. По странной случайности въ этотъ самый день русское сельско-хозяйственное образованіе понесло тяжелую утрату въ лицѣ профессора П. А. Костычева, занявшаго только въ апрѣлѣ 1894 года постъ директора департамента земледѣлія.

Передъ нами лежитъ результатъ внимательнаго отношенія покойнаго П. А. Костычева къ нуждамъ низшаго сельско-хозяйственнаго образованія: по его иниціативѣ и подъ его предсѣдательствомъ состоялось въ Петербургѣ съ 3 по 10 января 1896 года особое совѣщаніе изъ попечителей, управляющихъ и учителей низшихъ школъ. Совѣщаніемъ констатирована слишкомъ слабая связь существующихъ школъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ; это отчасти зависитъ отъ устройства весьма многихъ школьныхъ хозяйствъ на подобіе частновладѣльческихъ. Большинство членовъ признало необходимость учрежденія особыхъ народныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Школы эти могутъ быть одногодичныя или двухгодичныя, съ возможно простымъ устройствомъ, съ пріемомъ учениковъ отъ 15 до 25 лѣтъ, прошедшихъ курсъ

народной школы. Признано желательнымъ существованіе зимнихъ школъ и популярныхъ чтеній по сельскому хозяйству для крестьянъ.

При совѣщаніи дѣйствовали особыя коммиссіи по разнымъ вопросамъ, относящимся къ теперешнему строю школъ 1-го и 2-го разряда, къ приготовленію учителей для этихъ школъ и къ мѣрамъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ народной массѣ. Подробно мотивированныя заключенія шести коммиссій напечатаны здѣсь же вмѣстѣ съ полученными отъ нѣкоторыхъ преподавателей записками о преподаваніи спеціальныхъ предметовъ и ремеслъ въ низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ. Въ концѣ книги помѣщена статья Леблана о начальномъ преподаваніи земледѣлія во Франціи.

Страхованіе скота, какъ мѣра, обезпечивающая развитіе скотоводства. Ветеринарнаго врача и агронома Н. Мурашкинцева. Казань, 1895 г. Разсмотрѣвъ практическое значеніе страхованія скота и представивши краткій историческій обзоръ заграничнаго и русскаго страхованія, авторъ въ третьей главѣ своей брошюры резюмируетъ свои взгляды по шести основнымъ вопросамъ, относящимся къ страхованію скота. Смертность отъ заразныхъ болѣзней должна быть предметомъ общегосударственнаго обязательнаго страхованія, а смертность отъ спорадическихъ болѣзней можетъ быть предметомъ и добровольнаго страхованія. Рогатый скотъ является самымъ простымъ и доступнымъ объектомъ для страхованія; къ лошадямъ авторъ находитъ возможнымъ примѣнять только спеціальную оцѣнку каждаго животнаго. Современные русскіе матеріалы, преимущественно накопленные (благодаря энергичной дѣятельности В. Ф. Нагорскаго) московскимъ губернскимъ земствомъ (въ которомъ работаетъ и авторъ) позволяютъ уже установить средніе размѣры коэффиціента смертности рогатаго скота и измѣненія въ этомъ коэффиціентѣ отъ различныхъ естественныхъ и общественныхъ условій скотоводства. Размѣры вознагражденія должны быть таковы, чтобы страхователь не видѣлъ выгоды отъ смерти животнаго. Страховыя преміи должны измѣняться въ зависимости отъ размѣровъ скотовладѣнія (въ большихъ стадахъ смертность сильнѣе). Въ Россіи настоятельно нужно вмѣшательство государства въ дѣло страхованія. Сжато написанная и богатая содержаніемъ брошюра Н. А. Мурашкинцева много поможетъ первоначальному ознакомленію русской читающей публики съ важнымъ дѣломъ страхованія скота.

Характеристика мѣстностей, подверженныхъ градобитіямъ въ Европейской Россіи. В. А. Таргонскаго. 1895 г. Новая работа В. А. Таргонскаго опять обращаетъ вниманіе на важный вопросъ о географіи русскихъ градобитій. Авторъ занимается подробнымъ анализомъ градобитій, случившихся за 18 лѣтъ въ пяти уѣздахъ: Керенскомъ (Пенз. губ.), Каневскомъ (Кіев. губ.), Мстиславскомъ (Могилев. губ.), Замостскомъ (Люблин. губ.) и Слупецкомъ (Калиш. губ.). Для этихъ уѣздовъ приведены въ таблицахъ статистическія данныя о поврежденіи посѣвовъ градомъ и помѣщены десятиверстныя (а по Слупкому 3-хъ верстная) карты съ нанесеніемъ градобитій. Конечный выводъ автора таковъ, что происхожденіе града стоитъ въ тѣсной связи съ условіями той именно мѣстности, надъ которой проявляется дѣйствіе града.

Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Составилъ Д. И. Коченовскій. Кіевъ, 1894 г. Идея небольшой книжки Д. И. Коченовскаго

заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны дѣятелей русской популярно-научной литературы. Сельская обстановка предъявляетъ настоятельный спросъ на такіе пріемы изслѣдованія, которые не требуютъ дорогой и сложной лабораторной обстановки. Автору не удалось избѣжать нѣкоторыхъ слишкомъ детальныхъ способовъ, которые будутъ умѣстными лишь въ настоящихъ лабораторіяхъ, но мы полагаемъ, что и примѣненіе самыхъ элементарныхъ пріемовъ товаровѣдѣнія должно сопровождаться теоретическимъ знакомствомъ съ результатами точныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ что съ этой стороны для деревенскаго жителя не безполезны и тѣ мѣста книжки г. Коченовскаго, гдѣ идетъ рѣчь о довольно сложныхъ опредѣленіяхъ.

Книжка разсматриваетъ изслѣдованіе воды, почвы, искусственныхъ удобреній, посѣвныхъ сѣмянъ, картофеля, свеклы, хмѣля, молока и шерсти. *Руководство* издано подъ редакціей кіевскаго журнала *Земледѣліе*, которой и слѣдуетъ выразить признательность за распространеніе столь нужныхъ русскому обществу знаній по сельско-хозяйственному товаровѣдѣнію.

ПОСОБІЯ, УЧЕБНИКИ, ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературн. чтеній". — „Кавказскіе разсказы". *В. П. Желиховской.* — „Рѣпосчетъ". Пер. *О. И. Роговой.* — „Къ свѣту". Разсказы для дѣтей. *В. В. Огаркова.* — „Десять чтеній по литературѣ".— „Учебникъ географіи Россійской имперіи". *Д. Г. Онацкаго.*—„Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ". *П. Никульцева.* — „Курсъ элементарной алгебры и извлеченіе квадратныхъ и кубичныхъ корней". *Г. Я. Юревича.*—„Новая тригонометрія" *Д. В. Аганова.*

Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературныхъ чтеній (Христоматія для семьи и школы). Изданіе педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго Общества, подъ редакціей профессора Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1895 г. Цѣна 1 руб. Надо отдать честь нашей интеллигенціи крупныхъ провинціальныхъ центровъ: она обнаруживаетъ энергическую дѣятельность на пользу отечественнаго просвѣщенія. Всѣ помнятъ еще симпатичный докладъ профессора Одесскаго университета А. И. Кирпичникова въ московскомъ комитетѣ грамотности, обрисовавшій такъ живо дѣятельность мѣстнаго кружка образованныхъ людей по устройству общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ для простого люда. Теперь передъ нами солидный трудъ, исполненный коммиссіей харьковскаго педагогическаго отдѣла и являющійся пособіемъ для устройства такихъ же вечеровъ, но не для народа, а „для учащихся въ восполненіе и уясненіе гимназическаго курса". Харьковскіе педагоги намѣтили давно уже сознанную русскимъ обществомъ „Ахиллесову пяту" нашего средняго образованія, сводящагося въ наше время, главнымъ образомъ, къ изученію всякихъ грамматикъ, не дающихъ пищи ни для ума, ни для сердца. Сознается этотъ важный недостатокъ и многими начальствами самихъ среднеучебныхъ заведеній, къ которымъ харьковская коммиссія обратилась съ просьбой высказаться о желательности литературно-научныхъ чтеній вообще. Коммиссія получила около сотни отвѣтовъ отъ учебныхъ заведеній разныхъ округовъ, преимущественно изъ Кавказскаго и Рижскаго, встрѣтивъ сочувственное и доброжелательное отношеніе къ своему предпріятію. „Въ собранномъ матеріалѣ,—говоритъ редакторъ изданія,—много цѣн-

ныхъ соображеній по вопросамъ объ устройствѣ классныхъ библіотекъ и организаціи домашняго чтенія"... „причемъ въ нѣкоторыхъ отзывахъ дана прекрасная мотивировка полезности такого рода чтеній въ смыслѣ расширенія и углубленія знаній, поддержки бодрости духа, развитія уваженія къ личности, любви къ русскому слову, чувства патріотизма и т. д.". Собранный матеріалъ,—продолжаетъ проф. Сумцовъ,—нынѣ разбирается, и все существенно важное будетъ напечатано, причемъ нѣкоторыя мнѣнія и списки книгъ — въ цѣломъ видѣ. Такимъ образомъ, къ существующимъ программамъ домашняго чтенія, составленнымъ московскими профессорами, и только что вышедшимъ такимъ же программамъ петербургскихъ профессоровъ, а также къ изданной Ледерле книгѣ *Отзывы выдающихся русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія,* присоединится еще и этотъ коллективный трудъ педагоговъ среднихъ школъ. Въ общемъ получится у насъ весьма цѣнный матеріалъ по вопросу о внѣ-школьномъ самообразованіи,— матеріалъ, достойный особой разработки для полученія окончательныхъ итоговъ, выведенныхъ изъ разнообразныхъ мнѣній всѣхъ слоевъ лучшей и образованнѣйшей части русскаго общества.

Переходя къ содержанію самого *Пособія,* замѣтимъ, что въ основу его положена „гуманистическая идея" или „сочувственное отношеніе къ человѣку и ко всему тому, что украшаетъ и укрѣпляетъ человѣческую жизнь". Кругъ читателей—„семья съ интеллигентными задатками и средняя школа", преимущественно провинціальныя. Въ книгѣ 12 чтеній, подъ слѣдующими заглавіями: *Святки, Небо и земля, Море, Горы, Пустыни и степи, Лѣса, Царство пернатыхъ, Земледѣльческая культура, Семья, Музыка, Поэзія, Наука.* Каждому чтенію въ общемъ предисловіи предпослана особая мотивировка, а также „предварительныя замѣчанія", въ которыхъ указываются по разнымъ каталогамъ нумера туманныхъ картинъ, имѣющихъ отношеніе къ содержанію статей. Послѣ нѣкоторыхъ чтеній приведены „провѣрочные вопросы" и списки книгъ для домашняго чтенія, съ краткими указаніями ихъ достоинствъ. Всѣ статьи и стихотворенія принадлежатъ русскимъ писателямъ послѣ Жуковскаго и между ними не мало и такихъ, которыя напечатаны были въ различныхъ журналахъ текущаго года. Почти всѣ статьи, особенно прозаическія, приведены со значительными иногда сокращеніями. Въ *Пособіе* вошли произведенія около ста русскихъ и иностранныхъ писателей, причемъ по какому-то недоразумѣнію всецѣло отсутствуетъ *Гоголь.* Если это объясняется его общеизвѣстностью, то можно сказать, что, наприм., Пушкинъ, Лермонтовъ и Некрасовъ не менѣе общеизвѣстны, а ихъ стиховъ не мало въ книгѣ. Просматривая чтеніе, озаглавленное *Степи,* встрѣчаешь подъ статьями имена Аксакова, Пушкина, Чехова, Гумбольдта и мн. друг., а Гоголь съ его знаменитымъ описаніемъ степей не указанъ даже въ матеріалахъ для домашняго чтенія. Для чтенія о *пустынѣ* указана лишь литература, но самихъ статей не приведено, „въ виду того,— какъ читаемъ въ предисловіи,—что *пустыня мало отвѣчаетъ основной гуманистической и просвѣтительной цѣли* настоящей христоматіи". Пустыня, въ ряду другихъ крупныхъ явленій природы, мы думаемъ, имѣетъ нисколько не меньшія права на вниманіе и какъ-то, право, странно читать, что описанія ея природы и жизни могутъ противорѣчить какимъ-либо гуманистическимъ, а тѣмъ болѣе *просвѣтительнымъ* цѣлямъ... Къ концу книги приложенъ списокъ музыкальныхъ пьесъ, исполнявшихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ послѣдніе годы и девять гимназиче-

скихъ программъ литературныхъ вечеровъ. Нельзя не отнестись съ благодарностью къ составителямъ *Пособія* за ихъ огромный и крайне добросовѣстный трудъ.

Кавказскіе разсказы. В. П. Желиховской. Спб., 1895. Ц. 2 р. 50 коп. Изд. Девріена. Книга издана изящно, съ 33 иллюстраціями по рисункамъ проф. Шарлемана. Разсказы о кавказскихъ битвахъ и разнообразныхъ приключеніяхъ интересуютъ дѣтей, въ особенности мальчиковъ. Такіе разсказы можно признать и полезными, если они талантливо написаны и если въ нихъ свѣтится гуманная мысль. Произведеніе г-жи Желиховской далеко не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Въ немъ неумѣстны разныя любовныя и семейныя подробности и воздыханія. Разсказъ ведется въ формѣ разговоровъ бабушки съ молодыми людьми, причемъ и бабушка, и молодые люди обнаруживаютъ весьма сомнительныя юмористическія способности.

Преданія о духѣ Исполинскихъ горъ. Рѣпосчетъ. Переводъ съ нѣмецкаго О. И. Роговой. Спб. 1896 г. Изд. Девріена. Цѣна 2 руб. Интересныя для чтеній нѣмецкія преданія хорошо переведены г-жею Роговою. Книга издана отлично и украшена шестью большими хромолитографіями. Переплетъ прочный и красивый, шрифтъ достаточно крупный. *Рѣпосчетъ*—хорошій подарокъ для дѣтей средняго возраста.

Къ свѣту. Разсказы для дѣтей В. В. Огаркова. Съ 27 рисунками. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Рѣдко въ дѣтской литературѣ приходится встрѣчать такія продуманныя, такія содержательныя произведенія, какъ разсказы г. Огаркова. Въ то же время всѣ они проникнуты симпатичной идеей—пробудить въ читателяхъ сочувствіе къ трудовому люду, къ бѣдному и честному работнику. Тѣмъ не менѣе, морализующій элементъ нисколько не служитъ въ ущербъ художественной правдѣ. Всѣ разсказы обличаютъ въ авторѣ хорошее знакомство съ выставляемой въ нихъ средой,—съ бытомъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и съ мелкимъ торговымъ людомъ. Дѣти старшаго возраста вынесутъ изъ этого чтенія любовь къ человѣку, внимательное отношеніе къ горю и нуждамъ тружениковъ земли Русской, вѣру въ просвѣщеніе и стремленіе быть полезнымъ народу. Побольше бы такихъ книгъ.

А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ. Съ 29-ю рисунками. Изданіе А. И. Мамонтова. Москва, 1895 г. Цѣна 1 руб. Въ то время, какъ во многихъ провинціальныхъ гимназіяхъ устраиваются литературные вечера съ цѣлью „расширенія и углубленія знаній“ учащихся, у насъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, ни въ одной изъ семи гимназій подобныхъ заботъ о расширеніи умственнаго горизонта учениковъ не существуетъ. Въ виду этого, нельзя не отнестись съ чувствомъ благодарности къ учебному отдѣлу общества распространенія техническихъ знаній, устраивающему въ московскомъ Историческомъ музеѣ свои воскресныя чтенія, предназначенныя для учащагося юношества *). Лекторами на этихъ чтеніяхъ являются, въ большинствѣ случаевъ, московскіе педагоги, а иногда и артисты. Къ числу недостатковъ этихъ чтеній слѣдуетъ отнести неопредѣленность возраста учащихся, для котораго они предназначены, а также степени ихъ образованія, послѣдствіемъ чего является несоотвѣтствіе между содержаніемъ многихъ чтеній и развитіемъ значи-

*) 1 января 1896 г. этимъ чтеніямъ исполнилось уже десятилѣтіе.

тельной части юныхъ слушателей, посѣщающихъ музей. Такую судьбу должны были, несомнѣнно, имѣть девять изъ чтеній по литературѣ (десятое—*Максимъ Грекъ* Ф. Нелидова—не было произнесено въ аудиторіи Историческаго музея), составленные упомянутыми выше авторами и прочтенные слушателямъ воскресныхъ чтеній. Съ своей стороны, молодые авторы очерковъ отнеслись къ избраннымъ ими темамъ съ полною серьезностью и вмѣстѣ съ знаніемъ внесли въ нихъ много любви къ дѣлу. Написанные хорошимъ литературнымъ языкомъ, очерки эти дадутъ молодымъ читателямъ старшихъ классовъ гимназій обстоятельныя свѣдѣнія и о значеніи народной устной литературы (*Русскіе народные пѣвцы* А. Грузинскаго), и о печальной судьбѣ русской образованности въ XVI вѣкѣ (*Максимъ Грекъ* Ф. Нелидова), и объ оживленіи умственной дѣятельности въ эпоху Екатерины II (*Хулители наукъ въ журнальной сатирѣ екатерининскаго вѣка* того же автора) и о такихъ писателяхъ, какъ Д. И. Фонвизинъ (А. Грузинскаго), С. Т. Аксаковъ и Д. В. Григоровичъ (С. Смирнова), В. Г. Бѣлинскій (А. Грузинскаго), Сервантесъ и Де-Фое (А. Алферова) и, наконецъ, изъ исторіи народной кукольной комедіи (*Петрушка и его предки* А. Алферова). Собранные вмѣстѣ въ одной книгѣ, вдобавокъ со вкусомъ изданной и украшенной хорошими портретами (пѣвца былинъ В. П. Щеголенка, Максима Грека, Д. И. Фонвизина, С. Т. Аксакова, Д. В. Григоровича, В. Г. Бѣлинскаго, Мигуеля Сервантеса и Даніеля Дефое), а также и многими рисунками (относящимися къ статьямъ: *Хулители наукъ*, *Петрушка*, *Даніель Дефое*),—очерки принесутъ большую пользу какъ для литературныхъ чтеній, такъ и для домашняго чтенія, являясь въ то же время весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу для самообразованія. Цѣна этого изящнаго изданія замѣчательно дешевая.

Учебникъ географіи Россійской имперіи (съ приложеніемъ трехъ картъ, составленныхъ примѣнительно къ учебнику: а) Европейской Россіи (политической, съ раздѣленіемъ на пространства и съ линіями осадковъ и средней температуры; б) Сибири и в) русскаго Туркестана. Составилъ учитель Д. Г. Онацкій. Кіевъ, 1894 г. Цѣна безъ карты Европейской Россіи 60 к., съ картой 75 к. Учебникъ географіи г. Онацкаго отличается многими особенностями сравнительно съ другими подобными же учебниками, а среди этихъ особенностей есть и преимущества. Цѣннѣе всего та система, которую, очевидно, преслѣдуетъ составитель, и по которой „все содержаніе учебника можетъ быть формулировано,—по словамъ г. Онацкаго,—слѣдующимъ вопросомъ: какова природа—жилище русскаго человѣка и какъ русскій человѣкъ приспособился къ этому жилищу для обезпеченія себя“ (пред. стр. VII). По предположенію составителя, когда учебникъ будетъ изученъ учащимися, то у нихъ получится и отвѣтъ на поставленный вопросъ приблизительно такого содержанія: „природа не вездѣ удобна для жизни человѣка, и въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ природой, онъ господинъ ея, а гдѣ нѣтъ этой борьбы, тамъ онъ рабъ ея“ (пред. стр. X). Очень возможно, что такой отвѣтъ дадутъ не всѣ учащіеся,—по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, онъ вовсе не вытекаетъ естественнымъ слѣдствіемъ изъ матеріала учебниковъ,—но важно, что написанная книжка имѣетъ опредѣленный планъ, такъ какъ это случается далеко не всегда. Изъ другихъ особенностей, которыя весьма предупредительно перечислены г. Онацкимъ, не всѣ одинаковаго достоинства, и нѣкоторыя вызываютъ недоумѣніе. Такова, на-

примѣръ, особенность 10-я, гдѣ говорится: „Параграфы—„замѣчательные города“ совсѣмъ выпущены, вслѣдствіе чего, между прочимъ, учебникъ, заключая матеріала больше, чѣмъ наши объемистые учебники, принятые въ уѣздныхъ и городскихъ училищахъ,—короче ихъ и не отымаетъ лишняго времени на безполезное заучиваніе городовъ: замѣчательные города помѣщены въ самомъ текстѣ и заучиваются безъ особеннаго усилія со стороны ученика“ (пред. стр. IX). На стр. 36, 37, 38 и 39 учебника г. Онацкаго мы читаемъ перечень важнѣйшихъ русскихъ городовъ, что же означаетъ только что выписанная особенность?

Какъ бы то ни было, однако, а кромѣ вышеуказанной систематичности въ распредѣленіи матеріала учебникъ написанъ довольно хорошимъ и легкимъ языкомъ, составленъ по многимъ книгамъ, пользующимся заслуженною извѣстностью, и вполнѣ пригоденъ для уѣздныхъ и городскихъ училищъ, для которыхъ онъ и предназначается. Такимъ образомъ, остается пожелать, чтобъ учебникъ г. Онацкаго былъ одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, потому что только въ такомъ случаѣ, какъ замѣчаетъ въ концѣ оглавленія составитель, „выйдетъ особо карта Европейской Россіи“ (стр. V), а она нужна для удобства учащихся.

Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Никульцевъ, инспектирующій учитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища. Часть первая. Теоретическій отдѣлъ съ приложеніемъ курса дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Изданіе третье (съ измѣненіями). Второе изданіе включено въ каталогъ руководствъ по алгебрѣ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. Москва. Цѣна 1 р. 25 коп. Учебникъ алгебры г. Никульцева хорошо извѣстенъ въ нашей педагогической литературѣ по двумъ предыдущимъ изданіямъ. Въ третьемъ изданіи сдѣлано нѣсколько несущественныхъ измѣненій, въ остальномъ учебникъ сохранилъ свою прежнюю физіономію. При надлежащей полнотѣ, ясномъ и строго-систематическомъ изложеніи онъ очень хорошо изданъ и вполнѣ доступенъ по цѣнѣ.

Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Г. Я. Юревича. Часть I. Юрьевъ. Цѣна 80 коп. Составители алгебраическихъ учебниковъ обыкновенно больше заботятся о систематичности и научности изложенія, чѣмъ объ удобопонятности, забывая, что алгебра болѣе, чѣмъ другіе предметы, требуетъ простого и яснаго изложенія, что предметъ этотъ вообще не легко дается пониманію учащихся. Г. Юревичъ старался изложить свой учебникъ возможно простымъ и толковымъ языкомъ и до извѣстной степени успѣлъ въ этомъ. Отъ большей части другихъ руководствъ по алгебрѣ онъ отличается тѣмъ, что содержитъ главы: о разложеніи алгебраическихъ выраженій на простыхъ множителей и о нахожденіи общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго при помощи разложенія на простыхъ множителей. Составитель обратилъ особое вниманіе на подборъ задачъ и, между прочимъ, исправилъ одну, по его мнѣнію, весьма важную ошибку, допущенную во всѣхъ алгебраическихъ задачникахъ и заключающуюся въ томъ, что при составленіи уравненій 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ обыкновенно прежде всего даются задачи, требующія нахожденія двухъ неизвѣстныхъ.

Извлеченіе квадратныхъ и кубичныхъ корней изъ чиселъ. Г. Я. Юревича. Юрьевъ. Ц. 15 к. Мы неоднократно высказывали не-

доумѣніе относительно обилія новыхъ учебниковъ по элементарной математикѣ. Но они продолжаютъ наводнять собою книжные рынки. Теперь даже отдѣльныя главы учебниковъ стали появляться въ видѣ особыхъ книжекъ, представляющихъ какъ бы нѣчто цѣльное и самостоятельное. Къ этому роду изданій нужно отнести и трудъ г. Юревича. Почему оказалось нужнымъ извлеченіе корней издать отдѣльною брошюркой, это извѣстно только автору.

Новая тригонометрія. Рѣшеніе треугольниковъ помощью теоремы Агапова: „произведеніе разности между полупериметромъ и стороною треугольника на тангенсъ половины угла, противолежащаго этой сторонѣ, есть величина постоянная для каждаго треугольника, равная радіусу круга, вписаннаго въ треугольникъ". 45 случаевъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Д. В. Агаповъ. Оренбургъ. Цѣна 85 коп. Примѣненіе теоремы Агапова позволяетъ рѣшать треугольники исключительно по тангенсу угловъ безъ предварительнаго изученія гоніометріи (какъ называется отдѣлъ тригонометріи, трактующій о тригонометрическихъ функціяхъ). Во всевозможныхъ случаяхъ на основаніи теоремы Агапова треугольники рѣшаются сравнительно просто, безъ какихъ-либо сложныхъ пріемовъ. Такъ, при опредѣленіи гипотенузы по катетамъ, на основаніи теоремы Пиѳагора, получается выраженіе, неудобное для логариѳмированія. Пользуясь же теоремой Агапова, ту же задачу можно легче рѣшить, такъ какъ въ этомъ случаѣ можно примѣнить формулу, удобную для логариѳмированія.

Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Составилъ Д. В. Агаповъ. Цѣна 35 коп. Эта брошюрка представляетъ собой примѣненіе той же самой теоремы Агапова, на которой зиждется новая тригонометрія, къ рѣшенію нѣкоторыхъ задачъ геометріи.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы".

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію с.-петербургскаго комитета грамотности, спеціальною коммиссіей. Выпускъ 1—2. Изд. 2-е, исправленное и значит. дополн. Спб., 1895 г. Цѣна каждаго вып. 1 руб. Появленіе этого труда въ новомъ изданіи слѣдуетъ признать весьма своевременнымъ и отраднымъ фактомъ. Первое изданіе *Систематическаго обзора*, предпринятое с.-петербургскимъ комитетомъ грамотности въ 1878 г., въ свое время было очень сочувственно встрѣчено печатью, какъ капитальное руководство по вопросамъ обученія и воспитанія. Все болѣе развивающійся въ наше время интересъ къ дѣлу народнаго образованія вызвалъ потребность въ новомъ изданіи этого полезнаго руководства, а успѣхи, достигнутые въ этотъ промежутокъ времени педагогіей, въ особенности развитіе литературнаго матеріала, заставили коммиссію, составлявшую *Обзоръ*, внести въ новое изданіе поправки и значительныя дополненія. Пока вышли два выпуска: первый заключаетъ въ себѣ отдѣлъ по родному языку (обученіе грамотѣ, грамматика, литература), а второй содержитъ отдѣлы: 1) по медицинѣ и гигіенѣ, 2) по гимнастикѣ, 3) по ручному труду, 4) по рисованію и черченію и 5) по пѣнію. Всѣхъ же отдѣловъ будетъ четыр-

надцать, т.-е. однимъ отдѣломъ (по ручному труду) больше, чѣмъ въ прежнемъ изданіи. Каждый отдѣлъ начинается руководящею статьей и затѣмъ заключаетъ въ себѣ указатель руководствъ и пособій по данному вопросу, причемъ о каждой книгѣ дается сжатая, но обстоятельная рецензія. Въ новомъ изданіи *Обзора* многія руководящія статьи измѣнены, другія замѣнены новыми, болѣе соотвѣтствующими теперешнимъ педагогическимъ требованіямъ (наприм., по ариѳметикѣ, географіи); многія книги, рекомендованныя ранѣе, замѣнены новыми. Наконецъ, весьма существенное дополненіе выразилось въ томъ, что въ новомъ изданіи количество рекомендованныхъ книгъ значительно увеличено: сюда вошли рецензіи на всѣ соотвѣтствущія требованіямъ коммиссіи книги, вышедшія со времени перваго изданія *Обзора;* это увеличеніе въ особенности отразилось на литературномъ отдѣлѣ, куда вошли резензіи на 1,003 книги (изъ нихъ около 750 книгъ для художественнаго чтенія). Изъ вышедшихъ выпусковъ особенный интересъ представляетъ первый (отдѣлъ по родному языку); сюда вошли руководящія статьи С. И. Миропольскаго (по обученію грамотѣ) и В. П. Острогорскаго (по грамматикѣ и литературѣ), и рядъ рецензій на учебныя руководства и книги для чтенія. Во второмъ чтеніи слѣдуетъ отмѣтить обстоятельныя статьи—А. Вереніуса (медицина), А. Доброславина (гигіена) и К. Цируля (ручной трудъ). Остается пожелать скорѣйшаго появленія остальныхъ выпусковъ этого солиднаго и полезнаго труда.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Сѣверный Вѣстникъ“, *декабрь*.—**„Русское Богатство“**, *декабрь*.—**„Русское Обозрѣніе“**, *декабрь*.

Давненько уже имя г. Эртеля не появлялось на страницахъ толстыхъ журналовъ, и это обстоятельство было довольно печальнымъ—чувствовался какой-то пробѣлъ. Авторъ *Гарденинихъ* и *Смѣны* безспорно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ и наиболѣе увлекательныхъ нашихъ беллетристовъ. И, однако, впечатлѣніе, производимое его произведеніями, бываетъ нѣсколько смутнымъ и неопредѣленнымъ. Они почти всегда глубоко заинтересовываютъ читателя особенностями изложенія и, главное, оригинальностью типовъ и какою-то особенною задумчивостью автора, они захватываютъ читателя во власть авторскихъ думъ и настроеній и, въ концѣ-концовъ, оставляютъ его неудовлетвореннымъ. Точно что-то такое должно было быть сказаннымъ, да не сказалось, какъ будто что-то должно было выясниться и опредѣлиться, да такъ и осталось невыясненнымъ и неопредѣленнымъ. Однимъ словомъ, почти всегда у г. Эртеля такъ выходитъ, что предъ читателем появляется что-то безспорно значительное и даже крупное, пожалуй; только это значительное осталось недодѣланнымъ. Въ чемъ тутъ сущность дѣла—это, можетъ быть, было бы возможно уяснить себѣ при детальномъ разборѣ всѣхъ произведеній автора. И тогда, можетъ быть, оказалось бы, что у г. Эртеля ужъ слишкомъ „много думушекъ“, какъ у лисы въ извѣстной сказкѣ. Можетъ быть, именно чрезмѣрное изобиліе „думушекъ“, и, притомъ, думушекъ, такъ сказать, различнаго калибра, мѣшаетъ г. Эртелю сдѣлаться большимъ художникомъ. Какъ-то разъ въ разговорѣ о драмѣ Толстого *Власть тьмы* намъ пришлось слышать такое замѣчаніе: у Толстого яркій до чрезмѣрности фонарь, но этотъ фонарь

всегда освѣщаетъ только одну сторону улицы, потому-то такъ сильно и дѣйствуетъ творчество Толстого. Г. Эртель, наоборотъ, хотѣлъ бы освѣщать разныя стороны улицы и потому, можетъ быть, ему не удается освѣтить какъ слѣдуетъ ни одного угла. Дѣйствительно, искусство, повидимому, требуетъ концентрированія свѣта въ одномъ пунктѣ или, по крайней мѣрѣ, въ небольшомъ количествѣ пунктовъ. И только тогда оно бываетъ настоящимъ искусствомъ и производитъ настоящую художественную эмоцію въ читателѣ, позволяя ему концентрировать свое вниманіе и свое чувство на предметахъ болѣе или менѣе однородныхъ или, наоборотъ, находящихся въ прямомъ и рѣзкомъ контрастѣ. Во всякомъ случаѣ исключенія изъ такого правила не особенно многочисленны. А дальше ужъ дѣло критики и научнаго мышленія разобраться въ произведеніи искусства и указать, какая именно сторона улицы освѣщена свѣтомъ фонаря и какая осталась въ тѣни. И обыкновенно такой анализъ не только не уменьшаетъ, а, наоборотъ, усиливаетъ производимое художественнымъ произведеніемъ впечатлѣніе. Тогда синтетическія его свойства еще ярче вырисовываются предъ читателемъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда въ произведеніи именно отсутствуетъ этотъ особенный художественный синтезъ, обусловливаемый концентрированіемъ свѣта на одной сторонѣ улицы и опредѣленностью мысли, руководившей художникомъ, тогда частенько бываетъ, что послѣ сдѣланной надъ его произведеніемъ операціи критическаго анализа, а такой анализъ производитъ всегда всякій внимательный читатель, остается совсѣмъ не то, что хотѣлъ бы авторъ, а часто и совсѣмъ ничего не остается. Это, впрочемъ, мы не по адресу г. Эртеля говоримъ: отъ анализа его произведеній всегда будетъ оставаться кое-что интересное, потому что самъ онъ, какъ мы сказали, очень интересный писатель и изображаемыя имъ лица почти всегда не ординарны. Онъ умѣетъ выхватывать изъ жизни ея интереснѣйшія явленія, хотя, можетъ быть, и не всегда умѣло обращается съ этими явленіями.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какое интереснѣйшее явленіе предъявляетъ онъ вниманію читателя въ своей новой повѣсти *Карьера Струкова (Сѣверный Вѣстникъ)*, явленіе, несомнѣнно, живьемъ выхваченное изъ нашей удивительной дѣйствительности. Это—раскольникъ-скептикъ, почти атеистъ, вѣчно и во всемъ доискивающійся до самой сути вещей, до корня и замѣчательно послѣдовательный во всѣхъ сферахъ и проявленіяхъ своей личной жизни и дѣятельности, но послѣдовательный по своему, чисто по-русски. Огромная голова съ необычайною логикой, ни передъ какими выводами неостанавливающейся, смѣлый до дерзости въ интеллектуальной сферѣ, слабый до ребячества въ жизни, когда не затронута его мысль, его идея, спеленатый, какъ дитя малое, въ метафизическія опредѣленія и посылки, заложенныя въ самомъ основаніи его мыслительной дѣятельности полученнымъ имъ схоластическимъ воспитаніемъ, ярый врагъ стадности и дисциплины,—всякой дисциплины, умственной и культурной въ особенности,—растратившій въ своей разнообразной и довольно бурной жизни всѣ умственные и моральные устои, всѣ идеи и вѣрованія, если только они у него когда-либо были, кромѣ одной, довольно, впрочемъ, неопредѣленной вѣры въ могущество и всесиліе индивидуальнаго мышленія, глубоко презирающій толпу, „стадо“, по его выраженію, и потому по существу аристократъ ума и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не особенно заботящійся о гарантіяхъ правъ личности и если не прямо, то косвенно всегда склонный къ авторитарнымъ поползновеніямъ, къ своего рода якобинизму,—

богатый купецъ-раскольникъ Перелыгинъ—фигура чисто-русская и возможная только въ Россіи. Отъ этой фигуры среди толпы разныхъ блѣдныхъ фигуръ полурусскихъ, полумеждународныхъ людей, такъ часто изображаемыхъ нашими второстепенными беллетристами, дѣйствительно отдаетъ какою-то подоплекой, какими-то психическими особенностями той русской жизни, въ которой „разорвалась цѣпь великая" и ударила не только по барину и мужику, а и по разночинцу. И, можетъ быть, по разночинцу-то всего сильнѣе и рѣшительнѣе. Ударить-то ударила, многое разрушила, а ничего цѣльнаго и прочнаго пока не создала... А, впрочемъ, создала нѣчто, можетъ быть, болѣе цѣнное, чѣмъ всѣ прочные устои, а именно глубокое и непобѣдимое духовное и, главнымъ образомъ, умственное броженіе, которое, въ концѣ-концовъ, должно же вынести всѣхъ насъ въ безпредѣльное море прогрессивнаго дѣйствія.

Если бы намъ приходилось опредѣлять общую писательскую физіономію г. Эртеля, то мы, вѣроятно, и назвали бы его по преимуществу художникомъ броженія въ средѣ разночинцевъ, произведеннаго разорванною цѣпью. Это его задача и его мѣсто въ нашей художественной литературѣ. И, несомнѣнно, что мѣсто это очень видное, потому что само явленіе-то имѣетъ громадное значеніе въ судьбахъ нашей родины. Авторъ остался вѣренъ своей задачѣ, и, въ новой своей повѣсти: Петръ Евсѣичъ Перелыгинъ безспорно продуктъ броженія и очень оригинальный продуктъ. Онъ чуть не изъ самыхъ низовъ общественной жизни вынырнулъ. И какіе его антеценденты! Онъ „еллинскихъ борзостей не текохъ" и т. д. и образовался на чтеніи старой церковной письменности, а потомъ... потомъ онъ дошелъ и до Ренана, и до Штрауса. Но Ренанъ и Штраусъ для него вздоръ, ему нуженъ внутренній смыслъ, до котораго онъ добирается, а не кружева богословія. Кружева-то для стада интересны, для стада онъ, старый богословъ и начетчикъ, и Курдаво издать хочетъ, а для него-то, избраннаго человѣка, этимъ можно наслаждаться, какъ наслаждаются архитектурой Notre Dame, или отвергать — такъ отвергать подъ самый корень. И не съ исторической точки зрѣнія, а просто: я, молъ, не нуждаюсь и не боюсь... Потому онъ все отвергаетъ, даже совѣсть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, готовъ цѣлыя сутки доказывать правильность двухперстнаго сложенія... Такъ его характеризуетъ его дочь Наташа. А съ другой стороны, когда онъ уже „развернулся... парти де плезиръ съ француженками и прочее тому подобное... такъ покойница маменька собственноручно лѣстовкой отхлестала. Вотъ онъ каковъ былъ путь"... И такой же онъ путаный „еретикъ" и во всемъ, въ самыхъ сложныхъ и интимныхъ вопросахъ и по отношенію къ самымъ сложнымъ и прочнымъ учрежденіямъ. И въ этомъ отношеніи его дерзкая и *ненасытная* мысль работаетъ неудержимо, безъ всякой сдержки и преградъ. Для него вопросъ о любви, наприм., и бракѣ „всего разумнѣе разрѣшается аристовщиной". Любовь (половая) вездѣ и для всѣхъ". „Какъ ни расцвѣтай въ недѣлимое,— возражаетъ онъ Струкову—основной законъ для всѣхъ одинъ: матерія, кто дѣлаетъ исторію?... тепло, одежда, пища... Вы говорите: на смѣну нынѣшняго строя объявится общинный, — и я тоже провозглашаю о своемъ сюжетѣ. Вы говорите: не должно быть нищеты и драмъ изъ-за наживы, а я сверхъ того: и любовныхъ драмъ. Вы только словъ страшитесь... жупеловъ". И онъ такъ и дѣлаетъ, какъ говоритъ. Когда Наташа объявляетъ ему о своей помолвкѣ со Струковымъ, онъ

провозглашаетъ ихъ мужемъ и женой и настаиваетъ, чтобы Струковъ теперь же и безъ всякихъ церемоній и обрядовъ перебрался къ нимъ.

А вотъ какъ онъ разсуждаетъ насчетъ явленій жизни общественной и политической: „Отводъ глазъ, не иначе, какъ отводъ глазъ. Это все на бумажкѣ, не взаправду, не на самомъ дѣлѣ". Взаправду только одно: сила здравыхъ привычекъ, да еще „надо по разсудку поступать, ни на что не взирая". Окольные же пути (освобожденія крестьянъ, судебные уставы, земство)—все это „лганье и окончательно выше моего пониманія. Потому пристальнѣе поглядѣть, одна меледа. Ловля у львовъ—дикіе ослы въ пустынѣ... и это у насъ и вездѣ въ одинаковомъ положеніи. Суета"... И на вопросъ: чѣмъ же вы живете? онъ спокойно отвѣчаетъ: „любопытствомъ".

Вотъ какого страшнаго человѣка изобразилъ г. Эртель, вотъ куда, въ какую глубь народныхъ слоевъ, проникло броженіе, произведенное разорванною цѣпью. Страшный человѣкъ Петръ Евсеичъ, только читателю-то все-таки не очень страшно. Онъ твердо помнитъ, что Перелыгинъ просто продуктъ броженія въ некультурной средѣ и потому самое явленіе положительное, а не отрицательное. Важно то, что эта среда наконецъ тронулась съ своихъ устоевъ, при которыхъ „собственноручно лѣстовками отхлестываютъ", и начала усиленно и смѣло думать. Дерзость ея мышленія не бѣда, потому что мышленіе по самымъ свойствамъ своимъ дерзко и въ концѣ концовъ оно все же выноситъ общество въ открытое море прогрессивнаго дѣйствія, которымъ только и возможно создавать новые прочные устои. И при такомъ прогрессивномъ дѣйствіи, конечно, и для Перелыгиныхъ освобожденіе крестьянъ, судебные уставы и земство явятся уже не отводомъ глазъ, не лганьемъ, а средствомъ развитія.

Повѣсть г. Эртеля только-что начата, и, разумѣется, намъ придется еще вернуться къ ней. Пока мы отмѣтимъ только описаніе того состоянія, которое породила въ Наташѣ всемірная и неизмѣнная сила, называемая половой любовью. „То, что она знала о брачныхъ отношеніяхъ, совсѣмъ не имѣло значенія въ странномъ состояніи ея духа. То было ясно и грубо, а то, что она испытывала теперь, было совсѣмъ не ясно и очаровывало ее чѣмъ-то непостижимымъ... Въ ея грезахъ и мечтахъ не было ни одной черточки изъ грубыхъ теорій Перелыгина, ни одного чувственнаго образа. Все ея существо сосредоточивалось въ какомъ-то стремленіи; въ душѣ звучала упоительная музыка—безъ опредѣленныхъ представленій; и съ каждымъ днемъ мысли складывались труднѣе и труднѣе, уступая волнамъ безпричинной радости, безпричинной тревоги. Но *она не чувствовала себя глупѣе*, она только понимала не однимъ умомъ, какъ прежде, а чѣмъ-то другимъ, и *понимала нѣсколько иначе*, чѣмъ прежде. Это было похоже на ясновидѣніе. Жизнь представлялась ей въ какомъ-то особомъ освѣщеніи, безъ темныхъ подробностей безъ осложненной сумятицы вещей и обстоятельствъ; *въ грядущемъ разверзлись предъ нею безконечныя дали...* И все въ этой безконечности *играло тѣми же радостными и тревожными цвѣтами*, какъ и въ ея взволнованной душѣ".

Г. Михайловскій въ своемъ очень интересномъ этюдѣ о любви въ современномъ обществѣ (*Литература и Жизнь*, *Рус. Бог.)* разсказываетъ, что въ разговорѣ съ нимъ одинъ писатель, человѣкъ выдающагося ума, замѣтилъ, какая должно-быть будетъ скука, когда наступитъ это самое совершенство (общественнаго строя)... Это не по поводу любви было сказано, но имѣетъ непосредственное отношеніе къ

этому вопросу. Мы не безъ умысла привели цитату изъ повѣсти г. Эртеля. Она указываетъ, какое разнообразіе въ духовной жизни человѣка сколько-нибудь неординарнаго производитъ это чувство, какими яркими красками начинаетъ расцвѣчиваться не только его эмоціальная, но и его интеллектуальная жизнь. Наташа не только *не поглупѣла* подъ ея дѣйствіемъ, а напротивъ поумнѣла. Она начала *понимать жизнь какъ-то иначе и лучше*, предъ ней открывались небывалыя перспективы. А вѣдь въ любви все-таки все дѣло, по справедливому замѣчанію г. Михайловскаго, состоитъ въ развитіи такъ-называемыхъ второстепенныхъ половыхъ признаковъ. „Среди всѣхъ во можныхъ безчисленныхъ отклоненій и осложненій преобладавшею окажется все-таки струя, опредѣляемая общимъ ходомъ развитія вторичныхъ половыхъ признаковъ въ цивилизованномъ обществѣ. Ею вырабатываются и формы, и степень напряженности любви“—замѣчаетъ г. Михайловскій. Въ своемъ этюдѣ г. Михайловскій дѣлаетъ три вывода, которые могутъ быть признаны основными: 1) что, любовь какъ и все въ мірѣ органическомъ и надъорганическомъ, эволюціонируетъ, 2) что вторичнымъ половымъ признакамъ, повидимому, предстоитъ идти въ будущемъ на убыль и 3) что должны будутъ ослабѣть или даже исчезнуть теперешнія формы любви и, можетъ-быть, ослабѣетъ и ея напряженность. Если первый изъ этихъ выводовъ представляется несомнѣннымъ, потому что если развиваются вторичные половые признаки (а они, разумѣется, развиваются: ни Венера Фидіаса не похожа на первобытную гречанку, ни современная англичанка не похожа на древнюю германку ни по физическимъ, ни по психическимъ своимъ свойствамъ), то развивается и обусловливаемая вторичными половыми признаками любовь, то остальные выводы г. Михайловскаго возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе. Безпристрастный человѣкъ прежде всего задаетъ себѣ вопросъ: не почему, а зачѣмъ? Вѣдь цѣль человѣческой жизни, разсматриваемой не съ генетической, а съ телеологической точки зрѣнія—счастіе, и притомъ счастіе, по возможности полное, всяческаго разнообразія формъ и красокъ. И если вторичные половые признаки, вызывающіе или, вѣрнѣе сказать, обусловливающіе любовь, могутъ дать хоть бы такое разнообразіе въ окраскѣ жизни, которые они дали Наташѣ, то зачѣмъ же стремиться къ ихъ уничтоженію? А вѣдь для насъ все дѣло именно въ стремленіи, въ цѣлесообразномъ дѣйствіи. Вѣдь именно и желательна замѣна естественнаго, генетическаго прогресса, руководимаго борьбой и подборомъ, прогрессомъ цѣлесообразнымъ, телеологическимъ, руководимымъ стремленіемъ человѣка къ разнообразію въ счастіи—и скука „этого самаго совершенства“ не устранится никакими процессами приближенія къ этому состоянію, если не будетъ преслѣдоваться именно это разнообразіе въ окраскѣ жизни. Весьма возможно, что всѣ выводы г. Каптерева („Душевныя свойства“) чисто апріорныя и висятъ на воздухѣ,—почему это, наприм., всеобъемлющій синтезъ достояніе женскаго ума, а склонность къ отвлеченію достояніе мужского ума? Но слѣдуетъ ли изъ этого, что вторичные признаки должны идти на убыль? Правда, г. Михайловскій оговаривается и подставляетъ въ своихъ разсужденіяхъ „дамскую женственность“ вмѣсто женственности вообще. Но развѣ такая оговорка имѣетъ какое-либо отношеніе къ общему вопросу? Несомнѣнно, что то или другое развитіе вторичныхъ признаковъ обусловливалось въ исторіи во-первыхъ односторонностью полового подбора, исключительно мужского, и во-вторыхъ извѣстнымъ общественнымъ строемъ и положе-

ніемъ женщины. Но гдѣ же ручательство, что при существованіи двухсторонняго полового подбора, и женскаго и мужского, вторичные признаки пойдутъ на убыль, а не на приращеніе? Біологическія вѣроятности наслѣдственности заставляютъ насъ склоняться скорѣе на сторону второго взгляда, чѣмъ перваго, въ особенности, если принять во вниманіе присущее человѣчеству стремленіе къ разнообразію цвѣтовъ и окрасокъ жизни, съ каковымъ стремленіемъ и долженъ сообразоваться общественный строй. А кромѣ того, гдѣ разграничительная линія между „дамской женственностью“ и женственностью вообще? Вѣдь эта разграничительная линія всецѣло проводится не біологическими и психологическими данными, а именно устоями общественнаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, не въ маленькихъ же ножкахъ и въ гибкомъ станѣ она состоитъ. Да и принадлежатъ ли эти вторичные половые признаки исключительно *дамамъ*, относятся ли они къ признакамъ одной только „дамской“ женственности? Г. И. Успенскій въ статуѣ луврской Венеры открылъ нѣчто „мужицкое“. Подумайте и о томъ, у кого больше развиты вторичные половые признаки,— у дамъ или у серьезно мыслящихъ и занимающихся умственнымъ трудомъ женщинъ. Можно доказывать, что именно у послѣднихъ. Вспомните хотя бы Жоржъ-Зандъ, натуру женственную по преимуществу.

Все это мы говоримъ только о біологическихъ вторичныхъ признакахъ. Но для насъ также, какъ, вѣроятно, и для г. Михайловскаго, несомнѣнно, что біологическіе и психическіе вторичные признаки находятся въ нѣкоторой пока неизвѣстной и, вѣроятно, причинной связи. Можетъ-быть, мнѣнія г. Каптерева о душевныхъ свойствахъ женщины и невѣрны, но все-таки возможно, что психическіе и интеллектуальные типы мужчины и женщины различны. И намъ думается, что печаловаться объ этомъ, право, незачѣмъ. Это вѣдь даетъ блескъ и разнообразіе человѣческой жизни, а въ виду счастія именно и слѣдуетъ стремиться къ блеску и разнообразію. Г. Каптеревъ сдѣлалъ изъ этого различія типовъ практическій выводъ о необходимости различнаго образованія для женщины и мужчины. Выводъ невѣренъ, просто, потому, что, какъ правильно замѣчаетъ самъ г. Михайловскій, и „мужественность“-то наша не Богъ знаетъ какая прелесть. Но вѣдь возможенъ и другой, тоже практическій, выводъ о выработкѣ такого плана образованія, который соотвѣтствовалъ бы обоимъ типамъ, причемъ не велъ бы къ умаленію разнообразія психическихъ и интеллектуальныхъ типовъ, а къ желательному, по нашему мнѣнію, росту этого разнообразія.

„Напряженность любви ослабѣетъ!“ Опять-таки выводъ до значительной степени висящій на воздухѣ и не мотивированный. Почему бы ей ослабѣть? Вѣдь, любовь—это достояніе личности, и всякая личность по-своему любитъ. При дальнѣйшей общественной эволюціи и опять-таки при замѣнѣ генетическаго прогресса телеологическимъ, мы можемъ ожидать не ослабленія личныхъ свойствъ, а всесторонняго развитія личности во всѣхъ ея свойствахъ, и въ томъ числѣ и въ ея страстности. Да, намъ думается, что въ будущемъ „этомъ самомъ совершенствѣ“ дѣло будетъ не въ ослабленіи страстей, а въ направленіи ихъ, какъ выражается американскій соціологъ Уордъ и раньше его утопистъ Фурье, въ надлежащіе каналы. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣчеству блѣднѣть? Нѣтъ, пусть оно и его разнообразныя страсти и отношенія расцвѣтаютъ какъ можно ярче, пусть они блещутъ самыми яркими, самыми радужными красками, какъ заблистала отъ напряженной любви психическая жизнь Наташи. Отъ этого человѣчеству

не хуже, а лучше будетъ. Любовныя драмы — ну, это инымъ путемъ устраняется при „совершенствѣ“-то. Навыки иные будутъ.

Въ предыдущемъ обозрѣніи мы разсказали въ немногихъ словахъ сюжетъ повѣсти г. Боборыкина: *Прозрѣла*, и замѣтили, что героинѣ, блистательной Ольгѣ Платоновнѣ, ничего и не остается, какъ взять съ бросившаго ее мужа деньги и дать ему разводъ, ибо такая дама больше въ жизни дѣлать ничего не въ состояніи, какъ побѣждать мужчинъ своимъ женскимъ естествомъ, вторичными половыми признаками. Такъ оно разумѣется и вышло: блистательная дама денежки взяла, хотя вину на себя принять отказалась. Очень любопытны тутъ нѣкоторыя разсужденія среды, къ которой принадлежитъ блистательная дама. Ея другъ Квазимодо-Калымовъ, ни мало не сумняшася, разсуждаетъ, что, молъ, на мужѣ лежитъ не одинъ нравственный долгъ, а и матеріальный, т.-е. обязательство дать деньги, если отъ блестящей дамы отказался. И такое заявленіе въ героинѣ никакого возмущенія не порождаетъ. Она даже не спрашиваетъ себя или Калымова: да за что же? За блистательность, что ли? Или за то, что въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ была безупречной, хотя и совсѣмъ не любящей женой? Въ ея душѣ не шевелится сознаніе, что все это, также какъ и прежняя жизнь съ мужемъ, просто ничѣмъ не прикрываемая продажа своей личности. Вотъ это, а не ея ножки, ручки, и проч., и есть настоящая „дамская женственность“. Она, эта женственность-то, насквозь пронизала все существо блистательной Ольги Платоновны. Но эта же женственность пронизала, какъ видите, и существо мужчинъ ея круга. Такъ что и тутъ дѣло не во вторичныхъ половыхъ признакахъ, біологическихъ и психическихъ, а въ томъ направленіи, которое они получили благодаря извѣстному общественному строю. У Ольги Платоновны они получили направленіе на побѣду и одолѣніе мужскихъ низменныхъ инстинктовъ, причемъ сама побѣдительница совсѣмъ и не думаетъ о счастьи, даваемомъ любовью, ни для себя, ни для другого или для другихъ. Да будетъ тому стыдно, кто вздумаетъ истолковать эти послѣднія слова „для другихъ“ въ смыслѣ Перелыгина и аристовщины. Нѣтъ, мы утверждаемъ только, что истинно любящая женщина (и мужчина, конечно) даетъ всегда счастье не одному только избраннику, а всѣмъ окружающимъ, возбуждая въ нихъ эмоціи благородныя, чувства высшаго порядка. И въ этомъ отчасти заключается великая общественная миссія любви, какъ регулирующаго и освѣщающаго общественную жизнь элемента. Вотъ этого-то блистательныя Ольги Платоновны и не понимаютъ. Она не поняла этого даже и тогда, когда „прозрѣла“. Она встрѣтила бы мужчину, богатаго, молодого, на котораго обаяніе ея личности было бы неотразимо. Стоило только не терять вѣру въ себя“. Вотъ какъ разсуждаетъ прозрѣвшая женщина. Она, очевидно, не понимаетъ, что все горе ея жизни не въ утратѣ вѣры въ себя, а именно въ этой вѣрѣ въ свое женское обаяніе, въ исключительномъ стремленіи къ побѣдѣ и одолѣнію, а не къ любви и къ счастью любви. И прозрѣвшая женщина плачетъ. „Она оплакивала себя, свою молодость, красоту, силу, блескъ— все безусловное царство женщины, призванной украшать и услаждать существованіе. Чье?—вдругъ спросила она... Все того же мужчины!“

Вотъ видите, въ какихъ тенетахъ бьется мысль блистательной дамы, закутанная въ мантію дамской женственности. Она, и прозрѣвши, не понимаетъ, что услаждаетъ и украшаетъ жизнь, какъ мужчины, такъ и женщины, не „все безусловное царство женщины“, а простая

штука; искренняя и настоящая любовь. И услаждаетъ и украшаетъ жизнь не одного только мужчины и не одной только женщины, а и всѣхъ ихъ окружающихъ, т.-е. въ результатѣ-то жизнь всего общества. А тогда почему и не услаждать и не украшать? Совсѣмъ, вѣдь, это не обидно. Да для этого въ процессѣ по крайней мѣрѣ услажденія, и требуются не одни вторичные признаки, а и еще кое-что. И читатель не удивляется, что „блистательная“ дама въ концѣ-концовъ съ тоской спрашиваетъ себя: а выдержишь ли? Пожалуй, что и не выдержитъ—дамство ужъ очень заѣло.

Приведемъ еще примѣръ, когда вторичные признаки направлены голымъ невѣжествомъ ея обладательницъ на образованіе даже не „дамской“, а просто-таки бабьей женственности. Въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній мы указывали на печатающійся въ *Русскомъ Обозрѣніи* романъ г. Щеглова: *Милліонъ терзаній*, какъ на произведеніе очень мелкое по мысли и по содержанію, но довольно живое и талантливое. Описаніе города Лукомора (въ которомъ не трудно узнать богоспасаемый градъ Владиміръ съ его старыми храмами и церковными ходами, съ его Студеной горой и съ закаменѣвшими въ старыхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ обывателями) сдѣлано очень красиво и правдиво, хотя и не безъ нѣкотораго душка постнаго масла. Ярко и реально, и въ высшей степени комично и описаніе милліона терзаній семейной жизни литератора Теребенева. Такъ вотъ супруга этого Теребенева, петербургская „жена съ сюрпризами“, въ искусствѣ не пошедшая дальше вальса „Дунайскія волны“, а въ литературѣ дальше *Похожденій Рокамболя* и *Королевы Марго*, особа вообще глубоко невѣжественная визжитъ по поводу замѣчанія своего мужа о добромъ литературномъ имени, что изъ него лисьей шубы не сошьешь и что она не желаетъ больше годить, а тоже хочетъ жить какъ всѣ... и ходить въ лисьей шубѣ и пользоваться молодостью и всѣмъ. Ей нѣтъ дѣла до литературнаго имени мужа, она хочетъ имѣть свою порцію въ жизни. И для вящей силы и убѣдительности мечетъ на полъ салатникъ. Изъ чего Теребеневъ довольно-таки легкомысленно заключаетъ, что вообще писателямъ, художникамъ и всѣмъ вообще жрецамъ искусства жениться не слѣдуетъ. А, вѣдь, и у „жены съ сюрпризами“ тоже были свои вторичные половые признаки и Теребеневъ тоже любилъ ее, да, пожалуй, и теперь продолжаетъ любить. Только эти вторичные признаки были направлены на образованіе пошлой бабьей женственности (лисья ротонда—порція въ жизни) и любовь Теребенева была пошлая и „жена съ сюрпризами“ невѣжественна, да, пожалуй, и самъ-то писатель Теребеневъ тоже изрядно невѣжественъ. И все же вторичные-то признаки и тутъ не причемъ: они, бѣдные, за голое невѣжество одного или обоихъ лицъ отвѣчать должны. Отъ нихъ требуютъ того, чего они дать не могутъ.

Для занимающаго насъ теперь вопроса о томъ, что именно могутъ дать вторичные половые признаки для человѣческаго счастія и чего они дать никоимъ образомъ не могутъ, очень любопытна статья г. Каренина: „Исторія, а не легенда“ (*Сѣвер. Вѣст.*). Авторъ на основаніи своихъ собственныхъ изслѣдованій какъ всей литературы о Жоржъ-Зандъ, такъ и неизданныхъ матеріаловъ разсказываетъ съ большими подробностями о любви Жоржъ-Зандъ и Мюссе. Статья читается съ такимъ же интересомъ, какъ хорошій романъ. Можетъ-быть, отчасти, этотъ интересъ вызывается и особенной душевною близостью къ намъ, русскимъ читателямъ, этой французской пары идеалистовъ-романтиковъ. Вѣдь, что грѣха таить, мы, русскіе, и до сихъ поръ немнож-

ко идеалисты и немножко романтики, въ дѣлѣ любви въ особенности. Съ главными взглядами автора мы совсѣмъ не согласны. По нашему мнѣнію, они или прямо невѣрны, какъ основанные на черезчуръ поспѣшныхъ обобщеніяхъ, вродѣ того, что, молъ, на основаніи индивидуализаціи личности и ея неизбѣжнаго одиночества слѣдуетъ удивляться не тому, что люди расходятся, когда пройдетъ любовный экстазъ, а тому, что они вообще рѣшаются любить и искать слiянія чувствъ и мыслей, или прямо-таки рискованны въ моральномъ отношеніи, вродѣ мысли, что, молъ, за человѣка - Гете грустно, за человѣка - Шарлоту тоже грустно, но было бы прискорбно, если бы ихъ любви не было; потому что поэту для того, чтобы все извѣдать, всѣмъ насладиться, собрать отовсюду звуки и краски, были, пожалуй, и нужны и его легкомысліе, и его почти безпримѣрный эгоизмъ въ отношеніяхъ съ друзьями и женщинами. Подобные взгляды не только рискованы, а и прямо-таки возмутительны и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно характерны для нашей теперешней эпохи безстыдства и поговорить о нихъ весьма и весьма стоило бы, еслибъ это не увело насъ очень далеко отъ занимающаго насъ теперь вопроса. Потому оставимъ ихъ въ сторонѣ и просто воспользуемся тѣмъ матеріаломъ для характеристики отношеній двухъ крупныхъ поэтовъ Франціи, какой намъ даетъ авторъ. Да и этими матеріалами воспользуемся лишь постольку, поскольку это необходимо для нашей цѣли.

Никого Жоржъ-Зандъ такъ страстно не любила и никто ее такъ искренно не любилъ, какъ Мюссе и, однако, любовь эта внесла только горе и страданіе въ ихъ жизнь. Не одни, впрочемъ, горе и страданіе— а и напряженность чувства и мысли, яркость жизненныхъ красокъ, блескъ, свѣтъ и тѣни, усиленную умственную дѣятельность и страстное умственное возбужденіе и страстное же творчество. Ни въ одну, кажется, эпоху своей жизни эти два человѣка не работали столько, не творили столько поэтическихъ образовъ и идей, никогда они не были столь могучи и, если можно такъ выразиться, столь интеллектуальны, какъ въ эпоху ихъ роковой любви. Казалось, что ихъ умственныя и художественныя силы удесятерились, что у нихъ выросли крылья, уносившія ихъ куда-то отъ міра людской пошлости въ далекій міръ идеала. При этомъ любопытно то, что въ этой лихорадочной работѣ оба поэта находились подъ взаимнымъ вліяніемъ и вліяніе это было несомнѣнно плодотворнымъ для обоихъ; Жоржъ Зандъ останавливала вниманіе Мюссе на мысляхъ о такихъ предметахъ, мимо которыхъ онъ до сихъ поръ равнодушно проходилъ, а онъ училъ ее, что въ художественномъ произведеніи форма столь же существенна, какъ и содержаніе. Жоржъ-Зандъ повліяла на большую серьезность и вдумчивость содержанію произведеній Мюссе. Раньше онъ искренно восхищался своими безпутными героями. А въ „Исповѣди“ Мюссе не только не восхищается своимъ героемъ, а сознательно осуждаетъ его. Вторая глава „Исповѣди“ поражаетъ глубиной мыслей, серьезностью историческаго взгляда и сжатымъ и образнымъ изображеніемъ интересной эпохи... Таковы въ общихъ словахъ были результаты, для всего человѣчества интересные, этой роковой любви. И, однако, сама-то любовь принесла только горе и страданіе. Въ чемъ же тутъ дѣло?

А дѣло въ томъ, что тутъ вторичные половые признаки дали то, что они могли дать. Они, такъ сказать, совпадали у этихъ двухъ личностей разнаго пола въ замѣчательномъ, рѣдкомъ совершенствѣ и полнотѣ и потому породили замѣчательно интенсивную, искреннюю и без-

примѣсную любовь. Они удесятерили личныя силы обоихъ; они дали ихъ жизни яркость, блескъ и разнообразіе красокъ, изощрили до небывалой почти степени ихъ духовныя силы, ихъ художественный талантъ и ихъ умъ. Но большаго они, конечно, сдѣлать не могли. Для прочнаго счастія, для постояннаго дѣйствія ихъ было недостаточно. Нужно было кое-что другое. Что же именно?

Если вторичные половые признаки у Жоржъ-Зандъ и Мюссе находились въ удивительномъ, рѣдкомъ, почти совершенномъ соотвѣтствіи, то не находились въ такомъ соотвѣтствіи ихъ натуры, характеры, стремленія, взгляды, интересы. Что могло быть общаго, въ самомъ дѣлѣ, между Жоржъ-Зандъ, человѣкомъ въ полномъ расцвѣтѣ настоящей, не дамской женственности, съ ея глубиной и интенсивностью все испытующей и стремящейся къ возможному для нея синтезу мысли, съ ея не менѣе глубокой искренностью и правильностью, съ ея самоотверженіемъ и готовностью всѣмъ жертвовать и для чувства и для идеи, съ ея материнствомъ даже,—однимъ словомъ, со всей той прелестью чисто-женскихъ свойствъ, соединенныхъ съ женской же страстностью къ міру идей и отношеній и съ сильно развитыми общественными и политическими интересами — и между Мюссе, талантливымъ, даже геніальнымъ, но съ юности глубоко развращеннымъ человѣкомъ, кутилой и пьяницей, свѣтскимъ фатомъ, полнымъ индифферентистомъ въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ? Что могло быть общаго между ней, для которой благо человѣчества, какъ она его понимала, вообще идея всегда были на первомъ планѣ, а ея собственная личность только на второмъ, — и имъ, для котораго въ сущности никогда ничего не существовало, кромѣ его довольно-таки больного и жалкаго *я?* Понятно, ничего общаго. Понятно, что такая любовь могла дать только горе и страданіе. И если она дала еще и то, что она, какъ мы видѣли, дала, то это доказываетъ, насколько все-таки могуче и плодотворно чувство, обусловливаемое совпаденіемъ вторичныхъ половыхъ признаковъ въ той формѣ, въ какой они его порождаютъ. И ссылаться на примѣръ этой любви для пессимистическихъ выводовъ по отношенію къ этому чувству и къ его формѣ опять таки не приходится. Эта „исторія, а не легенда" доказываетъ въ сущности обратное.

Сдѣлаемъ, однако, выводы. Эти выводы, какъ понятно читателю, не только расходятся, а просто-таки прямо противоположны выводамъ г. Михайловскаго.

1. При замѣнѣ генетическаго прогресса телеологическимъ и при замѣнѣ исключительнаго мужского полового подбора подборомъ двустороннимъ, и мужскимъ и женскимъ, вторичные половые признаки пойдутъ не на убыль, а, вѣроятно, на приращеніе. Противоположный процессъ привелъ бы человѣчество къ единообразію и, стало быть, къ нѣкоторой мертвенности, къ нѣкоторой скукѣ „этого самаго совершенства",—скукѣ, отнюдь не устранимой процессомъ приближенія къ „этому самому совершенству".

2. Біологическіе вторичные признаки находятся въ нѣкоторой, пока неизвѣстной, но несомнѣнной, связи съ вторичными признаками психическими. Изъ сего, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, что психическая жизнь женщины есть и будетъ ниже таковой же жизни мужчины количественно, а только то, что онѣ различны какъ-то по качеству. А изъ сего слѣдуетъ, что матеріалъ мышленія, объективное знаніе, одинаково доступно и мужчинамъ, и женщинамъ, и только въ процессъ усвоенія этого матеріала привходитъ элементъ половыхъ раз-

личій. Но въ этотъ процессъ, вѣдь, привходитъ элементъ субъективный и у личностей одного пола. Такъ что изъ этого никакихъ практическихъ выводовъ въ направленіи разницы воспитанія и образованія для двухъ половъ дѣлать нельзя.

3. Напряженность любви наврядъ ли уменьшается при процессѣ генетическомъ,—это и прямо фактами жизни доказывается, — и тѣмъ меньше она можетъ ослабѣть при замѣнѣ генетическаго прогресса телеологическимъ. При сопутствующемъ такому прогрессу ростѣ личности всѣ ея свойства должны расцвѣтать, пріобрѣтать болѣе яркую и разнообразную окраску, блестѣть всѣми цвѣтами жизни,— и въ томъ числѣ и страсти, хотя эти послѣднія и будутъ направлены по каналамъ, наиболѣе прямо ведущимъ къ общему счастью. Какъ именно это произойдетъ, сказать при современномъ состояніи науки невозможно; но несомнѣнно одно, что любовныя драмы не уничтожатся, а только выльются въ иную, болѣе мягкую форму и получатъ совсѣмъ иную остроту.

4. Самыя формы любви всецѣло зависятъ отъ общественнаго строя, и было бы неосновательно приписывать ихъ происхожденіе развитію вторичныхъ половыхъ признаковъ въ томъ или иномъ направленіи. Это развитіе обусловливаетъ только образованіе самаго чувства, а формы и исходъ его зависятъ отъ иныхъ условій. Даже тѣ настроенія, которыя выражены въ словахъ сатирика: „кого я буду баловать, предъ кѣмъ буду сжигать ѳиміамъ моего сердца?"—относятся не столько къ преходящимъ формамъ чувства, сколько къ его основнымъ свойствамъ. И возможно, что эти настроенія останутся, хотя, разумѣется, въ иной, такъ сказать распространенной формѣ, въ формѣ разливаемаго, если не порождаемаго, чувствомъ общаго благожелательства, общей внимательности и предупредительности къ личности, т.-е. къ формѣ пассивныхъ альтруистическихъ настроеній. Роль полового чувства въ его развитой, конечно, формѣ для распространенія такихъ пассивныхъ альтруистическихъ настроеній отнюдь не столь ничтожна, какъ это, повидимому, предполагаетъ г. Михайловскій. Г. Гаринъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „если мой сынъ ниже другого Ивана, то я все-таки посажу сына Ивана на плечи этого другого". Но это ужъ изъ другой оперы, и не вторичные признаки и не формы любви въ этомъ повинны, а борьба, какъ основа и вмѣстѣ съ тѣмъ результатъ генетическаго естественнаго прогресса.

Въ послѣдней своей статьѣ *Судьбы крестьянской общины въ Германіи* г. Закъ приходитъ къ не лишеннымъ интереса общимъ выводамъ, на которыхъ мы и остановимъ вниманіе читателя. Паденіе германской общины,— говоритъ авторъ,— есть результатъ борьбы общественныхъ силъ; враждебные крестьянамъ элементы находились подъ эгидой феодальнаго режима; государство было или безсильно, или дѣйствовало въ пользу узурпаторовъ. Роковой, неотвратимой необходимости паденія общины не было; ея гибель свидѣтельствуетъ не о несостоятельности общинныхъ устоевъ, а о томъ, что группировка общественныхъ силъ была противъ нея. Когда случайно происходило измѣненіе въ этой группировкѣ, община торжествовала. Многія общины пали только подъ ударами современнаго государства. Вообще главнымъ факторомъ паденія общины было государство или прямымъ воздѣйствіемъ, или косвенно, своимъ безсиліемъ. Въ процессѣ разрушенія общины дѣйствовали не ея собственныя внутреннія силы, а внѣ ея стоящіе агенты. Роль общинной аристократіи была сравнительно ничтожна; ея вліяніе,

говоритъ г. М. Ковалевскій, не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое оказываютъ правящіе классы. Между прочимъ, г. Закъ для поясненія своей мысли о роли государства въ дѣлѣ паденія общины указываетъ, слѣдуя Цахаріэ, на Византію. Тамъ императоры обращали свою власть противъ властителей и принимали мѣры для охраненія крестьянскаго землевладѣнія. Результатомъ было то, что византійская община сохранилась до XV вѣка, хотя властители и прилагали всѣ силы для ея разрушенія. Съ XV же вѣка въ экономической политикѣ императоровъ происходитъ рѣзкій переворотъ, и община идетъ къ паденію. Безспорно,—заключаетъ г. Закъ,—что и колонисты, и ремесленно-торговое сословіе (буржуазія) играли роль въ разрушеніи общины, но это факторы позднѣйшаго происхожденія. Гипертрофическое денежно-хозяйственное развитіе городовъ, говоритъ и извѣстный историкъ Лампрехтъ, въ XII и XIII вѣкахъ только толкнуло крестьянство внизъ по наклонной плоскости; на плоскость же эту его поставило безсиліе государственной центральной власти въ виду направленной противъ крестьянства комбинаціи общественныхъ силъ. Мнѣніе Лампрехта по этому вопросу, можетъ быть, нѣсколько менѣе категорично и рѣшительно сравнительно съ мнѣніемъ г. Зака, но въ сущности они совпадаютъ.

Конецъ статьи г. Зака посвященъ опроверженію взглядовъ приверженцевъ теоріи экономическаго матеріализма и неправильнаго пониманія эволюціоннаго принципа. Мы оставимъ въ сторонѣ замѣчанія автора по поводу первой гипотезы, такъ какъ обсужденіе этихъ замѣчаній завело бы насъ очень далеко, а для этого въ нашемъ распоряженіи остается слишкомъ мало мѣста. Потому ограничимся тѣмъ, что приведемъ замѣчанія г. Зака, направленныя противъ эволюціонистовъ. Защитники такой теоріи предполагаютъ необходимость единообразнаго развитія человѣчества. Это историческій законъ, которому неизбѣжно подчиняется всякая нація. Въ паденіи общины выражается законъ развитія формъ собственности и потому оно неизбѣжно. Тутъ историческому закону придается какой-то мистическій оттѣнокъ; онъ точно какая-то внѣшняя сила, съ роковою необходимостью дѣйствующая на каждый народъ. Такое пониманіе историческаго закона представляетъ не что иное, какъ смѣшеніе понятій. Законъ *въ прямомъ смыслѣ* обладаетъ внѣшнею принудительностью, поэтому люди надѣляютъ тѣмъ же характеромъ и такія понятія, которыя не заключаютъ въ себѣ элемента внѣшней принудительности. Историческій законъ, говоритъ г. Лесевичъ, есть просто обобщеніе, фактически относящееся ко *многимъ,* а гипотетически охватывающее *всѣ* случаи измѣненій. Объективное существованіе имѣетъ лишь отдѣльные факты, единообразіе же ихъ развитія есть только наше понятіе. Законъ зависитъ отъ фактовъ, а не факты отъ закона, и сохраняетъ онъ свое значеніе только до тѣхъ поръ, пока съ нимъ согласуются факты. Всякій новый фактъ можетъ разрушить такой законъ. Если наблюденія даютъ намъ историческій законъ развитія какой-нибудь страны, то онъ примѣнимъ къ другой странѣ только въ томъ случаѣ, когда совокупность условій обѣихъ вполнѣ тождественна, — чего почти никогда и не бываетъ. Если мы возьмемъ двѣ страны, сходныя во всемъ, кромѣ одного обстоятельства, то это послѣднее окажетъ такое вліяніе на эволюціи обѣихъ странъ, что онѣ не будутъ тождественны. Потому то обстоятельство, что въ нѣсколькихъ странахъ общинное землевладѣніе замѣнилось частною собственностью, не даетъ права заключать, что такъ будетъ и въ другихъ странахъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что не можетъ существовать

единой формулы, въ которую цѣликомъ укладывалось бы развитіе всѣхъ націй. Каждая изъ нихъ слѣдуетъ своей собственной эволюціи, опредѣляемой тѣми условіями, при которыхъ она живетъ. Эволюція не одинъ путь, а цѣлая сѣть перекрещивающихся путей, говоритъ Тардъ. А, между тѣмъ, такой пріемъ мышленія, посредствомъ котораго создается общая формула эволюціи, часто употребляютъ у насъ въ разсужденіяхъ объ экономическомъ развитіи Россіи. Но что это такое,—заключаетъ г. Закъ,— какъ не passe par tout, которымъ хотятъ придти къ пониманію историческихъ явленій и проникнуть въ будущія судьбы народовъ? Для полученія формулы дѣйствительной эволюціи какой либо націи необходимо изученіе ея собственной жизни. Это, прибавимъ мы отъ себя, отнюдь не исключаетъ нашего права дѣлать аналогическія заключенія отъ изученія другихъ странъ, но только въ законныхъ предѣлахъ такого права.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1895 г. по 1 января 1896 г.

Аверкіева, Е. Г. Бесѣды объ огородѣ. М., 1895 г. Ц. 25 к.

Алчевская, Х. Д. Полгода изъ жизни воскресной школы. Спб., 1895 г.

Бекъ, С., и Браннъ, М. Еврейская исторія. Т. I. Одесса, 1896 г. Ц. 2 р.

Бекетова, Ек. (Краснова). Разсказы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бентамъ. Іеремія Давидъ Юмъ. Опыты. М., 1896 г. Ц. 1 р. Изданіе Солдатенкова.

Берновъ, М. А. На ходу. Разсказы. Москва, 1896 г. Ц. 50 к.

Бертенсонъ, В. По югу Россіи. В. II. 1896 г. Ц. 50 к.

Библіотека. Книга VIII. Пловдивъ. 1895 г.

Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь. Т. XVI а.

Будкевичъ, Ф. П. Новая теорія владѣнія. Варшава, 1895 г.

„Будьте здоровы“. Популяр. гигіеническій календарь для всѣхъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Бутурлинъ, П. Сонеты. Кіевъ, 1895 г.

Бѣлозерская, Н. В. Т. Парѣжный. Историко-литературный очеркъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Веберъ, К. К. Маслобойное производство. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Величко, В. Л. Записки духа. Нежданчикъ. Первая муха. Спб. Ц. 1 р.

Верещагинъ. А. У Болгаръ и за границей. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Волынскій, А. Л. Русскіе критики. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Вучетичъ, Н. Г. Соловей. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Галанинъ, М. И., д-ръ. Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изд. III, пересмотрѣнное и дополненное. Съ прибавлен. діэт. беременности, родовъ и послѣрод. періода, женщ.-врача П. Д. Глотовой-Беккеръ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Гельдъ, Адольфъ. Фабрика и ремесло. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Гуцковъ, К. Уріель Акоста. Трагедія. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.

Генкель, Германъ Р. Саадія Гаонъ, знаменитый еврейскій ученый X вѣка. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гиппіусъ, З. Н. Новые люди. Разсказы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Говсѣевъ, А. А. Семейное призрѣніе душевно-больныхъ (Patronage familial) въ Екатеринославской губ. 1895 г.

Граціановъ, Н. О санитарномъ состояніи Н.-Новгорода. Н.-Новг., 1895 г.

Гриммъ, О. А. Каспійско-Волжское рыболовство. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Грубе, В., и Шеффъ, И. Руководство къ лѣченію зубныхъ болѣзней. Харьковъ, 1895 г. Ц.

Де-Амичисъ. Дневникъ школьника. Изд. III-е. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Денисовъ, Леонидъ. Цѣною вѣры. Романъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Дерюжинскій, В. Отвѣтъ Г. Профессору и Т. Тарасову. Спб. 1895 г.

Докладъ по ветеринарной части. М., 1895 г.

Докладъ Воронежской земской Управы.

Дѣдловъ, В. Л. Варваръ. Эллинъ. Еврей. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Вокругъ Россіи. Спб. Ц. 2 р.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи. Т. II. В. 15. Н.-Новгородъ, 1895 г.

Дьяконовъ, М. Акты относящіеся к исторіи тяглаго населенія въ Москов. госуд. В. I. Юрьевъ, 1895 г.

Ежегодникъ Полтавскаго губернск. зем-

ства на 1895 г. Годъ первый. Полтава, 1895 г. Ц. 1 р.

Желиховская, В. П. Кавказскіе разсказы. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Жукъ, В. Н. Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Запасникъ, К. Разведеніе лѣса въ степномъ краѣ. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.

Записки западно-сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества. Кн. 18. В. II. Омскъ, 1895 г.

Заринъ, А. Е. Повѣсти и разсказы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи. Черниговъ, 1895 г. № 7—9.

Золотницкій, Вл. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. Н.-Новгородъ, 1896 г. В. 1-й (№ 1). Ц. 10 к.

Ивановъ, С. И. Локомобиль и молотилка. Спб., 1896 г. Ц. 90 к.

Иммеръ и сынъ, Ѳ. Каталогъ сѣмянъ. М., 1896 г.

Фонъ-Іерингъ, Руд. Борьба за право. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Кабештовъ, И. М. Практическіе совѣты по свиноводству. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Кампфмейеръ, П. Кустарная промышленность въ Германіи. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.

Канестрини, Г. Антропологія. Одесса. Ц. 40 к.

Карлетти, Г. Современная Россія. Ч. II. Спб., 1896 г. Ц 1 р. 50 к.

Кичуновъ, Н. И. Культура розы въ открытомъ грунту и подъ стекломъ. Спб. Ц. 75 к.

Клемпереръ, В. Вольтеръ и евреи. Рѣчь. Рига, 1895 г. Ц. 30 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣм.-русск. техническій словарь. В. XXVII. М., 1895 г. Ц. 40 к. (съ пер. 50 к.).

Краткій обзоръ Бакинской нефтяной промышленности съ 1 янв. по 1 сент. 1895 г. Баку, 1895 г. Ц. 1 р.

Кушилеръ, М. И. Разводъ и положеніе женщины. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лессажъ. Тюркаре. Комедія. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.

Латышевъ, П. Здоровье. М., 1895 г. Ц. 25 к.

Лачиновъ, Д. А. Основы метеорологіи и климатологіи. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Лукашевичъ, Клавдія. Дѣтскій театръ. № 1. Веселые дни. № 2. Среди цвѣтовъ. Спб., 1896 г. Ц. по 25 к.

— Босоногая команда. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Матусевичъ, П. Растеніе какъ источникъ органической жизни на землѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 40 к.

Минскій, Н. М. Стихотворенія. Изд. 3-е. Спб., 1896 г. Ц 2 р.

Мнѣнія рускихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія. Спб., 1895 г.

Мусинъ-Пушкина, О. И. Какъ вести пчелъ въ ульѣ Дадана. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Мюллеръ, А. Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Т. 3. Спб., 1896 г. Ц. за 2 тома 5 р.

— Исторія Ислама. Т. IV. Спб., 1896 г. Ц. за 2 т. 5 р.

Нефедьевъ, Е. Основныя начала гражданскаго судопроизводства. Рѣчь. Казань, 1895 г. Ц. 45 к.

— Ученіе объ искѣ. В. I. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Никульцевъ, П. Алгебра. М., 1894 г. Ч. I и II. Ц. 1 р. и 1 р. 25 к.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1894 г. Одесса, 1895 г.

Отчетъ распорядительнаго комитета общества вспомоществованія бѣднымъ студентамъ Тобольской губ. за 1894—95 г. Тобольскъ, 1895 г.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамб. губ. за 1894—95 г.

Панчулидзева, С. Люцерна. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Пасмурный, И. Разсужденіе по поводу статьи г. Кремлева. Спб., 1895 г.

Полезная Библіотека. Л. Фигье. Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Спб., 1895 г.

Прюдомъ. Крашеніе и печатаніе. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Рачинскій, Н. I. Массажъ и гимнастика при женскихъ болѣзняхъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Розановъ, П. П. „Ялта" по однодневной переписи 15 дек. 1892 г. Симферополь, 1895 г.

Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб. Ц. 2 р.

Русская библіотока, № 8. Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Сельскій кредитъ въ Полтавской губ. В. II. 1895 г.

Смирновъ, Е. Т. Средняя Азія. Альманахъ на 1896 г. Ташкентъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сологубъ, Ѳ. Стихи. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. VIII и IX. Тифлисъ, 1895 г. Ц. по 20 к.

Соковнина, Н. А. Быть и казаться.

Станюковичъ, К. М. Подъ тропиками. Спб. Ц. 50 к.

Строевъ, П. Н. Филоксера и борьба съ нею. Спб., 1898 г. Ц. 30 к.

Тарасовъ, И. Т. Учебникъ науки полицейскаго права. В. IV. Москва, 1896 г. Ц. 2 р.

Тжаска, А. А. Русская азбука. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Тезяковъ, Н. И. Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія въ Елисаветградскомъ уѣздѣ 1895 г.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. В. V и VI. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Тулій-Цицеронъ, М. Рѣчи противъ Катилины. Спб., 1896 г.

Туткевичъ, Т. В. Что есть торговая несостоятельность. Спб., 1896 г.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго университета. № 4. Юрьевъ, 1895 г.

Филимоновъ, Е. С. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. В. I и II. Пермь, 1895 г.

Фламмаріонъ, Камиллъ. Многочисленность обитаемыхъ міровъ. Спб., 1896 г.

Фонъ-Циглеръ, Л. Н. Нѣмецко-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

Харьковскій народный календарь на 1896 г. Ц. 30 к.

Царевскій, А. А. Императоръ Александръ II Освободитель. Казань, 1896 г. Ц. 50 к.

Шиппель, М. Техническій прогрессъ въ современной промышленности. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шейминъ, П. Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Шелли, П. Ченчи. Трагедія. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Методическій сборникъ ариеметическихъ задачъ. Ч. I. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

— Чему и какъ учить на урокахъ первоначальн. ариеметики въ школѣ и дома. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Шрейдеръ, Д. И. Японія и японцы. Спб. Ц. 4 р.

Штепенко, Вл. Пособіе для историческаго изученія главнѣйшихъ произведеній древнерусской словесности—устной и письменной. Керчь, 1895 г. Ц. 1 р.

Эдвинъ, Арнольдъ. Свѣтило Азіи. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Явейна, Л. Руководство къ качественному и количественному химич. анализу. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Янжулъ. И. И., проф. Вопросъ о государств. вмѣшательствѣ въ область промышленности. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

А. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Морскіе силуэты". *К. М. Станюковича.*—„Братья-изгои". *Н. Раменскаго.*—„Святочные разсказы". *Ф. Нефедова* 1

Философія: „Риторика" Аристотеля. Пер. *Н. Платоновой* 5

Исторія и біографіи: „Н. И. Лобачевскій, его жизнь и ученая дѣятельность". Біографическій очеркъ. *Е. О. Литвиновой.*—„Сенека, его жизнь и философская дѣятельность". Біографическій очеркъ. *П. Н. Краснова.* — „Василъ Левски". *Ст. Заимова* 6

Этнографія и археологія: „Русскія былины старой и новой записи". Подъ ред. *Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера.* — „Онежскія былины", записанныя *А. Ѳ. Гильфердингомъ.*—„Матеріалы по археологіи Кавказа". Вып. IV.—„Христіанскіе памятники". *Гр. Уваровой* 9

Путешествія: „Японія и японцы". *Д. И Шрейдера* 12

Искусство: „Album Universel". *L. Boulanger,* éditeur 14

Политическая экономія и финансы: „Die Steuern". *Albert Schäffle.*—„Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны". *Г. Гросса* . . . 15

Юридическія книги: „Система русскаго гражданскаго права". *К. Анненкова.* — „Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву". Изслѣдов. *Сергѣя Никонова.* — „Эпоха великихъ реформъ". *Гр. Джаншіева.* — „Литературная собственность".—„Женщина въ правѣ". *Я. Канторовича.*—„Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами". Сост. *Ф. Мартенсъ* 18

Сельское хозяйство: „Краткій обзоръ дѣятельности минист. земледѣлія и государ. имуществъ за первый годъ существованія". — „Труды совѣщанія по низшему сельско-хоз. образов. въ янв. 1895 г.".—„Страхованіе скота". *Н. Му-*

рашкинцева.—„Характеристика мѣстностей, подверж. градобитіямъ". *В. А. Тарюнскаго.* — „Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хоз. матеріаловъ". *Д. И. Кочвновскаго* 25

Пособія, учебники, дѣтскія книги: „Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературныхъ чтеній". — „Кавказскіе разсказы". *В. П. Желиховской.*—„Рѣпосчетъ". Пер. *О. И. Роговой.*—„Къ свѣту". Разсказы для дѣтей". *В. В. Огаркова.*—„Десять чтеній по литературѣ".—„Учебникъ географіи Россійской имперіи". *Д. Г. Онгицкаго.* — „Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ". *П. Никульцева.*— „Курсъ элементарной алгебры и извлеченіе квадратныхъ и кубичныхъ корней". *Г. Я. Юревича.* — „Новая тригонометрія". *Д. В. Агапова* . . . . 2[illegible]

Справочныя книги: „Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы" 32

II. Періодическія изданія.

„Сѣверный Вѣстникъ", *декабрь.* — „Русское Богатство", *декабрь.*—„Русское Обозрѣніе", *декабрь.* 33

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 декабря 1895 г. по 1 января 1896 г.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Злотоустаго, св. Василія Великаго и Преждесвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

***Айволи, Э., д-ръ.** Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Александровъ, Д. А. Звонокъ. Юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

*— Что читать и что пѣть? М., 95 г., 9 выпусковъ. Цѣна каждому вып. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.

Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, Б. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ

естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письменами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.

— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.

Beзə, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Веръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Вессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Влекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Влекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Влекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Влокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.

Влокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Воборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

***Боголюбовъ.** Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.

Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Воровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Брэйсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка.

Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на зеленовой бум. 60 к.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц 1 р

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

*— Жизнь животныхъ. Популярн. издан. Вып. 19, 20. Ц. вып. 20 к.

Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариеметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.

— Задачникъ къ ариеметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариеметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариеметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.

Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.

— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.

— Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные: 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Очеркъ современной французской философія. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.
— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.
— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 500 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
— Автобіографія нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ органнзмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Виндельбантъ. Исторія древней философіи. Спб., 1893 г. Ц. 3 р.

Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
— Книга 8-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, М. Учебникъ логики. Одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч II. Ц. 80 к.
— Книга для учителей. Ц. 60 к.
— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 руб. 85 коп.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.
— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Въ память Лавуазье. Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Истор. ром. Въ 3 част. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь вал-

нѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленія растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефель, д-ръ, Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

*— Англійскіе реформаторы. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.: часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

***Гиляровскій.** Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.,

Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.

— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.

— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.

— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115

вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 80 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.

— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.

— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.

— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.

— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

***Гротъ, Я. К.** Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.

Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,

Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.

Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. 50 к.
Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.
Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.
Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
***Дрейфусъ, Ф.** Міровая и соціальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 3-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Дю-Прель, Карлъ. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
***Желиховская, В.** Кавказскіе разсказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
*— Изъ тьмы къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
*— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Жюль Вернъ. Гекторъ Серваданъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Записная книга на 1896 г. Съ цѣлою стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ $1/2$ стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ $1/2$ стр. поперекъ 75 к., съ $1/2$ стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Цѣна каждой части 1 руб.

— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругонъ-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Свадьба Іоланти и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Привидѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за

право. Переводъ Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Игра футоолъ съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 г.

Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.

Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.

Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц 3 р.

Кантровичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.

— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кацолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Ө. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.

Клау, Ө. Ө. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Клемпереръ, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леф-

Флеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Козлинина, Е. И. Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, І., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2) Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Переводъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Ал-

бомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Крестный календарь на 1896 г. Гатцука. Ц. 15 к.
Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.
— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
*— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.
Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.
Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.
Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.
Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.
Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.
***Ланге, К.** проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.
Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Конисси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 политип. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Лебо. Эженъ. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.

Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Леонтьевъ, Н. I. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Рассадина. Ц. 3 р М., 1883 г.

— Дрататич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.

Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.

— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189[illegible] Ц. 8 р.

Любимовъ, Н. А. Исторія физи[illegible] Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія [illegible]стики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.

***Лялина, М.** Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.

***Магаймъ,** Профессіональные рабочі[illegible] союзы. Ц. 1 р. 25 к.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 [illegible] М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ Блаубергъ. Русск[illegible] виноградное вино и хересъ. М., 1894 [illegible] Ц. 2 р.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.

Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариометикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.

Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб.. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.

– Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.

Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона о народонаселеніи. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ французъ. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.

— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.

— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.

— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.

— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.

*— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Маурѣръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Десли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возрастахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный

строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинэ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелинъ. Что такое соціальный законъ № 23 Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гацфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижицкій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.

Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.

Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.

Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.

Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Милль, Джонъ-Стюартъ. Основанія политической экономіи. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей Т. 2. Спб , 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2 й. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.

— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц 2 р. 50 к. М., 1881 г.

— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мороховецъ, Левъ, проф. Имп. Моск. унив. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.

Москвичъ. Путеводитель по Кремлю (4 изд). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мункъ, I., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Мусселіусъ. В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мюссе, А. Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.

Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія свахи. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

МДС. Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ ан-

глійскаго изж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.

Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ - Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2 хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ѳедька-рудоковъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Нимейеръ, Павелъ, д-ръ. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.

Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.

Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.

— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Образовательныя игры, занятія для дѣтей Вл. А. Попова: 1) „Подвижныя животныя". (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки. Два выпуска. Ц. каждому выпуску, заключающему въ себѣ по 4 таблицы съ 11-ю экз. животныхъ, 45 коп.—2) „Рисованіе по трафаретамъ": Цвѣты (шесть картонныхъ шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). Животныя (шесть карт. табл. различн. животныхъ). Ц. каждому конверту 35 коп.—3) „Тѣневые портреты русскихъ писателей". (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Ц. 40 коп.—4) Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей, портретовъ ихъ и самихъ произведеній: а) „Цыгане", А. С. Пушкина; б) „Мазай и зайцы", Н. А. Некрасова; в) „Дѣдушка", И. С. Никитина. Ц. каждой картинкѣ 45 коп.—5) „Ручныя тѣни". Ц. 15 коп.—6) „Затруднительное путешествіе". Ц. 15 к.—7) „Лихіе наѣздники". Ц. 10 к.—8) „Замысловатый квадратъ". Ц. 25 коп. — 9) „Мудреный кругъ". Ц. 25 коп. — 10) „Русская подвижная азбука для школъ". Цѣн. 35 коп.—11) „Русская подвижная азбучка". Ц. 15 к. — 12) „Русская азбука на кубикахъ. (6 алфавитовъ на 35 кубикахъ, въ красивой коробкѣ). Ц. 50 коп.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. моск. общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ). М., 1894 г. Ц. 20 к.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ".

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографія автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ 1894 г. Ц. 40 к.

***Огіевскій, В.** Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разскав. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл. — 1 руб. 60 к.

— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Карнискаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккаріа, Берне, Бэконъ, Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомарше, Боткинъ, Джіордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовы, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляйелль, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескьё Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Сакія-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвинглй Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Элiотъ, Юмъ, Өедотовъ

Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 годъ. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пель. Фальсификація и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Переводъ Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1898 г. Ц. 85 к
Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Систематическое обученіе практическимъ пріемамъ столярнаго ремесла въ 2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.
Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1898 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
По Эдгаръ Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Посновъ, А. Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц каждаго т. 1 р.
— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
*— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.
Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Программы домашняго чтенія на 1894—1895 г. Коммиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.
Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ,для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.
Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотоля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимоси и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейтцъ, В. Лекціи по паталогіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью.Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Рикардо, Давидъ. Начала политической экономіи. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
***Рогова, О. И.** Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.
*— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Цѣна 2 руб.
*— Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
*— Сынъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орѳографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской

читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А.С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7 Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 8-е). Ц. 18 р., а за каждый томъ отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію в чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.

Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Святловскій, В. В.. Фабричная гигіена (153 рис.) Спб., 1891 г. Ц. 4 р.

Северъ, Риббингъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.

— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.

Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ Кихотъ Ламанчкій. Т. 1. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.

Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Складная карта Европейской Россіи. (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія.) Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.

Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г Ц. 4 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ, А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

***Смирнова, А. П.** Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

***Соковнинъ, А.** Быть и казаться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологі и обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

***Среди цвѣтовъ.** Разсказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

***Средина и постоянство.** (Свящ. книга послѣдователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Станюковичъ, К. М. Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе леватскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.

— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М, 1893 г. Ц. 30 к.

Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.

Судебныя драмы. Жанъ Делалонжъ. Ц. 30 к.

— Грекъ Кетоло. Поэтическое сумасшествіе. Ц. 30 к.

— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.

— Убійство Бефани. Ц. 40 к.

— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.

— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.

Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.

Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.

Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.

Тжаска, А. Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковнославянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.
— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
— Международный конгрессъ по экспери-

ентальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.
Моряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.
квиль. Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 893 г.
лстой, Л. Н. Плоди просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
„Ходите въ свѣтѣ" и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
рминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
аутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.
ачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 8 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.
енделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.
ефолевъ, Л. Н. Стихотворенія 64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
оицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 883 г. Цѣна за оба тома 6 р.
ояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
убецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
убецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ . Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.
мскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.
ргеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
рскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.
Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.
Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 8-е).
Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.
***Файнштейнъ. С.**, Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 85 к.
Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.
Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики.

Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папьемаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

*— Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 руб. 25 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержанія паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Ферре. Фотогравированіе безъ фотографія. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владичествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Фонъ-Іерингъ, Рудольфъ. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Объ основанія защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фредерикъ, Л., проф. Практическія упражненія по физіологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

— Страданіе и удовольствіе и о выраженія душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Фурнье, А. Леченіе сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дон. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя

гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
***Ходжетсъ, И.** Эдрикъ мореплаватель. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.
Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.
— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искуству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.
— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.
— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
— Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.
— Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
Чешихинъ, Всев. Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
— Стихи. Ц. 1 р.
Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. переп. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Шекспиръ. Драматическія сочиненія,

въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.

Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.

— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Всеобщая исторія литературы. Вып. VI. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4 и 5 вып.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

*— Пѣснь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.

Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.

Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.

Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ час., цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.

Шмитцъ, Л., д-ръ. Половая жизнь человѣка. Одесса, 1892 г. Ц 50 к.

Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Счеснсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философія. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауэнштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.

Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).

Шредеръ. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.

***Шрейдеръ, Д.** Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.

Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.

— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.

Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.

— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.

Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіэна въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.

Экштейнъ, І., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.

Экштейнъ. Въ карцерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Южаковъ., С. Н. Афганистанъ исо-
Юмъ, Давидъ. Іеремія Бентамъ. Биб. Экономія. Москва, 1896 г. Ц. 1 руб.
предѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г.—15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ 1894 г. Ц. 15 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.
Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.
Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
C. Julii. Caesaris commentarium de be lo Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60к.
Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.
Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Moebius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.
Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ. Руководство къ

практической (технической) бактеріологія. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненія къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

L'Abc des tout petits. Couveture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc du premier âge. Couverture en couleurs. Av. 24 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes gravures en couleurs par Adrien-Marie; in 4°. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 [belles illustrations en couleurs par. E. de Liphart et de nombreuses gravures en noir.; grand in 4°. *Цѣна 1 р. 25 к.*

—

Альбомы для дѣтей.

Первая серія.

in 4°. Цѣна по 65 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 7 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Le dormeur éveillé, illustré par Chovin.
Les animaux domestiques, illustr. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des leurs, illustré par Gambard.

—

Вторая серія.

in 4°. Цѣна по 40 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Третья серія.

in 4°. Цѣна по 20 коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérico.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Четвертая серія.

in 8°. Цѣна по 13-ти коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jazet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Пятая серія.

in 4°. Цѣна по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.

M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'rough, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. par Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

—

Шестая серія.
in 16⁰. Цѣна по 5-ти коп.
6 гравюръ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godetroy.
Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère ill. par Bouisset.

—

Седьмая серія.
in 4⁰. Цѣна по 1 руб.
Содержитъ около 80 иллюстрацій въ краскахъ. Цвѣтная картонная обложка.

Le Voyage de mademoiselle Rosalie, illustré par A. Marie.
Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

Восьмая серія.
in 4⁰. Цѣна по 1 руб. 75 коп.

La journée de Bébé. illustrat. par Bouisset. Texte par Arnaud.
Heureux âge, ill. par Harding.
L'Album des enfants sages, illust. par Harding.

—

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библіотека, форматъ in 16⁰.
Цѣна каждаго тома безъ перепл., цвѣтн. обложка 40 коп., въ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacanees, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bons points de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me Marie de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Galouil.
***La plage de Wimerux**, par M-me Balleyguier.
***Les enfants de cigarette**, par Théo-Critt.
***Les bonheurs de bonshenrs de Pauline**, par M-me de Bosguérard.
Le théatre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
***Une partie de plaisir**, par Roger Dombre.
***Les mémoires d'un chèvre**, par M-me la comtesse de T.
Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.

Обозначенныя * имѣются только въ переплетѣ.

—

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'age d'or de l'enfance. Histoires morales et amusantes, illustré. Цѣна 4 руб.
Marel, Le petit monde. Enfantillage et poésies, illustré. Цѣна 3 руб.

—

Книги для юношества отъ 10—12 лѣтъ.
Bibliothèque blanche.
Каждый томъ многоч. иллюстр въ текстѣ, въ переплетѣ по 1 руб.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas (A.). La Bouillie de la comtesse Berthe.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller (Eugène.). Récits enfantins.
Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac (E). Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand (George). Gribouille.
Stahl (P.-J). Les Aventures de Tom Pouce.
— Contes de la tante Judith.
Verne (Jules). Un Hivernage dans les glaces.

—

Отъ 10—13 лѣтъ.
Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.
Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.

Anfossi. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Les Rodimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Bovet. Histoire d'un garçon.
Garnoy. La nuit de Noël.
Dumont. Fables pour les petits.
Jane. Les 28 jours de Suzanne.
Monceau. Mon petit frère.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Witt. Les héros modestes.

—

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. въ папк 85 к.
Schlimbach. Fibel, въ папкѣ 85 к.

—

Нѣмецкіе классики.

По удешевленнымъ цѣнамъ.

Въ изящныхъ переплетахъ.

Chamisso. Werke въ 1 томѣ 1 р. 25 к.
Goethe. Werke въ 4 томахъ 4 р.
Hauff. Werke въ 2 томахъ 2 р. 50 к.
Heine. Werke въ 4 томахъ 4 р.
Kleist, Werke въ 1 томѣ 1 р. 25 к.
Körner. Werke въ 1 томѣ 1 р. 25 к.
Lenau. Werke въ 1 томѣ 1 р. 25 к.
Schiller. Werke въ 4 томахъ 4 р.
Shakespeare. Werke въ 4 томахъ 4 р.

—

Французскіе романы.

(Новости и новыя изданія послѣднихъ двухъ лѣтъ 1894 и 1895).

Каждый томъ 1 р. 60 к.

Bourget. André Cornélis.
— Un Cœur de Femme.
— Cosmopolis.
— Un Crime d'amour.
— Le Disciple.
— L'Irréparable.
— Pastels.
— Nouveaux Pastels.
— Physiologie de l'Amour moderne.
— Sensations d'Italie.
— La Terre promise.
— Outre mer 2 т.
Coppée. Mon franc parler.
Feuillet. Le roman d'un jeune homme pauvre.
— Histoire de Sibylle.
— Journal d'une femme.
France. Le Crime de Sylvestre Bonnard.
— Thaïs.
— L'Etui de nacre.
— Le jardin d'Epicure.
— Lys rouge.
— Le pus de St. Claire.
Gup. Mariage de chiffon.
—' Petit Boh.
— Professional lover.
— Ces bons Normands!
— Les gens chics.
— Ce que femme veut?
— Coeur d'Ariane.
— Leurs âmes.
— Sans voiles!
Halévy. L'abbé Constantin.
— M-me et Monsieur Cardinal.
— Les Petits Cardinal.
— Mariage b'amour.
Harvieu. L'armature.
La vraie. M-me Sans-Gêne.
Lepelletier. Madame Sans-Gêne.
— I (La Blanchisseuse).
— II (La Maréchale).
— III (Le roi de Rôme).
Loti. Aziyadé.
— Madame Chrysanthéme.
— Mariage de Loti.
— Mon frére Yves.
— Pécheur d'Islande.
— Le Poman d'un Enfant.
— Le Desert.
— Jérusalem.
Maël G. Dernière pensée.
— Ce qu'elle voulait.
— Toujours à toi.
— Un roman de femme.
— Une femme d'artiste.
Marguerite. Amants.
— Jours d'épreuvé.
— La force des choses.
— Ma grande.
— Pascal Géfosse.
— Sur le retour.
— La tourmente.
— Fors l'honneur.
Maupassant. Pièrre et Jean.
— Clair de lune.
— La Main gauché.
— Fort comme la mort.
— La maison Tellier.
— Une vie.
— Miss Harriet.
— Les sœurs Rondoli.
— Sur l'eau
— La vie errante.
— Au soleil.
— M-lle Fifi.
— Lo Horla.
— Contes du jour et de la nuit.
— Monsieur Parént.
— Toine.
— Bel-ami.
— Yvette.
— Mont Oriol.
— Notre coeur.
— Musotte (Pièce).
— La paix du menage (Pièce).
Mérimée. Carmen.
— Colomba.
Ohn . Le lendemain des amours.
Ohnet. Docteur Rameau.
— Serge Panine.
— Comtesse Sarah.
— Noir et rose.
— Les dames de Croiz-Mort.
— La grande Marnière.
— Le droit de l'enfant.
— Volonté.
— Dernière amour.
— Dame en gris.
— Licé Fleuron.
— L'ame de Pierre.
— Nemrod et C-ie.
— Maître des forges.
— Dette de haine.
O'Monroy. Les Petites Manchaballe.
— Place au théâtre.
— H-res Crânes,

— M-me Manchaballe.
— H-res tendres.
Prévost. Chonchette.
— Mademoiselle Jaufre.
— Cousine Laura.
— La Confession d'un Amant.
— L'Automne d'une Femme.
— Lettres de Femmes.
— Nouvelles Lettres de Femmes.
— Les Demi-Vierges.
— Scorpion.
— Notre compagne.
Schultz. Ce qu'elles peuvent.
— Jean de Kerdren.
— La nouvaine de Colette.
Zola. Au Bonheur des Dames.
— La débâcle.
— L'argent.
— Bête humaine.
— Germinal.
— Pot-Bouille.
— L'assommoir.
— Le Docteur Pascal.
— Lourdes.
— Une page d'amour.
— Conquête de Plassans.
— L'oeuvre.

—

Collection Knoebel.

(format in 18°).

à volume 1 R. 60 K.

Barracand. Vicomtesse.
Beauclers. Une tourmente.
Blondel. L'heureux village.
Coynart. Stérile.
Debay. Déception.
Dumont. Le Prince Rougé et Noir et sa cour (Monte-Carlo).
Glouvet. Croquis de femmes.
— Etude Chandoux.
— Fille adoptive.
— L'Idéal.
— Marie Fougère.
— Le père.
Toudouze. Le vertige de l'inconnu.
Toudouze. Livre de bord.
— Ma douce.

—

Collection Guillaume illustrée in 18°.

à volume 1 R. 60 K.

Daudet. L'Evangéliste.
— Les Femmes d'Artistes.
— Frommont jeune et Risler aîné.
— Jack.
— L'immortel.
— Robert Helmont.
— Rois en exil.
— Rose et Ninette.
— Sapho.
— Souvenirs d'un homme de lettres.
— Tartarin de Tarascon.
— Trenté ans de Paris.

Flammarion. Uranie.
Goncourt. Soeur Philomène.
Zola. Faute de l'abbé Mouret.

—

Новые французскіе романы по значительно удешевленнымъ цѣнамъ.

Каждый томъ вмѣсто 1 р. 60 к.—75 к.

Affaire Crawford. Nouv. scandales de Londres.
Audebrand. Sacripants de Paris.
Badin. Amours honnêtes.
Barol. Les usuriers de Paris.
Blaize. Les planches.
Bloch et Sagart. Paris qui danse.
— Paris qui dort.
Boucheron. La divine comédie française.
Calonne. Bérengère.
Cassot. Le chant d'alouette.
Chantal. L'argent et l'amour.
Chantal. Flora Fuchs.
Claudin. Les sabots du comte Brocoli.
Conti. Haines de femmes.
Coffignon. La Mode.
— L'Estomac.
Delcourt. Ce qu'on mange à Paris.
Depret. Premier ami.
Deslines. Tourguéneffe inconnu.
— La terre dans le roman russe.
Destrem. Drames en 5 minutes.
Djallil. Mars et Goguette.
Fonvielle. Mort de faim. Etude sur les nouveaux jeuneurs.
— Les endormeurs. La vérité sur l'hypnotisme.
Grand-Garteret. Crispi, Bismarck et la Triple-Alliance en carricatures Nombr. illustr.
Ho ier-Grison. Pigeons et vautours.
Juilliot. La contre-allée.
Laffon. Monde des courses.
Legrand. L'homme de 40 ans.
Liesta d'Ambaloges. L'amour et l'honneur.
Malie. Les trente femmes de la balladi.
Malle. L'amour pour rire.
Montet. La vie fantasque.
Mousk. Le monde qui fait la fête.
Nazim. Le jockey.
Oswald. Les maris de Dolorés.
Peyrebrune. Les roses d'Arlette.
Pradel. Pomponne.
— Le secret du squelettr.
Quand j'étais ministre.
Racot. Portraits d'aujourd'hui.
Rambaud. La vertu de M-lle Drichet.
Robida. La part du hasard.
Roddaz. Le fils de la Toupin.
Rudains. Dzinn.
Summer. Un scandale d'hier.
Thiaudière. Trois amours singuliers.
Verdier. Sans reproche.
Villimer. Les femmes qui viennent t les femmes qui s'en vont.

Zed. Mondes parisiens.
— La société parisienne.

—

Французскіе классики.

Изданіе съ примѣчаніями, напечатан. крупнымъ шрифтомъ.

Первая серія, in 8⁰. Цѣна каждаго тома вмѣсто 2 р. 50 к.—1 р.

Boileau. Oeuvre poétiques. 1 vol.
Delavigne. Poésies. 1 vol.
La Bruyère. Caracteres. 1 vol.
La Fontaine. Fables. 1 vol.
Raline. Oeuvres dramatiques. 3 vol.

—

Вторая серія, in 4⁰, въ 2 столбца. Цѣна каждаго тома вмѣсто 5 р.—2 р. 50 к.

Barthélémi. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce 1 vol.
Corneille (Pierre et Thomas) Oeuvres. 2 vol.
Courrier, P. L. Oeuvres complètes et inédites. 1 vol.
Delavigne. Oeuvres complètes, 1 vol.
La Fantaine. Oeuvres, 1 vol.
La Harpe. Cours de littérature ancienne et moderne, 3 vol.
Montesquieu. Oeuvres complètes 1 vol.
Staël, M-me de. Oeuvres complètes. 3 vol.

—

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.
Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.
Будильникъ. Журналъ сатирическій, съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.
Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на 1/2 г. 6 р.
Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.
Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.
Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.
Волынь. Газета; 3 раза въ недѣлю. Житоміръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.
Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.
Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники" Ц. съ дост. и пер. 10 руб.; на 1/2 г. 6 руб.
Всемірная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ". Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.
Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 нумер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячн. журн. Ц. 4 р.
Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.
Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.
Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.
Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.
Journal de St.-Pétersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., 1/2 года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 к.
Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.
Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго

края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., 1/2 г. 7 р.
Край („Kraj"). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., 1/2 г. 5 р., съ пер. 12 р., 1/2 г. 6 р.
Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и пер. 8 р.
Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Міръ". Безъ прилож. 3 р.
Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., 1/2 г. 10 р. 50 к.
Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей". Ц. съ пер. и дост. 9 р.
Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; 1/2 г. съ достст. р., съ перес. 10 р.
Новое Слово. Ежемѣсячный журналъ. Подписка съ октября 1895 г. Спб. Ц. 10 р. съ дост. и перес.
Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; 1/2 г. 8 р.
Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., 1/2 г. 9 р.; съ перес. 17 р., 1/2 г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., 1/2 г. 6 р.; съ перес. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., 1/2 г. 5 р. 50 к.
Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
Нувеллистъ. Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
Образованіе. Ежемѣсячный журналъ. Спб. Ц. 5 р. съ достав. и перес.
Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
Петербургская Газета. Газета общественн. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., 1/2 г. 5 р.; съ пер. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., 1/2 г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.
Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., 1/2 г. 8 р.
Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политипажами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн." 13 р.
Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., 1/2 г. 6 р.
Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.
С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
St.-Petersburg.Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.
Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.
Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.
Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; 1/2 г. 6 р.
Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.
Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 1

№№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.
Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.
Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.
— Второе изданіе безъ приложен. 4 р.
Тифлисскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.
Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.
Школьное Образованіе съ приложеніемъ „Сборника". Еженедѣльная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.
Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Еженед. Ц. съ дост. и пер. 7 р., съ преміею 7 р. 65 к.

Польскія.

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
Biblioteka najcelniejszych utwerow literatury europejskiej. 12 zeszytòw, rs. 6.
— romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.
— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.
Biesiada literacka. Pismo literackie illustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.
Bluszcz. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.
Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.
Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literasko-artystyczny, zawiera utwory zagranieznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.
Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.
Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.
Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.
Gazeta przemyslowo - rzemieslnicza, pismo tygodniewe, rs. 5 k. 20.
Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.
Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.
Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3.
Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.
Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.
Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika". Lwów, 21 zeszytów, rs. 6.
Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.
Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.
Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.
Kurjer Poranny. Wychodzi codzień, rs. 8.
Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.
Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.
Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcya d-ra Benni, rs. 6.
Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.
Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.
Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcyą Aleksandra Swiętochowsckiego. 6. rs. 10.
Przegląd tugodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.
Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs 6.
Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
Tygodnik illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.
Wiadomosci farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.
Wszechswiat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod. redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony hygjenie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ
НА
„САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ“,

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Газета ставитъ своею задачей—быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще разныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Въ «Самарской Газетѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Я. В. Абрамовъ, Аргунинъ, Н. П. Ашешовъ, А. Н. Барановъ, А. Л. Востровъ, Е. А. Буланина, С. Ф. Волковъ, Е. Ф. Волкова, М. Горькій (А. М. Пѣшковъ), С. Гусевъ (Слово Глаголь), Д. Я. Давыдовъ, П. И. Добротворскій, В. Е. Ермиловъ, Е. М. Ещинъ, профессоръ Н. П. Загоскинъ, Юл. Зейдеръ, Ивановичъ, В. Г. Короленко, д-ръ П. П. Крыловъ, А. Любичъ-Лозинскій, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Н. Миролюбовъ, М. Л. Песисъ, В. Я. Полакъ, А. Н. Подосенова, А. А. Селецкій, А. Хирьяковъ (Дужанъ), І. Хламида, А. Н. Ульяновъ, А. Уманьскій (А. Дробышевскій), В. Е. Чешихинъ (Созерцатель), д-ръ С. О. Ярошевскій и друг.

Подписная цѣна для иногороднихъ: На 12 мѣсяцевъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 руб. и 1 мѣсяцъ—70 коп.

Иногородніе адресуются: Самара, редакція «Самарской Газеты»

За редактора издатель—**С. И. Костеринъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ
„ВЯТСКІЙ КРАЙ“.

Будетъ выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ по слѣдующей программѣ.

1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы. 3) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4) Послѣднія извѣстія. 5) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ общимъ и мѣстнымъ. 6) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театръ. 7) Вѣсти изъ Вятско-Камскаго края (телеграммы и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ). 8) Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи и извѣстія газетъ). 9) Свѣдѣнія о заграничной жизни. 10) Фельетонъ—научный, литературный, беллетристическій, театральный и музыкальный. 11) Критика и библіографія. 12) Смѣсь (замѣтки по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній). 13) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 14) Почтовый ящикъ. 15) Справочный отдѣлъ (курсъ рубля, мѣстныя цѣны на продукты и проч.). 16) Объявленія.

Газета посвящается изученію нуждъ Вятско-Камскаго края, указанію мѣръ къ поднятію его благосостоянія и возможно-полному освѣщенію тѣхъ общихъ вопросовъ, правильная постановка и разрѣшеніе которыхъ тѣсно связаны съ интересами мѣстной общественной и народной жизни.

Съ доставкой и пересылкой.

Цѣна за годъ	5 руб.	— к.
„ „ полгода	3 „	— „
„ „ 3 мѣсяца	1 „	50 „
„ „ 2 „	1 „	— „
„ „ 1 „	— „	75 „

Подписка и объявленія принимаются въ редакціи „Вятскаго Края“.

Цѣна объявленій (исключительно на послѣдней страницѣ): 10 коп. за 1 разъ, 15 к. за 2 раза, 20 к. за 3 раза—за строку петита при дальнѣйшемъ повтореніи 5 к. за каждый разъ.

Редакторъ **А. П. Лашкевичъ.** Издатель **Я. И. Поскребышевъ.**

Дозв. Цензур. — Варшава 17 Ноября 1895 г.

ВЫСТАВКА „БУДИЛЬНИКА“.

Редакція журнала „Будильникъ“, желая ознаменовать 32-й г. своего существованія, открываетъ въ 1896 г. выставку общечеловѣческихъ курьезовъ, людскихъ благоглупостей и житейскихъ „перловъ“ нашей обыденной жизни. Въ виду этого

Сцены „Плоды просвѣщенія“ сняты съ натуры фотографомъ-художникомъ Н. А. Фишеромъ.

Выставка „Будильника“ представляетъ 50 №№, а каждый № слѣдующіе отдѣлы: Каррикатуры на серьезную тему и каррикатуры смѣхотворныя. Свѣтящіеся фонтаны краснорѣчія на злобы дня. Поразительныя картинки провинціи въ рисункахъ и описаніяхъ. Домашній театръ—пародія собственныхъ драматурговъ. Звонки—калейдоскопъ маленькихъ шутокъ въ стихахъ и прозѣ. Политическія шалости карандашомъ и перомъ. Новость — Оригинальные иллюстрированные юмористическіе разсказы изъ русской жизни и Новѣйшая новость — „Нижегородская выставка“. Тузы и двойки экспонентовъ выставки. Веселый путеводитель. Кромѣ того, въ каждомъ №—Приложенія: 1) новѣйшія пьесы текущаго веселаго репертуара и 2) забавные разсказы иностраннаго производства и собственнаго розлива.

Подписныя деньги адресовать: Москва, редакція „Будильникъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

НОВУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„КАЗБЕКЪ“.

Газета будетъ выходить во Владикавказѣ три раза въ недѣлю по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Статьи по экономическимъ, этнографическимъ, бытовымъ и другимъ вопросамъ, касающимся Кавказа вообще и Терской области по преимуществу. 3) Хроника: мѣстныя происшествія, извѣстія внутреннія и внѣшнія, съ указаніемъ ихъ источниковъ. 4) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ и телеграммы. 5) Судебная хроника безъ обсужденія рѣшеній. 6) Фельетонъ, новости изъ области наукъ и искусствъ, повѣсти, разсказы, очерки оригинальные и переводные, статьи популярно-научнаго содержанія. 7) Смѣсь, справочныя свѣдѣнія и объявленія.

Подписная цѣна: съ доставкой во Владикавказѣ на годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. и на 1 мѣс. 75 к., съ пересылкой по почтѣ на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 р., отдѣльный нумеръ 5 к.

Подписка и объявленія принимаются у издателя

Сергѣя Іосифовича Казарова.

Издатель *С. Казаровъ.* Редакторъ *А. Комубейко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. НА ЖУРНАЛЪ

XVI ГОДЪ. „ОСКОЛКИ“ ГОДЪ XVI.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступая въ шестнадцатый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1896 году подъ тою же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1895 году. Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ въ теченіе года до 1000 юмористическихъ и карикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 1,800 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легкихъ фельетонныхъ набросковъ изъ текущей жизни, разсказовъ, сценъ, шаржей, пародій, очерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изреченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр. Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки на премію.

Всѣ годовые подписчики получатъ въ концѣ 1896 года, „безплатную премію“—**Букетъ стариннаго юмора** съ исторически-вѣрными иллюстраціями.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ съ безплатной преміей 9 р., на полгода безъ преміи 5 р., на три мѣс. безъ преміи 3 р., за границу на годъ 10 р. Безъ доставки и пересылки: на годъ съ безплатной преміей 8 р., на полгода безъ преміи 4 р. 50 к., на три мѣсяца безъ преміи 2 р. 50 к.

За пересылку преміи приплаты не полагается. Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ главною конторой журнала „Осколки“. Подписавшіеся съ разсрочкой получатъ премію лишь по уплатѣ всей подписной суммы. Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике*.

Открыта подписка на *1896* г.

НА МОРСКУЮ И ГОРОДСКУЮ ГАЗЕТУ

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

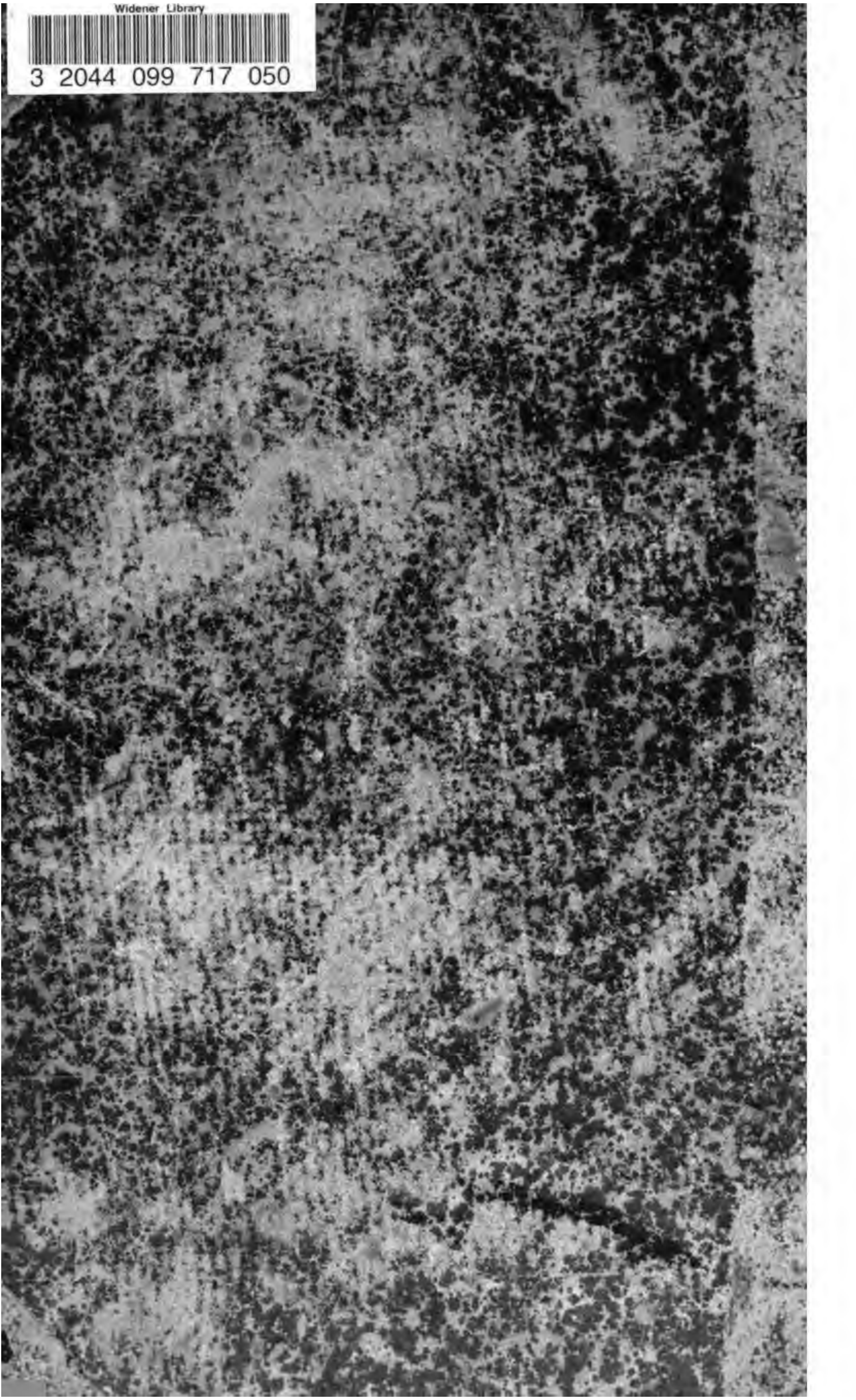
съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города Россіи.				безъ доставки.			
На годъ. .	8 р. — к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.	На годъ. .	7 р. — к.	На 6 мѣс.	4 р. — к.
„ 11 мѣс.	7 „ 50 „	„ 5 „	3 „ 75 „	„ 11 мѣс.	6 „ 50 „	„ 5 „ .	3 „ 25 „
„ 10 „ .	7 „ 25 „	„ 4 „	3 „ — „	„ 10 „	6 „ 25 „	„ 4 „ .	2 „ 50 „
„ 9 „ .	6 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 9 „	5 „ 50 „	„ 3 „ .	2 „ — „
„ 8 „ .	6 „ — „	„ 2 „	1 „ 75 „	„ 8 „	5 „ — „	„ 2 „ .	1 „ 25 „
„ 7 „ .	5 „ 25 „	„ 1 „	1 „ — „	„ 7 „	4 „ 25 „	„ 1 „ .	— „ 70 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ КРОНШТАДТѢ: въ конторѣ редакціи.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ книжныхъ магазинахъ Стасюлевича, „Новаго Времени“, Фену, Риккера и въ конторѣ объявленій Метцль.

Вступивъ въ 35-й годъ своего существованія, морская и городская газета „КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ будетъ, по прежнему, прежде всего служить морскому дѣлу, которому она посвятила свое изданіе, не забывая, въ то же время, интересовъ и нуждъ Кронштадта, какъ города, военнаго и коммерческаго порта и крѣпости.


Widener Library
3 2044 099 717 050